Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
http://chekhovanton.ru/ Приятного чтения!

Письма 1875-1890. Антон Павлович Чехов

1875
1. Ал. П. ЧЕХОВУ

Июль (?) 1875 г. Таганрог. Рукой Н. П. Чехова:

Дружище Саша!

На письмо и на просьбу твою я отвечаю: В городе у нас так тихо, так смирно, что я и не ожидал после спектакля. Товарищи почти все разъехались, и представь, будучи в гимназии за свидетельством, я раскрыл книгу, в которой было написано, куда кому ехать из товарищей, то оказалось, что все едут в Петербург или в Харьков, а в Москву только 2-е - Алдырев и Буланцев!!! Гаузенбаум говорит, что если бы мы поехали в Москву 3-е, то нашли бы себе квартиру меблированную с самоваром о 2-х комнатах за 10 или 9 р., след., 3 руб. с человека. Необходимо поехать с ним, тем более, что мы не знаем Москвы ни в зуб. Приезжай, брате, поскорее, ни о чем не заботься и не мори себя твоими странностями (чай), а с божьего помощью и благословением родителей наших укатим! Я послал в Москву письмо в Училище жив«описи», ваяния и зодчества г-ну Трутовскому (инспектору). А у нас тихо, ничего не слышно, живем припеваючи, поскорей же приезжай.

Твой Н. Чехов.

Мама хотела прислать тебе телеграмму, чтоб раньше выехал.

Н. Чехов.

Желаю tibi optimum et maximum*.

А. Чехов. * тебе всего наилучшего (лат.)

1876
2. Ал. П. ЧЕХОВУ 9 марта 1876 г. Таганрог.

Mein lieber Herr!

Ich war gestern im Hause Alferakis auf einen Konzert, und sah dort deine Marie Feist und ihre Schwester Luise. (1) Ich habe eine открытие gemacht: (2) Luise ревнует dich, (3) к Marie und наоборот. Sie fragten mich von dir, (4) поодиночке, наперерыв. A was ist das? Du bist ein Masurik, und es hat nichts mehr, mein lieber Herr Masepa. Ich schicke dir den "Saika". Lese und bewundere dich. (5) А. Чехов. (6)

Bilet na konzert professora Auera w dome Alferaki gab mir Director. (7) Maria Feodorofna ne poschla tak ja Bilet polutschil i poschel.

A. Tschechof. (1) Дорогой сударь!

Я был вчера в доме Алфераки на концерте и видел там твою Марию Файст и ее сестру Луизу. (2) Я сделал (3) тебя (4) Они спрашивали меня о тебе (5) Что это? Ты мазурик, и ничего более, дорогой сударь Мазепа. Посылаю тебе "Заику". Читай и удивляйся (нем) (6) Далее следует русский текст, написанный латинскими буквами. (7) дал мне директор (нем.)

3. М. М. ЧЕХОВУ
7 декабря 1876 г. Таганрог.

Таганрог. 1876 г. 7-го декабря.

Любезнейший Брат

Михаил Михайлович!

Я имел честь и удовольствие на днях получить Ваше письмо. В этом письме Вы протягиваете мне руку брата; с чувством достоинства и гордости я пожимаю ее, как руку старшего брата. Вы первые намекнули о братской дружбе, это с моей стороны дерзость. Обязанность младшего просить старшего о таком предмете, но не старшего; поэтому прошу меня извинить. Но во всяком случае одной из первых моих мыслей, из моих планов - была эта дружба.

Я желал найти подходящий случай, чтоб с Вами короче познакомиться, я мечтал о этом и наконец получил Ваше письмо. В письмах моего отца, матери и братьев Вы занимали первое место. Мамаша видит в Вас больше чем племянника, она ставит Вас наравне с дядей Митрофаном Егоровичем, которого я очень хорошо знаю и про которого я буду всегда говорить хорошо за его добрую душу и хороший, чистый, веселый характер. О братьях и говорить нечего. Вы их уже изучили, наверно, и поймете сами. Следовательно, Вы дороги нашей семье. Я изучил Вас по письмам. С какой же я стати буду отставать и не ловить благого случая, чтоб познакомиться с таким человеком, как Вы, и вдобавок я считал и считаю своею обязанностью почитать самого старшего из своих братьев и почитать того, кого так горячо почитает наша семья. Можете судить, как приятно подействовало на меня Ваше письмо.

Я о себе ничего не скажу, разве только что я жив и здоров. Наверно, про меня Вы наслушались много от моей мамаши и в особенности от Саши и Коли. Будьте так добры, передайте от меня поклон многоуважаемой сестре Елизавете Михайловне и брату Григорию Михайловичу. Скажите им, что на Юге есть у них брат, который собирает коллекцию разнородных писем. Желалось бы, если только возможно, получить от них письма. Я Вас без церемонии попрошу, чтоб Вы мне писали хоть раз в месяц. Будьте так добры, пишите мне по-братски, без церемонии, дабы не существовала какая-то натянутость. Я же, разумеется, от Вас не отстану и, как говорится, "долг платежом красен", буду Вам писать таким же тоном. Когда уже пошло на пословицы, так еще скажу: "Вперед батьки в петлю не суйся". Следовательно, Вам первому нужно начать. Я такая же птица, как и Коля с Сашей.

Примите от меня пожелание всевозможных благ и нижайший поклон, а затем:

Имею честь быть Вас уважающим младшим братом и покорным слугою

А. Чехов.

1876/VIII-XII года.

Поклон Саше и Коле.

Скажите Саше, что я прочел "Космос". Жаль мне Сашу: он не достиг своей цели, прося, чтоб я прочел его. Я остаюсь тем же и по прочтении "Космоса".

Скажите Коле, что его картины еще на Курском вокзале в Москве, пусть пойдет поцелуется с ними. Как вредна эта война! Картины его в ход не пускает! На обороте:

М. М. Чехову.

1877
4. М. М. ЧЕХОВУ

1 января 1877 г. Таганрог.

Ровно 12 часов, 1877 год. Ночь.

Дражайший Брат Миша!

Я сейчас сделал 2 выстрела: один в забор из ружья, другой в Сашу из-под пера. Я выстрелил в него тостом: "Пусть твоя математическая слава и ученость раздадутся, как этот выстрел в сем мире" (но не в том; в том нужны грехи на веса и добрые дела вместо гирь). Какой бы тебе сделать выстрел такой, чтоб ружье осечки не дало? Кладу 2 заряда, и пли! Выстрел удачен! Ружья не разорвало, но перо чуть не поломалось. Раздается треск, и вместе с дымом летят следующие слова прямо в Москву: "Пусть с этим выстрелом рассеются, как дым, все твои невзгоды и пусть придет к ним на смену покой и деньги!" Пью за твое здоровье вместо шампанского

кружку холодной воды и бормочу этот тост и пишу это глупейшее письмо. Поздравь, если веришь в Новый год и в его особенности. Как только пробило полночь, я ошибся, следовательно, целый год буду ошибаться, а именно, вместо 1877 года написал в этом письме 1876 год. На Пасху я буду в Москве, не знаю, будет ли это ошибкой? У меня голова болит, и я носом кручу: в комнате воняет порохом и пороховой дым покрывает кровать, как туман; вонь страшная. Это, видишь ты, мой ученик пускает в комнате ракеты и подпускает вместе с тем своего природного, казацкого, ржаного, батьковского пороху из известной части тела, которая не носит имя артиллерия. Ракета удачна, и мой ученик смотрит на меня вопросительно: т. е. что я на это скажу? - "Убирайтесь спать, надымил чертову пропасть. К свиням, к свиням! Спать!" И он видит, что его ракета произвела мало эффекта, и заговаривает об "Ауле полудиких народов". Этак он свою деревню и своих хохлов называет. В комнате жара, и спать не хочется. Письмо докончу и пойду на улицу (черт знает зачем; может быть, и дело найдется). Поклон Грише и Лизе, желаю им всего лучшего. Наши (московские) теперь спят, т. е. теперь, когда я пишу это письмо. Так-то.

Я знаю, что М. Чехов скажет: "Накрутил брат такое глупейшее письмо! Так это у него и здоровенное?" А я вот что скажу:

- Новый год начался для меня писанием к тебе; следовательно, самое первое письмо, к«ото»рое писано было мною в 1877 году, послано на имя Миши. В голову такая чепуха лезет, что сам ничего не разберу. Письмом к Саше я окончил 1876 год, письмом к тебе начал 1877. Брависсимо, дело сделано… пойду стрелять, только не на двор. Пиши, братец, не ленись, если есть время; если нет время, то не прогневаюсь, поелику незлобив есмь, хотя Мамаша (дай ей боже, чего ей хочется) и говорила, что у меня злоба природная и закоренелая. А я же, смиренный раб божий, по злобе своей посылаю ей жестянку алвы. Ваня тебе не кланяется, потому что я, по его словам, мошенник и могу замошенничать поклон.

Я,
т. е. А. Чехов.

1877 год. 1 январь, половина 1-го.

Ночь. (Не знаю, будет ли день завтра.)

Я послал одно открытое письмо. Получил ли? Я сейчас прочел письмо это, оно написано очень глупо и вдобавок ломоносовским слогом. Что ж делать?

5. М. М. ЧЕХОВУ

8 февраля 1877 г. Таганрог.

Милейший Брат Миша!

Извинишь меня, если я немножко задам страху. Получаю я сегодня письмо из Калуги от Саши, и он, откормленный тобою, или был пьян, или рехнулся. Я это заключаю из его письма, которое имеет следующее содержание: "Отче Антоние! Я гощу там-то и там-то… будь так любезен, приезжайъ в Калугу, чем премного меня обяжешь" и т. д. А на конверте написал: "очень нужное". Разве можно так кормить и поить? Почтенный математик до того наелся, что забыл, что после й не ставится ъ и что мне нельзя теперь никуда ехать, так же как и ему нельзя сделаться индюком. Может быть, он и теперь индюк, но я не знаю, есть ли на нем перья (на мордочке-то пушок есть, это я знаю). А что, если б и Николая накормил бы так и напоил? Что бы тот написал? Тот, вероятно, пригласил бы протанцевать с ним кадриль, забывши различие полов, приличие и расстояние! Опасно их кормить, опасно!

Просьба: пришли, пожалуйста, мне карточку фотографическую твою, брата Гриши и сестры Лизхен (? сразу видно, что я начитался немецких романов). Очень обяжешь. За это я тебе отличного зверя привезу, если приеду. Поклон всем. А кто обещал мне писать? Не старший ли братец, который во всем должен подавать пример младшим? Я и забыл, что теперь пост, чуть-чуть не вкрутил сюда скоромное. Карточки непременно, я знать ничего не хочу.

Напиши, курящий ли ты или нет? Это мне очень нужно. Пиши, пожалуйста, и кланяйся Грише и Лизе. Остаюсь добро желающий Брудер,* имеющий одну только Швестер* и,

кроме то«го», четырех Брудеров родных и двух Брудеров двоюродных и эйне***
Швестер такую же и имеющий все, кроме денег и хорошего разума.

Уважающий брат

18-забыл/I-1877 года.

2-й день поста.

За печать и такой конверт прошу извинить. В этом письме не деньги просятся, следовательно, можно и попроще. На обороте:

Милостивому государю

Михаилу Михайловичу г-ну Чехову в собственные руки

(не очень нужное). * брат (нем.) ** сестра (нем.)

*** одну (нем.)

6. М. М. ЧЕХОВУ
10 апреля 1877 г. Москва.

Любезный Брат Миша!

Не имея счастья тебя увидеть еще раз, я принимаюсь за чернила. Во-первых, позволь тебя братски поблагодарить за все, чем я пользовался от тебя во все пребывание мое в Москве; во-вторых, душевно радуюсь, что мы расстаемся задушевными друзьями и братьями, а посему и осмеливаюсь надеяться и верю, что 1200 верст еще долго будут находиться между двумя переписующимися братьями, которые хорошо узнали друг друга, ничтожным расстоянием для поддержки на долгое время наших хороших отношений. Теперь последует моя просьба, которую ты, вероятно, исполнишь по ее незначительности: если я буду присылать письма моей мамаше чрез тебя, то будь так добр, отдавай их мамаше не при всей компании, а тайно; бывают в жизни такие вещи, к«ото»рые можно высказать только единому лицу, верному; вот это-то обстоятельство и заставляет меня писать мамаше тайно от других, которым тайны мои (а у меня особого рода и тайны есть, которые тебя интересуют или нет, я не знаю. Если хочешь, то я тебе их выскажу) вовсе не интересны или, лучше сказать, не нужны. Вторая и последняя просьба будет поважнее. Будь так добр, продолжай утешать мою мать, которая разбита физически и нравственно. Она нашла в тебе не одного племянника, но и много другого, выше племянника. У моей матери характер такого сорта, что на нее сильно и благотворно действует всякая нравственная поддержка со стороны другого. Не правда ли, глупейшая просьба? Но ты поймешь ее, тем более, что я сказал "нравственная", т. е. духовная поддержка. Для нас дороже матери ничего не существует в сем разъехидственном мире, а посему премного обяжешь твоего покорного слугу, утешая его полуживую мать. Переписку мы будем вести, вероятно, как следует. А затем мимоходом замечу, что ты не будешь раскаиваться в том, что высказал мне многое; мне стоит только поблагодарить тебя за доверие ко мне: знай, брат, что я им очень дорожу. Прощай, желаю тебе всего лучшего. Поклон Лизе и Грише и твоим товарищам.

Твой Брат А. Чехов.

7. М. М. и Е. М. ЧЕХОВЫМ 6 мая 1877 г. Таганрог.

6-го мая 1877 года.

Любезный Брат Миша!

Извини, брат, что я тебе ничего не написал еще после моего приезда в Таганрог. Для тебя пост труден, а для меня май и июнь. Пиши, братец, мне и присылай карточки. Мне совершенно некогда писать. Кланяйся Грише и Елизавете Михайловне. После Москвы у меня в голове крутится. Летом я не приеду по весьма простой причине. Министр финансов объяснит тебе причину. С именинником поздравляю тебя и всех, а затем, пожелав тебе всего лучшего, остаюсь уважающий тебя

Брат твой А. Чехов.

6/V/1877 года.

Аминь.

Любезнейшая Сестрица Елизавета Михайловна. Посылаю Вам нижайший поклон с горчайшим упреком. Не знаю, кто виноват, что я не имел удовольствия видеть Вас пред моим отъездом. Да послужат Вам в наказание нечаянно стянутые мною духи!

А за сим пребываю желающим Вам всего лучшего А. Чехов.

8. М. М. ЧЕХОВУ
9 июня 1877 г. Таганрог.

9-го июня 1877 г.

Размилейший Брат

Михаил Михайлович!

Виноват не только пред тобою, но и всеми моими московскими родичами. Наконец утираю пот от лица своего и пишу тебе после долгого двусмысленного молчания. Знаешь, брат, скажу по совести, что май для меня, а страстная неделя с постом для тебя - самые жаркие времена года. А в жаркое время и чай пить некогда, не то что писать. Я чуть с ума не сошел через эти экзамены; все удовольствия и связи мира сего забыл в это полное треволнений времечко. Во-первых, поздравляю тебя с войною, а во-вторых - с предстоящей свадьбой, с хорошим зятем, с засватанной сестрой, на свадьбе которой я, несмотря на свои преклонные лета, с большим аппетитом протанцевал бы трепака и выпил бы с тобой по маленькой элексира или контрабанды, как выражается знаменитый москвич, "наш брат Исакий". Будь так добр, поздравь сестру за меня с предстоящим торжеством и познакомь меня с твоим нареченным зятем. От души желаю им всего хорошего, и вместе с тем, кроме хорошего, желаю иметь им немаловажную кучу денег. Будь так добр, погуляй и за меня. Да будет тебе известно, что я окончил экзамены хорошо, т. е. перешел в седьмой класс. Кланяйся Грише и Лизе. Кстати, если поедешь в Калугу, то передай почтение твоей мамаше, а моей тетушке, и остальным сестрам, которые меня не знают и которых я, к великому неудовольствию моему, не знаю. Скажи им: "Кланялся, мол, вам знакомый незнакомец, неведомая близкая родня; эта, скажи, родня близкая, несмотря на то, что отстоит на полторы тысячи верст от богоспасаемого Шамилева приюта - Калуги". Меня очень радует, что ты выдаешь замуж свою сестру; не знаю почему, а радует. Прощай, брат, семь лет не будем видеться, дела таким образом клеятся или, говоря исакиевским языком, "обстоятельство такого сорта", что не придется еще раз проехаться по маменьке России в маменьку или матушку Москву к своей маменьке. Пиши почаще, если будет время. Пришли карточки, которые ты обещал. Наш Таганрог обнищал, аки пилигрим; хлеба на поле лучше нас с тобой, цветут лучше московских барышень, сияют ярче червонца, растут в гору, как капитал от 25 процентов. Отличные хлеба. Ждем урожая блестящего. Дай бог России победить турку с трубкой, да пошли урожай вместе с огромнейшей торговлей, тогда я с папашей заживу купцом. Я думаю, что терпеть еще долго будем. Разбогатею, а что разбогатею, так это верно, как дважды два четыре (и вырасту под потолок), так я тебя одними только буханцами с медом кормить буду да вином наилучшим угощать за твою братскую привязанность, которой ты отвечаешь теперь на наше уважение и привязанность. Славный ты малый во многих отношениях, скажу я тебе без лести, по-братски. Жить тебе еще 100 лет с хвостиком!

Кланяйся твоим товарищам, они тоже славный народ, не похожи на нашу таганрогскую мелочную толпу, т. е. приказчичью аристократию, которая дерет нос оттого, что живет не в Бахмуте, а в портовом городе. Они мне по душе пришлись. Сразу видишь русский народ, к которому имеем честь принадлежать ты и твой покорнейший слуга, твой брат и приятель

А. Чехов.

Пиши мне, пожалуйста, почаще! Я не отстану, лишь бы ты успевал.

9. М. М. ЧЕХОВУ
29 июля 1877 г. Таганрог.

29-го июля 1877 года.

Любезный Брат Миша!

Во-первых, поздравляю тебя с благополучным приездом в Москву из Калуги, а во-вторых - с совершением свадьбы. Желаю моей и твоей сестре всякого благополучия, желаю ее мужу здоровья, денег и всевозможных земнородных благ. Дай бог, чтобы эта свадьба была не последней в твоем доме, не предпоследней и не третьей от конца, и чтобы все свадьбы проходили бы еще блистательней этой свадьбы, которая доставила много радости всему нашему мудрому Чеховскому поколению. Спасибо Екатерине Михайловне, она положила начало… и вот не сегодня так завтра, бог даст, я буду гулять на свадьбе и у Миши Чехова и т. д. Наши писали мне, что ты сыграл свадьбу на славу! Желаю, очень желаю, чтобы побольше было таких братьев для сестер, как ты. Мы все для одной сестры не сделаем того, что ты делаешь для всех сестер (не исключая и двоюродных). Хвала тебе и честь! Одно только досадно: я не был на свадьбе и не пил с тобой, как пил в Москве. А я люблю всевозможные гульбища, русские гульбища, сопряженные с плясками, с танцами, с винопийством… Одним словом, наш брат Исакий не то, что Акакий. Сие письмо я пишу тебе, находясь в вожделенном здравии, и надеюсь, что оно застанет тебя тоже в добром здоровье и хорошем расположении духа. Я получил пригласительный билет 16-го сего июля и благодарю 1000 раз за внимание. Чего ты мне не пишешь? Пиши, братец! Я жду каждый день письмо, написанное твоею рукой. Напиши, как ты поживаешь, как поживает твоя семья, как поживает Елизавета Михайловна, с которой я не успел хорошо познакомиться. Грише нижайший поклон. Увидишь моего папашу, так скажи ему, что я получил его дорогое письмо и очень ему благодарен. Отец и мать единственные для меня люди на всем земном шаре, для которых я ничего никогда не пожалею. Если я буду высоко стоять, то это дела их рук, славные они люди, и одно безграничное их детолюбие ставит их выше всяких похвал, закрывает собой все их недостатки, которые могут появиться от плохой жизни, готовит им мягкий и короткий путь, в который они веруют и надеются так, как немногие. Взгляни на твоих двоюродных братьев и на положение дяди и тетки - ты согласишься со мной. Скажешь матери, что я послал 2 денежных пакета и удивляюсь неполучению. Кланяйся нашему студенту и скажи ему, чтобы он меня извинил за то, что я ему не пишу. Я ему собираюсь писать о полигамии, которой защитником подпишусь я. Саша своего рода хороший человек; не знаю, за что он считает меня нигилистом. Скажи Коле, что у Гаврилова в магазине были две жидовки, Роза Михайловна и Вера Михайловна Эпштейн, и кланялись ему. Выдумай какое-нибудь рандеву на каком-нибудь бульваре.

Пришли же карточки, которые ты обещал. Я, если снимусь, то тебе первому пришлю. Кланяйся своим товарищам по службе, а в особенности Аполлону Ивановичу, который со мной очень хорошо знаком и обещался даже вести переписку. А особенный же мой, самый нижайший поклон передай Елисавете и Александре Михайловнам. Пиши мне, я дорожу и горжусь твоими письмами. Я послал в Калугу ответ на пригласительный билет. Кланяйся Петровым и пожелай всего лучшего желающему тебе всего и уважающему тебя брату

А. Чехову.

Ну что, каков Ваня?

10. М. М. ЧЕХОВУ
25 августа 1877 г. Таганрог.

25/VIII 1877 года.

Любезный брат Миша!

Недавно я писал тебе письмо и с нетерпением жду ответа. В письме я забыл тебя попросить об одной вещи. У нас в Таганроге прозябает один малый, приходящийся мне двоюродным братом. Вероятно, ты слышал про него. Это жертва безделья и безденежья благодаря своему малолетству. Современная работа - учиться - ему невмоготу; остается одно, а именно обратиться к тебе. Если есть только возможность, потому что невозможного в этом достаточно, то будь так добр, повторяю, если возможно, определить сего малого где-нибудь в мальчики. Он

мальчик хороший и трудолюбивый. Если ты его определишь к Гаврилову, то благо сделаешь. Откровенно сказать, это тебя стеснит немножко, потому что он будет считаться твоим родственником и лежать как бы на твоей ответственности. Это я знаю и сужу откровенно, ставя себя на твое место. Напиши, как быть с ним, и делай, ради бога, так, чтоб себя не стеснить. Повторяю, мальчик он хороший. Кланяйся Грише и Лизе. (А если другая сестра в Москве, то и ей.) Прощай, будь здоров и богат, твой брат

А. Чехов.

Если будут деньги, то на Рождество увидимся. На обороте:

Михаилу Михайловичу Чехову.

11. М. М. ЧЕХОВУ
4 ноября 1877 г. Таганрог.

Таганрог, 4-го ноября 1877 года.

Дорогой Брат Миша!

Имею счастье поздравить тебя с днем твоего ангела и пожелать тебе всего того, что может быть лучшим на земле; желаю тебе, во-первых, здоровья, во-вторых, кучу денег, а в-третьих, во всем благое поспешение и счастья всей твоей семье, которая для тебя дороже всего на свете, как и наша семья - мне. Виноват, брат, я пред тобою всем существом своим, очень виноват и прошу извинения. Не писал я тебе за неимением времени, в котором я чувствую недостаток. Карточку я получил и очень благодарен. Ты и сестра Лиза очень похожи, Гриша тоже. Я у тебя, значит, в долгу. Я здоров, а коли здоров, то, значит, и жив; одна у меня только болезнь секретная, которая мучит меня, как зубная боль, - это безденежье. Давно уж я не получал писем из Москвы ни от родителей, ни от тебя. А скука смертельная! Как ты поживаешь? Напиши, пожалуйста! Спасибо за поклон, который ты прислал мне в письме к дяде Митрофану Егоровичу. У нас в Таганроге нет ничего нового, решительно ничего! Смертельная скука! Был я недавно в таганрогском театре и сравнил этот театр с вашим московским. Большая разница! И между Москвой и Таганрогом большая разница. Если только кончу гимназию, то прилечу в Москву на крыльях, она мне очень понравилась!

Напиши мне, если будет время, письмо, и я тебе буду очень благодарен. Правда ли, что Аполлона Ивановича в солдаты взяли? Это скверная штука, очень скверная. Тетка Федосья Яковлевна очень тебе благодарна за то, что ты хлопочешь об Алеше. Напиши, пожалуйста, как ты живешь, как поживает твоя семья, чем премного меня обяжешь. Ну, что, каким тебе показался брат Ваня? Передай поклон Грише, Елизавете Михайловне и Александре Михайловне и скажи им, что я желаю от души им всякого благополучия. Кланяйся своим товарищам по должности. Не оставляй же, брат, меня без писем и извини за долгое молчание.

Будь жив и здоров.

Брат твой А. Чехов. На обороте:

М. М. Чехову. В собственные руки.

1878
12. М. М. ЧЕХОВУ

1 апреля 1878 г. Таганрог.

16/IV 1878

Любезный брат Миша!

Христос воскрес и воистину воскрес! Имею счастье поздравить тебя с высокоторжественным праздником и пожелать тебе всего лучшего. Приветствую и поздравляю твое дорогое семейство и желаю ему счастья, богатства и здоровья. Передай поклон Грише и Елизавете Михайловне, с которыми я заочно христосуюсь.

Поклон твоим товарищам по службе, с которыми я имел удовольствие познакомиться.

Будь здоров. Желаю тебе многая лета.

А. Чехов. На обороте:

В Москву.
Михаилу Михаиловичу
Чехову.
Замоскворечье.
Дом Ивана Егоровича Гаврилова.
13. П. Е. и Е. Я. ЧЕХОВЫМ 20 июня 1878 г. Таганрог.

Дозволено цензурой, с тем, чтобы по отпечатании в цензурный комитет было доставлено узаконенное число экземпляров.

Цензоры: Папа Лев XIII.

Бисмарк.

Осман Паша.

Архимандрит Феофилакт с братиею.

Иван Чехов; Грек Злое мое произволение-с.

Шах Наср-Эдин; Барон фон Горой-его-положь.

Музиль.

Наутилус. Абдул-Гамид.

1879
14. М. П. ЧЕХОВУ

Апрель, не ранее 5, 1879 г. Таганрог.

Дорогой Брат Миша!

Письмо твое я получил как раз в самый разгар ужаснейшей скуки, зевая у ворот, а потому ты можешь судить, как оно, огромнейшее, пришлось весьма кстати. Почерк у тебя хорош, и во всем письме я не нашел у тебя ни единой грамматической ошибки. Не нравится мне одно: зачем ты величаешь особу свою "ничтожным и незаметным братишкой". Ничтожество свое сознаешь? Не всем, брат, Мишам надо быть одинаковыми. Ничтожество свое сознавай, знаешь где? Перед богом, пожалуй, пред умом, красотой, природой, но не пред людьми. Среди людей нужно сознавать свое достоинство. Ведь ты не мошенник, честный человек? Ну и уважай в себе честного малого и знай, что честный малый не ничтожность. Не смешивай "смиряться" с "сознавать свое ничтожество". Георгий вырос. Мальчик он добрый. Я с ним часто играю в бабки. Посылки твои он получил. Хорошо делаешь, если читаешь книги. Привыкай читать. Со временем ты эту привычку оценишь. Мадам Бичер-Стоу выжала из глаз твоих слезы? Я ее когда-то читал, прочел и полгода тому назад с научной целью и почувствовал после чтения неприятное ощущение, которое чувствуют смертные, наевшись не в меру изюму или коринки. Дубонос, тебе обещанный, сбежал, и место его пребывания мне весьма мало известно. Умудрюсь привезти тебе что-нибудь другое. Прочти ты следующие книги: "Дон-Кихот" (полный, в 7 или 8 частей). Хорошая вещь. Сочинение Сервантеса, которого ставят чуть ли не на одну доску с Шекспиром. Советую братьям прочесть, если они еще не читали, "Дон-Кихот и Гамлет" Тургенева. Ты, брате, не поймешь. Если желаешь прочесть нескучное путешествие, прочти "Фрегат Паллада" Гончарова и т. д. Маше через тебя посылаю особенный поклон. О том, что приеду поздно, не горюйте. Время бежит живо, как ни хвастай скукой. Я привезу с собой пансионера, который будет платить 20 руб. в месяц и находиться под нашим собственным ведением. Еду к его маменьке торговаться. Молитесь!! Как ни молитесь, а 20 руб. даст. Впрочем, и 20 руб. мало, если принять в соображение московскую дороговизну и мамашин характер - кормить жильца по-божески. Наши учителя берут по 350 р., а кормят бедных мальчишек, как собак, юшкой от жаркого.

А. Чехов.

15. Ю. И. ЛЯДОВОЙ
18 ноября 1879 г. Москва. Рукой М. П. Чеховой:

Москва. 1879 года, 18 ноября.

Милая и дорогая Юлинька!

Я очень виновата, что Вам не ответила на Ваше письмо, которое я от Вас получила, мне совершенно не было времени писать, потому что мама была больна и все домашнее было на моей обязанности; даже Михаил Михайлович Дюковский прочел мне большую нотацию по поводу того, что я Вам не пишу. Я вчера с ним целый вечер раскладывала и гадала на карты, хотя я не умею, про Вас, и у нас выходило очень хорошо, и мы были вполне довольны. В Москве тоже погода хороша, много катаются на Кузнецком Мосту. Время я провожу не очень весело, только раза три была в Большом театре, видела "Жизнь за царя". Мне эта опера очень понравилась. Очень жаль, что Вы так нескоро приедете, я за Вами очень соскучилась. Все молодые люди благодарят Вас за поклон и также кланяются Вам. Меня очень просил Михаил Михайлович, чтобы я Вам написала поклон. Кланяются Вам мама, папа, тетя, также и я.

Потрудитесь передать поклон Дяде, Тете, Ивану Ивановичу, Анне Николаевне.

Целую Вас несчетное число раз.

Остаюсь любящая Вас

Маша Чехова.

Не сердитесь на меня, если я Вам долго не буду писать.

Не забывайте о господи тмм…

Совсем забыла. Передайте поклон и поцелуйте Марию Ивановну и Александру [Ивановну] Михаиловну.

Извините, что так нехорошо написала по рассеянности. Рукой Д. Т. Савельева:

Известный Вам будущий практик в городе Шуе. Dr. мед«ицины» Дмитрий Тимофеевич Савельев. Рукой В. И. Зембулатова:

Известный Вам будущий земский врач в Области Войска Донского Миусского Округа В. И. Зембулатов.

Коробова нет дома, будущего д-ра медицины: в Вятке.

Имею честь засвидетельствовать глубочайшее почтение и т. д.

Таганрогский мещанин

А. Чехов.

О, господи, кхм… пора ехать в Житомир. Я уж готов.

16. Г. П. КРАВЦОВУ
Конец декабря 1879 г. Москва.

Глубокоуважаемый

Гавриил Павлович!

Имею честь я, Антон Чехов, поздравить Вас и все Ваше уважаемое добрейшее семейство с Новым годом и пожелать Вам всего лучшего. Как Вы поживаете? Я поживаю хорошо: сыт, одет, здоров. Поклон Наталье Парфентьевне, мальчикам, Вашим двум девочкам, Зое и Нине, и лесу. Потрудитесь передать поклон Пете и напомнить ему о моем грешном существовании. В Москве весело. Если хотите осчастливить

строчкой, то пишите в университет. Полный приятнейшего воспоминания о Вашем радушнейшем гостеприимстве, имею честь быть покорнейший слуга

Чехов.

Господам Цветковым поклон. Если хотят, чтобы я выслал им семян, то пусть пришлют письмо с обозначением имен и количества семян. Кстати, не нужно ли Вам цветочной дребедени? Могу выслать. Паве поклон. Я от него осенью имел удовольствие получить письмо.

1880

17. Н. П. и И. П. ЧЕХОВЫМ 28 апреля 1880 г. Москва. Рукой Ал. П. Чехова:

Косой* Padr'ушка

Косой Редактор косого "Будильника" Николай Петрович Кичеев просит тебя сотрудничать у него в качестве художника. Он видел твои работы в "Бесе" и, узнав, что это твои, убедительно просит тебя пожаловать к нему, как только ты приедешь. Я сказал ему, что просьбу его тебе передам, но что ты едва ли будешь в косом состоянии предложить ему свои услуги, потому что у тебя«…»** «отве»тил, что твои условия стеснить его не могут. О чем тебя и уведомляю. Сейчас я держал экзамен, получил 5 и еду с Алтоном и, может быть, с Новашиным в Сокольники распить пуншем косую бутылочку коньячку № 197.

Жалею, что тебя косого нет с нами.

Твой Алекс. Chandler?

Поклон Иоаннннннннннннннну по количеству буквы "н".

Фылипыпыпыпп.

Любезнейший

Николай Павлович!

Ты поручил мне идти к Аванцо за деньгами для матери и для заключения надлежащих условий, но вместе с сим ты был толиким быком, что не оставил мне доверенности в виде: "Подателю сего и прочее". Будучи уверен, что ты пришлешь сию доверенность, остаюсь твой доброжелатель и благодетель, брат твой строгий, но справедливый.

А. Чехов.

Вместе с тем уведомляю тебя, косой Иван Иванович Приклонский и косой Иван Иванович Лядов и косой Иван Иванович Лобода и косой Иван Иваныч Енякин и косой Чехов, что по анатомии я получил 3 (sic!), а по немецкому у Юлия Цезаря Ф. 4.

А. Чехов.

Дорогой брат

Иван Павлович!

Честь имею поздравить тебя с Новым годом и с новым счастьем и пожелать тебе всего лучшего. Дай бог тебе впоследствии быть счастливым, а главное - быть протоиереем. Ты извини меня, что я тебе так долго не писал; сам знаешь, времени не было: переулки солил да в целомудрие кремертартара молотком лампу вбивал. Кланяйся от меня астраханскому городскому голове и скажи ему от меня, что я на его жену недоволен за то, что Мариуполем нельзя намазывать смычок, как канифолем. Армяне и павлиновые перья с присвистом и без оного тебе кланяются и благодарят тебя за распущенно гирь небесных и колокольный треск. А затем, пожелав тебе всего лучшего и хорошего, остаюсь твой брат, написавший эти щелочные и санитарные строки,

А. Чехов. Братья, будем целомудренны, как римляне!!! * Здесь и далее в письме слово "косой" шесть раз вставлено Чеховым. ** Последняя треть листа автографа

отсутствует.

18. Л. А. КАМБУРОВОЙ
17 сентября 1880 г. Москва.

Уважаемая Любовь Александровна! Скептик имеет честь поздравить Вас с днем ангела и подносит Вам пирог, начиненный всевозможными пожеланиями. Письмо сие пишется по поручению моего худого брата, который… и т. д. Семья Вам кланяется. Поклон Вашим маститым финансистам-чиновникам Николаю и Иоанну Добчебобчинским.

Ваш доброжелатель в Вашей ливрее А. Чехов.

Николай Чехов.

17-е. На обороте:

Г-же Любови Александровне Камбуровой. Полицейская ул., дом Себовой, г. Таганрог.

19. Ю. И. ЛЯДОВОЙ

21 сентября 1880 г. Москва.

Многоуважаемая

Юлия Ивановна!

Воспользовался благоприятным случаем, выхватил у Марьи это письмо и спешу засвидетельствовать Вам мое глубочайшее почтение. Мы все вломились в амбицию. Вместо Ивана Ивановича с Юлией Ивановной, мы видели только одного Ивана Ивановича. Бог Вам судья, грррграфиня! Приезжайте скорее к нам; у нас весело, как никогда. У нас торжество теперича неописанное. Наш первый благоприятель, украшение нашей компании, Мишель Дюковский получил орден Станислава 3-ей степени, чего ради мы подскакиваем до небес и не знаем, когда будет конец нашей радости. Кланяются Вам мои великие братцы. Поклон Ивану Ивановичу нижайший. Дядюшке и Тетушке передает поклон Ф«едосья» Я«ковлевна». Будьте здоровы и не забывайте, что у Вас есть покорнейший слуга

А. Чехов

Больных делов мастер.

Ах Вы женщины, женщины!!! Непостижимый вы народец! Вы везде постараетесь выкопать что-нибудь. Вот я скажу Дюковскому, что написала про него Вам Марья! Adieu!

20. Л. А. КАМБУРОВОЙ
Сентябрь, до 23, 1880 г. Москва.

Образованнейшая и лютейшая

Любовь Александровна!

Смотрю, мой худой и косой брат к Вам пишет. Дай, думаю себе, и я напишу, а кстати и засвидетельствую свое нижайшее, глубочайшее и т. п. Вы написали упомянутому брату длиннейшее письмо и в оном письме не обратили на Вашего непослушного, но покорнейшего слугу никакого внимания. Нехорошо так делать, Милостивая Государыня, мадмуазель Камбурова, я от Вас этого никак не ожидал. Разве я обидел Вас чем-нибудь? Ругал Вас чем-нибудь, бил Вас? Или что подобное непотребное учинял? Впрочем, бог с Вами. Если желаете искупить свою вину, то передайте мой поклон дяде, тете и Гавриилу Парфентьевичу, каковым лицам считаю за счастье пожелать всего лучшего.

Как ужасно пахнет Ваше любезное письмо, страсть! Значит, Кольке и письмо и духи, а мне ровно ничего. А Вы бы лучше, если Вы добрая барышня (которой желаю поскорее сделаться барыней), сделали бы так: Николке прислали бы письмо, а мне духи, и все были бы довольны. Насчет сияния Липочки ничего не скажу. Пусть себе

сияет во славу божию. Если любит, то сечь нужно. Есть постарше ее девицы и то не любят. Впрочем, ежели замуж хочет, то не препятствую, пущай выходит. Котику, за которым увивался некогда некакий двуногий и косой кот… мое почтение. Поклон министру финансов Николаю Александровичу (взяточнику) и Ивану, который не заслужил еще, чтобы его звали по батюшке.

При одной мысли потерять Ваше благорасположение у меня волосы становятся дыбом… Знайте, несчастная раба хандры, что у Вас в Москве есть покорнейший слуга, готовый почистить Ваш давно не чищенный самовар.

А. Чехов. Рукой Н. П. Чехова:

Мама просит меня передать Вам низкий поклон, сестра тоже. В будущем году, если не буду за границей, буду у Вас. Помните, как Гаврила Парфентьевич воевал своей соломенной шляпой с семечками? Погода у нас в полном смысле дрянь: холодно и уже 4 дня идет дождь. Денег получил меньше, чем думал излучить, живя в Т«аганро»ге. Теперь хожу нищим. Антон кланяется бабам и девчонкам, говорит, что забыл написать. Если бы Вы знали, как меня здесь встретили по приезде с юга! Такой встрече позавидовали бы и Вы, душа моя.

Извинитесь за меня, бога ради, перед Людмилой Павловной за несвоевременное поздравление мною ее с ангелом. В святцы я не смотрю - незачем.

21. П. П. ФИЛЕВСКОМУ
27 октября 1880 г. Москва.

Москва. 1880 27/X года.

Уважаемый

Павел Петрович!

Беру на себя смелость опять беспокоить Вас просьбой: извинить меня за беспокойство и написать мне, получили ли Вы стипендию? В этом году я не получал еще стипендии. Что это значит? В положении нахожусь в сквернейшем. Ваш ответ покажет мне, один ли я или все мои товарищи по стипендии претерпевают то же самое, что и я. Я послал в управу прошение, но ответа не получил еще. Не слышали ли Вы чего-нибудь? Напишите, за что я Вам буду очень благодарен. Кланяется Вам Зембулатов. Будьте здоровы, счастливы и не забывайте, что у Вас есть покорнейший слуга

А. Чехов.

Адрес: Москва. Грачевка, д. Внуковой. Ан. П. Чехову. Поклон моим товарищам по гимназии.

22. Н. А. и Л. С. ЗАКОРЮКИНЫМ и И. И. и Ю. И. ЛЯДОВЫМ 25 декабря 1880 г. Москва.

Чехов № 3 имеет честь и удовольствие поздравить уважаемых Дядюшку, Тетушку, Ивана Ивановича и Юлию Ивановну с праздниками и пожелать всего хорошего. Это поздравление и пожелание имеют силу и на 1-е января 1881 г.

А. Чехов.

25/XII 80 год.

1881
23. Ал. П. ЧЕХОВУ Март, не ранее 6, 1881 г. Москва.

Александр!

Я, Антон Чехов, пишу это письмо, находясь в трезвом виде, обладая полным сознанием и хладнокровием. Прибегаю к институтской замашке, ввиду высказанного тобою желания с тобой более не беседовать. Если я не позволяю матери, сестре и женщине сказать мне лишнее слово, то пьяному извозчику не позволю оное и подавно. Будь ты хоть 100000 раз любимый человек, я, по принципу и почему только хочешь, не вынесу от тебя оскорблений. Ежели, паче чаяния, пожелается тебе

употребить свою уловку, т. е. свалить всю вину на "невменяемость", то знай, что я отлично знаю, что "быть пьяным" не значит иметь право «…» другому на голову. Слово "брат", которым ты так пугал меня при выходе моем из места сражения, я готов выбросить из своего лексикона во всякую пору, не потому что я не имею сердца, а потому что на этом свете на все нужно быть готовым. Не боюсь ничего, и родным братьям то же самое советую. Пишу это все, по всей вероятности, для того, чтобы гарантировать и обезопасить себя будущего от весьма многого и, может быть, даже от пощечины, которую ты в состоянии дать кому бы то ни было и где бы то ни было в силу своего прелестнейшего "но" (до которого нет никому дела, скажу в скобках). Сегодняшний скандал впервые указал мне, что твоя автором "Сомнамбулы" воспетая деликатность ничего не имеет против упомянутой пощечины и что ты скрытнейший человек, т. е. себе на уме, а потому…

Покорнейший слуга А. Чехов.

24. С. КРАМАРЕВУ
8 мая 1881 г. Москва.

Мудрейший, а следовательно, и ехиднейший Соломон!

Письмо доставлено по назначению. Пришел, отдал и ушел, причем… не поклонился, стукнулся головой о висящую лампу и на лице имел выражение идиотское, за что прошу извинения. Жив, здоров, учусь и поучаю. Силюсь перейти в III курс. Савельева и Макара давно не видел. Гольденвейзера однажды видел в университете. Что он, и где он, и как он теперь - не знаю. Тебя воображаю не иначе, как с бородой. Желал бы и видать. A propos! дамочка недурна… но, несмотря на это, я не познакомился. Зачем?!? Прошло мое время!!! Разыгрываться фантазии своей я не давал, не потому, что фантазировать = онанизм (по теории С. Крамарова), а потому что вплоть до доставления по назначению я спал: некогда было. Приезжай учиться и поучать в Москву: таганрожцам счастливится в Москве: и по учению, мерзавцы, идут хорошо и от неблагонамеренных людей далеко стоят. Преобладающая отметка у санкт-таганрожцев пятерка. Больше писать нечего. Пиши, если хочешь, по нижеписанному адресу. Письма твои доставляют мне удовольствие, потому что ты пишешь правильно и выражений неприличных не вставляешь. В христианстве моем сомневаться и тебе не позволяю. Погода в Москве хорошая. Нового нет ничего. Биконсфильдов, Ротшильдов и Крамаровых не бьют и не будут бить. Где люди делом заняты, там не до драк, а в Москве все делом заняты. Когда в Харькове будут тебя бить, напиши мне: я приеду. Люблю бить вашего брата-эксплуататора. (Один московский приказчик, желая уличить хозяина своего в эксплуататорстве, кричал однажды при мне: "Плантатор, сукин сын!")

Да приснятся тебе Киево-Елисаветградское побоище, юдофоб Лютостанский и сотрудники "Нового времени"! Да приснится тебе, израильтянин, переселение твое в рай! Да перепугает и да расстроит нервы твои справедливый гнев россиян!!!

Всегда готовый к услугам, уважающий, желающий всего хорошего

А. Чехов.

Адрес: Москва, Сретенка, Головин переулок, д. Елецкого. Его благородию* Антону (и непременно) Павловичу г-ну Чехову.

Переезжай в Москву!!! Я ужасно полюбил Москву. Кто привыкнет к ней, тот не уедет из нее. Я навсегда москвич. Приезжай литературой заниматься. Это удовольствие в Харькове невозможно, в Москве же дает рублей 150 в год, мне по крайней мере. Уроки достать трудно. «…» Приезжай!!! Все дешево. Штаны можно купить за гривенник! А патриотизму… сколько!!!! (задыхаюсь…) Что ни песчинка, что ни камушек, то и исторический памятник! Приезжай!!! Юристы московские все Спасовичи и живут, как Людовики четырнадцатые. Приезжай!!

Письмо твое я получил вчера, 7 мая.

Очень рад, что мог услужить чем-нибудь. * Но не превосходительству: я еще не генерал. На конверте:

Заказное

Харьков

Рымарская ул., д. Славицкого.

Его превосходительству

Виктору Ивановичу Баршевскому с передачей Соломону Крамарову от А. Чехова.

1882
25. М. М. ЧЕХОВУ

30 сентября 1882 г. Москва.

2/30/IX год.

Любезный брат

Михаил Михаилович!

Имею честь и удовольствие поздравить тебя с днем твоего ангела и пожелать тебе всевозможных благ. Твоей семье кланяюсь и поздравляю ее с именинником. Очень жалею, что за неимением времени не могу поздравить лично.

Искренно уважающий и всегда готовый к услугам Ан. Чехов.

26. П. Е. ЧЕХОВУ

14 или 15 октября 1882 г. Москва.

Хорошо. Написано по форме.

А. Чехов.

Принесите мне, папа, бумаги графленой, какую носите. Очень нужно.

Одну марку наклейте на прошение, а то украдут чиновники. Внизу на ней напишите число и год прошения.

27. Ал. П. ЧЕХОВУ 8 ноября 1882 г. Москва.

Таможенный брат мой Александр!

Прежде всего уведомляю тебя, что все обстоит благополучно. Во-вторых, из "Московского листка" следует тебе 19 р. 45 к. Из оных 10 р. я, согласно раньше писанному, отдаю Феде. Остальные высылаю по получении в Танроцкую таможню. Не выкупить ли мне и туфли, или же подождать с туфлями? Я безденежен. Твои похабные письмена получаем, читаем, гордимся и восхищаемся. Не блуди, неблудим будеши, а ты блудишь. По животу бить можешь: медицина, возбраняя соитие, не возбраняет массажа. Николка в Воскресенске с Марьей, Мишка именинник, Отец спит, мать молится, тетка думает о коренчиках, Анна моет посуду и сейчас принесет уринальник, я же пишу и думаю: сколько раз сегодня ночью передернет меня за то, что я осмеливаюсь писать? Медициной занимаюсь… Операция каждый день.

Скажи Анне Ивановне, что зрителевский дед-газетчик умер в клиниках от cancer prostatae*. Живем помаленьку. Читаем, пишем, шляемся по вечерам, пьем слегка водку, слушаем музыку и песнопения et цетера.. К тебе имею просьбы:

1) Поймай мне маленького контрабандистка и пришли.

2) Умоли Анну Ивановну принять от меня выражение всевозможных неехидных и безвредных чувств, тысячу поклонов и пожелание быть "сцасливым Саса".

3) Умоли (eandem**) описать тот спиритический сеанс, который она видела где-то, в Тульской г«убернии», кажется. Пусть опишет кратко, но точно: где? как? кто? кого вызывали? говорил ли дух? в какое время дня или ночи и как долго? Пусть опишет. Описание да потрудится прислать мне. Весьма нужно. Я буду ей весьма

благодарен и за сию услугу заплачу услугой.

4) Не убей.

5) Напиши мне стихи.

…когда я мал

…стал

…я генерал… Помнишь?

Тоже очень нужны. Напиши и их, и чьи они…

6) Пиши почаще, но поподробней. Твои письма (если в них есть что-нибудь, кроме тульских стихов и описания Тулы) я причисляю к первостатейным произведениям и охраняю их. Описывай.

7) Кроме. Сказуемое есть то, что говорится в предложении о подлежащем, то же, что не говорится, не есть сказуемое… А поэтому возьми у дяди карточку, где мы сняты группой (я, ты, Иван и Ник«олай»). Помнишь, что у Страхова снимались? Вышли оную. Необходима.

За тобой все-таки скучно, хоть ты и пьяница.

Скажи Анне Ивановне, что ее Гаврилка лжет, как сукин сын. Страсть надоел!

Ну что про 18-й № говорит Аноша? Скажи ему, что лободинские номера нам все не нравятся, начиная с Ивана Иванча и кончая им, Аносей.

Пописываю, но мало. Чти в "Мирском толке" мои "Цветы запоздалые"… У дяди возьми.

Работаю опять в Питере.

Рву Шурке штаны, Гершку поднимаю за хвост.

Прощайте, до свиданья.

А. Чехов.

Приезжай на праздниках… Насчет бумаг не справлялся. Если за тобой нет недоимок, то дерни-ка письмо декану! Деканам, кстати, делать нечего.

Исправно ли дядя получает газеты?

Rp. «…»

DS. Поосторожней! При употреблении не взбалтывать.

Г. г. Секретарю

Захарь«ин».

Извините, но надо же что-нибудь написать на пустом месте?

Что ж из эстого выйдить? Ну пущай ничего не выйдить… Но что ж из эстого выйдить?

Желал бы я видеть тебя в Таганроге, а Леонида в Сураже: то-то, надо полагать, не свиньи! Не толстей хоть! * рака предстательной железы (лат.) ** ее же (лат.)

28. Ал. П. ЧЕХОВУ 12 ноября 1882 г. Москва.

Легкомысленный и посмеяния достойный брат мой Александр!

Соделавшись Айканово-Ходаковским, ты не стал рассудительнее:

1) Ты не выслал всего романа. Б«е»з«е-Броневски»й сердится. За тобой считает он

еще какой-то перевод из "Gartenlaube". Шли поскорей!

2) К чему тебе переводы, если есть время писать вещи оригинальные? Жизнь в тебе новая, пока еще цветистая… Можешь черпать.

3) Самое же главное, свидетельствующее о твоем легкомыслии: ты вместо 19 р. 45 к. получаешь 10 р., только. Остальные я зажилил. Зажилил нечаянно. Вышлю их в скором будущем в совокупности с туфлями и инструментами. Относительно романов, кои переводить желаешь, поговорю с Б«е»з«е-Броневск»им. Гаврилка тут ни при чем. Он в редакции - соринка в глазу: трешь-трешь, никак не вытрешь соринки, слеза только идет. Малый вообще - «…», не в обиду будь это сказано ей. Mari d'elle* брехлив до чертиков. Этот брехун не тебе чета. Соврет не по-твоему. У него не пожарная побежит по каменной лестнице, а лестница по пожарной.

О журналах меня не проси. Повремени до Нового года. Везде заняты, и не хочется беспокоить. Ты сие понимаешь.

Анне Ивановне скажи, что она ничтожество, Шурку побей по ж«…», себе вставь буж и не забывай, что у вас у всех есть

Готовая услуга А. Чехов.

Хведя сообщил, что ему не нужны 10 р., о чем сообщаю, чему и радуйтесь.

Поклон М. Е. Чехову и его чадам. Савельев женится. Иду сейчас с Марьей на "Фауста". * Ее муж (франц.).

29. Ал. П. ЧЕХОВУ 25 декабря 1882 г. и 1 или 2 января 1883 г. Москва.

2.25.12.
Уловляющий контрабандистов-человеков-вселенную, таможенный брат мой, краснейший из людей, Александр Павлыч!

Целый месяц собираюсь написать тебе и наконец собрался. В то время, когда косые, ма, два ма, отец (он же и юрист. Ибо кто, кроме юриста, может от закусок требовать юридического?) сидят и едят с горчицей ветчину, я пишу тебе и намерен написать тебе, если считать на строки, на 25 р. серебром. Постараюсь, как бы меня ни дергало после этого усердия.

1) Погода прелестная. Солнце. -18. Нет выше наслаждения, как прокатить на извозчике. На улицах суета, которую ты начинаешь уже забывать, что слишком естественно. Извозчики толкаются с конкой, конки с извозчиками. На тротуарах ходить нельзя, ибо давка всесторонняя. Вчера и позавчера я с Николкой изъездил всю Москву, и везде такая же суета. А в Таганроге? Воображаю вашу тоску и понимаю вас. Сегодня визиты. У нас масса людей ежедневно, а сегодня и подавно. Я никуда: врачи настоящие и будущие имеют право не делать визитов.

2) Новый редактор "Европейской библиотеки" Путята сказал, что все тобою присылаемое и присланное будет напечатано. Ты просил денег вперед: не дадут, ибо жилы. Заработанные деньги трудно выцарапать, а… Между прочим (это только мое замечание), перевод не везде хорош. Он годится, но от тебя я мог бы потребовать большего: или не переводи дряни, или же переводи и в то же время шлифуй. Даже сокращать и удлинять можно. Авторы не будут в обиде, а ты приобретешь реноме хорошего переводчика. Переводи мелочи. Мелочи можно переделывать на русскую жизнь, что отнимет у тебя столько же времени, сколько и перевод, а денег больше получишь. Переделку (короткую) Пастухов напечатает с удовольствием.

3) По одному из последних указов, лица, находящиеся на государственной службе, не имеют права сотрудничать.

4) Гаврилка Сокольников изобрел электрический двигатель. Изобретение сурьезное и принадлежащее только ему одному. Он, шельма, отлично знает электричество, а в наш век всякий, знающий оное, изобретает. Поле широчайшее.

5) Николка никогда никому не пишет. Это - особенность его косого организма. Он не отвечает даже на нужные письма и недавно утерял тысячный заказ только потому, что ему некогда было написать Лентовскому.

6) "Зритель" выходит. Денег много. Будешь получать… Пиши 100-120-150 строк. Цена 8 коп. со стр«оки». В "Будильник" не советую писать. Там новая администрация (Курепин и жиды), отвратительней прежней. Если хочешь писать в "Мирской толк", то пиши на мое имя. Это важно. Вообще помни, что присланные на мое имя имеют более шансов напечататься, чем присланное прямо в редакцию. Кумовство важный двигатель, а я кум.

7) Через неделю. Новый год встречали у Пушкарева. Видели там Гаврилку во фраке и Наденьку в перчатках.

8) Денег - ни-ни… Мать клянет нас за безденежье…

И т. д.

Не могу писать! Лень и некогда.

А. Чехов.

1883
30. Ал. П. ЧЕХОВУ 4-5 января 1883 г. Москва.

4-го января (или, вернее, 5-го) 83.

Военачальников, столоначальников, христолюбивое воинство… Вас всех…

С сим письмом посылается в Питер другое. В сем году ты получаешь в дар от меня лучший из юморист«ических» журналов, "Осколки", в коих работаю. Что это лучший журнал, ты убедишься. Имя мое в нем: Человек без с, Крапива и т. д.

Это не обещание, а дело. С твоим письмом идет и письмо к Лейкину в "Осколки".

"Курьер" воспрещен. С февраля будешь получать "Русские ведомости". Письмо с 5 печатями Марьей получено. Пиши.

А. Чехов.

"Зритель" выходит. Из всех его недостатков один в особенности бросается в глаза: в нем нет секретарши А«нны» И«вановны», которой и кланяюсь.

На праздниках я послал тебе письмо.

31. Н. А. ЛЕЙКИНУ

12 января 1883 г. Москва.

3/12/I

Милостивый государь

Николай Александрович!

В ответ на Ваши любезные письма посылаю Вам несколько вещей. Гонорар получил, журнал тоже получаю (по вторникам); приношу благодарность за то и другое. Благодарю также и за лестное приглашение продолжать сотрудничать. Сотрудничаю я в "Осколках" с особенной охотой. Направление Вашего журнала, его внешность и уменье, с которым он ведется, привлекут к Вам, как уж и привлекли, не одного меня.

За мелкие вещицы стою горой и я, и если бы я издавал юмористический журнал, то херил бы все продлинновенное. В московских редакциях я один только бунтую против длиннот (что, впрочем, не мешает мне наделять ими изредка кое-кого… Против рожна не пойдешь!), но в то же время, сознаюсь, рамки "от сих и до сих" приносят мне немало печалей. Мириться с этими ограничениями бывает иногда очень нелегко. Например… Вы не признаете статей выше 100 строк, что имеет свой резон… У меня есть тема. Я сажусь писать. Мысль о "100" и "не больше" толкает меня под руку с

первой же строки. Я сжимаю, елико возможно, процеживаю, херю - и иногда (как подсказывает мне авторское чутье) в ущерб и теме и (главное) форме. Сжав и процедив, я начинаю считать… Насчитав 100-120-140 стр«ок» (больше я не писал в "Осколки"), я пугаюсь и… не посылаю. Чуть только я начинаю переваливаться на 4-ю страницу почтового листа малого формата, меня начинают есть сомнения, и я… не посылаю. Чаще всего приходится наскоро пережевывать конец и посылать не то, что хотелось бы… Как образец моих печалей, посылаю Вам ст«атью» "Единственное средство"… Я сжал ее и посылаю в самом сжатом виде, и все-таки мне кажется, что она чертовски длинна для Вас, а между тем, мне кажется, напиши я ее вдвое больше, в ней было бы вдвое больше соли и содержания… Есть вещи поменьше - и за них боюсь. Иной раз послал бы, и не решаешься…

Из сего проистекает просьба: расширьте мои права до 120 строк… Я уверен, что я редко буду пользоваться этим правом, но сознание, что у меня есть оно, избавит меня от толчков под руку.

А за сим примите уверение в уважении и преданности покорнейшего слуги

Ант. Чехов.

P. S. К Новому году я приготовил Вам конверт весом в 3 лота. Явился редактор "Зрителя" и похитил его у меня. Отнять нельзя было: приятель. Наши редакторы читают филиппики против москвичей, работающих и на Петербург. Но едва ли Петербург отнимает у них столько, сколько проглатывают гг. цензора. В несчастном "Будильнике" зачеркивается около 400-800 строк на каждый номер. Не знают, что и делать.

32. Ал. П. ЧЕХОВУ 25 января 1883 г. Москва.

3/25/I
Добрейший столоначальник Александр Павлович!

Живы и здоровы. Все сетуют на тебя за молчание. Получаешь ли "Осколки"?

Уведомь дядю М«итрофана» Е«горовича», что распоряжение о высылке ему недостающих номеров "Москвы", премии и портретов мною сегодня сделано. Если их не получит, то уведомь. Благодарю его за письма тысячу раз. Отвечу ему большим письмом, но не особенно скоро. Занят по горло писаньем и медициной. Объясни ему, что значат мои "дерганья", ради которых я не пишу даже заказы. Пусть извинит.

Живется сносно. Получаю 8 коп. со строки. Недавно в "Московском листке" описан бал у Пушкарева. Под литерами Ч-ва надо подразумевать Марью Павловну. Она уже возросла и играет роль. Ей целуют руку Пальмины, Кругловы, Немировичи-Данченко, все те, коим молятся в Таганроге. Она умнеет с каждым днем.

К нам ходит надувший дядю редактор "Церковь и ее служители".

Дяде пришлю словарь иностранных слов. Пусть потерпит.

Кланяюсь твоей и Шурке. Шурке советую щеглов половить. Милое занятие!

Блаженны есте! Вы скоро начнете улавливать начало весны!

"Зритель" платит хорошо. А все-таки в нем скучно: секретарша, где ты?! Стружкину не на кого кричать.

Прощайте! Анне Ивановне привезу летом сюрприз.

А. Чехов.

Газету получать будешь с февраля.

33. Г. П. КРАВЦОВУ
29 января 1883 г. Москва.

Добрейший

Гавриил Павлович!

Ваше любезное письмо получил вчера ночью и прочел его с удовольствием. Тысячу раз благодарю, что не забываете нас, грешных.

Напрасно Вы благодарите за журналы. Это мне ничего не стоит, и я рад был бы хоть чем-нибудь отблагодарить Вас за Ваше гостеприимство.

Летом, может быть, у вас побываю, если позволите.

Вы пишете: "…может быть, наша масть Вам уже не под стать". Этакие слова грех писать. Неужели Вы думаете, что я уже успел сделаться скотиной? Нет-с, подождите немножко, теперь еще пока рано, еще не испортился, хоть и начал жить. Да и в будущем я едва ли буду делить людей на масти.

Написал в Велюнь письмо.

Живется сносно, но здоровье уже увы и ах! Работаешь, как холуй, ложишься в пятом часу утра. Пишу в журналы по заказу, а нет ничего хуже, как стараться поспеть к сроку. Деньги есть. Ем прекрасно, пью тоже, одеваюсь недурно, но… уж нет лишнего мясца! Говорят, я похудел до неузнаваемости.

Ну, и женщины…

Работаю в Питер и в Москву, известен стал, знаком со всеми… Живется почти весело. Летом поеду на юг поправлять здоровье. Кланяюсь Алеше, Саше, Зое и Нине, а Наталье Парфентьевне, которую я помню во всех чертах (у нее хорошее лицо), посылаю поклон нижайший. Вам жму руку и остаюсь постоянным слугою

А. Чехов или: А. Чехонте

М. Ковров

Человек без селезенки.

Так я подписываюсь, работая в 6-7 изданиях. Получаю по 8 коп. за строчку.

Расходы ужасные. В день на извозчика больше рубля сходит.

Мой адрес:

Москва, Сретенка, Головин пер., д. Елецкого, А. П. Чехову, или же в любую редакцию. Но лучше по первому: дома я бываю чаще, чем в редакциях.

34. М. М. ДЮКОВСКОМУ
5 февраля 1883 г. Москва.

83/5/II

Милостивый государь

Михаил Михайлович!

Вашу рукопись я показывал в двух редакциях, сам прочел и в общем пришлось покончить казенною фразой: "по случаю накопления материала и т. д.". Для ежедневных и еженедельных газет она неудобна, потому что велика, в большой же журнал ее не примут, потому что она не серьезна по форме, хотя и занялась серьезной задачей. Форма и стих, по моему мнению, потерпят в редакции большого журнала фиаско после первых 3-4-х строк. Жаль будет, если этот далеко не плохой труд пропадет даром. Вы, наверное, видели в печати вещи, во много раз худшие. Есть один исход: можно выпустить отдельным изданием, т. е. продать на Никольской. Ходов и выходов Никольских я не знаю, но у меня есть приятели - специалисты по этой части. Если автор затруднится сам взяться за продажу в рабство своего детища, то я могу попросить приятеля похлопотать, узнать, спросить… Обещать исполнения сего в скором времени не могу, ибо не знаю, когда увижу единого из оных приятелей.

Наши Вам кланяются.

Уважающий Вас Антон Чехов.

35. Ал. П. ЧЕХОВУ и А. И. ХРУЩОВОЙ-СОКОЛЬНИКОВОЙ Между 3 и 6 февраля 1883 г. Москва.

Любезный друг Сашинькех!

Письмо твое поганое получил и оное читал с упреком в нерадении. Я читал твое письмо тетеньке, Семен Гавриловичу, Сергей Петровичу, Иван Егорычу, и всем оно понравилось. Сергей Петрович прослезился, несмотря даже на то оскорбление, которое ты, по неразумию своему и гордыне, нанес величию богов. "Осколки" ты будешь получать. Я вчера еще раз писал Лейкину, а Лейкин исполняет мои прошения с особенною ревностью: я у него один из солидных бджел. Журнал, как увидишь, умно составляемый и ведомый, хорошо раскрашиваемый и слишком либеральный. Там у меня, как ты увидишь, проскочили такие вещи, какие в Москве боялись принять в лоно свое даже бесцензурные издания. Боюсь, чтобы его не прихлопнули. Получаю от Лейкина 8 коп. за строчку. Гонорар наиаккуратнейшим образом высылается каждое первое число.

"Зритель" и выходит аккуратно, и платит аккуратно. Я заработал уже в нем рублей 90.

Становлюсь популярным и уже читал на себя критики.

Медицина моя идет crescendo. Умею врачевать и не верю себе, что умею… Не найдешь, любезный, ни одной болезни, которую я не взялся бы лечить. Скоро экзамены. Ежели перейду в V курс, то, значит, finita la comedia…* Не имея усов, знаний и возраста, придется вступить на стезю Захарьиных и Циркуненков… Материя скучная…

Пиши, любезный.

А. Чехов.

Милостивейшая государыня Анна Ивановна!

Как ви наивны! Неужели ви думаете, что молчание ведет к совершенству в смысле спасения? Ну отчего бы Вам не написать хоть строчечку… (хоть копеечку! - как говорит Стружкин). Сердиты Вы, что ли? Если сердиты, то бросьте сердиться… наплюйте… Будьте грамотны и нас ради… Ведь Вас учили грамоте не для того только, чтобы прочитывать на Долгоруковской улице гробовые вывески и переводить А. М. Дмитриеву итальянские комедии.

У вас сейчас весна будет. Счастливчики!

Я недавно послал письмо Вам, о судьбе которого ничего не ведаю. Шурке советую щеглов ловить. Что он поделывает? Учится?

Летом прибудем сечь Ваше потомство.

Существует ли Борискин кабак?

Андай кому следует:** * комедия окончена (итал.) ** конец письма не сохранился.

36. Ал. П. ЧЕХОВУ 20-е числа февраля 1883 г. Москва.

Доброкачественный брат мой,

Александр Павлович!

Первым делом поздравляю тебя и твою половину с благополучным разрешением и прибылью, а г. Таганрог со свеженькой гражданкой. Да живет (…крестись!) новорожденная многие годы, преизбыточествуя (крестись!) красотою физическою и

нравственною, златом, гласом, толкастикой, и да цапнет себе со временем мужа доблестна (крестись, дурак!), прельстив предварительно и повергнув в уныние всех таганрогских гимназистов!!!

Принеся таковое поздравление, приступаю прямо к делу. Сейчас Николка сунул мне на прочтение твое письмо. Вопрос о праве "читать или не читать", за неимением времени, оставим в стороне. Относись письмо к одной только Николкиной персоне, я ограничился бы поздравлением, но письмо твое затрогивает сразу несколько вопросов, весьма интересных. О сих вопросах я и хочу потолковать. Мимоходом дам ответ и на все твои предшествовавшие скрижали. К сожалению, у меня нет времени написать много, как бы следовало. Благовидности и обстоятельности ради прибегну к рамкам, к системе: стану по ниточкам разбирать твое письмо, от "а" до ижицы включительно. Я критик, оно - произведение, имеющее беллетристический интерес. Право я имею, как прочитавший. Ты взглянешь на дело как автор - и все обойдется благополучно. Кстати же, нам, пишущим, не мешает попробовать свои силишки на критиканстве. Предупреждение необходимо: суть в вышеписанных вопросах, только; буду стараться, чтобы мое толкование было по возможности лишено личного характера.

1) Что Николка неправ - об этом и толковать не стоит. Он не отвечает не только на твои письма, но даже и на деловые письма; невежливее его в этом отношении я не знаю никого другого. Год собирается он написать Лентовскому, который ищет его; полгода на этажерке валяется письмо одного порядочного человека, валяется без ответа, а ради ответа только и было писано. Балалаечней нашего братца трудно найти кого другого. И что ужаснее всего - он неисправим… Ты разжалобил его своим письмом, но не думаю, чтобы он нашел время ответить тебе. Но дело не в этом. Начну с формы письма. Я помню, как ты смеялся над дядиными манифестами… Ты над собой смеялся. Твои манифесты соперничают по сладости с дядиными. Все есть в них: "обнимите"… "язвы души"… Недостает только, чтобы ты прослезился… Если верить дядькиным письмам, то он, дядя, давно уже должен истечь слезой. (Провинция!..) Ты слезоточишь от начала письма до конца… Во всех письмах, впрочем, и во всех своих произведениях… Можно подумать, что ты и дядя состоите из одних только слезных желез. Я не смеюсь, не упражняю своего остроумия… Я не тронул бы этой слезоточивости, этой одышки от радости и горя, душевных язв и проч., если бы они не были так несвоевременны и… пагубны. Николка (ты это отлично знаешь) шалаберничает; гибнет хороший, сильный, русский талант, гибнет ни за грош… Еще год-два, и песня нашего художника спета. Он сотрется в толпе портерных людей, подлых Яронов и другой гадости… Ты видишь его теперешние работы… Что он делает? Делает все то, что пошло, копеечно…, а между тем в зале стоит начатой замечательная картина. Ему предложил "Русский театр" иллюстрировать Достоевского… Он дал слово и не сдержит своего слова, а эти иллюстрации дали бы ему имя, хлеб… Да что говорить? Полгода тому назад ты видел его и, надеюсь, не забыл… И вот, вместо того чтобы поддержать, подбодрить талантливого добряка хорошим, сильным словом, принести ему неоцененную пользу, ты пишешь жалкие, тоскливые слова… Ты нагнал на него тоску на полчаса, расквасил его, раскислил и больше ничего… Завтра же он забудет твое письмо. Ты прекрасный стилист, много читал, много писал, понимаешь вещи так же хорошо, как и другие их понимают, - и тебе ничего не стоит написать брату хорошее слово… Не нотацию, нет! Если бы вместо того, чтобы слезоточить, ты потолковал с ним о его живописи, то он, это верно, сейчас уселся бы за живопись и наверное ответил бы тебе. Ты знаешь, как можно влиять на него… "Забыл… пишу последнее письмо" - все это пустяки, суть не в этом… Не это нужно подчеркивать… Подчеркни ты, сильный, образованный, развитой, то, что жизненно, что вечно, что действует не на мелкое чувство, а на истинно человеческое чувство… Ты на это способен… Ведь ты остроумен, ты реален, ты художник. За твое письмо, в котором ты описываешь молебен на палях (с гаттерасовскими льдами), будь я богом, простил бы я тебе все твои согрешения вольные и невольные, яже делом, словом… (Кстати: Николке, прочитавшему это твое письмо, ужасно захотелось написать пали.) Ты и в произведениях подчеркиваешь мелюзгу… А между тем ты не рожден субъективным писакой… Это не врожденное, а благоприобретенное… Отречься от благоприобретенной субъективности легко, как пить дать… Стоит быть только почестней: выбрасывать себя за борт всюду, не совать себя в герои своего романа, отречься от себя хоть на 1/2 часа. Есть у тебя рассказ, где молодые супруги весь обед целуются, ноют, толкут воду… Ни одного дельного слова, а одно только благодушие! А писал ты не для читателя… Писал, потому что тебе приятна эта болтовня. А опиши ты обед, как ели, что ели, какая кухарка, как пошл твой герой, довольный своим ленивым счастьем, как пошла твоя героиня, как она смешна в своей любви к этому подвязанному салфеткой, сытому, объевшемуся гусю… Всякому приятно видеть сытых,

довольных людей - это верно, но чтобы описывать их, мало того, что они говорили и сколько раз поцеловались… Нужно кое-что и другое: отречься от того личного впечатления, которое производит на всякого неозлобленного медовое счастье… Субъективность ужасная вещь. Она нехороша уже и тем, что выдает бедного автора с руками и ногами. Бьюсь об заклад, что в тебя влюблены все поповны и писарши, читавшие твои произведения, а будь ты немцем, ты пил бы даром пиво во всех биргалках, где торгуют немки. Не будь этой субъективности, этой чмыревщины, из тебя вышел бы художник полезнейший. Умеешь так хорошо смеяться, язвить, надсмехаться, имеешь такой кругленький слог, перенес много, видел чересчур много… Эх! Пропадает даром материал. Хоть бы в письма его совал, подкураживал Николкину фантазию… Из твоего материала можно ковать железные вещи, а не манифеста. Каким нужным человеком можешь ты стать! Попробуй, напиши ты Николке раз, другой раз, деловое слово, честное, хорошее - ведь ты в 100 раз умней его, - напиши ему, и увидишь, что выйдет… Он ответит тебе, как бы ни был ленив… А жалких, раскисляющих слов не пиши: он и так раскис…

"Не много надо чутья, - пишешь ты далее, - чтобы понять, что, уезжая, я отрезывал себя от семьи и обрекал себя забвению…" Выходит, что тебя забыли. Что ты и сам не веришь в то, что пишешь, и толковать не стоит. Лгать незачем, друг. Зная характер ноющей матери и Николая, который в пьяном виде вспоминает и лобызает весь свет, ты не мог этого написать; если бы не слезные железы, ты не написал бы этого. - "Я ожидал и, конечно, дождался…" Пронять хочешь… Нужно пронять, очень нужно, но проймешь не такими словами. Это цитаты из "Сестренки", а у тебя есть и подельней вещи, которые ты с успехом мог бы цитировать.

2) "Отец написал мне, что я не оправдал себя" и т. д. Пишешь ты это в 100-й раз. Не знаю, чего ты хочешь от отца? Враг он курения табаку и незаконного сожительства - ты хочешь сделать его другом? С матерью и теткой можно проделать эту штуку, а с отцом нет. Он такой же кремень, как раскольники, ничем не хуже, и не сдвинешь ты его с места. Это его, пожалуй, сила. Он, как бы сладко ты ни писал, вечно будет вздыхать, писать тебе одно и то же и, что хуже всего, страдать… И как будто бы ты этого не знаешь? Странно… Извини, братец, но мне кажется, что тут немаловажную роль играет другая струнка, и довольно-таки скверненькая. Ты не идешь против рожна, а как будто бы заискиваешь у этого рожна… Какое дело тебе до того, как глядит на твое сожительство тот или другой раскольник? Чего ты лезешь к нему, чего ищешь? Пусть себе смотрит, как хочет… Это его, раскольницкое дело… Ты знаешь, что ты прав, ну и стой на своем, как бы ни писали, как бы ни страдали… В (незаискивающем) протесте-то и вся соль жизни, друг.

Всякий имеет право жить с кем угодно и как угодно - это право развитого человека, а ты, стало быть, не веришь в это право, коли находишь нужным подсылать адвокатов к Пименовнам и Стаматичам. Что такое твое сожительство с твоей точки зрения? Это твое гнездо, твоя теплынь, твое горе и радость, твоя поэзия, а ты носишься с этой поэзией, как с украденным арбузом, глядишь на всякого подозрительно (как, мол, он об этом думает?), суешь ее всякому, ноешь, стонешь… Будь я твоей семьей, я бы по меньшей мере обиделся. Тебе интересно, как я думаю, как Николай, как отец!? Да какое тебе дело? Тебя не поймут, как ты не понимаешь "отца шестерых детей", как раньше не понимал отцовского чувства… Не поймут, как бы близко к тебе ни стояли, да и понимать незачем. Живи да и шабаш. Сразу за всех чувствовать нельзя, а ты хочешь, чтобы мы и за тебя чувствовали. Как увидишь, что наши рожи равнодушны, то и ноешь. Чудны дела твои, господи! А я бы на твоем месте, будь я семейный, никому бы не позволил не только свое мнение, но даже и желание понять. Это мое "я", мой департамент, и никакие сестрицы не имеют права (прямо-таки в силу естественного порядка) совать свой, желающий понять и умилиться, нос! Я бы и писем о своей отцовской радости не писал… Не поймут, а над манифестом посмеются - и будут правы. Ты и Анну Ивановну настроил на свой лад. Еще в Москве она при встрече с нами заливалась горючими слезами и спрашивала: "Неужели в 30 лет… поздно?" Как будто бы мы ее спрашивали… Наше дело, что мы думали, и не ваше дело объяснять нам. Треснуть бы я себя скорей позволил, чем позволил бы своей жене кланяться братцам, как бы высоки эти братцы ни были! Так-то… Это хорошая тема для повести. Повесть писать некогда.

3) "От сестры я не имею права требовать… она не успела еще составить обо мне… непаскудного понятия. А заглядывать в душу она еще не умеет…" (Заглядывать в душу… Не напоминает ли это тебе урядницкое читанье в сердцах?) Ты прав… Сестра любит тебя, но понятий никаких о тебе не имеет… Декорации, о которых ты пишешь, сделали только то, что она боится о тебе думать. Очень естественно! Вспомни,

поговорил ли ты с нею хоть раз по-человечески? Она уже большая девка, на курсах, засела за серьезную науку, стала серьезной, а сказал, написал ли ты ей хоть одно серьезное слово? Та же история, что и с Николаем. Ты молчишь, и не мудрено, что она с тобой незнакома. Для нее чужие больше сделали, чем ты, свой… Она многое могла бы почерпнуть от тебя, но ты скуп. (Любовью ее не удивишь, ибо любовь без добрых дел мертва есть.) Она переживает теперь борьбу, и какую отчаянную! Диву даешься! Все рухнуло, что грозило стать жизненной задачей… Она ничем не хуже теперь любой тургеневской героини… Я говорю без преувеличиваний. Почва самая благотворная, знай только сей! А ты лирику ей строчишь и сердишься, что она тебе не пишет! Да о чем она тебе писать будет? Раз села писать, думала, думала и написала о Федотихе… Хотела бы еще кое-что написать, да не нашлось человека, который поручился бы ей, что на ее слово не взглянут оком Третьякова и К°. Я, каюсь, слишком нервен с семьей. Я вообще нервен. Груб часто, несправедлив, но отчего сестра говорит мне о том, о чем не скажет ни одному из вас? А, вероятно, потому, что я в ней не видел только "горячо любимую сестру", как в Мишке не отрицал человека, с которым следует обязательно говорить… А ведь она человек, и даже ей-богу человек. Ты шутишь с ней: дал ей вексель, купил в долг стол, в долг часы… Хороша педагогия! За нее на том свете не родители отвечать будут. Не их это дело… "Об Антоне я умолчу. Оставался ты один…" Коли взглянуть на дело с джентльменской точки зрения, то и мне бы следовало умолчать и пройти мимо. Но в начале письма я сказал, что обойду личное… Обойду и здесь оное, а зацеплю только "вопрос…". (Ужас сколько вопросов!) Есть на белом свете одна скверная болезнь, незнанием которой не может похвастаться пишущий человек, ни один!.. [Их много, а нас мало. Наш лагерь слишком немногочисленен. Болен лагерь этот. Люди одного лагеря не хотят понять друг друга.] Записался! Зачеркивать приходится… И ты знаком с ней… Это кичеевщина - нежелание людей одного и того же лагеря понять друг друга. Подлая болезнь! Мы люди свои, дышим одним и тем же, думаем одинаково, родня по духу, а между тем… у нас хватает мелочности писать: "умолчу!" Широковещательно! Нас так мало, что мы должны держаться друг друга… ну, да vous comprenez!* Как бы мы ни были грешны по отношению друг к другу (а мы едва ли много грешны!), а мы не можем не уважать даже малейшее "похоже на соль мира". Мы, я, ты, Третьяковы, Мишка наш - выше тысячей, не ниже сотней… У нас задача общая и понятная: думать, иметь голову на плечах… Что не мы, то против нас. А мы отрицаемся друг от друга! Дуемся, ноем, куксим, сплетничаем, плюем в морду! Скольких оплевали Третьяков и К°! Пили с "Васей" брудершафт, а остальное человечество записали в разряд ограниченных! Глуп я, сморкаться не умею, много не читал, но я молюсь вашему богу - этого достаточно, чтобы вы ценили меня на вес золота! Степанов дурак, но он университетский, в 1000 раз выше Семена Гавриловича и Васи, а его заставляли стукаться виском о край рояля после канкана! Безобразие! Хорошее понимание людей и хорошее пользование ими! Хорош бы я был, если бы надел на Зембулатова дурацкий колпак за то, что он незнаком с Дарвином! Он, воспитанный на крепостном праве, враг крепостничества - за одно это я люблю его! А если бы я стал отрекаться от А, Б, В… Ж, от одного, другого, третьего, пришлось бы покончить одиночеством!

У нас, у газетчиков, есть болезнь - зависть. Вместо того чтоб радоваться твоему успеху, тебе завидуют и… перчику! перчику! А между тем одному богу молятся, все до единого одно дело делают… Мелочность! Невоспитанность какая-то… А как все это отравляет жизнь!

Дело нужно делать, а потому и останавливаюсь. После когда-нибудь допишу. Написал тебе по-дружески, честное слово; тебя никто не забывал, никто против тебя ничего особенного не имеет и… нет основания не писать тебе по-дружески.

Кланяюсь Анне Ивановне и одной Ма.

Получаешь ли "Осколки"? Уведомь. Послал тебе подтверждение самого Лейкина.

А за сим мое почитание.

А. Чехов

Не хочешь ли темки?

Накатал я однако! Рублей на 20! Более, впрочем… * вы понимаете! (франц.)

37. Н. А. ЛЕЙКИНУ
Март, после 2, 1883 г. Москва.

Многоуважаемый

Николай Александрович!

Получил и письмо и гонорар. Merci. Пророчество Ваше относительно моего писания, вероятно, сбудется: буду писать. Половина работы отложена на после лета: выигрываю в весне и проигрываю в лете. С половины апреля начну строчить "дачные рассказы". В прошлом году они у меня удавались. Напишу кучу и пришлю Вам на выбор; остальное, после Вашего выбора, Москве-матушке… Посылаю Вам статейку ("Трубка") Агафопода Единицына, московского писаки. Просил переслать.

Еще об одном: пришлите мне для моей библиофики единую из Ваших книжек. Какую именно, не знаю. Жил во время оно в провинции и был одним из ревностнейших Ваших читателей.

Особенно врезался в мою память один рассказ, где купцы с пасхальной заутрени приходят. Я захлебывался, читая его. Мне так знакомы эти ребята, опаздывающие с куличом, и хозяйская дочка, и праздничный "сам", и сама заутреня… Не помню только, в какой это книжке… В этой же книжке, кстати сказать, есть фраза, которая врезалась в мою память: "Тургеневы разные бывают", - фраза, сказанная продавцом фотографий. Вот Вам 2 признака желаемой книжки. Есть, впрочем, один и третий: она должна быть из первых. А за сим примите уверение в глубоком уважении от

А. Чехова.

P. S. У Вас в конторе нововведение: почтовые марки, прежде чем вложить в конверт, заворачивают в бумажку. Это рациональная реформа. В предшествующую получку я распечатал конверт в почтамтском дворе, и мои бедные марки были развеяны ветром.

38. А. Н. КАНАЕВУ
26 марта 1883 г. Москва.

3/26/III

Многоуважаемый

Александр Николаевич,

Тысячу раз уж успел я мысленно поблагодарить за Ваше первое письмо, бывшее ответом на мою просьбу, а ныне присовокупляю другую тысячу ради Вашего нового письма. Генеральский адрес получил и оный вручил по принадлежности. О результатах ничего не знаю; на днях наведу справки. Над грязной землей светит такое хорошее солнце, в воздухе так пахнет весной, что лень и нет сил сидеть в комнате, а у меня - увы мне! - работы по горло: экзамены, хлеб насущный… Люблю весну, а между тем менее всего пользуюсь ей. Поневоле поэтом не будешь: боги таланта не дали, а социальные условия весну отнимают. Летом по России ездить буду. Работаю литературно все больше на Питер. Ваши питерские денежки ем. Думаю и к Вам проехаться.

У Корша скандал большущий. Грязная муха может всю стену опачкать, а маленький грязненький поступочек может испортить все дело. Вышло все из-за пустяков: из-за денег. Я не следил за ходом скандала и всей сути не знаю. Напишу Вам то, что слышал.

От Корша отделились бесповоротно: Писарев, Глама и Бурлак, т. е. вся соль труппы. Газетчики утверждают (в частных беседах), что виноват во всем Писарев и К°. То же утверждают и все вертящиеся вокруг и около газетного дела… Враги вышеписанных трех лиц буквально торжествуют, а друзья рассказывают про них то, чего раньше не рассказывали. Не думаю, чтобы в данном случае газетчики плясали под чужую дудку и интриговали… Что-то неладное есть среди артистов… что-то такое-этакое…, а что именно, формулировать не берусь пока. Писарев купно с Гламой и Бурлаком ходили к Малкиелю нанять у него его Пушкинский театр, но Малкиель отказал. Куда они направят теперь свои стопы, мудрено сказать. Кто

остался у Корша? Не знаю. Судьба Свободина мне тоже неизвестна. Узнаю - напишу.

Вообще дело такое пакостное, в глазах публики запутанное, что необходимо выслушать обе стороны, чтобы сказать что-нибудь похожее на правду. Жаль русский театр, и очень жаль, что сбылось одно мое маленькое пророчество:

Раз на выставке, беседуя с Вами (Вы, конечно, не помните, да и помнить тут особенно нечего), я бранился в то время, когда Вы хвалили. Похвалив, и Вы съехали на минорный тон. Мы пришли к соглашению, что у наших гг. актеров все есть, но не хватает одного только: воспитанности, интеллигентности, или, если позволите так выразиться, джентльменства в хорошем смысле этого слова. Минуя пьянство, юнкерство, бесшабашное пренебрежение делом, скверненькое заискивание популярности, мы остановились с Вами на этом отсутствии внутреннего джентльменства; - те же сотрудники "Московского листка"! (Исключения есть, но их так мало!) Народ порядочный, но невоспитанный, портерный… И, бранясь таким манером, я высказал Вам свою боязнь за будущность нового театра. Театр не портерная и не татарский ресторан, он… (следует определение театра)…, а раз внесен в него портерный или кулачнический элемент, несдобровать ему, как несдобровать университету, от которого пахнет казармой…

Впрочем, все это длинно… Я слишком сердит за театр и готов два дня говорить на эту тему, но не писать. Жду к себе Кичеева. Потолкую с ним о занимаемом Вас вопросе. Со всеми потолкую, и если услышу что-либо интересное, то сообщу по Вашему адресу. А пока кланяюсь двумя головами (своей и Николаевой) и прошу не забывать, что у Вас есть покорнейший слуга

А. Чехов.

Не съездить ли нам как-нибудь мимоездом в Воскресенск? Стоит…

В Питере, быть может, побываю летом.

Коли увидите А. Д. Бродского, то поклон ему. Он очень порядочный малый.

39. Ал. П. ЧЕХОВУ 17 или 18 апреля 1883 г. Москва.

Христос воскрес, град Таганрог, Касперовка, Новостроенки с в них находящимися! Поздравление с праздниками и с весной. Александру Павловичу, Анне Ивановне и Марии Александровне с няньками, мамками и кухарками салют, почет и уважение с силуэтом. (Острота "Москов«ского» листка".) Живы и здоровы. Писем от Вас не имеем и о Вас неизвестны. Живем сносно: едим, пьем. Есть пианино, мебель хорошая. Помнишь уткинскую мебель? Теперь вся она у нас, и дядькина "роскошь" (включая в оную и картины с Coats C˚) никуда не годится сравнительно с нашей. Мать и Марья живы и здравствуют. Кстати: Марья ревела, читая твое письмо, и поссорилась с батькой. Отец написал тебе без ее ведома.

Ты сильно бы обидел нас, ежели бы прислал хоть копейку. Уж ежели хочешь прислать, то пришли не денег, а вина… Мы сыты и одеты и ни в чем не нуждаемся - сам знаешь; и на Марью хватит. "Трубку" послал Лейкину, несколько сократив ее и изменив "начальника отделения" на соответствующий чин. Лейкин давно уже мне не писал, не знаю судьбы твоего рассказа. Вероятно, фиаско: разговоров лишних много и… кто это племянник его -ства? Положение не естеств«енное». Потом: нецензурно… Неискусно лавируешь. Надо тебе сказать, что сотрудничество твое в "Осколках" будет далеко не лишним. Рабочие там нужны, и Лейкин с удовольствием завозится с тобой. Пиши рассказы в 50-80 строк, мелочи et caet«era»… Посылай сразу по 5-10 рассказов.., сразу их напечатают. Плата великолепная и своевременная. Посылай сам в Питер. Главное: 1) чем короче, тем лучше, 2) идейка, современность, a propos, 3) шарж любезен, но незнание чинов и времен года не допускается.

Еще, надо тебе сказать, "Осколки" теперь самый модный журнал. Из него перепечатывают, его читают всюду… И не мудрено. Сам видишь, в нем проскакивают такие штуки, какие редко найдешь и в неподцензурных изданиях. Работать в "Осколках" значит иметь аттестат… Я имею право глядеть на "Будильник" свысока и теперь едва ли буду где-нибудь работать за пятачок: дороже стал. А посему ничего не потеряешь, если на первых порах сильней поработаешь, перепишешь раза 2-3. Темы едва ли стеснят тебя… Не будь узок, будь пошире: на одних превосходительствах не выедешь.

В "Зрителе" платил издатель превосходно, но теперь, кажется, он уже уходит. У Давыдова ни гроша: во все время выхода номеров он играл жалкую роль… Денег у него, как и прежде: 10 коп. в подкладке, другие 10 у Розки.

Теперь о деле. Не хочешь ли войти в компанию? Дело слишком солидное и прибыльное (не денежно, впрочем). Не хочешь ли науками позаниматься? Я разрабатываю теперь и в будущем разрабатывать буду один маленький вопрос: женский. Но, прежде всего, не смейся. Я ставлю его на естественную почву и сооружаю: "Историю полового авторитета". При взгляде (я поясняю) на естественную историю ты (как я заметил) заметишь колебания упомянутого авторитета. От клеточки до insecta* авторитет равен нолю или даже отрицательной величине: вспомни червей, среди которых попадаются самки, мышцею своею превосходящие самцов. Insecta дают массу материала для разработки: они птицы и амфибии среди беспозвоночных (см. птицы - ниже). У раков, пауков, слизняков - авторитет, за малыми колебаниями, равен нолю. У рыб тоже. Переходи теперь к несущим яйца и преимущественно высиживающим их. Здесь авторитет мужской = закон. Происхождение его: самка сидит 2 раза в год по месяцу - отсюда потеря мышечной силы и атрофия. Она сидит, самец дерется, - отсюда самец сильней. Не будь высиживанья - не было бы неравенства. У insecta у летающих нет разницы, у ползающих есть. (Летающий не теряет мышечной силы, ползающий норовит во время беременности залезть в щелочку и посидеть.) Кстати: пчелы - авторитет отрицательный. Далее: природа, не терпящая неравенства и, как тебе известно, стремящаяся к совершенному организму, делая шаг вперед (после птиц), создает mammalia,** у которых авторитет слабее. У наиболее совершенного - у человека и у обезьяны еще слабее: ты более похож на Анну Ивановну, и лошадь на лошадь, чем самец кенгуру на самку. Понял? Отсюда явствует: сама природа не терпит неравенства. Она исправляет свое отступление от правила, сделанное по необходимости (для птиц) при удобном случае. Стремясь к совершенному организму, она не видит необходимости в неравенстве, в авторитете, и будет время, когда он будет равен нолю. Организм, который будет выше mammalia, не будет родить после 9-тимесячного ношения, дающего тоже свою атрофию; природа или уменьшит этот срок, или же создаст что-либо другое.

Первое положение, надеюсь, теперь тебе понятно. Второе положение: из всего явствует, что авторитет у homo*** есть: мужчина выше.

3) Теперь уж моя специальность: извинение за пробел между историями естественной и Иловайского. Антропология и т. н. История мужчины и женщины. Женщина - везде пассивна. Она родит мясо для пушек. Нигде и никогда она не выше мужчины в смысле политики и социологии.

4) Знания. Бокль говорит, что она дедуктивнее… и т. д. Но я не думаю. Она хороший врач, хороший юрист и т. д., но на поприще творчества она гусь. Совершенный организм - творит, а женщина ничего еще не создала. Жорж Занд не есть ни Ньютон, ни Шекспир. Она не мыслитель.

5) Но из того, что она еще дура, не следует, что она не будет умницей: природа стремится к равенству. Не следует мешать природе - это неразумно, ибо все то глупо, что бессильно. Нужно помогать природе, как помогает природе человек, создавая головы Ньютонов, головы, приближающиеся к совершенному организму. Если понял меня, то: 1) Задача, как видишь, слишком солидная, не похожая на «…» наших женских эмансипаторов-публицистов и измерителей черепов. 2) Решая ее, мы обязательно решим, ибо путь верен в идее, а решив, устыдим кого следовает и сделаем хорошее дело. 3) Идея оригинальна. Я ее не украл, а сам выдумал. 4) Я ей непременно займусь.

Подготовка и материалы для решения есть: дедукция более, чем индукция. К самой идее пришел я дедуктивным путем, его держаться буду и при решении. Не отниму должного и у индукции. Создам лестницу и начну с нижней ступеньки, следовательно, я не отступлю от научного метода, буду и индуктивен. Рукопись едва ли выйдет толстая: нет надобности, ибо естественная история повторяется на каждом шагу, а история через 2 шага. Важны и шипучи выводы и идея сама по себе. Ежели хочешь войти со мной в компанию, то помоги. Оба сделаем дело, и, поверь, недурно сделаем. Чем мы хуже других? Ты возьмешь одну ступеньку, я другую и т. д.

Взявшись за зоологию, ты сейчас уже увидишь свое дело: колебания увидишь - пиши, что есть авторитет; где нет - пиши нет. В чем состоят колебания? Причины их?

Важны ли они? И т. д. Статистика и общий вывод у каждого класса. Приемы Дарвина. Мне ужасно нравятся эти приемы! После зоологии - займемся антропологией, и чуть-чуть, ибо важного она мало даст. За сим займемся историей вообще и историей знаний. История женских университетов. Тут курьез: за все 30 лет своего существования женщины-медики (превосходные медики!) не дали ни одной серьезной диссертации, из чего явствует, что на поприще творчества - они швах*. Анатомия и тождество. Далее: сравнительное заболевание. Одинаковость болезней. Какими болезнями более заболевает мужчина, и какими женщина? Вывод после статистики. Нравственность. Статистика преступлений. Проституция. Мысль Захер-Мазоха: среди крестьянства авторитет не так резко очевиден, как среди высшего и среднего сословий. У крестьян: одинаковое развитие, одинаковый труд и т. д. Причина этого колебания: воспитание мешает природе. Воспитание. Отличная статья Спенсера.

При свидании я о многом поговорил бы с тобой и поговорю. Кончив через год курс, я специализирую себя на решении таких вопросов естественным путем. Если хочешь заняться, то мы, гуляючи, не спеша, лет через 10 будем глазеть на свой небесполезный труд. Да и сами занятия принесут нам пользу: многое узнаем. Подумай и напиши. Мы столкуемся, и я вышлю тебе то, что следует. Терпения у меня хватит - это ты знаешь. Ну а тебе уж пора, слава богу, здоровила. Не стесняйся малознанием: мелкие сведения найдем у добрых людей, а суть науки ты знаешь, метод научный ты уяснил себе, а больше ничего и не нужно. Не тот доктор, кто все рецепты наизусть знает, а тот доктор, кто вовремя умеет в книжку заглянуть. Ежели же ты не согласишься, то будет жаль. Скучно будет одному ориентироваться в массе. Вдвоем веселей.

А за сим желаю всех благ. Держу экзамены и пока счастливо. Перехожу на V курс. Был в заутрене и на страстях? Кланяюсь коемуждо.

А. Чехов. * насекомых (лат.) ** млекопитающих (лат.)

*** человека (лат.)

**** Памятуй, что совершенный организм творит. Если женщина не творит, то, значит, она дальше отстоит от совершенного организма, следовательно, слабее мужчины, который ближе к упомянутому организму.

40. Н. А. ЛЕЙКИНУ
Апрель, после 17, 1883 г. Москва.

Многоуважаемый

Николай Александрович!

Посылаю Вам несколько рассказов и ответ на Ваше письмо.

Вы a propos замечаете, что мои "Верба" и "Вор" несколько серьезны для "Осколков". Пожалуй, но я не посылал бы Вам не смехотворных вещиц, если бы не руководствовался при посылке кое-какими соображениями.

Мне думается, что серьезная вещица, маленькая, строк примерно в 100, не будет сильно резать глаз, тем более, что в заголовке "Осколков" нет слов "юмористический и сатирический", нет рамок в пользу безусловного юмора. Вещичка (не моя, а вообще) легенькая, в духе журнала, содержащая в себе фабулу и подобающий протест, насколько я успел подметить, читается охотно, сиречь не делает суши. Да у Вас же изредка, кстати сказать, между вещицами остроумнейшего И. Грэка попадаются вещицы, бьющие на серьез, но тоненькие, грациозные, такие, что хоть после обеда вместо десерта ешь. Они не делают контры, а напротив… Да и Лиодор Иванович не всегда острит, а между тем едва ли найдется такой читатель "Осколков", к«ото»рый пропускает его стихи не читая. Легкое и маленькое, как бы оно ни было серьезно (я не говорю про математику и кавказский транзит), не отрицает легкого чтения… Упаси боже от суши, а теплое слово, сказанное на Пасху вору, к«ото»рый в то же время и ссыльный, не зарежет номера. (Да и, правду сказать, трудно за юмором угоняться! Иной раз погонишься за юмором да такую штуку сморозишь, что самому тошно станет. Поневоле в область серьеза лезешь…) К Троице я пришлю Вам что-нибудь зеленое, а la "Верба". Буду серьезничать только по большим праздникам.

Аг«афоподу» Единицыну я написал. Это мой брат, ныне чиновник, работавший в последние годы в московских изданиях. Работал сильно и в свое время с успехом: жил письмом. Был малый юмористом, ударился в лиризм, в фантасмагорию и, кажется… погиб для авторства. Хочется удрать от лиризма, но поздно, увяз. Его письма полны юмора, ничего смехотворней выдумать нельзя, но как станет строчить для журнала - беда, ковылять начнет. Будь он помоложе, из него можно было бы сделать недюжинного работника. Юморист он неплохой. Это можно видеть из одного того, что в таганрогскую таможню поступил, когда уж оттуда все повыкрали. Я написал ему, и он пришлет Вам, наверное, что-нибудь. А за сим остаюсь всегда готовым к услугам

А. Чехов.

На 1-й день Пасхи я послал Вам рассказ: "Ваня, мамаша, тетя и секретарь". Получили?

41. Ал. П. ЧЕХОВУ 13 мая 1883 г. Москва.

83/13/V
Маленькая польза! пожелав тебе самой большой пользы, ответствую тебе на твое письмо. Прежде всего каюсь и извиняюсь: не писал долго по причинам, от редакции не зависящим. То некогда было, то лень… Не писал тебе и все время был мучим совестью. Ты просил у меня совета касательно муки Nestl'я и, вероятно, ожидаешь его с понятным нетерпением, а я молчу и молчу… Прошу еще раз пардона. Спрашивал я докторов, читал, думал и пришел к убеждению, что ничего положительного нельзя сказать об этой муке. Одни против нее, другие проходят молчанием. Могу посоветовать только одно: как только заметишь понос, брось. (Не свой понос, а дочкин.) Корми свой плод тогда чем-нибудь другим, примерно коровьим молоком разбавленным. Весьма возможно, что летом будет понос. Мать слаба, ты выпивоха, жарко, плохое питание и т. д. Но робеть не надо. Этот поносик излечивается любым лекаришкой. Decoct. Salep. или альтейный отв«ар», то и другое с каплями опия. На живот компресс. Кашек, хлеба, подсолнухов, чаю и горячих напитков не давай. Будет просить водки, не давай. Секи, а не давай. Коли поносы пойдут, недалеко до аглицкой… водки, думаешь?…болезни. Но и последнюю остановишь не столь лекарствами, сколь заботами о питании. Еду на днях в Воскресенск и оттуда пришлю тебе наставление, как кормить, поить, сечь, лечить, предупреждать, что важно, что не важно, когда от грудей отнимать, когда кашу есть можно, каких рецептов докторских пугаться надо и т. д. Все это важно и не берусь сочинять, тщательно не обдумав. Напишу по последним выводам наук, чем думаю избавить тебя от покушений покупать детские лечебники, воспитательники и т. п., на каковую покупку вы все так горазды, отцы детей. Пришлю непременно. Слово твердо. А за сие ты пришлешь мне 100 руб. и как можно больше почтовых марок.

Прочел твой ответ на мое письмо. Частию удивлен. Ты, братец, местами недопонял, местами перепонял. Никто не просил тебя выбрасывать себя за борт парохода. Зная, как плохо ты плаваешь, мог ли я, не свихнувшись с разума, дать тебе этот пагубный совет? Говорено было о произведениях, о субъективности. На природу свою дядькинскую, братец, не напирай. Карамзин и Жуковский ноют на каждом слове, а между тем менее всего пишут о себе. (Кстати, поздравляю тебя с дядькой, у которого есть медаль. Ванька теперь подохнет от зависти.) Потом, неужели, чтобы знать Николкины работы, нужно получать "Свет и тени"? Ведь ты его видел не пять лет тому назад. Сколько картин у него было, когда ты уезжал? Потом-с, я писал о Марье, не разумея под ней ни филаретовки, ни курсистки. Она есть то, чем была и при тебе. Никаких пропаганд не нужно (в кутузку еще чего доброго влезешь); я говорил об игнорировании личности, бывшем и сущем. О Мишке я молчал и думал, что сам ты его вспомнишь. Он и Марья терпели в одинаковой степени. Впрочем, далее… Говоря о завидующих газетчиках, я имел в виду газетчиков, а какой ты газетчик, скажи на милость? Я, брат, столько потерпел и столь возненавидел, что желал бы, чтобы ты отрекся имени, к«ото»рое носят уткины и кичеевы. Газетчик значит, по меньшей мере, жулик, в чем ты и сам не раз убеждался. Я в ихней компании, работаю с ними, рукопожимаю и, говорят, издали стал походить на жулика. Скорблю и надеюсь, что рано или поздно изолирую себя a la ты. Ты не газетчик, а вот тот газетчик, кто, улыбаясь тебе в глаза, продает душу твою за 30 фальшивых сребреников и за то, что ты лучше и больше его, ищет тайно погубить тебя чужими руками, - вот это газетчик, о к«ото»ром я писал тебе. А ты, брат, недоумение, обоняние, газ… ничтожество… газетчикхен. Я газетчик, потому что много пишу, но это временно… Оным не умру. Коли буду писать, то непременно издалека, из щелочки… Не завидуй, братец, мне! Писанье, кроме дерганья, ничего не дает мне.

100 руб., к«ото»рые я получаю в месяц, уходят в утробу, и нет сил переменить свой серенький, неприличный сюртук на что-либо менее ветхое. Плачу во все концы, и мне остается nihil*. В семью ухлопывается больше 50. Не с чем в Воскресенск ехать. У Николки денег тоже чертма. Утешаюсь по крайней мере тем, что за спиной кредиторов нет. За апрель я получил от Лейкина 70 руб., и теперь только 13-е, а у меня и на извозца нет.

Живи я в отдельности, я жил бы богачом, ну, а теперь… на реках Вавилонских седохом и плакахом… Пастухов водил меня ужинать к Тестову, пообещал 6 к. за строчку. Я заработал бы у него не сто, а 200 в месяц, но, сам видишь, лучше без штанов с голой ж«…» на визит пойти, чем у него работать. "Будильник" я не терплю, и если соглашусь строчить в нем, то не иначе, как с болью. Черт с ними! Если бы все журналы были так честны, как "Осколки", то я на лошадях бы ездил. Мои рассказы не подлы и, говорят, лучше других по форме и содержанию, а андрюшки дмитриевы возводят меня в юмористы первой степени, в одного из лучших, даже самых лучших; на литературных вечерах рассказываются мои рассказы, но… лучше с триппером возиться, чем брать деньги за подлое, за глумление над пьяным купцом, когда и т. д. Черт с ними! Подождем и будем посмотреть, а пока походим в сереньком сюртуке. Погружусь в медицину, в ней спасение, хоть я и до сих пор не верю себе, что я медик, а сие значит, что… так говорят по крайней мере, а для меня решительно все одно… что не на свой факультет я попал. Но далее… Ты пишешь, что я забросал грязью Третьякова, умирающего от чахотки. Чахотка тут ни при чем, умирание тоже. В начале же письма я сделал оговорку, что я шпыняю не Ивана, не Петра, до коих мне нет никакого дела, а систему… Я писал тебе как беллетрист и как к лучшему из приятелей… К чему же тут чахотка и грязь? Лично против Л«еонида» В«ладимировича?» я ничего не имею, а напротив, мне делается скучно, когда я вспоминаю его лицо; я имел в виду данный недостаток, присущий не одному только ему, потому что не он один только барин. Я думал и думаю, что поздравительные письма нам с тобой не под силу, что их с успехом можно заменить беседами о том о сем… Думал, что ты так или иначе отзовешься об упомянутом недостатке, умалишь его, оправдаешь, напишешь, насколько я прав, насколько не прав (тема ведь хорошая), а ты запустил чахоткой и грязью… Лучше бы ты уж написал: "не осуждай!" - единственный грех моего письма, грех, как мне кажется, окупаемый литераторской стрункой. Далее…

Твою "Пасхальную ночь" в архив спрятал и на будущий год за нее гонорар тебе вышлю. Кстати: "Глагол времен, металла звон" напечатаны, и деньги я получил. Только недавно узнал, что получил их вместе со своим гонораром. По 5 к. за строчку. Отдам тому, кто к тебе поедет. "Зритель" погребен и отпет. Более не воскреснет. Лейкин пишет, что он 20 раз порывался напечатать твою "Трубку", но все не решался: он никак не понял конца. Просит тебя посылать ему. Пиши. Получишь кое-что назад, посетуешь, поскорбишь, а там приноровишься и будешь получать на муку Нестля. Деньги сгодятся, а в особенности в Таганроге, где лишняя четвертная более заметна, чем в Москве. Кстати, на будущий год наймешь мне в Карантине на целое лето дачу. Врачом приеду и проживу с вами целое лето. Деньги будут и поживем. Насчет нашей поездки на юг положительного ничего нельзя сказать. К великому горю моему, половина экзаменов будет в конце каникул, что сильно попортило мне лето. На что тебе сдалась тетка? Хватил! Этакое оскудение тащить за 1200 верст, чтоб щупать кур! Да она тебя съест в тоске за Алексеем и тайком обкормит картошкой твой плод! Мать сильно просится к тебе. Возьми ее к себе, коли можешь. Мать еще бойка и не так тяжела, как тетка. Тетка молчаливей, но с ней трудней ужиться. Она злобствует втихомолку. Отец всем рассказывает, что у тебя замечательная должность. В пьяном виде он толкует про твой мундир, права и т. д. Опиши ему, пожалуйста, свой мундир и приплети хоть один табельный день, в к«ото»рый ты стоял в соборе среди великих мира сего…

"Ну, а Саша… как? - начинает он обыкновенно после третьей рюмки. - В Таганроге таможня первоклассная! Там, который служащий…" и т. д.

Далее… Как-то на праздниках в хмельном виде я написал тебе проект о половом авторитете. Дело можно сделать, но сначала нужно брошюркой пустить. Тема годится для магистерской диссертации по зоологии… Возьмись-ка! Пиши и присылай марок.

Ну, что Гершка? «…» А тот гробик, что на Долгоруковской ул«ице» в окне стоял, уже большой вырос. Утони, Саша! Иногда люди умирают от долгого хождения по каменной лестнице. "Сомнамбулу" ищу. У меня ее нет. Спрошу Турлыгина. У него, должно быть. Буду писать из Воскресенска, а ты пиши в Москву. Мне переправят твое письмо с оказией.

Наденьку Сок«ольникову», кажется, к Вам справляют. А Гаврилка - жулик! * ничего, нуль (лат.)

42. И. И. БАБАКИНУ
Май, до 24, 1883 г. Воскресенск.

Да, молодец… Спасибо… За это я тебя с собой в Москву возьму… Там ты нужнее будешь… Согласен?..

А. Чехонте.

43. Н. А. ЛЕЙКИНУ

26 мая 1883 г. Воскресенск.

26/V

Многоуважаемый

Николай Александрович!

Благоволите сделать распоряжение, чтобы на сей раз гонорар был выслан мне не в Москву, а по следующему адресу! г. Воскресенск (Московской губ.).

Подчеркиваю не без цели. Часто на письмах вместо Воскресенск пишут почему-то Вознесенск и пропускают "(Москов. губ.)", а Воскресенсков на Руси столько же, сколько в святцах Иванов и среди попов Беневоленских. Письмо же, на котором забывают поставить букву "г" (город), рискует очутиться в селе Воскресенском. Обитаю в Новом Иерусалиме, хожу в гости к монахам и не вижу "Осколков". Не видел последних трех номеров и не знаю, сколько у вас статей моих ненапечатанных. Думаю, что хватит, а потому пока ничего не посылаю и почиваю на лаврах. Впрочем, вечером сяду писать троичный рассказ. Если успею, то пошлю его вслед за этим же письмом. В Москве буду к 10 июню. Получу гонорар и улечу туда. Хорошая вещь лоно природы, но банкротиста и чревата "упущениями по службе" - лень, которою усыпано все это лоно.

Погода прелестная. Тянет из нутра наружу. Нужно идти. Пожелав Вам всего лучшего, имею честь быть всегдашним Вашим слугою

А. Чехов.

44. Н. А. ЛЕЙКИНУ
4 июня 1883 г. Воскресенск.

Уважаемый

Николай Александрович!

Посылаю Вам несколько рассказов. Прислал бы более и написал бы лучше, если бы не разленился. Летом я бываю страшным лентяем, хоть и мечтаю всю зиму о трудовом лете. Ничего с собой не поделаю.

О судьбе Ваших книг и письма не беспокоитесь. Письмо Ваше я получил с оказией, а книги, наверное, уже получила моя семья и читает. В Москве я живу обстоятельно, семейно. Можете писать туда и посылать что угодно, и я все получу. Впрочем, если посылка ценная, то мне придется самому получить, что произойдет не позднее 10-го июня. Если будете еще писать, то пишите на Москву. Рецензийку о Ваших книгах напишу и, если сам не сумею где-либо тиснуть, отдам Пальмину, дачного адреса которого, кстати сказать, я не знаю.

В "Стрекозу" я сунулся не впервые. Там я начал свое литературное поприще. Работал я в ней почти весь 1880 год, вместе с Вами и И. Грэком. В том же году и бросил работать по причинам, в Вашем письме изложенным. Выпишете: "каяться будете". Я уже 25 раз каялся, но… что же мне делать, скажите на милость? Если мне присылать в "Осколки" все то, что мне иногда приходится написать за один

хороший зимний вечер, то моего материала хватит Вам на месяц. А я, случается, пишу не один вечер и написываю целую кучу. Куда же мне посылать всю эту кучу? От Москвы я открестился, работаю в ней возможно меньше, а в Питере я знаком только с двумя журналами. Volens-nolens приходится писать и туда, куда не хотелось бы соваться. Положение хуже губернаторского… Вы сами работали много и понимаете это положение. Я еще помыслю на эту тему.

Как-то мне приходилось подписываться кое-где "Крапивой". Заявляю торжественно, что материя, печатающаяся с тем же псевдонимом в "Стрекозе", не есть дело рук моих.

Пишет ли Вам Агафопод Единицын? У меня почти готов для Вас один (относительно) большой рассказ "До 29-го июня" и скоро будет готов другой "29-е июня". Оба по охотницкой части. Кончу их и пришлю, а пока имею честь быть всегда готовым к услугам и уважающим

А. Чехов.

Кстати. Сделайте распоряжение о высылке в мой счет "Осколок" за сей год по следующему адресу:

"г. Воскресенск (Московск. губ.).

Учителю приходского училища".

45. Н. А. ЛЕЙКИНУ
25 июня 1883 г. Москва.

Уважаемый

Николай Александрович!

Посылаю Вам моск«овские» заметки, а с ними и одно маленькое заявление: пишу я юмористический фельетон впервые. Неопытен и малосведущ. В актеры я не уйду, мельницей не займусь, но не могу ручаться, что не буду сух, бессодержателен и, главное, не юмористичен. Буду стараться. Если годится, берите и печатайте, а если не годится, то… фюйть! Буду высылать Вам куплетцы, Вы выбирайте и, ради бога, не церемоньтесь. Данною Вам от бога властью херьте все неудобное и подозреваемое в негодности. Я щепетилен, но не для "Осколок". Предложи мне эту работу другая редакция, я отказался бы или обошелся бы без этого заявления, но у Вас я слушаюсь и говорю правду. Если Вы даже вовсе похерите мои заметки и скажете мне "пас!", то и это я приму с легкою душою. Мне дороги не мои интересы, а интересы "Осколок". К "Стрекозам" и "Будильникам" я отношусь индифферентно, но печалюсь, если вижу в "Осколках" что-либо невытанцевавшееся, мое или чужое, - признак, что мне близко к сердцу Ваше дело, которое, как мне известно это по слухам и поступкам, Вы ведете с энергией и с верой.

Ранее моск«овские» заметки велись неказисто. Они выделялись из общего тона своим чисто московским тоном: сухость, мелочность и небрежность. Если бы их не было, то читатель потерял бы весьма мало. По моему мнению, в Москве некому писать к Вам заметки. Пробую свои силишки, но… тоже не верю. Я ведь тоже с московским тоном. Не буду слишком мелочен, не стану пробирать грязных салфеток и маленьких актеров, но в то же время я нищ наблюдательностью текущего и несколько общ, а последнее неудобно для заметок. Решайте… Скоро пришлю еще.

Книги получил, читаю и благодарю. Вы сдержали Ваше обещание, но это не послужило мне добрым примером: я не сдержал обещание и не выслал рассказов. На этот раз прошу простить.

Был расстроен, а вместе со мной расстроилась и моя шарманка. Теперь пришел в себя и сажусь за работу. "Петров день" (рассказ) вышел слишком длинен. Я его переписал начисто и запер до будущего года, а теперь никуда не пошлю. Сейчас сажусь писать для Вас. Суббота у меня Ваш день. Завтра, вероятно, вышлю, но… не верьте, впрочем… Я мало-помалу становлюсь Подхалимовым и обманул Вас уж не раз…

А за сим позвольте оставаться Вашим покорнейшим слугою

А. Чехов.

46. Н. А. ЛЕЙКИНУ
27 июня 1883 г. Воскресенск.

Многоуважаемый

Николай Александрович!

Простите, ради бога, что заставил Вас писать 2 письма об одном и том же и оставлял Вас долго в незнании относительно моск«овских» замет«ок». Надеюсь, что Вы уже получили посланные мною два письма и прочли мой ответ. Я отвечал Вам, что готов взять на себя ведение моск«овских» зам«еток», но без ручательства, что буду веселее моих предшественников, ушедших в актеры и мельники. Я послал Вам на пробу заметки, но не знаю, угодил ли я Вам? Фельетонное дело не моя специальность, и я не удивлюсь, если Вы похерите все посланное. А если не годится, херьте, елико возможно, - об этом молю. Все то, что испорчено цензором, все невытанцевавшееся, все плохенькое, неспелое оставляйте без последствий - об этом паки молю. Мой товар - читателя деньги… Ваша же вина будет, если товар не понравится, с Вас спросится: Вы эксперт. К будущей неделе пришлю еще заметок. Если не сгодится, то пишите Пазухину. Мне думается, что и Пазухин не угодит Вам. Лично я его не знаю, но знаком отчасти с его литературой. Он питомец "Моск«овского» листка", вечно сражающегося с грязными салфетками и портерными. И потом… Не могу я сопоставить "Осколки" с сотрудничеством человека, пишущего патриотические рассказы в табельные дни. Что может быть у них общего? Впрочем, на безрыбье и Фома человек… Пробуйте Пазухина. Если и он не сгодится, то… если только позволено будет посоветовать… отдайте злополучные заметки петербуржцу. За 700 верст живет от места происшествия, но не напишет хуже… Пробирает же у Вас провинцию Проезжий, нигде не проезжая! А если это найдете неудобным, то… почему бы и вовсе не упразднить этих заметок? Если нет хороших, то не нужно никаких… Если отдадите петербуржцу, то ни я и, надеюсь, ни Лиодор Иванович не откажемся присылать сырой материал, ежели таковой будет.

К "Стрекозе" не ревнуйте. Рассказ, напечатанный там, длинен для "Осколок" (ровно 150 строк). Какие беспорядки в этом "русском J«ournal» Amusant"! В одном рассказе столько опечаток, что читающему просто жутко делается! Вместо "барон" - "бабон", вместо "мыльная вода" - "пыльная вода" и проч. В 1880 г. было то же самое. Не могут корректора порядочного нанять… Писать туда больше не стану.

Гонорар высылайте в Воскресенск (Моск«овской» губ.). Я теперь в Воскресенске и в Москве, но чаще в первом. Я не хворал, но стих на меня такой нашел: не делается, не пишется… Стих этот обыкновенно не долго длится. Ковыляю, ковыляю, да вдруг и сяду за дело… Если еще не поздно, то упраздните те мои две безделушки, о которых Вы пишете.

К письму прилагаю экспромтец. Это апропо, чтоб в письме ровно на 7 коп. было (по весу).

"До 29-го июня" написал, но никуда не послал. Для Вас длинно. Если хотите, то вышлю. Вчера мировой судья мне сказывал, что стрелять возбраняется в "этих краях" не до 29-го июня, как было ранее, а до 15-го июля. Строк в рассказе много. Мерять не умею, а думаю, что 200-250 будет minimum. Заглавие не важно. Изменить можно… Сокращать жалко.

Получил приглашение от "Новостей дня"… Что за штука, не ведаю, но штука новая. Кажется, подцензурная штука. Придется смешить одних только наборщиков да цензора, а от читателей прятаться за красный крест… Во главе сего издания Кичеев, бывший редактор "Будильника".

В заключение вопрос: не находите ли Вы, что я надоедаю Вам продлинновенностью своих писем? А за сим, пожелав Вам и "Осколкам" всех благ, остаюсь всегда готовым к услугам

А. Чехов.

P. S. Черкните 2 слова мне в Воскресенск о судьбе и качествах моих заметок. Прошу для руководства.

47. Н. А. ЛЕЙКИНУ

Между 31 июля и 3 августа 1883 г. Москва.

Многоуважаемый

Николай Александрович!

Просматривал сейчас последний номер "Осколок" и к великому ужасу (можете себе представить этот ужас!) увидел там перепутанные объявления. Такие же объявления я неделю тому назад изготовил для "Осколок" - и в этом весь скандал. Пропали, значит, мои объявления! Вещичка ерундистая и не стоит возиться с ней в двух номерах… Во всяком случае посылаю. Если годятся, то спрячьте и пустите месяцев через 5-6.

Живу теперь в Москве, куда и благоволите адресоваться в случае надобности. Извините за лентяйство! Лето - ничего не поделаешь… Одни только поэты могут соединять свое бумагомарательство с лунными ночами, любовью… В любви объясняется и в то же время стихи пишет… А мы, прозаики, - иное дело…

Был в Богородском у Пальмина. Под столом четверть… На столе огурчики, белорыбица… И все эти сокровища нисколько не мешают ему работать чуть ли не в десяти изданиях. Выпил у него 3 рюмки водки. Был у него с дамами… И дам угостил он водкой…

Написал я рецензийку на Ваших "Карасей и щук". Сунулся с ней - и оказывается, что о Вашей книге уже везде говорилось. Был на днях у Пушкарева на даче и просил места в "Мирском толке" (подписчиков много - около 2500-3000) и покаялся, что попросил… Было бы мне без спроса взять и напечатать… Он, видите ли, на мою заметку о его свече разобиделся… За незнанием автора заметки, бранит Вас… Авось, суну куда-нибудь… Время еще не ушло… Я с учено-литературно-возвышенной точки зрения хватил. Высоким слогом и с широковещательной тенденцией… и в то же время весьма искренно.

Сажусь писать заметки. Какова судьба моего "Трагика"? Неплохой рассказ вышел бы, если бы не рамки… Пришлось сузить даже самую суть и соль… А можно было бы и целую повесть написать на эту тему. За сим с почтением имею честь быть А. Чехов.

48. Н. А. ЛЕЙКИНУ
6 августа 1883 г. Москва.

6/VIII

Многоуважаемый

Николай Александрович!

Пишу Вам, хотя Вы, по словам Пальмина, и в Гельсингфорсе.

Посылаю и заметки, и рассказы. Один рассказ ("Дочь Альбиона") длинен. Короче сделать никак не мог. Если не сгодится, то благоволите прислать его мне обратно.

Рисунки в последнем номере восхитительны. И подписи недурны. Вообще "Осколки" идут впереди всех наших юмористических журналов.

В Москве они нравятся публике. Жаль, что лучшее постигает Ваше "увы и ах"! По передовым рисункам видно, какую войну Вы ведете с цензурой. Не подгуливай Ваши передовицы, прелесть был бы журнал. В предпоследнем номере подгуляла и серединка: французская карикатура, ранее Вас похищенная "Будильником", и ноты. Ноты не весьма блестящие… Впрочем, это неважно. К Вам мало-помалу перетащатся все работники… и скоро и в тексте не будет грешков, которые приходится делать очень часто по необходимости. Если Вам удастся сгруппировать вокруг себя все ныне разбросанные силенки, то Россия будет иметь очень сносный юмористический журнал. А силенки есть, и хороший редактор может употребить их отечеству на пользу… В "Будильнике" и многих других попадаются иногда прекрасные вещички, - значит, есть где-то кто-то… Всех бы их собрать в одну кучу. Где куча, там и выбор возможен.

Простите за помарки. Ужасный я неряха! Если моя рекомендация что-нибудь да

значит, то рекомендую ради упомянутого выбора: Евгения Вернера, молодого и маленького поэта и прозаика. Стихи его мне не особенно нравятся, но зато рассказики бывают весьма неплохие. Изредка, впрочем. Работает в "Будильнике" и еще кое-где под псевдонимом "Веди". Молод и подает надежды. Кажется, его стишки были уже в "Осколках". Если примете его радушно, то с усердием поработает и лучшее Вам пришлет. Природу любит расписывать, но это со временем пройдет. Выровняется со временем… Мой московский конкурент.

В. Д. Сушков из Казани - тоже маленький, хотя и артиллерийский штабс-капитан и разных орденов кавалер. Мой приятель. Состоит адъютантом при бригадном генерале. Пишет стихи и прозу. Либерален и, что весьма важно, умен. Работал у Вас под псевдонимом "Егоза". Большой почитатель "Осколок" и работает в них с наслаждением. Пишет пустячки, но, не окаченный холодным ответом почтового ящика, согретый радушным приемом, может дело сделать. Во время оно работал в "Стрекозе". Знаменит тем, что из-за него одну газету прикрыли. Малый славный и писака небесполезный. Человек, о котором нельзя судить по 2-3 присылам. Немножко сердится на Вашу контору, или, вернее, находится в неведении относительно стоимости своих произведений, так как счета при гонораре не получил. После лагерей будет писать к Вам. Пока только за неимением места ограничиваюсь двумя. А за сим остаюсь В«аш» с«луга»

А. Чехов.

49. Н. А. ЛЕЙКИНУ
11 августа 1883 г. Москва.

Уважаемый

Николай Александрович!

Получил Ваше письмо и прочел его брату-художнику. Рисунок у него готов, но на кальке. Торшона в Москве нигде нет. Как быть? Брат повергнут в печаль. Рисунок превосходный, стихи цензурны, и страничка "Осколков" удалась бы как нельзя лучше, но увы! Мы (т. е. я и брат) порешили прибегнуть к Вашей любезности. Если у Вас найдется свободная минутка, то сделайте милость, распорядитесь о высылке по моему адресу и в мой счет двух-трех листов торшона (рудометовского?). Прошу Вас и сам браню себя во все лопатки! Вам, занятому человеку, не до торшона. Но Вы поручите кому-нибудь. Спасибо Вам будет великое и от меня, и от брата, и от поэта.

В Питере у меня много приятелей, праздношатающихся и не праздношатающихся. Мог бы я к ним обратиться, но не знаю их дачных адресов. Приходится отнимать у Вас время.

Недавно послал Вам пакет.

Занят я ужасно. Музы мои плачут, видя меня равнодушным. До половины сентября придется для литературы уворовывать время.

Кстати посылаю Вам рассказ Агафопода Единицына. Еще раз простите за беспокойство. Авось, и мне удастся когда-либо услужить Вам - этим только и утешаю себя, беспокоя Вас.

Брат-художник живет вкупе с братом-литератором. Адрес общий.

Кланяюсь Вам и остаюсь всегда готовым к услугам, уважающий

А. Чехов.

В "Новостях дня", разумеется, не работаю. Аг«афопод» Единицын собирается прислать Вам штук 5 рассказов. Просит не судить по посылаемому о его литераторских способностях.

Видел Е. Вернера, поругал его за то, что он по малолетству работает черт знает где, и внушил ему, что он погибнет и станет пьяницей, если будет сотрудничать в москов«ских» изданиях. Поверил. Он пришлет Вам, а Вы поглядите. Думаю, что сгодится… Малый с огоньком, а главное, начинающий… Жаль будет, если завязнет в лапах московских целовальников.

50. Н. А. ЛЕЙКИНУ
Между 21 и 24 августа 1883 г. Москва.

Многоуважаемый

Николай Александрович!

Настоящий присыл принадлежит к неудачным. Заметки бледны, а рассказ не отшлифован и больно мелок. Есть темы получше, и написал бы побольше и получил, но судьба на этот раз против меня! Пишу при самых гнусных условиях. Передо мной моя не литературная работа, хлопающая немилосердно по совести, в соседней комнате кричит детиныш приехавшего погостить родича, в другой комнате отец читает матери вслух "Запечатленного ангела"… Кто-то завел шкатулку, и я слышу "Елену Прекрасную"… Хочется удрать на дачу, но уже час ночи… Для пишущего человека гнусней этой обстановки и придумать трудно что-либо другое. Постель моя занята приехавшим сродственником, который то и дело подходит ко мне и заводит речь о медицине. "У дочки, должно быть, резь в животе - оттого и кричит"… Я имею большое несчастье быть медиком, и нет того индивидуя, который не считал бы нужным "потолковать" со мной о медицине. Кому надоело толковать про медицину, тот заводит речь про литературу…

Обстановка бесподобная. Браню себя, что не удрал на дачу, где, наверное, и выспался бы, и рассказ бы Вам написал, а главное - медицина и литература были бы оставлены в покое.

В сентябре удеру в Воскресенск, если погода не воспрепятствует. От Вашего последнего рассказа я в большом восторге.

Ревет детиныш!! Даю себе честное слово не иметь никогда детей… Французы имеют мало детей, вероятно потому, что они кабинетные люди и в "Amusant" рассказы пишут. Их, слышно, хотят заставить иметь побольше детей - тема для "Amusant" и для "Осколков" в виде карикатуры "Положение дел во Франции". Входит полицейский комиссар и требует иметь детей.

Прощайте. Думаю, как бы и где бы задать храповицкого.

С почтением имею честь быть

А. Чехов.

51. М. М. ДЮКОВСКОМУ
24 или 25 августа 1883 г. Москва.

Иван несет это письмо к почтовому ящику и без всякой церемонии читает следующее:

Многоуважаемый Михаил Михайлович! Заклинаю Вас Вашим террарием и той девицей в голубом платье, которая висит у Вас над дверью. Пришлите или притащите по возможности скорее "Письма Шлиммозеля к Акулине Ивановне", находящиеся в переплете. Приходите сами. Приехал Александр с супругой и дитей.

Ночую на кровати Наташеву, которая уехала в Питер и приедет 26-го августа - в день своих именин. Занят работой по горло. Кланяется Вам бабулька. Жду письма: о них критику делать буду. Дите кричит, чего и Вам желаю. Ваш всегда покорный слуга, надоевший Вам с книгами,

А. Чехонте. На обороте:

Калужские ворота. Мещанское училище.

Его высокоблагородию

Михаилу Михайловичу Дюковскому.

52. М. И. МОРОЗОВОЙ

27 августа 1883 г. Москва. Рукой Е. Я. Чеховой:

1883 года. Августа 27 дня.

Милая моя и дорогая Марфачка.

Я в Москве приехала 20-го числа в субботу утром, в Воронеже была сутки, поклонилась святым мощам св. Митрофана, а теперь разказываю своей семье как я у вас приятно проводила время, Машу еще я не видела она в Воскресенске или за Воскресенском в Бабкине послали к ней письмо она скоро приедет, добрым Ануфрию Ивановичу Надежде Александровне Варваре Ивановне Дарье Ивановне Витичке и Аничке мой поклон и благодарю их всех за приятное гостеприимство. По реестру Надежды Александровны я все купила и выписочку привезла в Москву. Варенье довезла хорошо и отдала Феничке она благодарит и всемь кланяетца и тебе Марфачка она очень благодарна, пиши мне пожалуста скорей.

Пелагеи Наумовне передайте поклон от меня, так плохо пишу пожалуста никому не показывай письмо а порви. Е. Чехова. Рукой Н. П. Чехова:

Милая тетя Марфочка!

Мама, кажется, не увидит Ивана Ивановича, так как почему-то он к нам не зайдет. По всей вероятности, у него дела много. Побраните за это его. Мама по делу Дарьи Ивановны может Вам сказать следующее: во второй гимназии есть вакансия на место ученика третьего класса. Плата за полный пенсион (т. е. за учение, стол, квартиру тут же в здании, стирки и за прочие неприятности с одежей вместе) 300 р. в год.

Кланяюсь Вам, Дарье и Варваре Ивановнам, Надежде Александров«не», Анофрию Ивановичу и Виктору Викторовичу.

Н. Чехов.

Антон женится, берет завидную партию! Каналья*.

Кланяюсь Вам и целую ручку. Посылаю карточку. На будущий год приеду. Чем больна дочка Анофрия Ивановича? Мать рассказывала, да я мало разобрал. Купайте ее в соленой воде, раз в день, по утрам. (Ложка соли на корыто - на два ведра.) Впрочем, Ваши доктора лучше знают. Как поживаете?

Передайте таганрогским барышням, что тоскую за ними ужасно. Не изменил им, несмотря на массу искушений. Кланяюсь всем. Как поживает поп Покровский? Еще не поступил в гусары? Написал бы еще, да некогда.

Прощайте.

Ваш Антон Чехов.

Николай женится. Берет жгучую брюнетку с 20 тысячами приданого. Кроме денег: две перины, одна теща и много всякой всячины. Я задыхаюсь от зависти. Рукой Е. Я. Чеховой: оба врут не женятца, посылаю карточки свою, Мишину и Алешину.

Мать врет. Она у нас врунья. Любит пасьянсы. * В автографе последнее слово зачеркнуто, очевидно, А. П. Чеховым.

53. Н. А. ЛЕЙКИНУ
5 сентября 1883 г. Москва.

Уважаемый

Николай Александрович!

Получил и торшон и гонорар: за то и другое большое спасибо. Вы писали мне, что Вам не понравились ни рисунок брата, ни стихи Пальмина. По-моему, рисунок неплох, стихи же обыкновенные, как и все пальминские стихи. Страничка ничего себе… В московских редакциях понравилась.

Брат будет рисовать Вам по утвержденным редакцией темам. Сегодня он посылает один рисуночек на мою собственную тему. Этот рисуночек в силу своей малости не

идет в счет абонемента. Пусть он будет вне правил. Остальные рисунки будут с паспортами от Вас. Впрочем, если когда придет рисуночек, Вами предварительно не утвержденный, и ежели таковой не понравится, Вы можете не помещать его. Николай не будет в претензии. В матушке Москве все сойдет. Сходили мои иностранные романы, сойдут и его рисунки. Темки есть кое-какие.

Кстати: высылайте нам гонорар в одном пакете, удобства ради. Ваша контора выслала мне вместо 50,08 к. - 50,80 к. На 72 коп. больше. Присланное не соответствует итогу. Ноль всю бухгалтерию испортил.

Как, однако, исправно Вы гонорар высылаете! Нам, москвичам, это в диковинку. Бывало, я хаживал в "Будильник" за трехрублевкой раз по десяти.

Спасибо за обещание побывать у меня в половине сентября. Я живу в Головином переулке. Если глядеть со Сретенки, то на левой стороне. Большой нештукатуренный дом, третий со стороны Сретенки, средний звонок справа, бельэтаж, дверь направо, злая собачонка.

Посылаю фельетон. Что-нибудь из двух: или в Москве событий нет, или же я плохой фельетонист. Кланга ругать больше не буду. Посылаю при сем подпись к рисунку, который Вы получите вместе с этим письмом. А за сим…

Остаюсь всегда уважающим

А. Чехонте.

5-го с«ентября».

54. Н. А. ЛЕЙКИНУ
19 сентября 1883 г. Москва.

19 сентябрь.

Многоуважаемый

Николай Александрович!

Зима вступает в свои права. Начинаю работать по-зимнему. Впрочем, боюсь, чтоб не сглазить…

Написал Вам пропасть, дал кое-что в "Будильник" и в чемодан про запас спрятал штучки две-три… Посылаю Вам "В ландо", где дело идет о Тургеневе, "В Москве на Трубе". Последний рассказ имеет чисто московский интерес. Написал его, потому что давным-давно не писал того, что называется легенькой сценкой. Посылаю и еще кое-что. Заметки опять не того… Отдано мною большое место "Училищу живописи" не без некоторого основания. Во-первых, все художественное подлежит нашей цензуре, потому что "Осколки" сами журнал художественный, а во-вторых, вокруг упомянутого училища вертится все московское великое и малое художество. В-третьих, каждый ученик купит по номеру, что составит немалый дивиденд, а в-4-х, мы заговорим об юбилее раньше других. Я мало-помалу перестаю унывать за свои заметки. В ваших питерских заметках тоже мало фактов. Все больше насчет общего, а не частного… (Прекрасно ведутся у Вас эти заметки… Остроумны и легки, хотя и ведет их, по-видимому, юрист.) Потом, я уже два раза съел за свои заметки "подлеца" от самых искренних моих, а А. М. Дмитриев рассказывал мне, что он знает, кто этот Рувер. "Он в Петербурге живет… Ему отсюда посылается материал… Талантлив, бестия!"

Недавно я искусился. Получил я приглашение от Буквы написать что-нибудь в "Альманах Стрекозы"… Я искусился и написал огромнейший рассказ в печатный лист. Рассказ пойдет. Название его "Шведская спичка", а суть - пародия на уголовные рассказы. Вышел смешной рассказ. Мне нравятся премии "Стрекозы".

Вы пишете, что Пальмин дикий человек. Немножко есть, но не совсем… Раза два он давал мне материал для заметок, и из разговоров с ним видно, что он знает многое текущее. Проза его немножко попахивает чем-то небесно-чугунно-немецким, но, ей-богу, он хороший человек. Вчера у меня были большие гимназисты… Глядели "Суворина на березе" и не поняли.

Прощайте. С почтением имею честь быть А. Чехов.

55. Ал. П. ЧЕХОВУ Между 15 и 28 октября 1883 г. Москва.

Брат наш мерзавец

Александр Павлович!

Первым делом, не будь штанами и прости, что так долго не давал ответов на твои письма. Виновата в моем молчании не столько лень, сколько отсутствие досуга. Минуты нет свободной. Даже пасьянсов не раскладываю за неимением времен. У меня (вопреки, скотина, твоему желанию, чтобы я при переходе на V курс порезался) выпускные экзамены, выдержав кои, я получу звание Качиловского. Отзываются кошке мышкины слезки; так отзывается и мне теперь мое нерадение прошлых лет. Увы мне! Почти все приходится учить с самого начала. Кроме экзаменов (кои, впрочем, еще предстоят только) к моим услугам работа на трупах, клинические занятия с неизбежными гисториями морби, хождение в больницы… Работаю и чувствую свое бессилие. Память для зубрячки плоха стала, постарел, лень, литература… от вас водочкой пахнет и проч. Боюсь, что сорвусь на одном из экзаменов. Хочется отдохнуть, а… лето так еще далеко! Мысль, что впереди еще целая зима, заставляет мурашек бегать по моей спине. Впрочем, к делу…

А у нас новости. Начну со следующей страницы. 14-го октября умер мой друг и приятель Федор Федосеевич Попудогло. Для меня это незаменимая потеря. Федосеич был не талант, хоть в "Будильнике" и помещают его портрет. Он был старожил литературный и имел прекрасный литературный нюх, а такие люди дороги для нашего брата, начинающего. Как тать ночной, тайком, хаживал я к нему в Кудрино, и он изливал мне свою душу. Он симпатизировал мне. Я знал вся внутренняя его. Умер он от воспаления твердой оболочки мозга, хоть и лечился у такого важного врача, как я. Лечился он у 20 врачей, и из всех 20 я один только угадал при жизни настоящий недуг. Царство ему небесное, вечный покой. Умер он от алкоголя да добрых приятелей, nomina коих sunt odiosa.* Неразумие, небрежность, халатное отношение к жизни своей и чужой - вот от чего он умер 37 лет от роду.

Вторая новость. Был у меня Н. А. Лейкин. Человечина он славный, хоть и скупой. Он жил в Москве пять дней и все эти дни умолял меня упросить тебя не петь лебединой песни, о которой ты писал ему. Он думает, что ты на него сердишься. Твои рассказы ему нравятся, и не печатаются они только по "недоумению" и незнанию твоему "Осколок".

Вот слова Лейкина:

"И как бы ловко он сумел почесать таможню и как много у него материалу, но нет!- пишет про какую-то китайщину "там-од-зню", словно боится чего-то… Писал бы прямо "таможня", с русскими именами… Цензура не возбраняет".

Где нет китайщины, там убийственная лирика. Пиши, набредешь на истинный путь. Лишний заработок окупит своею прелестью первые неудачи. А неудачи плевые: твои рассказы были печатаны в "Осколках".

С Лейкиным приезжал и мой любимый писака, известный Н. С. Лесков. Последний бывал у нас, ходил со мной в Salon, в Соболевские вертепы… Дал мне свои сочинения с факсимиле. Еду однажды с ним ночью. Обращается ко мне полупьяный и спрашивает: - "Знаешь, кто я такой?" - "Знаю". - "Нет, не знаешь.. Я мистик…" - "И это знаю…" Таращит на меня свои старческие глаза и пророчествует:- "Ты умрешь раньше своего брата". - "Может быть". - "Помазую тебя елеем, как Самуил помазал Давида… Пиши". Этот человек похож на изящного француза и в то же время на попа-расстригу. Человечина, стоящий внимания. В Питере живучи, погощу у него. Разъехались приятелями.

Насчет рыбы и сантуринского будешь иметь дело с фатером, специалистом по части юридического. У меня, признаться, денег нет, да и некогда их заработывать. Места тебе не ищу прямо из эгоистизма: хочу лето с тобой провести на юге. Дачи не ищи, ибо можешь не угодить. Вместе поищем.

Ты так смакуешь, описывая свои красненькие и синенькие, что трудно узнать в тебе лирика. Не ешь, брат, этой дряни! Ведь это нечисть, нечистоплотство! Синенькое

тем только и хорошо, что на зубах хрустить, а от маринованной (наверное, ужасно) воняет сыростно-уксусной вонью. Ешь, брат, мясо! Похудеешь в этом подлом Таганроге, если будешь жрать базарную дрянь. Ты ведь неумеренно ешь, а в пьяном виде наешься и сырья. Хозяйка твоя смыслит в хозяйстве столько же, сколько я в добывании гагачьего пуха, - уж по одному этому будь осторожен в пище и ешь разборчиво. Мясо и хлеб. По крайней мере Мосевну не корми чем попало, когда вырастет. Пусть она не ведает теткиных коренчиков, отцовского соуса с "кАтушками", твоего "покушать" и маменькиного лучшенького кусочка. Воспитай в ней хоть желудочную эстетику. Кстати об эстетике. Извини, голубчик, но будь родителем не на словах только. Вразумляй примером. Чистое белье, перемешанное с грязным, органические останки на столе, гнусные тряпки, супруга с буферами наружу и с грязной, как Конторская ул«ица», тесемкой на шее… - все это погубит девочку в первые же годы. На ребенка прежде всего действует внешность, а вами чертовски унижена бедная внешняя форма. Я, клянусь честью, не узнавал тебя, когда ты жил у нас 2 месяца тому назад. Неужели это ты, живший когда-то в чистенькой комнате? Дисциплинируй, брат, Катек! Кстати о другого рода опрятности… Не бранись вслух. Ты и Катьку извратишь, и барабанную перепонку у Мосевны запачкаешь своими словесами. Будь я на месте Анны Ивановны, я тебя колотил «бы» ежеминутно. Кланяюсь А«нне» И«вановне» и племяшке. Девочку у нас почитают. В "Будильнике" еще не печатают твоего. Когда начнут печатать, уведомлю.

Чехов. * имена коих умалчиваются (лат. nomina sunt odiosa - букв.: имена ненавистны, одиозны).

56. Ал. П. ЧЕХОВУ Около 20 октября 1883 г. Москва.

Будь благодетелем, справься, когда Николке ехать в Таганрог в отношении и рассуждении солдатчины. Справься в думе и, по возможности, скорей уведомь.

Tuus* А. Чехов. * Твой (лат.)

57. И. П. ЧЕХОВУ
Вторая половина октября 1883 г. Москва.

«…»* относительно свободной. Перебейся как-нибудь.

Пустим все пружины в ход, пружины свои и бабьи, но памятуй, что мы не Поляковы и не Губонины, сразу сделать не сумеем.

Мне было бы приятно, если бы ты служил в Москве. Твое жалованье и мои доходишки дали бы нам возможность устроить свое житье по образу и подобию божию. Живу я мерзко. Зарабатываю больше любого из ваших поручиков, а нет ни денег, ни порядочных харчей, ни угла, где бы я мог сесть за работу. С Николаем мне не жить, не потому что я этого не хочу, а потому, что он сам не захочет. Он до 70-летнего возраста не расстанется со своими перинками и портерным образом жизни. В настоящее время денег у меня ни гроша. С замиранием сердца жду 1-го числа, когда получу из Питера. Получу рублей 60 и тотчас же их ухну.

Получаю "Природу и охоту", как сотрудник. Это толстые книги. Читаю в них описания аквариумов, уженья рыбы и проч. Нового пропасть узнал. Хорошие есть статьи, вроде аксаковских. Летом пригодятся. Если будешь на будущий год обитать в провинции, то буду высылать тебе этот хороший журнал. Там и про голавлей найдешь и про пескарей. У меня он за весь год,

Никуда не хожу и работаю. Занимаюсь медициной и стряпаю плохой водевиль.

Насчет хлопот буду извещать письменно.

А. Чехов.

Поклоны всем. Жалею, что не могу пообедать у Эдуарда Ивановича.

10-го ноября Пушкарев ожидает 100000. Свеча его пошла в ход. Думает он строить завод в компании с питерцами. Если дело его выгорит, то у него, пожалуй, можно будет выцарапать приличное место.

NB. С Яковлевым я еще не говорил, ибо еще не видел его.

Писать вторично буду скоро. * Начало письма не сохранилось.

58. Е. И. ЮНОШЕВОЙ
2 ноября 1883 г. Москва.

Посылаю Вам жука, умершего от безнадежной любви к одной курсистке. Панихиды ежедневно. Сжальтесь над ним хоть после его смерти и упокойте прах его в Вашей коллекции.

Судьба этого жука может служить уроком для некоторых художников (которые, кстати сказать, не имеют средств для кормления семейства).

Неизвестный.

59. Н. А. ЛЕЙКИНУ

10 декабря 1883 г. Москва.

10/XII

Уважаемый

Николай Александрович!

Посылаю Вам заметки. На сей раз они вышли у меня, говоря искренно, жалки и нищенски тощи. Материал так скуден, что просто руки отваливаются, когда пишешь. Взял я воскресные фельетоны в "Новом времени" (субботний), в "Русских ведомостях", вообще во всех московских, перечитал их, но нашел в них столько же нового, сколько можно найти его на прошлогодней афише. Слухов и говоров никаких. О ерунде же писать не хочется, да и не следует.

Вообще не клеится мой фельетон. Не похерить ли Вам Рувера? Руверство отнимает у меня много времени, больше, чем осколочная беллетристика, а мало вижу я от него толку. Пригласите другого фельетониста. Ищите его и обрящете. Если же не обрящете, то соедините провинциальные заметки с московскими - не скверно выйдет. Искренно сожалею, что не сослужил своей службы, как подобает и как бы Вам хотелось. Жалко и 15 целковых, к«ото»рые давали мне каждый месяц мои заметки.

Я крайне утомлен, зол и болен. Утомили меня мои науки и насущный хлеб, к«ото»рый в последний месяц я должен был заработать в удвоенной против обыкновения порции, так как брат-художник воротился из солдатчины только вчера. Приходилось работать черт знает где - причина, почему для прошлого номера не дал Вам рассказа. Так записался и утомился, что не дерзнул писать в "Осколки": знал, что напишу чепуху. К утомлению прибавьте геморрой (черти его принесли). Три дня на прошлой неделе провалялся в лихорадке. Думал, что тифом от больных заразился, но, слава богу, миновала чаша.

Николай приехал, и станет легче.

Рассказ "Беда за бедой" не печатайте. Я нашел ему пристанище в первопрестольном граде. Назад тоже не присылайте. Я черновик отдал.

Не писать ли "Оск«олки» моск«овской» жизни" компанией? Пусть Вам шлет, кто хочет, куплетцы, а Вы стройте из них фельетоны. Я тоже буду присылать, ежели будет материал.

Отчего Вы в прошлых заметках про Желтова выкинули? Желтов известен в Москве, и настолько, что стоит его продернуть. Его все знают. Да и вообще я писал о людях только известных (исключение: Белянкин) Москве.

И на сей раз не шлю Вам рассказа. 16-го декабря и 20-го у меня экзамены. Боюсь писать. Не сердитесь. Когда буду свободен, буду самым усерднейшим из Ваших сотрудников. И в голове у меня теперь как-то иначе: совсем нет юмористического лада!

Прошу извинения и кланяюсь.

Ваш покорный слуга

А. Чехов.

60. Н. А. ЛЕЙКИНУ
25 декабря 1883 г. Москва.

25/XII

Многоуважаемый

Николай Александрович!

Прежде всего поздравляю Вас с праздниками и свидетельствую Вам мое искреннее уважение. Вкупе с поздравлением шлю Вам и "Осколкам" тысячи пожеланий. С Новым годом поздравлю 31-го декабря - в день отправки литературного транспорта.

Ваше нежелание херить Рувера более чем лестно для Вашего покорнейшего слуги. Ладно, буду продолжать мой фельетон. Слушаюсь. Буду продолжать, а Вы не забывайте 2-х условий, кои я прилагаю при сем моем согласии: a) продолжайте снисходить слабостям руверским и b) без всяких церемониев уведомьте, ежели на Вашем жизненном пути встретится более подходящий фельетонист; чего не бывает под луной? Бывают "потопы, огни, мечи, трусы" (молитва к Иисусу сладчайшему), бывают и добрые встречи.

Два куплетца уже накатал для заметок. Завтра сяду писать что-нибудь новогоднее. Теперь я свободен, аки ветр. Свобода эта продлится до половины января. Каким-то чудом удалось мне пересилить мою лень, и я, сверх всяких собственных ожиданий, спихнул с плеч самое тягчайшее. Выдержал до Рождества труднейшие экзамены и за этими экзаменами забыл все, что знал по медицине. Медикам старших курсов ужасно мешают заниматься делом эти экзамены, подобно тому как отдание чести мешает городовым исполнять их прямые обязанности. Вместо того чтобы работать у клиницистов, мы зубрим, как школьники, чтобы забыть в ближайшем будущем…

В ночь под Рождество хотел написать что-нибудь, но ничего не написал. Волею судеб проиграл всю ночь с барынями в стуколку. Играл до обедни и все время от скуки пил водку, которую пью иногда и только от скуки. В голове туман. Выиграл четвертную и не рад этому выигрышу - до того скверно в голове.

Не посылал Вам рассказов потому, что окончил свои экзамены только 20-го дек«абря» вечером. Не уведомил же Вас (что ничего не пришлю) потому, что не знал, что нужно уведомлять. Впредь в случае бесплодия буду извещать Вас.

Шляются визитеры и мешают писать это письмо. Кстати о маленькой дрязге, подаренной мне сегодня "на елку". Пастухов, обидевшийся на меня за заметку о московской малой прессе, под рассказом Агафопода Единицына, помещенным в рождеств«енском» номере "Моск«овского» листка", подмахнул "А. Чехов". Рассказик плохенький, но дело не в качестве рассказа: плохой рассказ не в укор писаке средней руки, да и не нужны хорошие рассказы читателям "Моск«овского» листка". Москвичи, прочитав мою фамилию, не подумают про брата и сопричтут меня к Пазухину и К°. Полной фамилией я подписуюсь только в "Природе и охоте" и раз подписался под большим рассказом в "Альманахе Стрекозы", готов, пожалуй, подписываться везде, но только не у Пастухова. Но далее… Благополучно паскудствующие "Новости дня" "в пику" конкуренту своему Пастухову напечатали в своем рождеств«енском» номере произведения господ, изменивших накануне праздника своему благодетелю Пастухову (Вашков, Гурин и др.). Номер вышел ядовитый, "политичный". Чтобы еще громче пшикнуть под нос Пастухову, "Новости дня" под одной маленькой ерундой, которую я постыдился бы послать в "Осколки" и которую я дал однажды Липскерову, подмахнули тоже мою полную фамилию (а давал я Липскерову мелочишку под псевдонимом…). "На, мол, гляди, Пастухов: к тебе не пошел, а у нас работает, да еще под полной фамилией". Выходит теперь, значит, что я работаю и в "Новостях дня" и в "Моск«овском» листке", служу двум богам, коих и предал в первый день Рождества: и Пастухову изменил, и Липскерову. "Новости дня" тоже злятся за ту заметку.

Страсть сколько политиков нынче развелось!

Буду впредь осторожен. Липскеров был у брата-художника, и я ему так, от нечего делать, дал мелочишку. И славным он малым мне показался…

Малый я человек, среди газетчиков еле видим - и то им понадобился! Черти, а не люди.

Теперь о коммерции. Хорошая коммерция лучше плохих дрязг, которые описал я Вам (ведь это неинтересно для Вас) не из желания надоесть Вам, а так - перо разбежалось… А о чем моя коммерция, тому следуют пункты: а) Вышлите мне в мой счет "Осколки" за 1882 и 1883 годы и, ежели можно, в переплетах. б) Вышлите "Осколки" за будущий 1884-й год по адресам, при сем приложенным. Тоже в мой счет.

Сумма в итоге получится значительная. Нельзя ли учинить мне рассрочку с ручательством гг. казначеев? Тяжело платить сразу четвертную или более, а ежели Вы будете вычитать ежемесячно по пятерке (5 р.), то этот расход не произведет на мой карман заметного впечатления. Если же эта рассрочка не допускается, если она произведет в бухгалтерии непорядок, то погодите высылать мне прошлогодние экземпляры, а высылайте по нижеписанным адресам.

Хочу "Осколки" сохранить для потомства. Со временем ведь и я буду говорить: "Были юмористы - не вам чета!" - фраза, которую я не раз слышал от хороших и плохих сотрудников "Искры" и старого "Будильника". Наконец, кажется, я кончил.

Пью за Ваше здоровье, закусываю ветчиной и остаюсь уважающий и готовый к услугам

А. Чехов.

Москва. Калужская ул.

В контору мещанских училищ. г. Воскресенск (Москов. губ.).

Ивану Павловичу Чехову.

61. Н. А. ЛЕЙКИНУ
31 декабря 1883 г. Москва.

31-го дек.

Уважаемый

Николай Александрович!

Поздравляю Вас с Новым годом, с новым счастьем, с новыми подписчиками. Желаю всего хорошего. Простите, что посылаю немножко поздно. Впрочем, Вы, согласно Вашему последнему письму, получите мой транспорт 1-го января. И заметки длинны и новогодний рассказ длинен - каюсь. Но ради (впрочем, здесь ни к селу ни к городу это "но"), ради того, что новогодний нумер должен быть отменно хорош, прошу Вас на сей раз не поцеремониться и сократить, елико возможно. Сам я не взялся сокращать; Вам виднее, что идет к делу, что лишнее.

Уповаю, что с Нового года буду более порядочен в своих транспортах.

В Питере - увы! - на праздниках не буду. Денег нет. Разорился вконец за праздники.

Вчера получил письмо от Пальмина. Письмо изложено стихами. "Дикий" поэт пишет, между прочим, что он писал Вам о высылке торшона для брата. Если Вы справедливый человек, то Вы, получив это поручение, страшно рассердились. Грешно беспокоить мелкими поручениями такого занятого человека, как Вы. Брат не сообразил этого, прося Пальмина написать Вам, - оба они были подшофе. Это во-первых. А во-вторых, ежели будете высылать торшон, то не высылайте его на мое имя. Не имею времени ходить в почтамт. Высылайте на имя "Будильника" с передачей. А шикарный "Альманах" выпустил Буква! Совсем заграничное издание.

Пристаю к Мише Евстигнееву, чтоб он написал свою автобиографию. Хочу у него купить ее. Редкое "житие"! Пристаю уже год и думаю, что он сдастся. Пишу о нем в нынешних заметках.

Пальмин непременно будет в раю.

Ах да! Большущее спасибо за "Христову невесту"! Отдал в переплет.

Мороз. Метелица… А за сим с почтением Ваш покорный слуга

А. Чехов.

1884
62. Д. Т. САВЕЛЬЕВУ

19 января 1884 г. Москва.

Любезнейший друг

Дмитрий Тимофеевич!

Сейчас приехал. Если бы ты не прислал, то я сам бы вечером притащил тебе твой восхитительный сюртук.

Спасибо тебе восьмиэтажное (с чердаком и погребом). Не будь твоего сюртука, я погиб бы от равнодушия женщин!!! Впрочем, ты человек женатый и не понимаешь нас, холостяков. (Вздыхаю.)

Посылаю тебе Зернова и Лесгафта. Физику Га(в)но вручи Макару. На днях забегу к тебе. Утомлен до безобразия. Пишу фельетон.

Еще раз спасибо за сюртук. Желаю, чтобы он у тебя женился и народил множество маленьких сюртучков. И Макар пусть женится. Ты же будь верен своей жене, иначе я донесу жандармскому генералу. С почтением

А. Чехов.

63. Н. А. ЛЕЙКИНУ

22 января 1884 г. Москва.

84/22/I

Уважаемый

Николай Александрович!

Получил Ваше сердитое письмо и на оное отвечаю. Не писал Вам ранее по причинам весьма законным: я уезжал из Москвы на неопределенное время. Выехал я из дому 14-го января, отправив Вам пакетец, который Вы, если помните, получили ранее обыкновенного. Только 19-го попал я обратно в Москву. Путешествовал я с корыстною целью: удрал от именин, которые обходятся мне обыкновенно дороже всяких поездок. Во все время путешествия я ел, спал и пил с офицерией плохой коньяк. Судите же, можно ли сердиться на меня за то, что я долго не отвечал на письмо? До сегодня (от 19 до 22-го) я не писал Вам, потому что ожидал оказии, т. е. отсылки обычного транспорта.

Мне казалось, что я уже писал Вам насчет гонорара брата Александра. Если еще не писал, то вот Вам легчайшее, по моему мнению, решение этого вопроса: пошлите деньги на имя брата (Ал. П. Чехов, Таганрог, Таможня). Я помню, что не раз писал уже насчет этих денег… но кому? Вероятно, писал я брату, а не Вам. Память у меня никуда не годится.

Комплекты "Осколок" за два года получил и приношу огромнейшее спасибо. Сегодня отдал в переплет. "Христову невесту" получил уже из переплета. Жалею, что не имею места, где мог бы поместить о ней рецензийку. Пастухов на Вас в обиде,

"Новости дня" не печатают рецензий, а с курьерцами связываться не хочется… Торшон получен. Тысячу раз брат поручал мне благодарить Вас. Торшон лежит и ждет своей судьбы… Николай страшный лентяй!

На сей раз посылаю Вам маленькую ерундишку. Не моя в том вина, что не посылаю что-нибудь побольше и посерьезнее… Дело в том, что я сегодня же, до получения Вашего письма, думал: "В "Осколках" у меня лежит один большой рассказ. Туда спешить, стало быть, незачем. Напишу куда-нибудь в другое место…" И вдруг Ваше письмо с "возвратом"! Знай я ранее, что "Марья Ивановна" не сгодится, я, быть может, написал бы что-нибудь и подельнее. Впрочем, год еще велик и успею натворить. Время не ушло…

Читаю прилежно "Осколки"… Журнал хороший, лучше всех юмор«истических» журналов по крайней мере… Но не кажется ли Вам, что "Осколки" несколько сухи? Сушит их, по моему мнению, многое множество фельетонов: И. Грэк, Рувер, Черниговец, Провинциальный… И все эти фельетоны жуют одно и то же, жуют по казенному шаблону на казенные темы… Статейки И. Грэка - милые статейки, но они постепенно и незаметно сползают на тот же фельетон. Стихотворный фельетон Черниговца такая непроходимая сушь, что, право, трудно дочитать до конца. Беллетристике отведен у Вас не второй план, но и не первый, а какая-то середка на половине… И беллетристика бьет на сухоядение. Вместо легкого жанра, вместо шаржа, карикатуры видишь тяжеловесный рассказище Баранцевича (Чугунчиков - жутко даже!). Рассказ, может быть, и хорош, но ведь и в писании еще сказано: ина слава луне, ина слава звездам… Что удобно на страницах "Живописного» обозр«ения»", то иногда бывает не к лицу юмор«истическому» журналу. Порфирьев сух до nec plus ultra*. Изящества побольше бы! Где изящество, там шик. Многое можно нацарапать на эту тему, но не нацарапаешь всего, не доскажешь… Да и у Вас-то закружится голова от советчиков. Для Вас, хозяина журнала, думавшего и передумавшего о журнале более, чем кто-либо из нас, наши советы сравнительно с Вашими думами и планами покажутся праздной болтовней… Советчик, советуя, обыкновенно не замечает препятствий…

Выл у меня как-то (месяц тому назад) Л. И. Пальмин. Мы, разумеется, выпили. После выпития он умилился и вдруг пришел к заключению, что мне обязательно нужно баллотироваться в Пушкинский кружок. В конце концов пообещал написать о моей баллотировке Вам и на другой день прислал мне устав кружка. Не знаю, писал ли он Вам об этом? Я счел бы, как и каждый простой смертный, за великую честь для себя быть членом литературного кружка. Я честолюбив. Но я живу не в Питере, а в Москве, где, до тех пор пока не будет отделения кружка, придется платить десятирублевку за одно только почетное звание члена - это не дорого, но бесцельно. Быть в Москве членом Пушкинского кружку не полезно ни для себя, ни для ближних… Это во-первых. Во-вторых же, боюсь, грешный человек, чтобы меня не прокатили на вороных. Работаю я недавно (5 лет), неизвестен, а потому нельзя будет упрекнуть оных вороных в отсутствии логики… На основании сих малоубедительных данных, если писал Вам Пальмин, прошу Вас пока обождать. Не пишите Лиодору Ивановичу. Я с ним, как и подобало, вполне согласился и теперь неловко идти насупротив. Если же, паче чаяния, у Вас поднимется вопрос об открытии в Москве отделения кружка, то поддержите нашу бедную Москву. Тогда я буду убедительнейше просить Вас баллотировать меня в члены и соглашусь не только на десятирублевый, но даже и тридцатирублевый взнос. Недурно бы пропагандировать это отделение для нашей московской братии. Сама братия и пальцем не пошевельнет, если поднимется вышеписанный вопрос. Пьет она водку, ломает шапку перед Пастуховым и знать ничего не хочет. Вот Вам длинный ответ на Ваше короткое письмо. Спать ужасно хочется. 3 часа ночи. Завтра надо рано вставать и идти в клиники. Экзамены еще не кончились. Половину только выдержал. В Питере не был на праздниках безденежья ради.

Уважающий А. Чехов. * до крайней степени (лат.)

64. Н. А. ЛЕЙКИНУ
30 января 1884 г. Москва.

Уважаемый

Николай Александрович!

Спешу писать, ибо сочтены мои часы и минуты: через 2 часа идет поезд к Вам в Питер. Боюсь опоздать! Фельетон посылаю заказным. Рассказ же, который сейчас пишу, пошлю с почтовым поездом, если кончу, разумеется… Дам лихачу 40 коп. и,

авось, домчусь до вокзала к сроку…

Далее… Сегодня в театре Лентовского идет пресловутый "Чад жизни" Б. Маркевича. Если достану билет, то сегодня буду в театре, а завтра (во вторник) утром накатаю пародию или что-нибудь подходящее и пришлю Вам с завтрашним почтовым поездом - имейте это в виду и оставьте на всякий случай местечко.

"Чад жизни" писан в граде Воскресенске в минувшее лето, почти на моих глазах. Знаю я и автора, и его друзей, которых он нещадно третирует своей сплетней в "Безднах" и "Переломах"… Ашанин (бывший директор театра Бегичев), Вячеславцев (бывший певец Владиславлев) и многие другие знакомы со мной семейно… Можно будет посплетничать, скрывшись под псевдонимом.

Но однако пора в почтамт… Adieu!

А. Чехов.

P. S. Хотел Вам написать про "Волну" и Л. И. Пальмина. История вышла потешная. Напишу в другой раз.

65. Д. Т. САВЕЛЬЕВУ
Январь (?) 1884 г. Москва.

Любезнейший друг

Дмитрий (Ермак) Тимофеевич!

Получил твое письмо только поздно вечером и на оное спешу ответить. Спасибо, во-первых, что не поцеремонился и обратился ко мне, а во-вторых, извини, что сей конверт пуст. Просимые тобою деньги (15 руб., в крайнем случае 10) пришлю тебе к 5-6 часам вечера. Ранее прислать не могу, ибо в кармане только 3 руб. с копейками. Как-нибудь постарайся обойтись до вечера.

Не думай, что ты меня стесняешь и проч… Это не товарищеская дума. Да к тому же я буквально ничем не жертвую, давая тебе взаймы. Пожалуйста, не церемонься и, главное, не стесняйся.

Кстати: бал (с курсистками) будет у Марьи Павловны не в понедельник, а во вторник, о чем сообщи Макару. Ты же забеги и в понедельник чайку попить. Притащи и Макара. Это не в счет абонемента.

А. Чехов.

Пишу рассказ.

66. Д. Т. САВЕЛЬЕВУ

Январь (?) 1884 г. Москва.

Душа моя, милый мальчик!

Дело в том, что хоть в петлю полезай… Рыскал вчера целый вечер и, акроме 5 руб. да пьянственного состояния ни «…» не добыл. Иду сейчас рыскать. Авось! Ты меня извини… но черт меня дернул не жениться еще до сих пор на богатой купчихе!

Твой Чехов.

67. Д. Т. САВЕЛЬЕВУ
Конец января - февраль, до 6, 1884 г. Москва.

Голубчик, Дмитрий Тимофеевич!

Посылаю тебе 15 руб. Извини, что не мог больше достать. Отдай их иереям и дьяконам, насчет же гробовщика потолкуем сегодня за обедом. Как-нибудь устроим дело.

Обязательно приходи обедать. Тащи обедать и Макара. Наварю для Вас солонины с

хреном. Чем раньше придете оба, тем приятнее будет моей семье и А. Чехову. На конверте:

Е«го» в«ысоко»б«лагородию» Дмитрию Тимофеевичу Савельеву (благоприятный ответ).

68. Н. А. ЛЕЙКИНУ

5 или 6 февраля 1884 г. Москва.

Уважаемый

Николай Александрович!

Посылаю Вам рассказец. Больше прислать не могу, ибо беден досугом. К следующему нумеру вышлю рассказ. Есть 2 темы наготове. Не сердитесь, ради бога, за то, что не работаю у Вас так, как сумел бы работать, если бы было у меня свободное время. Замучила меня медицина. Чувствую, что работаю как будто спустя рукава и сквозь пальцы, чувствую, ибо это на самом-таки деле и есть, но заслуживаю снисхождения.

Последний нумер веселенький. "Дневник приключений", "У доктора" и Ваши письма читаются каждым приходящим ко мне (а приходит ко мне ежедневно человек 8-10) и возбуждают смех - именно то самое, что нужно для юморист«ического» журнала. Мой "Молодой человек" вызывает удивление своею нецензурностью… Удивляются наши цензурные москвичи! Да и трудно не удивляться: у нас вычеркивается "кокарда", "генерал от медицины"… Ваши письма в предпоследнем нумере - очень хорошенькая вещь. Вообще замечу, Вам чрезвычайно удаются рассказы, в которых Вы не поскупитесь на драматический элемент.

Последний нумер хорош и тем, что в нем нет рассуждений и мало фельетонов. Нет по крайней мере фельетона Черниговца.

Чего ради Вы выпустили из моего фельетона куплетец о "велосипедистах"? Ведь у нас есть такое общество… Если Вы выпустили в видах экономии места, то втисните его в будущий фельетон, так как я ужасно беден фельетонным материалом. Счастливчик И. Грэк! Ему можно пройтись насчет Островского и других "общих" явлений, а мне беда! - подавай непременно факты, и московские факты!

Если Вы оставили "Чад жизни" к следующему нумеру, то бросьте его. Пародия не удалась, да и раздумал я. Б. Маркевич обыкновенно плачет, когда читает неприятные для своей особы вещи, плачет и жалуется… Придется поссориться с некоторыми его почитателями и друзьями, как ни скрывайся за псевдонимом. А стоит ли из-за этакого пустяка заводить канитель? Вместо пародии я дам фельетонный куплетец - это короче.

Пальмина давно не видел. Не слишком ли Вы жестоки к "Волне" и не слишком ли много говорите Вы об этом грошовом журнальчике? Л«иодор» И«ванович» забыл, вероятно, что Кланга ругали мы в "Осколках" во все корки (я два раза ругал), не щадя живота его. Отчего бы не позволить ему хоть разик, хоть сдуру лягнуть "Осколки"? Л«иодор» И«ванович» поступил по-рыцарски, отказавшись работать в "Волне"; но не по-рыцарски поступил он, напечатав в "Моск«овском» листке" письмо, в котором отказывается от сотрудничества в "Волне", не объясняя мотивов. Публика черт знает что может подумать.

А. Чехов.

69. Н. А. ЛЕЙКИНУ
12 или 13 февраля 1884 г. Москва.

Уважаемый

Николай Александрович!

Прилагая при сем фельетон, рассказ и мелочишку… не знаю, что писать после деепричастия, не подберу никак главного предложения, хоть и литератор. Сейчас только что поужинал, сел писать, разогнался и - стоп машина! А начинать снова письмо не хочется.

Во-первых, посылаю Вам московскую литературу в лице сочинений Алексея Журавлева. Украл в типографии для Вас. Они напоминают те стихи, которые Вы читали мне и брату в Лоскутной гостинице, - маленькая, длинная в поперечнике книжка, сочиненная по поводу, кажется, коронации.

Потом, нельзя ли мой фельетон пускать без подписи? Теперь уж все знают, что я Рувер. Пушкарев совсем разобиделся, Мясницкий обидится… Все знакомы - хоть перо бросай! Пускайте без подписи, а я буду говорить, что я уже бросил фельетоны писать. Если же без подписи нельзя, то подпишите какую-нибудь букву (И. В., например). Если же перемена псевдонимов почему-либо отрицается Вами, то оставьте этот пункт без последствий.

Про Мясницкого не вычеркивайте. Его пьеса в Москве составляет вопрос дня. Про любителей тоже - они составляют половину Москвы, и все прочтут.

Написал я рассказ. Написал уже давно, но послать Вам не решаюсь. Уж больно велик для "Осколков". 300-350 строк. Рассказ вышел удачный, юмористический и сатирический. Действующие лица: мировой съезд, врачи… Клубничен отчасти, но не резко. Не посылаю Вам, боясь огорчить Вас длиною. Так как он мне удался, то я его никому не отдам из московских. Спрячу в чемодан. Паче чаяния, ежели понадобится Вам большой рассказ, если будет безматериалье или другая какая казнь египетская, то черкните строчку: я перепишу его начисто и пришлю.

"Кустодиевский" превосходен. Горбуновский рассказ, несмотря на незатейливую, давно уже заезженную тему, хорош - форма! Форма много значит…

"Путешествие в Китай" недостойно "Осколков", а рисунки Богданова совсем швах.

Был у Пальмина. Читал он мне письмо, полученное им от книгопродавца Земского. Я взял слово с Л«иодора» И«вановича», что он пошлет Вам это письмо. Уж очень характерно! Оно оканчивается фразой: "Мерзко, братец!" Безграмотно и ругательно. А все за то, что Л. И. прозу пишет!

Ваш слуга А. Чехов.

P. S. В сказке я упоминаю про наш Воспитательный дом. В нем ревизия. Происходит нечто скандальное. Подчиненным тошно от начальства - суть в этом. Попросите И. Грэка в одной из его мелочишек коснуться слегка, упомянуть… Большая злоба дня!

70. Е. И. САВЕЛЬЕВОЙ
24 февраля 1884 г. Москва.

84/24/II

Многоуважаемая

Евгения Иасоновна!

Покорный Вашему "поскорее и всю правду", берусь за перо тотчас же по получении Вашего письма и, прежде чем поставить первую точку, даю слово, что напишу одну только желаемую правду.

Ваш долговязый супруг, а мой друг Дмитрий Тимофеевич жив и здоров. Видел я его третьего дня (до обеда и вечером). Видел и раньше много раз. Верую также, что увижусь с ним завтра или послезавтра. Он здоров телесно, но не духовно. Настроение его духа, насколько я смыслю, нельзя назвать хорошим: опечален смертью матери, тоскует за Вами и изо дня в день ждет того блаженного часа, когда обстоятельства позволят ему выбраться из Москвы. Тоска по матери с каждым днем делается все меньше и меньше, что естественно и понятно: тяжелые обстоятельства сглаживают, стушевывают эту тоску. Ему и тосковать-то некогда. Обстоятельства, одно другого хуже, враждебнее и, что хуже всего, неожиданнее, громоздятся, как льдины весной, теснят Митю и не пускают его к Вам. Он геройски борется с ними и даже редко жалуется. Приходится прочитывать все на его вытянутой физиономии. В чем дело - он сам расскажет Вам. Описывать же я не стану: длинно, да и подробностей не знаю. Скажу только, что самое тяжелое прошло… Остались одни только финансовые дела. Покончив с финансами, он

немедленно покатит к Вам.

Но никакие финансы, никакие обстоятельства не терзают его так, как разлука с Вами. Он говорит только о Вас, думает только о поездке к Вам. Будь Вы около него, мне кажется, он претерпел бы наполовину менее терзаний, чем претерпевал их в последний месяц. Судьба очень глупо сострила, поставив между Вами тысячеверстное расстояние. Вообще судьба держит себя мерзко по отношению к Вашему мужу, и он умно делает, что держит себя героем. Я уважаю в нем эту выносливость. Скоро он даст Вам ответ на все Ваши письма. Едет он завтра или послезавтра. Лишнего дня он не просидит в Москве - за это ручаюсь головой. Такой нервной, впечатлительной натуре, как он, трудно усидеть в Москве даже лишний час, в особенности же, если эта натура женатая…

Вообще не беспокойтесь. Тяжелое прошло.

Если это письмо покажется Вам коротким, мало отвечающим на Ваше письмо, то не сетуйте. Не пишу Вам всех подробностей, потому что уверен в том, что вслед за этим письмом едет к Вам и сам виновник нашей переписки.

А за доверие спасибо.

В заключение прошу принять нижайший поклон от меня и сестры. Прошу также не забывать, что у Вас есть покорнейший слуга уважающий А. Чехов.

P. S. Приеду в Таганрог в конце июня, в полной надежде, что у меня уже есть невеста, Вами мне обещанная. Мои условия: красота, грация и… увы! тысячонок хоть 20. Нынешняя молодежь ужасно меркантильна. Кроме невесты, я должен еще получить с Вас (по московскому обычаю) на чай: я, за все время Вашего пребывания в Таганроге, еще ни разу не совратил с пути истины Вашего супруга.

Поклонитесь ему, когда он приедет. На конверте:

Заказное.

Таганрог.

Его высокоблагородию

Иасону Ивановичу Блонскому с передачей Евгении Иасоновне Савельевой.

От А. Чехова.

71. М. М. ЧЕХОВУ
15 апреля 1884 г. Москва.

Голубчик Миша!

Сделай милость, купи мне на свой вкус палку не дешевле рубля и не дороже двух. Поздравляю с окончанием страшного суда. Замучился экзаменами.

Твой А. Чехов. Рукой И. П. Чехова:

Хорошо бы сделали, если бы купили палку и мне.

И. Чехов.

1884 г. 15 апреля.

Извини, что беспокою пустяками.

72. М. М. ДЮКОВСКОМУ

2 или 3 мая 1884 г. Москва.

Достоуважаемый!

Михаил Михайлович!

Вы часто изъявляли желание присутствовать на диссертации какой бы то ни было. В понедельник 7-го произойдет защита диссертации в 2 часа пополудни в Новом здании университета или же в здании Нового анатомического театра, который находится в саду. Если свободны, то милости просим. Умер Леонид Пушкарев.

Votre* А. Чехонте. На обороте:

Калужские ворота. Мещанское училище.

Его высокоблагородию

Михаилу Михайловичу Дюковскому. * Ваш (франц.)

73. Н. А. ЛЕЙКИНУ

20 и 21 мая 1884 г. Москва.

84/20/V

Многоуважаемый

Николай Александрович!

Получил и письмо и вложение. Письмо прочел и отвечаю, вложение же препроводил по принадлежности с советом создать что-нибудь из таможенной жизни.

Поездка в Питер - моя давнишняя мечта. Дал себе слово поехать в ваш царствующий град в начале июня, а теперь возвращаю себе это слово обратно. Дело в финансах, черт бы их подрал. На поездку нужно 100-150 рублей, а я имел удовольствие на днях прокатить сквозь жизненный строй все мои акции. Отвалил полсотни за дачу, отдал четверть сотни за слушание лекций, столько же за сестру на курсы и проч. и проч. и проч. Если же к сему Вы прибавите всю плохость моих заработков за последнее время, то поймете мои карманы. К первому июню рассчитываю на свободную полсотню, а на эти деньги далеко не уедешь. Придется отложить поездку на неопределенное время и довольствоваться вояжем на дачу и обратно. Вместе со мной собирался и дикий Пальмин. Мы с ним условились поехать 2-3 июня, но… является он ко мне на днях и, покачивая головою, заявляет, что ехать в Петербург он не может. Его терзает какая-то муть, выражающаяся в каких-то крайне неопределенных для наблюдателя воспоминаниях: "Детство… юность… и прочее…" Точно он убийство в Петербурге совершил… Долго он излагал мне причины антипатии к своему родному городу, но я ничего не понял. Или он хитрит, боясь издержек (он, между нами говоря, скуповат), или же в самом деле есть что-то такое особенное в его петербургском прошлом. В пятницу он приедет ко мне обедать… Мы выпьем, поедем к ночи в Петровское-Разумовское на его дачу и, вероятно, кутнем. В самый момент, когда он поднимет вверх свой жилистый палец и начнет говорить мне о "бгатстве, гавенстве и свободе", когда умиление его достигнет своего асме*, я заговорю с ним о прелестях путешествия на Валаам и стану его убеждать… Авось удастся. Если мы вдвоем поедем, то нам, вероятно, и по сто рублей хватит - это тоже аргумент. А ему, действительно, необходимо проветриться. Если этого не требует его хороший талант, то этого настойчиво добивается гигиена. Он ужасно много пьет - это неизлечимо, но зато излечимо очень многое другое. Он живет черт знает как… Ужасно одет, не видит света, не слышит людей. Я никогда не видал его обедов, но готов держать пари, что он питается чепухой. (Его супруга не дает впечатления мудрой хозяйки.) В общем, мне кажется, что он скоро умрет. Его организм до того расшатан, что можно удивляться, как это в таком больном теле может сидеть такая стихотворная натура. Непременно нужно проветрить этого человека. Он говорил мне, что поедет по Волге, но плохо верится его словам. Дальше своей сарайной дачи он не пойдет. О результатах беседы, имеющей быть в пятницу, сообщу Вам. Если сам не поеду, то хоть его спроважу.

Завтра у меня последний экзамен, а послезавтра моя особа будет изображать то, что толпа величает "доктором" (если, конечно, выдержу завтрашний экзамен). Заказываю вывеску "доктор" с указующим перстом, не столько для врачебной практики, сколько для устрашения дворников, почталионов и портного. Меня, пишущего юмористическую дребедень, жильцы дома Елецкого величают доктором, и у

меня от непривычки ухо режет, а родителям приятно; родители мои благородные плебеи, видевшие доселе в эскулапах нечто надменно-суровое, официальное, без доклада не впускающее и пятирублевки берущее, глазам своим не верят: самозванец я, мираж или доподлинно доктор? И такое мне уважение оказывают, словно я в исправники попал. Они мнят, что в первый же год я буду ворочать тысячами. Такого же мнения и мой терпеливый портной Федор Глебыч. Придется разочаровать бедняг.

Экзамены кончились, а потому мне уже ничто не мешает подать прошение о приеме меня в число считанных. Что-нибудь да буду присылать к каждому номеру. Теперь пока не вошел еще в норму, денька же через четыре подниму глаза к небу и начну придумывать темы.

Летом буду жить в Новом Иерусалиме и буду пописывать… Боюсь только благородной страсти… Это для меня хуже всяких экзаменов.

На сей раз шлю "Дачную гигиену". Штука сезонная… Если понравится, то изображу еще что-нибудь в этом роде: "Охотничий устав", "Лесной устав" и проч. Мне хочется написать для "Осколков" статистику: народонаселение, смертность, промыслы и проч. Немножко длинно выйдет, но если удастся, то бойкий фельетон выйдет. (Я зубрил недавно медицинскую статистику, которая дала мне идею.) Я теперь с удовольствием написал бы юмористическую медицину в 2-3 томах! Перво-наперво рассмешил бы пациентов, а потом бы уж и лечить начал. Погода в Москве дождливая: в летнем пальто холодно, в зимнем жарко. Здоровье мое не из блестящих: то здоров, то стражду. Пью и не пью… Определенного пока еще ничего не видно.

Сажусь читать. Прощайте.

Ваш сотрудник, уважающий А. Чехов.

Правда ли, что "Дело" отживает свой век? Если правда, то добрый путь! Не любил этого журнала, грешный человек. Злил он меня. Впрочем, при нынешней журнальной бедности и "Дело" бы сгодилось. * расцвета (греч.)

74. Н. А. ЛЕЙКИНУ
17 июня 1884 г. Москва.

17, 6, 4.

Многоуважаемый

Николай Александрович!

После трудных экзаменов, как и следовало ожидать, разленился я ужасно. Валяюсь, курю и функционирую, остальное же составляет тяжелый труд. Трудно в особенности писать фельетоны. Погода, если не считать ежедневных дождей, великолепная… Не до работы…

Третьего дня я послал Вам свою новорожденную книжицу "Сказки Мельпомены". Издал эту книжицу экспромтом, от нечего делать, спустя рукава…

Послал я Вам один экземпляр и для "Петербургской газеты", в кою и прошу Вас оный препроводить… Хотелось бы мне и объявленьице сочинить в "П«етербургскую» газету", но, увы, денег нет свободных… Есть у меня в Питере приятели, для которых это объявление было бы нелишним: прочли бы и по 75 коп. прислали; посему не походатайствуете ли об объявлении в кредит? В кредит и, по возможности, с уступкой. Уплатить можете Вы им даже из моего гонорара. Совсем я разорился и кричу караул… Если Вам некогда возиться с моими объявлениями и если неудобно, то, ради Христа, не церемоньтесь и "наплюве". Это не бог весть как важно…

Еду завтра на все лето в Воскресенск, куда в случае надобности и прошу адресоваться: "Воскресенск (Московской губ.), А. П. Ч.". Вот и весь адрес… Сюда же шлите и гонорар.

Еще одна покорнейшая просьба. В Воскресенске семья живет "на книжку", расплата же с лавочниками производится первого числа. Просрочка нежелательна обеими сторонами… Распорядитесь, голубчик, выслать мне гонорар по возможности раньше.

Денежная почта приходит в Воскресенск только по понедельникам и пятницам… Первый июльский понедельник будет 2-го числа… Если, стало быть, Вы вышлете гонорар 30 июня, то Вы попадете в самую центру.

Пальмин наотрез отказался ехать в Питер. Собирается ехать по Волге, но едва ли поедет… Слова, слова и слова…

Объявление для "Петерб«ургской» газеты" прилагаю. Напечатать 5 раз, на 4-й странице, в размере прилагаемого объявления, в рамочке…

В "Осколках" объявление не печатайте… У вас и так тесно, да и книжка моя не в духе "Осколков". Подождем собрания юмористич«еских» рассказов, если таковое будет когда-нибудь…

Не напишете ли Вы мне, где и как продают книги? Я совсем профан в книжной коммерции. Не послать ли кому-нибудь в Питер десятка два экземпляров? Всех у меня 1200. Продать не тщусь… Продастся - хорошо, не продастся - так тому и быть… Издание стоит 200 руб. Пропадут эти деньги - плевать… На пропивку и амуры просаживали больше, отчего же не просадить на литературное удовольствие?

Затем Вы в письме Акима Данилыча (в "Брожении умов") вставили фразу: "А все из-за стаи скворцов вышло"… Соль письма ухнула… Городничему вовсе не известно, из-за чего бунт вышел, да и нет ему надобности умалять свои администраторские подвиги такими ничтожными причинами, как скворцы… Он никогда не объяснит бунта скворцами… Ему нужна "ажитация"… Впрочем, все это пустяки… Это к слову…

Поздравления с окончанием курса, празднования и житье в душной Москве совсем расстроили мою телесную гармонию… Слаб. 1 июля нужно мне быть в Москве, 2-го опять на даче… В июле Вы приедете в Москву… Как бы нам свидеться?

Пока прощайте… Будьте здравы, невредимы купно со своим приемышем…

Уважающий А. Чехов.

75. Е. И. ЮНОШЕВОЙ
Июнь, около 17, 1884 г. Москва.

Уважаемая

Екатерина Ивановна!

Сейчас я был в той компании, о которой говорил Вам. Клюет. Посылаю сейчас Ваш адрес. Работку нашел Вам маленькую, чахоточную, но на плату за слушание лекций во всяком случае хватит, с чем и имею честь проздравить. Обещают снабдить Вас переводами мелких вещиц. Плата, говорят, лучше, чем у Пушкарева. За исправность ручаюсь. Вы получите приглашение письменное или просто работу от редактора "Будильника" Александра Дмитриевича Курепина, которого рекомендую Вам за славного малого. В будущем поищем еще чего-нибудь, а пока… аревуар*! В Воскресенск еду. Одним из любимейших занятий моих в Воскресенске будет ожидание Вашего приезда. Боюсь, что это занятие будет слишком продолжительно. Распоряжение о взятии Вас с собой я сделал компании. Во время Вашего въезда в город будут произведены: a) колокольный звон, b) пушечная стрельба и c) больше ничего.

А за сим, пожелав Вам всех благ, имею честь быть всегда готовым к услугам

А. Чехов.

P. S. Надеюсь, что веревка не развязалась!! * до свидания (франц. au revoir)

76. Н. А. ЛЕЙКИНУ
25 июня 1884 г. Воскресенск.

25, VI, 4. Воскресенск.

Письмо № 1

Многоуважаемый

Николай Александрович!

Первый дачный блин вышел, кажется, комом. Во-первых, рассказ плохо удался. "Экзамен на чин" милая тема, как тема бытовая и для меня знакомая, но исполнение требует не часовой работы и не 70-80 строк, а побольше… Я писал и то и дело херил, боясь пространства. Вычеркнул вопросы экзаменаторов-уездников и ответы почтового приемщика - самую суть экзамена. Во-вторых, рассказу этому пришлось пройти все тартары, начиная с моего стола и кончая карманом богомолки. Дело в том, что, принеся свой рассказ в здешний почтамт, я был огорошен известием, что почта не идет в воскресенье и что мое письмо может попасть в Питер только в среду. Это меня зарезало. Оставалось что-нибудь из двух: или почить на лаврах, или же мчаться на железнодор«ожную» станцию (21 верста) к почтовому поезду. Я не сделал ни того, ни другого, а решил поручить мою корреспонденцию кому-нибудь идущему на станцию. Ямщиков я не нашел. Пришлось поклониться толстой богомолке… Если богомолка поспеет на станцию к почтовому поезду и сумеет опустить письмо в надлежащее место, то я торжествую, если же бог не сподобит ее послужить литературе, то рассказ получите Вы с этим письмом.

Теперь о темах для рисунков. Тут прежде всего мне нужно сознаться, что я очень туп для выдумывания острых подписей. Хоть зарежьте меня, а я Вам ничего умного не придумаю. Все те подписи, что я Вам раньше присылал, были достоянием не минуты, а всех прожитых мною веков. Отдал все, что было - хорошее и херовое - и больше ничего не осталось. Тема дается случаем, а у меня в жизни хоть и немало случаев, нет способности приспособлять случаи к делу. Но как бы там ни было, я придумал следующий план действий. Я буду присылать Вам все, чему только угодно будет залезть в мою голову. Сочинители подписей и мертвые не имут срама. Вы не будете конфузить меня, ежели пришлю несообразное…

Я умею сочинять подписи, но - как? В компании… Лежишь этак на диване в благородном подпитии, мелешь с приятелями чепуху, ан глядь! и взбредет что-нибудь в голову… Способен также развивать чужие темы, если таковые есть…

Живу теперь в Новом Иерусалиме… Живу с апломбом, так как ощущаю в своем кармане лекарский паспорт. Природа кругом великолепная. Простор и полное отсутствие дачников. Грыбы, рыбная ловля и земская лечебница. Монастырь поэтичен. Стоя на всенощной в полумраке галерей и сводов, я придумываю темы для "звуков сладких". Тем много, но писать решительно не в состоянии… Скажите на милость, где бы я мог печатать такие "большие" рассказы, какие Вы видели в "Сказках Мельпомены"? В "Мирском толке"? И к тому же лень… Простите, ради бога… Это письмо пишу я… лежа… Каков? Примостил себе на живот книжищу и пишу. Сидеть же лень… Каждое воскресенье в монастыре производится пасхальная служба со всеми ее шиками… Лесков, вероятно, знает об этой особенности нашего монастыря. Каждый вечер гуляю по окрестностям в компании, пестреющей мужской, женской и детской modes et robes*. Вечером же хожу на почту к Андрею Егорычу получать газеты и письма, причем копаюсь в корреспонденции и читаю адресы с усердием любопытного бездельника. Андрей Егорыч дал мне тему для рассказа "Экзамен на чин". Утром заходит за мной местный старожил, дед Прокудин, отчаянный рыболов. Я надеваю большие сапоги и иду куда-нибудь в Раменское или Рубцовское покушаться на жизнь окуней, голавлей и линей. Дед сидит по целым суткам, я же довольствуюсь 5-6 часами. Ем до отвала и умеренно пью листовку. Со мной семья, варящая, пекущая и жарящая на средства, даваемые мне рукописанием. Жить можно… Одно только скверно: ленив и зарабатываю мало. Если будете Вы в Москве, то почему бы Вам не завернуть в Новый Иерусалим? Это так близко… Со станции Крюково на двухрублевом ямщике 21 верста - 2 часа езды. Брат Николай будет Вашим проводником. И Пальмина захватить можно… Пасхальную службу послушаете… А? Если напишете, то и я мог бы за Вами в Москву приехать…

Трепещу. На этой неделе мне нужно стряпать фельетон для "Осколков", у меня же ни единого события. Высылать теперь буду в субботы… Вы будете получать в понедельники.

Бываю в камере мирового судьи Голохвастова - известного сотрудника "Руси". Видаю Маркевича, получающего от Каткова 5000 в год за свои переломы и бездны.

Курс я кончил… Я, кажется, писал уж Вам об этом. А может быть, и не писал… Предлагали мне место земского врача в Звенигороде - отказался. (Можно будет Вам, если приедете, съездить к Савве Звенигородскому - это a propos). За сим…

кажется, уж больше не о чем писать. Кланяюсь и вручаю себя Вашим святым молитвам.

Всегда готовый к услугам и уважающий Лекарь и уездный врач А. Чехов.

Ах, да! Книжку я напечатал в кредит с уплатою в продолжение 4-х месяцев со дня выхода. Что теперь творится в Москве с моей книжкой, не ведаю.

Хочу сейчас идти рыбу удить… Беда! Получил заказ из "Будильника" и, кажется, за неимением энергии не исполню…

См. следующее письмо. Это, по не зависящим от редакции обстоятельствам, застряло и залежалось. * модной одеждой (франц.)

77. Н. А. ЛЕЙКИНУ
27 июня 1884 г. Воскресенск.

4, VI, 27.

Письмо №2

Вчера вечером, уважаемый Николай Александрович, получил Ваше письмо и прочел его с удовольствием. Письма на даче составляют удовольствие немалое. Вчера у Андрея Егорыча я получил их целых шесть штук купно с газетами и "Осколками" и до самой полуночи услаждал себя чтением. Прочел все, даже объявления в газетах и даже остроты новоиспеченного юмориста Е-ни… Вчера читал Ваше письмо, ныне же отвечаю… Сейчас я приехал с судебно-медицинского вскрытия, бывшего в 10 верстах от В«оскресенска». Ездил на залихватской тройке купно с дряхлым, еле дышащим и за ветхостью никуда не годным судебным следователем, маленьким, седеньким и добрейшим существом, мечтающим уже 25 лет о месте члена суда. Вскрывал я вместе с уездным врачом на поле, под зеленью молодого дуба, на проселочной дороге… Покойник "не тутошний", и мужики, на земле к«ото»рых было найдено тело, Христом богом, со слезами молили нас, чтоб мы не вскрывали в их деревне… "Бабы и ребята спать от страху не будут…" Следователь сначала ломался, боясь туч, потом же, сообразив, что протокол можно написать и начерно, и карандашом, и видя, что мы согласны потрошить под небом, уступил просьбам мужиков. Потревоженная деревушка, понятые, десятский с бляшкой, баба-вдова, голосящая в 200 шагах от места вскрытия, и два мужика в роли Кустодиев около трупа… Около молчащих Кустодиев тухнет маленький костер… Стеречь труп днем и ночью до прибытия начальства - мужицкая, никем не оплачиваемая повинность… Труп в красной рубахе, новых портах, прикрыт простыней… На простыне полотенце с образком. Требуем у десятского воды… Вода есть - пруд под боком, но никто не дает ведра: запоганим. Мужик пускается на хитрость: манехинские воруют ведро у трухинских… Чужого ведра не жалко… Когда они успевают украсть и как и где - непонятно… Ужасно довольны своим подвигом и посмеиваются… Вскрытие дает в результате перелом 20 ребер, отек легкого и спиртной запах желудка. Смерть насильственная, происшедшая от задушения. Пьяного давили в грудь чем-то тяжелым, вероятно, хорошим мужицким коленом. На теле множество ссадин, происшедших от откачивания. Манехинские нашли тело и качали его 2 часа так усердно, что будущий защитник убийцы будет иметь право задать эксперту вопрос: поломка ребер не была ли следствием откачивания? Но думаю, что этот вопрос не задастся… Защитника не будет, не будет и обвиняемого… Следователь до того дряхл, что не только убийца, но даже и больной клоп может укрыться от его меркнущего ока… Вам уже надоело читать, а я разохотился писать… Прибавлю еще одну характерную черточку и умолкну. Убитый - фабричный. Шел он из тухловского трактира с бочонком водки. Свидетель Поликарпов, первый увидевший у дороги труп, заявил, что он видел около тела бочонок. Проходя же через час мимо тела, этот Поликарпов уже не видел бочонка. Ergo*: тухловский трактирщик, не имеющий права продажи на вынос, дабы стушевать улики, украл у мертвеца бочонок. Но довольно о сем. Вы возмущаетесь осмотром кормилиц… А осмотр проституток? Медики (конечно, ученые), затрогивавшие вопрос "об оскорблении нравственного чувства" осматриваемых, судили-рядили и остановились на одном: "их товар, наши деньги… Если медицинской полиции можно, не оскорбляя личности торгующего, свидетельствовать яблоки и окороки, то почему же нельзя оглядеть и товар кормилиц или проституток? Кто боится оскорбить, тот пусть не покупает…" Если Вы побоитесь оскорбить щупаньем кормилицу и возьмете ее не щупая, то она угостит Вас таким товарцем, который бледнеет перед гнилыми апельсинами, трихинными окороками и ядовитыми колбасами.

У Вас 600 кустов георгин… На что Вам этот холодный, не вдохновляющий цветок? У этого цветка наружность аристократическая, баронская, но содержания никакого… Так и хочется сбить тростью его надменную, но скучную головку. Впрочем, de gustibus non disputantur**. Я не хотел поместить в "Осколках" объявление о моей книжке не потому, что считаю это бесполезным, как Вы на меня клевещете, а просто потому, что боялся стеснить Вас: места у Вас мало, а брать с меня, как с других берете, Вы поделикатитесь… Поместите объявление, скажу спасибо. Ежели возможно вставить фразу "иногородние получают через редакцию "Осколков", то скажу сугубое спасибо. Покупателей много не будет, и Вас эта фраза не стеснит. Ежели паче чаяния найдется желающий купить книжку через редакцию, то Вам придется только сообщить мне в ближайшем письме адрес счастливца и - больше, кажется, ничего. Впрочем, в издательском деле я решительно ничего не понимаю… Действуйте, как лучше… За указания поклон и спасибо. Исполню все так, как Вы написали. Страсть, сколько я написал Вам! Через день хожу в земскую больницу, где принимаю больных. Надо бы каждый день ходить, да лень. С земским врачом мы давнишние приятели.

Votre А. Чехонте. * следовательно (лат.) ** о вкусах не спорят (лат.)

78. Н. А. ЛЕЙКИНУ
14 июля 1884 г. Звенигород.

Уважаемый

Николай Александрович!

В настоящее время я нахожусь в граде Звенигороде, где волею судеб исправляю должность земского врача, упросившего меня заменить его на 2 недельки. Полдня занят приемкой больных (30-40 человек в день), остальное же время отдыхаю или же страшно скучаю, сидя у окна и глядя на темное небо, льющее уже 3 и день нехороший, безостановочный дождь… Перед моим окном тора с соснами, правее дом исправника, еще правее паршивенький городишко, бывший когда-то стольным городом… Налево заброшенный крепостной вал, левее лесок, а из-за последнего выглядывает Савва освященный. Заднее крыльцо, или вернее задняя дверь, около к«ото»рой воняет сортиром и хрюкает поросенок, глядит на реку. Теперь суббота. Чтобы не обмануться в почте, спешу послать срочную работу. Рассказ же нацарапаю сегодня под ночь и пришлю завтра. Письма посылайте в Воскресенск. Оттуда мне пересылается все исправно. Был в Москве и слышал, что Л. И. Пальмин венчался со своей старухой. Видел его, но он мне ничего не говорил об этом. Не говорите ему, что я Вам сообщил эту прозаическую новость про поэтического человека… Может быть, эта новость для Вас уже не новость! Прощайте.

Ваш А. Чехов.

79. Ал. П. ЧЕХОВУ Середина июля 1884 г. Звенигород.

Сашаъ!

Посылаю письмо для Левенсона. Жалею, что заставляю тебя, беднягу, шляться по 10 раз к этим жидам, скорблю и утешаю себя тем, что сумею с тобою расквитаться. Послал книжку в редакции?

Посылаю письмо отца для руководства. Стыдно Николаю заставлять самолюбивого старика брать взаймы! Поездка к Пушкареву обошлась Николаю рублей 4-5… Эти деньги мог бы он лучше отдать в уплату…

Живу в Звенигороде и вхожу в свою роль, Гляжу на себя и чувствую, что не жить нам; братцы, вместе! Придется удрать в дебри в земские эскулапы… Милое дело!

Пиши в Воскресенск. Оттуда мне вышлют.

А. Чехов.

Николая ждут в В«оскресенске».

Письмо, начинающееся словами "Евочька… и проч."… неподражаемо сочинено. Ты и Николка показали себя художниками.

80. Н. А. ЛЕЙКИНУ
Середина июля 1884 г. Звенигород.

Многоуважаемый

Николай Александрович!

Прочитавши Ваше письмо, дал знать в Москву брату Николаю о предстоящем Вашем приезде. Брат будет Вашим путеводителем в Воскресенск, сам же я вырваться из Звенигорода не могу до приезда врача, должность коего исправляю. Перед приездом в В«оскресенск» Вы потрудитесь уведомить меня телеграммой (Звенигород, врачу Чехову), я поеду на 1-2 дня в В«оскресенск», чтобы повидаться с Вами и показать Вам наши святыни. Или так сделайте: поезжайте на вторую станцию Смоленской дороги, Голицыно. Отсюда до Звенигорода (15 верст) на лошадях. В Звенигороде обозреем Савву освященного и покатим отсюда в Новый Иерусалим (20 верст). Все это отнимет у Вас не более суток. Прихватите Пальмина. Заранее предупреждаю: удобств на пути не найдете… Дороги и города хуже худшего, но зато масса беллетристического материала. Если переночуете у меня, то свожу Вас в больницу на приемку (рассказ в 300 строк). На Илию, 20-го, у меня будет 60 человек больных, 22-го человек 40. Лучше сделаете, если начнете путешествие Звенигородом. Дороги тряски, но живописны. Жду. Телеграммы в Воскресенск не посылайте, ибо в этом граде телеграфа нет и мне придется платить за эстафету 3 р. 50 к. (Семья заплатит, а телеграммы я не прочту, так как меня нет в В«оскресенске»). Телеграфируйте в Звенигород. Больных я могу бросить на 2 суток. У меня фельдшера доки. Приезжайте же! Брат Николай будет у Вас в Лоскутной. Обитает он на старой квартире.

Неужели Д. К. Ламанч«ский» и Ежини одно лицо? Если да, то я, значит, хватил не по чину… Д. К. Ламанч«ский» изображает из себя одного из хороших московских работников. Стишки его милы… Но проза его, в особенности в "Будильнике", несносна… Относительно Рыскина соглашаюсь с Вами. Читал его мало, но слышал про него много. В Москве, если покопаться, можно найти еще кое-кого. Прощайте.

Ваш А. Чехов.

Пальмина умоляю приехать.

81. П. Г. РОЗАНОВУ
22 июля 1884 г. Звенигород.

Парафимоз в прежнем положении. Прибегаю к любезности хирурга, имевшего связь с англичанкой и двумя роскошными польками. Без Вас умру, ибо нерешителен и трус.

А. Чехов.

82. Н. А. ЛЕЙКИНУ

11 августа 1884 г. Воскресенск.

VIII, 11. Воскресенск.

Многоуважаемый

Николай Александрович!

Шлю купно с большим поклоном плохой фельетон. Фельетон плох в квадрате, до степени "увы и ах!", но я не виню себя. Тем нет совершенно, а все то, что есть, донельзя мелко и противно. Другой на моем месте пал бы в уныние, а я ничего, привык… Рассказ в 60 строк написал, но до того скверный, что посылать жутко. Подожду до завтра: авось переменю свой взгляд на него или напишу что-нибудь другое. Впереди у меня еще целых 2 дня…

Теперь насчет "Сатирич«еского» листка". В этом листке я не работаю (для первых номеров дал несколько крох, а теперь - ни-ни) и оного не читаю. Что в нем пишется и что творится, мне неведомо, а ежели бы ведал, то поспешил бы сообщить Вам обо всем, что Вас касается. Сообщаемому Вами не удивляюсь. Не удивлюсь

также, если завтра меня, хорошего знакомого Липскерова, обзовут в этом "Листке" так или иначе каким-нибудь поносным именем. Всего можно ожидать от этих господ, и всякая выходка их естественна… Надо Вам сказать, что "еврюга" Липскеров едва ли знает о том, что Вы обруганы в его журнале. Он ленив, лежебока, ни во что не вмешивается и знать ничего не хочет… Еврюга добрый, не ехидный и покладистый. Делами этого сатрапа правят секретари. В "Листке" заправляет Марк Ярон… (выдаю редакционную тайну!), мстящий Вам за то, что я дважды обругал его в "Осколках". Ярон человек нехороший, способный на всякую мерзость… но и он, вероятно, не автор и не виновник пасквиля. Пасквиль, как и все статьи, попал в "Листок" без ведома редактора и секретарей: печатают что и как попало, без разбора и что подешевле. Ведется этот "Листок" до того похабно и халатно, что в нем можно напечатать пасквиль даже на самого Липскерова.

Буду в Москве, узнаю все, а пока напишу Липскерову письмо, в котором обзову его скотиной. Писал пасквиль, вероятно, какой-нибудь московский мелюзга, писал за неимением материала и по глупости. У этих господ ни такта, ни чувства меры…

Целый день льет дождь. У меня благодаря скверной погоде ногу ломит. Скучно ужасно. Третьего дня ездил в Звенигород на именины, вчера ловил в пруде линей, а сегодня не знаю, куда деваться от скуки. Хочу сесть писать - к постели тянет, лягу - писать хочется… Так бы взял да и высек свою лень!

Как нарочно, брат, посылаемый на почту, стоит возле и торопит… Судьба уж моя такая! Всегда довожу дело до последней минуты.

За приглашение в Петербург спасибо. Уехал бы к вам с наслаждением, но… в карманах кондукторские и полицейские свистки… Хоть шаром покати! Семья живет на даче со мной на моем иждивении, а дачная жизнь… ву компрене*, кусается. Имей я лишние 50 руб., имей даже кредит долгосрочный (у тетеньки или бабушки) на эту сумму, я недолго бы думал… Погожу до зимы.

Прощайте. Рассказов пришлю, а насчет подписей помыслю.

Ваш А. Чехов.

83. Н. А. ЛЕЙКИНУ
23 августа 1884 г. Воскресенск.

23, VIII, Воскресенск.

Многоуважаемый

Николай Александрович!

Собираюсь удрать к 1-му сентября из Воскресенска в Москву на зимнее житие. Первое число срок крайний. А посему, прошу усердно, сделайте распоряжение о высылке мне гонорара не позже 31-го августа - пятницы, когда в Воскр«есенск» приходит денежная почта. Простите, ради аллаха, что на сей раз изменяю Вашим порядкам, но если бы Вы знали, какая противная погода на даче, сколько багажа и домочадцев придется мне переправлять в Москву и как мне хочется засесть за свой московский письменный стол, то объяснили бы себе это мое нашествие на Вашу бухгалтерию. Чтобы не путать августовских счетов с сентябрьскими, вышлите мне наотмашь рублей 60 - это и короче и сподручнее для Вас, - а счет за август вышлет Ваш секретарь мне вместе с сентябрьским счетом в октябре, сразу за 2 месяца.

Нужно бы в Москву съездить за деньгами, да денег нет на дорогу… Комиссия! Были кое-какие деньжонки, да нелегкая дернула меня дать их взаймы приятелю-поручику. Поручик отдаст, но, вероятно, тогда, когда у меня у самого будут полные карманы, перед моим отъездом. Впрочем, довольно о деньгах. Ах… не так давно лечил одной барышне зуб, не вылечил и получил 5 руб.; лечил монаха от дизентерии, вылечил и получил 1 р.; лечил одну московскую актрису-дачницу от катара желудка и получил 3 руб. Таковой успех на новом моем поприще привел меня в такой восторг, что все оные рубли я собрал воедино и отослал их в трактир Банникова, откуда получаю для своего стола водку, пиво и прочие медикаменты.

Спасибо Вам за объявления о моей книжице. В сентябре поблагодарю лично. Если Вы находите, что объявления летом лишни, то прекратите или же помещайте их через

номер. Не знаю, что творится теперь с моей книгой… Говорят, хвалили ее в "Нов«ом» времени", в "Театр«альном» мирке"… Ничего не читаю, кроме московских газет, ни за чем не слежу… Такая досада! Если Вы поместили объявление в "Петерб«ургской» газете", то уплатите из моего гонорара. Уплатите следуемое и Вашей конторе за объявления в "Осколках". Читал в "Наблюдателе" критику на "Христову невесту"… Кто бы мог подумать, что Ваша книжка даст случай этому беспардонному критику упомянуть о германском милитаризме, бисмарковщине…

Сажусь писать оск«олки» москов«ской» жизни. Полное отсутствие материала! Нововременский Курепин и Лукин из "Новостей" из кожи вон лезут, но их фельетоны не полнее моих осколков.

Погода ужасная, дифтеритная. Давно уже не видел солнца. Читал пальминскую "Морскую зыбь"… Не уехал ли он на море? Не катается ли теперь, чего доброго, на пароходе в "кающе новобрачных"?

Б. Маркевич дал мне почитать собрание своих мелких рассказов. Давая мне это собрание, он имел в виду благую цель: пусть поучится молодой человек. Спрашивал о Вас, снисходительно покритиковал Лескова, пожалел, что нынешняя юмористика в упадке… Этот камер-юнкер болен грудной жабой и, вероятно, скоро даст материал для некролога…

Прощайте. Посылаю сестру на почту отнести это письмо. Сверх ожидания, соглашается и идет одеваться.

Ваш А. Чехов. * вы понимаете (франц. vous comprenez)

84. М. П. ЧЕХОВОЙ
3 сентября 1884 г. Воскресенск.

Наша собственная сестра!

Уезжаю. Дома уломаю всех. Если находишь лучшим жить в сих краях, а не в тех, то живи.

Саша пробудет в Москве до средины сентября.

Кланяйся мадам Шпехь.

Поклон Киселевым, ввиду его громадности, посылаю через Ивана. У Оленьки Лашкевич кровавый понос. Хотел с ней в законный брак вступить, но теперь не желаю: у нее понос.

Говорят, что ты страшно привязалась к мадам Шпехь. Пригласи ее к нам в Москву. Мы ей тоже кровавый понос устроим, бесплатно. Пишу о поносе для того, чтобы ты не давала никому читать моих писем.

Votre А. Чехонте.

85. Д. Т. САВЕЛЬЕВУ

4 сентября 1884 г. Москва.

84, IX, 4.

Любезнейший друг

Дмитрий Тимофеевич!

Письмо твое получил я только вчера (3-го) по приезде из Воскресенска. Поручения твои исполню с готовностью, ибо досуга у меня много. Лекции начнутся не ранее 10-15-го сент«ября», так как Ек«атерининская» больница ремонтируется. Проценты в ссуду уплачу тотчас же по получении от тебя квитанции. Если, посылая мне квитанции, не пришлешь мне денег, то этим окажешь для меня великую услугу: ты знаешь, как жутко ходить в почтамт за получением денег! Уплачу свои, а потом

расквитаемся.

Чтобы не быть у меня в долгу по части поручений, исполни мою маленькую просьбу: поклонись своей жене 100 раз за ее память о моей персоне. Но это не все. Если у тебя есть свободное время, то забеги как-нибудь в городскую управу и спроси там, как поживает моя стипендия. Я не получал еще за последнюю треть.

Если управа намерена выслать мне, то пусть поспешит высылкой. Все имевшееся у меня я ухлопал на семью и теперь сижу на бобах, ощущая всеми своими нервами отсутствие в карманах всякого присутствия. Живу пока в кредит, получки же мои начнутся только в октябре.

О причинах, не пустивших меня на юг, сообщу при свидании. Приписка твоей супруги повергла меня в печаль. Я почувствовал наклонность к семейной жизни, пожелал быть отцом и - вдруг! Мне пишут, что невеста еще не нашлась! А ты, скот бесчувственный, не мог употребить власть и прикрикнуть на жену, чтобы она пристроила твоего друга! Я отказал многим богатым невестам, надеясь на обещание твоей жены, - можешь, стало быть, понять теперь мое положение! Опять придется ходить всю зиму в Salon.

Книжку вышлю, когда схожу в склад издания.

Кланяюсь.

Tuus* Чехов. * твой (лат.)

86. Н. А. ЛЕЙКИНУ
15 сентября 1884 г. Москва.

84, IX, 15.

Уважаемый

Николай Александрович!

Сижу я в доме графини Капнист, в салонах которой обитает Лиодор Иванович Пальмин (известный поэт).

Поэт благосклонен ко мне настолько, что угощает меня своей наливкой. У него насморк, кашель и шум в ушах.

Для Вас готовы у меня 3 рассказа, которые завтра или послезавтра посылаю. Выезжать никуда не думаю, сижу у себя в Головином пер«еулке» и ленюсь. Совлещи с себя ленивого человека рад бы, но не могу. Насчет работы моей у "еврюги" не слишком беспокойтесь: за все лето и сентябрь я получил от него 3 купона стоимостью в 2 р. 50 к. каждый - только. О пасквиле "Сатирического листка" я писал Вам. Если Вы не удовлетворены, то все мною недосказанное, длинное для письма, сообщу при свидании. Оставляю место для Лиодора Ивановича.

Ваш А. Чехов.

87. П. Г. РОЗАНОВУ

Начало октября 1884 г. Москва.

Вывеска заказана. Благоволите прислать это письмо купно с Вашей карточкой и звенигородскими новостями. Стало быть, более подробные известия Вы получите после 15 октября.

А. Чехов.

88. Н. А. ЛЕЙКИНУ
7 октября 1884 г. Москва.

Воскресенье 7-го.

Уважаемый

Николай Александрович! В исполнение Вашей редакторской воли шлю Вам свои литературные экскременты в воскресенье… Вы получите 2 места: в одном фельетон, в другом это письмо с рассказом. Десять раз лез к Николаю, и десять раз он уверял меня, что рисунки давно уже Вам посланы… Не хочется думать, чтобы он врал, и в то же время не хочется верить в неисправную доставку заказных бандеролей… Николай уверяет… Чтобы узнать, кто врет, почта или он, мне остается только произвести у него внезапный обыск…

Panem et circenses* нет и нет… Думаю, думаю, и хоть кол теши на голове! Но бог не без милости… Авось, что-нибудь намыслю и пришлю Вам… За доброе слово о "Петербур«гской» газете" большое спасибище. Я буду получать ее в обеденное время, а читать после обеда, развалясь и куря…

Не забывайте, что мы условились в случае срочного материала помещать москов«ский» фельетон еженедельно, дабы не было кричащих запаздываний. Я буду присылать Вам его кусочками, урывками, а Вы планируйте его, как знаете: что срочно, то теперь, что не срочно, то после… Рассказиков напеку… Зачем Вы в деле скоро- и многописания меня сравниваете с собой? Литература Ваша специальность… На Вашей стороне опыт, уверенность в самом себе, министерское содержание… А я, пишущий без году неделю, знающий иную специальность, не уверенный в доброкачественности своих извержений, не имеющий отдельной комнаты для письма и волнуемый страстями…, могу ли я поспеть за Вами? Если буду писать двадцатую часть того, что Вы пишете, то и за это слава богу…

О лекарских вакансиях думаю… Записал Лихачева в поминальницу… Был у Пальмина… Лечил живущую под ним (каламбур?!!) девицу и забежал к нему. Он спал, но, заслышав мой голос, проснулся и предстал предо мною во всем величии поэта, с опустившимися панталонами и всклоченной куафюрой… Сидел я у него недолго: прогнало меня от него отсутствие сортира. У нас снег… Получил приглашение от "Нови"… Как прочел на письме, что у них 500000 основного капитала, то до того потерялся, что потерял всякую надежду написать туда что-нибудь…

Ваш. А. Чехов.

Портной принес новое пальто. Поздравляю: не все Ваши сотрудники ходят в старых пальто… * Хлеба и зрелищ (лат.)

89. П. Г. РОЗАНОВУ
3 ноября 1884 г. Москва.

84, XI, 3.

Добрейший

Павел Григорьевич!

Моя радость по поводу назначения Вашего на место тайного советника Кетчера совсем бледнеет перед моею скорбью, когда читаю Ваше известие о несчастье с доской. Неужели?!? Я приказал упаковать ее в самую мягкую книгу, в одну из тех книг, какие я употребляю по причине их мягкости для известной надобности. Если Вы не шутите (крушение чугунной доски похоже на шутку), то виновата, стало быть, упаковка, а так как упаковка моя, то и вина моя. Закажу другую вывеску и вышлю ее в ящике… Как живете? Насчет конкурса осведомлюсь у Лейкина… Протекция, батенька, на Руси не знает конкурсов, что, впрочем, не делает чести человечеству.

Поклонитесь Сергею Павловичу и скажите ему, чтобы он побывал у меня, если приедет в Москву. Нужен он мне. Погода ужасная… Удивляюсь, как это Вы можете жить в такую пору в звенигородских дебрях. В Москве тоже скучно. Одно только утешительно, что целый день сидишь за работой и не замечаешь скуки. Боюсь наврать чего-нибудь, а посему ставлю точку и кланяюсь.

Ваш А. Чехов.

Жду Вас к себе.

90. Н. А. ЛЕЙКИНУ
4 ноября 1884 г. Москва.

84, XI, 4.

Уважаемый

Николай Александрович!

Пишу Вам, дабы предупредить Вас, что фельетон будет выслан мною не сегодня в воскресенье, а завтра в понедельник. Стало быть, Вы можете на этот счет быть покойны… Фельетон мой почти уже готов, но мал очень, и хочется мне прибавить еще что-нибудь… Вместе с фельетоном пришлю две темы и, быть может, рассказ… Фельетон ужасен… Материала никакого, и поневоле приходится писать про Кузнецова и его Салон - противно даже. Вчера и сегодня болен… Голова трещит, лихорадка… Работать не в состоянии… Был у меня Пальмин и передал мне, что Вы на меня сердитесь. За что? Вы пишете ему, что я не присылаю Вам рассказов… Беру богов в свидетели, что я не посылаю Вам рассказов только тогда, когда знаю, что у Вас есть уже в запасе мой рассказ… Это справедливо даже относительно того из последних номеров, в котором не было ничего моего. Вы можете только претендовать, что некоторые мои рассказы выходят плохи… На это могу возразить Вашей же фразой, сказанной в одном из Ваших писем относительно печи, не всегда одинаково пекущей.

Далее Вы громите меня за то, что я не даю тем. Если бы сочинять темы было так же легко, как закурить папиросу, то я прислал бы Вам их видимо-невидимо, но Вы сами знаете, что легче найти 10 тем для рассказов, чем одну порядочную подпись… И неужели Вы думаете, что я не прислал бы их Вам, если бы они у меня были? Точно я их продаю в другой журнал! Все темы, какие у меня накопились за все время моего литературничества, я вывалил Вам в прошлом году… И теперь, выдумываю и изредка присылаю… Сделал даже по Москве клич, что плачу по полтиннику за каждую сносную тему… Вы в последнем нашем разговоре в Лоскутной, набавляя 5 р. к добавочным, мое упорство относительно недоставления подписей поставили в некоторую связь с добавочными… Если я получаю эти добавочные только за темы, то, конечно, я получаю их ни за что… Но ведь это легко поправить! Стоит только перестать высылать их - вот и все!

Далее Вы, как передает Л«иодор» И«ванович», жалуетесь, что я не всегда отвечаю на Ваши письма. Это правда, винюсь… Дело в том, что посылку произведений своих я довожу до крайнего срока и не успеваю писать Вам, несмотря на искреннее желание. Я уж не раз извинялся в этом и не раз писал Вам громадные письма, чтобы хоть этим загладить свою вину. На письма, имеющие деловой характер, я всегда отвечал… Теперь, дав ответ на претензии, заявленные Пальминым, продолжаю о своем…

В эту неделю не посылаю Вам несколько рассказов, ибо был все время и болен и занят: пишу маленькую чепуху для сцены - вещь весьма неудачную… По утрам и вечерам готовлюсь к докторскому экзамену.

Во вторник буду у Пальмина и подумаю с ним о темах для передовиц. Николай ничего не делает, хотя, судя по его прелестному рисунку в последнем номере "Осколков", и следовало бы работать… У Гиляровского родился младенец мужеска пола.

Да! 22-го разбирается дело Рыкова… Буду в окружном суде, ибо имею билет… Не нужно ли для "Петербургской газеты" фельетонов о Рыкове? Если нужно, то порекомендуйте… Возьму дешево: по 50 р. за фельетон… Дело будет тянуться 12 дней. Без эффектов не обойдется… О многом можно написать…

Письмо это коротко, но думаю, что я все сказал, что нужно для того, чтоб Вы перестали сердиться. Мечтаю в декабре быть у Вас…

Ваш А. Чехов.

Рекомендовал я Вам поэтика Медведева. Махонький, плюгавенький… Жалко мне его, потому и рекомендовал. Кушать хочет, а денег нет… Будете объявления о журнале пускать? Если будете, то хорошо… Я на Вашем месте тысяч пять бы убухал на рекламу… Рекламу пустить с рисунками, рассказами, анекдотами… красками…

А о "Петербургской газете" - пожалуйста. Не дадите ли и Вы место в осколочных фельетонах скопинскому делу? Если да, то предупредите… Дело большое, на всех хватит.

91. Н. А. ЛЕЙКИНУ
11 ноября 1884 г. Москва.

84, XI, 11.

Уважаемый

Николай Александрович!

Получил Ваше письмо и пишу ответ через час по прочтении.

О высасывании из пальца я с Вами не согласен. Если начнешь высасывать, то пройдет час, два… а там глядь и ничего не выдумал и не высосал! А за 2 часа можно другое что-нибудь сделать… Неужели Вам понравились мои темы? Я послал их не без колебания…

Насчет брата Николая согласен. Скорблю и скорблю. Лентяй из перворазрядных и с каждым годом делается все ленивее и ленивее… Прочту ему Ваше письмо. Влияние свое на него обещаю, но… где замешалась баба (и у него баба), там трудно влиять.

На условия "Петербур«гской» газеты" тоже согласен. Буду писать по рыковскому делу и накануне процесса пришлю первый рассказ.

О распорядителе, выведенном из маскарада, Вы напрасно усомнились, и напрасно вообще Вы мне не верите. Я Вас не подведу и не надую - в этом будьте уверены. Выведен был Гулевич-рассказчик из маскарада Лентовского. Не назвал я лица и места, потому что не хотел обижать старика, - вот и все. О выводе его знала вся Москва и заметки моей было бы достаточно без фамилии.

Вчера получаю телеграмму: "Поля больна и я шея железа зноб если можно приезжайте вечером Пальмин". Еду вечером и - о поэты! - не застаю Л«иодора» И«вановича» дома… Поля сидит с гостями и угощается…

Шлю мелочишку. Мне сдается, что она чуточку мутна. Если так, то вышлите обратно, я ее починю… Еду слушать Лукка.

Ваш А. Чехов.

Ах, да! Есть в Москве такой поэтик Медведев… Ему я дал записочку к Вам… Стало быть, еще не собрался послать Вам свои стишины. Рыскин едва ли будет Вашим сотрудником… Пастухов не пустит.

92. Н. А. ЛЕЙКИНУ
17 ноября 1884 г. Москва.

84, XI, 16.

Уважаемый

Николай Александрович!

Ах! Но одного "аха" недостаточно…

Изумляюсь, как это я не понял Вас относительно Худекова? Вы писали, что ему не нужно фельетонов, а нужны краткие сведения из суда строк в 100… Мне почему-то вообразилось, что под сведениями надлежит понимать рассказы… (Если эти сведения не фельетон - то что же?) Спасибо, что написали и наставили на путь истинный… Вы удивляетесь моей странной прыти: как это, мол, можно написать рассказ за день до суда? Рассказ - не пожарная команда: и за полчаса до пожара может быть состряпан. Но дело не в этом, а в том, что в первой моей посылке я хотел изобразить нововведения в окружном суде, состряпанные ради Рыкова и которые я еду осматривать в понедельник… Они достойны описания, а не описывать же их в

самый день суда, когда будет и так много материала!..

Второе "ах" по поводу "Речи и ремешка". Сей рассказ напечатан нигде не был. Суть его я припоминаю, исполнение забыто… Прочту с удовольствием, как нечто не мое…

Я не думал, что мой рассказ, напечатанный в "Развлечении", достоин "Осколков". Я не послал Вам его, ибо он длинен и плох - так по крайней мере мне казалось. А Вы не сердитесь, когда видите меня дезертирующим из "Осколков"… Человек я семейный, неимущий… деньги надобны, а "Развлечение" платит мне 10 коп. со строки. Мне нельзя зарабатывать менее 150-180 руб. в месяц, иначе я банкрот.

О Медведеве скорблю. Голоден и холоден. Студент…

О Николае молчу. Нарисовал он Вам хороший рисунок… Если я спрошу его, послал ли он Вам его или нет, то наверное соврет…

Если приедете в ноябре, то - mercі. У нас зимой весело. В Стрельну можно будет съездить…

Был я недавно в одной ископаемой редакции ("Россия") и подслушал весьма интересный разговор. Человек 10-15 сидели за чаем и толковали про "Осколки". Сравнивали с "Искрой", говорили, что они лучше "Искры", что в них есть направление, остроумие… что пресса подло делает, что обращает на них мало внимания и проч… Похвалили даже моск«овский» фельетон, спросив меня, кто это Улисс… Не первый уж раз слышу я такое мнение об "О«сколк»ах" и всякий раз "взыграся во чреве моем младенец"… Держитесь! Подтяните художественный отдел до высоты хотя бы стрекозиной и - благо будет…

Я понатужусь и дам мелочишек, а пока не забывайте, что у Вас есть всегда готовый к услугам

А. Чехонте.

Кстати. Рыковское дело будет, как говорят, тянуться 2-3 недели… Не пришлет ли мне г. Худеков на всякий случай какого-либо вида от "Пет«ербургской» газ«еты»", карточку, что ли… Мелочи вышлю завтра… Я несчастлив: каждый день гости…

93. Н. А. ЛЕЙКИНУ
19 ноября 1884 г. Москва.

84, XI, 19.

Уважаемый

Николай Александрович!

Вместо одного большого рассказа посылаю Вам 3 плохих мелочишки. Тут же посылаю рассказ одной госпожи, сотрудницы многих петербургских и московских журналов, некоей Политковской. Пришла ко мне и попросила рекомендовать. Рекомендую. Баба способная и может пригодиться, если будет поставлена на настоящий путь. Гонорара просит 6 к. Если рассказ не годен, то, сделайте милость, пришлите его обратно, не мне, а по адресу: Москва, Арбат, Столовый пер., д. Соловьева, Екатерине Яковлевне Политковской. Напишите ей при этом какое-нибудь утешительное слово вроде надежды на будущее - таким образом и ее удовлетворите и меня от нее избавите… Особа нервная, а посему (недаром я медицинский ф«акуль»тет проходил!) не огорошьте ее холодным и жестким ответом… Помягче как-нибудь… Я наказан почтовыми расходами и потерей времени (она просидела у меня 1 1/2 часа), а Вы уж возьмите на себя горечь ответа… Если пришлете рассказ на мое имя, то она опять ко мне придет и… ах! Поет, впрочем, недурно, но мордемондия ужасная…

Votre* А. Чехов. * ваш (франц.)

94. Н. А. ЛЕЙКИНУ
25 ноября 1884 г. Москва.

25/XI.

Уважаемый

Николай Александрович!

Вместо фельетона о Рыкове, который вышел бы и мал и жалок (в 40-50 строк фельетона всего процесса не всунешь), посылаю Вам "Скопинские картинки". Думаю, что сгодятся…

Процесс протянется еще 2 недели, а может быть, и больше… Если хотите, то и к следующему нумеру пришлю таких картинок… Есть очень характерные материи… Кланяюсь… Подробное письмо напишу завтра в суде, а сейчас спать и спать!

Ваш А. Чехов.

95. Н. А. ЛЕЙКИНУ

26 ноября 1884 г. Москва.

84, XI, 26.

Уважаемый

Николай Александрович!

В письме своем Вы начинаете с Политковской. С нее начну и аз. Рассказов ее я не читал и послал их к Вам "девственными", мною не тронутыми. Читать их было некогда, ибо она стояла над душой и требовала послать сейчас… Прочти я их и найди скверными, мне все-таки пришлось бы их послать Вам… А как баба обрадовалась, прочитав Ваше письмо! Она прибежала ко мне и поклялась послать Вам в "благодарность" еще очень много рассказов.

Николая видел и претензии Ваши ему заявлял. Пообещал поспешить высылкой. Не знаю, откуда он взял, что я обещал дать подпись к его рисунку? Может быть, и обещал, но… не помню… Подумаю, и если надумаю на днях, то на днях же и вышлю.

Теперь насчет бывшей у Вас Н. А. Гольден. Это мой хороший приятель… Бабенка умная, честная и во всех смыслах порядочная. Имеет честь быть свояченицей писателя-изобретателя Пушкарева. Несколько дика, чем и объясняется, что она не сняла пальто. Пушкарева ругать при ней можно.

За сим о "Петерб«ургской» газете". О Рыкове строчу туда ежедневно и, вероятно, на Худекова не потрафляю. Дело непривычное и, сверх ожидания, тяжелое. Сидишь целый день в суде, а потом, как угорелый, пишешь… Не привык я к такому оглашенному письму… Пишу скверно, а тут еще гг. корректоры стараются и починяют мое писанье. Пишу, например: "Палата идет!", как и подобает, а они, милые люди, исправляют: "Суд идет!" Уж ежели они мне не верят, так нечего им было со мною и связываться… Против сокращений я ничего не имею, ибо я новичок в деле судебной хроники, изменять же смысл не уполномочивал.

Я пишу: "Этот скопинский нищий подает вдруг в банк объявление о взносе им вкладов на 2516378 р. и через два-три дня получает эту сумму чистыми денежками… (помню с этого места приблизительно), но ими не пользуется, ибо объявление делает по приказу Рыкова в силу его политики…" Последнее, со слова "но", зачеркивается, и нищий выходит у меня богачом…?!?

Помаленьку привыкаю, и позднейшие корреспонденции выходят лучше и короче первых. Вы ничего не говорите Худекову. Жалуюсь только Вам… Да и не жалуюсь, а так только, копеечную скорбь свою изливаю… В суде в общем весело… Протянется процесс еще на 2-3 недели… Если Вам по нутру придутся картинки из Скопина, то не прислать ли новую серию? Злоба дня солидная… Дело я понимаю, и тем много. Если согласны, то отвечайте шнеллер*.

Мечтаю в декабре прибыть в Питер… хочу удрать от женщин, навязывающих мне участие в любительском спектакле. Мне! сотруднику "Осколков"! Ах!

Пишу конец письма дома, воротившись из суда.

Ваш А. Чехов. * скорее (нем. schneller)

96. Н. А. ЛЕЙКИНУ
10 декабря 1884 г. Москва.

84, XII, 10.

Уважаемый

Николай Александрович!

Вот уже три дня прошло, как у меня ни к селу ни к городу идет кровь горлом. Это кровотечение мешает мне писать, помешает поехать в Питер… Вообще - благодарю, не ожидал! Три дня не видал я белого плевка, а когда помогут мне медикаменты, которыми пичкают меня мои коллеги, сказать не могу. Общее состояние удовлетворительно… Причина сидит, вероятно, в лопнувшем сосудике…

Сегодня была у меня m-me Политковская… Это ужасно! Жаловалась на Вас… "Он мог бы мои рассказы в фельетоне пустить, если они кажутся ему длинными!"

Почему Рыков вышел у Вас на передовице блондином? Совсем не похож…

Рыковские отчеты для "Пет«ербургской» газеты" мною копчены… Теперь, стало быть, очередь за пнензами…* Если будете в редакции, то поторопите высылкой гонорара. Для болящих и ничего не делающих ранняя получка всегда здоровее поздней… Пальмина не вижу. Николая тоже. Ближние мои оставиша мя.

Спасибо, хоть аптека отпускает лекарства по дешевой цене. Все-таки хоть этим утешиться можно…

Надеюсь, что подписка у Вас уже началась и что она хороша… Желаю Вам 20 тыс. подписчиков…

Как на смех, у меня теперь есть больные… Ехать к ним нужно, а нельзя… Не знаю, что и делать с ними… Отдавать другому врачу жалко - все-таки ведь доход!

Прощайте…

Ваш А. Чехов.

Храните маску Улисса… Пальмин, кажется, разболтал в "России"… Напишите ему, что это не я пишу, и пожалуйтесь, что я в прошлом году отказался… У нас та же провинция!

Пью бесполезное infusum** из спорыньи…

Насчет буд«ущей» недели уведомлю своевременно. * деньги (польск. pieniazy) ** настой (лат.)

97. П. А. СЕРГЕЕНКО
17 декабря 1884 г. Москва.

84, XII, 17.

Любезный друг

Петр Алексеевич!

Получил вырезку из неведомого мне органа и работы неведомого автора. Шлю "неведомому Gory" благодарность, кусочек коей можешь себе присвоить не столько за вырезку, сколько за память. Давно собирался нацарапать тебе и вот по какому поводу. Месяц тому назад я послал в "Стрекозу" рассказ, посвященный "недавно судившемуся другу моему Эмилю Пупу". Заглавия не помню… Память до того подлая, что скоро забуду, где верх, где низ… Кажется, "Ночь перед судом", но не ручаюсь.

Под заглавием курсивная строка: "Случай из моей медицинско-шарлатанской практики". Подпись "Дяденька"…

Было ли до сегодня напечатано что-либо подобное в "Стрекозе"? Этого журнала я не вижу и не читаю: то болен, то занят и нигде не бываю… Написать в "Стрекозу" справку - не хочется… Рассказ несколько нецензурен: либерален, сален и проч… Если будешь писать в Питер, то справься о судьбе чеховского рассказа. Впрочем, справка эта не имеет особой важности, и я мало потеряю, если ты забудешь… Пишу же тебе о сем с тою целью, чтобы выдать тебе с головою автора, дерзнувшего украсить свой рассказ твоим эмилепупством. Ну, как живешь? Чай, на южном просторе плодишься, размножаешься и стишки пописываешь? Счастливчик! Я же скорблю… Работы пропасть, денег мало, зима скверная, здоровье негодное… Поем "Фрере Жаки…" - след, тобою оставленный.

Мечтал к празднику побывать в Питере, но задержало кровохарканье (не чахоточное). Читаю твои произведения и браню тебя за неприлежание: мало пишешь! Не увидимся ли мы где-нибудь летом? А? Напиши-ка! На юге летом я буду… Вчера снился мне почему-то Крамсаков… Избираю его фамилию своим фельетонным псевдонимом… Прощай… Жму тебе руку и желаю тебе купно с твоей семьей всех благ.

Твой А. Чехонте.

Сретенка, Головин пер., д. Елецкого.

98. Н. А. ЛЕЙКИНУ
23 декабря 1884 г. Москва.

XII, 23.

Уважаемый

Николай Александрович!

Первым делом поздравляю Вас с праздником и окончанием года, а к поздравлению, по издревле установленному порядку, присоединяю тысячи пожеланий. Посылаю Вам рассказ и рождеств«енскую» мелочишку. Сегодня с курьерским вышлю святочный рассказ. К Новому году постараюсь написать побольше мелочей новогоднего свойства. Мелочи уже задуманы, рассказ же пока не наклевывается. Когда выйдет первый нумер? К какому нумеру присылать моск«овский» фельетон! к 52 или к 1?

Здоровье мое поправилось. Не только работаю, но даже позволяю себе употреблять спиритуозы. Праздники встречаю уныло… Денег нет. "Петерб«ургская» газета" еще не выслала, "Развлечение" должно крохи, из "Будильника" больше десятки не возьмешь… Сижу на бобах… Надеялся получить из одного места и получил нос… Николай болен и зарабатывает мало, Агафопод Единицын - швах… Благо, долгов мало и не брал авансов. Впрочем, все это пустяки…

Был у меня Пальмин. Он окончательно расходится с Пастуховым и бичует его словесно на все корки. Сотрудничество в "Развлечении" объясняет переменою обстоятельств, и если правда, что он уходит из "Моск«овского» листка", то причины его дезертирства заслуживают снисхождения.

Счет в "Пет«ербургскую» газету" я послал. В Москве морозы. К Новому году напишу Вам, а теперь пока прощайте и не браните. Святочный рассказ получите купно с заказным письмом или немного спустя, но не далее понедельника.

Ваш А. Чехов.

1885
99. Е. И. САВЕЛЬЕВОЙ

2 января 1885 г. Москва.

85, I, 2.

Уважаемая

Евгения Иасоновна, на поздравление с Новым годом отвечаю тем же и прошу прощения, что не предупредил Вас и не поздравил раньше. Ужасный я невежа! На Рождество послал я множество поздравительных писем и карточек… Почему не послал Вам, сказать определенно не могу: вероятно, по рассеянности… А что забвение тут ни при чем, может засвидетельствовать Вам Ваш супруг, обедавший у нас на Ваши именины и слышавший, как я произносил тост за здоровье "отсутствующих жен"… За Ваше здоровье было выпито два раза…

За Ваше сочувствие по поводу усиленных занятий и нездоровья большое спасибо. Тронут и вниманием, и памятью, и искренностью… То, другое и третье не заслужено… Дело в том, что толки об "усиленных занятиях" преувеличены. Работаю, как и все… Ночи сплю, часто шатаюсь без дела, не отказываю себе в увеселениях… где же тут усиленные занятия? Я вовсе не скромничаю. Ваш "сам", воспевающий больше всех мое трудолюбие, может засвидетельствовать, что я встаю не раньше 10-ти и ложусь не позже 12-ти… Истые труженики не спят так долго…

Нездоровье мое немножко напугало меня и в то же время (бывают же такие фокусы!) доставило мне немало хороших, почти счастливых минут. Я получил столько сочувствий искренних, дружеских, столько, что мог вообразить себя аркадским принцем, у которого много царедворцев. До болезни я не знал, что у меня столько друзей… Разве не лестно получать такие письма, как Ваше? Ради него не грешно покашлять лишний денек…

Ваш тиран сидит у меня. Узнав, что я получил от Вас письмо, он пришел в ярость и чуть не побил меня… Отелло, каких мало… Поведение его похвалить, конечно, не могу… Деморализировал всю мою семью: устроил в моем доме опереточный театр, заставляет всех жениться и проч. В ожидании его исправления и в надежде, что все у Вас обстоит благополучно, кланяюсь Вам и остаюсь уважающим, готовым к услугам

А. Чехов.

Семья вам кланяется. Рукой Д. Т. Савельева:

Дозволено цензурою. 2 января 1885 г.

Цензор Дмитрий Савельев. На конверте:

В Таганрог.

Его высокородию

Иасону Ивановичу г-ну Блонскому.

Старшему нотариусу.

Передать Е. И. Савельевой.

100. М. Е. ЧЕХОВУ
31 января 1885 г. Москва.

85, I, 31.

Дорогой Дядечка

Митрофан Егорович!

Первым делом приношу Вам искреннейшую благодарность за память и любовь, которыми проникнуты все Ваши письма к отцу. Ваше расположение слишком дорого для нас всех, для меня же лично оно составляет предмет гордости и радости! расположение хороших людей делает честь и повышает нас в собственном мнении! Не извиняюсь перед Вами за мое долгое, упорное молчание… Знаю, что Вы не сочтете его за неприличие и за знак перемены наших отношений, а, как добрый и душевный человек, дадите ему иное объяснение. Письмо мое к Вам удовлетворить меня не может… Кто привык когда-то беседовать с Вами по целым часам и вечерам, тому давайте беседу, а письмо, как бы оно длинно ни было, не скажет и тысячной доли того, что хотелось бы рассказать… Не писал я, потому что надеюсь на скорое свиданье.

Надеялся и надеюсь. Прошлое лето не мог быть у Вас, потому что сменял товарища, земского врача, бравшего отпуск, в этом же году рассчитываю попутешествовать, а стало быть, и повидаться с Вами. В декабре я заболел кровохарканьем и порешил, взявши денег у литературного фонда, ехать за границу лечиться. Теперь я стал несколько здоровее, но думаю все-таки, что без поездки не обойтись. Куда бы я ни поехал - за границу ли, в Крым или на Кавказ, - Таганрога я не миную.

Радуюсь Вашему избранию в гласные. Чем больше у Таганрога будет таких честных и бескорыстных хозяев, как Вы, тем он счастливее… Жалею, что не могу послужить купно с Вами родному Таганрогу… Я уверен, что, служа в Таганроге, я был бы покойнее, веселее, здоровее, но такова уж моя "планида", чтобы остаться навсегда в Москве… Тут мой дом и моя карьера… Служба у меня двоякая. Как врач, я в Таганроге охалатился бы и забыл свою науку, в Москве же врачу некогда ходить в клуб и играть в карты. Как пишущий, я имею смысл только в столице.

Медицина моя шагает помаленьку. Лечу и лечу. Каждый день приходится тратить на извозчика более рубля. Знакомых у меня очень много, а стало быть, немало и больных. Половину приходится лечить даром, другая же половина платит мне пяти-и трехрублевки. (В Москве врачам не платят менее 3-х рублей за визит. Здесь всякий труд дороже ценится, чем в Таганроге.) Капитала, конечно, еще не нажил и не скоро наживу, но живу сносно и ни в чем не нуждаюсь. Если буду жив и здоров, то положение семьи обеспечено. Купил я новую мебель, завел хорошее пианино, держу двух прислуг, даю маленькие музыкальные вечерки, на которых поют и играют… Долгов нет и не чувствуется в них надобности… Недавно забирали провизию (мясо и бакалею) по книжке, теперь же я и это вывел, и все берем за деньги… Что будет дальше, неведомо, теперь же грешно жаловаться.

Мамаша жива, здорова, и по-прежнему из ее комнаты слышится ропот. Но даже и она, вечно ропщущая, стала сознаваться, что в Таганроге мы не жили так, как теперь живем в Москве. Расходами ее никто не попрекает, болезней в доме нет… Если нет роскоши, то нет и недостатков.

Иван сейчас в театре. Служит он в Москве и доволен. Это один из приличнейших и солиднейших членов нашей семьи. Он стал уже на свои ноги окончательно, и за будущее его можно ручаться. Трудолюбив и честен. Николай собирается жениться, Миша в этом году оканчивает курс… и т. д., и т. д. Вот Вам и письмо. Газету Вы будете получать, и удивляюсь, что Вы до сих пор еще не получаете ее. Прилагаемую карточку пошлите по адресу: "Москва, ред«акция» "Новостей дня", Страстной бульвар". В редакции я не буду скоро. Карточка придет туда ранее меня. Если же и буду в редакции ранее, то заболтаюсь и забуду про газету.

Тете целую руку, братьям шлю привет. Поклон знакомым. Извиняйте и не забывайте Вашего покорнейшего и вечно признательного

А. Чехова.

Мой адрес: Сретенка, Головин пер. Доктору А. П. Чехову.

101. П. Г. РОЗАНОВУ
13 февраля 1885 г. Москва.

85, II, 13.

Collega major et amicissime*

Павел Григорьевич!

Прерываю ход Ваших шипучих мыслей молитвословием, обращенным по Вашему адресу. Молитва моя к Вам состоит в следующем. Будьте милы, наденьте шубу и шапку и сходите в магазин "Чаю и сахару" купца Стариченко. Поздоровавшись с ним, начинайте беседу приблизительно в такой форме:

Вы: Не отдадите ли Вы, сеньор, внаймы дачу, находящуюся между Звенигородом и Саввой?

Он: Кому?

Вы: Известному московскому доктору и не менее известному литератору А. П. Чехову со чады.

Он: (побледнев). Но… ветхая хижина моя недостойна вмещать в себе невместимого!

Объяснив ему, что я человек непритязательный и в желаниях скромный, Вы, в случае его согласия отдать мне свою дачу, потупляете взор и скромно справляетесь о цене и т. д.

Дело в том, что семье моей летом придется жить на даче. Воскресенск надоел, а в Звенигороде еще не жили и есть охота его попробовать. Нанять дачу в самом городе я не хочу в силу кое-каких гигиено-экономо-политических соображений. За городом же есть одна только дача, принадлежащая вашему коммерсанту Стариченко, имеющему дочь-невесту с большим приданым. Дочери его и приданого мне не нужно, но дачу его я взял бы охотно, если, конечно, в ней можно жить, т. е., если не протекают потолки, целы окна, есть погреб и проч. Дача эта, если помните, находится на берегу Москвы, по дороге от Звенигорода к Савве, направо.

Сам я едва ли буду жить на даче, семье же обязан приготовить летнее жилище… Беда быть семейным! Еще и зима не прошла, как приходится уже помышлять о лете.

Этим летом мадам Гамбурчиха не будет жить в Звенигороде. Но природа не терпит пустоты и взамен ее посылает Вам целое полчище дачников в образе художников, поэтов (Пальмин) и проч. Компания соберется большая, беспокойная.

О результатах переговоров с Ст«аричен»ко сообщите. Простите, голубчик, что надоедаю Вам такими пустяками. Но когда, бог даст, у Вас будет большое семейство, я найду Вам прекрасную дачу - любезность за любезность.

Дачу наймем с 15-го или 1-го мая.

Вчера я был у одной больной и обозревал ее рецепты, нашел рецепт Вашего Икавица.

У моего Коробова сыпной тиф.

Еще раз простите, что надоедаю Вам и прерываю своей болтовней Ваши хорошие мысли. Будьте здравы и не забывайте, что у Вас есть преданный приятель А. Чехов.

Представьте! Я должен Вам 90 коп.! Приезжайте получить. Это сдача, полученная с десятирублевки, наделавшей мне немало курьезных хлопот. Кланяйтесь Сергею Павловичу и… дачный вопрос держите пока в секрете.

А. Ч.
Как живет Марья Морицовна? * Старший и дружественнейший коллега (лат.)

102. Н. А. ЛЕЙКИНУ

22 марта 1885 г. Москва.

85, III, 22.

Уважаемый

Николай Александрович!

Поздравляю Вас с Пасхой и желаю всех благ и успехов. Чтобы не вливать лишней горечи в Ваше праздничное настроение, шлю свой транспорт задолго до срока. Фельетона пока нет, потому что материала буквально - нуль. Кроме самоубийств, плохих мостовых и манежных гуляний, Москва не дает ничего. Схожу сегодня к московскому оберзнайке Гиляровскому, сделавшемуся в последнее время царьком московских репортеров, и попрошу у него сырого материала. Если у него есть что-нибудь, то он даст, и я пришлю Вам обозрение, по обычаю, к вечеру вторника. Если же у него ничего нет и если чтение завтрашних газет пройдет так же бесплодно, как и чтение вчерашних, то придется на сей раз обойтись без обозрения. Я, пожалуй, могу написать про думу, мостовые, про трактир Егорова… да что тут осколочного и интересного? Думаю, что сотрудники понаслали Вам к

празднику много всякой святочной всячины и отсутствие обозрения не заставит Вас работать в праздник над лишним рассказом. Да и я шлю три штучки… Из них только одна может оказаться негодной, две же другие, кажется, годны. Шлю при сем и подписи для рисунков. Рад служить во все лопатки, но ничего с своей толкастикой не поделаю: начнешь выдумывать подпись, а выходит рассказ, или ничего не выходит… Будь я жителем Петербурга и участвуй в Ваших с Билибиным измышлениях, я принес бы пользу, ибо сообща думается легче… Но увы! Питерцем быть мне не придется… Я так уж засел в московские болота, что меня не вытянете никакими пряниками… Семья и привычка… Не будь того и другого, я не дал бы Вам покоя и заел бы Вас своими просьбами о месте…

Тема "Аптекарская такса" модная… Ею, думаю, можно воспользоваться… Предлагаю Вам воспользоваться также и вопиющими банкротствами нашего времени… В Москве лопаются фирмы одна за другой… Одна лопается, падает в яму и другую за собой тянет… В Питере тоже, в Харькове тоже… Для Кирилла и Мефодия годится параллель между IX и XIX веками… Нарисуйте чистенькую избушку с вывеской "школа"… Вокруг одетые и сытые мужики… Это IX век… Рядом с ним XIX век: та же избушка, но уже похилившаяся и поросшая крапивой…

В IX веке были школы, больницы. В XIX есть школы, кабаки… Вообще у меня что-то копошится в голове, но ориентироваться лень… Лень самая подлая - мозговая… Посылать незаконченный проект неделикатно, но уж Вы простите… Когда у меня в доме кончится приборка и сестрица не будет играть гамм, тогда, пожалуй, буду заканчивать, а теперь и бог простит… Пальмин перебрался… Совсем Вечный жид! Видимо, его натура не может удовлетворяться местами… Если натура тут ни при чем, то, конечно, виновата жена… Хорошенькое словцо: баба "дьяволит"!

Нужно бы Вам подтянуть художественный отдел. Все хорошо в "Осколках", но художеств«енный» отдел критикуется даже в мещанском училище. Рисунки почти лубочны. Например, что это за паровые машины, рисуемые Пор«фирье»вым? Фантазии - ни-ни…, изящества тоже… Поневоле "Стрекоза" будет идти и иметь успех… Самосекальная машина, например, тема не плохая, если изобразить ее как следует, в лубочном же виде она пустяковая, мелочная… Все рисунки дают впечатление такого рода, что будто бы их рисовали для того только, чтобы отделаться: наотмашь, спустя рукава… Нам, прозаикам, и бог простит наши грехи, но художникам следует по-божески работать… Роскошью рисунка искупается и подпись… по рисункам публика привыкла судить и о всем журнале, а бывают ли в "Осколках" рисунки? Есть краски и фигуры, но типов, движений и рисунка нет…

Вообще худож«ественный» отдел у Вас в каком-то загоне… Не помещаете портретов в карикатуре, как это делают другие, не даете карикатур… Номер "Пчелки", в котором был помещен Вальяно, разошелся на юге в тысячах экземпляров… "Стрекоза", наверное, тоже… Номер "Пчелки" с портретом Пастухова был в Москве продан нарасхват… Сам Пастухов купил 200 экземпл«яров».

Подтяните художников! К несчастью, их так мало и так они все избалованы, что с ними каши не сваришь…

Прощайте. К юбилею Кир«илла» и Мефодия изображу что-нибудь. Правда ли, что в Кронштадте был случай холеры? Рад, что Александр угодил Вам… Он малый трудящий и с большим толком… Юмористика его порок врожденный… Если станет на настоящий путь и бросит лирику, то будет иметь большущий успех…

Ваш А. Чехов.

103. Н. А. ЛЕЙКИНУ
1 апреля 1885 г. Москва.

85, IV, 1.

Уважаемый

Николай Александрович!

Шлю Вам обозрение. Понащипал с разных сторон событий и, связав, даю… Беда мне с этим фельетоном! Написать его для меня труднее, чем вставить буж в застарелую стриктуру или приготовить препарат из половых органов блохи… Миллион терзаний!

Москва точно замерла и не дает ничего оку наблюдателя. Желал бы я посмотреть кого-нибудь другого на моем месте…

Спешу Вас порадовать… Вы состоите сотрудником "Новостей дня". Ваши рассказы перепечатываются из "Пет«ербургской» газ«еты»", и так ловко, что Вам обижаться нельзя, а читателю трудно догадаться, что это перепечатка… Ваше имя встречаю я чуть ли не в каждом №.

Синий кафтан посмотрел на буфетчика и крикнул:

- Дядя Елизар Трифоныч, что ж ты мне за победу стаканчик-то? Цеди!

Буфетчик налил.

"П. Г."

Н. Лейкин.

В другом же месте была поставлена около заглавия микроскопическая звездочка, а внизу петитом "П. Г.". Надо быть специалистом газетчиком, чтобы понять, в чем дело, публика же тонкостей этих не понимает и радуется за "Новости дня"…

Как зовут редактора "Русской старины" Семевского?

Пропагандирую среди врачей послать ему коллективное письмо с просьбой напечатать отдельным изданием записки Пирогова, когда они кончатся печатанием в "Русской старине". Он сделает это, вероятно, и без просьбы, но поощрение никогда не мешает… Поздравляю Вас с "Цветами лазоревыми"… Дай бог, чтоб Вы продали и нажили… Когда-то я издам свои рассказики? Проклятое безденежье всю механику портит… В Москве находятся издатели-типографы, но в Москве цензура книги не пустит, ибо все мои отборные рассказы, по московским понятиям, подрывают основы… Когда-то, сидя у Тестова, Вы обещали мне издать мою прозу… Если Вы не раздумали, то Исайя ликуй, если же Вам некогда со мной возиться и планы Ваши изменились, то возьму весь свой литературный хлам и продам оптом на Никольскую… Чего ему валяться под тюфяком? На случай, ежели бы Вы когда-либо, хотя бы даже в отдаленном будущем, пожелали препроводить меня на эмпиреи, то ведайте, что я соглашусь на любые условия, хотя бы даже на ежедневный прием унца касторового масла или на переход в магометанскую веру. Если отбросить все хламовидное и худшее, то лучших рассказов, годных для употребления, наберется листов на 10-15… Тут я разумею одни только юмористические вещи, за исключением мелочей… Что книжка моя разойдется, видно из того, что даже такая дрянь, как "Сказки Мельпомены", разошлась.

Каждый день порываюсь на Никольскую, и все какой-то глас с небесе удерживает…

Рассказ по части Кирилла и Мефодия пришлю к след«ующему» №.

Трактует он у меня о прошедшем, уже случившемся, и неловко печатать его в день юбилея.

На этой неделе, очень может быть, нелегкая унесет меня во Владимирскую губ«ернию» на охоту. Дал слово, что поеду. А посему на всякий случай гонорар вышлите по моему адресу, на имя сестры Марьи Павловны Чеховой, дабы домашние вовремя расплатились с лавочником. Сгодились ли мои подписи к рисункам? Поедете в мае в Финляндию любоваться белыми ночами? Пальмин живет на новой квартире и такой же плохой, как прежняя… Осенью и я думаю перебраться… Хочется взять квартиру попросторнее…

Выбраны Вы в гласные?

А за сим кланяюсь Вам и пребываю А. Чехов.

104. П. Г. РОЗАНОВУ
2 апреля 1885 г. Москва.

85, IV, 2.

D-r!

Как-то летом, помнится мне, Вы показывали Вашему покорнейшему слуге диссертацию Грязнова с присовокуплением, что оный Грязнов, благодаря своему труду, оценен и даже приглашен одесситами в главные доктора городской больницы. Кажется, так?

Ныне посылаю Вам вырезку из одесской газеты. Читайте и казнитесь… Не всегда Одесса лучше Череповецкого уезда!

Обещал я Вам присылать все выдающееся и попадающееся на глаза… Шлю… А Вы слыхали, какой скандал случился с Вашим Икавицем? С бедняги взята подписка о невыезде из Тамбова.

Истину "хорошо там, где нас нет" пора уже перефразировать таким образом: "Скверно и там, где нас нет".

Шлю привет Вашей шипучести и кланяюсь Вам и всем, яже с Вами… Сергею Павловичу реверанс… С Вашей землячкой Гамбурчихой на ножах… Надоела баба! Что у Вас нового?

Ваш А. Чехов.

105. Н. А. ЛЕЙКИНУ

28 апреля 1885 г. Москва.

85, IV, 28.

Уважаемый

Николай Александрович!

Неужели у Вас один только мой рассказ? В воскресенье 21 апреля я послал Вам заказным большой рассказ "Упразднили!". Разве не получили? Если не получили, то уведомьте 2-3 строчками… Или адрес я перепутал по рассеянности, или же почта утеряла… Послал, повторяю, заказным… Всех моих рассказов у Вас имеется два: "Всяк злак" и "Упразднили!".

Насчет "Петерб«ургской» газеты" отвечаю согласием и благодарственным молебном по Вашему адресу. Буду доставлять туда рассказы аккуратнее аккуратного… В "Будильник" нельзя не писать… Взял оттуда сторублевый аванс дачных ради расходов… За четыре летних месяца нужно будет отработать… Ну, да ведь я не дам туда того, что годится для "Осколков"… Божие - богови, кесарево - кесареви… В "Развлечении" я не работал с Нового года…

Вас удивляет мой ранний переезд на дачу? Мороза, которым Вы меня пугаете, я не боюсь. В Москве, во-первых, уже 15° в тени… Дожди теплые, гремит гром, зеленеет поле… Во-вторых, я буду жить в помещичьей усадьбе, где можно жить и зимой. Дача моя находится в 3-х верстах от Воскресенска (Нового Иерусалима) в имении Киселева, брата вашего петербургского Киселева-гофмейстера и еще чего-то… Буду жить в комнатах, в к«ото»рых прошлым летом жил Б. Маркевич. Тень его будет являться мне по ночам! Нанял я дачу с мебелью, овощами, молоком и проч… Усадьба, очень красивая, стоит на крутом берегу. Внизу река, богатая рыбой, за рекой громадный лес, по сю сторону реки тоже лес… Около дачи оранжереи, клумбы et caetera… Я люблю начало мая в деревне… Весело следить за тем, как распускается зелень, как начинают петь соловьи… Вокруг усадьбы никто не живет, и мы будем одиноки… Киселев с женой, Бегичев, отставной тенор Владиславлев, тень Маркевича, моя семья - вот и все дачники… В мае отлично рыба ловится, в особенности караси и лини, сиречь прудовая рыба, а в усадьбе есть и пруды…

Кстати: выеду я не 1-го, как хотел, а 6-го, но смысл предыдущего моего письма остается прежним. Шлите все в Воскресенск, кроме письма о судьбе рассказа "Упразднили!"…

"Петерб«ургская» газета", насколько я заметил, не любит рассказов с душком… Из

судебного отчета у меня вычеркивалось все подозрительное… Да, не любит? Если насчет моего сотрудничества уже решено, то не благоволит ли "Петерб«ургская» газета" высылаться мне в г. Воскресенск (Моск. губ.) в количестве одного экземпляра? Чем больше газет буду получать, тем веселей…

Этакий надувало мой художник! А соврал мне, что послал Вам "рисунков"! Я заберу его с собой на дачу, сниму там с него сапоги и на ключ… Авось будет работать! Гонорар за рисунок высылайте в Воскресенск, а то в Москве проэрмитажит… Пришлите ему в Воскресенск тему, две… Находясь под стражей, быстро исполнит заказ… Ручаюсь.

Какое количество строк потребно для "Пет«ербургской» газ«еты»"?

Черт знает, как я рассыпаюсь в письмах! Точно жена, пишущая мужу о покупках: война, пуговицы, тесьма, опять пуговицы…

За "Цветы лазоревые" я уже благодарил Вас и еще раз благодарю. Прочел… В особенности понравились мне "Именины у старшего дворника".

Полковника и повивальную бабку жаль.

Скорблю - безденежен. Волком вою. Счастье мое, что еще долгов нет… На даче дешевле жизнь, но поездки в Москву -чистая смерть!

Так уведомьте же насчет "Упразднили!". А пока прощайте и оставайтесь здоровы.

Ваш А. Чехов.

106. Н. А. ЛЕЙКИНУ
9 мая 1885 г. Бабкино.

85, V. 9. Воскресенск.

Уважаемый

Николай Александрович!

Шлю Вам из дачи первый транспорт. Благоволите в рассказе "Павлин" в пробелах написать имена соответствующих петербургских увеселит«ельных» мест, которых я не знаю и назвал чрез N и Z. Шлю короткий фельетон и несколько мелочишек. В прошлую неделю не прислал ничего, ибо, перевозя семью, был завален хлопотами. Чуть не разревелся я, прочитав в Вашем письме о судьбе рассказа "Упразднили!". Не жаль мне его достоинств, каковых в нем мало, но жаль денег, которые я мог бы за него получить. Нельзя ли сдать его в "П«етербургскую» г«азету»"? Там, быть может, он сгодится. Ах да! "Пет«ербургской» газеты" я не получаю и нахожусь в полном неведении относительно посланных туда двух рассказов. Великое одолжение сделаете мне, если прикажете высылать мне газету. Скажу большое спасибо и буду петь Вам, дондеже есмь. Больше, честное слово, не буду беспокоить Вас…

Алоэ стало выписываться и радовать мое братское сердце. Только напрасно он себе др«…»ный псевдоним избрал и об одной только таможне пишет… Не только Света, что в таможне, есть и другие ямы… Вот Вам еще новое доказательство московской тлетворности: ушел человек из Москвы, попал в Питер, где иные порядки, и стал лучше…

Чувствую себя на эмпиреях и занимаюсь благоглупостями: ем, пью, сплю, ужу рыбу, был раз на охоте… Сегодня утром на жерлицу поймал налима, а третьего дня мой соохотник убил зайчиху. Со мной живет художник Левитан (не тот, а другой - пейзажист), ярый стрелок. Он-то и убил зайца. С беднягой творится что-то недоброе. Психоз какой-то начинается. Хотел на Святой с ним во Владим«ирскую» губ«ернию» съездить, проветрить его (он же и подбил меня), а прихожу к нему в назначенный для отъезда день, мне говорят, что он на Кавказ уехал… В конце апреля вернулся откуда-то, но не из Кавказа… Хотел вешаться… Взял я его с собой на дачу и теперь прогуливаю… Словно бы легче стало…

Поставил я в реке и в пруде верши и то и дело вынимаю их из воды: терпенья не хватает… Природу не описываю. Если будете летом в Москве и приедете на богомолье в Новый Иерусалим, то я обещаю Вам нечто такое, чего Вы нигде и никогда не

видели… Роскошь природа! Так бы взял и съел ее…

Гонорар получил, журнал получаю. Так нельзя ли "Упразднили!" сдать в "П«етербургскую» г«азету»"? Природа великолепна, дача роскошна, но денег так мало, что совестно на карманы глядеть. Жениться на богатой купчихе, что ли? Женюсь на толстой купчихе и буду издавать толстый журнал. Прощайте и не сердитесь на неисправнейшего

А. Чехова.

107. М. П. ЧЕХОВУ
10 мая 1885 г. Бабкино.

85, V, 10.

Миша-терентиша!

Наконец тяжелые боты сняты, руки не воняют рыбой, и я могу написать письмо. Сейчас 6 часов утра. Наши спят… Тишина необычайная… Попискивают только птицы, да скребет что-то за обоями. Я пишу сии строки, сидя перед большим квадратным окном у себя в комнате. Пишу и то и дело поглядываю в окно. Перед моими глазами расстилается необыкновенно теплый, ласкающий пейзаж: речка, вдали лес, Сафонтьево, кусочек киселевского дома… Пишу для удобства по пунктам: a) Доехали мы по меньшей мере мерзко. На станции наняли двух каких-то клякс Андрея и Панохтея (?) по 3 целкача на рыло. (Почтовые брали по 6 р. за тройку.) Кляксы все время везли нас возмутительнейшим шагом. Пока доехали до бебулой церкви, так слюной истекли. В Еремееве кормили. От Ерем«еева» до города ехали часа 4 - до того была мерзка дорога. Я больше половины пути протелепкался пешедралом. Через реку переправились под Никулиным, около Чикина. Я, поехавший вперед (дело было уже ночью), чуть не утонул и выкупался. Мать и Марью пришлось переправлять на лодке. Можешь же представить, сколько было визга, железнодорожного шипенья и других выражений бабьего ужаса! В Киселевском лесу у ямщиков порвался какой-то тяж… Ожидание… И так далее, одним словом, когда мы доплелись до Бабкина, то было уже час ночи… Sic!! b) Двери дачи были не заперты… Не беспокоя хозяев, мы вошли, зажгли лампу и узрели нечто такое, что превышало всякие наши ожидания. Комнаты громадны, мебели больше, чем следует… Все крайне мило, комфортабельно и уютно. Спичечницы, пепельницы, ящики для папирос, два рукомойника и… черт знает чего только ни наставили любезные хозяева. Такая дача под Москвой по крайней мере 500 стоит. Приедешь - увидишь. Водворившись, я убрал свои чемоданы и сел жевать. Выпил водочки, винца и… так, знаешь, весело было глядеть в окно на темневшие деревья, на реку… Слушал я, как поет соловей, и ушам не верил… Все еще думалось, что я в Москве… Уснул я великолепно… Под утро к окну подходил Бегичев и трубил в трубу, но я его не слышал и спал, как пьяный сапожник. c) Утром ставлю вершу и слышу глас: "крокодил!" Гляжу и вижу на том берегу Левитана… Перевезли его на лошади… После кофе отправился я с ним и с охотником (очень типичным) Иваном Гавриловым на охоту. Прошлялись часа 3 1/2 верст 15, и укокошили зайца. Гончие плохие… b) Теперь о рыбе. На удочку идет плохо. Ловятся ерши да пескари. Поймал, впрочем, одного голавля, но такого маленького, что в пору ему не на жаркое идти, а в гимназии учиться. e) На жерлицы попадается. На Ванину жерлицу попался громадный налим. Сейчас жерлицы не стоят, ибо нет живцов. Вчера вечером был ветер и нельзя было ловить. Привези жерличных крючков средней величины. У меня не осталось ни одного. f) О мои верши! Оказалось, что их очень удобно везти. В багаже не помяли, а к возам привязаны сзади были… Одна верша стоит в реке. Она поймала уже плотицу и громаднейшего окуня. Окунь так велик, что Киселев будет сегодня у нас обедать. Другая верша стояла сначала в пруде, но там ничего не поймала. Теперь стоит за прудом в завадине (иначе в плесе); вчера поймала она окуня, а сейчас утром я с Бабакин«ым» вытащил из нее двадцать девять карасей. Каково? Сегодня у нас уха, рыбное жаркое и заливное… А посему привези 2-3 верши. Покупают их у Москворецкого моста в живорыбных лавках. Я дал по 30 коп., но ты дашь по 20-25. Привезешь их из лавок к себе, конечно, на извозчике. g) Марья Влад«имировна» здравствует. Подарила матери банку варенья и вообще любезна до чертиков. Поставляет мне из франц«узских» журналов (старых) анекдоты… Барыш пополам. Киселев по целым дням сидит у нас. Вчера на пироге выпил 3 громадных рюмки. Бегичев ел, но не пил… Довольствовался только тем, что глядел умоляющими глазами на графин с водкой. h) Я не пью, но тем не менее вино уже выпито. Вино так хорошо, что Николай и Иван обязаны привезти по бутыли (в чемоданах, как я). Вино здесь находка. Что может быть приятнее, как выпить после ужина на террасе

по стаканчику вина! Ты объясни им. Вино великолепное… Покупал я его на Мясницкой, по правую руку, если идти от почтамта к городу, в винной лавке грузин. Гиляй знает эту лавку. Вино называется "Ахмет", или "Махмет", белое… i) Левитан живет в Максимовке. Он почти поправился. Величает всех рыб крокодилами и подружился с Бегичевым, который называет его Левиафаном. "Мне без Левиафана скучно!" - вздыхает Б«егичев», когда нет крокодила. k) Дорога теперь установилась, и переезд через реку настолько хорош, что вчера даже Тышко приезжал. Скажи Лиле, чтоб приезжала на неделю. Места пропасть, провизия отменная. Пригласи ее и укажи ей путь, объяснив, сколько платить ямщикам и проч. Обратно можно задешево проехать. На неделю, не меньше… l) Что же Николай? m) Привезите Ольгин паспорт, вареной колбасы с чесноком для Киселева (колбасы 3-4), лаврового листу, перцу, почтовой бумаги большого формата. n) Выпиши из энцикл«опедического» словаря Июнь, Июль и Август. Это легче, чем везти их в Бабкино. Сегодня я встал в 3 1/2 часа. Сейчас пью чай и ложусь спать. Сплю до кофе, а после кофе иду с Киселевым глядеть верши. Вчера написал очень много и сейчас посылаю. Работается.

Твой А. Чехов.

В воскресенье на охоту. На днях приедет Владиславлев и привезет невод. То-то ловля будет! Кланяюсь всем.

108. П. Г. РОЗАНОВУ
Май 1885 г. Бабкино.

Г. Звенигородскому

Уездному Врачу.

Имею честь просить Ваше Высокоблагородие принять уверение в глубоком моем уважении, а также вменяю Вам в приятную (?) обязанность взять у врача Успенского оставленную мною у него красную рубаху и доставить оную при случае, как вещественное доказательство моего пребывания в г. Звенигороде. Надеюсь получить ее от Вас в Бабкине. При сем препровождаю госпожу Маркову для медицинского освидетельствования ее сосудистой системы, преимущественно сердца, в котором, как она мне заявила, запечатлелся Ваш образ. Сей образ прошу наспиртовать и прислать мне.

Хирург патологии: А. Чехов.

109. М. М. ЧЕХОВУ

16 июня 1885 г. Москва.

85, VI, 16.

Дорогой Миша!

Несмотря на мое сильнейшее желание побывать у тебя и пообедать (я уже 2 дня не обедал по-человечески), я должен попросить у тебя извинения. Дело в том, что в 2 часа я должен ехать на Тверскую за получением денег (по поручению). Во-вторых, уехать я должен отнюдь не позже дачного поезда. В-третьих, хочется, чтобы Николай не удрал куда-нибудь; хожу за ним, как стража. Так мало времени, как видишь, что побывать у тебя нет никакой возможности. Будь здоров.

Твой А. Чехов.

110. Н. А. ЛЕЙКИНУ
17 июля 1885 г. Бабкино.

85, VII, 17.

Уважаемый

Николай Александрович!

Спешу со скоростью земли, вращающейся вокруг своей оси, дать ответ на Ваше письмо… Primo, Вы напрасно сердитесь на меня за то, что я не пишу Вам. Писать, находясь в безызвестности относительно местопребывания адресата, не подобает, а я, честное слово, не знал, где Вы. Вы и многие другие писали мне, что Вы на днях уедете; таким образом, я мнил, что Вас в Питере не было, и приехавший Аг«афопод» Един«ицын» удивил меня, когда сказал, что Вы дома.

Secondo, о месяцах, конечно, писать я буду. Пропустил я июнь и по лености, и сам не знаю почему. Вероятно, виновато тут отчасти такое обстоятельство: приехал как-то раз из Питера Алоэ и, выругав меня за мои филологические измышления, сказал, что "там" (т. е. в Питере, у вас) удивляются, что я занялся такой скучищей и сушью, как месяцы и народные праздники… Врал Алоэ или нет, не знаю, но его слова сильно подшибли мой кураж. Сей раз посылаю Июнь и Июль, соединенные в одно целое. Насколько удалось это соединение, предоставляю судить беспристрастной критике.

Ваше разрешение не писать летом московских заметок принимаю как всемилостивейший манифест. Писать фельетон в то время, когда можно ловить рыбу и шляться, ужасно тяжело… А рыба ловится великолепно. Река находится перед моими окнами - в 20 шагах… Лови, сколько влезет, и удами, и вершами, и жерлицами… Сегодня утром вынул из одной верши щуку, величиной с альбовский рассказ, к«отор»ый, не говоря худого слова, тяжел и неудобоварим, как белужья уха. Недалеко от меня есть глубокий (семиаршинной глуб«ины») омут, в к«ото»ром рыбы чертова гибель… В общем, охота в этом году удачна. Охота на птиц не менее удачна. На днях в один день мои домочадцы съели 16 штук уток и тетеревов, застреленных моим приятелем художником И. Левитаном. Грыбов нет. Все сохнет.

Брат Николай поразителен. Бежал от меня в П«етербург», там ничего не сделал… Где он теперь? Ох!

Александр сейчас у меня на даче. Через час уезжает в свой Новороссийск.

Не знаю, что написать Вам относительно подписей к рисункам. Как я вижу, Вы упорно отказываетесь считать меня неспособным по части выдумывания тем, а я в 1001-й раз утверждаю эту свою неспособность. Думаю я, думаю… думаю, думаю… Голова трещит и в результате - ноль. К понедельнику пришлю 2-3 подписи, но за качество их не ручаюсь. С подписями пришлю и рассказ.

Погода у нас стоит жаркая. Нередки дни с 29° по Р«еомюру» в тени. Обливаемся потом. В воздухе стоял дым от пожара в Клину; теперь дымно от горящего где-то торфа.

Однако прощайте. Нужно провожать единоутробного братца. Кланяюсь Вам и жму руку.

Ваш А. Чехов.

111. Н. А. ЛЕЙКИНУ
Сентябрь, не позднее 6, 1885 г. Бабкино.

Уважаемый

Николай Александрович! Сделайте божескую милость, поторопите "Пет«ербургскую» газету" и Вашу контору высылкой мне гонорара. Если я не получу скоро деньги, то рискую продлить свое лето до октября, что не особенно весело. У "Пет«ербургской» газеты" я просил полтораста. Мною заработано у нее больше. Простите, что вместо произведений посылаю Вам прошение, но, ей-богу, погода такая мерзкая, что вытье по-волчьи больше к лицу, чем творчество. Денежная почта придет в Воскресенск во вторник 10-го и в пятницу 13-го.

Желательно получение 10-го. Если таковое невозможно, то пятница является все-таки крайним сроком. "Газету" просил я о высылке уже давно, в августе.

Отдавая всего себя надежде, сладкой посланнице небес, пребываю

Ваш А. Чехов.

Дождь порет во все лопатки. Бррр!.. Чтобы уйти из-под этого серого облачного свода в тепло и цивилизацию Москвы, мне нужно minimum 200 руб., а в кармане один талер - только…

Весна, где ты?!

112. Н. А. ЛЕЙКИНУ
14 сентября 1885 г. Воскресенск.

85, IX, 14. Воскресенск.

Уважаемый

Николай Александрович!

Ваше письмо получил и шлю спасибо в квадрате. Спешу ответить. Вы начинаете тем, что я не исполняю Ваших указов. Аллах керим! Буду обелять себя по пунктам:

1) Запас рассказов у меня как-то не выклевывается. Дара у меня нет ли, времени или энергии - бог ведает. Но, насколько помню, Вы к каждому № имели мои вещички. Если я в иную неделю не посылал, то только потому, что знал, что у Вас есть в запасе мой несомненно цензурный рассказ. Впрочем, по этому пункту признаю себя виновным и обещаю по прибытии в Москву посылать Вам целые транспорты.

2) Обозрение я прекратил на время в силу Вашего редакторского указа. Ваш указ мог их и возобновить. Теперь не шлю обозрения, потому что в газетах и письмах из Москвы - сплошная пустота.

3) Подписи шлю по мере сил.

И так далее. Я все еще на даче!! Сейчас погода великолепная = бабье лето. Журавли летят… Но все-таки пора отправляться к родным пенатам. Сегодня роковая суббота - время получения денежной почты. Пришла почта, а денег из "Пет«ербургской» газ«еты»" нет и нет! Без этих же денег мне выехать нельзя, ибо, надеясь на них, я жил по-лукулловски и натворил долгов…

Во вторник вечером или, что все равно, в среду утром придет еще денежная почта. Если и на сей раз не получу, то останусь на даче на всю зиму, что оригинально и ново… В "Газету" писал я чуть ли не 3 раза. Надоедать совестно, и потому не пишу в 4-й раз. Знай я, что она запоздает высылкой, я запросил бы не 150, а 200 (уже заработанных), и это было бы весьма кстати, так как в ожидании получки я все вязну, вязну… по шею вязну… Но я Вам надоел своими счетами, а посему еду дальше.

О сентябре вышлю к следующей неделе, если же у меня ничего не выйдет, то пришлю Сентябрь и Октябрь вместе, ибо они мало отличаются друг от друга - septem, octo… От Агафопода писем не имею, где Николай, не знаю… Вероятно, последний в Москве… Судя по часто появляющимся в "Будильнике" его рисункам, он не голоден и обретается в Москве… Надо бы остепенить эту человечину, да не знаю как… Все способы уже испробовал, и ни один способ не удался. Все дело не в выпивательстве, а в femme. Женщина! Половой инстинкт мешает работать больше, чем водка… Пойдет слабый человек к бабе, завалится в ее перину и лежит с ней, пока рези в пахах не начнутся… Николаева баба -это жирный кусок мяса, любящий выпить и закусить… Перед coitus всегда пьет и ест, и любовнику трудно удержаться, чтобы самому не выпить и не закусить пикулей (у них всегда пикули!).

Агафопода тоже крутит баба… Когда эти две бабы отстанут, черт их знает! Кстати, как поживает Л. И. Пальмин? Я его уже 1/2 года не видел. Если будете писать ему, то поклонитесь от меня.

Больные лезут ко мне и надоедают. За все лето перебывало их у меня несколько сотен, а заработал я всего 1 рубль.

Гонорар от "Осколков" получил. О если бы скорее получить из "П«етербургской» г«азеты»"! Непонятная, ей-богу, медленность… Написали бы, что не вышлют скоро, так я, быть может, стал бы измышлять способы, как мне вывернуться. Я посылал в "Газету" счет.

Налимы ловятся великолепно… За сим, в надежде на вышеписанную середу, пребываю

А. Чехов.

113. Н. А. ЛЕЙКИНУ
24 или 25 сентября 1885 г. Москва.

Уважаемый

Николай Александрович!

Простите, что пишу на обрывке: другой бумаги нет, а послать в лавочку некого. Я уже в Москве. Спасибо за Ваши советы. Воспользовался ими и буду пользоваться. Спасибо и за хлопоты, которые причинили Вам мои нервы. Мои балбесы еще не нашли новой квартиры, и я продолжаю жить на старой.

Вероятно, переберусь за Москву-реку, где уже наклевывается квартира. Не знаю, как быть мне с журналом… Нумера, которые приходят теперь в Воскр«есенск», я получаю здесь на Сретенке, ибо подал в тамошнем почтамте заявление.

Худекову счет послан. По приезде нашел у себя на столе письмо Пальмина. Вечно он ютится около Смоленского рынка -скучнейшее место Москвы…

Завтра сажусь за усердную работу. Был у меня Гиляй и жаловался, что Вы его не печатаете. Из этого человечины вырабатывается великолепнейший репортер.

В Москве ничего нового.

Прощайте и будьте здоровы. Кстати о здоровье: ужасно много больных в Москве! Все похудели, побледнели, как-то осунулись, точно страшный суд предчувствуют. Пробыл я на даче только 4 1/2 мес«яца», а воротившись, многих в живых на застал… Черт знает что!

Боятся холеры, чудаки, а не видят, что из каждой тысячи умирает 40 - это хуже всякой эпидемии… Не хотят также видеть поразительной детской смертности, истощающей человека пуще всяких войн, трусов, наводнений, сифилисов… Впрочем, и так далее, а то надоем…

Ваш А. Чехов.

114. М. М. ЧЕХОВУ
25 сентября 1885 г. Москва.

85, IX, 25.

Дорогой Миша!

Я воротился в Москву. Если у вас не раздумали посылать ко мне мальчиков лечиться, то я к услугам И«вана» Е«горовича». Принимаю от утра до обеда, т. е. от 10 до 2-х. Если же раздумали, то уведомь. В случае перемены жительства или часов приема своевременно уведомлю

Как живешь и как твое здоровье? Большое удовольствие доставил бы, если бы вспомнил о нашем существовании и пришел бы провести вечерок. Кланяюсь и жму руку.

Твой А. Чехов.

115. Н. А. ЛЕЙКИНУ

30 сентября 1885 г. Москва.

85, IX, 30. Понед.

Уважаемый

Николай Александрович!

Получил Ваше письмо с корректурой моего злополучного рассказа… Судьбы цензорские неисповедимы! Покорный Вашему совету, шлю изгнанника в "П«етербургскую» г«азету»".

Посылаю Вам: a) "Осколки моск«овской» жизни". Как бы ни было, хоть с грехом пополам, но писать их буду и, вероятно, чаще, чем раз в м«еся»ц. Дело в том, что они читаются и перепечатываются. Обыкновенно, у меня воспевается то, что прозевывается или недоступно для "Буд«ильника»" и "Развл«ечения»", и, таким образом, благодаря моему обозрению и тому, что половина осколочных столбов - кровные москвичи, "Осколки" идут за московский журнал. Будь в Москве художник-юморист, к«ото»рый рисовал бы для Вас моск«овскую» жизнь, тогда бы еще лучше было. Вы как-то говорили мне, что в Москве розничная прод«ажа» "Оск«олков»" стоит на точке замерзания. Может быть, но зато "Осколков" в Москве выходит больше, чем "Буд«ильника»" и "Развл«ечения»"! b) Рассказ. c) Стихи Гиляровского. Та неприятная штука, о к«ото»рой Вы писали, есть, конечно, недоразумение. Г«иляровски»й человек порядочный, вышколенный "Русскими ведомостями", обеспеченный… Имея около 300 р. в м«еся»ц, едва ли он стал бы фальшивить из-за рубля! Это верно… Я его знаю… Что он шлет Вам дребедень, это понятно: занят день и ночь, а работать в "Оск«олках»" хочется. Вообще сотрудник он полезный, если не теперь, то в будущем. d) Есть в Москве юнец, некий Родион Менделевич, человечек забитый, голодающий, представляющий собой нечто бесформенное и неопределенное; не то он аптекарь, не то портной… Прочитывая всю московскую чепуху, я наскакивал на его стихи, которые сильно выделялись из пестрой братии: и свежи, и гладки, и коротки… Попадались такие, что хоть на музыку перекладывай… Помня Вашу заповедь - вербовать сотрудников для "Осколков", я по приезде в Москву отыскал этого Родиона и предложил ему послать пробу пера к Вам… Он страшно обрадовался, обалдел, и в один день накатал чуть ли не 10 штук и принес мне. Накатал он сплеча, а потому (насколько я смыслю) добрая половина их никуда не годится. Есть 2-3 стишка, которые, несомненно, годны. По первому присылу не судите о нем.

О сентябре (я ранее писал уже Вам) напишу купно с октябрем. Подписей - увы! - нет в моих мозгах! Политические темы только тогда не скучны и не сухи, когда в них затрогивается сама Русь, ее ошибки. Отчего Вы для передовицы не хотите воспользоваться процессом Мироновича? Почему не посмеяться над следствием, над экспертами, фатящими, допрашивающими свидетелей, требующими эффекта ради вырытая покойницы, над защитой и ее претензиями (водолазы, наприм«ер») и проч.? Если что надумаю, то не буду ждать понедельника, а пошлю среди недели. А пока будьте здоровы.

Ваш А. Чехов.

Сижу без денег. "Будильнику" должен, до осколочного гонорара еще далеко, а из "П«етербургской» г«азеты»" ни слуху ни духу, хотя я послал ей самый подробный счет. У меня начало осени всегда кисло.

Буду жить, вероятно, на Якиманке, но переберусь туда не ранее 10-го окт«ября». Полы красят.

116. М. В. КИСЕЛЕВОЙ
Сентябрь 1885 г. Москва.

Вазелин не портится, не гниет, безвреден. Употребляется в смеси с карболкой или иодоформом для смазывания ран. Посылаю для пробы. Дорог, но много лучше сала.

Иодоформ. Посыпается кисточкой на рану до тех пор, пока рана не станет заметно желтой. С вазелином дает мазь, которая лучше держится, чем присыпка, и может быть даваема расслабленному на дом. Пропорция - какую бог на душу положит; на кусочек вазелина величиною с ноготь большого пальца достаточно сыпнуть кисточкой раза 2-3. Этой мазью лечат раны, язвы, лишаи и проч.

Карболка кристал«лическая». Употребляется, когда нет иодоформа. С вазелином тоже дает мазь. С салом тоже. Впрочем… кому неизвестна карболка?

117. М. В. КИСЕЛЕВОЙ

1 октября 1885 г. Москва.

Пользуюсь правом сильного и отнимаю у сестры кусочек территории, чтобы, подобно Софочке, открыть Вам тайники моей души… и, надеюсь, Вы поймете меня больше, чем Софочку. Дело в том, что в моей бедной душе до сих пор нет ничего, кроме воспоминаний об удочках, ершах, вершах, длинной зеленой штуке для червей… о камфарном масле, Анфисе, дорожке через болото к Дарагановскому лесу, о лимонаде, купальне… Не отвык еще от лета настолько, что, просыпаясь утром, задаю себе вопрос: поймалось что-нибудь или нет? В Москве адски скучно, несмотря ни на что… Был сейчас на скачках и выиграл 4 р. Работы пропасть… Кланяюсь Алексею Сергеевичу так, как коллежские регистраторы кланяются тайным советникам или отец Сергий - князю Голицыну. Сереже и Василисе, которых я каждую ночь вижу во сне, салют и почет. А за сим, пожелав Вам здоровья и хорошей погоды, пребываю преданный

А. Чехов.

118. Н. А. ЛЕЙКИНУ
Между 6 и 8 октября 1885 г. Москва.

Уважаемый

Николай Александрович!

11-12-го октября я перебираюсь и omnia mea mecum porto* на Якиманку, д. Лебедевой, куда благоволите с означенного числа посылать журнал, письма и куда прошу Вас заглянуть по приезде Вашем в Москву.

Последний номер "Осколков" немножко удивил меня отсутствием в нем "Оск«олков» моск«овской» жизни". Обозрение послал я в понед«ельник» - стало быть, опоздать не мог. На случай пропажи, посылаю в удостоверение почтовую расписку. После долгой головоломки я заключил, что в отсутствии обозрения виновато мое соображение: я не сообразил, что во вторник - Покров, т. е. день, когда в типографии работ не бывает… Так?

Если не поздно, то прибавьте к обозрению еще один куплет. Похеренный цензурой рассказ пошел в "П«етербургской» г«азете»" под другим названием, и, таким образом, я не в убытке. Был я у Пальмина. Живет он у черта на куличках, куда птица не залетает и где извозчика не найдешь днем с огнем. Носит же его нелегкая! Право, можно подумать, что на приличных улицах и переулках поэтам жить не позволяется… Квартира, которую я оставляю, очень прилична и недорога (40 р. в м«еся»ц). Маленькой семье лучшей квартиры не найти. Предложу Л«иодору» И«вановичу», но думаю, что откажется…

Читал я "Визиты" Aloe. Для чего ему понадобилась длинная поминальница с перечислением родни и знакомых, не понимаю… На знакомых вообще неприятно действует, если они видят в печати свою фамилию, а читателям неинтересно.

В Москве мороз, скука, открытие врачебного и (неофициально) литературного клубов, таинственное убийство на Никитской, толки о Мироновиче и т. д.

Ваш А. Чехов. * все мое несу с собою (лат.)

119. М. М. ЧЕХОВУ
Октябрь, не ранее 11, 1885 г. Москва.

Ну, брат Миша, не знаю, как и благодарить мою фортуну. Только фортуна и могла надоумить тебя прийти к нам вечером, в канун перевозки. Благодаря тому, что ты побывал у нас, перевезлись мы великолепно. Фуры сделали свое дело по всем правилам искусства, ломовой тоже. Этак можно в один день целую Москву перевезти. Спасибо тебе тысячу раз. Считай меня своим должником. Надеюсь, что теперь, когда мы почти соседи, ты будешь у нас не редким гостем, а по крайней мере еженедельным. Кроме вечеров вторника, четверга и иногда субботы, вечерами я всегда дома. Приходи как-нибудь пораньше, чтоб посидеть подольше.

Твой А. Чехов.

Во вторник я с 9 часов дома, в четверг только до 9-ти, так что в сущности нет того дня, когда бы ты рисковал не увидеться со мной.

120. Н. А. ЛЕЙКИНУ

12 или 13 октября 1885 г. Москва.

Уважаемый

Николай Александрович!

Ваше письмо получено мною уже на новой квартире. Квартира моя за Москвой-рекой, а здесь настоящая провинция: чисто, тихо, дешево и… глуповато.

Погром на "Осколки" подействовал на меня, как удар обухом… С одной стороны, трудов своих жалко, с другой - как-то душно, жутко… Конечно, Вы правы: лучше сократиться и жевать мочалу, чем с риском для журнала хлестать плетью по обуху. Придется подождать, потерпеть… Но думаю, что придется сокращаться бесконечно. Что дозволено сегодня, из-за того придется съездить в комитет завтра, и близко время, когда даже чин "купец" станет недозволенным фруктом. Да, непрочный кусок хлеба дает литература, и умно Вы сделали, что родились раньше меня, когда легче и дышалось и писалось…

Посылать Вам что-нибудь в эту неделю я не был намерен. У Вас были 3 мои вещи, и отдохновение я считал законным, тем более что меня заездила перевозка. Ныне, получив Ваше письмо и узнав про судьбу моих 3-х вещей, я шлю Вам рассказ, который писал не для "Осколков", а для "вообще", куда сгодится. Рассказ немножко длинен, но он трактует об актерах, что ввиду открытия сезона весьма кстати, и, как мне кажется, юмористичен. Завтра засяду и напишу "Сент«ябрь» и Октябрь и Ноябрь" - конечно, если не помешает что-нибудь вроде практики и проч.

Вы советуете мне съездить в Петербург, чтобы переговорить с Худековым, и говорите, что Пет«ер»бург не Китай… Я и сам знаю, что он не Китай и, как Вам известно, давно уже сознал потребность в этой поездке, но что мне делать? Благодаря тому что я живу большой семьей, у меня никогда не бывает на руках свободной десятирублевки, а на поездку, самую некомфортабельную и нищенскую, потребно minimum 50 руб. Где же мне взять эти деньги? Выжимать из семьи я не умею да и не нахожу это возможным… Если я 2 блюда сокращу на одно, то я стану чахнуть от угрызений совести. Раньше я надеялся, что можно будет урвать на поездку из гонорара "Пет«ербургской» газ«еты»", теперь же оказывается, что, начав работать в "П«етербургской) г«азете»", я зарабатываю нисколько не больше прежнего, ибо в оную газету я отдаю все то, что раньше отдавал в "Развлечение", "Буд«ильник»" и пр. Аллаху только известно, как трудно мне балансировать и как легко мне сорваться и потерять равновесие. Заработай я в будущем м«еся»це 20-30-ю рублями меньше и, мне кажется, баланс пойдет к черту, я запутаюсь… Денежно я ужасно напуган и, вероятно, в силу этой денежной, совсем не коммерческой, трусости я избегаю займов и авансов… На подъем я не тяжел. Будь у меня деньги, я летал бы по городам и весям без конца.

Гонорар из "Пет«ербургской» газеты" я получил недели через 2 после отсылки туда счета.

Если в октябре Вы будете в Москве, то я как-нибудь соберусь и поеду с Вами. На путь в П«етер»бург найдутся деньги, на обратный возьму у Худекова (заработанные).

Писать больше того, что теперь я пишу, мне нельзя, ибо медицина не адвокатура: не будешь работать - застынешь. Стало быть, мой литературный заработок есть величина постоянная. Уменьшиться может, увеличиться - нет.

Во вторник жду "Осколки" по новому адресу. Давно уже я не получал их аккуратно.

Поздравляю с покупкой. Ужасно я люблю все то, что в России назыв«ается» имением. Это слово еще не потеряло своего поэтического оттенка. Стало быть, летом Вы будете кейфовать…

У нас мороз, но снега нет.

Пальмин был у меня и будет еще во вторник. По вторникам у меня вечера с девицами, музыкой, пением и литературой. Хочу поэта вывозить в свет, а то прокис.

Ваш А. Чехов.

121. П. Г. РОЗАНОВУ
Октябрь, после 11, 1885 г. Москва.

Не подумайте, добрейший Павел Григорьевич, что я зажулил "Тамбовский уезд". Дело в том, что я взял сию книжицу в основу одной газетной работки. Начать-то я начал, а кончить никак не соберусь, ибо вечно мне некогда.

Знайте, и уведомьте Сергея Павловича, что я жительствую уже не вблизи Соболева пер«еулка», а немножко дальше. Мой новый адрес: Якиманка, д. Лебедева, куда и благоволите препровождать по этапу Вашу особу всякий раз по приезде в Москву.

Правда ли, что Вы женитесь? Что ж, старайтесь! Много новостей. Если Вы любопытны, то поторопитесь.

Ваш А. Чехов.

Чтобы заглушить Ваш справедливый гнев, я дам Вам две взятки: переплету "Тамбовский уезд" и вручу Вашей милости много газетных вырезок, касающихся интересующего Вас вопроса о положении врачей.

122. Н. А. ЛЕЙКИНУ

Октябрь, после 19, 1885 г. Москва.

Уважаемый

Николай Александрович!

Письмо Ваше получил и отвечаю:

1) Николаю рисунок заказан.

2) За обещание прислать книжку спасибо. Я заказал себе полки и учиняю библиотеку. Присылайте книгу, если можно, не посылкой, а бандеролью заказной. Так получить легче. Кстати, храни Вас царица небесная забыть, что за Вами еще обещанный экземпляр "Осколков" за 84 г. Если забудете, то я останусь без никому.

3) Из того, что пишу мало, нельзя заключать, что я лентяй. Я занят целый день до того, что в театре еще ни разу не был за всю осень. Следить за наукой и работать - большая разница. Рукописей я не перебеляю. Чаще всего я отсылаю черновики, перебеляю же только для "Осколков", и то иногда, когда кажется мне, что начало рассказа длинно, когда во время письма вдруг явится желание изменить что-нибудь in corpore* и проч. Всегда перебеляю моск«овскую» жизнь, ибо пишу ее с потугами. Такие же вещи, как посылаемая, я пишу обыкновенно наотмашь.

Если Вы отложили свой приезд до конца ноября, то, значит, приедете в декабре.

А недурно бы, знаете, собраться перед подпиской всем сотрудникам "Осколков" и учинить consilium. О многом следовало бы потолковать сообща.

Пальмина мы сглазили. Он во вторник у меня не был.

Ваш А. Чехов. * в целом (лат.)

123. Н. А. ЛЕЙКИНУ
17 ноября 1885 г. Москва.

5, XI, 17.

Уважаемый

Николай Александрович!

Сей посыл посылается в ответ на Ваше письмо. У меня беда! Новая квартира оказалась дрянью: сыро и холодно. Если не уйду из нее, то, наверное, в моей груди разыграется прошлогодний вопль: кашель и кровохарканье. Перебираться же на новую квартиру страшнее всего. Изволь я опять тратиться на переезды, переноски, на перемену адресов! На Якиманке есть квартира, как раз против меня… Пойду завтра глядеть ее. Тяжела ты, шапка Мономаха! Жить семейно ужасно скверно.

Однако и Вы соблазнились премией. Что ж? Это не мешает… Обещание (в объявлении) обратить особое внимание на художественный отдел - штука хорошая и необходимая. Насчет Агафопода… Вы не бракуйте его угнетенных чиновников, а напишите ему, а то он не будет знать, в чем дело… Николай болен. Рисунки постарается выслать в самом скором времени. Еще что? Пожалуй, еще о "Пет«ербургской» газ«ете»". Сделайте милость, скажите, что мне нужно сделать, чтобы упрочить аккуратную получку гонорара? Послал я счет 23 октября - ноль внимания. Повторил счет 2 недели тому назад - то же самое. А аккуратное получение гонорара для нашего брата важнее количества гонорара… Если получаешь мало, то по одежке протягиваешь ножки, если же получаешь много, но сюрпризно, на манер татя в нощи, то поневоле запутаешься в своих финансах.

Погода у нас великолепная. 26-го числа еду в Звенигород на освящение новой земской больницы.

Вместе с приглашением получил обещание, что после молебна закуска будет необычайная… Предвкушаю…

Если будете у Худекова, то замолвите словечко за меня. А за сим пребываю уважающим.

А. Чехов*.

А по-моему, Менделевич не бездарность. Ему всего только 19 лет. Он служит мальчиком у брата своего, портного. * Моя подпись начинает принимать определенный и постоянный характер, что я объясняю громадным количеством рецептов, которые мне приходится писать, - конечно, чаще всего gratis**. ** даром (лат., прим. ред.)

124. Н. А. ЛЕЙКИНУ
23 ноября 1885 г. Москва.

85, XI, 23.

Уважаемый

Николай Александрович!

Завтра я улетучиваюсь из Москвы дня на 2-3. Не знаю, успею ли что-нибудь создать в этот раз для "Осколков" или нет, но письмо все-таки посылаю, ввиду срочности вопросов и событий, в нем затрогиваемых. Primo*: Левитан живет в "Гатчине". Полный его адрес таков: "Сретенка, Колокольный пер«еулок», меблированные комнаты "Гатчина", в доме Малюшина, "№" 28. Адольф Ильич Левитан". Кстати говоря, Левитан в Москве нравится. Рисовальщик он не из плохих… Secondo**: если не боитесь лишнего багажа и сами на лишний багаж напрашиваетесь, то привезите мне "Осколки" за прошлый 84-й год. Прошу сие переплета и потомства ради. Не забудьте также, что Вы обещали мне Вашу новую книжицу.

Теперь о злосчастном "Тапере". Знай я, что этот мой "Тапер" послужит достаточным поводом для обвинения меня в злокачественности, я, конечно, не написал бы его, не написал бы, несмотря даже на то, что я сильно расхожусь с Вами во взгляде относительно 400 сбежавших сотрудников и проч. Знай я, что "Осколки" держатся таких-то и таких правил, я не стал бы в чужой монастырь со своим уставом ходить и или вовсе бы не дал "Буд«ильнику»" рассказ, или попросил бы напечатать его с

другой подписью… Но беда в том, что я не знал еще до сих пор тех журнально-дипломатических тонкостей, которые Вы перечисляете… Черт возьми, почем я знаю, что "Буд«ильник»" печатает меня теперь только потому, что теперь время подписки? Попросил он у меня рассказа, как всегда просит, я и дал, ничего не подозревая и не желая подозревать, тем более что и летом я давал им рассказы, - летом, когда подписка и не снится… Печатает меня "Буд«ильник»", правда, редко, ибо я для него дорог, но не думаю, что последние номера его стараются теперь казаться более дорогими, чем они были в июле. То же самое могу сказать и о "Развлечении"…

"Тапера" я дал в октябре… Не дать чего-нибудь не мог, ибо "Буд«ильнику»" я должен с самого лета. Должен пустяки, но все-таки отдать надо… Но как бы то ни было, обещаю в декабре, январе и в конце ноября ничего не давать в юморист«ические» журналы с подписью А. Чехонте и вообще подписью, известною читателям "Осколков".

Я, пожалуй, могу и совсем бросить работать в "Буд«ильнике»", но думаю, что Вы этого не захотите. Лишние 30-40, а иногда и 50 в месяц, ей-богу, годятся такому пролетарию, как я. Вы удивляетесь, отчего я не послал "Тапера" в "Осколки", где он был бы помещен, когда мне угодно, и за которого я мог бы взять аванс. От души Вам спасибо, но ведь это паллиативы… Аванс отрабатывать надо, а один полный (для меня) номер та же одна ласточка, которая весны не делает. Сколько бы я ни писал и как бы часто ни посылал Вам свою прозу, мой гонорар не перестанет колебаться между 45 и 65 в месяц… Пошли я Вам сейчас целый мешок статей, и мой гонорар от этого не станет толще, ибо предел ему положен не Вами, а рамками журнала… Впрочем, мы скоро увидимся и решим все это словесно…

Спасибо за открытие, что у Вас имеется "Сон". Если это что-нибудь путевое и достойное праздничного номера, то пришлите его мне. Я подвергну его переделке и вышлю немедленно…

За разговор с Худековым спасибо. Хотя я все-таки еще продолжаю ждать, но все-таки знаю, что час получки грядет…

Идет дождь. Боюсь, что он изгадит санный путь. Николая видел в среду. Видел его лежащим в постели и прописал ему морфий.

Сегодня имел честь лечить одного редактора от геморроя.

Много курьезных новостей. Когда приедете, расскажу, а пока будьте здравы, забудьте всех таперов в свете и не сердитесь. Ну стоит ли из-за пустяков… Впрочем, не оканчиваю эту фразу, ибо вспоминаю, что вся жизнь человеческая состоит из пустяков.

Иду есть.

А. Чехов. * Во-первых (лат.) ** Во-вторых (лат.)

125. Н. А. ЛЕЙКИНУ
29 ноября 1885 г. Москва.

XI, 29.

Уважаемый

Николай Александрович!

Приехав из Звенигорода, спешу ответить на Ваше письмо.

Левитан живет в Москве. "Гатчина", о которой шла речь, находится в Москве.

Сейчас еду к Николаю. Неужели я написал Вам что-нибудь похожее на белую горячку? Храни создатель. К общей беспардонщине не хватало только горячки… Николай пьет мало, но обладает способностью киснуть от 2-3 рюмок. Верую, что до delirium tremens* далеко. Болен он был гастритом. Насчет молока согласен с Вами, но, к сожалению, не всегда и реже всего его можно пустить в дело.

Гонорар из "П«етербургской» г«азеты»" получил.

Получил от Агафопода письмо. Доволен своим житьем, здрав и, по-видимому, не пьет. Ждет от Вас гонорара. Вы простите московского доктора за то, что он пишет петербургскому редактору на клочке: всю мою бумагу растаскали домочадцы.

Не поехать ли мне в Болгарию? Посоветуйте-ка: Вы человек практический и с опытом…

Мне хочется туда ехать…

За сим будьте здоровы. До свиданья.

Кстати: ввиду разных дел и проч. распорядитесь в Вашей конторе, чтобы она выслала мне гонорарий не позже 5-го декабря. Перебираюсь. Адрес пока остается прежним, ибо почтальоны знают, куда я хочу переехать.

А. Чехов. * белой горячки (лат.)

126. Н. А. ЛЕЙКИНУ
Первые числа декабря 1885 г. Москва.

Я переехал. Мой новый адрес: Якиманка, д. Клименкова. Для журнала может остаться прежний адрес, так как новое мое жительство почтарям известно. Сообщаю же Вам новый адрес ввиду только Вашего скорого приезда в Москву, дабы Вам не пришлось блуждать по Якиманке. Прилагаю при сем записочку моего протеже Менделевича. Уф!! Надоел пуще горькой редьки.

А. Чехов.

Я жду Вас к себе каждый день. Пальмин на меня сердится.

127. Н. А. ЛЕЙКИНУ

28 декабря 1885 г. Москва.

28/XII.

Ну, добрейший и гостеприимнейший Николай Александрович, наконец-таки я сел за стол и пишу Вам. Поездка в Питер и праздничная галиматья совсем сбили меня с толку. Дела по горло, но сядешь писать - не пишется: то и дело начало зачеркиваешь; к больному надо ехать - проспишь или за писанье сядешь… Чтобы не сбиться с панталыку, буду писать по пунктам:

1) Все поручения исполнены с подобающими точностью, скоростью и педантизмом: a) Ступину переданы книги по дороге с вокзала. Квитанция послана Вам 26 дек«абря». b) Левитану передан заказ купно с наставлением. Внушено ему, что он не знает военных фельдшеров, и рекомендовано впредь за решением вопросов жанро-бытового свойства являться ко мне, на что он дал полное свое согласие. Был он у меня два раза. Между прочим, просил меня убедительно, чтобы я написал Вам, что ему дозареза нужны 40 руб. Сам он написать Вам стесняется страха ради иудейского. Если можно выслать, то вышлите. Авансы противная материя, но сорок рублей не великие деньги… c) Амфитеатрова видел и от Вашего имени предложил ему не посылать в "Осколки" того, что похерено "Будильником". Сказал: "хорошо". d) У Печковской уже есть вывеска на раме. Баба удивилась, когда ей была предложена вывеска, и сказала, что Вы уже дали ей одну вывеску. Насчет того, что она возбудила в Вас греховные вожделения, я ей ничего не говорил: неловко было при народе… e) Гиляровского еще не видел. Когда увижу, то передам ему Ваше поручение относительно книгопродавца, взявшего с уступкой 50%. f) Касательно драматического гонорара и векселя Гудвиловича жду дальнейших распоряжений.

2) Сегодня послан Вам не совсем удавшийся новогодний рассказ. Хотел написать покороче и испортил.

3) Ваши наблюдения по части московской журналистики проверяю. «…»

4) Виденные мною порядки петербургских редакций воспеваю, где только возможно. Вообще воспеваю весь Петербург. Милый город, хоть и бранят его в Москве. Оставил он во мне массу самых милых впечатлений. Очень возможно, что в данном случае, в суждении своем о Питере, мои мозги подкуплены. Ведь жил я у Вас, как у Христа за пазухой. Все мое питерское житье состояло из сплошных приятностей, и не мудрено, что я видел все в розовом цвете… Даже Петропавловка мне нравилась. Путаница в голове несосветимая: Невский, старообрядческая церковь, диван, где я спал, Ваш стол, Билибин, Федя, толстый метранпаж, полотенца на стенах, борода Тимофея, Борель, Палкин, земляные груши, сиг, перинка для Рогульки и Апеля, Сенной рынок, Лейферт… Ясно очерченной картины нет, а все какие-то отрывки. Что ясно помню, так это рыло Апеля Апелича и целодневное молчаливо-созерцательное хождение Феди по комнатам, остальное же в тумане, точно сон… Этим туманом я обязан Вам, ибо в какие-нибудь три дня Вы навалили на мои нервы столько впечатлений, что голове в пору разорваться. А ел-то и пил я у Вас! Точно я не в Питере был, а в старосветской усадьбе… Кстати: свежих сигов в Москве нет.

Конечно, Вы и без меня знаете, как я благодарен Вам за Ваше гостеприимство и возню с моей тяжеловесной особой, но все-таки считаю нужным констатировать еще раз эту благодарность. 10000 раз спасибо.

В заключение поздравляю Вас и всех Ваших с Новым годом, с новым счастьем. Прасковье Никифоровне и Феде нижайший поклон и поздравление.

Билибину кланяйтесь и скажите, что я собираюсь написать ему.

П. И. Кичеев стрелялся, но… неудачно. Пальмина еще не видел.

За сим будьте здоровы. Еще раз спасибо в квадрате.

Ваш А. Чехов.

Про Святейший синод и Сенат отец спрашивал. Сердится, что я внутри не был.

P. S. Буду писать еще. Хочется о Питере поговорить.

1886
128. Ал. П. ЧЕХОВУ 4 января 1886 г. Москва.

86, I, 4.

Карантинно-таможенный Саша!

Поздравляю тебя и всю твою юдоль* с Новым годом, с новым счастьем, с новыми младенцами… Дай бог тебе всего самого лучшего. Ты, вероятно, сердишься, что я тебе не пишу… Я тоже сержусь и по тем же причинам… Скотина! Штаны! Детородный чиновник! Отчего не пишешь? Разве твои письма утеряли свою прежнюю прелесть и силу? Разве ты перестал считать меня своим братом? Разве ты после этого не свинья? Пиши, 1000 раз пиши! Хоть пищи, а пиши… У нас все обстоит благополучно, кроме разве того, что отец еще накупил ламп. У него мания на лампы. Кстати, если найду в столе, то приложу здесь одну редкость, к«ото»рую прошу по прочтении возвратить.

Был я в Питере и, живя у Лейкина, пережил все те муки, про к«ото»рые в писании сказано: "до конца претерпех"… Кормил он меня великолепно, но, скотина, чуть не задавил меня своею ложью… Познакомился с редакцией "П«етербургской» газеты", где был принят, как шах персидский. Вероятно, ты будешь работать в этой газетине, но не раньше лета. На Лейкина не надейся. Он всячески подставляет мне ножку в "П«етербургской» г«азете»". Подставит и тебе. В январе у меня будет Худеков, ред«актор» "П«етербургской» г«азеты»". Я с ним потолкую.

Но ради аллаха! Брось ты, сделай милость, своих угнетенных коллежских регистраторов! Неужели ты нюхом не чуешь, что эта тема уже отжила и нагоняет зевоту? И где ты там у себя в Азии находишь те муки, к«ото»рые переживают в твоих рассказах чиноши? Истинно тебе говорю: даже читать жутко! Рассказ "С иголочки" задуман великолепно, но… чиновники! Вставь ты вместо чиновника благодушного обывателя, не напирая на его начальство и чиновничество, твое "С иголочки" было бы теми вкусными раками, которые стрескал Ераките. Не позволяй

также сокращать и переделывать своих рассказов… Ведь гнусно, если в каждой строке видна лейкинская длань… Не позволить трудно; легче употребить средство, имеющееся под рукой: самому сокращать до nec plus ultra** и самому переделывать. Чем больше сокращаешь, тем чаще тебя печатают… Но самое главное: по возможности бди, блюди и пыхти, по пяти раз переписывая, сокращая и проч., памятуя, что весь Питер следит за работой бр«атьев» Чеховых. Я был поражен приемом, к«ото»рый оказали мне питерцы. Суворин, Григорович, Буренин… все это приглашало, воспевало… и мне жутко стало, что я писал небрежно, спустя рукава. Знай, мол, я, что меня так читают, я писал бы не так на заказ… Помни же: тебя читают. Далее: не употребляй в рассказах фамилий и имен своих знакомых. Это некрасиво: фамильярно, да и того… знакомые теряют уважение к печатному слову… Познакомился я с Билибиным. Это очень порядочный малый, которому, в случае надобности, можно довериться вполне. Года через 2-3 он в питерской газетной сфере будет играть видную роль. Кончит редакторством каких-нибудь "Новостей" или "Нового времени". Стало быть, нужный человек…

Еще раз ради аллаха! Когда это ты успел напустить себе в ж«…» столько холоду? И кого ты хочешь удивить своим малодушием? Что для других опасно, то для университ«етского» человека может быть только предметом смеха, снисходительного смеха, а ты сам всей душой лезешь в трусы! К чему этот страх перед конвертами с редакционными клеймами? И что могут сделать тебе, если узнают, что ты пишущий? Плевать ты на всех хотел, пусть узнают! Ведь не побьют, не повесят, не прогонят… Кстати: Лейкин, встретясь с директором вашего департамента в кредитном обществе, стал осыпать его упреками за гонения, к«ото»рые ты терпишь за свое писательство… Тот сконфузился и стал божиться… Билибин пишет, а между тем преисправно служит в Д«епартамен»те почт и телеграфа. Левинский издает юмор«истический» журнал и занимает 16 должностей. На что строго у офицерства, но и там не стесняются писать явно. Прятать нужно, но прятаться - ни-ни! Нет, Саша, с угнетенными чиновами пора сдать в архив и гонимых корреспондентов… Реальнее теперь изображать коллежских регистраторов, не дающих жить их п«ревосходительст»вам, и корреспондентов, отравляющих чужие существования… И так далее. Не сердись за мораль. Пишу тебе, ибо мне жалко, досадно… Писака ты хороший, можешь заработать вдвое, а ешь дикий мед и акриды… в силу каких-то недоразумений, сидящих у тебя в черепе…

Я еще не женился и детей не имею. Живется нелегко. Летом, вероятно, будут деньги. О, если бы!

Пиши, пиши! Я часто думаю о тебе и радуюсь, когда сознаю, что ты существуешь… Не будь же штанами и не забывай твоего А. Чехова.

Николай канителит. Иван по-прежнему настоящий Иван. Сестра в угаре: поклонники, симфон«ические» собрания, большая квартира… * Мишка, будучи поэтом, под юдолью разумел нечто…** до крайней степени (лат., прим. ред.)

129. Н. А. ЛЕЙКИНУ
5 января 1886 г. Москва.

86, I, 5.

Уважаемый

Николай Александрович!

Шлю Вам все, что успел выжать из своих мозговых полушарий, и даю отчет:

Левитану заказ передан с объяснением.

Для специальной почты шлю от себя 2 штучки.

Условие: под почтой моих псевдонимов не ставьте. Думаю, что самой подходящей подписью было бы Дуо или Трио, смотря по количеству лиц, участвующих в почте, или же И. Грэк - по имени человека, редактирующего этот отдел. Думаю также, что этот отдел будет оживляющим элементом. Для оживления журнала будем сочинять открытые письма, вопросы, загадки, конкурсы… и все это во вся тяжкая. Для образчика предлагаю Вам на обороте конкурс… Такие штуки любит читатель. У меня вышло шероховато, но если Билибин возьмет на себя труд перефразировать, то

получится нечто более лучшее… Премированные ребусы уже заезжены, а конкурсов еще, кажется, кроме Вольфа, никто не начинал.

От Вас я получил два письма.

Агафоподу написал. Пальмина еще не видел.

За сим будьте здоровы.

А. Чехов.

Если будете в "Петербургской» газ«ете»", то напомните Буйлову или кому следует о высылке мне газеты. Перестал получать с 1-го января.

130. М. М. ДЮКОВСКОМУ
Около 10 января 1886 г. Москва.

Милейший Банк!

К Вам опять просьба. Дождусь я своими просьбами того, что Вы дадите мне по шее…

12-го я шафером. Нет ли у Вас у кого-нибудь на примете фрака и фрачной жилетки? Где таковые можно достать? Ваш фрак не годится… Не подойдет ли Скворцова под мой рост?

12-го я шаферствую до 5 вечера. После пяти увидимся в "Эрмитаже".

В-третьих: нет ли в Вашем банке под проценты 25 руб.? Честное слово, отдам. Чтоб мне сквозь землю провалиться, ежели не отдам. Когда я буду Захарьиным (чего никогда не будет), я дам Вам взаймы 30000 р. без процентов.

Ваш А. Чехов.

131. Н. А. ЛЕЙКИНУ

12 января 1886 г. Москва.

86, I, 12.

Уважаемый

Николай Александрович!

Отвечаю на Ваше письмо. Левитан у меня еще не был. Ехать же мне к нему неловко, ибо извиняться я не уполномочен. Когда придет ко мне, то постараюсь уломать его и втемяшить в его голову, что отказом аванса "Осколки" выказали отнюдь не недоверие к нему, а только и проч… Пока же темы я отдал Николаю, к«ото»рый перестал уже быть импотентом и живет у меня. Даже, не сглазьте, не пьет. Взгляд Ваш на авансы я во многом не разделяю. Конечно, плата за не исполненный еще труд есть абсурд, но почему не снисходить к человеческим слабостям, если это возможно? 40 руб. не великие деньги - стало быть, возможно… Представьте, что Левитану нужны 40 руб. позарез, до чертиков… К кому он должен обратиться, и кто вывезет его из неловкого положения? Конечно те, для которых он работает… Впрочем, об этом можно писать только длинно…

Как велика подписка у "Буд«ильника»" и "Сверчка", не вем. Узнаю, напишу.

П. И. Кичеев покушался на самоубийство, но пуля оказалась дурой. Третьего дня я виделся с ним и слушал, как он рассказывал анекдоты.

Сегодня у нас Татьяна. К вечеру буду без задних ног. Сейчас облачаюсь во все фрачное и еду шаферствовать: доктор женится на поповне - соединение начал умерщвляющих с отпевающими.

Ах, как меня надули! Впрочем, прежде чем Вы не начнете ругаться, я не скажу, в чем дело… Ужасно и подло надули!

Кланяюсь Прасковье Никифоровне и Феде. Билибину я давно уже послал письмо и никак не дождусь ответа. Получил ли он?

Рассказы почти наклеил и пришлю посылкой. Газету получаю. Как зовут Буйлова? Имя его мне нужно на случай могущего случиться случая с газетой или гонорарием. Кланяюсь всем.

Ваш А. Чехов.

132. П. Г. РОЗАНОВУ
14 января 1886 г. Москва.

86, I, 14.

Женатый коллега!

Хотя Вам теперь и не до приятелей и не до их писем, но тем не менее спешу сдержать данное обещание - шлю вырезку из газеты.

Брррр! До сих пор еще не пришел в чувство после Татьяны. У Вас на свадьбе я налисабонился важно, не щадя живота. От Вас поехали с С«ергеем» П«авловичем»в "Эрмитаж", оттуда к Вельде, от Вельде в Salon… В результате: пустое портмоне, перемененные калоши, тяжелая голова, мальчики в глазах и отчаянный пессимизм. Не-ет, нужно жениться! Если Варвара Ивановна не найдет мне невесты, то я обязательно застрелюсь. В выборе невесты пусть она руководится Вашим вкусом, ибо я с 12-го января сего года начал веровать в Ваш вкус. Пора уж и меня забрать в ежовые, как Вас забрали…

Сестра кланяется Вашей жене и просит напомнить ей еще раз об обещании быть у нас.

Помните? Чижик, новая самоварная труба и пахучее глицериновое мыло - симптомы, по коим узнается квартира женатого…

У меня женится трое приятелей… Ужас, сколько предстоит работы! Работа несносная, ибо в каждом приходе свои свадебные обычаи. Извольте потрафить! Я ведь и у Вас путал…

Не забывайте про "Фельдшера".

Более писать некогда. Срочной работы чертова пропасть.

Ваш А. Чехов.

133. М. М. ДЮКОВСКОМУ
16 января 1886 г. Москва.

Милый Михаил Михайлович!

Завтра известный писатель волею судеб производится в чин именинника. Надеюсь, что Вы будете у меня… Жду!

Теперь просьба. Я человек бедный: жена вдова и дети сироты. Не можете ли Вы одолжить мне для бала следующей домашней утвари: а) 1 1/2 дюжины каких-нибудь ножей и вилок. б) Чайных ложек возможно больше. в) Стаканов, блюдечек, мелких тарелок, ваксенных щеток, чугунную печку и проч.

Пригласите Алексея Афанасьевича.

Все вещи будут возвращены во всем их первобытном целомудрии.

Ваш А. Чехов.

134. В. В. БИЛИБИНУ

18 января 1886 г. Москва.

86, I, 18, Москва.

Это ужасно, Виктор Викторович! С тех пор как Вы стали служить в ведомстве почт и телеграфа, мои письма не доходят по адресу.

2-го января сего года я послал Вам громаднейшее письмо, и оказывается, что оно не дошло… Писал я его в ответ на Ваше первое письмо… Вышло оно у меня такое большое, что ни один извозчик не соглашался довезти меня с ним до почтового ящика. Писал я в нем приблизительно следующее:

1) Вашего упрека относительно "платонической любви" и "Варвары", лопни мои глаза, не понял. Чего мне не следовало бы сообщать Лейкину? Совсем загадка! Очевидно, Вам Лейкин наврал что-нибудь, как брату Агафоподу наврал про меня… Объяснитесь!

2) В "Новостях" Вам не везет по той причине, что Вы недостаточно либеральны. Надо в жилку попадать.

3) Ваше извинение относительно Бореля охотно принимаю… Чистосердечное раскаяние делает Вам честь. Я извиняю, но простит ли Вам совесть, что Вы вошли в ресторан в пальто и калошах? Благодаря Вам лакеи приняли нас за моветонов… А ведь мы литераторы!! Во-вторых, секретарю Лейкина, юристу и чиновнику, пора знать, что в ресторанах платит приглашавший, а не приглашенный… Насколько помню, приглашения удостоились Вы, а не я… Прав Лейкин, говоря, что Вы не знаете жизни… Вы бы почаще по ресторанам ходили…

В-третьих, ужином у Бореля мне хотелось задобрить Вас, как правую руку Лейкина и как будущего д«ействительного» с«татского» с«оветника». Вы не догадались - стало быть, деньги мои пропали… Знал бы, не приглашал.

4) "Буфет Екатерины II" еще не беда… А вот будет беда, если в "Осколках" будут работать орлы Екатерины, Аракчеев и проч.! Держу пари на 10 коп., что Л«ейкин» уже хвастает этим, как хвастал мне, что Точечкин и многие другие сотрудники "Оск«олков»" состоят в чинах IV и V кл«ассов».

И многое другое нашли бы Вы в моем письме. Описывал я свой костюмированный вечер, бывший у меня 1-го янв«аря» (художники устраивали), писал, как одна девица поднесла мне фотограф«ический) альбом "в память избавления моего от тифа"… Последнее писал я не ради хвастовства, о нет! (Вы и без этого догадываетесь, что я великий медик), а ради напоминания (есть такое слово?) Вам об обещанной карточке… Пока вакансии не заняты, присылайте… Альбом тифозный, но даю слово, что Вы не заразитесь, - острота, которую посылаю даром. Можете ее напечатать… Писал Вам, как в моем аквариуме умерли все мои рыбы от брошенной в воду сигары…

Писал, какие высокие чувства наполняли мою душу во все святки от систематически-методического отравления себя алкоголем…

A propos: святки стоили мне около трехсот… Ну не шальной ли? Не-ет, беда быть семейным! Впрочем, вчера, провожая домой одну барышню, сделал ей предложение… Хочу из огня да в полымя… Благословите жениться.

Наконец писал Вам я и просьбу… Чтобы моя просьба не показалась беспокойством, я предпослал ей предисловие. Книга моя, писал я, имеет быть светлым пятном в истории русской литературы и т. д. На обязанности всякого лежит содействовать и т. д. А потому благоволите, добрейший В«иктор» В«икторович», поддержать коммерцию и в скорейшем времени выслать мне №№ "Осколков", коих у меня нет. Из этих номеров надлежит вырезать рассказы, наклеить, исправить и проч. У меня есть "Оск«олки»" за все годы, но не хватает духа резать то, что переплетено…

Вот что недостает:

Год 83 № 46. Расск«аз» Клевета.

" 84 № 22. Дачница.

" " № 24. Брожение умов.

" " № 28. Экзамен на чин.

" " № 30. Русский уголь.

" " № 32. Хирургия.

" " № 34. Невидимые миру слезы.* " " № 36. Хамелеон.

" " № 38. Новинка.

Немножко мало, но, простите, других №№ не нужно. Если удобнее выслать одни только вырезки, то высылайте вырезки. За пересылку и за №№ можете истребовать гражданским порядком через судебного пристава. Лейкин взял с меня по 15 к. за № - это помните. В конце моего прошения: простите за беспокойство… Если не к Вам обратиться за помощью, то к кому же?

Рассказы уже наклеены, увязаны, упакованы и завтра пойдут в Питер посылкой. Встречи, пожалуйста, не делайте…

Поторопите Л«ейкина». Если будет печататься у Голике, то скажите Голике и проч. И его бы мне нужно было задобрить у Бореля… Эх, я не догадался! Один рассказец, не вошедший в транспорт, при сем прилагаю… Присовокупите его к общей массе… Прочтите его, если хотите: в этом рассказе я пробовал себя как medicus.

Радуюсь, что мои штуки в "Пет«ербургской» газ«ете»" нравятся Вам, но, аллах керим! своими акафистами вы все окончательно испортили мою механику. Прежде, когда я не знал, что меня читают и судят, я писал безмятежно, словно блины ел; теперь же пишу и боюсь…

Жалею, что не познакомился короче с Голике. Кланяйтесь ему.

Когда приедете в Москву? Вы вот что сделайте: женитесь и валяйте с женой ко мне в мае на дачу, недельки на две. Дам Вам и комфорт, и природу, и уезд, и стол для письма… что хотите! Купите большие сапоги… Лейкин не будет пускать Вас, но Вы наплюйте… Возьмите отпуск. Обещаю, что Вы освежитесь и великолепно поглупеете. Скучно всю жизнь быть умным… Жену предупредите, что скучно не будет: пианино и проч. 12-го была Татьяна. Того же дня я был шафером у одного доктора. 17-го я имел честь быть именинником… Наконец-то кончились мои святки! Продолжись они еще на неделю, я пошел бы по миру. Сейчас в кармане - ни гроша. Помолитесь за меня.

Не говорите пока Лейкину: меня пригласили в "Новое время". Когда начну работать там, не знаю. Пишите мне… Я в долгу не останусь. В заключение кланяюсь Вам и Вашей невесте.

Петербург хороший город. Еще приеду Ваш А. Чехонте.

Не налепил ли я в потемках к своему письму вместо 7-«ми»коп. марки 2-хкоп.? Обе они одноцветны. Это со мной случается.

Высылайте письма не заказными, а просто. * Рядом со строкой, слева - помета Чехова: наврал

135. Н. А. ЛЕЙКИНУ
19 января 1886 г. Москва.

86, I, 19.

Как ни старался, добрейший Николай Александрович, попасть Вам в жилку - послать рассказ к понедельнику, но не успел. Много всякой работы, да и не клеилось писанье. Шлю сейчас рассказ. Если успею, то завтра пошлю с курьерским мелочей.

Посылаю Вам темы. Николка опять размокропогодился и набрал заказов из "Сверчка". Клялся мне, что некогда… На одну тему он начал прелестно. Начал и, по обычаю, не кончил.

Вы говорите, что я пишу так, словно отвязаться хочу… К чему это говорить? Если мои письма не всегда удачны, то это объясняется очень просто: не умею писать писем. Всегда в письмах я или недописываю, или переписываю, или же пишу чепуху, не интересную для адресата. Такова у меня natura.

Сегодня послал Вам посылку, содержащую очень мало съедобного, сам же я на днях получил посылкой хохлацкое сало и хохлацкие колбасы… Я счастливее Вас…

Я банкрот… Денег, хоть удавите, нет… Просто хоть в альфонсы нанимайся. Когда месяц кончится, Вы поторопите Вашего казначея утолить мою жажду. Как зовут Буйлова? Буду ему счет посылать.

Сколько подписчиков у "Буд«ильника»" и "Сверчка", честное слово, не знаю, иначе написал бы. Почти нигде не бываю и ни с кем из газетчиков не видаюсь. Когда узнаю, напишу. А отчего стрелялся Петр Иваныч, никому не известно. Стрелялся, вероятно, по причинам, вытекшим "из глубины внутреннего миросозерцания".

Получил от Агафопода письмо. Трудно живется бедняге… В декабре Вы обещали мне прибавить ему…

Неужели и теперь Билибин не получил моего письма? Он много потерял, что не получил моего первого письма, которое я писал в подпитии, распираемый благонамеренными чувствами… Спьяна, должно быть, вместо 7«-ми»коп. марки наклеил 2-хкопеечную, ибо были потемки, а впотьмах все кошки серы и все марки семикопеечны… Вообще на святках акцизному ведомству посчастливилось: приходилось пить чуть ли не каждый день…

Тема для передовицы: По поводу юбилеев.

Луна, глядя на Землю, презрительно улыбается.

- Когда же, наконец, мой юбилей будут праздновать?

Если эта тема не годна, то ее можно взять для мелочишки "Юбилей Луны". Порекомендуйте И. Грэку.

Надо спать. Над моей головой идет пляс. Играет оркестр. Свадьба. В бельэтаже живет кухмистер, отдающий помещение под свадьбы и поминки. В обед поминки, ночью свадьба… Смерть и зачатие…

Кто-то, стуча ногами, как лошадь, пробежал сейчас как раз над моей головой… Должно быть, шафер. Оркестр гремит… Ну чего ради? Чему обрадовались сдуру?

Жениху «…» такая музыка должна быть приятна, мне же, немощному, она помешает спать.

Кланяюсь Прасковье Никифоровне и Феде. Собакам от моего имени дайте по лишнему кусочку. Дайте Апелю возбудительного.

За сим прощайте.

Ваш Чехов.

136. Н. А. ЛЕЙКИНУ
28 января 1886 г. Москва.

1886, I, 28.

Письмо Ваше получил, уважаемый Николай Александрович, и спешу на него ответить. Вы очень мило сделали, что написали мне, ибо я целую неделю ждал Вашего письма.

Прежде всего о книге. Тонкости, которые сообщаете мне Вы про Худекова, не казались мне толстыми до получения Вашего письма… Значение их было для меня темно иль ничтожно… Вообще я непрактичен, доверчив и тряпка, что, вероятно, Вы уже заметили… Спасибо Вам за откровенность, но… все-таки я не могу понять: к чему нужны были Худекову все его тонкости? Чем я мог заслужить их?

На все условия, которые Вы мне предлагаете в последнем письме, я согласен, признавая их вполне основательными. Все издание отдаю на Ваше усмотрение, считая себя в деле издательства импотентом. Беру на себя только выбор статей, вид обложки и те функции, какие Вы найдете нужным преподать мне по части хождения к Ступину и проч. Отдаю и себя в Ваше распоряжение. Издавайте книгу и все время знайте, что издание моей книжки я считаю большою любезностью со стороны "Осколков" и наградою за труды вроде как бы Станислава 3-й степени.

Сегодня посылаю остальные оригиналы. Если материалу не хватит, то поспешите уведомить: еще вышлю. Если останется лишний материал, то тоже уведомьте: я напишу Вам, какие рассказы выкинуть. Обложку для книги я беру на себя по той причине, что московский виньетист, мой приятель и пациент Шехтель, который теперь в Питере, хочет подарить меня виньеткой. Шехтель будет у Вас в редакции. Надежду Вашу на то, что книга скоро окупится, разделяю и я. Почему? Сам не знаю. Предчувствие какое-то… Почему Вы не хотите печатать 2500 экз«емпляров»? Если книга окупится, то 500 лишних экз«емпляров» не помешают… Мы их "измором" продадим…

А какое название мы дадим книге? Я перебрал всю ботанику, зоологию, все стихии и страсти, но ничего подходящего не нашел. Придумал только два названия: "Рассказы А. Чехонте" и "Мелочь".

Буду писать И. Грэку. Пусть он выдумает.

Насчет цены книги и проч. меня не спрашивайте. Я, повторяю, на все согласен… Впрочем, нельзя ли будет прислать мне последнюю корректуру?

За сим кланяюсь и говорю спасибо. Поклонитесь Прасковье Никифоровне и Феде.

В заключение дерзость. Если б можно было выстрелить в Вас на расстоянии 600 верст, то, честное слово, я сделал бы это, увидав в предыдущем № грецкие орехи, которые Вы поднесли редакторше "Буд«ильника»". Ну за что Вы обидели бедную бабу? Не знаю, какой эффект произвели в "Буд«ильнике»" Ваши орехи… Вероятно, бранят меня, ибо как я могу доказать, что про орехи не я писал? Нет, честное слово, нехорошо… Вы меня ужасно озлили этими орехами. Если орехи будут иметь последствия, то, ей-богу, я напишу Вам ругательное письмо.

А. Левитана я лечил на днях. У него маленький психоз, чем я отчасти и объясняю его размолвку с "Осколками".

Прощайте.

Ваш А. Чехов.

137. М. М. ДЮКОВСКОМУ
Январь, после 10 - февраль 1886 г. Москва.

Милостивый государь!

Контора "А. П. Чехов и К°" имеет честь препроводить при сем следуемые Вам 27 руб. по расчету: р. к.

Взято в кредит….25 -
Переплет книг…1 -
На извозчика г. Азанчевск«ому» 1 -
Итого:…27 р.
С почтением:
Ответственный бухгалтер
А. Чехов.
138. В. В. БИЛИБИНУ

1 февраля 1886 г. Москва.

86, II, 1.

Добрейший из юмористов и помощников присяжн«ого» пов«еренного», бескорыстнейший из секретарей* Виктор Викторович! Пять раз начинал писать Вам и пять раз отрывали меня от письма. Наконец пригвоздил себя к стулу и пишу. «…»** разобидевший меня и Вас, с Вашего позволения объявляю законченным, хотя в Москве он еще не начинался. Писал о сем Лейкину и получил разъяснение… Сейчас только что вернулся от известного поэта Пальмина. Когда я прочел ему из Ваших писем относящиеся к нему строки, он сказал:

- Я уважаю этого человека. Он очень талантлив!

За сим Его Вдохновение подняли вверх самый длинный из своих пальцев и изволили прибавить (конечно, глубокомысленно):

- Но "Осколки" развратят его!! Не хотите ли настойки?

Говорили мы долго и о многом. Пальмин - это тип поэта, если Вы допускаете существование такого типа… Личность поэтическая, вечно восторженная, набитая по горло темами и идеями… Беседа с ним не утомляет. Правда, беседуя с ним, приходится пить много, но зато можете быть уверены, что за все 3-4 часа беседы Вы не услышите ни одного слова лжи, ни одной пошлой фразы, а это стоит трезвости…

Между прочим, выдумывал я с ним название для моей книжки. Долго мы ломали мозги, но кроме "Кошки и караси" да "Цветы и собаки" ничего не придумали. Я хотел было остановиться на заглавии "Покупайте книгу, а то по морде!" или "Пожалуйте, что покупаете?", но поэт, подумав, нашел это избитым и шаблонным… Не придумаете ли Вы название? Что касается меня, то, по моему мнению, все эти названия, имеющие (грамматически) собирательный смысл, очень трактирны… Я бы предпочел то, что хочет и Лейкин, а именно: "А. Чехонте. Рассказы и очерки" - больше ничего… хотя такие заглавия к лицу только известностям, но не таким - бесконечным,*** как я… Годилось бы и "Пестрые рассказы"… Вот Вам два названия… Выберите из них одно и сообщите Лейкину. Полагаюсь на Ваш вкус, хотя и знаю, что, затрудняя Ваш вкус, я затрудняю и Вас… Но Вы не сердитесь… Когда бог даст у Вас будет пожар, я пришлю Вам свою кишку.

За Ваши хлопоты по вырезке и высылке мне оригинала большое спасибо. Чтобы не быть у Вас в долгу (денежно), шлю Вам за пересылку марку 35-копеечного достоинства, к«ото»рую Вы когда-то прислали мне с гонораром и к«ото»рую я никак не мог сбыть с рук. Мучайтесь теперь Вы с ней.

Теперь о невесте и Гименее… С Вашего позволения откладываю эти две штуки до следующего раза, когда буду свободен от вдохновения, сообщенного мне беседой с Пальминым. Боюсь сказать лишнее, т. е. чепуху. Когда я говорю о женщинах, к«ото»рые мне нравятся, то обыкновенно затягиваю свою беседу до nec plus ultra****, до геркулесовых столбов - черта, оставшаяся у меня еще со времен гимназии… Невесту Вашу поблагодарите за память и внимание и скажите ей, что женитьба моя, вероятно, - увы и ах! Цензура не пропускает… Моя она -еврейка. Хватит мужества у богатой жидовочки принять православие с его последствиями - ладно, не хватит - и не нужно… И к тому же мы уже поссорились… Завтра помиримся, но через неделю опять поссоримся… С досады, что ей мешает религия, она ломает у меня на столе карандаши и фотографии - это характерно… Злючка страшная… Что я с ней разведусь через 1-2 года после свадьбы, это несомненно… Но… finis*****.

Ваше злорадство по поводу запрещенной цензурою "Атаки на мужей" делает Вам честь. Жму Вам руку. Но тем не менее получить вместо 55 р. - 65 было бы гораздо приятнее… В отместку цензуре и всем злорадствующим моему горю я с приятелями придумал "Общество наставления рогов". Устав уже послан на утверждение. Председателем избран я большинством 14 против 3.

В 1 № "Колосьев" есть статья "Юмористические журналы". В чем дело? Кстати… Как-то, беседуя с Вами и с Вашей невестой о молодых писателях, я назвал Вам Короленко. Помните? Если хотите познакомиться с ним, то возьмите "Северный вестник" и прочтите в IV или V книге статью "Бродяги". Рекомендую.

Кланяйтесь Роману Романычу. На днях у него был мой посол, московская знаменитость, художник Шехтель, сказавший ему более, чем могло бы сказать самое длинное письмо.

Нужно писать, а тем нет и нет… О чем писать?

Однако пора спать. Кланяюсь и жму руку. Езжу каждый день за город на практику. Что за овраги, что за виды!

Ваш А. Чехов.

Что же Вы молчите насчет дачи? Жалуетесь на плохое здоровье, а о лете не думаете… Нет, надо быть очень сухим, жилистым и неподвижным крокодилом, чтобы просидеть лето в городе! Из-за 2-3 хорошо, безмятежно проведенных месяцев, право, можно наплевать и на службу и на что хотите…

Пятьдесят пять рублей семьдесят две копейки получил сполна, что подписом и приложением печати удостоверяю.

Вольнопрактик«ующий» Врач А. Чехов.

* Мысль: секретари консисторий наверное не завидуют секретарям редакций. (Прим. А. П. Чехова) ** Здесь в автографе кем-то зачеркнуто несколько слов, не поддающихся прочтению. (Прим. ред.) *** Здесь в оригинале стоит знак бесконечности. (Прим. ред.) **** крайней степени (лат.)

***** конец (лат.)
139. Н. А. ЛЕЙКИНУ
3 февраля 1886 г. Москва.

86, I, 3.

Добрейший

Николай Александрович!

Получил я и гонорар и Ваше письмо. Первый пришел как раз вовремя, а на второе отвечаю:

1) На книге я буду не А. Чехов, а А. Чехонте.

2) Как титуловать? Я выдумывал название для своей книги купно с Пальминым и ничего не придумал. Остановился я на:

"Пестрые рассказы"

А. Чехонте.

Очерки, рассказы, наброски и проч.

Если это заглавие не годится, то пусть идет Ваше, т. е. "А. Чехонте. Рассказы и очерки". Выбрав одно из двух купно с И. Грэком, которому я послал прошение, поторопитесь уведомить, дабы не задержать виньетиста.

3) С мыслью о последней корректуре расстаюсь.

4) Если бы от меня зависел выбор шрифта, то я остановился бы на том, которым печатались Ваши "Цветы лазоревые".

Шлю рассказ… В нем тронуты студиозы, но нелиберального ничего нет. Да и пора бросить церемониться…

Кстати: как конкурс на любовное письмо? Есть ли что-нибудь? Было б напечатать вызов в 2-х номерах. В Москве погода великолепная. Кататься можно.

Спешу к курьерскому поезду, а посему не гневайтесь на краткость письма.

Кланяюсь Вашему дому с чадами, домочадцами, кончая Апелем и Рогулькой.

За поклон моя семья благодарит, и тем же концом и Вас по боку.

Ваш А. Чехов.

140. Ал. П. ЧЕХОВУ 3 февраля 1886 г. Москва.

86, II, 3.
Филинюга, маленькая польза, взяточник, шантажист и все, что только пакостного может придумать ум мой!

Нюхаю табаку, дабы чихнуть тебе на голову 3 раза, и отвечаю на все твои письма, которые я "читал и упрекал в нерадении".

1) Хромому черту не верь. Если бес именуется в св. писании отцом лжи, то нашего редахтура можно наименовать по крайней мере дядей ее. Дело в том, что в присланном тобою лейкинском письме нет ни слова правды. Не он потащил меня в Питер; ездил я по доброй воле, вопреки желанию Лейкина, для которого присутствие мое в Питере во многих отношениях невыгодно. Далее, прибавку обещал он тебе с 1-го января (а не с 1-го марта) при свидетелях. Обещал мне, и я на днях напомнил ему об этом обещании. Далее, псевдонимами он дорожит, хотя, где дело касается прибавок, и делает вид, что ему плевать на них. Вообще лгун, лгун и лгун. Наплюй на него и продолжай писать, памятуя, что пишешь не для хромых, а для прямых.

2) Не понимаю, почему ты советуешь беречься Билибина? Это душа человек, и я удивляюсь, как это он, при всей своей меланхолии и наклонности к воплям души, не сошелся с тобой в Питере. Мое знакомство с ним и письма, которые я от него теперь получаю, едва ли обманывают меня… Не обманулся ли ты? Рассказ твой "С иголочки" переделывал при мне Лейкин, а не Билибин, к«ото»рый отродясь не касался твоих рассказов и всегда возмущался, когда видел их опачканными прикосновением болвана. Голике тоже великолепнейший парень… Если ты был знаком с ним, то неужели же ни разу не пьянствовал с ним? Это удивительно… Кстати, делаю выписку из письма Билибина: "Просил у Лейкина прибавку в 10 рублей в месяц, но получил отказ. Стоило срамиться!" Значит, не ты один браниться… Счастье этому Лейкину! По счастливой игре случая все его сотрудники в силу своей воспитанности - тряпки, кислятины, говорящие о гонораре, как о чем-то щекотливом, в то время как сам Л«ейкин» хватает зубами за икры!

3) Худекова еще не видел, но увижу и поговорю о твоем сотрудничестве в "Пет«ербургской» газ«ете»".

4) В "Буд«ильник»" сдано. О высылке журнала говорил.

5) За наречение сына твоего Антонием посылаю тебе презрительную улыбку. Какая смелость! Ты бы еще назвал его Шекспиром! Ведь на этом свете есть только два Антона: я и Рубинштейн. Других я не признаю… Кстати: что если со временем твой Антон Чехов, учинив буйство в трактире, будет пропечатан в газетах? Не пострадает ли от этого мое реноме?.. Впрочем, умиляюсь, архиерейски благословляю моего крестника и дарю ему серебряный рубль, который даю спрятать Маше впредь до его совершеннолетия. Обещаю ему также протекцию (в потолке и в высшем круге), книгу моих сочинений и бесплатное лечение. В случае богатства, может рассчитывать и на плату за учение в учебном заведении… Объясни ему, какого я звания…

6) Твое поздравительное письмо чертовски, анафемски, идольски художественно. Пойми, что если бы ты писал так рассказы, как пишешь письма, то ты давно бы уже был великим, большущим человеком.

Мой адрес: Якиманка, д. Клименкова. Я еще не женился. У меня теперь отдельный кабинет, а в кабинете камин, около которого часто сидят Маша и ее Эфрос - Реве-хаве, Нелли и баронесса, девицы Яновы и проч.

У нас полон дом консерваторов - музыцирующих, козлогласующих и ухаживающих за Марьей. Прилагаю при сем письмо поэта, одного из симпатичнейших людей… Он тебя любит до безобразия и готов за тебя глаза выцарапать. Николай по-прежнему брендит, фунит и за неимением другой работы оттаптывает штаны…

Не будь штанами! Пиши и верь моей преданности. Привет дому и чадам твоим. Спроси: отчего я до сих пор не банкрот? Завтра несу в лавочку 105 р. - это в

один м«еся»ц набрали. Прощай… Уверяю тебя, что мы увидимся раньше, чем ты ожидаешь. Я, я ко тать в нощи… Нашивай лубок!

Твой А. Чехов.

141. Р. Р. ГОЛИКЕ
5 февраля 1886 г. Москва.

Москва, 1886 г. Февраль 5.

Уважаемый Роман Романович, Франц Осипович Шехтель, у которого я сейчас сижу, сердится. Он требует у меня размера моей будущей книги, утверждая, что, не зная размера, нельзя делать виньетку. Ранее говорил он мне, что Вы обещали выслать по моему адресу лист бумаги, на которой будет печататься моя книга… Мой адрес: Якиманка, д. Клименкова. За Ваше обещание печатать книгу на отличной бумаге пофранцузистей большое спасибо. Поклон Ивану Грэку - Билибину и Н. А. Лейкину.

Уважающий Антон Чехов.

142. Ф. О. ШЕХТЕЛЮ

8 или 9 февраля 1886 г. Москва.

Vive le roi!*

От Голике получена бумага купно с письмом, которое прилагаю и прошу сохранить для потомства.

Заглавие книги "Пестрые рассказы. А. Чехонте". Ни больше, ни меньше.

Ах, мне кажется, Николая будет трудно вытащить для виньетки!

Лейкин просит, чтобы на виньетке было написано: "Издание редакции журнала "Осколки", каковая просьба должна быть уважена. Сегодня у нас был Тышко. Хорош поп у Софийского полка! Впрочем, недурно и консоме…

Ваш А. Чехов.

Очень просто!

Во вторник у нас будет Бегичев с Киселевыми. Приезжайте. Скажите об этом Николаю, если увидите его. * Да здравствует король! (франц.)

143. В. В. БИЛИБИНУ
14 февраля 1886 г. Москва.

14 (26) февраля 86 г.

Sire! Умоляю Вас, реставрируйте Ваш ужаснейший почерк! Верьте, он даже хуже моего… Ваши к и з до того богопротивны, что их повесить мало. Удивляюсь правительству: как Вас с таким почерком терпят в департаменте!

Ваше последнее письмо так мило, что заслуживает быть написанным гораздо лучшим почерком.

Я жив и здоров, что Пальмин объясняет тем, что я себя не лечу. Работы очень много. Некогда даже обедать… Сейчас только что кончил сцену-монолог "О вреде табака", к«ото»рый предназначался в тайнике души моей для комика Градова-Соколова. Имея в своем распоряжении только 2 1/2 часа, я испортил этот монолог и… послал его не к черту, а в "Пет«ербургскую» газ«ету»". Намерения были благие, а исполнение вышло плохиссимое…

Не слыхали ли Вы чего-нибудь о моей книге?

Вы советовали нарещи ее во св. крещении не псевдонимом, а фамилией… Зачем Вы уклонились от мотивировки Вашего совета?.. Вероятно, Вы правы, но я, подумав,

предпочел псевдоним и не без основания… Фамилию и свой фамильный герб я отдал медицине, с которой не расстанусь до гробовой доски. С литературой же мне рано или поздно придется расстаться. Во-вторых, медицина, к«ото»рая мнит себя быти серьезной, и игра в литературу должны иметь различные клички…

Впрочем, Суворин телеграммой просил позволения подписать под рассказом фамилию. Я милостиво позволил, и таким образом мои рассуждения de facto пошли к черту.

Не понимаю Вас: почему это для публики Ан. Чехов приятнее, чем А. Чехонте? Не все ли ей равно?

Публике, о к«ото»рой Вы пишете, что она нетерпеливо ждет появления в "Новом вр«емени»" моих рассказов, скажите, что я уже послал туда один рассказ на тему "Старая дева".

Григоровичем польщен. Это единственный человек, который оценил меня!! Скажите всем знаменитым писателям, в том числе, конечно, и Лейкину, чтобы они брали с него пример.

Пальмин записал Ваш адрес, чтобы выслать Вам свою карточку и медвежью шубу. Стихи на смерть Аксакова действительно хороши, но жаль, что у нашего поэта тратится слишком много точек… Все его стихи состоят из каких-то обрывков, из незаконченных мелодий…

Впрочем, подальше критику…

Едете в Финляндию! Когда из Вашего медового месяца получится в Ф«инляндии» мороженое, то помяните тогда мое приглашение и ругните себя за свое малодушие… Сколько Вам будет стоить поездка в эту дикую Ф«инлянди»ю? Рублей 100? А за эти деньги отлично можно съездить на юг или, по крайней мере, ко мне в Московию…

Надо мной сейчас играет свадебная музыка… Какие-то ослы женятся и стучат ногами, как лошади… Не дадут мне спать…

О моей женитьбе пока еще ничего неизвестно… Получил от Голике письмо. Поклонитесь ему. Кланяйтесь Вашей невесте. Пригласите меня в шафера.

Были ли Вы когда-нибудь шафером? Я был… Под каким псевдонимом Вы пишете в "Новостях"? Скажите Альбову и Баранцевичу, что вдвоем они могли бы написать что-нибудь более лучшее и менее плохое…

Давайте вместе напишем водевиль в 2-х действиях!.. Придумайте 1-е действие, а я 2-е… Гонорар пополам.., Пишите, заклинаю Вас прахом Цезаря…

Ci devant* (1) А. Чехов. * На днях я познакомился с очень эффектной француженкой, дочерью бедных, но благородных буржуа… Зовут ее не совсем прилично: M-lle Sirout… (1) бывший (франц.)

144. Н. А. ЛЕЙКИНУ
16 февраля 1886 г. Москва.

86, II, 16.

Уважаемый

Николай Александрович!

Письмо, корректуру и лист моей книги получил и шлю спасибо за хлопоты. Помарки в "Анюте" действительно неважны. Благодарю, что выручили этот мой рассказ, - все-таки ведь движимое имущество!

Шрифт книги мне нравится. Размер тоже. Вероятно, последней корректуры еще не было, так как ошибок много… Между прочим, есть ошибка, которую едва ли корректорша исправит без моей помощи, ибо она не бросается в глаза. Шлю корректорше записочку, которую потрудитесь передать ей. Шехтель обещал быть сегодня у меня ради виньетки, но не был. Сам же я съездить к нему не могу, так как сижу босой: на подъеме правой ноги у меня нарыв, к«ото»рый пришлось

вскрывать. Вонища иодоформом на весь кабинет.

На заглавии книги мы, кажется, уже остановились с Вами. Я не думал, что это еще не решенное дело, а потому и не спешил писать Вам. Мы согласились с Вами назвать книгу так: "А. Чехонте. Пестрые рассказы". Песий бюст мною еще не получен. Я писал Гиляровскому, чтобы тот привез, но ответа не получил. Съездить к нему не могу по вышеписанной причине… Хожу в башмаках, но не дальше ватерклозета. У меня уже есть на столе одна собака - сеттер… Случу ее с Апелем.

От Агафопода ни слуху ни духу… Я начинаю беспокоиться… Он не отвечает даже на нужные письма… Уж не заболел ли?

Письмо это пойдет завтра с почтовым. Рассказ же, который уже наполовину написан, пошлю с курьерским… Сейчас кончить не в состоянии, потому что ослабел и хочу лечь в постель… Да и к тону же 2-й час ночи… Мозг не хочет работать, а утром и вчера вечером мне мешали…

Прочтите в субботнем (15-го февр«аля») № "Русских вед«омостей»" сказку Щедрина. Прелестная штучка. Получите удовольствие и руками разведете от удивления: по смелости эта сказка совсем анахронизм!

Если не найдете у себя этого №, то напишите, я вышлю… Был я 2 раза у Пальмина. Живет он в таком месте, где летом бывает невылазная, бердичевская грязь и растет на тротуаре трава… Не будь он поэтом, он был бы комиком.

Скажите Билибину, что я послал ему письмо… Ваш секретарь неиссякаем… Откуда у него берется столько тем и игривости? Это единственный творец мелочей, который не исписывается. Все же остальные в сравнении с ним - кобчики… Из него выработался прекрасный фельетонист…

Весной или в начале лета мечтаю побывать в Петербурге. Погода у нас морозная, но великолепная. Днем солнце, ночью луна… Не рассказы бы писать, а в любви объясняться…

Кланяюсь Вашим… Ваш диван гораздо мягче моего матраца, да и не холодно у Вас так, как у меня… Бррр!..

Ваш А. Чехов.

Практика наклевывается помаленьку.

145. М. М. ДЮКОВСКОМУ
17 февраля 1886 г. Москва.

86 г. февр. 17(29) дня.

Любезнейший

Михаил Михайлович!

Пишу Вам, чтобы у Вас было одним автографом великого писателя больше… Через 10-20 лет это письмо Вы можете продать за 500-1000 руб. Завидую Вам.

Ну-с, а теперь просьба. Нет ли в "Новом времени" чего-нибудь подозрительного в смысле моих рассказов? Не видали ли Вы? Если видали, то дайте Ольге № или же напишите на бумажке № этого номера… Чертовски я богат теперь! Помилуйте, у Суворина работаю!

Но тем не менее, если у Вас, г. банкир, в Вашей толстой кассе есть сейчас свободные 25 рублей, то, по примеру прошлых месяцев, дайте мне их на неопределенный, но короткий срок, ибо у меня сейчас нет ничего, кроме вдохновения и писательской славы, а без дров между тем холодно.

Ваш соотечественник А. Чехов.

146. М. М. ДЮКОВСКОМУ

Около 20 февраля 1886 г. Москва.

Мерси Вас. Если не хватит, то своевременно уведомлю, а пока и этого достаточно. Суворин назначил мне по 12 коп. за строчку.

Пишу ему еще…

А. Чехов.

147. Р. Р. ГОЛИКЕ
20 февраля 1886 г. Москва.

Москва, 1886 г. Февраль 20.

Многоуважаемый Роман Романович, большое спасибо Вам за Ваше любезное письмо, которое я получил с образцом бумаги. Ф. О. Шехтель, который сейчас сидит у меня, уверяет меня, что виньетки не будет. Это жаль… А все из-за того, что я не соглашаюсь быть завтра у него на блинах. Если уверение его не пустая угроза, то ведь книжка будет печататься без виньетки.

Ваш Антон Чехов.

Впрочем, ура!.. Ф«ранц» О«сипович» сжалился и показал виньетку. Виньетка восторг. Запьешь, на нее глядючи, как говорит один знакомый художник.

148. Н. А. ЛЕИКИНУ

20 февраля 1886 г. Москва.

86, II, 20.

Получил Ваше письмо, добрейший Николай Александрович, и браню себя, что не тотчас ответил Вам на предыдущее письмо… Дело в том, что если лист (I) уже отпечатан, то в нем остались все те многочисленные ошибки, которые я нашел в нем…

А ошибок много…

Я Вас надул, но Вы простите… Так я утомлен, очумел и обалдел в последние недели две, что голова кругом ходит… В квартире у меня вечная толкотня, гам, музыка… В кабинете холодно… пациенты… и т. д. Недописанный рассказ будет дописан и своевременно прислан…

Виньетка для книги готова и отдана в цинкографию. Вышла она так хороша, что я ахнул и умилился… Пойдет она в 2 краски, чего ради Вы получите 2 клише. По мнению творца виньетки, бумага для обложки должна быть потолще, холодного и желтоватого или сероватого тона. Надпись, что книга издана "Осколками", исполнена.

Не пишите мне про "Сверчка"… Я дал Вам слово, что в декабре и в январе в Москве я не буду подписываться А. Чехонте… Памятуя об этом, я давал просящему Вернеру рассказ и, кроме гонорара, взял с него подчеркнутое честное слово, что он не выставит моего псевдонима… Но он не нашел нужным сдержать это слово…

Вообще грустно. Я с наслаждением уехал бы теперь куда-нибудь вроде кругосветного плавания… Кстати же и кашляю.

Суворин назначил мне 12 коп. со строки. Но от этого мои доходы нисколько не увеличатся. Больше того писать, что я теперь пишу, у меня не хватит ни времени, ни толкастики, ни энергии, хоть Вы зарежьте меня.

От Трефолева письма не было… Само собою разумеется, что, пока не получу от него приглашения, сам не полезу к нему. Дать же что-нибудь, ввиду доброго дела, я не прочь и даже был бы польщен…

Гиляровский обещает завтра приехать ко мне.

Ну что, как Федины недуги? Все ли еще Вас терзают сомнения?

Кланяюсь Прасковье Никифоровне, а Вам жму руку.

Ваш А. Чехов.

Пора бы уже начаться весне. У меня такие бессонницы - черт их знает, откуда они взялись, - что купанье и чистый воздух являются настоятельной потребностью.

Билибину написал я о книге так, a propos*…

Нам на нашей даче купили новой мебели - семейная новость. * между прочим (франц.)

149. А. С. СУВОРИНУ
21 февраля 1886 г. Москва.

86, II, 21.

Милостивый государь

Алексей Сергеевич!

Письмо Ваше я получил. Благодарю Вас за лестный отзыв о моих работах и за скорое напечатание рассказа.

Как освежающе и даже вдохновляюще подействовало на мое авторство любезное внимание такого опытного и талантливого человека, как Вы, можете судить сами…

Ваше мнение о выброшенном конце моего рассказа я разделяю и благодарю за полезное указание. Работаю я уже шесть лет, но Вы первый, который не затруднились указанием и мотивировкой.

Псевдоним А. Чехонте, вероятно, и странен, и изыскан. Но придуман он еще на заре туманной юности, я привык к нему, а потому и не замечаю его странности…

Пишу я сравнительно немного: не более 2-3 мелких рассказов в неделю. Время для работы в "Нов«ом» времени" найдется, но тем не менее я радуюсь, что условием моего сотрудничества Вы не поставили срочность работы. Где срочность, там спешка и ощущение тяжести на шее, а то и другое мешает работать… Лично для меня срочности неудобна уже и потому, что я врач и занимаюсь медициной… Не могу я ручаться за то, что завтра меня не оторвут на целый день от стола… Тут риск не написать к сроку и опоздать постоянный…

Назначенного Вами гонорара для меня пока вполне достаточно. Если еще сделаете распоряжение о высылке мне газеты, которую мне приходится редко видеть, то буду Вам очень благодарен.

На этот раз шлю рассказ, который ровно вдвое больше предыдущего, и… боюсь, вдвое хуже…

С почтением имею честь быть

А. Чехов.

Якиманка, д. Клименкова.

150. Н. А. ЛЕЙКИНУ
25 февраля 1886 г. Москва.

86, II, 25.

Пса смердяща получил, уважаемый Николай Александрович, и уже имел случай показывать на нем двум певцам восторг и изумление обывателя, когда оные певцы поют… Если приподнять голову собаки на 1/3, то на морде получается именно это

обывательское выражение…

Гиляй болен. Что-то у него начинается. Т° высока, но в чем дело, пока неизвестно.

За собаку шлю Вам несколько подписей. Если можно, велите тиснуть мне еще 2-й и 3-й лист книги и вышлите бандеролью. Виньетка в цинкографии. Кланяюсь Вашим и Билибину.

Ваш А. Чехов.

151. В. В. БИЛИБИНУ

28 февраля 1886 г. Москва.

Москва, 86, II, 28.

Добрейший

Виктор Викторович!

Я только что поужинал, чего и Вам желаю.

Лейкин, когда пишет мне письмо, то считает нужным выставить на заголовке не только год и число, но даже час ночи, в который он, жертвуя сном, пишет ленивым сотрудникам. Буду подражать ему: сейчас 2 часа ночи… Цените!

Давно уж собирался ответить на Ваше милое письмо, но простите: занят по горло! Со мной черт знает что делается… Работы не бог весть сколько, а копаюсь я в ней, как жук в навозе, с антрактами и хождениями из угла в угол… Близость весны сказывается! А летом и весной я обыкновенно бываю ленив…

Пишу и лечу. В Москве свирепствует сыпной тиф. Я этого тифа особенно боюсь. Мне кажется, что, раз заболев этой дрянью, я не уцелею, а предлоги для зараженья на каждом шагу… Зачем я не адвокат, а лекарь? Сегодня вечером ходил к девочке, заболевшей крупом, а ежедневно бываю у жидочка-гимназиста, которого лечу от болезни Наны - оспы.

Я опять о псевдониме и фамилии… Вы напрасно публику припутываете… Откуда публике знать, что Чехонте псевдоним? И не все ли ей равно?

Сегодня послал Суворину поздравительную телеграмму. Что бы там ни говорили, а он хороший, честный человек: он назначил мне по 12 коп. со строки… Сколько Вам платил Нотович? Честный он или нет? Жаль, что с "Новостями" у Вас расклеилось. Лишние 50-100 руб. Вам, как будущему отцу семейства, пригодились бы, да и талант бы Ваш имел, выражаясь языком учителей физики, гораздо более "лошадиных сил", чем он имеет теперь… Я не лгун и не комплиментщик, а потому говорю прямо, как понимаю: Вы талантливый и образованный фельетонист; если я среди беллетристов 37-й, то Вы среди русских фельетонистов - второй. Когда подохнет Буква, Вы будете первый… Если Вам угодно верить моему чутью и пониманию вещей, то спешите пригвоздиться к какой-нибудь газетине… Отчего Вам не работать в "Новом времени"?

На московские газеты пока плохая надежда. У нас есть единственная приличная и платящая газета - это "Русские ведомости", но газета, битком набитая, сухая, стерегущая свой несуществующий тон и признающая в людях прежде всего фирму и вывеску… И к тому же в этой газете нет подходящего для Вас отдела… Можно еще работать в "Будильнике", но эта инфузория платит мало…

Отчего Вы не попробуете что-нибудь по части беллетристики?

Был у меня 3-го дня Пальмин… Поговорил о высоких материях, выпил и ушел. Водку закусывал варениками с капустой.

Письма от Трефолева не получал. Без письма же ничего не пошлю. Воображаю, что за дикий сборник выйдет! Сдается мне, что он не выйдет… В Париже такие сборники мыслимы… Там есть и фотографии, и цинкографии, а у нас что есть?

За темы merci… Ах, как я нуждаюсь в темах! Весь исписался и чувствую себя на бобах… Пройдет 5-6 лет, и я не в состоянии буду написать одного рассказа в год…

Крупное напишу, но с условием, что Вы найдете этому крупному место среди избранных толстой журналистики… Надо полагать, после дебюта в "Нов«ом» времени" меня едва ли пустят теперь во что-нибудь толстое… Как Вы думаете? Или я ошибаюсь?

Вы просите написать откровенно, насколько необходим Лейкин для "Осколков" и будут ли подписчики в случае и т. д. Должно быть, вы, петербуржцы, считаете меня очень откровенным человеком! Вы просите написать откровенно о Лейкине, Лейкин на днях в P. S. просил, чтобы я откровенно изложил свое мнение об его рассказах, Суворин пишет, чтоб я откровенно сообщил ему, доволен ли я гонораром, и т. д. Этак вы все струны души моей истреплете! Если хотите откровенности, то: провинция об авторстве Лейкина никакого мнения; она перестала уже читать его, но он продолжает еще быть популярным. Как фирма для "Осколков" он необходим, ибо известный редактор лучше, чем неизвестный. Человечество ничего не потеряет, если он перестанет писать в "О«сколк»ах" (хотя его рассказы едва ли можно заменить чем-нибудь более лучшим за отсутствием пишущих людей), но "О«скол»ки" потеряют, если он бросит редакторство… Помимо популярности, где Вы найдете другого такого педанта, ярого письмописца, бегуна в цензурный комитет и проч.? Есть у него одна еще очень большая редакторская добродетель - он ровен и прямолинеен… Впрочем, все это скучно… Давайте говорить о браке.

Я еще не женат. С невестой разошелся окончательно. То есть она со мной разошлась. Но я револьвера еще не купил и дневника не пишу. Все на свете превратно, коловратно, приблизительно и относительно.

Что слышно о моей книге? Предатель Вы этакий! Лейкин ужасно обиделся, что с вопросом о книге я обратился к Вам, а не к нему. Он очень ревнив… Не пробовали ли Вы его щекотать?

Пишет он, что приглашен сегодня на юбилейный вечер к Суворину. Не слыхали ли Вы чего-нибудь про этот вечер? Напишите…

Как Ваше здоровье? Чем лечитесь? Мне думается, что Вам не мешало бы попринимать мышьяку… Я могу прислать рецепт бесплатно… О мышьяке я серьезно. Единственная вещь, помогающая несмотря ни на какие условия жизни… Пробовали ли Вы также бромистые препараты?

Напишите мне о Ваших болезнях… Скажу Вам по секрету, что я не такой плохой врач, как Вы думаете…

Однако прощайте… Пойду спать… Кланяйтесь Вашей невесте, Голике и Лейкину.

Ваш А. Чехов.

Да, Суворин великий человек… 12 копеек! И Вы не завидуете?

Какой я, однако, сквалыга и грошовик! Раз 20 о деньгах упомянул…

152. М. М. ДЮКОВСКОМУ
Февраль 1886 г. Москва.

Ваше Благородие!

Если хотите, чтоб блондинка была Вашей (30000!!!), то дайте мне взаймы под проценты на кратчайший срок 5-10 руб. Дожился до того, что в карманах нет даже тени денег. Что я честный человек и не спускаю с лестницы своих кредиторов, Вам известно.

Ваш А. Чехов.

P. S. Альбом, который Вы мне обещали, можете взять себе в счет долга. Расходы - ужас!! Было сегодня утром 3 целкаша, мечтал прожить на них minimum 2 суток, а сейчас, кроме золотой турецкой лиры, - ни черта! На обороте: г. Министру Мещанского Просвещения

М. М. Дюковскому

153. М. М. ДЮКОВСКОМУ

Февраль 1886 г. Москва. Рукой Н. П. Чехова:

Уважаемый М«ихаил» М«ихайлович».

Будьте любезны, пришлите, бога ради, подрамник: крайне необходим.

Вост«очные» №ра, 59. Если меня нет, то передать Семену (3-й этаж).

КРОВЬ ЗА КРОВЬ

(Трагедия)

Продолжение

Явление X

Те же и дон Антонио.

Дон Антонио. Приветствую вас, дон дюк-Мишель (кланяется.)

Дон Мишель (с высоты своего величия). Что вам угодно?

Дон Антонио (опускает это письмо в почтовый ящик). Будьте здоровы-с!

(Продолжения не будет.)

154. Л. Н. ТРЕФОЛЕВУ
1 марта 1886 г. Москва.

86, III, 1.

Уважаемый

Леонид Николаевич!*

Не пишу "милостивый государь", потому что после Вашего милого письма считаю наше знакомство установившимся. Когда два поезда встречаются, то обыкновенно обмениваются свистками. Вы свистнули, теперь же позвольте мне свистнуть… Пред Вами А. Чехонте, Человек без селезенки, Рувер и проч., числящийся в длинной шеренге почитателей Вашего таланта. Насколько я почитаю Вашу музу, видно из того, что у меня есть любимые вещи из Ваших творений и что обещание Ваше прислать мне сборничек стихов Л. Н. Трефолева подействовало на меня, как рюмка водки после десятичасовой поездки на перекладных по 35-градусному морозу.

Что касается предмета нашей переписки, то я весь к Вашим услугам. Постараюсь поспешить, написать и прислать. О сборнике впервые я узнал от Лейкина и моего хорошего приятеля Л. И. Пальмина. Насколько я мог их понять и насколько помню виденные мною мельком заграничные сборники, от нас требуется краткость и, ввиду исключительности сборника, особая выразительность. Понимая таким образом, я назначил себе меру: не более 50 строк… Если я не так понял, то поспешите пояснить…

В письме к Пальмину Вы выражаете боязнь, что сборник будет односторонен, если участники будут писать только о детях и бедных… Боязнь основательная, но смотрите, чтобы из боязни односторонности Вам не впасть в другую крайность, чтобы не лишить сборника характера и физиономии…

Относительно знаменитостей, пообещавших Вам прислать кельк-шоз**, могу словами известного текста сказать: "Не надейтеся на князи, сыны человеческие", а потому торопите их, не давая им ни отдыха, ни срока.

Еще одно… Не дождетесь Вы рокового числа 50, пока не станете рекламировать… Пустите рекламу, о сборнике заговорят, и к Вам посыпятся статьи, словно с неба. Торопиться нельзя, а нужно ждать, когда из присланного можно будет делать выбор…

Не могу ли я помочь Вам чем-нибудь помимо автографа? Сборник издается в Москве, я издан и продаюсь в розницу тоже в Москве… Исполнить мне какое-либо поручение будет нетрудно… Не нужно ли Вам для сборника художников по части виньетки, рисунков и проч.? Вся московская живописующая и рафаэльствующая юность мне приятельски знакома… Через юность нетрудно добраться к заходящим светилам…

Ваше обещание зайти ко мне, когда будете в Москве, принимаю близко к сердцу. Не забудьте Вы его… В первой половине мая я, кажется, переменю квартиру. Если это случится, то мой адрес можете узнать в "Будильнике" или же в любой аптеке.

Не подумайте, что в аптеках мой адрес имеется как лекарство. Дело в том, что в аптеках есть список врачей и их адресов, а я, представьте, врач… Пальмин всякий раз, прежде чем войти из передней в мой кабинет, берет с меня честное слово, что я его не буду лечить… Если все поэты так мнительны и дорожат жизнью, то спешу Вас успокоить: лечить Вас я не буду.

За сим прощайте.

Ваш А. Чехов. * Простите за моветонство: рассеян, как профессор! ** кое-что (франц. quelque chose)

155. Н. А. ЛЕЙКИНУ
4 марта 1886 г. Москва.

86, III, 4.

Уважаемый

Николай Александрович!

Написав и прочитав посланный Вам вчера рассказ, я почесал у себя за ухом, приподнял брови и крякнул - действия, которые проделывает всякий автор, написав что-нибудь длинное и скучное… Начал я рассказ утром; мысль была неплохая, да и начало вышло ничего себе, но горе в том, что пришлось писать с антрактами. После первой странички приехала жена А. М. Дмитриева просить медицинское свидетельство; после 2-й получил от Шехтеля телеграмму: болен! Нужно было ехать лечить… После 3-й страницы - обед и т. д. А писанье с антрактами то же самое, что пульс с перебоями.

Ездил к Давыдову в цинкографию справиться насчет виньетки. Виньетка уже готова. Не взял клише, потому что свободных денег со мной не было; получу гонорар из "Оск«олков»" или из "Пет«ербургской» газ«еты»", уплачу Давыдову 9 р. 84 к. и моментально вышлю клише. Стало быть, будьте на сей счет покойны и ждите…

Сейчас получил от Агафопода письмо. Оказывается, что мое письмо путешествовало к нему 16 дней! Я бы издох при такой почте… Где дело касается корреспонденции, там я нетерпелив чертовски, хоть и… ленив писать письма.

Вы просили, чтобы я высказался откровенно о Вашем рассказе ("Переписка учителей"). По моему мнению, тема очень хорошая и благодарная; для "Осколков" такие темы очень годятся. Исполнение мне тоже понравилось, хотя я и держусь мнения, что изложение в форме писем устарелая вещь. Оно годится, если вся соль сидит в самих письмах (наприм«ер», отношение станового, любовные письма), но как форма литературная оно не годится во многих отношениях: вставляет автора в рамки - это главное… Пиши Вы на ту тему рассказ, было бы лучше…

Ну, как Вам ужиналось у Суворина? Судя по телеграммам и описаниям, юбилей был шумный… Когда-то "Осколки" будут справлять юбилей! Авось и мы с Билибиным золотых медальонов дождемся. Я Вам пришлю тогда телеграмму в 50 слов… Суворину послана мною телеграмма за час до получения Вашего письма.

Что у Вас, у петербуржцев, за манера фаршировать себя всякого рода белладоннами,

кодеинами и бисмутами? Побойтесь бога, если не боитесь за свой желудок! Это Вас так петербургские доктора приучили… У нас в Москве Вы не разгулялись бы так по части аптеки…

Буйлов обещал высылать гонорар каждое 31-е число. Чувствуется, что на сей раз обещание исполняется не в точности…

Я все-таки полагал, что книга будет быстрей печататься. В Москве печатают не медленнее. Впрочем, время и дело не к спеху.

Получил от Трефолева письмо с комплиментами и приглашением. Знаете что? Мне кажется, что Трефолев очень хороший человек, но сборник его не состоится… Нельзя, живя в Ярославле, издавать в Москве; нельзя приглашать пишущих, не зная ни характера сборника, ни его внешности, ни величины… Ведь он и сам не имеет ясного представления о том, что хочет издать! А это неладно… Я написал ему свои соображения… Написали бы и Вы ему что-нибудь вроде соображения или совета. Москва - не Париж… Наши литографии и цинкографии переделают автографы в такие кляксы, что не разберете буки от мыслете…

Кто-то дернул за звонок… Не ко мне!

Погода у нас совсем весенняя. Страсть как хочется за весенние темы приниматься.

Вашим всем кланяюсь, а Вам жму руку.

Ваш А. Чехов.

156. Н. А. ЛЕЙКИНУ
8 марта 1886 г. Москва.

86, III, 8.

Сейчас получил Ваше письмо, добрейший Николай Александрович! Спасибо за подробности, сообщенные Вами. Ваши строки о Григоровиче, если только они не преувеличены желанием Вашим сказать мне что-нибудь приятное, доставили мне великое удовольствие.

Бандероль с пятью листами я получил. Поблагодарите корректоршу: я не нашел ни одной ошибки во всех пяти листах. Вы были правы, когда называли ее идеальной. Если, конечно, она не обидится и если Вы мне посоветуете, то по выходе книги я ей подарю что-нибудь.

Левинский, которого Вы видели у Суворина, не редактор "Будильника". Он издатель негласный… Служит: чиновником особых поручений при почтамте, смотрителем Политехниче«ского» музея, секретарем разных благотворит«ельных» обществ и т. д. Человек добрый, мягкий, но тихоня и малодушный. Мы с ним приятели: он удостоверяет мне подпись под почтамтскими объявлениями…

Клише готово! Завтра оно пойдет с этим письмом на почту. Я посылаю: 1) Клише для черной краски. 2) Клише для красной и 3) Оригинал виньетки для руководства гг. литографов. На оригинале места, нарисованные лиловыми чернилами, должны быть абсолютно черны. Подпись "Издание журнала "Осколки" не вытравилась, а потому должна быть набрана типографским, тонким шрифтом.

Вы видите, что виньетка недурна, хотя фигура сильно подгуляла… Оригинал, по выходе в свет книги, благоволите возвратить, ибо он есть, так сказать, вещественное доказательство невещественной любезности моего вещественного приятеля.

Агафопод влез в долги и хочет драть из Новороссийска… Черт знает как сложилась его жизнь! Не пьет, не курит и балов не задает, а не может прожить в провинции на 120-150 р. в месяц, когда я с большущей семьей года 2-3 тому назад жил в Москве на 100-120 р. А ведь живет мерзко, ест чепуху!

Если Суворин не врет, т. е. если моя книга разойдется, то это будет недурно.

Сегодня ездил к Николаю и привез его домой. Он только что получил деньги из

"Вс«емирной» иллюстрации", куда давал похороны Аксакова. Живет, конечно, не так, как мог бы жить. На мой вопрос, желает ли он работать в "О«сколк»ах", он ответил: "Конечно! Я завтра же пошлю туда рисунок!"

Стало быть, ждите завтра, с чем Вас и поздравляю. Если это завтра протянется 2-4 недели, то придется радоваться, что оно не протянулось 2-4 месяца.

Посылаю рассказик. Завтра (воскресенье) у меня день свободный. Если ничто не помешает, то напишу и пришлю еще что-нибудь.

Кланяюсь Прасковье Никифоровне и Феде.

Ваш А. Чехов.

Едва не забыл сообщить приятную новость.

5-го марта я был в синедрионе, сиречь судился у мирового, и присужден к уплате 50 руб.

Если Вам приходилось когда-нибудь платить чужие долги, то Вы понимаете, какую революцию подняли в моем маленьком финансовом мире эти глупые, некстати на голову свалившиеся 50 руб.

А. Ч.
157. В. В. БИЛИБИНУ

11 марта 1886 г. Москва.

86, III, 11.

Есть надежда, что в грядущие дни я буду по горло занят, а потому отвечаю на Ваше письмо теперь, когда имеется час свободный, уважаемый Виктор Викторович! (Не подумайте, что слово "свободный" относится к Вам: перед ним нет запятой.)

Primo… Ваши похождения в драматической цензуре подействовали на меня, как Майн Рид на гимназистов: сегодня я послал туда пьесу в 1 действии.

Напрасно Вы хлопотали о том, чтоб мне в "Осколках" прибавили. Если ради 10 р., которые прибавлены Вам, Лейкин будет писать в каждом № 2 сценки (для уравнения бюджета), то сколько сценок придется ему написать, если и мне прибавят? Помилуйте! Пожалейте человека!

Пальмина я не видел.

С невестой разошелся до nec plus ultra*. Вчера виделся с ней, поговорил о чертиках (чертики из шерсти у нас в Москве модная мебель), пожаловался ей на безденежье, а она рассказала, что ее брат-жидок нарисовал трехрублевку так идеально, что иллюзия получилась полная: горничная подняла и положила в карман. Вот и все. Больше я Вам не буду о ней писать.

Быть может, Вы правы, говоря, что мне рано жениться… Я легкомыслен, несмотря даже на то, что только на один (1) год моложе Вас… Мне до сих пор иногда спится еще гимназия: невыученный урок и боязнь, что учитель вызовет… Стало быть, юн.

Как метко попали "Колосья"! Вы грубы! Как раз наоборот… Весь Ваш недостаток - Ваша мягкость, ватность… (от слова "вата" - простите за сравнение). Если Вы не пугаетесь сравнений, то Вы как фельетонист подобны любовнику, к«ото»рому женщина говорит: "Ты нежно берешь… Грубее нужно!" (A propos: женщина та же курица - она любит, чтобы в оный момент ее били). Вы именно нежно берете…

За тему - merci Вас. Утилизирую.

"Ведьма" в "Новом времени" дала мне около 75 р. - нечто, превышающее месячную ренту с "Осколков".

Читаю Дарвина. Какая роскошь! Я его ужасно люблю. "Женитьбу" Стулли не читал… Сей Стулли был учителем истории и географии в моей гимназии и жил на квартире у

нас… Коли увидите его, напомните ему жену учителя франц«узского» языка Турнефора, которая (т. е. жена), почувствовав приближение родов, окружила себя свечами.

Ваша фамилия напоминает мне степной пожар. Когда-то во времена оны, будучи учеником V класса, я попал в имение графа Платова в Донской области… Управляющий этим именьем Билибин, высокий брюнет, принял меня и угостил обедом. (Помню суп, засыпанный огурцами, начиненными раковой фаршью.) После обеда, по свойственной всем гимназистам благоглупости, я, сытый и обласканный, запрыгал за спиной Билибина и показал ему язык, не соображая того, что он стоял перед зеркалом и видел мой фортель… Час спустя прибежали сказать, что горит степь… Б«илибин» приказал подать коляску, и мы поехали… Не родственник ли он Вам? Если да, то mercі за обед…

Тем совсем нет. Не знаю, что и делать.

В Москве свирепствует тиф (сыпной), унесший в самое короткое время шесть человек из моего выпуска. Боюсь! Ничего не боюсь, а этого тифа боюсь… Словно как будто что-то мистическое…

Я знаю, "Ведьма" не в Вашем характере, да и многим она не понравилась… Но что делать! Нет тем, да и черт толкает под руку такие штуки писать…

Но однако пора спать.

Ваш А. Чехов.

Отчего Вы первый не напишете Пальмину? Ведь он мертвецки ленив. * крайней степени (лат.)

158. Н. А. ЛЕЙКИНУ
17 марта 1886 г. Москва.

86, III, 17.

Добрейший

Николай Александрович!

Вчера я был у Гиляя и отнял у него очень миленький рассказ, к«ото»рый он готовил не то в "Развлечение", не то в "Будильник". Рассказ совсем осколочный. Удался и формой и содержанием, так что трудно было удержаться, чтоб не схапать его… Г«иля»ю, хандрящему, он не нравится, потому он и не посылал его Вам…

Кстати, прихватил у него мелочишку и стишки. Хотя, если верить одному русскому писателю, и не бывает лишних марок, но тем не менее жертвую одну марку и уворованное посылаю.

Сегодня послано Вам заказное письмо, а сей транспорт пойдет с курьерским.

Кланяюсь Прасковье Никифоровне и Феде.

Жму руку.

Ваш А. Чехов.

Если цензура не пустит рассказ Г«иля»я, то пришлите мне его обратно. Я помещу его где-нибудь.

159. Л. Н. ТРЕФОЛЕВУ

20 марта 1886 г. Москва.

86, III, 20.

Многоуважаемый и добрейший, как самая добрая маменька, Леонид Николаевич!

Пишу под впечатлением Вашего письма и "пука" стихов… Большущее спасибо за то и другое. Письмо вошью в папку автографов, а книгу переплету и сопричислю к сонму литературно-медицинских авторов, нашедших успокоение на моих полках.

Теперь о молодых художественных силах. Художники, с к«ото»рыми я имел случай беседовать, все поголовно сочувствуют Вашему сборнику. Потолковав с людьми компетентными, прочитав четьи-минеи и заглянув в книжку Нострадамуса "Микрокозм", я пришел к такому заключению: из сонма художников Вам следует выбрать трех, кои взяли бы на себя труд состряпать художественную часть сборника. Эти трое должны быть ретивы, молоды, знакомы со всеми русскими художниками, быть со вкусом и иметь, кроме вкуса и надежд на будущее, хотя бы маленькую известность в настоящем. Эти трое поездят по Москве, напишут в Питер, скомпонуют собранное и проч… Они будут хозяевами и ответственными редакторами художественной части.

Я могу порекомендовать Вам этих трех:

1) Янов, Александр Степанович, Зубовский бульв«ар», д. бар«онессы» Шеппинг. Художник-славянофил. Изображает на страх врагам душегрею Марфы Посадницы, чару Ильи Муромца и проч…

2) Шехтель, Франц Осипович, Тверская, д. Пороховщикова. Известный виньетист. Когда будете писать ему, то предложите ему сделать для сборника виньетку. Каяться не будете.

3) Чехов, Николай Павлович, мой однофамилец и родной брат, Якиманка, д. Клименкова. Художник по части легкокрылого жанра…

Все эти трое составят совет, обсудят дело всесторонне, отыщут причину всех причин, составят список знаменитостей и проч… Все трое собаку съели и рады служить Вам.

Пишите им по письму. Изложите им, в чем дело, поручите триумвирату художественную часть и будьте покойны… Они Вам доставят автографы всех русских художников… Теплые ребята.

Пиша каждому из них, не забудьте назвать всех трех названных… В одном из писем к художникам потрудитесь сказать: a) размер сборника, b) на какой бумаге и c) где будет печататься сборник, d) кто будет заведовать печатанием, e) какая сумма ассигнована на издание и f) в каком количестве будет печататься… Знать сие художникам необходимо, чтобы не запеть из разных опер и иметь ясные, определенные рамки…

Вот и все. Кланяюсь. "Павел Иваныч потолстел и все играет на скрипке". (Зри "Ревизора".)

Я завален работой. Строчу в "Осколки", в "Петерб«ургскую» газету" и в "Новое время" по субботам. Первый свободный день отдам сборнику.

Если угодно, то перешлите письма художникам через меня. Все - мои приятели.

Ваш А. Чехов.

160. Д. В. ГРИГОРОВИЧУ
28 марта 1886 г. Москва.

Ваше письмо, мой добрый, горячо любимый благовеститель, поразило меня, как молния. Я едва не заплакал, разволновался и теперь чувствую, что оно оставило глубокий след в моей душе. Как Вы приласкали мою молодость, так пусть бог успокоит Вашу старость, я же не найду ни слов, ни дел, чтобы благодарить Вас. Вы знаете, какими глазами обыкновенные люди глядят на таких избранников, как Вы; можете поэтому судить, что составляет для моего самолюбия Ваше письмо. Оно выше всякого диплома, а для начинающего писателя оно - гонорар за настоящее и будущее. Я как в чаду. Нет у меня сил судить, заслужена мной эта высокая награда или нет… Повторяю только, что она меня поразила.

Если у меня есть дар, который следует уважать, то, каюсь перед чистотою Вашего сердца, я доселе не уважал его. Я чувствовал, что он у меня есть, но привык считать его ничтожным. Чтоб быть к себе несправедливым, крайне мнительным и подозрительным, для организма достаточно причин чисто внешнего свойства… А таких причин, как теперь припоминаю, у меня достаточно. Все мои близкие всегда относились снисходительно к моему авторству и не переставали дружески советовать мне не менять настоящее дело на бумагомаранье. У меня в Москве сотни знакомых, между ними десятка два пишущих, и я не могу припомнить ни одного, который читал бы меня или видел во мне художника. В Москве есть так называемый "литературный кружок": таланты и посредственности всяких возрастов и мастей собираются раз в неделю в кабинете ресторана и прогуливают здесь свои языки. Если пойти мне туда и прочесть хотя кусочек из Вашего письма, то мне засмеются в лицо. За пять лет моего шатанья по газетам я успел проникнуться этим общим взглядом на свою литературную мелкость, скоро привык снисходительно смотреть на свои работы и - пошла писать! Это первая причина… Вторая - я врач и по уши втянулся в свою медицину, так что поговорка о двух зайцах никому другому не мешала так спать, как мне.

Пишу все это для того только, чтобы хотя немного оправдаться перед Вами в своем тяжком грехе. Доселе относился я к своей литературной работе крайне легкомысленно, небрежно, зря. Не помню я ни одного своего рассказа, над которым я работал бы более суток, а "Егеря", который Вам понравился, я писал в купальне! Как репортеры пишут свои заметки о пожарах, так я писал свои рассказы: машинально, полубессознательно, нимало не заботясь ни о читателе, ни о себе самом… Писал я и всячески старался не потратить на рассказ образов и картин, которые мне дороги и которые я, бог знает почему, берег и тщательно прятал.

Первое, что толкнуло меня к самокритике, было очень любезное и, насколько я понимаю, искреннее письмо Суворина. Я начал собираться написать что-нибудь путевое, но все-таки веры в собственную литературную путевость у меня не было.

Но вот нежданно-негаданно явилось ко мне Ваше письмо. Простите за сравнение, оно подействовало на меня, как губернаторский приказ "выехать из города в 24 часа!", т. е. я вдруг почувствовал обязательную потребность спешить, скорее выбраться оттуда, куда завяз…

Я с Вами во всем согласен. Циничности, на которые Вы мне указываете, я почувствовал сам, когда увидел "Ведьму" в печати. Напиши я этот рассказ не в сутки, а в 3-4 дня, у меня бы их не было…

От срочной работы избавлюсь, но не скоро… Выбиться из колеи, в которую я попал, нет возможности. Я не прочь голодать, как уж голодал, но не во мне дело… Письму я отдаю досуг, часа 2-3 в день и кусочек ночи, т. е. время, годное только для мелкой работы. Летом, когда у меня досуга больше и проживать приходится меньше, я возьмусь за серьезное дело.

Поставить на книжке мое настоящее имя нельзя, потому что уже поздно: виньетка готова и книга напечатана. Мне многие петербуржцы еще до Вас советовали не портить книги псевдонимом, но я не послушался, вероятно, из самолюбия. Книжка моя мне очень не нравится. Это винегрет, беспорядочный сброд студенческих работишек, ощипанных цензурой и редакторами юмористических изданий. Я верю, что, прочитав ее, многие разочаруются. Знай я, что меня читают и что за мной следите Вы, я не стал бы печатать этой книги.

Вся надежда на будущее. Мне еще только 26 лет. Может быть, успею что-нибудь сделать, хотя время бежит быстро.

Простите за длинное письмо и не вменяйте человеку в вину, что он первый раз в жизни дерзнул побаловать себя таким наслаждением, как письмо к Григоровичу.

Пришлите мне, если можно, Вашу карточку. Я так обласкан и взбудоражен Вами, что, кажется, не лист, а целую стопу написал бы Вам. Дай бог Вам счастья и здоровья, и верьте искренности глубоко уважающего Вас и благодарного

А. Чехова.

86, III, 28.

161. М. В. КИСЕЛЕВОЙ

29 марта 1886 г. Москва. Рукой М. П. Чеховой:

29 марта.

Поздравляю Вас, дорогая Мария Владимировна, с днем Вашего ангела и желаю Вам и Вашему Зезке с Сашуркой и Алексею Сергеевичу провести его весело и счастливо. Жалею, что не имею возможности поздравить Вас лично и пожелать Вам долгих лет и самого хорошего счастья.

Шлю заочно Вам миллионы пожеланий самых лучших. Скоро будет буйное нашествие Чеховых в тихое Бабкино. Мой урок никого не задержит. Начальница пансиона, где я даю уроки, оказалась очень любезной - она устраивает мой экзамен раньше других; так что к маю я буду свободна. Если бы семья захотела ехать раньше, то я могла бы остаться у Ивана или у тетки, - так уже было решено, но благодаря любезности начальницы я еду с семьей. Раньше 6-го или 7-го мая мы не успеем приехать - квартирный вопрос опять стал злобой дня. Мать, отец и братья поздравляют Вас и желают всего хорошего.

Будьте здоровы, добрая Мария Владимировна, скоро увидимся.

Крепко любящая Вас

Ваша Марьюшка.

Поклон Алексею Сергеевичу.

Левитан уехал в Крым. Владимира Петровича давно не видали мы - не знаем, в Москве ли он? Антона закидали письмами из Питера великие люди…

Многоуважаемая

Мария Владимировна!

Поздравляю Вас с ангелом и даю Вам слово в этот день выпить за Ваше здоровье и пожелать Вам всего хорошего. Вы хорошая, и дай бог, чтоб Вам жилось хорошо. Алексею Сергеевичу, Василисе и Сергею кланяюсь.

Мать и все наши дети (Кокоша, Жан, Финик и проч.) Вам кланяются. К празднику я постараюсь выслать Вам одну штуку, а пока не забывайте, что у Вас есть преданнейший слуга

А. Чехов.

162. Н. А. ЛЕЙКИНУ

31 марта 1886 г. Москва.

86, III, 31.

Что же это Вы так долго молчите, уважаемый Николай Александрович? Вы так увлеклись Вашей Тосной и именьем, что я до сих пор не знаю ничего ни о Вас, ни о судьбе клише, которое послал Вам. Погода у нас расчудесная, лучше и не надо…

Если не поздно, то на 2-м заглавном листе моей книжки рядом с "А. Чехонте" поставьте в скобках "А. П. Чехов". В объявлениях придется делать то же самое. Получил я, представьте, от Григоровича письмо, к«ото»рый требует забросить псевдоним.

Какие дела делаются! Какие новости! Но до тех пор, пока не получу от Вас письма, буду молчать и пребывать

Вашим А. Чеховым.

163. Н. П. ЧЕХОВУ

Март 1886 г. Москва.

Маленький Забелин!

Мне передавали, что ты оскорблен моими и шехтелевскими насмешками… Способность оскорбляться есть достояние только душ благородных, но тем не менее, если можно смеяться над Иваненко, надо мной, над Мишкой, над Неллой, то почему же нельзя смеяться над тобой? Это несправедливо… Впрочем, если ты не шутишь и в самом деле чувствуешь себя оскорбленным, то спешу извиниться.

Смеются только над тем, что смешно или чего не понимают… Выбирай любое из двух.

Второе, конечно, более лестно, но - увы! - для меня лично ты не составляешь загадки. Нетрудно понять человека, с которым делил сладость татарских шапок, Вучины, латыни и, наконец, московского жития. И к тому же твоя жизнь есть нечто такое психологически несложное, что понятно даже не бывшим в семинарии. Буду из уважения к тебе откровенен. Ты сердишься, оскорблен… но дело не в насмешках и не в благодушно болтающем Долгове… Дело в том, что ты сам, как порядочный человек, чувствуешь себя на ложной почве, а кто мнит себя виноватым, тот всегда ищет себе оправдания извне: пьяница ссылается на горе, Путята на цензуру, убегающий с Якиманки ради блуда ссылается на холод в зале, на насмешки и проч… Брось я сейчас семью на произвол судьбы, я старался бы найти себе извинение в характере матери, в кровохаркании и проч. Это естественно и извинительно. Такова уж натура человеческая. А что ты чувствуешь себя на ложной почве, это тоже верно, иначе бы я не называл тебя порядочным человеком. Пропадет порядочность, ну тогда другое дело: помиришься и перестанешь чувствовать ложь…

Что ты для меня не составляешь загадки, что бываешь иногда варварски смешон, тоже верно. Ведь ты простой смертный, а все мы, смертные, загадочны только тогда, когда глупы, и смешны в течение 48 недель в году… Не правда ли?

Ты часто жаловался мне, что тебя "не понимают!!". На это даже Гете и Ньютон не жаловались… Жаловался только Христос, но тот говорил не о своем "я", а о своем учении… Тебя отлично понимают… Если же ты сам себя не понимаешь, то это не вина других…

Уверяю тебя, что как брат и близкий к тебе человек я тебя понимаю и от всей души тебе сочувствую… Все твои хорошие качества я знаю, как свои пять пальцев, ценю их и отношусь к ним с самым глубоким уважением. Я, если хочешь, в доказательство того, что понимаю тебя, могу даже перечислить эти качества. По-моему, ты добр до тряпичности, великодушен, не эгоист, поделяешься последней копейкой, искренен; ты чужд зависти и ненависти, простодушен, жалеешь людей и животных, не ехиден, не злопамятен, доверчив… Ты одарен свыше тем, чего нет у других: у тебя талант. Этот талант ставит тебя выше миллионов людей, ибо на земле один художник приходится только на 2000000… Талант ставит тебя в обособленное положение: будь ты жабой или тарантулом, то и тогда бы тебя уважали, ибо таланту все прощается.

Недостаток же у тебя только один. В нем и твоя ложная почва, и твое горе, и твой катар кишок. Это - твоя крайняя невоспитанность. Извини, пожалуйста, но veritas magis amicitiae*… Дело в том, что жизнь имеет свои условия… Чтобы чувствовать себя в своей тарелке в интеллигентной среде, чтобы не быть среди нее чужим и самому не тяготиться ею, нужно быть известным образом воспитанным… Талант занес тебя в эту среду, ты принадлежишь ей, но… тебя тянет от нее, и тебе приходится балансировать между культурной публикой и жильцами vis-a-vis. Сказывается плоть мещанская, выросшая на розгах, у рейнскового погреба, на подачках. Победить ее трудно, ужасно трудно!

Воспитанные люди, по моему мнению, должны удовлетворять след«ующим» условиям:

1) Они уважают человеческую личность, а потому всегда снисходительны, мягки, вежливы, уступчивы… Они не бунтуют из-за молотка или пропавшей резинки; живя с кем-нибудь, они не делают из этого одолжения, а уходя, не говорят: с вами жить нельзя! Они прощают и шум, и холод, и пережаренное мясо, и остроты, и присутствие в их жилье посторонних…

2) Они сострадательны не к одним только нищим и кошкам. Они болеют душой и от того, чего не увидишь простым глазом. Так, например, если Петр знает, что отец и мать седеют от тоски и ночей не спят, благодаря тому что они редко видят Петра

(а если видят, то пьяным), то он поспешит к ним и наплюет на водку. Они ночей не спят, чтобы помогать Полеваевым, платить за братьев-студентов, одевать мать…

3) Они уважают чужую собственность, а потому и платят долги.

4) Они чистосердечны и боятся лжи, как огня. Не лгут они даже в пустяках. Ложь оскорбительна для слушателя и опошляет в его глазах говорящего. Они не рисуются, держат себя на улице также, как дома, не пускают пыли в глаза меньшей братии… Они не болтливы и не лезут с откровенностями, когда их не спрашивают… Из уважения к чужим ушам, они чаще молчат.

5) Они не уничижают себя с тою целью, чтобы вызвать в другом сочувствие. Они не играют на струнах чужих душ, чтоб в ответ им вздыхали и нянчились с ними. Они не говорят: "Меня не понимают!" или: "Я разменялся на мелкую монету! Я б«…»!!.", потому что все это бьет на дешевый эффект, пошло, старо, фальшиво.."

6) Они не суетны. Их не занимают такие фальшивые бриллианты, как знакомства с знаменитостями, рукопожатие пьяного Плевако, восторг встречного в Salon'e, известность по портерным… Они смеются над фразой: "Я представитель печати!!", которая к лицу только Родзевичам и Левенбергам. Делая на грош, они не носятся со своей папкой на сто рублей и не хвастают тем, что их пустили туда, куда других не пустили… Истинные таланты всегда сидят в потемках, в толпе, подальше от выставки… Даже Крылов сказал, что пустую бочку слышнее, чем полную…

7) Если они имеют в себе талант, то уважают его. Они жертвуют для него покоем, женщинами, вином, суетой… Они горды своим талантом. Так, они не пьянствуют с надзирателями мещанского училища и с гостями Скворцова, сознавая, что они призваны не жить с ними, а воспитывающе влиять на них. К тому же они брезгливы…

8) Они воспитывают в себе эстетику. Они не могут уснуть в одежде, видеть на стене щели с клопами, дышать дрянным воздухом, шагать по оплеванному полу, питаться из керосинки. Они стараются возможно укротить и облагородить половой инстинкт… Спать с бабой, дышать ей в рот «…» выносить ее логику, не отходить от нее ни на шаг - и все это из-за чего! Воспитанные же в этом отношении не так кухонны. Им нужны от женщины не постель, не лошадиный пот, «…» не ум, выражающийся в уменье надуть фальшивой беременностью и лгать без устали… Им, особливо художникам, нужны свежесть, изящество, человечность, способность быть не «…», а матерью… Они не трескают походя водку, не нюхают шкафов, ибо они знают, что они не свиньи. Пьют они только, когда свободны, при случае… Ибо им нужна mens sana in corpore sano**.

И т. д. Таковы воспитанные… Чтобы воспитаться и не стоять ниже уровня среды, в которую попал, недостаточно прочесть только Пикквика и вызубрить монолог из "Фауста". Недостаточно сесть на извозчика и поехать на Якиманку, чтобы через неделю удрать оттуда…

Тут нужны беспрерывный дневной и ночной труд, вечное чтение, штудировка, воля… Тут дорог каждый час…

Поездки на Якиманку и обратно не помогут. Надо смело плюнуть и резко рвануть… Иди к нам, разбей графин с водкой и ложись читать… хотя бы Тургенева, которого ты не читал…

«…» самолюбие надо бросить, ибо ты не маленький… 30 лет скоро! Пора!

Жду… Все мы ждем…

Твой А. Чехов. * истина дороже дружбы (лат.) ** здоровый дух в здоровом теле (лат.)

164. М. М. ДЮКОВСКОМУ
Начало апреля 1886 г. Москва.

Уважаемый

Михаил Михайлович!

Иван болен… Лихорадка и понос в квадрате… Данною мне властию оставил его дома, хотя он своим оханьем и наводит тоску. А за "Русскую мысль" не сердитесь.

Ваш А. Чехов.

165. В. В. БИЛИБИНУ

4 апреля 1886 г. Москва.

86, III, 4.

Дорогой

Виктор Викторович!

Отвечаю на Ваше письмо немедленно, с условием, что Вы поспешите ответить на вопросы, к«ото»рые Вы почерпнете из всего нижеследующего.

Уже около 2-х месяцев я не получаю писем от Лейкина. Вероятно, сердится за "Сверчка", или что-нибудь вроде. От его гнева терплю я двояко: a) не получаю писем и, стало быть, мой архив лишается лишних 2-3-х драгоценных фолиантов и b) ничего не знаю о своей книжке. Где она, что, как, почему? Получена ли виньетка и проч.?

Отчего не купили мышьяка? В любой аптеке дадут. В случае сомнений, заставьте аптекаря порыться в списке врачей и увидеть там мою фамилию…

Отчего не работаете в "Нов«ом» вр«емени»"?

Вы пишете, что 2 последних моих рассказа в "Пет«ербургской» газ«ете»" слабы… Извиняю Вам этот либерализм с условием, что Вы извините мне следующие рассказы, к«ото»рые будут еще слабее… Истрепался и исписался… Слушайте, нельзя ли меня выпороть?

Насчет хорошеньких женщин, о к«ото»рых Вы спрашиваете, спешу "константировать", что их в Москве много. Сейчас у сестры был целый цветник, и я таял, как жид перед червонцем… Кстати: в последних "Ос«колк»ах петербургской жизни" Вы три раза ударили по жиду. Ну зачем?

Пишу сие, обедая… Суп с перловой крупой, пирожки, каша жареная и котлеты, чего и Вам желаю.

Нечаянно, вдруг, наподобие deus ex machina* пришло ко мне письмо от Григоровича. Я ответил и вскоре получил другое письмо, с карточкой. Письма в полтора листа каждое; почерк неразборчивый, старческий; старик требует, чтобы я написал что-нибудь крупное и бросил срочную работу. Он доказывает, что у меня настоящий талант (у него подчеркнуто), и в доказательство моей художественности делает выписки из моих рассказов. Пишет тепло и искренно. Я, конечна, рад, хотя и чувствую, что Г«ригорович» перехватил через край.

Вы просите, чтобы, став знаменитостью, я раскланивался с Вами на улице. Хорошо. Я Вам даже факсимиле свое пришлю…

Когда Ваша свадьба? На Фоминой нед«еле» я шаферствую у двоих: доктор и художник. Первый берет купеческую дочку с 15000 приданого. На свадьбе будет музыка. В моей зале сию минуту некий юрист поет: "Я вас любил… любовь еще, быть может, во мне угасла не совсем". Поет тенором. У адвокатов преимущественно тенор…

Г-н секретарь, поспешите выслать гонорар! В кармане 4 руб. - только.

30-го апреля я еду на дачу. Летом буду, вероятно, на юге. У меня опять было кровохарканье.

Батенька, неужели нам уже скоро 30 лет? Ведь это свинство! За 30-ю идет старость…

Я не ждал от "Кошмара" успеха. Трудно попасть в жилку!

"Гриша" - Ваша тема. Помните? Merci.

"Кошмар" дал мне 87 рублей.

Отчего бы Вам летом не соорудить что-нибудь крупное, зажигательное?

Погода великолепная. Не слыхали ли чего-нибудь про Худекова? Где он? Хочу просить прибавки.

Часто ли Вы бываете в бане?

Пальмин и царь-колокол здравствуют.

Кланяюсь Вашей невесте. А за сим будьте здоровы и прощайте.

Ваш А. Чехов.

С тех пор, как я стал знаменитостью, мой почерк заметно изменился к худшему.

Вы ужасно пишете! От Вашего почерка умереть можно.

Что Вы делаете в департаменте? * бог из машины (лат.). Здесь в знач.: чудо.

166. Н. А. ЛЕЙКИНУ
6 апреля 1886 г. Москва.

86, IV, 6.

Добрейший

Николай Александрович!

Тороплюсь послать Вам оригиналы для книги. Выбрал кое-что и наклеил, приобщив ко всему монолог "О вреде табака", напечатанный в "Пет«ербургской» газете".

"Сорвалось" и "Глупый француз" бросьте. "Анюту" - да*. "Кошмара" тоже не берите для книжки, ибо тон "Кошмара", его размер и проч. не годятся: ансамбль испортят. Из рассказов, помещенных в "Нов«ом» времени", нельзя поместить в книжку ни одного. Если материалу покажется мало, то поспешите уведомить: я еще пришлю… Во всяком случае пришлю еще в письмах…

Теперь о виньетке… Неужели так плоха? Я думаю, что вставлять буквы не совсем ловко, да и художник обидится… Не лучше ли сделать так, чтобы и волки были сыты и овцы целы, т. е. 1000 экз«емпляров» напечатать с виньеткой, а 1000 без виньетки? Все, что пойдет на вокзалы и пристани, будет без виньетки, а выписывающие будут получать с виньеткой… Можно напечатать с виньеткой не 1000, а только 500, Буквы во всяком случае неудобны…

Я болен. Кровохарканье и слаб… Не пишу… Если завтра не сяду писать, то простите: не пришлю рассказа к Пасхе… Надо бы на юг ехать, да денег нет.

Насчет поездки в Питер следовало бы подумать. Вероятно, приеду, если не задержит безденежье или болезнь…

Погода в Москве великолепная. Лучше и не надо.

Николаю послал выписку из Вашего письма.

Ну-с, а теперь позвольте поблагодарить за карточку. Я ответил бы Вам тем же, но сейчас у меня карточки не имеется. Когда снимусь, пришлю непременно.

Боюсь подвергнуть себя зондировке коллег… Вдруг откроют что-нибудь вроде удлиненного выдыхания или притупления!.. Мне сдается, что у меня виноваты не так легкие, как горло… Лихорадки нет.

Скажите Билибину, что он трус. Боится мышьяка! Он не боится лягушек?

Завтра еду лечить Гиляя. На пожаре человечина ожегся, кругом ранился и сломал ногу… Так по крайней мере пишет. Судя по тону письма, не врет. Нужно бы сегодня ехать, но не могу, пусть простит. Поклонитесь Прасковье Никифоровне и Феде. Приехал Худеков?

Ваш А. Чехов.

О планах на лето, о даче и проч. буду писать особо. Получил от Агафопода письмо. Плохо живет. Мечтал написать к 13-му апреля пасхальный рассказ в "Нов«ое» время". Тема стоящая, но едва ли напишу.

"Шведская спичка", которую посылаю, была напечатана в "Альманахе Стрекозы". Ее прикажите поместить в самом конце книги. * Т. е. сажайте в книжку.

167. Ал. П. ЧЕХОВУ 6 апреля 1886 г. Москва.

86, IV, 6.
Ну полно, таможенно-карантинный человече, к чему такие сильные выражения? Откуда могла взяться "тень бывшего человека", и чего ради ты не узнаешь себя в зеркале?

1) Давыдов деньги вышлет, а если доселе не высылал, то потому что сам без штанов ходит.

2) За "Сверчком" ты имеешь получить, за "Будильником" тоже. Завтра Мишка соберет все твои крохи и вышлет послезавтра. Вообще: по гонорарным делам обращайся к Мишке. Адвокат хороший. В "Сверчке" платят прекрасно и тебе дадут по 8 коп. за строчку.

3) Ты естественник, а между тем для тебя не понятна естественность твоего положения. Тебя, пишешь, "жгут, режут, точут и пияют". Т. е. долги требуют? Милый мой, да ведь нужно же долги платить! Нужно во что бы то ни стало, хотя бы армяшкам, хотя ценою голодухи… Если университетские и пишущие люди видят в долгах страдания, то что же остается остальным? Я не знаю, но все дело в принципе… И к чему делать долги? Прости за этот сытый вопрос, но, ей-богу, он не нотация. Ведь без долгов легко обойтись. Я по себе сужу, а на моей шее семья, к«ото»рая гораздо больше твоей, и провизия в Москве в 10 раз дороже, чем у вас. За квартиру ты платишь столько, сколько я за пианино, одеваюсь я не лучше тебя… Вся беда в покупках и расходах, которые ты не имел права делать и от к«ото»рых давно уже должен был бы отказаться: мука Нестле (?!?), лишняя прислуга и т. д. Когда у мужа и жены нет денег, они прислуги не держат - это обыденное правило…

4) Но долги сделаны и толковать о происхождении их бесполезно… Остается говорить о их платеже… Для тебя должен быть страшен долг в 1000-2000 руб., но 300-500, которые, вероятно, ты должен, не стоят "нравственных страданий". Рано или поздно ты их выплатишь, тем более что существует благодетельная мера - вычет из жалованья. Пока сам соберешься, так казначейство избавит тебя от долга. Вычет из жалованья, конечно, влечет за собой неудобства, но что делать! Неудобства временные, в особенности для человека, имеющего, кроме жалованья, еще и другой источник дохода…

Мировой приговорил меня к уплате 105 р., ко«то»рые ты и Николай задолжали лавочнику Семенову. Портному я должен за себя и за тех, за кого поручился, более ста… Но вопроса "Что дальше будет?" я не задаю… Верую, что все заплатится, перемелется и своевременно канет в Лету. На даче пожмусь как-нибудь, поживу с семьей на 50 р. в м«еся»ц, и долгов не будет…

5) Отчего ты мало пишешь? Что за безобразие? У "Сверчка" и "Буд«ильника»" сплошная вакансия, а ты сидишь, сложил ручки и нюнишь, как Гершка, когда его во сне кусают блохи. Почему ленишься работать в "Осколки"? Все те рассказы, которые ты прислал мне для передачи Лейкину, сильно пахнут ленью. Ты их в один день написал? Из всей массы я мог выбрать один отличный, талантливый рассказ, остальное же все достойно пера таганрогского Живчика. Сюжеты невозможные… Ведь только лень может писать в цензурный журнал о попе, крестящем ребенка в купели!.. Лень не рассуждающая, работающая залпом, зря… Где это ты видел супругов, к«ото»рые у тебя в рассказе обедают и говорят о рефератах… и где под

луной есть такие рефераты? Уважай ты себя, ради Христа, не давай рукам воли, когда мозг ленив! Пиши не больше 2-х рассказов в неделю, сокращай их, обрабатывай, дабы труд был трудом. Не выдумывай страданий, к«ото»рых не испытал, и не рисуй картин, к«ото»рых не видел, - ибо ложь в рассказе гораздо скучнее, чем в разговоре…

Помни каждую минуту, что твое перо, твой талант понадобятся тебе в будущем больше, чем теперь, не профанируй же их… Пиши и бди на каждой строке, дабы не нафунить…

Писал ли ты хоть одну вещь долее одного вечера? Только "Сомнамбулу"… Писал ли, я тебя спрашиваю, шут иваныч? Конечно, нет! Нет и нет! Литература для тебя труда не составляла, а ведь это труд! Будь ты порядочным человеком, посиди над рассказом (в 150-200 стр«ок») дней 5-7, то что вышло бы! Ты себя не узнал бы в своих строках, как теперь не узнаешь себя в зеркале… Имей в виду, что срочной работой ты не завален и можешь поэтому над одной вещичкой возиться несколько вечеров… Выгодно ли это? Сочти… При максимальной кропотливости ты дашь 5-7 рассказов в месяц, что составит около ста, теперь же, пиша много, ты и 50 не имеешь… Заключаю сию мораль выдержкой из письма, к«ото»рое я на днях получил от Григоровича: "для этого нужно: уважение к таланту, который дается так редко… берегите Ваши впечатления для труда обдуманного, обделанного, писанного не в один присест… Вы сразу возьмете приз и станете на видную точку в глазах чутких людей и затем всей читающей публики…"

Другой великий авторитет, имя же ему Суворин, пишет мне: "Когда много пишешь, далеко не все выходит одинаково хорошо".

Третий великий человек, наш И. Грэк (Билибин), в своих письмах матерно ругается, что я много пишу. Вот видишь, Саша!

Работаю я теперь в "Новом времени", где получаю по 12 коп. за строчку. Мне удастся перетащить в петербургскую прессу Гиляя, к«ото»рый не развит, но талантлив. Нельзя ли и с тобой сделать то же самое, тем более что ты развит и талантлив в 1000 раз больше, чем те пробки, к«ото»рые пишут в "Деле" и "Наблюдателе"? Работай, голубчик! Бди, копти и не траться на суету! Не делай из себя и из своей работы муку Нестле… Для начала хорошо бы тебе работать в "Пет«ербургской» газете", откуда ты не замедлишь перебраться в "Новое время". Для тебя обе газеты потемки. Что для них потребно, ты не знаешь… Не можешь ли ты у себя в Н«овороссий»ске поискать сих газет и познакомиться с ними? "Новое время", наверное, получается в Н«овороссий»ске. Зри субботние номера… Лейкин вышел из моды. Место его занял я. Теперь в Петербурге я в большой моде и хотел бы, чтобы ты не отставал…

Неужели ты уедешь из Н«овороссий»ска? Нельзя ли тебе не уезжать до осени? Если не уедешь, то даю честное слово побывать у тебя летом. «…» на долги. Мертвые и таланты сраму не имут. Колька 3000 должен и - ничего! А хорошо бы мы с тобой пожили! Отъезд твой мне тем более не по нутру, что я уверен, что Питер тебе ничего не даст, кроме новых долгов… Погоди до осени! Я буду в Питере, познакомлю Григоровича и прочих с твоей персоной и - кто знает? - Григорович действ«ительный» ст«атский» советник и кавалер… Он скорей найдет для тебя, чем ты… Его все министры знают… Так помни же: копти над рассказами. Сужу по опыту. Пиши. Напиши матери. Сообщи мне маршрут, как к тебе ехать. Кланяюсь.

Твой А. Чехов.

168. М. Е. ЧЕХОВУ
11 апреля 1886 г. Москва.

86, IV, 11.

Пишу Вам, дорогой мой дядя, в страстную пятницу под субботу, но так как это письмо будет получено Вами после 13-го, то я имею полное право заочно поцеловаться с Вами три раза, получить от Вас ответ "Воистину воскрес", а если позволите, то и гривенничек. Итак: Христос воскрес! Поделите этот привет с тетей, братьями и с сестрами, которых поздравляю и целую. Всем желаю счастья, покоя и мира, Вам же лично, дорогой мой, желаю того, что может пожелать человек глубоко уважающий и преданный.

Простите, что так долго не писал Вам. Вы сами много пишете, а потому поймете человека, который пишет от зари до зари: нет времени! Когда бывает свободная минутка, то постараешься отдать ее чтению или чему-нибудь другому. Да, откровенно говоря, не понимаю я того писания к дорогим и близким людям, которое пишется по обязанности, а не в минуты хорошего настроения, когда не боишься ни за свою искренность, ни за размер письма.

Теперь давайте побеседуем. Начнем хоть с Вашего отъезда. После того, как Вы, тетя, Саша и о. Анания сели на извозчиков и скрылись, мы почувствовали в своих комнатах пустоту. Долго потом ходили и привыкали к этой пустоте. Для нас Вы слишком дорогой гость, и расставаться с Вами было нелегко. Помните, что Вы у нас единственный и другого такого близкого родственника у нас не было, да едва ли и будет. Дело не в том, что Вы родной дядя, а в том, что мы не помним того времени, когда бы Вы не были нашим другом… Вы всегда прощали нам наши слабости, всегда были искренни и сердечны, а это имеет громадное влияние на юность! Вы, сами того не подозревая, были нашим воспитателем, подавая нам пример постоянной душевной бодрости, снисходительности, сострадания и сердечной мягкости… Искренно жму Вам руку и благодарю. Когда, бог даст, лет через 10-15 я буду описывать для печати свою жизнь, то поблагодарю Вас перед всем читающим миром, а теперь жму только руку.

Сейчас зазвонили к утрене. Все спят. Мамаша так утомилась окороком и пасхами, что ее теперь никакими пушками не разбудишь.

Когда Вы уехали, уехала и Саша. До сих пор вспоминаем ее и не теряем надежды видеть ее у нас еще не один раз. Она всем очень понравилась, хоть я и уверен, что она неаккуратно лечится. Если она по-прежнему хворает, то пусть исполняет мои советы. Не мешало бы также Георгию или Володе сводить ее к доктору и показать. Около Каменной лестницы живет доктор Еремеев, зять Псалти. Если сведете к нему, то хорошо сделаете. На всякий случай прилагаю свою карточку, которая послужит для Саши паспортом. Еремееву сообщите средства, которые я рекомендовал.

После Вашего отъезда, перед Рождеством, приехал в Москву один петербургский редактор и повез меня в Петербург. Ехал я на курьерском в I классе, что обошлось редактору не дешево. В Питере меня так приняли, что потом месяца два кружилась голова от хвалебного чада. Квартира у меня была там великолепная, пара лошадей, отменный стол, даровые билеты во все театры. Я в жизнь свою никогда не жил так сладко, как в Питере. Расхвалив меня, угостив, как только было возможно, мне дали еще денег рублей 300 и отправили обратно в I классе. Оказалось, что в Петербурге меня знают гораздо больше, чем в Москве.

Медицина моя подвигается помаленьку. Нашим раздолье: даже Федосья Яковлевна у меня лечится; недавно лечил Ивана. Иметь у себя в доме врача - большое удобство!

Писанье мое, это побочное занятие, подвигается своим порядком. Я уже работаю в самой большой петерб«ургской» газете - в "Новом времени", где мне платят по 12 коп. за строчку. Вчера я получил из этой газеты за 3 небольших рассказа, помещенных в трех номерах, 232 рубля. Чудеса! Я просто глазам своим не верю. А маленькая "Петербургская газета" дает мне 100 руб. в месяц за 4 рассказа.

Но это не так важно, как важно следующее. В России есть большой писатель Д. В. Григорович, портрет которого Вы найдете у себя в книге "Современные деятели". Не так давно, нежданно-негаданно, не будучи с ним знаком, я получил от него письмо в полтора листа. Личность Григоровича настолько почтенна и популярна, что Вы можете представить мое приятное изумление! Привожу Вам места из его письма: "…у Вас настоящий талант, талант, выдвигающий Вас далеко из круга литераторов нового поколения… Мне минуло уже 65 лет; но я сохранил еще столько любви к литературе, с такою горячностью слежу за ее успехом, так радуюсь всегда, когда встречаю в ней что-нибудь живое, даровитое, что не мог, как видите, утерпеть и протягиваю Вам обе руки… Когда случится Вам быть в Петербурге, надеюсь увидеть Вас и обнять Вас, как обнимаю теперь заочно".

Письмо велико, и нет времени переписать его; при свидании прочту Вам его. Оно очень симпатично. Если музеи ценят письма таких людей, то как же мне не ценить их? Ответил я на это письмо так: "Как Вы, мой дорогой, горячо любимый благовеститель, обласкали мою молодость, так пусть бог успокоит Вашу старость!"

Ответ мой растрогал старика. Я получил от него другое большое письмо и карточку. Второе письмо его великолепно.

На Фоминой неделе я еду в Петербург, куда меня зовут. Там я теперь модный человек. В мае мы переедем к Киселевым на дачу, куда я Вас приглашаю, а позднее летом я приеду к Вам. Вероятно, летом увидимся и потолкуем досыта… Летом мне нужно быть на юге по делу.

У мамаши радость: Иван получил в Москве казенную школу, где он будет самостоятелен. Квартира у него в 5 комнат казенная. Прислуга, дрова и освещение тоже казенные… У папаши тоже радость: тот же Иван купил себе фуражку с кокардой и заказал учительский фрак со светлыми пуговицами.

Николай сейчас работает сильно, но болен глазами.

Сегодня я накупил себе одежи и выглядываю совсем франтом.

Сегодня был у меня Шехтель, который у меня лечится и платит мне по 5 р. за совет. Он у нас будет разговляться. Жаль, что Вас с нами не будет на Пасху! А разговеться есть чем. Мы бы и спели вместе, как будем петь, когда вернемся из заутрени.

Сейчас зазвонили в Храме Христа-Спасителя. Буду ждать от Вас письма (Якиманка, д. Клименкова). Если в Питере найдется свободная минутка, то напишу Вам оттуда, а пока прощайте и не забывайте любящего и уважающего Вас

А. Чехова.

Так как наши письма, дорогой мой, дружеская, интимная беседа, то не показывайте их никому, кроме членов Вашей семьи.

Как здоровье Вашего уха?

Поклон Иринушке, если она меня еще не забыла. У Миши дела с Ферапонтовым не склеились. Насчет статей в газетах о братстве Вы меня не совсем точно поняли. При свидании поговорим, а теперь скажу только, что печатать в газетах о братстве следует тотчас же вслед за годовщиной братства, в августе… А для того, чтобы газета напечатала, братству не мешает ввести у себя полезный обычай: посылать ежегодно в редакции годовые отчеты. Напишут с удовольствием, потому что никто не прочь похвалить хорошее дело. Я пришлю Вам адресы, по которым Вы пошлете отчеты.

169. Н. А. ЛЕЙКИНУ
13 апреля 1886 г. Москва.

86, IV, 13.

Воистину воскрес, добрейший Николай Александрович!

Вместо обещанной субботы, пишу Вам в вечер воскресенья, когда желудок набит всякой всячиной, а в глазах рябит от визитеров.

День прошел весело. Ночью ходил в Кремль слушать звон, шлялся по церквам; вернувшись домой во 2-м часу, пил и пел с двумя оперными басами, которых нашел в Кремле и притащил к себе разговляться… Один из этих басов великолепно изображал протодьякона. Великую вечерню слушал в Храме Христа-Спасителя и т. д.

Книгу вашу получил.

Гиляй надул меня. У него только рожа… Шутка не особенно остроумная. А я на другой день спешил к нему с Якиманки на Мещанскую, тратил время и деньги на извозчика! Вы корите меня за то, что я поехал к нему не тотчас же по получении от него письма. Особенно спешить не было надобности. В письме было сказано: "3 дня тому назад со мной случилась беда", а 3 дня такой длинный срок, к«ото»рый исключает отсутствие медицинской помощи и осложнения вроде открытого перелома и проч. Я был уверен, что повязка уже наложена, а меня зовут пур се лепетан, из недоверия к первому попавшемуся врачу.

Лечу Пальмина. Поэт нем. Он охрип и говорит невозможно сиплым басом, так что без смеха его нельзя слушать. При мне он получил от Вас карточку и книгу.

Вы спрашиваете, куда я деньги деваю… Не кучу, не франчу, долгов нет*, но тем не менее из 80+232 р., полученных перед праздником от Вас и от Суворина, осталось только 40, из коих завтра я должен буду отдать 20… Черт его знает, куда они деваются! От Буйлова еще не получал.

Погода великолепная.

Сейчас лягу и буду читать Лермонтова.

Ваш А. Чехов

Шлю рассказ "Загадочная натура", к«ото»рый отдайте в набор. * и содержанок даже нет; "Осколки" и любовь я получаю gratis. (1) (1) даром (лат.)

170. Ф. О. ШЕХТЕЛЮ
14 апреля 1886 г. Москва.

Милый Франц Осипович!

В Ваших глазах я рискую приобрести репутацию дрянного человека.

1) Пасхальную ночь Вам испортил.

2) На Рязанский вокзал не поехал.

Итого: свинство.

Но дело вот в чем. Гиляровский болен, Курепин ко мне не приехал, Николай оказался занятым… с кем же ехать? Во-вторых, Ваша телеграмма, поданная в час тридцать минут и приглашающая меня приехать в 11, получена мною в 4 часа… В-третьих, мы хорошо сделали, что не поехали, ибо ветер, дождь и холодно… Нет худа без добра…

Вы сердитесь?

Что касается меня, то я вчера был выпивши, чего и Вам желаю.

Будете ли Вы у Янова шафером? Я буду. Не поехать ли нам в Красково в четверг? Если Вы не прочь, то я стану собирать компанию.

Если у Вас в чемоданчике есть напитки, то, ради бога, не выпейте их один. Напрасно Вы не разговлялись у нас: Тютюнник и Антоновский великолепно изображали дьяконов. Извозчиков на Якиманке было много, а ветчина была чертовски хороша.

Когда же будем «…» с циркистками?

Очень просто.

Ваш А. Чехов.

Отчего бы Вам не принять православие?

Посылаю Вам телеграмму, дабы Вы могли убедиться, что я не такой свинья, как Вы думаете…

Какой дождь!

У нас с визитом был Тышко. Он, вероятно, купался в гелиотропе, ибо оставил после себя такой брокарный чад, что у всех разболелись головы.

Но Вы все-таки не сердитесь.

171. Н. А. ЛЕЙКИНУ
19 апреля 1886 г. Москва.

86, IV, 19.

Даю ответ на Ваше письмо, уважаемый Николай Александрович!

Бумага для обложки, если она будет не хуже той, в к«ото»рую облечены "Стукин и Хрустальников", хороша; по моему мнению, лучшей не нужно.

А насчет "Кошмара" я опять-таки настаиваю на том, что он не годится в книгу. Рассказы и так пестры, а если Вы еще рядом со "Шведской спичкой" поставите "Кошмар", то получится пестрота, от которой затошнит. Нет, голубчик, наплюйте Вы на "Кошмар"! Если читателю нужна новизна, которая, как Вы справедливо замечаете, и может быть интересна для читателя, то ведь в моей книге читатели "Осколков" найдут рассказы, помещенные в пяти изданиях. Итак, с "Кошмаром" мы покончили.

У нас холодища. Идет снег, дует Борей, а небо глупо как пробка.

В Питере я буду обязательно до 1-го мая. День и час, в онь же я выеду из Москвы, мне неизвестен.

Пальмина давно не видел. Вероятно, горлу его лучше, иначе дал бы знать. Про Гиляя ничего не слышно. От Агафопода ни слуху ни духу.

Завтра буду писать для Вас, а пока жму Вам руку. До свиданья.

А. Чехов.

172. М. П. ЧЕХОВУ
25 апреля 1886 г. Петербург.

Пятница, через 5 часов после приезда.

Мир вам и духови твоему. Радуйтеся и веселитеся, яко велика мзда ваша на небесех… Слава отцу и сыну и святому духу всегда, ныне и присно и во веки веков аминь. Аллилуйя, аллилуйя, аллилуйя, слава тебе боже…

Приехав и остановившись в меблированных комнатах купца Олейничикова (угол Невского и Пушкинской), я умылся, надел новое пальто, новые штаны и острые башмаки и поехал за 15 копеек в Троицкий пер«еулок», в редакцию "Осколков". Тут конторщица обрадовалась мне, как жениху се грядущу, и стала изливать душу, называя Лейкина человеком тяжелым, а меня самым лучшим сотрудником… Из редакции в типографию Голике рукой подать. Но Голике я не застал, а потому поехал к г. Билибину. Дверь отворила мне его невеста с лекциями в руках (она, Миша, на двух факультетах!) и очень обрадовалась, меня увидев. Я расшаркался новыми штиблетами и спросил: как Ваше здоровье? Но далее… Выпив у И. Грэка стакан крепкого, как деготь, чаю, я пошел с ним гулять на Неву, т. е. не с чаем, не с дегтем, а с Билибиным. На Неве мы катались на лодке, что произвело во мне впечатление. Из лодки мы отправились к Доминику, где за 60 коп. скушали по расстегаю, выпили по рюмке и по чашке кофе… Но это не все! Вы удивитесь!

От Доминика я пошел в "Петерб«ургскую» газету". Из "Пет«ербургской» газ«еты»" пошел в "Новое время", где был принят Суворинym. Он очень любезно меня принял и даже подал руку.

- Старайтесь, молодой ч«елове»к! - сказал он. - Я вами доволен, но только почаще в церковь ходите и не пейте водки. Дыхните!

Я дыхнул. Суворин, не услышав запаха, повернулся и крикнул: "Мальчики!" Явился мальчик, к«ото»рому было приказано подать чаю в прикуску и без блюдечка. За сим уважаемый г. Суворин дал мне денег и сказал:

- Надо беречь деньги… Подтяните брюки!

От Сув«орина» я пошел в контору "Нов«ого» времени". Конторщица Леонтьева, высылающая мне деньги, весьма недурна собой. Я пожал ей, Миша, руку и завтра пойду к ней переменить свой адрес… Из конторы пошел я в контору Волкова и послал вам сто (100) рублей, каковые Миша может получить, отправившись к Волкову на

Кузнецкий с прилагаемым векселем. От Волкова я пошел по Невскому к себе на Пушкинскую и лег спать… О дивеса и чудеса! В пять часов совершил столько дел! Кто бы мог предположить, что из нужника выйдет такой гений?

Мой адрес: редакция "Осколков".

У нас в Петербурге тепло. Будет еще письмо. Дунечке, Сирусичке и прочим моим слабительным слабостям поклон.

Хочу спать! Всю ночь не спал! Ночь была так чревата курьезами, что расскажу, когда приеду.

Любящий, но упрекающий в нерадении А. Чехов.

А Леонтьева, Миша, все-таки хороша!

Поменьше ешьте.

173. Ф. О. ШЕХТЕЛЮ
26 апреля 1886 г. Петербург.

Sire!

Я в Питере. Видел Голике.

Мой адрес: редакция "Осколков", Троицкий пер.

Погода великолепная. Если напишете, как Ваше здоровье и где теперь Николай, то я скажу спасибо в квадрате. «…»*

Вы, кажется, ошибаетесь: Лентовский «…»** взбалмошный человек, который сам себя не понимает. Его не понимают, и он других не понимает. Буду писать ему насчет феерии. Он симпатичен настолько, что трудно, вероятно, не работать на него даром. На даче, конечно, Вы будете жить. Вчера я был у Суворина и взял денег. Очень просто!

Ваш А. Чехов.

Насчет кутежа, к«ото»рый будет у меня с Голике в воскресенье, сообщу особо. * В автографе кем-то зачеркнуто несколько слов, не поддающихся прочтению. ** Зачеркнуто два слова, не поддающихся прочтению.

174. И. П. ЧЕХОВУ

28 апреля 1886 г. Петербург.

Кокарда!

Посылаю тебе каталог, в к«ото»ром обрати внимание на подчеркнутое синим карандашом. Этот портрет я видел. Его ты никак не отличишь от портрета, сделанного масляными красками. Имеет вид он овала. Приличен, изящен и солиден.

Голике дарит мне портрет, но только не крашенный, а нечто вроде гравюры или фототипии.

Если ты не прочь пожертвовать 6 р., то можешь выписать подчеркнутый.

Вчера я послал тебе премии "Осколков". Сегодня я буду на вечере у Суворина, где будут "все", с Григоровичем во главе. Сейчас иду завтракать к Голике - очень милый человек, ждущий от тебя заказа на похвальные листы. Завтра, вероятно, буду в Павловске. Познакомился с худ«ожниками» Лебедевым и Эрбером. Первый стар и мил. К Лейкину в "имение" (1/2 десятины земли) поеду в субботу с Игрэком. Мой адрес: Троицкий пер. Ред«акция» "Осколков".

Член товарищества и распорядитель А. Чехов.

175. М. П. ЧЕХОВОЙ
6 мая 1886 г. Петербург.

Мая 6-го 1886 г.

Милостивая государыня Маша!

Я приеду с почтовым 8-го. Миша выйдет ко мне навстречу. Если Кокоша поехал в Бабкино, то я очень рад. Хотя у Эфрос и длинный нос, тем не менее остаюсь с почтением

Редактор: А. Чехов.

Я женился.*

Сук«…» свинья - не ты.

Я купил Эфрос шоколаду. * Далее в автографе несколько слов вырезано.

176. Ал. П. ЧЕХОВУ 10 мая 1886 г. Москва.

Маия 10-го 1886 г.

Милейший Александр Павлович г. Чехов!

Если ты еще не раздумал написать мне, то пиши теперь по адресу: "г. Воскресенск (Моск. губ.) г. доктору Ант. П.".

Я только что вернулся из Питера, где прожил 2 недели. Время провел я там великолепно. Как нельзя ближе сошелся с Суворинym и Григоровичем. Подробностей так много, что в письме их не передашь, а потому сообщу их при свидании. Читаешь ли "Новое время"?

"Город будущего" - тема великолепная, как по своей новизне, так и по интересности. Думаю, что если не поленишься, напишешь недурно, но ведь ты, черт тебя знает, какой лентяй! "Город будущего" выйдет художественным произведением только при след«ующих» условиях: 1) отсутствие продлинновенных словоизвержений политико-социально-экономического свойства; 2) объективность сплошная; 3) правдивость в описании действующих лиц и предметов; 4) сугубая краткость; 5) смелость и оригинальность; беги от шаблона; 6) сердечность.

По моему мнению, описания природы должны быть весьма кратки и иметь характер a propos. Общие места вроде: "Заходящее солнце, купаясь в волнах темневшего моря, заливало багровым золотом" и проч. "Ласточки, летая над поверхностью воды, весело чирикали" - такие общие места надо бросить. В описаниях природы надо хвататься за мелкие частности, группируя их таким образом, чтобы по прочтении, когда закроешь глаза, давалась картина. Например, у тебя получится лунная ночь, если ты напишешь, что на мельничной плотине яркой звездочкой мелькало стеклышко от разбитой бутылки и покатилась шаром черная тень собаки или волка и т. д. Природа является одушевленной, если ты не брезгуешь употреблять сравнения явлений ее с человеч«ескими» действиями и т. д.

В сфере психики тоже частности. Храни бог от общих мест. Лучше всего избегать описывать душевное состояние героев; нужно стараться, чтобы оно было понятно из действий героев… Не нужно гоняться за изобилием действ«ующих» лиц. Центром тяжести должны быть двое: он и она…

Пишу это тебе как читатель, имеющий определенный вкус. Пишу потому также, чтобы ты, пиша, не чувствовал себя одиноким. Одиночество в творчестве тяжелая штука. Лучше плохая критика, чем ничего… Не так ли?

Пришли мне начало своей повести… Я прочту в день получения и возвращу тебе со своим мнением на другой же день. Оканчивать не спеши, ибо раньше середины сентября ни один питерский человек не станет читать твоей рукописи, - овые за границей, овые на даче…

Я рад, что ты взялся за серьезную работу. Человеку в 30 лет нужно быть

положительным и с характером. Я еще пижон, и мне простительно возиться в дребедени. Впрочем, пятью рассказами, помещенными в "Нов«ом» времени", я поднял в Питере переполох, от которого я угорел, как от чада.

Гонорар из "Сверчка" и "Буд«ильника»" тебе послан Мишкой в 2 приема.

За сим будь здоров и не забывай твоего

А. Чехова.

Погода плохая: ветер.

177. Н. А. ЛЕЙКИНУ
24 мая 1886 г. Воскресенск.

86, V, 24.

Ждал, ждал от Вас обещанного письма с распоряжениями по части книги, да так и не дождался, уважаемый Николай Александрович! Очевидно, Вы заслушались соловьев и утонули в прелестях Тосны - не до писем Вам!

Я перед Вами виноват: плохо работаю в "Осколки". Теперь я всюду плохо работаю. Что со мною подеялось, не ведаю. Вероятно, вещуньина с похвал вскружилась голова… А если Вы верите в сглаз, то могу в свое оправдание сказать и "сглазили!". Вообще эти поездки в Питер всегда действуют на меня скверно. Выбиваюсь из колеи и долго не могу выпустить из головы угар… Буду лентяйничать до первого июня, а там даю слово работать… Вообще, выругайте хорошенько…

Прасковье Никифоровне громаднейшее спасибо за гостеприимство. Во веки веков не забуду. Насколько у меня хороша память, можно судить из след«ующего» планта:

Теперь о книге. Судя по объявлению в "Оск«олках»", она должна быть уже готова и сдана, как сказано в объявлении, Вольфу, Суворину и прочим. Я с своей стороны сделал пока следующее. Заказал Гиляровскому рекламы в "Рус«ских» вед«омостях»", в "Совр«еменных» изв«естиях»" и в "Русском курьере". Взял слово с "Будильника", что в нем будет реклама. Объявления помещу в: "Будильнике", "Вокруг света", "Новостях дня"; в "Русских ведомостях" помещу объявление только тогда, когда разрешат оной газете розничную продажу, а до тех пор не стоит. Не стоит давать объявления в "Современку" и в "Курьер", ибо сдерут дорого, а толку мало: подписчиков нет!

За сим жду скорейших распоряжений и указаний. Книгу для разноски по московским магазинам посылайте по адресу: "Москва, Живодерка, Казенное арбатское училище, Ивану Павловичу Чехову". Подчеркнутое лицо сделает все что нужно, если к посылке будет приложен план действий. В начале июня я сам буду в Москве. Вообще, в книжных делах я глуп, а потому Ваши указания необходимы.

Какова у Вас погода? Тепло или холодно? Бывают туманы?

От Вас обратно я ехал все на том же "Георгии". Рожи его капитана и шкиперов вертятся у меня перед глазами.

Кланяйтесь И. Грэку. Он бывает у Вас каждую неделю, а потому не соблазните его Аксюшкой, да и сами не соблазнитесь. Вы вообще подозрительно много говорили про Аксюшку…

У меня погода великолепная. Скажите Тимофею, что в вершах у меня каждый день сидят щуки. Рыба ловится хорошо.

Жду от Вас письма. Воскресенск, Москов«ской» губ«ернии».

Ваш А. Чехов.

Феде, конечно, поклон.

У меня Ваш платок!!!

178. Н. А. ЛЕЙКИНУ
27 мая 1886 г. Бабкино.

86, V, 27.

Получил Ваше письмо, добрейший Николай Александрович, и, чтобы Вы не попрекали меня в лености, спешу ответить на него. Primo*: Вам послано уже 2 письма, одно от меня, другое от Николая, ждущего от Вас заказов. Оба письма адресованы в село Ивановское.

2) Передайте Тимофею, что я ему завидую. В этом году у меня рыба ловится неважно. Разная херовинка ловится, а что покрупней, то упорно избегает знакомства со мной. Ловятся щуки, но от щук такая же корысть, как от ледащих собак. Одна только сырость. Советую Вашему маститому рыболову, напоминающему старообрядческого архиерея, половить рыб на живца: берут толстую леску, хорошее грузило и солидный крючок на струне (басок). Достаточно крючка такой величины: или чуточку больше. Приманкой служит живая рыбка (пескарь, голавль), которой крючок проводится сквозь "зебры" в рот. Забрасывается на ночь. Рекомендую ему также поставить вершу в пруде. В вершу надо положить в кисейном мешке гречневой каши с творогом. Пока больше я ему ничего не советую.

Досадно: налимы идут плохо. Поймал до сих пор 3-4, не больше.

3) Боже, как я ленюсь! Погода виновата: так хороша, что нет сил на одном месте усидеть.

До сих пор я не видел объявления о моей книге ни в "Пет«ербургской» газете", ни в "Нов«ом» времени". Суворину послал письмо. Вероятно, он сердится на меня за мою лень.

4) Виктор Викторович худеет оттого, что скучает по мне и не имеет успеха у женщин. Ему нужно застрелиться. Кланяйтесь ему.

Слышны почтовые звонки… Кто-то едет… Бегу глядеть… Приехал гость, а я продолжаю писать.

5) Интересно было бы знать, каким образом Тимофей и К° починили блок на мачте? На верхушку лазили?

6) Завтра буду строчить в "П«етербургскую» газ«ету»", а послезавтра в "Осколки".

Виньетка вышла удачна. Не знаю, почему она Вам так не нравилась! Вообще книга внешностью превзошла мои ожидания, за что приношу большущее спасибо виновникам сего, но внутри она не тово… Следовало бы кое-какие рассказы выбросить, а кое-какие починить. Цена несколько велика.

Денег нет, выработать лень. Пришлите мне полки для положения зубов. Но я сдержу слово: проленюсь май, а с 1-го июня засяду работать.

Погода у нас роскошна. Дни ясные, тихие, а ночи черт знает как хороши! Мужики жалуются, что дождя нет, и ходят по полю с иконами. Погода подозрительно хороша: очевидно, перед длинным и скучным ненастьем…

У меня много больных. Рахитические дети и старухи с сыпями. Есть 75-летняя старуха с рожей руки; боюсь, что придется иметь дело с рожистым воспалением клетчатки. Будут абсцессы, а резать старуху страшно…

Да, без писем скучно. На даче интересно получать письма. Скажите И. Грэку, что ему давно уже пора написать мне что-нибудь. Ведь я почти в ссылке, а la Юша, и живу пером, а la Джок.

Май хорош, но как скучно будет в августе! Предвкушаю осень, которая неизбежна.

Насчет Валаама решит судьба: если буду много печататься, то приеду, если же буду лениться, то путешествие не состоится. Во всяком случае могу приехать не раньше июля. Если приеду, то с сестрой. "Зашевелились", очевидно, материал для будущей книги. "Стукин и Хр«устальников»" мне так нравятся, что я даю их всем читать.

Книга тем хороша, что в ней трактуется не об одном каком-нибудь банке, а вообще о банковских порядках на Руси. Это самая лучшая из всех Ваших книг. Впрочем, она в своем роде, и сравнивать ее с другими книгами нельзя.

Как у Вас сошло 9-е мая?

Кланяюсь Прасковье Никифоровне и Феде. А за сим, как водится это у порядочных людей, нужно дать Вам отдых и, перестав надоедать, пребыть уважающим

А. Чехов. * во-первых (лат.)

179. Ф. О. ШЕХТЕЛЮ
27 мая 1886 г. Бабкино.

2 х 2 = 4.

Вчера я причинил Вам вред…

Я послал Вам посылку, за доставку которой Вы заплатите четвертак.

Пусть этот четвертак послужит штрафом за Ваше упорное, беззаконное, ничем не оправдываемое и безнравственное уклонение от поездки в Бабкино!!

Если не приедете на Троицу, то получите еще одну посылку. Стыдитесь!!

Если не приедете, то желаю Вам, чтобы у Вас на улице публично развязались тесемки у кальсон.

Николай не пьет… воды. Вообще - пхе! Ждущий и потолстевший

А. Чехов.

27 май*. * Далее в автографе кем-то зачеркнуто несколько слов. См. примечания.

180. Н. А. ЛЕЙКИНУ

Июнь, не ранее 5, 1886 г. Бабкино. Рукой Н. П. Чехова:

Многоуважаемый

Николай Александрович!

Посылаю Вам рисунок, более отделанный, чем предыдущий. Другой пошлю с завтрашней почтой, сегодня же послать нельзя, т. к. возница не ждет, хотя работы всего минут 10-15. Следующий рисунок тоже карандашный и изображает собою "Павловск", т. е. павловский вокзал, который я зачертил с натуры прошлым летом. Кстати, роясь в папке, я отыскал подпись для рисунка, данную мне редакцией "Осколков". Рисунок должен изображать двух прощающихся супругов на дебаркадере. Супруга удерживает мужа поцелуями и, после того как поезд ушел, начинает бранить его нещадно.

Если эта подпись не была у вас в ходу, то я изображу на нее хорошенький рисунок т. е. Николай хочет просить прибавки за торшонные рисунки и не знает, как приступить. Советую выпить ему рюмку водки для храбрости и продолжать:

Так вот что, Николай Александрович: прежде всего попросите Антона не писать на чужих письмах, хотя бы и правды, а затем выслушайте.

Рисовать на корнпапье за 16 р. мне невыгодно ввиду того, что слишком много тратится времени на "затачивание", на излишние "штрихи" в пользу камня Ас, к тому же я завален работой для "Всемирной иллюстрации". Помимо того, что я ее корреспондент, я рисую и жанр, который будет готов к половине июля. Выходит, что времени на "затачивания" и не хватает. Значит, разговор о прибавке - вовсе не лишний разговор. Изображать перовые рисунки мне выгодней, т. к. они отнимают мало времени. Вот и вся исповедь. Пришлите тем.

Н. Чехов. 86.

Кланяюсь под исповедью и желаю всех благ. Получил от Вас письмо и буду отвечать на него особо.

О книге видел рецензию в "Будильнике". Видел объявление о ней в "Новостях дня"… Вообще, стараюсь. Вы спрашиваете, куда я деньги трачу?

На женщин!!!!

Приехал Алоэ. Принимать Вам его придется в самом скором времени. Болен глазами (не я, а Алоэ).

А. Чехов.

181. Ф. О. ШЕХТЕЛЮ
8 июня 1886 г. Бабкино.

86, VI, 8.

Добрейший и тяжелейший на подъем Франц Осипович!

Письмо Ваше получил. Ответ мой прост: Вы свой собственный враг… Во-первых, нельзя так легкомысленно относиться к гимнастике, и во-вторых, стыдно сидеть в душной Москве, когда есть возможность приехать в Бабкино… Житье в городе летом - это хуже педерастии и безнравственнее скотоложства. У нас великолепно: птицы поют, Левитан изображает чеченца, трава пахнет, Николай пьет… В природе столько воздуху и экспрессии, что нет сил описать… Каждый сучок кричит и просится, чтобы его написал жид Левитан, держащий в Бабкине ссудную кассу.

Николай обрился и помешался на индейском петухе. Высшее его наслаждение - это свистать индюку или изображать его. Я пишу, пишу, пишу… и ленюсь. Вчера приехал Бегичев, который открыл у нас парикмахерскую.

Приезжайте не на неделю, а на две - на три. Каяться не будете, особливо если Вы не против житья по-свински, т. е. довольства исключительно только растительными процессами. Бросьте Вы Вашу архитектуру! Вы нам ужасно нужны. Дело в том, что мы (Киселев, Бегичев и мы) собираемся судить по всем правилам юриспруденции, с прокурорами и защитниками, купца Левитана, обвиняемого в a) уклонении от воинской повинности, b) в тайном винокурении (Николай пьет, очевидно, у него, ибо больше пить негде), c) в содержании тайной кассы ссуд, d) в безнравственности и проч. Приготовьте речь в качестве гражданского истца. Ваша комната убрана этюдами. Кровать давно уже ждет Вас.

Пишите, когда ждать Вас? Мы устроим Вам торжественную встречу.

Аптека у нас есть. Гимнастикой заниматься есть где. Купанье грандиозное. Рыба ловится плохо.

Жму руку.

А. Чехов. Рукой Н. П. Чехова:

Франсуа, приезжай! Здесь я положительно ожил. К тому же помимо физических наслаждений есть и нравственные. В последнем случае индюк играет немалую роль благодаря его генеральской важности, перед которой я благоговею. Приезжай, интересного много.

Твой Н. П. Чехов.

182. Н. А. ЛЕЙКИНУ
24 июня 1886 г. Бабкино.

86, VI, 24, Иван-Купало.

Добрейший

Николай Александрович!

Вернувшись вчера из Москвы, я получил Вашу посылку - вырезку из "Петерб«ургских» вед«омостей»". Большое Вам спасибо, черт знает какое большое!

Не столько благодарю за посылку, сколько за память и внимание. Критика Ладожского (кто он?) неважная. Много слов, но мало дела, но все-таки приятно и лестно.

"Новости дня", не знаю, чего ради, целиком перепечатали эту критику, так что половина номера занята разговорами о моей особе. Были заметки в "Будильнике" и в "Русских ведомостях". Вообще книга рекламируется недурно и без всяких со стороны моей усилии. Как она идет? Окупились ли расходы?

Ленюсь я по-прежнему. Черт ее знает, куда пропала энергия… Денег почти нет, погода чаще плоха, чем хороша, а на душе мерзко, ибо не проходит дня, чтобы обошлось без душевной передряги. То и дело натыкаюсь на мерзкие известия и сюрпризы, так что даже боюсь письма получать.

Правда ли, что "Пет«ербургская» газ«ета»" будет выходить в размере "Figaro"?

У меня живет Агафопод, который извиняется, что не успел повидаться с Вами и засвидетельствовать Вашей семье свое почтение. Он был слеп, но теперь совлек с себя Велизария и стал видющ. Николай оканчивает прелестный рисунок, который пошлет завтра. Рисунок замечательный. Способный человечина, но… vous comprenez*, плохой работник.

Разрешили Вы Тимофею ловить рыбу, или он все еще щебень таскает? Уж Вы дайте ему побаловаться. Он хоть и глуп у Вас, но симпатичен и немножко поэт.

В июне я не приеду: семейные обстоятельства… Насчет июля ничего не скажу положительного. Рыбу я пока не ловлю. Грибов много, хотя им и мешают расти безобразно холодные ночи.

Однако Билибин большой молодчина! Фельетоны его в "Газете" очень милы и не только подают надежды, но даже свидетельствуют о крупном таланте, в котором теперь даже деревянные скептики не усомнятся. Он гораздо теплее и грациознее Буквы… Не хватает только выдержки. Как здоровье Прасковьи Никифоровны? Пусть она упрямо принимает прописанные мною зелья. Даже в случае диагностической ошибки с моей стороны они не могут принести ничего, кроме пользы, но я едва ли ошибся. Диагноз мой тем более верен, что я держусь его и доселе. Если Вы примете во внимание, что Kal. jodatum** не помогало (как Вы мне говорили), то согласитесь со мной сами…

Кланяюсь всем Вашим. Дожди у нас идут ежедневно, но травы, благодаря весенней засухе и ночным холодам, плохи.

Не давайте мужикам ялапы. К чему, если есть касторка?

За сим, в ожидании от Вас письма, жму руку и пребываю уважающим

А. Чехов. * вы понимаете (франц.) ** иодистый калий (лат.)

183. М. Е. ЧЕХОВУ
20-е числа июня, 1886 г. Бабкино.

Дорогой дядя!

Шлю Вам список редакций, в которые Вы можете послать братский отчет:

Одесса, "Новороссийский телеграф".

Одесса, "Одесский вестник".

Харьков, "Южный край".

Москва, "Московские ведомости".

" "Современные известия".

" "Московский листок".

Петербург: "Новое время".

" "Петербургская газета", г. Пономареву.

" "Новости".

Вот и все. Посылайте отчет ежегодно, как делают это все братства, общества и проч. Писем к отчету не прилагайте. Напишут коротко, как это и подобает; обязательно похвалят и пожелают успеха, осуждать же не будут, а если сделают замечание, то полезное…

Пишу коротко, потому что везущие письмо на почту спешат и не хотят ждать. Кланяюсь Вам и всем вашим.

Хвораю: болят зубы и мешает работать геморрой - сенаторская болезнь.

Получили ли Вы номер "Новостей дня"? Что у Вас поговаривают о присоединении Таганрога к Донской области?

Прощайте и будьте счастливы. Не забывайте, что у Вас есть преданный и искренно уважающий

А. Чехов.

Поздравляю Георгия с должностью. Напрасно Вы стеснялись Еремеева: он не взял бы с Вас денег, да и карточку я дал, чтобы Вы не платили ему. С таких хороших людей, как Вы, врачи не должны брать денег. Вы же работаете безвозмездно на пользу общую!

184. М. В. КИСЕЛЕВОЙ
Июль 1886 г. Бабкино.

Материалисты скажут, что разумнее было бы прислать сначала соды, а потом уж рассказ, но скромный автор думает, что интересы изящного должны преобладать над интересами желудка.

Надеясь на снисхождение критиков, автор просит немедленно выслать деньги за рассказ, иначе его жена и деточки поколеют с голоду.

Адрес автора: во втором этаже около кухни, направо от ватера, между шкафом и красным сундуком, в том самом месте, где в прошлом году собака и кошка в драке разбили горшочек.

Автор: А. Индейкин.

185. Е. К. САХАРОВОЙ

28 июля 1886 г. Бабкино.

86, VII, 28.

Аплодирую Вам, уважаемая Елизавета Константиновна, до боли и мозолей в ладонях. Ваша свадьба - это лучшая пьеса, которую Вы когда-либо играли… Поздравляю, крепко жму руку и от чистого сердца, приятельски желаю всего лучшего. Несмотря на свой очень маленький рост, Вы более, чем кто-либо другой, стоите настоящего, хорошего счастья.

Жалею, что судьба не позволила мне быть у Вас шафером. Моим шаферством завершились бы и запечатлелись бы навеки нерушимо наши добрые и (села позволите) приятельские отношения.

Сейчас я вернулся из Звенигорода, где, конечно, виделся с Вашей тетушкой

Л«юдмилой» В«асильевной». О чем мы с ней говорили, Вы знаете и догадываетесь, ибо темы Вашей тетушки вечны и постоянны, как законы природы… В самых ярких, кричащих и глаза режущих красках она (ехидно следя за выражением моего лица - потерял, мол, голубчик!) расписала Ваше счастье. Благодаря ей я знаю, что Вы не знаете, куда деваться от счастья, и что Ваш жених лицом похож на Христа.

Людмилочка пела. Познакомился я с Менелаем - генералом.

Живется скучно. Зарабатываю много, но денег по-прежнему нет. Со мной живет Левитан, привезший из Крыма массу (штук 50) замечательных (по мнению знатоков) эскизов. Талант его растет не по дням, а по часам. Николай работает мало. Сестра жива и здравствует. Миша влюблен и философствует, и проч., и проч…

Весьма вероятно, что я буду в Крыму, если не в этом году, то в будущем. Если сообщите Ваш севастопольский адрес, то, ради того, чтобы поглазеть на Вас, я с удовольствием завернул бы в Севастополь.

Прощайте… Да будет Ваша жизнь так же сладка, как Ваша новая фамилия. Не забывайте, что у Вас есть доброжелатель и поклонник

А. Чехов.

На всякий случай сообщаю мой постоянный адрес: Москва, Тверская, редакция "Будильника".

Если будут слухи о моем переезде в Питер, то адресуйте Суворину.

Помните, как Вы, я и Левитан ходили на тягу?

Лет через 5-10, если буду жив, я опишу всю фамилию Марковых. Буду стараться не терять Вас из вида.

Помните, как Вы плакали в Перерве?

Здоровье мое - грусть! Пхе!

Спасибо за Вашу память. Письмо меня тронуло.

A propos: вышла моя книга. О ней говорили все газеты и журналы. Самую ядовитую ругань написал Н. Михайловский в июньской книжке "Северного вестника" (в отделе "Новые книги"). На конверте:

Москва, Лефортово.

Аптекарский пер., д. Ушаковых.

Ее высокоблагородию

Елене Васильевне Марковой.

Для передачи

Елизавете Константиновне Сахаровой.

186. Н. А. ЛЕЙКИНУ
30 июля 1886 г. Бабкино.

30 июль.

Спасибо Вам за письмо, добрейший Николай Александрович. Спасибо за то, что оно не ругательное, как я ожидал…

Третьего дня, после трехнедельного антракта, я послал Вам рассказ. Думаю, что антракт мой кончился, так как от бед, которые обрушились на мою голову, остались только одни следы. А беды мои суть следующие:

1) Страшно разболелись зубы… Болели три дня и три нощи… Кончилось тем, что в одну из ночей пришлось скакать в Москву, где я в один присест вырвал два зуба.

От тяжелого, медленного зубодерганья, измучившего меня до чертиков, разболелась моя башка и болела два дня. 2) Возвратившись из Москвы, я к ужасу своему заметил, что не могу ни сидеть, ни ходить: у меня появился геморрой. Задница «…» разгулялась на славу и гуляет до сегодня. Хотел писать лежа, но этот фокус мне не удался, тем более что, рядом с шишками, общее состояние было отвратительное. Пять дней тому назад ездил в Звенигород сменить ненадолго своего товарища, земского врача, где был занят по горло и болел. Вот и все… Теперь: отчего я не писал Вам, что не будет рассказов? А потому не писал, что с каждым часом не терял надежды сесть и написать рассказ… Телеграфа в Воскресенске нет…

Болен я и доселе. Настроение духа мерзкое, ибо и денег нет (в июле я нигде не работал), и домашние обстоятельства не радуют… Погода сволочная.

От Вас я получил только одно письмо, где Вы пишете о Тимофее и моей книге. Письмо, где Вы спрашиваете о маршруте в Бабкино, мною не получено, иначе бы Вы давно уже знали путь ко мне. На всякий случай вот путь ко мне: Николаевская дорога, станция Крюково; отсюда на ямщике в Воскресенск (Нов«ый» Иерусалим) или же прямо ко мне в Бабкино. В Воскресенске мой адрес можно узнать в лавках, на почте, у попа, у станового, у мирового. Семья была бы очень рада видеть Вас, а я с удовольствием хотя немножко бы заплатил за Ваше гостеприимство.

Теперь о моей книге. Будучи в Москве, я не видал ее ни в одном книжном магазине. У Васильева нет ("давно была, а теперь нет"), на Ник«олаевском» вокзале тоже была, а теперь нет, и т. д. Если, по-Вашему, книга пойдет осенью, то подожду печатать объявление в "Рус«ских» вед«омостях»".

Про мою книгу заговорили толстые журналы. "Новь" выругала и мои рассказы назвала бредом сумасшедшего, "Русская мысль" похвалила, "Сев«ерный» вестник" изобразил мою будущую плачевную судьбу на 2-х страницах, впрочем похвалил…

Вчера я получил приглашение от "Русской мысли". Осенью напишу туда что-нибудь. Напрасно Вы спрашиваете, когда я буду в Москве. Я и сам не знаю, когда я там буду. Пришлите доверенность по дачному адресу; если бы Вы прислали ее ранее, то Ваше поручение было бы давно уже исполнено.

В начале августа сестра едет в Москву искать квартиру. Переберусь в сентябре.

Погода отвратительна. Все лето порют дожди и будут пороть до бесконечности. Наша река выступила из берегов по-весеннему, а la половодье, так что мы сегодня ловили наметкой рыбу. Хлеб гниет и урожай пропал. Пропало и лето.

Агафопод в Москве, Николай у меня.

Как здоровье Прасковьи Никифоровны, и кончилась ли сенатская возня с Федей? Почтение им обоим купно, с пожеланием всяких благ…

Нет ли чего-нибудь новенького? Сейчас хочу завалиться спать… Прощайте и будьте здоровы.

Апель Апеличу наше нижайшее. «…» Ваш А. Чехов.

187. Н. А. ЛЕЙКИНУ
20 августа 1886 г. Бабкино.

86, VIII, 20.

Пишу Вам, добрейший Николай Александрович, не по дачному адресу, а на редакцию, ибо не знаю, перебрались Вы в город или нет… Ваше письмо получил. Счастливцы Вы, право, что у Вас, северян, было лето… У нас было не лето, а сплошное черт знает что: дождь, дождь и дождь… В настоящее время ветер, холодище и тяжелые тучи. Реомюр показывает 4,5 тепла. Скука и стремление к чему-нибудь зашибательному вроде пьянства…

Рассказ к предыдущему № я не послал Вам, ибо, откровенно и честно говоря, не было темы. Думал, думал и ничего не выдумал, а чепуху посылать не хочется, да и скучно. Зато я взял слово с Агафопода, который гостил у меня, что он обязательно пошлет Вам рассказ и уведомит Вас, что я к оному № ничего не пришлю.

В Москву я переберусь в начале сентября, когда соберу толику денег, необходимую для перевозки. Квартиру нашел я себе (650 р. в год) в Кудрине на Садовой - д. Корнеева.

Квартира, если верить сестре, хороша. От центра недалеко, и место чистенькое… Кстати, где теперь Пальмин? О нем ни слуху ни духу… Как-то он с квартирой? Опять будет жить где-нибудь у черта на куличках, с чадом, с сыростью, с низкими потолками, но без нужника. Впрочем, поэты выше нужника!

У меня к вам просьба, и, представьте, денежная. Вывозите! Собака домовладелец, у которого я буду жить, требует плату за 2 месяца вперед, а у меня сейчас ни шиша… Рублей 50 я могу достать в Москве; больше брать у москвичей не хочу, да и черт с ними, неприятно обязываться… Вы пришлите мне 70 рублей. Суть не в количестве, а в том, чтобы эти деньги были получены мной ранее 1-го сентября - срок платежа… Стало быть, премного обяжете (по гроб жизни), если немедля сделаете распоряжение о высылке сих денег. Высылайте их по адресу: Москва, Теплые ряды, амбар И. Е. Гаврилова, Павлу Егоровичу Чехову, т. е. моему родителю, который и заплатит за квартиру.

Только, ради аллаха, не медля, ибо после 1-го деньги уж не нужны будут. О высылке их благоволите уведомить меня по Воскресенскому адресу. Вот и все…

Получил приглашение из "Русской мысли". Ваш рассказ "В Строгановом саду" самый удачный из всех Ваших летних рассказов. Хорош, как мелочишка, и "Баргамот".

Что это за художник Полей?

Простите, что я манкирую в переписке. Дрессирую себя по возможности, но ни «…» не выходит.

Вы удлинили конец "Розового чулка". Я не прочь получить лишние 8 копеек за лишнюю строчку, но, по моему мнению, "мужчина" в конце не идет… Речь идет только о женщинах… Впрочем, все равно…

Приехал ли Худеков?

Кланяюсь Прасковье Никифоровне и Феде, а Вам жму руку и пребываю уважающим

А. Чехов.

188. Н. А. ЛЕЙКИНУ
7 сентября 1886 г. Воскресенск.

Воскресенск, 86, VIII, 7.

Спасибо Вам, уважаемый Николай Александрович, за Ваш любезный ответ на мою просьбу. Вчера получил от батьки письмо с извещением, что 70 целкашей уже прибыли.

Сегодня я уезжаю из прекрасных здешних мест. Плохое лето кончилось для того, чтобы уступить место каторжной зиме. Мой новый адрес: Москва, Кудринская-Садовая, д. Корнеева, куда и благоволите адресоваться.

Пишу это письмо на бивуаках: сидя на визите у отставного раненого поручика в шапочке, сидящего сейчас около меня и критикующего местную публику.

Из Москвы буду писать, а пока будьте здоровы и не поминайте лихом.

А. Чехов.

Давно собираюсь спросить: не есть ли земляная груша - брюква?

189. Р. Р. ГОЛИКЕ

11 сентября 1886 г. Москва.

Москва, 1886 г., сентябрь 11.

Дорогой Роман Романович! Вместе с 6-этажным поклоном и пожеланием всех благ шлю Вам заказ для Вашей типографии. Заказ громадный, и от исполнения его зависит успех Вашей фирмы. Дело в том, что нужно напечатать листки для баллов (школьных) по прилагаемому масштабу. Условия подряда таковы: 1) 100 книжек сброшюрованных и с цветной обложкой. В каждой книжке по 12 листов, по образцу прилагаемого листка такого же формата или, что лучше, несколько подлиннее, 2) последний листок, двенадцатый, имеет заглавие "экзаменационный листок", 3) шрифт - осколочный петит, 4) бумага с лоском, 5) рамочка пошикарнее. Простите, что беспокою Вас такой чепухой. Хочется сделать педагогу подарок, и, мне кажется, ученикам будет очень приятно получать отметки на хорошеньких книжках (плата за заказ будет уплачена Вам господином секретарем сатирического журнала "Осколки", где я сотрудничаю и соперничаю в таланте с известным русским писателем Н. А. Лейкиным). В ноябре одер* декабре я буду в Питере. Прощайте, будьте здравы. Поклон Ивану Грэку.

Ваш Чехов. * или (нем. oder)

190. Ф. О. ШЕХТЕЛЮ
13 или 16 сентября 1886 г. Москва.

Обманутый Человек!

Простите за обман. Дело в том, что я рассчитывал, что Вы, потерпев крушение с быками, не возвратитесь к сроку, а во-вторых, я был позван к Коршу по делу.

Адрес Гиляя не знаю. Он может быть узнан в "Русских ведомостях".

Будьте сегодня у Корша. Дается "Холостяк" Тургенева, где, по словам Корша, Давыдов выше критики. Я буду там.

Ваш А. Чехов.

191. Н. А. ЛЕЙКИНУ

20 сентября 1886 г., Москва.

86, IX, 20.

Добрейший

Николай Александрович!

Пишу Вам не тотчас по приезде, как обещал в последнем письме, а неделю спустя. Переездная сутолока, возня с убранством комнат, угар новой квартиры и сплошное безденежье совсем сбили меня с панталыку. А тут еще, словно на закуску, третьего дня хватила меня холерина, от к«ото»рой я еще и доселе не приду в себя. Теперь о деле… Сегодня получил из Вашей конторы 20 экз«емпляров» моей книги. Mercі за хлопоты. Нового решительно ничего. Пальмина не видел. Агафопод в Москве, Николай не показывается… Живу в Кудрине на Садовой - место чистое, тихое и отовсюду близкое, не то что Якиманка. Как Вы поживаете, и нет ли чего нового в области "Осколков"? Все ли благополучно, и ясно ли небо на юмористическом горизонте? A propos, московские юмористы благоденствуют… "Будильник" на прежней точке замерзания, "Развлечение" погибло (хотя и избавилось от Кичеева), но зато "Сверчок" растет не по дням, а по часам. Братья Вернеры то и дело катают в Париж и обратно. Купили себе типографию, завели газовый двигатель, трафарет, пригласили парижского Люка и проч., проч. Живут шикарями. Их "Вокруг света" имеет более 20 тысяч подписчиков, а "Сверчок" хватил за 5 тыс«яч». Каковы ребята? Вот Вам и жилетки с лошадями. Энергичны до чертиков и, можно ручаться, не слетят с занятой ими теперь позиции.

У меня полное отсутствие денег. Верите ли, заложил часы и золотую монету. Ужасно глупое положение! Неделю тому назад писал Буйлову, чтобы он выслал мне гонорар, но ответа доселе не получаю. Нравится мне "Новое время": оно высылает тотчас же по востребовании, а Буйлов нестерпимо долго почесывается. Неужели все так вяло

получают у него деньги?

Вы живете еще на даче… Не завидую Вам, хотя и в городском моем житье нет ничего веселого. Сижу дома и изредка хожу смотреть Давыдова, к«ото»рый играет теперь у Корша. Эка, Питер прозевал какого актера!

Бегу в нужник, ибо приспичило… Меня все еще несет после холерины…

Сидя в нужнике, почему-то вспомнил про Пастухова. Он по-прежнему в силе и славе. Сонмы Герсонов и Пазухиных витают около него и поют ему: "Радуйся!..". "Новости дня" страдают аглицкой болезнью. Питание отвратительное. "Русские ведомости" сохнут и сохнут от большого ума, "Курьер" опустился окончательно…

Пишите мне про Тосну, про Ваших псов, про почту, где Апель подрался с кошкой… Все ли около Вашего дома торчит завод с покоптевшей трубой, и все ли Тосна запружена баржами? Одно у Вас несносно - это многолюдство…

Кланяюсь Прасковье Никифоровне и Феде. От Вас жду письма. В последнем своем письме я сообщил Вам свой новый адрес. На случай потери сообщаю еще раз:

Садовая-Кудрино, д. Корнеева.

Воображаю, как холодно и сыро ездить теперь на пароходе! Хорошо еще, что водка не дорога… На "Георгии" очень вкусна и дешева солонина.

Кланяйтесь всем редакционным и конторским. За сим жму руку и пребываю

Ваш А. Чехов.

192. М. В. КИСЕЛЕВОЙ
21 сентября 1886 г. Москва.

86, IX, 21.

Чтобы иметь право сидеть у себя в комнате, а не с гостями, спешу усесться за писанье. На очереди - письмо к Вам, многоуважаемая и добрая Мария Владимировна. Представьте: Яшенька и Яденька пришли! Если найдете в этом письме каракули, то знайте, что Яшенька помешала, чтоб ей Мерлитон приснился!

Прежде всего большое Вам спасибо за выписки из "Русской мысли". Я читал и думал: "Благодарю тебя, боже, что на Руси еще не перевелись великие писатели!" Да, не оскудевает наша родина… Из письма Вашего к сестре я усматриваю, что и Вы начинаете конкурировать по части известности… (Я говорю про Питер и образцы рассказов по мифологии.) Что ж, помогай бог! Литература - не ерши, а потому я не завидую…

Впрочем, не велика сладость быть великим писателем. Во-первых, жизнь хмурая… Работы от утра до ночи, а толку мало… Денег - кот наплакал… Не знаю, как у Зола и Щедрина, но у меня угарно и холодно… Папиросы по-прежнему мне подают только в табельные дни. Папиросы невозможные! Нечто тугое, сырое, колбасообразное. Прежде чем закурить, я зажигаю лампу, сушу над ней папиросу и потом уж курю, причем лампа дымит и коптит, папироса трещит и темнеет, я обжигаю пальцы… просто хоть застрелиться в пору!

Денег, повторяю, меньше, чем стихотворного таланта. Получки начнутся только с 1-го окт«ября», а пока хожу на паперть и прошу взаймы… Работаю, выражаясь языком Сергея, ужжасно, тшшесное слово, много! Пишу пьесу для Корша (гм!), повесть для "Русской мысли", рассказы для "Нов«ого» вр«емени»)", "Петерб«ургской» газ«еты»", "Осколков", "Будильника" и прочих оргАнов. Пишу много и долго, но мечусь, как угорелый: начинаю одно, не кончив другое… Докторскую вывеску не велю вывешивать до сих пор, а все-таки лечить приходится! Бррр… Боюсь тифа!

Понемножку болею и мало-помалу обращаюсь в стрекозиные мощи. Если я умру раньше Вас, то шкаф благоволите выдать моим прямым наследникам, которые на его полки положат свои зубы.

Хожу я именинником, но, судя по критическим взглядам, к«ото»рые пускает на меня

конторщица "Будильника", одет я не по последней моде и не с иголочки. Езжу не на извозчике, а на конке.

Впрочем, писательство имеет и свои хорошие стороны. Во-первых, по последним известиям, книга моя идет недурно; во-вторых, в октябре у меня будут деньги; в-третьих, я уже понемножку начинаю пожинать лавры: на меня в буфетах тычут пальцами, за мной чуточку ухаживают и угощают бутербродами. Корш поймал меня в своем театре и первым делом вручил мне сезонный билет… Портной Белоусов купил мою книгу, читает ее дома вслух и пророчит мне блестящую будущность. Коллеги доктора при встречах вздыхают, заводят речь о литературе и уверяют, что им опостылела медицина. И т. д.

На Ваш вопрос, заданный сестре: женился ли я? отвечаю: нет, чем и горжусь. Я выше женитьбы! Вдова Хлудова (плюющая на пальцы) приехала в Москву. Спасите меня, о неба серафимы!

Теперь о наших общих знакомых… Мать и батька живы и здравы. Александр живет в Москве. Кокоша там же, где был и до поездки в Бабкино. Иван благоденствует у себя в школе. Ма-Па видается с длинноносой Эфрос, дает в молочной уроки по 7 коп. за урок и берет у Богемского уроки по географии, которую дерзает преподавать. Боже, отчего я не преподаю китайского языка? Тетка сватает ее за какого-то Перешивкина, получающего 125 р. Дурочка, не соглашается… Богемский, он же финик, рисует виньетки по 3 руб. за штуку, ухаживает слегка за Яденькой, бывает у Людмилочки, надоедает всему миру философией и спешит съерундить другой рассказ в "Детский отдых". A propos: какое у Вас дурное общество! Политковская, Богемский… Я бы застрелился. Левитан закружился в вихре, Ольга жалеет, что не вышла за Матвея, и т. д. Нелли приехала и голодает. У баронессы родилось дите. Я рад за отца… Про m-me Сахарову слышно, что она бесконечно счастлива… О, несчастная!

На днях в "Эрмитаже", первый раз в жизни, ел устриц… Вкусного мало. Если исключить шабли и лимон, то совсем противно. Приближается конец письму. Прощайте и поклонитесь Алексею Сергеевичу, Василисе, Сергею и Елиз«авете» Александровне. Еще 6-7 месяцев и - весна! Пора приготовлять крючки и верши. Прощайте и верьте лицемеру

А. Чехову, когда он говорит, что всей душой предан всей Вашей семье.

Едва я кончил письмо, как звякнул звонок и… я увидел гениального Левитана. Жульническая шапочка, франтовской костюм, истощенный вид… Был он 2 раза на "Аиде", раз на "Русалке", заказал рамы, почти продал этюды… Говорит, что тоска, тоска и тоска…

- Бог знает, что дал бы, только побывать бы денька 2 в Бабкине! - восклицает он, вероятно, забыв, как он ныл в последние дни.

193. М. В. КИСЕЛЕВОЙ
29 сентября 1886 г. Москва.

86, IX, 29.

Вчера получил от А«лексея» С«ергеевича» Ваши "Калоши", уважаемая Мария Владимировна. Получил и тотчас же, злорадно ухмыляясь, подмигивая глазом и ехидно потирая руки, стал читать…

Ответ на "Калоши" получите в будущем. Скажу пока, что рассказ написан литературно, бойко, кратко, относительно и приблизительно. Думаю, что ответ будет благоприятный.

Псевдоним Pince-nez удачен.

Конечно, нет надобности уверять Вас, что я очень рад быть Вашим литературно-гонорарным гофмаклером и чичероне. Эта должность льстит моему тщеславию, и исполнять ее так же нетрудно, как нести за Вами ведро, когда Вы возвращаетесь с рыбной ловли. Если Вам необходимо знать мои условия, то извольте:

1) Пишите как можно больше!! Пишите, пишите, пишите…, пока пальцы не сломаются. (Главное в жизни - чистописание!) Пишите больше, имея в виду не столько умственное развитие массы, сколько то обстоятельство, что на первых порах добрая половина Ваших мелочей, в силу Вашей непривычки к "малой прессе", будет подлежать возврату. Насчет возвратов обманывать, лицемерить и вилять не буду - даю слово. А возвраты пусть не смущают Вас. Если даже будут возвращать половину, то и тогда работа будет выгоднее, чем в "Детско-Богемском отдыхе". А самолюбие… Не знаю, как Вы, но я давно уже привык…

2) Пишите на разные темы, смешное и слезное, хорошее и плохое. Давайте рассказы, мелочи, анекдоты, остроты, каламбуры и проч., и проч.

3) Переделки с иностранного - вещь вполне легальная, но только в том случае, если грех против 8-й заповеди не режет глаз… (За "Калоши" быть Вам в аду после 22-го января!) Избегайте популярных сюжетов. Как ни тупоголовы наши гг. редакторы, но уличить их в незнании парижской литературы, а особливо мопассановщины, труд нелегкий.

4) Пишите в один присест, с полною верой в свое перо. Честно, не лицемерно говорю: восемь десятых писателей "малой прессы" в сравнении с Вами - сапожники и вики.

5) Краткость признается в малой прессе первую добродетелью. Самой лучшей меркой может служить почтовая бумага (эта самая, на к«ото»рой я теперь пишу). Как только дойдете до 8-10 страницы, так и - стоп! И к тому же почтовую бумагу легче пересылать… Вот и все условия.

Выслушав наставления от такого умника и гения, как я, соблаговолите теперь принять от меня уверение в самой искренней преданности. Это же самое уверение, буде пожелают, могут принять под расписку Алексей Сергеевич, Василиса и Сергей.

Со вдовой Хлудовой еще не видался. Бываю в театре. Ни одной хорошенькой… Все рылиндроны, харитоны и мордемондии. Даже жутко делается…

Прощайте и поклонитесь всем.

Уважающий А. Чехов.

Сама жизнь обращается мало-помалу в сплошную мордемондию. Живется серо, людей счастливых не видно…

Николай у меня. Он серьезно болен (желудочное кровотечение, истощившее его до чертиков). Вчера он меня испугал не на шутку, сегодня ему легче настолько, что я уже позволяю ему принимать по ложке молока через каждые 1/2 часа. Лежит трезвый, кроткий, бледный…

Всем скверно живется. Когда я бываю серьезен, то мне кажется, что люди, питающие отвращение к смерти, не логичны. Насколько я понимаю порядок вещей, жизнь состоит только из ужасов, дрязг и пошлостей, мешающихся и чередующихся… Впрочем, я ударился в нововременскую беллетристику. Виноват.

Ма-Па здорова. Денег нет.

194. Н. А. ЛЕЙКИНУ
30 сентября 1886 г. Москва.

IX, 30.

Сейчас получил Ваше письмо, уважаемый Николай Александрович, и, не откладывая ответа в долгий ящик, сажусь писать.

Гонорара из "Газеты" еще не получил и отчаялся получить. Писать туда не буду, пока не получу. Быть может, даже сотрудничеству моему в "Газете" придется пропеть аминь: я послал Худекову прошение о прибавке… Замолвите словечко о прибавке, а то ведь, согласитесь, обидно на старости лет писать за 7 коп.! Не найдет ли Х«удеков» возможным давать добавочные по образцу "Осколков"? Впрочем, я на все согласен, даже на плохое единовременное, лишь бы не сидеть на семи

копейках…

Живется серо. Сам я плох, да и кругом себя не вижу счастливых. Агафопод с семьей живет в Москве и еле сыт. Николай вчера и 3-го дня был серьезно и опасно болен. Появилась неожиданно обильная кровавая рвота, к«ото»рую едва удалось остановить. Отощал он на манер тифозного… Ужас, сколько передряг я испытал в эти дни, а тут еще денег нет…

Кончится, должно быть, вся музыка тем, что я плюну, махну рукой и удеру в земство на службу.

Здоровье мое лучше. Нужно бы радикально изменить жизнь, что не легко. На моей совести 3 греха, которые не дают мне покоя: 1) курю, 2) иногда пью и 3) не знаю языков. В видах здоровья 1 и 2 пункты давно уже пора похерить.

Пальмин был у меня. Насчет богов и богинь Вы правы. Я поговорю с ним. Знаете, он и сам напоминает какого-то бога. Живет не по-людски, витает в эмпиреях и знать не хочет земли… Сюртук в пятнах, штаны вечно расстегнуты, галстух на затылке… Был у меня с двумя собаками, которые бегали по комнатам и жалобно выли… На днях буду у него. С ним приятно посидеть вечерок.

Сегодня был у меня Гиляй. Ждет человечина родов. "Опять, говорит, сколупал! Ну, пусть себе плодятся!"

Здоров ли Билибин? От него ни слуху ни духу, точно умер или попал в крепость.

Относительно объявлений в "Буд«ильнике»" и "Сверчке" постараюсь. В "Буд«ильнике»" уже печатались. В "Рус«ских» вед«омостях»" напечатаю, когда деньги будут. А "Листок"… черт с ним! Лучше напечатать объявления в "Одесском вестнике" и "Южном крае" (Харьков).

Послушайте, напишите-ка что-нибудь для сцены! Для Вас это выгодно да и приятно в видах разнообразия.

Больше, кажется, не о чем писать. Погода сносная. Бывают деньки, когда я жалею, что уехал с дачи. Поклон всем Вашим.

Чтобы заболеть коклюшем, нет надобности простужаться. Болезнь инфекционная или, как думают, нервного происхождения.

Ваш А. Чехов.

195. Н. А. ЛЕЙКИНУ
7 октября 1886 г. Москва.

Вторник вечером.

Добрейший

Николай Александрович!

Шлю Вам рассказ одной моей знакомой барыни (не Политковской), очень умной и симпатичной, работающей преимущественно в детских журналах. Как-то, прочитав один из ее рассказов, я попросил ее написать что-нибудь для "Осколков". Она написала. Рассказ, как сами Вы увидите, очень недурен, литературой и не без идейки. Главное, короток. (Дамы редко пишут коротко!) Несколько сентиментален, но это не беда… Барыня совсем литературная… Это хорошая знакомая моей семьи, Марья Влад«имировна» Киселева, дама почтенная и (во избежание нехороших идей в Вашей голове) в летах.

С нее достаточно будет 6 коп. со строки. Если найдете рассказ неудобным, что я не думаю, то поспешите выслать его обратно.

Ну-с, теперь о… "Петерб«ургской» газете". Билибин неделю тому назад писал, что деньги уже высланы, Вы обещались постыдить Худекова, а денег все нет и нет! Такие-то дела! Чем я заслужил такое невнимание со стороны "Газеты", понять не могу. Если ей денег жалко или Буйлов пьет горькую, то хоть бы из простого приличия строчку написала.

Ответа на мое прошение о прибавке - никакого. Очевидно…

Впрочем, я уже надоел Вам своим скулением о деньгах. Постараюсь больше не писать Вам о "Газете". Жалуюсь Вам только потому, что не хватает нервов терпеть. Безденежье такое, что я не знаю, как пережил сентябрь и как теперь живу в ожидании гг. гонораріев.

Николай здоров. Погода плохая, 3-й день жарит дождь. Почтение всем Вашим.

Ваш А. Чехов.

На днях я послал Вам письмо по петербургскому адресу

196. Ф. О. ШЕХТЕЛЮ
19 октября 1886 г. Москва.

Если не трогает вас это художественное изображение моей судьбы, то у Вас нет сердца, Франц Осипович! Дело в том, что фирма "Доктор А. П. Чехов и К°" переживает теперь финансовый кризис… Если Вы не дадите мне до 1-го числа 25-50 р. взаймы, то Вы безжалостный крокодил… Что я честный человек, Вы можете узнать у Рудневой, где я всегда аккуратно плачу. Впрочем, если Вы мне не верите, то я дам Вам вексель, который Вы можете дисконтировать у Николая. Если Вы уедете в Петербург, то и тогда у Вас не пропала надежда получить с меня долг: Вы получите его по телефону… Если же к тому времени не устроят телефона, то я дам Вам чек, по которому Вы получите во всякое время дня и ночи… В случае моей смерти долг мой уплатит Вам, конечно, Николай, который, как Вы знаете, большой мастер платить долги. Завтра (20-го) к 11-12 часам явится к Вам мой младший кондиломчик Миша. Он запоем не пьет, а потому можете довериться ему вполне.

В общем - извините за беспокойство. Когда, бог даст, у Вас не будет денег, я дам Вам взаймы… адрес богатого жида.

Я кончил. Приезжайте к нам.

Ваш А. Чехов.

197. Н. А. ЛЕЙКИНУ
23 октября 1886 г. Москва.

86, X, 23. Но увы! послано только 27-го!

Добрейший

Николай Александрович!

Первым делом про Пальмина. Я был у него и беседовал про богов, луну и про все то, что не под стать нашей хмурой эпохе. После долгой беседы, уснащаемой отрыжкою Фефелы и потчеванием, я пришел к конечному и прочному заключению, что Лиодор Иванович поэт sui generis*, что он может быть только Пальминым… Перекроить его, заставить писать на иные темы так же трудно, как заставить его потолстеть. Боги вошли ему в плоть и кровь, он сроднился с ними, любит их, все же остальное считается пошлостью, недостойною его пера. По-своему он прав, и разубеждать его - напрасный труд.

Далее, по-моему, нет надобности из Пальмина делать другого человека. Поэт он оригинальный и, несмотря на однообразие, стоит гораздо выше и читается охотнее, чем десятки поэтиков, жующих злобу дня.

Судя по письму Билибина, мой гонорар повел к недоразумению (конторскому). Спешу сообщить, что я получил его.

От Худекова ни слуху ни духу. Очевидно, над моим сотрудничеством в "Пет«ербургской» газ«ете»" поставлен крест. Так тому и быть.

Получил приглашение от "Всем«ирной» иллюстрации". Буду туда строчить. Ничего не знаете про сей журнал и его порядки? Предлагают по 10 коп.

Здоровье мое лучше, карман же по-прежнему в чахотке…

Когда прослышите, что Григорович вернулся из-за границы, будьте добры, уведомьте.

Получил от Федорова, издающего в Питере "Дешевую библиотеку", приглашение прислать что-нибудь. Кто сей Федоров? И что я могу послать ему? Вы опытнее меня, научите, как ответить…

В конце октября ждем Вас. Пальмин почти сосед мой, так что Вам не придется делать длинных концов. От меня же всюду близко.

Я послал Вам рассказ "Бука", но, кажется, неудачный, по крайней мере гораздо худший Вашего "Праздничного", к«ото»рый Вам чертовски удался. Очень хороший рассказ. Одна есть в нем фраза, портящая общий тон, это - слова городового: "в соблазн вводишь казенного человека"; чувствуется натяжка и выдуманность. Мужичонка картинен, и я себе рисую его.

Кланяется Вам Агафопод. Николай здоров. Поклон всем Вашим.

Ваш А. Чехов.

Левинский негодует за то, что Вы напечатали стихотворение по адресу "Будильника":

- Я с ним познакомился, толковал о вражде газет и журналов, он соглашался со мной, а сам… * своеобразный, своего рода (лат.)

198. М. В. КИСЕЛЕВОЙ
29 октября 1886 г. Москва.

Многоуважаемая

Мария Владимировна!

Спешу сообщить Вам о судьбе Ваших рассказов.

1) "Калоши" лежат у меня в столе и будут пущены в оборот только после Нового года, в сокращенно-исправленном виде. Нужно из него выкурить французский запах, иначе придется пускать его как переделку, что невыгодно, да и неудобно, так как начинающий всегда должен начинать с оригинального. Если первый Ваш рассказ будет "хапанный", то и на все последующие будут глядеть с предубеждением.

2) Рассказ про сумасшедшую, названный мною "Кто счастливей?", очень миленький, тепленький и грациозный рассказ. Даже собака Лейкин, не признающий никого, кроме себя и Тургенева, нашел, что этот рассказ "недурен и литературен". (Не желая быть единоличным судьею, я по поводу его советовался с Лейкиным и другими старыми литературными собаками.) Самое подходящее для него место - "Петерб«ургская» газета", но увы! я из-за гонорара разошелся с сим органом (требую прибавки). В "Осколки" пихнуть его нельзя, ибо он не юмористический. Остается одно только - сдать его в "Будильник", где в фельетонах печатают "серьезные" этюды (наприм«ер», мои "Устрицы"), что я и сделал. Итак, Ваш рассказ будет напечатан в "Будильнике". Благодаря идиотской манере журналов помещать перед подпиской вещи, принадлежащие "именам", т. е. фирмам (Златовратского, Нефедова, г. Чехова и прочих представителей современного падения литературы), Ваш рассказ будет помещен не в ближайшем будущем. Но для Вас это безразлично, так как деньги можно взять до напечатания…

3) Последние 2 рассказа вчера получены. "Злая месть" - хорошая штучка и пойдет, вероятно, в "Сверчок". Насчет "Крестницы" не знаю, ибо еще не успел прочесть.

4) Ввиду того, что Вы "начинающая", на первых порах Вам придется получать по пятачку со строки. Когда к Вам попривыкнут и Ваш псевдоним намозолит глаза, мы потребуем прибавки. Спешить незачем, ибо, если Вы не умрете 23-го января, то проживете еще очень долго.

5) Сами в редакции не посылайте. В редакциях не читают, ибо ежедневно приходят

десятки пакетов с прозой и стихами. Действуйте через меня. Хоть я и медлителен, как медведь, но все-таки надежнее…

6) Вообще нам нужно о многом переговорить. Так, я должен мотивировать кое-какие поправки в Ваших рассказах… Например, в Вашем "Кто счастливей?" начало совсем плохое… Рассказ драматичен, а Вы начинаете с "застрелиться" в самом юмористическом тоне. Потом, "истерический смех" слишком устарелый эффект… Чем проще движения, тем правдоподобней и искренней, а стало быть, и лучше… В "Калошах" много ошибочек вроде "дом № 49". В Москве нумерации в адресах не существует… Возвращаясь к предыдущему рассказу, упомяну кстати, что Лентовский совсем неуместен. Он вовсе не так популярен в Москве, как у Алексея Сергеевича, за что-то любящего его.

7) В последнем рассказе около 200-250 строк. Стало быть, Ма-Па может уже взять, буде угодно, десять (10) рублев.

Урааа! Караул!

Представьте, сейчас получил письмо из "Петерб«ургской» газеты". Соглашаются на прибавку, бестии, и вместо 7 коп. дают 12. Вот что значит терпение, зубастость и нахальство! Кротостью ничего не возьмешь… С радости даю Ма-Па 10 целковых. Она скачет в театр за билетами. Значит, мой доход увеличился на 80 р. в м«есяц».

Сереже и Василисе кланяется бедный Индейкин. Он ждет от них собственноручной критики. Если они почтят его вниманием, то он не замедлит поднести им еще что-нибудь назидательное и иллюстрированное. Напишите Влад«имиру» Петр«овичу», что ему и его детищу Пьесе Владимировне я желаю всяческих успехов.

Денег нет. Кокоша сбежал. Мать и тетка умоляют меня жениться на купеческой дочке. Была сейчас Эфрос. Я озлил ее, сказав, что еврейская молодежь гроша не стоит; обиделась и ушла. Извините за болтовню уважающего Вас и преданного

А. Чехова.

Однако, судя по первым опытам, можно ручаться, что через 1-2 года Вы будете на прочной позиции.

199. Н. А. ЛЕЙКИНУ
31 октября или 1 ноября 1886 г. Москва.

Сейчас получил Ваше письмо, добрейший Николаи Александрович, вчера тоже получил… Спасибо за советы по части Федорова и "Иллюстрации". Ими я, конечно, воспользуюсь.

От Худекова получено мной очень любезное письмо. До Нового года буду получать по 10 коп., а после оного по 12 коп. Стало быть, "Газета" сравнялась с "Нов«ым» временем", где я получаю 12, и с "Осколками". Ну-с, стало быть (люблю я это дурацкое "стало быть"!), я уже выскочил из пятачка.

За адрес Григоровича мерси боку*. Суворину напишу о рецензии только в случае, если буду писать ему деловое письмо, напишу a propos, а иначе, ей-ей, не умею просить. Людей хорошо знакомых, Вас, например, или Билибина, я могу просить, но писать к людям, не связанным со мною близким знакомством, об одолжении, любезности или услуге мне мешает мое малодушие. Вообще по части прошений я ужасно туг, отчего, конечно, ничего не выигрываю, но много проигрываю. Быть может, в средине ноября я буду в Питере и потолкую с Суворинym лично.

Начинаю понемножку оправляться от безденежья, хотя все-таки денег нет. Но думаю, что через м«еся»ц совсем оправлюсь и перестану куксить.

Агафопод в Москве. Николка сбежал от меня к "своей". О нем ни слуху ни духу, точно утонул.

Поклон Прасковье Никифоровне, Феде и всей редакционной братии. Нет ли каких проектов, планов и изменений по части "Осколков" для предстоящего 1887 года? Надо бы двух-трех сотрудничков прибавить. В "Осколках" все старые работники. Когда я во вторник после обеда читаю сей журнал, то он напоминает мне Францию: цветущая, богато одаренная, но несомненно вымирающая нация!

Погода у нас туманная. Столько по улицам туману напущено, что не только либералов, но даже и консерваторов не видно. Надо будет Пальмину дать тему для стихов - "Туман": бог Феб скрылся, благодаря туману, напущенному идолами нашей хмурой эпохи; но идолы не разочли, напустили больше, чем следует, и сами погибли… Я дам тему, Пальмин напишет, а Вы прочтете и выругаетесь.

Ваш А. Чехов. * большое спасибо (франц. merci beaucoup).

200. Н. А. ЛЕЙКИНУ
6 ноября 1886 г. Москва.

6 ноябрь.

Собираюсь жениться и завел себе жениховскую бумагу. Литера несколько дубовата, но это не беда. Разминуться нам не придется, уважаемый Николай Александрович, так как я выеду из Москвы не позже 20-го и во всяком случае не раньше Вашего отъезда из белокаменной.

В предыдущем письме я нарочно числа не выставил и держал пари с самим собой, что Вы не оставите такого инцидента без внимания. По-моему, числа на письмах - предрассудок и излишнее украшение. Я понимаю числа на векселях, деловых статьях и письмах, на счетах, расписках и проч., но в письме, которое идет до адресата только одни сутки, можно обходиться и без числа.

Да, Пальмин переехал!!! Кочует, как цыган… Что за причина, не могу понять. Вероятно, за грехи родителей обречен блуждать по Москве на манер Вечного жида… Был вчера у меня и преподнес свой текст к рисункам Буша и Кондена, московского псевдохудожника, выдающего свои идиотские рисунки за бушевские…

Прощайте. Надо строчить в "Газету".

Ваш А. Чехов.

201. А. С. СУВОРИНУ
6 ноября 1886 г. Москва.

86, XI, 6.

Многоуважаемый

Алексей Сергеевич!

Вчера у меня был мой приятель, поэт Л. И. Пальмин, и просил меня, как сотрудника "Нового времени", чтобы я походатайствовал у Вас о библиографической заметке для его книги "Похождения идеалиста" (текст к рисункам Буша), что я и исполняю. Пожелав Вам и Вашему семейству всякого благополучия, пребываю искренно уважающим

А. Чехов.

Книга послана Вам вчера.

202. Ал. П. ЧЕХОВУ 17 или 18 ноября 1886 г. Москва.

В 2 часа я буду у Лейкина. В 3 поеду с ним к поэту, у коего будет главенствовать не столько водка, сколько продолжительные рассуждения о вящем благоустройстве "Осколков". Лейкин будет интимничать. Если находишь удобным, то поезжай… Странно было бы, чтобы я имел что-нибудь против, и странно у меня спрашиваться… Неужели я такой умный, что должен во все вникать?

Адрес Пальмина: угол Сивцева Вражка и Денежного пер., д. Капнист.

Чехов.

И паки странно…

203. Н. А. ЛЕЙКИНУ

22 ноября 1886 г. Москва.

22-го ноября. (Или же, если запоздает Агаф«опод», 24-го.)

Добрейший

Николай Александрович!

Прилагаемый транспорт послужит ответом на Ваше письмо. Вы найдете и рассказы, и мелочи, и даже небольшую корректурку поэта Менделевича, не пропущенную цензурой в "Новостях дня". Поэт просил меня переслать ее Вам, что я и делаю. На Ваш вопль о пьянстве гг. Кобчика и Джока отвечу сице: меня поражает и мутит эта кричащая распущенность! Не понимаю подобных господ. Тут день прогуляешь, и то совесть мучает, а они могут всю жизнь кутить.

Ну-с, теперь полный и подробный отчет. Проводив Вас, я тотчас же удрал домой и завалился спать, оставив Пальмина и К° на вокзале. Пили мы с Вами, как крокодилы, как ихтиозавры, так что я до сих пор никак не очнусь и удивляюсь своей крепости. Все ли Вы помните? От Пальмина мы поехали к "Яру", от "Яра" ко мне… У меня Вы ночевали и утром нецеломудренно поглядывали на Василису. За сим Вы у меня пробыли весь день, обедали, закусывали музыкантской колбасой… Вечером мы поехали на вокзал, где опять пили… Уф! Подробности:

1) Я взял у Вас 25 рублей и на всякий случай дал Вам свою карточку, в коей написал сие. Если карточка потеряна или забыта Вами на вокзальном столе, то имейте сей § в виду и дайте знать конторе.

2) Мы условились, что в случае, если у меня не будет к сроку готов для "О«сколк»ов" рассказ, я буду уведомлять Вас телеграммой.

3) Вы поручили брату, студенту Мише, побывать у Петровского. Поручение исполнено. Петровский требует 50% уступки. На меньшее не согласен. Подробности при свидании, а пока посылаю при сем список книг, которые он выбрал. Каждого названия по 50 экземпляров.

Дальнейшее при свидании, т. е. 26-28 сего м«еся»ца. Погода отвратительная. Грязь, мокрый снег и ветер. Вчера поздно вечером я провожал на извозчике одну барышню и простудился. Кашель и насморк.

После Вашего отъезда я пил Hunyadi Ianos. После сладкого горькое.

Льщу себя надеждой, что в декабре я буду аккуратно присылать к каждому №.

Как поживает дочь станового?

NB. Возьмите "Русскую мысль" за октябрь и обратите внимание на журнальную хронику (разбор журналов). Там Вы увидите рецензию на рассказы, помещаемые в "Природе и охоте". Судя по выдержкам, авторы талантливы, но не сознают этого. Одну выдержку, где описывается дрессировка, Вы прочтете с громадным удовольствием. Пишу Вам сие вот для чего: не найдете ли Вы целесообразным пригласить сотрудников "Природы и охоты" работать в "Осколках"? Фамилии, к«ото»рые я уже забыл, Вы найдете в "Русской мысли", а приглашение можно будет сделать через редакцию "Охоты". Свежие люди! Вообще, я думаю, не следует никем пренебрегать.

Мать, сестра и братья кланяются Вам. Прощайте и будьте здравы.

Ваш А. Чехов.

Список изданий, потребных для сеньора Петровского:

1. Апраксинцы
2. Цветы лазоревые

3. Христова невеста

4. Караси и щуки

5. Теплые ребята

6. Наши забавники

7. Шуты гороховые

8. Неунывающие россияне

9. Гуси лапчатые

10. Мученики охоты

Больше ничего.

Всего этого по 50 экз.

204. Р. Р. ГОЛИКЕ

Декабрь, до 8, 1886 г. Петербург.

Пользуюсь случаем, дорогой Роман Романович, чтобы поклониться Вам и Вашей семье. Сестра шлет поклон и восьмиэтажное спасибо Гульде Мартыновне. За сим прощайте. Поклон бархатным глазкам Анны Аркадьевны.

Ваш Антон Чехов.

P. S. Помните Вы даму, у которой в Эрмитаже пропала шуба?

205. Н. А. ЛЕЙКИНУ

8 декабря 1886 г. Москва.

Восьмого декабря 86 г.

Это письмо, добрейший Николай Александрович, пойдет сегодня с курьерским и будет получено Вами задолго до обеда. Оно принесет с собой: a) мой рассказ, b) рассказ Агафопода и c) мою шестиэтажную, повышенную в квадрат благодарность за гостеприйство, коим я и meine Schwester* пользовались, живя под покровом Н. А. Лейкина и Прасковьи Никифоровны. Спасибо 1000 раз.

Получено от Вас 2 письма.

Преснову книги отнесены; Васильев и возбуждавшая Вас Печковская получили по вывеске. Николай взял тему, Левитан же, которому я послал письмо, до сих пор не был у меня. Сегодня ему послано другое письмо, через его брата.

Насчет праздничных сроков я намотал себе на ус, дав прочитать Ваше письмо и Агафоподу.

Языческий бог у меня еще не был, а потому и деньги ему еще не отданы. В субботу, когда я приглашал его к себе, он кутил у Пастухова на именинах. Жду его к себе со дня на день.

Ваши припадки берут свое начало от невров (у Вас ведь не нервы, а невры). Нужно отдыхать, т. е. послать к черту беспокойную кредитку и отдаться всецело литературе. Нельзя безнаказанно служить десяти богам сразу.

Вы были правы: Николай не посылал Вам рисунка. Он только хотел послать.

Почтение Апелю Крысычу и Рогулии Васильевне с просьбой приготовить мне «…» одного барбосика попородистей.

Погода у нас занимается проституцией. Хуже всякой пьяной бабьи «…» гниет, плюет…

Тифозно!

В заключение Прасковье Никифоровне и Феде большой реверанс.

Сестра и все наши Вам кланяются.

Ваш А. Чехов.

Сажусь строчить в "Новое время". * моя сестра (нем.)

206. М. В. КИСЕЛЕВОЙ
13 декабря 1886 г. Москва.

86/13/XII

Первым делом, уважаемая Мария Владимировна, беру на себя смелость поднести Вам печатную повесть о том, как известные литераторы умеют утилизировать знакомство с "чесноком". Посылаемый фельетон дал мне 115 рублей. Ну как после этого не тяготеть к еврейскому племени?

Вы меня жестоко обижаете, попрекая меня Яшенькой, m-me Сахаровой и проч. Неужели Вам неизвестно, что я давно уже отказался от суеты мирской, от земных наслаждений и весь отдался медицине и литературе? Благонамереннее и степеннее меня трудно найти человека во всем свете. Я так полагаю, что даже архимандрит Вениамин грешнее меня. Даже воспоминания об Екатерине Васильевне не ласкают моего воображения.

"Злая месть" - моя опечатка. Осталось "Злая шутка".

Надеюсь, что хоть на страшном суде мне простится Анна Павловна. Ей-богу, я не виноват!

С Вашего позволения, из 2-х последних писем Ваших к сестре я выкрадываю для своих рассказов два описания погоды. Замечательно, у Вас совсем мужская манера писать. В каждой строке (где только дело не касается детей) Вы - мужчина. Конечно, это должно льстить Вашему самолюбию, так как, говоря вообще, мужчины в 1000 раз выше и лучше женщин.

В Питере я отдыхал, т. е. целые дни рыскал по городу, делая визиты и выслушивая комплименты, которых не терпит душа моя. Увы и ах! В Питере я становлюсь модным, как Нана. В то время, когда серьезного Короленко едва знают редакторы, мою дребедень читает весь Питер. Даже сенатор Голубев читает… Для меня это лестно, но мое литературное чувство оскорблено… Мне делается неловко за публику, которая ухаживает за литературными болонками только потому, что не умеет замечать слонов, и я глубоко верую, что меня ни одна собака знать не будет, когда я стану работать серьезно…

Надежда Владимировна, у которой я ужинал, похудела. Владимир Петрович тоже похудел. Очевидно, Питер не располагает к ожирению.

Ма-Па в восторге от поездки. Еще бы! В вагоне за ней ухаживали поручики, а в Питере с ней возились, как с королевой Помаре. Кушала она на каждой станции…

В ее комнате по-прежнему нет вентиляции!

Два раза был у нас Ваш брат. Жаловался, что не застает дома Кондратьева. В случае, если Кондратьев ничего не сделает, можно будет пустить в ход Шехтеля, большого приятеля Лентовского.

Поклон Алексею Сергеевичу, Истре, Дарагановскому лесу, Сергею и Василисе.

Что поделывает фальшивый монетчик?

В конце концов, пожелав всей Вашей семье благ земных, пребываю уважающим и преданным

А. Чехов.

207. Н. А. ЛЕЙКИНУ
14 декабря 1886 г. Москва.

14-го дек.

Посылаю Вам, добрейший Николай Александрович, рассказ и мелочишку. Еще на одну неделю я обеспечил себя от упреков в неаккуратности!

Левитан взял тему. Николай тоже. Когда они кончат работу, мне неизвестно. Левитан, вероятно, уже послал Вам рисунок, а Николай обещал послать…

Вчера я был у языческого бога. Он еще не переехал на новую квартиру и в январе собирается ехать в Петербург. Богиня, вероятно, пустит его, так как не протестует.

Худеков у меня не был. Кстати: скажите Буйлову, чтобы он печатал объявление о моей книге. Кроме "Новостей дня" нет нигде объявлений. Без рекламы книга не может идти.

У нас санный путь настолько приличный, что я ездил в Стрельну.

Не знаю, пришлю ли я Вам к 21-му святочный рассказ. Да и нужен ли он Вам? Вы говорили мне, что у Вас уже есть святочный рассказ Юши.

Видали Агафопода?

За сим, пожелав Вашему массажисту успеха и поклонившись Вам, пребываю

Ваш А. Чехов.

Поклон от сестры Прасковье Никифоровне и Федюхе.

Если сын Апеля не будет походить на своих родителей, то я его, конечно, не возьму. Мне нужна копия Апеля, а ублюдки и в Москве есть.

Сие письмо пойдет заказным. Значит, Вы получите его во вторник вечером.

208. В. П. БУРЕНИНУ
15 декабря 1886 г. Москва.

86, XII, 15.

Уважаемый

Виктор Петрович!

Г-жа Попырникова, издательница стихотворного сборника "Мысли и чувству" ("истеричное издание", о котором мы имели случай говорить), приезжала ко мне и просила меня, как сотрудника "Нов«ого» времени", составить ей протекцию, т. е. походатайствовать о библиографич«еской» заметке, каковую просьбу я и исполняю. Обращаюсь именно к Вам, потому что, как говорила барышня, книга послана на Ваше имя.

По вычислениям барышни, в России в настоящее время имеется 174* поэта. Так как все они не могли войти в одну книгу, то предполагается еще и 2-й выпуск.

Пожелав Вам всего хорошего, пребываю уважающим А. Чехов.

*С медицинской точки зрения, такое изобилие представляется в высшей степени зловещим: если против какой-либо болезни предлагается много средств, то это служит вернейшим признаком, что болезнь неизлечима и что для борьбы с нею медицина не имеет ни одного настоящего средства.

209. Н. А. ЛЕЙКИНУ

Между 15 и 20 декабря 1886 г. Москва.

«…»* Кроме того, добрейший Николай Александрович, посылаю Вам святочный рассказ, который я написал благодаря бессоннице. Ну-с, значит, прощайте до Нового года. Письма писать буду, а насчет произведений - "довольно!", как сказал Тургенев.

Не найдете ли Вы целесообразным (сами или через секретаря) письменно поторопить Николая с рисунками? Его я не вижу. Адрес: Плющиха, д. Смирновской, кв. № 9.

Поеду сейчас кататься по Кузнецкому.

Прощайте и будьте здоровы. Почтение Прасковье Никифоровне, Феде и цуцыкам.

Ваш А. Чехов.

К Новому году пришлю "осколок московской жизни". * Начало письма не сохранилось.

210. А. С. СУВОРИНУ
21 декабря 1886 г. Москва.

86, XII, 21.

Уважаемый

Алексей Сергеевич!

Святочный рассказ я начал 2 недели тому назад и никак не кончу. Нечистая сила натолкнула меня на тему, с которой я никак не справлюсь. За 2 недели я успел привыкнуть и к теме и к рассказу и теперь не понимаю, что в нем хорошо, что худо. Просто беда! Завтра, надеюсь, я кончу его и пошлю Вам. Вы получите его 24-го, в третьем часу дня.

Если взглянете на рассказ, то поймете потуги, с какими он писан, и извините за то, что я опоздал и не сдержал данного обещания.

Поздравляю Вас и Ваше семейство с наступающими праздниками и желаю всего хорошего.

Искренно преданный

А. Чехов.

P. S. Мне Бежецкий положительно нравится. Ранее я имел о нем понятие только по "Перчатке" и дорожным фельетонам, но теперь, когда Вы подарили мне его книгу и я прочел "Военных", я решительно не понимаю, почему он непопулярен. Его "Расстрелянный" гораздо лучше тургеневского "Жида", а судя по остальным рассказам, он, если бы захотел, был бы тем, чего у нас на Руси недостает, т. е. военным писателем-художником. Кроме "Рай Магомета", все остальные невоенные рассказы его слабы. Он интересен, завлекателен и, выражаясь по-женски, мил.

211. Н. А. ЛЕЙКИНУ
24 декабря 1886 г. Москва.

24 декабря.

Прежде всего, по христианскому обычаю, добрейший Николай Александрович, поздравляю Вас и Ваше семейство с праздником и с наступающим Новым годом. Совокупно с поздравлением шлю массу пожеланий. Желаю денег, жирных индюков, породистых щенят, маленького живота, остроумных прозаиков и грамотных поэтов.

За декабрь я послал Вам 3 рассказа и 3 письма. Получили? Вообще петербуржцы в высшей степени неаккуратный народ: не отвечают на письма. Не мешало бы Вам брать пример с москвичей.

В настоящее время я изображаю из себя человека обалделого и замученного. Три недели выжимал я из себя святочный рассказ для "Нового времени", пять раз начинал, столько же раз зачеркивал, плевал, рвал, метал, бранился и кончил тем,

что опоздал и послал Суворину плохую тянучку, которая, вероятно, полетит в трубу. Так мучился, что и тысячи целковых гонорара мало… Сегодня у меня мать именинница, я отдыхаю и не верю своим глазам, что я отдыхаю. «…»

Читал рассказ нового сотрудника, Кулакова. Мне кажется, он может писать и уж достаточно насобачился. Не понравилось мне, что он дебютировал с пьянства. Напишите ему, что описывать пьянство ради пьяных словечек - есть некоторого рода цинизм. Нет ничего легче, как выезжать на пьяных…

Видались с Агафоподом?

Отчего это Вы меня печатаете в нижнем этаже, в фельетоне? Мне это лестно, хотя, с другой стороны… в прежние годы такая честь мне всякий раз обходилась в 2-3 рубля, так как Виктор Викторыч почему-то фельетонные рассказы рассчитывал по 7 коп.

Кстати: будьте благодетелем, распорядитесь, чтобы я получил свой гонорар не позже 31-го декабря. Честное слово, я нищ. Весь декабрь не работал у Суворина и теперь не знаю, где оскорбленному есть чувству уголок. Извините, что нарушаю законы Вашей бухгалтерии, но… что делать?

Получили от Николая рисунок?

Погода у нас безнравственная, бленорейная. 3 градуса тепла. Санный путь перестает быть санным. Прощайте и будьте здравы.

Ваш А. Чехов.

212. А. С. КИСЕЛЕВУ
25 декабря 1886 г. Москва.

Дорогой

Алексей Сергеевич!

Вас, Марию Владимировну, Василису Пантелевну и Сережу поздравляю с праздником и с наступающим Новым годом и желаю всего, что может только пожелать старый друг, который лучше новых двух.

Душевно Ваш

А. Чехов.

25/XII.

213. Ал. П. ЧЕХОВУ Между 27 и 30 декабря 1886 г. Москва.

Ремешок от штанов!

Спасибо за письмо. Прочел и "штемпель к возврату приложил", так как оно гнусно и безнравственно. Ты чудак. Написал мне про гуся, про Таньку, про невесту без профиля, ноне сказал ни слова о своем новом месте, о новых людях и проч.

Сию же минуту сядь и напиши мне все от начала до конца, ничего не пропуская и не умалчивая. Жду с нетерпением и не стану писать тебе, пока не получу от тебя письма…

Поклоны.

Имею честь быть

Врач А. Чехов.

Не позволяй в мелочах подписывать твое полное имя. "Тема Ал. Чехова". К чему это? Осрамиться хочешь?

214. М. М. ДЮКОВСКОМУ

1886 г. Москва.

Милостивый государь

Михаил Михайлович!

Одна почтенная дама прислала мне сто рублей в надежде, что я познакомлю ее с Вами и дам ей возможность соединиться с Вами узами свободной любви. Даме этой 24 года. Она прекрасна собой. А потому подпишите прилагаемое объявление.

С почтением

Чехов.

Почему Вы не бываете у нас?

215. П. А. АРХАНГЕЛЬСКОМУ
Не позднее 1886 г. (?) Москва.

Уважаемый

Петр Александрович!

Приходите к нам немедленно. Есть урок. Не опоздайте. Ваш Чехов.

ОФИЦИАЛЬНЫЕ БУМАГИ, ПРОШЕНИЯ

1. ПРОШЕНИЕ ДИРЕКТОРУ ТАГАНРОГСКОЙ ГИМНАЗИИ 20 октября 1873 г. Таганрог.

Его высокородию господину директору Таганрогской гимназии учеников вверенной Вам гимназии II кл. Ивана, IV - Николая и Антона Чеховых

Прошение

Желая обучаться в ремесленном классе при Таганрогском уездном училище по ремеслам из нас: Иван переплетному и Николай и Антон сапожно-портняжному, имеем честь просить покорнейше Ваше высокородие сделать распоряжение о допущении нас к изучению вышеозначенных ремеслов, к сему прошению ученик IV кл. Николай Чехов ученик IV кл. Чехов Антон ученик II кл. Иван Чехов

1873 года

20 октября.

2. ЗАЯВЛЕНИЕ В ТАГАНРОГСКУЮ ГОРОДСКУЮ УПРАВУ 1 марта 1879 г. Таганрог.

В Таганрогскую городскую управу

Таганрогского мещанина

Антона Чехова

Заявление

Желая причислиться ко второму призывному участку города Таганрога, Ростовского уезда, и представляя на обороте сего сведение, требуемое 99 ст. Уст«ава»о воин«ской» повин«ности», покорнейше прошу Управу выдать мне установленное свидетельство о приписке.

Свидетельство получил Антон Чехов.

1 марта 1879 г. На обороте:

1. Фамилия, имя и отчество приписанного.
Чехов Антон Павлович

2. Сословие

-

3. Год, месяц и день рождения

1860 г. 17 января

4. Вероисповедание

Православного

Холост

Жительство имею в г. Таганроге в 2 части на Конторской улице в доме чиновника Селиванова. 5. Грамотен ли, или то учебное заведение, в котором окончил или обучается

Обучается в Таганрогской гимназии 6. Занятие, ремесло или промысел Обучается в Таганрогской гимназии

Таганрогский мещанин Антон Чехов.

3. ПРОШЕНИЕ ДИРЕКТОРУ ТАГАНРОГСКОЙ ГИМНАЗИИ

22 марта 1879 г. Таганрог.

Его превосходительству господину директору Таганрогской гимназии

Ученика VIII класса той же гимназии

Чехова Антона

Прошение

Желая в текущем 1878-79. учебном году подвергнуться испытанию зрелости, имею честь почтительнейше просить Ваше превосходительство допустить меня к оному.

Антон Чехов.

Марта 22-го дня 1879 года.

Таганрог.

4. ПРОШЕНИЕ РЕКТОРУ МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

10 августа 1879 г. Москва.

Его превосходительству господину ректору императорского Московского университета

Окончившего курс в Таганрогской гимназии Антона Чехова

Прошение

Желая, для продолжения образования, поступить в Московский университет, имею честь покорнейше просить Ваше превосходительство сделать зависящее распоряжение

о принятии меня в число студентов на I курс медицинского факультета, на основании прилагаемых при сем документов, вместе с копиями с них: 1) Аттестата зрелости за № 610, 2) Увольнительного свидетельства, 3) Метрического свидетельства, 4) Свидетельства о приписке к призывному участку.

При сем, на основании § 100 высочайше утвержденного Университетского устава, обязуюсь во все время пребывания моего в Университете подчиняться правилам и постановлениям университетским.

Антон Чехов.

Августа 10 дня 1879 года.

5. ПРОШЕНИЕ РЕКТОРУ МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
27 августа 1879 г. Москва.

Его превосходительству господину ректору императорского Московского университета
Студента 1 курса медицинского факультета Антона Чехова
Прошение
Честь имею покорнейше просить Ваше превосходительство о выдаче мне удостоверения в поступлении моем в императорский Московский университет для отсылки его в Таганрогскую городскую думу, где утверждена за мной в сем 1879 году стипендия.
Студент I курса медицинского факультета Антон Чехов.
Августа 27 дня 1879 года.
7. ПРОШЕНИЕ РЕКТОРУ МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА 28 августа 1881 г. Москва.

Его превосходительству господину ректору императорского Московского университета

Студента 3-го курса медицинского факультета Антона Чехова

Прошение

Имею честь просить Ваше превосходительство о выдаче мне удостоверения в том, что я имею честь быть студентом императорского Московского университета. Это удостоверение имеет быть посланным в Ростовское на Дону по воинской повинности Присутствие.

Студент Антон Чехов.

Августа 28-го дня

1881 г.

6. ПРОШЕНИЕ РЕКТОРУ МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА 9 июня 1881 г. Москва.

Его превосходительству господину ректору императорского Московского университета

Студента 2 курса медицинского факультета Антона Чехова

Прошение

Имею честь покорнейше просить Ваше превосходительство сделать распоряжение о вычете из присланной мне Таганрогской городской управой стипендии пятидесяти рублей, следуемых с меня за слушание лекций, и о выдаче мне упомянутой стипендии.

Антон Чехов.

Июня 9-го дня

1881 г.

8. ПРОШЕНИЕ В МОСКОВСКИЙ ЦЕНЗУРНЫЙ КОМИТЕТ 30 июня 1882 г. Москва.

Типографии Н. Коди

Прошение

Имею честь покорнейше просить Московский цензурный комитет выдать ей билет для представления в корректурных листах книги "Шалость" А. Чехонте, с рисунками Н. П. Чехова, книги, в состав которой входят статьи, уже печатавшиеся разновременно в подцензурных изданиях. Статьи, которые еще не были напечатаны, будут доставлены в рукописи. Книга будет состоять из 5-7 печатных листов.

За г. Коди - К. Яхонтов.

Июня 30-го дня 1882 года.

9. ПРОШЕНИЕ РЕКТОРУ МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА 18 июня 1884 г. Москва.

Его превосходительству г. ректору императорского Московского университета

Кончившего курс на медицинском факультете Антона Чехова

Прошение

Имею честь просить Ваше превосходительство сделать распоряжение о выдаче мне удостоверения в том, что я удостоен звания лекаря и уездного врача. Оное удостоверение имею честь просить выслать по адресу: "г. Воскресенск, Московской губ. Антону Чехову".

Антон Чехов.

Июня 18-го дня 1884 года.

1887
216. Ал. П. ЧЕХОВУ 8 января 1887 г. Москва.

Душя моя!

Благодарю за письмо, которое полученное. Ванны для детей всегда полезны.

Я безденежен до мозга костей. Если у тебя есть человеколюбие в животе, то снизойди к моей унизительной просьбе: немедленно, со скоростью вальдшнепа, которому всунули в задний проход ядовитую стрелу, надевай шапку и мчись: a) в контору "Нового времени" (Невский 38) и получи там гонорар за рассказ "На пути", b) в "Петерб«ургскую» газету" (Симеоновский пер.) и получи 107 рублей по счету, к«ото»рый оною конторою уже получен.

Полученные деньги не трать и не раздавай нищим, а вышли мне почтой или простым переводом, причем уведоми меня краткой телеграммой: "Москва, Кудрино, д. Корнеева, Чехову. Жди. Чехов". Т. е. пошли телеграмму, когда деньги будут уже посланы.

Прилагаю доверенности. Возьми себе комиссии по 1/40 с рубля.

Контора "Нов«ого» времени" открыта до 5 ч«асов». В "Пет«ербургской» газете" Буйлов выдает гонорар по субботам. Оба гонорара можешь послать сразу или в различные сроки.

За причиняемое тебе беспокойство я охотно тебя извиняю, но чтоб в другой раз этого не было.

Лейкину я писал только одно: при встрече с тобой попросить тебя написать мне что-нибудь. Вообще Лейкин - гвоздик.

Сие письмо ты получишь в пятницу.

Телеграмму буду ждать в субботу.

Поклон Анне Ивановне и цуцынятам. Не издаст ли Гершка своих путевых записок?

Ваш А. Чехов.

Наши все здоровы. Коли нужно, от моего имени можешь послать в почтамт редакционно-осколочного Павла. Но удобнее перевод (простой). Вексель, чтобы избежать проволочек, вышли курьерским: не пропадеть.

217. Н. А. ЛЕЙКИНУ
12 января 1887 г. Москва.

12-го января. Татьянин день.

Добрейший Николай Александрович!

Не велите казнить, но велите слово вымолвить. Три недели не писал Вам письма, мечтая написать оное при транспорте, но увы! вижу, что приходится посылать письмо в одиночку, вдовым и сирым… Опять я не шлю рассказа… Что сей сон значит, я и сам не знаю… Моя голова совсем отбилась от рук и отказывается сочинительствовать… Все праздники я жилился, напрягал мозги, пыхтел, сопел, раз сто садился писать, но все время из-под моего "бойкого" пера выливались или длинноты, или кислоты, или тошноты, которые не годятся для "Осколков" и так плохи, что я не решался посылать их Вам, дабы не конфузить своей фамилии. В "Новое время" я не послал ни одного рассказа, в "Газету" кое-как смерекал 2 рассказа, и на какие шиши я буду жить в феврале, бог весть… Вы вообще скептик и не верите в немощи человеческие, но уверяю Вас честнейшим словом, вчера от утра до ночи, весь день я промаялся над рассказом для "Осколков", потерял время и лег спать, не написав странички… О лености или нежелании не может быть и речи… Если Вы будете негодовать и браниться, то будете не правы. Виновен, но заслуживает снисхождения!

С Новым годом я уже поздравлял Вас. Что у Вас нового? Как идет подписка?

Языческого бога я не видел с самого декабря. Почему Суворин не напечатал его стихов, я решительно не понимаю. Стихи я читал, и они мне очень понравились. Простите, сейчас сделал кляксу; в чернилице завелись у меня коховские запятые, бациллы и микрококки, свившие там целое гнездо…

Праздники в Москве прошли шумно. По крайней мере я не имел ни одного покойного дня: гости, съезд врачей, длинные разговоры и проч… Все время мой кабинет брался приступом, чем я отчасти и объясняю свои неудачи на литературном поприще. Между прочим, был у меня А. Грузинский. По-видимому, это очень порядочный человек. Он молчалив, как Виктор Викторович, но и сквозь молчание иногда можно бывает разглядеть человека.

Если увидите Буйлова, то не забудьте сказать ему, чтобы он высылал мне "Газету" с первого №. Я не получаю.

Напрасно "Осколки" отвечали "Наблюдателю". Отвечать, пожалуй, можно только с рекламными целями, но заступаться и защищаться - это не совсем ловко.

Теперь о щекотливом. Счет дружбы не портит, а посему беру на себя смелость написать нижеследующее. Ввиду того, что для "Осколков" я начинаю терять цену как постоянный, исправный и аккуратный сотрудник, ввиду того, что даже в разгар литературной энергии мне приходится пропускать по 1-2 № почти в каждом месяце, было бы справедливым упразднить добавочные. Не правда ли? Согласитесь со мной и сделайте подобающее распоряжение. Я буду работать по-прежнему, стараясь не пропускать ни одной недели, но не могу ручаться, что случаи обалдения уже не будут повторяться. Будут и волки сыты, и овцы целы, когда останется одна только построчная плата; я же не понесу убытка, если эта плата будет регулирована…

Ждем Вас и Прасковью Никифоровну к 17-му. Помните, что 17-го в час дня у меня пирог.

А за сим будьте здоровы.

Жму руку.

Ваш А. Чехов.

P. S. В видах экономии в посылаемых мною телеграммах фразу "Рассказа не будет" я заменю одним словом "нет". Посему, если получите телеграмму "Нет. Чехов", то это будет значить, что рассказ не написан. Пишите.

218. М. В. КИСЕЛЕВОЙ
14 января 1887 г. Москва.

14-го янв.

Ваш "Ларька" очень мил, уважаемая Мария Владимировна; есть шероховатости, но краткость и мужская манера рассказа все окупают. Не желая выступать единоличным судьею Вашего детища, я посылаю его для прочтения Суворину, человеку весьма понимающему. Мнение его сообщу Вам своевременно… Теперь же позвольте отгрызнуться на Вашу критику… Даже Ваша похвала "На пути" не смягчила моего авторского гнева, и я спешу отметить за "Тину". Берегитесь и, чтобы не упасть в обморок, возьмитесь покрепче за спинку стула. Ну, начинаю…

Каждую критическую статью, даже ругательно-несправедливую, обыкновенно встречают молчаливым поклоном - таков литературный этикет… Отвечать не принято, и всех отвечающих справедливо упрекают в чрезмерном самолюбии. Но так как Ваша критика носит характер "беседы вечером на крылечке бабкинского флигеля или на террасе господского дома, в присутствии Ма-Па, фальш«ивого» монетчика и Левитана", и так как она, минуя литературные стороны рассказа, переносит вопрос на общую почву, то я не согрешу против этикета, если позволю себе продолжить нашу беседу.

Прежде всего, я так же, как и Вы, не люблю литературы того направления, о котором у нас с Вами идет речь. Как читатель и обыватель я охотно сторонюсь от нее, но если Вы спросите моего честного и искреннего мнения о ней, то я скажу, что вопрос о ее праве на существование еще открыт и не решен никем, хотя Ольга Андреевна и думает, что решила его. У меня, и у Вас, и у критиков всего мира нет никаких прочных данных, чтобы иметь право отрицать эту литературу. Я не знаю, кто прав: Гомер, Шекспир, Лопе де Вега, вообще древние, не боявшиеся рыться в "навозной куче", но бывшие гораздо устойчивее нас в нравственном отношении, или же современные писатели, чопорные на бумаге, но холодно-циничные в душе и в жизни? Я не знаю, у кого плохой вкус: у греков ли, к«ото»рые не стыдились воспевать любовь такою, какова она есть на самом деле в прекрасной природе, или же у читателей Габорио, Марлита, Пьера Бобо? Подобно вопросам о непротивлении злу, свободе воли и проч., этот вопрос может быть решен только в будущем. Мы же можем только упоминать о нем, решать же его - значит выходить из пределов нашей компетенции. Ссылка на Тургенева и Толстого, избегавших "навозную кучу", не проясняет этого вопроса. Их брезгливость ничего не доказывает; ведь было же раньше них поколение писателей, считавшее грязью не только "негодяев с негодяйками", но даже и описание мужиков и чиновников ниже титулярного. Да и один период, как бы он ни был цветущ, не дает нам права делать вывод в пользу того или другого направления. Ссылка на развращающее влияние названного направления тоже не решает вопроса. Все на этом свете относительно и приблизительно. Есть люди, к«ото»рых развратит даже детская литература, которые с особенным удовольствием прочитывают в псалтири и в притчах Соломона пикантные местечки, есть же и такие, которые чем больше знакомятся с житейскою грязью, тем становятся чище. Публицисты, юристы и врачи, посвященные во все тайны человеческого греха, неизвестны за безнравственных; писатели-реалисты чаще всего бывают нравственнее архимандритов. Да и в конце концов никакая литература не может своим цинизмом перещеголять действительную жизнь; одною рюмкою Вы не напоите пьяным того, кто уже выпил целую бочку.

2) Что мир "кишит негодяями и негодяйками", это правда. Человеческая природа несовершенна, а потому странно было бы видеть на земле одних только праведников. Думать же, что на обязанности литературы лежит выкапывать из кучи негодяев "зерно", значит отрицать самое литературу. Художественная литература потому и называется художественной, что рисует жизнь такою, какова она есть на самом деле. Ее назначение - правда безусловная и честная. Суживать ее функции такою специальностью, как добывание "зерен", так же для нее смертельно, как если бы Вы заставили Левитана рисовать дерево, приказав ему не трогать грязной коры и пожелтевшей листвы. Я согласен, "зерно"-хорошая штука, но ведь литератор не кондитер, не косметик, не увеселитель; он человек обязанный, законтрактованный

сознанием своего долга и совестью; взявшись за гуж, он не должен говорить, что не дюж, и, как ему ни жутко, он обязан бороть свою брезгливость, марать свое воображение грязью жизни… Он то же, что и всякий простой корреспондент. Что бы Вы сказали, если бы корреспондент из чувства брезгливости или из желания доставить удовольствие читателям описывал бы одних только честных городских голов, возвышенных барынь и добродетельных железнодорожников?

Для химиков на земле нет ничего не чистого. Литератор должен быть так же объективен, как химик; он должен отрешиться от житейской субъективности и знать, что навозные кучи в пейзаже играют очень почтенную роль, а злые страсти так же присущи жизни, как и добрые.

3) Литераторы - сыны века своего, а потому, как и вся прочая публика, должны подчиняться внешним условиям общежития. Так, они должны быть безусловно приличны. Только это мы и имеем право требовать от реалистов. Впрочем, против исполнения и формы "Тины" Вы ничего не говорите… Стало быть, я был приличен.

4) Я, каюсь, редко беседую со своею совестью, когда пишу. Объясняется это привычкою и мелкостью работы. А посему, когда я излагаю то или другое мнение о литературе, себя в расчет я не беру.

5) Вы пишете: "Будь я редактором, я для Вашей же пользы вернула бы Вам этот фельетон". Отчего же не идти и далее? Отчего не взять на цугундер и самих редакторов, печатающих такие рассказы? Почему бы не объявить строгий выговор и Главному управлению по делам печати, не запрещающему безнравственных газет?

Плачевна была бы судьба литературы (большой и мелкой), если бы ее отдали на произвол личных взглядов. Это раз. Во-вторых, нет той полиции, к«ото»рая считала бы себя компетентной в делах литературы. Я согласен, без обуздывания и палки нельзя, ибо и в литературу заползают шулера, но, как ни думайте, лучшей полиции не изобретете для литературы, как критика и собственная совесть авторов. Ведь с сотворения мира изобретают, но лучшего ничего не изобрели…

Вы вот желали бы, чтобы я потерпел убытку на 115 рублей и чтобы редактор учинил мне конфуз. Другие, в том числе и Ваш отец, в восторге от рассказа. Четвертые шлют Суворину ругательные письма, понося всячески и газету, и меня, и т. д. Кто же прав? Кто истинный судья?

6) Далее Вы пишете: "предоставьте писать подобное разным нищим духом и обездоленным судьбою писакам, как-то: Окрейц, Pince-nez, Aloe…" Да простит Вам аллах, если Вы искренно писали эти строки! Снисходительно-презрительный тон по отношению к маленьким людям за то только, что они маленькие, не делает чести человеческому сердцу. В литературе маленькие чины так же необходимы, как и в армии, - так говорит голова, а сердце должно говорить еще больше…

Уф! Утомил я Вас своей тянучкой… Если б знал, что критика выйдет такой длинной, не стал бы писать… Простите, пожалуйста!

Мы приедем. Хотели ехать 5-го, но… помешал съезд врачей; за сим помешал Татьянин день, а 17-го у нас вечер: "он" именинник!! Блистательный бал с жидовками, индейками и Яшеньками. После 17-го назначим день для поездки в Бабкино.

Вы читали мое "На пути"… Ну как Вам нравится моя храбрость? Пишу об "умном" и не боюсь. В Питере произвел трескучий фурор. Несколько ранее трактовал о "непротивлении злу" и тоже удивил публику. В новогодних нумерах все газеты поднесли мне комплимент, а в декабрьской книге "Русского богатства", где печатается Лев Толстой, есть статья Оболенского (два печатных листа) под заглавием "Чехов и Короленко". Малый восторгается мной и доказывает, что я больше художник, чем Короленко… Вероятно, он врет, но все-таки я начинаю чувствовать за собой одну заслугу: я единственный, не печатавший в толстых журналах, писавший газетную дрянь, завоевал внимание вислоухих критиков-такого примера еще не было… "Наблюдатель" выругал меня - и досталось же ему за это! В конце 86-го года я чувствовал себя костью, к«ото»рую бросили собакам…

Пьеса Влад«имира» Петровича печатается в "Театр«альной» библиотеке", откуда будет разослана но всем большим городам.

Я написал пьесу на 4-х четвертушках. Играться она будет 15-20 минут. Самая

маленькая драма во всем мире. Играть в ней будет известный Давыдов, служащий теперь у Корша. Печатается она в "Сезоне", а посему всюду разойдется. Вообще маленькие вещи гораздо лучше писать, чем большие: претензий мало, а успех есть… что же еще нужно? Драму свою писал я 1 час и 5 минут. Начал другую, но не кончил, ибо некогда.

Алексею Сергеевичу напишу, когда он вернется из Волоколамска… Поклон всем нижайший. Вы, конечно, простите, что я пишу Вам такое длинное письмо. Рука разбежалась…

Поздравляю Сашу и Сергея с Новым годом.

Получает Сережа "Вокруг света"?

Преданный и уважающий

А. Чехов.

219. Ал. П. ЧЕХОВУ 17 января 1887 г. Москва.

17 янв.

Ваше Целомудрие!

Чтобы благодарить за труды по переводу денег, надо обладать слогом дяди Митр«офана» Егор«овича». Спасибо! Если бы не ты, то деньги пришли бы неделей позже. Извиняю тебя за беспокойство и буду рад, если ты согласишься взять по 1/100% за комиссию…

Племяша и его родителей поздравляю: первого с андилом, а вторых с именинником. Желаю всего, всего!!!

С сокрушенным сердцем ожидаю Лейкина. Он опять утомит меня. С этим Квазимодо у меня разладица. Я отказался от добавочных и аккуратного писания, а он шлет мне слезно-генеральские письма, обвиняя меня в плохой подписке, в измене, двуличии и проч. Брешет, что получает письма от подписчиков с вопросом: отчего Чехонте не пишет? На тебя он зол за то, что ты не работаешь… Буду требовать 12 коп. со строки.

Рад бы вовсе не работать в "О«сколк»ах", так как мне мелочь опротивела. Хочется работать покрупнее, или вовсе не работать. Татьянин день провели отчетливо. Вечером у меня вечер. Приходи.

Видаешь ли Суворина? Пишешь ли? Что пишешь? Не предлагал ли суворинцам утилизировать твое писанье? Вообще, тебе надо выскакивать, не щадя живота. Голике прелестный немец. Никак не соберусь написать ему. Билибин тоже хорош, но на непривычного ч«елове»ка действует, как серый круг, к«ото»рый вертят: вял, бледен, скучен. Но если привыкнешь к нему, то не будешь каяться.

Три рубля теткою получены.

Так как в конце января я опять буду без денег, то, во избежание нытья домочадцев и займов, к«ото»рые действуют на меня болезненно, я опять буду беспокоить тебя насчет перевода. Помогай, а за это я тебе рецепт пришлю.

Какое глупое положение! Получил я переводом 220 руб. да из "Будильника" в тот же день 20, а осталось теперь только 30 р., да и те к 22 янв«аря» уйдут. Скажи, пожалюста, душя моя, когда я буду жить по-человечески, т. е. работать и не нуждаться? Теперь я и работаю, и нуждаюсь, и порчу свою репутацию необходимостью работать херовое.

Видал Суворихy? На праздниках у меня был с визитом муж ее сестры. Поневоле пришлось отдать визит и познакомиться с ее сестрой и маменькой.

В чем заключается твоя работа в "Новом времени"? Носит ли она творческий характер?

Пиши мне обязательно. Ввиду твоего бедственного состояния и дабы не умножать пролетариата, не роди больше. Этого хотят Мальтус и Павел Чехов.

Будь здоров и поклонись всем. Кокоше и Тотоше мое благословение; пусть работают: папаше и мамаше кушать нада… Петербург деньги любить.

Испрашивая Вашего благословения, остаюсь любящие брат и сестра

Антоний и медицина Чеховы.

Кроме жены-медицины, -у меня есть еще литература - любовница, но о ней не упоминаю, ибо незаконно живущие беззаконно и погибнут.

220. М. Е. ЧЕХОВУ
18 января 1887 г. Москва.

18-го.

Дорогой Дядя

Митрофан Егорович!

Вчера имел я удовольствие получить дорогой подарок: по письму от Вас и от Георгия. Оба письма так хороши и ласковы, что не откладываю ответа в далекий ящик и пишу.

Прежде всего поздравляю с Новым годом и приношу великое спасибо за память о Вашем искреннем почитателе и за снисходительность, с какою Вы относитесь к моему упорному молчанию. Виноват я перед Вами и Вашей семьей без меры. Оправдываю себя только тем, что я утомлен массою письменной работы и деловой перепиской. Несколько раз собирался писать Вам, но все не удавалось. На Ваши именины я ехал с сестрой в Петербург, где прожил целую неделю и в вихре житейской суеты не имел ни одной свободной минуты; на праздниках я был завален работой до такой степени, что на именинах матери едва не падал от утомления.

Надо Вам сказать, что в Петербурге я теперь самый модный писатель. Это видно из газет и журналов, которые в конце 1886 года занимались мной, трепали на все лады мое имя и превозносили меня паче заслуг. Следствием такого роста моей литературной репутации является изобилие заказов и приглашений, а вслед за оными - усиленный труд и утомление. Работа у меня нервная, волнующая, требующая напряжения… Она публична и ответственна, что делает ее вдвое тяжкой… Каждый газетный отзыв обо мне волнует и меня и мою семью… В декабре, например, в журнале "Русское богатство" была статья критика Оболенского под заглавием: "Чехов и Короленко", где на 15-20 страницах критик превозносит меня до небес и доказывает, что я выше и лучше другого молодого писателя, Короленко, который гремит у нас в обеих столицах. Эта статья сделала у нас в доме переполох. "Новое время" и "Петербургские ведомости"- две большие питерские газеты-тоже треплют Чехова… Рассказы мои читаются публично на вечерах, всюду, куда ни явлюсь, на меня тычут пальцами, знакомства одолели меня своим изобилием и т. д., и т. д… Нет дня покойного, и каждую минуту чувствуешь себя, как на иголках. А потому Вы делаете мне большое благо, что не сетуете на меня за молчание… Бог даст, увидимся и пополним беседою то, что пропущено в редкой переписке.

Пушкин, обещаемый "Лучом", не стоит 6 р. Это издательская уловка. Если Вы еще не успели подписаться на "Луч", то напишите мне: я вышлю Вам всего Пушкина (в подарок Георгию за его письмо). Мой хороший знакомый, Суворин, издатель "Нового времени", выпускает в продажу Пушкина 29-го января по баснословно дешевой цене - 2 рубля с пересылкой. Такие дела может обделывать только такой великий человек и умница, как Суворин, который для литературы ничего не жалеет. У него пять книжных магазинов, одна газета, один журнал, громадная издательская фирма, миллионное состояние - и все это нажито самым честным, симпатичным трудом. Он родом из Воронежа, где когда-то был учителем уездного училища. Всякий раз, когда мы видимся, у нас бывает речь об Ольховатке, Богучаре и проч. Вижусь я с ним 2 раза в год, когда бываю в Питере. Мне он платит по сто рублей за один рассказ. В доказательство посылаю редакционный счет, по которому я за рождественский рассказ получил 111 рублей.

Георгий просит у меня газет, где я работаю. Охотно бы исполнил его просьбу, но

увы! В юмористических журналах я почти уже не работаю, да и не годятся они для чтения. Я не люблю их. Самая серьезная работа у меня в "Новом времени". Выслать эту газету ничего не стоит, но дело в том, что мне неловко обращаться с просьбой к Суворину. Он в декабре сделал мне так много подарков, что теперь рука не поднимается просить его даже о пустяке… Пусть Георгий потерпит. Если Вы не подписались на "Луч", то непременно вышлю Пушкина. Даю слово. Это послужит Георгию утешением. Вместе с Пушкиным вышлю Вам свою книгу - сборник моих несерьезных пустячков, которые я собрал не столько для чтения, сколько для воспоминания о начале моей литературной деятельности. Книги будет высылать папаша, а потому в случае неполучения будете обращаться к нему: с него требуйте.

То, что нравится в моей книге, я отмечу в оглавлении синим карандашом. Остальное же заслуживает внимания только как образец того балласта, который приходится иногда творить под давлением безденежья.

Володя прав. Умнее писать в слове Владимир и, но не і. Это совсем лишняя буква. Если б от меня зависело, я упразднил бы и ять, и фиту (дурацкая буква!), и ижицу, и і. Эти буквы мешают только школьному делу, вводят в конфуз деловых людей, которым нет времени учиться грамматическим тонкостям, и составляют совершенно излишнее украшение нашей грамматики. Владеть нельзя міром, это правда. Нельзя владеть и миром, но называть человека владыкою міра можно. Скажите Володе, что из чувства благодарности, из благоговения или из восторга перед достоинствами лучших людей, теми достоинствами, которые делают человека необыкновенным и приближают его к божеству, народы и история имеют право величать своих избранников как угодно, не боясь оскорбить величие божие и возвысить человека до бога. Дело в том, что в человеке величаем мы не человека, а его достоинства, именно то божеское начало, которое он сумел развить в себе до высокой степени. Например, выдающихся царей именуют "великими", хотя телесно они не выше И. И. Лободы; папу зовут "святейшеством", патриарха звали вселенским, хотя он, кроме земли, не знался ни с какой другой планетой; князя Владиміра звали владыкою всего міра, хотя он владел только клочком земли, князей зовут сиятельными и светлейшими, хотя шведская спичка светлее их в тысячу раз, и т. д. Употребляя эти названия, мы не лжем, не преувеличиваем, а выражаем свой восторг, как мать не лжет, когда говорит ребенку: "Золотой мой!" В нас говорит чувство красоты, а красота не терпит обыденного и пошлого; она заставляет нас делать такие сравнения, какие Володя по разуму раскритикует на обе корки, но сердцем поймет их. Например, принято сравнивать черные глаза с ночью, синие глаза с небесною лазурью, кудри с волнами и т. д., даже свящ«енное» писание любит эти сравнения, например: "чрево твое пространнее небес" или "воссия солнце правды", "камень веры" и т. д. Чувство красоты в человеке не знает границ и рамок. Вот почему русский князь может называться владыкой міра; это имя может носить и мой приятель Володя, потому что имена даются не за заслуги, а в честь и в воспоминание когда-то живших замечательных людей… Если Ваш грамотей не согласится со мной, то у меня есть еще одна "закавычка", которая, наверное, проймет его: возвеличивая людей даже до бога, мы не грешим против любви, а напротив, выражаем ее. Не следует унижать людей - это главное. Лучше сказать человеку "мой ангел", чем пустить ему "дурака", хотя человек более похож на дурака, чем на ангела.

Вот и все. А за сим примите от меня выражение самой искренней преданности. Поклонитесь тете, сестрам, братьям, Иринушке и всем знакомым.

Ваш А. Чехов.

Мой адрес: Москва, Кудринская Садовая, дом Корнеева.

Одновременно посылаю письмо Георгию.

Вчера у меня было очень много гостей. Был, между прочим, А. А. Долженко, игрок на скрипке и на цитре; из него вышел прекраснейший человек. Он бывает у нас раза 2 в неделю и очень привязан к нам. Он необыкновенно остроумен, честен и порядочен. Беднягу сбивают только ять, фита и і… Пишет прескверно и немало горюет по этому поводу. Талантлив он, как покойный Иван Яковлевич.

221. А. С. ЛАЗАРЕВУ (ГРУЗИНСКОМУ)
23 января 1887 г. Москва.

Вы напрасно поспешили уехать, добрейший коллега. Во-первых, у меня 17-го было

многолюдно и весело, во-вторых, я готовил Вам медицинское свидетельство, и, в-третьих, Ваше усердие по службе совершенно бесполезно: насколько мне известно, за то, что Вы поспешили, Вас не произвели в действ«ительные» статские советники.

Лейкин сердит на Вас. На меня тоже. (Я потребовал прибавки.) Что ж, будем с покорностью сносить гнев наших начальников! Несть власти, аще не от бога… Посылая еще раз упрек за Ваше усердие * по службе, пребываю уважающим

А. Чехов. На обороте: г. Киржач (Владимирск«ой» губ.)

Его высокоблагородию

Александру Семеновичу Лазареву.

В учительской семинарии. * Ведь на Вашу долю была закуплена провизия!

222. Н. А. ЛЕЙКИНУ

26 января 1887 г. Москва.

26-го янв.

Добрейший

Николай Александрович!

Сегодня получил Ваше письмо и немедленно отвечаю. Прежде всего констатирую тот факт (как говорят ученые жиды), что я нездоров. Вот уже целая неделя, как я чувствую во всем теле ломоту и слабость; сейчас ходил слушать лекцию Захарьина (о сифилисе сердца), простоял не более 1 1/2 часов, а утомился, точно сходил пешком в Киев. Работать нужно, но не работается, и все, что я пишу, выходит плохо. Вот причина, почему я не послал Вам рассказа. В понедельник Билибин получил от меня письмо, в к«ото»ром я, во избежание траты на телеграмму, просил его немедленно уведомить Вас, что рассказа не будет.

Насчет Литературного фонда-с удовольствием. Если выбаллотируют, то уплатите им не из январского гонорара, а из будущего февральского, ибо сейчас не имею ни гроша. Буквально: ни гро-ша! Брать взаймы еще не научился - большое неудобство!

Относительно поездки в Питер на 2-й неделе поста не знаю, что сказать Вам. Я очень рад быть полезным, но, представьте, мои домашние уверяют меня, что читаю я отвратительно, да и сам я чувствую всякий раз, что после 40-50 строк у меня начинают сипеть и сохнуть голосовые связки. Как бы мне не проехаться даром и не наехать на скандал! Подумайте…

Алекс«андр» Пав«лович» писал мне о том, что он уже не служит в "Судоходстве". Судя по его письмам, живется ему недурно и он доволен.

У нас погода тоже скверная. Вчера была оттепель, сегодня мороз, а завтра будет дождь. Очевидно, природа стала работать в мелкой прессе. Иначе было бы непонятно такое ее поведение.

Вы пишете, что у Виктора Викторовича своеобразные требования по отношению к рассказам и повестям. Мне всякая своеобразность правится, а особливо такая, к«ото»рая долго держится в человеке. Виктор Викторович по-своему прав.

Отчего петербургская литературная братия не служила панихиды по Надсоне? Надсон - поэт гораздо больший, чем все современные поэты, взятые вместе и посыпанные богами Лиодора Иваныча. Из всей молодежи, начавшей писать на моих глазах, только и можно отметить трех: Гаршина, Короленко и Надсона. За сим поклон Вашим.

Ваш А. Чехов.

Насчет одиннадцати копеек - merci!

223. Ал. П. ЧЕХОВУ 26 января 1887 г. Москва.

Чехов!

Посылаю тебе счет, который ты обязан в ближайшую из суббот, т. е. 31-го янв«аря», снести в "Пет«ербургскую» газету" и получить по оному гонорар. Получи обязательно, не соглашаясь ни на какие компромиссы и отсрочки, ибо я сижу без денег и живу в долг. Буйлову скажешь, что, согласно худековскому письму, я после 1-го янв«аря» получаю 12 к. со строки.

Деньги вышлешь переводом (простым) в субботу же, вексель пошлешь курьерским или заказным, а о высылке вышлешь телеграмму: "Москва, Кудрино, Чехову. Выслано. Чехов", что будет стоить 40 к. На расходы трать, сколько следует, но с угрызениями совести. Помни и чувствуй: несмотря на твою заведомо жульническую натуру, я доверяю тебе большие суммы! Если у Буйлова не удастся получить, то зайди в контору "Нов«ого» вр«емени»" и попроси, чтобы мне выслали гонорар за рассказ мой "Враги".

Еще об одном одолжении: в Питере будить издаваться журнал "Солнце" (Микешин и Быков). Сходи в редакцию оного (Троицкий пер., 40) и подпиши на мое имя сей орган, уплатив 2 р. (т. е. воспользуйся рассрочкой), да за Ивана взнеси 1 р. (Кудринская Садовая, д. Фацарди). Подписавшись на 2 экз«емпляра», надень шапку, навоняй и уйди. Уйдя, ступай на Большую Морскую в магазин Гольцера и скажи там, что тебя зовут Сашей. Вот и все поручения.

Буйлова нажми, не щадя его животов.

Есть вероятность, что на 2-й неделе поста мы увидимся.

Все наши здоровы. Николай заметно исправляется, но по-прежнему не щадит чужих штанов и двугривенных.

Я болею. Живется скучно, а писать начинаю скверно, ибо устал и не могу, по примеру Левитана, перевертывать свои картины вверх ногами, чтобы отучить от них свое критическое око…

Дядя получил золотую миндаль для ношения на своей тонкой шее. От радости прислал нам инжиру. Из религиозного чувства я съел три штучки…

В "Солнце" заплатишь, конечно, из моего гонорара. Скажешь там (т. е. на солнце), что остальные деньги вышлю после.

Жду твоих писем и кланяюсь прочим, как-то:

Анне Ивановне, Кокоше и Тотоше. Когда твои беспутные сыновья со временем будут есть у Доминика, то в высшем свете их будут звать: Коко и Тото. Votre a tous*

А. Чехов.

308
311

281

211

1111

Х 12 один в уме

2222

1111

13332

Множимое равно множителю, деленному на парал«лел»епипед.

По моим гонорарным делам езди не на конке, а на извозчике. * Весь твой (франц.).

224. Ал. П. ЧЕХОВУ 28 января 1887 г. Москва.

Податель сего!

Я послал тебе письмо в Кавалергардскую и ответа не получил. В наказание за такое неуважение посылаю счет. Получи и немедленно вышли простым переводом, иначе я тебе все уши оборву.

Из "Нового времени" не получай: боюсь, что зажулишь…

Нада слушаться.

Николай еще не сбежал.

D-r Чехов.

225. Ал. П. ЧЕХОВУ 30 января 1887 г. Москва.

Гусев! Тебе послано письмо 28-го янв«аря» со счетом в "Петерб«ургскую» газ«ету»". Если не получил, то уведомь телеграммой.

Спасибо за письмо.

Пиши как можно чаще.

Твой А. Чехов.

Кланяюсь всем.

Если письмо не получено, то, значит, обозначая в адресе № дома, я написал не № 20, а № 15.

226. Ал. П. ЧЕХОВУ 31 января 1887 г. Москва.

Гусев!

Деньги получены, но не сполна: многое ты ужулил. Напрасно ты получил в "Новом времени": потрачу, а в конце февраля нечего будет кушать.

"Радуга" погибла. С нею погиб и твой гонорар и комиссионерский доход нашего адвоката.

На "Солнце" не подписывайся, ибо оно никуда не годится. Я читал, что издательница сбежала, а редакторы остались без гроша. Наверное, ты не подписался, ибо в последние 2-3 дня только и разговора было в газетах, что про закат "Солнца". Из оставленных тобою 3-х рублей один принадлежит положительному с характером (т. е. Ивану), а остальные два андай моему крестнику или купи себе на них цилиндр.

Про кн. Урусова я не читал, но мне доподлинно известно (из "Петерб«ургских» вед«омостей»"), что редактор "Русского богатства" Оболенский выпустил брошюру под заглавием: "Чехов и Короленко" (перепечаток с его статьи, бывшей в XII кн«иге» "Рус«ского» бог«атства»"). Если попадется на глаза сия брошюра, то пришли; если не попадется, то не нужно…

Крылова, про к«ото»рого ты раньше писал, я не знаю. Не знаю также, чего хотят от меня Суворин и К°. Я пишу мало, гораздо меньше, чем остальные беллетристы. Разница только в том, что я пишу чаще, а прочие толще.

Не Маслова распекал генерал, а другого военного сотрудника, к«ото»рого зовут Николаем Карловичем.

Опиши мне свои занятия. Бываешь ли у Суворина на воскресных вечерах?

Узнай: прилично ли мне читать публично в пользу Литер«атурного» фонда, который собирается выписать меня в Питер для участия в литературном вечере? Узнай обиняком, подходцем, не называя имен. Именно узнай, на каком счету эти вечера и не считается ли участие в них моветонством?

Отчего Маслов не пишет? Это очень талантливый парень. Прочти его военные рассказы, и он вырастет в твоих глазах на 5 аршин.

Насчет "Будильника" узнаю.

А за сим кланяюсь и пребываю А. Чехов.

227. Ал. П. ЧЕХОВУ Начало февраля 1887 г. Москва.

Шантажист!

Посылаю тебе счет и деньги.

Счет

Дворянину Александру Чехову.

Взято от Вас:

Фальшивый купон - 2 р. 50 к.

От голубей -…10 р.

Итого….12 р. 50

Следует с Вас:

От голубей….10 р. 00

Взято Вами…"…60 к.

Итого остается Вами дополучить

…1 р. 30 к.

За тобой 10 к. Надеюсь, что твоя подлая натура, склонная к скоктанию, «…» и грабежу, 10 к. мне возвратить, хотя бы ради Мишиного честного слова.

Не будь подлецом и возврати! Будь добр! Ведь на 10 коп. для перепела на 28 дней корму купить можно. Не дай ему помереть далеко от родной земли! Заплати, сволач!

Фамилии не подписываю, боясь подделки подписи.

228. Ал. П. ЧЕХОВУ 3 или 4 февраля 1887 г. Москва.

Почтенный друг!

Так как ты рантье и принадлежишь к ничего не делающей петербургской золотой молодежи, то я нахожу полезным дать тебе занятие. Видишь ли: мне нужно 20 (двадцать) экземпляров сочинений Пушкина, изд. Суворина. В Москве достать никак нельзя: все моментально распродается.

Если ты можешь оказать протекцию и купить мне у своего благодетеля и отца (к«ото»рого ты должен уважать, как меня) означенные экземпляры не позже понедельника будущ«ей» недели и выслать их мне с кондуктором курьерского (при письме), то моментально уведомь: я вышлю тебе деньги. Похлопочи, ибо Пушкин нужен до зареза.

Ты не старший брат, а мерзавец: отчего ты не остановил своих младших братьев от такого позорного шага, как подписка на "Солнце". Да сожжет тебя это солнце своими лучами!

Николая не вижу.

Ты ведешь с ним переписку. Напиши ему, пожалуйста, чтоб он прислал или принес мне мои новые черные штаны.

Все здравствуют и кланяются. Мать жаждет узнать, говорит ли твой Кокоша.

Я кланяюсь всем и остаюсь твой талантливый Брат

А. Чехов.

"Дневник гимназиста" мне очень понравился. Избегай только таких фамилий, как Николенко… К чему тебе знакомые и им созвучные имена?

229. Н. А. ЛЕЙКИНУ
8 февраля 1887 г. Москва.

8-го февраля.

Ну, посылаю Вам, добрейший Николай Александрович, рассказ. Целый день мне сегодня мешали писать его, но все-таки я написал. Вообще, чувствую, что начинаю входить в норму и работать регулярнее, чем в январе.

Письмо и расписка от Фонда получены, с комплектом же произошел маленький инцидент. Сегодня утром, когда я еще спал, посланный от Девяткина принес мне комплект и потребовал полтинник за доставку; мои домочадцы полтинника не имели, и комплект был унесен назад. На днях пошлю за ним.

Да, Надсона, пожалуй, раздули, но так и следовало: во-первых, он, не в обиду будь сказано Л«иодору» И«вановичу», был лучшим современным поэтом, и, во-вторых, он был оклеветан. Протестовать же клевете можно было только преувеличенными похвалами.

Насчет курсисток, которые ведут себя неприлично в церкви, совершенно согласен с Вами. На панихиде по Пушкине у нас в Москве присутствовали литераторши, которые тоже вели себя неприлично. Что делать, батенька! Образование не всегда в ладу с воспитанностью, а литературность тем паче… Кстати сосплетничать: секретарь О-ва любителей словесности, изображавший собою на панихиде Общество, во все время панихиды вел оживленные разговоры и дебаты о чем-то; сама же панихида, с точки зрения "народа", ради которого она служилась, была неказистой: пели даровые певчие, служил один священник и не горели паникадила… Все это мелочи, но слишком заметные для тех, у кого внешность играет важную роль во всем, а таких людей у нас ведь большинство…

Пахнет весной. Вам скоро ехать на Тосну, а где я буду жить летом, мне неизвестно.

Иду спать. Кланяюсь Вашим и желаю всех благ. От толщины и большого живота у меня имеется прекрасное медицинское средство, преподанное мне Захарьиным.

Ваш А. Чехов.

230. А. С. СУВОРИНУ
10 февраля 1887 г. Москва.

10 февр.

Уважаемый

Алексей Сергеевич!

Вместе со своим рассказом посылаю Вам рассказ г-жи Киселевой "Ларька-Геркулес". Авторша (помещица) прислала мне его почтой и просила пристроить его в

какой-нибудь юмор«истический» журнал, я же, прочитав, решил послать его Вам: не сгодится ли для субботника? Мне кажется, что шероховатости и женственность рассказа окупаются симпатичной темой и краткостью.

Простите, что работаю у Вас так неусердно. Весь январь я болел, ленился и писал пустяки. Целодневная напряженная возня с "домашними обстоятельствами" совсем отняла у меня энергию; чтобы не высохнуть, в конце марта уеду на юг, в Донскую область, в Воронеж«скую» губ«ернию» и проч., где встречу весну и возобновлю в памяти то, что уже начало тускнуть. Тогда, думаю, работа пойдет живее.

Знакомые и незнакомые, преимущественно врачи и женщины, узнав, что я работаю у Вас, обращаются ко мне с просьбами протежировать им в покупке Вашего Пушкина. Лиц, одолевающих меня письмами и карточками, записано у меня ровно сорок. Я слышал, что подписка у Вас не принимается, знаю, что протекция - зло, но, не имея мужества отказывать, я почел за лучшее сообщить об этих просьбах Вам. В виде образчика посылаю подписной лист, присланный мне из клиник захарьинским ординатором. Подобными просьбами о подписке и протекции и без меня давно уже надоела Вам публика, но я все-таки решаюсь беспокоить Вас: во-1-х, просить за других не совестно, и, во-2-х, мне кажется, что для больничных врачей, педагогов, вообще лиц, занятых от утра до вечера, всегда утомленных и не имеющих времени ожидать в магазине, посредничество и протекция являются необходимостью.

За сим, пожелав Вам всего хорошего и поблагодарив за брата, которому, судя по письмам, живется недурно, пребываю искренно преданный

А. Чехов.

231. Д. В. ГРИГОРОВИЧУ
12 февраля 1887 г. Москва.

12-го февр.

Уважаемый

Дмитрий Васильевич!

Сейчас я прочитал "Сон Карелина", и меня теперь сильно занимает вопрос: насколько изображенный Вами сон есть сон? И мне кажется, что мозговая работа и общее чувство спящего человека переданы Вами и замечательно художественно и физиологически верно. Конечно, сон - явление субъективное и внутреннюю сторону его можно наблюдать только на самом себе, но так как процесс сновидения у всех людей одинаков, то, мне кажется, каждый читатель может мерить Карелина на свой собственный аршин и каждый критик поневоле должен быть субъективен. Я сужу на основании своих снов, которые часто вижу.

Прежде всего, чувство холода передано Вами замечательно тонко. Когда ночью спадает с меня одеяло, я начинаю видеть во сне громадные склизкие камни, холодную осеннюю воду, голые берега - все это неясно, в тумане, без клочка голубого неба; в унынии и в тоске, точно заблудившийся или покинутый, я гляжу на камни и чувствую почему-то неизбежность перехода через глубокую реку; вижу я в это время маленькие буксирные пароходики, которые тащат громадные барки, плавающие бревна, плоты и проч. Все до бесконечности сурово, уныло и сыро. Когда же я бегу от реки, то встречаю на пути обвалившиеся ворота кладбища, похороны, своих гимназических учителей… И в это время весь я проникнут тем своеобразным кошмарным холодом, какой немыслим наяву и ощущается только спящими. Он очень рельефно припоминается, когда читаешь первые страницы Карелина, а в особенности верхнюю половину 5-й страницы, где говорится о холоде и одиночестве могилы…

Мне кажется, что, родись и живи я постоянно в Петербурге, мне снились бы непременно берега Невы, Сенатская площадь, массивные фундаменты…

Ощущая во сне холод, я всякий раз вижу людей. Случайно я читал критика "Петерб«ургских» ведомостей", который сетует на Вас за то, что Вы вывели "почти-министра" и тем нарушили общий величавый тон рассказа. Я с ним не согласен. Нарушают тон не лица, а их характеристики, прерывающие в нескольких местах картину сна. Лица снятся, и обязательно несимпатичные. Мне, например, всегда при ощущении холода снится один благообразный и ученый протоиерей, оскорбивший мою мать, когда я был мальчиком; снятся злые, неумолимые,

интригующие, злорадно улыбающиеся, пошлые, каких наяву я почти никогда не вижу. Смех в окнах вагона - характерный симптом карелинского кошмара. Когда во сне ощущаешь давление злой воли, неминуемую погибель от этой воли, то всегда приходится видеть что-нибудь вроде подобного смеха. Снятся и любимые люди, но они обыкновенно являются страдающими заодно со мною.

Когда же мое тело привыкает к холоду или кто-нибудь из домашних укрывает меня, ощущение холода, одиночества и давящей злой воли постепенно исчезает. Вместе с теплом я начинаю уже чувствовать, что как будто хожу по мягким коврам или по зелени, вижу солнце, женщин, детей…

Картины меняются постепенно, но резче, чем наяву, так что, проснувшись, трудно припомнить переходы от одной картины к другой. Эта резкость у Вас хорошо чувствуется и усиливает впечатление сна.

Сильно бросается в глаза также и одна подмеченная Вами естественность: видящие сон выражают свои душевные движения именно порывами, в резкой форме, по-детски… Это так верно! Сонные плачут и вскрикивают гораздо чаще, чем бодрствующие.

Простите, Дмитрий Васильевич, мне так понравился Ваш рассказ, что я готов исписать дюжину листов, хотя отлично знаю, что не могу сказать Вам ничего нового, хорошего и дельного. Боясь надоесть и сказать несообразность, я обуздываю себя и умолкаю. Скажу только, что Ваш рассказ кажется мне великолепным. Публика находит его "туманным", но для пишущего, смакующего каждую строку, подобные туманы прозрачнее крещенской воды. При всем моем старании в рассказе я мог уловить только два неважных пятнышка, да и то с натяжкой: 1) характеристики лиц прерывают картину сна и дают впечатление объяснительных надписей, которые в садах прибиваются к деревьям учеными садовниками и портят пейзаж; 2) в начале рассказа чувство холода несколько притупляется в читателе и входит в привычку от частого повторения слова "холод".

Больше я ничего не мог найти и сознаю, что в моем литераторском существовании, когда чувствуется постоянная потребность в освежающих образчиках, "Сон Карелина" составляет явление блестящее. Потому-то вот я не воздержался и дерзнул передать Вам частицу моих впечатлений и мыслей.

Простите за длинноту письма и примите искренние пожелания всего хорошего от преданного

А. Чехова.

232. Ал. П. ЧЕХОВУ 19 или 20 февраля 1887 г. Москва.

Голова садовая!

"Будильник" отвечал тебе в почтовом ящике, а мне сказал, что петерб«ургский» фельетон желателен, но в более бойкой и живой форме. Так как у тебя таланта нет, то едва ли ты удовлетворишь вкусам такого литературного человека, как Левинский.

Насчет Пушкина я написал самому Суворину. Я, Саша, генералов не боюсь. Для тебя Суворин - Иван Егорч, а для меня, для знаменитого писателя и сотрудника, он - эксплуататор, или, выражаясь языком гавриловского Александра Николаича, плантатор! Едва ли Суворин найдет удобным отказать мне хотя бы даже из принципа, что протекция - зло. Я послал ему подписной лист из клиник, от ординаторов, к«ото»рым решительно некогда ждать и толкаться в магазине.

A propos: студенчество и публика страшно возмущены и негодуют. Общественное мнение оскорблено и убийством Надсона, и кражей из издания Литературного фонда и другими злодеяниями Суворина. Галдят всюду и возводят на Суворина небылицы. Говорят, например, что он сделал донос на одного издателя, к«ото»рый якобы выпустил Пушкина за 2 дня до срока. Меня чуть ли не обливают презрением за сотрудничество в "Новом времени". Но никто так не шипит, как фармачевты, цестные еврейчики и прочая шволочь.

С другой же стороны, я слышал, что многие из интеллигентов собираются послать Суворину благодарственный адрес за его издательскую деятельность…

Отчего ты не опишешь своей работы? Чем ты занимаешься вечерами в редакции?

Билибин начинает исписываться. Его скучно читать, особливо в "Пет«ербургской» газ«ете»". Не хочет понять человек, что игриво и легко можно писать не только о барышнях, блинах и фортепьянах, но даже о слезах и нуждах… Не понимает, что оригинальность автора сидит не только в стиле, но и в способе мышления, в убеждениях и проч., во всем том именно, в чем он шаблонен, как баба.

Не будь штанами и кланяйся всем своим.

Мною послан рассказ в "Н«овое» вр«емя»".

Прощай. Сегодня я болен.

Твой А. Чехов.

233. Ал. П. ЧЕХОВУ 22 или 23 февраля 1887 г. Москва.

Недоуменный ум!

Сейчас я имел неосторожность прочитать два твоих открытых письма. Своею безграмотностью, бессодержательностью и отвратительным слогом они испортили мне то светлое настроение, какое я испытывал сегодня, прочитав свой рассказ "Верочка".

60+60 р. - жалованье маленькое. Скажи Суворину, чтобы он прибавил. Если не прибавить, то поклонись ему в ноги и скажи, что у тебя незаконные дети.

Ты планируешь хронику, сортируешь и чистишь номер… Пусть так, но не касайся своими грязными пальцами моих произведений. Помни свое ничтожество и не забывай, что ты отставная таможня. Твое дело брать взятки, а не соваться в храм славы. Впрочем, я тебя прощаю.

Сообщи: на какой адрес удобнее писать? В Кавалергардскую или в редакцию?

Николай уже три дня живет у меня. Уверяет, что разошелся со своим бергамотом, и корчит из себя влюбленного в Наденьку. Ежеминутно толкует о женитьбе и собирается к Малышеву. Как это ни пусто, но перемена в нем заметна громадная. Рисует он превосходно, пьет сравнительно немного и о Шостаковском не говорит.

В "Будильнике" буду завтра.

Отчего в субботу не было курепинского фельетона? Что сей сон значить?

Хоть ты и говоришь, что я исписался, но я все-таки завтра посылаю субботник. Субботник очень "вумный"! В нем много не ума, а "вума". Я писал Суворину насчет Пушкина. Послал ему письмо ко мне клинических врачей. Ответа до сих пор не получил. Подозреваю твои интриги.

Мишка открыл в себе еще один талант: превосходно рисует на фарфоре. Я покупаю тарелки и краски, он рисует, Бодри выжигает. Получается очень красивая посудная мебель.

Сашичка, иде ты бул?

Отчего ты не работаешь в "Осколках"? Неужели ты уже так зазнался и возмечтал о себе, что даже и деньги тебе не нужны? Гандон ты этакий!

Липскеров присужден к 6-тимесячному аресту. К кому теперь Мишка будет ходить за долгом? Сидит ли Федоров? Пиши и пиши…

"Военные на войне" Маслова - очень недурная вещь. Видал ли хоть раз Незлобина-Жителя? Видаешь ли Атаву? Пиши мне обо всем, потому что мне нужно знать все. Слушайся Лейкина.

С почтением за Гуго-Ворлих

Иоганн Гофф.

234. Н. А. ЛЕЙКИНУ
25 февраля 1887 г. Москва.

25-го февр.

Уважаемый

Николай Александрович!

Вчера послал Вам рассказ, а сегодня строчу письмо, хотя и чувствую, что ничего полезного не напишу для Вашего "чревообъедения", к«ото»рое, судя по Вашим письмам, не поддается массажу… От больших животов я употребляю захарьинское средство, блестящее по результатам, но не всегда доступное силам лечущихся. Средство это заключается в так называемой "молочной диете", при к«ото»рой страждущий в течение 2-х недель не ест ничего, а чувство голода утоляет полустаканами молока. Чай и кофе можно, но насчет прочего - беда! Если хотите, Вы у себя на даче можете попробовать это средство… Таннер ничего не ел 40 дней, а Вам придется попостить только 2 недели. (На 2-й неделе можно есть котлетку.) Средство, повторяю, блестящее по результатам. Могущий вместити да вместит.

Пальмина не видел с 17-го января.

Отчего Билибин перестал работать в "Газете"? Если он сам бросил, то удивляюсь его бессребренничеству; если же "Газета" отказалась от него, то не могу не удивиться вкусам Худекова и К°, помещающих вместо остроумного И. Грэка какую-то "Сигару"- жвачку, в которой ни черта не разберешь…

Кстати, где теперь Гермониус? Его что-то не заметно в "Газете".

Насчет "Одесских новостей", печатающих мои рассказы, следовало бы подумать самой "Газете". Прежде всего обкрадывается "Газета", а потом уж я… Вы скажите Худекову, чтоб он сделал ругательную заметочку.

Как идет моя книга?

В конце марта я на один месяц уезжаю на юг. Не будет ли каких поручений?

В Ваших "Сатире и нимфе" заметно авторское увлечение. Вы громоздите столько положений и лиц, что глядите, как бы Вам к концу не запутаться.

Вчера глядел Поссарта в "Манфреде". Недурно.

Погода у нас скверная. То тепло, то холодно, так что, выходя из дому, не знаешь, что надевать: летнее пальто или отцовскую шубу…

Поклон всем Вашим. А за сим, дабы не утомить благосклонного читателя, позвольте поставить точку.

Ваш А. Чехов.

235. ЧЕХОВЫМ
10 марта 1887 г. Петербург.

10, III, 87.

Любезные читатели!

Федор Тимофеич пользуется гораздо большими удобствами, когда ночью путешествует по крышам, чем я, ехавши в Питер. Во-первых, поезд ехал 56 часов в сутки; во-2-х, я забыл взять подушку; в-3-х, вагон был битком набит, и, в-4-х, я курил такие папиросы, что чувствовал перхоту не только в горле, но даже в калошах: узнайте, какой сорт табаку покупает Василиса? Удивительное дело: вода в графине воняет нужником, папиросы отвратительны…

Ехал я, понятно, в самом напряженном состоянии. Спились мне гробы и факельщики,

мерещились тифы, доктора и проч… Вообще ночь была подлая… Единственным утешением служила для меня милая и дорогая Анна, которой я занимался во всю дорогу*.

Кавалергардская так же далека от Невского, где я остановился, как Житная ул«ица» от Кудрина. Квартира Александра хотя и просторна, по не изящна и сумрачна.

Александр абсолютно здоров. Он пал духом, испугался и, вообразив себя больным, послал ту телеграмму.

У Анны Ивановны настоящий брюшной тиф, но не тяжелый. Был у меня с доктором консилиум. Лечат по-моему. Доктор пригласил к себе в гости. Схожу.

В Питере свирепствует брюшной тиф, весьма злокачественный. Лейкинский швейцар, длинный, узкий старик, которого Вы, Маша, помните, вчера умер от тифа.

Деньги вышлю завтра. Сейчас 11 часов понедельника. Вечер. Я в Nомере. Кончив письмо, поеду к Александру.

Когда приеду, не знаю. Погода весенняя.

Обедал у Лейкина. Анна Аркадьевна была больна брюшным тифом, а потому похудела. Дети незаконные здоровы и веселы. Старший мне казался сегодня очень симпатичным и приветливым.

Мне страшно.

Почтение всем: собаке без спины, кнуту, Федору Тимофеичу, Корнееву и проч.

Ешьте поменьше.

Ваш А. Чехов.

Адресуйте в "Осколки".

Везу Александру котлеты, оставшиеся после дороги, - это для снедения мамаши-таракаши. Съел я, мамаша, только 1/2 хлеба, так что 1 1/2 франзоли остались целы (7 1/2 к. прибыли). У Алекс«андра» есть деньги.

Мне скучно… * Речь идет об "Анне Карениной".

236. М. П. ЧЕХОВОЙ
11 или 12 марта 1887 г. Петербург.

Милейшая!

«Посы»лаю* тебе вексель «для получения дене»г. Из полученного отдай Ми«ше» 10 руб. для уплаты за рояль Клангу. Ввиду так скверно сложившихся обстоятельств я попросил бы тратить возможно меньше.

Когда приеду, не знаю. Александра с его упавшим духом и наклонностью к шофе оставить нельзя до выздоровления его барыни.

Очень возможно, что приеду раньше 15-го. Положительного сказать не могу.

Алекс«андр» здоров. Я проехался напрасно.

Полученный "Истор«ический» вестник" выдай Корнюше.

Пока вообще скверно. Чувствую «себя» висящим между небом и землей.

Почтение Носу с Эфросом и Яше«ньке».

А. Чехов. * Автограф поврежден.

237. Ф. О. ШЕХТЕЛЮ

11 или 12 марта 3887 г. Петербург.

Петербург, 78 № гостиницы.

Талантливейший из всех архитекторов мира!

Вам, конечно, уже известно, что обстоятельства самого поганого и ерундистого свойства нежданно-негаданно погнали меня на север. Вообще мне везет…

Сейчас я сижу в скучнейшем номере и собираюсь переписывать начисто конченный рассказ. Скучаю. Скука усугубляется сознанием безденежья и неизвестности. Когда выеду, не знаю… Нервы расстроены ужасно, так что пульс мой бьет с перебоями. Пишу сие жалобное послание отнюдь не для того, чтобы нагнать на Вас сантиментальную мерлехлюндию и попросить у Вас взаймы, а для того, чтобы Вы не сердились на мою особу за неисправное посещение Дарьи Карловны.

Впрочем, есть и просьба: не забудьте похлопотать о бесплатном проезде в Таганрог и обратно. Сделайте так, чтобы на обратном билете число не выставлялось. Как бы там ни было, будь хоть землетрясение, а я уеду, ибо долее мои нервы не выдержат. Я хочу уехать на юг не позже 31-го марта. Поеду с рублем, но все-таки поеду.

В Питере погода великолепная, но безденежье и отсутствие весеннего пальто, взятого у меня на бессрочный прокат одним нашим общим знакомым, портят всю иллюзию.

«…»*
Всюду меня встречают с почетом, но никто не догадается дать рублей 1000-2000…

Академическая выставка плоха, но передвижная мне показалась прекрасной по богатству…

Если хотите, черкните мне 2-3 строчки. Адрес: редакция "Осколков".

Весь Ваш, с сапогами, с калошами, с зубами, с жилеткой и проч.

А. Чехов. * В автографе вырезан абзац примерно из пяти строк.

238. ЧЕХОВЫМ

13 марта 1887 г. Петербург.

Сим извещаю, что я жив и здоров и тифом не заразился. Сначала я хандрил, ибо скучал и страшился безденежного будущего, по ныне чувствую себя положительно и с характером. На мою голову сыплются сюрпризы: во-1) все время стоит весенняя погода, и мне мешает гулять только отсутствие пальто, 2) всюду встречают с распростертыми объятиями, 3) Суворин, выражаясь по-жидовски, одолжил мне денег (секрет: 300 руб.) и велел прислать ему материал для издания книги с нововременскими рассказами. Книга будет отпечатана к лету, на условиях, весьма выгодных для меня. И т. д.

Выеду я в воскресенье (может быть). Завтра, в субботу, я у Григоровича, который написал мне большое письмо, но не знает моего адреса.

Суворин толковал со мной от 9 часов вечера до 1 часа ночи непрерывно. Беседа интересная в высшей степени.

На юг я поеду 31-го марта или ранее.

Вот и все.

Поклон всем, а также собачке без спины, Федору Тимофеичу и кнуту. Корнюше почтение. Скажите, что поручения его исполнены.

Votre a tous*

А. Чехов.

Александр здоров и всем шлет поклон.

Рукой Ал. П. Чехова:

Сим свидетельствую, что я здоров, а за Охтою пожар.

А. Чехов. * Весь твой (франц.)

239. М. В. КИСЕЛЕВОЙ
17 марта 1887 г. Москва.

Многоуважаемая

Мария Владимировна!

Надеюсь, что теперь Вы поверите мне и не станете обвинять во лжи: не приехал я в Бабкино, ибо ездил в Питер, куда был вызван телеграммой брата. Подробности Вам известны от сестры. То же самое, но только в миниатюре, не пустило меня в Бабкино и на масленой: заболела мать семейства, которую я не решился оставить без доктора. Впрочем, все это суета сует.

Как ни тосклива была моя последняя поездка в П«етербург», но и на ней оправдалась поговорка, что нет худа без добра. Во-1-х) я имел случай беседовать с управляющим "Петербургской мастерской учебных пособий" о Вашем издании; ему Вы пошлете на комиссию с моим письмом. Кстати: когда начнет печататься Ваша книга? Чем раньше, тем лучше. Книги вообще идут не сразу, а измором, через час по столовой ложке, а потому, чем раньше издадите, тем скорее продадите. Во-2-х) я ограбил Суворина, взяв у него большущий аванс; в-3-х) Суворин издает мои нововременские рассказы отдельной книжкой. Все мои Верочки, Ведьмы, Агафьи и проч. едут завтра в Питер, а дня через 2-3-4 будут уже в наборе. Издание на весьма выгодных условиях. Успех, конечно, несомненный, ибо в Питере признают теперь только одного писателя - меня! Видите, я даже перед собой лицемерю.

Петербург произвел на меня впечатление города смерти. Въехал я в него с напуганным воображением, встретил на пути два гроба, а у братца застал тиф. От тифа поехал к Лейкину и узнал, что "только что" лейкинский швейцар на ходу умер от брюшного тифа. От Лейкина поехал к Голике: у этого старший сын болен крупом и дышит не горлом, а в трубочку; отец и мать плачут… Еду на выставку, там, как назло, попадаются все дамы в трауре*.

Но все это пустяки. Вы послушайте, что дальше. Приезжаю я к Григоровичу. Старичина поцеловал меня в лоб, обнял, заплакал от умиления, и… от волнения у него приключился жесточайший припадок грудной жабы. Он невыносимо страдал, метался, стонал, а я 2 1/2 часа сидел возле него, браня во все лопатки свою бессильную медицину. К счастью, приехал Бертенсон, и я мог бежать. Старик серьезно болен и, вероятно, скоро умрет. Для меня это незаменимая потеря. С собой я привез его письмо, которое он начал писать ко мне: описывает подробно свою болезнь и проч.

Каковы впечатления? Право, запить можно. Впрочем, говорят, для беллетристов все полезно.

Однако мое письмо отвратительно и скучно. Прекращаю бесчинство и остаюсь уважающим и искренно преданным.

А. Чехов.

Василиса и Сережа, мое Вам почтение-с! * На 2-й день приезда лечил мать осколочной конторщицы, умирающую от чахотки.

240. Ф. О. ШЕХТЕЛЮ
17 марта 1887 г. Москва.

Elegantissime!

Я, подобно Вам, вернулся в Москву и уже вошел в свою колею. В Питере я получил

Вашу телеграмму и послал Вам ответ во "Францию".

Не найдете ли Вы возможным сегодня вечером почтить меня Вашим присутствием?

31-го я еду. Непременно еду! Если заболею тифом, то и тогда поеду!

Ваш А. Чехов.

NB: На дорогу я взял у Суворина аванс! Ура-а-а!

241. А. С. СУВОРИНУ

18 марта 1887 г. Москва.

18-го марта.

Уважаемый

Алексей Сергеевич!

Сегодня я выбрал и послал Вам для моей будущей книги 16 рассказов. Будьте добры сделать распоряжение, чтобы в типографии смеряли мой материал и, если не хватит его, уведомили бы меня (Кудринская Садовая, д. Корнеева) или моего брата Александра, который не замедлит дать мне знать*.

Названия для книги я не мог придумать. "Мои рассказы", просто "Рассказы", - а остальное, что приходило мне в голову, или претенциозно, или старо, или неумно.

Книгу я думаю посвятить Д. В. Григоровичу.

Перед отъездом я был у Д«митрия» В«асильевича» и наблюдал его грудную жабу. Страдания его едва выносимы, продолжительны и усугубляются страхом смерти, которая, вероятно, близка. Сама по себе грудная жаба - болезнь неважная, но у Д«итрия» В«асильевича» она является симптомом болезни, которая называется атероматозным процессом, перерождением артерий, - недуг старческий и неизлечимый. Об этой болезни Вы составите себе ясное представление, если вообразите обыкновенную каучуковую трубку, которая от долгого употребления потеряла свою эластичность, сократительность и крепость, стала более твердой и ломкой. Артерии становятся такими вследствие того, что их стенки делаются с течением времени жировыми или известковыми. Достаточно хорошего напряжения, чтобы такой сосуд лопнул. Так как сосуды составляют продолжение сердца, то обыкновенно и само сердце находят перерожденным. Питание при такой болезни плохо. Само сердце питается скудно, а потому и сидящие в нем нервные узлы, не получая питания, болят - отсюда грудная жаба.

Как бы ни пугали доктора, но Д«митрий» В«асильевич» может еще жить долго, хотя может умереть и завтра: трудно сказать, когда, в какой день и час лопнет натянутая струна или обвалится сгнившая крыша. Мой отец, ровесник Д«митрия» В«асильевича», живет с перерождением артерий уже 10 лет. Наш профессор минералогии с такими же артериями и с грудной жабой продолжает читать лекции. Все зависит от индивидуальности каждого отдельного случая.

31-го марта я еду. Чтобы небеспокоить Вас, о книге я буду писать брату (конечно, если понадобится что-нибудь).

Пасхальный рассказ постараюсь прислать.

Пожелав Вам и Вашей семье хорошего, не дождливого лета, здоровья и покоя, остаюсь искренно преданный

А. Чехов. * Размер книги -"Необыкновенные рассказы" Э. Поэ.

242. Ал. П. ЧЕХОВУ 19 марта 1887 г. Москва.

19.
Ничтожество!

Прежде всего ты штаны за то, что не пишешь ничего о здравии твоих домочадцев; это здравие составляет злобу дня для обоих этажей корнеевского дома.

Вчера я послал Суворину материал для будущей книги. Так как 31-го я еду, то книгой придется заняться тебе; без твоего вмешательства не оберешься опечаток и недоразумений всяческих. Будь хозяйским оком! Посылаю при сем циркулярик, коим будешь соображаться. За таковой твой труд я позволю тебе на визитных карточках именоваться "братом знаменитого писателя". Блюди, чтоб не было опечаток, чтоб рассказы печатались в порядке, обозначенном в циркулярике, чтоб в случае недостачи материала ты моментально давал знать мне, а в случае моего отсутствия-Мишке, к«ото»рый будет высылать недостающее, и т. д. Вообще делай все, что найдешь целесообразным и безвредным для моего кармана и славы.

За сим еще просьба. Пришли мне письмо к Троицкому или Вальронду; желательно, чтобы это письмо. не ставило меня в фамильярное положение по отношению к адресату; ты пиши не обо мне, а о деле.

В-третьих, после 1-го обязательно пиши мне письма 2 раза в неделю. Без писем я издохну в степи. Адрес: Таганрог, дом М. Е. Чехова. Дядьке мой адрес будет известен. Пожалуйста, пиши! Марки в мой счет.

За сим прощевайте. Поклон всем. Николке жму руку.

А. Чехов.

Далее следует циркуляр.

Величина книги, шрифт и прочее - такие же, как "Необыкновенные рассказы" Поэ.

Название книги - "Мои рассказы" или просто "Рассказы", - как захочет Ал«ексей» Сер«геевич».

Книга посвящается Дмитрию Васильевичу Григоровичу.

Рассказы помещаются в таком порядке: 1) "Мечты". 2) "Пустой случай". 3) "Недоброе дело". 4) "Дома". 5) "Ведьма". 6) "Верочка". 7) "В суде". 8) "Беспокойный гость". 9) "Панихида". 10) "На пути". 11) "Несчастье". 12) "Событие". 13) "Агафья". 14) "Враги". 15) "Кошмар". 16) "Святою ночью".

Если окажется, что материала я прислал больше, чем нужно, то можно выбросить "Событие", "В суде" и в крайнем случае "Пустой случай".

На обложке книги объявление:

"Того же автора "Пестрые рассказы", большой том убористой печати, 375 страниц. Цена 2 руб. Выписывающие из редакции "Осколков" (Петерб«ург») за пересылку не платят".

243. М. В. КИСЕЛЕВОЙ
21 марта 1887 г. Москва.

21.

Про какой орден Вы пишете, уважаемая Мария Владимировна? Я не понял… Если Вы намекаете на тот красный шнур, который я ношу на шее из уважения к вкусу и носу известной Вам израильтянки, то спешу Вас уверить, что заслуг с моей стороны не было никаких, а потому означенный шнур совсем нельзя назвать орденом. Скорее это петля - символ любви, семейного счастья.

К тому, что Вас поражает, мы давно уже привыкли, как к белому потолку. Русские книгопродавцы кулаки, но мы так напуганы, что 25 р. за лист кажется нам ценой красной, настоящей. Для журнала такая цена - разбой и душегубство, для книгопродавца же - почти норма. Все книгопродавцы не дали бы Вам дороже 25 р., как не дали бы и мне, если бы я захотел продать им свои словоизвержения, бывшие уже раз в печати. Берите же Ваши 50 р. и пойте Исайя ликуй… Браните же себя только за то, что Вы не поторговались заранее о количестве экземпляров. Авторы

обыкновенно продают свои произведения по 25 р. на один завод, т. е. на 1200 экз«empляров». 3000 - цифра кулаческая. Так и знайте, что Ваша шальная пуля навеки застряла в кармане Мамонтова и не вернуться ей к Вам до страшного суда. 3000 продать трудно, очень трудно! Сначала книга пойдет бойко, но к концу начнет чахнуть, чахнуть… издохнуть не издохнет, на манер вейнберговской блохи, но будет хуже: на полке Мамонтова будут лежать без движения последние 100-200 экз«empляров», а Вы не будете иметь права издавать вновь…

Впрочем, Вам не резон особенно возмущаться и цифрой. Мамонтов, печатая 3000, рискует, а Вы нет…

Продавать книгу Вам самим и платить М«амонтов»у проценты, или же наоборот, М«амонтов»у продавать, а Вам брать проценты - тоже не резон. Конечно, выгодней издавать книги так, как я, Лейкин и проч., но ведь мы живем в столицах, знаем книжников наизусть и нас не так легко надуть, как Вас.

В конце концов плохой воробей в руке лучше, чем райская птица в раю. Лучше сейчас 50, чем через 2 года 200 или через час по столовой ложке по 10… Право, так! Если бы издатель предложил мне за 25 листов моих "Пестрых рассказов" по 25 р. за лист с самого начала, то я возликовал бы, хотя в будущем мне предстоит получить за них что-то около тысячи.

Вообще позвольте смиреннейшему литератору преподать Вам правило: жалейте Ваши рассказы, когда отдаете их иродам Истоминым с их белобрысыми детями, но не жалейте, отдавая книгопродавцам. К чему жалеть то, что уже было раз напечатано и принесло лепту?

Ах! Летом, читая критику на Вашу книгу, я буду чувствовать себя счастливым! Как я буду злорадствовать и ехидно потирать руки! Бррр!

Я купил себе новую шляпу.

Сейчас был у нас Алексей Сергеевич. Завтра мы опять увидимся с ним. Кажется, поедем завтракать. Поклон Василисе и Сереже. А за сим простите за небрежное писанье преданного и не совсем здорового

А. Чехова.

Приложение к письму.

На мой вопрос о судьбе "Ларьки" Суворин сказал:

- Ах, не читал еще, голубушка! Надо прочитать… прочту… Ах, боже мой, такая пропасть хлопот! О чем, бишь, вы? Ах да!

Сейчас получил известие, что мой недавно оженившийся коллега болен сыпным тифом и плох. Приглашают ехать к нему. Не поеду!!!!

Поклон Архангельским и шапочке в тышечке.

244. Н. А. ЛЕЙКИНУ
21 марта 1887 г. Москва.

21 марта.

Добрейший

Николай Александрович! Сегодня, в субботу, вечером я посылаю курьерским рассказ в "Газету"; кстати, надумал написать и Вам, не столько ради словопрения, сколько ради успокоения Ваших бушующих невров. Сообщаю Вашим неврам, что завтра я обязательно сяду за рассказ для "Осколков" и вышлю его заказным, так что получите Вы его во вторник к вечеру. Не сумлевайтесь. На всякий случай я не посылаю "Будильнику" приготовленный для него "Монолог кота"; сейчас переименую в монологе московские места на питерские и спрячу его для Вас. - Стало быть, что-нибудь да вышлю. Для рассказа тема имеется, так что засяду на готовое. Итак - будьте покойны.

31-го я еду обязательно. До отъезда я еще буду писать Вам, но и теперь ничто не

мешает мне попросить Вас усиленно писать мне письма на юг. Пишите мне, не считаясь визитами и не дожидаясь моего ответа, а за это я Вам буду подробно описывать свое путешествие, которое, по всей вероятности, выйдет странным и диким. Живя в пустынях и степях, беседуя со зверями, тараканя волчиц и диких коз, я, вероятно, буду сильно скучать по цивилизации, а потому Вы поймете цену писем. Непременно пишите.

Вероятно, я простудился в дороге. Насморк, общая слабость, одурение и шум в левом ухе, должно быть, вследствие катара левой евстахиевой трубы. Писать трудно. Больше лежу и лежа читаю. Температура нормальна, аппетит хорош… Поймите болезнь! Никакая медицина не разберет.

Погода у нас мерзкая. Идут снег и дождь, ездят в санях и на пролетках, тепло и холодно… Сам черт не разберет, в чем дело.

Вчера узнал, что бывший городской голова Третьяков велел купить для себя 2 экз«емпляра» моей книги. Значит, понемножку продается…

Свой южный адрес сообщу во благовремении, а пока будьте здравы и невредимы. Поклон Вашим.

Ваш А. Чехов.

245. Г. М. ЧЕХОВУ
23 марта 1887 г. Москва.

23-го марта.

Дорогой Георгий, посылаю тебе газетное объявление, из которого ты увидишь, что обещанный мною Пушкин еще не отпечатан и выйдет в свет только в конце апреля. Первое издание разошлось в один день, так что я даже для себя не мог достать Пушкина, второе же издание печатается в количестве 100 тысяч экземпляров, а поэтому и печатается так долго. Твой дядя П«авел» Е«горович» вышлет тебе Пушкина тотчас же по получении его в Москве. Об этом я просил его, так как сам выслать не могу, ибо в апреле и в мае меня в Москве не будет.

Мою книгу получишь при необыкновенных обстоятельствах, не позже 1-го дня Пасхи… Если ты умеешь хранить секреты, то тайно, чтобы никто не знал у вас дома, выйди на вокзал в страстную субботу к 5 часам вечера.

На днях я вернулся из Петербурга, куда ездил по делам.

Напиши, что это у Вас за пожар был? Что горело?

Поклонись всем и будь здоров.

Твой А. Чехов.

246. Ал. П. ЧЕХОВУ 25 марта 1887 г. Москва.

Г. Гусев!

Я послал Вам на днях письмо. Ответа нет, значит письмо не получено Вами, иначе я не понимаю Вашей, м«илостивый» г«осударь», жестокости. Мать ужасно боится за здоровье гг. Гусевых, и долг порядочного чеаэка успокоить ее. Жду и упрекаю в нерадении.

А. Чехонте. На обороте:

Петербург,
Кавалергардская 20, кв. 42
Его высокородию
Александру Павловичу Чехову.
247. А. С. СУВОРИНУ
27 марта 1887 г. Москва.

27-го марта.

Уважаемый

Алексей Сергеевич!

Посылаю Вам неважную справку, наведенную мною у одного помещика Зарайского уезда насчет Селивановского имения:

"Орешково, в 5-6 верстах от ст. Дивово, около 400 десятин, в том числе 75 десятин хорошего луга. Состояние имения удовлетворительное. Лес неважный, дом большой и хороший. О продаже имения ничего не слышно. Если Селиванов захочет продать, то в Рязани даже те, кому не нужно, дадут ему сейчас 125 р. за десятину. При продаже С«еливанов», наверное, запросит 175 р. за десятину, но согласится на 150-140".

В Звенигородском уезде Моск«овской» губ«ернии» продается бывшее имение Шиловского, которое я видел. Имение красивое, уютное, с прекраснейшим парком (пихты и лиственницы), с рекой, прудами, изобилующими рыбой, с церковью, театром, художнической мастерской, со статуями и монументами, которые в лунную ночь похожи на мертвецов, с громоотводами и проч. Стоит 50-60 000. Дом средний. Недостаток: отсутствие вблизи телеграфа (12 верст) и ж«елезной» дороги (30 в«ерст»).

Через неделю я еду. Пожелав Вам и Вашей семье всего хорошего, пребываю преданный

А. Чехов.

248. Ал. П. ЧЕХОВУ 27 марта 1887 г. Москва.

Душа моя! Большого письма я не получил, как не получил твоей телеграммы, которую ты, как говорил, послал мне. Перед выездом из Москвы я буду писать тебе пространно, но теперь прошу, напиши мне длинно о здоровье А«нны» И«вановны», о судьбе посланного много материала для книги, хватило ли этого материала и т. д. Напиши поскорее. При брюшном тифе бронхит с обильным выделением мокроты - обычное явление. От тифа поправиться нельзя в 1-2 месяца.

Твой А. Чехов. На обороте:

Петербург,

Кавалергардская 20, кв. 42

Александру Павловичу Чехову.

249. Н. А. ЛЕЙКИНУ
28 марта 1887 г. Москва.

28-го марта.

Добрейший

Николай Александрович!

Одновременно с сим посылаю денежный пакет со вложением 2-х квитанций и… о позор! 11 р. 70 к. (копейки для удобства - почтовыми марками). Посылать рассказ вместе с деньгами я не захотел, боясь, что за деньгами Вы пошлете в почтамт не скоро.

Если позволит здоровье, 31-го или 1-го я уезжаю на юг. Прощайте. Желаю Вам жития мирна и безгрешна, ложа нескверна, здравия, спасения и во всем благого поспешения. Пишите мне почаще и побольше по адресу: "г. Таганрог, Конторская улица, дом М. Е. Чехова"*. В 1-й день Пасхи я буду уже там.

Гонорар тоже в Таганрог.

На юге я постараюсь писать поменьше. Это значит, что я буду писать мелочи, из коих добрую половину буду присылать Вам.

Возвращусь я в июне и тотчас же поеду к Вам на дачу. (Село Ивановское на Неве… так?)

Я недоумеваю: как может Салаев торговать Вашими и моими книгами, если в Москве не слышно про них? Без реклам нельзя. Не говоря уже про мою книгу, Вам следовало бы прорекламировать в Москве все свои издания, да не в одном "Листке", но и в "Русских ведомостях", в "Будильнике", который читают смеющиеся люди, в "Курьере"… Чем уступать Петровскому 50%, гораздо выгоднее рекламироваться. Вы, насколько я понимаю Вас, не верите рекламе, а потому жалеете для нее бросить деньги. "Осколки" и осколочные издания меньше всего рекламируются - достаточно видеть это, чтобы заметить Ваше нерасположение к газетным объявлениям. Сейчас видно, что в Вас мало американского духа. По-моему, издательство - риск, а где один риск, там следует решаться и на другой - на рекламу, которая должна быть солидна. На Вашем месте, я даже открыл бы в Москве лавочку - "Контору Осколков" - маленький книжный магазин.

Впрочем, все это скучно, как плохая погода.

Семья будет жить на даче в Воскресенске. Я хотел приискать что-нибудь поновее, но ввиду своего отъезда отложил хлопоты до будущего сезона. Семья мечтает, что в 88 году я повезу ее для дачного жития на берег Азовского моря. Это, конечно, возможно, особливо ежели найдутся бесплатные билеты для проезда. Из Харькова я вышлю Вам письмо: закрытое - если останусь на день в Харькове, и открытое - если поеду мимо Х«арькова». А теперь прощайте. Поклонитесь Вашим и пишите.

Ваш А. Чехов. * Адрес для телеграфа: Таганрог, Чехову.

250. П. Г. РОЗАНОВУ
Конец марта, до 30, 1887 г. Москва.

Милейший мой collega и благоприятель Павел Григорьевич! Знать, нам не суждено повидаться в этом году. Все время собирался к Вам потолковать, но увы! то некогда было, то в Питер ездил, то болел… Недавно вернулся из Питера, а 31-го марта опять уезжаю, на юг. Приходится поневоле отвечать Вам не визитом, а письмом…

Насчет "Врачебного быта" я беседовал в Питере со сведущими людьми. По их мнению, это издание не пойдет уже по одному тому, что материала едва хватит на 5-6 №. Помещать статьи таких полуграмотных маньяков, как д-р Эберман, невозможно, а грамотных врачей-публицистов пока взять негде.

Я рад, что Вы, шипучий человек, не отказались от мысли о медиц«инской» газете. Но к чему Вам врачебный быт? Не полезнее ли издавать что-нибудь специально медицинское?

Я слушал Ваш реферат на съезде. Вопрос, затронутый Вами, почтенен, и я радовался за Вас, хотя и досадовал, что Вы писали реферат без помощи какого-нибудь ученого юриста-законоведа. Впрочем, об этом поговорим. Почтение Вашей супруге. Прощайте.

Ваш А. Чехов.

Мой адрес: г. Таганрог, Конторская ул., дом М. Е. Чехова. Если напишете, отвечу.

Вы ужасно далеко живете! Съездить в Полтаву гораздо легче, чем к Вам. На обороте:

Доктору

Павлу Григорьевичу Розанову.

251. Н. А. ЛЕЙКИНУ
30 марта 1887 г. Москва.

Получил я Ваше письмо не 31, а сегодня, 30, добрейший Николай Александрович! Спешу писать покороче, ибо строчу в "Нов«ое» время".

"Кот" в Вашем распоряжении.

Деньги, рассказ и письмо Вам вчера посланы.

Гонорар 13 рублей пусть Билибин вышлет мне вместе с апрельским гонораром в мае.

Я еду 1-го или 2-го, но не позже.

В Таганроге буду ждать Ваших писем, а пока жму Вам руку и пребываю

Ваш А. Чехов.

252. М. П. ЧЕХОВОЙ

3 апреля 1887 г. Орел.

Я в Орле. 4 часа 50 мин. утра.

Пью кофе, похожий вкусом на копченого сига. На полях снега нет. Ехать не скучно. Нет конвертов, потому не шлю дневник. Во всем слушайтесь Ваню. Он положительный и с характером.

Поклоны всем.

А. Чехов. На обороте:

Москва,

Кудринская Садовая, д. Корнеева Марии Павловне Чеховой.

253. М. П. ЧЕХОВОЙ

4 апреля 1887 г. Славянск.

Суббота, 7 часов утра. Славянск.

Туман и облака. Не видно ничего. Птицы, крокодилы, зебры и прочие насекомые попрятались. Спал я великолепно. Компании во всю дорогу попадались хорошие. Христос воскрес! Ведь это письмо Вы получите на 2-3 день праздника. Из Таганрога пришлю большое письмо. Вижу хохлов и биков. Интеллигенты, снующие по вагонам, напоминают камбурят. Паршивенькие такие.

Votre a tous

А. Чехов. На обороте:

В Москву.

Кудринская Садовая, д. Корнеева Марии Павловне Чеховой.

254. Н. А. ЛЕЙКИНУ
7 апреля 1887 г. Таганрог.

7-го апреля. Таганрог.

Христос воскрес, милейший Николай Александрович! Письмо Ваше получил вчера. Принес его мне почтальон в рыжем пальто и с добродушной рожей; сдав письмо, он положил свою сумку около таза на скамейку и сел в кухне пить чай, нимало не беспокоясь об адресатах. Совсем Азия! Такая кругом Азия, что я просто глазам не верю. 60 000 жителей занимаются только тем, что едят, пьют, плодятся, а других интересов - никаких… Куда ни явишься, всюду куличи, яйца, сантуринское, грудные ребята, но нигде ни газет, ни книг… Местоположение города прекрасное во всех отношениях, климат великолепный, плодов земных тьма, но жители инертны до чертиков… Все музыкальны, одарены фантазией и остроумием, нервны, чувствительны, но все это пропадает даром… Нет ни патриотов, ни дельцов, ни поэтов, ни даже приличных булочников.

В субботу я еду в Новочеркасск, где шаферствую у одной богатой казачки. Опившись

донского, я вернусь в Таганрог и 14 еду к Донцу. Вы все-таки продолжайте мне писать в Таганрог.

Маленькая просьба: возможно скорее справьтесь у Вашего чернобородого массажиста, какое практическое руководство по массажу считается лучшим? Ответ его благоволите написать на бланке открытого письма и послать по адресу: г. Таганрог, доктору Ивану Васильевичу Еремееву. Этим Вы меня премного обяжете, ибо я и мой collega будем в мае массажировать одного толстяка. Пожалуйста, не забудьте.

Ах, какие здесь женщины!

Вчера ездил глядеть море. Хорошо! Одна только беда: желудочно-кишечный катар от перемены воды и пищи. То и дело бегаю. А ватер-клозеты здесь на дворе, у черта на куличках… Пока добежишь, так успеешь подвергнуться многим неприятным случайностям.

Написал в "Газету" рассказ и сейчас повезу его на вокзал вместе с этим письмом.

Пишите же. Поклон Прасковье Никифоровне и Феде. Прощайте.

Ваш А. Чехов.

255. ЧЕХОВЫМ
7 апреля 1887 г. Таганрог.

7-го апреля.

Благосклонные читатели и благочестивые слушатели!

Стрепетом продолжаю, соблюдая хронологический порядок.

2-е апреля. От Москвы до Серпухова ехать было скучно. Спутники попались положительные и с характером, все время толковавшие о ценах на муку. В Серпухов прибыл в 7 ч«асов». Ока чиста и хороша. Пароходы ходят в Каширу и Калугу. Не мешает когда-нибудь съездить.

В Тулу, всем городам затулу, приехал в 11. Познакомился в вагоне с офицером Волжинским, давшим мне свою карточку и пригласившим к себе в Севастополь. Едет он из Москвы, где его брат, доктор, приехавший из уезда на съезд врачей, умер от сыпного тифа и оставил вдову. В Туле шнапс-тринкен, легкое опьянение и шляфен. Спал, скрючившись в 3 погибели, б la Федор Тимофеич: носки сапогов около носа. Проснулся в Орле, откуда послал в Москву открытое письмо. Погода хорошая. Снег попадается редко.

В 12 часов Курск. Час ожидания, рюмка водки, уборная с умываньем и щи. Пересадка. Вагон битком набит. Тотчас же после Курска знакомство: харьковский помещик, игривый, как Яша К«орнеев», дама, к«ото»рой в Петербурге делали операцию, тимский исправник, хохол-офицер и генерал в военно-судейской форме. Решаем социальные вопросы. Генерал рассуждает здраво, коротко и либерально; исправник - тип старого, испитого грешника гусара, тоскующего по клубничке, - манерничает, как губернатор: прежде чем сказать слово, долго держит раскрытым рот, а сказав слово, долго рычит по-собачьи: э-э-э-э…; дама впрыскивает себе морфий и посылает мужчин на станцию за льдом…

В Белграде щи. В Харьков приезжаем в 9 ч«асов». Умилительное прощание с исправником, генералом и прочими. Вагон почти пуст. Я и Волжинский берем по длинному дивану и засыпаем скоро без помощи маменькиной бутылки. В 3 часа ночи просыпаюсь: мой офицер собирает вещи, чтобы уходить. Лозовая. Прощаемся, пообещав бывать (?!) друг у друга. Засыпаю и еду дальше. Просыпаюсь в Славянске, откуда шлю открытое письмо. Тут новая компания: помещик вроде Иловайского и контролер железной дороги. Судим железные дороги. Контролер рассказывает, как Лозово-Севастоп«ольская» дорога украла у Азовской 300 вагонов и выкрасила их в свой цвет.

Харцызская. 12 часов дня. Погода чудная. Пахнет степью и слышно, как поют птицы. Вижу старых приятелей - коршунов, летающих над степью…

Курганчики, водокачки, стройки - все знакомо и памятно. В буфете порция необыкновенно вкусных и жирных зеленых щей. Потом прогулка по платсформе. Барышни. В крайнем окне второго этажа станции сидит барышня (или дама, черт ее знает) в белой кофточке, томная и красивая. Я гляжу на нее, она на меня… Надеваю пенсне, она тоже… О чудное видение! Получил катар сердца и поехал дальше. Погода чертовски, возмутительно хороша. Хохлы, волы, коршуны, белые хаты, южные речки, ветви Донецкой дороги с одной телеграфной проволокой, дочки помещиков и арендаторов, рыжие собаки, зелень - все это мелькает, как сон… Жарко. Контролер начинает надоедать. Котлеты и пирожки наполовину целы и начинают попахивать горечью… Сую их под чужой диван вместе с остатками водки.

5-й час. Видно море. Вот она, ростовская линия, красиво поворачивающая, вот острог, богадельня, дришпаки, товарные вагоны… гостиница Белова, Михайловская церковь с топорной архитектурой… Я в Таганроге. Меня встричаить Егорушка, здоровеннейший парень, одетый франтом: шляпа, перчатки в 1 р. 50 к., тросточка и проч. Я его не узнаю, но он меня узнает. Нанимает извозчика и едем. Впечатления Геркуланума и Помпеи: людей нет, а вместо мумий - сонные дришпаки и головы дынькой. Все дома приплюснуты, давно не штукатурены, крыши не крашены, ставни затворены… С Полицейской улицы начинается засыхающая, а потому вязкая и бугристая, грязь, по к«ото»рой можно ехать шагом, да и то с опаской. Подъезжаем…

- Ета, ета, ета… Антошичька…

- Ду-ушенька!

Возле дома - лавка, похожая на коробку из-под яичного мыла. Крыльцо переживает агонию, и парадного в нем осталось только одно - идеальная чистота. Дядя такой же, как и был, но заметно поседел. По-прежнему ласков, мягок и искренен. Л«юдмила» П«авловна», "радая", забула засыпать дорогого чая и вообще находит нужным извиняться и отбрехиваться там, где не нужно. Смотрит подозрительно: не осужу ли? Но при всем том рада угостить и обласкать. Егорушка - малый добрый и для Таганрога приличный. Франтит и любит глядеться в зеркало. Купил себе за 25 р. женские золотые часы и гуляет с барышнями. Он знаком с Мамаки, с Горошкой, с Бакитькой и другими барышнями, созданными исключительно для того только,чтобы пополнять в будущем вакансии голов дыньками. Владимирчик, наружно напоминающий того тощего и сутуловатого Мищенко, к«ото»рый у нас был, кроток и молчалив; натура, по-видимому, хорошая. Готовится в светильники церкви. Поступает в духовное училище и мечтает о карьере митрополита. Стало быть, у дяди не только своя алва, но будет даже и свой митрополит. Саша такая же, как и была, а Леля мало отличается от Саши. Что сильно бросается в глаза, так это необыкновенная ласковость детей к родителям и в отношениях друг к другу. Ирина потолстела. В комнатах то же, что и было: портреты весьма плохие и Коатсы с Кларками, распиханные всюду. Сильно бьет в нос претензия на роскошь и изысканность, а вкуса меньше, чем у болотного сапога женственности. Теснота, жара, недостаток столов и отсутствие всяких удобств. Ирина, Володя и Леля спят в одной комнате, дядя, Л«юдмила» П«авловна» и Саша - в другой, Егор в передней на сундуке; не ужинают они, вероятно, умышленно, иначе их дом давно бы взлетел на воздух. Жара идет и из кухни и из печей, к«ото»рые все еще топятся, несмотря на теплое время. Ватер у черта на куличках, под забором; в нем то и дело прячутся жулики, так что ночью испражняться гораздо опаснее для жизни, чем принимать яд. Столов нет, если не считать ломберных и круглых, поставленных только ради украшения комнат. Нет ни плевальниц, ни приличного рукомойника… салфетки серы, Иринушка обрюзгла и не изящна… то есть застрелиться можно, так плохо! Не люблю таганрогских вкусов, не выношу и, кажется, бежал бы от них за тридевять земель.

Дом Селиванова пуст и заброшен. Глядеть на него скучно, а иметь его я не согласился бы ни за какие деньги. Дивлюсь: как это мы могли жить в нем?! Кстати: Селиванов живет в имении, а его Саша в изгнании…

Напиваюсь чаю и иду с Егором на Большую улицу. Вечереет. Улица прилична, мостовые лучше московских. Пахнет Европой. Налево гуляют аристократы, направо - демократы. Барышень чертова пропасть: белобрысые, черномордепькие, гречанки, русские, польки… Мода: платья оливкового цвета и кофточки. Не только аристократия (т. е. паршивые греки), но даже вся Новостроенка носит этот оливковый цвет. Турнюры не велики. Только одни гречанки решаются носить большие турнюры, а у остальных не хватает на это смелости.

Вечером я дома. Дядя облачается в мундир церковного сторожа. Я помогаю ему

надеть большую медаль, к«ото»рую он раньше ни разу не надевал. Смех. Идем в Михайловскую церковь. Темно. Извозчиков нет. По улицам мелькают силуэты дришпаков и драгилей, шатающихся по церквям. У многих фонарики. Митрофаньевская церковь освещена очень эффектно, снизу до верхушки креста. Дом Лободы резко выделяется в потемках своими освещенными окнами.

Приходим в церковь. Серо, мелко и скучно. На окнах торчат свечечки - это иллюминация; дядино лицо залито блаженнейшей улыбкой - это заменяет электрическое солнце. Убранство церкви не ахтительное, напоминающее Воскресенскую церковь. Продаем свечи. Егор, как франт и либерал, свечей не продает, а стоит в стороне и оглядывает всех равнодушным оком. Зато Владимирчик чувствует себя в своей тарелке…

Крестный ход. Два дурака идут впереди, машут бенгальскими огнями, дымят и осыпают публику искрами. Публика довольна. В притворе храма стоят создатели, благотворители и почитатели храма сего, с дядей во главе, и с иконами в руках ждут возвращения крестного хода… На шкафу сидит Владимирчик и сыплет в жаровню ладан. Дым такой, что вздохнуть нельзя. Но вот входят в притвор попы и хоругвеносцы. Наступает торжественная тишина. Взоры всех обращены на о. Василия…

- Папочка, еще подсыпать? - вдруг раздается с высоты шкафа голос Владимирчика.

Начинается утреня. Я беру Егора и иду с ним в собор. Извозчиков нет, и поневоле приходится идти пешком. В соборе прилично, чинно и торжественно. Певческая великолепна. Голоса роскошны, но дисциплина никуда не годится. Покровский поседел; голос его стал уже глуше и слабее. Дьякон Виктор неузнаваем. Григорович похож на мертвеца.

В соборе встречаю И. И. Лободу, которого узнаю издали по его красному мясистому затылку. Беседуем до конца службы.

Из собора пешком домой. Ноги болят и немеют. Дома разговенье в Иринушкиной комнате: прекрасные куличи, отвратительная колбаса, серые салфетки, духота и запах детских одеял. Дядя разговляется у о. Василия. Наевшись и выпив сантуринского, ложусь и засыпаю под звуки: "ета… ета… ета…"

Утром нашествие попов и певчих. Я иду к Агалиным. Полина Ивановна рада. Липочка не выходит ко мне, потому что не пускает ревнивый муж. Николай Агали, здоровый балбес, держащий везде выпускной экзамен, не выдерживающий и мечтающий о Цюрихском университете. Глуп. От Агали иду к m-me Савельевой, к«ото»рая живет на Конторской ул«ице» в покривившемся заржавленном флигеле. В двух крошечных комнатах стоят 2 девических ложа и колыбель. Из-под кроватей наивно и уютно выглядывают Яковы Андреичи. Евг«ения» Иасоновна живет без мужа. Детей двое. Ужасно подурнела и пожухла. По всем видимостям, несчастна. Ее Митя служит где-то на Кавказе в станице и живет там на холостом положении. Вообще свинья.

Еду к Еремееву, не застаю и оставляю записку. Отсюда к m-me Зембулатовой. Пробираясь к ней через Новый базар, я мог убедиться, как грязен, пуст, ленив, безграмотен и скучен Таганрог. Нет ни одной грамотной вывески, и есть даже "Трактир Расия"; улицы пустынны; рожи драгилей довольны; франты в длинных пальто и картузах, Новостроенка в оливковых платьях, кавалери, баришни, облупившаяся штукатурка, всеобщая лень, уменье довольствоваться грошами и неопределенным будущим - все это тут воочию так противно, что мне Москва со своею грязью и сыпными тифами кажется симпатичной…

У Зембулатовой сантуринское и пустословие. От нее домой, к дяде. Обед: суп и жареные кури (в праздник нельзя без птицы, деточка! Отчего не позволить себе роскошь?) Во время обеда прискакал камбуренок - субъект с черной бритой рожей, в белой жилетке и достаточно уже насантуринившийся, шляясь по визитам. Служить он у банке, а его брат, англо«…», в Варшаве, тоже в банке.

- Ей-богу, приходи ко мне! - заговорил он. - Я всегда твои субботники читаю. Мой отец - тип! Приходи посмотреть. Ах, да ты забиваешь, что я женатай! У меня уж дочка есть, ей-богу… Да как ты переменился! и т. д.

После обеда (суп с твердым рисом и кури) я поехал к Ходаковскому. Пан живет недурно, хотя и не с той роскошью, какую мы знали раньше. Его белобрысая Маня - жирный, польский, хорошо прожаренный кусок мяса, красивый в профиль, но

неприятный en face. Мешочки под глазами и усиленная деятельность сальных железок. По-видимому, бедовая. Позднее я узнал, что в истекший сезон она едва не бежала с актером и продала даже свои кольца, серьги и проч. Это по секрету, конечно… Вообще в Таганроге мода бегать с актерами. Многие недосчитываются своих жен и дщерей.

От пана к Лободе. Все Лободины постарели страшно. Аноша плешив, как луна, Дашенька потолстела, Варенька постарела, похудела и высохла; когда она смеется, то нос ее прижимается к лицу, а подбородок, морщась, лезет к носу. Марфа Ив«ановна» тоже постарела. Седа. Она мне очень обрадовалась и согласилась ехать со мной в Москву.

У Лободы видел бессмертного Царенко, игривого, болтливого и либерального. Петр Захарыч жив; очень мне обрадовался, интересовался всеми нашими… Говорит осипшим, необыкновенно диким голосом, так что без смеха слушать его совсем невозможно; был женат, но развелся с женою. Идя от Лободы домой, я встретил m-me Савельеву с дочкой. Дочка вся в папеньку: много хохочет и уже прекрасно говорит. Когда я помог ей надеть упавшую с ноги калошу, она в знак благодарности томно взглянула на меня и сказала:

- Приходите к нам ночевать!

Дома я застал о. Иоанна Якимовского, жирного, откормленного попа, к«ото»рый милостиво поинтересовался моей медициной и, к великому удовольствию дяди, снисходительно выразился:

- Приятно за родителей, что у них такие хорошие дети.

О. дьякон тоже поинтересовался мной и сказал, что их михайловский хор (сброд голодных шакалов, предводительствуемый пьющим регентом) считается первым в городе. Я согласился, хотя и знал, что о. Иоанн и о. дьякон ни бельмеса не смыслят в пении. Дьячок сидел в почтительном отдалении и с вожделением косился на варенье и вино, коими услаждали себя поп и дьякон.

В 8 час«ов» вечера дядя, его домочадцы, Ирина, собаки, крысы, живущие в кладовой, кролики - все это спало и дрыхло. Волей-неволей пришлось самому ложиться спать. Сплю я в гостиной на диване. Диван еще не вырос, короток по-прежнему, а потому мне приходится, укладываясь в постель, неприлично задирать ноги вверх или же спускать их на пол. Вспоминаю Прокруста и его ложе. Укрываюсь розовым стеганым одеялом, жестким и душным, к«ото»рое становится невыносимо противным к ночи, когда дают себя знать натопленные Ириною печки. Яков Андреич позволителен только в мечтаниях и грезах. Эту роскошь позволяют себе в Таганроге только 2 человека: гарданачальник и Алфераки, остальные же должны или пудиться в постель, или же путешествовать к черту на кулички.

6 апрель. Просыпаюсь в 5 часов. Небо пасмурно. Дует холодный, неприятный ветер, напоминающий Москву. Скучно. Жду соборного звона и иду к поздней обедне. В соборе очень мило, прилично и не скучно. Певчие поют хорошо, не по-мещански, а публика всплошную состоит из баришень в оливковых платьях и шоколатных кофточках. Хорошеньких много, так много, что я жалею, что я не Мишка, которому так нужны хорошенькие… Большинство здешних девиц сложено хорошо, имеет прекрасные профили и не прочь поамурничать. Кавалеров здесь нет вовсе, если не считать греков-маклеров и подмоченных камбурят, а потому офицерам и пришельцам здесь раздолье.

Из собора - к Еремееву. Застаю дома его жену - очень милую барыньку. Устроился Ер«емеев» очень недурно, по-московски, и я, глядя на его громадную квартиру, не верю Александру, к«ото»рый говорил, что в Таганроге нельзя устроиться. Визитеров тьма, и все местные аристократы - мелкие, грошовые людишки, из к«ото»рых, впрочем, можно сделать сносный выбор. Познакомился с офицером Джепаридзе - местная знаменитость, дравшаяся на дуэли. Видел докторов: Фамильянта, Ромбро, Иорданова и проч. В 3 часа является домой Ерем«еев», пьяный, как стелька. От моего приезда он в восторге и клянется мне в вечной дружбе; знаком я с ним был мало, но он клянется, что у него на этом свете только и есть 2 истинных друга: я и Коробов. Садимся обедать и трескаем сантуринское. Обед приличный: хороший суп без твердого риса и цыплята. Несмотря на холодный ветер, после обеда едем в Карантин. Тут, в Карантине, много дач дешевых и удобных; нанять к будущему году можно, но меня смущает изобилие дач; где изобилие, там многолюдство и шум. Есть

дачи во дворе Компанейской мельницы, но мне не нравится место. Многие советуют съездить за 7 верст от Таганрога к Миусу, где тоже есть дачи. Когда съезжу, напишу. На Миусе продаются дачи очень дешево. Можно купить сносную дачу с садиком и с берегом за 500-1000 руб. Дешевле грыбов.

256. ЧЕХОВЫМ
10-11 апреля 1887 г. Таганрог.

7, 8, 9 и 10 апрель. Скучнейшие дни. Холодно и пасмурно. Все дни меня "несет". Бегаю днем и ночью. Ночью чистое мучение: потемки, ветер, трудно отворяемые скрипучие двери, блуждание по темному двору, подозрительная тишина, отсутствие газетной бумаги… Купил гуниади, но здешний гуниади - бессовестная подделка, с полынною горечью. Каждую ночь приходилось жалеть и бранить себя за добровольное принятие мук, за выезд из Москвы в страну поддельного гуниади, потемок и подзаборных ватеров. Постоянное чувство неудобной лагерной жизни, а тут еще непрерывное "ета… ета… ета… да ты мало ел, да ты ба покушал… да я забула засипать хорошего чаю"… Одно только утешение: Еремеев с женой и с своей удобной квартирой… Судьба щадит меня: я не вижу Анисима Васильича и еще ни разу не был вынуждаем говорить о политике. Если встречусь с Ан«исимом» Васил«ьичем», то - пулю в лоб.

Меня "несет", а потому редко выхожу из дому. Выехать нельзя, ибо холодновато, да и хочется поглядеть на проводы. 19-го и 20-го я гуляю и шаферствую в Новочеркасске на свадьбе, а раньше и позднее буду у Кравцова, где неудобства жизни в 1000 раз удобнее таганрогских удобств.

11-го апр«еля». Пьянство у Ер«емеева», потом поездка компанией на кладбище и в Карантин. Был в саду. Играла музыка. Сад великолепный. Пахнет дамами, а не самоварным дымом, как в Сокольниках. Круг битком набит.

Каждый день знакомлюсь с девицами, т. е. девицы ходят к Ер«емееву» поглядеть, что за птица Чехов, к«ото»рый "пишить". Большинство из них недурны и неглупы, но я равнодушен, ибо у меня катар кишок, заглушающий все чувства.

Теперь о текущих делах. Умерли: д-р Шремпф, Сила Маринченко, Марфа Петровна… Видел Марью Никифоровну, к«ото»рая величала меня "братцем". Егорушка служит в Русском общ«естве» пароходства. Уходит на службу в 5 часов утра, возвращается к обеду, в 5 вечера опять уходит и в 9 ч«асов», утомленный, голодный, идет из агентства в сад гулять с барышнями. Малый рабочий и приличный. Курит тайно от отца; Л«юдмила» П«авловна» прячет этот сыновний грех и боится, чтобы Митрофаша не пронюхал ересь. Егорушка свободен и от лавки, и от церкви, ибо некогда. Ходит на службу каждый день, не исключая больших праздников. Ему позволено возвращаться домой поздно ночью и говорить о женщинах; Владимирчик глядит на его жизнь и облизывается.

Каланча выкрашена в красный цвет. А. Ф. Дьяконов по-прежнему тонок, как гадючка, носит коленкоровые брючки и сковороду вместо картуза. Чакан жив, но я его еще не видел. Курдт и Файст умирать не собираются.

Видел похороны. Неприятно видеть раскрытый гроб, в котором трясется мертвая голова. Кладбище красиво, но обокрадено. Памятник Котопули варварски ощипан. О. Павел по-прежнему черен, франт и не унывает: пишет на весь мир доносы и бранится. Идет он по рядам и видит Марфочку, сидящую около своей лавки.

- Какого ччерта вы тут сидите?- говорит он ей. - Ччерт знает, как холодно, а вы не запираетесь! Ччерта вы уторгуете в такой холод!

Дядя ездит с ревизором. Ревизор - податной инспектор - играет тут такую роль, что Л«юдмила» П«авловна» дрожит, когда видит его, а Марфочка едва не выкрасила свои турнюры в желтый цвет от радости, когда он пригласил ее в кумы. Заметно, большой пройдоха и умеет пользоваться своим положением. Выдает себя за генерала, в каковой чин веруют и дядя и Лободины.

Покровский - благочинный. В своем муравейнике он гроза и светило. Держит себя архиереем. Его матушка мошенничает в картах и не платит проигрыша.

257. М. П. ЧЕХОВОЙ

11 апреля 1887 г. Таганрог.

11 апрель…

Милейшая

Марья Павловна!

Сейчас я получил письмо от папаши, который пишет, что до 7-го апр«еля» Вы денег еще не получали. Во избежание недоразумений считаю нужным раз навсегда заявить следующее: в неполучении денег виноваты не редакция, не я, а Александр, к«ото»рый за своим горем, естественно, мог забыть про мое поручение. Ему послан счет и объяснено, как высылать деньги.

На предбудущее время старайтесь поступать так: если через 3-4 дня после отсылки счета Александр не высылает денег, то шлите ему новый счет с просьбой не мешкать. Между нами: боюсь, что он болен или выпивает.

Мне живется так себе. Было бы скучно, если бы все окружающее не было так смешно. Продолжение дневника вышлю завтра или послезавтра.

Я не совсем здоров. Во вторник или среду еду дальше.

Кланяйся Носу, Без носа, бестурнюрной, Яшеньке, Яденьке и протчим.

Весьма возможно, что я возвращусь в Москву раньше, чем думал. Погода великолепная, но людишки… брррр!

Завтра еду с визитом к о. протоиерею Покровскому. О. Василий вчера был болен, при смерти, а сегодня, говорят, ожил.

Прощай. Поклон всем нашим.

Эх, здешний климат да московским бы людям! Не умеет дура природа распорядиться!

А. Чехов.

Получил от Шехтеля письмо. Пишет, что влюблен в m-lle Эфрос.

Стыдитесь, Е«вдокия» И«сааковна»!

258. Ф. О. ШЕХТЕЛЮ
11 апреля 1887 г. Таганрог.

Милейший Маэстро!

Я на юге!!! Впрочем, из этого не следует, что мне тепло. Вот уже 6-й день, как в Таганроге дует холодный ветер, заставляющий облачаться в теплое пальто. Мне скучно и скверно. У меня понос. Денег мало. Будущее неопределенно. Обыватели опротивели. Еда плохая. Улицы грязны. Сплю не вовремя.

Когда ветер перестанет дуть, я поеду дальше. Мой адрес: г. Таганрог, д. М. Е. Чехова. Отсюда мне будут пересылаться все письма.

Если Назаровы способны не на одно только изнасилование, а и на великие подвиги, то обратный билет вышлите не иначе как заказным. Можете и не высылать, так как от этого землетрясения и потопа не будет.

Таганрог очень хороший город. Если бы я был таким талантливым архитектором, как Вы, то сломал бы его.

За Вами "пручент": я маклерую у дяди, чтобы избавить Вас от ангелов. Нечистые духи Вам более к лицу, чем чистые.

Еду сейчас к одной дамочке. Буду у нее "писать" Прощайте. Избегайте вина и женщин. Ваш А. Чехов.

Как поживают бешеные собаки Николая?

259. ЧЕХОВЫМ
14-19 апреля 1887 г. Таганрог.

14-го апр«еля». Увы! горькая чаша не миновала меня: вчера приходил живчик, полицейская барабошка Анисим Васильич. Он вошел и заговорил камбуриным голосом, но так громко и визгливо, как не в состоянии говорить сотня камбурят:

- Да я же ж, господи, говорил же Ере, иде я живу, да отчего же ж ви не приходили? Мой Фирс плавает, а кончил Николай Павлыч "Мессалину"? Бувають ли его картины на выставке? А ви как?

Он рассказал, что полицеймейстер взял с него честное слово, что он не будет строчить в газетах, что глава полиции пообещал выслать его в 24 часа за Урал, если он осмелится написать хоть одну строку, и т. д. Далее он говорил о погоде, о социалистах, об Италии, о безнравственности, о сусликах, говорил непрерывно, с переливами, с междометиями и так громко, что мне едва не сделалось дурно и я увел его на двор. Сидел он до вечера; чтобы отвязаться от него, я пошел в сад- он за мной; из сада я бежал к Еремееву - он за мной. Еремеева я не застал, пошел домой - полицейская стерва за мной - и т. д. Обещался сегодня зайти за мной и сопровождать меня на кладбище.

Сейчас получил от Ивана письмо. Я послал вам в два раза 16 страниц дневника и вдивляюсь, что они еще не получены вами.

Мой кишечный катар продолжает носить меня из комнаты в место злачное и обратно. Насморк прошел, а на смену ему явилась новая болезнь - воспаление вены на левой голени. 1 1/2 вершка вены тверды, как грифель, и болит. Несть числа недугам моим! Исполняется на мне писание, что в болезнях люди родят чада своя… А чада мои не Егор, не Владимирчик, а рассказы и повести, о коих я теперь думать не могу… Писать противно.

В "Газете" имеются 2 моих рассказа, т. е. 65- 70 руб. Пошлю в апреле еще один, и, таким образом, из "Газеты" вы получите за апрель 100 р. Про "Новое время" пока еще ничего не имею сказать.

О. Василий опасно болен.

Сейчас прислали мне сказать, что меня желает видеть Иродиада Егоровна, или Ираида. Она похоронила мать и мужа и теперь с горя выходит замуж во второй раз. Погода у нас хорошая, но ветер.

Посылаю образчик таганрогского остроумия. Прошу сохранить.

Завтра утром еду дальше.*

Торговля у Лободы скверная, а дядя торгует по пятаку в день, да и то с натугой. Почему-то певчие и рабочие, получающие у него жалованье, обязаны забирать товар в его лавке.

Во дворце службы нет. Часовня заперта и ржавеет.

Во вторник был на кладбищенских проводах. Эти проводы до того оригинальны, что заслуживают специального описания, а посему умолкаю и отлагаю описание до другого раза.

В среду нужно было ехать дальше, но помешала вена на ноге. От среды до субботы шлялся в сад, в клуб, к барышням… Как ни скучна и ни томительна таганрогская жизнь, но она заметно втягивает; привыкнуть к ней не трудно. За все время пребывания в Т«аганро»ге я мог отдать справедливость только следующим предметам: замечательно вкусным базарным бубликам, сантуринскому, зернистой икре, прекрасным извозчикам и неподдельному радушию дяди. Остальное все плохо и незавидно. Баришни здесь, правда, недурны, но к ним нужно привыкнуть. Они резки в движениях, легкомысленны в отношениях к мужчинам, бегают от родителей с актерами, громко хохочут, влюбчивы, собак зовут свистом, пьют вино и проч. Есть между ними даже циники, напр«имер» белобрысая Моня Х«одаковская». Эта особа трогает не только живых, но и мертвых. Когда я гулял с нею по кладбищу, она все

время смеялась над мертвецами и их эпитафиями, над попами, дьяконами и проч.

Что отвратительно в Т«аганро»ге, так это вечно запираемые ставни. Впрочем, утром, когда открывается ставня и в комнату врывается масса света, на душе делается празднично.

В субботу я поехал дальше. На Морской станции чудный воздух и зернистая икра 70 коп. за фунт. В Ростове ожидание 2 часа. В Новочеркасске ожидать 20 часов. Ночую у знакомого. Вообще, нечистый знает, где только не приходится мне ночевать: на кроватях с клопами, на диванах, на диванчиках, на сундуках… В последнюю ночь ночевал в длинной и узкой зале под зеркалом, на диване; Яков Андреич похож на супник и изукрашен нежными полутонами. Я в Новочеркасске. Сейчас завтракал: икра, масло, дивное цимлянское и сочные котлеты с зеленым луком.

Барышня, у к«ото»рой я буду шаферствовать, отложила свою свадьбу до пятницы, В четверг я опять должен быть в Новочеркасске, а сегодня в 4 часа еду дальше. В Звереве придется ждать 9 часов. Пока прощевайте.

А. Чехов. * В автографе строка перевернута.

260. Н. А. ЛЕЙКИНУ
17 апреля 1887 г. Таганрог.

Таганрог. 17 апр.

Мое Вам почтение, недугующий Николай Александрович! Извещаю Вас, что я тоже не ударил лицом в грязь и не отстаю от Вас по части недугов. У меня несколько болезней, весьма беспокойных и буквально отравляющих мое существование: 1) геморрой с шишками и зудом, 2) катарище кишок, ничем не побеждаемый и, вероятно, обусловливаемый качествами здешней воды, 3) бронхит с кашлем и, наконец, 4) воспаление вены на левой ноге - болезнь, задержавшая меня в Таганроге. Теперь и считайте: у кого больше всяких пакостей, у Вас или у меня?

Письмо Ваше получено сегодня. Если Вы оставили массаж, то почему бы заодно уж не бросить Вам валерьяну с ландышем? Я, хоть убейте, решительно не понимаю, для чего Вы принимаете ландыш и валерьяну. Вреда эти средства не принесут, но и пользы тоже никакой. Для людей мнительных, кстати сказать, средства безвредно-бесполезные, напрасно принимаемые, служат часто источником страха: "принимаю капли уже целый месяц, а они мне не помогают; стало быть, доктор меня не понял…"

Для меня странно соединение валерьяны с ландышем; странно, что такие веревочные невры, как у Вас, ищут успокоения в таких пустячках; странно, что ландыш принимается, когда нет показания на то. По-моему, Вам нужно:

1) Жить, как Вы хотите, на Тосне, работать на воздухе, но не утомляться. Пить молоко, хорошо питаться и следить, чтобы испражнения на низ производились добросовестно, т. е. не менее одного раза в сутки.

2) Забросить к «…» всю фармацию.

3) Не обращать внимания на сердцебиения, замирания и проч., памятуя, что от сердцебиений и замираний люди не умирают.

4) Вовсе не думать или думать пореже о недугах. Ведь стоит только обратить внимание на свое сердце, прислушаться к нему, чтобы пульс стал быстрее на 10-15 ударов.

5) В случае ипохондрии, страха смерти, тоски обращать внимание не столько на сердце, к«ото»рое у Вас здорово, сколько на желудок и кишки. Наверное, у Вас есть расширение желудка - болезнь, при к«ото»рой меланхолия - явление постоянное.

6) В течение 5-10 лет вовсе не помышлять о болезнях и не обращать на них серьезного внимания. Придет старость, тогда другое дело…

Таково мое мнение.

Завтра я непременно еду в Донщину. Одно письмо Вы можете мне послать по адресу: "Ст. Ивановка-Крестная Донецкой Каменноугольной дороги, Гавриилу Павловичу Кравцову", для передачи мне.

Одно письмо, но не больше. Следующее Вы опять напишите в Таганрог.

Я писал Билибину, чтобы гонорар выслан был мне на имя дяди Митр. Егор. Чехова, в Таганрог.

Ну, прощайте. Кланяйтесь Вашим. Погода у нас великолепная.

А. Чехов.

261. М. П. ЧЕХОВОЙ
20 апреля 1887 г. Зверево.

20-го апр., 6 часов утра.

Еду из Зверева Ворон«ежской» д«ороги» по Донецкой дороге. В Звереве пришлось ждать с 9-го часа вечера до 5 часов утра: весело!!!

Голая степь: курганчики, коршуны, жаворонки, синяя даль…

В четверг буду в Новочеркасске, а в воскресенье опять ехать по Донецкой дор«оге». Жалею, что езжу один. Все очень курьезно.

Из Москвы получил письмо только от Ивана; остальные господа кудринцы почему-то не пишут.

А. Чехонте.

Поклоны всем. На обороте:

Москва,

Кудринская Садовая, д. Корнеева Марии Павловне Чеховой.

262. Ал. П. ЧЕХОВУ 20 апреля 1887 г. По пути в Новочеркасск.

20-го апр.

Я жив и здрав. Сейчас еду (через час по столовой ложке) по Донецкой дороге.

Отчего не пишешь?

Пиши в Таганрог.

Поклон твоим.

А. Чехов. На обороте:

Петербург,

Кавалергардская 20, кв. 42

Александру Павловичу Чехову.

263. М. П. ЧЕХОВОЙ

23 апреля 1887 г. Зверево.

3 часа ночи. Опять сижу в Звереве, чтобы ехать в Новочеркасск на свадьбу. Считаю минуты и, томясь духом, вспоминаю о своем московском ложе. Считаю минуты, пью медленно чай, заговариваю с пассажирами, читаю "Календарь для врачей", но от этого время не кажется короче.

В субботу опять к Кравцову и опять ждать в Звереве 9 часов. Уф!!!

О житье у Кравцова буду писать длинно. Живется у него недурно: лес, степь в широких размерах, дудаки, дураки, кислое молоко и еда 8 раз в день. Живя у Кравцова, можно излечиться от 15 чахоток и 22-х ревматизмов. Впрочем, геморрой не поддается. Кланяюсь всем. Что поделывает М. Забелин?

А. Чехов. На обороте:

Москва,

Кудринская Садовая, д. Корнеева Марии Павловне Чеховой.

264. ЧЕХОВЫМ
25 апреля 1887 г. Черкасск.

25 апрель.

Сейчас еду из Черкасска в Зверево, а оттуда по Донецкой дор«оге» к Кравцову. Вчера и третьего дня была свадьба, настоящая казацкая, с музыкой, бабьим козлогласием и возмутительной попойкой. Такая масса пестрых впечатлений, что нет возможности передать в письме, а приходится откладывать описание до возвращения в Москву. Невесте 16 лет. Венчали в местном соборе. Я шаферствовал в чужой фрачной паре, в широчайших штанах и без одной запонки, - в Москве такому шаферу дали бы по шее, но здесь я был эффектнее всех.

Видел богатых невест. Выбор громадный, но я все время был так пьян, что бутылки принимал за девиц, а девиц за бутылки. Вероятно, благодаря моему пьяному состоянию здешние девицы нашли, что я остроумен и "насмешники". Девицы здесь - сплошная овца: если одна поднимется и выйдет из залы, то за ней потянутся и другие. Одна из них, самая смелая и вумная, желая показать, что и она не чужда тонкого обращения и политики, то и дело била меня веером по руке и говорила: "У, негодный!", причем не переставала сохранять испуганное выражение лица. Я научил ее говорить кавалерам: "Как ви наивны!"

Молодые, вероятно, в силу местного обычая, целовались каждую минуту, целовались взасос, так что их губы всякий раз издавали треск от сжатого воздуха, а у меня получался во рту вкус приторного изюма и делался спазм в левой икре. От их поцелуев воспаление на моей левой ноге стало сильнее.

Не могу выразить, сколько я съел свежей зернистой икры и выпил цимлянского! И как это я до сих пор не лопнул!

Скажите Я. А. Корнееву, что ему кланялся некий Похлебин - субъект с бакенами и с головой редькой хвостом вверх.

Катар кишок оставил меня с того самого момента, как я уехал от дяди. Очевидно, благочестивый воздух действует на кишки расслабляюще.

Вчера я послал в "Пет«ербургскую» газету" рассказ. Если 15-го мая у Вас не будет денег, то Вы можете получить гонорар из "Газеты", не дожидаясь конца месяца, а послав счет за 2 рассказа. Мне ужасно тяжело писать… Тем для "Нов«ого» времени" много. но такая жара, что даже письмо тяжело писать.

У меня деньги на исходе. Приходится жить альфонсом. Живя всюду на чужой счет, я начинаю походить на нижегородского шулера, который ест чужое, но сверкает апломбом.

Сию минуту хозяева мои уехали. Я обедал solo и вспоминал гончаровского Антона Ивановича: передо мной стояли горничные, а я милостиво кушал и снисходил до беседы с Ульяшами и Анютами.

В Звереве придется ждать от 9 вечера до 5 утра. В прошлый раз я там ночевал в вагоне II класса на запасном пути. Вышел ночью из вагона за малым делом, а на дворе сущие чудеса: луна, необозримая степь с курганами и пустыня; тишина гробовая, а вагоны и рельсы резко выделяются из сумерек - кажется, мир вымер… Картина такая, что во веки веков не забудешь. Жалею, что Мишке нельзя было поехать со мной. Он ошалел бы от впечатлений.

Поклоны всем: Ма-Сте, На-Сте, m-lles Эфрос, Семашко и т. д. Напишите, когда Иваненко выедет из Москвы.

Письма, к«ото»рые я посылаю в Москву, принадлежат всей чеховской фамилии; боюсь, что с ними происходит та же история, что с "Новостями дня". Цветут вишни и жердели.*

Прощайте. Надеюсь, что все здоровы.

А. Чехов. * В автографе текст перевернут.

265. М. П. ЧЕХОВОЙ
29 апреля 1887 г. По пути в Рагозину Балку.

Весьма важное; уезжая на дачу, не забудьте оставить для меня мою корзину. Без корзины мне решительно не в чем будет провезти свой багаж, так как чемоданы тесны, платье мнется, замки портятся, да и к тому же один чемодан не мой. Корзина должна быть с замком и вервием. Жерличные крючки (5 шт.) мои целы, а потому новых не покупайте; возьмите только у Семашко струн.

Если купите 2-3 верши, то хорошо.

Когда Иваненко выедет из Москвы домой? Без ответа на сей вопрос я к нему не поеду.

А. Чехов. На обороте:

Москва,

Кудринская Садовая, д. Корнеева Марии Павловне Чеховой.

266. ЧЕХОВЫМ

30 апреля 1887 г. Рагозина Балка.

30 апр. Теплый вечер. Тучи, а потому зги не видно. В воздухе душно и пахнет травами.

Живу в Рагозиной Балке у Кравцова. Маленький домишко с соломенной крышей и сараи, сделанные из плоского камня. Три комнаты с глиняными полами, кривыми потолками и с окнами, отворяющимися снизу вверх… Стены увешаны ружьями, пистолетами, шашками и нагайками. Комоды, подоконники - все завалено патронами, инструментами для починки ружей, жестянками с порохом и мешочками с дробью. Мебель хромая и облупившаяся. Спать мне приходится на чахоточном диване, очень жестком и необитом. Сортиров, пепельниц и прочих комфортов нет за 10 верст в окружности. Чтобы вспомнить m-lle Сиру, нужно (не глядя на погоду) спускаться вниз в балку и облюбовывать куст; садиться рекомендуют не ранее, как убедившись, что под оным кустом нет гадюки или другой какой-нибудь твари.

Население: старик Кравцов, его жена, хорунжий Петр с широкими красными лампасами, Алеха, ХахкО (т. е. Александр), Зойка, Нинка, пастух Никита и кухарка Акулина. Собак бесчисленное множество, и все до одной злые, бешеные, не дающие проходу ни днем, ни ночью. Приходится ходить под конвоем, иначе на Руси станет одним литератором меньше. Зовут собак так: Мухтар, Волчок, Белоножка, Гапка и т. д. Самый проклятый - это Мухтар, старый пес, на роже к«ото»рого вместо шерсти висит грязная пакля. Он меня ненавидит и всякий раз, когда я выхожу из дому, с ревом бросается на меня.

Теперь о еде. Утром чай, яйца, ветчина и свиное сало. В полдень суп с гусем - жидкость, очень похожая на те помои, которые остаются после купанья толстых торговок, - жареный гусь с маринованным терном или индейка, жареная курица, молочная каша и кислое молоко. Водки и перцу не полагается. В 5 часов варят в лесу кашу из пшена и свиного сала. Вечером чай, ветчина и все, что уцелело от обеда. Пропуск: после обеда подают кофе, приготовляемый, судя по вкусу и запаху, из сжареного кизяка.

Удовольствия; охота на дудаков, костры, поездки в Ивановку, стрельба в цель, травля собак, приготовление пороховой мякоти для бенг«альских» огней, разговоры о политике, постройка из камня башен и проч.

Главное занятие - рациональная агрономия, введенная юным хорунжим, выписавшим от Леухина на 5 р. 40 к. книг по сельскому хозяйству. Главная отрасль хозяйства - это сплошное убийство, не перестающее в течение дня ни на минуту. Убивают воробцов, ласточек, шмелей, муравьев, сорок, ворон, чтобы они не ели пчел; чтобы пчелы не портили цвета на плодовых деревьях, бьют пчел, а чтобы деревья эти не истощали почвы, вырубают деревья. И таким образом получается круговорот, хотя и оригинальный, но основанный на последних данных науки.

К одру отходим в 9 ч«асов» вечера. Сон тревожный, ибо на дворе воют Белоножки и Мухтары, а у меня под диваном неистово лает им в ответ Цетер. Будит меня стрельба: хозяева стреляют в окна из винтовок в какое-нибудь животное, наносящее вред хозяйству. Чтобы выйти ночью из дому, нужно будить хорунжего, иначе собаки изорвут в клочья, так что сон хорунжего находится в полной зависимости от количества выпитого мною накануне чая и молока.

Погода хорошая. Трава высока и цветет. Наблюдаю пчел и людей, среди к«ото»рых я чувствую себя чем-то вроде Миклухи-Маклая. Вчера ночью была очень красивая гроза.

Что у нас тут роскошно, так это горы. Местность такова: Недалеко шахты. Завтра рано утром еду в Ивановку (23 версты) за письмами, на дрогах и в одну лошадь.

У меня геморрой и болит левая нога. Получил от Миши одно письмо от 14 апр«еля». От Александра писем не имею.

Едим индюшачьи яйца. Индейки несутся в лесу на прошлогодних листьях. Кур, гусей, свиней и пр. тут не режут, а стреляют*.

Прощайте.

А. Чехов.

Кланяюсь. * Стрельба непрерывная.

267. Г. М. ЧЕХОВУ
1 мая 1887 г. Рагозина Балка.

1-го мая.

Получаемые на мое имя письма держи при себе и уже не высылай на ст. Крестную. Скоро увидимся. Поклонись папе, маме, Володе и девочкам.

Твой А. Чехов. На обороте:

Таганрог

Георгию Митрофановичу Чехову.

268. Н. А. ЛЕЙКИНУ

5 мая 1887 г. Рагозина Балка.

5 май.

Вчера, добрейший Николай Александрович, ездил я в почтовое отделение в Ивановку (23 версты) и получил там 2 Ваших письма: одно, адресованное Вами в Крестную, другое, пересланное мне из Таганрога. Почта здесь почитается роскошью, а посему почтовых учреждений немного, да и те сидят без дела… Чтобы получить письмо или газету, надо ждать оказии, а нарочно за корреспонденцией тут никто не ездит. Если будете часто ездить зря, т. е. за газетами, то Вы рискуете прослыть бездельником, вольнодумцем и социалистом.

Вы напрасно сердитесь на мое молчание. Рад бы писать, да почты нет. И послал я

Вам не одно письмо, как Вы пишете, а два: одно в Питер, а другое в село Ивановское.

Сейчас я еду в Славянск, а оттуда в Святые горы, где пробуду 3-4 дня в посте и молитве. Из Святых гор в Таганрог…

Ужасно: у меня 53 рубля - только. Приходится обрезывать себе крылья и облизываться там, где следовало бы есть. Езжу теперь в III классе, и как только у меня останется в кармане 20 р., тотчас же попру обратно в Москву, чтобы не пойти по миру.

Ах, будь бы у меня лишних 200-300 руб., показал бы я кузькину мать! Я бы весь мир изъездил! Гонорар из "Пет«ербургской» газ«еты»" идет в Москву, семье. Возлагаю большие надежды на осколочный гонорар, к«ото»рый просил В«иктора» В«икторови»ча выслать мне в Таганрог.

Жил я в последнее время в донской Швейцарии, в центре так называемого Донецкого кряжа: горы, балки, лесочки, речушки и степь, степь, степь… Жил я у отставного хорунжего, обитающего на своем участке вдали от людей. Кормили меня супом из гуся, клали спать на деревянный диван, будили стрельбой из ружей (в кур и гусей, которых здесь не режут, а стреляют) и визгом наказуемых собак, но тем не менее жилось мне превосходно. Впечатлений тьма. Поживи В«иктор» В«икторович» со мной один день, он или удрал бы, или же вообразил бы себя где-нибудь в Сингапуре или Бразилии. Вообще я доволен своей поездкой. Неприятно только безденежье. Невероятно, по верно: я выехал из Москвы с 150 рубл«ями».

Прощайте. Подана лошадь. О геморрое потом. Сегодня я в дороге буду до ночи.

Ваш А. Чехов.

Почтение Вашим.

269. М. П. ЧЕХОВОЙ
5 мая 1887 г. Часов-Яр.

5 май. Станция Часов-Яр.

6 1/2 часов вечера.

Еду от Кравцова в Славянск, откуда направляюсь (ночью) в Святые горы.

Из Св«ятых» гор - в Таганрог, куда потрудитесь написать о дне выезда на дачу.

Теперь мои критики имеют полное право сравнивать меня с Лейкиным: я хромаю на левую ногу, к«ото»рая болит.

Деньги на исходе. Если останусь без копейки, то поступлю в Таганроге в михайловские певчие.

Погода чудесная. Виды восхитительные. Напоэтился я по самое горло; на 5 лет хватит. Поклоны.

Чехов.

Когда Иваненко поедет домой? На обороте:

Москва,

Кудринская Садовая, д. Корнеева

Марии Павловне Чеховой

270. ЧЕХОВЫМ

11 мая 1887 г. Таганрог.

11 май. Таганрог.

Стрепетом продолжаю. От Кравцова я поехал в Святые горы. До Азовской дороги пришлось ехать по Донецкой от ст. Крестная до Краматоровки. Донецкая же дорога изображает из себя следующий соус: Центральный шарик -это ст. Дебальцево. Остальные шарики - это всяческие Бахмуты, Изюмы, Лисичански, Лугански и прочие пакости. Все ветви похожи друг на друга, как камбурята, так что попасть в Дебальцеве вместо своего поезда в чужой так же легко, как в потемках принять Весту за фальшивого монетчика. Я оказался настолько находчивым и сообразительным, что поездов не смешал и благополучно доехал до Краматоровки в 7 часов вечера. Здесь духота, угольный запах, дама жидовка с кислыми жиденятами и 1 1/2 часа ожидания. Из Крамат«оровки» по Азов«ской» дороге еду в Славянск. Темный вечер. Извозчики отказываются везти ночью в Св«ятые» горы и советуют переночевать в Славянске, что я и делаю весьма охотно, ибо чувствую себя разбитым и хромаю от боли, как 40 000 Лейкиных. От вокзала до города 4 версты за 30 коп. на линейке. Город - нечто вроде гоголевского Миргорода; есть парикмахерская и часовой мастер, стало быть, можно рассчитывать, что лет через 1000 в Славянске будет и телефон. На стенах и заборах развешаны афиши зверинца, под заборами экскременты и репейник, на пыльных и зеленых улицах гуляют свинки, коровки и прочая домашняя тварь. Дома выглядывают приветливо и ласково, на манер благодушных бабушек, мостовые мягки, улицы широки, в воздухе пахнет сиренью и акацией; издали доносятся пение соловья, кваканье лягушек, лай, гармонийка, визг какой-то бабы… Остановился я в гостинице Куликова, где взял № за 75 коп. После спанья на деревянных диванах и корытах сладостно было видеть кровать с матрасом, рукомойник и - о великодушие судьбы!- милейшего Якова Андреича. (Путешествуя по миру, я пришел к заключению, что Яков Андреич гораздо полезнее и приятнее Якова Алексеича, Якова Сергеича Орловского и даже Яшеньки М.!) В открытое настежь окно прут зеленые ветки, веет зефир… Потягиваясь и жмурясь, как кот, я требую поесть, и мне за 30 коп. подают здоровеннейшую, больше, чем самый большой шиньон, порцию ростбифа, который с одинаковым правом может быть назван и ростбифом, и отбивной котлетой, и бифштексом, и мясной подушечкой, к«ото»рую я непременно подложил бы себе под бок, если бы не был голоден, как собака и Левитан на охоте.

Утром чудный день. Благодаря табельному дню (6 мая) в местном соборе звон. Выпускают из обедни. Вижу, как выходят из церкви квартальные, мировые, воинские начальники и прочие чины ангельстии. Покупаю на 2 коп. семечек и нанимаю за 6 рублей рессорную коляску в Св«ятые» г«оры» и (через 2 дня) обратно. Еду из города переулочками, буквально тонущими в зелени вишен, жерделей и яблонь. Птицы поют неугомонно. Встречные хохлы, принимая меня, вероятно, за Тургенева, снимают шапки, мой возница Григорий ПоленИчка то и дело прыгает с козел, чтобы поправить сбрую или стегнуть по мальчишкам, бегущим за коляской… По дороге тянутся богомольцы. Всюду горы и холмы белого цвета, горизонт синевато-бел, рожь высока, попадаются дубовые леса - недостает только крокодилов и гремучих змей.

В Св«ятые»горы приехал в 12 часов. Место необыкновенно красивое и оригинальное: монастырь на берегу реки Донца у подножия громадной белой скалы, на которой, теснясь и нависая друг над другом, громоздятся садики, дубы и вековые сосны. Кажется, что деревьям тесно на скале и что какая-то сила выпирает их вверх и вверх… Сосны буквально висят в воздухе и, того гляди, свалятся. Кукушки и соловьи не умолкают ни днем, ни ночью…

Монахи, весьма симпатичные люди, дали мне весьма несимпатичный № с блинообразным матрасиком. Ночевал я в монастыре 2 ночи и вынес тьму впечатлений. При мне, ввиду Николина дня, стеклось около 15000 богомольцев, из коих 8/9 старухи. До сих пор я не знал, что на свете так много старух, иначе я давно бы уже застрелился… О монахах, моем знакомстве с ними, о том, как я лечил монахов и старух, сообщу в "Нов«ом» времени" и при свидании. Служба нескончаемая: в 12 часов ночи звонят к утрене, в 5 - к ранней обедне, в 9 - к поздней, в 3 - к акафисту, в 5 - к вечерне, в 6 - к правилам. Перед каждой службой в коридорах слышится плач колокольчика и бегущий монах кричит голосом кредитора, умоляющего своего должника заплатить ему хотя бы по пятаку за рубль:

- Господи И«исусе» Х«ристе», помилуй нас! Пожалуйте к утрене!

Оставаться в № неловко, а потому встаешь и идешь… Я облюбовал себе местечко на берегу Донца и просиживал там все службы. Купил тетке Ф«едосье» Я«ковлевне» икону.

Еда монастырская, даровая для всех 15 000: щи с сушеными пескарями и кулеш. То и

другое, равно как и ржаной хлеб, вкусно.

Звон замечательный. Певчие плохи. Участвовал в крестном ходе на лодках.

Прекращаю описание Св«ятых» гор, ибо всего не опишешь, а только скомкаешь.

На обратном пути пришлось на вокзале ждать 6 часов. Тоска. На одном из поездов видел Созю Ходаковскую: мажется, красится во все цвета радуги и сильно окошкодохлилась.

Всю ночь в III классе дохлого, гнусного, тянучего товаро-пассажирского поезда. Утомился, как сукин сын.

Теперь я в Таганроге. Опять "ета… ета… ета…", опять короткий диванчик, Коатс, вонючая вода в рукомойнике… Езжу в Дубки, в Карантин и гуляю в садах. Много оркестров и миллион девиц. Вчера сижу с одной девицей, местной аристократкой, в Алферакинском саду; она показывает мне на одну старуху и говорит:

- Это такая стерва! Поглядите: у нее даже походка стервячая.

Между девицами попадаются хорошенькие, но я решил не изменять Яшенькам.

Изучаю местную жизнь. Был на почте, в купальнях, на Касперовке… Открытие: в Таганроге есть Мясницкая улица.

На большой улице есть вывеска; "Продажа искусминных фрухтовых вод". Значит, слыхал, стерва, слово "искусственный", но не расслышал как следует и написал "искусминный".

Если я пришлю к Вам на дачу телеграмму такого рода: "Вторник дачным Алексея", то это значит, что приеду во вторник с дачным поездом и прошу выслать Алексея. Вторник, конечно, не обязателен, ибо я не знаю ни дня, ни часа, когда вернусь домой и сяду за работу.

Когда пишу, тошнит. Денег у меня нет, и если б не способность жить на чужой счет, то я не знал бы, что делать.

Пахнет акацией. Людмила Павловна растолстела и очень похожа на жидовку. Никакой ум не может постигнуть всей глубины ее ума. Я когда слушаю ее, то решительно теряюсь перед неисповедимыми судьбами, создающими иногда такие редкие перлы. Непостижимое создание! Я еще не забыл анатомии, но, глядя на ее череп, начинаю не верить в существование вещества, именуемого мозгом.

Дядя прелестен и чуть ли не лучше всех в городе.

А. Чехов.

Получил от М«арии» В«ладимировны» письмо.

271. Н. А. ЛЕЙКИНУ
14 мая 1887 г. Таганрог.

14 май. Таганрог.

Сегодня получил Ваше письмо, добрейший Николай Александрович! Так жарко и душно, что нет сил писать, но писать нужно, ибо завтра, 15-го, я возвращаюсь в Москву и 17-го вечером уже буду в Воскресенске на даче. Стало быть, наша южно-северная переписка должна пресечься на этом письме, а я должен закончить ее сугубою благодарностью Вам за письма, коими Вы услаждали меня за все время моей калмыцкой жизни.

Когда я буду у Вас в усадьбе? Когда соберусь с силами и сумею выехать в Питер, а это случится не позже того времени, когда напечатаю два-три субботника и наживу рублей 150-200. Во всяком случае я едва ли не воспользуюсь Вашим любезным приглашением. Буду стараться приехать к Вам не позже 10 июня.

Благородного потомка Апеля и его «…» Рогульки прошу оставить для меня, если только он кобелек, не урод и если Ваши дворняжки не помогали Апелю тараканить

Рогульку в период зачатия. Я приеду и возьму.

Недавно я вернулся из Святых гор, где при мне было около 15 000 богомольцев. Вообще впечатлений и материала масса, и я не раскаиваюсь, что потратил 1 1/2 месяца на поездку. Отвратительно и гнусно только одно: безденежье, отравлявшее мне всякое удовольствие. Завтра я еду и вернусь в Москву без копейки. Придется прибегнуть к займу. Возьму у всех понемножку. Вы тоже сделаете мне великое одолжение, если сейчас же по получении сего письма пошлете на мое имя в Воскресенск Москов«ской» губ. рублей сорок на "первое обзаведение", а я Вам тотчас же по приезде пришлю рассказов и возблагодарю небо за то, что оно дало нам такого великодушного редактора. Гол я, как сокол; в поездке истрепался, обносился, запачкался и даже «…»

Прощайте и поклонитесь Вашим.

До скорого свидания.

Ваш А. Чехов.

Пальмин неутомим; надо будет демонстрировать его в обществе врачей как редкий случай новой болезни "cvartiromania".

272. Ал. П. ЧЕХОВУ 17 мая 1887 г. Москва.

17 мая.

Милейший Гусев!

Я вернулся. Мой адрес: Воскресенск Моск. губ.

Большое письмо особо.

Постарайся, чтобы о моей книге печаталось по понедельникам на 1-й странице в отделе: "Следующие издания Суворина печатаются и проч.".

Не забудь: книга посвящается Григоровичу. Пишу в вагоне.

Фуругельм.

Поклоны всем. На обороте:

Петербург,

Кавалергардская 20, кв. 42

А. П. Чехову.

273. Ф. О. ШЕХТЕЛЮ
17 мая 1887 г. Москва.

Я приехал!!!

Если Вы не прочь поглядеть мою загоревшую рожу, то будьте дома в понедельник от 12 до часа.

Поздравляю Вас с намерением вступить в законный брак. Одобряю и охотно подражал бы, если бы была подходящая невеста. Ура!

Завтра еду и вернусь к июлю.

А. Чехов.

Денег ни копейки… Не дадите ли Вы Вашему шаферу взаймы рубликов 25-35? Лопни мои животы, отдам. Если же, по случаю свадьбы, у Вас безденежье, то умоляю Вас отказать.

Idem*.

Что гишпанцы? * Он же (лат.).

274. Ал. П. ЧЕХОВУ 20 мая 1887 г. Бабкино.

20 май.

Саша-Таракаша!

Возвратившись вспять, считаю своим священным удовольствием поблагодарить тебя за то, что за все время моего скитания ты был добрым и великодушным хозяином моего покоя, т. е. хлопотал с моим гонораром. Принимая во внимание, что тебе, утонувшему в заботу и хлопоты с больными сочадами, было совсем не до чужого гонорара, я в твоей любезности вижу не одолжение, а подвиг; потому прошу считать меня своим должником, жаждущим расквитаться. 1000 раз спасибо.

Впрочем, далее. Твое письмо на латинском языке гениально. Я его спрятал и буду хранить до тех пор, пока разучусь понимать разумное и оригинальное; когда я показал его в Таганроге учителю латинского языка, то тот пришел в неописанный восторг от "духа", каким пропитано это короткое, но замечательно талантливое письмо. В особенности хорошо "revolverans cordem".

Теперь, извини, опять о гонораре. На Троицу понедельницкий № не выйдет, а потому пора посылать в "Пет«ербургскую» газ«ету»" счет. Вот он:

№ 120. "В лесу" - 251 строка.

Далее следует понедельник 11 мая, т. е. № 127, к«ото»рого у меня нет. Рассказ называется, кажется, "Следователь". Истребуй его в конторе, сочти число строк и присовокупи к счету. Кстати же вырежи его ножницами и вышли мне почтой, взяв марки из гонорара. Далее:

№ 134. "Обыватели" - 316 строк.

Итого, стало быть, в трех номерах около 900 строк на сумму около 100 р. Оные деньги получи и вышли мне по адресу: г. Воскресенск (Московск. губ.), г. Чехову.

При гонораре письмо - обязательно.

Сообщи о здоровье сочад. Николке твоему поклон.

Пиши о книге, о Суворине, о Неве, о прочем… О путешествии своем не пишу, ибо увидимся не позже июля.

Прощай и будь здоров. Погода плохая. Хандра и легкое нездоровье.

Твой А. Чехов.

Пишу субботник. х 868

12
1736

868

104 р. 16

275. Н. А. ЛЕЙКИНУ

22 мая 1887 г. Бабкино.

22 май. Воскресенск.

Матери его сто чертей, 3° тепла по R!!!

Ваш гнев, добрейший Николай Александрович, обратился в невидимую мглу, когда Вы,

вернувшись из П«етер»бурга к себе в Ивановское, нашли мое письмо из Таганрога, посланное в день моего выезда и ехавшее вместе со мной в почтовом поезде. Вы удивительно немилостивый и жестокосердый человек! Вы упрекаете меня в том, что я, скитаясь по югу, ничего не писал в "Осколки"… Если я не писал, то рассчитывал на Ваше снисхождение и на то, что Вы поймете положение человека путешествующего, которому решительно не до авторства. Правда, в "Газету" я писал, но через силу, поневоле, чтоб не заставить свою фамилию жить на чужой счет, писал мерзко, неуклюже, проклиная бумагу и перо. Будь у семьи деньги, я, конечно, не писал бы и туда. Что касается писем, то я писал их часто и охотно, - стало быть, и эта часть Вашего протеста не выдерживает критики. Впрочем, да простит Вас бог! Когда Вам или Билибину придет охота попутешествовать, то я сочту обязанностью прийти на смену и расквитаться с Вами за свое почти 2-х месячное безделье.

Ну-с, у нас холодище. Я мерзну, как сукин сын, и жду с нетерпением, когда пальминские Фебы и Зефиры оставят небесную портерную и начнут греть бедных дачников. Моя дача без печей; кухня есть, но нет камина. Бррр!! Сижу в осеннем пальто, стараюсь родить субботник, но вместо мыслей из головы выдавливаются какие-то выморозки.

У меня геморрой. Сидячая жизнь - не единственная причина. Эксцессы in Baccho et Venere, болезни сердца, печени, кишок играют немалую роль в этиологии. У меня геморрой наследственный, т. е. наследственна наклонность вен к расширению. У меня узлы не только in recto, но и на голенях, так что, того и гляди, образуются язвы. Голени мои страждут, я думаю, оттого, что я мало сижу, а все шагаю…

Надеюсь, что Ваше здоровье великолепно. Я приеду в начале июня, когда буду иметь на это право и когда отдохну от поездок. Ладожское озеро не дорого объездить, но ведь дорога дорога в Питер. Надеюсь, что Вы уж не голодуете и не отказываетесь от рюмки водки ради компании.

Мне хочется повидаться с Вами, чтобы описать Вам свое путешествие; хочется также повидать Неву в летнем одеянии.

D-ra города Таганрога благодарят Вас за присланные газетные вырезки о массаже.

Поклонитесь Прасковье Никифоровне и Феде, а также и себе в зеркало.

Будьте здоровы.

Ваш А. Чехов.

276. Ал. П. ЧЕХОВУ Между 26 мая и 3 июня 1887 г. Бабкино.

Лука Иваныч!

Деньги 103 р. я получил, но за то, что ты замошенничал 16 коп., ты будешь гореть в аду.

Ты просишь покорнейше позволения прибавить к книге еще 20-й лист, якобы для ровного счета. Усматриваю в сей просьбе злой умысел сделать мою книгу дороже, а потому не позволяю. Если не будет 20-го листа, то читатели не подохнуть.

Если, как ты пишешь, типография будет сдавать тебе книгу, то не принимай, ибо книга не моя, не твоя, не папашина, а суворинская. Суворин заварил кашу, пущай и расхлебываить.

Образчик заглавных листов посылаю.

Вели печатать по понедельникам анонс, что моя книга печатается. Не будь штанами.

8-10 июня я буду в С.-Петербурге. Если желаешь откланяться мне, то почисть сапоги, причешись и приходи на вокзал в день и час, о коих сообщу телеграммою. В случае, ежели пожелаешь, поедем на Валаам, а если не пожелаешь, то не нада.

Синяки, худоба и боль в суставах у Анны Ивановны свидетельствуют о малокровии, к«ото»рое обычно после тифа. Молоко и молоко. Недурно также железо. T-rae ferri pomatci на 15 коп., по 15 кап«ель» 3 раза в день, и горькие средства вроде Elix.

visceral«е», Hoffmani на 15 коп., по 20 кап«ель» перед обедом и ужином. Для блезиру ноги можно растирать нашатыр«ным» спиртом в смеси с деревянным маслом (ana). От малокровия могут отекать ноги. В случае отека лица и рук надо искать в моче белка. Хандра и апатия естественны.

Детей пори.

Пиши для "Будильника".

Если можно, вышли мне заказною бандеролью 1-2 листа моей книги поглядеть. Пожалуйста.

Узнай - где теперь Григорович?

Поклон Анне Ивановне и детищам.

Сообщи адрес Николая и напиши ему, что я приглашаю его к себе на дачу.

Воскресенск Моск«овской» губ.

Ваш А. Чехов.

Мой приезд в Питер возможен только в том случае, если перестанут болеть мои ноги. Вообще, приезд не обязателен.

Мне кажется, что если книга уже печатается, то, по законам печати, нельзя изменить заглавие.

"В сумерках" - тут аллегория: жизнь - сумрак, и читатель, купивший книгу, должен читать ее в сумерках, отдыхая от дневных работ.

Цена книги 1 рубль.

Вышли мне моего "Следователя".

277. Н. А. ЛЕЙКИНУ
4 июня 1887 г. Бабкино.

4 июнь.

Получил Ваше письмо, добрейший Николай Александрович! 40 р. получены, за что благодарю. Купно с гонораром из "Пет«ербургской» газ«еты»" они избавили меня от безденежья.

Вы дали мне идею: чтобы не заезжать попусту в Питер, в котором достаточно побывать и на обратном пути из Ладоги, я слезу в Колпине, а оттуда к Вам. За мной не приезжайте, ибо я наверное не могу сказать, когда выеду: 10 или 11-го? Во всяком случае приеду к Вам не позже 12. Напишите мне, что давать извозчику от Колпина к Вам, как ехать и проч. В случае дождя в Колпине слезать не буду.

Я послал Билибину рассказ.

Погода у нас мерзкая: дождь льет через каждые 5 минут. Скучно и грустно «…» Скука сугуба, ибо я себе не разрешаю теперь ни одной рюмки, дабы не озлить своего геморроя.

Итак: я приеду к Вам не позже 12-го; Вы за мной не выезжаете в Колпино. Если не приеду, то уменьшите мне гонорар и выбраните меня, как душе угодно. Я рвусь в дорогу. Может задержать только одно: вены на ноге.

Беру с собою гроши.

Вы пишете, что если бы, путешествуя на юге, я посылал в "Осколки" те рассказы, что были напечатаны в "Газете", то получил бы не меньше и был бы в духе журнала… Ах, какой Вы!

10-го в Петербург, в пассажирском поезде, едет сотрудник "Осколков", светлейший князь Грузинский.

Прощайте. Раненый офицер, который повезет это письмо на почту, ругается.

Поклон Вашим.

А. Чехов.

278. И. П. ЧЕХОВУ
4 июня 1887 г. Бабкино.

Если я поеду в Питер, то не раньше 10-11 июня, не заезжая в Москву, почтовым поездом. По уговору с Лейкиным, я остановлюсь, не доезжая П«етер»бурга, в Колпине, откуда на лошадях поеду в его имение.

Ты и Грузинский поезжайте тоже 10 или 11. Посоветуясь с Лейкиным, я вышлю вам из его имения через контору "Осколков" план нашей встречи и, буде вы пожелаете, совместной поездки в Ладожское озеро. Эта поездка не обойдется дороже 10 р. с носа, т. е. суммы, которую вы проживете в Питере и без поездки, ибо жить на пароходе дешевле, чем в П«етер»бурге.

В П«етербурге» пробудем 7 дней. Если Грузинский захочет, то я на обратном пути потащу его к себе на дачу. Во всяком случае сообщи день и час, в к«ото»рый выедешь. Может быть, поедем вместе.

Твой А. Чехов. На обороте:

Москва,

Кудринская Садовая, д. Фацарди,

Арбатское училище

Ивану Павловичу Чехову.

279. Ф. О. ШЕХТЕЛЮ

4-5 июня 1887 г. Бабкино.

4 июнь.

Простите, милейший друг, что я так варварски опаздываю с письмом, которое обещал прислать в первую же неделю своего дачного жития. Во-первых, обязательное писанье утомляло, а во-вторых, как-то не писалось: вздумаешь сесть за письмо и забудешь.

Вы «…»* который живете только чувствами, не замечаете холода, но мне, дачнику, нестерпимо холодно. Бррр! Когда же греет солнце, мое бедное тело сожирают комары, мошкара и прочие крокодилы… 10-го июня улетаю в Питер, в оттуда в Ладожское озеро.

Получили ли Вы Ваш чемодан? Я приказал Петру (сторожу учителя) снести его Вам… Возвращаю его чахоточным… Увы, южный климат оказывается вредным для чемоданов! Не моя тут вина!

Ну-с, относительно Яшенькиного инцидента могу Вас успокоить: все обстоит настолько благополучно, что Вы можете успокоиться.

Ваша последняя откровенная беседа со мной произвела на меня освежающее впечатление, ибо, во-1), она удвоила мою симпатию к Вам и, во-2), из нее почерпнул я одно весьма драгоценное сведение, а именно, что не я один бываю мучеником и, как мне казалось, тряпкой в известных случаях; для меня эти случаи всегда доставляли тьму непереваривaемых волнений и тревог, и я был мучеником до мозга костей, пока не привыкал к своему душевному состоянию. Когда мне приходилось «…» которых «…»*, моя душевная чувствительность всякий раз достигала такого градуса, что я становился тряпицей, которую волновал всякий пустяк, и не мог глядеть на вещи просто, - в таком положении я, конечно, съел бы Яшеньку… Вообще скучно, и скучно… Перейду к веселому.

В Бабкине по-прежнему «…» Работы много, так что «…» некогда.

Если увидите Николая, то передайте ему, что я жду его к себе на дачу.

Ложусь спать. Быть может, завтра припишу еще что-нибудь.

5-го июня.

Идет дождь. Бррр! Это письмо Вы получите 7-го. Если 8-го напишете мне, то я успею получить до выезда в Петербург. Прощайте, будьте здравы и не думайте о «…»*

Ваш А. Чехов. * Адресатом зачеркнуто несколько слов.

280. А. А. ДОЛЖЕНКО

9 июня 1887 г. Бабкино.

9 июнь.

Милейший друк

Алексей Алексеич!

Иван сказал мне, что никто не берется сделать ложку и что кто-то берется сделать за 3 р. 50 к. Я не понял его. Если тебя стесняет цена, то считаю нужным успокоить тебя: ложка не моя, а потому до цены мне нет никакого дела. Какую цену потребуют, такую и давай, иначе нам придется послать ложку обратно в Таганрог или же замошенничать. Если за ложку потребуют тысячу рублей, то, конечно, не давай, а если 3, 5, или 6, или дороже, то я благословляю тебя руками и ногами. Постарайся, чтобы она была готова к 20 - 25 июня.

Мы ждем тебя к себе на дачу. Если не приедешь, то я донесу Ивану Егоровичу, что ты бываешь у барышень Ермолиных.

Будь здоров. Мамаше твоей кланяюсь и целую руку.

Твой А. Чехов.

Если придут из Таганрога тарани, то попроси маму взять себе 25 тараней. Ты распакуй. Если будут и галеты, то и их возьми. На конверте: г. Москва,

Кудринская Садовая, д, Корнеева, кв. д-ра Чехова

Его высокоблагородию

Алексею Алексеевичу Долженко.

281. Н. А. ЛЕЙКИНУ

9 июня 1887 г. Бабкино.

Добрейший Николай Александрович! Пишу это письмо 9-го июня и посылаю его завтра с гостем на станцию. Увы! Обстоятельства грозят сделать меня изменником. Вчера я получил письмо от коллеги, земского эскулапа, который просит меня сменить его с субботы 13-го, ссылаясь на то, что ему с женой нужно во что бы то ни стало ехать куда-то в пространство. Я поеду к нему завтра. Если найду причины его отъезда неуважительными, то завтра же выеду к Вам с почтовым поездом; в случае же, если причины покажутся достойными уважения, я сочту себя обязанным сменить его и, таким образом, не приехать к Вам в обещанное мною время. Стало быть, если я не приеду до 14-го, то вовсе не приеду. Выезжайте сами в Ладожское озеро, а я приеду к Вам как-нибудь после, специально ради Вашей дачи, путешествие же отложу до будущего года.

Одно из Ваших писем, посланное в Таганрог, я получил только вчера.

Погода у меня на даче мерзкая. Дождю и сырости нет конца. Природа так паскудна, что глядеть не хочется. Если у Вас сухо, тепло и тихо, то я завидую Вашему благоутробию. У меня насморк, у членов семьи насморки и бронхиты, извозчики дерут дорого, рыба не ловится, «…» пить не с кем и нельзя… застрелиться в пору!!

Сейчас мальчишки принесли двух дятлов и запросили двугривенный; я дал пятак и выпустил птиц. Они разлакомились и принесли мне еще пару. Я птиц взял и дал по шее. Вот вам образчик моих дачных развлечений.

Пальмин переезжает и переезжает… Это, вероятно, очень весело. Поручите Лебедеву изобразить "Переезд Пальмина": впереди шествует Лиодор Иваныч в цилиндре, за ним Фефела со своими юбками и с старыми пивными бутылками; за этой парочкой плетутся полудохлые, чахоточные утки и куры; процессия освещается Фебом. Подпись: "И под стать нашей хмурой эпохе".

Поклон Вашим. Прощайте и будьте здоровы. Если не приеду, то ругайтесь, но не сердитесь. Я думаю, что Вы поймете мое положение и, вероятно, будучи на моем месте, поступили бы не иначе.

Ваш А. Чехов.

Не забудьте громко «…» и воняющих псов.

282. Ал. П. ЧЕХОВУ 16 июня 1887 г. Бабкино.

16 июнь.

Дубина! Хам! Штаны! Ум недоуменный и гугнивый! Если ты вставил шуточное "кавалеру русских и иностранных орденов", то, стало быть, имеешь желание зарезать сразу два невинных существа: меня и Григоровича. Если эта вставка останется, то книга пущена в продажу не будет, ибо я еще жить хочу, да и Григоровича умерщвлять не желаю. О, как бы я желал, чтобы на том свете тебя антрацитом покормили! За что ты гонишь меня? И почему тебе так ненавистна слава моя? Сейчас же, курицын сын, иди в типографию и выкинь кавалера.

2) Оглавление можно и в начале, можно и в конце.

3) Умоляю, выкинь кавалера, иначе книга не пойдет. Если она уже напечатана с кавалером, то я прошу не выпускать книгу из склада. Негодяй!!! Умоляю.

4) Не посылай впредь заказных писем, ибо они задерживаются на почте.

5) Не переписывай "Следователя"! У меня он есть.

6) Я скоро не приеду в Питер.

7) Поздравляю с дебютом в "Нов«ом» времени". Почему ты не взял какой-нибудь серьезный сюжет? Форма великолепна, но люди - деревяшки, сюжет же мелок. Для петого классе мозно люцси… Ты хвати что-нибудь бытовое, обыденное, без фабулы и без конца.

8) Желание В. П. Буренина утилизировать мою "Клевету" льстит мне. Передай ему сие купно с моим согласием.

9) Пиши мне. Я рад, читая твои письма, хотя ты и не гениален. Боже, как тяжело иметь братьев-посредственностей!

10) Прощай! Своим Кикишам и Кокошам передай мое благословение и скажи, что я в большом долгу у них за труды их родителя, понесенные на издание моей книги. Жертвую обоим по чугунной печке.

11) Серьезно, я у тебя в неоплатном долгу. Научи, как поквитаться?

Tuus А. Чехов.

Анна Ивановна! Стыдно хворать! Напишите собственноручно, что вы чувствуете? Кланяюсь.

А. Чехов.

Я в недоумении: почему "кавалера орденов" ты принял всерьез, а "продается в рабство Ал. Чехов с сочадами" - в шутку? Почему не наоборот?

NB. По выходе книги в свет попроси немедленно выслать мне 10 экз«емпляров».

Г«-ну» Александрову выдай книжицу с большим спасибо за труды.

Пиши немедленно!

283. Ал. П. ЧЕХОВУ 21 июня 1887 г. Бабкино.

21.

Ты просишь, чтобы я исключил бы тебя из числа родственников; охотно исполняю твою просьбу, тем более что твое родство всегда компрометировало меня в глазах общества. Отныне ты будешь называться не Чехов, а Иван Михайлович Шевырев.

Сейчас я узнал, что тебя читают шах персидский и хедив египетский, отмечая карандашом все, что им нравится.

Ну-с, температурная кривая прямой Анны Ивановны дает мне право заключить, что твоя половина все еще тянет на мотив брюшного тифа. Такова t° у туберкулезных и брюшных тификов; у последних она бывает в период заживления кишечных язв… Cave*, как пороха, твердой пищи! Пусть А«нна» И«вановна» ест жижицу, пока t° не станет нормальной. Ты глуп и, конечно, не преминешь случая усомниться в моем медиц«инском» гении. Ты спросишь: почему же тиф так долго тянется? Осел ты этакий, да ведь брюш«ной» тиф редко обходится без рецидивов! Болван!

Я глохну, вероятно вследствие катара евстахиевых труб; лень съездить в больницу продуть…

Ем, сплю и купаюсь; немцы подлецы.

К тебе поехал положительный человек.

Степной субботник мне самому симпатичен именно своею темою, которой вы, болваны, не находите. Продукт вдохновения. Quasi симфония.

В сущности белиберда. Нравится читателю в силу оптического обмана. Весь фокус в вставочных орнаментах вроде овец и в отделке отдельных строк. Можно писать о кофейной гуще и удивить читателя путем фокусов. Так-то, Саша. Скажи Буренину, что Москва деньги любить. Так нельзя. Надо понимать.

Твоих воробьев приветствую.

От соединения Осла и Ани

Произошли Николай и Антон Галани.

Будьте здоровы и приблизительны.

Ваш А. Чехов.

Это письмо можешь через 50 лет напечатать в "Русской старине". * Остерегайся. (лат).

284. Г. М. ЧЕХОВУ

23 июня 1887 г. Бабкино.

23 июнь. Воскресенск.

Прости, милый друг, что я так запаздываю ответом на твое письмо. Во-первых, усиленная работа, во-вторых, лень, которая, как тебе известно, раньше нас родилась.

Прежде всего попроси у мамы прощения за скандальчик с извозчиком. Я рассеян, как профессор: забываю инструменты у больных, не плачу извозчикам, которые потом дерут с меня впятеро, путаю адресы на письмах и т. п. Воображаю, что будет в старости! Вероятно, в старости я буду надевать вместо своей шляпы дамскую, жилет надевать раньше сорочки и т. п.

Я не был ни в Сумском уезде, ни в Петербурге, хотя предполагал побывать всюду. Засел я на даче и неподвижно торчу у стола. Работаю порядочно и с лихвой вернул расходы на поездку.

Если увидишь Анисима Васильевича, то передай ему, что посылка его получена и что я буду писать ему, но не раньше июля.

Ноги перестают болеть, но зато появился новый недуг: я глохну.

Поздравляю с "присоединением". Думаю, что Таганрогу от этого не будет ни лучше, ни хуже. Впрочем, быть может, будет больше внешнего порядка, будет едина власть вместо градоначальника, который решительно был бесполезен и для Таганрога не нужен.

Через неделю выходит в свет моя новая книга, издание Суворина, того самого, который издал Пушкина. Кстати, судя по газетным известиям, Пушкин уже вышел из печати, и ты, стало быть, должен уже получить его.

Передай маме, что на обратном пути, в Славянске, я неожиданно встретился с Сашей Селивановой. Замуж она не выходила, и многое, что мне и маме говорили про нее, оказалось вздором. Она весела, служит на каком-то заводе учительницей, одета щеголевато и вообще производит приятное впечатление.

Условие: кроме своих, никому не читай моих писем; частная переписка есть семейная тайна, до которой никому нет дела.

Папе и маме поклонись низко и передай им, что я никогда не забуду их радушия, ласки и гостеприимства. Володе пожелание всяких успехов, а Саню и Печерицу поцелуй. Иринушке поклон.

Все наши здоровы. Иван уехал в Петербург. Когда-то ты приедешь в Москву? А надо бы…

Был ли у Вас М. М. Чехов?

Пиши, пожалуйста. Я старший брат, но не жди от меня наставлений; после того как я увидел твой образ жизни, твой труд и твою выносливость, не поднимается моя ленивая рука давать тебе житейские советы. Оставайся таким, каков ты есть.

Скажи дяде Андрепуше, сиречь Андрею Павловичу, что когда он приедет в Москву, то пусть ежедневно приезжает ко мне по конке обедать. Это относится к осени и зиме.

Будь здоров и счастлив, не забывай гулять и верь в расположение и доброжелательство уважающего тебя

А. Чехова.

285. Ал. П. ЧЕХОВУ 26 июня 1887 г. Бабкино.

№ 147 449 строк

- 154 299 (двести девяносто девять)

- 161 330

- 168 271 1349 строк 1349 X 12 = 161 р. 88 к.

Это счет, по которому ты имеешь получить у "Газеты" гонорарий и, таким образом, оказать услугу гению. Деньги или высылай почтой, или же вручи Ивану, смотря по тому, кто раньше прибудет в Воскресенск, денежная почта (вторник и пятница) или же Иван. Далее:

У меня еще остался в будущем один июньский понедельник - 29 июня, который не мог войти в вышеписанный счет. Рассказ к 29 июня будет, а посему 30-го или 1-го июля сходи в редакцию, потребуй понедельницкий №, сочти число строк, возьми гонорар, вышли, и да благо ти будет. Таким образом, значит, я за июнь заработал в "П«етербургской» газете" 200 р. А ты не заработал.

Извини, что заставляю тебя дважды возиться с июньским гонораром. Ничего не поделаешь: папаше и мамаше кушать нада, а время не терпить.

Поклон твоим и нововременцам. Какого это Готберга побила Волынская? Не того ли, что похож на Вишневецкого? Очень симпатичная история - «…» Куда мы идем?!

Пиши.

Tuus А. Чехов.

Если будешь вблизи адресного стола, то узнай адрес Григоровича. А то еще лучше: узнай адрес у Буренина или же попроси осколочную Анну Ивановну послать Павла в адресный стол. Кстати: можешь, в случае надобности, пользоваться услугами Павла, ибо ему от меня бывает велия мзда.

286. А. С. ЛАЗАРЕВУ (ГРУЗИНСКОМУ)

27 или 28 июня 1887 г. Бабкино.

Пишу Вам на бумаге новейшего формата. Новая мода. Надо идти в уровень.

Я Вас жду к себе и уже писал Билибину, чтобы он, Б«илибин», пригласил Вас ко мне. Теперь пользуюсь Вашим адресом, чтобы пригласить Вас непосредственно…

Приезжайте хоть сейчас. 1-2 июля я буду в Москве, а позднее, быть может, в Ряз«анской» губернии. Если приедете сию минуту, то попадете как раз в центру времени и пространства.

Перед выездом за 7-8 часов вышлите мне телеграмму по масштабу: "Воскресенск Чехову. Еду вторник дачным. Лазарев". Можно и без слова "еду". Если разоритесь на телеграмму, то вышлю Вам на станцию своего лейб-кучера Алексея с тележкой, который берет за доставку юмористов очень дешево. Ехать от станции 21 версту. Алексея узнаете по 1) глупости, 2) растерянному взгляду и по 3) № "Нового времени", к«ото»рый я велю держать ему в руках.

Привезите 1 ф«унт» лучшей ветчинной колбасы, 1 ф«унт» карамели и, если можно, 1* вершу, которую можно купить в Охотном или у Москв«орецкого» моста в живорыбных лавках. Впрочем, с вершей таскаться неудобно… Хотя, впрочем, можно сдать в багаж… Впрочем, если не хотите, не нужно…

Будьте здоровы и остроумны, как всегда.

А. Чехов. * или две.

287. А. С. ЛАЗАРЕВУ (ГРУЗИНСКОМУ)

30 июня 1887 г. Бабкино.

30 июнь.

Добрейший Александр Семенович! Письмо Ваше я получил. Буду в Москве не ранее 4-5 июля. Когда буду на вокзале, пошлю Вам телеграммой уведомление о своем прибытии.

NB: в день получения телеграммы прошу ко мне в Кудрино не раньше 7 часов вечера. Пойдем, если хотите, вместе в "Эрмитаж".

Из Москвы я Вас возьму с собой.

Будьте съ доровы. (Это я съострил.)

Ваш А. Чехов.

288. М. В. КИСЕЛЕВОЙ

6, 7 или 8 июля 1887 г. Бабкино.

Если у моей "Агнии" язык не выдержан, то зато она дает впечатление весьма определенное и видно, что она выстрадана автором. Рассказ недурной и стоит тысячи "Шальных пуль". Ваша протекция мне кажется излишней; она сгодилась бы, если бы Истомин был не редактором плохого журнала, а богатой невестой.

Готовый к услугам

А. Чехов.

От зубной боли и любви помогает шальная пуля, пущенная в висок. Такая пуля дает определенное впечатление. У Вашей Василисы жизнь и голова одинаковы: я отказываюсь.

289. А. С. ЛАЗАРЕВУ (ГРУЗИНСКОМУ)

8 июля 1887 г. Москва.

Жду сегодня семь вечера Чехов На бланке:

Б«ольшая» Груз«инская» дом Огурцова кв. 16

Лазареву

290. Ал. П. ЧЕХОВУ Между 8 и 12 июля 1887 г. Москва.

Сын персти! Что же книга? Напиши о ней хотя одно слово.

Сегодня я послал в "Н«овое» вр«емя»" рассказ. Когда он будет напечатан, побывай в конторе и узнай о состоянии моих счетов. Если сверх долга останется хотя копейка, то поспешишь выслать мне, ибо я сугубо безденежен.

Сейчас сижу в Москве. Душно. Надо спать, а посему прощай и будь здоров со чадами.

Получил ли посылку?

Твой А. Чехов.

Пиши подробнее.

291. Н. А. ЛЕЙКИНУ

17 июля 1887 г. Бабкино.

17 июль.

Где Вы и что с Вами, добрейший Николай Александрович? Я положительно не знаю, чем объяснить Ваше продолжительное молчание в ответ на мое последнее письмо? Что-нибудь из трех: или Вы уехали, или больны, или сердитесь. Если уехали в Финляндию, то давно уже пора вернуться; если бы были больны, то об этом я узнал бы через Билибина. Очевидно, Вы сердитесь. Если так, то за что? Надеюсь, что

причины моего неприезда, изложенные в моем последнем письме (которое Вы получили до 12-го июня), достаточно уважительны и не могут послужить причиною Вашего молчания… За что же Вы сердитесь? Жду ответа, а пока желаю Вам здравия и кланяюсь Вашей семье.

Ваш А. Чехов.

Купно с сим письмом посылаю на имя Билибина рассказ с письмом на его имя.

292. Ал. П. ЧЕХОВУ Конец июля 1887 г. Бабкино.

Гусев!

Благодарю Вас за обложку и посылаю Вам счет «в» "Петерб«ургскую» газ«ету»": № 196-393 строки.

393

x12

780

393

4716

Итого 47 р. 16 к.

Вот и все, что я заработал за июль. Деньги получи и поспеши выслать. Ложусь спать.

Кормим молодого зайца. Пиши.

Поклон цуцыкам.

А. Чехов.

293. А. С. ЛАЗАРЕВУ (ГРУЗИНСКОМУ)

Начало августа 1887 г. Бабкино.

Коллежский асессор! Вы дурно сделаете, если будете дожидаться моего брата Ивана. Едва ли скоро он будет в Москве. Приезжайте тотчас по получении сего письма.

Ваш А. Чехов.

1 ф«унт» ветчинной колбасы.

5 лимонов и 4 головки капусты.

Погода чудная.

294. Ал. П. ЧЕХОВУ Начало августа 1887 г. Бабкино.

Кто б мог предположить, что из нужника выйдет такой гений? Твой последний рассказ "На маяке" прекрасен и чуден. Вероятно, ты украл его у какого-нибудь великого писателя. Я сам прочел, потом велел Мишке читать его вслух, потом дал читать Марье, и во все разы убедился, что этим маяком ты превозошел самого себя. Ослепительная искра во мраке невежества! Умное слово за 30 глупых лет! Я в восторге, а посему и пишу тебе, иначе бы ты не скоро дождался моего письма… (лень!). Татарин великолепен, папенька хорош, почтмейстер виден из 3-х строк, тема слишком симпатична, форма не твоя, а чья-то новая и хорошая. Начало не было бы шаблонно, если бы было вставлено куда-нибудь в середину рассказа и

раздроблено; Оля также никуда не годится, как и все твои женщины. Ты положительно не знаешь женщин! Нельзя же, душа ноя, вечно вертеться около одного женского типа! Где ты и когда (я не говорю про твое гимназичество) видел таких Оль? И не умнее ли, не талантливее поставить рядом с такими чудными рожами, как татарин и папенька, женщину симпатичную, живую (а не куклу), существующую? Твоя Оля - это оскорбление для такой гранд-картины, как маяк. Не говоря уж о том, что она кукла, она неясна, мутна и среди остальных персонажей производит такое же впечатление, как мокрые, мутные сапоги среди ярко вычищенных сапог. Побойся бога, ни в одном из твоих рассказов нет женщины-человека, а все какие-то прыгающие бланманже, говорящие языком избалованных водевильных инженю.

Я думаю, что маяк поднял тебя в глазах нововременцев на три сажня. Жалею, что тебе не посоветовали подписать под ним полное имя. Ради бога, продолжай в том же духе. Отделывай и не выпускай в печать ("Нов«ое» вр«емя»"), прежде чем не увидишь, что твои люди живые и что ты не лжешь против действительности. Врать можно в "копилках курьеза" (где у тебя старшина залезает в статистику (!), а писарь ведается с уголовщиной (!!)), а в субботниках, которые дадут тебе деньги и имя, остерегись… Не опиши опять концертантов, к«ото»рые судятся так, как отродясь еще никто не судился, да кстати уж не трогай и благотворительных братств - тема заезжена, и во всем рассказе было ново только одно: губернаторша в ситцевом платье.

"Маяк" спрячь. Если напишешь еще с десяток подобных рассказов, то можно будет издать сборник.

Сейчас получил письмо от Шехтеля, уведомляющего о болезни Николая. Кровохарканье. Вероятно, несерьезно, так как Н«икола»й, гостивший у меня на днях в Бабкине, был совершенно здоров.

Шлю тебе открытое письмо одного из ярых почитателей Суворина. Так как в этом письме выражены желания и мечты многих москвичей, то считаю себя не вправе не показать его Суворину, хотя и верю, что едва ли С«уворин» послушается этого письма. Через кого-нибудь (Маслов, Коломнин и проч.) ты сообщишь С«уворин»у содержимое этого письма или пошлешь самое письмо, соблюдая должный такт. О результатах сообщишь мне. Адрес С«уворина» мне неизвестен.

Моя книга издохла?

С нетерпением ожидаю гонорар. Счет тебе уже послан. Если счет затерялся, то получи без счета и скорее вышли: стражду!!

Всем твоим кланяюсь, а тебе нет. Ты не гений, и между нами нет ничего общего. г. Чехов.

295. И. А. БЕЛОУСОВУ

3 августа 1887 г. Бабкино.

VIII, 3.

Приношу Вам, добрейший Иван Алексеевич, мою искреннейшую благодарность за присылку мне Вашей симпатичной книжки. Ваша любезность дала мне случай поближе познакомиться с Вашим талантом и возможность, избегнув обычные комплименты, засвидетельствовать с уверенностью Ваше право на титул поэта. Ваши стихи полны живого поэтического чувства; Вы теплы, знакомы с вдохновением, обладаете формой и, что несомненно, литературны. Самый выбор Шевченко свидетельствует о Вашей поэтичности, а перевод исполнен с должною добросовестностью. Скажу Вам откровенно, что Ваша книжка более, чем какой-либо из новейших стихотворных сборников, похожа на то, что у нас называется "трудом", хоть она и безбожно мала.

Бранить Вас, конечно, будут. Главный недостаток книжки - это ее небольшой объем. Поэт, если он талантлив, берет не только качеством, но и количеством, а из Вашего сборника трудно составить себе понятие ни о Вашей, ни о шевченковской физиономии. Ссылка же на то, что Вы еще молоды или что Вы еще "начинающий", послужить Вам оправданием не может: раз решаетесь дать книгу, так давайте и

физиономию автора.

В стихе есть шероховатости. Наприм«ер»:

Иль один от скуки ради… (стр. 27).

Два предлога: от и ради…

Или: Беседуют два часовых (стр. 32).

Толкуют двое часовых - было бы звучнее и литературнее. Или:

Течет речка край города (стр. 26) и слова "талана", "батька" и проч.

Это уж не строгий перевод, и т. д.

Мне кажутся прекрасными стихи "Вдова", стр. 20, стр. 23, "Украинская ночь". Я плохой критик, а потому, простите, не могу заплатить должную дань Вашей книжке. Как любитель и почитатель всего симпатичного, что изредка мелькает на нашем книжном рынке, я могу только от души пожелать Вам полного развития Вашего таланта, уверенности, силы и успехов; не спеша и работая помаленьку, Вы добьетесь своего - в этом я уверен и заранее радуюсь. Пожав Вашу руку, пребываю должником

А. Чехов.

296. Н. А. ЛЕЙКИНУ

11 августа 1887 г. Бабкино.

11 августа.

Вчера получил я Ваше письмо, добрейший Николай Александрович, и пишу ответ сегодня, чтобы отправить его с нарочным в Воскресенск 12-го, откуда оно пойдет в Питер 13-го. Нарочный ездит в город почти ежедневно, но почта ходит и получается не всякий день. Приходится посылать статьи и срочные письма или с нарочным на станцию к почтовому поезду (1р. 25 коп.), или же отсылать с оказией в Москву, - тут вы найдете объяснение московского штемпеля на моем последнем транспорте.

Билибин писал, что 7-го Вы будете в Клину, но я не ждал Вас, так как 7-го был проливной дождь и ямщик с Вас содрал бы кожу. Из Бабкина я не выезжал от 1-го июля (вернее, от середины июля) до сегодня, если не считать поездок в Звенигород и в окрестности. Выеду я из него в Москву к 1 сентября. Если приедете, буду очень рад и доволен, ибо, во-первых, я в долгу у Вас за гостеприимство и, во-вторых, скучаю без людей.

Я посылаю рассказы на имя Билибина на основании Вашего распоряжения, сделанного в прошлом году и не измененного в этом году. Для меня решительно все равно, каков бы адрес ни был, лишь бы рассказы доходили в срок.

Затмение не удалось. Было облачно и туманно. Наблюдал дворню и кур: занимательно и поучительно. Потемки, очень внушительные, продолжались с минуту. Утро прошло весело и кончилось простудой.

Лето у нас было гнусное. Редкий день проходил без дождя. Помнится только одна жаркая неделя, все же остальное время приходилось носить осеннее пальто и спать под одеялом. Урожай на ягоды необычайный. До сих пор никак не можем одолеть крыжовника и малину. Жрем до отвала. Грибов не было, но в августе появились. Ежедневно хожу с братом и приношу множество. Белых грибов очень мало. Огурцы плохи и дороги, 60 коп. мера.

Грузинский гостил у меня и обещал еще побывать. Это весьма мирный коллежский асессор, не имеющий ничего дерзкого и нахального, а, напротив, смирный и добродушный. Мне не приходилось беседовать с ним об его отношениях к "Осколкам", а потому объяснить дерзость его писем не берусь. Скажу только, что лично мне он представляется человеком хорошим, порядочным во всех смыслах и полезным для "Осколков". Не помещать его неудобно, потому что для журнала он нужен, и к тому

же дерзничанье, т. е. воинственный тон писем, я полагаю, не может служить поводом к разрыву отношений чисто официальных. А этот тон совершенно естественен и в порядке вещей. Сотрудника, как бы он ни был мал, нельзя обезличивать. Если Вы признаете за собой редакторское право сокращать и не помещать статьи, то почему не признать за сотрудником право протеста?

Едва ли в этом году я попаду в Ивановское. Погода плоха, и денег совсем нет. Боюсь, что останусь должен за дачу.

Судя по объявлению в "Нов«ом» вр«емени»", моя суворинская книжка вышла 9 дней назад, но о ней я не имею никаких слухов, хотя за изданием следит Александр. Конец Вашей Акулины я читал урывками, ибо нить романа была утеряна мною во время поездки на юг. Жалею, что не могу сказать Вам своего мнения и тем отплатить за лестный отзыв о моих последних рассказах. В урывках, которые я помню, Трифону и Акулине приданы Вами черты трагизма, местами удачно и в меру, но боюсь, что Ак«улина» и Тр«ифон» в конце романа не будут похожи на тех, к«ото»рые были в начале. Надо удивляться Вашей способности писать большие вещи газетно, частями, и памяти Вашей… Неужели Вы не забываете того, что писали месяц тому назад? Неужели когда пишете конец, то читаете начало? Я бы не мог так.

Вы фыркали, когда читали о любовных похождениях осколочного Феба и о его победах… Что ж, очень может быть! Судебная медицина указывает примеры, где не только Фебы, но даже шестирукие и одноглазые феномены, внушавшие окружающим ужас и сострадание, любили и бывали любимы… Пошлите письмо Феба Мержеевскому.

Скажите откровенно: Вам еще не надоело редактировать "Осколки"? Будь я на Вашем месте, забросил бы все к чертовой матери, положил бы денежки в боковой карман и махнул бы в кругосветное плавание. Природа на Сингапуре выше всякой критики, а кто не«…» тот не знает еще, что значит блаженство. Жизнь коротка, в столице она скучна и сера… надо пользоваться. Поклон Вашим. Будьте здоровы.

Ваш А. Чехов.

297. Ал. П. ЧЕХОВУ 12 августа 1887 г. Бабкино.

Гусев! Если верить понедельницким книжным объявлениям, то моя книга вышла уже 9 дней тому назад. О ней ни духу ни слуху… Объясняй это многоточие не в свою пользу.

Если сумеречная книга в самом деле вышла, то жду 10 экз«емпляров» в скорейшем времени. Жду также газетных объявлений, на помещении которых ты будешь настаивать.

Николай здоров.

Пиши немедленно и не надоедай мне напоминанием о своем долге*, ибо это напоминание нелюбезно и, как видишь, заставляет меня вспоминать о нем, чего я не люблю.

Все здоровы. На обороте: Петербург, Кавалергардская 20, кв. 6 Александру Павловичу Чехову. * Ты точно преступление совершил. Надо проще смотреть на вещи.

298. Ф. О. ШЕХТЕЛЮ

12 августа 1887 г. Бабкино. Среда. Простите, Sire, мне удобнее писать на дешевой бумаге; моя дорогая (25 к. за пачку) промокает и коробится под пером, как жид перед лицом правосудия. За успокоительную весть о Николае mercі. Я получил от него письмо, в к«ото»ром он клянется, что не разводит у меня в квартире блох (?), бранится за мое последнее письмо к Вам и проч. Собираюсь написать ему, но не знаю его адреса.

Какие это у Вас 22 сомнения? Насчет чего? Если насчет Нанани«?», то, чтобы иметь сомнение, нужны осязательные основания. Насчет отдушников тоже будьте покойны: у Вас в квартире, насколько помню, нет отдушников, которые могли бы удержать такую солидность, как Вы.

Я прибуду не раньше 1-го сентября. Мечтаю о зиме, ибо лето надоело. Ведь у меня лето началось 1-го апреля. Пора на покой, в свой душный кабинет.

Что поделывают бр. Вернеры? Я собираюсь послать им что-нибудь в "Сверчок".

У нас было затмение. В 32 № "Осколков" я заплатил дань этому величественному явлению.

У меня прибавление семейства: откармливаем молодого зайца (судя по ушам, очень талантливого; уши длиннее, чем у осла).

Я отвык от московской еды. Первым делом, как приеду, отправлюсь в какой-нибудь кабак.

Найдите мне невесту.

Не забудьте, что мне поручено Вами купить у Суворина 2 экз«емпляра» Пушкина. Не покупайте, а если купите, то уведомьте. Мои братцы, пока я был на юге, прозевали Пушкина, и теперь придется ждать 3-го издания.

Рекомендую Вашему вниманию новую интересную книгу "Воспоминания гр. Соллогуба"; продается у Суворина. Это рекомендую на случай, если Вы такой же охотник до мемуаров, как и я. Не рекомендую моей новой книги, ибо Вы ее получите от меня даром: вообще я великодушный ч«елове»к…

Прощайте и будьте здоровы.

Ваш А. Чехов.

Я помешался на грибах. По целым дням, как дурак, блуждаю по лесам и смотрю вниз под ноги. Надо бросить, ибо это удовольствие мешает делу.

299. Н. М. ЕЖОВУ и А. С. ЛАЗАРЕВУ (ГРУЗИНСКОМУ) 13 или 14 августа 1887 г. Бабкино.

Гг. юмористы!

Я готов совершить подлог и идти в Сибирь, но с условием, что

1) Вы, г. Грузинский, не будете ссориться с Лейкиным и вынуждать его писать мне на Вас жалобы,

2) Вы, г. Грузинский, привезете ветчинной колбасы и

3) Вы, г. Ежов, возможно скорее сообщите: какой глаз болит у Вас (правый или левый?) и куда имеет быть представлено свидетельство? (В совет Брацл«авского» училища? Так, что ли?)

Болезнь: воспаление роговой оболочки (keratitis). Засвидетельствовать подпись можно только через Курепина у его приятеля нотариуса Меморского, а полиция засвидетельствовать не может, ибо я отсутствую. Желаю всяких благ.

А. Чехов. На конверте:

Москва,

Плющиха, 3 Тишинский пер., д. Баскакова Его высокоблагородию Николаю Михайловичу Ежову.

300. Н. А. ЛЕЙКИНУ

21 августа 1887 г. Бабкино.

Бабкино

Ко мне приехал Грузинский, добрейший Николай Александрович, и я почел за благо прочесть ему две строчки из Вашего письма ко мне (но не все, что Вы писали о нем). Он удивился и сказал, что вовсе не думал писать Вам дерзости, ибо против Вас не имеет ничего такого, из-за чего бы стоило загораться сыру-бору, но подобно всем поэтам, работающим в "Осколках", сердит на Вашу манеру сокращать стихи вдвое (из 12 строк делать шесть), больше же он против редакции ничего не имеет. Относительно фразы, что якобы в "Ос«колк»ах" он работает только для того, чтобы получать больше, чем в Москве, он сказал, что Вы фразы этой не поняли и что она имеет иной смысл.

Боже, что за рисунки в последнем № "Осколков"! Мазня Юргенсона (?) на самом видном месте, мазня кабацкая с кабацкими стихами! Этот № перещеголял даже Кланга и "Развлечение". Декольтированная баба в центре эрберовского рисунка до того не изящна и кухонно гнусна, что редактора и художника стоило бы посадить на гауптвахту. Не говорю уж о рисунке Лебедева, где ловит рыбу девица в декольте, в перчатках и в туфельках, - это так же возможно, как ходить на охоту во фраке и с шапокляком.

Последние дни погода у нас стоит восхитительная. Грибов тьма. Ночи лунные.

Моя новая книга вышла, но до сих пор я не имею о ней никакого известия.

Я жду Вас каждый день, хотя в глубине мозгов и сознаю, что Вы поленитесь приехать. А погода, повторяю, хорошая, и время мы провели бы не совсем скучно, том более что Вы, кажется, в одном из последних писем не отказываетесь от знакомства с crematum simplex*.

Ну-с, конец письма обременяю просьбами. Во-первых, будьте добры (если найдете возможным), поместите в "Осколках" объявление о моей книге:

В книжном магазине "Нового времени" продается новая книга Ан. П. Чехова

"В сумерках"

Рассказы и очерки.

Цена 1 р., с пересылкой 1 р. 20 к.

Во-вторых, выручайте Вашего сотрудника из беды. Погибаю и рискую утерять доброе имя. Дело в том, что не позже 1 сентября мне нужно уезжать на зиму в Москву, а расплатиться за дачу и за съестное нечем. Собираю из всех редакций по крохам, а Вас прошу выслать мне аванец в размере 60 рублей, треть коего я уже отработал. Что я не зажулю этих денег, в этом да поручится перед Вами небо!! Считаю нужным присовокупить, что оный аванс не будет иметь никакой цены, если придет в Воскресенск позже 1 сент«ября». Последняя денежная почта будет получена мною 28-го авг«уста», в пятницу, к какому дню и приспосабливайте.

Не высылаю Вам своей новой книги, ибо сам ее не имею. Не сочтите за невежество.

Я знаю, что Вы уже возмущены моим поведением: в заголовке сего письма я не выставил числа. Извольте - 21 августа.

Поклон Вашим и всей редакции. Будьте здоровы.

Ваш А. Чехов.

Вы отправьте аванс в почтамт в среду, тогда я получу его в пятницу. * простым тружеником (лат.).

301. Н. А. ЛЕЙКИНУ

2 сентября 1887 г. Москва.

2 сент.

Сегодня, добрейший Николай Александрович, я переехал в Москву. Адрес прошлогодний: Кудринская Садовая, д. Корнеева.

Деньги получил как раз вовремя, за что посылаю Вам mercі.

Рисунок Лебедева я не понял, согласен, но насчет эрберовской кувалды позвольте не согласиться. Для такого журнала, как "Осколки", реализм должен исчерпываться в подписи, а рисунки должны быть возможно изящнее, да-с. Некрасивое, к тому же, нисколько не реальнее красивого; в-третьих, не то что в кафешантане, но даже в рублевом злачном месте не все имеют такую кувалдистую корпуленцию, как в эрб«еровском» рисунке; в-четвертых, если хотите, изящная проститутка скорее вызовет в читателе сочувствие и сострадание, чем грязная… Короче, я не знаю ни одного основания, в силу которого было бы полезно и уместно изображать действительность непременно в наихудшем ее виде: ведь "Осколки" - легкое чтение!

Дебют новых сил следует приветствовать, обставляя его всяческими поддержками и уступками, - это мое давнишнее мнение, которое я и теперь подчеркиваю; но, согласит«ес»ь, дебют г. Юргенсона ничего бы не утерял, если бы его рисунок не был заглавным и крашеным; то же следует сказать и о рисунках Брунова. Во-вторых, редакция, по моему мнению, должна утилизировать молодые силы сначала на мелочах. Насколько помню, Эрбер начинал нормально, т. е. с маленького, а Чемоданов с ребусов…

Насчет обновления литературного состава, его оживления и проч. мы уже раньше говорили и переписывались. Вы пишете, что мы, старые сотрудники, жуем старье. Нет, мы остались такими же, какими и были, ибо изменить своих литературных физиономий мы не можем, - потому и кажется, что мы жуем старье. Благодаря слишком частой работе мы надоели не публике, которая меняется, а самим себе; пройдет еще пять лет, и мы опротивеем, но только самим себе. Я думаю, что от наплыва новых сил публика выиграет мало, но мы выиграли бы много; мы приобрели бы право писать так, как нам хочется, что более походило бы на литературу, чем теперешняя поденщина, и мы более были бы довольны собою, чем теперь.

Я лично охотно писал бы в "Осколки" не более 1-2 раз в месяц и непременно юмористическое; так как, по-видимому, Грузинский и Ежов уже начинают понемногу заменять меня, то я так и буду поступать.

Необходимо старым сотрудникам зануздать себя и глядеть в оба также и для того, чтобы "не соблазнить и единого от малых сих". Поденная, сплеча срубленная работа старых сотрудников заметно развращает молодых и начинающих, которые, как Вам известно, слишком склонны к подражанию.

Впрочем, эта тема неисчерпаема и больше годится для разговора, чем для письма. Прощайте. Семья благодарит за поклон.

Ваш А. Чехов.

302. Ал. П. ЧЕХОВУ 3 сентября 1887 г. Москва.

Гусев! Я переехал в Москву. Кудринская Садовая, д. Корнеева. Благодарю за обещание написать мне письмо: сказав пан - кожух дам и проч. Ты кринолин и больше ничего…

Когда будешь в нововременской конторе, возьми мой гонорар и вышли мне. Мне неприятно, что ради моих денег ты шагаешь в почтамт и сбиваешь себе подметки. Не разумнее ли посылать кого-нибудь? Письма от тебя не жду, ибо потерял надежду.

А. Чехов. На обороте:

Петербург,

Кавалергардская 20, кв. 6

Александру Павловичу Чехову.

303. Ал. П. ЧЕХОВУ

7 или 8 сентября 1887 г. Москва.

Merci, Гусев, за письмо. За одно только боку не мерси: с какой стати ты извиняешься передо мной и оправдываешься в том, что книга моя вышла якобы поздно? Ты так пишешь, точно я тебя нанял за тысячу целковых и точно ты мне многим обязан… Нет, пьяница, что касается книги, то я должен извиняться, а не ты. Я так благодарен тебе за хлопоты и беготню, и даже за понос, претерпенный во время беготни, что решительно не берусь достойно благодарить твою особу. Если бы я был смел, то потребовал бы предложить тебе плату за труды, но смелости нет, и я решаюсь ждать времени: быть может, оно укажет мне способ благодарения…

Начинаю входить в норму. Денег пока нет. О поездке на житье в Питер нельзя думать… Возможно только одно - жить в Питере месяцами, что и случится.

Жаль, что ты ушел от общения с нововременцами. Это хоть и зулусы, но умные зулусы, и у них многому можно поучиться. Но, послушай, разве корректорство так обязательно? Разве только оно дает тебе право входа в храм славы? Извини, но мне кажется, ты малодушничаешь. Ты мнительный человек и из мухи делаешь протодьякона. Я корректурой не занимался, но думаю, что нашел бы себе в редакции и место и общество. Ведь ты строчил субботники? Строчишь мелочь? Что же тебе еще нужно?

В последний свой приезд в Питер я имел случай наблюдать твои отношения к составу редакции и, наоборот, состава к тебе. Насколько я понял, Буренину и Эльпе ты симпатичен, Маслову и полковнику неведом, а Суворину совсем незнаком. Уж коли желаешь водить компанию с людями, то не мешай им понять тебя. Потолкуй с Сувориным о театре и о литературе, с Масловым о трудностях военной службы - невелик труд, а они поймут, что ты не бирюк и не имеешь против них ничего. А коли будешь стараться держать себя на равной ноге и уважать себя в их обществе, то и еще того лучше…

Ты для "Нов«ого» времени" нужен. Будешь еще нужнее, если не будешь скрывать от Суворина, что тебе многое в его "Нов«ом» времени" не нравится. Нужна партия для противовеса, партия молодая, свежая и независимая, а Готберги и Прокофьевы, видящие в Суворине Гаврилова и благоговеющие ради мзды, не годятся и бесполезны. Я думаю, что будь в редакции два-три свежих человечка, умеющих громко называть чепуху чепухой, г. Эльпе не дерзнул бы уничтожать Дарвина, а Буренин долбить Надсона. Я при всяком свидании говорю с Сувориным откровенно и думаю, что эта откровенность не бесполезна. "Мне не нравится!"-этого уж достаточно, чтобы заявить о своей самостоятельности, а стало быть, и полезности. Сиди в редакции и напирай на то, чтобы нововременцы повежливее обходились с наукой, чтобы они не клепали понапрасну на культуру; нельзя ведь отрицать культуру только потому, что дамы носят турнюр и любят оперетку. Коли будешь ежедневно долбить, то твое долбление станет потребностью гг. суворинцев и войдет в колею; главное, чтобы не казаться безличным. Это главное. Впрочем, об этом поговорим.

Ты о судьбе открытого письма о Суворине и "Моск«овских» вед«омостях»" не написал мне ни слова.

Ты не забудь сообщить, как, судя по слухам, идет моя книга? Послан ли экз«емпляр» в "Новости"?

А Буренину напомни, что он обещал писать о моей книге.

Поклон всей твоей кутерьме с чадами, чадиками, цуцыками. А главное, не пей.

Прощай.

А. Чехов.

304. Я. А. КОРНЕЕВУ

9 сентября 1887 г. Москва.

Многотерпеливе и многомилостиве! Иже праведные любяй и грешные милуяй!

Вместо платы за квартиру посылаю Вам том моих экскрементов. За квартиру же -

увы! - уплачу через сто лет (или же ранее, при первой получке). Если не согласны, то подавайте мировому.

Банкрот А. Чехов.

305. Н. А. ЛЕЙКИНУ

11 сентября. 1887 г. Москва.

11 сент.

Тысяча благодарностей, Николай Александрович! Ура Вам и живьо! Во-первых, большое спасибо за "Врача", которого я получил сегодня и буду читать на сон грядущий. Убедительно прошу почтовые расхода (60 коп.) записать в мой счет, дабы расходы сии не отвадили Вас продолжать Вашу любезность до конца.

NB. Вы недурно сделали, что выслали "Врача" бандеролью; посылки получать ужасно трудно и недешево. Если когда-либо придется Вам посылать мне посылку, то пишите "с доставкой", - это стоит дешевле, чем извозчик в почтамт и обратно.

Во-вторых, большое спасибо за объявление о моей книге и за рецензию, которой Вы не отказали дать место.

В понедельник я послал Вам рассказ. Вы должны были получить его во вторник. Вообще я буду посылать рассказы по понедельникам.

Да, я долго не писал, но сие не значит, что я заткнул фонтан. Увы, фонтан сам не хотел бить! Недели три я малодушно предавался меланхолии; не хотелось глядеть на свет белый, перо валилось из рук, одним словом - "невры", которых Вы не признаете. Я был так психически настроен, что решительно не мог работать. Причина смешанная: плохая погода, кое-что семейное, безденежье, перевозка и проч. Ныне я немножко воспрянул духом и помаленьку работаю. В "Газету" рассказ послан.

Какой же трусище Ваш брадатый Тимофей! Если кучер в ночную езду берет с собой шкворень или иное сарайное орудие, то это первый признак, что он при виде воров накладет в свои плисовые шаровары и убежит от хозяина. Вы его как-нибудь попужайте.

В Вашем новом доме, судя по Вашим письмам, будет всю зиму вонять краской и, пожалуй, будет сыро. Смотрите, как бы опять не пришлось лечиться! Разболится голова раз-другой, разноется грудь, вот и начнете мечтать о ялаппе с содой да mag«istherium» bism«uthi».

Пальмина я не вижу. Где он?

Я читал "Сев«ерный» вестник". Рецензия не столько партийная, сколько умная, или, как говорят жиды, "вумная". Прочел я и очень мало понял…

Была рецензия в 244 № "Моск«овских» вед«омостей»". Недурно, и длинно, и чувствительно. Про меня почему-то все чувствительно пишут.

Как мои "Пестрые рассказы"? Напишите мне, в каком они положении.

Как здоровье В. В. Билибина? Все ли он кажется человеком, готовым заболеть? Я буду ему писать сегодня, он ответит, но о здоровье ничего не напишет. Неумно сделала "Газета", что отказалась от такого сотрудника: 1) молод, 2) несомненно талантлив, 3) нуждается в частой газетной работе. Работников нужно собирать в кучу, а не разгонять.

У нас тепло. Прощайте и поклонитесь Вашим.

Дочь станового вышла замуж?! Очень рад, что не помешал г. квартальному породниться со становым. Думаю, что этот мой патриотический поступок будет достаточно оценен. Но… хорош и Вы, редактор либерального журнала! Хотели либерального сотрудника отдать в руки полиции, отдать всего, даже с детородными способностями! Нехорошо-с.

Я купил (или, вернее, мне подарили) новую кабинетную лампу. Прощайте.

Ваш А. Чехов.

306. М. В. КИСЕЛЕВОЙ

13 сентября 1887 г. Москва.

13 сентябрь. Несчастливое число.

У меня новая лампа, многоуважаемая Мария Владимировна, все же остальное скучно, серо и старо, как реплики Екатерины Васильевны. Рад бы убить Вашу скуку, но - увы - нет пороха. Новых мыслей нет, а старые перепутались в голове и похожи на червей в зеленой коробке, постоявших деньков пять на припеке. О чем же писать? О том, что я безденежен и глух? Это Вам уже известно…

Вот что, опишу-ка я Вам свое гнусное поведение. Жизнь вошла в колею. Обедаю в 7 часов, ложусь в 2 ночи. Погоды не замечаю и не чувствую. Пишу и читаю рецензии. Рецензий было много, и между прочим в "Северном вестнике". Читаю и никак не могу понять, хвалят меня или же плачут о моей погибшей душе? "Талант! талант! но тем не менее упокой господи его душу" - таков смысл рецензий. "В сумерках" идет недурно.

Два раза был в театре Корша, и в оба раза Корш убедительно просил меня написать ему пьесу. Я ответил: с удовольствием. Актеры уверяют, что я хорошо напишу пьесу, так как умею играть на нервах. Я отвечал: merci. И, конечно, пьесы не напишу. Пусть Голохвостикова пишет, а мне решительно нет никакого дела ни до театров, ни до человечества… Ну их к лешему!

На днях я продал кусочек своей души бесу, именуемому коммерцией. На падаль слетаются вороны, на гениев издатели. Явился ко мне Вернер, собачий воротник, издающий книжки на французско-кафешантанный манер, и попросил меня отсчитать ему десяточек каких-нибудь рассказов посмешнее. Я порылся в своем ридикюле, выбрал дюжину юношеских грехов и вручил ему. Он вывалил мне 150 целкашей и ушел. По условию, рассказы идут только на одно издание*, за второе же издание плата особая… Не будь я безденежен, собачий воротник получил бы кукиш с маслом, по увы! я беднее, чем Ваш осел. Не купите ли Вы у меня рассказов? Для Вас я уступил бы по рублю за сотню. У меня их больше, чем в купальне малявок.

Вчера у нас от обеда до поздней ночи сидел Тышечка без шапочки, а сегодня в первый раз после нашего приезда была Эфрос с носом, в новой шляпке. Яшеньки еще не приходили. Бестурнюрная Зиночка бывает ежедневно. M-lle Syrout я еще не видел, но образ се не покидает меня ни на минуту.

Далее возвышалась полная спина, нежно очерченная округленными линиями, которые сливались с тонкими мягкими контурами мраморной шеи, отливавшей чудной матовой белизной, сильно оттеняемой задорно вившимися пепельными шелковистыми волосками.

Об остальных моих поломанных куклах позвольте умолчать.

Собачка без спины, которую наш Корнеев зовет гиеной, здравствует. Кот Федор Тимофеич изредка приходит домой пожрать, все же остальное время гуляет по крышам и мечтательно поглядывает на небо. Очевидно, пришел к сознанию, что жизнь бессодержательна. Сегодня я и милейшая Ма-Па ходили сниматься: я - для того, чтобы продавать свои карточки почитателям моего таланта, а она для раздачи женихам. Мою книжку Вы получите непрррременно… Рубль прошу отдать Алексею Серг«еевичу», которому я имею несчастье быть должным. Ваши анекдоты пошлю Лейкину тотчас же, когда перестану быть должен Лейкину, иначе он возьмет их в счет моего долга.

Зеленые деревья Садовой напоминают мне Бабкино, в котором я отшельником провел три года незаметных (если только отшельником называется человек, к«ото»рый мало пишет, пьет по вечерам водку и страдает нервной зевотой).

Поклоны всем: Алексею Сергеевичу, Василисе с ее пятифранковой монетой, Сергею с его куклами и Елизавете Александровне. За поцелуй Екатерины Васильевны merci. Я

влеплю его кому-нибудь вместо мушки. Наши все здравствуют. Скука удручающая. Жениться, что ли?

Ну, будьте здоровы и да хранит Вас всех аллах!

Уважающий и преданный

А. Чехов. * 1200 экз«емпляров», к«ото»рые, по условию, должны продаться в? года.

307. Ал. П. ЧЕХОВУ 25 сентября 1887 г. Москва.

25 сент.

Ну, Гусев, надевай штаны и иди в "Пет«ербургскую» газ«ету»" за гонореей. Счет:

№ 252-312 строк.

№ 259-? (этот № у меня пропал).

№ 266-? (этот выйдет 28 сентября).

Потребуй у конторщика 259 и 266 номера, сочти строки и требуй деньги. Если не дадуть, то скажи, что у тебя голодные дети. Идти тебе придется в понедельник 28, когда выйдет 266 № с моим последним сентябрьским рассказом.

О получении этого счета уведомь меня открытым письмом, дабы я был покоен.

На тебя батька в обиде:

1) он не получил ответа на письмо, которое послал к твоим именинам, и

2) никогда не сек за черепа тебя и чужого гимназиста - это диффамация.

Деньги вышлешь переводом.

Вот уже три дня, как Николай живет у меня.

Вернулся ли Суворин?

Как идет моя книга? Что о ней брешут? Напомни как-нибудь слегка Буренину о его обещании написать о моей книге.

В Москве "Сумерки" покупаются недурно. Послан ли 1 экз«емпляр» полковнику Николаю Карлычу в "Петерб«ургские» ведомости"?

Кланяйся своим, будь здрав, пиши сию минуту открытое письмо, а с волковским векселем вышли письмо побольше. С нетерпением жду.

Tuus А. Чехов.

Закажи в "Пет«ербургской» газ«ете»" объявление о "Сумерках" на 1 странице.

308. М. В. КИСЕЛЕВОЙ

28 сентября 1887 г. Москва.

28 сент.

Многоуважаемая

Мария Владимировна!

Посылаю Вам рецензию. В ней Вы прочтете, что всякий не признающий меня гением - психопат. Вырезана она из "Нового времени", и Вы премного меня обяжете, если сохраните ее: приеду зимой и возьму ее.

Рецензии о себе читаю почти ежедневно и привык к ним, как Вы, должно быть, уже привыкли к шуму дождя. Была, между прочим, рецензия в "Правительственном вестнике" (№ 197), весьма хвалебная. Стало быть, моя литература имеет теперь некоторым образом правительственную санкцию: если Алексею Сергеевичу вздумается хулить мои произведения, то он рискует попасть в Петропавловскую крепость.

Все наши живы и здоровы. Насчет собственного жития могу смело сказать то же самое, что сказали попы, уезжая от Вас после обеда: "Сухо!" Ни денег, ни здоровья, ни радостей, а так, черт знает что…

Сережу поздравляю с прошедшими именинами, а Алексею Сергеевичу, Василисе и Елизавете Александровне салютую.

Прощайте, будьте здоровы и верьте в доброжелательство искренно преданного

Гения Чехова.

Вчера Ма-Па видела m-lle Syrout. Последняя - ужасно разодетая, с подкрашенными веками и со страусовыми хвостами на голове - обещалась быть у нас в скором времени. Но увы! меня теперь даже и это не радует…

Одно письмо уже послано Вам. Книга тоже. Через 3 дня сяду писать владельцу Бабкина… (Kisselhoff…).

309. Л. Н. ТРЕФОЛЕВУ

30 сентября 1887 г. Москва.

30 сент.

Вы, уважаемый Леонид Николаевич, предлагаете мне выбирать одно из двух: Вашу карточку или "Уедин«енного» пошехонца". Как человек жадный, я хотел бы получить "того и другого по полному стакану". Верую и исповедую, что книга моя не стоит двойной платы, но да вспомнит Ваша великодушная муза Гамлета, который весьма резонно советует (Полонию) воздавать каждому не по заслугам, а выше заслуг. Карточку Вашу я сопричту к литераторам, украшающим мой стол, а книгу и альбом прочту, переплету (25 коп.) и пущу в обращение.

Ваш портрет я не раз видел у Лейкина и, кажется, у Пальмина, так что Ваше лицо для меня не составляет секрета. Зачем Вы так седы? К поэтам седина так же не идет, как папская тиара к принцу Кобургскому.

От болезни, о которой Вы пишете, я с удовольствием возьмусь лечить Вас и, конечно, не вылечу; принимаю я ежедневно от 12 до 3 часов, для литераторов же мои двери открыты настежь день и нощь. В 6 часов вечера я всегда дома. Пишу это на случай, если будете в Москве и не побрезгуете поболтать с прозаиком о текущих делах. (О Болгарии, чиншевиках, элеваторе, о кавказском транзите и проч.) Живу я в Кудрине, против 4«-й» женской гимназии, в доме Корнеева, похожем на комод. Цвет дома либеральный, т. е. красный.

Нужно было потратить много времени и хитрости, чтобы украсть для Вас свою харю, - вот причина, почему я опаздываю ответом на Ваше прелестное письмо. Украденную харю посылаю.

За сим, пожав Вам руку, в ожидании даров пребываю искренно преданным

А. Чехов.

310. Ф. О. ШЕХТЕЛЮ

Конец сентября 1887 г. Москва.

Sire! Николай жил у меня 2-3 дня и вчера вечером улетучился, сказав, что сегодня будет у Вас. Вчера в Москву прибыла г-жа Ипатьева. Такая путаница, что я решительно ничего не пойму. Николай отбрехивается от кувалды, врет, что все 10 дней прожил у какого-то "почтенного старичка"… но отвык я ему верить.

Если сегодня он придет ко мне, то я моментально дам Вам знать.

Ваш А. Чехов.

Почтение Наталье Тимофеевне.

311. Я. А. КОРНЕЕВУ

Сентябрь 1887 г. Москва.

Яков Алексеевич!

Посылаю Вам сию тарелку с Вашими домами. Изображено студиозом.

А. Чехов.

87 год.

312. Я. А. КОРНЕЕВУ

Октябрь, после 2, 1887 г. Москва.

Ваше поручение, пан полковник, уже исполнено, и завтра в 3 часа пополудни Суворин будет читать Вашу статью. В случае, если статью признает он неудобной (что весьма возможно, ибо Вы запоздали, да и не совсем дипломатично со стороны газеты поднимать вновь вихрем улегшийся и затихший вопрос), то оная статья будет возвращена, но уж Суворину все-таки Вы будете известны до гробовой доски и можете рассчитывать в будущем на его услуги и серьезное внимание, так как я расписал Вас ему вовсю, без зазрения совести. Напрасно только Вы приложили рецензию "Моск«овских» ведомостей". Суворин теперь на ножах с этой газетиной и, вероятно, видеть ее не может после смерти Каткова. Впрочем, это не важно.

Во всяком случае с того дня, как Вы станете сотрудником "Нового времени", я буду подстерегать Вас, как убийца, из-за угла, чтобы стянуть с Вас магарыч. Про Вас я, между прочим, написал: "на Дону и среди студенчества он (т. е. Вы) пользуется большою популярностью". За такую правдивую и основательную рекомендацию Вы не откупитесь бутылкой "полусухого вяленого"…

Будьте здоровы.

Ваш есаул

А. Чехов.

Сия помарка была ранее. Простите за нее. Я неряшлив в писании и стал писать, не поглядев на обратную сторону листка.

313. Н. М. ЕЖОВУ

5 октября 1887 г. Москва.

Добрейший

Николай Михайлович!

Моя пьеса готова. Если Вы не раздумали помочь мне, то пожалуйте завтра, во вторник, этак в десятом часу утра. У нас позавтракаете и пообедаете.

Будьте здравы.

Ваш А. Чехов.

Если не будете, то уведомьте. На обороте:

Здесь.

Плющиха, 3-й Тишинский пер., д. Баскакова Николаю Михайловичу Ежову.

314. Ал. П. ЧЕХОВУ 6 или 7 октября 1887 г. Москва.

Милейший Гусев!

Письмо и деньги получены.

Буренину скажи, что я уполномочил тебя передать ему мою искреннюю благодарность за его рецензию, которую я сохраню для своего потомства. Передай ему, что рецензию читал я вместе с Короленко, к«ото»рый вполне согласен с ним. Рецензия превосходная, но г. Буренину не следовало бы в ложку меду лить бочку дегтю, т. е., хваля меня, смеяться над мертвым Надсоном.

Все наши здравствуют. Николай бывает налетом.

Попроси Федорова или Бежецкого поместить в театральной хронике заметку: "А. П. Чеховым написана комедия "Иванов" в 4-х действиях. Читанная в одном из московских литературных кружков (или что-нибудь вроде), она произвела сильнейшее впечатление. Сюжет нов, характеры рельефны и проч.".

Это коммерческая заметка. Пьеса у меня вышла легкая, как перышко, без одной длинноты. Сюжет не бывалый. Поставлю ее, вероятно, у Корша (если последний не будет скуп).

Вот и все. О заметке постарайся. Она набавит цену. В заметке хвалить не нужно, а ограничься общими местами. Кланяйся своим и сообщи свой новый адрес.

Не простудись.

Tuus А. Чехов.

Скажи Буренину и Суворину, что у меня был Короленко. Я проболтал с ним три часа и нахожу, что это талантливый и прекраснейший человек. Скажи, что, на мой взгляд, от него можно ожидать очень многого.

315. Н. А. ЛЕЙКИНУ

7 октября 1887 г. Москва.

7 окт.

Добрейший Николай Александрович, первее всего поздравляю Вас с новосельем и посылаю Вам мысленно сдобный кулич и соль. Желаю от души, чтобы Ваша новая изба была красна и углами и пирогами.

Наверное, Вы сердитесь, что я не шлю рассказов. Увы, я никуда не шлю их! То болею, то хандрю; время пропадает даром, а денег нет. Вообще положение не из аховых.

Вы пишете, чтобы я вымаклачил у "Будильника" объявление для своей книги. Простите, я Вас не послушаю. Будильниковцы мне приятели, но одолжаться у них я не хочу и не могу. Есть люди, любезность которых действует хуже наглости. У Вас или у Билибина я попрошу что хотите и не буду чувствовать себя неловко, просить же у Левинского для меня нож. За деньги - извольте, напечатаю. Перед Рождеством я напечатаю объявление во всех моск«овских» газетах.

Что будильниковцы поступили со мной нетактично (затмение), я знаю. Эти господа, в силу ли своей бездарности или московской распущенности, считают верхом остроумия фамильярничанье с публикой и с сотрудниками. Манера некрасивая. Нет того номера, в котором не была бы затронута публика, сотрудник или актер… В цирке клоуны - любимцы публики, глупые и избалованные, любят держаться этой манеры…

Что Вы набавили цену журналу, это не беда, но зачем печатать об этом крупным шрифтом? Чем незаметнее, тем лучше, а у Вас целая вывеска.

Задачу для подписчиков придумывал, но… еще подумаю.

Ваш "Айвазовский" мне так понравился, что я послал его своему домохозяину, а сей последний - любитель веселого чтения - снес его в Клиники, где и читал вслух.

Критика: у Вас "На охоте" охотники стреляют куропаток в лесу. Куропатки бывают на опушке леса, а в лесу на деревьях никогда.

Когда Вы будете в Москве?

Ах! В тяжкие минуты безденежья, когда я повесив нос сидел у себя в кабинете и поглядывал на отдушники, явились ко мне мои приятели братья Вернеры и попросили у меня полтора десятка мелких рассказов, уже бывших в печати. Я отсчитал им, они заплатили мне 150 р. и ушли. Они теперь издательствуют.

У меня часто бывает Ежов. Хороший парень.

Кланяйтесь Вашим. Пишите, и я буду Вам писать.

Прощайте.

Ваш А. Чехов.

316. Ал. П. ЧЕХОВУ 10 или 12 октября 1887 г. Москва.

Гусиных!

Твое письмо получено; чтобы не лежать в постели и не плевать в потолок, сажусь за стол и отвечаю.

Сестра здрава и невредима. Интересуется литературой и ходит к Эфрос. Недавно снималась. Если хочешь получить карточку, то напиши ей.

Мать согласна починить не только рубахи, но даже и твою печенку. Присылай. Денег на расходы не нужно, ибо у нас тряпья много. Сетует на тебя мать за то, что не пишешь ей.

Я болею и хандрю, как курицын сын. Перо из рук валится, и я вовсе не работаю. Жду в близком будущем банкротства. Если не спасет пьеса, то я погыб во цвете лет. Пьеса может дать мне 600-1000 рублей, но не раньше средины ноября, а что будет до этой середины, не ведаю. Писать не могу, а все, что пишу, выходит дрянью. Энергия - фюйть! вроде alle Juden aus Paris - fьit!* Темы есть, а остального прочего кот наплакал.

Царапаю субботник, но с грехом пополам и на тему, к«ото»рая мне не симпатична. Выйдет плох, но я все-таки пошлю его.

В "Рус«ских» вед«омостях»" платят 15 коп. за строку. Из "Севера" меня приглашают и обещают: "получите, что хотите". Зовут в "Р«усскую» мысль" и в "Сев«ерный» вестник". Суворин сделал бы недурно, если бы прибавил гонорару. Коли Кочетов получает 300 в м«еся»ц, а Атава, кроме жалованья, 20 к. за строку, мне, пока я не выдохся, было бы не грешно получать по-людски, а не гроши. Я себя обкрадываю, работая в газетах… За "Беглеца" получил я 40 р., а в толстом журнале мне дали бы за 1/2 печатного листа… Впрочем, все это пустяки.

Пьесу я написал нечаянно, после одного разговора с Коршем. Лег спать, надумал тему и написал. Потрачено на нее 2 недели или, вернее, 10 дней, так как были в двух неделях дни, когда я не работал или писал другое. О достоинствах пьесы судить не могу. Вышла она подозрительно коротка. Всем нравится. Корш не нашел в ней ни одной ошибки и греха против сцены - доказательство, как хороши и чутки мои судьи. Пьесу я писал впервые, ergo** - ошибки обязательны. Сюжет сложен и не глуп. Каждое действие я оканчиваю, как рассказы: все действие веду мирно и тихо, а в конце даю зрителю по морде. Вся моя энергия ушла на немногие действительно сильные и яркие места; мостики же, соединяющие эти места, ничтожны, вялы и

шаблонны. Но я все-таки рад; как ни плоха пьеса, но я создал тип, имеющий литературное значение, я дал роль, к«ото»рую возьмется играть только такой талант, как Давыдов, роль, на которой актеру можно развернуться и показать талант… Жаль, что я не могу почитать тебе своей пьесы. Ты человек легкомысленный и мало видевший, но гораздо свежее и тоньше ухом, чем все мои московские хвалители и хулители. Твое отсутствие - для меня потеря немалая.

В пьесе 14 действ«ующих» лиц, из коих 5 - женщины. Чувствую, что мои дамы, кроме одной, разработаны недостаточно.

После 15 справься в конторе насчет продажи "Сумерек". Чем черт не шутит? Может быть, мне на мою долю перепадет грош…

Спроси Суворина или Буренина: возьмутся ли они напечатать вещь в 1500 строк? Если да, то я пришлю, хотя я сам лично против печатания в газетах длинных канителей с продолжением шлейфа в следующем №. У меня есть роман в 1500 строк, не скучный, но в толстый журнал не годится, ибо в нем фигурируют председатель и члены военно-окружного суда, т. е. люди нелиберальные. Спроси и поскорей отвечай. После твоего ответа я быстро перепишу начисто и пошлю.

Заньковецкая - страшная сила! Суворин прав. Только она не на своем месте. Если по милости твоей Буренин съел гриб, то это не беда: твоим языком двигала не инерция, а рука всевышнего… Правду не мешает говорить иногда. Кланяйся.

А. Чехов. * все евреи из Парижа - фюйть! (нем.) ** следовательно (лат.).

317. В. А. ГИЛЯРОВСКОМУ

Октябрь, после 10, 1887 г. Москва.

Гиляй, не хотите ли Вы сегодня в цирк? Если да, то мы ждем Вас к 6 1/3 часам, если же нет, то одолжите сезонный билетик (идем я и Иван). Не откажите в одолжении человеку, обремененному многочисленным семейством. Поклон Марии Ивановне и невинным младенцам.

Ваш А. Чехов.

Имеются вести о Вашем суббббботнике.

318. В. Г. КОРОЛЕНКО

17 октября 1887 г. Москва.

17 окт.

Посылаю Вам большое спасибо, уважаемый Владимир Галактионович, за книгу, которую я получил и теперь вновь перечитываю. Так как мои книги у Вас уже есть, то мне поневоле приходится ограничиться посылкой одного только спасибо.

Кстати, чтобы письмо вышло не совсем коротко, скажу Вам, что я чрезвычайно рад, что познакомился с Вами. Говорю я это искренно и от чистого сердца. Во-первых, я глубоко ценю и люблю Ваш талант; он дорог для меня по многим причинам. Во-вторых, мне кажется, что если я и Вы проживем на этом свете еще лет 10-20, то нам с Вами в будущем не обойтись без точек общего схода. Из всех ныне благополучно пишущих россиян я самый легкомысленный и несерьезный; я на замечании; выражаясь языком поэтов, свою чистую музу я любил, но не уважал, изменял ей и не раз водил ее туда, где ей не подобает быть. Вы же серьезны, крепки и верны. Разница между нами, как видите, большая, но тем не менее, читая Вас и теперь познакомившись с Вами, я думаю, что мы друг другу не чужды. Прав я или нет, я не знаю, но мне приятно так думать.

Кстати же посылаю Вам вырезку из "Нового времени". Этого Торо, о котором Вы из нее узнаете, я буду вырезывать и беречь для Вас. Первая глава многообещающая; есть мысли, есть свежесть и оригинальность, но читать трудно. Архитектура и конструкция невозможны. Красивые и некрасивые, легкие и тяжеловесные мысли нагромождены одна на другую, теснятся, выжимают друг из друга соки и, того и

гляди, запищат от давки.

Когда приедете в Москву, я вручу Вам этого Торо, а пока прощайте и будьте здоровы.

Моя пьеса, вероятно, будет поставлена у Корша. Если да, то о дне постановки сообщу. Быть может, этот день совпадет с днями Вашего приезда в Москву. Тогда милости просим.

Ваш А. Чехов.

319. Г. М. ЧЕХОВУ

17 октября 1887 г. Москва.

17 ок.

Большое тебе спасибо, милый братуха, за то, что не забываешь меня и не бранишь за мое долгое молчание. Отчего я пишу редко, ты можешь понять, если вообразишь меня в моем кабинете. Пишу я целый день и до того дописался, что стало противно держать в руках перо. Я давно собирался ответить тебе на твое последнее письмо, но был сильно занят в последнее время. Вот доказательство:

Ан. П. Чеховым, как мы слышали, написана комедия в четырех действиях, под заглавием: "Иванов". Сюжет пьесы нов. Первая постановка на сцену предполагается в Москве.

Кроме этого, у меня было много срочной работы и деловой переписки. Только и отдыхаю, когда езжу к больным. Не бываю ни в театрах, ни в гостях, так что мамаша и тетя Ф«едосья» Я«ковлевна» прозвали меня за домоседство "дедом". Жду лета и тогда опять начну ездить по белу свету и отдыхать.

Нового у нас нет ничего. Живем хорошо, не нуждаемся и все здоровы. Твой дядя П«авел» Е«горович» сильно стареет, но по-прежнему бодр. С каждым годом он делается все мягче и добрее. Живет он у Вани на казенной квартире, где для него имеется особая комната; проводит дни и ужинает он у меня.

Моя последняя книжка, изданная Сувориным, идет превосходно. Могу похвастать, что у меня торговля идет гораздо лучше, чем у Лободы. Я, брат, стал купцом. Продаю статьи, пьесы, книги и медицинские советы. За пьесу получу не меньше тысячи рублей; на днях продал одному издателю полтора десятка завалящих, уже бывших в печати, старых рассказов за 150 руб. Продал на одно издание. И так далее. Одним словом, торговля кипит.

Продолжай писать мне по адресу: "Кудринская Садовая, д. Корнеева". Напиши мне:

1) Что нового?

2) Как здоровье моих дяди и тети? Как ухо?

3) Где Володя?

Саня и Печерица пусть не думают, что я забыл о них. Я отлично помню, как они летом собирались меня побить. Посылаю им обеим мою карточку, которую и потрудись вручить им.

Сообщи адрес Анисима Васильича.

Не забыл ли я у Вас книгу: "В стране мантильи и кастаньет" соч«инение» Бежецкого? Если забыл, то при оказии перешли ее мне. Я дорогой растерял немало книг.

Скажи папе, что мне было бы весьма приятно получить от него письмо. Я ценю его дружбу. Передай всем самый низкий поклон, будь здоров, трудись, учись, гуляй и не забывай меня.

В "Новом времени" я описал Святые горы. Один молодой человек, архиерейский

племянник, рассказывал мне, что он видел, как три архиерея читали это описание: один читал, а двое слушали. Понравилось. Значит, и в Св«ятых» горах понравилось. Заработал я, благодаря Св«ятым» горам, сто рублей. Описывал степь. Описание степи понравилось очень многим, особенно в Питере. Прощай. Жду письма.

Твой А. Чехов.

Насчет поучений о. Бандакова справлюсь у Суворина, когда буду в Питере, и тотчас же отвечу дяде.

Скажи Маме, что я не забыл про семена. Пришлю, но с условием, что Саня займется садиком по всем правилам искусства. Цветы можно у вас сеять не только в палисаднике, но и вдоль забора.

320. Н. А. ЛЕЙКИНУ

19 октября 1887 г. Москва.

19-го октября.

Добрейший Николай Александрович! Посылаю Вам рассказ и вместе с ним опускаю в почтовый ящик открытое письмо, уведомляющее о его рождении… В истекшую неделю я был здрав, хандры не чувствовал и работал; написал и Худекову, и Суворину, и Вам. Если здоровье останется таковым и до следующей недели, то пришлю рассказ и к следующему №.

Отчего Вы мне не пишете? Я послал Вам цидулу по адресу "Дворянская 14" и ответа (вопросов, впрочем, не было в письме) не получил.

Я написал пьесу в 4-х действиях. Если сойдусь в цене, она будет поставлена у Корша.

Еду в Новодевичий монастырь погребать Гилярова-Платонова.

Недавно из Москвы выехал в Брацлав Ежов. Он бывал у меня часто. Малый очень хороший и далек от сходства с представлением, какое мы привыкли иметь о газетчиках. У Пальмина еще ни разу не был. Боюсь, что пока я доеду к нему на извозчике, он переменит квартиру. Отчего у Вас не работает Агафопод? Судя по его письмам, в которых он мало говорит о своих работах вообще, он живет на одно только жалованье. Странно, что, умея писать, он не пишет.

Погода у нас смешанная, т. е. день - хорошо, день - скверно.

Нет ли каких-нибудь новостей в мире литературном?

Перед Рождеством я пущу объявления о "Пестр«ых» рассказах", а книги моей нигде нет в Москве. Есть она только у Салаева и Ступина - магазины, куда ходят только за учебниками. Салаев не популярен в Москве. За беллетристикой к нему никто не пойдет.

"В сумерках" Вы получите непременно. Простите за невежество, в к«ото»ром я не виноват.

Поклонитесь всем Вашим и будьте здоровы.

Ваш А. Чехов.

321. Л. Н. ТРЕФОЛЕВУ

19 октября 1887 г. Москва.

19.

Уважаемый

Леонид Николаевич!

В ответ на Ваше последнее письмо я послал Вам цидулу и свою карточку. Это было давно, так давно, что, не получая ответа, я начинаю подозревать, что Вы не получили карточки. Если не получили, то уведомьте.

Жму Вам руку и пребываю уважающим А. Чехов. На обороте:

Ярославль,
Губернская земская управа
Его высокоблагородию
Леониду Николаевичу Трефолеву.
322. И. К. КОНДРАТЬЕВУ

21 октября 1887 г. Москва.

21 окт.

Уважаемый

Иван Кузьмич!

Большое Вам спасибо за Вашу готовность сделать мне приятное. Иметь картину г. Саврасова я почитаю для себя за большую честь, но дело вот в чем. Хочется мне иметь "Грачей". Если я куплю другую картину, тогда придется расстаться с мечтою о "Грачах", так как я весьма безденежен.

Жму Вам руку и прошу поклониться Николаю Аполлоновичу.

Ваш А. Чехов.

323. Ал. П. ЧЕХОВУ 21 октября 1887 г. Москва.

Гусев! Твое письмо получил, прочел и, откровенно говоря, развел руками: или ты дописался до зеленых чертиков, или в самом деле ты и Суворин введены в заблуждение. Пушкинская премия не может быть мне дана. Это раз. Во-вторых, если бы мне и дали ее, во что я не верю, то я наживу столько нареканий, особливо в Москве, столько хлопот и недоумении, что и пятистам рад не будешь. Премию я мог бы взять только в том случае, если бы ее поделили между мной и Короленко, а теперь, пока еще не известно, кто лучше, кто хуже, пока во мне видят талант только 10-15 петербуржцев, а в Короленко вся Москва и весь Питер, дать мне премию - значило бы сделать приятное меньшинству и уколоть большинство. Не говори этого Суворину, ибо он, насколько помнится, не читает Короленко, а потому и не поймет меня.

Роман еще не переписан. Вместо него посылаю сейчас большой, фельетонный рассказ, который не понравится, ибо написан (по свойству своей темы) боборыкинскою скорописью и специален. На случай могущих быть сомнений предваряю тебя, аки члена (с«…») редакции, что описанные в рассказе безобразия так же близки к истине, как Соболев пер«еулок» к Головину пер«еулку».

Пьеса моя пойдет у Корша в конце ноября или в начале декабря в чей-нибудь бенефис. Условия: проценты со сбора - не менее 8%*. Полный сбор у Корша = 1100-1500, а в бенефисы - 2400. Пьеса пойдет много раз. Похвалы, ей расточаемые, равно как и надежды на предстоящий гешефт, несколько прибодрили меня. Все-таки чего-то ждешь… Если не пропустит ее цензура, что сомнительно, то я… вероятно, не застрелюсь, но будет горько.

При рассказе я приложил письмо к Суворину с просьбой выдать тебе сейчас 100 руб. для пересылки мне. Чахну от безденежья.

Где Григорович?

Отче, пошли или снеси мои "Сумерки" в редакцию "Русского богатства". Вложи в пакет, напиши: "Редакт«ору» "Русского бог«атства»" и, если до редакции далеко, снеси в магазин Цинзерлинга, что на Невском, и попроси в оном магазине передать Оболенскому. Надпиши: "по поручению автора".

Поручения мои исполняй не морщась. Ты будешь вознагражден отлично: тебя упомянет в моей биографии будущий историк: "Был-де у него брат Алексей, к«ото»рый исполнял его поручения, чем немало способствовал развитию его таланта". Для моего биографа не обязательно знать, как тебя зовут, но по подписи "Ал. Чехов" ему будет нетрудно догадаться, что тебя зовут Алексеем.

Посылаю тебе 2 марки. Лопай!

Неужели ты серьезно веришь в Пушкинскую премию? Ее не дадут уж по одному тому, что я работаю в "Нов«ом» времени".

А Суворину и Полонскому спасибо. Их хлопоты и стремления увенчать мое чело лаврами для меня дороже премий (рассуждая духовно).

Я скоро напишу такой субботник, что ты не только почувствуешь «…» и разобьешь его о пол.

В "Развлечении" появились литературные враги. Кто-то напечатал стихотв«орение» "Тенденциозный Антон", где я назван ветеринарным врачом, хотя никогда не имел чести лечить автора.

Вернеры лошадей свели с жилеток в конюшни и теперь гарцуют по улицам. Женька ужасно похож на Федора Пантелеича. Бывают оба у меня. Очень приличны и комильфотны. Рассуждают дельно. Шехтель женился. Одна из Эфросов выходит замуж. Что еще? Был на кладбище и видел, как хоронили Гилярова.

Гиляй издает книгу "Трущобные люди" - издание неплохое, но трущобно. Прощай и пиши.

Тенденциозный Антон.

Президент Академии наук не Грот, а гр. Толстой, министр внутр«енних» дел. Грот только академик, ведающий словесную часть. Газетчику это надо знать. Здравие мое лучше. Я снялся в таком же формате, как Марья, и, если желаешь, могу продать тебе одну карточку. Скажи Буренину, что субботник я пришлю очень скоро. Есть ли у Петерсена "сумерки"? Отчего он о них не пишет? Хоть он и скверно пишет, а все-таки реклама.

Кто кому нос утер: Пржевальский Георгиевскому или наоборот? Поди разбери их… Чтоб сказать, кто из них прав, надо самому ехать в Китай. Пришли что-нибудь в "Сверчок". Напечатают и заплатят аккуратно. * Кроме 5 р. с акта, к«ото»рые забираются агентом Общества драмат«ических» писателей.

324. Ал. П. ЧЕХОВУ 21 октября 1887 г. Москва.

21.

Гусев! Случилось недоумение. Я написал тебе письмо, вложил в него карточку Марьи и, надписав "заказное", послал его с Мишкой в почтовое отделение. Мишка же, заглазевшись, просто прилепил к письму одну марку и опустил его в почтовый ящик. Получил ли ты это письмо? Если нет, то спеши уведомить, дабы оный Мишка* побег в почтамт и навел справку.

В письме я ответил на твои запросы. В "Нов«ое» вр«емя»" послан рассказ. Жду от тебя письма. Будь здрав и кланяйся Анне Ивановне с цуцыками.

А. Шаповалов. На обороте:

Петербург,

Пески, 3-я улица, 42, кв. 8

Александру Павловичу Чехову. * За дурной головой ногам больно.

325. Ал. П. ЧЕХОВУ 24 октября 1887 г. Москва.

24 ок.

Разбойник пера и мошенник печати!

Твое гнусное письмо с векселем получил, прочел и удивился твоему недоуменному уму. Штаны ты этакие, да разве я в своем письме упрекал тебя за конкурс, бранил, называл скверно? Я только высказывал тебе свои соображения, к«ото»рые ты мог принять или не принять тоже в соображение, независимо от того, послана книга на конкурс или нет… За хлопоты твои и старичины я могу только благодарить и низко кланяться, но что тут обидного для тебя, если я еще раз повторю, что, в случае, ежели премию мне дадут, я переживу немало хлопот? Я только приятельски жалуюсь и больше ничего…

Из присланной тобою вырезки явствует, что ты, я и Суворин можем успокоиться: решение конкурса воспоследует только в октябре будущего года! Это такая даль, что и думать о ней не можно… До этого срока могут народиться еще новые гении.

Что твои Аннушка и Танька воры, я давно знал. Они обкрадывали нашу прислугу.

Сырость для детей так же вредна, как голод. Заруби себе это на носу и выбирай квартиру посуше. Топи чаще и повесь в комнате термометр, каковой я непременно заведу, когда у меня будут дети.

Ты приглашаешь меня к себе на квартиру… Еще бы! Всякому приятно дать приют гениальному человеку! Хорошо, я сделаю для тебя одолжение… Только условие: вари для меня суп с кореньями, к«ото»рый у тебя особенно хорош, и предлагай мне пить водку не раньше 11 час«ов» вечера. Детского пения я не боюсь.

Получил я от Суворина письмо, которое едва разобрал. Непостижимо: как читают его наборщики? Пишет он мне о своей пьесе: "Я прел, прел за своей комедией, да так и бросил, когда взглянул этим летом на действ«ительную» русскую жизнь". Еще бы не преть! Современные драматурги начиняют свои пьесы исключительно ангелами, подлецами и шутами - пойди-ка найди сии элементы во всей России! Найти-то найдешь, да не в таких крайних видах, какие нужны драматургам. Поневоле начнешь выжимать из головы, взопреешь и бросишь… Я хотел соригинальничать: не вывел ни одного злодея, ни одного ангела (хотя не сумел воздержаться от шутов), никого не обвинил, никого не оправдал… Удалось ли мне это, не знаю… Пьеса непременно пойдет - в этом уверены Корш и актеры. А я не уверен. Актеры не понимают, несут вздор, берут себе не те роли, какие нужно, а я воюю, веруя, что если пьеса пойдет не с тем распределением ролей, какое я сделал, то она погибнет. Если не сделают так, как я хочу, то во избежание срама пьесу придется взять назад. Вообще штука беспокойная и вельми неприятная. Знал бы, не связывался.

В заключение все-таки поручение. Надень калоши и иди в "Пет«ербургскую» газету".

№ 287-361 строк

№ 294-?

Завтра* сей? выйдет. Спроси понедельницкий №, сочти строки, сложи и проч. Вышли переводом. Хотя я и дождусь того, что ты, соскучившись моею назойливостью, купишь за мой гонорар револьвер и выпалишь в меня, но я все-таки не унываю. Мне, когда я одолеваю тебя поручениями, льстит мысль, что моцион тебе полезен и что и ты некоторым образом участвуешь в кормлении моих зверей.

Романа еще не переписал, но субботник пишу и пришлю к субботе. Хотел бы я малость освежиться болтовнею с твоей особой. В башке накопилось много разного мусору.

А интересно было бы поглядеть: a) сколько стоит издание "Сумерек" и b) во скольких экземплярах они изданы. Надеюсь, что ты не в стачке с книгопродавцами и не пользуешься моим именем ради своей наживы.

На твое белье денег не нужно. Оно так плохо, что мать не знает, с какой стороны начать починку. Марья нашила цуцыкам штанов, чулков и всякой дряни. Это ее секрет, но я подглядел. Мать благодарит А«нну» И«вановну» за письмо. У матери

получить письмо - это событие. Прощай.

Твой недоброжелатель, * 26-го окт«ября».

326. Н. М. ЕЖОВУ

27 октября 1887 г. Москва.

27 окт.

Добрейший Николай Михайлович!

Ваши письма получены. Так как вопрос о Вашем левом глазе и жалованье можно теперь считать поконченным, то, минуя его, перейдем к текущим делам.

Вам, как шаферу моего "Иванова", считаю нелишним сообщить следующее. "Иванов" непременно пойдет в конце ноября или в начале декабря. Условие с Коршем уже подписано. Иванова будет играть Давыдов, который, к великому моему удовольствию, в восторге от пьесы, принялся за нее горячо и понял моего Иванова так, как именно я хочу. Я вчера сидел у него до 3-х часов ночи и убедился, что это действительно громаднейший художник.

Если верить таким судьям, как Давыдов, то писать пьесы я умею… Оказывается, что я инстинктивно, чутьем, сам того не замечая, написал вполне законченную вещь и не сделал ни одной сценической ошибки. Из сего проистекает мораль: "Молодые люди, не робейте!"

Конечно, Вы дурно делаете, что ленитесь и мало пишете. Вы "начинающий" в полном смысле этого слова и не должны под страхом смертной казни забывать, что каждая строка в настоящем составляет капитал будущего. Если теперь не будете приучать свою руку и свой мозг к дисциплине и форсированному маршу, если не будете спешить и подструнивать себя, то через 3- 4 года будет уже поздно. Я думаю, что Вам и Грузинскому следует ежедневно и подолгу гонять себя на корде. Вы оба мало работаете. Надо лупить вовсю, направо и налево. Никак не уломаю Грузинского написать субботник! Вашу милость тоже никак не убедишь посылать рассказы в "Осколки" непременно к каждому №. Чего Вы оба ждете, я решительно не понимаю. При скупой и робкой, нерешительной работе Вы дождетесь кукиша с маслом, т. е. испишетесь не писавши…*

Одним словом, бить бы Вас обоих, да нельзя: оба чиновные люди…

Все наши здравствуют и шлют Вам поклон. Приезжайте на Рождество, а пока будьте здравы и не забывайте

Вашего

А. Чехова. * Пример: мой брат Агафопод писал скупо, но уже чувствует, что исписался… Вы знаете, что кто мало и лениво тараканит, у того рано начинается impotentia. Это я Вам на основании науки говорю. На конверте: г. Брацлав (Кам.-Подольской губ.)

Его высокоблагородию

Николаю Михайловичу Ежову.

В Городском училище.

327. Ал. П. ЧЕХОВУ 29 октября 1887 г. Москва.

29 окт.

Гусев! Вот тебе поручения… Немедленно сходи на Вас«ильевский» остров 42, кв. 3 и… Впрочем, не пугайся. Это я шучу и пужаю…

Новость. Не так давно, в одну из минут, когда я сидел без гроша, ко мне прибежали бр. Вернеры и, пользуясь моею нищетою, купили у меня за 150 р. 15

рассказов. Само собою, я выбрал для них рассказы поганые. Теперь читаю, что они выпустили книжку "Невинные речи А. П. Чехова". Издание изящное, по рассказы так плохи и пошлы, что ты имеешь право ударить меня по затылку, несмотря на свою бездарность. Бр. Вернеры, конечно, пошлют новую книжицу в "Нов«ое» время", надеясь на то, что мне, как сотруднику, дадут отзыв в лучшем виде; ну, а я надеюсь, что "Нов«ое» время" простит мне, что я часть души своей продал нечистому, и не упомянет об этом печатно. В молчании я увижу великое одолжение. Это понятно.

Поздравляю с новосельем.

Так как Суворин интересуется судьбою моей пьесы, то передай ему, что Давыдов принялся за нее горячо, с восторгом. Я так угодил ему ролью, что он затащил меня к себе, продержал до трех часов ночи и все время, любовно глядя на мою рожу, уверял меня, что он отродясь не врал и что в моей пьесе все от А до бесконечности (это не ж…, а омега) тонко, правильно, чинно и благородно. Он уверяет, что в моей пьесе пять превосходных ролей и что поэтому она у Корша шлепнется, так как играть ее решительно некому.

Во! А ты все спрашивал: что из эстого выйдеть и где я учился…

С Коршем (жулик!) условие уже подписано. Я беру 8% с валового сбора, т. е. по 2% с акта.

О Николке поговорим при свидании.

Если увидишь лейб-медика Боткина, то скажи ему, что я иду по его стезе: лечу в аристократических домах. Например, сейчас я иду к графине Келлер лечить… ее повара и к Воейковой - лечить горничную.

Поклон Анне Ивановне. Скажи ей, что я благодарю ее. За что? Не твое дело. Твое белье шьется.

Прощай.

А.

328. Ал. П. ЧЕХОВУ 29 октября 1887 г. Москва.

Гусев! Единовременно с сим ты получишь мое другое письмо, к«ото»рое я написал по просьбе бр. Вернеров, издателей моей книги. В нем ты прочтешь просьбу, к«ото»рую ты исполнишь постольку, поскольку желаешь быть любезным по отношению к упомянутым братьям, а я тут ни при чем.

Не получая от тебя гонорара "Пет«ербургской» газеты", я начинаю думать, что мой счет, посланный тебе при последнем письме (на к«ото»рое ты уже отвечал мне), утерян или забыт. Быть может, даже пропал на почте волковский вексель… Ответь, пожалуйста, ибо я беспокоюсь, да и денег нет.

Я разленился, посоловел и опять впадаю в хандру. Не работаю. Сижу по целым дням на кресле и гляжу в потолок. Впрочем, есть практика.

Нового нет ничего и не предвидится. Прощай.

Твой А. Чехов.

329. Н. А. ЛЕЙКИНУ

4 ноября 1887 г. Москва.

4 ноября.

Простите, добрейший Николай Александрович, что так долго не отвечал на Ваше письмо. Моя пьеса, сверх ожидания, - чтоб ей пусто было! - так заездила и утомила меня, что я потерял способность ориентироваться во времени, сбился с колеи и, вероятно, скоро стану психопатом. Написать ее было не трудно, но

постановка требует не только траты на извозчиков и времени, но и массы нервной работы. Судите сами: 1) в Москве нет ни одного искреннего человека, который умел бы говорить правду; 2) актеры капризны, самолюбивы, наполовину необразованны, самонадеянны; друг друга терпеть не могут, и какой-нибудь N готов душу продать нечистому, чтобы его товарищу Z не досталась хорошая роль. 3) Корш - купец, и ему нужен не успех артистов и пьесы, а полный сбор. 4) Женщин в его труппе нет, и у меня 2 прекрасные женские роли погибают ни за понюшку табаку.

5) Из мужского персонала только Давыдов и Киселевский будут на своих местах, а остальные выйдут бесцветными.

6) После того как я заключил условие с Коршем, мне дали знать, что Малый театр (казенный) был бы рад взять мою пьесу.

7) По мнению Давыдова, которому я верю, моя пьеса лучше всех пьес, написанных в текущий сезон, но она неминуемо провалится благодаря бедности коршевской труппы.

8) Хотел вчера взять свою пьесу назад, но Корш задрыгал ногами и руками…

Еще хватило бы на 20 пунктов, но довольно и восьми. Можете теперь судить, каково положение "начинающего драматурга", к«ото»рый ни с того ни с сего полез в чужие сани и занялся не своим делом.

Утешаюсь только тем, что Давыдов и Киселевский будут блестящи. Давыдов с восторгом занялся своею ролью.

От Корша я возьму не 50 р. за представление, как Вы советовали, а больше: 8% с валового сбора, т. е. по 2% с акта. Таково условие.

Читателю "Осколков" будет гораздо приятнее получить в премию книгу, чем дешевую олеографию. Я рад, что Вы даете именно книгу, как я Вам во время оно советовал. Но дело в том, что на книге-премии легче осрамиться, чем на олеографии. Если бумага будет дешевая, типографская краска двадцатирублевая, рисунки плохонькие и обложка не изящная, то "Осколкам" и лично Вам не поздоровится.

Дайте книжку тоньше, но изящнее. Нынешняя публика входит во вкус и начинает понимать… Потому-то братья Вернеры, изящно и французисто издающие свои книжонки, распродают свои издания меньше чем в 2 месяца. Это я не утрирую…

Я убежден, что если б я издал один том Ваших рассказов так, как думаю, то это издание пошло бы гораздо скорее, чем все вернеровские…

Пьеса моя будет впервые даваться между 19 и 27 ноября. Стало быть, в Питере я буду около начала декабря и поговорю с Вами подробно.

Преснову не давайте изданий. Это один из самых непопулярных и серых книгопродавцев. Публика не знает ни Ступина, ни Преснова и ни Салаева, продающего специально учебники. Она (я говорю об интеллигенции и среднем читающем классе) ведает только Суворина, Глазунова, Вольфа, Васильева, Мамонтова, Карабасникова и отчасти Смирнова.

Что нового в Питере? Я получил от Билибина письмо, из к«ото»рого узнал, что он ныне здоров. У него, по всем видимостям, был мышечный ревматизм (односторонний lumbago). Он простудился. Когда будете видеть его плохо одетым (плохо, т. е. не тепло), то журите его без церемонии; если же он будет кашлять, то рекомендуйте ему сидеть дома. У него ненадежный habitus*. Достаточно легкой простуды, чтобы свалился.

Поклонитесь Прасковье Никифоровне и св. Федору-молчальнику. Прощайте.

Ваш А. Чехов. * вид (лат.).

330. М. В. КИСЕЛЕВОЙ

7 ноября 1887 г. Москва.

7 ноябрь.

Уважаемая

Мария Владимировна!

На днях я получил письмо от издательннцы "Родника" Марфы Харитоновны Рылиндроновой. Сие письмо прилагаю для прочтения. Оно так сладко, что его можно скушать вместо меда.

Само собою разумеется, что у своей новой поклонницы я работать не буду, но, будучи в Питере (начало декабря), воспользуюсь ее приглашением и побываю у нее. Вероятно, угостит закуской и познакомит с кружком психопаток… Не воспользоваться ли Вам сим случаем? В разговоре с редакторшей я пущу в ход все свое лицемерие и изукрашу Вас во все цвета радуги. Хотите?

Можно дебютировать в "Роднике" с "Ларьки". Копия "Ларьки", посланная Суворину, вероятно, погибла, как погибает масса статей случайных сотрудников. Когда Суворина спросил мой брат, где "Ларька", он ответил: "А черть иво знает…" Толку не добьешься… Чтобы статьи не терялись и печатались вовремя, надо непременно жить в Питере.

Вашего "Ларьку" шлю Вам. Вы почините его, приспособьте к детишкиным мозгам, перепишите и пришлите мне. Авось!

"Ларьку" я должен получить не позже 20-25 ноября. Если мне удастся сопричислить Вас к светилам "Родника", то я вымаклачу для Вас гонорар почище истоминского… Я - сила! Бррр!

Елизавета Константиновна Сахарова и баронесса опять готовятся стать матерями.

Моя пьеса уже пущена в обращение. На этой неделе (после 8-го) она пойдет в Саратове с Андреевым-Бурлаком в одной из главных ролей.

Всем поклон, а Алексею Сергеевичу, Василисе и Сереже объявляю строжайший выговор за дурное поведение.

Поправки в "Ларьке" произведены мною еще в прошлом году, когда переписывалась с него копия. За давностью лет Вы простите мне их, тем более что они не обязательны и сделаны не чернилами…

Насчет того, что моя глупая пьеса ждет Вашего суда (для Вас поездка в Москву и моя пьеса - мировой съезд), я уже писал Вам. Пожелав Вам и всем Вашим благ земных, пребываю лицемерным и иезуитоподобным

А. Чехов. Рукой Н. П. Чехова:

Кланяюсь Марье Владимировне и прошу показать Алексею Сергеевичу (которому тоже кланяюсь) сии след«ующие» строчки.

1) 2 календаря, Гатцука и стенной, куплены.

2) Печати для пакетов на днях будут готовы.

3) Бинокль г. Боту послан.

Н. Чехов.

331. Е. А. СЫСОЕВОЙ

7 ноября 1887 г. Москва.

7-XI. Москва, Кудринская Садовая, д. Корнеева.

Милостивая государыня!

Вчера я получил через редакцию "Нового времени" Ваше любезное письмо. Очень сожалею, что расстояние лишает меня возможности воспользоваться Вашим

приглашением - зайти к Вам и лично поблагодарить Вас за те лестные выражения, из которых состоит Ваше письмо.

На вторую часть Вашего приглашения - работать в "Роднике" - я спешу ответить согласием, хотя тут же должен откровенно сознаться, что я едва ли сумею исполнить Ваше желание: во-первых, я никогда еще не писал рассказов для детей, и, во-вторых, я вовсе не знаком с программой и целями "Родника", хотя и слышал о нем от взрослых и детей много хорошего… Я рад поработать для детей; в свободный час попробую себя на новой специальности. Думаю, что это случится в самом скором времени после того, как покороче познакомлюсь с Вашим журналом.

С почтением имею честь быть А. Чехов.

332. А. С. КИСЕЛЕВУ

10 ноября 1887 г. Москва.

10-го ноября.

Ваше Высокородие! Сим довожу до Вашего сведения, что моя пьеса пойдет в четверг 19 ноября, каковое число прошу Вас зарубить на носу Лилиши с тем, чтобы Лилиша показывала Вам свой нос ежеминутно. Ждем. Если не приедете, то я поднесу Вам в газетах такую пилюлю, так осрамлю Вас, что в Америку сбежите. Уважительными причинами неявки могут быть: a) дизентерия, b) выход рек из берегов, c) внезапное банкротство, d) народные волнения, e) светопреставление и f) приезд в Бабкино шаха персидского. Других причин не признаю. Слышите ли?

Но иногда невозможное бывает возможным. Если, чего боже сохрани, Вас остановит одна из названных причин, то немедленно, тотчас же по усмотрении оной причины, дайте мне знать. Мне необходимо знать, приедете Вы или же нет.

Зная Ваши зверские чувства и возмутительный характер, зная Вас как гонителя наук и искусств, я готов даже для умилостивления Вашей особы нанять двух девиц во вкусе Сиру и послать их в Бабкино умилостивлять Вас. Подействовав на Вашу чувственность, они, быть может, тронули бы и Ваше жестокое сердце.

Одна у меня надежда - на Марию Владимировну. Попросите ее, чтобы она убедила Вас, что не ехать в Москву нельзя. Если Вас и Марию Владимировну не интересует провал моей злосчастной пьесы, то приезжайте вместе за шляпой, к«ото»рая будет готова к 19 ноября.

Клянусь я первым днем творенья, что если Мария Владимировна не приедет, то я, во-первых, не отдам ее рассказа в "Родник" и, во-вторых, всю мою жизнь буду ратоборствовать против детских журналов. Dixi*.

Погода у нас в Москве плевая. В Бабкине, думаю, не лучше.

Уже 5-й день у нас живет афонский монах о. Филарет.

Получили ли Вы мое большое письмо с "Ларькой"? Я послал его на имя Марии Владимировны. Оно тяжелое, а посему боюсь, чтобы оно не затерялось.

Василисе и Сереже объявляю строжайший выговор. Марии Владимировне и Елизавете Александровне поклоны. Тышечка еще не приехала. Будьте здоровы.

Ваш А. Чехов. * Я все сказал (лат.).

333. Ал. П. ЧЕХОВУ 10 ноября 1887 г. Москва.

Гуськов! Ты ропщешь, что я ничего не прописываю твоим цуцыкам от поноса. Поносы разные бывают, и лечить их per distantiam* трудно. Одно могу прописать: надлежащее питание…

Не в дружбу, а в службу, исполни еще одно поручение: когда будешь в конторе "Нов«ого» времени", взыщи с кассы все, что она должна мне. Сумма маленькая (40 р.), а посему выслать ее придется тебе не через банкиров (неловко затруднять

ради пустяка), а через почт«овое» отд«еление».

Деньги нужны до зареза. На этой неделе моя пьеса идет в Саратове, а я ни шиша не получу, ибо еще не записался в члены Драм«атического» общества, записаться же стоит 15 р., коих у меня нет. Выручай! Голике и Петерсену дай по экземпляру, да и мне бы выслал пяток "с доставкой".

Tuus Antonio.

Я жду вырезку из "Петерб«ургских» ведомостей". На обороте:

Петербург,

Пески, угол 2-й и Мытинской, 1-30, кв. 19 Александру Павловичу Чехову. * на расстоянии (лат.).

334. А. С. ЛАЗАРЕВУ (ГРУЗИНСКОМУ)

15 ноября 1887 г. Москва.

15.

Добрейший

Александр Семенович!

Вы, коварный изменщик, уехали не простившись… Объявляю Вам за это строжайший выговор с занесением в формулярный список. Если бы Вы пришли проститься, то, быть может, надеюсь, мне удалось бы удержать Вашу особу до 19-го ноября - число, в к«ото»рое идет моя пьеса.

Сие письмо деловое. Суть в том, что гг. актеры, когда я вкратце рассказал им содержание "Гамлета, принца датского", изъявили горячее желание играть его не позже января, т. е. возможно скорее. Куй железо, пока горячо. Написано ли у Вас что-нибудь? Выходит ли требуемое? Совладали ли с сюжетом и с сценическими условиями? Как бы там ни было, поспешите написать мне подробно, что Вами придумано, написано и что имеется в проекте. Одновременно пришлите мне и мою рукопись (бандеролью), оставив у себя копию. Я суммирую свое с Вашим, подумаю и не замедлю сообщить Вам свои намерения и прожекты. Условия: 1) сплошная путаница, 2) каждая рожа должна быть характером и говорить своим языком, 3) отсутствие длиннот, 4) непрерывное движение, 5) роли должны быть написаны для: Градова, Светлова, Шмитгофа, Киселевского, Соловцова, Вязовского, Валентинова, Кошевой, Красовской и Бороздиной, 6) критика на театральные порядки; без критики наш водевиль не будет иметь значения.

В ожидании скорейшего ответа рекомендую Вам, м«илостивый» г«осударь», лечь на кровать, взять свой мозг в руки и заняться размышлением; по долгом размышлении Вы сядете за стол и набросаете свой план.

Будьте здоровы. К 19-му ноябр«я» я готовлюсь, как к венцу. Чувствую легкое познабливание и убежден, что во время спектакля меня будет трясти болотная лихорадка.

Идут репетиции. Я почти доволен, хотя и раздражен.

Будьте здоровы.

Ваш А. Чехов.

335. Н. А. ЛЕЙКИНУ

15 ноября 1887 г. Москва.

87, XI, 15.

Простите, добрейший Николай Александрович, и на сей раз я не посылаю рассказа. Погодите, в четверг идет моя пьеса, после нее я опять сяду за стол и буду строчить аккуратно. Ваши строки относительно постановки пьес повергли меня в недоумение. Вы пишете: "Автор постановке только мешает, стесняет актеров и в большинстве случаев делает только глупые указания". На сие отвечу Вам сице: 1) автор хозяин пьесы, а не актеры; 2) везде распределение ролей лежит на обязанности автора, если таковой не отсутствует; 3) до сих пор все мои указания шли на пользу и делалось так, как я указывал; 4) сами актеры просят указаний; 5) параллельно с моей пьесой в Малом театре репетуется новая пьеса Шпажинского, к«ото»рый три раза менял мебель и заставлял казну три раза тратить деньги на обстановку. И т. д. Если свести участие автора к нолю, то получится черт знает что… Вспомните-ка, как Гоголь бесился, когда ставили его пьесу! Разве он не прав?

Вы пишете, что с Вами согласен Суворин. Удивляюсь. Недавно Суворин писал мне: "приструньте актеров" и давал советы, касающиеся этого приструнивания. Во всяком случае, спасибо Вам за тему: буду писать Суворину и подниму в письме вопрос о пределах авторской компетенции.

Далее Вы пишете: "бросьте Вы к чертовой матери Вашу пьесу"… Око за око: бросьте Вы к ядреной Ваше кредитное общество! Бросить пьесу - значит бросить надежду на гешефт.

Однако Вам надоело мое брюзжанье, а посему перейдем к текущим вопросам.

"Невинные речи" напечатаны все на одинаковой бумаге.

В Питер я приеду к декабрю. О многом потолкуем.

Не знаю, что ответить Вам на Ваше замечание о Давыдове. Может быть, Вы и правы. Я сужу о нем не столько по личному впечатлению, сколько по рекомендации Суворина, к«ото»рый писал мне: "Давыдову верьте".

Поклон Прасковье Никифоровне и св. Федору. Моя семья всякий раз шлет Вам поклоны, но я, простите, забываю писать об этом.

Когда мы будем обедать у Тестова? Приезжайте.

Ваш А. Чехов.

336. В ОБЩЕСТВО РУССКИХ ДРАМАТИЧЕСКИХ

ПИСАТЕЛЕЙ И ОПЕРНЫХ КОМПОЗИТОРОВ

16 ноября 1887 г. Москва.

16-XI-1887.

Вступая в члены Общества русских драматических писателей и оперных композиторов, обязуюсь подчиняться уставу Общества и всем постановлениям общих собраний Общества.

А. Чехов.

337. Ал. П. ЧЕХОВУ 20 ноября 1887 г. Москва.

20 н.

Ну, пьеса проехала… Описываю все по порядку. Прежде всего: Корш обещал мне десять репетиций, а дал только 4, из коих репетициями можно назвать только две, ибо остальные две изображали из себя турниры, на коих гг. артисты упражнялись в словопрениях и брани. Роль знали только Давыдов и Глама, а остальные играли по суфлеру и по внутреннему убеждению.

Первое действие. Я за сценой в маленькой ложе, похожей на арестантскую камеру. Семья в ложе бенуар: трепещет. Сверх ожидания я хладнокровен и волнения не чувствую. Актеры взволнованы, напряжены и крестятся. Занавес. Выход бенефицианта. Неуверенность, незнание роли и поднесенный венок делают то, что я с первых же фраз не узнаю своей пьесы. Киселевский, на которого я возлагал большие надежды, не сказал правильно ни одной фразы. Буквально: ни одной. Он говорил свое. Несмотря на это и на режиссерские промахи, первое действие имело большой успех. Много вызовов.

2 действие. На сцене масса народа. Гости. Ролей не знают, путают, говорят вздор. Каждое слово режет меня ножом по спине. Но - о муза! - и это действие имело успех. Вызывали всех, вызвали и меня два раза. Поздравление с успехом.

3 действие. Играют недурно. Успех громадный. Меня вызывают 3 раза, причем во время вызовов Давыдов трясет мне руку, а Глама на манер Манилова другую мою руку прижимает к сердцу. Торжество таланта и добродетели.

Действие 4: I картина. Идет недурно. Вызовы. За сим длиннейший, утомительный антракт. Публика, не привыкшая между двумя картинами вставать и уходить в буфет, ропщет. Поднимается занавес. Красиво: в арку виден ужинный стол (свадьба). Музыка играет туши. Выходят шафера; они пьяны, а потому, видишь ли, надо клоунничать и выкидывать коленцы. Балаган и кабак, приводящие меня в ужас. За сим выход Киселевского; душу захватывающее, поэтическое место, но мой Киселевский роли не знает, пьян, как сапожник, и из поэтического, коротенького диалога получается что-то тягучее и гнусное. Публика недоумевает. В конце пьесы герой умирает оттого, что не выносит нанесенного оскорбления. Охладевшая и утомленная публика не понимает этой смерти (к«ото»рую отстаивали у меня актеры; у меня есть вариант). Вызывают актеров и меня. Во время одного из вызовов слышится откровенное шиканье, заглушаемое аплодисментами и топаньем ног.

В общем, утомление и чувство досады. Противно, хотя пьеса имела солидный успех (отрицаемый Кичеевым и К°). Театралы говорят, что никогда они не видели в театре такого брожения, такого всеобщего аплодисменто-шиканья, и никогда в другое время им не приходилось слышать стольких споров, какие видели и слышали они на моей пьесе. А у Корша не было случая, чтобы автора вызывали после 2-го действия.

Второй раз пьеса идет 23-го, с вариантом и с изменениями - я изгоняю шаферов.

Подробности при свидании.

Твой А. Чехов.

Скажи Буренину, что после пьесы я вошел в колею и уселся за субботник.

338. А. С. КИСЕЛЕВУ

24 ноября 1887 г. Москва.

Милостивый государь

Алексей Сергеевич!

В среду 25 ноября идет моя пьеса "Иванов" в 3-й раз. Вот было бы хорошо, если бы Вы приехали! Пожалуйста, приезжайте!

В понедельник меня опять вызывали, но (Вас не было) не шикали.

Моя пьеса нагло-цинична, безнравственна и отвратитель«на». Таково мнение Петра Кичеева, убившего в свое время на Ваших глазах человека.

Вообще, кроме Вас, у меня много врагов. Из всех врагов самый злой - Вы!!!

Это…. "очень Вами благодарна".

Писать не в состоянии. Дней через пять пришлю Вам письмо из Питера.

339. Ал. П. ЧЕХОВУ 24 ноября 1887 г. Москва.

24 ноябр.

Ну, милейший Гусев, все наконец улеглось, рассеялось, и я по-прежнему сижу за своим столом и со спокойным духом сочиняю рассказы. Ты не можешь себе представить, что было! Из такого малозначащего дерьма, как моя пьесенка (я послал один оттиск Маслову), получилось черт знает что. Я уже писал тебе, что на первом представлении было такое возбуждение в публике и за сценой, какого отродясь не видел суфлер, служивший в театре 32 года. Шумели, галдели, хлопали, шикали; в буфете едва не подрались, а на галерке студенты хотели вышвырнуть кого-то, и полиция вывела двоих. Возбуждение было общее. Сестра едва не упала в обморок, Дюковский, с к«ото»рым сделалось сердцебиение, бежал, а Киселев ни с того ни с сего схватил себя за голову и очень искренно возопил: "Что же я теперь буду делать?"

Актеры были нервно напряжены. Все, что я писал тебе и Маслову об их игре и об их отношении к делу, должно, конечно, не идти дальше писем. Приходится многое оправдывать и объяснять… Оказывается, что у актрисы, к«ото»рая играла у меня первую роль, при смерти дочка, - до игры ли тут? Курепин хорошо сделал, что похвалил актеров.

На другой день после спектакля появилась в "Моск«овском» листке" рецензия Петра Кичеева, к«ото»рый обзывает мою пьесу нагло-цинической, безнравственной дребеденью. В "Моск«овских» вед«омостях»" похвалили.

Второе представление прошло недурно, хотя и с сюрпризами. Вместо актрисы, у к«ото»рой больна дочка, играла другая (без репетиции). Опять вызывали после III (2 раза) и после IV действий, но уже не шикали.

Вот и все. В среду опять идет мой "Иванов". Теперь все поуспокоились и вошли в свою колею. Мы записали 19 ноября и будем праздновать его ежегодно попойкой, ибо сей день для семьи будет долго памятен.

Больше я не буду писать тебе о пьесе. Если хочешь иметь о ней понятие, то попроси оттиск у Маслова и почитай. Чтение пьесы не объяснит тебе описанного возбуждения; в ней ты не найдешь ничего особенного… Николай, Шехтель и Левитан - т. е. художники - уверяют, что на сцене она до того оригинальна, что странно глядеть. В чтении же это незаметно.

NB. Если кто-либо, заметишь, захочет побранить в "Нов«ом» времени" актеров, участвовавших в моей пьесе, попроси воздержаться от хулы. Во втором представлении они были великолепны.

Ну-с, на днях еду в Питер. Постараюсь выбраться к 1 декабря. Во всяком случае именины твоего старшего цуцыка мы отпразднуем вместе… Предупреди его, что торта не будет.

Поздравляю с повышением. Если ты в самом деле секретарь, то пусти заметку, что "23-го ноября в театре Корша во 2-й раз шел "Иванов". Актеры, особливо Давыдов, Киселевский, Градов-Соколов и Кошева, были много вызываемы. Автор был вызван после III и IV действия". Что-нибудь вроде… Благодаря этой заметке мою пьесу поставят лишний раз, и я лишний раз получу 50-100 целковых. Если эту заметку найдешь неудобной, то не делай ее…

Что у Анны Ивановны? Аллах керим! Не по ней питерский климат.

40 руб. я получил. Спасибо.

Я надоел тебе? Мне кажется, что я весь ноябрь был психопатом.

Гиляй едет сегодня в Питер.

Будь здоров и прости за психопатию. Больше не буду. Сегодня я нормален. Сестрица, которая весь ноябрь психопатила до истерики, тоже пришла в норму.

Благодарственное письмо за телеграмму послано Маслову.

Твой Шиллер Шекспирович

Гете.

340. А. С. ЛАЗАРЕВУ (ГРУЗИНСКОМУ)

26 ноября 1887 г. Москва.

Простите, милейший надворный советник, что так долго не отвечал Вам. В голове такое умопомрачение и приходится писать столько писем, что я ошалел.

О пьесе. Имела успех. Подробностей так много, что приходится отложить сообщение их до свидания… Второе представление прошло лучше первого, и меня опять вызывали после III и IV актов.

Теперь о "Гамлете"…

1) У Вас "Гамлет" весь состоит из диалогов, к«ото»рые не имеют органической связи. Диалоги немыслимы. Нужно, чтобы с каждым явлением число лиц росло по прогрессии: Громоздя эпизоды и лица, связывая их, Вы достигнете того, что сцена в продолжение всего действия будет полна и шумна. 2) Вы забываете, что Тигровы и К° во все время чувствуют на себе глаза публики. Стало быть, немыслим допрос, производимый Вами Гамлетом у Офелии. Тут довольно одной вспышки и шума. Гамлет возмущен, но в то же время маскирует свое несчастье. 3) Представитель печати может говорить только из оркестра. Кой черт понесет его на сцену? Он говорит коротко и солидно. Тип Белянкина.

4) Во 2 действии необходимо дать сцену из "Гамлета". В 1 действии сцена находится по отношению к публике в таком виде: А Вы хотите во 2-м действии переставить ее так: 5) Конец I действия у Вас ходулен. Нельзя так оканчивать… В интересах 2-го действия Вы должны кончить примирением партий. Ведь во II действии Тигров играет тень Гамлета! 6) Кстати: роль Тигрова для Градова. 7) Судя по Вашему конспекту, Вы будете далеко не коротки. Не забывайте, что половина времени уйдет у актеров на беготню.

8) Я боюсь, что надоел Вам и что Вы браните меня свиньею в ермолке… Но утешаюсь мыслию, что возня с водевилем полезна для Вас: набьете руку.

9) После пьесы я так утомился, что потерял способность здраво мыслить и дельно говорить. Не взыщите. Моя пьеса поехала в Питер. Будьте здоровы.

Ваш А. Чехов.

341. М. П. ЧЕХОВОЙ

30 ноября 1887 г. Петербург.

30 ноября.

Милостивая государыня

Мария Павловна!

Посылаю вексель на сто рублей. Из ста выдайте Мише за пианино десять. В лавочку, если хотите, можете вместо сорока отдать тридцать. Через неделю еще вышлю.

Живу у Александра. Анна Ивановна больна (бугорчатка). Грязно, воняет и проч. Душно. Подробное письмо напишу завтра или послезавтра.

Александр не унывает.

Кланяюсь всем.

А. Чехов.

342. В. Н. ДАВЫДОВУ

1 декабря 1887 г. Петербург.

1-го декабря. Петербург.

Уважаемый

Владимир Николаевич!

Когда я пишу Вам это письмо, моя пьеса ходит по рукам и читается. Сверх ожидания (ехал я в Питер напуганный и ожидал мало хорошего), она в общем производит здесь очень недурное впечатление. Суворин, принявший самое живое, нервное участие в моем детище, по целым часам держит меня у себя и трактует об "Иванове". Прочие тоже. Разговоров немного меньше, чем в Москве, но все-таки достаточно для того, чтобы мой "Иванов" надоел мне. Вкратце сообщаю Вам мнение моих судей, которое сводится к следующим пунктам:

1) Пьеса написана небрежно. С внешней стороны она подлежит геенне огненной и синедриону. Язык безукоризнен.

2) Против названия возражений нет.

3) Вопрос о присутствии в пьесе безнравственного и нагло-циничного элемента возбуждает смех и недоумение.

4) Характеры достаточно рельефны, люди живые, а изображаемая в пьесе жизнь не сочинена. Придирок и недоумений по этому поводу пока еще не слышал, хотя выдерживаю ежедневно подробнейший экзамен.

5) Иванов очерчен достаточно. Ничего не нужно ни убавлять, ни добавлять. Суворин, впрочем, остался при особом мнении: "Я Иванова хорошо понимаю, потому что, кажется, я сам Иванов, но масса, которую каждый автор должен иметь в виду, не поймет его; не мешало бы дать ему монолог".

6) Буренину не нравится, что в первом действии нет завязки - это не по правилам.

7) Самым лучшим и самым необходимым в интересах характеристики Иванова большинством признано то место в IV действии, где Иванов прибегает перед венцом к Саше. Суворин в восторге от этого места.

8) Чувствуется в пьесе некоторая теснота вследствие изобилия действующих лиц; лица изобилуют в ущерб Сарре и Саше, которым отведено недостаточно места и которые поэтому местами бледноваты.

9) Конец пьесы не грешит против правды, но тем не менее составляет "сценическую ложь". Он может удовлетворить зрителя только при одном условии: при исключительно хорошей игре. Мне говорят:

- Если вы поручитесь, что Иванова везде будут играть такие актеры, как Давыдов, то оставляйте этот конец, в противном же случае мы первые ошикаем вас.

Есть еще много пунктов, по трудно их всех уложить в одно письмо. Подробности сообщу при свидании.

Судя по длинной защитительной речи, помещенной в понедельницком Nомере "Новостей дня", разговоры о моем "Иванове" еще не улеглись в Москве. В Питере о нем тоже говорят, и, таким образом, я рискую сделаться маньяком.

Что касается исполнения моей пьесы в театре Корша, то в питерских редакциях отзываются о нем покойно и тепло: были получены до моего приезда длинные хвалебные отзывы (параллельно были присылаемы моими доброжелателями "корреспонденции", содержащие в себе черт знает что…)

Резюме: из искры получился пожар. Из пустяка почему-то выросло странное, малопонятное светопреставление.

Что касается меня, то я поуспокоился на питерских хлебах и чувствую себя совершенно довольным. Вы изображали моего Иванова - в этом заключалось все мое честолюбие. Спасибо и Вам, и всем артистам. Будьте здоровы и счастливы.

Искренно преданный А. Чехов.

Поклон А. С. Янову. Ваши поклоны я передал всем. Григорович в Ницце. Завтра буду писать ему об "Иванове" и о Вас.

343. ЧЕХОВЫМ

3 декабря 1887 г. Петербург.

3 декабрь.

Милостивые государи и милост«ивые» государыни!

Пишу сие в ред«акции» "Осколков" в ожидании Голике, к к«ото»рому иду обедать. Живу у Александра. Грязь, вонь, плач, лганье; одной недели довольно пожить у него, чтобы очуметь и стать грязным, как кухонная тряпка.

Зато Питер великолепен. Я чувствую себя на седьмом небе. Улицы, извозчики, провизия - все это отлично, а умных и порядочных людей столько, хоть выбирай. Каждый день знакомлюсь. Вчера, например, с 10 1/2 часов утра до трех я сидел у Михайловского (критиковавшего меня в "Северном вестнике") в компании Глеба Успенского и Короленко: ели, пили и дружески болтали. Ежедневно видаюсь с Сувориным, Бурениным и проч. Все наперерыв приглашают меня и курят мне фимиам. От пьесы моей все положительно в восторге, хотя и бранят меня за небрежность. Мой единственный оттиск ходит теперь по рукам, и я никак не могу поймать его, чтобы отдать в цензуру.

Суворин злится за то, что я свою пьесу отдал Коршу; по его мнению, ни труппа Корша, ни московская публика (?) не могут понять "Иванова". Московские рецензии возбуждают здесь смех. Все ждут, когда я поставлю пьесу в Питере, и уверены в успехе, а мне после Москвы так опротивела моя пьеса, что я никак не заставлю себя думать о ней: лень и противно. Как только вспомню, как коршевские г«…» пакостили "Иванова", как они его коверкали и ломали, так тошно делается и начинаешь жалеть публику, к«ото»рая уходила из театра не солоно хлебавши. Жаль и себя и Давыдова.

Суворин возбужден моей пьесой. Замечательно: после коршевской игры ни один человек из публики не понял Иванова, бранили меня и жалели, здесь же все в один голос уверяют, что мой Иванов обрисован достаточно, что нет надобности ни прибавлять, ни убавлять его.

Анна Аркадьевна похорошела. Я привезу ее карточку для Ивана: не нужна ли ему супруга? Подходящая.

Александр у нововременцев на хорошем счету. Живется ему у них очень недурно. Дети его здоровы, но не говорят ни слова.

Вчера я ночевал и обедал у Лейкина. Вот где я наелся, выспался и отдохнул от грязи!

В декабрьской книге "Вестника Европы" есть большая статья о моей особе.

Я за три дня пополнел. Как я жалею, что не могу всегда жить здесь! Воспоминание о предстоящем возвращении в Москву, кишащую Гавриловыми и Кичеевыми, портит мне кровь.

Знакомлюсь с дамами. Получил от некоторых приглашение. Пойду, хотя в каждой фразе их хвалебных речей слышится "психопатия" (о коей писал Буренин).

Привезу с собой много книг.

Моя пьеса едва ли пойдет еще раз у Корша. Один нововременский балбес, подслушавший мой разговор с Суворины и К° и не понявший, поднес в газете такую

фигу коршевской труппе, что я поднял гвалт, Суворин назвал балбеса "безыдейной скотиной", а Корш, наверное, упал в обморок. Балбес хотел прислужиться мне, а вышло черт знает что. Если Корш снимет с репертуара мою пьесу, тем лучше. К чему срамиться? Ну их к черту!

Я пишу. Получил ли Миша посылку? Пришел Голике. Ухожу обедать.

Поклон всем. Деньги буду высылать понемногу, но возможно чаще.

М-me Билибина, когда я бываю у ее супруга, не выходит ко мне.

Желаю всем здравия и отличнейшего расположения духа. Все, что говорилось у Корнеева о Петерб«ургском» университете (оплеуха), оказывается чистейшим вздором. Вообще на свете много лганья.

А. Чехов.

344. К. С. БАРАНЦЕВИЧУ

15 декабря 1887 г. Петербург.

Уважаемый

Казимир Станиславович!

Простите за невежество: никак не мог выбрать свободного часика, чтобы приехать к Вам. Сообщаю свой московский адрес: "Кудринская Садовая, д. Корнеева". Сегодня я уезжаю в 8 1/2 час. вечера. Между 5-6 часами я буду дома. Ко мне придут Щеглов, Билибин, Лейкин… Не пожалуете ли и Вы? Был бы очень рад еще раз повидать Вас и потолковать с Вами. Если придете, то я даю честное слово в следующий мой приезд побывать у Вас десять раз.

Ваш А. Чехов.

Пообедаем вместе.

345. И. Л. ЛЕОНТЬЕВУ (ЩЕГЛОВУ)

Между 16 и 20 декабря 1887 г. Москва.

Милый капитан! Сижу за своим столом и работаю, вижу перед глазами пенатов, а мысли мои все еще в Питере.

Прежде всего спасибо Вам за то, что Вы познакомились со мной. За сим спасибо за радушие и за книги. У Вас все хорошо и мило: и книги, и нервность, и разговор, и даже трагический смех, который я теперь дома пародирую, но неудачно.

Посылаю Вам 2 карточки: одну оставьте себе, другую передайте болярину Алексию.

Жду от Вас карточку и письмо.

Так как это письмо, по всей вероятности, после моей смерти будет напечатано в сборнике моих писем, то прошу Вас вставить в него несколько каламбуров и изречений. Прощайте и будьте здоровы. Жму руку.

Ваш А. Чехов.

PS. Пишите, Щеглов: Вас читают!

Ну, что "Миньона"? Кончили?

346. Ал. П. ЧЕХОВУ 25 декабря 1887 г. Москва.

25 д.

Уважаемый

Акакий Спиридоныч господин Гусев!

Прежде всего имею честь поздравить Вас и все Ваше семейство с праздниками и с Новым годом и желаю дождаться многих предбудущих в недоумении и в благомыслии. Семейство наше тоже весьма и во всех смыслах, чего и Вам желаю.

Когда на 3-й день праздника откроется оконце Полины Яковлевны, надень штаны и сбегай получить мой гонорар, к«ото»рый 33 моментально вышли мне через г. Волкова. В праздники контора запирается в 2 часа.

Поздравлял ли ты с праздником Вукова?

У нас гостит Саша Селиванова. Бедовая, шумная и гремучая девка. Неумолкаемо поет и играет.

Денег у меня нет. Ропщу.

К Плещееву сходи. Это хороший старец. Славное прошлое, вдовье настоящее и неопределенное будущее.

Был у меня зять Суворина Мамышев и очень хвалил твое "На маяке". Пиши и не давай себе пощады.

Получил от Суворина письмо.

Усердно буду читать все тобою написанное и временами буду присылать тебе свое резюме: хочешь - читай, не хочешь - горшки накрывай.

Смех Щеглова напоминает пение какой-то дикой птицы, а какой - не помню.

Будь здоров.

На Владимирской есть "Варшавская кондитерская" (если идти с Невского, то на левой стороне). Забеги, купи на мои пнензы печений и поднеси Анне Ивановне. Уважь. Самые вкусные печения к чаю имеют форму полумесяца. Буде осколочные feminae* не отослали еще Плещееву (Спасская, 1) моих "Пестрых рассказов", то можешь воспользоваться сею верной оказией, чтобы побывать у Плещеева. Повторяю: хороший старик. Адрес Баранцевича: Пески, 3 улица, 4. Побывай и у него. Все это славные парни. Предполагая, что ты будешь жить в Питере и литературничать до старости, я советовал бы тебе стать известным пишущей братии и по возможности поближе-покороче сойтись с двумя-тремя. Не надо и вредно быть одиноким. Прощай, будь здоров и присылай денег. Я работаю усердно.

Твой А. Чехов. * женщины (лат.).

347. Н. А. ЛЕЙКИНУ

27 декабря 1887 г. Москва.

27 декабря.

Добрейший

Николай Александрович!

Если от виноватого можно принять поздравление с праздником, то поздравляю Вас и желаю всяческих благ земных, небесных и литературных. Виноват перед Вами по самое горло и искренно сознаю это. Обещание я дал Вам, темы есть, но писать не мог. До Рождества я не садился писать, ибо думал, что мои рассказы Вам не особенно нужны: я помнил, что в редакционной комнатке, при Билибине, на мое обещание прислать святочные рассказы Вы ответили мне как-то уклончиво и неопределенно. Получив же на праздниках Ваше письмо, я сел писать и написал такую чепуху, к«ото»рую посовестился посылать. Вы пишете, что для Вас все равно, каков бы ни был рассказ, но я не разделяю этого взгляда. Quod licet Iovi, non licet bovi*. Что простится Вам и Пальмину, людям, сделавшим свое дело, а потому

имеющим право иногда понебрежничать, то не простится начинающему писаке. Во всяком случае, Вы на сей раз не сердитесь и войдите в мое положение.

Отчего Вы не даете анонса в "Нов«ом» времени" о Вашей книге? Вы пошлите сказать, чтобы по понедельникам делали анонс. Уже пора, даже в том случае, если книга еще не начинала печататься. Еще раз повторяю: за изданием следите сами, ибо Суворин, при всем своем желании угодить авторам, не может бывать в типографии. Пожалуйста, чтоб бумага и обложка были поизящней. Вы не признаете этого, но хоть раз в жизни попробуйте… Не будьте упрямы. Издание Вернера "Невинные речи" идет хорошо благодаря только тому, что издано не шаблонно.

Спелись ли со Щегловым? Это большой юморист. Прочтите его рассказ в рожд«ественском» № "Нов«ого» времени", и Вы убедитесь в этом. Пригласите и Баранцевича. Раз в 2 месяца его можно давать, хотя он и не юморист.

Видел Грузинского и говорил ему насчет семги. Смеется.

В моей тугоподвижности, с какою я работаю у Вас, ради создателя не усмотрите злого умысла, не подумайте, что я отлыниваю от "Осколков". Ни-ни! "Осколки"- моя купель, а Вы - мой крестный батька.

Прасковье Никифоровне и Феде поклон вместе с поздравлением. Прощайте, не сердитесь и будьте здоровы.

Ваш А. Чехов. * Что дозволено Юпитеру, то не дозволено быку (лит.).

348. Ал. П. ЧЕХОВУ 27 декабря 1887 г. Москва.

№ 308-380 стр«ок».

- 336-333

- 350-242

- 354-296 Итого 1257 строк. 1257 х 12 = 150 р. 84 коп.

Отсюда вычесть уже полученные сто, останется 50 р. 84 к.

Каковые получи в "Пет«ербургской» газ«ете»", сопричти к нововременскому гонорару и вышли мне, дабы мое семейство имело что кушать. Семейству и мне кушать надо.

Калаеро. На обороте:

Петербург,

Пески, угол 2-й и Мытинской, 1-30, кв. 19

Александру Павловичу Чехову.

349. В. Н. ДАВЫДОВУ

Конец декабря 1887 г. Москва.

Уважаемый

Владимир Николаевич!

Вернувшись вчера от Вас, я усадил своих братцев за переписку -"Калхас" готов и посылается Вам в двух экземплярах. Если Вы найдете его годным и, как говорили вчера, пошлете его в цензуру сами, то будьте добры, дайте мне знать, чтобы я параллельно с пьесой послал прошение. Без прошения, украшенного марками, церберы читать пьесу не станут.

Жму Вам руку и пребываю искренно преданный А. Чехов.

1888

350. И. Л. ЛЕОНТЬЕВУ (ЩЕГЛОВУ)

1 января 1888 а. Москва.

1 янв.

Милый Альба! Называю Вас так, потому что Ваш трагический почерк - последнее слово инквизиции. Он, пока я прочел Ваше письмо, вывихнул мне глаза.

Поздравляю Вас с Новым годом. Будьте здоровы, счастливы в любви и в литературе, смейтесь тремя октавами ниже, и да спасет Вас бог от нашествия сибирских дядюшек!

Отвечаю на Ваше письмо. Подписываться в "Осколках" Щегловым нельзя. Придумайте для мелочей постоянный псевдоним, вроде "дачного мужа". Если Лейкин будет фордыбачиться, то Вы ехидно ссылайтесь на меня и спрашивайте:

- Сэр, отчего же это Чехов не подписывает своей фамилии?

Познакомьтесь с Билибиным и Голике. Оба милые люди.

"Миньона"- прелесть. Браво! Бис! Щеглов, Вы положительно талантливы! Вас читают! Пишите!

Впрочем, если бы Вы у Максима Белинского поучились, то еще боле навострились.

Передайте добрейшему Л. Н. Плещееву, что я начал пустячок для "Северного вестника" (этого литературного "вдовьего дома"). Когда кончу, не знаю. Мысль, что я пишу для толстого журнала и что на мой пустяк взглянут серьезнее, чем следует, толкает меня под локоть, как черт монаха. Пишу степной рассказ. Пишу, но чувствую, что не пахнет сеном.

Бибиков нс присылает мне своих романов. Никак не могу забыть его обещания! Напугал человека ни за что, ни про что…

Моей семье чрезвычайно симпатичны Ваши книжки. Чуют люди.

Видел Давыдова: не кланяется с Киселевским и вообще находит, что так нельзя. Прощайте и будьте здоровы.

Ваш А. Чехов.

Пишите. Ваше письмо так мило, что я даже простил Вам трагизм Вашего почерка. Что нового?

Напишите драму. Судя по "Миньоне", Вы можете отжарить хорошую драму.

Читайте новогодние №№ газет, по возможности всех петербургских. Если найдете строки, касающиеся меня или Короленко, то вырежьте и пришлите.

Были в Академии?

351. А. Я. ЛИПСКЕРОВУ

1 января 1888 г. Москва.

Добрейший

Абрам Яковлевич!

Мой хороший приятель Ал. С. Лазарев, пишущий в "Осколках", "Будильнике" и "Сверчке" под псевдонимом "А. Грузинский", человек талантливый, пишет роман,

который я посоветовал ему напечатать в "Новостях дня", где и сам печатал роман. Если Вы согласны, то напишите ему об этом…

352. В. Н. ДАВЫДОВУ

3 января 1888 г. Москва.

3 января.

Уважаемый

Владимир Николаевич!

Помня Ваше обещание побывать у меня, на всякий случай извещаю Вас, что сегодня я еду в деревню, где пробуду 3, 4 и 5 января. Возвращусь в ночь под 6-е.

Как мой "Калхас"?

Искренно преданный

А. Чехов.

Поклон Вашему сожителю. На обороте:

Здесь.

Петровка, д. Харитова, №№ Эжень Его высокоблагородию Владимиру Николаевичу Давыдову.

353. М. В. КИСЕЛЕВОЙ

6 января 1888 г. Москва.

6 января 1888 года.

Многоуважаемая

Мария Владимировна!

Посылаю Вам письмо, которое касается Вас и Вашей литературной деятельности. Итак, значит, в новом году Вы будете вести переписку уж не с переваренной Яшенькой, а с гремучей Сысоихой. Теперь я смело могу поздравить Вас: с Новым годом, с новым счастьем, с новями психопатками! Я рад за "Ларьку"… Успех его, конечно, я объясняю не столько его сомнительными литературными достоинствами, сколько протекцией такого светила, как я… Будет он напечатан в марте и с таким оглавлением: "Ларька-Геркулес" (напечатан по протекции А. П. Чехова)". Без того, что в скобках, рассказ потеряет всю свою соль. Теперь Вы и Ваше семейство можете судить, как Вы мало меня ценили!!!

За сим, ради создателя, не пренебрегите следующим советом. Запросите с Сысоихи не менее 50 рублей за лист. Умоляю Вас! Хоть раз в жизни уважьте меня! Если она, психопатически ноя и виляя в письме турнюром, будет жаловаться на бедность и предлагать Вам 30-40 руб., то, ради всего святого, имейте мужество не согласиться. Помните, что и 50 руб. - нищенская плата. Если Вы возьмете дешево, то испортите и мне коммерцию: ведь я тоже сотрудник "Родника"!

Следующий рассказ готовьте к марту, не стесняясь размером, но возможно короче. Теперь уж Ваше дело в шляпе и насчет "Родника" можете быть покойны. Сысоева одолеет Вас письмами, а Вы в отместку будете одолевать ее рассказами - и этак до гробовой доски.

Не забудьте: "Родник" не минуется критикою. Это привилегированный журнал, не чета "Детскому отдыху".

Мы приехали благополучно. К великому моему стыду, я на станции вспомнил, что не дал ничего Никифору… Послал ему мелочи с Гаврилой, да думаю, что эта мелочь не

уедет дальше крюковского трактира.

Если будете писать Сысоевой, то не забудьте упомянуть о высылке Вам журнала: Василисе и Грипу пригодится.

Обратный путь показался коротким, ибо было светло и тепло, но - увы!- приехав домой, я сильно пожалел, что этот путь был обратным: кабинет мой показался мне противным, а обед подали такой (нас не ждали), что я с тоской вспомнил о Ваших художественных варениках.

Жду к 12-му января Алексея Сергеевича.

Вот наше меню:

Селянка из осетрины по-польски Супрем из пулярд с трюфелем Жаркое фазаны Редька.

Вина: Бессарабское Кристи, Губонинское, Cognac и Абрикотин. Жду его обязательно. Сейчас пишу к Успенскому, чтобы он приехал праздновать Таню.

Непременному члену, Василисе с червонцами, Грипу и Елизавете Александровне - почтение.

Искренно преданный

А. Чехов.

354. В. Г. КОРОЛЕНКО

9 января 1888 г. Москва.

9 янв.

Я надул Вас невольно, добрейший Владимир Галактионович: мне не удалось выручить оттиск своей пьесы; когда она отпечатается, я вышлю Вам или же вручу ее при свидании, а пока не сердитесь.

Мне пришла охота отдать переписать и послать Вам письмо старика Григоровича, которое я получил вчера.

Ценю я его по многим причинам на вес золота и боюсь прочесть во второй раз, чтобы не потерять первого впечатления. Из него Вы увидите, что литературная известность и хороший гонорар нисколько не спасают от такой мещанской прозы, как болезни, холод и одиночество: старик кончает жизнь. Из письма Вам станет также известно, что не Вы один от чистого сердца наставляли меня на путь истинный, и поймете, как мне стыдно.

Когда я прочел письмо Григоровича, я вспомнил Вас, и мне стало совестно. Мне стало очевидно, что я неправ. Пишу это именно Вам, потому что около меня нет людей, которым нужна моя искренность и которые имеют право на нее, а с Вами я, не спрашивая Вас, заключил в душе своей союз.

С Вашего дружеского совета я начал маленькую повестушку для "Северн«ого» вестника". Для почина взялся описать степь, степных людей и то, что я пережил в степи. Тема хорошая, пишется весело, но, к несчастью, от непривычки писать длинно, от страха написать лишнее я впадаю в крайность: каждая страница выходит компактной, как маленький рассказ, картины громоздятся, теснятся и, заслоняя друг друга, губят общее впечатление. В результате получается не картина, в которой все частности, как звезды на небе, слились в одно общее, а конспект, сухой перечень впечатлений. Пишущий, например Вы, поймет меня, читатель же соскучится и плюнет.

В Питере я прожил 2 1/2 недели и видел многих. В общем вынес впечатление, которое можно свести к тексту; "Не надейтеся на князи, сыны человеческие"… Хороших людей видел много, но судей нет. Впрочем, может быть, это к лучшему.

Жду февральского "Сев«ерного» вестника", чтобы прочесть Ваше "По пути". Плещеев говорил, что цензура сильно пощипала Вас. С Новым годом! Будьте здоровы и

счастливы.

Искренно Вам преданный

А. Чехов.

P. S. Ваш "Соколинец", мне кажется, самое выдающееся произведение последнего времени. Он написан, как хорошая музыкальная композиция, по всем тем правилам, к«ото»рые подсказываются художнику его инстинктом. Вообще в Вашей книге Вы такой здоровенный художник, такая силища, что Ваши даже самые крупные недостатки, к«ото»рые зарезали бы другого художника, у Вас проходят незамеченными. Наприм«ер», во всей Вашей книге упрямо отсутствует женщина, и это я только недавно разнюхал.

355. И. Л. ЛЕОНТЬЕВУ (ЩЕГЛОВУ)

10 января 1888 г. Москва.

10.

Милый Альба! Так-таки одного слова я и не разобрал в Вашем письме, хотя и глядел на него в лупу. Ну, почерк!

Возвращаю письмо Горленко вместе с большим спасибо. Оно хорошо, но в нем есть один очень крупный недостаток: Вас нужно не столько хвалить за то, что Вы хорошо пишете, сколько бранить и поносить за то, что мало пишете… В хорошенькой "Миньоне" я нашел несколько промахов, которые объяснил себе только Вашим малописанием. Зажгите себя! Ведь Вы так легко воспламеняетесь! "Малописание для пишущего так же вредно, как для медика отсутствие практики" (Сократ, X, 5).

Если можно, пришлите мне статью из 1 № "Недели". У меня ее нет, и негде достать.

Пишу повесть для толстого журнала. Скоро кончу и пришлю. Ура-а-а!!!

Когда будете ужинать у А. Н. Плещеева, то выпейте вместо меня рюмку водки за его боярское здравие.

Позвольте сделать Вам маленькое замечание относительно Вашей невоспитанности. Я послал Вам свою карточку и молчал, думая, что Вы догадаетесь сами отплатить мне тем же. Но Вы отплатили мне черною неблагодарностью. Извольте в 24 часа выслать мне Вашу карточку, иначе я через полицию потребую у Вас обратно свою.

Третьего дня был у меня Давыдов, просидел всю ночь и очень недурно читал кое-что из толстовской "Власти тьмы". Ему бы Акима играть.

Будьте бесконечно здоровы и счастливы. Жму руку и пребываю душевно преданным

А. Чехов.

Отчего не строчите субботников, злодей?

Напишите с десяток таких прелестей, как "Миньона", и издайте сборник.

В марте я еду в Кубань. Там:

"Amare et non morire…"

Как зовут но батюшке Б. Баранцевича? Я получил от него "Рабу". Хотелось бы поблагодарить письменно.

Знаете что? Давайте-ка летом напишем по роману! Возьмем много денег и поедем куда-нибудь к лешему.

12-го янв«аря» у меня пьянство - Татьянин день.

17-го янв«аря» тоже пьянство - я именинник.

Итого - каценъямер*. * похмелье (нем. Katzenjammer).

356. Ал. П. ЧЕХОВУ 10 или 11 января 1888 г. Москва.

Гусинский!

В качестве медикуса прошу тебя не полениться подробно описать мне болезнь и операцию А«нны» И«вановны» Где абсцесс? Что резали? Почему абсцесс?

В качестве знаменитого литератора молю тебя слезно зайти в контору "Нов«ого» врем«ени»" и попросить Полину выслать мне крохи за новогоднюю сказку. Следует мне 36 руб. Затруднять такой суммой Волкова стыдно. Я безденежен, как курицын сын.

С Новым годом! У меня catarrhus intestinalis*. Votre a tous Чехов. На обороте:

Петербург,

Пески, уг. 2-й и Мытинской, 1-30, кв. 19 Александру Павловичу Чехову. * катар кишечника (лат.).

357. Д. В. ГРИГОРОВИЧУ

12 января 1888 г. Москва.

12 янв. Татьянин день. (Университетская годовщина.)

Не стану объяснять Вам, уважаемый Дмитрий Васильевич, как дорого и какое значение имеет для меня Ваше последнее великолепное письмо. Каюсь, я не выдержал впечатления и копию с письма послал Короленко - кстати говоря, очень хорошему человеку. По прочтении письма мне стало не особенно стыдно, так как оно застало меня за работой для толстого журнала. Вот Вам ответ на существенную часть Вашего письма: я принялся за большую вещь. Написал уж я немного больше двух печатных листов и, вероятно, напишу еще три. Для дебюта в толстом журнале я взял степь, которую давно уже не описывали. Я изображаю равнину, лиловую даль, овцеводов, жидов, попов, ночные грозы, постоялые дворы, обозы, степных птиц и проч. Каждая отдельная глава составляет особый рассказ, и все главы связаны, как пять фигур в кадрили, близким родством. Я стараюсь, чтобы у них был общий запах и общий тон, что мне может удаться тем легче, что через все главы у меня проходит одно лицо. Я чувствую, что многое я поборол, что есть места, которые пахнут сеном, но в общем выходит у меня нечто странное и не в меру оригинальное. От непривычки писать длинно, из постоянного, привычного страха не написать лишнее я впадаю в крайность. Все страницы выходят у меня компактными, как бы прессованными; впечатления теснятся, громоздятся, выдавливают друг друга; картинки, или, как Вы называете, блестки, тесно жмутся друг к другу, идут непрерывной цепью и поэтому утомляют. В общем получается не картина, а сухой, подробный перечень впечатлений, что-то вроде конспекта; вместо художественного, цельного изображения степи я преподношу читателю "степную энциклопедию". Первый блин комом. Но я не робею. И энциклопедия, авось, сгодится. Быть может, она раскроет глаза моим сверстникам и покажет им, какое богатство, какие залежи красоты остаются еще нетронутыми и как еще не тесно русскому художнику. Если моя повестушка напомнит моим коллегам о степи, которую забыли, если хоть один из слегка и сухо намеченных мною мотивов даст какому-нибудь поэтику случай призадуматься, то и на этом спасибо. Вы, я знаю, поймете мою степь и ради нее простите мне невольные прегрешения. А грешу я невольно, потому что, как теперь оказывается, не умею еще писать больших вещей.

Прерванный роман буду продолжать летом. Роман этот захватывает целый уезд (дворянский и земский), домашнюю жизнь нескольких семейств. "Степь"- тема отчасти исключительная и специальная; если описывать ее не между прочим, а ради нее самое, то она прискучивает своею однотонностью и пейзанством; в романс же взяты люди обыкновенные, интеллигентные, женщины, любовь, брак, дети - здесь чувствуешь себя, как дома, и не утомляешься.

Самоубийство 17-тилетнего мальчика - тема очень благодарная и заманчивая, но

ведь за нее страшно браться! На измучивший всех вопрос нужен и мучительно-сильный ответ, а хватит ли у нашего брата внутреннего содержания? Нет. Обещая успех этой теме, Вы судите по себе, но ведь у людей Вашего поколения, кроме таланта, есть эрудиция, школа, фосфор и железо, а у современных талантов нет ничего подобного, и, откровенно говоря, надо радоваться, что они не трогают серьезных вопросов. Дайте Вы им Вашего мальчика, и я уверен, что X, сам того не сознавая, от чистого сердца наклевещет, налжет и скощунствует, Y подпустит мелкую, бледную тенденцию, а Z объяснит самоубийство психозом. Ваш мальчик - натура чистенькая, милая, ищущая бога, любящая, чуткая сердцем и глубоко оскорбленная. Чтобы овладеть таким лицом, надо самому уметь страдать, современные же певцы умеют только ныть и хныкать. Что же касается меня, то, помимо всего сказанного, я еще вял и ленив.

На днях у меня был В. Н. Давыдов. Он играл в моем "Иванове", и по этому случаю мы с ним приятели. Узнав, что я собираюсь писать Вам, он воспрянул духом, сел за стол и написал письмо, которое я и прилагаю.

Читаете ли Вы Короленко и Щеглова? О последнем говорят много. По-моему, он талантлив и оригинален. Короленко по-прежнему любимец публики и критики; книга его идет превосходно. Из поэтов начинает выделяться Фофанов. Он действительно талантлив, остальные же как художники ничего не стоят. Прозаики еще туда-сюда, поэты же совсем швах. Народ необразованный, без знаний, без мировоззрения. Прасол Кольцов, не умевший писать грамотно, был гораздо цельнее, умнее и образованнее всех современных молодых поэтов, взятых вместе.

Моя "Степь" будет напечатана в "Северном вестнике". Я напишу Плещееву, чтобы он распорядился оставить для Вас оттиск.

Я очень рад, что боли оставили Вас. Они составляли суть Вашей болезни, а все остальное не так важно. В кашле нет ничего серьезного и общего с Вашей болезнью. Он, несомненно, простудный и пройдет вместе с холодом. Сегодня придется много пить за здоровье людей, учивших меня резать трупы и писать рецепты. Вероятно, придется пить и за Ваше здоровье, так как у нас не проходит ни одна годовщина без того, чтобы пьющие не помянули добром Тургенева, Толстого и Вас. Литераторы пьют за Чернышевского, Салтыкова и Гл. Успенского, а публика (студиозы, врачи, математики и проч.), к которой я принадлежу как эскулап, все еще держится старины и не хочет изменять родным именам. Я глубоко убежден, что пока на Руси существуют леса, овраги, летние ночи, пока еще кричат кулики и плачут чибисы, не забудут ни Вас, ни Тургенева, ни Толстого, как не забудут Гоголя. Вымрут и забудутся люди, которых Вы изображали, но Вы останетесь целы и невредимы. Такова Ваша сила и таково, значит, и счастье.

Простите, я утомил Вас длинным письмом, но, что делать, рука разбежалась, и хотелось подольше поговорить с Вами.

Я надеюсь, что это письмо застанет Вас в тепле, бодрым и здоровым. Приезжайте летом в Россию; в Крыму так же, говорят, хорошо, как и в Ницце.

Еще раз благодарю Вас за письмо, желаю всего хорошего и остаюсь искренно, душевно преданным

А. Чехов.

358. А. С. КИСЕЛЕВУ

Январь, после 12, 1888 г. Москва.

"Злодей, ты побежден!"

Это можете петь Вы вместе с Зибелем по моему адресу. Действительно, акта не было, и я проиграл пари. Впрочем, обедня в университ«етской» церкви была.

Татьяна прошла скучно и скудно. Денег нет, пить не с кем, все вяло, бледно и натянуто.

Передайте Марии Владимировне, что "унижение паче гордости". Если бы ее рассказ

был плох, то Сысоева не стала бы скрывать этого в письме на мое имя. И я бы не стал лгать. Что хорошо, то не может быть плохим. Плохо только то, что Мария Владимировна там, где дело касается ее литературы, не хочет просто и прямо смотреть на вещи. Если она пишет для славы и для собственного удовольствия, то, конечно, она права, если же пишет для денег, как аз многогрешный, то скромность и мнительность совсем излишни. Пока дают гонорар, надо спешить брать… Не правда ли?

Умер редактор "Сотрудника" Богомолов.

Поклон всем. До свиданья!

Ваш А. Чехов.

Ах, если б у меня были деньги!

Мой геморрой дает себя знать, как квартальный на пожаре. Нет моей мочи!

359. Я. П. ПОЛОНСКОМУ

18 января 1888 г. Москва.

18-го янв. 1888 г.

Несколько дней, многоуважаемый Яков Петрович, я придумывал, как бы получше ответить на Ваше письмо, но ничего путного и достойного не придумал и пришел к заключению, что на такие хорошие и дорогие письма, как Ваше, я еще не умею отвечать. Оно было для меня неожиданным новогодним подарком, и если Вы припомните свое прошлое, когда Вы были начинающим, то поймете, какую цену оно имеет для меня.

Мне стыдно, что не я первый написал Вам. Признаться, я давно уже хотел написать, да стеснялся и трусил.

Мне казалось, что наша беседа, как бы она ни приблизила меня к Вам, не давала еще мне права на такую честь, как переписка с Вами. Простите за малодушие и мелочность.

Вашу книгу и фотографию я получил. Портрет Ваш уже висит у меня над столом, проза читается всею семьей. Почему это Вы говорите, что Ваша проза поросла мохом и заиндевела? Если только потому, что современная публика не читает ничего, кроме газет, то этого еще недостаточно для такого поистине холодного, осеннего приговора. К чтению Вашей прозы я приступил с уверенностью, или с предубеждением - это вернее; дело в том, что, когда я еще учил историю литературы, мне уже было известно одно явление, которое я возвел почти в закон: все большие русские стихотворцы прекрасно справляются с прозой. Этого предубеждения Вы у меня из головы гвоздем но выковырите, и оно не оставляло меня и в те вечера, когда я читал Вашу прозу. Может быть, я и не прав, но лермонтовская "Тамань" и пушкинская "Капит«анская» дочка", не говоря уж о прозе других поэтов, прямо доказывают тесное родство сочного русского стиха с изящной прозой.

На Ваше желание посвятить мне стихотворение я могу ответить только поклоном и просьбой - позволить мне посвятить Вам в будущем ту мою повесть, которую я напишу с особенною любовью. Ваша ласка меня тронула, и я никогда не забуду ее. Помимо ее теплоты и той внутренней прелести, какую носит в себе авторское посвящение, Ваше "У двери" имеет для меня еще особую цену: оно стоит целой хвалебной критической статьи авторитетного человека, потому что благодаря ему я в глазах публики и товарищей вырасту на целую сажень.

Относительно сотрудничества в газетах и иллюстрациях я вполне согласен с Вами. Не все ли равно, поет ли соловей на большом дереве или в кусте? Требование, чтобы талантливые люди работали только в толстых журналах, мелочно, попахивает чиновником и вредно, как все предрассудки. Этот предрассудок глуп и смешон. Он имел еще смысл тогда, когда во главе изданий находились люди с ясно выраженной физиономией, люди вроде Белинских, Герценов и т. п., которые не только платили гонорар, но и притягали, учили и воспитывали, теперь же, когда вместо литературных физиономий во главе изданий торчат какие-то серые круги и собачьи

воротники, пристрастие к толщине издания не выдерживает критики и разница между самым толстым журналом и дешевой газеткой представляется только количественной, т. е. с точки зрения художника не заслуживающей никакого уважения и внимания. Сотрудничеству в толстых журналах нельзя отказать только в одном удобстве: длинная вещь не дробится и печатается целиком. Когда я напишу большую вещь, пошлю в толстый журнал, а маленькие буду печатать там, куда занесут ветер и моя свобода.

Между прочим, я пишу большую вещь, которая будет напечатана, вероятно, в "Северном вестнике". В небольшой повести я изображаю степь, степных людей, птиц, ночи, грозы и проч. Писать весело, но боюсь, что от непривычки писать длинно я то и дело сбиваюсь с тона, утомляюсь, не договариваю и недостаточно серьезен. Есть много таких мест, к«ото»рые не поймутся ни критикой, ни публикой; той и другой они покажутся пустяшными, не заслуживающими внимания, но я заранее радуюсь, что эти-то самые места поймут и оценят два-три литературных гастронома, а этого с меня достаточно. В общем моя повестушка меня не удовлетворяет. Она кажется мне громоздкой, скучной и слишком специальной. Для современной читающей публики такой сюжет, как степь с ее природой и людьми, представляется специальным и малозначащим.

Я приеду в Петербург, вероятно, в начале марта, чтобы проститься с добрыми знакомыми и ехать в Кубань. Апрель и май проживу в Кубани и около Черного моря, а лето в Славянске или на Волге. Летом я не могу сидеть на одном месте.

Позвольте мне еще раз поблагодарить Вас за Ваше письмо и за посвящение. Я не заслужил еще ни того, ни другого. Будьте здоровы, счастливы и верьте в искреннее уважение и любовь преданного Вам

А. Чехова.

P. S. На днях я вернулся из деревни. В деревне и зимой хорошо. Если бы Вы могли видеть ослепительно белые поле и лес, на которых блестит солнце! Глазам больно. Пришлось вскрывать скоропостижно издохшую корову. Хоть я и не ветеринар, а врач, но все-таки за неимением специалистов приходится иногда браться и за ветеринарию.

360. А. И. ПЛЕЩЕЕВУ

19 января 1888 г. Москва.

19 январь.

Дорогой Алексей Николаевич!

С Новым годом, с новым счастьем! Многие лета Вам здравствовать. Искренность моих благопожеланий и моя преданность Вам пусть послужат для меня смягчающим вину обстоятельством, и Вы простите мне запоздалость моего поздравления.

Я к Вам с просьбой. На днях я получил письмо от литератора Николая Аполлоновича Путяты, сотрудника московских газет, переводчика и негласного редактора когда-то существовавших журналов "Свет и тени", "Мирской толк" и "Европейская библиотека", автора кое-каких книжек и проч… Он жалуется на безвыходное положение и слезно просит меня, не могу ли я написать кому-нибудь в Питер, чтобы за него походатайствовали в Литературном фонде? Его просьбу исполняю я тем охотнее, что лечу его, вижу его непроходимую бедность и верую в неизлечимость болезни. Он болен чахоткой. Служит он корректором в "Московских ведомостях", но по болезни работать ему приходится мало или через силу, и скоро, вероятно, ему откажут от места.

Услугами Литературного фонда он уже пользовался два раза. Его адрес: Типография "Моск«овских» ведомостей".

Теперь два слова о себе. Я здравствую, работаю и скучаю. Пишу я теперь повестушку для толстого журнала и, как только кончу, пришлю ее Вам: буду просить Вас протежировать мне в "Северном вестнике". Описываю я степь. Сюжет поэтичный, и если я не сорвусь с того тона, каким начал, то кое-что выйдет у меня "из ряда вон выдающее". Чувствую, что есть в моей повестушке места, которыми я угожу Вам,

мой милый поэт, но в общем я едва ли потрафлю… Выйдет у меня 4-5 печатных листов; из них два листа заняты описаниями природы и местностей - скучно!

Ах, как бы я хотел попасть к Вам в мартовскую книжку! Весь январь я работаю над "Степью", ничего больше не пишу, а потому разорился в пух и прах. Если "Степь" будет напечатана позже марта, то я взвою волком. Вышлю я ее Вам к 1 февралю. Если Вы предвидите, что в мартовской книжке места не будет, то, дорогой мой, дайте мне знать; я не буду спешить со "Степью" и нацарапаю ради гонорара что-нибудь в "Новое время" и "Пет«ербургскую» газету".

Писать большое очень скучно и гораздо труднее, чем писать мелочь. Вы прочтете и увидите, какую уйму трудностей пришлось пережить моему неопытному мозгу.

Прощайте и будьте счастливы. Почтение всему Вашему радушному семейству. Если позволите, обнимаю Вас и пребываю неизменно и искренно преданным Чеховым.

Москва, Кудринская Садовая, д. Корнеева.

361. И. Л. ЛЕОНТЬЕВУ (ЩЕГЛОВУ)

22 января 1888 г. Москва.

22 янв.

Милый Альба! Получил я и письмо, и Вашу физиогномию, и "Неделю". За все, за все благодарю! Статья в "Неделе" действительно неплоха. Кое-какие мысли о нашем бессилии, к«ото»рое деликатный автор назвал безвластием, приходили и мне в голову. В наших талантах много фосфора, но нет железа. Мы, пожалуй, красивые птицы и поем хорошо, но мы не орлы.

Впрочем, все это вздор. Покуксим об этом при свидании, когда будем рикикикать у Палкина, а теперь успокоимся на уверении статьи "Недели", что мы виртуозы… Да, виртуозы, но играющие свое… Делаем, что можем, а если человечеству не угодна наша служба, то ну его к ляху!

Вам, о маловер, интересно знать, какие промахи нашел я в Вашей "Миньоне"… Прежде чем указать на них, предупреждаю, что они имеют скорее "трагический" интерес, чем критико-литературный. Уловить их монет только пишущий, но никак не читатель. Вот они… Мне кажется, что Вы, как мнительный и маловерный автор, из страха, что лица и характеры будут недостаточно ясны, дали слишком большое место тщательной, детальной обрисовке. Получилась от этого излишняя пестрота, дурно влияющая на общее впечатление. Боясь, что читатель Вам не поверит, Вы в доказательство того, как может иногда сильно влиять музыка, занялись усердно психикой Вашего фендрика; психика Вам удалась, но зато расстояние между такими моментами, как "amare, morire"* и выстрелом, у Вас получилось длинное, и читатель, прежде чем дойти до самоубийства, отдыхает от боли, причиненной ему "amare, morire". А нельзя давать ему отдыхать; нужно держать его напряженным… Эти указания не имели бы места, если бы "Миньона" была большою повестью. У больших, толстых произведений свои цели, требующие исполнения самого тщательного, независимо от общего впечатления. В маленьких же рассказах лучше недосказать, чем пересказать, потому что… потому что… не знаю почему… Во всяком случае, помните, что Ваши промахи только я один считаю промахами (весьма неважными, "трагическими"), а я очень часто ошибаюсь. Быть может, Вы правы, а не я… Я, надо заметить, очень часто ошибался и говорил не то, что думаю теперь. Стало быть, моя критика ничего не стоит.

Ах, как мне хочется в Питер!

Получил сегодня от А. Н. Плещеева очень милое "дедушкино" письмо. Жалуется, что Вы редко с ним видаетесь. Я оканчиваю рукопись для "Северного вестника". Как это трудно!

Поклонитесь Баранцевичу.

Весной я еду в Кубань, а летом буду жить с семьей в Славянске. Не хотите ли жить вместе? Прожить в Славянске стоит в 3 раза дешевле, чем в Питере. Будет не скучно.

Моя повесть появится в мартовской книжке "Сев«ерного» вест«ника»". Странная она какая-то, но есть отдельные места, которыми я доволен. Меня бесит то, что в ней нет романа. Без женщины повесть, что без паров машина. Впрочем, женщины у меня есть, но не жены и не любовницы. А я не могу без женщин!!!

Напишите мне письмо подлинней, а я Вам отвечу тем же. Прощайте, Альба. Дай бог Вам здоровья.

Ваш А. Чехов. * "любить, умереть" (итал.).

362. А. Н. ПЛЕЩЕЕВУ

23 января 1888 г. Москва.

23 янв.

Милый и дорогой Алексей Николаевич, большое Вам спасибо за Ваше доброе, ласковое письмецо. Как жаль, что оно не пришло тремя часами раньше! Представьте, оно застало меня за царапаньем плохонького рассказца для "Пет«ербургской» газеты"… Ввиду предстоящего первого числа с его платежами я смалодушествовал и сел за срочную работу. Но это не беда. На рассказ потребовалось не больше полудня, теперь же я могу продолжать свою "Степь". В своем письме Вы оказали моей повестушке такой хороший прием, что я боюсь… Вы ждете от меня чего-то особенного, хорошего - какое поле для разочарований! Робею и боюсь, что моя "Степь" выйдет незначительной. Пишу я ее не спеша, как гастрономы едят дупелей: с чувством, с толком, с расстановкой. Откровенно говоря, выжимаю из себя, натужусь и надуваюсь, но все-таки в общем она не удовлетворяет меня, хотя местами и попадаются в ней "стихи в прозе". Я еще не привык писать длинно, да и ленив. Мелкая работа меня избаловала.

Кончу "Степь" к 1-5 февраля, не раньше и не позже. Пришлю ее непременно на Ваше имя, так как, дебютируя в толстых журналах, я хочу просить Вас быть моим крестным батькой. Вам не придется ездить в почтамт и засвидетельствовать повестку, так как вышлю я Вам посылку "с доставкой". Вы только заплатите четвертак, который я буду Вам должен. Ради бога, простите за беспокойство! У Вас и так много забот, а тут я еще одолеваю Вас своими пустяками, да еще покушаюсь на четвертак…

Островский мне очень и очень понравился. С ним не только не скучно, но даже весело… Да, он годился бы в критики. Он имеет хорошее чутье, массу читал, по-видимому, очень любит литературу и оригинален. Я уловил несколько оброненных им определений, которые целиком можно было бы напечатать в учебнике "Теория словесности". Я к нему обязательно побегу, как только покончу со "Степью". После того как я поговорил с ним о моем выкидыше "Иванове", я узнал цену, какую имеют для нашего брата такие люди.

Что Леонтьев? Милый он человечина, симпатичный, теплый и талантливый, но любит падать духом и куксить. Его постоянно нужно возбуждать извне и заводить, как часы… Мы переписываемся. Он величает меня в письмах почему-то Эгмонтом, а я, чтоб не оставаться в долгу, окрестил его Альбой.

До весны я побываю в Питере, а весной укачу куда-нибудь в тепло. Поедемте!

Во всех наших толстых журналах царит кружковая, партийная скука. Душно! Не люблю я за это толстые журналы, и не соблазняет меня работа в них. Партийность, особливо если она бездарна и суха, не любит свободы и широкого размаха.

Прощайте, мой дорогой. Еще раз спасибо Вам. Поклонитесь Вашему семейству, общим знакомым и приезжайте на масленицу. Поедим блинов… Прихватите с собой Щеглова.

Будьте здоровы и счастливы.

Ваш А. Чехов.

363. Ал. П. ЧЕХОВУ 29 января 1888 г. Москва.

29.

Милый Гусопуло! Прости, что я тебе так долго не писал и что теперь напишу только несколько строк. Представь, душа моя, я спешу окончить для Сев«ерного» вестника" большую повесть! Как только кончу (после 1-го февр«аля»), сейчас же напишу тебе, ибо имею о многом сообщить и спросить.

Скажи Петерсену, что в мартовской книжке "Сев«ерного» вестн«ика»" будет моя большая вещь.

Теперь просьба: возьми в "Петерб«ургской» газ«ете»" мой ничтожный гонорар и поспеши выслать убогому брату своему.

Отчего не бываешь у Плещеева? Экий ты, право, Пантелей! Ну что тебе стоит раз в месяц наведываться к людям, знакомство с которыми и интересно и душеспасительно?

Странные мытарства переживает бедная А«нна» И«вановна»! Неужели у Вас в Питере некому поставить диагноз? Удивляла меня смелость, с к«ото»рой ей прописали операцию!

Будь здоров.

Твой Antoine.

Счет "Пет«ербургской» газ«ете»"

№ 24 "Спать хочется" 288 стр«ок»

288 X 12=34 р. 56 к.

Сии деньги не зажуль, а вышли.

364. А. Н. ПЛЕЩЕЕВУ

3 февраля 1888 г. Москва.

3-го февраля.

Здравствуйте, дорогой Алексей Николаевич! "Степь" кончена и посылается. Не было ни гроша, и вдруг алтын. Хотел я написать два-три листа, а написал целых пять. Утомился, замучился от непривычки писать длинно, писал не без напряжения и чувствую, что наерундил немало.

Прошу снисхождения!!

Сюжет "Степи" незначителен; если она будет иметь хоть маленький успех, то я положу ее в основание большущей повести и буду продолжать. Вы увидите в ней не одну фигуру, заслуживающую внимания и более широкого изображения.

Пока писал, я чувствовал, что пахло около меня летом и степью. Хорошо бы туда поехать!

Ради бога, дорогой мой, не поцеремоньтесь и напишите, что моя повесть плоховата и заурядна, если это действительно так. Ужасно хочется знать сущую правду.

Если редакция найдет ее годной для "Вестника", то я очень рад служить ей и ее читателям. Похлопочите, чтобы моя "Степь" вся целиком вошла в один номер, ибо дробить ее невозможно, в чем Вы сами убедитесь по прочтении. Попросите оставить для меня несколько оттисков. Я хочу послать Григоровичу, Островскому… Насчет аванса у нас уже был разговор. Скажу еще только, что чем раньше я получу его, тем лучше, ибо я зачах, как блоха в вейнбергском анекдоте. Если издательница спросит о цифре гонорара, то скажите ей, что я полагаюсь на ее волю, в глубине же души, грешный человек, мечтаю о двухстах за лист.

Простите за беспокойство. Авось, коли живы будем, судьба даст мне счастливый

случай отплатить Вам хорошей услугой!

"Степь" писана на отдельных четвертухах. Когда получите посылку, обрежьте ниточки.

Прощайте и будьте счастливы.

Я отдыхаю. Завтра побегу к Островскому. Кланяйтесь Вашей семье и Щеглову.

Душевно преданный дебютант

Антуан Чехов.

Моя "Степь" похожа не на повесть, а на степную энциклопедию.

365. М. В. КИСЕЛЕВОЙ

3 февраля 1888 г. Москва.

3 февр.

Многоуважаемая

Мария Владимировна!!

Ставлю два восклицательных знака от злости. Вы согласились работать у Сысоихи за 30 рублей, да еще попросили вычесть из гонорара за журнал! Вы отослали свою (судя по словам Михайлы) прелестную повестушку Владимиру Петровичу для передачи в какой-то литературный "Рылиндрон"! Покорнейше Вас благодарю! Очень Вами благодарен! Делайте теперь, что хотите, обесценивайте литературный труд, сколько угодно, ублажайте белобрысых Истоминых и медоточивых Сысоих, посылайте свои повести хоть в "Странник" или в "Тульские ведомости", я же воздержусь от советов и указаний. Если моя маленькая опытность не имеет цены, а доброжелательство мое не заслуживает доверия, то мне остается только посыпать пеплом главу и хранить гробовое молчание.

Я утомлен до мозга костей. Вчера окончил, а сегодня послал повесть, которую Вы увидите в мартовской книжке "Северного вестника". Многое Вам в ней понравится, а многое очень не понравится. Во всяком случае увидите, сколько сока и напряжения пошло на нее. Давно уж в толстых журналах не было таких повестей; выступаю я оригинально, но за оригинальность мне достанется так же, как за "Иванова". Разговоров будет много. Написал я около пяти печатных листов. Запросил по двести за лист и непременным условием поставил - деньги вперед! Написал в редакцию, чтобы мне выслали журнал, но не попросил, чтобы за него вычли из гонорара.

Как живут Василиса и Коклюш?

Счастливцы, скоро весна!

После каторжной работы над повестью я гуляю сегодня и буду гулять завтра.

Откровенно говоря, никак не могу понять, о каком таком благоразумии моем Вы упоминаете в письме к Ма-Пе. Вы и Ваш супруг стали в последнее время что-то очень часто прохаживаться насчет моих умственных способностей. Он подарил мне рюмку с надписью: "Пьяный проспится, а дурак никогда". Вы же намеренно подчеркиваете благоразумие… Хорошо-с, так и запишем!

С Вашим супругом, когда он был в Москве, мы вели себя хорошо. Я его останавливал от нехороших поступков.

Поклон всем! Алексею Сергеевичу, Василисе, Коклюшу, Елизавете Александровне и Бабкину.

Спасибо за многочисленные именинные подарки.

Искренно преданный

Васенька.

366. А. С. ЛАЗАРЕВУ (ГРУЗИНСКОМУ)

4 февраля 1888 г. Москва.

4 февраль.

Спасибо Вам за письмо, добрейший Александр Семенович. Я тоже здрав и жив. "Степь" вчера кончил и отправил в "Северн«ый» вестник". Вышло у меня, кажется, больше пяти печатных листов.

200 X 5 = 1000 руб.

Надо быть очень великим писателем, чтобы в один (1) месяц заработать тысячу рублей. Не правда ли?

На свою "Степь" я потратил много соку, энергии и фосфора, писал с напряжением, натужился, выжимал из себя и утомился до безобразия. Удалась она или нет, не знаю, но во всяком случае она мой шедевр, лучше сделать не умею, и посему Ваше утешение, что "иногда вещицы не задаются" (в случае неуспеха), утешить меня не может. Дебют, масса энергии, напряжение, хороший сюжет и проч.-тут уж едва ли подойдет Ваше "иногда". Если при данных условиях написал скверно, то при условиях менее благоприятных напишу, значит, еще хуже…

Да-с, батенька! У Вас еще впереди будущее (2-3 года), а я переживаю кризис. Если теперь не возьму приза, то уж начну спускаться по наклонной плоскости… А Вы меня утешаете наречием "иногда"! Когда Вы будете умирать, я напишу Вам: "Люди иногда умирают", а когда, потратив все, что имели, будете дебютировать в чем-нибудь, напишу: "Дебютанты иногда проваливаются". И Вы утешитесь.

От Лейкина и Билибина слышится гробовое молчание. Молчание первого носит в себе зловещий характер. Крику сычей и филинов я придаю гораздо меньшее значение, чем молчанию тонких дипломатов. Со страхом о/кидаю какой-нибудь большой глупости или сплетни. Будьте здоровы.

Ваш А. Чехов.

367. И. Л. ЛЕОНТЬЕВУ (ЩЕГЛОВУ)

4 февраля 1888 г. Москва.

4 февраля.

Милый капитан! Простите, что так долго не отвечал на Ваше пессимистическое письмо. Был занят по горло и утомлен, как сукин сын…

Теперь отвечаю. Да, правда, жить иной раз бывает противно и гадко; но Вы стреляете не туда, куда надо. Дело не в Буренине, не в Бежецком, не в "Миньоне", но в возвращенном субботнике. Все несчастье в Вашей способности находиться под постоянным воздействием отдельных явлений и лиц. Вы хороший писатель, но совсем не умеете или не хотите обобщать и глядеть на вещи объективно. Нервы, нервы и паки нервы!

Бежецкому не нравится Ваша "Миньона". Это естественно. Писатели ревнивы, как голуби. Лейкину не нравится, если кто пишет из купеческого быта, Лескову противно читать повести из поповского быта, не им написанные, а Бежецкий никогда не похвалит Ваших военных очерков, потому что только себя считает специалистом по военной части. Ведь Вам же не нравятся его превосходные "Военные на войне"! Все нервны и ревнивы.

Вы пишете, что Буренин имеет против Вас нечто. Неправда. По привычке, свойственной всем пишущим, он заглазно редко говорит о ком-нибудь хорошо, но если его спросят, кто лучше - Вы или Салиас, которого он восхваляет, то ему станет смешно от этого вопроса и он засмеется. Если субботник возвращен Вам, то, стало быть, он в самом деле длинен.

Если он длинен и возвращен, то почему Вы не отослали его в "Русскую мысль", где его напечатают с удовольствием? Почему не отдать его в "Северный вестник", в "Север" и проч.?

Нет, не туда вы стреляете… Если бы Вы умели смотреть на жизнь объективно, то не пели бы Лазаря. Вы один из счастливейших из современных писателей. Вас читают, любят, хвалят, избирают в "члены"; Ваши пьесы ставятся и смотрятся… какого же лешего Вам еще нужно от муз? В литературе Вы уже по крайней мере подполковник (с золотым оружием), а такого чина совершенно достаточно, чтобы не приходить в ужас и не терять надежд на будущее только потому, что кусаются блохи и воет под окном собака.

К сожалению, все это длинно и не помещается в письме. Приходится подробности и продолжение отложить до свидания, а пока скажу: Вы не правы, Альба! Я знаю два десятка писателей, которые мечтают о такой судьбе, как Ваша…

Ну-с, я жив и здрав. Свой "мартовский плод" я кончил и послал А. И. Плещееву. Не ждите ничего особенно хорошего и вообще хорошего. Разочаруетесь в Антуане, потому что Антуан, как я теперь убедился, совсем неспособен писать длинные вещи.

Появление г. Ясинского в "Новом времени" - это большое литературное свинство. Он плюнул себе в лицо. Но его "Пожар" превосходная вещица.

Читаю Вашу "Идиллию". Чудак, отчего Вы не напишете большого романа? У Вас все данные для этого. Прощайте. Пишите.

Ваш Антуан Чехов.

368. Д. В. ГРИГОРОВИЧУ

5 февраля 1888 г. Москва.

5 февраля.

Дорогой Дмитрий Васильевич!

Третьего дня я кончил и послал в "Северный вестник" свою "Степь", о которой уже писал Вам. Вышло у меня около пяти печатных листов, а пожалуй, и более. Если ее не забракуют, то появится она в мартовской книжке; Вам пришлю я оттиск, о котором писал уже в редакцию.

Я знаю, Гоголь на том свете на меня рассердится. В нашей литературе он степной царь. Я залез в его владения с добрыми намерениями, но наерундил немало. Три четверти повести не удались мне.

Около 10-го января я послал Вам два письма: свое и В. Н. Давыдова. Получили ли? Между прочим, я писал в своем письме о Вашем сюжете-самоубийстве 17-тилетнего мальчика. Я сделал слабую попытку воспользоваться им. В своей "Степи" через все восемь глав я провожу девятилетнего мальчика, который, попав в будущем в Питер или в Москву, кончит непременно плохим. Если "Степь" будет иметь хоть маленький успех, то я буду продолжать ее. Я нарочно писал ее так, чтобы она давала впечатление незаконченного труда. Она, как Вы увидите, похожа на первую часть большой повести. Что касается мальчугана, то почему я изобразил его так, а не иначе, я расскажу Вам, когда вы прочтете "Степь".

Не знаю, понял ли я Вас? Самоубийство Вашего русского юноши, по моему мнению, есть явление, Европе не знакомое, специфическое. Оно составляет результат страшной борьбы, возможной только в России. Вся энергия художника должна быть обращена на две силы: человек и природа. С одной стороны, физическая слабость, нервность, ранняя половая зрелость, страстная жажда жизни и правды, мечты о широкой, как степь, деятельности, беспокойный анализ, бедность знаний рядом с широким полетом мысли; с другой - необъятная равнина, суровый климат, серый, суровый народ со своей тяжелой, холодной историей, татарщина, чиновничество, бедность, невежество, сырость столиц, славянская апатия и проч… Русская жизнь бьет русского человека так, что мокрого места не остается, бьет на манер тысячепудового камня. В З«ападной» Европе люди погибают оттого, что жить тесно и

душно, у нас же оттого, что жить просторно… Простора так много, что маленькому человечку нет сил ориентироваться… Вот что я думаю о русских самоубийцах… Так ли я Вас понял? Впрочем, об этом говорить в письме невозможно, потому что тесно. Эта тема хороша для разговора. Как жаль, что Вы не в России!

У Вас теперь тепло и сухо, и я уверен, Вы уже не кашляете. Курите табак полегче, а главное, покупайте гильзы для папирос получше. Часто в гильзах бывает гораздо больше яда, чем в табаке. До свиданья! Будьте здоровы, веселы и счастливы.

Вам искренно преданный

Антон Чехов.

369. А. Н. ПЛЕЩЕЕВУ

5 февраля 1888 г. Москва.

5 февраль.

Большое Вам спасибо, дорогой Алексей Николаевич! Вчера я получил и отвез Путяте 75 руб. Эти деньги пришли очень кстати, так как Путята хотя и лежит в постели, но быстро и широко шагает к могилке.

Получили ли мою "Степь"? Забракована она или же принята в лоно "Северного вестника"? Я послал Вам ее вчера не посылкой, как предполагал раньше, а заказною бандеролью - этак скорее дойдет. Не опоздал ли я?

Жажду прочесть повесть Короленко. Это мой любимый из современных писателей. Краски его колоритны и густы, язык безупречен, хотя местами в изыскан, образы благородны. Хорош и Леонтьев… Этот не так смел и красив, но теплее Короленко, миролюбивее и женственней… Только - аллах керим! - зачем они оба специализируются? Первый не расстается со своими арестантами, а второй питает своих читателей только одними обер-офицерами… Я признаю специальность в искусстве, как жанр, пейзаж, историю, понимаю я амплуа актера, школу музыканта, но не могу помириться с такими специальностями, как арестанты, офицеры, попы… Это уж не специальность, а пристрастие. У вас в Питере не любят Короленко, у нас не читают Щеглова, но я сильно верю в будущность обоих. Эх, если б у нас была путевая критика!

Масленица на носу. Вы почти обещали приехать, и я жду Вас.

370. А. Л. СЕЛИВАНОВОЙ

6 февраля 1888 г. Москва.

6-го февраля 88 г.

Добрейшая землячка! Будучи обременен многочисленным семейством, обращаюсь к Вам с покорнейшей просьбой. Моя семья во что бы то ни стало хочет провести это лето поближе к Вам, то есть на юге. На семейном совете мы избрали для предстоящего лета своей резиденцией город Славянск.

Мне помнится, что впечатление на меня Вы произвели в Славянске (я тогда хотел броситься под поезд). Стало быть, Вам Славянск более или менее известен. Не можете ли Вы путем расспросов Ваших знакомых, поклонников и почитателей (директоров, инспекторов, заведующих хозяйством и прочих великих мира сего) узнать, нет ли в Славянске или около подходящего для моей семьи помещения? Нам нужен дом или усадьба по возможности дешевле, по возможности с мебелью, непременно близко к воде, непременно с тенью. Голубушка, если бы Вы разузнали, поразнюхали и спросили, то Вы сделали бы счастливыми всех дачных мужей. Если нет подходящего помещения в Славянске, то я готов жить около, но непременно в тени и обязательно вблизи железнодорожной станции. На деньги скуп я не буду, но Вы скройте от всего мира, что я миллионер, и, если Вы не прочь помочь мне, узнавайте о таких замках и виллах, которые прежде всего недороги. Жду от Вас ответа в самом скором времени.

Вашу поздравительную телеграмму я получил в четыре часа утра. Злодейка! Меня разбудили, и я, извините за выражение, босиком должен был прыгать по холодному полу к столу, чтобы расписаться. Но во всяком случае сердечно благодарю за память и крепко жму Вам руку.

Право, у Вас так много поклонников, что Вам нетрудно будет разузнать, можем ли мы иметь помещение в Славянске или нет. Для нас достаточно 4- 5 комнат.

Если мы будем жить на юге, то, надеюсь, Вы не будете приезжать к нам, иначе мы сопьемся. Пощадите нас!

После Вас, т. е. после того, как Вы уехали, в доме у нас дня три чувствовалась пустота.

Будьте здоровы, счастливы, богаты деньгами и поклонниками.

Позвольте мне пребыть

Смиренным дачным мужем

А. Чехов.

371. М. В. КИСЕЛЕВОЙ

9 февраля 1888 г. Москва.

Кланяюсь Вам и всем Вашим, многоуважаемая Мария Владимировна! Сейчас я получил из "Северного вестника" 500 руб. аванса. Будьте здоровы.

Душевно преданный

Сухой раз судок/ум.

Получили ли Вы мое письмо?

372. А. Н. ПЛЕЩЕЕВУ

9 февраля 1888 г. Москва.

9 февраля.

Сейчас из конторы Юнкера принесли мне 500 целковых, дорогой Алексей Николаевич! Очевидно, это из "Северного вестника", ибо больше получить мне неоткуда. Mercі!

Последнее Ваше письмо меня безгранично порадовало и подбодрило. Я согласился бы всю жизнь не пить вина и не курить, но получать такие письма. Предпоследнее же, на которое я ответил Вам телеграммой, меня обескуражило. Мне стало неловко и совестно, что я вынудил Вас говорить о гонораре. Деньги мне очень нужны, но говорить о них, да еще с хорошими людьми, я терпеть не могу. Ну их к черту! Жалею, что я не показался Вам достаточно ясным в том месте моего письма, где я говорил, что в денежных делах полагаюсь на волю издательницы и что мечтаю получить 200 руб. О требованиях или непременных условиях с моей стороны не было и речи, а об ультиматуме и подавно. Если я заикнулся в скобках о 200 руб., то потому, что совсем незнаком с толстожурнальными ценами и что цифру 200 не считал слишком большой. Я мерил по нововременской мерке, т. е., оценивая "Степь", старался получить не больше и не меньше того, что платит мне Суворин (15 коп. строка), но и в мыслях у меня не было сочинять ультиматумы. Я всегда беру только то, что мне дают. Даст мне "Сев«ерный» вестник" 500 за лист - я возьму, даст 50 - я тоже возьму.

На обещание поместить "Степь" целиком и высылать журнал я отвечаю обещанием угостить Вас отличнейшим донским, когда мы будем ехать летом по Волге. К несчастью, Короленко не пьет, а не уметь пить в дороге, когда светит луна и из воды выглядывают крокодилы, так же неудобно, как не уметь читать. Вино и музыка всегда для меня были отличнейшим штопором. Когда где-нибудь в дороге в моей душе или в голове сидела пробка, для меня было достаточно выпить стаканчик вина,

чтобы я почувствовал у себя крылья и отсутствие пробки.

Значит, завтра у меня будет Короленко. Это хорошая душа. Жаль, что его "По пути" ощипала цензура. Художественная, но заметно плешивая вещь (не цензура, а "По пути"). Зачем он отдал ее в цензурный журнал? Во-вторых, зачем назвал "святочным рассказом"?

Спешу засесть за мелкую работу, а самого так и подмывает взяться опять за что-нибудь большое. Ах, если бы Вы знали, какой сюжет для романа сидит в моей башке! Какие чудные женщины! Какие похороны, какие свадьбы! Если б деньги, я удрал бы в Крым, сел бы там под кипарис и написал бы роман в 1-2 месяца. У меня уже готовы три листа, можете себе представить! Впрочем, вру: будь у меня на руках деньги, я так бы завертелся, что все романы полетели бы вверх ногами.

Когда я напишу первую часть романа, то, если позволите, пришлю Вам на прочтение, но не в "Северный вестник", ибо мой роман не годится для подцензурного издания. Я жаден, люблю в своих произведениях многолюдство, а посему роман мой выйдет длинен. К тому же люди, которых я изображаю, дороги и симпатичны для меня, а кто симпатичен, с тем хочется подольше возиться.

Что касается Егорушки, то продолжать его я буду, но не теперь. Глупенький о. Христофор уже помер. Гр. Драницкая (Браницкая) живет прескверно. Варламов продолжает кружиться. Вы пишете, что Вам понравился Дымов, как материал… Такие натуры, как озорник Дымов, создаются жизнью не для раскола, не для бродяжничества, не для оседлого житья, а прямехонько для революции… Революции в России никогда не будет, и Дымов кончит тем, что сопьется или попадет в острог. Это лишний человек.

В 1877 году я в дороге однажды заболел перитонитом (воспалением брюшины) и провел страдальческую ночь на постоялом дворе Мойсея Мойсеича. Жидок всю ночь напролет ставил мне горчичники и компрессы.

Видели ли Вы когда-нибудь большую дорогу? Вот куда бы нам махнуть! Кресты до сих пор целы, но не та уже ширина; по соседству провели чугунку, и по дороге теперь почти некому ездить; мало-помалу порастает травой, а пройдет лет 10, она совсем исчезнет или из гиганта обратится в обыкновенную проезжую дорогу.

Хорошо бы захватить с собой и Щеглова. Он совсем разлимонился и смотрит на свою литературную судьбу сквозь копченое стекло. Ему необходимо подышать свежим воздухом и поглазеть новых людей.

Завтра я гуляю на свадьбе у портного, недурно пишущего стихи и починившего мне из уважения к моему таланту (honoris causa) пиджак.

Я надоел Вам своими пустяками, а посему кончаю. Будьте здоровы. Кредиторам Вашим от души желаю провалиться в тартарары… Племя назойливое, хуже комаров.

Душевно Ваш

А. Чехов.

Нет ли у "Сев«ерного» вестника" обычая высылать авторам корректуру?

373. Г. М. ЧЕХОВУ

9 февраля 1888 г. Москва.

9 февраль.

Напрасно ты не пишешь мне, дорогой братуха! На меня глядеть нечего. Я человек, стоящий в исключительном положении писаря, у которого всегда болят от писанья пальцы и поэтому противно писать. Весь январь я просидел над повестью, заработал около тысячи рублей, а теперь хожу с высунутым языком и с отвращением поглядываю на чернильницу.

Напрасно также ты обиделся за то, что я прислал тебе марки для отсылки мне Толстого. Я не хотел тебя обидеть, и мне теперь больно, что ты из-за меня

пережил нехорошую минутку. Если я послал тебе марки на расходы, то потому, что это принято даже при наилучших дружеских отношениях. Счет дружбы не портит - это раз. Во-вторых, если ты пришлешь мне когда-нибудь в подарок десяток марок, то я преспокойно положу их к себе в карман и не обижусь так же, как не обижался во времена оны, когда твой папаша, а мой дядя, дарил мне в большие праздники гривенник. Думаю, что и ты не обидишься, если случится в будущем что-нибудь подобное… Между друзьями и близкими, я полагаю, можно обходиться и без китайских церемоний, особливо в грошевых счетах.

Наши все живы и здравствуют. Дела идут помаленьку. Мой "Иванов" гуляет по Руси и, как я читал, не раз уж давался в Харькове. Сгодится детишкам на молочишко…

Моя новая повесть будет напечатана в мартовской книжке журнала "Северный вестник". Повесть большая. Этот журнал получается в обеих клубных библиотеках и, кажется, в городской читальне. Если хочешь, поищи, найди, возьми домой и почитай вслух всем твоим. Главное действующее лицо у меня называется Егорушкой, а действие происходит на юге, недалеко от Таганрога. Повесть еще не напечатана, но уже в Питере наделала немало шуму. Разговоров о ней в столицах будет много.

"Северный вестник" толстый журнал; он выходит книгами.

19 февраля в Москве идет моя новая пьеса, но маленькая, в одном действии.

Семья хочет жить на юге, и я уже писал в Славянск чтобы там поискали для нас усадьбу. Если услышишь, что где-нибудь на юге отдается внаймы усадьба с рекой и тенью (не дороже 200 руб. за лето), то напиши мне. Главное условие: река, тень и близость почтового отделения. Я раннею весной опять поеду странствовать.

Если в Таганроге нигде не найдешь "Северного вестника", то напиши мне.

Уже февраль; писал ли дядя в "Новое время" (т. е. в магазин Суворина), чтобы ему выслали расчет? Уже пора.

Поклонись дяде, тете, сестренкам и Иринушке. Володе желаю всяких успехов и здоровья. Думается мне, что в духовном училище плохо кормят. Пиши мне и попроси дядю, чтобы он подарил хоть одной строчкой уважающего и преданного

А. Чехова.

374. И. Л. ЛЕОНТЬЕВУ (ЩЕГЛОВУ)

10 февраля 1888 г. Москва.

10 февраль.

Капитан! Должно быть, Вы макаете Ваше перо не в чернильницу, а в чертову перечницу. В Ваших письмах столько катаральной изжоги, что по прочтении каждого из них мне приходится принимать соду. Ваши кишки, Ваше брюзжанье на "аристократическую медлительность", мечты о месте в обществе "Саламандра", вообще тон писем - все это злит меня, как Вашего приятеля и читателя. Да, недоставало еще, чтобы Иван Щеглов надел форму контролера конножелезки или гулял по Невскому с портфейлем под мышкой!

Я скоро приеду, но не раньше 20 февр«аля». Конечно, буду браниться.

Если 12-го февраля будете у Плещеева, то рикикикните рюмку за его здоровье от моего имени.

Сегодня ожидаю к себе Короленко. Будет разговор о капитане Альбе.

На днях, встретившись с инспектором одного большого училища, я обязал его купить для училищной библиотеки все Ваши издания, что он и сделал. Что Вы, крокодил Вы этакий, дадите мне за комиссию?

Вчера я получил из "Северного вестника" 500 рублей аванса, а сегодня развеял эти денежки по ветру. Увы и ах!

Прощайте, миленький. Бросьте Вы к лешему Вашу мерлехлюндию, работайте от утра до ночи, и тогда Вам не будет в диковину "аристократическая медлительность". Плещеев писал, что его Леночка будет в Москве и побывает у моей семьи.

Если Ваша жена позволит, то поклонитесь ей. Будьте здоровы.

Ваш Antoine.

375. Ф. О. ШЕХТЕЛЮ

10 февраля 1888 г. Москва.

10 февраля!

Милый Франц Осипович!

Посылаю Вам свой долг с извинением, что так долго не возвращал его. В медлительности виноват не я, а человечество, которое не платит долгов за своих гениев. Теперь я почти богат. Вчера получил 500 рублей задатку за повесть, которая будет помещена в мартовской книжке "Северного вестника". Если Вы не прочтете этой повести, то не много потеряете.

Извините также за то, что я злюсь на Вас, как пастеровский кролик. Вы меня совсем забыли. Вы сердитесь? Вероятно - да, потому что не были у меня уже 19 месяцев, хотя обещали побывать вместе с Натальей Тимофеевной. Каждый вечер я дома. Будьте здоровы и счастливы. Кланяйтесь Дервизу и напомните ему, что я не прочь был бы взять у него взаймы 1/2 миллиона. Очень просто!

Antoine Чехов.

376. Н. А. ХЛОПОВУ

13 февраля 1888 г. Москва.

13 февр.

Уважаемый

Николай Афанасьевич!

Я прочел Ваш рассказ; он хорош и, вероятно, пойдет в дело, а потому считаю нелишним заранее и возможно скорее заявить Вам нижеследующее. Если Вы рассчитываете на него как на серьезный шаг и дебютируете им, то в этом смысле, по моему мнению, он успеха иметь не будет. Причина не в сюжете, не в исполнении, а в поправимых пустяках - в чисто московской небрежности в отделке и в кое-каких деталях, неважных по существу, но режущих глаза.

Начать хоть с того, что то и дело попадаются фразы, тяжелые, как булыжник. Например, на стр. 2 фраза: "он заходил ко мне два раза в продолжение получаса". Или: "На губах Ионы появилась долгая, несколько смущенная улыбка". Нельзя сказать "брызнул продолжительный дождь", так, согласитесь, не годится фраза "появилась долгая улыбка". Впрочем, это пустяки… Но вот что не совсем мелочно: где Вы видели церковного попечителя Сидоркина? Правда, существуют церковные старосты, или ктиторы, но никакие старосты и попечители, будь они хоть разнаивлиятельнейшие купцы, не имеют права и власти переводить дьячка с одного места на другое… Это дело архиерейское… Походило бы более на правду, если бы Ваш Иона попросту был переведен из города в деревню за пьянство.

Место, где Иона возится с двумя десятинами, как паук с мухой, прекрасно, но зачем Вы губите его прелесть описанием невозможной и маловероятной забавы с сохой? Разве это необходимо? Вы знаете, что кто пашет первый раз в жизни, тот не сдвинет плуга с места - это раз; дьячку выгоднее отдать свою землю под скопчину - это два; воробьев никаким калачом не заманишь из деревни в поле - это три…

"Сижу я верхом на перекладине, вот что хату с чуланом соединяет" (стр. 16). Какая это перекладина? Фигура писаря в пиджачке и с клочками сена в волосах

шаблонна и к тому же сочинена юморист«ическими» журналами. Писаря умнее и несчастнее, чем принято думать о них, и т. д.

В конце рассказа дьячок (это очень мило и кстати) поет: "Благослови, душе моя, господи, и возрадуется…" Такой молитвы нет. Есть же такая: "Благослови, душе моя, господа и вся внутренняя моя имя святое его…"

Последнее сказание: знаки препинания, служащие нотами при чтении, расставлены у Вас, как пуговицы на мундире гоголевского городничего. Изобилие многоточий и отсутствие точек.

Эти пустяки, по моему мнению, испортят Вам музыку. Не будь их, рассказ пошел бы за образцовый. Вы, конечно, не рассердитесь на меня за "мораль" и поймете, что пишу я это, как Ваш поверенный, с целью: не найдете ли Вы нужным ввиду всего вышесказанного сделать в рассказе поправки? На шлифовку и переписку вновь понадобятся 2 часа, не больше, но зато рассказ не проиграет.

Повторяю: и без поправок Иона хорош и пойдет в дело, но если Вы намерены серьезно дебютировать им, то, насколько я знаю петербургских судей, успеха он иметь не будет.

Жду Вашего ответа и прошу прощения за непрошенное вмешательство.

Будьте здоровы.

Ваш А. Чехов.

377. А. С. КИСЕЛЕВУ

15 февраля 1888 г. Москва.

15 февраля.

Барин!!

На Ваше милостивое письмо постараюсь ответить дипломатически неопределенно и сухо, ибо точный и категорический ответ на Ваши милостивые запросы считаю преждевременным.

1) Насчет поездки в Бабкино на масленой неделе вся моя шайка разбойников решила так: ехать! Но так как до вожделенного дня осталось еще 2 недели, а за 2 недели может много воды уйти в море, то положительно не ответит Вам даже такой легкомысленный человек, как Финик. Весьма вероятно, что к 1 марта я буду в Питере. Это так возможно, что о блинах я даже и не мечтаю.

2) Насчет дачи. Все мое семейство просится на юг. Для нас уже в пяти местах ищется дача: в Славянске, в Сумах, на Азовском море и проч. Очень возможно, что наши поиски увенчаются полнейшим неуспехом и срамом и мы останемся на севере, - в этом я почти уверен, - но уж одно сие колебание не дает нам права рассчитывать на Бабкино. Я весною буду путешествовать, и для меня безразлично, где будет жить семья; на юге мила только весна, а лето я охотнее провел бы в Бабкине. Ма-Па и Финик заметно тяготеют к Бабкину. Но мать и батька, как дети, мечтают о своей Хохландии. Отец ударился в лирику и категорически заявляет, что ему ввиду его преклонных лет хотелось бы "проститься" с родными местами…

Стало быть, Вам придется делать публикацию. Но Вы, пожалуйста, не держитесь системы Марии Владимировны: запрашивайте подороже (minimum 250 р.). Дачники найдутся, какова бы ни была цена. Ведь я же платил Вам 500!

Публикацию делайте только в "Русских ведомостях" и на первой странице.

Ваша картина уже готова.

В пятницу идет моя паршивенькая пьеска в одном акте; "Иванов" гуляет по Руси и собирает детишкам на молочишко…

Вчера был у меня Короленко. Слезно просит жить это лето на Волге.

Денег нет. Вся надежда на тираж 1-го марта. Номер серии 9145, номер билета 17. Если выиграю, то могу дать Вам взаймы 100 рублей.

Ах, если б жениться на богатой!! Если я женюсь на богатой купчихе, то, обещаю, мы с Вами обдерем ее, анафему, как липку. Мокрого места не останется.

Моя повесть, посланная для мартовской книжки "Север«ного» вестника", имеет успех. Получаю захлебывающиеся письма.

Не увидимся ли мы с Вами в скором времени? Нужно бы…

Если Берг возьмет повесть Марии Владимировны, то примите к сведению, что в Питере все дамы-беллетристки берут по 125 р. за лист. У Берга теперь есть деньги. Он платит недурно и, приглашая меня, без длинных разговоров согласился платить мне 100 руб. за каждый маленький (хотя бы в 100 строк) рассказ.

Ну, будьте здоровы. Поклоны всем бабкинцам! Скоро прилетят грачи и скворцы.

Ваш А. Чехов.

378. Ал. П. ЧЕХОВУ 15 февраля 1888 г. Москва.

15.

Гусиади!

Не писал я тебе так долго, потому что мешала лень; хочется не писать, а лежать пластом и плевать в потолок.

Я отдыхаю. Недавно написал большую (5 печатных листов) повесть, которую, буде пожелаешь, узришь в мартовской книжке "Северного вестника". Получил задатку 500 р. Повесть называется так: "Степь".

Вообще чувствую собачью старость. Едва ли уж я вернусь в газеты! Прощай, прошлое! Буду изредка пописывать Суворину, а остальных, вероятно, похерю.

Правда ли, что ты работаешь в "Гражданине"?

Я виноват перед Анной Ивановной, что не отвечаю на ее письмо. Отвечу по ее выздоровлении, ибо длинно толковать с больным о его болезни я считаю вредным. Пусть ее не волнует "гумма". Йодистый калий помогает не при одном только сифилисе, а "гумма" разная бывает.

Во всяком случае я рад, что она выздоравливает и что Кнох, Слюнин и К° потерпели срам. Рад, что ты обратился, как я советовал тебе, к знающему человеку; рад я, что не верил бугорчатке, абсцессу печени, операции, катару желчных путей и проч. Мне казалось, что я знаю больше Кноха и К°, и теперь я в этом убежден. Очень приятно, хотя с другой стороны и жаль, что я "фаАстаю".

19-го идет моя новая пьеска в одном действии. "Иванов" ходит по Руси и не раз уж давался в Харькове.

М. Белинский сотрудник подходящий. Но - можешь не скрыть это мое мнение от Буренина - своим появлением в "Новом времени" он плюнул себе в лицо. Ни одна кошка во всем мире не издевалась так над мышью, как Буренин издевался над Ясинским, и… и что же? Всякому безобразию есть свое приличие, а посему на месте Ясинского я не показывал бы носа не только в "Нов«ое» время", но даже на Малую Итальянскую.

Буду сегодня писать Суворину. Напрасно этот серьезный, талантливый и старый человек занимается такой ерундой, как актрисы, плохие пьесы…

Николай что-то бормотал мне насчет твоего письма, да я ничего не понял и забыл. Все это мелочно. Ну их!

Семья летом будет жить на юге.

Попроси Петерсена и Буренина от моего имени прочитать в марте мою повесть. Ведь они виноваты отчасти, что я написал большое! Пусть они и расхлебывают.

Будь здоров. Анне Ивановне поклон, а детей пори. Говорит ли Николка?

Твой 33 моментально.

Благодарю за письмо и за беспокойство о моем неказистом здравии.

379. И. Л. ЛЕОНТЬЕВУ (ЩЕГЛОВУ).

22 февраля 1888 г. Москва.

22 февр.

Милый капитан! Я прочитал все Ваши книги, которые до сих пор читывал только урывками. Если хотите моей критики, то вот она. Прежде всего мне кажется, что Вас нельзя сравнивать ни с Гоголем, ни с Толстым, ни с Достоевским, как это делают все Ваши рецензенты. Вы писака sui generis* и самостоятельны, как орел в поднебесье. Если сравнения необходимы, то я скорее всего сравнил бы Вас с Помяловским постольку, поскольку он и Вы - мещанские писатели. Называю Вас мещанским не потому, что во всех Ваших книгах сквозит чисто мещанская ненависть к адъютантам и журфиксным людям, а потому, что Вы, как и Помяловский, тяготеете к идеализации серенькой мещанской среды и ее счастья. Вкусные кабачки у Цыпочки, любовь Горича к Насте, солдатская газета, превосходно схваченный разговорный язык названной среды, потом заметное напряжение и субъективность в описании журфикса у ma tante** - все это, вместе взятое, подтверждает мое положение о Вашем мещанстве.

Если хотите, то я, пожалуй, сравнил бы Вас еще и с Додэ. Ваши милые, хорошие "лошадники" тронуты слегка, но пока они попадались мне на глаза, мне все казалось, что я читаю Додэ.

Вообще надо быть осторожным в сравнениях, которые, как бы они ни были невинны, всегда невольно вызывают подозрения и обвинения в подражании и подделке. Вы, ради создателя, не верьте вашим прокурорам и продолжайте работать так, как доселе работали. И язык, и манера, и характеры, и длинные описания, и мелкие картинки - все это у Вас свое собственное, оригинальное и хорошее.

Лучшее из Ваших детищ - это "Гордиев узел". Это труд капитальный. Какая масса лиц, и какое изобилие положений! Номерная жизнь, Щураки, Голощапова с опухшим от пива рылом, дождь, Лелька, ее бардачок, сон Горича, особливо описание маскарада в клубе - все это великолепно сделано. В этом романе Вы не плотник, а токарь.

За "Узлом" по достоинству следует "Поспелов". Лицо новое и оригинально задуманное. Во всей повестушке чувствуется тургеневский пошиб, и я не знаю, почему это критики прозевали и не обвинили Вас в подражании Тургеневу. Поспелов трогателен; он идейный человек и герой. Но, к сожалению, Вы субъективны до чертиков. Вам не следовало бы описывать себя. Право, было бы лучше, если бы Вы подсунули ему на дороге женщину и свои чувства вложили в нее…

"Идиллию" я ставлю в конце всего, хотя и знаю, что Вы ее любите. Начало и конец прекрасны, строго и умело выдержаны, в середине же чувствуется большая распущенность. Начать хоть с того, что всю музыку Вы испортили провинциализмами, которыми усыпана вся середка. Кабачки, отчини дверь, говОрит и проч. - за все это не скажет Вам спасиба великоросс. Язык щедро попорчен, Бомбочка часто попадается на глаза, Агишев бледноват… Лучше всего-описание мазурки…

В общем, по прочтении всех Ваших книг получается весьма определенное впечатление, сильно говорящее в пользу Вашей будущности. Теперь, если к книгам прибавить еще Ваши пьесы, "Дачного мужа", "Миньону", "Гремучую змею", если к тому же еще принять во внимание Вашу "аристократическую медлительность" и наклонность к кабинетному труду ("Русский мыслитель"), то придется остановиться на решении, что Вы величина. Вы, не говоря уж о таланте, разнообразны, как актер старой школы, играющий одинаково хорошо и в трагедии, и в водевиле, и в

оперетке, и в мелодраме. Это разнообразие, которого нет ни у Альбова, ни у Баранц«евича», ни Ясинского, ни даже у Короленко, может служить симптомом не распущенности, как думают иные критики, а внутреннего богатства. Салютую Вам от души.

Теперь просьба. Умирает от чахотки один москов«ский» литератор. Ни гроша денег. Есть у него богатая сестра, живущая в Питере. Адрес ее неизвестен. Не можете ли Вы, голубчик, узнать в адресном столе ее адрес? Зовут ее так: жена врача Ольга Аполлоновна Митрофанова. Муж ее Дмитрий Васильевич. Жива ли она? Узнайте, будьте отцом родным.

Ничего не делаю. От нечего делать написал водевиль "Медведь". Прощайте, будьте здоровы. Простите за критику.

Ваш А. Чехов. * своеобразный (лат.). ** тетушки (франц.).

380. Я. П. ПОЛОНСКОМУ

22 февраля 1888 г. Москва.

22 февр.

Благодарю Вас, уважаемый Яков Петрович, и за письмо, и за стихотворение "У двери". То и другое получено, прочтено и спрятано в семейный архив для потомства, которое, надеюсь, будет и у меня. "У двери" пришло как раз в то время, когда у меня сидел известный Вам актер В. Н. Давыдов. И таким образом я сподобился услышать хорошее стихотворение в хорошем чтении. Мне и всем моим домочадцам стихотворение очень понравилось; впрочем, дамы протестовали против стиха "И смрад стоял на лестнице". Еще раз благодарю и прошу Вас верить, что я никогда не забуду Вашего лестного для меня, ободряющего внимания.

Вы спрашиваете в письме, что я пишу. После "Степи" я почти ничего не делал. Начал было мрачный рассказ во вкусе Альбова, написал около полулиста (не особенно плохо) и бросил до марта. От нечего делать написал пустенький, французистый водевильчик под названием "Медведь", начал маленький рассказ для "Нового времени", и больше ничего. Весь февраль проболтался зря. Ходил из угла в угол или же читал свою медицину. На "Степь" пошло у меня столько соку и энергии, что я еще долго не возьмусь за что-нибудь серьезное.

Ах, если в "Северном вестнике" узнают, что я пишу водевили, то меня предадут анафеме! Но что делать, если руки чешутся и хочется учинить какое-нибудь тру-ла-ла! Как ни стараюсь быть серьезным, но ничего у меня не выходит, и вечно у меня серьезное чередуется с пошлым. Должно быть, планида моя такая. А говоря серьезно, очень возможно, что эта "планида" служит симптомом, что из меня никогда не выработается серьезный, основательный работник.

Я обязательно буду в Петербурге в начале или середине марта и обязательно воспользуюсь Вашим любезным приглашением и побываю у Вас. Позвольте пожелать Вам всего хорошего, наипаче здоровья и денег, и пребыть душевно преданным, уважающим

А. Чехов.

381. А. Н. ПЛЕЩЕЕВУ

23 февраля 1888 г. Москва.

23 февр.

Что с Вами, дорогой Алексей Николаевич? Правда ли, что Вы хвораете? Quod licet bovi, non licet Iovi…* Что к лицу нам, нытикам и дохленьким литераторам, то уж совсем не подобает Вам, обладателю широких плеч… Я. П. Полонский писал мне, что у Вас бронхит и слабость по вечерам. Вероятно, Вы простудились и, что не подлежит сомнению, утомились. Вам нужно хотя на месяц совлечь с себя петербургского человека, махнуть на все рукой и обратиться в бегство. Поездка на Волгу - идея хорошая и здоровая. Свежий воздух, разнообразие видов и отсутствие стола с дамскими рукописями помогут скорее и вернее, чем доверовы порошки.

Поездка обойдется очень дешево, дешевле грибов; еда на пароходах не совсем плохая; сырость и туманы** нас не одолеют, потому что мы будем тепло одеты; к тому же еще у Вас всегда под рукой будет доктор, хотя и плохой, но бесплатный. Серьезно, Вы подумайте и дайте себе слово не отказываться от задуманной поездки. Короленко уверен, что Вы поедете…

Был я у Островского. Он с нетерпением ждет оттиска моей "Степи". Сидел я у него часа два, и, к сожалению, я разболтался и говорил гораздо больше, чем он, а для меня, согласитесь, его разговоры гораздо полезнее, чем мои собственные…

Посылаемая рукопись принадлежит перу московского литератора Н. А. Хлопова, автора нескольких пьес ("На лоне природы" и проч.). Это талантливый, хороший и робкий человечек, затертый льдами московского равнодушия. Ему страстно хочется выскочить, и он просил меня протежировать ему в Питере. Не найдете ли Вы возможным поместить его рассказик в "Северном вестн«ике»"? Рассказ маленький, без претензий и написан достаточно талантливо. Почерк безобразный, противно читать, но это не суть важно. В случае если найдете, что рассказ для "С«еверного» в«естника»" неудобен, то, будьте добры, вручите его при свидании Щеглову, чтобы сей последний передал его в "Новое время" Буренину с просьбой от моего имени - не бросать в корзину, а прочесть…

Жду самых хороших известий о Вашем здоровье. Поправляйтесь и приезжайте в Москву есть блины.

Вчера смотрел я Ленского - Отелло. Билет стоил 6 р. 20 коп., но игра не стоила и рубля. Постановка хорошая, игра добросовестная, но не было главного - ревности.

Будьте здоровы.

Весь Ваш

А. Чехов.

Почтение Вашему семейству. * Что дозволено быку, не дозволено Юпитеру (лат.). ** ранней весной без них не обойтись.

382. Н. А. ЛЕЙКИНУ

26 февраля 1888 г. Москва.

26 февр.

Не было ни гроша, да вдруг алтын! Наконец-то, добрейший Николай Александрович, я получил от Вас письмо, и не одно письмо, а еще и толстую книжищу в виде премии, за которую, конечно, искренно благодарю. А уж я, признаться, думал, что Вы сердитесь, и - грешный человек - не раз терялся в догадках и задавал себе вопрос: уж не замутила ли ясной воды какая-нибудь сплетня, пущенная моими московскими благоприятелями?

Книгу завтра посылаю в переплет.

Если Вы наверное будете в Москве не позже первой недели поста, то я подожду Вас и вместе с Вами поеду в Питер.

Какова погода в Москве, сказать не умею, ибо, как схимонах, сижу в четырех стенах и не показываю носа на улицу.

Отчего у Вас не работает Щеглов? Это очень полезный сотрудник. Во-вторых! зачем Вы так часто стали помещать на первой странице голопупие и голоножие? Право, публике теперь не до борделей. К тому же "Осколкам" не следует сбиваться с раз заведенной программы.

Грузинский заметно улучшается. Ежов становится хорошим в стихах. Оба что-то замолчали про семгу. Будьте здоровы. Поклон Вашему семейству.

Ваш А. Чехов.

383. И. Л. ЛЕОНТЬЕВУ (ЩЕГЛОВУ)

28 февраля 1888 г. Москва.

28.

Отвечаю на Ваше письмо, храбрый капитан. До поездки на юг или на Волгу (у меня два проекта) я непременно должен быть в Питере. Приеду, вероятно, в начале В«еликого» поста.

Теперь насчет сниматься. Короленко будет в П«етербу»рге не раньше апреля, а меня в апреле и с собаками не сыщете. Если моя физиомордия непременно нужна, то уж я не знаю, как быть. Поговорим об этом при свидании; пока могу предложить только два выхода из безвыходного положения: отложить сниманье до осени или же сняться не группой, а медальонами:

Последнее удобнее, ибо приезд необязателен, а снять портрет можно с карточки, которую вышлем и Короленко и я. Не забудьте написать мне: кто будет сниматься? Альбов, Баранцевич, Щеглов, Фофанов, Ясинский, Гаршин, Короленко, Чехов… еще кто?

Простите за самоуправство. Попав вчера в компанию "Русских ведомостей", я, не заручившись позволением, сосватал Вас и Баранцевича с музою "Русских ведомостей". Очень рады будут, если Вы согласитесь работать в этой честно-сухой газетине; по соблюдении кое-каких формальностей мне будет прислано редакцией письмо, в котором меня попросят пригласить Вас… Платят хорошо (не меньше 10 к. и аккуратно).

Откуда Вы знаете, что моя повесть - великолепная? Говори "гоп!", когда перескочишь… Не критикуйте не читая.

Будьте здоровы. Короленко говорил, что побывает у Вас.

Погода хорошая. Через 1-2 недели прилетают грачи, а через 2-3 скворцы. Понимаете ли Вы, капитан, что это значит?

Votre a tons

А. Чехов.

384. К. С. БАРАНЦЕВИЧУ

4 марта 1888 г. Москва.

4 февр.

Уважаемый

Казимир Болеславович!

Редакция "Русских ведомостей", зная, что я знаком с Вами, поручила мне передать Вам, что она была бы рада получать от Вас возможно чаще небольшие очерки и рассказы в размере обыкновенного фельетона (300- 600 строк). Определение гонорара зависит вполне от Вас самих.

Будьте здоровы.

Ваш А. Чехов.

"Рабу" я получил и уже прочитал. Поблагодарю при свидании.

385. А. Н. ПЛЕЩЕЕВУ

6 марта 1888 г. Москва.

6 марта.

Сегодня, дорогой Алексей Николаевич, я прочел 2 критики, касающиеся моей "Степи": фельетон Буренина и письмо П. Н. Островского. Последнее в высшей степени симпатично, доброжелательно и умно. Помимо теплого участия, составляющего сущность его и цель, оно имеет много достоинств, даже чисто внешних: 1) оно, если смотреть на него как на критическую статейку, написано с чувством, с толком и с расстановкой, как хороший, дельный рапорт; в нем я не нашел ни одного жалкого слова, чем оно резко отличается от обычных критических фельетонов, всегда поросших предисловиями и жалкими словами, как заброшенный пруд водорослями; 2) оно до крайности понятно; сразу видно, чего хочет человек; 3) оно свободно от мудрствовании об атавизме, паки бытии и проч., просто и холодно трактует об элементарных вещах, как хороший учебник, старается быть точным и т. д., и т. д. - всего не сочтешь… Я прочел письмо П«етра» Н«иколаевича» три раза и жалею теперь, что он прячется от публики. Среди журнальных работников он был бы очень нелишним. Важно не то, что у него есть определенные взгляды, убеждения, мировоззрение - все это в данную минуту есть у каждого человека, - но важно, что он обладает методом; для аналитика, будь он ученый или критик, метод составляет половину таланта.

Завтра я поеду к П«етру» Н«иколаевичу» и предложу ему одну штуку. Я напомню ему двенадцатый год и партизанскую войну, когда бить француза мог всякий желающий, не надевая военного мундира; быть может, ему понравится моя мысль, что в наше время, когда литература попала в плен двунадесяти тысяч лжеучений, партизанская, иррегулярная критика была бы далеко не лишней. Не захочет ли он, минуя журналы и газеты, выскочить из засады и налететь наскоком, по-казацки? Это вполне исполнимо, если вспомнить о брошюрочном способе. Брошюра теперь в моде; она недорога и легко читается. Попы это поняли и ежедневно бомбардируют публику своими фарисейскими отрыжками. П«етр» Н«иколаевич» в убытке не будет.

Теперь - как Ваше здоровье? Выходите ли Вы на воздух? Если судить по критике Буренина о Мережковском, то у Вас теперь 15-20° мороза… Холодно чертовски, а ведь бедные птицы уже летят в Россию! Их гонят тоска по родине и любовь к отечеству; если бы поэты знали, сколько миллионов птиц делаются жертвою тоски и любви к родным местам, сколько их мерзнет на пути, сколько мук претерпевают они в марте и в начале апреля, прибыв на родину, то давно бы воспели их… Войдите Вы в положение коростеля, который всю дорогу не летит, а идет пешком, или дикого гуся, отдающегося живьем в руки человека, чтобы только не замерзнуть… Тяжело жить на этом свете!

Я приеду в Питер в начале поста, через 2-3 дня после того, как получу из "С«еверного» в«естника»" гонорар. Если во вторник Вы будете в редакции, то, проходя мимо конторщицы, напомните ей о моем существовании и безденежье.

Весь февраль я не напечатал ни одной строки, а потому чувствую большой кавардак в своем бюджете.

Надеюсь, что Вы не забыли про Волгу.

Будьте здоровы; желаю Вам хорошего аппетита, хорошего сна и побольше денег.

До свиданья.

Ваш А. Чехов.

386. Н. А. ЛЕЙКИНУ

7 марта 1888 г. Москва.

7 марта.

Спешу ответить на Ваше письмо, добрейший Николай Александрович. Я жду Вас в четверг. В 12 1/2 часов я приготовлю завтрак, каковой и приглашаю Вас разделить со мной. От меня поедем, куда нужно. А главное, потолкуем.

У меня есть фрак, но нет охоты и уменья читать. Я не в состоянии одной минуты

почитать вслух, тем паче публично: сохнет горло и кружится голова. Итак - читать я не буду. Прошу прощения у Вас и у В. В. Комарова и уверен, что Вы не будете в претензии, тем более что мое отсутствие не испортит вечера.

Пахнет кислой капустой и покаянием.

Грузинский в Москве. Я скажу ему, чтобы он был у меня в четверг к 12 часам. Он будет рад познакомиться с Вами.

Почтение Прасковье Никифоровне и Феде. До свидания.

Ваш А. Чехов.

387. В. Н. ДАВЫДОВУ

Между 7 и 10 марта 1888 г. Москва.

Поздравляю Вас, милый Владимир Николаевич, с постом, с окончанием сезона и с отъездом в родные палестины. Податель сего уполномочен попросить у Вас моего цензурованного "Калхаса", каковой мне нужен. Если это письмо не застанет Вас дома, то, будьте добры, передайте кому-нибудь "Калхаса" для передачи мне или же возьмите его с собой в Питер, куда я прибуду в субботу на этой неделе. В Питере побываю у Вас и возьму "Калхаса".

Будьте здоровы. Хорошего Вам пути!

Ваш А. Чехов. На обороте:

Его высокоблагородию

Владимиру Николаевичу Давыдову.

388. М. П. ЧЕХОВУ

14 и 15 или 16 марта 1888 г. Петербург.

Пишу сие в редакции "Нов«ого» времени". Только что вошел Лесков. Если он не помешает, то письмо будет кончено.

Доехал я благополучно, но ехал скверно, благодаря болтливому Лейкину. Он мешал мне читать, есть, спать… Все время, стерва, хвастал и приставал с вопросами. Только что начинаю засыпать, как он трогает меня за ногу и спрашивает:

- А вы знаете, что моя "Христова невеста" переведена на итальянский язык?

Остановился я в "Москве", но сегодня переезжаю в редакцию "Нов«ого» вр«емени»", где m-me Суворина предоставила мне 2 комнаты с роялью и с кушеткой в турнюре. Поселяюсь у Суворина - это стеснит меня немало.

Сухари отданы Александру. Семья его здрава, сыта, одета чисто. Он не пьет абсолютно, чем немало удивил меня.

Идет снег. Холодно. Куда ни приду, всюду говорят о моей "Степи". Был у Плещеева, Щеглова и пр., а вечером еду к Полонскому.

Я переехал на новую фатеру. Рояль, фисгармония, кушетка в турнюре, лакей Василий, кровать, камин, шикарный письменный стол - это мои удобства. Что касается неудобств, то их не перечтешь. Начать хоть с того, что я лишен возможности явиться домой в подпитии и с компанией…

До обеда - длинный разговор с m-me Суворинои о том, как она ненавидит род человеческий, и о том, что сегодня она купила какую-то кофточку за 120 р.

За обедом разговор о мигрени, причем детишки не отрывают от меня глаз и ждут, что я скажу что-нибудь необыкновенно умное. А по их мнению, я гениален, так как написал повесть о Каштанке. У Суворинных одна собака называется Федором

Тимофеичем, другая Теткой, третья Иваном Иванычем.

От обеда до чая хождение из угла в угол в суворинском кабинете и философия; в разговор вмешивается, невпопад, супруга и говорит басом или изображает лающего пса.

Чай. За чаем разговор о медицине. Наконец я свободен, сижу в своем кабинете и но слышу голосов. Завтра убегаю на целый день: буду у Плещеева, в Сабашниковском вестнике, у Полонского, у Палкина и вернусь поздно ночью без задних ног. Кстати: у меня особый сортир и особый выход - без этого хоть ложись да умирай. Мой Василий одет приличнее меня, имеет благородную физиономию, и мне как-то странно, что он ходит возле меня благоговейно на цыпочках и старается предугадать мои желания.

Вообще неудобно быть литератором.

Хочется спать, а мои хозяева ложатся в 3 часа. Здесь не ужинают, а к Палкину идти лень.

Честь имею кланяться. Поклоны всем.

Votre a tous А. Чехов.

Писать лень, да и мешают.

Ночь. Слышен стук бильярдных шаров: это играют Гей и мой Василий. Подойдя к своей постели, я нахожу стакан молока и кусок хлеба; голоден. Ложусь и читаю отрывной календарь "Стрекозы".

Вот и все умное и великое, что успел я совершить по приезде в С.-Петербург.

389. А. С. ЛАЗАРЕВУ (ГРУЗИНСКОМУ)

22 марта 1888 г. Москва.

22 м. Москва.

Милейший Александр Семенович (надв«орный» советник)! Для Вас представляется возможность работать в "Петерб«ургской» газете". Если Вы согласны (наверное, да), то поспешите написать Лейкину приблизительно следующее:

"Чехов писал мне, что Вы согласны взять на себя труд познакомить меня с "Пет«ербургской» газ«етой»" и порекомендовать меня ей для понедельников. Благодаря Вас за любезность, я спешу воспользоваться и проч. и проч.". Что-нибудь вроде. Полюбезнее и официальное. Само собою разумеется, что, начав работать в "Газете", Вы утеряете необходимость мыкать свою музу по "Развлечениям" и проч.

В Питере я прожил 8 дней очень недурно. Останавливался у Суворина: разливанная чаша… Суворин замечательный человек нашего времени.

Буду рад, когда Вы напишете субботник. С Голике не говорил о Вашей книге, ибо он не был на вокзале среди провожатых. Впрочем, успеется.

Печатаем 2-е издание "Сумерек", новую книгу и детскую книгу "В ученом обществе".

Будьте здоровы.

Ваш А. Чехов.

390. Н. А. ХЛОПОВУ

22 марта 1888 г. Москва.

Уважаемый Николай Афанасьевич! Я прочел Ваш рассказ вчера, когда получил: за 1-2 часа до отхода поезда. Двух последних страничек я не прочел - было некогда, - но нахожу, что он лучше* "Одиннадцатого". Я отдал его в собств«енные» руки Суворина. Сей последний обещал прочесть его в самом скором времени.

Теперь об "Одиннадцатом". Вот Вам выписка из письма старика Плещеева: "Это рассказец, написанный не без юмора и который бы можно напечатать в "Сев«ерном» вестн«ике»", но там столько маленьких рассказов лежит - целый ворох, - что неизвестно, когда бы он пошел. Может быть, через полгода, через год, а автору это, вероятно, было бы не на руку?"

"Одиннадцатый" теперь у Буренина.

Вот и все, что мне известно. Вашему желанию работать в Питере я радуюсь и в свою очередь искренно желаю успеха и побольше настойчивости в этом направлении… Были бы упрямство и настойчивость, поменьше малодушия перед неудачами, и дело Ваше пойдет на лад - готов ручаться, ибо Вы талантливы.

Простите за мораль Вашего доброжелателя.

А. Чехов. * т. е. написан лучше

391. Ал. П. ЧЕХОВУ 24 марта 1888 г. Москва.

24 мартабря.

О. Архимандрит! Посылаю Вам через поручика Плещеева кипу моих проповедей и поучений для второй книги, каковую благоволите благословить печатать тотчас же по получении кипы. Название книги: "Менструации жизни, или Под ж… палкой!" Другого названия пока еще не придумал. Рассказы должны быть расположены в таком порядке:

1) Счастье.

2) Тиф.

3) Ванька.

4) Свирель.

5) Перекати-поле.

6) Задача.

7) Степь.

8) Поцелуй.

Книга должна содержать в себе не менее 20 листов. Если присланного не хватит, то пусть Неупокоев, упокой господи его душу, даст тебе знать, дабы я мог поспешить высылкой нового материала.

"Счастье" помещено в 4046 №. Если утеряешь посылаемый 4046 №, то запомни сию цифру. Под заглавием "Счастье" надо будет написать: "Посвящ«ается» Я. П. Полонскому" - долг платежом красен: он посвятил мне стихотворение. Остальных моих распоряжений жди.

Расчет за "Сумерки" сделай после 15 апреля. Из полученных денег ты обязуешься взять себе пропорцию, как мы уговорились, иначе ты хам и мерзавец. Магазин должен нам за оставшиеся 445 экз. 311 р. 50 к. Значит, тебе третья часть.

Надеюсь, что второе издание "Сумерек" уже печатается.

Кланяйся Сувориным. Неделя, прожитая у них, промелькнула, как единый миг, про который устами Пушкина могу сказать: "Я помню чудное мгновенье"… В одну неделю было пережито: и ландо, и философия, и романсы Павловской, и путешествия ночью в

типографию, и "Колокол", и шампанское, и даже сватовство… Суворин пресерьезнейшим образом предложил мне жениться на его дщери, которая теперь ходит пешком под столом…

- Погодите пять-шесть лет, голубчик, и женитесь. Какого вам еще черта нужно? А я лучшего не желаю…

Я шуточно попросил в приданое "Исторический вестн«ик»" с Шубинским, а он пресерьезно посулил половину дохода с "Нового времени". Его супруга, наверное, уже сообщила тебе об этом… Итак: когда я думал жениться на гавриловской дочке, то грозил, что разжалую отца и Алексея в мальчики; теперь же - берегись! когда женюсь на суворинском индюшонке, то возьму всю редакцию в ежи, а тебя выгоню.

Сейчас вернулся с практики: лечил у графини Келлер… няньку и получил 3 руб. Имел счастье беседовать с ее сиятельством.

В Москве скучища. Все здравы. Мать, тетка и сестра ждут Анну Ивановну с цуцыками.

Поклон Буренину, Маслову и проч.

Votre a tous

А. Чехов.

392. М. В. КИСЕЛЕВОЙ

25 марта 1888 г. Москва.

25 марта.

Прежде всего, многоуважаемая Мария Владимировна, поздравляю Вас с наступающим днем ангела. Да хранит Вас бог на многие лета! Желаю Вам прожить еще 87 лет и еще 87 раз наблюдать прилет скворцов и жаворонков, в которых Вы теперь влюблены.

Читал я Ваше письмо к Мише и в ответ на Ваше желание иметь оттиск моей "Степи" посылаю Вам обещание преподнести Вам в недалеком будущем мою новую книжку, в которой будет помещена эта "Степь".

На днях я вернулся из Питера. Купался там в славе и нюхал фимиамы. Жил я у Суворина, привык к его семье и весною еду к нему в Крым. На правах великого писателя я все время в Питере катался в ландо и пил шампанское. Вообще чувствовал себя прохвостом.

У Сысоихи я не был, но зато 3 раза был и даже обедал у редакторши "Северного вестника" Евреиновой, очень милой и умной старой девы, имеющей степень "доктора прав" и похожей в профиль на жареного скворца. Вообще в Питере столько умных дам и дев, что я был очень рад отсутствию возле меня Вашего наблюдающего ока. Сегодня у меня был редактор "Родника" Альмединген, офицер генерального штаба, племянник Вашей медоточивой Сысоихи. Будет он у меня и завтра. Говорили мы с ним о Вас. Он хвалит, а я говорю: "гм…"

Печатается второе издание "В сумерках". За первое я получил уже деньги. В начале сего года я заработал и прожил полторы тысячи рублей. Деньги улетучиваются, как черти от ладана…

Поклонитесь барину, Василисе и Коклюшу, а Елизавете Александровне пожелайте выиграть 200 тыс. Застрелите Екатерину Васильевну и Голохвастову.

Когда барин будет в Москве? Давно уж мы его не видели. Ах, с каким бы удовольствием я пожил это время в Бабкине! До зарезу хочется весны. При мне в Питере была чудная погода.

Будьте здоровы и денежны.

Сегодня я лечил няньку графини Келлер и имел честь беседовать с ее сиятельством. Получил три рубля.

Меня в Питере почему-то прозвали Потемкиным, хотя у меня нет никакой Екатерины. Очевидно, считают меня временщиком у муз.

Работается плохо. Хочется влюбиться, или жениться, или полететь на воздушном шаре.

Все наши здравствуют и собираются на юг. Прощайте. Душевно преданный и нелицемерно уважающий

А. Чехов.

Барину буду писать особо. Пусть простит за молчание.

393. Я. П. ПОЛОНСКОМУ

25 марта 1888 г. Москва.

25 марта.

Позвольте мне покаяться перед Вами, уважаемый Яков Петрович, и попросить отпущения грехов. Виноват я, во-первых, что не сдержал своего слова и не был у Вас в пятницу. Я уже наказан, так как эта моя вина заключает в себе самой и наказание: я был лишен удовольствия поглядеть на Ваши пятницы и познакомиться с Вашим семейством, которое давно уже знаю и уважаю, т. е. я не получил того, о чем думал, когда ехал в Петербург. В пятницу весь день я похварывал и сидел дома; Суворины, если Вы спросите у них, засвидетельствуют Вам это… Во-вторых, я виноват перед Вами еще, аки тать и разбойник. Я совершил дневной грабеж: пользуясь Вашей записочкой, я взял в магазине Гаршина все томы Ваших сочинений. Вы разрешили мне взять только ту прозу, которой у меня недостает, я же взял и прозу и стихи. Тут отчасти виновата и сама Е. С. Гаршина (с которой я просидел целый час: оказалось, что мы земляки). Она не поняла записки и завернула мне все, кроме "Крутых горок" и мелких рассказов, так что об убытках, причиненных мною Вам, я узнал только по прибытии домой. Итак, знайте, что я Ваш должник.

После покаяния просьба. Я издаю новый сборник своих рассказов. В этом сборнике будет помещен рассказ "Счастье", который я считаю самым лучшим из всех своих рассказов. Будьте добры, позвольте мне посвятить его Вам. Этим Вы премного обяжете мою музу. В рассказе изображается степь: равнина, ночь, бледная заря на востоке, стадо овец и три человеческие фигуры, рассуждающие о счастье. Жду Вашего позволения.

Я нанял себе дачу около города Сум на реке Псле. Место поэтическое, изобилующее теплом, лесами, хохлами, рыбой и раками. От дачи недалеко Полтава, Ахтырка и другие прославленные хохлацкие места. Понятно, что я дорого дал бы за удовольствие пригласить Вас с Вашей музой и с красками на юг и попутешествовать с Вами вдоль и поперек Хохландии, от Дона до Днепра. Когда Вы будете ехать через Москву, то дайте мне возможность повидаться с Вами, а пока позвольте пожелать Вам побольше денег, здоровья и счастья. Верьте в искреннюю преданность уважающего Вас

А. Чехова.

Забыл я спросить у Вас о судьбе Вашей комедии, о которой мы говорили зимою.

394. А. С. ЛАЗАРЕВУ (ГРУЗИНСКОМУ)

35 или 26 марта 1888 г. Москва.

Милейший

Александр Семенович!

Вы, кажется, если не ошибаюсь, однажды в разговоре упомянули фамилию Райского и сказали, что он служит где-то корректором. Если Вы это говорили, то поспешите написать мне, где я могу найти этого Райского. Он очень мне нужен. Если же о нем

слышал я не от Вас, то простите за беспокойство. Будьте здоровы.

Ваш А. Чехов.

395. К. С. БАРАНЦЕВИЧУ

27 марта 1888 г. Москва.

27 марта.

Отвечаю, добрейший Казимир Станиславович, на Ваши письма по пунктам:

1) Бр. Вернеры выслали Вам 75 рублей сегодня или вышлют их завтра. Не высылали же раньше, потому что произошло в их редакции маленькое недоразумение, о котором поговорим при свидании. Если верить им, благодаря этому недоразумению Ваш рассказ обошелся им в 150 руб.

2) Рассказ благоволите адресовать прямо в редакцию "Русских ведомостей". Редактора Соболевского зовут Василием Михайловичем.

3) Когда будете ехать на юг, то не минуйте моего дома.

4) Я нашел себе дачу в усадьбе близ г. Сум Харьк«овской» губ., куда приглашаю.

Будьте здоровы.

Ваш А. Чехов.

396. Н. А. ЛЕЙКИНУ

29 марта 1888 г. Москва.

29 марта.

Добрейший

Николай Александрович!

Леухин, вероятно, уже написал Вам, что Ваши книги у него проданы и что он ждет только приказа: кому и куда послать деньги?

"Милой женщине" книги уже вручены, и расписка ее Вам посылается. Миша говорит, что, принимая от него книги, она сердилась.

Ну, как Ваше здравие? Если хорошо, то я очень рад; если плохо, т. е. если лихорадка все еще продолжается, то не ограничивайтесь одной только баней, а обратитесь к медицине, матери всех наук.

Я нашел себе дачу и вчера послал задаток. Город Сумы Харьк«овской» губ., на реке Псле (приток Днепра), недалеко от Полтавы. Я нанял флигель в усадьбе, за 100 руб. в лето; флигель с трех сторон окружен садом; близки пруд и река. Буду все лето кружиться по Украине и на манер Ноздрева ездить по ярмаркам.

Я писал Грузинскому о "Петерб«ургской» газете". Он благодарил меня, хотя я тут ни при чем и написал ему ясно, что протежируете ему Вы, а не я. Писал ли он Вам о своем согласии?

Рассказ брата я читал в "Новом времени". Мертвая старуха не так страшна. Рассказ местами юмористичен, и я думаю, что "Оск«олк»и" не стали бы мрачнее оттого, что поместили бы его, тем более что рассказ неплох. Впрочем, не мое это дело; Вам видней.

Вернувшись из Питера, я застал в Москве ледоход и наводнение. Очень красиво. До 28-го стояли теплые, ясные дни, а сегодня жарит дождь.

Семья моя Вам кланяется. Будьте здоровы и в свою очередь поклонитесь Прасковье

Никифоровне и Феде.

В комнате у меня сумеречно от дождя; не видно на бумаге линеек, а потому пишу криво. Советуйте Билибину взять летом отпуск и отдохнуть, а то он хиреет и стареет не по дням, а по часам.

Прощайте.

Ваш А. Чехов.

397. А. Н. МАСЛОВУ (БЕЖЕЦКОМУ)

29 марта 1888 г. Москва.

29 марта.

Простите, добрейший Алексей Николаевич, что я не торопился исполнить Ваше поручение. В "Русской мысли" я был только вчера.

За отсутствием редактора-издателя Лаврова аудиенцию давал мне великий визирь "Русской мысли" Гольцев - человек милый и хороший, но понимающий в литературе столько же, сколько пес в редьке. В беседе он держал себя с достоинством, как и подобает это вице-директору самого толстого и самого умного журнала во всей Европе. Вот Вам результаты нашей беседы:

1) Сотрудничеству Вашему рады.

2) Желательно иметь от Вас небольшую повесть в 2-3 печатных листа.

3) Большие повести нежелательны, так как современные беллетристы (камень в мой огород) не умеют писать больших вещей; если же они и берутся писать, то выходит одна только срамота на всю губернию. Вообще говоря, у наших молодых писателей нет "глубины мысли", а длинные повести и романы писать не следует, так как современная жизнь не дает для этого "мотивов".

4) Наша литература переживает теперь переходное время.

5) Если Ваша повесть будет длинна и хороша (что при отсутствии "мотивов" едва ли возможно), если в ней будет глубина мыслей, то ей будет оказано самое теплое гостеприимство.

6) Аванс дадут с удовольствием.

"Мы дадим часть гонорара", сказал Гольцев. Как велика будет эта часть, я не знаю, но если Вы поручите мне, то я постараюсь вымаклачить для Вас возможно больше. Проживу я в Москве до 5 мая. Если до этого времени повесть будет написана и прочтена редакцией, то я с удовольствием поторгуюсь и вышлю Вам деньги. 1 апреля я опять буду видеться с Гольцевым и на сей раз поговорю с ним о количестве гонорара. Мы будем вместе ужинать, а за ужином журнальные масоны бывают не так туги и снисходительно-важны, как в редакциях.

Если у Вас есть намерение написать комедию, то не бросайте его.

Будьте здоровы. Поклонитесь Сувориным, В. П. Буренину и Петерсену.

Ваш А. Чехов.

398. К. С. БАРАНЦЕВИЧУ

30 марта. 1888 г. Москва.

30 марта.

Добрейший

Казимир Станиславович!

Ответ на Ваши письма Вам послан, и я удивляюсь, что Вы еще не получили его. Поручения Ваши исполнены. Сегодня я еще раз был у Вернеров, и они сказали мне, что деньги Вам высланы.

Что касается сборника "Памяти Гаршина", то я могу только пожать Вам руку и поблагодарить. Мысль Ваша заслуживает и сочувствия, и уважения уж по одному тому, что подобные мысли, помимо их прямой цели, служат еще связующим цементом для немногочисленной, но живущей вразброс и в одиночку пишущей братии. Чем больше сплоченности, взаимной поддержки, тем скорее мы научимся уважать и ценить друг друга, тем больше правды будет в наших взаимных отношениях. Не всех нас ожидает в будущем счастье. Не надо быть пророком, чтобы сказать, что горя и боли будет больше, чем покоя и денег. Потому-то нам нужно держаться друг за друга, и потому-то мне симпатичны Ваша мысль и Ваше последнее письмо, в котором Вы так любите Гаршина.

Я непременно пришлю что-нибудь для сборника. Вы только потрудитесь написать мне, к какому числу я должен прислать и могут ли идти в сборнике вещи, уже бывшие в печати. На последнее желателен утвердительный ответ, так как теперь я отбился от рук и потерял (не знаю, надолго ли) способность творить мелкие вещи. Я, пожалуй, напишу небольшой рассказ, но заранее предупреждаю (нимало не скромничая), что он выйдет и плох и пуст. Странный стих нашел на меня…

Если в сборник пойдут вещи, уже бывшие в печати, то он не проиграет: каждый автор выберет лучшее.

Будьте здоровы. Желаю Вам успеха.

Ваш А. Чехов.

10-15 листов мало. Печатайте 20. Писали ли Вы Короленко? Если нет, то дайте знать, я напишу ему.

399. А. Н. ПЛЕЩЕЕВУ

31 марта 1888 г. Москва.

31 марта.

Милый Алексей Николаевич!

На дворе идет дождь, в комнате у меня сумеречно, на душе грустно, работать лень - вообще я выбился из колеи и чувствую себя не в своей тарелке. Но тем не менее это письмо не должно быть грустным. Пока я пишу его, меня волнует веселая мысль, что через 30-35 дней я буду уже далеко от Москвы. Я уже нанял себе дачу в усадьбе на реке Псле (приток Днепра), в Сумском уезде, недалече от Полтавы и тех маленьких, уютных и грязненьких городов, в которых свирепствовал некогда Ноздрев и ссорились Иван Иваныч с Иван Никиф«оровичем». Третьего дня я послал задаток. Псел река глубокая, широкая, богатая рыбой и раками. Кроме него, на моей даче имеется еще пруд с карасями, отделенный от реки плотиной. Дача расположена у подошвы горы, покрытой садом. Кругом леса. Изобилие барышень.

Вы так нерешительно говорили о Волге, что едва ли можно сомневаться в том, что путешествие наше не состоится. Если Вы не поедете на Волгу, то приезжайте ко мне на Псел! От Москвы туда сутки езды, и III класс стоит 10 р. 30 коп. Место, уверяю Вас, восхитительное.

Там

Все тихо… тополи над спящими водами, Как призраки, стоят луной озарены…

За рекою слышны песни,

И мелькают огоньки.

Даю Вам честное слово, что мы не будем делать ничего, окунемся в безделье, которое для Вас так здорово. Мы будем есть, пить, рано вставать, рано ложиться,

ловить рыбу, ездить по ярмаркам, музицировать и больше ничего. От такого режима Вы убавите себе живот, загорееете, повеселееете и переживете время, когда

И сердце спит, и ум в оцепененье…

Вся моя команда будет состоять всплошную из молодежи, а где молодежь, там Ваше присутствие, что Вы уже не раз испытали, имеет свою особую прелесть.

Вот юность пылкая теснится

Вокруг седого старика…

В конце мая или в начале июня - вообще когда хотите - укладывайте чемодан, берите денег только на проезд, запасайтесь сигарами, которых Вы на юге, пожалуй, не найдете, прощайтесь с Меланхолической Мандолиной на целый месяц и

Вперед! без страха и сомненья…

Привозите с собой Щеглова. Ваш сын Н«иколай» А«лексеевич» тоже обещал приехать и, конечно, не приедет, так как его не пустит служба.

Как и куда ехать, я напишу Вам в мае. Пишу повестушку для "С«еверного» вестн«ика»" и чувствую, что она хромает. Читал сегодня Аристархова в "Русских ведомостях". Какое лакейство перед именами, и какое отечески-снисходительное бормотанье, когда дело касается начинающих! Все эти критики-и подхалимы, и трусы: они боятся и хвалить, и бранить, а кружатся в какой-то жалкой, серой середине. А главное, не верят себе… "Живые цифры" - вздор, который трудно читать и понимать. Аристарх«ов» с трудом читал и не понимал, но разве у него хватит мужества признаться в этом?

Моя "Степь" утомила его, но разве он сознается в этом, если другие кричат: "талант! талант!"? Впрочем, ну их к лешему!

Передайте Николаю Алексеевичу, что я виделся с И. М. Кондратьевым (агентом драм«атического» общ«ества») и что сей последний выслал гонорар Александру Алекс«еевичу» 26-го марта, как обещал; гонорар выслан весь, без вычетов.

Ну, будьте здоровы. Поклонитесь Вашим и А. М. Евреиновой. На днях я получил от Я. П. Полонского душевное письмо. Прощайте.

Ваш всей душой

А. Чехов.

400. А. Н. ПЛЕЩЕЕВУ

31 марта 1888 г. Москва.

31.

Дорогой Алексей Николаевич! Едва успел послать Вам сегодня письмо, как вдогонку пишу и посылаю другое. Сейчас у меня был Ваш А«лександр» А«лексеевич» с письмом. Вот мой ответ.

Пора каким бы то ни было образом прекратить безобразие, предусмотренное уложением о наказаниях. Я говорю об оскорблении могил, практикуемом так часто литературными альфонсиками и маркерами вроде г. Лемана. Недостает еще, чтобы на могилах писателей говорили речи театральные барышники и трактирные половые! Меня покоробило, когда в телеграмме из П«ете»рб«ур»га о похоронах я прочел, что речь говорил, между прочим, и "писатель Леман". Что он Гекубе, и что ему Гекуба?

Что касается отсутствия на похоронах представителя "Нового времени", то в этом я не вижу злого умысла. Я убежден, что смерть Гаршина произвела на Суворина гнетущее впечатление. Не были же нововременцы по простой причине: они спят до двух часов дня. Насчет слез, к«ото»рые прольются на могилу Жителя, Вы тоже

заблуждаетесь.

Вчера я послал Баранцевичу согласие участвовать в его сборнике "Памяти Гаршина". Ваше приглашение пришло поздно. Как мне быть? Передайте Анне Михайловне, что я всей душой сочувствую идее и цели сборника и благодарю за приглашение, но не знаю, как мне быть с Баранцевичем. Вернуть согласие нельзя.

А«лександр» А«лексеевич» говорил мне, что проездом в Крым Вы побываете в Москве. Это очень приятно. Мы с Вами покутим и поговорим подробно об Украйне, о Михайловском и проч.

Ваш А. Чехов.

Поклон всем Вашим, Анне Михайловне и Марье Дмитриевне.

Два раза был я у Гаршина и в оба раза не застал. Видел только одну лестницу…

К сожалению, я вовсе не знал этого человека. Мне приходилось говорить с ним только один раз, да и то мельком.

401. Т. С. САВЕЛЬЕВУ

1 апреля 1888 г. Москва.

1-го апреля 1888 г.

Уважаемый

Тимофей Савельевич!

Благодарю Вас за память и за письмо. В Ростове я буду не раньше июня и, конечно, постараюсь побывать у Вас. Думал я ехать к Мите в апреле, но планы мои изменились. Семья моя благодарит Вас за поклоны и в свою очередь кланяется Вам. Будьте здоровы и благополучны. Уважающий Вас

А. Чехов. На обороте:

Ростов-на-Дону,

Старый базар, гостиница Копылова, Его высокоблагородию Тимофею Савельевичу Савельеву.

402. Г. М. ЧЕХОВУ

1 апреля 1888 г. Москва.

1 апреля 88 г.

Милый Георгий!

Спасибо тебе, дружище, за хлопоты и беспокойство; к сожалению, мы теперь не можем воспользоваться ни тем, ни другим. Я уже нашел дачу в помещицкой усадьбе на реке Псле (приток Днепра) близ города Сумы Харьков«ской» губ., недалеко от Полтавы, с рекой, с садом, с лесами, с мебелью и даже с посудой. Покровская неудобна во многих отношениях: главное - в ней скучно, лес далеко от деревни и многолюдно. Карантин стоит на припеке и беден растительностью, дачи неудобные, все дорого, помещения малы, и, что очень неудобно, нужно каждый день быть хорошо одетым, а Маша и мама не любят щеголять летом. Да и лечить некого в Карантине.

В своих поисках дачи я имел единственною целью - доставить удовольствие моей мамаше, отцу, сестре, вообще всей семье, которая заметно тоскует по юге. Я старался найти такое место, где удобства жизни, необходимые для стариков, были бы на первом плане: покой, тишина, близость церкви, изобилие тени и проч. И чтобы рядом с этим и молодежь не оставалась при пиковом интересе. А для молодежи нужны красивая природа, изобилие воды, лес и проч., для меня же лично, кроме того, необходимы близость почты и люди, которых бы я мог на досуге лечить.

Место, нанятое нами, удовлетворяет всем этим условиям, и, если верить тем, которые видели его, оно по красоте природы может быть названо замечательным.

Наш караван двинется на юг в начале мая. Я в конце мая еду в Крым, в усадьбу Суворина, оттуда морем на Кавказ, из Кавказа назад в Сумы; проездом буду, вероятно, в Таганроге.

Твой дядя Павел Егоров«ич» приедет к нам на дачу к 29 июня и пробудет около 2-3 недель. Он поедет от нас в Киев. Проехать от нашей дачи до Киева стоит 3 руб. Мы почти уверены, что в день Петра и Павла к нам из Таганрога приедут гости. Это не только желательно, но и очень кстати, так как твой папаша М«итрофан» Е«горович» не откажет себе и моему отцу в удовольствии совершить совместное путешествие в Киев, а оттуда обратно в Таганрог, тоже вместе. Об этом мы еще будем писать подробно, а просить дядю Митрофана Егоровича и тетю приехать к нам пошлем в Таганрог нарочитого депутата (Михалика, который красноречивее всех нас).

Я недавно вернулся из Питера. Жил там у Суворина; с ним и с его семьей я в отличнейших отношениях. Семья почтенная и симпатичная, несмотря на то, что живет в золоте. Вообще говоря, моя литературная деятельность дала мне в последнее время немало хороших знакомств. Столько приходится видеть прекрасных людей и семей, что душа радуется.

Пиши нам побольше. После первого мая наш адрес будет таков: "г. Сумы Харьк«овской» губ., усадьба Линтваревой, д-ру Чехову".

Нельзя ли тебе будет взять отпуск на недельку и прикатить к нам? Псел река рыбная. Поехали бы мы вместе рыбу ловить.

Поклонись всем и будь здоров. Дяде и тете я от души желаю всего лучшего, а девочкам скажи, что я очень жалею, что не могу провести с ними Пасху по примеру прошлого года.

Спасибо за карточку.

Твой А. Чехов.

403. А. С. СУВОРИНУ

3 апреля 1888 г. Москва.

3 апреля 88.

Уважаемый

Алексей Сергеевич!

От лучшей бумаги, как Вы говорили брату и как он писал мне, моя книжка станет дороже почти вдвое. Это было бы ничего, если бы я был уверен, что мое издание не сядет на мель, но так как этой уверенности у меня нет, то приходится взять и сделать по-старому, т. е. печатать на дешевой бумаге. Это не суть важно. А коли нужно, чтобы книга была потолще, то я пришлю еще текста, которого у меня куры не клюют. Мечты же об изяществе издания я целиком перенесу на "Каштанку"; если рисунки будут хороши и издание изящно, то не жалко будет и убыток понести.

Благодарю Вас за Крамского, которого я теперь читаю. Какая умница! Если бы он был писателем, то писал бы непременно длинно, оригинально и искренно, и я жалею, что он не был писателем. Наши беллетристы и драматурги любят в своих произведениях изображать художников; теперь, читая Крамского, я вижу, как мало и плохо они и публика знают русского художника. Я не думаю, чтобы Крамской был единственным; вероятно, в мире Репиных и Бакаловичей найдется немало замечательных людей.

В издании, по моему мнению, в отделе "приложений" есть пропуск, который для многих покажется существенным: нет реферата или, вернее, доклада о болезни и смерти Крамского, читанного в медицинском обществе С. П. Боткиным.

Спасибо Виктору Петровичу за фельетон о Гаршине. Говорят, что Гаршин мечтал об историческом романе и, вероятно, начал его. Интересно, что за неделю до смерти он знал, что бросится в пролет лестницы, и готовился к этому концу. Невыносимая жизнь! А лестница ужасная. Я ее видел: темная, грязная…

Из писателей последнего времени для меня имеют цену только Гаршин, Короленко, Щеглов и Маслов. Все это очень хорошие и не узкие люди. Ясинский непонятен (это или добросовестный мусорщик, или же умный пройдоха), Альбов и Баранцевич наблюдают жизнь в потемках и сырости водосточных труб, все же остальные бездарны и сунулись в литературу только потому, что литература представляет собой широкое поприще для подхалимства, легкого заработка и лени.

Передайте моей теще Анне Ивановне, что синяя материя, которую мы покупали вместе у Коровина, понравилась сестре - очень. Насте и Боре поклон. Я непременно приеду в Феодосию. Дачу я себе нанял на реке Псле (приток Днепра), в усадьбе. Из Украины до Крыма близко. Не поручите ли Вы мне купить для Вас рыболовных снастей? У завзятых рыболовов есть примета: чем дешевле и хуже снасти, тем лучше ловится рыба. Я обыкновенно покупаю сырой материал и уж из него сам делаю то, что нужно.

Мои доброжелатели-критики радуются, что я "ушел" из "Нов«ого» врем«ени»". Надо бы поэтому, пока радость их еще не охладилась, возможно скорее напечатать что-нибудь в "Нов«ом» врем«ени»". Но нет сил писать. Никак не покончу с повестушкой (разговор с инженерами в бараке); она связала меня по рукам и ногам.

Простите, что письмо вышло так длинно, и позвольте еще раз поблагодарить Вас за гостеприимство и радушие. Ей-богу, мне не хотелось уезжать от Вас. Желаю Вам всего хорошего. Искренно преданный

А. Чехов.

404. И. Л. ЛЕОНТЬЕВУ (ЩЕГЛОВУ)

4 апреля 1888 г. Москва.

4 апр.

Милый Жан и дачный муж! Поздравляю Вас с благополучным окончанием Вашей книжной торговли, с весенней хандрой и с бабушкой. Простите, что так долго не отвечал на Ваше письмо: лень и весна обуяли. Да и ничего не могу написать такого, что пришлось бы Вам по душе. Мало веселого, много скучного…

Бараицевич и К° столкнулись нос к носу с Евреиновой и К° в одном и том же деле (памятник Гаршина) и, точно испугавшись конкуренции, облаяли друг друга "лжелибералами". Судя по письмам той и другой стороны, доброе дело оказалось дурным, ибо поссорило порядочных людей. Я не знал, что Баранцевич так нервен! Оказывается, что по части нервов он может дать Вам 20 очков вперед. В своем письме ко мне он написал очень много несправедливого.

Гольцев говорил мне, что Ваш рассказ он передал Соболевскому и "умывает руки". Вообще все эти Гольцевы хорошие люди, но где касается литературы и литературных порядков, то там следовало бы мыть им не руки, а хари. Бездарны, сухи и туги, как оглоданные вороньи кости.

Если пришлете отзывы о "Степи", то скажу большое спасибо. Высылайте и "завистливо-ругательные". Отзывы "Нов«ого» вр«емени»", "Пет«ербургских» вед«омостей»" и "Бирж«евых» вед«омостей»" у меня уже есть.

Пишите мне, капитан. Если будете у padre А«лексея» Н«иколаевича», то поклонитесь этому симпатичному старику. Как я жалею, что книжная коммерция, на которой Вы нажили кукиш с маслом, помешала нам видеться чаще.

Поклонитесь Вашей жене. Будьте здоровы и богом хранимы.

Ваш А. Чехов

(Потемкин).

405. А. Н. ПЛЕЩЕЕВУ

4 апреля 1888 г. Москва.

4 апр.

Дорогой Алексей Николаевич!

Я получил Ваше письмо. Очень жаль, что "Северн«ый» вестник" и Баранцевич не пришли к соглашению. Два сборника, освященных одной и той же целью и выходящих один тремя месяцами раньше другого, составляют чувствительное неудобство друг для друга. Насколько не обманывает меня мое грошовое чутье, я почти уверен, что сборник, выпущенный вторым, успеха иметь не будет, т. е. сядет на мель. Впрочем, можно пуститься на хитрость: объявите теперь, пока впечатление смерти еще свежо, подписку на предполагаемый сборник, объявите и объявляйте без перерыва до сентября.

Быть может, в этих делах я ничего не смыслю. Если так, то простите за советы.

Теперь об Украйне. На лошадях Вам придется ехать только две версты. Самое лучшее время - май. Самое невеселое - июнь; самое сытое и разнообразное по наслаждениям - июль. Август хорош арбузами и дынями. Советую Вам ехать в мае. Мне хочется, чтобы Вы понюхали украинский сенокос.

На даче я усажу Вас под надзор медицины и убавлю Вам Ваш живот, который делает одышку. Придумаем такой режим, к«ото»рый, не требуя с Вашей стороны никаких жертв, принес бы пользу Вам и моей медицинской репутации.

Напрасно Михайловский огласил свой уход. Прощайте. Будьте здоровы и богом хранимы. Передайте Короленко, что я жду его. Имею сказать ему нечто приятное. Поклон Вашим.

Ваш А. Чехов.

Получил от Фонда приглашение читать на Гаршинском вечере. Отвечаю, что не могу выехать из Москвы по домашним обстоятельствам. Откровенно говоря, нет денег на дорогу.

406. Ал. П. ЧЕХОВУ 4 апреля 1888 г. Москва.

4 апреля.

Прорва! Умоляю: надень скорее штаны, побеги (лейф а гейм) в магазин "Нового времени" и поторопи там выслать мне возможно скорее 2 экз. "Сумерек". Пожалуйста!

Если дорогая бумага дорога, то надо печатать на дешевой. 2-е издание "Сумерек" печатай, конечно, по-прежнему на дешевой бумаге.

Посылаю Суворину письмо с просьбой прогнать тебя.

"Сумерки" высылай заказной бандеролью. Не прошу извинения за беспокойство, потому что ты обязан слушаться.

Поклоны.

Твой авторитет А. Чехов.

407. М. В. КИСЕЛЕВОЙ

5 апреля 1888 г. Москва.

5 апр.

Многоуважаемая

Мария Владимировна!

Сегодня у меня был издатель "Русского вестника" Берг. Я спросил его, видел ли он повесть г-жи Киселевой. Он сказал, что не видел, а о г-же Киселевой слышит только первый раз в жизни (ах, какая непопулярная писательница!). Он спросил меня: талантлива ли г-жа Киселева? Я ответил:

- Гм… Как Вам сказать? Пожалуй…

Он сказал: я буду ее иметь в виду.

Итак, повести Вашей он не видел и не читал, с чем Вас и поздравляю (не без ехидства). Вы наказаны за многократное непослушание, что же касается меня, то я не перестану и впредь при всяком удобном случае говорить: гм..

В литературных сферах я теперь сила, которая может принести Вам много добра или много зла, смотря по тому, как Вы будете вести себя по отношению к моей гениальности. Если не будете угощать меня наливкой, восхвалять мой талант и будете позволять Вашим большим глазам шпионить за мной, то я уроню Вас во мнении всей Европы и не позволю Вам напечатать ни одной строки…

Что касается размера Вашей повести, т. е. девяти листов, то, правда, такое половодье составляет для журнала и для автора чувствительное неудобство. Не найдете ли Вы возможным сократить Ваше детище (некрещеное) до 5-6 листов? Дело в том, что большие повести долго ждут очереди, а маленькие подобны городничему, который найдет себе место в церкви, даже когда негде яблоку упасть. Ведь 9 листов придется дробить на 3 номера! В одном номере автор может располагать maximum тремя листами. Правда, в моей "Степи" шесть листов, но ведь для Чеховых и Шекспиров закон не писан, особливо если Шекспир или Чехов берет редакторшу за горло и говорит:

- Печатай, Ма-Сте, все шесть листов, а то получишь кукиш с маслом!

Вы же не Шекспир и не Чехов, хотя, впрочем, и мечтаете (о, я знаю Ваши хитрости!) дать в будущем Вашей дочери мое имя с тем, чтобы свои произведения выдавать за ее и подписывать вместо "Киселева" - "Чехова". Но это Вам не удастся!

Если найдете возможным сокращать повесть, то не особенно усердствуйте и не выбросьте того, что нужно и важно.

Я посматриваю за Вашим мужем, а потому относительно его поведения будьте покойны.

Поклон Василисе и Елизавете Александровне. Коклюшу передайте, что мы уже очистили для него чуланчик, где он будет жить с собачкой без спины и с кошкой. По условию, заключенному у меня с Алексеем Сергеевичем, Коклюша мы будем сечь два раза в неделю, а Василису всякий раз, когда она будет приезжать. За сеченье особая плата. Обедать будем давать пансионеру на Пасху и на Троицу.

Я очень жалею, что не могу сейчас поехать в Бабкино. Погода анафемски хороша.

Будьте здравы и богом хранимы. Имею честь быть с почтением А. Чехов.

408. Ал. П. ЧЕХОВУ 5 апреля 1888 г. Москва.

5 апр.

Гнусный шантажист! Получил от тебя 2 письма одновременно и рад был, что не получил третьего. Кривая с двумя повышениями в сутки возможна в том случае, если А«нна» И«вановна» вечером принимает что-нибудь жаропонижающее: хина, антипирин, антифибрин и проч., твоему уму недоступное. Необходима скорейшая медицинская помощь. Если не решаешься повезти А«нну» И«вановну» к Боткину, то по крайности сходи к нему сам и объясни, в чем дело: авось найдет нужным прислать ассистента.

Просьбу твою передам матери. Едва ли она поедет, ибо ее здоровье не совсем хорошо. Да и паспорта нет. Она прописана на одном паспорте с батькой, надо поэтому толковать долго с отцом, идти к обер-полицеймейстеру и проч… Жить же по венчальному свидетельству, как ты жил, она боится.

О бумаге я уже писал Суворину. Чем дешевле издание, тем лучше. Спросите Неупокоева, упокой господи его душу, хватит ли текста для 20 листов? Если нет, то забудь о домашней беде, брось все и стремглав исполняй мои приказания.

У Корбо неугомонный кашель. Вероятно, чахотка от дряхлости и онанизма. Боясь, чтобы он в квартире не развел бацилл, я начинаю уж подумывать об убийстве. Хочу угостить его морфием. Сообщи об этом Гершке, предварительно приготовив его к этому ужасному известию.

Теперь серьезно. Что касается характера и раздражительности Анны Ив«ановны», то ради бога терпи и не огрызайся ни одним словом. Я от всей души не хотел бы, чтобы твой подвиг носил на себе (в воспоминаниях) темные пятнышки. Впрочем, не бывал я в твоей шкуре, а посему не мне и советовать. Будь здрав и богом храним…

Граф Платов. Рукой Н. П. Чехова:

Приветствую!!!!!…

Н. Чехов.

Мать горюет, что не может приехать. Рукой М. П. Чеховой:

Кланяюсь и целую тебя, Анну Ивановну и детой.

Маша.

409. А. Н. МАСЛОВУ (БЕЖЕЦКОМУ)

7 апреля 1888 г. Москва.

7 апреля.

Добрейший

Алексей Николаевич!

Пока я еще не уехал, отвечаю на Ваше письмо. Да, я деликатный человек, т. е. очень часто не решаюсь говорить и писать правду, но, уверяю Вас, я не скрыл ничего из разговора с Гольцевым. В "Русской м«ысли»" в самом деле рады будут Вашему сотрудничеству. Нет причин, почему бы им не радоваться.

Письма от Гольцева Вы не получите. Почему? Если хотите, то я не скрою от Вас: все эти Гольцевы хорошие, добрые люди, но крайне нелюбезные. Невоспитаны ли они, или недогадливы, или же грошовый успех запорошил им глаза - черт их знает, но только письма от них не ждите. Не ждите от них ни участия, ни простого внимания… Только одно они, пожалуй, охотно дали бы Вам и всем россиянам - это конституцию, все же, что ниже этого, они считают несоответствующим своему высокому призванию. Просить же их о письме к Вам я не был уполномочен; если бы я предложил написать Вам это письмо, то предложение они приняли бы за просьбу и стали бы ломаться. Ну их к лешему!

Не скрою от Вас, что как к людям я к ним равнодушен, даже, пожалуй, еще симпатизирую, так как они всплошную неудачники, несчастные и немало страдали в своей жизни… Но как редакторов и литераторов я едва выношу их. Я ни разу еще не печатался у них и не испытал на себе их унылой цензуры, но чувствует мое сердце, что они что-то губят, душат, что они по уши залезли в свою и чужую ложь. Мне сдается, что эти литературные таксы (мне кажется, что таксы, длиннотелые, коротконогие, с острыми мордами, представляют собой помесь дворняжек с крокодилами; московские редакторы - это помесь чиновников-профессоров с бездарными литераторами) - итак, мне сдается, что эти таксы, вдохновленные своим успехом и лакейскими похвалами своих блюдолизов, создадут около себя целую школу или орден, который сумеет извратить до неузнаваемости те литературные вкусы и

взгляды, которыми издревле, как калачами, славилась Москва. Прочтите Вы Мачтета, питомца этой школы, пользующегося теперь в Москве громадным успехом, прочтите фельетоны "Русских ведомостей", и Вы оцените мое беспокойство.

Меня давно уже зовут в "Русскую м«ысль»", но я пойду туда только в случае крайней нужды. Не могу!!! Весьма возможно, что я ошибаюсь, а потому не примите это письмо за совет не работать в "Р«усской» м«ысли»", хотя, признаюсь, мне приятнее было бы видеть Вас в любом петерб«ургском» журнале, чем в "Р«усской» м«ысли»".

У Вас в кармане только три рубля, а у меня целых триста! Это все, что уцелело у меня после "Степи" и "Сумерек". Но так как эти деньги спрятаны сестрой для переездки на дачу, то я теперь сижу на бобах и питаюсь одной только славой.

Что касается Вашего страха перед сюжетами, то излечить его трудно. Принимайте Kalium bromatum. Я тоже не доверяю своим сюжетам. Мне почему-то кажется, что для того, чтобы верить в свои сюжеты и мысли, нужно быть немцем или, как Баранцевич, быть женатым и иметь 6 человек детей.

Я советовал Вам писать комедию и еще раз советую. Она вреда Вам не принесет, а доход даст. Мой "Иванов", можете себе представить, даже в Ставрополе шел. Что же касается исполнения, то бояться Вам нечего. Во-первых, у Вас прекрасный разговорный язык, во-вторых, незнание сцены вполне окупится литературными достоинствами пьесы. Только не скупитесь на женщин и не давайте воли Вашей селезенке.

Какое, однако, я Вам длинное письмо намахал! Ужасно хочется бездельничать, и рад случаю, чтобы написать кому-нибудь письмо или пошляться по улице.

Вчера получил приглашение от "Гражданина".

Поклонитесь Суворинам, Виктору Петровичу и Петерсену. Будьте здоровы.

Имею честь быть с почтением, извините за выражение, начинающий писатель

А. Чехов.

410. В. Г. КОРОЛЕНКО

9 апреля 1888 г. Москва.

9 апр.

Посылаю Вам, добрейший Владимир Галактионович, рассказ про самоубийцу, Я прочел его и не нашел в нем ничего такого, что могло бы показаться Вам интересным, - он плох, - но все-таки посылаю, ибо обещал.

Будьте здравы и богом хранимы на многие лета. Поклонитесь Волге.

Ваш А. Чехов.

Семья моя Вам кланяется.

Вчера дал прочесть одной девице рассказ, который готовлю для "Сев«ерного» вестн«ика»". Она прочла и сказала: "Ах, как скучно!"

В самом деле, выходит очень скучно. Пускаюсь на всякие фокусы, сокращаю, шлифую, а все-таки скучно. Срам на всю губернию!

411. А. Н. ПЛЕЩЕЕВУ

9 апреля 1888 г. Москва.

9 апр.

Милый Алексей Николаевич!

Получил я вчера от Вашего Ал«ександра» Ал«ексеевича» письмо, в котором он приводит строки из Вашего письма к нему. Пишет он о Салтыкове и о Вашем желании иметь возможно скорее мою повесть для "Сев«ерного» вестн«ика»". Первое для меня крайне лестно, на второе же ответствую тако. Я давно уже (с середины апреля) сижу за небольшою (1-1 1/2 печатных листа) повестушкой для "С«еверного» в«естника»", давно уже пора кончить ее, но - увы! - чувствую, что я ее кончу едва к маю. К прискорбию моему, она у меня не вытанцовывается, т. е. не удовлетворяет меня, и я порешил выслать Вам ее не ранее, пока не поборю ее. Сегодня я прочел все написанное и уже переписанное начисто, подумал и решил начать опять снова. Пусть она выйдет плоха, но все-таки я буду знать, что отнесся я к ней добросовестно и что деньги получил не задаром.

Повестушка скучная, как зыбь морская; я сокращал ее, шлифовал, фокусничал, и так она, подлая, надоела мне, что я дал себе слово кончить ее непременно к маю, иначе я ее заброшу ко всем чертям.

Во всяком случае передайте Анне Михайловне, что я не тороплюсь исполнить свое обещание только потому, что недоволен своей работой. Вышлю, когда мне будет казаться, что я доволен или почти доволен. Во всяком случае "Сев«ерный» вестн«ик»" может считать себя по части моей беллетристики обеспеченным на июньскую или в крайнем случае на июльскую. Вернее, что на июньскую… Я бы и сейчас послал повесть, но не нахожу полезным торопиться. Я трус и мнителен; боюсь торопиться и вообще боюсь печататься. Мне все кажется, что я скоро надоем и обращусь в поставщики балласта, как обратились Ясинский, Мамин, Бажин и проч., как и я, "подававшие большие надежды". Боязнь эта имеет свое основание: я давно уже печатаюсь, напечатал пять пудов рассказов, но до сих пор еще не знаю, в чем моя сила и в чем слабость.

Теперь об авансе. Об этой штуке Вы не раз писали мне; говорил о ней и Короленко. Если понадобится, то я воспользуюсь любезностью редакции и не буду чувствовать себя неловко, ибо в долгу не останусь. Теперь пока мне еще не нужны деньги. Понадобятся, вероятно, и конце апреля. Если увижу, что без аванса не обойтись мне, то напишу.

Что касается Введенского, то претензия его на меня мне кажется неожиданной и по меньшей мере странной. Быть у него я не мог, потому что незнаком с ним. Во-вторых, я не бываю у тех людей, к которым я равнодушен, как не обедаю на юбилеях тех писателей, которых я не читал. В-третьих, для меня еще не наступило время, чтобы идти в Мекку на поклонение…

Был у меня Островский. Ездили вместе в Третьяковскую галерею. У меня он познакомился с Короленко.

Я готов поклясться, что Короленко очень хороший человек. Идти не только рядом, но даже за этим парнем- весело.

Вы сильно огорчите меня, если не приедете в Украйну. Что я должен пообещать Вам, чтобы вы тронулись из Питера?

Погода чудесная. Работать совсем не хочется. Кланяйтесь Вашим и редакции.

Будьте здравы и живите так, чтобы каждую минуту чувствовать весну.

Ваш А. Чехов.

Прочел я это письмо и нахожу, что оно написано очень нелитературно.

412. Ал. П. ЧЕХОВУ 11 или 12 апреля 1888 г. Москва.

Бездельник!

Сегодня я послал для Неупокоева (когда он упокоится?) еще текста. Рассказ "Тина" поставь перед "Степью", а два прочие после, но "Поцелуй" должен быть в конце книги. Еще раз напоминаю: рассказ "Счастье" должен быть первым и "посвящается Я. П. Полонскому с костылем". Книгу надо будет назвать так:

Рассказы и тут же на обложке перечисление рассказов петитом.

Считался ли за "Сумерки"?

2-е изд. "Сумерек" пора печатать. По крайней мере, пора объявить об этом в понедельницком анонсе.

На задней стороне обложки должны быть объявления о моих книгах: "Пестрых рассказах", "Сумерках" и "Рассказах".

Это, брат, тебе не Англия!

Получил от старичины длинное письмо и сопричислил его к автографам.

Денег нет и нет. Писать разучился. Хочу поступить в аптеку.

Если тебе кажется, что я затрудняю тебя своими изданиями, то напиши мне.

Был сегодня Федор Глебов. Спрашивал о тебе. По-видимому, недоволен тем, что ты незаконно живешь, но не высказывает этого, хотя и удивляется, что "оне - старуха-с"… Насчет денег и Николки по-прежнему долготерпелив…

Если увидишь Михаила Суворина, то передай ему, что моих книг нет ни на одной станции. Этак много не наторгуешь.

Веди себя хорошо«…»

Граф Платов.

413. К. С. БАРАНЦЕВИЧУ

14 апреля 1888 г. Москва.

14 апр. 88.

Спасибо Вам, добрейший Казимир Станиславович, за Ваши милые письма. Простите, что долго не отвечал Вам, - мешали весна и лень. Начну с сожаления, что Вы не пришли ни к какому соглашению с "Сев«ерным» вестником". Один сборник лучше, чем два. Из двух сборников один обязательно должен сесть на мель, чего я не желаю ни Вам, ни "Сев«ерному» вестн«ику»", ибо сочувствую обеим сторонам от всей души.

Ваша точка зрения показалась мне неверной. Вы точно взглянули на "Сев«ерный» вестн«ик»" как на конкурента, а тут не может быть и речи о конкуренции… И цари, и рабы, и умные, и глупые, и мытари, и фарисеи имеют одинаковое юридическое и нравственное право чтить память покойников, как им угодно, не интересуясь ничьим мнением и не боясь помешать друг другу… Это раз. Во-вторых, Вы спрашиваете: что им Гекуба? Гекуба не составляет ничьей привилегии. Она для всех.

Было бы, конечно, дурно, если бы вас, искренних и любящих людей, пригласили на консилиум господа, видящие в смерти Гаршина только хороший предлог для позировки, кокетничанья или других низменных целей; но ведь относительно "Сев«ерного» вестн«ика»" Вы не можете заподозрить и тени этого… Насколько я знаю старика Плещеева, он благоговеет перед памятью Гаршина и сродни всем Гекубам… А. М. Евреинова, насколько я успел понять ее, тоже хороший человек…

Итак, я думаю, что обе стороны неправы, что не сошлись. Этого можно было бы достигнуть при взаимных уступках.

Теперь о Короленко… Почему Вы думаете, что он должен быть непременно "наш"? Откуда у Вас эти исключительные права на симпатии человека? Как очень хороший человек и талантливый писатель, он изображает ту же Гекубу, которая не может быть ни "нашей", ни "вашей". Пусть сидит там, где ему угодно.

Что касается названия книги "Красный цветок", то оно мне не нравится. Почему? Не знаю.

Того рассказа, который Вам хотелось иметь от меня, я не нашел и потому послал "Беглеца". Если Вы не против, то очень рад.

А Вы непременно приезжайте в Сумы. Дайте себе слово не лениться дорогой, и Вы обязательно заедете. Обыкновенно заезжать к кому-нибудь по пути - ух, как не хочется! Но Вы поборите леность - матерь всех пороков - и заставьте себя заехать. Вы редко ездили и не знаете, что за штука дорожная лень. Бывало, дашь кому-нибудь слово побывать у него, поклянешься, по вот подъехал к станции… ночь, душно, лень… махнешь рукой и поедешь дальше. А если при этом нужно еще взять крюк в 50-100 верст, то подумаешь-подумаешь, зевнешь, а услужливое, ленивое воображение живо стушует в памяти образ приглашавшего приятеля, и… махнешь рукой и забудешь.

Идет дождь. Мерзко на дворе.

Хотел было побывать в апреле в Питере, да денег нет.

Будьте здоровы и невредимы. Поклонитесь Альбову, Щеглову и проч. Нотовичу не кланяйтесь. Говорят, что Ваш еврейчик-редактор страждет манией величия. Правда ли это? Грешный я человек, не знаю его, но уж сужу: мне кажется, что он большущий шарлатанище. Впрочем, ну его к лешему!

Ваш А. Чехов.

Когда выйдет моя новая книжка, не вздумайте покупать ее. Вам пришлет ее брат.

Кто такой Леман? Не тот ли, которого я знал в Москве? Черненький, маленький, куценький, чистенький. Всюду суется и с апломбом.

414. Л. Н. ТРЕФОЛЕВУ

14 апреля 1888 г. Москва.

14 апр. 88.

Уважаемый

Леонид Николаевич!

На этих днях к Вам явится с моею визитной карточкой подозрительная личность… Это Дмитрий Иванов, крестьянин, 12 лет, грамотный, сирота, беспаспортный и проч. и проч. и проч. По его словам, в Москву он приехал из Ярославля с матерью; мать умерла, и он остался на бобах. Жил он в Москве в "Аржановской крепости" и занимался милостыней. Эта профессия, как Вы и сами заметите, сильно отразилась на нем: он худ, бледен, много врет, сочиняет болезни и проч. На мой вопрос, хочет ли он ехать на родину, т. е. в Ярославль, он ответил согласием. Сестра моя собрала для него деньжишек и одежонки, и завтра наша кухарка повезет его на вокзал.

Мальчик говорит, что в Ярославле у него есть тетка. Адрес ее ему неизвестен. Если у Вас в Ярославле нет адресного стола, то не найдете ли Вы возможным указать мальчугану те пути, по коим у Вас в городе отыскиваются тетки и дядьки? Куда ему идти? В полицию? В мещанскую управу? Может ли он жить в Ярославле без паспорта? Если нет, то куда ему обратиться за паспортом? Он грамотен и уверяет, что хочет работать… Если не врет, то не найдется ли ему где-нибудь местечко? В типографии, например?

Смотритель одного большого училища-пансиона, мой хороший знакомый, пожертвовал мальчугану из казенного добра следующие вещи: сапоги, костюм из серой материи, халат, парусинковый костюм, двое кальсон и две рубахи. Когда к Вам явится мальчуга, то Вы объявите ему, что Вам уже все известно, что у пего такие-то и такие-то вещи, что Вы имеете громадную власть и что если он продаст или потеряет что-нибудь из одежи или променяет штаны на пряники, то с ним будет поступлено но всей строгости законов. Так и скажите ему, что если что пропадет, то о нем Бисмарк скажет речь в рейхстаге и Сади Карно сделает визит Фрейсине.

Если он к Вам не явится, то придется, к прискорбию, заключить, что он вернулся назад в Москву, продал одежду и билет, т. е. надул.

Простите ради бога, что я, будучи знаком с Вами только наполовину, беру на себя смелость беспокоить Вас просьбой и поручениями. Я не имею на это никакого права. Но утешаю себя надеждой, что Вы поймете мотивы, заставившие меня беспокоить Вас, и в будущем позволите мне отплатить Вам услугой за услугу.

Обещанной карточки я не получил от Вас. Быть может, Вы раздумали посылать, но я все-таки жду.

Если отвечать на это письмо будете до мая, то мой адрес таков: "Москва, Кудринская Садовая, д. Корнеева", если же после первого мая, то адресуйте Ваше письмо (с карточкой) так: "г. Сумы Харьков«ской» губ., усадьба А. В. Линтваревой".

Был я недавно в Питере. Хороший, деловой город. Москва спит и киснет. Все мы застыли и уподобились желе. Поссорились было с Л. И. Пальминым, да опять помирились.

Будьте здоровы и простите за беспокойство уважающего Вас

А. Чехова.

415. Л. Н. ТРЕФОЛЕВУ

14 апреля 1888 г. Москва.

Податель сего есть тот самый Дмитрий Иванов, о котором я уже писал Вам.

Уважающий А. Чехов. На конверте:

Ярославль,

В Земской управе

Леониду Николаевичу Трефолеву.

416. И. Л. ЛЕОНТЬЕВУ (ЩЕГЛОВУ)

15 апреля 1888 г. Москва.

15 апр.

Милейший капитан! Я послал Вам письмо. Вы не отвечаете… Что с Вами? Не больны ли Вы?

Получили ли мое письмо? Я по рассеянности в адресе написал вместо "Леонтьеву"-"Щеглову"… Увидевши ошибку, я поленился переменять конверт и ограничился только тем, что впереди Щеглова поставил Леонтьева…

Вышла Ваша новая книга? Да? Пришлите мне… После первого мая мой адрес будет таков: "г. Сумы Харьк«овской» губ., усадьба А. В. Линтваревой, д-ру Чехову". Вообще когда Вы будете адресоваться ко мне в провинцию, то не забывайте величать меня на адресе "доктором",.. Адреса докторов почта отлично помнит.

Итак, я еду в Украйну, а Вы, крокодил, остаетесь в тундре… Зачем Вы остаетесь? К чему? Не говорите мне, что у Вас денег нет на дорогу… Безденежье не может быть препятствием. Надо только решиться… Если у Вас есть 100 руб., то поезжайте. На еду и карманные расходы Вы заработаете на месте. А еда в Украйне дешевле прозы "Сына отечества". Проживете целое лето отлично за 300 руб., даже роскошно… И сами бы поправились, да и жена бы Вам сказала спасибо. На зиму Вы можете Вашу квартиру бросить, а мебель сложить в сарае какого-нибудь благоприятеля… Если хотите, я найму Вам квартирку в Сумах. Проезд туда в III классе стоит (из Питера) 19 руб. Квартира не дороже 10-15 р. в месяц. Мясо 6-7 коп. фунт. Довольно одного "субботника" в месяц, чтобы прожить безбедно. Ах, какими бы я

пирогами угощал Вас! Какая река! Какая рыбная ловля! Знаете что? Махните на все рукой, пошлите все к чертовой матери и решайтесь. Если у Вас нет на дорогу ста рублей (т. е. на дорогу за двоих 40 руб. или 50 и за квартиру вперед 30 р.), то возьмите в "Нов«ом» вр«емени»" авансом. Вам дадут, особливо если Вы скажете Суворину, что едете со мной на реку Псел.

Обещаю Вам: a) чудную реку; b) леса и сады; c) смешную публику; d) пироги; e) скуку, о которой Вы с наслаждением будете вспоминать зимою, и f) экскурсию в Полтаву на ярмарку.

Решайтесь! Если решитесь, то дайте мне знать моментально. Я похлопочу насчет квартиры. Баронессу Вы можете сдать под расписку в опекунский совет.

В Москве продаются прекрасные походные кровати с матрасами, складные, по 5 р. за штуку. Купил и отправил в Сумы товарным поездом. Если решитесь, то я и Вам куплю парочку. Однако прощайте.

Ваш А. Чехов.

417. А. Н. ПЛЕЩЕЕВУ

17 апреля 1888 г. Москва.

17 апр.

Дорогой Алексей Николаевич!

Спешу ответить на Ваше письмо. Выеду я из Москвы в Сумы пятого мая и, стало быть, буду в усадьбе в ночь под седьмое. После этого числа Вы можете застать меня в усадьбе ежедневно от 9 часов утра до 9 часов утра. Милости просим! Вот Вам маршрут: Вы едете до Курска, отсюда на Ворожбу, из Ворожбы в Сумы. Если сегодня выедете из Москвы, то завтра в 12 часов ночи будете в Сумах. Выехав из Курска или, лучше, обедая в Курске, Вы не забудьте послать такую телеграмму: "Сумы, Линтваревой. Скажите Чехову: еду. Плещеев". Я выеду на вокзал встречать Вас.

Вы боитесь стеснить мою семью? Ну, а я боюсь, что мы Вас стесним, т. е. не дадим Вам того комфорта, какой подобает Вашему чину; мы серьезно боимся, ибо еще не знаем, каковы комнаты в нашей усадьбе, какова мебель и проч. Мы наняли наудачу. Очень возможно, что мы вместо палаццо найдем свиной хлевок. Завтра братишка едет произвести рекогносцировку. Во всяком случае во всю ивановскую будем стараться обставить Вашу жизнь возможно комфортабельнее и задержать Вас больше чем на две недельки. А что Вы нас не стесните, Вы в этом убедитесь, познакомившись с моей командой.

Теперь о повести. Вы предостерегаете меня от излишней отделки и боитесь, чтобы, перестаравшись, я не стал холоден и сух. Это резон, и большой резон, но история в том, что речь в моем письме шла вовсе не об отделке. Я переделывал весь корпус повести, оставив в целости только один фундамент. Мне не нравилась вся повесть, а не в деталях. Тут поневоле просидишь вместо одного месяца целых три. Вообще повесть выйдет не из аховых, критики только носом покрутят. Это я не скромничаю. Достоинства повести: краткость и кое-что новенькое… Стало быть, повесть по случаю Вашего отъезда будет послана на имя Анны Михайловны. Буду просить у нее аванс.

Мне кажется, что относительно Короленко Вы заблуждаетесь. Из наших разговоров о Вас я заметил только одно, что он чтит Вас сильно и искренно. Того мнения о Вас, которое Вы подозреваете в нем, он, честное слово, не высказывал мне даже намеком. У Михайловского он бывал и будет бывать, так как он, подобно мне, провинциал, т. е. человек, далеко стоящий от редакционного центра и принимающий не так близко к сердцу все редакционные события. Петербургские пожары обжигают только петербуржцев, а москвичи и нижегородцы знакомы с этими пожарами только из писем да газет, т. е. теоретически. Впрочем, я, кажется, пишу уже вздор. Умолкни, муза!

О гаршинском сборнике потолкуем летом в Сумах. Я приглашал Щеглова нанять дачу по соседству со мной, уверял его, что это стоит гроши, соблазнял его всеми

благами мира (кроме женщин, которых он, как женатый, должен отрицать), но он отказался, ссылаясь на какой-то "родственный клобок". Эти родственники его точно глисты замучили. Экий малодушный человек!

Поклонитесь всем Вашим и будьте здоровы. Погода хорошая, хочется гулять.

Ваш А. Чехов.

Денег нет! О ужас! Как только приеду в Сумы, тотчас же сяду строчить мелочь.

Я хочу взять у Анны Михайловны аванс в размере пятисот (250 сейчас и 250 в июне). Даст?

Из Москвы в Курск идет почтовый поезд в три часа пополудни. Садитесь на этот поезд.

418. И. Л. ЛЕОНТЬЕВУ (ЩЕГЛОВУ)

18 апреля 1888 г. Москва.

18 апр.

Дорогой Капитан! Получил и "Дачного мужа", и критику на мою "Степь". Итак, мы пантеисты!, с чем Вас и поздравляю.

Выезжаю я из Москвы пятого мая. Успеете еще раз 5 написать мне и даже приехать на праздниках ко мне в гости. Если бы Вы не были трусом, капитан, то приехали бы.

Про Корша ничего не ведаю. Слухов никаких.

Осталось у меня 75 р… С чем я поеду в Сумы? Если не дадут аванса, то застрелюсь.

У меня тоже есть "родственный клобок". Чтобы он не мешал мне, я всегда езжу с ним, как с багажом, и привык к нему, как к шишке на лбу. Гораздо покойнее и дешевле брать его с собой, чем оставлять дома… Впрочем, мой клобок, если сравнивать его с наростом, представляет из себя нарост доброкачественный, но не злокачественный. Клобок мой отлично шьет мне сорочки, отлично варит и всегда весел. Зимою клобок состоит из 8 человек, а летом из 5 (в том числе 2 прислуги). Во всяком случае мне чаще бывает весело, чем грустно, хотя, если вдуматься, я связан по рукам и ногам… У Вас, батенька, квартирка, а ведь у меня целый дом, хоть и паршивенький, но все-таки дом, да еще двухэтажный… У Вас жена, которая простит Вам безденежье, а у меня порядок, который рухнет, если я не заработаю определенное количество рублей в месяц, рухнет и повалится мне на плечи тяжелым камнем…

Впрочем, наплювЕ на это… Я оканчиваю скучнейшую повестушку. Вздумал пофилософствовать, а вышел канифоль с уксусом. Перечитываю написанное и чувствую слюнотечение от тошноты: противно! Ну, да ничего… НаплювЕ. Какую б мы глупость ни написали теперь, как бы ни мудрили над нами наши индюки критики, а через 10 лет мы уж не будем чувствовать этого, а потому, капитан, - вперед без страха и сомненья! Читали Вы Бабикова (или Бибикова, Санхо Белинского) воспоминания о Гаршице во "Всем«ирной» иллюстрации"? Какая самолюбивая, приторная, кислая, хвастливая и нетактичная мочалка! Я завидую его апломбу и наивному самомнению, завидую его дружбе с Минским и его обожанию, доходящему до дизентерии, перед полубогом Ясинским… Он счастлив и доволен!

Прощайте и будьте здравы. Михайловский не так противен, как Вы думаете, и не так страшен черт, как его размалевали нервы.

Ваш А. Чехов.

419. Ал. П. ЧЕХОВУ Между 18 и 24 апреля 1888 г. Москва.

Столп злобы! О, иудино окаянство!

Во-первых, ты глупо сделал, что из 13 р. не взял себе 7; во-вторых, магазин не должен рассуждать, а ты не должен советоваться с ним о том, пора или не пора печатать "Сумерки". Печатать их пора.

Что касается ответа М. Суворина, то он штаны. Возвращаясь из Питера, я не нашел своей книги ни на одной станции; на днях был на Нижегородском вокзале и тоже не видел. Барышни жалуются, что негде достать мою книгу. Один человек, очень знакомый, придя в магазин Суворина (в конце марта или в начале апреля) купить книгу, получил в ответ -"нет! нет!" При нем пришел другой за тем же и получил тот же ответ… Кто же прав? Я или ваша "контора контрафакции"? Я увольняю тебя на сей раз от письменного и устного объяснения с контрагентством. Поговорю сам, а ты молчи… В книжной торговле Суворина беспорядки свирепые… Так нельзя. Книга моя идет хорошо, т. е. требования на нее большие, а достать негде… Черт знает что!

Старичина обещал быть в Москве на этой неделе. Попрошу его, чтобы прогнал тебя, болвана. Ты провонял всю газету.

Неужели нельзя добиться правды в болезни А«нны» И«вановны»? Что у нее нарыв где-то, я знал еще тогда, когда Кнох определил бугорчатку. Если нарыв в печени, то какой это нарыв? Не от камня ли, остановившегося на пути и закупорившего собою один из ductus'ов в паренхиме печенки? Страдала ли А«нна» И«вановна» раньше печеночными коликами?

5 мая наш караван двигается на юг в "г. Сумы Харьк«овской» губ., усадьба А. В. Линтваревой". Мишка сегодня уехал. На днях оканчиваю повесть для "Сев«ерного» вестника"… С мая по сентябрь не буду писать ничего крупного. Займусь мелкой работой, по коей скучаю.

Деньги на проезд есть, а что будем кушать в Сумах про то не знаю… Буду ловить рыбу и ею питать своих престарелых родителей.

Сними штаны и высеки себя. Остаюсь недовольный тобою

Б л а г о р о д н о в.

420. К. С. БАРАНЦЕВИЧУ

20 апреля. 1888 г. Москва.

20 апр.

Добрейший Казимир Станиславович!

Получил сегодня письмо от Альбова; отвечаю Вам, а не ему, потому что моя пакостная память, не удерживающая имен, и на сей раз повергла меня в конфуз: я забыл его имя и отчество, а обращение "милостивый государь" не годится. Ну, да это все равно.

Содержание письма Альбова Вам, конечно, известно. Я всей душой рад служить Вам так, как Вы хотите; быть "нежелательным исключением" неприятно, но что я могу сделать? До Пасхи я не успею написать ни одной строки, так как связан по рукам и ногам паршивой повестушкой, к«ото»рую должен во что бы то ни стало кончить к Пасхе, иначе останусь на все лето без пензов. В первые 3-4 дня Пасхи писать серьезно нет возможности по причинам Вам, человеку семейному, известным… Тотчас же после Пасхи я должен укладываться и ехать. В Украйне первые 5-6 дней пойдут на привыкание к новому месту и на всякие домашние хлопоты. Судите, когда же я успею исполнить Ваше желание, да еще в скорейшем времени? Пожалуй, среди суматохи, праздничного головокружения и дачного переполоха можно урвать час-другой и засесть за письмо, но ведь это выйдет не работа, а уж черт знает что…

Итак, при всем моем искреннем желании показать на деле свое сочувствие, я не могу обещать Вам желаемого. Может быть, напишу что-нибудь, а может быть, и нет… "Беглеца", конечно, пришлите назад (заказной бандеролью). Я не генерал и не желаю среди своих коллег являться привилегированным существом, для которого позволительны исключения. Как все, так и я. Коли все или большинство дадут уже напечатанное, тогда "Беглец" мой годится, если же сборник будет всплошную

состоять из свежего товара, то, конечно, "Беглецу" по шапке.

Поклонитесь Альбову, поблагодарите за письмо и попросите, чтобы извинил меня за вышеписанное беспамятство.

Ваш А. Чехов.

421. В. А. ТИХОНОВУ

21 апреля 1888 г. Москва.

21 апрель 88.

Милостивый государь

Владимир Алексеевич!

Приношу Вам мою сердечную благодарность за книгу и за лестную надпись на ней.

Я видел некоторые Ваши пьесы на сцене и достаточно знаком с Вашим талантом, а потому, пожалуйста, не подумайте, что Вы посылали книгу человеку, который не знает и не ценит Вас, и верьте мне, что Ваше внимание тронуло меня. Мне хочется отплатить Вам тем же, но, к сожалению, в настоящее время у меня дома нет ни одной моей книги. Пришлите мне Ваш адрес, и я постараюсь возможно скорее поквитаться с Вами.

Если будете в Москве, то убедительно прошу Вас пожаловать ко мне. Застать меня можно во все времена года (кроме лета)* днем до 2-х часов и вечером от шести до двенадцати. Я был бы очень рад познакомиться и поблагодарить Вас словесно.

Позвольте пожелать Вам успеха и здоровья и пребыть искренно уважающим

А. Чехов.

Кудринская Садовая, д. Корнеева. * Мой летний адрес: г. Сумы Харьк«овской» губ., усадьба А. В. Линтваревой.

422. Я. А. КОРНЕЕВУ

21 или 23 апреля 1888 г. Москва.

Антон Павлович

Чехов поздравляет с причастниками и от души желает всего хорошего. Затеваем на праздниках олимпийские игры в нашем дворе и, между прочим, хотим играть в бабки. Где их можно достать, и имеются ли в Москве в продаже свинчатки?

423. В. Н. ДАВЫДОВУ

23 апреля 1888 г. Москва.

23 апреля.

Христос воскрес, уважаемый Владимир Николаевич! Поздравляю Вас с светлым праздником и желаю Вам провести его светло и весело. Поздравляю также с благополучным окончанием Ваших хлопот. Петербург выиграл, а Москва в проигрыше; мы остаемся без В. Н. Давыдова, а я лично без одного из тех знакомых, расположение которых я особенно ценю. Ну, да что поделаешь! Хотя и не хочется мириться с мыслью, что Вы уже совсем бросили Москву, а я все-таки рад, что Вы уехали: в Питере, около семьи, Вам будет легче житься, да и к тому же в Питере народ хотя и черствее, но умнее и более способен ценить такую силищу, как у Вас. Желаю Вам всякого успеха, и спасибо за прошлый сезон. Я рад, что судьба, хотя не надолго, столкнула меня с Вами и дала мне возможность узнать Вас. Уж больше, вероятно, нам не придется встречаться, а если и будем видеться, то чрезвычайно редко - не больше раза в год. Впрочем, бог знает.

Нового в Москве ничего нет. В начале мая уезжаю с семьей в Украйну, где нанял себе на лето усадьбу. (Сумы Харьк«овской» губ., усадьба Линтваревой; коли будете проезжать мимо Сум, милости просим.)

Поклонитесь Павлу Павловичу. Если "Калхас" не потерялся, то пришлите; если же потерялся, то черт с ним, не хлопочите.

Будьте здоровы. Говорят, что Корш болен серьезно.

Уважающий

А. Чехов.

424. Н. А. ЛЕЙКИНУ

23 апреля 1888 г. Москва.

23 апрель.

Христос воскрес, добрейший Николай Александрович! Поздравляю Вас и все Ваше семейство с праздником и посылаю пожелание всяких благ.

Я жив, здрав, ленив, безденежен и прочее. 5-го мая уезжаю с семьею на дачу в Украйну, где я нанял помещение в господской усадьбе. Мой летний адрес таков: "г. Сумы Харьк«овской» губ., усадьба А. В. Линтваревой".

А Вы когда едете? Что новенького приобрели для своей усадебки? Все ли у Вас на Тосне благополучно и не наделал ли бед разлив?

Был у нас недавно Александр Алексеевич Плещеев. При братьях он рассказывал мне и даже уверял меня, что якобы Вы послали мне на праздниках (т. е. на Рождестве) в награду сто рублей. Он уверял, что Вы говорили об этом Худекову и ему. Покорнейше благодарю!!

Вы знаете, что награда мне не нужна и что я в даровых, не заработанных ста рублях не нуждаюсь; я также знаю, что о награде Вы говорили Худекову только для того, чтобы некоторым образом оконфузить его, Худекова, и понудить его послать мне наградные, которые в "Пет«ербургской» газете" в обычае. Злого умысла у Вас не было, Вы желали мне добра, но… зачем так публично? Ведь этак человеку на всю жизнь можно репутацию испортить!

У Пальмина я не был; он у меня тоже не был.

Привожу в порядок свою библиотеку и даю себе слово впредь никому не давать читать книг. Масса разокрадена. Украден "Стукин и Хрустальников". Если можете, то дайте мне новый экземпляр gratis* или в обмен на мои "Сумерки". Кстати, у меня нет (кроме "Ступина") следующих Ваших книг:

"Шуты гороховые".

"Гуси лапчатые".

"Медные лбы".

"Пьесы".

Если Вы не против моей ехидной мысли иметь их задаром (купил бы, да денег нет), то попросите Анну Ивановну отложить их для меня или выслать посылкой (с доставкой), но не позже 5-го мая. На книгах должны быть автографы - это необходимо. (После своей смерти, т. е. лет через 70-80, я жертвую свою библиотеку Таганрогу, где родился и учился; с автографом книга, особливо в провинции, ценится в 100 раз дороже.)

В Сумах принимаюсь писать мелочи!! Ничего крупного до самой зимы. Кончил сегодня небольшую повесть.

Будьте здоровы и поклонитесь Вашим.

Пишите!

Ваш А. Чехов. * даром (лат.).

425. М. П. ЧЕХОВУ

24 или 25 апреля 1888 г. Москва.

Христос воскрес!

О даче ты написал очень мало. Надо бы написать побольше. Например, хотелось бы знать, прилична ли в общем дача или неприлична? Я получил известие, что Суворин хочет побывать у нас на Псле… Если помещение похоже на сарай, то… ты понимаешь… Плещеев приедет 10 мая. Есть ли столы? и т. д.

Кланяйся дяде и тете. Девочки очень милые, ты подружишься с ними скоро. Кланяйся Егорушке и Володе. Выезжаем 5-го мая. Завтра посылаю повесть и просьбу выслать аванс.

В "Друге детей" твой пасхальный рассказ. Ходили мы на Каменный мост слушать звон: хорошо! В вечерне были в Храме спасителя: тоже хорошо! Погода чудесная. Деревья зелены.

Получил приглашение ехать на юбилей к поэту Майкову. Однако будь здоров и уйщрб, Ю гЬс уйюрЮ Эуфй ь чьумпж фюн небнйюн*.

Граф Платов. * помолчи, ибо молчание есть украшение юношей (греч.)

426. К. С. БАРАНЦЕВИЧУ

25 апреля 1888 г. Москва.

25 апр.

Милый Казимир Станиславович, Христос воскрес! Получил Ваше письмо вчера с кучею других писем и отвечаю Вам первому. Что Вы не спешите со сборником, это дурно. Надо бы одно из двух: или издать его тотчас же, пока еще свежо впечатление, или же отложить до осени… Что сборник попадет в историю русской литературы, утешительного мало, ибо эту историю пишут те же гг. Аристарховы и Скабичевские, которые пишут плохие рецензии… Засим, объединение молодых писателей не может произойти только оттого, что фамилии их будут напечатаны в одном оглавлении… Для объединения нужно кое-что другое; нужны если не любовь, то хоть уважение друг к другу, взаимное доверие и абсолютная честность в отношениях, т. е. нужно, чтобы я, умирая, был уверен в том, что после моей смерти г. Бибиков не будет печатать во "Всемирн«ой» илл«юстрации»" нелепых воспоминаний обо мне, что товарищи не позволят г. Леману читать на моей могиле речь от имени молодых писателей, к которым г. Леман принадлежать не имеет права, ибо он не писатель, а только прекрасный игрок на биллиарде; что при жизни я не буду завистничать, ненавистничать и сплетничать; и быть уверенным, что товарищи мне будут платить тем же, что мы будем прощать недостатки друг друга и т. д., и т. д. А всего этого не может дать сборник!

Под сборником я прежде всего разумею добросовестное и полезное коммерческое предприятие, имеющее целью собрать возможно больше денег, - в этом главное назначение сборника.

У меня дача разваленная, лишенная всяких удобств, но места найдется для гостей. Природа, как пишут мне, чудная. Приезжайте же. Мой летний адрес: г. Сумы, усадьба Линтваревой.

От 15-го мая по 2-3 июня у меня будет гостить А. Н. Плещеев. 4-го июня я уеду в Крым и вернусь к Петрову дню. Стало быть, жду Вас в мае, в июле и в августе… Будем ловить рыбу и раков.

Прощайте. Будьте здоровы.

Ваш А. Чехов.

427. А. Н. ПЛЕЩЕЕВУ

25 апреля 1888 г. Москва.

25 апр.

Христос воскрес, мой будущий жилец! Поздравляю Вас с праздником и желаю всего, всего хорошего.

Вчера я получил письмо от брата, посланного осмотреть нанятую дачу. Природа, пишет он, чудная, река шире и глубже Москвы-реки, сад старый-престарый, запущенный, двор с грязной, невысыхающей лужей, две эмансипированные барышни и проч. Удобств никаких. Комфорта, которого Вы боитесь, нет и в зародыше. Крыльцо обвалилось, и вся усадьба представляет из себя непоэтическую руину. Мебель, по выражению письма, паскудная… Вот в какое гнездышко я хочу затянуть Вас! Как оно ни плохо, но, думаю, оно здоровее и просторнее питерской тундры. Приезжайте непременно.

Вы боитесь, чтобы мы не отдали Вам лучшую комнату… Лучшей комнаты на нашей даче нет: все худшие… Кроме кровати и стула, Вы ничего не получите… Пожалуй, расщедримся и дадим Вам еще стол, но не ломберный, а какой-нибудь трехногий и хромой… Зато есть, пить и гулять будем здорово, без меры и бессовестно.

Моя повестушка может теперь петь вместе с Прекрасной Еленой: "Готова! готова!". Кончил ее и завтра посылаю. Скучна она, как статистика Сольвычегодского уезда.

В реке Псле водятся, между прочим, судаки и карпии. Жалко, что Вы не рыболов! Поймать судака - это выше и слаже любви!

Не забудьте из Курска послать телеграмму.

Из Москвы Вы выедете в 3 часа дня, в Курске будете в 11 1/2 час., в Ворожбе (тут пересадка) в 8 час. вечера, в Сумах в 11 1/2 час. вечера, у меня на даче в 12 час. ночи.

Поздравляю всех Ваших с праздником.

Будьте благополучны.

Ваш А. Чехов.

428. Ал. П. ЧЕХОВУ Апрель, после 28, 1888 г. Москва.

Гуськов!

Отвечаю на твое последнее письмо. Первее всего, приглашаю тебя к хладнокровию и смотрению в корень вещей. Во-вторых, сообщаю тебе сице:

Детей твоих пристроить можно, но под непременным условием, что ты поручишься перед кем или перед чем хочешь, что ни трус, ни потоп, ни огонь, ни меч, ниже моровая язва не могут помешать тебе быть аккуратным, т. е. в определенное число месяца высылать определенное количество рублей. В деньгах вся суть. Ни благочестие дедушки, ни доброта бабушек, ни нежные чувства папеньки, ни великодушие дяденек - ничто не может заменить их. Сие помни, как я ежеминутно помню. Если сознаешь, что предложенное условие по силам тебе, то чти дальше.

Пятидесяти рублей в месяц достаточно. Меньше нельзя. Дети поступят под ферулу бабушки… Какой? Не Евгении Яковлевны… Жить у Е«вгении» Я«ковлевны» значит жить у меня… У меня же тесно и для детей положительно нет места. Плачу я за квартиру 750 руб… Если прибавить еще 2 комнаты для детей, няньки и детского хлама, то квартира будет стоить 900… Впрочем, в любой просторной квартире нам было бы тесно. Ты знаешь, у меня скопление взрослых людей, живущих под одной крышей

только потому, что в силу каких-то непонятных обстоятельств нельзя разойтись… У меня живут мать, сестра, студент Мишка (который не уйдет и по окончании курса), Николай, ничего не делающий и брошенный своею обже, пьющий и раздетый, тетка и Алеша (последние два пользуются только помещением). К этому прибавь, что от 3 часов до ночи и во все праздники у меня толчется Иван, по вечерам приходит батька… Все это народ милый, веселый, но самолюбивый, с претензиями, необычайно разговорчивый, стучащий ногами, безденежный… У меня голова кружится… Если же прибавить еще две детские кровати и няньку, то я должен буду залить воском уши и надеть черные очки… Будь у меня жена и дети, я охотно взял бы к себе еще хоть дюжину детей, но в теперешнюю семью, угнетаемую ненормальностью совместного жития, шумную, денежно беспорядочную и искусственно склеенную, я не решусь взять нового человека, да еще такого, которого надо воспитать и поставить на ноги. К тому же моя семейка вся едет в начале мая на юг. Возить с собой детей туда и обратно - неудобно и дорого.

Жить детям можно у бабушки Ф«едосьи» Я«ковлевны». Я с ней уже говорил об этом, сообщил твои и мои мотивы, и она охотно согласилась. Алексей хороший человек и тоже, вероятно, ничего не будет иметь против.

Жизнь у ней представляет для детей немало удобств: 1) тишина, 2) доброжелательство хозяев, 3) отсутствие моментов раздражающих, вроде музыки, гостей, благочестия, косо глядящего на плоды беззаконно живущих, и проч.

За 50 рублей тетка дает детям квартиру, пищу, прислугу и мою медицинскую помощь (квартира 18-25 руб., дрова Алешкины, нянька 5-6 руб., остальное идет на харчи и на всякие случаи). Условие: дети должны быть привезены из Питера тобою или прислугой; ехать за ними из Москвы некому. Квартира должна быть найдена к 1 сент«ября». До этого времени детишки проживут с теткой в моей квартире (посему до сентября достаточно будет высылать 25 р. в месяц).

У меня ломит голову; вероятно, письмо написано нескладно. Жаль, если так. Вообще в голове скверно. Я думаю, что ты поймешь меня. Т. е. меня и мое нутро можешь не понимать, но пойми доводы и соображения. Пиши мне, но не тетке. Потом напишешь ей, когда сговоримся, а то будет много лишних разговоров. Разговоры же меня замучили. Будь здоров и по возможности бодр.

Твой А. Чехов.

Это письмо порви. Вообще имей привычку рвать письма, а то они у тебя разбросаны по всей квартире. Летом приезжай к нам на юг. Стоит дешево.

429. А. И. ЛЕМАНУ (Неотправленное) 30 апреля 1888 г. Москва.

30 апр. 88.

М«илостивый» г«осударь»

Анатолий Иванович!

Идея Ваша мне симпатична, и она приходила мне в голову, когда я издавал свои "Пестр«ые» рассказы". Насколько помнится, я поместил в книге объявления об изданиях своих приятелей и впредь буду помещать (независимо от того, солидарен я с ними или нет; простите, я не понял в Вашем письме слов "более или менее солидарных с нами" и, откровенно говоря, стал в тупик: откуда Вам известно, с кем я солидарен и с кем не солидарен?). Предложение Ваше охотно принимаю и благодарю за внимание ко мне. Впрочем, заранее извиняюсь за те свои книги, которые будут изданы А. С. Сувориным. Обыкновенно Суворин держится хорошего обычая: в конце каждой книжки помещает объявления о всех своих изданиях, и таким образом каждый автор несет маленькую общую повинность. Раз обычай существует, мне едва ли будет дозволено видоизменять его, ибо со своими уставами в чужой монастырь не ходят.

За книжку, которую я получил, приношу Вам мою искреннюю благодарность. Когда будут отпечатаны 2-е изд. "В сумерках" и вторая книжка моих нововременских рассказов…* * Письмо не окончено.

430. В. Г. КОРОЛЕНКО

2 мая 1888 г. Москва.

2 май.

В четверг я еду, добрейший Владимир Галактионович, в Украйну. Напоминаю Вам о Вашем обещании побывать у меня в конце июля или в августе. Адрес такой: "г. Сумы Харьк«овской» губ«ернии», усадьба А. В. Линтваревой". Маршрут: Москва, Курск, Ворожба, Сумы, извозчик…

Послал в "Сев«ерный» вестн«ик»" рассказ и получил аванс (500 р.).

Я хотел было поехать в Ярославль и сесть на "Охотника", но 19 число оказалось неудобным. Если бы я выехал к этому числу, а не раньше, то не вернулся бы в Москву к Пасхе, отсутствие же кого-нибудь в Светлый праздник у моих домочадцев считается смертным грехом.

Посылали ли Вы Баранцевичу рассказ? Он теперь требует рассказ, который не был бы нигде напечатан.

Я почему-то не в духе и пишу всем ругательные письма. Ответил ругательно Баранцевичу на одно его письмо. Ответил ругательно А. Леману, который прислал мне предложение - печатать в своих книгах общее объявление о книгах тех из молодых писателей, "которые более или менее солидарны с нами". Я ответил ему согласием и фразой: "Откуда Вам известно, с кем я солидарен и с кем не солидарен?" Вообще замечаю, что мой характер начинает изменяться, и к худшему. Меняется и моя манера писать - тоже к худшему… Мне сдается, что я утомился, а впрочем, черт его знает…

Моя семья Вам кланяется.

Дорогой буду читать Вашего "Слепого музыканта" и изучать Вашу манеру.

Везу с собой медикаменты и мечтаю о гнойниках, отеках, фонарях, поносах, соринках в глазу и о прочей благодати. Летом обыкновенно я полдня принимаю расслабленных, а моя сестрица ассистентирует мне. Это работа веселая. Будьте здоровы и богом хранимы.

Ваш А. Чехов.

431. И. Л. ЛЕОНТЬЕВУ (ЩЕГЛОВУ)

3 мая 1888 г. Москва.

3 мая.

Милый Альба! Наконец Вы можете меня поздравить: послезавтра, т. е. 5-го мая, я уезжаю dahin*… Стало быть, ответ на сие письмо Вы будете адресовать тако: "г. Сумы Харьк«овской» губ., усадьба А. В. Линтваревой". После 10-го мая ко мне приедет А. Н. Плещеев… Отчего бы Вам не приехать? Эх Вы! Во всяком случае буду ожидать Вас в течение всего лета. Авось, надумаете и приедете! Впрочем, не буду ждать Вас в июне. Весь этот месяц я буду путешествовать. Если приедете, то привезите 3 ф. хорошей ветчинной колбасы, самой дорогой (в мой счет).

Послал в "Сев«ерный» вестн«ик»" рассказ. Мне немножко стыдно за него. Скучища и так много филосомуд«…», что приторно… Неприятно, но нельзя было не послать, ибо деньги нужны, как воздух. Завтра кончаю рассказ для "Нового времени". Летом буду писать только мелочи.

Получил я от Лемана письмо; он извещает, что "мы (т. е. все вы, питерцы) согласились" печатать объявления друг о друге в своих книгах, приглашает меня согласиться и предостерегает, что можно в число избранных "включать лишь лиц, более или менее солидарных с нами". В ответ я послал согласие и вопрос: "Откуда вам известно, с кем я солидарен и с кем не солидарен?" Как у вас в Питере любят духоту! Неужели вам всем не душно от таких слов, как солидарность, единение молодых писателей, общность интересов и проч.? Солидарность и прочие штуки я

понимаю на бирже, в политике, в делах религиозных (секта) и т. п., солидарность же молодых литераторов невозможна и не нужна… Думать и чувствовать одинаково мы не можем, цели у нас различные или их нет вовсе, знаем мы друг друга мало или вовсе не знаем, и, стало быть, нет ничего такого, к чему могла бы прочно прицепиться солидарность… А нужна она? Нет… Чтобы помочь своему коллеге, уважать его личность и труд, чтобы не сплетничать на него и не завистничать, чтобы не лгать ему и не лицемерить перед ним, - для всего этого нужно быть не столько молодым литератором, сколько вообще человеком… Будем обыкновенными людьми, будем относиться одинаково ко всем, не понадобится тогда и искусственно взвинченной солидарности. Настойчивое же стремление к частной, профессиональной, кружковой солидарности, какой хотят у вас, породит невольное шпионство друг за другом, подозрительность, контроль, и мы, сами того не желая, соделаемся чем-то вроде иезуитских социусов друг у друга… Я, милый Жан, не солидарен с Вами, но обещаю Вам по гроб жизни полную свободу как литератору; то есть Вы можете писать где и как угодно, мыслить хотя бы на манер Корейши, изменять 1000 раз убеждениям и направлениям и проч. и проч., и человеческие отношения мои к Вам не изменятся ни на один гран, и я всегда буду на своих обложках печатать объявления о Ваших книгах. То же самое могу я пообещать и прочим моим коллегам, того же хотел бы и для себя. По-моему, это самые нормальные отношения. Только при них возможны и уважение, и даже дружба, и сочувствие в тяжелые минуты жизни.

Однако я заболтался. Да хранит Вас небо!

Ваш А. Чехов. * туда (нем.)

432. П. А. СЕРГЕЕНКО

4 мая 1888 г. Москва.

Москва, Кудринская Садовая, д. Корнеева (зимний адрес)

88,V,4.

Только сегодня получил твое письмо, милейший Йорик; где оно пропадало половину апреля, не вем. Очень рад, что ты имеешь о кое-чем поговорить со мной; очень рад буду и послушать. Спешу сообщить свой летний адрес: г. Сумы Харьк«овской» губ., усадьба А. В. Линтваревой.

Лето я думаю провести в Украйне и уже нанял себе берлогу на реке Псле. Завтра еду туда с фамилией.

Насчет Афона бабушка еще надвое сказала, хотя съездить очень хочется. В мае ехать не стоит, жаль потерять русское лето, которое я очень люблю. Если поеду, то в октябре - так советует сын Суворина, Алексей Алекс«еевич», с которым мы уговорились ехать вместе.

Будь здоров.

Твой А. Чехов.

Если летом буду в Одессе, то не откажи подарить часок времени: поболтаем. В начале июня я поеду вниз по Днепру до Одессы, из Одессы в Крым.

433. В. А. ТИХОНОВУ

4 мая 1888 г. Москва.

Уважаемый

Владимир Алексеевич!

Укладываюсь в путь, а потому, простите, тороплюсь и пишу на бланке. Не дождавшись Вашего дачного адреса, рискую писать в Поварской пер«еулок», где Вас, быть может, уже нет давно…

Ваше желание - писать мне - меня радует. Вот Вам мой летний адрес: "г. Сумы Харьков«ской» губ., усадьба А. В. Линтваревой".

Пишите и благоволите прислать свой дачный адрес.

Уважающий А. Чехов. На обороте:

Петербург,

Поварской пер., д. 12, кв. 17

Владимиру Алексеевичу Тихонову.

434. Ал. П. ЧЕХОВУ 4 мая 1888 г. Москва.

4 мая.

Маленькая польза!

Завтра я, мать и сестра едем на дачу. Вот наш адрес:

"г. Сумы Харьков«ской» губ., усадьба А. В. Линтваревой".

Сюда благоволи адресовать письма и прочее. Сюда же приезжай и сам, когда уляжется твоя семейная суматоха.

Когда выйдет книга, то распорядись, чтобы мне выслали 10 экземпляров.

Написал "субботник", но не переписал начисто; вышлю его из Сум.

Мишка в Таганроге.

Будь здрав и благополучен.

Твой А. Чехов.

Поклоны всем.

435. Ал. П. ЧЕХОВУ Май, после 6, 1888 г. Сумы.

Сумы, Харьк. губ., усадьба А. В. Линтваревой.

Маленькая польза!

Я уже перебрался в Малороссию и живу в местности, обозначенной в заголовке. Живу на берегу Псла, ловлю рыбу и наблюдаю хохлов. Как-нибудь я опишу тебе здешнее бытье-житье, а пока поговорим о делах.

Получил ли ты мои два письма, в которых я писал тебе о детях и о моей книге? Когда выйдет книга, то 10 экз«емпляров» ее отправь мне посылкой (без доставки, конечно). Следующие редакции имеют право на получение ее; 1) "Вестник Европы", 2) "Русское богатство", 3) "Русский вестник", 4) "Север", 5) "Нива", 6) "Московские ведомости", 7) "Русская мысль", 8) "Неделя".

По экземпляру вручи Петерсену, Маслову, себе, Анне Ивановне Суворинои и Щеглову. Скажешь Маслову, чтобы он по вышеписанному адресу выслал мне свою новую книжку.

Один экз«емпляр» послать Я. П. Полонскому, буде он в Питере. Если в Питере его нет, то узнай, буде это возможно, его летний адрес и сообщи мне.

Псел - приток Днепра. Очень широкая и глубокая река. Зелени по берегам тьма.

Ну, будь здоров. Пиши.

Твой А. Чехов.

"Северному вестнику" я пошлю книжку сам.

436. И. П. ЧЕХОВУ

7 или 8 мая 1888 г. Сумы.

Сумы.

Иван! Мы приехали. Дача великолепна. Мишка наврал. Местность поэтична, флигель просторный и чистенький, мебель удобная и в изобилии. Комнаты светлы и красивы, хозяева, по-видимому, любезны.

Пруд громадный, с версту длиной. Судя по его виду, рыбы в нем до черта.

Передай папаше, что мы его ждем и что ему будет покойно. Бабкино в сравнении с теперешней дачей гроша медного не стоит. Один ночной шум может с ума свести! Пахнет чудно, сад старый-престарый, хохлы смешные, двор чистенький. Нет и следа лужи.

Жара ужасная. Нет сил ходить в крахмальной сорочке.

Поклонись всем и будь здоров. Ехать до Сум скучно и утомительно. Привези бутылку водки. Здешняя водка воняет нужником.

Я задержу здесь папашу на 3 недели. Очень уж хорошо!

Твой А. Чехов.

Река шире Москвы-реки. Лодок и островов много. Подробности завтра или послезавтра.

437. К. С. БАРАНЦЕВИЧУ

10 мая 1888 г. Сумы.

10 мая.

Добрейший

Казимир Станиславович!

Я уже в Сумах, на лоне природы. Местность великолепная. Повторяю Вам свой адрес: г. Сумы Харьк«овской» губ., усадьба А. В. Линтваревой. Маршрут такой: Москва - Курск - Ворожба - Сумы - извозчик до усадьбы (30 коп.). Будьте здоровы.

Ваш А. Чехов. На обороте:

Петербург,

Пески, 3 улица, 4, кв. 8

Казимиру Станиславовичу Баранцевичу.

438. И. Л. ЛЕОНТЬЕВУ (ЩЕГЛОВУ)

10 мая 1888 г. Сумы.

10 мая. Сумы Харьк. губ., усадьба А. В. Линтваревой.

Капитан! Я уже не литератор и не Эгмонт. Я сижу у открытого окна и слушаю, как в старом, заброшенном саду кричат соловьи, кукушки и удоды. Мне слышно, как мимо нашей двери проезжают к реке хохлята верхом на лошадях и как ржут жеребята. Солнце печет.

Сейчас я еду в город за провизией и на почту. Вернувшись из города, пойду на реку ловить рыбу. Река широкая, глубокая, с островами… Один берег высокий, крутой, обросший дубами и вербой, другой отлогий, усыпанный белыми хатками и садами. По реке шныряют лодки. Вчера, в Николин день хохлы ездили по реке и играли на скрипках. Кричат лягушки и всякие птицы. Кричит где-то в камышах какая-то таинственная птица, которую трудно увидеть и которую зовут здесь бугаем. Кричит она, как корова, запертая в сарае, или как труба, будящая мертвецов. Ее слышно день и ночь. По берегу ходят с удилищами хохлята.

Много лодок. Ездим каждый день на мельницу. Места чудные. Право, нужно быть большим крокодилом, чтобы подобно Вам коптеть теперь в городе. Послушайте, отчего бы Вам не приехать? Если у Вас есть 70 рублей, то, уверяю Вас, этих денег совершенно достаточно, чтобы приехать, пожить в свое удовольствие и благополучно вернуться. Если же у Вас нет этих денег, то возьмите взаймы, украдьте, но приезжайте. Потратите Вы 70 р., но вернете 700. Вы найдете здесь немало сюжетов и запасетесь гарниром на пять повестей. А сколько здесь декораций, которые пригодились бы Вам!

Приезжайте. Места хватит на всех.

Приглашаю я Вас серьезно, а посему и Вы подумайте серьезно.

Пишите мне. В деревне очень интересны газеты и письма. Будьте здоровы и богом хранимы.

Ваш А. Чехов.

P. S. Нужника нет. Приходится отдавать долг природе на глазах природы, в оврагах и под кустами. Вся моя задница искусана комарами.

439. И. П. ЧЕХОВУ

10 мая 1888 г. Сумы.

10 мая.

Сейчас еду в город, а посему должен быть краток. Пишу по пунктам:

1) Все здравствуют. Кашли и насморки мало-помалу проходят.

2) Квартира просторна и удобна. Но удобств нет. За удобствами приходится каждый раз ходить в кусты и в канавы. "Бывалыча на чистом воздухе" имеет свою прелесть, когда тепло и сухо, но каково-то будет в дождь, в холод или во время поноса?

3) Река широка, глубока и красива. Водятся в ней следующие рыбы: окунь, чебак, язь, судак, белизна (порода шелишпера), голавль, плотва, сом, сибиль, щука ласкирка… Первая рыба, какую я поймал на удочку, была щука, вторая - большой окунь. Окуней здесь ловят на рачьи шейки. Раков - тьма-тьмущая. В пруде не клюет.

4) Удилища есть, поплавки тоже. Привези возможно больше всяких крючков, очень больших, средних и очень малых, немного с волосками для нас и много без волосков для раздачи хохлам и хохлятам. Требуются большие крючки для сомов - такой или чуточку даже больше. Привези лесок и струн. Лодок здесь много, и рыбу ловят с лодок. Жерлиц не крадут. 5) Хозяева пород хороший, но невеселый, подавленный горем. Одна из девиц Линтваревых, женщина-врач, ослепла от опухоли в мозгу и неизлечимо больна. Семья серьезная. ЛизАк не существует. Народ здесь литературный. Знают про все. 6) Провизия не так дешева, как думала мать. 7) Бутылка сантуринского в Сумах стоит 35 коп. 8) Получаем "Всемирную иллюстрацию". 9) Ездили на лодке по реке на мельницу. А вчера ездили на линейке куда-то в "мызу".

10) Хохлы страстные рыболовы. Я уже со многими знаком и учусь у них премудрости. Вчера, в день св. Николая хохлы ездили по Пслу в лодках и играли на скрипках.

А какие разговоры! Их передать нельзя, надо послушать.

Поклонись папаше, тете и Алексею. Сегодня немножко холодно, а вчера ходил я в чечунче. Будь здоров. Твой А. Чехов.

Купи рубля на три копеечных книжек священных и светских (Филарет милостивый, Григорович, Гоголь и проч.) для раздачи червекопателям. Книжки вышли с кем-нибудь. Из священных книг выбирай только жития.

440. Н. А. ЛЕЙКИНУ

11 мая 1888 г. Сумы.

11 мая, г. Сумы Харьк. губ., усадьба А. В. Линтваревой.

Здравствуйте, добрейший Николай Александрович!

Пишу Вам из теплого и зеленого далека, где я уже водворился купно со своей фамилией. Живу я в усадьбе близ Сум на высоком берегу реки Пела (приток Днепра). Река широкая и глубокая; рыбы в пей столько, что если бы пустить сюда Вашего бородатого Тимофея, то он сбесился бы и забыл, что служил когда-то у графа Строганова.

Вокруг в белых хатах живут хохлы. Народ все сытый, веселый, разговорчивый, остроумный. Мужики здесь не продают ни масла, ни молока, ни яиц, а едят все сами - признак хороший. Нищих нет. Пьяных я еще не видел, а матерщина слышится очень редко, да и то в форме более или менее художественной. Помещики-хозяева, у которых я обитаю, люди хорошие и веселые.

Очень жалею, что Вы почти на все лето остаетесь сиротой. Одному на даче скучновато, особливо если кругом нет знакомых, которые симпатичны. Наймите себе бонну-француженку 25-26 л«ет» «…» Это хорошо для здоровья. А когда приедут к Вам Далькевич и Билибин «…»

Катаетесь ли Вы на лодке? Прекрасная гимнастика. Я ежедневно катаюсь на лодке и с каждым разом убеждаюсь все более и более, что работа веслами упражняет мышцы рук и туловища, отчасти ног и шеи, и что таким образом эта гимнастика приближается к общей.

С "Сатиром и нимфой" у меня произошел досадный казус. Еще до Вашего приезда в Москву взял у меня книгу переплетчик (работающий для училища брата); взял, запил и доставил только на Фоминой неделе. Прочесть я не успел, хотя мне очень хотелось покритиковать Вас. Я читал роман в газете, помню и купца, и Акулину, и дьяволящую Катерину, и адвоката, и Пантелея, помню завязку и развязку; но знания действующих лиц и содержания романа недостаточно для того, чтобы сметь суждение иметь. Люди в романе живые, но ведь для романа этого недостаточно. Нужно еще знать, как Вы справились с архитектурой. Вообще меня очень интересуют Ваши большие вещи, и я читаю их с большим любопытством. "Стукин и Хрустальников", по моему мнению, очень хорошая вещь, гораздо лучше тех романов, которые пекутся бабами, Мачтетом и проч. "Стукин" лучше "Рабы" Баранцевича… Главное Ваше достоинство в больших вещах - отсутствие претензий и великолепный разговорный язык. Главный недостаток - Вы любите повторяться, и в каждой большой вещи Пантелеи и Катерины так много говорят об одном и том же, что читатель несколько утомляется. Засим, еще одно достоинство: чем проще фабула, тем лучше, а Ваши фабулы просты, жизненны и не вычурны. На Вашем месте я написал бы маленький роман из купеческой жизни во вкусе Островского; описал бы обыкновенную любовь и семейную жизнь без злодеев и ангелов, без адвокатов и дьяволиц; взял бы сюжетом жизнь ровную, гладкую, обыкновенную, какова она есть на самом деле, и изобразил бы "купеческое счастье", как Помяловский изобразил мещанское. Жизнь русского торгового человека цельнее, полезнее, умнее и типичнее, чем жизни нытиков и пыжиков, которые рисует Альбов, Баранцевич, Муравлин и проч. Однако я заболтался. Будьте здоровы. Поклон Вашим… Пишите.

Ваш А. Чехов.

441. И. П. ЧЕХОВУ

Середина мая 1888 г. Сумы. 1) Наш флигель. С колоннами. Крыльцо цело. Сзади и с

боков сад, идущий на высокую гору, с которой видны Сумы и вокзал. В саду дорожки и скамьи. На горе ров для желающих а-б. 2) Временная камера мирового судьи, очень похожего на Иваненко и курящего толстые папиросы. Тут же наша кухня. Кухарка полька Анна, жена письмоводителя.

3) Жилец Артеменко, служащий на заводе Харитоненко. Говорит сипло. Страстный рыболов. Ловит каждую ночь громадных сомов.

4) Заброшенный винокуренный завод.

5) Плотина, отделяющая пруд от реки.

6) Пруд, очень большой и глубокий.

7) Псел. Шире Москвы-реки. Наш берег крутой, высокий, как на банном съезде; тот берег отлогий, усыпанный деревьями и избами. Красив. Стрелка показывает направление, по которому мы ездим в лодках на мельницу. Мельница большая, работает 5-6 колесами. У мельника цивилизованная дочка, недурна. На мельнице великолепная рыбная ловля.

8) Господский сад. Цветут тюльпаны и сирень. Белая акация еще не цвела.

9) Барский дом. Старинная мебель. Обитают в нем: хозяйка А«лександра» В«асильевна», очень добрая и ласковая старуха; Жорж, великолепно играющий на рояле, добродушный парень; старшая дщерь Елена, женщина-врач, умное и доброе, хотя некрасивое создание, присылающее нам ежедневно спаржу; вторая дщерь Зинаида, тоже врач, слепая от опухоли в мозгу; третья дщерь Наталья, учительница, кончившая в Бестужевке и говорящая по-хохлацки. Все они занимаются хозяйством, катают нас на лодках, возят в город, в соседние имения и проч. Народ веселый. Почта получается ежедневно.

10) Флигель, в коем обитает с супругой старший сын Линтваревой - Павел.

11) Садик с масличным деревом.

12) Тут живет мальчишка Панас, копающий червей.

13) Дорога в город через деревню Луку, мимо завода Харитоненко. Деревня уютная. Расположена всюду, где проходит волнистая линия. Мужики богатые. Нищих нет.

В час мы обедаем, в 4 пьем чай; ужинаем в 10. Я ужинаю в 7 или в 8 час., чтобы не ложиться спать с полным желудком. Водки не пью вовсе. Ночи лунные.

Ловлю рыбу, но не очень. Живцов еще не ставил. Окуни берут, как в Бабкине ерши. Пришли мне крючков и штаны.

Кланяйся папаше, тете и Алексею. Если Николай у нас, то и ему. Для Семашко помещение есть. Он отлично проживет здесь за 12 руб. в м«ося»ц.

Будь здоров.

Твой А. Чехов.

442. А. С. КИСЕЛЕВУ

15 мая 1888 г. Сумы.

15 май.

Здравствуйте, милый барин! Вот уж неделя прошла, как жарит сплошной дождь. Комары рыжие, злющие; от болот и прудов веет лихорадкой, одним словом - Азия! Страдаю за свои же деньги. Впрочем, природа величественна, река широка, рыбы много, и на мельнице живет такая Муха, что просто хоть караул кричи от вожделения. В начале июня хочу уехать в Крым, а оттуда на Кавказ. Я буду описывать Вам свое здешнее житье-бытье и свое путешествие, а Вы будете платить мне по 15 коп. за строчку и тоже писать. Смешного и курьезного много. А пока будьте здравы и благополучны. Поклон всем бабкинцам.

Ваш А. Чехов.

Муха полненькая, похожая на кулич с изюмом. Наш Мишка, путешествуя, обратился в кисло-сладкого Манилова. Тошно письма читать. На обороте:

Барину

Посторонним лицам вход запрещается.

443. К. С. БАРАНЦЕВИЧУ

17 мая 1888 г. Сумы.

17 май. Сумы Харьк. губ., усадьба А. В. Линтваревой.

Спасибо Вам, милый коллега, за Ваше последнее письмецо. На лоне природы и письма имеют тройную цену.

За мое последнее письмо простите меня, голубчик. Прежде чем написать его, я написал и наговорил еще немало глупостей и несправедливостей. Перед отъездом нервы мои разгулялись, печенка раздулась и я вел себя по отношению к людям по-дурацки, в чем и каюсь Вам… Я был раздражен домашними неурядицами; нескромные воспоминания Бибикова в "Вс«емирной» ил«люстрации»" еще больше раскоробили мои невры - я и давай молоть желчный вздор направо и налево, чего раньше со мной никогда не бывало. Насчет биллиардной игры Вы меня не поняли. Я, как помнится, ставил человеку в упрек не игру, которую я сам люблю, а то, что он, будучи только специалистом по этой игре, говорил на могиле Г«аршина» от имени молодых писателей. Я, искренно говорю, не знал, что Леман занимается литературой, и узнал об этом только за 2 дня до отъезда, получив от него книжку. Я знавал его раньше в Москве, слышал, что он что-то редактировал, но как писатель он был для меня секретом. Впрочем, довольно об этом.

Если Вы хотите повидать природу во всей ее шири, прелести и теплоте, подышать чудным воздухом, покататься в лодочке, поесть раков, подремать на берегу и проч., то приезжайте ко мне. В июне я едва ли буду у себя, но в июле Вы наверняка застанете меня. Проживете у меня, сколько влезет. Места много. Мать и сестра у меня народ теплый, любят гостей и мастера кормить, коли есть чем.

Звал я к себе Щеглова, да едва ли мое приглашение тронет его с места.

Приглашаю Вас серьезно. В мае будет у меня А. Н. Плещеев. Гости в деревне имеют свою прелесть.

Кроме природы, Вы найдете у меня очень интересных людей.

Жарко! Иду сейчас на пруд ловить карасей кашей, а сестра едет на реку ловить окуней. Закину на Ваше счастье, а пока будьте здоровы и богом хранимы. Ваш А. Чехов.

Еще раз: простите за то дурацкое письмо. Обещаю больше никогда не писать так. Поклон Альбову.

444. И. П. ЧЕХОВУ

23 мая 1888 г. Сумы.

23 май.

У нас Плещеев и Иваненко. С Иваненко мы учинили комедию, о которой расскажу, когда приедешь.

Спасибо за крючки, книжки и удилище. Не мешало бы привезти еще одно удилище и письма Крамского, которые здесь нужны.

Сегодня поймал в пруде двух карасей и послал Суворину рассказ. Больше писать не

о чем. Впрочем, вчера на Луке была свадьба с музыкой; очень курьезно.

Поклон всем.

А. Чехов.

Паспорты нужны.

Мишка еще не приехал.

445. Ал. П. ЧЕХОВУ 27 мая 1888 г. Сумы.

27 мая. Сумы Харьк. губ., усадьба А. В. Линтваревой.

Недоуменный ум!

Твое письмо с 30 целкачами получил и шлю благодарность. Книг еще не получил и боюсь, как бы они не пошли по московскому адресу. Суворин у меня не был. Плещеев же гостит уже целую неделю. Старцу у меня нравится, а я боюсь, как бы он не объелся и не захворал.

Ах, судьба, судьба! Сущая индейка. Отчего бы тебе в самом деле не быть на моем месте? Не скрою, у меня очень недурно живется. По крайней мере все здравы, и никто явно не собирается умирать в скором времени. Природа чудеснейшая, запихающая за пояс все, что я видел где-либо доселе. Люди новые, оригинальные, житье дешевое, сытное, тепла много, досуга много. Досуга изобилие. А сколько рыбы и раков! Разжигаю твой аппетит, потому что, как бы то ни было, не теряю надежды в течение этого лета повидать тебя на Псле. До осени еще много времени, и многое успеется. В июне я буду в Феодосии у Суворина и поговорю о твоем отпуске. Если побудешь у меня неделю или две в начале августа, то газета ничего не потеряет, а на свои потери можешь наплевать, ибо Псел и отдых стоят потерь. Насчет расходов, буде у тебя в августе не будет денег, потолкуем своевременно, а пока могу тебя успокоить, что поездка из Питера ко мне и обратно обойдется (считая и обеды на станциях и извозчиков) не дороже 50 руб. - деньги небольшие, тем паче, что ты вернешь их с лихвой, написав у меня что-нибудь беллетристическое. Не сердись на это приглашение. Я нарочно приглашаю не раньше августа, ибо надеюсь, что до августа многое изменится.

Насчет Федосьи Як«овлевны» ты рассуждаешь не совсем правильно. Настоящее не похоже на то далекое прошлое, когда ты обжирался у нее. Теперь над твоими детишками был бы контроль во образе положительного Алексея Алексеича, сестры, которая бывала бы у твоих цуцыков по 5 раз на день, и тебя самого, не говоря уж обо мне. То, что я предлагал твоему усмотрению, было лучшее, что можно в настоящее время придумать. Еще раз подумай и потом уж пиши тетке.

Не понимаю я, что за недуг у А«нны» И«вановны»!? Что же говорят доктора? По крайней мере о чем они разговаривают на консилиумах? Не могут же они брать деньги за лечение болезни, которой не знают! Если они ждут вскрытия, чтобы поставить диагноз, то визиты их к тебе нелепы, и деньги, которые они решаются брать с тебя, вопиют к небу. Ты имеешь полное право не платить этим господам; даю это право тебе я, потому что знаю, как мало права на стороне эскулапов, и потому что сам не беру даже с таких, с каких следовало бы брать. Ты можешь поквитаться за меня.

Ну, будь здоров и по возможности не унывай. Пиши, елико можешь. Детворе и Анне Ивановне поклон.

Туус* А. Чехов. * Твой (лат. Tuus.).

446. В. Г. КОРОЛЕНКО

Май, после 27, 1888 г. Сумы. г. Сумы, усадьба А. В. Линтваревой.

Посылаю Вам, милый Владимир Галактионович, свою книжицу и напоминаю Вам, кстати, о Вашем обещании побывать на Псле. Уж очень у меня хорошо, так хорошо, что и описать нельзя! Природа великолепна; всюду красиво, простора пропасть, люди

хорошие, воздух теплый, тоны тоже теплые, мягкие. Вечерами не бывает сырости, ночи теплые… Одним словом, Вы не раскаетесь, если приедете. Жду Вас в конце июля или в августе и надеюсь, что Вы не откажете мне съездить со мной на Сорочинскую ярмарку.

У меня гостит А. Н. Плещеев, который Вам кланяется "очень даже" (его слова). Семья тоже шлет свой привет. Будьте здоровы, и да хранят Вас небесные ангелы.

Ваш А. Чехов.

447. А. С. СУВОРИНУ

30 мая 1888 г. Сумы.

30 май, Сумы, усадьба Линтваревой.

Уважаемый

Алексей Сергеевич!

Отвечаю на Ваше письмо, которое получено мною только вчера; конверт у письма разорван, помят и испачкан, чему мои хозяева и домочадцы придали густую политическую окраску.

Живу я на берегу Псла, во флигеле старой барской усадьбы. Нанял я дачу заглазно, наугад и пока еще не раскаялся в этом. Река широка, глубока, изобильна островами, рыбой и раками, берега красивы, зелени много… А главное, просторно до такой степени, что мне кажется, что за свои сто рублей я получил право жить на пространстве, которому не видно конца. Природа и жизнь построены по тому самому шаблону, который теперь так устарел и бракуется в редакциях: не говоря уж о соловьях, которые поют день и ночь, о лае собак, который слышится издали, о старых запущенных садах, о забитых наглухо, очень поэтичных и грустных усадьбах, в которых живут души красивых женщин, не говоря уж о старых, дышащих на ладан лакеях-крепостниках, о девицах, жаждущих самой шаблонной любви, недалеко от меня имеется даже такой заезженный шаблон, как водяная мельница (о 16 колесах) с мельником и его дочкой, которая всегда сидит у окна и, по-видимому, чего-то ждет. Все, что я теперь вижу и слышу, мне кажется, давно уже знакомо мне по старинным повестям и сказкам. Новизной повеяло на меня только от таинственной птицы - "водяной бугай", который сидит где-то далеко в камышах и днем и ночью издает крик, похожий отчасти на удар по пустой бочке, отчасти на рев запертой в сарае коровы. Каждый из хохлов видел на своем веку эту птицу, но все описывают ее различно, стало быть, никто ее не видел. Есть новизна и другого сорта, но наносная, а потому и не совсем новая.

Каждый день я езжу в лодке на мельницу, а вечерами с маньяками-рыболовами из завода Харитоненко отправляюсь на острова ловить рыбу. Разговоры бывают интересные. Под Троицу все маньяки будут ночевать на островах и всю ночь ловить рыбу; я тоже. Есть типы превосходные.

Хозяева мои оказались очень милыми и гостеприимными людьми. Семья, достойная изучения. Состоит она из 6 членов. Мать-старуха, очень добрая, сырая, настрадавшаяся вдоволь женщина; читает Шопенгауера и ездит в церковь на акафист; добросовестно штудирует каждый № "Вестника Европы" и "Северного вестника" и знает таких беллетристов, какие мне и во сне не снились; придает большое значение тому, что в ее флигеле жил когда-то худ«ожник» Маковский, а теперь живет молодой литератор; разговаривая с Плещеевым, чувствует во всем теле священную дрожь и ежеминутно радуется, что "сподобилась" видеть великого поэта.

Ее старшая дочь, женщина-врач - гордость всей семьи и, как величают ее мужики, святая - изображает из себя воистину что-то необыкновенное. У нее опухоль в мозгу; от этого она совершенно слепа, страдает эпилепсией и постоянной головной болью. Она знает, что ожидает ее, и стоически, с поразительным хладнокровием говорит о смерти, которая близка. Врачуя публику, я привык видеть людей, которые скоро умрут, и я всегда чувствовал себя как-то странно, когда при мне говорили, улыбались или плакали люди, смерть которых была близка, но здесь, когда я вижу на террасе слепую, которая смеется, шутит или слушает, как ей читают мои "Сумерки", мне уж начинает казаться странным не то, что докторша умрет, а то,

что мы не чувствуем своей собственной смерти и пишем "Сумерки", точно никогда не умрем.

Вторая дочь - тоже женщина-врач, старая дева, тихое, застенчивое, бесконечно доброе, любящее всех и некрасивое создание. Больные для нее сущая пытка, и с ними она мнительна до психоза. На консилиумах мы всегда не соглашаемся: я являюсь благовестником там, где она видит смерть, и удваиваю те дозы, которые она дает. Где же смерть очевидна и необходима, там моя докторша чувствует себя совсем не по-докторски. Раз я принимал с нею больных на фельдшерском пункте; пришла молодая хохлушка с злокачественной опухолью желез на шее и на затылке. Поражение захватило так много места, что немыслимо никакое лечение. И вот оттого, что баба теперь не чувствует боли, а через полгода умрет в страшных мучениях, докторша глядела на нее так глубоко-виновато, как будто извинялась за свое здоровье и совестилась, что медицина беспомощна. Она занимается усердно хозяйством и понимает его во всех мелочах. Даже лошадей знает. Когда, например, пристяжная не везет или начинает беспокоиться, она знает, как помочь беде, и наставляет кучера. Очень любит семейную жизнь, в которой отказала ей судьба, и, кажется, мечтает о ней; когда вечерами в большом доме играют и поют, она быстро и нервно шагает взад и вперед по темной аллее, как животное, которое заперли… Я думаю, что она никому никогда не сделала зла, и сдается мне, что она никогда не была и не будет счастлива ни одной минуты.

Третья дщерь, кончившая курс в Бестужевке, - молодая девица мужского телосложения, сильная, костистая, как лещ, мускулистая, загорелая, горластая… Хохочет так, что за версту слышно. Страстная хохломанка. Построила у себя в усадьбе на свой счет школу и учит хохлят басням Крылова в малороссийском переводе. Ездит на могилу Шевченко, как турок в Мекку. Не стрижется, носит корсет и турнюр, занимается хозяйством, любит петь и хохотать и не откажется от самой шаблонной любви, хотя и читала "Капитал" Маркса, но замуж едва ли выйдет, так как некрасива.

Старший сын-тихий, скромный, умный, бесталанный и трудящийся молодой человек, без претензий и, по-видимому, довольный тем, что дала ему жизнь. Исключен из 4 курса университета, чем не хвастает. Говорит мало. Любит хозяйство и землю, с хохлами живет в согласии.

Второй сын - молодой человек, помешанный на том, что Чайковский гений. Пианист. Мечтает о жизни по Толстому.

Вот Вам краткое описание публики, около которой я теперь живу. Что касается хохлов, то женщины напоминают мне Заньковецкую, а все мужчины - Панаса Садовского. Бывает много гостей.

У меня гостит А. Н. Плещеев. На него глядят все, как на полубога, считают за счастье, если он удостоит своим вниманием чью-нибудь простоквашу, подносят ему букеты, приглашают всюду и проч. Особенно ухаживает за ним девица Вата, полтавская институтка, которая гостит у хозяев. А он "слушает да ест" и курит свои сигары, от которых у его поклонниц разбаливаются головы. Он тугоподвижен и старчески ленив, но это не мешает прекрасному полу катать его на лодках, возить в соседние имения и петь ему романсы. Здесь он изображает из себя то же, что и в Петербурге, т. е. икону, которой молятся за то, что она стара и висела когда-то рядом с чудотворными иконами. Я же лично, помимо того, что он очень хороший, теплый и искренний человек, вижу в нем сосуд, полный традиций, интересных воспоминаний и хороших общих мест.

Я написал и уже послал в "Новое время" рассказ. То, что пишете Вы об "Огнях", совершенно справедливо. "Николай и Маша" проходят через "Огни" красной ниткой, но что делать? От непривычки писать длинно я мнителен; когда я пишу, меня всякий раз пугает мысль, что моя повесть длинна не по чину, и я стараюсь писать возможно короче. Финал инженера с Кисочкой представлялся мне неважной деталью, запружающей повесть, а потому я выбросил его, поневоле заменив его "Николаем и Машей".

Вы пишете, что ни разговор о пессимизме, ни повесть Кисочки нимало не подвигают и не решают вопроса о пессимизме. Мне кажется, что не беллетристы должны решать такие вопросы, как бог, пессимизм и т. п. Дело беллетриста изобразить только, кто, как и при каких обстоятельствах говорили или думали о боге или пессимизме. Художник должен быть не судьею своих персонажей и того, о чем говорят они, а

только беспристрастным свидетелем. Я слышал беспорядочный, ничего не решающий разговор двух русских людей о пессимизме и должен передать этот разговор в том самом виде, в каком слышал, а делать оценку ему будут присяжные, т. е. читатели. Мое дело только в том, чтобы быть талантливым, т. е. уметь отличать важные показания от не важных, уметь освещать фигуры и говорить их языком. Щеглов-Леонтьев ставит мне в вину, что я кончил рассказ фразой: "Ничего не разберешь на этом свете!" По его мнению, художник-психолог должен разобрать, на то он психолог. Но я с ним не согласен. Пишущим людям, особливо художникам, пора уже сознаться, что на этом свете ничего не разберешь, как когда-то сознался Сократ и как сознавался Вольтер. Толпа думает, что она все знает и все понимает; и чем она глупее, тем кажется шире ее кругозор. Если же художник, которому толпа верит, решится заявить, что он ничего не понимает из того, что видит, то уж это одно составит большое знание в области мысли и большой шаг вперед.

Что касается Вашей пьесы, то Вы напрасно ее хаете. Недостатки ее не в том, что у Вас не хватило таланта и наблюдательности, а в характере Вашей творческой способности. Вы больше склонны к творчеству строгому, воспитанному в Вас частым чтением классических образцов и любовью к ним. Вообразите, что Ваша "Татьяна" написана стихами, и тогда увидите, что ее недостатки получат иную физиономию. Если бы она была написана в стихах, то никто бы не заметил, что все действующие лица говорят одним и тем же языком, никто не упрекнул бы Ваших героев в том, что они не говорят, а философствуют и фельетонизируют, - все это в стихотворной, классической форме сливается с общим фоном, как дым с воздухом, - и не было бы заметно отсутствие пошлого языка и пошлых, мелких движений, коими должны изобиловать современные драма и комедия и коих в Вашей "Татьяне" нет совсем. Дайте Вашим героям латинские фамилии, оденьте их в тоги, и получится то же самое… Недостатки Вашей пьесы непоправимы, потому что они органические. Утешайтесь на том, что они являются у Вас продуктом Ваших положительных качеств и что если бы Вы эти Ваши недостатки подарили другим драматургам, напр«имер» Крылову или Тихонову, то их пьесы стали бы и интереснее, и умнее.

Теперь о будущем. В конце июня или в начале июля я поеду в Киев, оттуда вниз по Днепру в Екатеринослав, потом в Александровск и так до Черного моря. Побываю в Феодосии. Если в самом деле поедете в Константинополь, то нельзя ли и мне с Вами поехать? Мы побывали бы у о. Паисия, который докажет нам, что учение Толстого идет от беса. Весь июнь я буду писать, а потому, по всей вероятности, денег у меня на дорогу хватит. Из Крыма я поеду в Поти, из Поти в Тифлис, из Тифлиса на Дон, с Дона на Псел… В Крыму начну писать лирическую пьесу.

Какое, однако, письмо я Вам накатал! Надо кончить. Поклонитесь Анне Ивановне, Насте и Боре. Алексей Николаевич шлет Вам привет. Он сегодня немножко болен: тяжело дышать, и пульс хромает, как Лейкин. Буду его лечить. Прощайте, будьте здоровы, и дай бог Вам всего хорошего.

Искренно преданный

А. Чехов.

448. И. Л. ЛЕОНТЬЕВУ (ЩЕГЛОВУ)

9 июня 1888 г. Сумы.

9 июнь. Сумы, усадьба А. В. Линтваревой.

Кланяюсь Вам, милый мой драматург, купно с дедом А. Н. Плещеевым, который вот уже месяц как гостит у меня. Оба мы читаем газеты и следим за Вашими успехами. Я радуюсь и завидую, хотя в то же время и ненавижу Вас за то, что Ваш успех мешает Вам приехать ко мне на Псел. Конечно, о вкусах не спорят, но на мой вкус жить на Псле и ничего не делать гораздо душеспасительное, чем работать и иметь успех. Соитие с музами вкусно только зимой.

Вы человек несомненно талантливый, литературный, испытанный в бурях боевых, остроумный, не угнетенный предвзятыми идеями и системами, а потому можете быть убеждены в том, что из Вашей пьесопекарни выйдет большой толк. Благословляю Вас обеими руками и шлю тысячу душевных пожеланий. Вы хотите посвятить себя всецело сцене - это хорошо и стоит тут овчинка выделки и игра свеч, но… хватит ли у Вас сил? Нужно много нервной энергии и устойчивости, чтобы нести бремя российского

драмописца. Я боюсь, что Вы измочалитесь, не достигнув и сорока лет. Ведь у каждого драматурга (профессионального, каким Вы хотите быть) на 10 пьес приходится 8 неудачных, каждому приходится переживать неуспех, и неуспех иногда тянется годами, а хватит ли у Вас сил мириться с этим? Вы по своей нервности склонны ставить каждое лыко в строку, и малейшая неудача причиняет Вам боль, а для драматурга это не годится. За сим я боюсь, что из Вас выйдет не русский драматург, а петербургский. Писать для сцены и иметь успех во всей России может только тот, кто бывает в Питере только гостем и наблюдает жизнь не с Тучкова моста. Вам надо уехать, а Вы едва ли решитесь когда-нибудь расстаться с тундрой и баронессой. "На горах Кавказа" Вы написали потому, что были на Кавказе; пьесы из военного быта написаны благодаря тому, что Вы скитались по России. Петербург же дал Вам только "Дачного мужа"… Если Вы скажете, что и "Гордиев узел" есть продукт петербургского созерцания, то я не поверю Вам. Пишу все сие опять-таки с зловредною целью - заманить Вас к себе хотя на одну минутку. Приезжайте! Обещаю Вам дюжину сюжетов и сотню характеров.

Относительно конца моих "Огней" я позволю себе не согласиться с Вами. Не дело психолога понимать то, чего он не понимает. Паче сего, не дело психолога делать вид, что он понимает то, чего не понимает никто. Мы не будем шарлатанить и станем заявлять прямо, что на этом свете ничего не разберешь. Все знают и все понимают только дураки да шарлатаны. Однако будьте здоровы и счастливы. Пишите мне, голубчик, и не скупитесь. Я начинаю привыкать к Вашему почерку и разбираю его уже превосходно.

Ваш Эгмонт.

Вышла моя книжка. Если брат не выдал Вам ее, то напомните ему, буде встретитесь.

Не брезгуйте водевилем. Пишите их дюжинами. Водевиль хорошая штука. Им кормится пока вся провинция.

449. Ал. П. ЧЕХОВУ 10 июня 1888 г. Сумы.

10 июнь.

Ненастоящий Чехов!

Ну, как Вы себя чувствуете? Пахнет ли от Вас водочкой?

Что касается нас, то мы весьма сожалеем, что не остались вечером в саду и не видели твоего представления с фокусником. Говорят, что твое вмешательство имело результаты поразительные: и публика была одурачена, и фокусник был осчастливлен. До сих пор вся усадьба хохочет, вспоминая, как ты разговаривал с ним. Если бы ты не пересолил вначале, то все было бы великолепно, и дамы не потащили бы меня из сада.

Я никак не пойму: что рассердило тебя и заставило ехать на вокзал в 2 часа? Помню, что ты злился и на меня и на Николку… На меня, главным образом, за то, что я оторвал угол у конверта, в к«ото»ром находилось письмо к Елене Мих«айловие». Я порвал угол, потому что считал это письмо юмористическим и не предполагал, что ты можешь писать Елене Мих«айловне» о чем-либо важном… Так как это письмо было написано тобою в пьяном виде, то я не послал его по адресу, а изорвал. Если это тебе не нравится, то напиши ей другое, хотя, полагаю, писать ей решительно не о чем.

Впечатление на всю усадьбу ты произвел самое хорошее, и все, в особенности девицы, боятся, что тебе дача не понравилась и что ты уехал с нехорошим чувством. Елена Мих«айловна» считает тебя человеком необыкновенным, в чем я не разуверяю ее. Все кланяются тебе и просят извинения… За что? Уезжая, ты сказал Егору Мих«айловичу» (Жоржу):

- Скажите, что я доволен только вами и Иваненкой, все же остальные и проч…

Я заранее извинил их от твоего имени, не дожидаясь твоего позволения.

Напрасно ты уехал, напрасно злился и напрасно сидел на вокзале 2 часа… Глупо также сделаешь, если не приедешь к нам еще раз в августе или в начале сентября.

Если приедешь, то дорожные расходы пополам, только не злись попусту и не ругай Николку, к«ото»рый имел в ту ночь очень беспомощный вид. Мне сдается, что вместе с тобою уезжала для него и надежда уехать в скором времени из Сумского уезда.

У меня муть в голове. Пишу почти машинально. Будь здрав и пиши.

Настоящий.

Марья тебе кланяется. Она сердится на себя, что не осталась поглядеть магнетический сеанс.

Высылай гонорар. 174 руб.

450. А. Н. ПЛЕЩЕЕВУ

11 июня 1888 г. Ворожба.

Пьем Ваше здоровье целуем. Елена. Антонина. Мария. Наталья. Павел. Жоржинька. Дмитрий. Антонио. Иван.

451. А. Н. ПЛЕЩЕЕВУ

12 июня 1888 г. Сумы.

Троица.

Во-первых, милый и дорогой Алексей Николаевич, большое и сердечное спасибо Вам за то, что побывали у меня; искренно Вам говорю, что 3 недели, проведенные мною на Луке в Вашем незаменимом обществе, составляют одну из лучших и интереснейших страничек моей биографии. Во-вторых, Вы не можете себе представить, как мне досадно, что Вы уехали, и как все мы стали грустны и кислы, когда посадили Вас в вагон. Дамы едва удерживались от слез, а я мысленно дал небу обет, что и на будущий год постараюсь увлечь Вас в обетованную землю.

Едва Вы уехали, как мы вернулись на вокзал и выпили еще один кувшин крюшону за Ваше здоровье. Напившись, мы послали телеграмму и только через 2-3 часа после этого сообразили, что она, т. е. телеграмма, обеспокоит Вас. Я думаю, что она Вас разбудила.

Обратный путь из Ворожбы совершали мы в 3 классе: шумели, галдели и слушали, как пели в вагоне хохлы. Дома мы еще раз выпили за Ваше здоровье и уснули с грустной мыслью, что завтра мы уже не увидим Вас. Даже Цензура пила - это что-нибудь да значит!

Сегодня в Сумах ярмарка. Купил я две свистульки, 8 никому не нужных ложек, 4 чашечки, пахнущие лаком, и серьги за 10 коп., к«ото»рые подарил уважаемому товарищу. Купил, между прочим, и портсигар с девицей за 15 коп.

Наняли четверку лошадей, чтобы ехать завтра к Смагиным и в Сорочинцы. У Смагиных я напишу Вам письмо.

Все Чеховы и Линтваревы шлют Вам привет. Симпатичный Жук, добродушный Барбос, фатоватый Пулька и ingйnue Розка здравствуют и по-прежнему хватают свиней за уши и лезут к нам в столовую.

Артеменко поймал сегодня щуку, а я вынул из вентерей 6 карасей.

Едем мы завтра в громаднейшей дедовской коляске, в той самой, которая перешла в наследство Линтваревым от тетушки Ивана Федорыча Шпоньки.

Ну, будьте здоровы, покойны, счастливы и не забывайте нас многогрешных.

Почтение всем Вашим.

Ложусь спать.

Ваш А. Чехов.

Прекрасная ночь. На небе ни облачка, а луна светит во всю ивановскую.

452. Н. А. ЛЕЙКИНУ

21 июня 1888 г. Сумы.

21 июнь 88.

Ваше второе письмо, добрейший Николай Александрович, получил я вчера, вернувшись из Полтавской губ. Первое письмо было получено незадолго до отъезда. Был я в Лебедине, в Гадяче, в Сорочинцах и во многих прославленных Гоголем местах. Что за места! Я положительно очарован. На мое счастье, погода все время стояла великолепная, теплая, ехал я в покойной рессорной коляске и попал в Полтавскую губ. в то время, когда там только что начинался сенокос. Проехал я в коляске 400 верст, ночевал в десяти местах… Все, что я видел и слышал, так ново, хорошо и здорово, что во всю дорогу меня не оставляла обворожительная мысль - забросить литературу, которая мне опостылела, засесть в каком-нибудь селе на берегу Псла и заняться медициной. Будь я одинок, я остался бы в Полтавской губ., так как с Москвой не связывают меня никакие симпатии. Летом жил бы в Украйне, а на зиму приезжал бы в милейший Питер… Кроме природы ничто не поражает меня так в Украйне, как общее довольство, народное здоровье, высокая степень развития здешнего мужика, который и умен, и религиозен, и музыкален, и трезв, и нравственен, и всегда весел и сыт. Об антагонизме между пейзанами и панами нет и помину.

Что Лазарев и Ежов женятся, я слышал уже. Поздравляю редакцию с законным браком сотрудников и желаю чад и ложа нескверна. Пусть женятся! Это хорошее дело. Лучше плохой брак, чем хорошее шематонство. Я сам охотно бы зануздал себя узами Гименея, но увы! обстоятельства владеют мною, а не я ими.

Мне понравилась Ваша… "Первая ночь". Она написана очень хорошо; только заглавие несколько не подходит: оно заинтриговывает читателя и заставляет его ожидать черт знает чего. Читаю "Осколки". Нравятся мне посвящения Кактуса. Это кстати и красиво. Рисунки Далькевича - сплошная модная картинка, могущая удовлетворить только парикмахера средней руки.

Брат Александр вернулся в Питер со чадами. Детей привозил он только затем, чтобы показать их.

Погода у нас теплая. Поспевают плоды земные. В начале июля я еду в Феодосию к Суворину. Не имеете ли какого поручения?

Книги Ваши получены в мое отсутствие Лазаревым, которому поручено было уведомить Вас о получении в поблагодарить за любезность. Я у Вас в долгу.

Если будете писать Лазареву и Ежову, то поздравьте их от моего имени. Я бы и сам поздравил, но у меня нет их адресов. Напишите, что я желаю им всего хорошего, особливо литературных успехов, на которые они по своей порядочности и по своему трудолюбию имеют полное право тем более, что оба, особенно Лазарев, талантливы…

Ну, будьте здоровы. Сажусь сейчас писать для хлеба насущного.

Писал ли я Вам, что у меня гостил А. Н. Плещеев? Прожил он у меня 3 недели.

Ваш А. Чехов.

NB. В книжных шкафах на вокзалах имеются Ваши книги только у Петровского.

453. А. С. ЛАЗАРЕВУ (ГРУЗИНСКОМУ)

26 июня 1888 г. Сумы.

26 июнь.

Завидую Вам, добрейший Александр Семенович. Завидую, что Вы женитесь и что Вы не утонули по уши в суету и не разучились еще писать, как аз многогрешный. Поздравляю Вас, женише, с поступлением в ряды несчастных, осмеянных Вашими афоризмами, и желаю Вам от души, чтобы Ваш медовый месяц тянулся десятки лет, чтобы теща бывала у Вас не чаще одного раза в год и чтобы дети Ваши не знались ни с музами, ни с нечистыми духами, ни с Н. А. Лейкиным… Если счастливую семейную жизнь с ее чадами, восторгами и ежедневным поломойством можно сочетать с выдающимися литературными успехами, то желаю Вам и сих последних, желаю от души и чистого сердца, ибо Вы, как мне казалось и кажется, имеете все данные для этих успехов.

Если увидите Ежова, то передайте ему мое сердечное поздравление. Вы и Ежов женитесь одновременно - в этом я усматриваю стачку, противозаконную демонстрацию, направленную против моей холостой персоны. По моему мнению, Вы, как младшие литераторы, не имеете никакого права жениться раньше тех, кто старше (я начал писать в 1880 г.), ибо еще в писании сказано: "Вперед батьки в петлю не суйся".

Недавно я путешествовал по Полтавской губ. Был в Сорочинцах. Все то, что я видел и слышал, так пленительно и ново, что Вы позволите мне не описывать здесь в письме этого путешествия. Тихие, благоухающие от свежего сена ночи, звуки далекой хохлацкой скрипки, вечерний блеск рек и прудов, хохлы, девки - все это так же широколиственно, как хохлацкая зелень, и поместиться в коротком письме не сумеет. Когда увидимся, расскажу все, а пока простите.

У меня гостил 3 недели старик Плещеев. Теперь гостит Баранцевич.

Дует сильнейший ветер. Псел вообразил себя морем, разбушевался и вздымает один за другим девятые валы. Дождь. Погода свирепствует. В общем погода стоит хорошая, и я ею доволен.

Когда Вы решитесь написать "субботник"? Пора, уверяю Вас. Я боюсь, чтобы Вы не опоздали. Впрочем, простите… Я забыл, что Вы теперь жених, и пристаю к Вам с прозой. Будьте счастливы, глядите почаще на луну, нюхайте цветы, глубоко вздыхайте и говорите возвышенным языком - таков удел всех женихов. А мне позвольте пребыть по-прежнему одиноким, старым заржавленным холостяком.

А. Чехов.

Я жалею, что я не женат или, по крайней мере, что у меня нет детей.

454. А. Н. ПЛЕЩЕЕВУ

28 июня 1888 г. Сумы.

28 июнь.

Здравствуйте, дорогой мой жилец, Алексей Николаевич! Письмо Ваше вчера получено, по упрек за слово "незаменимый" не принят и возвращается Вам назад, ибо Вы действительно никем на Луке не заменимы. Без Вас нет уж того движения, нет мороженого, нет литературных вечеров, а главное, нет Вас и Вашего присутствия, вдохновлявшего Вату и прочих почитательниц Ваших… При Вас и пели и играли иначе.

Были мы в Полтавск«ой» губ. Были и у Смагиных и в Сорочинцах. Ездили мы на четверике, в дедовской, очень удобной коляске. Смеху, приключений, недоразумений, остановок, встреч по дороге было многое множество. Все время навстречу попадались такие чудные, за душу хватающие пейзажи и жанры, которые поддаются описанию только в романе или в повести, но никак не в коротком письме. Ах, если бы Вы были с нами и видели нашего сердитого ямщика Романа, на которого нельзя было глядеть без смеха, если бы Вы видели места, где мы ночевали, восьми-и десятиверстные села, которыми мы проезжали, если бы пили с нами поганую водку, от которой отрыгается, как после сельтерской воды! Какие свадьбы попадались нам на пути, какая чудная музыка слышалась в вечерней тишине и как густо пахло свежим сеном! То есть душу можно отдать нечистому за удовольствие поглядеть на теплое вечернее небо, на речки и лужицы, отражающие в себе томный, грустный закат… Жаль, что Вас не было! В коляске Вы чувствовали бы себя, как в

постели. Ели мы и пили каждые полчаса, не отказывали себе ни в чем, смеялись до колик…

К Смагиным приехали мы ночью. Встреча сопровождалась членовредительством. Узнав наши голоса, Сергей Смагин выскочил из дому, полетел к воротам и, наткнувшись в потемках на скамью, растянулся во весь свой рост. Александр тоже выскочил из дому и в потемках изо всей силы трахнулся лбом о старый каштан, после чего 3-4 дня ходил с красной шишкой; Вата набила себе щеку. После самой сердечной, радостной встречи поднялся общий беспричинный хохот, и этот хохот повторялся потом аккуратно каждый вечер. По части беспричинного хохота особенно отличались Наталья Михайловна и Александр Смагин.

Именье Смагиных велико и обильно, но старо, запущено и мертво, как прошлогодняя паутина. Дом осел, двери не затворяются, изразцы на печке выпирают друг друга и образуют углы, из щелей полов выглядывают молодые побеги вишен и слив. В той комнате, где я спал, между окном и ставней соловей свил себе гнездо, и при мне вывелись из яиц маленькие, голенькие соловейчики, похожие на раздетых жиденят. На риге живут солидные аисты. На пасеке обитает дед, помнящий царя Гороха и Клеопатру Египетскую.

Все ветхо и гнило, но зато поэтично, грустно и красиво в высшей степени.

Сестра Смагиных - чудное, когда-то красивое, в высшей степени доброе и кроткое создание с роскошной черной косой и с тем выражением лица, которое, вероятно, лет 6-8 тому назад было пленительно, теперь же наводит на грустные мысли… Она так же хороша, как и ее братья, которые положительно очаровали меня, особливо Сергей.

Прогостили мы у Смагиных 5 дней и уехали, давши им слово, что побываем у них еще раз в этом году и сто раз в будущем. Тополи у них удивительные.

Жорж уехал в Славянок, Вата - в Купянск, Петровский - в Чернигов. К Линтваревым приехал полубог Воронцов - очень вумная, политико-экономическая фигура с гиппократовским выражением лица, вечно молчащая и думающая о спасении России; у меня гостит Баранцевич.

В Полтавскую губ«ернию» я поеду в августе. К 15 постараюсь быть в Феодосии. Ну, будьте здоровы, счастливы и покойны. Поклон всем Вашим.

Antonio.

Все наши шлют Вам свой привет.

455. А. С. СУВОРИНУ

28 июня 1888 г. Сумы.

28 июнь.

Уважаемый Алексей Сергеевич! На днях я ездил в Полтавскую губернию. Был в Миргородском уезде, в Сорочинцах, видел отличных людей и природу, которой раньше никогда не видел, слышал много нового… Вернувшись, я засел писать Вам и исписал 3 листика почтовой бумаги, но впечатлений так много, что в письмо не влезло и двадцатой доли того, что я хотел передать Вам. Пришлось бросить письмо и отложить описание путешествия до 15 июля, когда я думаю быть в Крыму.

Если до 15 июля Вы уедете из Феодосии в Константинополь или в Киев, то, пожалуйста, уведомьте телеграммой; я боюсь не застать Вас.

Плещеев уехал. Теперь гостит у меня Баранцевич. Страстный раколов.

Когда я разбогатею, то куплю себе на Псле или на Хороле хутор, где устрою "климатическую станцию" для петербургских писателей. Когда по целым неделям не видишь ничего, кроме деревьев и реки, когда-то и дело прячешься от грозы или обороняешься от злых собак, то поневоле, как бы ни был умен, приобретаешь новые привычки, а все новое производит в организме реакцию более резкую, чем рецепты Бертенсона. Под влиянием простора и встреч с людьми, которые в большинстве

оказываются превосходными людьми, все петербургские тенденции становятся необыкновенно куцыми и бледными. Тот, кто в Петербурге близко принимал к сердцу выход Михайловского из "Северного вестника", или ненавидел Михневича, или злился на Буренина, или плакался на невнимание и отсутствие критики и проч., тот здесь, вдали от родных тундр, вспоминает о Петербурге только в те минуты, когда, ознакомившись с простором и людьми, заявляет громогласно: "Нет, не то мы пишем, что нужно!" А все это, вместе взятое, действует на нервы чудодейственно.

У нас буря. Псел вообразил себя морем и разбунтовался не на шутку. Такие высокие волны, что нет возможности переехать на тот берег. Все лодки и челноки полны воды.

Поеду я в Крым не по Днепру, как предполагал, а через Лозовую. Обанкротился.

Ваше письмо я получил как раз перед отъездом в Полтавск«ую» губ., когда были поданы лошади.

Поклон всем Вашим. Будьте здоровы и счастливы.

Искренно преданный эскулап

А. Чехов.

456. К. С. БАРАНЦЕВИЧУ

4 июля 1888 г. Сумы.

4 июнь.

Милый Кузьма Протапыч, Вы забыли у меня свои калоши и штаны! Если верить приметам, то это значит, что Вы побываете у меня еще не один раз, чему я рад весьма.

У нас все обстоит благополучно. Семья, Линтваревы и раки шлют Вам поклон, добродушный Барбос посылает свою иезуитскую улыбку, симпатичный Жук подмигивает Вам своим единственным глазом.

Будьте здоровы, счастливы, и да хранят Вас и Ваших гусиков ангелы небесные.

Ваш А. Чехов

P. S. В какой музей послать Ваши штаны?

457. А. Н. ПЛЕЩЕЕВУ

5 или 6 июля 1888 г. Сумы.

Пишу Вам сие, милый Алексей Николаевич, в то время, когда вся Лука стала на дыбы, пускает пыль под небеса, шумит, гремит и стонет: рожает Антонида Федоровна, жена Павла М«ихайловича». То и дело приходится бегать во флигелек vis-a-vis, где живут новоиспекаемые родители. Роды не тяжелые, но долгие…

Еду я в Феодосию 10-го июля. Мой адрес таков:

Феодосия, Суворину для Чехова. Черкните два словечка, а я Вам черкну, коли не ошалею от палящего зноя.

Радуюсь за Гиляровского. Это человечина хороший и не без таланта, но литературно необразованный. Ужасно падок до общих мест, жалких слов и трескучих описаний, веруя, что без этих орнаментов не обойдется дело. Он чует красоту в чужих произведениях, знает, что первая и главная прелесть рассказа - это простота и искренность, но быть искренним и простым в своих рассказах он не может: не хватает мужества. Подобен он тем верующим, которые не решаются молиться богу на русском языке, а не на славянском, хотя и сознают, что русский ближе и к правде, и к сердцу.

Книжку его конфисковали еще в ноябре за то, что в ней все герои - отставные военные - нищенствуют и умирают с голода. Общий тон книжки уныл и мрачен, как дно колодезя, в котором живут жабы и мокрицы.

Вы забыли у нас сорочку. Это значит, что Вы побываете у меня еще не один раз. Охотно верю бабьим приметам и буду настаивать, чтобы они сбывались.

Смагины Ваше письмо получили. Стихотворение и до сих пор еще производит сенсацию в Миргородском уезде. Его копируют без конца.

Воронцов (Веве) мало-помалу разошелся и даже - о ужас! - плясал вальс. Человечина угнетен сухою умственностью и насквозь протух чужими мыслями, но по всем видимостям малый добрый, несчастный и чистый в своих намерениях. Ваше предположение о его намерении окрутить Линтваревых "Эпохой" едва ли основательно. Он, как старый знакомый Л«интваре»вых, отлично знает, что у них совсем нет денег.

Идет дождь. Симпатичный Жук ревнует Розку к добродушному Барбосу и грызется с ним.

Наши все шлют Вам свой привет и желают ясных дней. Будьте здоровы, счастливы, и да хранят Вас небесные силы на многие лета.

Кланяюсь всем Вашим. Николая Алексеевича благодарю за поклон. Напомните ему об его обещании приехать к нам.

Ваш А. Чехов.

458. М. П. ЧЕХОВОЙ

14 июля 1888 г. Феодосия.

Феодосия. Четверг.

Мадемуазель сестра!

Очень жарко и душно, а потому придется писать недолго и коротко. Начну с того, что я жив и здрав, все обстоит благополучно, деньги пока есть… Легкое не хрипит, но хрипит совесть, что я ничего не делаю и бью баклуши, Дорога от Сум до Харькова прескучнейшая, от Харькова до Лозовой и от Лозовой до Симферополя можно околеть с тоски. Таврическая степь уныла, однотонна, лишена дали, бесколоритна, как рассказы Иваненко, и в общем похожа на тундру. Когда я, едучи через Крым, глядел на нее, то думал: "Ничего я, Саша, не вижу в этом хорошего"… Судя по степи, по ее обитателям и по отсутствию того, что мило и пленительно в других степях, Крымский полуостров блестящей будущности не имеет и иметь не может. От Симферополя начинаются горы, а вместе с ними и красота. Ямы, горы, ямы, горы, из ям торчат тополи, на горах темнеют виноградники - все это залито лунным светом, дико, ново и настраивает фантазию на мотив гоголевской "Страшной мести". Особенно фантастично чередование пропастей и туннелей, когда видишь то пропасти, полные лунного света, то беспросветную, нехорошую тьму… Немножко жутко и приятно. Чувствуется что-то нерусское и чужое. В Севастополь я приехал ночью. Город красив сам по себе, красив и потому, что стоит у чудеснейшего моря. Самое лучшее у моря - это его цвет, а цвет описать нельзя. Похоже на синий купорос. Что касается пароходов и кораблей, бухты и пристаней, то прежде всего бросается в глаза бедность русского человека. Кроме "поповок", похожих на московских купчих, и кроме 2-3 сносных пароходов, нет в гавани ничего путного, и я удивляюсь нашему капитану Мишелю, который сумел увидеть в Севастополе не только отсутствующий флот, но даже и то, чего нет. Ночевал в гостинице с полтавским помещиком Кривобоком, с к«ото»рым сошелся дорогой.

Поужинали разварной кефалью и цыплятами, натрескались вина и легли спать. Утром - скука смертная. Жарко, пыль, пить хочется… На гавани воняет канатом, мелькают какие-то рожи с красной, как кирпич, кожей, слышны звуки лебедки, плеск помоев, стук, татарщина и всякая неинтересная чепуха. Подойдешь к пароходу: люди в отрепьях, потные, сожженные наполовину солнцем, ошалелые, с дырами на плечах и спине, выгружают портлапдский цемент; постоишь, поглядишь, и вся картина начинает представляться чем-то таким чужим и далеким, что становится нестерпимо

скучно и не любопытно. Садиться на пароход и трогаться с якоря интересно, плыть же и беседовать с публикой, которая вся целиком состоит из элементов уже надоевших и устаревших, скучновато. Море и однообразный, голый берег красивы только в первые часы, но скоро к ним привыкаешь; поневоле идешь в каюту и пьешь вино. Берег красивым не представляется… Красота его преувеличена. Все эти гурзуфы, массандры и кедры, воспетые гастрономами по части поэзии, кажутся с парохода тощими кустиками, крапивой, а потому о красоте можно только догадываться, а видеть ее можно разве только в сильный бинокль. Долина Псла с Сарами и Рашевкой гораздо разнообразнее и богаче содержанием и красками. Глядя на берег с парохода, я понял, почему это он еще не вдохновил ни одного поэта и не дал сюжета ни одному порядочному художнику-беллетристу. Он рекламирован докторами и барынями - в этом вся его сила. Ялта - это помесь чего-то европейского, напоминающего виды Ниццы, с чем-то мещански-ярмарочным. Коробообразные гостиницы, в к«ото»рых чахнут несчастные чахоточные, наглые татарские хари, турнюры с очень откровенным выражением чего-то очень гнусного, эти рожи бездельников-богачей с жаждой грошовых приключений, парфюмерный запах вместо запаха кедров и моря, жалкая, грязная пристань, грустные огни вдали на море, болтовня барышень и кавалеров, понаехавших сюда наслаждаться природой, в которой они ничего не понимают, - все это в общем дает такое унылое впечатление и так внушительно, что начинаешь обвинять себя в предубеждении и пристрастии.

Спал я хорошо, в каюте I класса, на кровати. Утром в 5 часов изволил прибыть в Феодосию - серовато-бурый, унылый и скучный на вид городишко. Травы нет, деревца жалкие, почва крупнозернистая, безнадежно тощая. Все выжжено солнцем, и улыбается одно только море, к«ото»рому нет дела до мелких городишек и туристов. Купанье до того хорошо, что я, окунувшись, стал смеяться без всякой причины. Суворины, живущие тут в самой лучшей даче, обрадовались мне; оказалось, что комната для меня давно уже готова и что меня давно уже ждут, чтобы начать экскурсии. Через час после приезда меня повезли на завтрак к некоему Мурзе, татарину. Тут собралась большая компания: Суворины, главный морской прокурор, его жена, местные тузы, Айвазовский… Было подаваемо около 8 татарских блюд, очень вкусных и очень жирных. Завтракали до 5 часов и напились, как сапожники. Мурза и прокурор (еще не старый питерский делец) обещали свозить меня в татарские деревни и показать мне гаремы богачей. Конечно, поеду.

Писать душно. Думаю, что долго не высижу в этой жаре. Приеду скоро, хотя Суворины и обещают задержать меня до сентября.

У нас с Сувориным разговоры бесконечные. Суворихa ежечасно одевается в новые платья, поет с чувством романсы, бранится и бесконечно болтает. Баба неугомонная, вертлявая, фантазерка и оригиналка до мозга костей. С ней нескучно.

Еду в город. Прощай. Поклон всем. Писать буду. Календарь с деньгами в чемодане.

Твой А. Чехов.

Денег вышлю.

459. И. Л. ЛЕОНТЬЕВУ (ЩЕГЛОВУ)

18 июля 1888 г. Феодосия.

Феодосия. 18 июля.

Пишу Вам, милый капитан, с берегов Черного моря. Живу в Феодосии у генерала Суворина. Жарища и духота невозможные, ветер сухой и жесткий, как переплет, просто хоть караул кричи. Деревьев и травы в Феодосии нет, спрятаться некуда. Остается одно - купаться. И я купаюсь. Море чудесное, синее и нежное, как волосы невинной девушки. На берегу его можно жить 1000 лет и не соскучиться.

Целый день проводим в разговорах. Ночь тоже. И мало-помалу я обращаюсь в разговорную машину. Решили мы уже все вопросы и наметили тьму новых, еще никем не приподнятых вопросов. Говорим, говорим, говорим и, по всей вероятности, кончим тем, что умрем от воспаления языка и голосовых связок. Быть с Сувориным и молчать так же нелегко, как сидеть у Палкина и не пить. Действительно, Суворин представляет из себя воплощенную чуткость. Это большой человек. В искусстве он изображает из себя то же самое, что сеттер в охоте на бекасов, т. е. работает

чертовским чутьем и всегда горит страстью. Он плохой теоретик, наук не проходил, многого не знает, во всем он самоучка - отсюда его чисто собачья неиспорченность и цельность, отсюда и самостоятельность взгляда. Будучи беден теориями, он поневоле должен был развить в себе то, чем богато наделила его природа, поневоле он развил свой инстинкт до размеров большого ума. Говорить с ним приятно. А когда поймешь его разговорный прием, его искренность, которой нет у большинства разговорщиков, то болтовня с ним становится почти наслаждением. Ваше Суворин-шмерц я отлично понимаю.

Пришлите мне "Театрального воробья". Если Вы в самом деле написали комедию, то Вы молодец и умница. Пишите во все лопатки и так, как Вам в данную минуту писать хочется. Хотите писать трагедию - пишите, хотите писать пустой водевиль - пишите. У Вас не такая натура, чтоб Вы могли соображаться с чужими взглядами и приговорами. Вы должны следовать своему внутреннему чувству, к«ото»рое у людей нервных и чувствительных составляет лучший барометр. И чем больше напишете пьес, тем лучше. Ах, я опять впадаю в мораль! Простите, голубчик… Это не мораль, а разговор с Вами. Когда я пишу к Вам, я вижу Ваше лицо.

Еду в город на почту. Прощайте.

Да хранит Вас аллах.

Ваш А. Чехов.

460. ЧЕХОВЫМ

22-23 июля 1888 г. Феодосия.

22 июль, Феодосия.

Милые домочадцы! Сим извещаю Вас, что завтра я выезжаю из Феодосии. Гонит меня из Крыма моя лень. Я не написал ни одной строки и не заработал ни копейки; если мой гнусный кейф продлится еще 1-2 недели, то у меня не останется ни гроша и чеховской фамилии придется зимовать на Луке. Мечтал я написать в Крыму пьесу и 2-3 рассказа, но оказалось, что под южным небом гораздо легче взлететь живым на небо, чем написать хоть одну строку. Встаю я в 11 часов, ложусь в 3 ночи, целый день ем, пью и говорю, говорю, говорю без конца. Обратился в разговорную машину. Суворин тоже ничего не делает, и мы с ним перерешали все вопросы. Жизнь сытая, полная, как чаша, затягивающая… Кейф на берегу, шартрезы, крюшоны, ракеты, купанье, веселые ужины, поездки, романсы - все это делает дни короткими и едва заметными; время летит, летит, а голова под шум волн дремлет и не хочет работать… Дни жаркие, ночи душные, азиатские… Нет, надо уехать!

Вчера я ездил в Шах-мамай, именье Айвазовского, за 25 верст от Феодосии. Именье роскошное, несколько сказочное; такие имения, вероятно, можно видеть в Персии. Сам Айвазовский, бодрый старик лет 75, представляет из себя помесь добродушного армяшки с заевшимся архиереем; полон собственного достоинства, руки имеет мягкие и подает их по-генеральски. Недалек, но натура сложная и достойная внимания. В себе одном он совмещает и генерала, и архиерея, и художника и армянина, и наивного деда, и Отелло. Женат на молодой и очень красивой женщине, которую держит в ежах. Знаком с султанами, шахами и эмирами. Писал вместе с Глинкой "Руслана и Людмилу". Был приятелем Пушкина, но Пушкина не читал. В своей жизни он не прочел ни одной книги. Когда ему предлагают читать, он говорит: "Зачем мне читать, если у меня есть свои мнения?" Я у него пробыл целый день и обедал. Обед длинный, тягучий, с бесконечными тостами. Между прочим, на обеде познакомился я с женщиной-врачом Тарновской, женою известного профессора. Это толстый, ожиревший комок мяса. Если ее раздеть голой и выкрасить в зеленую краску, то получится болотная лягушка. Поговоривши с ней, я мысленно вычеркнул ее из списка врачей…

Видаю много женщин; лучшая из них - Суворина. Она так же оригинальна, как и ее муж, и мыслит не по-женски. Говорит много вздора, но если захочет говорить серьезно, то говорит умно и самостоятельно. Влюблена в Толстого по уши и поэтому всей душой не терпит современной литературы. Когда говоришь с ней о литературе, то чувствуешь, что Короленко, Бежецкий, я и прочие - ее личные враги. Обладает необыкновенным талантом безумолку болтать вздор, болтать талантливо и интересно, так что ее можно слушать весь день без скуки, как канарейку. Вообще человек она

интересный, умный и хороший. По вечерам сидит на песке у моря и плачет, по утрам хохочет и поет цыганские романсы…

Что-нибудь из двух: или я поеду прямо домой, или же туда, куда Макар телят не гонял. Если первое, то ждите меня через неделю, если же второе, то не ждите через неделю.

Поклон Александре Васильевне, Зинаиде Михайловне, уважаемому товарищу, Наталье Михайловне, Павлу и Георгию Михайловичу и всем православным христианам. Антониде Федоровне с ее младенцем тоже поклон.

Сидит сейчас у меня в комнате Суворина и стонет: "Дайте прочесть письмо!" Стонет и бранится. Еду сейчас в город.

Денег вышлю на сих днях.

Деньги на покупку хутора есть - 2000 руб. Суворин подарил мне 2 лодки и линейку. Лодки, говорят, великолепные. Я постараюсь, чтобы их выслали на Псел. Куплены они в петербургск«ом» яхт-клубе. Одна парусная.

Матери целую руку. Надеюсь, что все сыты, что табак есть и проч. Денег не жалейте. Тем более не жалейте, что их нет.

Всех целую.

А. Чехов.

3 часа ночи под субботу. Только что вернулся из сада и поужинал. Прощался с феодосийцами. Поцелуям, пожеланиям, советам и излияниям не было конца. Через 1 1/2 часа идет пароход. Еду с сыном Суворина куда глаза глядят. Начинается ветер. Быть рвоте.

Через 2-3 дня получите еще письмо.

Берегите "Новое время" начиная с 20 июля. Вообще все газеты берегите.

Скажите Лидии Федоровне, что ее гребенка цела и служит свою службу: ежеминутно вычесываю из головы морской песок.

Письма адресуйте (в случае надобности) к Суворину в Феодосию. Он будет знать, где я.

Душно!

Меня мучает совесть, что, уезжая из дому, я не простился с Еленой Ивановной и Лидией Федоровной.

461. Ал. П. ЧЕХОВУ 24 июля 1888 г. Пароход "Юнона".

Пароход "Юнона". 24 июль.

Г. Гусев! Пишу тебе в кают-компании, не зная, где я и куда влечет меня неведомая даль. Приближаюсь к Новому Афону, где, вероятно, остановлюсь на сутки. Завтра или послезавтра буду в Батуме. Новороссийск остался далеко позади.

Был я в Феодосии у Суворина. Прожил у него 11 дней без печали и воздыхания, купаясь в море и в ликерах. Он ничего не делает и рад случаю, чтобы пофилософствовать; конечно, болтали мы без умолку в течение всех 11 дней. Был разговор и о тебе. Мыслят о тебе хорошо и возлагают на твою особу большие надежды.

Как живешь? Как детишки? Живешь ли в целомудрии?

Жду сведений о втором издании "Сумерек". О нем следовало бы печатать по понедельникам анонс.

Путешествую я с Алексеем Суворинym 2-м. Думаем добраться до Самарканда. Не знаю,

удастся ли? Маршрут таков: Батум - Тифлис - Баку - Каспий -Закаспийская дорога. Попробую писать с дороги фельетоны или письма. Если сумею, то редакция все расходы по путешествию примет на свой счет; если же башка моя заупрямится, то двумстам рублям придется проститься со мной безвозвратно. Жарко и душно. Пассажиров мало. Едет какой-то архиерей.

Живя у Суворина, я поближе познакомился с целями, намерениями и habitus'ом "Нового времени". Со мной были откровенны и не скрывали от меня даже цифр, составляющих секрет. Из всего слышанного я убедился, что ты, если прилипнешь к редакции, через 2-3 года будешь иметь хороший кусок хлеба. В добросовестных, чверезых и самостоятельно мыслящих работниках весьма нуждаются. Первые два качества у тебя уже замечены, о третьем же, благодаря твоей скрытности, редакции приходится только догадываться. Суворин не знает, как и о чем ты мыслишь. Твой мозух составляет секрет. Пока это будет продолжаться, тебе не решатся поручить заведование отделом, хотя и желают поручить. Чем раньше ты покажешь свой взгляд на вещи, каков бы он ни был, чем прямее и смелее будешь высказываться, тем ближе подойдешь к настоящему делу и к 6 тысячам жалованья. Высказываться же можно не только на бумаге, но и на словах, наприм«ер» ругая или хваля статью. Прости, что учу.

Вернусь я в Сумы к 15 августа.

Пиши.

Твой А. Чехов.

462. НЕУСТАНОВЛЕННОМУ ЛИЦУ

25 июля 1888 г. Сухум.

Я в Абхазии! Ночь ночевал в монастыре "Новый Афон", а сегодня с утра сижу в Сухуме. Природа удивительная до бешенства и отчаяния. Все ново, сказочно, глупо и поэтично. Эвкалипты, чайные кусты, кипарисы, кедры, пальмы, ослы, лебеди, буйволы, сизые журавли, а главное - горы, горы и горы без конца и краю… Сижу я сейчас на балконе, а мимо лениво прохаживаются абхазцы в костюмах маскарадных капуцинов; через дорогу бульвар с маслинами, кедрами и кипарисами, за бульваром темно-синее море.

Жарко невыносимо! Варюсь в собственном поте. Мой красный шнурок на сорочке раскис от пота и пустил красный сок; рубаха, лоб и подмышки хоть выжми. Кое-как спасаюсь купаньем… Вечереет… Скоро поеду на пароход. Вы не поверите, голубчик, до какой степени вкусны здесь персики! Величиной с большой яблок, бархатистые, сочные… Ешь, а нутро так и ползет по пальцам…

Из Феодосии выехал на "Юноне", сегодня ехал на "Дире", завтра поеду на "Бабушке"… Много я перепробовал пароходов, но еще ни разу не рвал.

На Афоне познакомился с архиереем Геннадием, епископом сухумским, ездящим по епархии верхом на лошади. Любопытная личность.

Купил матери образок, который привезу.

Если бы я пожил в Абхазии хотя месяц, то, думаю, написал бы с полсотни обольстительных сказок. Из каждого кустика, со всех теней и полутеней на горах, с моря и с неба глядят тысячи сюжетов. Подлец я за то, что не умею рисовать.

Ну, оставайтесь живы и здоровы. Да хранят Вас ангелы небесные.

Поклоны всем.

Ваш А. Чехов.

Не подумайте, что я еду в Персию.

463. И. П. ЧЕХОВУ

27 июля 1888 г. Поти.

Был я в Керчи, в Новом Афоне, в Сухуме, теперь гуляю по Поти. После обеда поеду на почтовых в Батум. В каждом городе сижу по дню.

Поклон папаше. Подробно напишу в Батуме.

А. Чехов. На обороте:

Москва,

Кудринская Садовая, д. Фацарди,

Арбатское училище

Ивану Павловичу Чехову.

464. Ф. Я. ДОЛЖЕНКО

28 июля 1888 г. Тифлис.

28 июля.

Посылаю Вам, тетя, из Нового Афона икону. Кланяюсь Вам, Алеше, папаше и Ване. Теперь я в Тифлисе, а завтра еду в Баку купаться в Каспийском море.

Ваш А. Чехов.

465. М. П. ЧЕХОВУ

28 июля 1888 г. Пароход "Дир".

28 июль 1888 г.

По морям Черному, Житейскому и Каспийскому. (Посвящается капитану собственных пароходов М. П. Чехову)

Паршивенький грузовой пароход "Дир" мчится на всех парах (8 узлов в час) от Сухума до Поти. Двенадцатый час ночи… В маленькой каютке, единственной на пароходе и похожей на ватерклозет, нестерпимо душно и жарко. Воняет гарью, канатом, рыбой и морем… Слышно, как работает машина: "бум, бум, бум"… Над головой и под полом скрипит нечистая сила… Темнота качается в каютке, а кровать то поднимается, то опускается… Все внимание желудка устремлено на кровать, и он, словно нивелируя, то подкатывает выпитую зельтерскую воду к самому горлу, то опускает ее к пяткам… Чтобы не облевать в потемках одежи, быстро одеваюсь и выхожу… Темно… Ноги мои спотыкаются о какие-то невидимые железные шпалы, о канат; куда ни ступнешь, всюду бочки, мешки, тряпье… Под подошвами угольный мусор. Наталкиваюсь в потемках на что-то решетчатое; это клетка с козулями, которых я видел днем; они не спят и с тревогой прислушиваются к качке… Около клетки сидят два турка и тоже не спят… Ощупью побираюсь по лестничке на капитанскую рубку… Теплый, но резкий и противный ветер хочет сорвать с меня фуражку… Качает… Мачта впереди рубки качается мерно и не спеша, как метроном; стараюсь отвести от нее глаза, но глаза не слушаются и вместе с желудком следят только за тем, что движется… Море и небо темны, берегов не видно, палуба представляется черным пятном… Ни огонька…

Сзади меня окно… Гляжу в него и вижу человека с лицом Павла Михайловича… Он внимательно глядит на что-то и вертит колесо с таким видом, как будто исполняет девятую симфонию… Рядом со мной стоит маленький, толстенький капитан в желтых башмаках, похожий фигурою и лицом на Корнелия Пушкарева… Он разговаривает со мной о кавказских переселенцах, о духоте, о зимних бурях и в то же время напряженно вглядывается в темную даль и в сторону берега…

- А ты, кажется, опять забираешь влево!- говорит он между прочим кому-то; или:- Тут должны быть видны огоньки… Видишь?

- Никак нет!- отвечает кто-то из потемок.

- Полезай на верхнюю площадку и погляди! Темная фигура вырастает на рубке и не спеша лезет куда-то вверх… Через минуту слышно:

- Есть!

Всматриваюсь влево, где должны быть огоньки маяка, беру у капитана бинокль и ничего не вижу… Проходит полчаса, час… Мачта мерно качается, нечистая сила скрипит, ветер покушается на фуражку… Тошноты нет, но жутко…

Вдруг капитан срывается с места и со словами: "Черрртова кукла!" бежит куда-то назад.

- Влево!- кричит он с тревогой во все горло. - Влево… вправо! Аря… ва… а-а!

Слышится непонятная команда, пароход вздрагивает, нечистая сила взвизгивает… "А ва-а-ва!" кричит капитан; у самого носа звонят в колокол, на черной палубе беготня, стук, тревожные крики… "Дир" еще раз вздрагивает, напряженно пыхтит и, кажется, хочет дать задний ход…

- Что такое?- спрашиваю я и чувствую что-то вроде маленького ужаса. Ответа нет.

- Столкнуться хочет, черртова кукла!- слышится резкий крик капитана… - Вле-ева-а!

У носа показываются какие-то красные огни, и вдруг раздается среди шума свист не "Дира", а какого-то другого парохода… Теперь понятно: мы столкнемся! "Дир" пыхтит, дрожит и как будто не движется, ожидая, когда ему идти ко дну… (Тут со мной происходит маленькое недоразумение, продолжавшееся не более полминуты, но доставившее мне немало мучений… Полминуты я был убежден в том, что я погубил пароход. О недоразумении расскажу при свидании, писать же о нем длинно, нет мочи.)

Но вот, когда, по моему мнению, все уже погибло, слева показываются красные огни и начинает вырисовываться силуэт парохода.. Длинное черное тело плывет мимо, виновато мигает красными глазами и виновато свистит…

- Уф! Какой это пароход?- спрашиваю я капитана. Капитан смотрит в бинокль на силуэт и говорит:

- Это "Твиди".

После некоторого молчания заводим речь о "Весте", которая столкнулась с двумя пароходами и погибла. Под влиянием этого разговора море, ночь, ветер начинают казаться отвратительными, созданными на погибель человека, и, глядя на толстенького капитана, я чувствую жалость… Мне что-то шепчет, что этот бедняк рано или поздно тоже пойдет ко дну и захлебнется соленой водой…

Иду к себе в каютку… Душно и воняет кухней… Мой спутник Суворин-фис уже спит… Раздеваюсь донага и ложусь… Темнота колеблется, кровать словно дышит… Бум, бум, бум… Обливаясь потом, задыхаясь и чувствуя во всем теле тяжесть от качки, я спрашиваю себя: "Зачем я здесь?"

Просыпаюсь… Уже не темно… Весь мокрый, с противным вкусом во рту одеваюсь и выхожу… Все покрыто росой… Козули глядят по-человечески сквозь решетку и, кажется, хотят спросить: зачем мы здесь? Капитан по-прежнему стоит неподвижно и всматривается в даль… Налево тянется гористый берег… Виден Эльборус из-за гор, вот так: Восходит мутное солнце… Видна зеленая Рионская долина, а возле нее Потийская бухта…

(Продолжение следует)

466. Н. М. ЕЖОВУ

8 августа 1888 г. Сумы.

8 августа.

Простите, милейший Николай Михайлович, что я так долго не отвечал на Ваше письмо. Можете себе представить, я целый месяц беспутно шатался по Крыму и Кавказу и только вчера вернулся к пенатам. Ну-с, я жив и здрав, лениво почиваю на лаврах, благополучно исписываюсь и весьма хладнокровно переживаю свою славу. Волнует меня только одно - мысль, что Вы и Грузинский осмелились жениться раньше меня… Впрочем, бог Вам судья… Поздравляю с законным браком и желаю всего хорошего… Женитьба хорошая штука… Если не дает сюжетов (а она сюжетов не дает, ибо литераторы видят только даль, но не то, что у них под носом делается), то во всяком случае дает солидность, устойчивость и поселяет (монашеское слово!) потребность совлечь с себя ветхого человека… Мне сдается, что, оженившись, Вы не замедлите приняться за серьезную работишку, т. е. почувствуете, что в "Осколках" Вам тесно, как в клетке. Это так, ибо у женатого совсем иное мировоззрение, чем у холостяка. Тру-ла-ла мало-помалу выдыхается и уступает свое место более чувствительным романсам…

Передайте Александру Семеновичу, что Суворин ждет его субботник. Пора ему. В "Новое время" он явится желанным гостем… тем более что в оной газетине в настоящее время решительно нет беллетристов (если не считать Бежецкого и Чехова, которые разленились и скоро начнут пить горькую).

В Москве буду к 5 сентября. Прошу пожаловать купно с фамилией.

Поклонитесь Грузинскому и, если увидите, Пальмину. Напишите Билибину, что я собираюсь черкнуть ему большое письмо, но утерял его адрес.

Будьте здравы и счастливы.

Ваш А. Чехов.

Хочу купить хутор.

Через год Вы обязаны дать рассказ в "Новое время". Об этом поговорим при свидании. На конверте:

Москва,

Плющиха, д. Коптева

Николаю Михаиловичу Ежову.

467. Н. Н. ЗЛАТОВРАТСКОМУ

8 августа 1888 г. Сумы.

VIII. 8.

Милостивый государь

Николай Николаевич!

Ваше письмо я получил только вчера, вернувшись из Кавказа. Невольно промедлил ответом.

Благодарю Вас за любезное приглашение и, конечно, отвечаю на него живою готовностью быть полезным Вашему журналу. Чем богат, тем и рад: если сумею написать что-нибудь для одной из первых книжек, то не замедлю прислать, а пока позвольте пожелать "Эпохе" успеха и оставаться искренно уважающим Вас

А. Чехов.

468. К. С. БАРАНЦЕВИЧУ

12 августа 1888 г. Сумы.

12 авг.

Здравствуйте, милый Кузьма Протапыч!

Из дальних странствий возвратясь, я нашел у себя на столе два Ваших письма. Ответ на них припасу к концу письма сего, а теперь сообщу Вам, где я был и что видел. Был я в Крыму, в Новом Афоне, в Сухуме, Батуме, Тифлисе, Баку… Видел я чудеса в решете… Впечатления до такой степени новы и резки, что все пережитое представляется мне сновидением и я не верю себе. Видел я море во всю его ширь, Кавказский берег, горы, горы, горы, эвкалипты, чайные кусты, водопады, свиней с длинными острыми мордами, деревья, окутанные лианами, как вуалью, тучки, ночующие на груди утесов-великанов, дельфинов, нефтяные фонтаны, подземные огни, храм огнепоклонников, горы, горы, горы… Пережил я Военно-грузинскую дорогу. Это не дорога, а поэзия, чудный фантастический рассказ, написанный демоном и посвященный Тамаре… Вообразите Вы себя на высоте 8000 футов… Вообразили? Теперь извольте подойти мысленно к краю пропасти и заглянуть вниз; далеко, далеко Вы видите узкое дно, по которому вьется белая ленточка - это седая, ворчливая Арагва; по пути к ней Ваш взгляд встречает тучки, лески, овраги, скалы… Теперь поднимите немножко глаза и глядите вперед себя: горы, горы, горы, а на них насекомые - это коровы и люди… Поглядите вверх - там страшно глубокое небо. Дует свежий горный ветерок…

Вообразите две высокие стены и между ними длинный, длинный коридор; потолок -небо, пол - дно Терека; по дну вьется змея пепельного цвета. На одной из стен полка, по которой мчится коляска, в которой сидите Вы… Вот так * Это Вы. ** Змея. Змея злится, ревет и щетинится. Лошади летят, как черти… Степы высоки, небо еще выше… С вершины стен с любопытством глядят вниз кудрявые деревья… Голова кружится! Это Дарьяльское ущелье, или, выражаясь языком Лермонтова, теснины Дарьяла. Господа туземцы свиньи. Ни одного поэта, ни одного певца… Жить где-нибудь на Гадауре или у Дарьяла и не писать сказки - это свинство! Вашего мрачного взгляда на будущее я не разделяю. Одному господу богу ведомо, что будет и чего не будет. Ему же ведомо, кто прав и кто неправ… Мы же, наши критики и гг. редакторы едва ли можем сметь свое суждение иметь… У человека слишком недостаточно ума и совести, чтобы понять сегодняшний день и угадать, что будет завтра, и слишком мало хладнокровия, чтобы судить себя и других… Вы живете на тундре, окутанный туманом, рисуете серенькую, тифозную жизнь, ради гусиков служите на конно-лошадиной дороге и сырость водосточных труб не променяете на теснины Дарьяла; я веду бродячую жизнь, бегу обязательной службы, рисую природу и довольного человека, трусливо сторонюсь от тумана и тифа… Кто из нас прав, кто лучше? Аристархов ответил бы на этот вопрос, Скабичевский тоже, но мы с Вами не ответим и хорошо сделаем. Мнения наших судей ценны только постольку, поскольку они красивы и влияют на розничную продажу, наши же собственные мнения о самих себе и о друг друге, быть может, и имеют цену; но такую неопределенную, что никакой жид не принял бы их в залог; на них не выставлена проба, а пробирная палатка на небе…

Пишите, пока есть силы, вот и все, а что будет потом, господь ведает.

Сдается, что я куплю хутор, т. е. не куплю, а приму на себя долг хуторовладельца. Устрою климатическую станцию для литературной братии. Место хорошее, смешное: Миргородский уезд Полтавской губ. Сколько раков! Если не приедете, то мы враги. В другой раз Вы будете рассудительнее: чтобы не скучать в дороге, будете брать с собою единого из гусиков.

Поклонитесь Альбову и общим знакомым. Будьте здравы.

Ваш А. Чехов.

Штаны брошу в Псел. К кому приплывут, того и счастье.

469. Н. А. ЛЕЙКИНУ

12 августа 1888 г. Сумы.

12 авг.

Из дальных странствий возвратясь, посылаю Вам, добрейший Николай Александрович, привет и отчет. Отчет будет краток поневоле, ибо те места, где я был, и люди, которых я видел, слишком многочисленны. Поехал я в Крым. Жил в Феодосии у Суворина 12 дней, купался в море, бездельничал; ездил в имение Айвазовского. Из Феодосии на пароходе махнул в Батум. По дороге заезжал на полдня в Сухум - прекраснейший городок с тропической жарой, весь тонущий в густой нерусской зелени, - и на сутки в Новый Афон, монастырь. Здесь на Афоне так хорошо, что и описать нельзя: водопады, эвкалипты, чайные кусты, кипарисы, маслины, а главное - море и горы, горы, горы… Из Афона и Сухума приехал в Поти. Тут река Рион, знаменитая своей Рионской долиной и осетрами. Изобилие зелени. Все улицы изображают из себя аллеи из тополей. Батум большой, военно-торгово-иностранно-кафешантанный город, в котором Вы на каждом шагу чувствуете, что мы победили турок. Особенного в нем ничего нет (впрочем, изобилие домов терпимости), зато окрестности восхитительны. Особенно хороша дорога в Каре и быстрая речка Чораксу.

Дорога от Батума до Тифлиса с знаменитым Сурамским перевалом оригинальна и поэтична; все время глядишь в окно и ахаешь: горы, туннели, скалы, реки, водопады, водопадики. Дорога же от Тифлиса до Баку - это мерзость запустения, лысина, покрытая песком и созданная для жилья персов, тарантулов и фаланг; ни одного деревца, травы нет… скука адская. Сам Баку и Каспийское море - такая дрянь, что я и за миллион не согласился бы жить там. Крыш нет, деревьев тоже нет, всюду персидские хари, жара в 50°, воняет керосином, под ногами всхлипывает нефтяная грязь, вода для питья соленая…

Из Баку хотел я плыть по Каспию в Узунада на Закаспийскую дорогу, в Бухару и в Персию, но пришлось повернуть оглобли назад: мой спутник Суворин-фис получил телеграмму о смерти брата и не мог ехать дальше…

Кавказ Вы видели. Кажется, видели Вы и Военно-грузинскую дорогу. Если же Вы еще не ездили по этой дороге, то заложите жен, детей, "Осколки" и поезжайте. Я никогда в жизни не видел ничего подобного. Это сплошная поэзия, не дорога, а чудный фантастический рассказ, написанный демоном, который влюблен в Тамару.

В Москве я буду к 5 сентября. Живу пока на Псле. Погода недурная.

Все наши кланяются Вам.

В Кисловодске и вообще на курортах я не был. Проезжие говорят, что все эти милые места дрянь ужасная. Я не терплю, когда поэзию мешают с б«…» и кулачеством. Ялта произвела на меня впечатление скверное.

Если соблаговолите пожертвовать Вашему почитателю "Пух и перья", то благоволите послать эту книжицу в Москву, на имя Якова Алексеевича Корнеева, в дом Корнеева (Кудринская Садовая). Я получу ее по приезде в Москву.

Будьте здоровы на многие лета. Поклон Прасковье Никифоровне и Феде.

Ваш А. Чехов.

470. А. И. ПЛЕЩЕЕВУ

13 августа 1888 г. Сумы.

13 авг.

Здравствуйте, милый Алексей Николаевич! Я вернулся восвояси. Был я в Крыму, в Новом Афоне, в Сухуме, в Батуме, в Тифлисе, в Баку; хотел съездить в Бухару и в Персию, но судьбе угодно было повернуть мои оглобли назад. Впечатления новые, резкие, до того резкие, что все пережитое представляется мне теперь сновидением. Писать Вам с дороги не было возможности, ибо было нестерпимо жарко, я чувствовал себя гоняемым на корде, и впечатлений было так много, что я решительно обалдел и не знал, о чем писать. В Феодосии я получил Ваше письмо; ответить толком и пространно, когда кружится голова от крымского и во рту пересохло от длинных разговоров, когда впечатления смешались в окрошку, трудно.

О своем путешествии расскажу Вам в Питере. Буду рассказывать часа два, а

описывать его на бумаге не буду, ибо описание выйдет кратко и бледно.

Теперь сижу я у окна, пишу, поглядываю в окно на зелень, залитую солнцем, и уныло предвкушаю прозу московского жития. Ах, как не хочется уезжать отсюда! Каналья Псел, как нарочно, с каждым днем становится все красивее, погода прекрасная; с поля возят хлеб… Москва с ее холодом, плохими пьесами, буфетами и русскими мыслями пугает мое воображение… Я охотно прожил бы зиму подальше от нее.

Через шесть месяцев весна. Через пять я начну бомбардировать Вас приглашениями к себе. Вероятно, и будущее лето я буду жить на Псле.

Вы приедете в мае и проживете месяца два. Мне хочется, чтобы Вы познакомились с Полтавской губернией.

Сегодня в камере разбирательство. Мать хочет подать прошение министру юстиции: мировой судья мешает ей стряпать! Тот маленький "манасеин", к которому Вы хаживали по утрам, цел и невредим.

Роман мой на точке замерзания. Он не стал длиннее… Чтобы не остаться без гроша, спешу писать всякую чепуху. Для "Сев«ерного» вестн«ика»" дам повестушку в ноябре или октябре, но роман едва ли попадет на его страницы. Я так уж и порешил, что роман будет кончен года через три-четыре.

Суворин, пока я гостил у него, был здоров и весел. Теперь же, когда у него умер сын, он, как можно судить по его телеграммам, которые приходилось читать, в отчаянии. Что-то фатальное тяготеет над его семьей.

Вышел ли и когда выйдет гаршинский сборник?

У Баранцевича дело, кажется, затормозилось.

Жорж играет. Думает ехать в консерваторию.

Ну, будьте счастливы, здоровы, и да хранит Вас небо! Увидимся, вероятно, в ноябре. Планов у меня много, ах как много! Об одном из своих планов, касающемся отчасти и Вас, сообщу через неделю.

Низкий поклон всем Вашим. Не забывайте кланяться от меня Вашим сыновьям.

Ваш А. Чехов.

471. И. Л. ЛЕОНТЬЕВУ (ЩЕГЛОВУ)

14 августа 1888 г. Сумы.

14 авг. Чехия.

Ваше письмо, милый Жан, получил я уже дома, по возвращении к пенатам. Мне кажется, что я изъездил весь свет. Был я в Крыму, в Батуме, в Сухуме, в Новом Афоне, в Тифлисе, в Баку…

Суворин, пока я гостил у него, был весел, бодр, разговорчив; пел, удил рыбу, решал со мной мировые вопросы… В Баку Суворин-фис, с которым я путешествовал, получил зловещую телеграмму о дифтерите. Все последующие телеграммы были полны отчаяния и страха… Насколько можно было судить по ним, Суворин переживал такие дни и ночи, каких не дай бог никому.

В Москву уеду я 2-го сентября. Стало быть, успею еще получить от Вас письмо. Вы пишете, что накопилось много новостей… Если не лень, то сообщите хотя одну из них.

Что у Вас за фантазия - посылать письмо заказным?

"Театрального воробья" потрудитесь послать по адресу: "Москва, Кудринская Садовая, соб. дом, доктору Я. А. Корнееву для Чехова".

Ах, милый капитан, если б Вы знали, какая лень, как мне не хочется писать, ехать в Москву! Когда я читаю в газете московскую хронику, театральные анонсы, объявления и проч., то все это представляется мне чем-то вроде катара, который я уже пережил… Отчего мы с Вами не живем в Киеве, Одессе, в деревне, а непременно в столице? Добро бы пользовались столичными прелестями, а то ведь домоседствуем, в четырех стенах сидим! Теряем мы жизнь…

Мужики возят на гумно хлеб… Мимо моей двери со скрипом ползут воз за возом… Около последнего воза жеребенок - ему решительно нечего делать; ходит за возами и больше ничего… Собаки тоже от нечего делать гоняются за жеребенком…

На будущий год я обязательно, на аркане притащу Вас к себе. Устраиваю климатическую станцию для литературной братии. Этой моей идеей воспользовался Суворин и то же самое хочет устроить у себя в Феодосии.

Ну, будьте счастливы.

Ваш А. Чехов.

472. Ал. П. ЧЕХОВУ 16 августа 1888 г. Сумы.

16 авг.

Ваше Вдовство! За все, за все благодарю! Письма прочтены, деньги получены и уже проедены. Я вернулся восвояси. Отвечаю тебе сице:

1) 2-е издание "Сумерек" надо выпускать. По крайней мере давно уже пора сделать о них объявление. Ведь оставшиеся 100-150 экз. торчат по железнод«орожным» шкафам, и в столицах книги нет совсем. Делать объявление не стесняйся. (О моих книгах совсем нет объявлений. Положительно не знаю, чем объяснить это.)

2) Спроси, сколько продано "Рассказов" и идут ли "Пестрые рассказы".

3) В "Валааме", к«ото»рый я прочел, есть все, что нужно; прочтут с удовольствием. Не хватает только критического отношения к тому, что ты видел; также ты часто удивляешься тому, что вовсе неудивительно, часто говоришь о каше и масле (противореча себе), подчеркиваешь неважное (водоподъемная машина, напр«имер») и забываешь об озере. Продолжай в том же фельетонном роде и да благо ти будет. "Слезы" и вообще слезотечение брось: все это натянуто, неискренно и некрасиво.

У Суворина гостил я 1 1/2 недели.

Пиши, пожалуйста.

Будь здоров и кланяйся цуцыкам. Я, кажется, покупаю хутор. Если да, то милости просим в гости на все лето. Суворин отпустит. Заставлю тебя молотить горох.

Твой Антуан Чехов.

Иван женится в мае будущего года на помещице.

473. А. Н. ПЛЕЩЕЕВУ

20 августа 1888 г. Сумы.

20 авг. Сумы.

Ваше письмо, милый Алексей Николаевич, посланное Вами в Феодосию, я получил только сегодня, в конверте Суворина. О своих зимних планах, о повести для октябрьской книжки "С«еверного» в«естника»" и о прочих важных предметах буду писать Вам на сих днях, а пока свидетельствую свое почтение Вам и всем Вашим, сердечно обнимаю и остаюсь, как всегда, преданным

А. Чехов.

Уступаю свое место обер-композитору М-eur Жоржу.

474. И. П. ЧЕХОВУ

22 августа 1888 г. Сумы.

22 августа.

Едем в Полтавскую губ. к Смагиным покупать хутор. О результате, в случае, если не проедемся всуе, буду телеграфировать.

Антуан. На обороте:

Москва,
Спиридоновка, Арбатское училище
Учителю
Ивану Павловичу Чехову.
475. А. Н. ПЛЕЩЕЕВУ

27 августа 1888 г. Сумы.

27 авг.

Отвечаю Вам, дорогой Алексей Николаевич, на Ваше последнее письмо.

Рассказ для октябрьской книжки "Сев«ерного» вестника" непременно будет. Размер =1-2 листа. Аванс едва ли понадобится; денег у меня нет, буду жить впроголодь, но постараюсь не брать денег вперед, ибо авансы понадобятся летом, когда я бездельничаю и нуждаюсь в лишних, шальных деньгах. Ради весенних и летних дебоширств стоит поголодать зимою.

Вчера я вернулся из Полтавской губернии. Опять был у Смагиных, опять сделал тьму верст и утомился, запылился и истрепался, как сукин сын. Ездил с специальною целью - купить (?!?) хутор. Хочу путем всяких фокусов и сделок с банком приобрести десятин 20 с садом и рекой. Хутор стоит 3000 руб. Буду платить проценты, а в будущем понемногу выкуплю. В цене не сошелся, но, вероятно, сойдусь, и не успеет наступить унылый октябрь, как я стану подписываться так: "Полтавский помещик, врач и литератор Антуан Шпонька". Вот это и есть та новость, которая касается Вас. Ведь Вы не откажете мне побывать у меня на хуторе? Полтавская губ. теплее и красивее Крыма в сто раз; место здоровое, веселое, сытое, многолюдное… Проживете у меня месяца два-три, будем ездить в Сорочинцы, в Миргород, к Смагиным, на Луку и проч. Покупаю я для того, чтобы Вы и все мои хорошие знакомые, от которых я, по совести говоря, до сих пор не видел ничего, кроме хорошего, смотрели бы на мой паршивенький хутор, как на свой собственный, и имели бы место отдыха. Если в самом деле удастся купить, то я настрою на берегу Хорола флигелей и дам начало литературной колонии.

Еще новость (секретная): сестры Линтваревы собираются женить моего брата Ивана, учителя, на Вате. Если это случится, то, значит, милейшая Ватина мамаша будет моей родней, с чем я и поздравляю себя. Но Вата молодец. Она отличная хозяйка и держит свою чудесную мамашу в ежах.

Сергей Смагин уехал в Харьков поступать в Ветеринарный институт. Будет 4 года томиться в анатомическом театре и резать дохлых скотов не ради скотов, а ради ценза, который необходим ему при его 1500 десятинах.

Погодите, "Русская мысль" будет выкидывать еще и не такие фортели! Под флагом науки, искусства и угнетаемого свободомыслия у нас на Руси будут царить такие жабы и крокодилы, каких не знавала даже Испания во времена инквизиции. Вот Вы увидите! Узкость, большие претензии, чрезмерное самолюбие и полное отсутствие литературной и общественной совести сделают свое дело. Все эти Гольцевы и К° напустят такой духоты, что всякому свежему человеку литература опротивеет, как черт знает что, а всякому шарлатану и волку в овечьей шкуре будет где лгать, лицемерить и умирать "с честью"…

Я рад тому, что Ваш сын написал большую пьесу. Ваших сыновей я знаю мало, но когда я видел их или говорил с ними, то мне всякий раз казалось, что в какие бы

переделы они ни попали, всюду вывезет их свойственное им чрезмерное добродушие. Добродушие их до того типично, что угадать его легко с первого взгляда.

До свиданья. Почтение Анне Михайловне.

5-го сентября буду уже в Москве. Тяжело туда ехать! Будь деньги, поехал бы в Питер.

Поклон Фаусека передан по назначению.

Будьте здоровы. Ваш душевно.

А. Чехов.

476. Ал. П. ЧЕХОВУ 38 августа 1888 г. Сумы.

28 авг. Сумы.

Бесшабашный шантажист, разбойник пера и мошенник печати!! Отвечаю на твое поганое и поругания достойное письмо по пунктам:

1) Прежде всего о "Сумерках"… Если где-нибудь в Чухломе и Купянске торчат в шкафах непроданные экземпляры, то из этого не следует, что обе столицы, Ростов и Харьков должны быть лишены удовольствия покупать мою книгу. Во-вторых, хозяин книги не магазин, а ты. Не его дело рассуждать, а твое. Магазин должен соображаться с твоими вкусами и желаниями тем паче, что ты человек близкий к Суворину, желающий ему добра и посему не терпящий магазинных беспорядков. Пожалуйста, будь посамостоятельней! Если будешь слушать магазинных барышень, то не продашь ни одного экземпляра. Удивительно! почему нет объявлений? Почему не рекламируют книг моих и Бежецкого?

2) Книжную выручку ввиду ее грошовости не бери, а оставляй в кассе. Возьмем, когда скопится приличная сумма, этак рублей 200-300 (случится сие не быстро).

3) Теперь о твоем браке. Ап«остол» Павел не советует говорить о сих мерзостях, а я лично держусь того мнения, что в делах амурных, шаферных и бракоразводных третьи лица с их советами являются телами инородными. Но если во что бы то ни стало хочешь знать мое мнение, то вот оно. Прежде всего, ты лицемер 84 пробы. Ты пишешь: "Мне хочется семьи, музыки, ласки, доброго слова, когда я, наработавшись, устал, сознания, что пока я бегаю по пожару… и проч.". Во-первых, тебя никто не заставляет бегать по пожарам. На это существуют Готберги и К°, тебе же, солидному и грамотному человеку, можно заняться чем-нибудь более солидным и достойным; "Новое время" велико и обильно, но порядка в нем нет; если грамотные сотрудники будут бегать по пожарам да читать корректуры, то кто же займется порядками? Во-вторых, ты не Чохов и отлично знаешь, что семья, музыка, ласка и доброе слово даются не женитьбой на первой, хотя бы весьма порядочной, встречной, а любовью. Если нет любви, то зачем говорить о ласке? А любви нет и не может быть, так как Елену Мих«айловну» ты знаешь меньше, чем жителей луны. В-третьих, ты не баба и отлично знаешь, что твоя вторая жена будет матерью только своих детей; для цуцыков она будет суррогатом матери, т. е. мачехой, а требовать от мачехи нежного внимания и любви к чужим детям значит ставить ее в невыносимо неловкое, фальшивое положение. В-четвертых, я не решаюсь думать, что ты хочешь жениться на свободной женщине только из потребности иметь няньку и сиделку; мне кажется, что твоя молодость (33 - хорошие годы) и твоя не чеховская и не мироновская душа чужды сего эгоизма, свойственного людям положительным и с характером, думающим, что своею женитьбою они осчастливят не только жену, но даже и ее родню до десятого колена. Что касается Ел«ены» Мих«айловны», то она врач, собственница, свободна, самостоятельна, образованна, имеет свои взгляды на вещи. Она сыта и независима но самое горло. Решиться выйти замуж она, конечно, может, ибо она баба, но ни за какие миллионы не выйдет, если не будет любви (с ее стороны). Посуди сам, на кой леший выходить ей из теплого родного гнезда, ехать в тундру, жить с человеком, к«ото»рого она совсем не знает, если нет естественного к тому импульса, т, е. любви? Ведь это не самка, не искательница ощущений и приключений, а, повторяю, женщина свободная и рассуждающая, знающая себе цену и честная абсолютно. Выйти замуж она может только из любви, ради тебя и своих будущих детей, но никак не из принципа и филантропии. Это не голова дынькой, не немка и не отставная титулярная советница. Автобиографией и

слезоточием ее не тронешь; цуцыками тоже, ибо она сама по себе, цуцыки сами по себе…

Положение, в к«ото»ром вы теперь оба находитесь, определяется кратко: ты не чувствуешь к ней ничего серьезного, кроме желания жениться во что бы то ни стало и заграбастать ее в няньки к цуцыкам, она тоже тебя не любит… Оба вы чужды друг другу, как колокольный звон кусочку мыла… Стало быть, ты, просящий заглазно руки и объясняющийся в любви, которой нет, так же нелеп, как Григорий Чохов, посылающий сваху к девушке, к«ото»рой он не видел, по про к«ото»рую слышал много хорошего. Вообрази лицо Елены Мих«айловны», читающей твое письмо! Вообразил?

Тебе ничто не мешало пожить у меня на даче месяц или два; ничто не мешает тебе приехать на Луку в рождеств«енские» святки в гости или летом… В 1-2 месяца можно и людей узнать и себя показать. Ты нравишься Ел«ене» Мих«айловне», кажешься ей необыкновенным; значит, мог бы и сам полюбить (она очень хорошая) и любовь возбудить. Ты будешь употреблять человеческие приемы и женишься по-человечески, как и все; если же станешь держаться системы Чеховых или Николая, то ты не человек, и женщина, за тебя вышедшая, - сплошная дура. Если будешь жить на Луке зимой или будущим летом, то я всячески буду помогать тебе и даже приданое тебе дам (20 коп.), а пока, прости, я замкну уста и всеми силами буду стараться не ставить в неловкое положение таких хороших людей, как Ел«ена» Мих«айловна» и ты. Оба вы достойны гораздо лучшей участи, чем чоховщина и энтакая штука. Молчу, молчу и молчу, советую сестре молчать и боюсь, чтобы мать не оказала тебе медвежьей услуги.

На случай, если в самом деле женишься когда-нибудь на Ел«ене» Мих«айловне» (чего я сердечно желаю), спрячь сие письмо; ты прочтешь его супруге своей и спросишь ее: прав я был или нет? Если я не прав, то, значит, оба вы ни шиша не стоите, по«…» черепок и обоим вам туда дорога, и про обоих я скажу, что Вы не люди, а зулусы, профанирующие брак, любовь и человечность в отношениях…

Линтваревым я скажу, что зимою, быть может, ты приедешь к ним отдохнуть. Они будут рады. Отпуск у Суворина я для тебя выхлопочу. Пока будь здоров, но не будьте благомысленны и учитесь как бог велит.

Все здравствуют.

Твой Антуан.

В Москве я буду 5-го сент«ября». Адрес прошлогодний, На конверте:

Петербург,

Малая Итальянская, в редакцию "Нового времени" Александру Павловичу Чехову.

477. А. С. СУВОРИНУ

29 августа 1888 г. Сумы.

29 авг.

2-го сентября, уважаемый Алексей Сергеевич, лето мое кончается, и я еду в Москву. Адрес мой остается прошлогодний, т. е. Москва, Кудринская Садовая, д. Корнеева. Когда будете ехать домой через Москву, то, если будет время, побывайте у меня или же по крайней мере дайте мне знать - я приду повидаться и проводить Вас на вокзал.

Все эти дни я занят мыслью о Вашем энциклопедическом словаре. Если Вы в самом деле будете издавать его, то своевременно дайте мне знать: я сообщу Вам свои соображения, которые, быть может, пригодятся.

Третьего дня я вернулся из Полтавской губ. Смотрел хутор, в цене не сошелся и удалился вспять. Попал я туда как раз на молотьбу. Урожай великолепный. Кто сеял пшеницу, тот, несмотря на плохие цены, получил чистых 70 - 80 руб. с десятины, а рожь так тяжела, что при мне в один день шестисильная паровая молотилка намолотила 1200 пудов и рабочие изнемогли от усталости - до такой степени тяжелы снопы! Работа утомительная, но веселая, как хороший бал. В детстве, живя у

дедушки в именье гр. Платова, я по целым дням от зари до зари должен был просиживать около паровика и записывать пуды и фунты вымолоченного зерна; свистки, шипенье и басовой, волчкообразный звук, к«ото»рый издается паровиком в разгар работы, скрип колес, ленивая походка волов, облака пыли, черные, потные лица полсотни человек - все это врезалось в мою память, как "Отче наш". И теперь я целые часы проводил на молотьбе и чувствовал себя в высшей степени хорошо. - Паровик, когда он работает, кажется живым; выражение у него хитрое, игривое; люди же и волы, наоборот, кажутся машинами. - В Миргородском уезде редко кто имеет собственный локомобиль, но всякий может брать напрокат. Паровик занимается проституцией, т. е. ездит по всему уезду на шестерике волов и предлагает себя всякому желающему. Берет он по 4 коп. с пуда, т. е. около 40 руб. в день. Сегодня он гудит в одном месте, завтра в другом, и везде его приезд является событием на манер архиерейского приезда.

Хутор, к«ото»рый я смотрел, мне понравился. Очень уютное, поэтическое местечко. Великолепная земля, заливной луг, Хорол, пруд, сад, а в саду изобилие фруктов, садок для рыбы и липовая аллея. Стоит он между двумя громадными селами, Хомутцем и Бакумовкой, где нет ни одного врача, так что он может быть прекрасным медицинским пунктом. Все очень дешево. Жидов тьма-тьмущая и такие пархатые, каких Вы и во сне никогда не видели. А жиды трусы, любят лечиться. Не сошелся я с хозяином казаком в трехстах рублях. Больше того, что я предлагаю ему, дать я не могу и не дам, ибо он просит несправедливое. На случай, если он согласится, я оставляю одному приятелю доверенность для совершения купчей, и, пожалуй, не успеет еще наступить октябрь, как я попаду в сонм Шпонек и Коробочек. Если купля состоится, то я воспользуюсь Вашим предложением и возьму у Вас полторы тысячи, но, пожалуйста, с непременным условием, что на мой долг Вы будете смотреть, как на долг, т. е., не увлекаясь ни родством ни дружбой, Вы не будете мне мешать уплачивать его, не будете делать скидок и уступок, иначе этот долг поставит меня в положение, которое Вы можете угадать. До сих пор, когда я бывал должен, то впадал в лицемерие - очень противное, психопатическое состояние. Вообще в денежных делах я до крайности мнителен и лжив против воли. Скажу Вам откровенно и между нами: когда я начинал работать в "Новом времени", то почувствовал себя в Калифорнии (до "Нов«ого» вр«емени»" я не получал более 7-8 коп. со строки) и дал себе слово писать возможно чаще, чтобы получать больше - в этом нет ничего дурного; но когда я поближе познакомился с Вами и когда Вы стали для меня своим человеком, мнительность моя стала на дыбы, и работа в газете, сопряженная с получкой гонорара, потеряла для меня свою настоящую цену, и я стал больше говорить и обещать, чем делать; я стал бояться, чтобы наши отношения не были омрачены чьей-нибудь мыслей, что Вы нужны мне как издатель, а не как человек и проч. и проч. Все это глупо, оскорбительно и доказывает только, что я придаю большое значение деньгам, но ничего я с собою не поделаю. Занять в газете определенное рабочее и денежное положение я решусь разве только тогда, когда мы охладеем друг к другу, а пока останусь для Вас бесполезным человеком. В качестве хорошего знакомого я буду вертеться при газете и энциклопедическом словаре, возьму pour plaisir* какой-нибудь отдел в последнем, буду изредка, раз в месяц писать субботники, но стать в газете прочно не решусь ни за какие тысячи, хоть Вы меня зарежьте. Это не значит, что я отношусь к Вам душевнее и искреннее, чем другие; это значит, что я страшно испорчен тем, что родился, вырос, учился и начал писать в среде, в которой деньги играют безобразно большую роль. Простите за эту неприятную откровенность; надо раз навсегда объяснить то, что может показаться непонятным.

На всякий случай я написал брату, чтобы он удерживал мою книжную выручку и 25% гонорара. Этак долг может покрыться в 1 1/2 - 2 года.

Вчера прочел в письме ужасную новость. Сын покойного А. Н. Островского накануне своей свадьбы умер от дифтерита; его невеста после похорон отравилась карболовой кислотой; брат невесты упал с лошади и расшибся.

Прощайте, будьте здоровы. Выписал ли аптекарь фенацетин? Поклон Анне Ивановне, Алексею Алексеевичу, его фамилии, Виноградовым и детям. Если куплю хутор, то начну рассылать приглашения в климатическую станцию. Алексею Алексеевичу пришлю план местности.

Дай бог Вам душевного покоя и бодрости.

Ваш сердечно

А. Чехов.

Бросаю на некоторое время писать крупные вещи и займусь опять мелкими рассказами. Соскучился.

Если Алексей Алексеевич будет писать мне, то пусть пишет по московскому адресу.
* для удовольствия (франц.)

478. А. С. ЛАЗАРЕВУ (ГРУЗИНСКОМУ)

31 августа 1888 г. Сумы.

31 авг.

Простите, добрейший Александр Семенович, что я запаздываю ответом на Ваше письмо; а ответ нужен, ибо мне заданы Вами кое-какие вопросы.

Вопрос о книге, по моему мнению, должен быть решен в положительном смысле. Чем раньше, тем лучше. Книга, извините за выражение, даст Вам кукиш с маслом; пользу от нее (14 р. 31 коп.) получите Вы не раньше как через 5 лет, а в соиздательстве с милейшим Леичкиным не раньше как через 21 год. Но, надеюсь, Вы, как истый Грузинский, ждете от книги не финансов, а совсем иной пользы, о чем мы с Вами уже и говорили. Издать книгу - это значит повысить свой гонорар на 1 копейку и стать одним чином выше. Для пишущего книга, умело изданная, по значению своему равносильна стихии… Она влечет в храм славы и, что важнее и серьезнее всего, делает Вас известным в кружках литературных, т. е. в тех, извините за выражение, ватерклозетах, в которые, к счастью для человечества, дозволяется входить только очень немногим, но без которых пишущему индивидую обойтись невозможно (к несчастью, конечно). Как писать: ксчастью или к счастью? Забыл.

Теперь вопрос: где издать книгу? Если хотите издать в "Осколках", то делайте это помимо Николая Александрыча. Лейкин хороший человек, но Голике еще лучше. Если бы я был уверен, что после Вашей смерти это письмо не попадет в руки Лейкина, то высказался бы пред Вами смелее и с полной откровенностью; но так как письма мои Вы бережете, то осторожно ставлю точку и молчу.

Издать у Суворина можно. Протежировать я берусь и письменно и устно. Суворин никогда Вас не читал (он не читает газетной беллетристики, а в журналах пробегает рецензии - только), но он верит мне, ибо я еще его ни разу не обманывал, да и не обману, если предложу издать Вашу книжку. Издать книжку, очень возможно, он согласится и сейчас, но в тысячу раз лучше, если Вы, прежде чем издавать, познакомитесь поближе с "Нов«ым» вр«еменем»", т. е. напечатаете в нем 3-4 субботника. Суворину приятнее будет издать своего человека. Про Вас и Ежова я уже говорил обоим Сувориным: и отцу и сыну… Буду говорить и, буде пожелаете, писать Буренину. Можете быть уверены, что каждый Ваш рассказ прочтется. В субботниках чувствуется большая нужда.

В Москве буду 5-6 сентября. Это письмо посылаю через Ежини, ибо не знаю, где Вы: фланируете ли по Москве или же воспитываете грядущие поколения в Киржаче. Поклон Николаю Михайловичу.

Ваш А. Чехов.

479. Г. М. ЧЕХОВУ

10 сентября 1888 г. Москва.

10 сент.

Спасибо тебе, милый Георгий, за письмо и прости, пожалуйста, что я проездом через Таганрог не побывал у вас.

Всей душой хотел я повидаться с вами, пожить в Таганроге, погулять по саду; мечтал об этом еще зимою, но беда в том, что когда я проезжал через Таганрог и с вокзала глядел на Михайловскую церковь (это было 6 августа, в день Преображения), то чувствовал себя не в своей тарелке и решительно не был в

состоянии исполнить свое и твое желание, т. е. остаться в Таганроге. Целый месяц я ездил но Крыму и Закавказью и утомился страшно; мне опротивели и вагоны, и виды, и города, и я думал только о том, как бы скорее попасть мне домой, где меня с нетерпением ожидали семья и работа. Не дал же я вам знать о своем проезде, потому что боялся оторвать тебя от дела, а дядю от праздничного отдыха.

Был я в Крыму, в Сухуме, Новом Афоне, Поти, Батуме, Тифлисе, Баку, купался в Черном и в Каспийском морях, ездил на пароходах: "В. к. Михаил", "Юнона", "Дир", "Дедушка", был на "Пушкине" и на "Коцебу", а в будущем году поеду на "Ольге" в Константинополь, а оттуда в Старый Афон.

Миша говорил, что ты зимою побываешь в Москве. Буду очень рад и употреблю все силы, чтобы тебе не показалось скучно.

Не знаешь ли чего о докторе Еремееве?

Поклон всем. Твоей мамаше целую руку и желаю здоровья. Будь счастлив, и да хранят тебя ангелы небесные.

Твой А. Чехов.

480. А. С. СУВОРИНУ

11 сентября 1888 г. Москва.

11 сент.

Думаю, что это мое письмо застанет еще Вас в Феодосии, уважаемый Алексей Сергеевич.

Корректуру московской эскулапии для вашего календаря я возьму с удовольствием и буду рад, если угожу. Мне еще не высылали ее, но, вероятно, скоро вышлют. Я буду хозяйничать в ней и сделаю, что сумею, но боюсь, что она выйдет у меня не похожа на петербургскую, т. е. будет полнее или тоще. Если эту мою боязнь Вы находите основательной, то телеграфируйте типографии, чтобы мне для соображения выслали и петерб«ургскую» корректуру. Нехорошо, если в одном и том же отделе Петербург будет изображать тощую корову, а Москва тучную, или наоборот; обеим столицам должна быть воздаваема одинаковая честь или, по крайности, Москве меньшая…

Воспользуюсь случаем и вставлю "Дома умалишенных в России"- вопрос молодой, для врачей и земцев интересный. Дам только краткий перечень. В будущем году, если позволите, я возьму на себя всю медицинскую часть вашего календаря, теперь же я только волью новое вино в старые мехи - больше сделать не сумею, ибо у меня нет пока ни плана, ни материала под руками.

Вы советуете мне не гоняться за двумя зайцами и не помышлять о занятиях медициной. Я не знаю, почему нельзя гнаться за двумя зайцами даже в буквальном значении этих слов? Были бы гончие, а гнаться можно. Гончих у меня, по всей вероятности, нет (теперь в переносном смысле), но я чувствую себя бодрее и довольнее собой, когда сознаю, что у меня два дела, а не одно… Медицина - моя законная жена, а литература - любовница. Когда надоедает одна, я ночую у другой. Это хотя и беспорядочно, но зато не так скучно, да и к тому же от моего вероломства обе решительно ничего не теряют. Не будь у меня медицины, то я свой досуг и свои лишние мысли едва ли отдавал бы литературе. Во мне нет дисциплины.

В своем последнем письме к Вам я написал много несообразностей (был в грустях), но, уверяю Вас честным словом, говоря о своих отношениях к Вам, я имел в виду не Вас, а только одного себя. Ваши предложения аванса, расположение ко мне и прочее всегда имели для меня свой настоящий смысл; надо плохо знать Вас и в то же время быть психопатом 84 пробы, чтобы в предлагаемом Вами хлебе подозревать камень. Распространяясь о своей мнительности, я имел в виду только свою собственную милую черту, при которой я, напечатав в газете один рассказ, стесняюсь вскоре печатать другой, чтобы такие же порядочные, как я, люди не подумали, что я печатаюсь слишком часто ради частой мзды… Простите бога ради, что я ни к селу, ни «к» городу затеял эту неловкую и ненужную "полемику".

Сегодня я получил письмо от Алексея Алексеевича. Передайте ему мой совет,

основанный на опыте: держать гг. художников в ежах и в постоянном подозрении, как бы они милы и красноречивы ни были. Передайте ему и, кстати, Боре, что наездницу Годфруа я знаю. Она вовсе не хороша. Кроме езды "высшей школы" и прекрасных мышц, у нее ничего нет, все же остальное обыкновенно и вульгарно. Если судить по лицу, то, должно быть, милая женщина.

Та барышня (сумская), которая просила меня не ездить к Вам, имела в виду "направление" и "дух", а вовсе не ту порчу, о которой Вы пишете. Она боялась политического влияния на мою особу. Да, эта барышня хорошая, чистая душа, но когда я спросил ее, откуда она знает Суворина и читает ли она "Новое время", она замялась, пошевелила пальцами и сказала:

"Одним словом, я вам не советую ехать". Да, наши барышни и их кавалеры-политики чистые души, но 9/10 их душевной чистоты не стоит и яйца выеденного. Вся их недеятельная святость и чистота основаны на туманных и наивных антипатиях и симпатиях к лицам и ярлыкам, а не к фактам. Легко быть чистым, когда умеешь ненавидеть черта, которого не знаешь, и любить бога, сомневаться в котором не хватает мозга.

Поклоны всем.

Ваш А. Чехов.

481. Ал. П. ЧЕХОВУ 11 сентября 1888 г. Москва.

Сейчас получил твое письмо, ю небняб!* Прежде всего считаю приятным долгом сказать несколько лестных слов по адресу твоего последнего субботника. Он очень хорош, хотя и писан с первого лица. Лизавета - настоящая Лизавета, живой человек; язык прелестен, сюжет симпатичный.

Рукоплещу твоим покушениям на маленький фельетон. Только избери какой-нибудь постоянный псевдоним, ибо одна буква не годится. К псевдониму редакторы и читатели привыкают, а к литерам нет. Не мешало бы тебе также мало-помалу перейти к коротеньким заметкам на первую страницу на сюжеты Скальковского. Почему бы тебе не ругать, например, нижегородских купцов за их петиции, полные безнадежной глупости и жалких фраз?

Вчера получил от старичины длинное письмо. Будет в Москве около 20-го. Он пишет мне: "У меня нет свободного отношения к кассе, я беру оттуда деньги всегда с каким-то несвободным, тяжелым чувством, как не свои. До прошлого года у меня было своих 10 т«ысяч» р., оставшихся от продажи имения. Так мне и сказали, что они мои, и я был очень рад, но в прошлом году я до трех тысяч роздал без отдачи, а остальными заплатил за феодосийскую землю. Теперь строю дом, и для меня это мука брать на него деньги из кассы. Я Вам нимало не преувеличиваю, хотя не могу хорошенько разобраться в этом странном чувстве. Иногда я начинаю храбриться и кричать: ведь могу же я за свой каторжный труд позволить себе эту роскошь, эту блажь! и мне ужасно хочется, чтоб мне поддакивали, но когда я слышу "конечно, это другое дело, об этом и речи нет", я начинаю злиться, ибо в этих фразах чувствую, что ко мне только снисходят. Строилась типография, строят теперь дом в Петербурге, но все это без меня, ни расчетов, ни счетов не знаю, но в Феодосии я строю дом, для себя. Все прочее как будто не для меня, а для всех, а это как будто лишнее, ибо это моя фантазия, моя блажь. Блажи у меня много, но она в голове и остается. Я бы желал выиграть 200 тысяч, ибо это считал бы своими деньгами, и я бы ими тряхнул и никто бы не смел и поморщиться, что бы я из них ни сделал, хоть бы с кашей съел"…

И все письмо такое. Необычайно симпатичные письма, рисующие этого хорошего человечину.

Сегодня получил громадное, в 6-7 листов, письмо и от Суворина-фиса. Решаем с ним в письмах разные высокой важности вопросы. Вообще семья Сувориных великолепная, теплая; я к ней сильно привязался, а что дальше будет, не знаю.

Выписка из письма - секрет. Порви. Мать бы поехала к тебе, да денег нет. Справку в своем архиве насчет цуцыка сделаю, а ты за это поскорее вышли мне отчет о сумасшедших домах д-ра Архангельского, возвращенный тебе Поповым. Этот отчет

нужен мне для суворинского календаря. Не отдал ли ты его осколочным дамам? Вышли заказной бандеролью - без атласа, к«ото»рый я увезу из Питера сам.

Поклоны всем и от всех.

Женитьба не уйдет, была бы охота и «…» Начинаю писать для "Н«ового» в«ремени»". Твой А. Чехов. * о, юноша! (греч.)

482. И. Л. ЛЕОНТЬЕВУ (ЩЕГЛОВУ)

14 сентября 1888 г. Москва.

14 сент.

Ах, милый Жан, да проглотит Вас ад за Ваш возмутительный, святотатственный почерк! Я не разобрал пяти слов… Воображаю же, во что обходится Ваш почерк наборщикам и переписчикам!

Я жив и здрав, живу в Москве. Больше о себе ничего не имею сказать. Не в обиду будь мне сказано, природа и абсолютное безделье бесконечно удовлетворяли меня: я был доволен и покоен; теперь же, когда мне lege necessitatis* приходится садиться за обязательный труд и по-людски в поте лица есть свой хлеб, я недоволен, вдаюсь в хандру, ною, читаю мораль, мизантропствую и строю в своей башке такие конечные выводы, что упаси боже. За 10 дней, пока я живу в Москве, из дому я выходил только 2 раза, на минутку, а то все время сижу в четырех стенах, понукаю себя к работе и жду весны, когда бы мне опять можно было бездельничать, шататься, есть, писать длинные письма и спорить с либеральными девицами.

Моя мечта: заработать к весне возможно больше денег, каковые нужны мне для осуществления моих планов, в тиши задуманных. Буду стараться писать вовсю, семо и овамо, вкривь и вкось, не щадя живота, пока не опротивею; вернусь в "Пет«ербургскую» газ«ету»", в "Осколки" и в прочие колыбели моей славы, пойду в "Север", в "Ниву" и куда хотите… Денег, денег!

Жениться мне, что ли???

Вам нравится "Медведь"? Коли так, пошлю его в цензуру. Воображаю, сколько деньжищ заработали Вы Вашими "Горами Кавказа"! Я сижу с 15 рублями, а будущее, когда я начну получать гонорарий, представляется мне таким же отдаленным, как страшный суд. Задолжал я за лето более 500 рублев. Ну, не курицын ли я сын?

Чтобы освежить и обновить воздух в своей квартире, взял к себе в жильцы молодость в образе гимназиста-первоклассника, ходящего на голове, получающего единицы и прыгающего всем на спины, Как идет Ваша книжная торговля? Если будете в Москве, то милости просим в мою берлогу. Буде увидите Тихонова, передайте и ему мое приглашение. Про "Дачного мужа"- пьесу - я еще ничего не слышал и не читал; если буду у Корша, то порасспрошу его насчет новых пьес, кину камешек в Ваш огород и о результатах беседы сообщу Вам. Но это едва ли случится раньше 2-3 недель.

Суворин еще в Феодосии, где воздвигает себе замок. Ну, будьте счастливы.

Ваш А. Чехов.

А что мы теряем жизнь - это так же верно, как то, что Вы носите очки. Впрочем, черт его знает! * по закону необходимости (лат.).

483. А. Н. ПЛЕЩЕЕВУ

15 сентября 1888 г. Москва.

15 сент.

Милый Алексей Николаевич, не велите казнить, велите слово вымолвить! Теперь вижу, что, когда я обещал Вам рассказ для октябрьской книжки, в моей голове

перепуталась вся арифметика. Едучи в Москву, я решил в сентябре писать для "Сев«ерного» вестника", кончить к 1-2 октября и послать не позже 5-го октября… Вот это-то канальское "октября" и перепуталось в моей башке с "октябрьской" книжкой. Начав писать в начале сентября, я никоим образом не мог бы поспеть к той книжке, которая печатается в сентябре! Прошу убедительно Вас и Анну Михайловну простить меня за рассеянность. В ноябрьской книжке рассказ мой будет - это вне всякого сомнения (если не забракуете его). Я пишу его помаленьку, и выходит он у меня сердитый, потому что я сам сердит ужасно…

Что касается гаршинского сборника, то не знаю, что и сказать Вам. Не дать рассказа - не хочется. Во-первых, таких людей, как покойный Гаршин, я люблю всей душой и считаю своим долгом публично расписываться в симпатии к ним; во-вторых, Гаршин в последние дни своей жизни много занимался моей особой, чего я забыть не могу; в-третьих - отказаться от участия в сборнике значит поступить не по-товарищески, сиречь по-свински. Все это я чувствую до мозга костей, но представьте мое нелепое положение! У меня решительно нет тем, сколько-нибудь годных для сборника.

Все, что есть, или очень пошло, или очень весело, или очень длинно… Был один неважный сюжетец, да и тот я уже пустил в дело и в образе небольшого очерка послал в "Новое время", где я по уши залез в долги… Впрочем, есть у меня еще одна тема: молодой человек гаршинской закваски, недюжинный, честный и глубоко чуткий, попадает первый раз в жизни в дом терпимости. Так как о серьезном нужно говорить серьезно, то в рассказе этом все вещи будут названы настоящими их именами. Быть может, мне удастся написать его так, что он произведет, как бы я хотел, гнетущее впечатление; быть может, он выйдет хорош и сгодится для сборника, но поручитесь ли Вы, милый, что цензура или сама редакция не выхватят из него то, что в нем я считаю за важное? Ведь сборник иллюстрированный, стало быть, цензурный. Если поручитесь, что ни одно слово не будет вычеркнуто, то я напишу рассказ в два вечера; если же ручаться нельзя, то погодите недельку, я дам Вам мой окончательный ответ: авось надумаю сюжет!

Исполать многопишущим Щедрину и Щеглову! Конечно, много работать лучше, чем ничего не делать, и Ваш упрек по адресу молодых писателей вполне заслужен. С другой же стороны, многописание к лицу не всякому писателю. Взять бы хоть меня, к примеру. В истекший сезон я написал "Степь", "Огни", пьесу, два водевиля, массу мелких рассказов, начал роман… и что же? Если промыть 100 пудов этого песку, то получится (если не считать гонорара) 5 золотников золота, только.

Все-таки мне и в предстоящий сезон не избежать многописания. Буду во все лопатки стараться заработать возможно больше денег, чтобы опять провести лето, ничего не делая… Ах, как мне опостылела Москва! Осень еще только началась, а уж я помышляю о весне.

Покупку хутора я отложил до декабря. Вы боитесь, чтобы я не опутал себя банковскими цепями. Едва ли это возможно. Дело в том, что я покупаю пустяки, и в банк мне придется платить не более того, что я ежегодно плачу за дачу, т. е. 100-150-200 руб., а на это меня хватит. А банковский долг при среднем заработке можно будет похерить в 2-3 года. Если же вздумаю строиться, то самая дорогая постройка в 6-7 комнат, высоких, с полами, обойдется не дороже тысячи рублей, которую я могу летом авансировать в трех местах или же просто заработать к лету. Крыша в первое время будет соломенная (что в Полтавской губ. очень красиво делается), полы и окна выкрасим сами (Миша отлично красит), и многое сами сделаем, ибо к этому с малолетства приучены. Главное - мебель и обстановка. Если нет комфорта, то самый хороший дом покажется черт знает чем. А мебели-то у меня и нет. Увы!

Если Ваша догадка относительно Короленко справедлива, то очень жаль. Короленко незаменим. Его любят и читают, да и человек он очень хороший. Откровенно говоря, мне грустно, что и Михайловский уже больше не работает в "Сев«ерном» вестн«ике»". Он талантлив и умен, хотя и скучноват был в последнее время; заменить его Протопоповым или Impacatus'ом так же трудно, как заменить луну свечкой.

Вероятно, будущим летом, по крайней мере до июля, мы опять будем жить у Линтваревых. В Крым ехать я Вам не советую; уж коли хотите ошеломиться природой и ахнуть, то поезжайте на Кавказ. Минуя курорты вроде Кисловодска, поезжайте по Военно-грузинской дороге в Тифлис, оттуда в Боржом, из Боржома через Сурамский

перевал в Батум. Это дешевле, чем житье в жидовствующей Ялте.

Жоржик, кажется, едет в консерваторию.

Поклон всем Вашим и Леонтьеву.

Будьте счастливы.

Ваш А. Чехов.

В Питере буду в ноябре.

484. М. В. КИСЕЛЕВОЙ

17 сентября 1888 г. Москва.

17 сент. 3 1/2 часа пополудни.

Свежая новость.

К Финику приходил Иванов сообщить, какие заданы уроки. Будучи приглашен наверх, он вошел в комнату Финика, сам сконфузился, сконфузился и Финик. Угрюмо глядя в одну точку, он басом сообщил, что задано, толкнул локтем Финика в бок и сказал: "Прощай, Киселев!" И, не подавая руки, удалился. По-видимому, социалист.

А. Чехов.

Кашля нет.

На случай нашествия на нашу квартиру Ивановых, Петровых и Сидоровых не найдете ли Вы нужным ассигновать сумму на возмещение причиняемых ими убытков?

485. М. В. КИСЕЛЕВОЙ

23 сентября 1888 г. Москва.

23.

Сейчас прибыли Ваши супруг и дщерь, уважаемая Мария Владимировна! Это во-первых. Во-вторых, уверяю Вас честным словом, что Финик здоров, не кашляет и что все обстоит благополучно. Ждем Вас первого октября.

Ваш по гроп жисти

А. Чехов.

Сегодня Финик за extemporale* получил 5+. Сказывается мое влияние! * перевод с родного языка на древний (лат.).

486. Ал. П. ЧЕХОВУ 24 сентября 1888 г. Москва.

24.

Отче Александре!

Сейчас был у меня Суворин и со свойственною ему нервозностью, с хождением из угла в угол и смотрением через очки стал мне слезно каяться, что он сделал "непростительную и неловкую глупость", которую никогда себе не простит. Он сообщил мне, что, садясь в вагон близ Симферополя и будучи удручен тяжкими мыслями и дифтеритообразною болезнью своего маленького сынишки, он прочел твой рассказ "Письмо" (рассказ очень неплохой), к«ото»рый ему не понравился, и тотчас же написал тебе грубое письмо, что-то вроде; "Писать и печатать плохие рассказы можно, но узурпировать чужое имя нельзя и проч."… Письмо это написано просто из

желания сорвать свою хандру на первом попавшемся. Ты был первый, тебе и влетело.

По приезде в Петерб«ург» Суворин будет перед тобой извиняться. С своей стороны, считаю нужным заявить тебе следующее. Об узурпации и подделке под чужое имя не может быть и речи, ибо:

1) Каждый русскоподданный властен писать что угодно и подписываться как угодно, тем паче подписывать свое собств«енное» имя.

2) О том, что подпись "Ал. Чехов" не представляет для меня неудобства и не вовлекает меня в протори и бесславие, у нас с тобой был уже разговор, и мы на этот счет с тобой уже условились. Критерий "один пишет лучше, другой хуже" не может иметь места, ибо времена переменчивы, взгляды и вкусы различны. Кто сегодня писал хорошо, тот завтра может превратиться в бездарность и наоборот. То, что мною уже изданы 4 книги, нимало не говорит против тебя и против твоеего права. Через 3-5 лет у тебя может быть 10 книг, так неужели же и мне придется просить у тебя позволения расписываться Антоном, а не Антипом Чеховым?

3) Когда Суворин-фис от имени редакции спросил меня, не имею ли я чего-нибудь против Ал. Чехова, и когда я ответил отрицательно, то он сказал:

- Это ваше дело. Нам же лучше, если имя Чехова будет чаще встречаться в газете.

Извиняясь, Суворин будет в свое оправдание приводить свой разговор с Альфонсом Додэ, который жаловался ему на брата Эрнеста Додэ. Этот разговор доказывает только то, что А. Додэ не скромен и открыто сознается, что он лучше брата, и еще доказывает, что Эрнесту от Альфонса житья нет и что Альфонс жалуется.

Пока я не жалуюсь и не являюсь истцом, до тех пор никто не вправе тащить тебя в Синедрион.

Смертного часа нам не миновать, жить еще придется недолго, а потому я не придаю серьезного значения ни своей литературе, ни своему имени, ни своим литературным ошибкам. Это советую и тебе. Чем проще мы будем смотреть на щекотливые вопросы вроде затронутого Суворинym, тем ровнее будут и наша жизнь, и наши отношения.

Ан. Чехов и Ал. Чехов - не все ли это равно? Пусть это интересует Буреиных и прочих похабников, а мы с тобой отойдем в сторону.

Мне жаль Суворина. Он искренно опечален.

Все наши здравы.

Твой А. Чехов.

487. А. Н. ПЛЕЩЕЕВУ

30 сентября 1888 г. Москва.

30 сентября.

Уф! Сейчас кончил рассказ для "Сев«ерного» вестника", дорогой Алексей Николаевич! От непривычки и после летнего отдыха так утомился, что Вы и представить себе не можете. Сажусь переписывать начисто. 5-го октября Вы получите. Рассказ вышел немножко длинный (2 листа), немножко скучный, но жизненный и, представьте, с "направлением". Когда прочтете его, то напишите мне свое мнение, пожалуйста.

Был у меня проездом Суворин. Провел у меня день. Он просил Вас прислать ему корректуру моего рассказа раньше, чем он будет измаран цензурой.

Сегодня идет у Корша "Дачный муж" Ивана Щеглова. Милейший Жан зачах, изныл и высох от волнений. Если описать его, то получится комедия посмешнее "Дачного мужа".

Право, будет очень и очень недурно, если Бежецкий-Маслов попадет в лоно "Северного вестника". Он хороший человек и, несомненно, талантлив. Его

сотрудничество было бы полезно для обеих сторон: и для "С«еверного» в«естника»" и для самого. "Сев«ерный» вест«ник»" приобрел бы талантливого беллетриста, а Бежецкий вышел бы из-под ферулы Буренина. Маслов молод, жить хочет, а скептик Буренин гнетет его… Мне кажется, что 150 р. за лист можно дать ему. Ведь деньги невеликие.

Спешу работать. Будьте счастливы. Поклонитесь всем Вашим.

Ваш А. Чехов.

488. А. Н. ПЛЕЩЕЕВУ

1 октября 1888 г. Москва.

1-го октября.

Милый Алексей Николаевич! У Вас есть переводная пьеса "Медные лбы" Скриба. Ее хочет поставить на свой бенефис артист коршевского театра Н. В. Светлов. Если Вы ничего не имеете против и если нет законных препятствий, то потрудитесь уведомить возможно скорее. Ответьте или мне или же "Николаю Васильевичу Светлову, театр Корша в Москве".

Целую Вас крепко.

Ваш А. Чехов.

489. А. С. СУВОРИНУ

2 октября 1888 г. Москва.

2 октября.

Ну, заварилась каша в душе Корша! Когда я задал ему тот вопрос, он обалдел, испугался, обрадовался, заторопился и стал уверять меня, что он знает Вас еще с тех пор, когда воспитывался у своего дяди Корша, и что для него будет высшим блаженством, если его театр попадет в такие надежные руки. На вопрос он ответил не сразу.

- Я вам в антракте все книги покажу… Вы должны видеть цифры…

Видя, что он так серьезно волнуется, я стал уверять его, что в бухгалтерии я ничего не понимаю и поверю ему на слово…

Я испортил ему весь вечер. Он ходил по коридорам ошалелый, как горем убитый, и все время искал меня, чтобы излить свою душу. Раз поймал он меня в буфете и зашептал:

- Напишите ему, что я возьму во всяком случае не меньше ста тысяч.

- Только-то? - удивился я не шутя. - А я думал, что Вы запросите по крайней мере миллион.

- Но, голубушка, я ведь назначаю цифру приблизительно, наугад… Я вам книги покажу. (Решительно.) Напишите ему, что я возьму с него 150 тысяч!

Он долго думал о чем-то и спросил:

- Вы не знаете, голубушка, все еще он переписывается с Заньковецкой?

- Не знаю. Должно быть, переписывается.

- Милый, только передайте ему, что с Рыбчинской у меня заключен контракт на два года!

- Передам.

Встретив меня еще раз, он воскликнул радостно, в полной уверенности, что театр его уже продан:

- Голубушка, я завтра к Вам приеду! Я все книги привезу! Милый мой! Дорогой! Когда же вы мне свои книжки дадите? Жена Вас читает! Вы знакомы с женой? Катя, вот тот Чехов, который… (представляет жене). Завтра приеду!

Но он не приехал, а прислал письмо, которое при сем прилагаю. Мне немножко жаль Корша. Если бы я знал, что ему так хочется продать свой храм славы, то я бы уберегся от того вопроса, но черт же его знал! Мы оба решили держать наш разговор в строгой тайне. Вы порвите его письмо, а то если Ваша девица прочтет его и сообщит Слюнину, что Вы покупаете театр Корша, а Слюнин Жителю, Житель моему брату, а брат еще кому-нибудь, и если затрезвонят потом "Листки", то мой Корш застрелится.

"Дачный муж" провалился, и Жан Щеглов обратился в тень. Пьеса написана небрежно, турнюр и фальшивые зубы прицеплены к скучной морали; натянуто, грубовато и пахнет проституцией. В пьесе нет женственности, нет легкомыслия, нет ни жены, ни мужа, ни Павловска, ни музыки, ни соли, ни воздуха; я видел на сцене сарай и мещан, которых автор уличает и казнит за то, над чем следует только смеяться, и смеяться не иначе, как по-французски. Можете себе представить, Жан для контраста вывел на сцену дворника и горничную, добродетельных пейзан, любящих друг друга по-простецки и хвастающих том, что у них нет турнюров. Берите, мол, господа, с нас пример… Тяжело! Пусть бы прислуга только дурачилась и смешила, так нет, это показалось милому Жану несерьезным, и он прицепил к метлам и фартухам дешевенькую мораль. И вышла черт знает какая окрошка. Глама играла не жену, а кокотку, Градов не мужа, не чиновника, а шута горохового… Декорации были отвратительны. Жан ходит теперь около меня, "поправляет" свою пьесу и ноет:

- Если бы Глама надела побольше турнюр, если бы не кричал суфлер да если бы Корш не был скуп, то…

То ничего и не вышло бы все-таки. "Горы Кавказа" имели успех, потому что были без претензий и только смешили, а "Дачный муж" хочет и смешить, и трагедией пахнуть, и возводить турнюр на высоту серьезного вопроса…

Алексея Алексеевича еще нет в Москве.

Повестушку свою я кончил. Написана она вяло и небрежно, а поправлять нет времени.

Читал я своего "Иванова". Если, думается мне, написать другой IV акт, да кое-что выкинуть, да вставить один монолог, к«ото»рый сидит уже у меня в мозгу, то пьеса выйдет законченной и весьма эффектной. К Рождеству исправлю и пошлю в Александринку.

"Медведь" пропущен цензурой (кажется, не безусловно) и будет идти у Корша. Соловцов жаждет играть его.

Нет ли у Маслова пьесы? Я бы поставил ее у Корша. Актеры со мной очень нежны.

Поклон Анне Ивановне, Насте, Боре, Буренину и Маслову.

Ваш А. Чехов.

Поклон Трезору и нововременской утке. Очки и каталог драм«атического» общества Вы получите с Алекс«еем» Алекс«еевичем».

490. А. Н. ПЛЕЩЕЕВУ

4 октября 1888 г. Москва.

4 окт.

Дорогой и милый Алексей Николаевич!

Рассказ для "Северного вестника" переписал и послал в редакцию. Утомился. Теперь

жду гонорара. Весь сентябрь я сидел без денег, кое-какие вещишки заложил и бился, как рыба об лед; каждый сентябрь мне круто приходится, в этом же году после летнего безделья и житья в счет будущего сентябрь был для меня особенно мрачен. Был должен Суворину 400 руб., отработал 200…

Как-то я послал Вам из театра Корша письмо. Если "Медные лбы" пойдут у Корша, то не забудьте через меня или через кого хотите заключить условие. Корш платит за оригинальные пьесы 2% с акта, а за переводные 1 %. Деньги неважные, но все-таки деньги, и бросать их не следует… Ваших "Медных лбов" в каталоге драмат«ического» общества нет. Кстати: Корш платит Обществу уже 6 рублей с акта, а не 5. Светлов актер хороший и парень славный.

Сегодня был у меня Павел Линтварев. Приехал поступать в Петровскую академию, но его, беднягу, кажется, не примут. Он под надзором.

В Москве гостит Жан Щеглов. Его "Дачный муж" в Москве успеха не имел, но, по всем видимостям, будет иметь его в Петербурге и в провинции. В Москве непонятны ни Павловск, ни дачный муж, ни дачная прислуга, ни департаментская служба. Пьеса очень легка и смешна и в то же время раздражает: к турнюру дачной жены прицеплена мораль. Я такого мнения, что если милый Жан будет продолжать в духе "Дачного мужа", то его карьера как драматурга не пойдет дальше капитанского чина. Нельзя жевать все один и тот же тип, один и тот же город, один и тот же турнюр. Ведь кроме турнюров и дачных мужей на Руси есть много еще кое-чего смешного и интересного. Во-вторых, надо бросить дешевую мораль. "Горы Кавказа" написаны без претензий на мораль, а потому имели выдающийся успех. Я советую Жану написать большую комедию, этак в актов пять, и во всяком случае не бросать беллетристики.

Скоро Вы увидите Жоржа. Он едет в Петербург. В письме к Анне Михайловне я просил не вычеркивать в моем рассказе ни одной строки. Эта моя просьба имеет в основании не упрямство и не каприз, а страх, чтобы через помарки мой рассказ не получил той окраски, какой я всегда боялся. Целую Вас крепко и остаюсь сердечно любящим и преданным

А. Чехов.

Почтение Вашим

491 А. Н. ПЛЕЩЕЕВУ

4 октября 1888 г. Москва.

Едва послал Вам письмо, как получил от Вас, дорогой Алексей Николаевич, известие, которое очень не понравится Светлову. Я сейчас сообщу ему Ваш ответ и буду настойчиво рекомендовать "Дурного человека".

Если бы Ваше письмо пришло двумя часами раньше, то мой рассказ был бы послан Вам, теперь же он на полпути в Басков пер«еулок».

Был бы рад прочесть, что написал Мережковский. Пока до свиданья. Прочитавши мой рассказ, напишите мне. Он Вам не понравится, но Вас и Анны Михайловны я не боюсь. Я боюсь тех, кто между строк ищет тенденции и кто хочет видеть меня непременно либералом или консерватором. Я не либерал, не консерватор, не постепеновец, не монах, не индифферентист. Я хотел бы быть свободным художником и - только, и жалею, что бог не дал мне силы, чтобы быть им. Я ненавижу ложь и насилие во всех их видах, и мне одинаково противны как секретари консисторий, так и Нотович с Градовским. Фарисейство, тупоумие и произвол царят не в одних только купеческих домах и кутузках; я вижу их в науке, в литературе, среди молодежи… Потому я одинако не питаю особого пристрастия ни к жандармам, ни к мясникам, ни к ученым, ни к писателям, ни к молодежи. Фирму и ярлык я считаю предрассудком. Мое святая святых - это человеческое тело, здоровье, ум, талант, вдохновение, любовь и абсолютнейшая свобода, свобода от силы и лжи, в чем бы последние две ни выражались. Вот программа, которой я держался бы, если бы был большим художником.

Однако я заболтался. Будьте здоровы.

Ваш А. Чехов.

492. М. М. ДЮКОВСКОМУ

5 октября 1888 г. Москва.

Милый Михаил Михайлович!

Будьте добры, пришлите мне дня на два Адрес-Календарь Москвы. Буду очень благодарен, а у посланного не останусь в долгу. Если же привезете сами, то буду очень рад видеть Вас у себя. Будьте здоровы.

Ваш А. Чехов. На обороте:

Здесь,

У Калужских ворот, в Мещанском училище, Его высокоблагородию Михаилу Михайловичу Дюковскому.

493. Н. А. ЛЕЙ КИНУ

5 октября 1888 г. Москва.

5 окт.

Здравствуйте, добрейший Николай Александрович! Вчера кончил повесть для "Северн«ого» вестника", над которою возился весь сентябрь, и сегодня отвожу душу на письмах. Где Вы? В городе или на Тосне? Пишу по городскому адресу.

Прежде всего - спасибо за "Пух и перья". Издание хорошее, рисунки очень приличные и добросовестные. Рассказы подобраны так, как нужно. Именно такие рассказы мне наиболее симпатичны у Вас. В них простота, юмор, правда и мера… Особенно мне понравился рассказ, где два приказчика приезжают к хозяину в гости на дачу и хозяин говорит им: "Дышите! Что ж вы не дышите?" Отличный рассказ.

Кстати. Я, кажется, не писал еще Вам своего мнения о "Сатире и нимфе". Если хотите знать мое мнение, то прежде всего "Сатир и нимфа" стоят гораздо ниже "Стукина и Хр«устальникова»". "Сатир" роман чисто местный, питерский, захватывает он узкий и давно уже изученный район. Во всех этих Заколове, Акулине, Пантелее, Тычинкине, кроме разве мужа Акулины Данилы, нет ничего нового. Все это знакомые; роман их тоже история старая, интриганство Катерины тоже не ново… Читается роман легко, весело, часто смеешься, в конце немножко грустно становится, и больше ничего. "Стукин" же, на которого критика не обратила никакого внимания, вещь совсем новая и рисующая то, чего ни один еще писатель не рисовал. "Стукин" имеет значение серьезное и стоит многого (по моему мнению) и будет служить чуть ли не единственным памятником банковских безобразий нашего времени; к тому же фигурируют в нем не Акулина и не Катерина, а птицы более высшего порядка. Если в "Сатире" хороши частности, то "Стукин" хорош в общем. Простите эту бессвязную критику. Не умею я критиковать.

Проезжая по Харьково-Никол«аевской» дороге, я видел такую картину. В вагоне сидит какой-то субъект с тирольской рожей и в венгерской шляпе. Перед ним стоит "физико-химический аппарат" со стеклянным цилиндром, в котором плавает "морской житель". За пятак каждый желающий получает фотогр«афическую» карточку и "свою судьбу", начертанную помянутым жителем. На аппарате выставлены напоказ 4 карточки: Суворова, Ю. Самарина, Патти и Ваша. Это должно быть приятно Вашему авторскому сердцу.

На днях Николай сделал рисунок, очень недурной. Я посоветовал ему послать его в "Осколки". Получили ли Вы? Живет Николай у меня, пока очень степенно. Работает. Присылайте ему тем, но только через мои руки, Когда я вмешиваюсь, то дела его идут живее. Кстати: если будете высылать ему гонорар, то высылайте не на его имя и не на мое (некогда ходить на почту), а на имя моего брата-студента Михаила Чехова. На его же имя высылайте и посылки, буде таковые будут.

Поклон Прасковье Никифоровне и Феде, а также Билибину.

Будьте здоровы.

Ваш А. Чехов.

494. А. С. СУВОРИНУ

5 или 6 октября 1888 г. Москва.

Здравствуйте, Алексей Сергеевич! Корша я успокою, как только увижусь с ним. А если у Вас будут лишние деньги, то не покупайте театра. Иметь в столице театр, возиться с актерами, актрисами и авторами, угадывать вкусы публики, видеть в своем театре всегда рожи газетчиков, требующих контрамарок и пишущих неизвестно где, - все это не возбуждает нервы, а гнетет; к тому же антрепренерские бразды делают человека слишком популярным. На Вашем месте "центр нервной деятельности" я целиком перенес бы на юг. Там море и свежие люди. Там можно завести пароход "Новое время", можно построить церковь по собственному вкусу и театр, и даже буфет, - и все бы это пошло впрок. В театре можно свои пьесы ставить.

Жан Щеглов все еще говорит о "Дачном муже", о Корше, о Гламе, о Соловцове… Когда мы его не слушаем, он обращается к моему жильцу-гимназисту и начинает изливать ему свою душу… Дернула же его нелегкая родиться мужчиной, да еще драматургом! Он у Вас будет. Успокойте его, пожалуйста, хотя это и нелегко.

Маслову передайте, что Евреинова и прочие дамы "Сев«ерного» вестника" не виноваты. Заметка о его книге сделана и помещена некиим умным мужчиной без ведома дам. Когда я летом ехал с Евреиновой на юг (она была без турнюра, и публика ужасно над ней потешалась), то она всю дорогу мечтала только о поднятии в журнале беллетрист«ического» отдела и о приглашении "молодых сил", в том числе и Маслова. Заметка неважная, меня ругают чаще и резче; придавать ей значение не следует, и Маслов сделал бы недурно, если бы послал Евреиновой повесть. Ему нужно жениться, пить вино, не бросать военной службы и писать то, что хочется… А ведь он хочет писать повести! Что же касается "Русской мысли", то там сидят не литераторы, а копченые сиги, которые столько же понимают в литературе, как свинья в апельсинах. К тому же библиограф«ический» отдел ведет там дама. Если дикая утка, которая летит в поднебесье, может презирать свойскую, которая копается в навозе и в лужах и думает, что это хорошо, то так должны презирать художники и поэты мудрость копченых сигов… Сердит я на "Русскую мысль" и на всю московскую литературу!

У Виктора Петровича сочленовный ревматизм. При этой болезни иногда бывает воспаление сердца, и врач всегда должен быть настороже. Причиной пороков сердца чаще всего бывает ревматизм. Но только зачем В«иктор» П«етрович» выходит из дому? Ему нельзя ни выходить, ни работать, ни мыться… Я так полагаю, что через месяц он будет уже здоров. Пусть "Ивана Ильича" бросит читать: от сочленовного ревматизма не умирают.

В "Иванове" я радикально переделал 2 и 4 акты. Иванову дал монолог, Сашу подвергнул ретуши и проч. Если и теперь не поймут моего "Иванова", то брошу его в печь и напишу повесть "Довольно!". Названия не изменю. Неловко. Если бы пьеса не давалась еще ни разу, тогда другое бы дело.

Вся моя фамилия Вам кланяется.

Щеглов, видевший Сальвини 6 раз, говорит, что Отелло-Ленский хорош. Хочу написать коротенькую рецензию, да не знаю, с какого конца начать… Поклон Анне Ивановне, Насте и Байрону. Виноградовым желаю скорейшего выздоровления.

Ваш А. Чехов.

Так как зимою Вы заняты, то буду стараться писать Вам такие письма, которые не требуют ответа.

А Алексея Алексеевича все еще нет!

495. А. С. СУВОРИНУ

7 октября 1888 г. Москва.

7 окт.

Я, Алексей Сергеевич, осерчал и попробовал нацарапать статейку для первой страницы. Не сгодится ли? Если для дебюта бросите в корзину, то в претензии не буду.

Ваш А. Чехов.

Жан Щеглов все еще говорит о "Дачном муже", о Гламе, о Корше, о Соловцове… Уф!

496. Д. В. ГРИГОРОВИЧУ

9 октября 1888 г. Москва.

9 октября. Кудринская Садовая, д. Корнеева.

Мне весело, дорогой Дмитрий Васильевич, что Вы наконец выздоровели и вернулись в Россию. Те, кто Вас видел, писали мне, что Вы уже совершенно здоровы, по-прежнему бодры и читали даже свою новую повесть, что у Вас теперь большая борода. Если грудная боль прошла, то уж, вероятно, и не вернется, но бронхит едва ли оставил Вас в покое; если он утих летом, то зимою может вновь обостриться от малейшей неосторожности. Сам по себе бронхит не опасен, но он мешает спать, утомляет и раздражает. Вы поменьше курите, не пейте квасу и пива, не бывайте в курильных, в сырую погоду одевайтесь потеплей, не читайте вслух и не ходите так быстро, как Вы ходите. Эти мелкие предосторожности стесняют и раздражают не меньше бронхита, но что делать?

Я рад и тому, что получил от Вас письмо. Письма Ваши коротки, как хорошие стихи, видаюсь я с Вами редко, но мне кажется, и даже я почти уверен, что если в Петербурге не будет Вас и Суворина, то я потеряю равновесие и понесу ужасную чепуху.

Премия для меня, конечно, счастье, и если бы я сказал, что она не волнует меня, то солгал бы. Я себя так чувствую, как будто кончил курс, кроме гимназии и университета, еще где-то в третьем месте. Вчера и сегодня я брожу из угла в угол, как влюбленный, не работаю и только думаю. Конечно - и это вне всякого сомнения - премией этой я обязан не себе. Есть молодые писатели лучше и нужнее меня, например, Короленко, очень недурной писатель и благородный человек, который получил бы премию, если бы послал свою книгу. Мысль о премии подал Я. П. Полонский, Суворин подчеркнул эту мысль и послал книгу в Академию, Вы же были в Академии и стояли горой за меня. Согласитесь, что если бы не Вы трое, то не видать бы мне премии, как ушей своих. Я не хочу скромничать и уверять Вас, что все Вы трое были пристрастны, что я не стою премии и проч. - это было бы старо и скучно; я хочу только сказать, что своим счастьем я обязан не себе. Благодарю тысячу раз и буду всю жизнь благодарить.

В малой прессе я не работаю уж с Нового года. Свои мелкие рассказы я печатаю в "Новом времени", а что покрупнее отдаю в "Северный вестник", где мне платят 150 р. за лист. Из "Нового времени" я не уйду, потому что привязан к Суворину, к тому же ведь "Новое время" не малая пресса. Определенных планов на будущее у меня нет. Хочется писать роман, есть чудесный сюжет, временами охватывает страстное желание сесть и приняться за него, но не хватает, по-видимому, сил. Начал и боюсь продолжать. Я решил, что буду писать его не спеша, только в хорошие часы, исправляя и шлифуя; потрачу на него несколько лет; написать же его сразу, в один год не хватает духа, страшно своего бессилия, да и нет надобности торопиться. Я имею способность - в этом году не любить того, что написано в прошлом; мне кажется, что в будущем году я буду сильнее, чем теперь; и вот почему я не тороплюсь теперь рисковать и делать решительный шаг. Ведь если роман выйдет плох, то мое дело навсегда проиграно!

Те мысли, женщины, мужчины, картины природы, которые скопились у меня для романа, останутся целы и невредимы. Я не растранжирю их на мелочи и обещаю Вам это. Роман захватывает у меня несколько семейств и весь уезд с лесами, реками,

паромами, железной дорогой. В центре уезда две главные фигуры, мужская и женская, около которых группируются другие шашки. Политического, религиозного и философского мировоззрения у меня еще нет; я меняю его ежемесячно, а потому придется ограничиться только описанием, как мои герои любят, женятся, родят, умирают и как говорят.

Пока не пробил час для романа, буду продолжать писать то, что люблю, то есть мелкие рассказы в 1 -1 1/2 листа и менее. Растягивать неважные сюжеты на большое полотно - скучно, хотя и выгодно. Трогать же большие сюжеты и тратить дорогие мне образы на срочную, поденную работу - жалко. Подожду более удобного времени.

Запретить брату подписываться его фамилией я не имею права. Прежде чем начать подписываться, он спрашивался у меня, и я сказал ему, что ничего не имею против.

Лето я провел великолепно. Жил в Харьк«овской» и в Полтавской губ«ерниях», ездил в Крым, в Батум, в Баку, пережил Военно-Грузинскую дорогу. Впечатлений много. Если бы я жил на Кавказе, то писал бы там сказки. Удивительная страна!

В Петербурге я буду не раньше ноября и явлюсь к Вам в день приезда, а пока позвольте еще раз поблагодарить Вас от всего сердца, пожелать здоровья и счастья. Сердечно преданный

А. Чехов.

497. А. Н. ПЛЕЩЕЕВУ

9 октября 1888 г. Москва.

9 октября.

Простите, дорогой Алексей Николаевич, что пишу на простой бумаге; почтовой нет ни одного листа, а ждать, когда принесут из лавочки, не хочется и некогда.

Большое Вам спасибо за то, что прочли мой рассказ, и за Ваше последнее письмо. Вашими мнениями я дорожу. В Москве мне разговаривать не с кем, и я рад, что в Петербурге у меня есть хорошие люди, которым не скучно переписываться со мной. Да, милый мой критик, Вы правы! Середина моего рассказа скучна, сера и монотонна. Писал я ее лениво и небрежно. Привыкнув к маленьким рассказам, состоящим только из начала и конца, я скучаю и начинаю жевать, когда чувствую, что пишу середину. Правы Вы и в том, что не таите, а прямо высказываете свое подозрение: не боюсь ли я, чтобы меня сочли либералом? Это дает мне повод заглянуть в свою утробу. Мне кажется, что меня можно скорее обвинить в обжорстве, в пьянстве, в легкомыслии, в холодности, в чем угодно, но только не в желании казаться или не казаться… Я никогда не прятался. Если я люблю Вас, или Суворина, или Михайловского, то этого я нигде не скрываю. Если мне симпатична моя героиня Ольга Михайловна, либеральная и бывшая на курсах, то я этого в рассказе не скрываю, что, кажется, достаточно ясно. Не прячу я и своего уважения к земству, которое люблю, и к суду присяжных.

Правда, подозрительно в моем рассказе стремление к уравновешиванию плюсов и минусов. Но ведь я уравновешиваю не консерватизм и либерализм, которые не представляют для меня главной сути, а ложь героев с их правдой. Петр Дмитрич лжет и буффонит в суде, он тяжел и безнадежен, но я не хочу скрыть, что по природе своей он милый и мягкий человек. Ольга Михайловна лжет на каждом шагу, но не нужно скрывать, что эта ложь причиняет ей боль. Украйнофил не может служить уликой. Я не имел в виду Павла Линтварева. Христос с Вами! Павел Михайлович умный, скромный и про себя думающий парень, никому не навязывающий своих мыслей. Украйнофильство Линтваревых - это любовь к теплу, к костюму, к языку, к родной земле. Оно симпатично и трогательно. Я же имел в виду тех глубокомысленных идиотов, которые бранят Гоголя за то, что он писал не по-хохлацки, которые, будучи деревянными, бездарными и бледными бездельниками, ничего не имея ни в голове, ни в сердце, тем не менее стараются казаться выше среднего уровня и играть роль, для чего и нацепляют на свои лбы ярлыки. Что же касается человека 60-х годов, то в изображении его я старался быть осторожен и краток, хотя он заслуживает целого очерка. Я щадил его. Это полинявшая, недеятельная бездарность, узурпирующая 60-е годы; в V классе гимназии она поймала 5-6 чужих мыслей, застыла на них и будет упрямо бормотать их до самой

смерти. Это не шарлатан, а дурачок, который верует в то, что бормочет, но мало или совсем не понимает того, о чем бормочет. Он глуп, глух, бессердечен. Вы бы послушали, как он во имя 60-х годов, которых не понимает, брюзжит на настоящее, которого не видит; он клевещет на студентов, на гимназисток, на женщин, на писателей и на все современное и в этом видит главную суть человека 60-х годов. Он скучен, как яма, и вреден для тех, кто ему верит, как суслик. Шестидесятые годы - это святое время, и позволять глупым сусликам узурпировать его значит опошлять его. Нет, не вычеркну я ни украйнофила, ни этого гуся, который мне надоел! Он надоел мне еще в гимназии, надоедает и теперь. Когда я изображаю подобных субъектов или говорю о них, то не думаю ни о консерватизме, ни о либерализме, а об их глупости и претензиях.

Теперь о мелочах. Когда студента Военно-мед«ицинской» академии спрашивают, на каком он факультете, то он коротко отвечает: на медицинском. Объяснять публике разницу между академией и университетом в обычном, разговорном языке станет только тот студент, кому это интересно и не скучно. Вы правы, что разговор с беременной бабой смахивает на нечто толстовское. Я припоминаю. Но разговор этот не имеет значения; я вставил его клином только для того, чтобы у меня выкидыш не вышел ex abrupto*. Я врач и посему, чтобы не осрамиться, должен мотивировать в рассказах медицинские случаи. И насчет затылка Вы правы. Я это чувствовал, когда писал, но отказаться от затылка, к«ото»рый я наблюдал, не хватило мужества: жалко было.

Правы Вы также, что не может лгать человек, который только что плакал. Но правы только отчасти. Ложь - тот же алкоголизм. Лгуны лгут и умирая. На днях неудачно застрелился аристократ офицер, жених одной знакомой нам барышни. Отец этого жениха, генерал, не идет в больницу навестить сына и не пойдет до тех пор, пока не узнает, как свет отнесся к самоубийству его сына…

Я получил Пушкинскую премию! Эх, получить бы эти 500 рублей летом, когда весело, а зимою они пойдут прахом.

Завтра сажусь писать рассказ для Гаршинского сборника. Буду стараться. Когда он выльется в нечто форменное, то я уведомлю Вас и обеспечу обещанием. Готов он будет, вероятно, не раньше будущего воскресенья. Я теперь волнуюсь и плохо работаю.

Один экз«емпляр» сборника запишите Линтваревым, другой артисту Ленскому… Впрочем, я пришлю списочек своих подписчиков. Какая цена сборнику?

Светлову ответ давно уже послан.

"Цепи" Сумбатова хороши. Ленский играет Пропорьева великолепно. Будьте здоровы и веселы. Премия выбила меня из колеи. Мысли мои вертятся так глупо, как никогда. Мои все кланяются Вам, а я кланяюсь Вашим. Холодно.

Ваш А. Чехов. * вдруг, неожиданно (лит.).

498. Е. М. ЛИНТВАРЕВОЙ

9 октября 1888 г. Москва.

9 октябрь.

Простите, уважаемый товарищ, что я пишу Вам на простой бумаге. Почтовой не оказалось в столе ни единого листика, а ждать, когда принесут из лавочки, некогда.

Я насчет плахт. В цене, пожалуйста, не беспокойтесь. Я назначил Вам цифры, потому что не имею понятия о цене. Выбирая плахты, останавливайте свой выбор предпочтительно на темных и линючих цветах. Простите, милый доктор, за беспокойство! Если Вы сердитесь, то напишите мне ругательное письмо: я прочту его и смиренно прижму к сердцу.

Гаршинский сборник выйдет в декабре. Задержка от беллетристов, которые едва ли дадут что-нибудь путное. Я тоже даю.

Рассказ в 2 1/4 листа уже послан в "Сев«ерный» вестник". Начало и конец читаются с интересом, но середина - жеваная мочалка. Не хватило пороху!

В моей печке воет жалобно ветер. Что-то он, подлец, говорит, но что - не пойму никак.

Получил я известие, что Академия наук присудила мне Пушкинскую премию в 500 р. Это, должно быть, известно уже Вам из газетных телеграмм. Официально объявят об этом 19-го окт«ября» в публичном заседании Академии с подобающей случаю классической торжественностью. Это, должно быть, за то, что я раков ловил.

Премия, телеграммы, поздравления, приятели, актеры, актрисы, пьесы - все это выбило меня из колеи. Прошлое туманится в голове, я ошалел; тина и чертовщина городской, литераторской суеты охватывают меня, как спрут-осьминог. Все пропало! Прощай лето, прощайте раки, рыба, остроносые челноки, прощай моя лень, прощай голубенький костюмчик.

Прощай, покой, прости, мое довольство!

Все, все прости! Прости, мой ржущий конь,

И звук трубы, и грохот барабана,

И флейты свист, и царственное знамя,

Все почести, вся слава, все величье

И бурные тревоги славных войн!

Простите вы, смертельные орудья,

Которых гул несется по земле,

Как грозный гром бессмертного Зевеса!

Если когда-нибудь страстная любовь выбивала Вас из прошлого и настоящего, то то же самое почти я чувствую теперь. Ах, нехорошо все это, доктор, нехорошо! Уж коли стал стихи цитировать, то, стало быть, нехорошо!

Однако боюсь надоесть Вам. Будьте здоровы и веселы. Александре Васильевне почтительно целую руку, а всем прочим посылаю сердечный привет.

Суворин забыл у меня очки. Сопричислил их к сорочке Плещеева и брючкам Баранцевича. Музей растет.

Ваш А. Чехов.

Написал, чтобы Вам выслали Гаршинский сборник.

499. А. Н. ПЛЕЩЕЕВУ

10 октября 1888 г. Москва.

10 окт.

Приехал Жорж Линтварев и играет у нас на пианино. Послезавтра едет в Питер. Жан Щеглов уже выбыл.

Милый Алексей Николаевич, нельзя ли прислать корректурку моего рассказа? Я ничего не прибавлю, но кое-что, быть может, исправлю и вычеркну. Во-вторых, не замолвите ли Вы словечко, чтобы мне поскорее выслали гонорарий? Чахну!

Я в плохом настроении: у меня кровохарканье. Вероятно, пустяки, но все-таки неприятно.

Сегодня на Кузнецком в присутствии сестры обвалилась высокая кирпичная стена,

упала через улицу и подавила много людей.

Будьте здоровы. Привет Вашим. Мои все кланяются.

Ваш А. Чехов.

500. А. С. СУВОРИНУ

10 октября 1888 г. Москва.

10 октябрь.

Известие о премии имело ошеломляющее действие. Оно пронеслось по моей квартире и по Москве, как грозный гром бессмертного Зевеса. Я все эти дни хожу, как влюбленный; мать и отец несут ужасную чепуху и несказанно рады, сестра, стерегущая нашу репутацию со строгостью и мелочностью придворной дамы, честолюбивая и нервная, ходит к подругам и всюду трезвонит. Жан Щеглов толкует о литературных Яго и о пятистах врагах, каких я приобрету за 500 руб. Встретились мне супруги Ленские и взяли слово, что я приеду к ним обедать; встретилась одна дама, любительница талантов, и тоже пригласила обедать; приезжал ко мне с поздравлением инспектор Мещанского училища и покупал у меня "Каштанку" за 200 руб., чтоб "нажить"… Я думаю так, что даже Анна Ивановна, не признающая меня и Щеглова наравне с Расстрыгиным, пригласила бы меня теперь обедать. Иксы, Зеты и Эны, работающие в "Будильниках", в "Стрекозах" и "Листках", переполошились и с надеждою взирают на свое будущее. Еще раз повторяю: газетные беллетристы второго и третьего сорта должны воздвигнуть мне памятник или по крайней мере поднести серебряный портсигар; я проложил для них дорогу в толстые журналы, к лаврам и к сердцам порядочных людей. Пока это моя единственная заслуга, все же, что я написал и за что мне дали премию, не проживет в памяти людей и десяти лет.

Мне ужасно везет. Лето я провел великолепно, счастливо, истратив почти гроши и не наделав особенно больших долгов. Улыбались мне и Псел, и море, и Кавказ, и хутор, и книжная торговля (я ежемесячно получал за свои "Сумерки"). В сентябре я отработал половину долга и написал повестушку в 2 j листа, что дало мне больше 300 р. Вышло 2-е издание "Сумерек". И вдруг, точно град с неба, эта премия!

Так мне везет, что я начинаю подозрительно коситься на небеса. Поскорее спрячусь под стол и буду сидеть тихо, смирно, не возвышая голоса. Пока не решусь на серьезный шаг, т. е. не напишу романа, буду держать себя в стороне тихо и скромно, писать мелкие рассказы без претензий, мелкие пьесы, не лезть в гору и не падать вниз, а работать ровно, как работает пульс Буренина:

Я послушаюсь того хохла, который сказал: "колы б я був царем, то украв бы сто рублив и утик". Пока я маленький царек в своем муравейнике, украду сто рублей и убегу. Впрочем, кажется, я уж начинаю писать чепуху. Теперь обо мне говорят. Куй железо, пока горячо. Надо бы напечатать объявление об обеих моих книгах раза три подряд теперь и 19-го, когда о премии будет объявлено официально. 500 рублей я спрячу на покупку хутора. Книжная выручка пойдет туда же. Что мне делать с братом? Горе да и только. В трезвом состоянии он умен, робок, правдив и мягок, в пьяном же - невыносим. Выпив 2-3 рюмки, он возбуждается в высшей степени и начинает врать. Письмо написано им из страстного желания сказать, написать или совершить какую-нибудь безвредную, но эффектную ложь. До галлюцинаций он еще не доходил, потому что пьет сравнительно немного. Я по его письмам умею узнавать, когда он трезв и когда пьян: одни письма глубоко порядочны и искренни, другие лживы от начала до конца. Он страдает запоем - несомненно. Что такое запой? Этот психоз такой же, как морфинизм, онанизм, нимфомания и проч. Чаще всего запой переходит в наследство от отца или матери, от деда или бабушки. Но у нас в роду нет пьяниц. Дед и отец иногда напивались с гостями шибко, но это не мешало им благовременно приниматься за дело или просыпаться к заутрене. Вино делало их благодушными и остроумными; оно веселило сердце и возбуждало ум. Я и мой брат учитель никогда не пьем solo, не знаем толку в винах, можем пить сколько угодно, но просыпаемся с здоровой головой. Этим летом я и один харьковский профессор вздумали однажды напиться. Мы пили, пили и бросили, так как ничего у нас не вышло; наутро проснулись как ни в чем не бывало. Между тем Александр и художник сходят с ума от 2-3 рюмок и временами жаждут выпить… В кого они уродились, бог их знает. Мне известно только, что Александр не пьет зря, а напивается, когда бывает несчастлив или обескуражен чем-нибудь. Я не знаю его адреса. Если Вас не

затруднит, то, пожалуйста, пришлите его домашний адрес. Я напишу ему политично-ругательно-нежное письмо. На него мои письма действуют.

Рад, что моя передовая пригодилась. Рассказ о молодом человеке и о проституции, о котором я говорил Вам, посылается в Гаршинский сборник.

На душе у меня непокойно. Впрочем, все это пустяки. Поклон и привет всем Вашим. Список врачей я послал в календарь. Пришлось переделать все. Если позволите, я в будущем году возьму на себя всю календарную медицину. Летом займусь в охотку. Будьте здоровы и покойны.

Ваш А. Чехов.

Маслов пишет мне: "2-й раз мне передают Ваш совет жениться. Что значит этот совет, благородный сэр?"

Посылаю рассказ учителя Ежова. Рассказ так же незрел и наивен, как его героиня Леля, - этим он хорош. Все деревянное я вычеркнул.

Если рассказ не сгодится, то не бросайте. Мой протеже будет уязвлен.

501. А. К. ШЕЛЛЕРУ-МИХАЙЛОВУ

10 октября 1888 г. Москва.

Сердечно Вас поздравляем и пьем весело Ваше здоровие.

Иван Щеглов.

Антон Чехов.

502. А. Н. ПЛЕЩЕЕВУ

10 или 11 октября 1888 г. Москва.

Неужели и в последнем рассказе не видно "направления"? Вы как-то говорили мне, что в моих рассказах отсутствует протестующий элемент, что в них нет симпатий и антипатий… Но разве в рассказе от начала до конца я не протестую против лжи? Разве это не направление? Нет? Ну, так значит, я не умею кусаться или я блоха…

Цензуру я боюсь. Она вычеркнет то место, где я описываю председательство Петра Дмитрича. Ведь нынешние председатели в судах все такие!

Ах, как я Вам надоел!

А. Чехов.

503. Ал. П. ЧЕХОВУ 13 октября 1888 г. Москва.

13 октябрь.

Пьяница!

Хождение твое в Академию не пропало даром: премию я получил. Так как и ты принимал участие в увенчании меня лаврами, то часть моего сердца посылается и тебе. Возьми сию часть и скушай.

Ты человек совсем не коммерческий. В том №, где было объявлено о премии, нужно было поместить крупное объявление о моих книжках. Имей в виду, что о премии будет объявлено официально 19-го октября. Стало быть, объявление о книгах должно быть и 19 и 20.

Суворин известил меня, что тебя вздул какой-то офицер, к«ото»рый якобы кстати обещался заодно уж поколотить и Федорова и Суворина. Извещая меня о таковой семейной радости, Суворин благодушно, a la Митрофан Егорович, вопрошает: "Что

это такое запой? У меня тоже тесть пил запоем…" и проч. Я объяснил ему, что такое запой, но галлюцинацию отверг. "Офицера" я объяснил иначе. Я написал, что в пьяном образе ты склонен к гиперболам и экстазу: ты туманишься, забываешь чин свой и звание, оттягиваешь вниз губу, несешь чепуху, кричишь всему миру, что ты Чехов, и наутро рвешь… Вечером и ночью врешь, а утром рвешь… Просил я его, чтоб он тебя уволил или отдал под надзор Жителя.

Недавно я послал Суворину передовую. Напечатали и еще попросили. Передовых писать я не буду, но тебе советую приняться за них. Они сразу поставят тебя на подобающее место.

NB. Когда бываешь выпивши, не прячь этого от редакции и не оправдывайся. Лучше начистоту действовать, как действовали тесть Суворина, Гей и Житель. А главное - старайся прочно пригвоздиться к делу, тогда никто не поставит удаль в укор молодцу.

Да и на какой леший пить? Пить так уж в компании порядочных людей, а не solo и не черт знает с кем. Подшофейное состояние - это порыв, увлечение, так и делай так, чтоб это было порывом, а делать из водки нечто закусочно-мрачное, сопливое, рвотное - тьфу!

Все наши здравствуют. М. М. Чохов женится на купеческой девице и берет 10 т«ысяч» приданого, чего и тебе желаю.

Если не затруднит, вышли мне посылкою с доставкой обеих моих книг по 5 экз. Если типография познакомит меня с расходами по изданию "Рассказов", то буду польщен.

К посылке приобщи 1 экз. "По пути" Бежецкого; попроси у автора: пусть украсит свою книгу факсимиле.

В отношениях с людьми побольше искренности и сердца, побольше молчания и простоты в обращении. Будь груб, когда сердит, смейся, когда смешно, и отвечай, когда спрашивают. Отец улыбался покупателям в гостям даже тогда, когда его тошнило от швейцарского сыра; отвечал он Покровскому, когда тот вовсе ни о чем его не спрашивал, писал в прошении к Алферачихе и в письме к Щербине то, чего писать не следовало… Ты ужасно похож в этом отношении на фатера! Например, если в самом деле тебя вздул офицер, то зачем трезвонить об этом? Вздул, ну так тому и быть, а редакция тут ни при чем - ни помочь, ни сама уберечься от побоев она не может.

Если мы будем сносно торговать книгами, то купим хутор. Копи деньги: за 600 рублей я могу купить тебе клочок земли в таком месте, какое тебе никогда не снилось. Если я куплю хутор, то разделю земли на части, и каждая часть обойдется не дороже 500-600 руб. Сносная постройка, в которой жить можно, стоит тоже не больше 500-600 руб., судя по количеству комнат. На каждую комнату полагай 100 руб.

Будь здоров и кланяйся цуцыкам.

Твой А. Чехов.

504. А. С. СУВОРИНУ

14 октября 1888 г. Москва.

14 окт.

Еще раз здравствуйте, Алексей Сергеевич! Жан Щеглов, вероятно, вчера или сегодня передал Вам мое письмо со вложением рассказа моего протеже Ежова. Сегодня пишу ответ на Ваше последнее письмо. Сначала о кровохарканье… Впервые я заметил его у себя 3 года тому назад в Окружном суде: продолжалось оно дня 3- 4 и произвело немалый переполох в моей душе и в моей квартире. Оно было обильно. Кровь текла из правого легкого. После этого я раза два в год замечал у себя кровь, то обильно текущую, т. е. густо красящую каждый плевок, то не обильно… Третьего дня или днем раньше - не помню, я заметил у себя кровь, была она и вчера, сегодня ее уже нет. Каждую зиму, осень и весну и в каждый сырой летний день я кашляю. Но все это пугает меня только тогда, когда я вижу кровь: в крови, текущей изо рта,

есть что-то зловещее, как в зареве. Когда же нет крови, я не волнуюсь и не угрожаю русской литературе "еще одной потерей". Дело в том, что чахотка или иное серьезное легочное страдание узнаются только по совокупности признаков, а у меня-то именно и нет этой совокупности. Само по себе кровотечение из легких не серьезно; кровь льется иногда из легких целый день, она хлещет, все домочадцы и больной в ужасе, а кончается тем, что больной не кончается - и это чаще всего. Так и знайте на всякий случай: если у кого-нибудь, заведомо не чахоточного, вдруг пойдет ртом кровь, то ужасаться не нужно. Женщина может потерять безнаказанно половину своей крови, а мужчина немножко менее половины.

Если бы то кровотечение, какое у меня случилось в Окружном суде, было симптомом начинающейся чахотки, то я давно уже был бы на том свете - вот моя логика.

Что касается брата, то я должен только благодарить Вас. Согласитесь, что было бы нехорошо, если бы галлюцинирующий или запойно лгущий человек был бы оставлен без всякой нравственной поддержки. Вы написали мне, я написал ему, и оба мы сделали так, как нужно. Если бы не Ваше письмо о брате, то многое мне не было бы понятно, а это хуже всяких огорчений.

Целые сутки мой жилец-гимназист, внук Ашанина, пролежал в постели с темпер«атурой» в 40°, с головной болью и с бредом. Представьте всеобщий ужас, а в особенности мой! Его мать такая симпатичная женщина, каких мало. Меня мучил вопрос: посылать ей телеграмму или нет? Телеграмма ошеломила бы ее - мальчишка у нее единственный сын, - а не послать телеграммы- не имею права. К счастью, птенец ожил, и вопрос решился сам собою. Кстати: приходил из гимназии классный наставник птенца, человек забитый, запуганный циркулярами, недалекий и ненавидимый детьми за суровость (у него прием: взять мальчика за плечи и трепать его; представьте, что в Ваши плечи вцепились руки человека, которого Вы ненавидите). Он у меня конфузился, ни разу не сел и все время жаловался на начальство, которое их, педагогов, переделало в фельдфебелей. Оба мы полиберальничали, поговорили о юге (оказались земляками), повздыхали… Когда я ему сказал: - А как свободно дышится в наших южных гимназиях! - он безнадежно махнул рукой и ушел.

Классные наставники обязаны посещать квартиры учеников; положение их дурацкое, особенно когда, придя к ученику, они застают толпу гостей: конфуз всеобщий.

О "Севильском обольстителе" я поговорю у Корта, позондирую актеров, но едва ли поставят! Ведь нужны специальные декорации и костюмы, а Корш скупехонек. И играть у него некому. Посоветуйте Маслову, если нет времени писать комедии, приняться за водевили… Ведь между большой пьесой и одноактной разница только количественная. Напишите и Вы потихоньку водевиль* (с псевдонимом), кстати, я запишу Вас в Драматич«еское» общество.

Будьте здоровы.

Ваш А. Чехов.

Образчик писем, получаемых братом-учителем:

Многоуважаемый Иван Павлович!

Честь имею сообщить Вам, что мой сын, Николай Ренский, не был 12-го дня сего месяца в классе по нашему настоянию. 11-го дня вечером он был в церкви, смотрел свадьбу и был заперт, по недосмотру трапезника, в церкви. Чрез 2 часа мы его, после долгих поисков, привели домой. Из боязни, что испуг мог воздействовать расслабляющим образом на его нервную систему, мы на другой день оставили его дома, чтобы ему успокоиться. 1888 г. Окт. 13 дня.

Покорный Ваш слуга

Диакон Димитрий Никифорович Ренский.

*одноактную драму или комедию.

505. А. Н. МАСЛОВУ (БЕЖЕЦКОМУ)

Середина октября 1888 г. Москва.

Отвечаю на Ваше второе письмо. "Севильский обольститель" написан стихами, требует специальных декораций и костюмов и, во всяком случае, не 2-3 репетиций, а больше; поэтому Коршу он не ко двору. У него в ходу легкие пьесы водевильного свойства в 3-4 акта, с гостиными, с террасами, выходящими в сад, с острящими лакеями и неизбежными вдовушками. Актер Градов-Соколов, пользующийся в театре Корша генерал-губернаторской властью, имел дерзость поставить "Тартюфа". Когда его спросили, зачем он это делает, он сказал: "Что ж поделаешь, голубчик? Пресса этого хочет"…

К тому же Петипа, которого ошикала Москва, собирается уезжать в Петербург.

Вы напишите легкую комедию в 3-4-х актах из жизни интеллигентных людей среднего полета. Военный элемент (за исключением отставных) цензурою вычеркивается. Если у Вас нет времени заняться большой пьесой, то напишите что-нибудь одноактное. В этот сезон у меня пойдут две одноактных штуки: одна у Корша, другая на казенной сцене. Обе написаны между делом. Театра я не люблю, скоро утомляюсь, но водевили люблю смотреть. Верую я в водевиль и как автор: у кого есть 25 десятин земли или 10 сносных водевилей, того я считаю обеспеченным человеком - вдова его не умрет с голоду.

Когда Вы напишете что-нибудь, то вот Вам самый короткий и скорый путь к лаврам: пьесу Вы отсылаете в цензуру с письмом М. П. Федорова, который знаком с Крюковским, секретарем драмат«ической» цензуры. Взяв из цензуры, Вы немедленно отдаете экземпляр Базарову (Графский пер., Театральная библиотека) для литографии и рассылки по провинции; одновременно же высылаете мне копию с этого экземпляра, скрепленную подписью цензора, дабы я мог поставить пьесу у Корша; как только выйдет афиша, я запишу Вас в члены Драмат«ического» общества, а оно к Новому году вышлет Вам 63 р. 33 коп., и Вы будете приятно удивлены, когда увидите, что Ваша пьеса шла в Саратове, в Новороссийске, в Иркутском офицерском собрании, в Шклове, в Карсе…

Кто жует пьесы, бог их ведает, но только в прошлый сезон Общество собрало авторских около 85000 р. В этом году соберет около 100 т«ысяч», причем на долю щегловских "Гор Кавказа" пришлось около тысячи и придется в этом году столько же.

Если водевиль выйдет плох, то не стесняйтесь и валяйте псевдоним. Провинция все скушает. Старайтесь только, чтобы роли были. Чем проще обстановка и чем меньше действ«ующих» лиц, тем чаще идет водевиль.

Будьте здоровы.

Ваш А. Чехов.

506. А. Н. ПЛЕЩЕЕВУ

17 октября 1888 г. Москва.

17 октябрь.

Милый Алексей Николаевич, обращаюсь к Вам с просьбой. На сих днях Жан Щеглов притащит к Вам мою одноактную пьесу "Калхас", или "Лебединая песня". Нельзя ли прочесть ее в Литературном комитете и пропустить? Достоинства в пьесе отсутствуют; значения ей я не придаю никакого, но дело в том, что Ленскому хочется во что бы то ни стало сыграть ее на Малой сцене. Прошу не столько я, сколько Ленский. Если же не пропустите, то на том свете Вам достанется от Люцифера и аггелов его, я же лично ничего не буду иметь против. Власть, ю же даде Вам бог, я почитаю и прекословить ей не стану. Если когда-нибудь я буду членом Комитета, то буду налагать veto безжалостно.

Безденежье одолело, вою волком, но что делать? На нет и суда нет. Попросите Анну Михайловну, чтобы она не беспокоилась.

Жорж уже был у Вас.

В Москве нет ничего нового. Скучно и грустно, и серо, и свинцово…

Будьте здоровехоньки и поклонитесь Вашим. Моя фамилия шлет Вам свой привет.

Ваш А. Чехов.

507. А. С. СУВОРИНУ

18 октября 1888 г. Москва.

18 октября.

Начало пьесы получил. Благодарю Вас. Благосветлов войдет целиком, как он есть. Вы его сделали хорошо: он утомляет и раздражает с первых же слов, а если публика будет слушать его 3-5 минут подряд, то получится именно то впечатление, какое нужно. Зритель будет думать: "Ах, да замолчи ты, пожалуйста!" Этот человек, т. е. Благосветлов, должен действовать на зрителей и как умный, подагрический брюзга и как скучная музыкальная пьеса, которую долго играют. Насколько он удался у Вас, Вы, я думаю, увидите, когда я набросаю первое действие и пришлю Вам.

В Анучине я оставлю фамилию и "все такое", разговор же его надо подмаслить немножко. Анучин натура рыхлая, масленистая, любящая, и речь его тоже рыхлая, масленистая, а у Вас он слишком отрывист и недостаточно благодушен. Надо, чтобы от этого крестного отца веяло старостью и ленью. Ему лень слушать Благосветлова; вместо того чтобы спорить, он охотнее подремал бы и послушал рассказов о Питере, о царе, о литературе, о науке или закусил бы в хорошей компании…

Напоминаю Вам афишу нашей пьесы:

1) Александр Платоныч Благосветлов, член Государственного совета, имеет Белого Орла, получает пенсии 7200 руб.; происхождения поповского, учился в семинарии. Положение, которое он занимал, добыто путем личных усилий. В прошлом ни одного пятна. Страдает подагрой, ревматизмом, бессонницей, шумом в ушах. Недвижимое получил в приданое. Имеет ум положительный. Не терпит мистиков, фантазеров, юродивых, лириков, святош, не верует в бога и привык глядеть на весь мир с точки зрения дела. Дело, дело и дело, а все остальное - вздор или шарлатанство.

2) Борис, его сын-студент, юнец, очень нежный, очень честный, но ни бельмеса не смыслящий в жизни. Вообразив себя однажды народником, он вздумал одеться мужиком и нарядился турком. Играет отлично на рояли, поет с чувством, пишет тайком пьесы, влюбчив, тратит массу денег и всегда говорит вздор. Учится плохо.

3) Дочь Благосветлова, но только, пожалуйста, не Саша. Это имя мне надоело уже в "Иванове". Коли сын Борис, то дочка пусть будет Настя. (Пусть мы Боре и Насте воздвигнем памятник нерукотворный…) Насте 23-24 года. Она отлично образованна, умеет мыслить… Петербург ей скучен, деревня тоже. Не любила ни разу в жизни. Ленива, любит философствовать, читает книги лежа; хочет выйти замуж только ради разнообразия и чтобы не остаться в старых девах. Говорит, что может влюбиться только в интересного человека. За Пушкина или Эдисона она вышла бы с удовольствием, она бы влюбилась, но за хорошего человека она пойдет только от скуки: мужа будет уважать, а детей любить. Увидев и послушав Лешего, она отдается страсти до nec plus ultra*, до судорог, до глупого, беспричинного смеха. Порох, подмоченный петербургской тундрой, высыхает под солнцем и вспыхивает с страшной силой… Любовное объяснение я придумал феноменальное.

4) Анучин, старик. Считает себя самым счастливым человеком в свете. Сыновья его в люди вышли, дочки замужем, а сам он - вольная птица. Никогда не лечился, никогда не судился, орденов не носил, забывает часы заводить и со всеми приятель. Ужинает плотно, спит отлично, пьет много и без последствий, на старость свою сердится, о смерти не умеет думать. Когда-то хандрил и брюзжал, имел плохой аппетит и интересовался политикой, но случай спас его: однажды по какому-то поводу, лет 10 тому назад, ему пришлось на земском собрании попросить у всех прощения - после этого он вдруг почувствовал себя весело, захотел есть и, как натура субъективная, общественная до мозга костей, пришел к тому заключению, что абсолютная искренность, вроде публичного покаяния, есть средство от всех болезней. Это средство рекомендует он всем, между прочим, и Благосветлову.

5) Виктор Петрович Коровин, помещик лет 30-33, Леший. Поэт, пейзажист, страшно чувствующий природу. Как-то, будучи еще гимназистом, он посадил у себя во дворе березку; когда она позеленела и стала качаться от ветра, шелестеть и бросать маленькую тень, душа его наполнилась гордостью: он помог богу создать новую березу, он сделал так, что на земле стало одним деревом больше! Отсюда начало его своеобразного творчества. Он воплощает свою идею не на полотне, не на бумаге, а на земле, не мертвой краской, а организмами… Дерево прекрасно, но мало этого, оно имеет право на жизнь, оно нужно, как вода, как солнце, как звезды. Жизнь на земле немыслима без деревьев. Леса обусловливают климат, климат влияет на характер людей и т. д., и т. д. Нет ни цивилизации, ни счастья, если леса трещат под топором, если климат жесток и черств, если люди тоже жестки и черствы… Будущее ужасно! Насте нравится он не за идею, которая ей чужда, а за талант, за страсть, за широкий размах идеи… Ей нравится, что он размахнулся мозгом через всю Россию и через десять веков вперед. Когда он прибегает к ее отцу и со слезами, всхлипывая, умоляет его, чтобы он не продавал своего леса на сруб, она хохочет от восторга и счастья, что наконец увидела человека, в которого не верила раньше, когда узнавала его черты в мечтах и в романах…

6) Галахов, сверстник Лешего, но уже статский советник, очень богатый человек, служащий вместе с Скальковским. Чиновник до мозга костей и отделаться от этого чиновничества своего никак не может, ибо оно унаследовано от дедов с плотью и кровью… Хочется ему жить сердцем, но не умеет. Старается понимать природу и музыку, но не понимает. Человек честный и искренний, понимающий, что Леший выше его, и открыто сознающийся в этом. Хочет жениться по любви, думает, что он влюблен, настраивает себя на лирический топ, но ничего у него не выходит. Настя нравится ему только как красивая, умная девушка, как хорошая жена, и больше ничего.

7) Василий Гаврилович Волков, брат покойной жены Благосветлова. Управляет именьем последнего (свое прожил во время оно). Жалеет, что не крал. Он не ожидал, что петербургская родня так плохо будет понимать его заслуги. Его не понимают, не хотят понять, и он жалеет, что не крал. Пьет виши и брюзжит. Держит себя с гонором. Подчеркивает, что не боится генералов. Кричит.

8) Люба, его дочь. Эта о земном печется. Куры, утки, ножи, вилки, скотный двор, премия "Нивы", которую нужно вставить в раму, угощение гостей, обеды, ужины, чай - ее сфера. Считает личным оскорблением для себя, если кто-нибудь вместо нее берется наливать чай: "А, стало быть, я уж не нужна в этом доме?" Не любит тех, кто сорит деньгами и не занимается делом. Преклоняется перед Галаховым за его положительность. Вы не так ее выпустили. Нужно, чтоб она вышла из глубины сада взволнованная и подняла крик: "Как смели Марья и Акулина оставить индюшат ночевать в росе?" или что-нибудь вроде. Она всегда строгая. Строга и с людьми и с утками. Настоящие хозяйки никогда не восхищаются дедами рук своих, а, напротив, стараются доказать, что жизнь у них каторжная, отдохнуть, прости господи, некогда, все сидят сложа руки и только она, бедная, выбивается из сил… Настю и Бориса отчитывает за дармоедство, а Благосветлова боится.

9) Семен, мужик, приказчик у Лешего.

10) Странник Феодосий, старик 80 лет, но еще не седой. Николаевский солдат, служил на Кавказе и говорит по-лезгински. Сангвиник. Любит анекдоты и веселые разговоры; кланяется всем в ноги, целует в плечико и насильно целует дам. Послушник Афонского монастыря. Собрал на своем веку 300 тысяч и все до копейки отослал в монастырь, сам же нищенствует. Пускает дурака и подлеца, не стесняясь ни чином, ни местом.

Вот Вам и вся афиша. Не позже Рождества Вы получите мой материал для первого действия. Благосветлова я не трону. Он и Галахов Ваши, я от них отрекаюсь; добрая половина Насти Ваша. Я один с ней не справлюсь. Борис не важен, его одолеть не трудно. Леший до четвертого акта мой, а в четвертом до беседы с Благосветловым Ваш. В этой беседе я должен буду держаться общего тона фигуры, тона, которого Вы не поймаете.

Второй акт (гости) начнете опять Вы.

Феодосий - эпизодическое лицо, которое, думаю, понадобится: мне хочется, чтобы Леший на сцене не был одинок, чтобы Благосветлов почувствовал себя окруженным

юродивыми. Я пропустил в афише m-lle Эмили, старуху француженку, которая тоже в восторге от Лешего. Нужно показать, как гг. Лешие действуют на женщин. Эмили добрая старушка, гувернантка, не потерявшая еще своего электричества. Когда бывает возбуждена, мешает французский язык с русским. Терпеливая сиделка Благосветлова. Она Ваша. Для нее в первом явлении я оставлю пробелы…

Видаюсь каждый день с Алексеем Алексеевичем. Из архитектора он превратился в ревизора. Боголепов стал еще боголепее… Сегодня один из счетчиков в разговоре со мной назвал его "субботой"…

Если бы Иисус Христос был радикальнее и сказал: "Люби врага, как самого себя", то он сказал бы не то, что хотел. Ближний-понятие общее, а враг-частность. Беда ведь не в том, что мы ненавидим врагов, которых у нас мало, а в том, что недостаточно любим ближних, которых у нас много, хоть пруд пруди. "Люби врага, как самого себя", пожалуй, сказал бы Христос, если бы был женщиной. Женщины любят выхватывать из общих понятий яркие, бьющие в глаза частности. Христос же, стоявший выше врагов, не замечавший их, натура мужественная, ровная и широко думающая, едва ли придавал значение разнице, какая есть в частностях понятия "ближний". Мы с Вами субъективны. Если нам говорят, например, вообще про животных, то мы сейчас же вспоминаем про волков и крокодилов, или же про соловьев и красивых козулей; для зоолога же не существует разницы между волком и козулей: для него она слишком ничтожна. Понятие "газетное дело" Вы усвоили себе в широкой степени; частности, которые заставляют волноваться публику, Вам представляются ничтожными… Вы усвоили себе общее понятие, и потому газетное дело удалось Вам; те же люди, которые сумели осмыслить только частности, потерпели крах… В медицине то же самое. Кто не умеет мыслить по-медицински, а судит по частностям, тот отрицает медицину; Боткин же, Захарьин, Вирхов и Пирогов, несомненно, умные и даровитые люди, веруют в медицину, как в бога, потому что выросли до понятия "медицина". То же самое и в беллетристике. Термин "тенденциозность" имеет в своем основании именно неуменье людей возвышаться над частностями.

Однако я исписываю уж 3-й лист. Ночь. Простите, пожалуйста. Поклон всем Вашим.

Я совершенно здоров.

Ваш А. Чехов.

О пьесе никому не говорите. * крайней степени (лат.).

508. А. С. КИСЕЛЕВУ

20 октября 1888 г. Москва.

20 окт.

Милый Барин!

Все обстоит благополучно, и дела если не превосходны, то во всяком случае нормальны. Наблюдая Вашего Финика, я все более прихожу к убеждению, что бабкинский климат с его вечернею сыростью ему вреден. В Москве он чувствует себя великолепно. Ни кашля, ни жара. Остались одни только помещицкие болезни: то пузико болит, то в горле от крика чешется, то под ложечкой ломит. Недавно он перепугал меня ужасно. В один прекрасный вечер приходит он ко мне и желает спокойной ночи. Гляжу на часы: только 8. Спрашиваю: зачем так рано? Уныло молчит и идет к себе наверх. Во втором часу ночи ко мне является мать и с таинственно-испуганной миной заявляет мне, что Сережа сейчас просил пить. Я делаю распоряжение, чтобы утром его не пускали в гимназию. Утром прихожу наверх. Финик лежит под одеялом. Лицо красное, temper. 39°. Неохотно говорит, вял, слаб, жалуется на бессонницу и на головную боль. Мать в ужасе, сестра смотрит на меня громадными глазами…

Тиф? Дифтерит? Экзаменую Финика и мать; оказывается, что вчера был соус из почек. Даю касторки… Вечером мой больной уже изображает следующее: 36,5°, на животе кошка; мышцы живота прыгают и подбрасывают кошку - это называется миной. Утром Финик уже прыгает и вешается всем на шею, как ни в чем не бывало. Является классный наставник Козачков и, полиберальничав со мною, с миром удаляется.

Других ужасов не было.

Не пишет он писем по простой причине: не умеет. Написать письмо для него подвиг. Чтобы писать письма, нужно привыкнуть, а он до сих пор в своих писаниях не был ни разу самостоятелен и, как все первоклассники, не решался идти дальше копирования.

Сейчас ждут в Москве государя. Всех студентов, гимназистов и гимназисток погнали в Кремль. Значит, погнали и Финика, чему я очень рад, хотя и знаю, что он озябнет. Всякие треволнения, усилия и форсированные марши для него полезны: приучают к самостоятельности и полезны для здоровья.

Все мои гости в восторге от Финика. Самое красивое в нем - это его искренность.

Поклоны всем. Спешу.

Ваш А. Чехов.

509. А. С. ЛАЗАРЕВУ (ГРУЗИНСКОМУ)

20 октября 1888 г. Москва.

20 октябрь.

Спасибо Вам, добрейший Александр Семенович, за поздравление. Насколько помню, льстецом я Вас никогда не обзывал и Вас не оспаривал; я говорил Вам только, что и великие писатели бывают подвержены риску исписаться, надоесть, сбиться с панталыку и попасть в тираж. Я лично подвержен этому риску в сильнейшей степени, чего Вы, как умный человек, надеюсь, отрицать не станете. Во-первых, я "счастья баловень безродный", в литературе я Потемкин, выскочивший из недр "Развлечения" и "Волны", я мещанин во дворянстве, а такие люди недолго выдерживают, как не выдерживает струна, которую торопятся натянуть. Во-вторых, наибольшему риску сойти с рельсов подвержен тот поезд, который идет ежедневно, без остановок, невзирая ни на погоду, ни на количество топлива…

Конечно, премия - большая штука и не для меня одного. Я счастлив, что указал многим путь к толстым журналам, и теперь не менее счастлив, что по моей милости те же самые многие могут рассчитывать на академические лавры. Все мною написанное забудется через 5-10 лет; но пути, мною проложенные, будут целы и невредимы - в этом моя единственная заслуга.

Ежов молодец. Он послал уже другой "субботник".

Ваш "субботник" мне симпатичен, особенно середка, где мать учит девочку.

Напрасно Вы приложили марки.

Ваш "субботник" вручил я Суворину-фису, который пребывает теперь в Москве.

Отчего Вы раздумали подписаться Лазаревым?

Мне Ваши рассказы нравятся; с каждым годом Вы пишете все лучше и лучше, т. е. талантливее и умнее. Но Вы рискуете опоздать. Надо торопиться. Если Вы не пойдете форсированным маршем, то прозеваете: Ваше место займут другие.

NB. Ваш недостаток: в своих рассказах Вы боитесь дать волю своему темпераменту, боитесь порывов и ошибок, т. е. того самого, по чему узнается талант. Вы излишне вылизываете и шлифуете, все же, что кажется Вам смелым и резким, Вы спешите заключить в скобки и в кавычки (напр«имер» "В усадьбе"). Ради создателя, бросьте и скобки и кавычки! Для вводных предложений есть отличный знак, это двойное тире (- имярек -). Кавычки употребляются двумя сортами писателей: робкими и бесталанными. Первые пугаются своей смелости и оригинальности, а вторьте (Нефедовы, отчасти Боборыкины), заключая какое-нибудь слово в кавычки, хотят этим сказать: гляди, читатель, какое оригинальное, смелое и новое слово я придумал!

И не подражайте Вы Билибину! Надо быть мужественным, сильным, а Вы в описаниях медового месяца и т. п. вдаетесь в сантиментально-игриво-старушечий тон, свойственный Билибину. Не надо этого… Описания природы у Вас недурны; Вы хорошо делаете, что боитесь мелочности и казенщины. Но опять-таки Вы не даете воли своему темпераменту. У Вас нет поэтому оригинальности в приемах. Женщин нужно описывать так, чтобы читатель чувствовал, что Вы в расстегнутой жилетке и без галстуха, природу - то же самое. Дайте себе свободы.

Будьте здоровы. Поклон Вашей жене. Я жив и здрав.

Ваш А. Чехов.

510. Ф. О. ШЕХТЕЛЮ

20 октября 1888 г. Москва.

20 окт.

Sire! Конец Вашего письма никуда не годится: не хожу к Вам просто оттого, что ленив и привык липнуть к своему столу. Нам нужно бы поужинать, вот и все.

Что касается моего блудного брата, то опасность не так серьезна, как кажется. Он вчера перебрался от меня в "мастерскую", куда увез с собою все: портрет Розы Мейерзон, свой цилиндр, мои штаны и Ваши доски. По-видимому, он работает. Его адрес: Брюсовский пер., д. Вельтищева, Nомера Медведевой (старая история).

Он все время сидел дома, но вдруг явилась старая сводня Пальмин - и он исчез на целые сутки. Потом (дня 3 тому назад) я имел глупость взять его с собой на свадьбу: там он натрескался, как сапожник, остался и не приходил домой до вчерашнего дня. Пока он трезв - он хороший человек, но едва выпил рюмку, как начинает беситься. Моя фамилия выбилась из сил и, откровенно говоря, рада, что он съехал с квартиры.

Что делать с ним? Не знаю.

Что касается меня, то я жив, здрав, почиваю на лаврах* и безденежствую. Поклон Вашей жене.

Жму руку.

Ваш А. Чехов.

Хорошая у Вас бумага! * академических.

511. А. С. СУВОРИНУ

24 октября 1888 г. Москва.

24 окт.

Уважаемый Алексей Сергеевич, я умилился и написал заметку, которую при сем прилагаю. Тема хорошая, но заметка, кажется, опоздала и вышла слишком куцей. Такие вещи надо писать залпом, в 5 минут, а меня то и дело перебивали то визитеры, то домочадцы.

Я заказал к "Каштанке" рисунки. Еду сейчас к приятелю художнику, большому охотнику, изучившему собак до мозга костей. Попрошу его нарисовать собаку для обложки.

"Леший" годится для романа, я это сам отлично знаю. Но для романа у меня нет силы. Не приспе еще время благоприятное. Маленькую повесть написать можно.

Если бы я писал комедию "Леший", то имел бы на первом плане не актеров и не сцену, а литературность. Если бы пьеса имела литературное значение, то и на том спасибо.

Все мои Вам кланяются. Будьте здоровы. Я приеду в ноябре.

Ваш А. Чехов.

Алексей Алексеевич еще в Москве.

512. А. Н. ПЛЕЩЕЕВУ

25 октября 1888 г. Москва.

25 окт.

Спасибо Вам за "Калхаса", дорогой Алексей Николаевич! Кто у Вас переписывал второй экземпляр? Кто бы ни был этот таинственный благодетель, передайте ему мою благодарность и обещание - привезти из Москвы конфект.

Елена Алексеевна была у нас два раза; днем и вечером. Днем посидела 6 минут, а вечером 22 минуты. Обещала побывать и в третий раз, но обещания своего не исполнила. Я ей вполне сочувствую: у нас мертвецки скучно. Пока не наступил настоящий зимний сезон, веселящий элемент дремлет, а скучающий брюзжит и наводит скуку. Шум в моей квартире начинается обыкновенно с конца ноября.

Вы пишете, чтобы я про "Сев«ерный» вестник" держал в секрете. Недели 2-3 тому назад я получил письмо от некоего литератора, который подробнейшим образом описывал мне кризис, переживаемый "С«еверным» вестником"; он пишет, что о кризисе все говорили вслух на похоронах Полетики. Вот тут и извольте иметь секреты!

Если у "Сев«ерного» вестн«ика»" 4 тысячи подписчиков, то, конечно, робеть нечего! 4 тысячи - цифра настолько хорошая, что при известных усилиях и осторожности можно и капитал нажить и невинность соблюсти. По крайней мере можно обойтись без долгов. Чтобы приобрести пятую или шестую тысячу, нужно рекламировать. Без рекламы у нас все идет черепашьим шагом.

Пожалуйста, полюбуйтесь на 1-й номер "Эпохи"! Какое мальчишество! Все эти господа эпоховцы разыграли из себя таких мальчишек, что просто совестно.

Жоржинька талантливый человек. Из всех пианистов, скрипачей, дирижеров, барабанщиков и горнистов, каких только я знал на своем веку, Жоржинька единственный показался мне художником. У него есть душа, есть чутье и взгляды, он неглуп и мало испорчен предрассудками тех кружков, где ему волею судеб приходилось бывать. Главное его горе - лень и робость. Он не верит себе. Я недостаточно серьезен и недостаточно музыкален, чтобы иметь силу убедить его. Вам же он, к счастью, верит, и Ваша попытка возбудить его может иметь хорошие результаты. Я хотел бы, чтоб умная и милая линтваревская семья не прожила свой век зря. Линтваревы - прекрасный материал; все они умны, честны, знающи, любящи, но все это погибает даром, ни за понюшку табаку, как солнечные лучи в пустыне.

Теперь о зависти. Если премию мне дали в самом деле не по заслугам, то и зависть, которую она возбуждает, свободна от правды. Завидовать и досадовать имеют нравственное право те, кто лучше меня или идет рядом со мной, но отнюдь не те господа Леманы и К° для которых я собственным лбом пробил дорогу к толстым журналам и к этой же премии! Эти сукины сыны должны радоваться, а не завидовать. У них ни патриотизма, ни любви к литературе, а одно самолюбьишко. Они готовы повесить меня и Короленко за успех. Будь я и Короленко - гении, спаси мы с ним отечество, создай мы храм Соломонов, то нас возненавидели бы еще больше, потому что гг. Леманы не видят ни отечества, ни литературы - все это для них вздор; они замечают только чужой успех и свой неуспех, а остальное хоть травой порасти. Кто не умеет быть слугою, тому нельзя позволять быть господином; кто не умеет радоваться чужим успехам, тому чужды интересы общественной жизни и тому нельзя давать в руки общественное дело.

Мои все шлют Вам привет.

Ваш А. Чехов.

513. А. П. ЛЕНСКОМУ

26 октября 1888 г. Москва.

26 октябрь.

Уважаемый Александр Павлович, сегодня я был у Вас и оставил "Калхаса" и копию. Когда цензурованный экземпляр перестанет быть нужным, то, будьте добры, возьмите его от режиссера и сохраните: он пойдет к Рассохину.

Я назвал "Калхаса" "Лебединой песней". Название длинное, кисло-сладкое, но другого придумать никак не мог, хотя думал долго. Простите, что я так долго возился с пьесой. Дело в том, что ей пришлось пройти в этот раз два чистилища: драмат«ическую» цензуру и комитет. Если бы не цензура, то она давно уже была бы у Вас.

Почтение Лидии Николаевне. Желаю Вам здоровья.

Душевно преданный

А. Чехов.

514. Е. М. ЛИНТВАРЕВОЙ

27 октября 1888 г. Москва.

27 окт.

Доктор, Вы забыли написать, сколько стоят плахты. Такая скрытность меня немножко конфузит. Пожалуйста, напишите, и буде пожелаете дать какое-нибудь поручение, не церемоньтесь и давайте: я к Вашим услугам.

Премия имеет значение, так сказать, духовное. Если глядеть на нее с чиновничьей точки зрения, то она уподобляется Станиславу 3-й степени. Она казенная. Когда меня потащат служить на войну, ее запишут в мой формулярный список; главный корпусный доктор, прочитав сей список, глубокомысленно почешет у себя за ухом и промычит: "М-да…" Вот и все.

Здоровья своего я не понимаю. Дня четыре было кровохарканье, а теперь, кроме ничтожного кашля, ничего… Вы рекомендуете мне принять меры, а не называете этих мер. Принимать доверов порошок? Пить анисовые капли? Ехать в Ниццу? Не работать? Давайте, доктор, условимся: не будем больше никогда говорить ни о мерах, ни об "Эпохе"…

Весь октябрь я ничего не делал. Приводил в порядок свои сценические безделки, писал длинные письма и передовые статьи, а беллетристикой не занимался. Сегодня в "Новом времени" (среда, 26-го окт«ября» есть мой короткий вопль по адресу покойного Пржевальского - образчик моих передовиц. Таких людей, как Пржевальский, я люблю бесконечно.

Вашей фразы, где Вы говорите о "мотивах, руководящих благородными и возвышенными душами", я не понял. Если это камешек в мой огород, то, уверяю Вас, в моей пустеющей от скуки голове нет решительно никаких мотивов. Впрочем, есть только два мотива: 1) не залезть в долги и 2) дождаться скорее весны и удрать куда-нибудь из Москвы, чтобы ничего не делать. Других мотивов, задач и желаний у меня нет.

В ноябре поеду в Питер. Всем Вашим мой сердечный привет. Будьте здоровы, и да пошлет аллах к Вашему изголовью золотые сны!

Душевно преданный

А. Чехов.

Лидия Федоровна предобрейший человек. Два слова о Вашем пианисте: если он в Питере займется делом, то из него выйдет большой толк. Мое пророческое чувство меня не обманывало никогда, ни в жизни, ни в моей медицинской практике. Через

час еду на практику. Холодно.

515. А. С. СУВОРИНУ

27 октября 1888 г. Москва.

27 окт.

Ежов не воробей, а скорее (выражаясь на благородном языке охотников) он щенок, который еще не опсовел. Он еще только бегает и нюхает, бросается без разбора и на птиц и на лягушек. Определить его породу и способности пока затрудняюсь. В пользу его сильно говорят молодость, порядочность и неиспорченность в московско-газетном смысле.

Я иногда проповедую ересь, но до абсолютного отрицания вопросов в художестве еще не доходил ни разу. В разговорах с пишущей братией я всегда настаиваю на том, что не дело художника решать узкоспециальные вопросы. Дурно, если художник берется за то, чего не понимает. Для специальных вопросов существуют у нас специалисты; их дело судить об общине, о судьбах капитала, о вреде пьянства, о сапогах, о женских болезнях… Художник же должен судить только о том, что он понимает; его круг так же ограничен, как и у всякого другого специалиста, - это я повторяю и на этом всегда настаиваю. Что в его сфере нет вопросов, а всплошную одни только ответы, может говорить только тот, кто никогда не писал и не имел дела с образами. Художник наблюдает, выбирает, догадывается, компонует - уж одни эти действия предполагают в своем начале вопрос; если с самого начала не задал себе вопроса, то не о чем догадываться и нечего выбирать. Чтобы быть покороче, закончу психиатрией: если отрицать в творчестве вопрос и намерение, то нужно признать, что художник творит непреднамеренно, без умысла, под влиянием аффекта; поэтому, если бы какой-нибудь автор похвастал мне, что он написал повесть без заранее обдуманного намерения, а только по вдохновению, то я назвал бы его сумасшедшим.

Требуя от художника сознательного отношения к работе, Вы правы, но Вы смешиваете два понятия: решение вопроса и правильная постановка вопроса. Только второе обязательно для художника. В "Анне Карениной" и в "Онегине" не решен ни один вопрос, но они Вас вполне удовлетворяют, потому только, что все вопросы поставлены в них правильно. Суд обязан ставить правильно вопросы, а решают пусть присяжные, каждый на свой вкус.

Ежов еще не вырос. Другой, которого я рекомендую Вашему вниманию, А. Грузинский (Лазарев) талантливее, умнее и крепче.

Проводил я Алексея Алексеевича с наставлением - ложиться спать не позже полночи. Проводить ночи в работе и в разговорах так же вредно, как кутить по ночам. В Москве он выглядел веселей, чем в Феодосии; жили мы дружно и по средствам: он угощал меня операми, а я его плохими обедами.

Завтра у Корша идет мой "Медведь". Написал я еще один водевиль: две мужские роли, одна женская.

Вы пишете, что герой моих "Именин" - фигура, которою следовало бы заняться. Господи, я ведь не бесчувственная скотина, я понимаю это. Я понимаю, что я режу своих героев и порчу, что хороший материал пропадает у меня зря… Говоря по совести, я охотно просидел бы над "Именинами" полгода. Я люблю кейфовать и не вижу никакой прелести в скоропалительном печатании. Я охотно, с удовольствием, с чувством и с расстановкой описал бы всего моего героя, описал бы его душу во время родов жены, суд над ним, его пакостное чувство после оправдательного приговора, описал бы, как акушерка и доктора ночью пьют чай, описал бы дождь… Это доставило бы мне одно только удовольствие, потому что я люблю рыться и возиться. Но что мне делать? Начинаю я рассказ 10 сент«ября» с мыслью, что я обязан кончить его к 5 октября - крайний срок; если просрочу, то обману и останусь без денег. Начало пишу покойно, не стесняя себя, но в средине я уж начинаю робеть и бояться, чтобы рассказ мой не вышел длинен: я должен помнить, что у "Сев«ерного» вестника" мало денег и что я один из дорогих сотрудников. Потому-то начало выходит у меня всегда многообещающее, точно я роман начал; середина скомканная, робкая, а конец, как в маленьком рассказе, фейерверочный. Поневоле, делая рассказ, хлопочешь прежде всего о его рамках: из массы героев и

полугероев берешь только одно лицо - жену или мужа, - кладешь это лицо на фон и рисуешь только его, его и подчеркиваешь, а остальных разбрасываешь по фону, как мелкую монету, и получается нечто вроде небесного свода: одна большая луна и вокруг псе масса очень маленьких звезд. Луна же не удается, потому что ее можно понять только тогда, если понятны и другие звезды, а звезды не отделаны. И выходит у меня не литература, а нечто вроде шитья Тришкиного кафтана. Что делать? Не знаю и не знаю. Положусь на всеисцеляющее время.

Если опять говорить по совести, то я еще не начинал своей литерат«урной» деятельности, хотя и получил премию. У меня в голове томятся сюжеты для пяти повестей и двух романов. Один из романов задуман уже давно, так что некоторые из действующих лиц уже устарели, не успев быть написаны. В голове у меня целая армия людей, просящихся наружу и ждущих команды. Все, что я писал до сих пор, ерунда в сравнении с тем, что я хотел бы написать и что писал бы с восторгом. Для меня безразлично - писать ли "Именины", или "Огни", или водевиль, или письмо к приятелю, - все это скучно, машинально, вяло, и мне бывает досадно за того критика, который придает значение, наприм«ер», "Огням", мне кажется, что я его обманываю своими произведениями, как обманываю многих своим серьезным или веселым не в меру лицом… Мне не нравится, что я имею успех; те сюжеты, которые сидят в голове, досадливо ревнуют к уже написанному; обидно, что чепуха уже сделана, а хорошее валяется в складе, как книжный хлам. Конечно, в этом вопле много преувеличенного, многое мне только кажется, но доля правды есть, и большая доля. Что я называю хорошим? Те образы, которые кажутся мне наилучшими, которые я люблю и ревниво берегу, чтоб не потратить и не зарезать к срочным "Именинам"… Если моя любовь ошибается, то я не прав, но ведь возможно же, что она не ошибается! Я дурак и самонадеянный человек или же в самом деле я организм, способней быть хорошим писателем; все, что теперь пишется, не нравится мне и нагоняет скуку, все же, что сидит у меня в голове, интересует меня, трогает и волнует - и из этого я вывожу, что все делают не то, что нужно, а я один только знаю секрет, как надо делать. Вероятнее всего, что все пишущие так думают. Впрочем, сам черт сломает шею в этих вопросах…

В решении, как мне быть и что делать, деньги не помогут. Лишняя тысяча рублей не решит вопроса, а сто тысяч - на небе вилами писаны. К тому же, когда у меня бывают деньги (быть может, это от непривычки, не знаю), я становлюсь крайне беспечен и ленив: мне тогда море по колено… Мне нужно одиночество и время.

Простите, что я занимаю Ваше внимание своей особой. Сорвалось с пера. Почему-то я теперь не работаю.

Спасибо, что помещаете мои статейки. Ради создателя, не церемоньтесь с ними: сокращайте, удлиняйте, видоизменяйте, бросайте и делайте, что хотите. Даю Вам, как говорит Корш, карт-блянш. Я буду рад, если мои статьи не будут занимать чужого места.

Прочтите в "Стоглаве" почтовые правила - об отсылке денежных пакетов. Это Алексей Алексеевич сочиняет такие правила. Его медицинский отдел ниже всякой критики - можете передать ему это мнение специалиста!

Напишите мне, как по-латыни называется глазная болезнь Анны Ивановны. Я Вам напишу, серьезно это или нет. Если ей прописан атропин, то серьезно, хотя не безусловно. А у Насти что? Если думаете вылечиться в Москве от скуки, то напрасно: скучища страшная. Арестовано много литераторов, в том числе и всюду сующийся Гольцев, автор "Девятой симфонии". За одного из них хлопочет В. С. Мамышев, который был сегодня у меня.

Поклон всем Вашим.

Ваш А. Чехов.

У меня в комнате летает комар. Откуда он взялся?

Благодарю за глазастые объявления о моих книгах.

516. М. В. КИСЕЛЕВОЙ

2 ноября 1888 г. Москва.

2 ноября.

Уважаемая Мария Владимировна! Маша получила от Вас письмо и вкратце рассказала мне его содержание. Ваше душевное состояние вынуждает меня говорить с Вами серьезно и прямо, и я серьезно, честным словом уверяю Вас, что Сережа совершенно здоров, весел, не кашляет, что он по-прежнему хороший мальчуган, учится недурно и - короче говоря - ни в его здоровье, ни в поведении, ни в образе жизни ничего но замечается такого, что могло бы внушать хотя бы даже маленькие подозрения или опасения. Честное слово - повторяю. Он по-прежнему ходит на голове, ласков, искренен, грустит по Бабкине и жадно ждет санного пути, когда Вы приедете к нам, и Рождества, когда мы приедем к Вам.

Я обещаю, что если случится что-нибудь, немедленно, ничего не утаивая, уведомить Вас. Ведь вы знаете отлично, что я не имею права скрывать от Вас и от Алексея Сергеевича ничего, что может так или иначе угрожать Сергею.

Каждое утро, лежа в постели, я слышу, как что-то громоздкое кубарем катится вниз по лестнице и чей-то крик ужаса: это Сережа идет в гимназию, а Ольга провожает его. Каждый полдень я вижу в окно, как он в длинном пальто и с товарным вагоном на спине, улыбающийся и розовый, идет из гимназии. Вижу, как он обедает, как занимается, как шалит, и до сих пор нс видел и тени такого, что могло бы заставить меня призадуматься серьезно насчет его здоровья или чего-нибудь другого.

Вот и все.

Все у нас обстоит благополучно. Денег нет, но жду из Питера около тысячи рублей и получу ее скоро. Немножко практикую. Удалось мне написать глупый водевиль, который, благодаря тому, что он глуп, имеет удивительный успех. Васильев в "Моск«овских» вед«омостях»" обругал, остальные же и публика - на седьмом небе. В театре сплошной хохот. Вот и пойми тут, чем угодить!

Отчего Вы не пишете в "Роднике"? Писанье - отличное отвлекающее средство при мерлехлюндии.

Будьте здоровы и приезжайте при малейшей возможности: будем рады Вас видеть.

Поклон Барину и Василисе, Михаилу Петровичу и Елизавете Александровне.

Сердечно преданный

А. Чехов.

517. И. Л. ЛЕОНТЬЕВУ (ЩЕГЛОВУ)

2 ноября 1888 г. Москва.

2 ноябрь.

Милая Жанушка! Спасибо Вам за Ваши хлопоты. В долгу я у Вас по самую глотку, а когда мы поквитаемся, одному только небу ведомо.

Теперь о "Медведе". Соловцов играл феноменально, Рыбчинская была прилична и мила. В театре стоял непрерывный хохот; монологи обрывались аплодисментами. В 1-е и 2-е представление вызывали и актеров и автора. Все газетчики, кроме Васильева, расхвалили… Но, душа моя, играют Соловцов и Рыбч«инская» не артистически, без оттенков, дуют в одну ноту, трусят и проч. Игра топорная.

После первого представления случилось несчастье. Кофейник убил моего медведя. Рыбчинская пила кофе, кофейник лопнул от пара и обварил ей все лицо. Второй раз играла Глама, очень прилично. Теперь Глама уехала в Питер, и, таким образом, мой пушной зверь поневоле издох, не прожив и трех дней. Рыбчинская обещает выздороветь к воскресенью.

Теперь о Вас. Что касается "Театрального воробья", то он, кажется, пойдет. О нем был у меня разговор с Коршем, с Соловцовым же буду еще говорить, выбрав для сего

наиболее благоприятную минуту.

С "Дачным мужем" не торопитесь. Успокойте свои щеглиные нервы. Если Вы в самом деле пришли к убеждению, что III акт не нужен, то так тому и быть, но если этого убеждения нет, то зачем идти на уступки? Пусть лучше пьеса лежит в архиве, чем идти на уступки… Ведь если раз уступите, то Ваши нервы будут уступать без конца… Побольше железа!

По-моему, лучше написать две новые пьесы, чем один раз уступить. Это покойнее, выгоднее и легче. Не торопитесь, голубушка…

Я сделаюсь популярным водевилистом? Эка, хватили! Если во всю свою жизнь я с грехом пополам нацарапаю с десяток сценических безделиц, то и на том спасибо. Для сцены у меня нет любви. "Силу гипнотизма" я напишу летом - теперь не хочется. В этот сезон напишу один водевильчик и на этом успокоюсь до лета. Разве это труд? Разве тут страсть?

Видаюсь с Тихоновым. Он советует послать "Медведя" в Александринку.

Все наши здравствуют и шлют Вам свой поклон. Будьте здоровы и не хандрите.

Ваш Antoine.

518. Е. А. СЫСОЕВОЙ

2 ноября 1888 г. Москва.

2 ноябрь.

Уважаемая Екатерина Алексеевна!

Простите, что я запаздываю ответом на Ваше письмо. В последнее время у меня было много нелитературных хлопот, так что все, имеющее отношение к литературе, пришлось отложить недели на две.

Я не сдержал свое обещание - не прислал в "Родник" рассказ - по причинам, от меня не зависящим. Как мне ни грустно сознаться, но я сознаюсь: моя голова отяжелела и бедна сюжетами. За полгода я никак не мог придумать подходящего сюжета, а давать в детский журнал обычную поденщину, дебютировать с этого, мне не хотелось и не хочется. Говорю это искренно и уверяю Вас, что о нежелании моем работать у Вас не может быть и речи. Все лето я путешествовал, теперь спешу отработать авансы. Когда я почувствую себя свободным от долгов - их немного, - я стану придумывать сюжет для "Родника", теперь же прошу у Вас прощения и снисхождения.

Почтение г. Альмедингену.

Уважающий

А. Чехов.

519. А. Н. ПЛЕЩЕЕВУ

3 ноября 1888 г. Москва.

3 ноября.

Дорогой Алексей Николаевич, спешу уведомить Вас, что рассказ для Гаршинского сборника уже начат (1/4 сделана) и что я не теряю надежды участвовать в сборнике. Я прошу убедительно, если можно, дать мне одну неделю сроку. Как только рассказ будет готов, я дам Вам знать телеграммой и успокою Вас.

Прошу отсрочки и снисхождения не из лености. И нахожусь в угнетенном состоянии. Одна маленькая семейная неурядица, о которой сообщу при свидании, и безденежье, которое одолевает меня с сентября по сие время, овладели всем моим существом, и я совершенно неспособен быть покойным и работать. На душе скверно, в кармане ни

гроша, долгов гибель…

Подписчики для сборника будут. Отчего Вы не рекламируете его? Даже в последнем номере "Северного вестника" нет объявления.

Баранцевич требует для своего сборника рассказ. Он выпустит, вероятно, одновременно с вами.

Если для объявления о сборнике Вам понадобится название моего рассказа, то вот оно: "Припадок". Описываю Соболев пер«еулок» с домами терпимости, но осторожно, не ковыряя грязи и не употребляя сильных выражений.

За статью Мережковского спасибо. О ней буду писать Вам особо.

Где Короленко? Что он? Как? Что пишет?

Сейчас иду на открытие Общества искусства и литературы. Будет бал.

Мой "Медведь" прошел у Корша шумно. А опечаток в моих "Именинах" видимо-невидимо…

Как дела в "Сев«ерном» вестн«ике»"? Держитесь!

Почтение всем Вашим и Жоржу Линтвареву.

Ваш А. Чехов.

520. А. С. СУВОРИНУ

3 ноября 1888 г. Москва.

3 ноябрь.

Здравствуйте, Алексей Сергеевич! Сейчас облекаюсь во фрачную пару, чтобы ехать на открытие Общества искусств и литературы, куда я приглашен в качестве гостя. Будет форменный бал. Какие цели и средства у этого общества, кто там членом и проч. - я не знаю. Знаю только, что во главе его стоит Федотов, автор многих пьес. Членом меня не избрали, чему я очень рад, так как взносить 25 руб. членских за право скучать - очень не хочется. Если будет что-нибудь интересное или смешное, то напишу Вам; Ленский будет читать мои рассказы.

В "Сев«ерном» вестнике" (ноябрь) есть статья поэта Мережковского о моей особе. Статья длинная. Рекомендую Вашему вниманию ее конец. Он характерен. Мережковский еще очень молод, студент, чуть ли не естественник. Кто усвоил себе мудрость научного метода и кто поэтому умеет мыслить научно, тот переживает немало очаровательных искушений. Архимеду хотелось перевернуть землю, а нынешним горячим головам хочется обнять научно необъятное, хочется найти физические законы творчества, уловить общий закон и формулы, по которым художник, чувствуя их инстинктивно, творит музыкальные пьесы, пейзажи, романы и проч. Формулы эти в природе, вероятно, существуют. Мы знаем, что в природе есть а, б, в, г, до, ре, ми, фа, соль, ость кривая, прямая, круг, квадрат, зеленый цвет, красный, синий…, знаем, что все это в известном сочетании дает мелодию, или стихи, или картину, подобно тому как простые химические тела в известном сочетании дают дерево, или камень, или море, по нам только известно, что сочетание есть, по порядок этого сочетания скрыт от нас. Кто владеет научным методом, тот чует душой, что у музыкальной пьесы и у дерева есть нечто общее, что та и другое создаются по одинаково правильным, простым законам. Отсюда вопрос: какие же это законы? Отсюда искушение - написать физиологию творчества (Боборыкин), а у более молодых и робких - ссылаться на науку и на законы природы (Мережковский). Физиология творчества, вероятно, существует в природе, но мечты о ней следует оборвать в самом начале. Если критики станут на научную почву, то добра от этого не будет: потеряют десяток лет, напишут много балласта, запутают еще больше вопрос - и только. Научно мыслить везде хорошо, но беда в том, что научное мышление о творчестве в конце концов волей-неволей будет сведено на погоню за "клеточками", или "центрами", заведующими творческой способностью, а потом какой-нибудь тупой немец откроет эти клеточки где-нибудь в височной доле мозга, другой не согласится с ним, третий немец согласится, а русский пробежит статью о клеточках

и закатит реферат в "Сев«ерном» вестн«ике»", "Вестник Европы" начнет разбирать этот реферат, и в русском воздухе года три будет висеть вздорное поветрие, которое даст тупицам заработок и популярность, а в умных людях поселит одно только раздражение.

Для тех, кого томит научный метод, кому бог дал редкий талант научно мыслить, по моему мнению, есть единственный выход - философия творчества. Можно собрать в кучу все лучшее, созданное художниками во все века, и, пользуясь научным методом, уловить то общее, что делает их похожими друг на друга и что обусловливает их ценность. Это общее и будет законом. У произведений, которые зовутся бессмертными, общего очень много; если из каждого из них выкинуть это общее, то произведение утеряет свою цену и прелесть. Значит, это общее необходимо и составляет conditio sine qua non* всякого произведения, претендующего на бессмертие.

Для молодежи полезнее писать критику, чем стихи. Мережковский пишет гладко и молодо, но на каждой странице он трусит, делает оговорки и идет на уступки - это признак, что он сам не уяснил себе вопроса… Меня величает он поэтом, мои рассказы - новеллами, моих героев - неудачниками, значит, дует в рутину. Пора бы бросить неудачников, лишних людей и проч. и придумать что-нибудь свое. Мережк«овский» моего монаха, сочинителя акафистов, называет неудачником. Какой же это неудачник? Дай бог всякому так пожить: и в бога верил, и сыт был, и сочинять умел… Делить людей на удачников и на неудачников - значит смотреть на человеческую природу с узкой, предвзятой точки зрения… Удачник Вы или нет? А я? А Наполеон? Ваш Василий? Где тут критерий? Надо быть богом, чтобы уметь отличать удачников от неудачников и не ошибаться… Иду на бал.

Вернулся я с бала. Цель общества - "единение". Один ученый немец приучил кошку, мышь, кобчика и воробья есть из одной тарелки. У этого немца была система, а у общества никакой. Скучища смертная. Все слонялись по комнатам и делали вид, что им не скучно. Какая-то барышня пела, Ленский читал мой рассказ (причем один из слушателей сказал: "Довольно слабый рассказ!", а Левинскнй имел глупость и жестокость перебить его словами: "А вот и сам автор! Позвольте вам представить", и слушатель провалился сквозь землю от конфуза), танцевали, ели плохой ужин, были обсчитаны лакеями… Если актеры, художники и литераторы в самом деле составляют лучшую часть общества, то жаль. Хорошо должно быть общество, если его лучшая часть так бедна красками, желаниями, намерениями, так бедна вкусом, красивыми женщинами, инициативой… Поставили в передней японское чучело, ткнули в угол китайский зонт, повесили на перила лестницы ковер и думают, что это художественно. Китайский зонт есть, а газет нет. Если художник в убранстве своей квартиры не идет дальше музейного чучела с алебардой, щитов и вееров на стенах, если все это не случайно, а прочувствовано и подчеркнуто, то это не художник, а священнодействующая обезьяна.

Получил сегодня от Лейкина письмо. Пишет, что был у Вас. Это добродушный и безвредный человек, но буржуа до мозга костей. Он если приходит куда или говорит что-нибудь, то непременно с задней мыслью. Каждое свое слово он говорит строго обдуманно и каждое ваше слово, как бы оно ни было случайно сказано, мотает себе на ус в полной уверенности, что ему, Лейкину, это так нужно, иначе книги его не пойдут, враги восторжествуют, друзья покинут, кредитка прогонит… Лисица каждую минуту боится за свою шкуру, так и он. Тонкий дипломат! Если говорит обо мне, то это значит, что он хочет бросить камешек в огород "нигилистов", которые меня испортили (Михайловский), и брата Александра, которого он ненавидит. В своих письмах ко мне он меня предостерегает, пугает, советует, открывает мне тайны… Несчастный хромой мученик! Мог бы покойно прожить до самой смерти, но какой-то бес мешает…

У меня в семье маленькое несчастье, о котором сообщу при свидании. Грянул гром на голову одного из братьев, и этот гром не дает мне работать и быть покойным. Что за комиссия, создатель, быть главою семейства!

Француженки из кокетства, чтобы иметь большие зрачки, пускают в глаза атропин - и ничего.

Пьесу Маслова читает Петипа. У Корша кавардак. Лопнул паровой кофейник и обварил у Рыбчинской лицо, Глама-Мещерская уехала в Петерб«ург», у Соловцова больна подруга жизни Глебова и т. д. Играть некому, никто не слушается, все кричат, спорят… По-видимому, обстановочная, костюмная пьеса будет с ужасом отвергнута… А

мне хотелось бы, чтоб "Обольстителя" поставили. Я не ради Маслова хлопочу, а просто из сожаления к сцене и из самолюбия. Надо всеми силами стараться, чтобы сцена из бакалейных рук перешла в литературные руки, иначе театр пропадет.

Кофейник убил моего "Медведя". Рыбчинская больна, и играть некому.

Все наши Вам кланяются. Анне Ивановне, Насте и Боре мой сердечный привет.

Ваш А. Чехов.

Водевили можно печатать летом, а зимою неудобно. Летом я каждый месяц буду давать по водевилю, а зимою надо отказаться от этого удовольствия.

Запишите меня в члены Литературного общества. Когда приеду, буду посещать.

1 непременное условие (лат.).

521. Н. А. ЛЕЙКИНУ

5 ноября 1888 г. Москва.

5 ноябрь.

Добрейший Николай Александрович, насчет рисунков я дал знать Николаю и, когда увижу его, прочту ему нотацию.

Ваш водевиль присылайте непременно. Я прочту его и отдам тому актеру, которого найду наиболее подходящим к роли. Корш платит по 6 рублей за акт. Если пришлете водевиль на этих днях, то он пойдет до Рождества.

У Вас вышла книга - сценические произведения. Послали ли Вы ее на комиссию Рассохину?

У меня маленькая семейная неурядица и безденежье отчаянное. Гонорара ниоткуда не получаю, а премии не шлют. Неурядица и безденежье сковали меня. Погода скверная, снегу нет, всюду скучно; пить и есть не хочется - одним словом, форменная меланхолия.

У меня с большим успехом идет у Корша шутка "Медведь". По всем видимостям, этот медведь надолго прилипнет к репертуару, а в провинции и на любительских сценах его будут часто разделывать. Жаль, что у меня нет времени и охоты писать юмористику для сцены.

Если мне приходится получить что-нибудь за "Пестрые рассказы", то не высылайте теперь, а припрячьте к весне, когда мое безденежье достигнет кульминационной точки. Приблизительно: сколько мне приходится?

Если Ежов в самом деле не ведает, что творит, то, уверяю Вас, я тут ни при чем. Я иногда только помогаю и сватаю, но никогда не сбиваю людей с позиции. Я не советовал Ежову бросать училище, не советую опять поступить на службу… Не имею права советовать, где не спрашивают моего совета. Если спросит, то посоветую и, конечно, в том духе, в каком подобает. Ежову его жизнь видней, чем мне, - согласитесь.

Сейчас получил известие: премию вышлют мне через 5-6 недель! Утешительно при моем безденежье… Если сумма за "Пестрые рассказы" превышает сто рублей, то пришлите мне* сто рублей, если же не превышает, то не присылайте. Надо за фатеру платить.

Должно быть, в ноябре увидимся… Я буду у Вас в день своего приезда к вечернему чаю.

Поклонитесь Вашим и будьте здоровы. Привет Виктору Викторовичу.

Ваш А. Чехов. * через банкирскую контору Волкова - этак меньше хлопот.

522. Ал. П. ЧЕХОВУ 6 ноября 1888 г. Москва.

6 ноябрь.

Раскаявшийся пьяница!

Прости, что я долго не отвечал на твои поганые письма: одолели лень, скука и безденежье. Вексель я получил и уже давно прожил. Что ты поделываешь? Что пишешь? Куда стремишься и чего ждешь?

Я приеду в конце ноября или в начале дек«абря», вероятно, с сестрой.

Передавал ли тебе поклон Суворин-фис, который гостил у нас?

Премию обещают мне выслать не ранее 5-6 недель. Was werde ich essen?*

Не приходится ли мне хотя два гроша за "Сумерки"? Если приходится, то возьми, пожалуйста, и вышли. Ах, если бы сто рублей! Мне за квартиру платить нечем. NB: У Суворина не проси.

Мне "Сев«ерный» вестник" должен около 300 и не шлет. Это секрет.

Пришли мне свой домашний адрес.

Суворин-фис очень теплый парень. С ним можешь быть вполне откровенен, он не продаст.

Мой "Медведь" идет с успехом. Театр рыгочет.

Мне прибавка: за беллетристику получаю уже 20 к., а за публицистику 15 к.

Кланяйся цуцыкам. Если Николка все еще продолжает быть нем, то ты сводил бы его к психиатру. Мальчик, судя по глазам, лицу и поступкам, совсем нормален. Не понимаю его немоты. Виновата какая-нибудь мозговая извилина. Будь здрав.

Николке приспичило: требуют вид.

Твой А. Чехов. * Что я буду есть? (нем.)

523. Ал. П. ЧЕХОВУ 6 или 7 ноября 1888 г. Москва.

Korbo, canis clarissimus, mortuus est. Gaudeo te asinum, sed non canem esse, nam asini diutius vivunt.* * Корбо, знаменитая собака, издох. Радуюсь, что ты осел, а не собака, ибо ослы живут дольше (лат.).

524. И. Л. ЛЕОНТЬЕВУ (ЩЕГЛОВУ)

7 ноября 1888 г. Москва.

7 ноябрь.

Милый Жанчик! Если уж Вы так великодушно соглашаетесь брать на себя каторжный труд - возиться с приятельскими поручениями, то пеняйте на себя. В четверг в 3 часа пополудни Вы получите 2 экз. "Медведя", которые прошу вручить дедусе. В субботу Вы вообразите, что Вам хочется прогуляться, и поезжайте в Комитет. Если пьесу одобрят, то свободный экземпляр возьмите и вручите актеру или актрисе по своему усмотрению. Вы рекомендуете Савину и Сазонова? Хорошо. Тихонов рекомендует Далматова и Васильеву… И это хорошо. То есть, мне решительно все равно, так как питерской труппы я не знаю. Делайте, что хотите, а если не будете делать, то в претензии не буду. Мне стыдно злоупотреблять приятельскими отношениями и седлать ни за что, ни про что Жана Щеглова - невиннейшего из людей и драматургов.

Если одно поручение недостаточно ошеломило Вас, то вот Вам другое-похуже и помельче. Я нацарапал специально для провинции паршивенький водевильчик "Предложение" и послал его в цензурию. Просил в прошении выслать в библиотеку

Рассохина. Если, ангел, будете в цензуре, то скажите Крюковскому, что в таком-то городе живет Петр Иваныч Бобчинский и что я купно с Рассохиным слезно молим цензурную гидру не задерживать водевиля в карантине. Водевильчик пошловатенький и скучноватенький, но в провинции пойдет: две мужские роли и одна женская. "Предложение" ставить в столицах не буду.

Скажите сэру Базарову, что я просил Рассохина послать ему 5 экз. моего "Медведя". Рассохин сказал: "Хорошо". Творец Милашкина очень любезен со мной. На все соглашается.

Вашего "Дачного мужа" отдавайте венецианским дожам, но не раньше будущего сезона. Не спешите. Время не уйдет. Почему и не отдавать теперь? Скажу при свидании, а теперь - места в письме нет.

"Театр«ального» воробья" ставьте, и дайте мне власть вязати и решити. Позвольте мне назначить роли, присутствовать на одной репетиции и быть руководителем при вычеркиваниях. Я сделаю не хуже, чем Вы и мычащий Соловцов. У меня будет дисциплины больше.

Начали писать что-нибудь крупное?

"Севильский обольститель" Бежецкого недурная пьеса. Она стоит того, чтобы ее поставили.

Глама-Мещерская поссорилась и уходит от Корша. Незаменимая потеря! Кто теперь будет играть больных кошек в психопатических пьесах?

Жанчик, Вы уж стареете и становитесь солидны. Вы женаты, капитан, литератор, у Вас есть имя… Умоляю Вас, разлюбите Вы, пожалуйста, сцену! Право, в ней очень мало хорошего! Хорошее преувеличено до небес, а гнусное маскируется. Я думаю, что В. Крылов всей душой ненавидит кулисы, раек, актеров, актрис и потому имеет такой успех. Он холоден, жесток, жестко стелет… Он неправ, что он сукин сын, но глубоко прав, что просто и равнодушно глядит на дело и на людей, живущих около этого дела. Современный театр - это сыпь, дурная болезнь городов. Надо гнать эту болезнь метлой, но любить ее - это нездорово. Вы станете спорить со мной и говорить старую фразу: театр школа, он воспитывает и проч…А я Вам на это скажу то, что вижу: теперешний театр не выше толпы, а, наоборот, жизнь толпы выше и умнее театра; значит, он не школа, а что-то другое…

Увидимся не раньше декабря. Безденежье абсолютное. Никто не шлет денег, живу в кредит.

"Шампанское" я утерял. Что же послать? Я раз послал Баранцевичу рассказ, но мне возвратили в чаянии, что я пришлю что-нибудь еще не напечатанное. Дайте Баранцевичу мой адрес. Я был бы рад получить от него письмо. Будьте живы.

Ваш Antoine.

525. А. С. СУВОРИНУ

7 ноября 1888 г. Москва.

7 ноябрь.

Я не думал, Алексей Сергеевич, что мой атропин будет загадкой. Как-то Вы писали мне, что Григорович не велит ничего пускать в глаза; в ответ на это я написал Вам, кажется, что француженки из кокетства пускают себе в глаза атропин - и ничего. Что может быть хуже уличной, комнатной и прочей пыли, что может быть вреднее прегрешений в нервной и кровеносной системах, к«ото»рые связаны с зрительным аппаратом, как море с рекой? При этих прегрешениях капли - невинная штука…

Несчастье стряслось над живописцем. Дело вот в чем. Пять лет тому назад он вышел из училища живописи, не кончив в нем курса; все эти пять лет он жил без паспорта. Жил то у меня, то у своей femme, то у приятелей… Нелегальность эта мучила и его и семью… Все пять лет собирался он начать хлопотать "завтра", но наступало это завтра, и он успокаивался. Я российские законы знаю, но паспортная

канитель - это такая путаница, что не знаешь, с чего начать… Одни советуют брату обратиться в Таганрог, другие - сходить к генерал-губернатору, третьи - поступить в учителя, четвертые ужасаются и грозят… Сам черт не разберет, что нужно делать! Путаница еще больше запутывается одним обстоятельством: живописец, которому теперь 30-31 год, не был на призыве, не служил, не брал жеребия, одним словом, имеет все данные, чтобы засесть на скамью подсудимых за уклонение от воинской повинности, караемое тюремным заключением и отдачей в солдаты без всяких льгот. Целый скандал! Небрежность, откладыванье до завтра, Бахус, некогда и мечтания продолжались бы без конца, если бы не грянул гром во образе городового, пришедшего спрашивать паспорт, и во образе метрического свидетельства, которое мой художник имел наивность послать в участок. Что теперь делать, не знаю. Один инспектор народных училищ, человек сильный, обещает в конце ноября взять с собою живописца в Дмитров и, подвергнув его учительскому экзамену, выдать ему вид, который одновременно даст ему легальное положение и освободит его от военщины. Но до конца ноября может произойти еще многое… Одним словом, скверно. Все это пока секрет.

В скверности наших театров виновата не публика. Публика всегда и везде одинакова: умна и глупа, сердечна и безжалостна - смотря по настроению. Она всегда была стадом, которое нуждается в хороших пастухах и собаках, и она всегда шла туда, куда вели ее пастухи и собаки. Вас возмущает, что она хохочет плоским остротам и аплодирует звонким фразам; но ведь она же, эта самая глупая публика, дает полные сборы на "Отелло" и, слушая оперу "Евгений Онегин", плачет, когда Татьяна пишет свое письмо.

Публика, как она ни глупа, все-таки в общем умнее, искреннее и благодушнее Корша, актеров и драматургов, а Корш и авторы воображают, что они умнее. Взаимное недоразумение.

Сейчас у меня был Ежов. Огорчен. Я хочу посоветовать ему подождать работать в "Нов«ом» вр«емени»" еще год-два. Он еще молод, хотя и женат.

Водовоз где-то украл сибирского котенка с длинной белой шерстью и с черными глазами и привез к нам. Этот котенок принимает людей за мышей; увидев человека, он прижимается брюхом к полу, делает стойку и бросается к ногам. Сегодня утром, когда я шагал из угла в угол, он несколько раз подстерегал меня и бросался, а la тигр, на мои сапоги. Я думаю, что мысль, что он страшнее и сильнее всех в доме, доставляет ему высочайшее наслаждение.

Все мне советовали послать "Медведя" в Александринку. Посылаю. У Корша публика рыгочет, не переставая, хотя Соловцов и Рыбчинская играют совсем не артистически. Я с сестрой сыграли бы лучше.

Пришлите мне список пьес. Вами написанных и к представлению Вами и цензурою дозволенных. Это нужно, иначе Вас не запишут в члены Драмат«ического» общества. Если хотите, то можно ограничиться одной только "Медеей".

На Драмат«ическое» общество я смотрю как на коммерческое учреждение. У него единственная цель: стараться, чтобы члены получали возможно больше. Это такая хорошая цель, при которой все остальные не стоят яйца выеденного. Виктор Крылов большой сукин сын, но ввиду цели я бы первый подал голос за то, чтоб он был председателем. Пока председательствуют иконы, а не работники, в обществе порядка не будет.

Поклон всем Вашим. У нас сквернейшая погода.

Ваш А. Чехов.

526. Н. А. ЛЕЙКИНУ

8 ноября 1888 г. Москва.

8 ноябрь.

Добрейший Николай Александрович!

Брат Николай просит у Вас извинения. Я тоже. Когда я набросился на него и стал

читать ему нотацию за леность и прочее, он сказал: "Дай мне темы, и я сейчас их сделаю". Оказалось, что я заказ ему сделал, а темы, чтобы они не пропали, запер себе в стол. Простите, бога ради, эту мою оплошность. Рисунки будут высланы через два дня - не позже.

У Николая теперь страшные хлопоты, о которых расскажу при свидании. Малый попал в такой переплет, что хоть караул кричи.

Почтение всем Вашим и Виктору Викторовичу.

Ваш А. Чехов.

527. А. С. ЛАЗАРЕВУ (ГРУЗИНСКОМУ)

10 ноября 1888 г. Москва.

10 ноябрь.

Сим извещаю Вас, добрейший Александр Семенович, что Ваше детище дебютирует у Суворина в ближайшую из суббот, т. е. 12-го ноября. Получил за Вас благодарность. Детище несколько сокращено, и просят Вас на сие не сетовать. Середка детища так хороша, что началом и концом можно немножко пожертвовать. Если на первых порах будет у Вас меланхолия (как у Ежова), то бодритесь. Не придавайте значения ни сокращениям, ни финансам, ни своим ошибкам. "Бодро, старик!", как сказал какой-то маркиз в какой-то мелодраме.

Ваш А. Чехов.

На Вашу долю я записал Гаршинский сборник ("Сев«ерный» вестн«ик»"). На обороте: г. Киржач,

Александру Семеновичу Лазареву.

В Учительской семинарии.

528. А. Н. ПЛЕЩЕЕВУ

10 ноября 1888 г. Москва.

88, XI, 10.

Милый Алексей Николаевич, рассказ близится совсем к концу. Завтра или послезавтра кончу, перепишу, а в понедельник в 3 часа дня Вы его уже получите. Я пишу и все время стараюсь быть скромным, скромным до скуки. Предмет, как мне кажется, настолько щекотлив, что малейший пустяк может показаться слоном.

Думаю, что рассказ не будет резко выделяться из общего тона сборника. Он у меня грустный, скучный и серьезный.

Пришлите подписную книжку, но не забудьте написать, какая цена сборнику.

Читали ли Вы наглую статью Евгения Гаршина в "Дне"? Мне прислал ее один благодетель. Если не читали, то прочтите. Вы оцените всю искренность этого злополучного Евгения, когда вспомните, как он раньше ругал меня. Подобные статьи тем отвратительны, что они похожи на собачий лай. И на кого лает этот Евгений? На свободу творчества, убеждения, лиц… Нужно дуть в рутину и в шаблон, строго держаться казенщины, а едва журнал или писатель позволит себе проявить хоть на пустяке свою свободу, как поднимается лай.

Этот Евгений величает меня нововременцем и благохвалит за "своенравие". Очевидно, в "Дне" не платят гонорара, и малому пришла охота подмазаться к "Новому времени".

И странное дело! Судебный хроникер, описывая подсудимого, старается держаться общепринятого, приличного тона; господа же критики, продергивая нас, не

разбойников и не воров, пускают в ход такие милые выражения, как шушера, щенки, мальчишки… Чем мы хуже подсудимых?

Я послал Жану Щеглову свою безделку "Медведь" для представления его в "палату венецианских дожей"- так у Вас в Питере величают Театральный комитет, где Вы заседаете.

Мой "Медведь" в Москве идет с большим успехом, хотя медведь и медведица играют неважно.

Привет всем Вашим и Анне Михайловне. Короленко нет в Москве.

Будьте здоровы. Дай Вам бог хорошего аппетита, покойного сна и кучу денег.

Ваш А. Чехов.

Если видаетесь с В. Н. Давыдовым, то кланяйтесь.

529. И. Л. ЛЕОНТЬЕВУ (ЩЕГЛОВУ)

11 ноября 1888 г. Москва.

11 ноябрь.

Mein lieber Johann!* О желании Савиной играть "Медведя" я узнал двумя днями раньше, чем о желании Абариновой, поэтому до получения Вашего письма я уже успел послать свое согласие высокоталантливой и божественной Марии Гавриловне. Произошла помимо нашей воли путаница. Боюсь, чтобы она не поставила кого-нибудь в неловкое положение. Если Ваше наблюдательное око заметит в чьей-нибудь душе (в своей ли, или в актерской) смущение, то поспешно делайте операцию: берите моего "Медведя" назад, мотивируя сие моим нежеланием дебютировать на казенной сцене водевилем или чем-нибудь вроде. Операции этой я не боюсь. Ставить же кого бы то ни было в неприятное положение из-за черт знает чего мне не хочется.

Вы хотите спорить со мной о театре. Сделайте Ваше одолжение, но Вам не переспорить моей нелюбви к эшафотам, где казнят драматургов. Современный театр - это мир бестолочи, Карповых, тупости и пустозвонства. На днях мне Карпов похвастал, что в своих бездарнейших "Крокодиловых слезах" он пробрал "желторотых либералов" и что потому-то его пьеса не понравилась и обругана. После этого я еще больше возненавидел театр и возлюбил тех фанатиков-мучеников, которые пытаются сделать из него что-нибудь путное и безвредное.

Вы говорите, что Вы поневоле, нужды ради пишете "плохие повести". Как Вы смеете говорить это? Ни одна Ваша пьеса не возвышалась до "Гордиева узла" и военных очерков! Черт Вас возьми! Впрочем, если, по Вашему мнению, Ваши пьесы лучше повестей, то не будем спорить и возбуждать спора.

Глама, кажется, опять помирилась. Черт их разберет!

Будьте здоровехоньки и покойны. Поудержите свои щеглиные нервы и не забывайте, что Вы бравый капитан.

Ваш Antoine.

О "Театральном воробье" буду писать. "Воробей", "Серенький козлик", "Крокодиловы слезы", "Мышонок", "Медведь", "Вольная пташка" - какой зверинец! * Мой дорогой Иоганн! (нем.)

530. А. С. СУВОРИНУ

11 ноября 1888 г. Москва.

11 ноября.

Благодарю Вас, Алексей Сергеевич, за Савину, т. е. за весть о ней. Я думаю, она отлично разделала бы медведицу. Но представьте мою маленькую беду! Жан Щеглов,

которому я послал 2 экз. "Медведя" для Т«еатрально»-лит«ературного» комитета, сегодня пишет мне, что он по совету В. П. Буренина снес моего "Медведя" Абариновой к ее бенефису. Тон у Жана Щеглова радостный; счастливчик, мол, тебя удостоили! Боюсь, как бы не произошла неловкость. Про Савину я слыхал много хорошего, Абарнновой совсем не знаю, а потому не имею причин разделять радостный тон Щеглова. В ответ на его письмо написал, что я Савиной дал уже согласие. Пусть бедняга выпутывается.

Сегодня я кончил рассказ для "Гаршинского сборника" - словно гора с плеч. В этом рассказе я сказал свое, никому не нужное мнение о таких редких людях, как Гаршин. Накатал чуть ли не 2000 строк. Говорю много о проституции, но ничего не решаю. Отчего у Вас в газете ничего не пишут о проституции? Ведь она страшнейшее зло. Наш Соболев переулок - это рабовладельческий рынок.

Завтра и послезавтра буду переписывать рассказ и еще что-нибудь делать, а потом начну строчить для "Нового времени". Есть сюжеты.

В письмах к Щеглову я объясняюсь в нелюбви к театру. Хочу в него вселить эту нелюбовь, а то он за кулисами совсем обабился.

Глама у Корша подняла революцию. Никак не добьюсь толка: пойдет масловская пьеса или нет? Такой кавардак, что и не глядел бы. В неделю Корш ставит по 2 новые пьесы. Видел я на днях "Крокодиловы слезы" - бездарнейшая пятиактная белиберда некоего Карпова, автора "На земской ниве", "Вольной пташки" и проч. Вся пьеса, помимо ее дубоватой наивности, сплошное вранье и клевета на жизнь. Проворовавшийся старшина берет в лапы молодого непременного члена* и хочет его женить на своей дочке, влюбленной в писаря, пишущего стихи. Перед свадьбой честный и юный землемер открывает глаза непременному члену, этот последний открывает злоупотребления, крокодил, т. е. старшина, плачет, а одна из героинь восклицает: "Итак: порок наказан, добродетель торжествует!", чем и кончается пьеса. Бррр! После спектакля встречается мне Карпов и говорит:

- В этой пьесе я продернул желторотых либералов, потому она не понравилась и ее обругали… А мне наплевать!

Если я когда-нибудь скажу или напишу что-нибудь подобное, то возненавидьте меня и не знайтесь со мной.

Для своего будущего романа я написал строк триста о пожаре в деревне: в усадьбе просыпаются ночью и видят зарево - впечатления, разговоры, стук босых ног о железную крышу, хлопоты…

В члены Др«аматического» о«бще»ства я Вас не запишу, пока не поручите. Привет Вашим.

Ваш А. Чехов.

В каталоге Рассохина есть пьеса "Анна Каренина". * помещика и дворянина.

531. А. Н. ПЛЕЩЕЕВУ

13 ноября 1888 г. Москва.

13 ноябрь.

Уф! Кончил, наконец, переписывать рассказ, запаковал и послал Вам, дорогой Алексей Николаевич. Получили? Прочли? Небось, сердитесь? Рассказ совсем не подходящий для альманашно-семейного чтения, неграциозный и отдает сыростью водосточных труб. Но совесть моя по крайней мере покойна: во-первых, обещание сдержал, во-вторых, воздал покойному Гаршину ту дань, какую хотел и умел. Мне, как медику, кажется, что душевную боль я описал правильно, но всем правилам психиатрической науки. Что касается девок, то по этой части я во времена оны был большим специалистом и не дальше как в это лето скорбел, что в Сумах недостает кое-каких учреждений.

Где Жорж Линтварев? Что он делает?

О получении рассказа, пожалуйста, уведомьте; если он не сгодится у Вас, то я пущу его в другое место с надписью "Памяти Гаршина". Не дай бог, если не сгодится. Я с ним долго возился.

Денег у меня совсем нет, хоть караул кричи. Премию из Академии обещают выслать через 5-6 недель, а гонорара ниоткуда не шлют, потому что нигде не работаю. Когда издательница вышлет в редакцию деньги, то скажите, чтобы мне выслали в мгновение ока, т. е. телеграфным переводом. Боже, какие вы неловкие люди, зачем вы отдали Сабашникову за этого монстра Евреинова? Зачем вы не подождали меня? В интересах литературы я охотно женился бы на ней. У меня "Северный вестник" тогда имел бы 10-15 тысяч подписчиков. Я половину приданого ухлопал бы на рекламу. И Сабашникова не была бы в обиде.

А Короленко у меня не был. Прислал ли он повесть? Если да, то очень рад, а то мне до тошноты надоело читать Чехова.

Статья Мережковского, если смотреть на нее как на желание заняться серьезной критикой, весьма симпатичное явление. Главный ее недостаток - отсутствие простоты. Второй недостаток: автор не уяснил себе вопроса и недостаточно убежден; это видно из того, что почти на каждой странице он делает уступки и смешивает различные понятия; кое-где кричащие натяжки и туманности. Третий недостаток - это примечание редакции, которое я, хоть убейте, решительно не понимаю. Про каких там сотрудников говорится? Так извольте же под каждой статьей Протопопова делать примечание, что "сия статья, хотя и не нравится Чехову, но мы ее помещаем". Редакция отвечает за каждую строчку вместе с автором; виноваты она и автор, третьи лица тут лишние. Кто не согласен, тот может писать особую статью, а делать вылазку из оврага не подобает. Редакция, какова бы она ни была, должна быть безусловно самостоятельна, по крайней мере в глазах публики, на то она редакция.

Хотел бы поехать к Вам в Питер, да денег нет. Савина хочет играть моего "Медведя" - она была у Суворина, взяла мой адрес и номер с "Медведем". В Москве он идет с треском, пойдет и в провинции шибко. Вот не знаешь, где найдешь, где потеряешь.

Актеры Малого театра нарасхват читают мои "Именины". Им нравится. Особенно женскому полу пришлось по вкусу.

Спасибо за желание читать корректуру моих рассказов. Но ведь при самом лучшем, идеальнейшем корректоре нельзя избежать опечаток. Дело не в ять и не в фите. Нужно, чтоб сами авторы читали в корректуре свои статьи. Если в будущем Вы будете высылать мне мои корректуры, то обещаю не задерживать их долее одного дня. Сердечный привет всем Вашим. Да хранит Вас бог и все ангелы его.

Ваш А. Чехов.

532. А. С. СУВОРИНУ

15 ноября 1888 г. Москва.

15-го ноября.

Посылаю Вам, милый Алексей Сергеевич, "Каштанку", которую потрудитесь спрятать. Это для обложки. Обложка у меня будет белая, а на ней пятном сядет собака. Будет просто, но хорошо. Рисовал художник Степанов, ярый охотник, изучивший собак до тонкостей. Изобразить помесь такса и дворняжки - задача нелегкая, но Степанов, как видите, решил ее блестяще. Поглядите на ноги и на грудь. Придать лисьей морде добродушно-собачье выражение тоже нелегко, но и это сделано. Вы покажите рисунок Насте и Боре. Если им понравится, значит хорошо. Остальные рисунки еще не готовы. Совестно подгонять: приятели.

Своими "Именинами" я угодил дамам. Куда ни приду, везде славословят. Право, недурно быть врачом и понимать то, о чем пишешь. Дамы говорят, что роды описаны верно. В рассказе, посланном для Гаршинского сборника, я описал душевную боль.

Как Ваш рассказ? Мне любопытно прочесть. Я не думаю, чтобы он удался Вам, но знаю, что прочту его с большим интересом. У Вас много излишнего напряжения,

подозрительности к себе, добросовестности, и Вы держите себя на веревочке, а это значит, что Вы не свободны; например; из боязни, что Вы недостаточно точны и что Вас не поймут, Вы находите нужным мотивировать каждое положение и движение. Репина говорит: "Я отравилась!", но Вам недостаточно этого, и Вы заставляете ее говорить лишние 2-3 фразы и таким образом своему чувству добросовестности жертвуете правдой… Я не скажу, чтоб это было коренным свойством Вашей натуры. Это - привычка глядеть на все оком публициста. Старый солдат, о чем бы он ни говорил, всегда сведет речь на войну, так и Вы всегда сводите на публицистику. Если бы Вы написали с десяток рассказов да штук пять пьес, тогда пошло бы дело иначе: привычка поддалась бы навыку. Если же говорить о натуре, то она у Вас исключительная. У Вас есть то, чего у других нет. Пока мы не разошлись или не умерли, я бы с удовольствием эксплоатировал Вашу силу; я бы украл у Вас то, чем Вы не пользуетесь. Отчего Вы отказываетесь писать вместе "Лешего"? Если бы пьеса не удалась или если бы она пришлась Вам почему-либо не по вкусу, то я дал бы Вам слово никогда не ставить ее и не печатать. Если "Леший" не годится, то давайте другой сюжет. Давайте напишем трагедию "Олоферн" на мотив оперы "Юдифь", где заставим Юдифь влюбиться в Олоферна; хороший полководец погиб от жидовской хитрости… Сюжетов много. Можно "Соломона" написать, можно взять Наполеона III и Евгению или Наполеона I на Эльбе…

Пишу для "Нов«ого» вр«емени»" рассказ. Описываю одну поганую бабу.

Вчера один коршевский актер просил меня протежировать ему в Вашем магазине: приобрести Тургенева с уступкой. Я сказал, что Тургенев издание не Ваше и что моя протекция ни к чему не поведет. Так ли я поступил?

Сердечный привет всем Вашим.

Ваш А. Чехов.

533. Ал. П. ЧЕХОВУ 16 ноября 1888 г. Москва.

16 ноябрь.

Любезнейший боцман!

Посылаемая доверенность открывает пред тобою следующие радужные перспективы:

1) Ты пойдешь в Академию наук и получишь там 500 лавров. Как войти в канцелярию Академии, у кого там спросить и как выйти - все это знает Алексей Алексеевич Suvorini filius*, к которому и обратись за разъяснениями. В Академии попросишь от моего имени, чтобы тебя сделали академиком.

2) На случай, если какая-либо из моих пьес ненароком попадет на казенную сцену или буде какая-нибудь частная сцена пожелает ставить "новинку" моего сочинения, я уполномочиваю гг. начальствующих лиц, директоров и антрепренеров вести переговоры с тобою, условия заключать с тобою и гонорар платить тебе. Если в Александринке пойдет мой "Медведь", то ты можешь испробовать силу доверенности: дирекция заключит контракт с тобою. Примечание раз навсегда: буде какая-либо из дирекций пожелает купить какую-либо мою пьесу, то таковое желание отклоняй, хотя бы тебе давали миллион. Я желаю получать проценты со сбора (2% за каждый акт). Гонорар будешь получать всякий раз по особому моему на то повелению.

Возлагаю на тебя все эти приятные обязанности не столько из желания доставить тебе удовольствие, сколько из уважения к твоим родителям.

Вексель и извещение о незаконном браке получил. За то и другое благодарю. Первое уже потратил, а от второго жду новой интереснейшей эпопеи с киндерами, переселениями, каломелями и проч.

Аверкиев ничего не может знать о "Северном вестнике". Он тут ни при чем. Хрипит и больше ничего.

"Родина" объявляет, что в ней будет сотрудничать какой-то М. Чехов. Не Митрофан ли?

Пьеса, поставленная на казенной сцене, ни в каком случае не может идти в частных

театрах. Стало быть, что идет в Александринке или что имеет идти там, ни в каком разе не может быть допускаемо к представлению на частной сцене. О всякой новой пьесе буду извещать. К числу пьес, предполагаемых к постановке на казенной сцене, пока относятся две: "Медведь" и "Лебединая песня (Калхас)". Театральные дела мои держи в секрете. Никому ни гу-гу… Еще одно сказание: по театральным делам сам никуда не ходи и сам ничего не вчиняй, а жди, когда к тебе обратятся или позовут. Требовать, буде понадобится, можешь, сколько угодно, но просить не моги.

Пьесы, не законтрактованные казенной дирекцией, подлежат ведению агентов Драматического общества, а потому, буде на афише частного театра узришь какого-нибудь "Крокодила всмятку, или Ай да дядя!" моего сочинения, то не бей в набат, а сиди спокойно в нужнике.

Если пожелаешь написать пьесу, то пиши.

Все наши здравствуют. Маша поссорилась с Эфросой и дружит теперь с другими. У нас бывает теперь Ленский (А. П.) с женой, очень похожею на Каролину Егоровну в молодости; с этой Каролиной, кажется, затягивается у одного Ма канитель вроде дружбы. А сегодня у нас стирка.

А. Чехов.

Зажилив 68 рублей, ты только исполнил этим 68/100 частей моего желания.

С премией возьми и бумагу. Без бумаги не бери. Нада.

Сообщи свой домашний адрес. * сын Суворина (лат.).

534. И. Л. ЛЕОНТЬЕВУ (ЩЕГЛОВУ)

16 или 17 ноября 1888 г. Москва.

Johannes Leonis filius!* Посылаю Вам, как обещал, 2 экз. "Медведя": один для Смоленска, другой отдайте, кому знаете.

Спасибо за письмо. Если произойдет смущение, если Абаринова и Савина уступят друг другу и, таким образом, посадят моего "Медведя" на мель, то пусть так и будет. Пойдет - хорошо, не пойдет - не нужно. Торопиться не следует.

Сейчас или завтра после обеда у меня будет Соловцов, и мы обстоятельно поговорим о воробье. В его режиссерской мышеловке такая толкотня и жара, что нет возможности говорить серьезно.

Зачем Вы дразните меня Потемкиным? В своем потемкинстве я пока не вижу ничего, кроме труда, утомленья и безденежья да скуки громаднейших размеров. За своих "Медведей" мне стыдно, за премию - тоже стыдно, театра я не люблю, к литературе и к семье привык, интересных людей не вижу, погода отвратительная… Что ж тут завидного, и похож ли я на Потемкина?

Почерк Ваш становится лучше, только не исправляйте написанного и не подчеркивайте слов.

Я радуюсь, что Вы пишете повесть, и заранее приветствую "Корделию". Драматургов 700 у нас, а беллетристов в сто раз меньше. Пишите пьесы - спасение театра в литературных людях, - но не бросайте беллетристики. Если бросите, то я знать Вас не хочу.

Помните, что лето должны Вы будете провести на лоне природы.

Все мои купно с Кокленом-младшим шлют Вам привет.

Ваш Antoine.

Ах, как бы я желал, чтобы Ваша жена Вас била! * Иоанн сын Льва! (лат.)

535. А. С. СУВОРИНУ

18 ноября 1888 г. Москва.

18 ноябрь.

Посылаю Вам, Алексей Сергеевич, заметку. Рассказ застрял; хочу я в этом сезоне писать рассказы в протестующем тоне - надо поучиться, - но от непривычки скучно, и я виляю. К тому же получил из "Сев«ерного» вестника" гонорар, и мне теперь море по колено: все хожу да думаю.

Значит, пойдет Ваша "Татьяна"? Это хорошо. Будет ли успех, или нет, не знаю, но передряга для нервов хорошая будет. Будете все лето вспоминать да охать. У Вашей "Татьяны" хоть конец есть, а каково-то было моему "Иванову"!

Можно не любить театр и ругать его и в то же время с удовольствием ставить пьесы. Ставить пьесу я люблю так же, как ловить рыбу и раков: закинешь удочку и ждешь, что из этого выйдет? А в Общество за получением гонорара идешь с таким же чувством, с каким идешь глядеть в вершу или в вентерь: много ли за ночь окуней и раков поймалось? Забава приятная.

Когда пойдет "Татьяна"? Напишите мне, и я норовлю приехать к первому представлению.

На меня от скуки нашла блажь: надоела золотая середина, я всюду слоняюсь и жалуюсь, что нет оригинальных, бешеных женщин… Одним словом, а он, мятежный, бури ищет! И все мне в один голос говорят: "Вот Кадмина, батюшка, вам бы понравилась!" И я мало-помалу изучаю Кадмину и, прислушиваясь к разговорам, нахожу, что она в самом деле была недюжинной натурой.

Будьте здоровы. Кланяйтесь всем Вашим. Напишите же, когда пойдет "Татьяна".

Ваш А. Чехов.

536. Ал. П. ЧЕХОВУ 18 ноября 1888 г. Москва,

Внимай! Некакий преподаватель Театрального училища был у меня и просил убедительно подобрать ему образцы ораторского искусства. Теоретик я плохой, ораторов на своем веку слышал только трех: Плевако, Федченко и Покровского; историю литературы забыл. Но уважить человека хочется. Помнится, что в день смерти Виктора Гюго в палатах говорили коротенькие, очень красивые, музыкальные речи. Пойди сейчас к Алексею Сергеевичу и, объяснив ему, в чем дело, попроси его сказать тебе, в каком году и в каком месяце умер Гюго; получив ответ, поройся в старом "Новом времени" и сыщи желаемое. Нужны речи по поводу смерти Гюго и похорон его. Спросишь также, не припомнит ли А«лексей» С«ергеевич» коротеньких образцов и не посоветует ли чего-нибудь? Не укажет ли на что-нибудь Буренин? Я был бы премного благодарен.

Получил ли ты доверенность?

Сегодня я послал третью передовую.

Скучно пробавляться одною беллетристикой, хочется и еще чего-нибудь. Поневоле на чужой каравай рот разеваешь.

Скоро буду в Питере. Если случится узнать, когда в Александринке пойдет мой "Медведь", то уведомь.

Будь здрав. Спешу.

Твой Antoine.

537. Е. М. ЛИНТВАРЕВОЙ

23 ноября 18S8 г. Москва.

23 ноябрь.

Уважаемый товарищ!

Плахты я получил давно, но до сих пор не благодарил по той же самой причине, по какой Вы не пишете, что они стоят и что делать с деньгами - Вам ли прислать почтой, или исполнить какое-нибудь поручение? Я, если хотите, могу выслать отличного чаю, печений - чего хотите; к плахтам были приклеены бумажки с обозначением цен, но многие без бумажек - вероятно, пропали дорогою, так как по сложении получается подозрительно малая сумма, что-то около 10-11 рублей.

Все плахты отменно хороши. Лучших не нужно. Я низко Вам кланяюсь и благодарю.

Гаршинский сборник выйдет в декабре. Мой рассказ, если его не вырежет из сборника цензура, будет. За цензуру сильно опасаются. А рассказ велик и не очень глуп. Прочтется он с пользой и произведет некоторую сенсацию. Я в нем трактую об одном весьма щекотливом старом вопросе и, конечно, не решаю этого вопроса.

Рекомендую Вашему вниманию рассказ Златовратского "Гетман" в последней книжке "Русской мысли". Очень мило.

Плещеев пишет мне, что Ваш композитор работает. А что Павел Михайлович? Пресимпатичный человек!

У меня работы по горло, но по обыкновению скучно и грустно. Пишу, пишу, немножко лечу, опять пишу и по обязанности хожу к добрым знакомым, которые мне надоели. С удовольствием уехал бы в деревню спать и спал бы, как крот, до самого мая.

Зинаида Михайловна писала Мише, что «…»* бьет коромыслом только пьяных. Спасите меня, о неба херувимы! С ужасом ожидаю лета. Надо будет предупредить Тимофеева.

Как живет мой друг Артеменко? Низкий поклон всем Вашим и сердечные пожелания. Вся моя бумага приспособлена для писанья рассказов и разделена на половинки - простите.

Уважающий А. Чехов.

А какого мнения Наталия Михайловна о хуторе? Скоро буду видеться с Вашим братом. Моя статья о Пржевальском переведена на немецкий язык. Пишу я статьи в 100-200 строк, не больше, пишу о чем угодно: о путешественниках, о татарах, об уличном нищенстве, о всякой всячине. Я хочу учиться у Ленского читать и говорить. Мне кажется, что из меня, если бы я не был косноязычен, выработался бы неплохой адвокат. Умею коротко говорить о длинных предметах. * В источнике пропуск.

538. Ал. П. ЧЕХОВУ 28 ноября 1888 г. Москва.

666!

Ты идешь к Савиной… Разве это нужно? О чем ты с нею будешь философудрствовать? Актрис только просят и умоляют, а я не желал бы, чтобы ты вынужден был просить. Это и неприятно, и ненужно…

В Шмахове, которого рекомендует Алекс«ей» Алексеевич и которого я немножко знаю, трактуется только о судебных ораторах. Ты спроси у старика.

Если "Медведь" пойдет, то сделай у нотариуса копию* с доверенности, что и требуется доказать. Если же "Медведь" не пойдет, то не нужно.

Получил ли ты от матери письмо? Напиши ей хоть одну строчку.

Если Академия не вышлет денег, то на какие шиши я приеду в Питер?

Таких статей, какую ты прислал ("Южный край"), я читал много, читал, читал и бросил читать, не добившись никакого толку. Вопрос "кто я?" и по сие время остается для меня открытым.

Я и старичина бомбардируем друг друга письмами: философствуем.

Лейкину буду писать. Обругаю. Он меня боится немножко.

Если придется видеть провинциальные газеты, то просматривай театральный репертуар: не даются ли где пьесы г. Чехова? Всех пьес у меня ходячих две, а в декабре, когда я приведу свой репертуар в порядок, будет целых пять: одна большая, четыре мелкие.

Мне хочется добиться 600-800 рублей в год дохода (для вдовы). Как только добьюсь до сей цифры, то скажу: "Не пиши, Денис, больше не нужно!"

Николай пропадал десять дней и сейчас пришел.

Будь здрав, невредим, водки не пей, похоть удерживай, пиши передовые, а репортерство брось. Поклон Наталии Александровне. У Путяты чахотка. Он нищенствует.

Твой Antoine. * Перепиши и дай засвидетельствовать. Это стоит дешево, дешевле новой доверенности.

539. А. С. СУВОРИНУ

24 или 35 ноября 1888 г. Москва.

«…» Писатели должны быть подозрительны ко всем россказням и любовным эпопеям. Если Зола «…» писал на основании слухов и приятельских рассказов, то поступал опрометчиво и неосторожно.

Ах, какой я начал рассказ! Привезу и попрошу Вас прочесть его. Пишу на тему о любви. Форму избрал фельетонно-беллетристическую. Порядочный человек увез от порядочного человека жену и пишет об этом свое мнение; живет с ней - мнение; расходится - опять мнение. Мельком говорю о театре, о предрассудочности "несходства убеждений", о Военно-Грузинской дороге, о семейной жизни, о неспособности современного интеллигента к этой жизни, о Печорине, об Онегине, о Казбеке… Такой винегрет, что боже упаси. Мой мозг машет крыльями, а куда лететь - не знаю.

Вы пишете, что писатели избранный народ божий. Не стану спорить. Щеглов называет меня Потемкиным в литературе, а потому не мне говорить о тернистом пути, разочарованиях и проч. Не знаю, страдал ли я когда-нибудь больше, чем страдают сапожники, математики, кондуктора; не знаю, кто вещает моими устами, бог или кто-нибудь другой похуже. Я позволю себе констатировать только одну, испытанную на себе маленькую неприятность, которая, вероятно, по опыту знакома и Вам. Дело вот в чем. Вы и я любим обыкновенных людей; нас же любят за то, что видят в нас необыкновенных. Меня, например, всюду приглашают в гости, везде кормят и поят, как генерала на свадьбе; сестра возмущается, что ее всюду приглашают за то, что она сестра писателя. Никто не хочет любить в нас обыкновенных людей. Отсюда следует, что если завтра мы в глазах добрых знакомых покажемся обыкновенными смертными, то нас перестанут любить, а будут только сожалеть. А это скверно. Скверно и то, что в нас любят такое, чего мы часто в себе сами не любим и не уважаем. Скверно, что я был прав, когда писал рассказ "Пассажир I класса", где у меня инженер и профессор рассуждают о славе.

Уеду я на хутор. Черт с ними! У Вас есть Феодосия.

Кстати о Феодосии и татарах. У татар расхитили землю, но об их благе никто не думает. Нужны татарские школы. Напишите, чтобы деньги, затрачиваемые на колбасный Дерптский университет, где учатся бесполезные немцы, министерство отдало бы на школы татарам, которые полезны для России. Я бы сам об этом написал, да не умею.

Лейкин прислал мне очень смешной водевиль своего сочинения. Это человек единственный в своем роде.

Будьте здоровы и счастливы.

Ваш А. Чехов.

Скажите Маслову, что судьба его пьесы решается: колебание то в одну, то в другую сторону. Одну испанскую пьесу поставили и провалились, другой ставить не решаются.

540. А. С. СУВОРИНУ

28 ноября 1888 г. Москва.

28 ноябрь.

"Счастливые мысли", дорогой Алексей Сергеевич, не совсем подходят. Читатель привык искать под этим заглавием мысли бернардовского пошиба. Во-вторых, это заглавие не раз уж эксплоатировалось малыми газетами.

Свой рассказ я кончу у Вас, и если он сгодится для "Нов«ого» врем«ени»", то я буду очень рад. Я бы его давно уже кончил, по мне мешают так, как никогда еще не мешали. Посетителям нет конца… Просто мука! Столько лишних разговоров о черт знает чем, что я обалдел и о Петербурге мечтаю, как о земле обетованной. Сяду у Вас в комнатке сиднем и не буду выходить.

Рассказ выходит скучноватым. Я учусь писать "рассуждения" и стараюсь уклоняться от разговорного языка. Прежде чем приступить к роману, надо приучить свою руку свободно передавать мысль в повествовательной форме. Этой дрессировкой я и занимаюсь теперь. Я дам Вам прочесть. Если мои опыты годны на что-нибудь, то берите; если не годны, то так и скажите. У меня много негодного товара, и я не чувствую себя дурно оттого, что не печатаю его. Сюжет рассказа таков: я лечу одну молодую даму, знакомлюсь с ее мужем, порядочным человеком, не имеющим убеждений и мировоззрения; благодаря своему положению, как горожанина, любовника, мужа, мыслящего человека, он волей-неволей наталкивается на вопросы, которые волей-неволей, во что бы то ни стало должен решать. А как решать их, не имея мировоззрения? Как? Знакомство наше венчается тем, что он дает мне рукопись- свой "автобиографический очерк", состоящий из множества коротких глав. Я выбираю те главы, которые мне кажутся наиболее интересными, и преподношу их благосклонному читателю. Рассказ мой начинается прямо с VII главы и кончается тем, что давно уже известно, а именно, что осмысленная жизнь без определенного мировоззрения - не жизнь, а тягота, ужас. Беру я человека здорового, молодого, влюбчивого, умеющего и выпить, и природой насладиться, и философствовать, не книжного и не разочарованного, а очень обыкновенного малого.

Выходит у меня не рассказ, а фельетон.

Директора московск«их» театров я отлично знаю. Добрую половину он врал на женщин.

Эчегерая можно играть в мещанской гостиной, а для Маслова нужно воздвигать соборы и кладбища. Разница большая. Если бы пьеса Маслова была втрое хуже, но обыкновенная, бытовая или брыкательная, то она давно бы уже шла у Корша. Ведь вопрос не в том, хороша она или нет! Откуда Маслов взял, что Петипа - Дон-Жуан? Это деревянный, лакированный француз и больше ничего.

Привет Вашим. Отличные у Вас конверты! Когда я женюсь на богатой, то куплю себе на 100 руб. конвертов и на 100 р. духов.

Ваш А. Чехов.

Вместо "Счастливых мыслей" не взять ли "Без заглавия"?

541. Ф. О. ШЕХТЕЛЮ

1 декабря 1888 г. Москва.

Клянусь Вам, что Ваши уверения в том, что Вы якобы надоедаете мне, ни на чем не основаны.

Николая можно поискать еще разве только в Мещанском училище у Дюковского или у Лиодора Иваныча Пальмина, живущего неизвестно где. В каком месте он открыл для себя Аркадию, я не знаю: теряюсь в догадках. Это не Николай Чехов, а Калиостро.

Завтра я еду в Петербург. Едва я уеду, как Николай вернется домой. Это мое соображение (секретно! он взял у меня немного денег, обещал принести и теперь, вероятно, ждет, когда я уеду, - совестно).

Прощайте. Дай бог Вам покоя и всего хорошего. Нет ли каких поручений?

Ваш А. Чехов.

542. К. С. БАРАНЦЕВИЧУ

2 декабря 1888 г. По пути в Петербург.

Милый Казимир Станиславович, если Вы живете в прошлогодней квартире, то это письмо дойдет до Вас. Я приехал и был бы рад повидаться. Напишите, в каком часу можно застать Вас? Адрес: "Новое время". Я еду вместе с этим письмом; когда Вы получите его, я уже буду шлифовать невские мостовые.

Ваш А. Чехов.

Простите, голубчик, за Болеславича. У меня есть приятель полковник, которого зовут Болеславом, и я все путаю по рассеянности.

Написал бы письмо на другом бланке, да некогда и негде. На обороте:

Петербург, Пески, 3-я улица, 4

Его высокоблагородию

Казимиру Станиславовичу Баранцевичу.

543. В. А. ТИХОНОВУ

2 декабря 1888 г. По пути в Петербург.

Я еду в почтовом поезде вместе с этим письмом. Остановлюсь там, где предполагал.

Ваш А. Чехов. На обороте:

Петербург,

Пушкинская, 19, кв. 26

Владимиру Алексеевичу Тихонову.

544. К. С. БАРАНЦЕВИЧУ

8 декабря 1888 г. Петербург.

По обстоятельствам, от редакции не зависящим, я у Вас, милый друг, обедать в четверг не могу. Увидимся у Лейкина.

Немножко хвораю, вероятно, от объедения.

Ваш А. Чехов.

Почтение Вашей семье. На обороте:

Здесь.

Пески, 3 улица, 4

Его высокоблагородию

Казимиру Станиславовичу Баранцевичу.

545. А. П. ЛЕНСКОМУ

8 декабря 1888 г. Петербург.

8 декабря.

Уважаемый Александр Павлович!

Передайте Лидии Николаевне, что я бесконечно благодарен ей за легенду. Легенда имеет двойную ценность: 1) она хороша и 2) как можно судить из разговоров с критиками и поэтами, нигде еще не была утилизирована. Мне она так нравится, что я теряюсь и не знаю, что сделать: вставить ли ее в повесть, сделать ли из нее маленький самостоятельный рассказик, или же пуститься на самопожертвование и отдать ее какому-нибудь поэту. Я остановлюсь, вероятно, на первом, т. е. вставлю ее в повесть, где она послужит украшением.

Что касается "образцов ораторского искусства", то я, к стыду моему, не нашел еще ни единого подходящего. Оказалось на деле, что выбрать гораздо труднее, чем я мог думать. Надо составить хрестоматию, т. е. заняться выбором образцов специально. Вейнберговская хрестоматия, как уверяют в Петербурге, плоха и не удовлетворяет преподавателей. К тому же она аспидски дорога. Отчего бы Вам в Москве не собрать комиссию из 5- 6 человек и отчего бы этой комиссии не составить хрестоматию? Вы человек опытный, могли бы это сделать. Потребуется на хрестоматию не больше года. Если сия идея не противна Вам, то намотайте ее на ус - по приезде поговорим и обсудим дело. Я убежден, что можно составить хрестоматию, которая будет стоить не дороже рубля с четвертаком.

В понедельник я читаю в Литературном обществе свой новый рассказ. Прения будут интересные. Придется ставить свою шею под удары таких неотразимых диалектиков, как адвокаты Андреевский и кн. Урусов. Впрочем, с нами бог!

Жму Вам руку и еще раз прошу передать Лидии Николаевне мою сердечную благодарность.

Ваш А. Чехов.

546. НЕУСТАНОВЛЕННОМУ ЛИЦУ

11 декабря 1888 г. Петербург.

В таком-то городе живет Петр Иваныч Бобчинский. Если сей Бобчинский умрет, или спятит с ума, или женится на ведьме, или будет взят живым на небо, или станет государственным канцлером, или уйдет в "Новости"- одним словом, если волею судеб он очутится за тридевять земель от Вас, то забудьте его. Впрочем, раз в год, прочитав эти строчки и зевнув, вспомните нечаянно, что он любил Вас всем сердцем и глубоко уважал.

А. Чехов.

88 -11 - XII

547. М. М. ДЮКОВСКОМУ

13 декабря 1888 г. Петербург.

Милый Михаил Михайлович! Я взял для Мещанского училища 1 экз. "Сборника в память Гаршина". Цепа 2 р. 50 к. Сборник хороший. 16 дек«абря» я буду в Москве. Приезжайте или пришлите человека.

Будьте здоровы.

Ваш А. Чехов. На обороте:

Москва, у Калужских ворот,

Мещанское училище

Михаилу Михайловичу Дюковскому,

548. М. В. КИСЕЛЕВОЙ

13 декабря 1888 г. Петербург.

13 дек. Петербург.

Талантливая Мария Владимировна!

Так называет Вас Сысоиха,у которой я был вчера. Это солидная grande-dame со следами когда-то бывшей красоты, восторженная и благородная - тип отставной полковницы, живущей на пенсию. О Вас я начал говорить таким образом:

- М-me Киселева сердится, что Вы ей мало платите. Это нехорошо.

Она вскочила, всплеснула руками и воскликнула:

- Ах! Да это возмутительно! Я ведь в письме спрашивала ее: довольна она гонораром или нет? Она ответила, что вполне довольна и большего не хочет

- Но ведь Вы сами должны догадаться! Разве можно платить по 30 руб. за лист? Ведь это ужасная плата…

И т. д. Кончилось тем, что Сысоиха обещала выслать Вам за последний рассказ по 40 р. с листа, что она и сделает. Если я сказал слово сердится и если это слово Вам не нравится, то очень рад. С Вами не нужно церемониться. От Вашего имени я Сысоихе наговорил таких вещей, что в письме к Вам она уж едва ли назовет Вас "моя дорогая"… Она назовет Вас многоуважаемой, зато заплатит больше - что и требуется доказать. Сысоиха благородная дама, но все-таки Ма-Сте большая. Альмединген хвалит Вашу повесть. Он говорит, что через 5-10 лет из Вас выработается настоящая писательница.

Сейчас разговаривал по телефону с Савиной. Вчера читал в Литературном обществе и имел успех. А сию минуту меня зовут завтракать и мешают мне писать Вам.

15 дек«абря» я буду уже в Москве. Низкий поклон Барину, Василисе и Елизавете Александровне.

Сердечно преданный

Антуан Чехов.

549. П. П. ГНЕДИЧУ

15 декабря 1888 г. Петербург.

15 дек.

Уважаемый Петр Петрович!

Я отпустил Вашего посланного, не заглянув в сверток; результатом сего было то, что я невольно завладел Вашей папкой. Уезжая (сегодня), я поручу кому-нибудь передать эту папку в "Север" и таким образом искуплю свое преступление.

За книжку большое Вам спасибо.

Адрес Левитана такой: Москва, Тверская, Nомера "Англия", Исааку Ильичу Левитану.

Будьте здоровы.

Искренно уважающий

А. Чехов.

550. Ф. О. ШЕХТЕЛЮ

16 декабря 1888 г. Москва.

16 дек.

Милый Франц Осипович!

Сейчас я вернулся из Петербурга. Случайно через брата Александра я узнал точный адрес Николая. Вот он: "Каланчевская ул., д. Богомолова, кв. 44, Аполлинарии Степановне Малченко, для передачи Н. П. Чехову". Лучше бы, если бы Вы, голубчик, решились съездить по этому адресу. Письмами ничего не поделаешь. Если я могу быть Вам полезен, то распоряжайтесь мной. Все сделаю, что могу. Мне больно и стыдно.

Сейчас я посылаю Николаю письмо такого сорта, что он ответит непременно. Ответ привезу или пришлю Вам.

Будьте здоровы. Наталье Тимофеевне мой поклон.

Ваш А. Чехов.

Кланяется Вам Голике.

551. А. С. СУВОРИНУ

17 декабря 1888 г. Москва.

17 дек.

Я послал Вам телеграмму, дорогой Алексей Сергеевич. Вот Вам подробности. Никулина встретила меня заспанная; все время она моргала так, как будто ее одолевали комары. Когда я сказал ей, что она будет играть Кокошкину, она смутилась. - А я думала играть Репину.

- Тогда некому будет играть Кокошкину, - сказал я. - Если вы не станете играть Кокошкину, то эта роль пропадет и проч.

По ее словам, кроме ее, играть Татьяну некому. Федотова якобы отказалась, а Ермолова занята по горло аверкиевским "Теофано" и федотовским "Шильонским узником", которые пойдут скоро.

Сожалела Никулина, что нет ролей для Музиля и Горева. Просила отдать Гореву Сабинина, а Ленскому Адашева. Зная Горева, я сказал, что на это Вы, быть может, согласитесь.

Актрисы - это коровы, воображающие себя богинями. Ездить к ним значит просить их - так по крайней мере они сами думают. Иначе бы я съездил к Федотовой и Ермоловой узнать, насколько права Никулина. Очень возможно, что Никулина хочет взять себе роль Татьяны только затем, чтобы насолить Ермоловой или Федотовой. Маккиавели в юбке. Что ни баба, то ум.

Не радуйтесь за Кокошкину. Нисколько не соблазнительно, что ее будет играть Федотова. Она сыграет хуже Никулиной.

Будьте добры, дайте сестре забракованный рассказ Ежова. Скажите Алексею Алексеевичу, что пароход "Дир", на котором мы плыли летом в Поти и терпели муки, приказал долго жить; разбился о южный берег Крыма.

Получил я от Худекова телеграмму. Просит прислать ему к Рождеству рассказ в 200

строк и предлагает за сие сто рублей. Постараюсь нацарапать какую-нибудь кислятинку.

Я уже принялся за "Иванова". Через два дня будет готов. Выходит складно, но не сценично. Три первые акта ничего.

Жду от Вас дальнейших полномочий. Если нужно в ад ехать - поеду. Я люблю провожать, сватать, шаферствовать. Пожалуйста, со мной не церемоньтесь.

Анне Ивановне целую руку и кланяюсь до земли. Сестре, Боре, Насте, Алексею Алексеевичу, Маслову, Гею - всем поклон и привет. Мне скучно и грустно.

Будьте здоровы.

Ваш А. Чехов.

552. А. С. СУВОРИНУ

18 декабря 1888 г. Москва.

18 дек., вечером.

Звон победы раздавайся, веселися, храбрый Росс! Сегодня приходил от Никулиной лакей с письмом. Просит пожаловать для переговоров. Я поехал и на пути заехал к Ленскому. От последнего узнал, что все актеры возмущены претензиями Никулиной, что над нею смеются и проч. Кстати же, Ленский сообщил мне, что он будет играть Адашева. Взял бы Сабинина, но ему опротивело играть обольстителей. О том, что Ермолова не согласна играть Репину, он не слышал, по его же мнению, Репина - ермоловская роль. Рекомендовал настаивать на Ермоловой. Федотова стара и интригует. Захочет, чтоб Рыбаков играл и проч.

У Никулиной теплый прием. Тысяча обворожительно-сонных улыбок и приятных слов.

- Я согласна играть Кокошкину, но кто же будет играть Репину? Машенька (т. е. Ермолова) занята, Федотова сказала: я не играю пьяных женщин. И почему это А«лексей» С«ергеевич» не хочет, чтобы я играла драматическую роль? Разве я не умею? Мне даже кажется, что я в сцене смерти и прочее буду энергичнее Машеньки… А Федотова? Боже мой! Ведь она все испортит! Она будет играть добродетельную!

Входит старая дева с крысьим лицом и в шали, рекомендуется сестрицею Никулиной и начинает монолог:

- Федотова не играет пьяных женщин, а Машенька терпеть не может Суворина. Она сказала: ни за что в свете не стану играть в суворинских пьесах, и никто меня не заставит! Он ведь ее с грязью смешал. Кажется, за Офелию… Она его ненавидит… К тому же Надя будет очень хороша в этой роли… И т. д.

- Так что же прикажете телеграфировать Суворину? - спрашиваю я Надю.

- Право, не знаю… Я теперь совсем без пьесы. Была у меня пьеса Крылова, мы уже и роли переписали и репетицию назначили, но когда я получила первую телеграмму от Суворина, то отказалась от Крылова, он же продал свою пьесу Коршу для бенефиса Рыбчинской. И я теперь на мели. Крылов торжествует… Просто не знаю, что делать…

- Что же прикажете телеграфировать Суворину?- настаиваю я.

- Вот что, вы поезжайте к Машеньке и спросите ее: согласится ли она играть? Если согласится, то я, пожалуй… конечно, хотя…

- Я не поеду, - говорю я. - Суворин не уполномочивал меня ездить и настаивать на постановке пьесы. Постановка нужна не ему, а вам. Между нами говоря, Суворин человек щепетильный и не любит, если он сам или его посланный попадают так или иначе в положение просящего. Это ему нож острый.

- Ах, боже мой, кто же это говорит? Мы его просим, а не он нас!

А сестрица в это время: тра-та-та-та. Тарантит без умолку.

- Так я сейчас напишу Машеньке письмо и спрошу, согласна ли она. Она близко живет. Если подождете полчаса, то получите ответ.

Надя пишет письмо и читает мне не то, что написала. Письмо посылается. Я жду. Входит Кречинский - тип рантье ремонтера с бакенами и сединой. Это mari d'elle*. Рекомендуемся.

- Душа, где наш табак? - спрашивает он у супруги.

- Не знаю, душа. А я к Машеньке сейчас послала насчет Репиной…

- Это не ее роль. Скверно сыграет.

- А Суворин не хочет, чтоб я играла.

- Конечно, тебе нельзя Репину играть! Ты, душа, хороша только в комических ролях, а в драме я не люблю на тебя смотреть.

- Что ж ты говоришь?! Ты, душа, никогда не бываешь на драмах!

- Не бываю… Зачем? За свои деньги и себя же мучить! Драм много и в жизни.

Начинается умный разговор. Ремонтер несет чепуху. С драм переходим к вреду табака. Ремонтер жалуется на кашель и обвиняет табак. Сестрица тарантит. Эпизод: сестрица пошла за табаком, спотыкнулась и рассыпала табак на пол. Мне смешно, но смеяться неловко.

Наконец, входит лакей и подает Наде письмо в каком-то необыкновенном, социально-демократическом конверте. По конверту узнаю, что письмо от радикалки Машеньки. Надя нервно распечатывает письмо и читает вслух:

"Если это для Вас, то я согласна. Но ведь Вы, кажется, сами хотели играть Репину? Сегодня прочту пьесу, завтра дам ответ".

В первой фразе письма шпилька Суворину, во второй шпилька самой Наде.

Раскланиваюсь и ухожу. Итак, завтра я получу ответ, который и пошлю Вам. Бабы ненавидят друг друга и интригуют вовсю. Понять их трудно, но у меня есть Ленский, который рад взорвать на воздух всех актрис, кроме Ермоловой. Он знает все завязки и развязки интриг и угадывает их быстро. Он будет руководить мною в потемках (если это понадобится). По его мнению, Татьяну Репину Ермолова рано или поздно играть будет, но что пьеса теперь едва ли пойдет - бабы напутали много, трудно распутать.

Я забыл у себя на столе корректуру своего рассказа, который начинается с VII главы. Найдите его, голубчик, и пришлите с пьесами. Я хочу продолжать его.

Бабы хитры. На их телеграммы и письма, буде получите, не отвечайте без моего ведома, иначе мы с Вами рискуем запеть из разных опер. Свое полномочие я свел только к одной фразе: "Что прикажете телеграфировать Суворину?" Остальное я считаю излишним. Так и знайте, что, кроме этой фразы, я ничего больше не буду говорить. Пусть бабы сами выпутываются.

А Крылов, оказывается, спас "Татьяну"! Если бы он не поспешил продать свою пьесу Коршу, то разговоров о "Татьяне" уже не было бы.

Кланяюсь Анне Ивановне, Насте, Боре и всем Вашим домочадцам. Будьте здоровы.

Ваш А. Чехов.

"Иванов" готов. Переписывается. * ее муж (франц.).

553. А. С. СУВОРИНУ

19 декабря 1888 г. Москва.

19 декабря.

Посылаю это письмо вслед за срочной телеграммой. Я опять получил письмо от Никулиной. Она прислала за мной лошадь. Чтобы поддержать Ваш престиж, я заставил кучера ждать меня 20 минут и мерзнуть. Лошадь хорошая, дом у Никулиной собственный, из чего я заключаю, что актрисам живется гораздо легче и удобнее, чем драматургам Чехову и Щеглову.

Никулина встретила меня радостной вестью, что Машенька согласилась играть Репину. Мы сели за стол и составили такую афишу:

Репина - Ермолова.

Кокошкина - Никулина.

Оленина - Лешковская.

Адашев - Ленский.

Матвеев - Макшеев.

Гореву нужно участвовать в бенефисе Никулиной. Он хочет Адашева, я предлагаю ему Сабинина. От Сабинина он, по словам Никулиной, отказывается, о чем нельзя не пожалеть. Он очень приличен, играет нервно, одевается вкусно. Если он будет продолжать фордыбачиться, то Сабинина сыграет Южин. Так я и написал:

Горев или Южин. В письме ко мне Вы напишите, что Вы очень бы желали, чтобы Сабинина играл Горев, но что если это нельзя и проч. Горев в Сабинине будет лучше Южина, а потому настаивайте на Гореве. Что касается Раисы, то я предложил эту роль Садовской или Медведевой - обе хороши. Няньку Садовская не возьмет: мало! Котельников - Рыбаков или Михайло Садовский, Кокошкин - Греков. Мелюзгу я отдал на благоусмотрение высокоталантливой бенефициантки. Пришлите побольше экземпляров: Ермоловой, Ленскому, Никулиной, Сабинину, Макшееву, вообще всем первым и вторым персонажам. Это им польстит и будет полезно. Познакомятся хорошо с пьесой.

Своего "Болванова" я кончил и посылаю одновременно с этим письмом. Надоел он мне, как Щеглов актерам. Коли есть охота, прочтите, а коли нет, сейчас же пошлите Потехину. Я обещал выслать ему пьесу к 22 декабря. Послал ему письмо, где подчеркнул этот срок. Я ни одним словом не заикнулся о постановке и не буду заикаться. Вы им ничего не говорите. Буду делать вид, что я не нуждаюсь ни в славе, ни в деньгах. Теперь мой г. Иванов много понятнее. Финал меня совсем не удовлетворяет (кроме выстрела, все вяло), но утешаюсь тем, что форма его еще не окончательная. Если захотят поставить и спросят, кому кого играть, то вот им моя воля нерушимая:

Иванов - Давыдов.

Сарра - Савина.

Шабельский - Свободин.

Львов - Сазонов.

Лебедев - Варламов,

Саша - Ваш выбор.

Сей список можете сообщить Потехину хоть и теперь, дабы наш общий друг Давыдов не забежал зайцем вперед и не напутал. Отдаю Иванова Давыдову - иначе нельзя: Давыдов эту роль играл в Москве. Сазонов, Свободин и Варламов будут играть хорошо, так хорошо, что сотрут Давыденьку и отучат его браться за драму. Видите, какие у меня тонкие замыслы!

Григорович говорил Вам, что я стал горд и возвышаюсь. Не потому ли это, что моего "Медведя" играют у министров? Я рад был бы гордиться, да не знаю чем и перед кем. Если я не бываю у великих мира сего и у приятелей, то это не гордость, а просто лень… Если б я жил в Петербурге, то видался бы со всеми

своими петербургскими знакомыми не чаще, чем теперь.

Кланяюсь низко Анне Ивановне. Скажите ей, что я два раза подчеркнул, а то она обвиняет меня в том, что я в своих письмах не кланяюсь ей. Если пойдет "Иванов", то я угощаю литерной ложей.

Бенефис Никулиной назначен на 11 января; если же не успеют срепетовать, то на 17-е. Приезжайте к 17-му. В сей день, его же сотвори господь, я именинник.

Не находите ли, что с пьесами я справляюсь очень быстро? Едва коснулся пальцем к "Иванову", как он уж и готов. Надо в Крыловы поступить.

Щеглов прислал мне программу: длинный список своих пьес, комментарии к ним и просьба походатайствовать у Корша за "Театрального воробья" и прочих зверей его изделия. Не пригласить ли к нему Мержеевского? Милый человек, добрый и не хитрый. Страдает черт знает из-за чего. Жалко.

Пьесы надо писать скверно и нагло.

Житель прислал мне свою книжку. Я просил его об этом. Хочу прочесть его в массе. Мне кажется, что его время еще не пришло. Может случиться, что он станет модным человеком.

Даю Вам слово, что такие умственные и поганые пьесы, как "Иванов", я больше писать не буду. Если "Иванов" не пойдет, то я не удивлюсь и никого в интригах и в подвохах обвинять не буду.

Первый акт Вашей "Репиной" сделан так странно, что я совсем сбился с панталыку. На репетиции этот акт мне казался скучным и неумело сделанным, а теперь я понимаю, что иначе делать пьесы нельзя, и понимаю успех этого акта. После "Татьяны" моя пьеса представляется мне бонбоньерочной, хотя я до сих пор не уяснил себе, хороша Ваша пьеса или же нет. В архитектуре ее есть что-то такое, чего я не понимаю…

Рассохину я отдам пьесу на комиссию. Зачем его баловать? Он уж и так избалован. Дадим ему 40% - и будет с него. Выручку в пользу "Общества вспомоществования сценическим деятелям". Так я ему и скажу.

Если "Иванов" будет у Потехина и К° 22-23, то он попадет как раз в центру.

"Княгиню" напишу непременно. Чувствую, что виноват перед Вами. Я больше говорю и обещаю, чем делаю. Если успею сделать "Княгиню" к 24 дек«абря», то телеграфирую. К Новому году дам сказку. Сегодня я буду писать Худекову на такую жалкую тему, что совестно. Не писал бы, да сто рублей не хочется потерять.

Алексею Алексеевичу поклон. Насте и Боре тоже. Спасибо Вам за сестру. Кто знает? Быть может, я когда-нибудь заплачу за гостеприимство… Я об этом мечтаю.

Будьте здоровы и веселы.

Ваш А. Чехов.

Скажите Свободину, коли увидите его, что граф Шабельский его роль. Дайте это обещание раньше, чтоб Давыдов не выхватил эту роль для деревянного Далматова.

554. И. Л. ЛЕОНТЬЕВУ (ЩЕГЛОВУ)

20 декабря 1888 г. Москва.

20 дек.

Хотя я всею душой и всем сердцем ненавижу Ваши театральные дела, но тем не менее, милейший Жан, веленью Вашему послушный, я отправился вчера к Коршу и исполнил Ваше желание. Вот результат моей беседы с Соловцовым: присылайте поскорее "Театралов" (трехактных) и "Комика по натуре". "Театр«ального» воробья" тоже поставят. "Дачному мужу" пойте панихиду. Он не пойдет. Во-первых, Глама уехала; во-вторых, скучно возобновлять старую пьесу, когда под носом лежат

новые.

Корш и Соловцов поют из разных опер; трудно понять, но, по всей вероятности, "Театралов" поставят.

Театр - это змея, сосущая Вашу кровь. Пока в Вас беллетрист не победит драматурга, до тех пор я буду есть Вас и предавать Ваши пьесы проклятию. Так и знайте.

Жалею, что не побывал у Вас; мне совестно. Но Вы, голубчик, простите меня. В моих жилах течет ленивая хохлацкая кровь. К тому же в Питере меня терзали на части и гоняли, как почтовую лошадь. Я ездил, ходил, ел и пил без устали.

Две недели, прожитые у Суворина, прошли как единый миг. Суворин в высшей степени искренний и общительный человек. Все, что говорил он мне, было очень интересно. Опыт у него громадный. Анна Ивановна угощала меня пощечинами, нравоучениями и шартрезом. Из всех женщин, которых я знаю, это единственная, имеющая свой собственный, самостоятельный взгляд на вещи. Она урожденная Орфанова, сестра литератора Мишлы Орфанова, чудеснейшего человека. Вся семья Орфановых прекрасна. Остальная публика у Суворина - теплые люди и не всегда скучные.

Сажусь писать рассказ для "Петерб«ургской» газеты".

Будьте здоровы. Пишите мне.

Ваш Antoine.

Отчего Вы так не любите говорить о Соболевом переулке? Я люблю тех, кто там бывает, хотя сам бываю там так же редко, как и Вы. Не надо брезговать жизнью, какова бы она ни была.

555. В. А. ТИХОНОВУ

20 декабря 1888 г. Москва.

20 дек.

Милый Владимир Алексеевич, вчера я был у Корша и узнал, что нужно. Глама-Мещерская в самом деле серьезно больна и в отъезде. У нее что-то вроде костоеды верхней челюсти и невралгия. Если судить по тому, что я слышал, болезнь ее протянется недолго, а операция (она необходима) отнимет немного времени. Соловцов говорил, что как только Глама приедет, то первым делом поставят "Без коромысла и утюга". Пьеса еще будет идти много раз. Не унывайте.

Когда будете жениться на рябой бабе, которая будет Вас бить, и когда на Волге вместе с этою бабой и ее любовником станет одолевать Вас непогода, то Вам будет скучно. Но эта скука ничто в сравнении с тем унынием, в какое я впал, вернувшись из Вашего шумного Питера.

Будьте здоровы. Желаю всего хорошего.

Ваш А. Чехов.

556. Н. А. ЛЕЙКИНУ

22 декабря 1888 г. Москва.

22 дек.

Добрейший Николай Александрович!

Не спешу посылать Вам счеты и деньги, потому что, к великому моему неудовольствию, г. Ступин не дал счета и просил повременить, зайти "апосля". В сочельник пошлю к нему. Если он и тогда попросит повременить, то я плюну и пошлю Вам деньги.

Салаев продал на 60 р. 90, к«ото»рые я и получил. "Пестрые рассказы" проданы все, до единого экземпляра. Просил Салаев выслать ему еще "Пестрых рассказов".

- Если им теперь не время высылать, - сказал Салаев брату, - то пусть сдадут в наш петербургский склад.

От Васильева получено 12 р. Итого у меня Ваших денег 72 р. 90 коп. К Ступину пошлю завтра 23-го, а не в сочельник.

Ваш "Кум пожарный" застрял у Корша. Ждет бенефицианта.

Морозы у нас трескучие, противные, так что нельзя носа на улицу показать.

Послал Худекову рассказ.

Ну, оставайтесь живы и здоровы, встречайте весело праздник и не забывайте нас грешных. Поклон Прасковье Никифоровне и Феде. Наши Вам кланяются.

Ваш А. Чехов.

557. Н. А. НИКУЛИНОЙ

22 декабря 1888 г. Москва.

22 дек., 8 часов вечера.

Многоуважаемая Надежда Алексеевна! Без вины виноват перед Вами. Пьеса получена мною только сегодня вечером, и я спешу послать Вам ее. Один экземпляр цензурованный.

В письме ко мне А. С. Суворин убедительно просит г. Горева взять роль Сабинина.

Посылаемые экземпляры - самая последняя редакция. Экземпляр, который я дал Вам раньше, недействителен. В случае, если гг. артисты пожелают сделать какие-либо изменения и выпуски, то автор предоставляет им полную свободу действий. Он просит оставить в неприкосновенности лишь немногие места, указанные им в письме ко мне. Будьте добры уведомить меня, в какие часы дня я могу застать Вас дома.

С почтением имею честь быть А. Чехов.

558. Н. А. ЛЕЙКИНУ

23 декабря 1888 г. Москва.

23 д.

Добрейший Николай Александрович! Посылаю Вам деньги.

Салаев…. 60 р. 90 к.

Васильев… 12 р.-

Ступин… 21 р.-

Итого 93 р. 90 к.

Посылаю сто рублей: некогда и негде разменять. За Вами шесть рублей. Извозчик к Салаеву 40 коп. и пересылка денег, вероятно, копеек 60. Итого рупь. Значит, за Вами семь рублей. Будьте здравы.

Ваш А. Чехов.

Поздравляю с праздником.

559. Л. С. СУВОРИНУ

23 декабря 1888 г. Москва.

23 дек.

Дорогой Алексей Сергеевич, пьесу я получил вчера в 8 часов вечера, но не двумя днями раньше, как Вы обещали и как бы следовало. Никулина спешит, как угорелая, и каждый час промедления портит ей пуд крови. Вчера от нее не было посланного. Плохой признак. Боюсь, что она не выдержала и велела переписывать роли по старому экземпляру.

Вчера я послал ей экземпляры, удержав у себя экземпляр старой редакции: боюсь, чтоб не напутали. Сегодня был у меня ее посланный с приглашением пожаловать в 5 часов. Вчера я написал ей: "Если гг. артисты пожелают сделать какие-нибудь изменения и выпуски, то автор (т. е. Вы) предоставляет им полную свободу действий. Он просит оставить неприкосновенными лишь некоторые места, указанные им в письме ко мне". Я буду спасать одного только Адашева - этого достаточно, чтобы была спасена от опустошения вся пьеса. Раз Адашев будет говорить, Репина поневоле должна будет отвечать ему.

Я прочел снова Вашу пьесу. В ней очень много хорошего и оригинального, чего раньше не было в драм«атической» литературе, и много нехорошего (напр«имер» язык). Ее достоинства и недостатки - это такой капитал, которым можно было бы поживиться, будь у нас критика. Но этот капитал будет лежать даром, непроизводительно до тех пор, пока не устареет и не выйдет в тираж. Критики нет. Дующий в шаблон Татищев, осел Михневич и равнодушный Буренин - вот и вся российская критическая сила. А писать для этой силы не стоит, как не стоит давать нюхать цветы тому, у кого насморк. Бывают минуты, когда я положительно падаю духом. Для кого и для чего я пишу? Для публики? Но я ее не вижу и в нее верю меньше, чем в домового: она необразованна, дурно воспитана, а ее лучшие элементы недобросовестны и неискренни по отношению к нам. Нужен я этой публике или не нужен, понять я не могу. Буренин говорит, что я не нужен и занимаюсь пустяками, Академия дала премию - сам черт ничего не поймет. Писать для денег? Но денег у меня никогда нет, и к ним я от непривычки иметь их почти равнодушен. Для денег я работаю вяло. Писать для похвал? Но они меня только раздражают. Литературное общество, студенты, Евреинова, Плещеев, девицы и проч. расхвалили мой "Припадок" вовсю, а описание первого снега заметил один только Григорович. И т. д. и т. д. Будь же у нас критика, тогда бы я знал, что я составляю материал - хороший или дурной, все равно, - что для людей, посвятивших себя изучению жизни, я так же нужен, как для астронома звезда. И я бы тогда старался работать и знал бы, для чего работаю. А теперь я, Вы, Муравлин и проч. похожи на маньяков, пишущих книги и пьесы для собственного удовольствия. Собственное удовольствие, конечно, хорошая штука; оно чувствуется, пока пишешь, а потом? Но… закрываю клапан. Одним словом, мне обидно за Татьяну Репину и жаль не потому, что она отравилась, а потому, что прожила свой век, страдальчески умерла и была описана совершенно напрасно и без всякой пользы для людей. Исчезла бесследно масса племен, религий, языков, культур - исчезла, потому что не было историков и биологов. Так исчезает на наших глазах масса жизней и произведений искусств, благодаря полному отсутствию критики. Скажут, что критике у нас нечего делать, что все современные произведения ничтожны и плохи. Но это узкий взгляд. Жизнь изучается не по одним только плюсам, но и минусам. Одно убеждение, что восьмидесятые годы не дали ни одного писателя, может послужить материалом для пяти томов.

Изменения в пьесе не слишком заметны. Прерывать монолог, если его будет читать Ленский, особенной необходимости нет. Но от этого, впрочем, пожалуй, выиграет Репина. Для молодого человека, утомленного жизнью, не убедительны никакие аргументы, никакие ссылки на бога, мать и проч. Утомление - это сила, с которой надо считаться. К тому же еще у Репиной болит нестерпимо желудок. Может ли она молча и не морщась слушать длинный монолог? Нет. Ее фраза: "Не то, не то вы говорите…" взята верно, а фраза на стр. 139: "Для жизни, для жизни…" мне непонятна. Не нужно, чтоб она соглашалась с Адашевым. Если ее заставит желать жить боль, то я пойму, но в силу слов адашевских я не верю. Да и не нужно, чтоб он был убедителен. Вставка про ласки матери… "я одна, одна"- это хорошо. Mercі. Монолог с цветами (I явление) короток, можно бы длинней и сочней. У Вас в речи Репиной почти отсутствует сочная фраза. Конец III акта в руце Ермоловой. На прасно Татьяна часто употребляет слово "проклятый": обидчик проклятый, жид проклятый… В I действии новые слова Репиной о том, что она великодушнее, хороши

и кстати, но рассказ Котельникова о золотом тельце взят произвольно и составляет излишний орнамент.

Сейчас получил Ваше письмо. Отсутствие Саши в конце IV акта Вам резко бросилось в глаза. Так и надо. Пусть вся публика заметит, что Саши нет. Вы настаиваете на ее появлении: законы, мол, сцены того требуют. Хорошо, пусть явится, но что же она будет говорить? Какие слова? Такие девицы (она не девушка, а девица) говорить не умеют и не должны. Прежняя Саша могла говорить и была симпатична, а новая своим появлением только раздражит публику. Ведь не может же она броситься Иванову на шею и сказать: "Я вас люблю!" Ведь она не любит и созналась в этом. Чтобы вывести ее в конце, нужно переделать ее всю с самого начала. Вы говорите, что ни одной женщины нет и что это сушит конец. Согласен. Могли явиться в конце и вступиться за Иванова только две женщины, которые в самом деле любили его: родная мать и жидовка. Но так как они обе умерли, то и разговора быть не может. Сирота пусть и остается сиротой, черт с ним.

"Медведь" печатается вторым изданием. А Вы говорите, что я не превосходный драматург. Я придумал для Савиной, Давыдова и министров водевиль под заглавием "Гром и молния". Во время грозы ночью я заставлю земского врача Давыдова заехать к девице Савиной. У Давыдова зубы болят, а у Савиной несносный характер. Интересные разговоры, прерываемые громом. В конце - женю. Когда я испишусь, то стану писать водевили и жить ими. Мне кажется, что я мог бы писать их по сотне в год. Из меня водевильные сюжеты прут, как нефть из бакинских недр. Зачем я не могу отдать свой нефтяной участок Щеглову?

Послал Худекову за 100 рублей рассказ, который прошу не читать: мне стыдно за него. Вчера я сел вечером, чтобы писать в "Новое время" сказку, но явилась баба и потащила меня на Плющиху к поэту Пальмину, который в пьяном образе упал и расшиб себе лоб до кости. Возился я с ним, с пьяным, часа полтора-два, утомился, провонял йодоформом, озлился и вернулся домой утомленным. Сегодня писать было бы уже поздно. Вообще живется мне скучно, и начинаю я временами ненавидеть чего раньше со мной никогда не бывало. Длинные, глупые разговоры, гости, просители, рублевые, двух-и трехрублевые подачки, траты на извозчиков ради больных, не дающих мне ни гроша, - одним словом, такой кавардак, что хоть из дому беги. Берут у меня взаймы и не отдают книги тащат, временем моим не дорожат… Не хватает только несчастной любви.

Вернулся от Никулиной. Когда роль Олениной была уже отдана Лешковской, Федотова изъявила желание взять эту роль, но уж было поздно. Видите, какая Вам честь со всех сторон! Даже ненавидящие Вас ищут угодить Вам. Котельникова играет Садовский. Это решено. Горев сдается, но еще не сдался. Ваши строчки подействовали на него. Южин повешен за плечи, но дамам нравится. Вы уж слишком! Он в Сабинине будет в 1000 раз лучше Далматова. Зонненштейн - Правдин. Раиса -Медведева. Садовская не умеет играть жидовок, а Медведева мастер по этой части. Она Вам понравится. Авдотья отдана Рыкаловой. Никулина скорбит, что ее роль слишком коротка для бенефициантки. Это правда. Бенефис будет 16-го янв«аря». Прибавьте-ка что-нибудь Никулиной! До 16 Вы успеете написать два-три варианта и прислать. Увеличьте для Никулиной 2, 3 и 4 акты. Пусть во II она поговорит с Сабининым о любви и о мужчинах-слегка и в бойкой, юмористической форме. Вы напишите варианты явлений, пошлите их в цензуру - вот и все, а после бенефиса их бросить можно. Я дал слово Никулиной, что упрошу Вас. Дайте ей говорить в конце IV акта. Пусть ахнет или что-нибудь вроде.

Надеюсь, что Вы приедете к 16-му янв«аря». Если не будет Вас, то актеры обидятся. Они питают к Вам хорошее чувство, а ненавидящие все-таки уважают и ценят. Разыграют они лучше александринских. По крайней мере ансамбль будет лучше. После второй репетиции я еду к Ленскому и говорю о сокращениях, буде таковые актерам понадобятся.

Это письмо Вы получите в первый день Рождества. Значит, с праздником Вас поздравляю. Отдыхайте. Сестра кланяется Вам, Анне Ивановне и детям. Я тоже низко кланяюсь и пребываю скучающим

А. Чехов.

Материал для "Детворы" пришлю на праздниках. Хорошая выйдет книжка. Соберу также материал для третьей книжки "Рассказов". Подлецы приятели-художники подвели меня с "Каштанкой". До сих пор рисунки не готовы.

В "Северный вестник" я дам рассказ в марте, до марта же буду писать только у Вас. Даю слово. Мне стыдно. К Новому году пришлю сказку, а в январе "Княгиню".

560. Д. В. ГРИГОРОВИЧУ

24 декабря 1888 г. Москва.

24 декабрь.

Дорогой Дмитрий Васильевич, пишу Вам на суворинской бумаге. Моя сестра, вернувшись из Петербурга, сказала мне: "На Суворинных неприятно подействовало, что ты перед отъездом не побывал у Григоровича. Ты этим огорчил его". Уверяю Вас, милый мой, что у меня и в мыслях не было сделать Вам что-нибудь неприятное, а тем более оскорблять Вас своим невниманием. Правда, в моих жилах течет ленивая хохлацкая кровь, я тяжел на подъем и не люблю выходить из дому, но моя любовь к Вам пересилила бы всякую лень. Видеть Вас и говорить с Вами для меня такое удовольствие, какое мне приходится испытывать не часто. Говорю я искренно. Не был же я у Вас благодаря одному обстоятельству, которое я теперь считаю просто недоразумением. Прошу Вас припомнить тот вечер, когда Вы, Алексей Сергеевич и я шли из музея в магазин Цинзерлинга. Мы разговаривали. Я, между прочим, сказал:

- Я к Вам на днях приду.

- Дома Вы его не застанете, - сказал Суворин.

Вы промолчали. Ваше молчание я понял не так, как нужно, - отсюда и мое невежество. Во всяком случае я прошу извинить меня. Все-таки я виноват. Если Вы напишете мне, что не сердитесь на меня, то я буду очень рад, и за это, когда приеду в Петербург, обещаю Вам сопровождать Вас по улицам в качестве вожатого доктора, сколько Вам угодно.

Поздравляю Вас с Рождеством. Поэтический праздник. Жаль только, что на Руси народ беден и голоден, а то бы этот праздник с его снегом, белыми деревьями и морозом был бы на Руси самым красивым временем года. Это время, когда кажется, что сам бог ездит на санях.

В Москве "Татьяна Репина" идет 16-го января. Репину играет Ермолова, Адашева - Ленский. Приезжайте-ка вместе с Сувориным! Я готов держать пари, что московские актеры сыграют гораздо лучше ваших петербургских. У ваших хватило таланта только на одно первое действие, а в трех последних ансамбль был тамбовский - сильно пахло провинцией. А наши насчет ансамбля молодцы.

Так напишите же мне, что Вы не сердитесь. Честное слово, я был далек от мысли огорчить Вас. Пришлите фотографию с подобающею надписью.

Дам бог Вам здоровья и всего хорошего. Позвольте мне обнять Вас, крепко пожать Вам руку и пребыть сердечно преданным и уважающим

А. Чехов.

561. С. П. КУВШИННИКОВОЙ

25 декабря 1888 г. Москва.

25 декабря.

Простите, уважаемая Софья Петровна, вчера я не мог быть у Вас. Был болен и зол, как нечистый дух.

Поздравляю Вас с праздником и с вступлением в ряды бессмертных. Ничего, что Ваша картина маленькая. Копейки тоже маленькие, но когда их много, они делают рубль. Каждая картина, взятая в галерею, и каждая порядочная книга, попавшая в библиотеку, как бы они малы ни были, служат великому делу: скоплению в стране богатств. Видите, во мне даже патриот заговорил!

Почтение и поздравление Дмитрию Павловичу.

Сестра кланяется Вам и говорит, что была бы рада видеть Вас у себя. Я разделяю ее радость - это само собою разумеется.

Душевно преданный

А. Чехов.

562. А. С. СУВОРИНУ

26 декабря 1888 г. Москва.

26 дек.

Мне больно, что Вы сердились и что в "Новом времени" не было моего рассказа, но что делать? Дать Вам рассказ, который кажется мне гадостью, я не могу ни за какие блага в мире, иначе бы я сандалил в Вашей газете каждую неделю и имел бы деньги. Как Вам угодно, но и в будущие времена я стану держаться той же политики, т.е. не посылать Вам того, что мне противно. Надо ведь хоть одну газету щадить, да и свою нововременскую репутацию беречь. А "Петерб«ургская» газета" все съест.

Вы пишете, что надо работать не для критики, а для публики, что мне рано еще жаловаться. Приятно думать, что работаешь для публики, конечно, но откуда я знаю, что я работаю именно для публики? Сам я от своей работы, благодаря ее мизерности и кое-чему другому, удовлетворения не чувствую, публика же (я не называл ее подлой) по отношению к нам недобросовестна и неискренна, никогда от нее правды не услышишь и потому не разберешь, нужен я ей или нет. Рано мне жаловаться, но никогда не рано спросить себя: делом я занимаюсь или пустяками? Критика молчит, публика врет, а чувство мое мне говорит, что я занимаюсь вздором. Жалуюсь я? Не помню, каков тон был у моего письма, но если это так, то я жалуюсь не за себя, а за всю нашу братию, которую мне бесконечно жалко.

Всю неделю я зол, как сукин сын. Геморрой с зудом и кровотечением, посетители, Пальмин с расшибленным лбом, скука. В первый день праздника вечером возился с больным, который на моих же глазах и умер. Вообще мотивы невеселые. Злость - это малодушие своего рода. Сознаюсь и браню себя. А наипаче досадую на себя, что посвящаю Вас в тайны своей меланхолии, очень неинтересной и постыдной для такого цветущего и поэтами воспетого возраста, как мой.

К Новому году я постараюсь сделать для Вас сказку, а после 1-го вскоре вышлю "Княгиню".

Водевили можно печатать только летом, а не зимой.

Вы хотите во что бы то ни стало, чтобы я выпустил Сашу. Но ведь "Иванов" едва ли пойдет. Если пойдет, то извольте, сделаю по-Вашему, но только уж извините, задам я ей, мерзавке! Вы говорите, что женщины из сострадания любят, из сострадания выходят замуж… А мужчины? Я не люблю, когда реалисты-романисты клевещут на женщину, но и не люблю также, когда женщину поднимают за плечи, как Южина, и стараются доказать, что если она и хуже мужчины, то все-таки мужчина мерзавец, а женщина ангел. И женщина и мужчина пятак пара, только мужчина умнее и справедливее. Сегодня из театра приедет ко мне Ленский. Будем говорить о "Татьяне". Отдам вариант для передачи Садовскому.

Мой живописец на прежнем положении.

Осенью я переезжаю в Петербург. Беру с собой мать и сестру. Надо серьезно заняться делом.

Почему Вам так не нравится Ваш отрывок? Ваше все хорошо. Я жду, когда Н. Лаврецкий напишет еще один рассказ. Пишите! В Вашей "Истории одной ночи" наворочено и нагромождено столько всякого добра, что хоть и спотыкаешься временами, а читаешь с интересом и с большой симпатией к автору. Только пишите именно так, чтоб было наворочено и нагромождено, а не зализано и сплюснуто. Мне надоела зализанная беллетристика, да и читатель от нее скучает.

Не сердитесь на меня и простите мне меланхолию, которая мне самому несимпатична. Она вызвана во мне разными обстоятельствами, которые не я создал.

Читайте мне мораль и не извиняйтесь. Ах, если б Вы знали, как часто в своих письмах я читаю мораль молодым людям! Даже в привычку вошло. У меня фразы длинные, размазанные, а у Вас коротенькие. У Вас лучше выходит.

Был у меня Ленский с женой. Говорил, что Ермолова взялась за Татьяну с удовольствием. Первое действие пройдет хуже, чем в Петербурге, но остальные три, я убежден, гораздо лучше. Ермолова несносна в комедии, иначе бы и первое действие прошло великолепно. Приезжайте, пожалуйста. Это Вас развлечет. Постановка пьесы, ее успех, рецензии, поправки и проч. - все это утомляет и раздражает Вас, но это здорово и летом будет вспоминаться с удовольствием.

Пора бы для провинции дать пьесу. Пришлите 25 экземпляров, я сдам их Рассохину. Запишитесь в Общество. Написали монолог для Давыдова? Когда напишете, то не печатайте его, а отдайте литографировать. Актеры не умеют читать по-печатному, привыкли к литографии. Монолог подпишите Н. Лаврецким. Летом напечатайте его в газете.

Репетиции начнутся после праздника. На похоронах Юрьева я, вероятно, познакомлюсь с Ермоловой и буду говорить с ней о том, о сем. О пьесе говорить уже почти нечего, так как все устроилось благополучно. И полномочие мое не было особенно нужно. И без меня бы все хорошо устроилось. Мое пристрастие к Петербургу и к Вашей пьесе и мои поездки в Петербург актеры и их супруги объясняют тем, что у Вас есть большая дочка и что я хочу на ней жениться.

Прощайте. Кланяюсь Анне Ивановне и всем Вашим. Душевно Ваш

А. Чехов.

563. А. С. СУВОРИНУ

28 декабря 1888 г. Москва.

28 дек., вечер.

Сейчас получил, дорогой Алексей Сергеевич, поправки к "Репиной". Вставка для Кокошкиной очень хороша и очень кстати. Никулиной, наверное, понравится. Аплодирую Вам. Поправки в оленинской роли не особенно и, пожалуй, никак не нужны. Все в руках актрисы. Плохо сыграет, так никакие поправки не помогут, ибо оленинская роль заключается не в словах, а в игре. Адашев и Кокошкина должны говорить, а Оленина играть. Завтра все актеры на похоронах у Юрьева. В 5 часов я съезжу к Никулиной - раньше нельзя.

Что Вы Кокошкину выпустили в конце, это хорошо. Вам бы приехать хотя бы на две последние репетиции, тогда бы, глядя на игру, Вы бы придумали еще какие-нибудь слова. Можно сделать, чтоб Кокошкина сказала Сабинину 2-3 ядовито-слезных строчки.

Вставка Котельникову о шмулях рискует быть ошикана: половина театра всегда у нас занята авраамами, исааками и саррами.

При хорошем ансамбле музыку в конце можно подпустить, но чуть-чуть, еле-еле.

Сказка для новогоднего № уже почти готова, 30-го Вы ее получите, если же что помешает мне сегодня кончить ее, то Вы получите ее 31-го. Это непременно. Сказка интересная. Строк 400-500. Есть еще одна сказка. Если поместите в крещенском №, то пришлю.

Читал я в "Пет«ербургской» газете" про своего "Иванова". Должно быть, Плещеев-фис старается.

Кокошкину следует выпускать в конце пьесы только в том случае, если ее играет Никулина, а посему Вы не изменяйте пьесы ради этой роли; печатайте ее в том виде, в каком прислали мне неделю назад. А то не кончите поправлять. Путь

поправок - опасный путь (так бы сказал Андреевский). Только раз нужно вступить на него, чтобы никогда не дойти до цели.

Надеюсь, что у Анны Ивановны уже не болит голова. Желаю ей здравия. И Вам того же желаю и пребываю Дорогой учитель дерптских студентов

А. Чехов.

Сказку я кончил и посылаю.

Вы говорите, что актеры будут сокращать пьесу. А может быть, и не будут!

Я сейчас показал Ваш почерк писарю мирового судьи и спросил:

- А сколько бы Ваш мировой судья заплатил за такой почерк?

Писарь прыснул и сказал:- Ни копейки! Показал почерк Григоровича. Писарь насмешливо улыбнулся и сказал:

- За этот, пожалуй, дал бы рублей десять в месяц.

564. А. Н. ПЛЕЩЕЕВУ

30 декабря 1888 г. Москва.

30 дек.

Дорогой Алексей Николаевич, поздравляю Вас с Новым годом, с новым счастьем; дай бог Вам здоровья, хорошего сна, отличного аппетита, побольше денег, поменьше чужих рукописей. Желаю, чтобы, проснувшись в одно прекрасное утро и заглянув к себе под подушку, Вы нашли там бумажник с 200 000 руб. и чтобы всех Ваших кредиторов посадили в Петропавловскую крепость.

Что нового и хорошего? Елена Алексеевна была у нас один раз и, несмотря на то, что мы оказали ей самый радушный прием и что я был блестящ и остроумен, осталась недовольна, ушла и уж больше не приходила.

В Москве скучно и скучно, денег нет, до весны еще далеко, писать не хочется. Хочу опять уехать в Петербург и, вероятно, буду у Вас в январе (если пустит здоровье).

Кажется, мой "Иванов" пойдет в Александринке в бенефис Федорова-Юрковского, со Стрепетовой и Савиной. Вы как-то предлагали мне напечатать "Иванова" в "Северном вестнике"… Что ж? С большим нашим удовольствием. Я с Вас очень дешево возьму, так дешево, что Вы удивитесь. Если печатать, то в мартовской книжке. Пьеса короткая и займет не больше двух листов.

Надеюсь, ради вдовы моей и детей Вы сжалитесь над бедным "Ивановым" и не забракуете его в Комитете Я еще не женат, но пьесы пишу исключительно для вдовы, так как рано или поздно не миную общей участи и женюсь.

В "Иванове" весь IV акт переделан коренным образом, безжалостно.

Свой экземпляр "Памяти Гаршина" я пожертвовал для одного благотворительного аукциона. Если сборник еще не распродан, то, будьте добры, оставьте для меня один экземпляр в переплете. Я приеду и заплачу деньги.

Рассказ я пришлю для апрельской книжки.

В новогоднем № "Нового времени" будет моя сказка.

Сестра усердно кланяется Вам и всем Вашим и благодарит за гостеприимство и теплое радушие. Я тоже кланяюсь и поздравляю. Анне Михайловне и Марии Дмитриевне почтение и пожелания всех благ.

Будьте здоровы, обнимаю Вас крепко.

Ваш А. Чехов.

565. А. С. СУВОРИНУ

30 декабря 1888 г. Москва.

30 дек.

Никулина благодарит Вас за поправки. Сабинина играет Горев. Репетиции еще не начались. В том, что пьеса будет иметь успех, я уверен, ибо глаза у актеров ясные и лица не предательские - это значит, что пьеса им нравится и что они сами верят в успех. Никулина приглашала обедать. Благодарю Вас.

Режиссер считает Иванова лишним человеком в тургеневском вкусе; Савина спрашивает: почему Иванов подлец? Вы пишете: "Иванову необходимо дать что-нибудь такое, из чего видно было бы, почему две женщины на него вешаются и почему он подлец, а доктор- великий человек". Если Вы трое так поняли меня, то это значит, что мой "Иванов" никуда не годится. У меня, вероятно, зашел ум за разум, и я написал совсем не то, что хотел. Если Иванов выходит у меня подлецом или лишним человеком, а доктор великим человеком, если непонятно, почему Сарра и Саша любят Иванова, то, очевидно, пьеса моя не вытанцевалась и о постановке ее не может быть речи.

Героев своих я понимаю так. Иванов, дворянин, университетский человек, ничем не замечательный; натура легко возбуждающаяся, горячая, сильно склонная к увлечениям, честная и прямая, как большинство образованных дворян. Он жил в усадьбе и служил в земстве. Что он делал и как вел себя, что занимало и увлекало его, видно из следующих слов его, обращенных к доктору (акт I, явл. 5): "Не женитесь вы ни на еврейках, ни на психопатках, ни на синих чулках…не воюйте вы в одиночку с тысячами, не сражайтесь с мельницами, не бейтесь лбом о стены… Да хранит вас бог от всевозможных рациональных хозяйств, необыкновенных школ, горячих речей…" Вот что у него в прошлом. Сарра, которая видела его рациональные хозяйства и прочие затеи, говорит о нем доктору: "Это, доктор, замечательный человек, и я жалею, что вы не знали его года два-три тому назад. Он теперь хандрит, молчит, ничего не делает, но прежде… какая прелесть!" (I акт, явл. 7). Прошлое у него прекрасное, как у большинства русских интеллигентных людей. Нет или почти нет того русского барина или университетского человека, который не хвастался бы своим прошлым. Настоящее всегда хуже прошлого. Почему? Потому что русская возбудимость имеет одно специфическое свойство: ее быстро сменяет утомляемость. Человек сгоряча, едва спрыгнув со школьной скамьи, берет ношу не по силам, берется сразу и за школы, и за мужика, и за рациональное хозяйство, и за "Вестник Европы", говорит речи, пишет министру, воюет со злом, рукоплещет добру, любит не просто и не как-нибудь, а непременно или синих чулков, или психопаток, или жидовок, или даже проституток, которых спасает, и проч. и проч… Но едва дожил он до 30-35 лет, как начинает уж чувствовать утомление и скуку. У него еще и порядочных усов нет, но он уж авторитетно говорит: "Не женитесь, батенька… Верьте моему опыту". Или: "Что такое в сущности либерализм? Между нами говоря, Катков часто был прав…" Он готов уж отрицать и земство, и рацион«альное» хозяйство, и науку, и любовь…. Мой Иванов говорит доктору (I акт, 5 явл.): "Вы, малый друг, кончили курс только в прошлом году, еще молоды и бодры, а мне тридцать пять. Я имею право вам советовать…" Таков тон у этих преждевременно утомленных людей. Далее, авторитетно вздыхая, он советует: "Не женитесь вы так-то и так-то (зрите выше одну из выписок), а выбирайте себе что-нибудь заурядное, серенькое, без ярких красок, без лишних звуков… Вообще всю жизнь стройте по шаблону. Чем серее и монотоннее фон, тем лучше… А жизнь, которую я пережил, как она утомительна!…ах, как утомительна!"

Чувствуя физическое утомление и скуку, он не понимает, что с ним делается и что произошло. Ужасаясь, он говорит доктору (акт I, явл. 3): "Вы вот говорите, что она скоро умрет, а я не чувствую ни любви, ни жалости, а какую-то пустоту, утомление… Если со стороны поглядеть на меня, то это, вероятно, ужасно, сам же я не понимаю, что делается с моей душой…" Попав в такое положение, узкие и недобросовестные люди обыкновенно сваливают всю вину на среду или же записываются в штат лишних людей и гамлетов и на том успокаиваются, Иванов же, человек прямой, открыто заявляет доктору и публике, что он себя не понимает: "Не понимаю, не понимаю…" Что он искренно не понимает себя, видно из большого монолога в III акте, где он, беседуя с глазу на глаз с публикой и исповедуясь

перед ней, даже плачет!

Перемена, происшедшая в нем, оскорбляет его порядочность. Он ищет причин вне и не находит; начинает искать внутри себя и находит одно только неопределенное чувство вины. Это чувство русское. Русский человек - умер ли у него кто-нибудь в доме, заболел ли, должен ли он кому-нибудь, или сам дает взаймы - всегда чувствует себя виноватым. Все время Иванов толкует о какой-то своей вине, и чувство вины растет в нем при каждом толчке. В I акте он говорит: "Вероятно, я страшно виноват, но мысли мои перепутались, душа скована какою-то ленью, и я не в силах понимать себя…" Во II акте он говорит Саше: "День и ночь болит моя совесть, чувствую, что глубоко виноват, но в чем собственно моя вина, не понимаю…"

К утомлению, скуке и чувству вины прибавьте еще одного врага. Это - одиночество. Будь Иванов чиновником, актером, попом, профессором, то он бы свыкся со своим положением. Но он живет в усадьбе. Он в уезде. Люди - или пьяницы, или картежники, или такие, как доктор… Всем им нет дела до его чувств и перемены в нем. Он одинок. Длинные зимы, длинные вечера, пустой сад, пустые комнаты, брюзжащий граф, больная жена… Уехать некуда. Поэтому каждую минуту его томит вопрос: куда деваться?

Теперь пятый враг. Иванов утомлен, не понимает себя, но жизни нет до этого никакого дела. Она предъявляет к нему свои законные требования, и он, хочешь не хочешь, должен решать вопросы. Больная жена - вопрос, куча долгов - вопрос, Саша вешается на шею - вопрос. Как он решает все эти вопросы, должно быть видно из монолога III акта и из содержимого двух последних актов. Такие люди, как Иванов, не решают вопросов, а падают под их тяжестью. Они теряются, разводят руками, нервничают, жалуются, делают глупости и в конце концов, дав волю своим рыхлым, распущенным нервам, теряют под ногами почву и поступают в разряд "надломленных" и "непонятых".

Разочарованность, апатия, нервная рыхлости в утомляемость являются непременным следствием чрезмерной возбудимости, а такая возбудимость присуща нашей молодежи в крайней степени. Возьмите литературу. Возьмите настоящее… Социализм -один из видов возбуждения. Где же он? Он в письме Тихомирова к царю. Социалисты поженились и критикуют земство. Где либерализм? Даже Михайловский говорит, что все шашки теперь смешались. А чего стоят все русские увлечения? Война утомила, Болгария утомила до иронии, Цукки утомила, оперетка тоже… Утомляемость (это подтвердит и д-р Бертенсон) выражается не в одном только нытье или ощущении скуки. Жизнь утомленного человека нельзя изобразить так;

Она очень не ровна. Все утомленные люди не теряют способности возбуждаться в сильнейшей степени, но очень не надолго, причем после каждого возбуждения наступает еще большая апатия. Это графически можно изобразить так:

Падение вниз, как видите, идет не по наклонной плоскости, а несколько иначе. Объясняется Саша в любви. Иванов в восторге кричит: "Новая жизнь!", а на другое утро верит в эту жизнь столько же, сколько в домового (монолог III акта); жена оскорбляет его, он выходит из себя, возбуждается и бросает ей жестокое оскорбление. Его обзывают подлецом. Если это не убивает его рыхлый мозг, то он возбуждается и произносит себе приговор.

Чтобы не утомить Вас до изнеможения, перехожу к доктору Львову. Это тип честного, прямого, горячего, но узкого и прямолинейного человека. Про таких умные люди говорят: "Он глуп, но в нем есть честное чувство". Все, что похоже на широту взгляда или на непосредственность чувства, чуждо Львову. Это олицетворенный шаблон, ходячая тенденция. На каждое явление и лицо он смотрит сквозь тесную раму, ибо всем судит предвзято. Кто кричит; "Дорогу честному труду!", на того он молится; кто же не кричит этого, тот подлец и кулак. Середины нет. Он воспитался на романах Михайлова; в театре видел на сцене "новых людей", т. е. кулаков и сынов века сего, рисуемых новыми драматургами, "людей наживы" (Пропорьев, Охлябьев, Наварыгин и проч.). Он намотал себе это на ус и так сильно намотал, что, читая "Рудина", непременно спрашивает себя: "Подлец Рудин или нет?"

Литература и сцена так воспитали его, что он ко всякому лицу в жизни и в литературе подступает с этим вопросом… Если бы ему удалось увидеть Вашу пьесу, то он поставил бы Вам в вину, что Вы не сказали ясно: подлецы гг. Котельников,

Сабинин, Адашев, Матвеев или не подлецы? Этот вопрос для него важен. Ему мало, что все люди грешны. Подавай ему святых и подлецов!

В уезд приехал он уже предубежденный. Во всех зажиточных мужиках он сразу увидел кулаков, а в непонятном для него Иванове - сразу подлеца. У человека больна жена, а он ездит к богатой соседке - ну не подлец ли? Очевидно, убивает жену, чтоб жениться на богатой…

Львов честен, прям и рубит сплеча, не щадя живота. Если нужно, он бросит под карету бомбу, даст по рылу инспектору, пустит подлеца. Он ни перед чем не остановится. Угрызений совести никогда не чувствует - на то он "честный труженик", чтоб казнить "темную силу"!

Такие люди нужны и в большинстве симпатичны. Рисовать их в карикатуре, хотя бы в интересах сцены, нечестно, да и не к чему. Правда, карикатура резче и потому понятнее, но лучше не дорисовать, чем замарать…

Теперь о женщинах. За что они любят? Сарра любит Иванова за то, что он хороший человек, за то, что он пылок, блестящ и говорит так же горячо, как Львов (I акт, явл. 7). Любит она, пока он возбужден и интересен; когда же он начинает туманиться в ее глазах и терять определенную физиономию, она уж не понимает его и в конце третьего акта высказывается прямо и резко.

Саша - девица новейшей формации. Она образованна, умна, честна и проч. На безрыбье и рак рыба, и поэтому она отличает 35-летнего Иванова. Он лучше всех. Она знала его, когда была маленькой, и видела близко его деятельность в ту пору, когда он не был еще утомлен. Он друг ее отца.

Это самка, которую побеждают самцы не яркостью перьев, не гибкостью, не храбростью, а своими жалобами, нытьем, неудачами. Это женщина, которая любит мужчин в период их падения. Едва Иванов пал духом, как девица - тут как тут. Она этого только и ждала. Помилуйте, у нее такая благодарная, святая задача! Она воскресит упавшего, поставит его на ноги, даст ему счастье… Любит она не Иванова, а эту задачу. Аржантон у Додэ сказал: жизнь не роман! Саша не знает этого. Она не знает, что любовь для Иванова составляет только излишнее осложнение, лишний удар в спину. И что ж? Бьется Саша с Ивановым целый год, а он все не воскресает и падает все ниже и ниже.

У меня болят пальцы, кончаю… Если всего вышеписанного нет в пьесе, то о постановке ее не может быть и речи. Значит, я написал не то, что хотел. Возьмите пьесу назад. Я не хочу проповедовать со сцены ересь. Если публика выйдет из театра с сознанием, что Ивановы - подлецы, а доктора Львовы - великие люди, то мне придется подать в отставку и забросить к черту свое перо. Поправками и вставками ничего не поделаешь. Никакие поправки не могут низвести великого человека с пьедестала, и никакие вставки не способны из подлеца сделать обыкновенного грешного человека. Сашу можно вывести в конце, но в Иванове и Львове прибавить уж больше ничего не могу. Не умею. Если же и прибавлю что-нибудь, то чувствую, что еще больше испорчу. Верьте моему чувству, ведь оно авторское.

Извиняюсь перед Потехиным и Юрковским, что напрасно только беспокоил их. Пусть простят. Откровенно говоря, постановка пьесы соблазняла меня не славою, не Савиной… Я рассчитывал нажить около тысячи рублей. Но лучше взять эту тысячу взаймы, чем рисковать сделать глупость.

Не соблазняйте меня успехом! Успех у меня, коли не умру, еще впереди. Держу пари, что рано или поздно я сдеру с дирекции 6-7 тысяч. Хотите держать пари?

Киселевскому ни за что бы не дал играть графа! Моя пьеса причиняла ему в Москве немало огорчений! Он всюду ходил и жаловался, что его заставляют играть такого сукиного сына, как мой граф. Зачем же мне опять огорчать его?

Говорят, неловко: он уж играл… Почему же это ловко отдать Иванова Сазонову или Далматову? Ведь Иванова играл Давыдов!

Ах, да и утомил же я Вас этим письмом! Шабаш, баста!

Поздравляю Вас с Новым годом! Ура-а-а-а!

Счастливцы, Вы будете пить или уже пили настоящее шампанское, а я бурду!

Сестра больна. Ломота, высокая температура, голова болит и проч. То же самое и у кухарки. Обе лежат. Боюсь, что тиф.

Простите, голубчик, за отчаянно длинное, докучливое письмо. Кланяюсь всем Вашим, а у Анны Ивановны целую руку. Будьте здоровы.

Ваш А. Чехов.

Если публика не поймет "железо в крови", то черт с ней, т. е. с кровью, в которой нет железа.

Я прочел это письмо. В характеристике Иванова часто попадается слово "русский". Не рассердитесь за это. Когда я писал пьесу, то имел в виду только то, что нужно, то есть одни только типичные русские черты. Так, чрезмерная возбудимость, чувство вины, утомляемость - чисто русские. Немцы никогда не возбуждаются, и потому Германия не знает ни разочарованных, ни лишних, ни утомленных… Возбудимость французов держится постоянно на одной и той же высоте, не делая крутых повышений и понижений, и потому француз до самой дряхлой старости нормально возбужден. Другими словами, французам не приходится расходовать свои силы на чрезмерное возбуждение; расходуют они свои силы умно, поэтому не знают банкротства.

Понятно, что в пьесе я не употреблял таких терминов, как русский, возбудимость, утомляемость и проч., в полной надежде, что читатель и зритель будут внимательны и что для них не понадобится вывеска: "Це не гарбуз, а слива". Я старался выражаться просто, не хитрил и был далек от подозрения, что читатели и зрители будут ловить моих героев на фразе, подчеркивать разговоры о приданом и т. п.

Я не сумел написать пьесу. Конечно, жаль. Иванов и Львов представляются моему воображению живыми людьми. Говорю Вам по совести, искренно, эти люди родились в моей голове не из морской пены, не из предвзятых идей, не из "умственности", не случайно. Они результат наблюдения и изучения жизни. Они стоят в моем мозгу, и я чувствую, что я не солгал ни на один сантиметр и не перемудрил ни на одну йоту. Если же они на бумаге вышли неживыми и неясными, то виноваты не они, а мое неуменье передавать свои мысли. Значит, рано мне еще за пьесы браться.

566. И. Л. ЛЕОНТЬЕВУ (ЩЕГЛОВУ)

31 декабря 1888 г. Москва.

31 дек.

С Новым годом и с новым счастьем, милый Жан! Дай Вам создатель здравия, хороших нервов и успеха во всех Ваших делах. Желаю, чтобы в 1889 году Вы написали 8 повестей, 120 субботников, 1 роман и 1/4 пьесы. Желаю, чтоб Вы возненавидели театральное дело и отдались бы всей душой тому, что прилично такому штаб-офицеру в литературе, как Вы.

Был у меня Соловцов и просидел около 1 -1 1/2 часа. Говорили о Вашей пьесе Он получил и хочет поставить.

Режиссер вашего театра Федоров-Юрковский изъявил желание поставить в свой бенефис моего "Иванова" со Стрепетовой и с Савиной. Это, конечно, лестно для меня, и я польщен и рад. По-видимому, и Потехин желает сделать мне приятное и доказать Вам в 1001-й раз, что я не Чехов, а Потемкин. Роли уже распределены, но… но постановка едва ли состоится. Меня так пугают недостатки в моей пьесе и так важны эти недостатки, что я, по совести, не могу быть равнодушен. Сегодня я послал письмо, в котором перечислил некоторые условия; если по мнению тех, кому я писал, моя пьеса не удовлетворяет хотя одному из этих условий, то я серьезно просил взять мою пьесу обратно. Согласитесь, голубчик, что пьеса, которой на глазах всего Питера отдается преимущество перед пьесами Мея и Виктора Гюго ("Эрнани"), должна быть отличной; согласитесь, и Вы поймете, что я не ломаюсь и не кокетничаю. Я делаю то, что на моем месте сделали бы и Вы, и Суворин, и всякий мало-мальски самолюбивый человек, пишущий пьесы не часто.

А недостатки в моей пьесе непоправимы. Вижу их не я один, но также и люди, которым я вполне доверяю и компетенцию которых ставлю выше своей. Ждите, когда напишу другую пьесу, а на "Иванова" начихайте!

Приезжайте в Москву, если будут ставить Ваших "Театралов". У нас морозы.

Послал Мишу за вином, хочу Новый год встречать.

Будьте здоровы и счастливы.

Ваш А. Чехов.

567. Е. М. ЛИНТВАРЕВОЙ

Конец декабря 1888 г. Москва.

Уважаемый товарищ, моя фамилия поручила мне поздравить всех Ваших с праздником и с Новым годом, что я делаю очень охотно. Из кокетства пишу на бумаге, какой нет даже у Харитоненко.

В Петербурге я многократно виделся с Вашим братом. Судя по впечатлению, какое он производил на меня, живется ему не скучно; он работает.

Говорил я о нем с композитором Чайковским. Последний хочет познакомиться с ним и, вероятно, уже познакомился. Когда приедет в Москву Чайковский, я спрошу. Он хороший человек и не похож на полубога.

Будьте здоровы и богом хранимы. Получили ли Гаршинский сборник? Он идет отлично.

Ваш А. Чехов.

Но какова, черт возьми, бумага!

Денег нет!!

1889

568. А. Н. ПЛЕЩЕЕВУ

2 января 1889 г. Москва.

2 января.

Дергает эту обер-офицерскую вдову нечистая сила за язык! Намерение мое переехать на зиму в Питер серьезно; о шести тысячах же разговор был в шутливом тоне, иначе бы я держал его в секрете. Суворин шутя мне предложил, я шутя поддержал эту мысль, говорил об этом Анне Михайловне и, кажется, Абрамову, говорил и дома. Обер-офицерша, значит, подхватила, обрадовалась и затрезвонила по всему свету. Отделаю же я ее, когда увижу!

Мои взгляды на дело и отношения к людям не мешают мне поступить в газету. Но 500 рублей я считаю условиями невыгодными. Я соглашусь работать в газете или за 1000 в год, или же за 1000 в месяц - дешевле не могу. В первом случае я читал бы только чужие рукописи, во втором же вел бы ожесточенную борьбу за свою самостоятельность и за те взгляды, какие я имею на газетное дело. Я отдал бы всю свою душу тем, для кого и с кем мне пришлось бы работать, и думаю, что это имело бы не особенно дурные последствия. Продолжать старое я не мог бы, но влить немного молодого вина в старый мех я сумел бы. По крайней мере до сих пор все то, что я в разные времена давал в газеты (в Москве и в Питере), и все мои более или менее близкие соприкосновения с газетными людьми не имели дурных последствий, но даже, смею льстить себя надеждою, приносили некоторую пользу.

Простите, ради создателя, что Вас беспокоил режиссер. Это я виноват, ибо, сам того не желая, ввел его в заблуждение. Как-то в разговоре со мной о моем покойном "Иванове" Вы сказали: "Отчего Вы не дадите нам напечатать его?" Я

определенного ответа, насколько помнится, не дал Вам, но Ваше предложение намотал на ус и решил, переделав "Иванова", прислать Вам. Щеглов тоже говорил* мне, что в разговоре с ним Вы сказали, что не прочь бы напечатать "Иванова". Я решил прислать Вам мою пьесу в январе или в феврале. Когда у меня с режиссером были разговоры о пьесе, то я сказал ему, что пошлю ее в "Сев«ерный» вестник" в январе или феврале, - отсюда и визит его к Вам. Для меня решительно все равно, когда Вы напечатаете пьесу: хоть в июле и хоть даже совсем не печатайте - я ее не люблю. Чем позже напечатаете, тем даже лучше - к сезону ближе. К тому же я имею злостное намерение: когда мой "Иванов" провалится в Питере, я прочту в Литературном обществе реферат о том, как не следует писать пьес, и буду читать выдержки из своей пьесы для характеристики моих героев, которых я, как бы то ни было, считаю новыми в русской литературе и никем еще не тронутыми. Пьеса плоха, но люди живые и не сочиненные.

Почему-то я чувствую, что "Иванов" не пойдет. Желанием режиссера поставить его я польщен и тронут, но постановка не обещает мне ничего хорошего. Я послал в Питер свое искреннее мнение о пьесе, перечислил условия, которым она должна удовлетворять и которым, по слухам, не удовлетворяет; если это мое мнение не глупо и будет принято в соображение, то пьеса не пойдет. Сношения с дирекцией я веду через Суворина, который очень хочет, чтоб моя пьеса шла. Этот человек относительно меня очень заблуждается: он готов ставить и печатать все, что только мне вздумалось бы написать. У него азартная страсть ко всякого рода талантам, и каждый талант он видит не иначе, как только в увеличенном виде. Уверяю Вас, что это так. Если бы его воля, то он построил бы хрустальный дворец и поселил бы в нем всех прозаиков, драматургов, поэтов и актрис. Его можно отличино эксплоатировать, и я удивляюсь его чрезмерному счастью: он окружен людями, из которых ни одна душа не покушается на эксплоатацию. Все держат себя с ним чрезвычайно порядочно - и в этом я уверяю Вас. Слабости его принадлежат к тому роду человеческих слабостей, эксплоатировать которые было бы преступно.

О сборнике в "Нов«ом» времени", вероятно, будет речь. Я напишу Суворину. Удивительные порядки! Спрос в Москве на сборник был громадный, а прислано было немного. В магазине Суворина спрошено было 205 экземпляров, а имелось только 5. Отчего это? Мой экземпляр храните до нашей встречи. Короленко у меня не был. У него мать больна, и он, говорят, спешил в Нижний. Что он тяготеет к "Русской мысли" - это так естественно и понятно! Ведь он начал в ней свою славу, и она издает его книги. Но что он любит и "Сев«ерный» вестник", в этом я глубоко убежден.

"Памяти Гаршина" понравилось в "Новом времени" всем. Это я хорошо помню. При мне также был разговор, что надо-де сборник похвалить. Почему до сих пор не похвалили, не знаю. Заметка же насчет "Горе от ума" и "Ревизора" ничтожна по существу и значения никакого не имеет. Заключать из нее о симпатиях или антипатиях к тому или другому сборнику совсем уж невозможно.

Вся моя фамилия низко Вам кланяется и благодарит за поклон. Вашим мой сердечный привет и пожелания всего хорошего.

Ваш А. Чехов.

Скорей бы весна! * или, кажется, даже писал

569. Ал. П. ЧЕХОВУ 2 января 1889 г. Москва.

2 янв. 1889.

Велемудрый секретарь!

Поздравляю твою лучезарную особу и чад твоих с Новым годом, с новым счастьем. Желаю тебе выиграть 200 тысяч и стать действ«ительным» статским советником, а наипаче всего здравствовать и иметь хлеб наш насущный в достаточном для такого обжоры, как ты, количестве.

В последний мой приезд мы виделись и расстались так, как будто между нами произошло недоразумение. Скоро я опять приеду; чтобы прервать это недоразумение, считаю нужным искренно и по совести заявить тебе таковое. Я на тебя не шутя сердился и уехал сердитым, в чем и каюсь теперь перед тобой. В первое же мое

посещение меня оторвало от тебя твое ужасное, ни с чем не сообразное обращение с Н«атальей» А«лександровной» и кухаркой. Прости меня великодушно, но так обращаться с женщинами, каковы бы они ни были, недостойно порядочного и любящего человека. Какая небесная или земная власть дала тебе право делать из них своих рабынь? Постоянные ругательства самого низменного сорта, возвышение голоса, попреки, капризы за завтраком и обедом, вечные жалобы на жизнь каторжную и труд анафемский - разве все это не есть выражение грубого деспотизма? Как бы ничтожна и виновата ни была женщина, как бы близко она ни стояла к тебе, ты не имеешь права сидеть в ее присутствии без штанов, быть в ее присутствии пьяным, говорить словеса, которых не говорят даже фабричные, когда видят около себя женщин. Приличие и воспитанность ты почитаешь предрассудками, но надо ведь щадить хоть что-нибудь, хоть женскую слабость и детей - щадить хоть поэзию жизни, если с прозой уже покончено. Ни один порядочный муж или любовник не позволит себе говорить с женщиной «…» грубо, анекдота ради иронизировать постельные отношения «…» Это развращает женщину и отдаляет ее от бога, в которого она верит. Человек, уважающий женщину, воспитанный и любящий, не позволит себе показаться горничной без штанов, кричать во все горло: "Катька, подай урыльник!"… Ночью мужья спят с женами, соблюдая всякое приличие в тоне и в манере, а утром они спешат надеть галстух, чтобы не оскорбить женщину своим неприличным видом, сиречь небрежностью костюма. Это педантично, но имеет в основе нечто такое, что ты поймешь, буде вспомнишь о том, какую страшную воспитательную роль играют в жизни человека обстановка и мелочи. Между женщиной, которая спит на чистой простыне, и тою, к«ото»рая дрыхнет на грязной и весело хохочет, когда ее любовник «…», такая же разница, как между гостиной и кабаком.

Дети святы и чисты. Даже у разбойников и крокодилов они состоят в ангельском чине. Сами мы можем лезть в какую угодно яму, но их должны окутывать в атмосферу, приличную их чину. Нельзя безнаказанно похабничать в их присутствии, оскорблять прислугу или говорить со злобой Н«аталье» А«лександров»не: "Убирайся ты от меня ко всем чертям! Я тебя не держу!" Нельзя делать их игрушкою своего настроения: то нежно лобызать, то бешено топать на них ногами. Лучше не любить, чем любить деспотической любовью. Ненависть гораздо честнее любви Наср-Эддина, который своих горячо любимых персов то производит в сатрапы, то сажает на колы. Нельзя упоминать имена детей всуе, а у тебя манера всякую копейку, какую ты даешь или хочешь дать другому, называть так: "Отнимать у детей". Если кто отнимает, то это значит, что он дал, а говорить о своих благодеяниях и подачках не совсем красиво. Это похоже на попреки. Большинство живет для семей, но редко кто осмеливается ставить себе это в заслугу, и едва ли, кроме тебя, встретится другой такой храбрец, который, давая кому-нибудь рубль взаймы, сказал бы: "Это я отнимаю у своих детей". Надо не уважать детей, не уважать их святости, чтобы, будучи сытым, одетым, ежедневно навеселе, в то же время говорить, что весь заработок уходит только на детей! Полно!

Я прошу тебя вспомнить, что деспотизм и ложь сгубили молодость твоей матери. Деспотизм и ложь исковеркали наше детство до такой степени, что тошно и страшно вспоминать. Вспомни те ужас и отвращение, какие мы чувствовали во время оно, когда отец за обедом поднимал бунт из-за пересоленного супа или ругал мать дурой. Отец теперь никак не может простить себе всего этого…

Деспотизм преступен трижды. Если страшный суд не фантазия, то на этом суде ты будешь подлежать синедриону в сильнейшей степени, чем Чохов и И. Е. Гаврилов. Для тебя не секрет, что небеса одарили тебя тем, чего нет у 99 из 100 человек: ты по природе бесконечно великодушен и нежен. Поэтому с тебя и спросится в 100 раз больше. К тому же еще ты университетский человек и считаешься журналистом.

Тяжелое положение, дурной характер женщин, с которыми тебе приходится жить, идиотство кухарок, труд каторжный, жизнь анафемская и проч. служить оправданием твоего деспотизма не могут. Лучше быть жертвой, чем палачом.

Н«аталья» А«лександровна», кухарка и дети беззащитны и слабы. Они не имеют над тобой никаких прав, ты же каждую минуту имеешь право выбросить их за дверь и надсмеяться над их слабостью, как тебе угодно. Не надо давать чувствовать это свое право.

Я вступился, как умею, и совесть моя чиста. Будь великодушен и считай недоразумение покончeнным. Если ты прямой и не хитрый человек, то не скажешь, что это письмо имеет дурные цели, что оно, например, оскорбительно и внушено мне нехорошим чувством. В наших отношениях я ищу одной только искренности. Другого

же мне ничего больше не нужно. Нам с тобой делить нечего.

Напиши мне, что ты тоже не сердишься и считаешь черную кошку не существующей.

Вся фамилия кланяется.

Твой А. Чехов.

570. А. С. СУВОРИНУ

3 января. 1889 г. Москва.

3 янв.

Отвечаю на Вашу телеграмму письмом, которое Вы получите непременно 4-го января.

Пусть Бабанину играет Абаринова, Шабельского - Свободин, доктора Львова - Аполлонский. Согласен и благодарю.

Давыдов хочет играть Лебедева? Был бы очень рад. Но кто же тогда станет играть Иванова, если Сазонов занят?

Я любезно поговорил с Вашей вокзальной девицей и получаю из контрагентства все Ваши посылки не вечером, а утром. Получил я экземпляр "Татьяны" с переделками и 2 письма, но оттиск монолога и письмо Потехина о распределении ролей мною не получены.

Попросите Потехина возможно скорее переписать для меня экземпляр "Иванова" и выслать для переделок. Буду очень благодарен. У меня нет копии, иначе бы не беспокоил.

Сестра выздоровела и благодарит.

Что я приеду в Петербург завтра - мистификация. Брата, вероятно, обманули. Я не выеду из Москвы без Вас.

"Новости" бездарны и сухи, оттого и потеряли 1100 подписчиков. Вы должны платить мне 15000 р. отступного за то, что я не издаю в Петербурге газеты.

Спешу. Брат стоит и ждет, когда я дам ему это письмо.

Конечно, я себе не враг и хочу, чтобы моя пьеса шла. Но, говоря по секрету, своей пьесы я не люблю и жалею, что написал ее я, а не кто-нибудь другой, более толковый и разумный человек.

Кланяюсь Вашим.

Ваш А. Чехов.

Похлопочите, голубчик, насчет копии! Без копии невозможны никакие вставки и переделки.

Отчего у Вас ни слова не сказали о "Памяти Гаршина"? Это несправедливо.

571. В. Н. ДАВЫДОВУ

4 января 1889 г. Москва.

4 янв. 89.

Добрейший Владимир Николаевич! Прежде всего по христианскому обычаю поздравляю Вас и все Ваше семейство с Новым годом, с новым счастьем и желаю Вам побольше здравия, денег и успехов.

За сим приступаю к делу. Мой покойный "Иванов", как Вам известно, вырыт из могилы и вновь подвергается экспертизе. Когда высшие власти потребовали от меня

распределения ролей, то я, послушный Вашему желанию, заявленному Вами в одну из последних наших бесед, написал, что Иванова будете играть непременно Вы. Вчера же я получил от Суворина телеграмму, в которой А«лексей» С«ергеевич» извещает меня, что, по слухам, Вы желаете играть Лебедева. Всякое Ваше желание в сфере "Иванова" составляет для меня закон. Если бы Вы согласились взять сразу две-три роли, то мне оставалось бы только радоваться за свою пьесу. Итак - времени еще много, изменения делать можно, какие угодно. Если в самом деде Вы желаете играть Лебедева, то напишите мне. В своем распределении роль Лебедева я назначил г. Варламову - это Вы посоветовали мне. Так как г. Варламову, вероятно, еще неизвестно об этом, то, думаю, не произойдет никакой неловкости, если я захочу исполнить Ваше желание.

Но кто же будет играть Иванова? Г. Сазонов, говорят, занят в другой пьесе.

Правда ли, что у Гамбургера Вы играли моего Медведя?

Я приеду 20-21-го января или даже 22-го.

Ананьеву Ваш поклон передан.

О чем еще написать Вам? Новостей нет никаких, морозы лютые, денег адски мало, геморрой страшный; у Корша дела катятся вниз по наклонной плоскости с быстротою курьерского поезда.

Вашему семейству передайте мой поклон и сердечную благодарность за хлеб за соль. Павлу Павловичу привет и приглашение не шикать моему многострадальному "Иванову".

Все мои Вам кланяются.

Душевно преданный

А. Чехов.

Кудринская Садовая, д. Корнеева.

572. А. С. СУВОРИНУ

4 января 1889 г. Москва.

4 янв.

Дорогой Алексей Сергеевич, посылаю Вам для передачи Федорову две вставки и одну поправку. Если моя пьеса протянется лишние полчаса, то напечатайте это письмо, чтоб все знали, кто виноват. Вы виноваты! Если бы не Вы, вставок бы не было.

Сообщите мне, как имя и отчество Федорова-Юрковского; я перестану беспокоить Вас и буду отсылать свои поправки прямо по адресу виновника торжества. Скажите ему, что будут еще поправки и вставки, но только в том случае, если мне пришлют копию моей пьесы. У меня нет IV акта, нет почти второго и куска III. Попросите, чтобы посылаемые поправки имелись в виду при переписке ролей. Я пошлю их в цензуру не теперь, а 10-15 вместе с теми поправками, которые еще намерен учинить. Я окончательно лишил свою пьесу девственности!

Попросите напечатать в афишах, чтоб автора не вызывали до конца пьесы. Три акта пройдут гладко, а IV зарежет.

Татищев приглашал Вас отдаться политике и не заниматься пустяками? О дипломаты! Зачем же это он сам перевел "Эрнани", зачем трудился писать малиновый дифирамб "Татьяне Репиной"? Зачем проедается у Савиной? Уверяю Вас, все они сами рады были бы заняться пустяками, да толкастики бог не дал. Конечно, политика интересная и захватывающая штука. Непреложных законов она но дает, почти всегда врет, но насчет шалтай-болтай и изощрения ума - она неисчерпаема и материала дает много. Я бы занялся ею охотно, рекомендовал бы ее и Алексею Алексеевичу, который чувствует к ней зуд. Но Вам не грешно быть холодным к ней. На своем веку Вы уж немало поработали для нее. Вы теперь семьянин, собственник, и самое подходящее для Вас - это отдаться художествам, хотя бы ради собственного

удовольствия, на каковое Вы давно уже имеете право. Приятно сидеть у себя в палаццо и писать пьесу или же штудировать сочинения Чехова! Честное слово, на Вашем месте я не бросал бы ни театра, ни художественной критики, ни Н. Лаврецкого! Мне гораздо приятнее читать Вашу новую пьесу, чем услыхать, что Вы отвоевали у англичан Персию. Право, персы такие идиоты, а в Персии так жарко, что я бы всячески помогал англичанам, а не наоборот.

Вы пишете, что театр влечет к себе потому, что он похож на жизнь… Будто бы? А по-моему, театр влечет Вас и меня и иссушил Щеглова, потому что он - один из видов спорта. Где успех или неуспех, там и спорт, там азарт.

Мне хочется, чтобы моя пьеса была поставлена. Кто же этого не хочет? Главное, конечно, для меня деньги, но интересны и подробности. Мне, например, очень весело при мысли, что Анна Ивановна будет иронизировать мой успех или неуспех, мое неуменье кланяться, что во время первого представления у Щеглова и прочих моих приятелей будут таинственные физиономии, что все брюнеты, сидящие в ложах, будут казаться мне враждебно настроенными, а блондины холодными и невнимательными, что гг. Михневичи будут ходить, как тени, с краснотою на скулах - от духоты и внутреннего напряжения, что Григорович после первого же акта будет кричать: "автора! автора", а автор после второго акта будет уже чувствовать утомление в плечах, сухость в горле и желание уехать домой; мне весело при мысли, что, вернувшись из театра, я услышу массу вставок и поправок, какие я должен был бы сделать, услышу, что Варламов был хорош, Давыдов сух, Савина мила, но рассержена Далматовым, который в этот раз наступит ей на мизинец левой руки… Весело, что Анна Ивановна в конце концов обратится ко мне, меньше всего говорившему о пьесе, и скажет:

- Как Вы надоели мне со своей пьесой! Целый день одно и то же, одно и то же… Нет скучней людей, как литераторы!

А я пожелаю ей спокойной ночи, пойду к себе, выпью вина и завалюсь спать.

Будьте здоровы. Кланяюсь всем Вашим. "Татьяна" пойдет, кажется, не 16-го, а 19-го января.

Ваш А.Чехов.

573. А. С. СУВОРИНУ

4 января 1889 г. Москва.

Милый Алексей Сергеевич, посылаю Вам сие письмо для руководства. Дайте же, наконец, свободу Вашей бедной пленнице, пустите ее погулять по провинции. Я говорил с г. Рассохиным вскоре по получении сего письма. Он охотно бы купил у Вас или взял бы на комиссию 100 экз. Напечатайте скорее и пришлите мне через Ваше контрагентство. Спешить надо, ибо сезон близится к концу. Поклон Вашим. Сегодня я послал Вам уже одно письмо.

Ваш А. Чехов.

574. А. С. СУВОРИНУ

5 января 1889 г. Москва.

Напечатайте петитом прилагаемую заметочку. Соловцов просил меня сделать ему рекламу. Я исполнил его желание, но, кажется, так, что он больше уж никогда не попросит.

По словам вокзальной барышни и Вашего магазинного Боголепова, мои "Рассказы" уже распроданы. Прикажите печатать второе издание.

Рассохин вчера сказал мне, что им получены еще три телеграммы (с ответом) насчет "Татьяны Репиной". Он предлагает Вам по 50 коп. за экз«емпляр», т. о. 50 руб. за 100, а я хочу отдать на комиссию с уступкой 50%. Он будет продавать по 2 руб. Если хотите, то я отдам ему по полтиннику, шут с ним.

Завтра побываю в Лоскутной и посмотрю номера; жаль только, что я ничего не понимаю. В Моск«овской» гостинице скучно и серо.

Жду Вас к 10-11 января, не позже. Проведем вместе Татьяну (не Репину, а университетскую). Посмотрите, как ученые пьянствуют.

Получил я 24 экз. "Татьяны". Сегодня сдам Рассохину 22 и пошлю Никулиной 1 и Ленскому 1, подчеркнув вставки.

Аполлонский играет Львова, а не Лебедева.

С Рассохина сдеру 11 рублев, а послезавтра запишу Вас в члены Общества. Сегодня и завтра праздники.

Присылайте еще!! Для провинции 22 экз. мало!!

575. А. П. ЛЕНСКОМУ

6 января 1889 г. Москва.

6 янв.

Посылаю Вам, добрейший Александр Павлович, экземпляр "Татьяны Репиной", в который вошли все поправки, сделанные в последнее время автором. Так как, насколько помнится, от поправок и вставок досталось больше всего Адашеву, то посылаю Вам экземпляр особо, не в пример прочим. Такой же экземпляр послан и Никулиной.

Как Вы поживаете? Небось утомились? Думаю на сих днях побывать у Вас, а пока кланяюсь Вам и Лидии Николаевне и желаю всего хорошего.

Ваш А. Чехов.

Будьте добры сказать сестре, когда начнутся репетиции "Татьяны" и когда она пойдет.

576. А. С. СУВОРИНУ

6 января 1889 г. Москва.

6 янв.

Я ужасно деловой человек. Забросал Вас письмами.

Был в Лоскутной. Свободных номеров пока нет, но к 10-11, кажется, очистится 7 №, имеющий 3 комнаты и четвертую переднюю. Цена 8 рублей в сутки. Отопление духовое. Печное отопление есть только в "Дрездене", где останавливаются министры. Если Вы за сутки уведомите меня о дне Вашего выезда, то я справлюсь в Лоскутной и, буде 7 № очистится, оставлю его за Вами.

Работа кипит. 20 экз. вручены Рассохину и пошли уже в дело. (Выслали Вы мне не 24 экз., а только 22.) Содрал с Рассохина 10 рублей из принципа - ничего не давать даром этому человеку. Из этих десяти дам три тому бедняге, который ходит ко мне из контрагентства; очень усердный парень. Семь за мной.

Из Петербурга от неизвестных мне особ женского пола получаю письма с просьбой - разъяснить им, почему я пишу так, а не этак. Прилагают на ответ марки. Марки я зажуливаю, а ответов не посылаю.

Звонок. Посланный из контрагентства принес 2 экз. "Татьяны" с надписью На конверте: "Дефектные, но мной исправленные карандашом". Дал посланному 3 рубля. Ушел очарованный.

Относительно двух экземпляров я немножко задумался и прошу позволения удержать их у себя до Вашего приезда. Дело в том, что сегодня я послал Никулиной и

Ленскому по экземпляру из вчерашнего присыла, попросил их сверить по экземплярам свои роли и объявил, что поправок больше не будет. А между тем в последних двух экз«емплярах», к«ото»рые я сейчас получил, имеются те поправки, о коих Вы мне телеграфировали: "С поправками к Адашеву подождите". Эти поправки я берегу: они сделаны Вами рукописно в одном из экземпляров, присланных 5-6 дней назад…

Я прошу погодить с новыми поправками. Боюсь, чтобы актеры не перепутали экземпляры и не стали сердиться. Эти люди часто не хотят понимать и часто путают. Все поправки, сделанные Вами в только что полученных экз., Вы пустите в дело на репетициях - это легче всего сделать и удобно. Экземпляры я сберегу, так что с собою из Петерб«урга» Вы не берите. Поправок в адашевской роли так мало, что их можно будет вручить Ленскому за день до спектакля - и то не поздно.

Приезжайте пораньше. Давно уж я не видел Ленского. Играет он по 2 раза в день и, говорят, замучился.

Сто рублей получил - благодарю.

Скажите Алексею Алексеевичу, что "Татьяну Репину" в Москве он увидит на масленой; пусть раньше масленой не приезжает. Он подождет меня, и мы вместе приедем в Москву из Питера.

Монолог мне нравится. Очень оригинально начало. Много шаблона: кузен, перчатка, карточка, выпадающая из кармана, подслушиванье… Надо в одноактных вещах писать вздор - в этом их сила. Валяйте так, что жена всерьез хочет бежать - скучно ей стало и захотелось новых ощущений, он всерьез грозит наставить рога ее второму супругу… Разговор о рогах хорош. Подслушиванья не нужно: пусть муж вернется домой в ту пору, когда жена только что написала письмо и поехала на минутку к подруге проститься, чтоб затем вернуться домой и взять багаж. Язык самый подходящий - так и надо.

Я Григоровича очень люблю, но не верю тому, что он за меня боится. Сам он тенденциозный писатель и только прикидывается врагом тенденции. Мне кажется, что его одолевает постоянный страх потерять расположение людей, которых он любит, - отсюда и его виртуозная неискренность.

Ваш А. Чехов.

577. М. М. ДЮКОВСКОМУ

7 января 1889 г. Москва.

7 янв.

Милейший Михаил Михайлович, сейчас я получил уведомление, что в московский магазин "Нового времени" из Петербурга послан приказ делать для Мещанского училища 10% уступки.

Если купите Буренина, Бежецкого и Щеглова, то сделаете недурно. Их стоит купить.

Все наши здравствуют и Вам кланяются.

Ваш А. Чехов.

578. А. С. СУВОРИНУ

7 января 1889 г. Москва.

Посылаю, Алексей Сергеевич, еще 2 варианта. Сделал кое-какие изменения, но неважные. Будьте добры отослать варианты г. Федорову-Юрковскому с просьбой заменить ими соответствующие места в пьесе.

Простите, что я беспокою Вас. Вы занятой человек, а я бездельник в сравнении с Вами.

Изменения в IV акте будут сделаны по получении мною копии пьесы.

Жду Вас в Москву.

Кланяюсь Анне Ивановне, Насте и Боре.

Ваш А. Чехов.

579. А. С. СУВОРИНУ

7 января 1889 г. Москва.

Посылаю Вам бумажку, которую прошу скрепить Вашею подписью и выслать мне. Членом Общества Вы считаетесь с 7 января по то число, какое будет ровно через 50 лет после Вашей смерти. И это удовольствие стоит только 15 рублей.

Я послал Вам сегодня два варианта для своего "Иванова". Если б Иванова играл гибкий, энергичный актер, то я многое бы прибавил и изменил. У меня разошлась рука. Но увы! Иванова играет Давыдов. Это значит, что нужно писать покороче и посерее, памятуя, что все тонкости и "нюансы" сольются в серый круг и будут скучны. Разве Давыдов может быть то мягким, то бешеным? Когда он играет серьезные роли, то у него в горле сидит мельничка, монотонная и слабозвучная, которая играет вместо него… Мне жаль бедную Савину, что она играет дохлую Сашу. Для Савиной я рад бы всей душой, но если Иванов будет мямлить, то, как я Сашу ни отделывай, ничего у меня не выйдет. Мне просто стыдно, что Савина в моей пьесе будет играть черт знает что. Знай я во времена оны, что она будет играть Сашу, а Давыдов Иванова, я назвал бы свою пьесу "Саша" и на этой роли построил бы всю суть, а Иванова прицепил бы только сбоку, но кто мог знать?

У Иванова есть два больших, роковых для пьесы монолога: один в III акте, другой в конце IV… Первый нужно петь, второй читать свирепо. То и другое для Давыдова невозможно. Оба монолога он прочтет "умно", т. е. бесконечно вяло.

Как зовут Федорова?

Я с большим бы удовольствием прочитал в Литературном обществе реферат о том, откуда мне пришла мысль написать "Иванова". Я бы публично покаялся. Я лелеял дерзкую мечту суммировать все то, что доселе писалось о ноющих и тоскующих людях, и своим "Ивановым" положить предел этим писаньям. Мне казалось, что всеми русскими беллетристами и драматургами чувствовалась потребность рисовать унылого человека и что все они писали инстинктивно, не имея определенных образов и взгляда на дело. По замыслу-то я попал приблизительно в настоящую точку, но исполнение не годится ни к черту. Надо было бы подождать! Я рад, что 2-3 года тому назад я не слушался Григоровича и не писал романа! Воображаю, сколько бы добра я напортил, если бы послушался. Он говорит: "Талант и свежесть все одолеют". Талант и свежесть многое испортить могут - это вернее. Кроме изобилия материала и таланта, нужно еще кое-что, не менее важное. Нужна возмужалость - это раз; во-вторых, необходимо чувство личной свободы, а это чувство стало разгораться во мне только недавно. Раньше его у меня не было; его заменяли с успехом мое легкомыслие, небрежность и неуважение к делу.

Что писатели-дворяне брали у природы даром, то разночинцы покупают ценою молодости. Напишите-ка рассказ о том, как молодой человек, сын крепостного, бывший лавочник, певчий, гимназист и студент, воспитанный на чинопочитании, целовании поповских рук, поклонении чужим мыслям, благодаривший за каждый кусок хлеба, много раз сеченный, ходивший по урокам без калош, дравшийся, мучивший животных, любивший обедать у богатых родственников, лицемеривший и богу и людям без всякой надобности, только из сознания своего ничтожества, - напишите, как этот молодой человек выдавливает из себя по каплям раба и как он, проснувшись в одно прекрасное утро, чувствует, что в его жилах течет уже не рабская кровь, а настоящая человеческая…

В Москве есть поэт Пальмин, очень скупой человек. Недавно он пробил себе голову, и я лечил его. Сегодня, придя на перевязку, он принес мне флакон настоящего Ilang-Ilang'a, стоящий 3 р. 50 к. Это меня тронуло.

Ну, будьте здоровы и простите за длинное письмо.

Ваш А. Чехов.

580. Ф. А. ФЕДОРОВУ (ЮРКОВСКОМУ)

8 января 1889 г. Москва.

8 января.

Многоуважаемый

Федор Александрович!

М. Г. Савина согласилась играть в моей пьесе Сашу, а между тем роль Саши чрезвычайно бледна и представляет из себя скудный сценический материал. Когда я писал ее 1 1/2 года тому назад, то не придавал ей особого значения. Теперь же ввиду чести, какую оказывает моей пьесе М«ария» Г«авриловна», я решил переделать эту роль коренным образом и местами уже переделал так сильно, насколько позволяли это рамки пьесы. Прошу Вас убедительно не торопиться перепискою ролей и возможно скорее выслать мне копию моей пьесы. Роль для III акта почти уже готова, для IV же я могу сделать ее, только имея под рукой пьесу. Все поправки и варианты Вы получите через двое суток после того, как мною будет получена пьеса. Так, если копию я получу 15-го, то поправки будут доставлены Вам 17-го - никак не позже. Но было бы желательно иметь копию пьесы раньше 15-го.

Все поправки и варианты будут своевременно процензурованы. В этом отношении можете быть совершенно покойны. Я не задержу.

Мой адрес: "Москва, Кудринская Садовая, д. Корнеева". Копию пьесы благоволите выслать заказною бандеролью по этому адресу или же отошлите ее А. С. Суворину с надписью: "для скорейшей отсылки А. П. Чехову".

Уважающий

А. Чехов.

581. А. С. СУВОРИНУ

8 января 1889 г. Москва.

8-го янв.

Посылаю Вам, Алексей Сергеевич, письмо Никулиной. Я ответил ей, что режиссер получит желаемое не позже 12-го января. Имейте сие в виду и скорее привозите цензурованные монологи. Ваша пьеса пойдет 16-го, о чем я телеграфировал Вам сегодня. Может случиться, что отложат.

Насчет репетиций я ответил Никулиной так: "После 10-го приедет сам Алексей Сергеевич и ответит Вам на все интересующие Вас вопросы". Меня зовут на репетицию не ради советов или чего другого, а ради сокращений, уступок и т. п. Пойду я на репетицию только в том случае, если Вы сами почему-либо не приедете до спектакля, что, надеюсь, не случится. Пошел бы я завтра, но боюсь напутать и поддаться пению сирен.

Ленский, по-видимому, взял верный тон и будет играть хорошо. Я сегодня был у него. Он сердился, горячился и читал мне места из монологов. Сердится он, что в его говорильной роли мало движения, что Вы заставляете в III акте подбирать черепки битой посуды. Черепки не подбирают (их никто не жалеет), а отбрасывают ногой. Сердится за пионера и пивомера. Одним словом, за роль принялся сердито и будет играть ее горячо. Он и Ермолова в I акте говорят и брызжут. "Я ей: бррр!.. А она мне: бррр!" Я сказал, что так и нужно. Он, по-видимому, боится за себя; но я его успокоил. Я сказал ему, что I акт мне не нравился ни в чтении, ни на репетиции - меня пугала фельетонность и сухость, но что во время спектакля я был поражен тою редкою внимательностью, с какою публика прослушала этот акт. Я сказал ему искренно, и он повеселел и перестал сердиться. Это актер, с которым можно говорить и спорить. О сокращениях не было сказано ни одного слова. Я хорошо сделал, что задержал у себя последние поправки. Актеры пугаются их. Дайте

им понять и выучить роли, тогда делайте хоть миллион поправок. Тогда у актеров для поправок и вариантов будет в голове фон, которого теперь еще пока нет.

Обязательно и непременно приезжайте. Умоляю Вас. Если оттого, что Вы уедете из Петербурга, произойдут протори и убытки, то скажите конторе, чтобы она записала их в мой счет: 10 лет буду даром работать. Если не приедете, то все мои планы расстроите! Поручите газету Алексею Алексеевичу и с богом. Надо Вам отдохнуть и Москву поглядеть поближе.

Жду копию своей пьесы. Написал Федорову льстивое письмо с просьбой поспешить высылкой пьесы. Иначе многое не будет исправлено. Знаете? У меня Саша в III акте волчком ходит-вот как изменил! Совсем для Савиной. Скажите Савиной, что мне так льстит то, что она согласилась взять в моей пьесе бледную и неблагодарную роль, так льстит, что я живот свой положу и изменю роль коренным образом, насколько позволят рамки пьесы. Савина у меня будет и волчком ходить, и на диван прыгать, и монологи читать. Чтобы публику ни утомило нытье, я изобразил в одном явлении веселого, хохочущего, светлого Иванова, а с ним веселую Сашу… Ведь это не лишнее? Думаю, что попал в точку… Но как тяжело быть осторожным! Пишу, а сам трепещу над каждым словом, чтобы не испортить фигуры Иванова.

Давайте летом напишем по второй пьесе! Теперь у нас есть опыт. Мы поймали черта за кончик хвоста. Я думаю, что мой "Леший" будет не в пример тоньше сделан, чем "Иванов". Только надо писать не зимой, не под разговоры, не под влиянием городского воздуха, а летом, когда все городское и зимнее представляется смешным и неважным. Летом авторы свободнее и объективнее. Никогда не пишите пьес зимой; не пишите ни одной строки для театра, если он не за 1000 верст от Вас. В зимние ночи хорошо писать повести и романы, что я и буду делать, когда поумнею.

Да хранит господь бог Вас и всю Вашу фамилию! Если не приедете, нет Вам моего благословения! Приезжайте, умоляю Вас! Все мои Вам кланяются.

Ваш А. Чехов.

582. Е. К. САХАРОВОЙ

13 января 1889 г. Москва.

13 янв.

Уважаемая Елизавета Константиновна!

Прежде всего большое Вам спасибо за память и за новогодний сюрприз - так я называю Ваше письмо. Оно тем более приятно, что среди моих старых знакомых очень много тех самых людей, про которых еще Лермонтов сказал:

Одни ему изменили

И продали шпагу свою…

Теперь о деле. Всей душой готов быть полезен Вам и Вашему мужу. К сожалению, я не такой сведущий и сильный человек, как Вы пишете. В Москве я знаком только с одним художником - с Левитаном, которого Вы знаете, да, пожалуй, еще с десятком дилетантов. Знаком я близко и коротко только с Питером, в Москве же я чужой и непризнанный. В Москве я изображаю из себя доктора и больше ничего. Человек я непрактический и проч. и проч. Я могу сделать для Вас очень немногое, а именно: 1) посоветовать Вашему мужу не покидать идеи о поездке с картиной в Москву; в Москве он будет иметь основательный успех и может заработать немало. Для выставки самое подходящее время, как мне думается, великий пост, 2) поскорее приехать в Москву лично и поискать помещение; помещений в Москве много; я рекомендую одну из зал Общества искусств и литературы в доме Малкиеля на Тверской, где прежде был Пушкинский театр. Общество всплошную состоит из очень милых и обязательных людей, которые, я думаю, охотно помогут Вашему мужу, если он обратится к ним. По приезде в Москву Вашему мужу следует обратиться прежде всего к артисту Малого театра А. П. Ленскому, с которым я уже говорил о картине; он очень близко стоит к Обществу, мой приятель и вообще милый человек. Он возьмется познакомить Вашего мужа с Обществом и похлопочет, 19-го янв«аря» я

уезжаю в Петерб«ург» ставить свою большую пьесу. Если Ваш муж не найдет меня в Москве то прошу его обратиться к сестре М«арии» П«авловне»: она познакомит его с Ленским. Если же и сестра уедет в Петербург, то полномочия будут даны студиозу Мише.

Заметки в газетах сделаем.

В Харькове я не был ни разу в жизни. Не люблю я сего города. Харьковские газеты меня ругают нещадно. Какое кощунство!

К сожалению, я спешу и не имею ни одной свободной минуты. Надо ехать на репетицию суворинской "Татьяны Репиной". Мысли от спешки путаются, и чувствую, что пишу нескладно. Простите.

Летом семья будет жить опять около Сум или же в Полтавской губ«ернии». Где Ваши сестры и как они поживают?

Мой "Медведь" следовало бы назвать "Дойной коровой". Он дал мне больше, чем любая повесть. О публика!

Вчера была Татьяна. Немножко дрожат руки по сему случаю. Если Вы забыли, что значит Татьяна, то я напомню: университетская годовщина.

Итак, резюме: Вашему мужу необходимо самому приехать в Москву, а все мы к его услугам. Заочно, не видавши картины, ничего нельзя сделать.

Будьте здоровы и счастливы. Все мои шлют Вам сердечный привет.

Ваш А. Чехов. На конверте:

Харьков,
Старо-Кладбищенская ул., 27
Елизавете Константиновне
Сахаровой.

583. А. Н. ПЛЕЩЕЕВУ

15 января 1889 г. Москва.

15 янв.

Здравствуйте, милый Алексей Николаевич! Пишу Вам, отбыв каторжную работу. Ах, зачем Вы одобрили в Комитете моего "Иванова"? Какие неостроумные демоны внушили Федорову ставить в свой бенефис мою пьесу? Я замучился, и никакой гонорар не может искупить того каторжного напряжения, какое чувствовал я в последнюю неделю. Раньше своей пьесе я не придавал никакого значения и относился к ней с снисходительной иронией: написана, мол, и черт с ней. Теперь же, когда она вдруг неожиданно пошла в дело, я понял, до чего плохо она сработана. Последний акт поразительно плох. Всю неделю я возился над пьесой, строчил варианты, поправки, вставки, сделал новую Сашу (для Савиной), изменил IV акт до неузнаваемого, отшлифовал самого Иванова и так замучился, до такой степени возненавидел свою пьесу, что готов кончить ее словами Кина: "Палками Иванова, палками!"

Нет, не завидую я Жану Щеглову. Я понимаю теперь, почему он так трагически хохочет. Чтобы написать для театра хорошую пьесу, нужно иметь особый талант (можно быть прекрасным беллетристом и в то же время писать сапожницкие пьесы); написать же плохую пьесу и потом стараться сделать из нее хорошую, пускаться на всякие фокусы, зачеркивать, приписывать, вставлять монологи, воскрешать умерших, зарывать в могилу живых - для этого нужно иметь талант гораздо больший. Это так же трудно, как купить старые солдатские штаны и стараться во что бы то ни стало сделать из них фрак. Тут не то что захохочешь трагически, но и заржешь лошадью.

Я приеду в Питер 21 или 22-го янв«аря». Первым делом к Вам. Надо бы нам вечерок провести и попить кларету. Я теперь могу пить этот кларет бесконечно. Водка мне противеет с каждым днем, пива я не пью, красного вина не люблю, остается одно только шампанское, которое, пока не женюсь на богатой ведьме, буду заменять кларетом или чем-нибудь вроде.

Когда покончу со своим "Болвановым", сяду писать для "Сев«ерного» вестника".

Беллетристика - покойное и святое дело. Повествовательная форма - это законная жена, а драматическая - эффектная, шумная, наглая и утомительная любовница.

"Иванова" печатать в "Сев«ерном» вестн«ике»" не буду.

Я совсем обезденежел. Живу благотворительностью своего "Медведя" и Суворина, который купил у меня для "Дешевой библиотеки" рассказов на 100 рублей. Да сохранит их обоих провидение!

Суворин теперь в Москве. Ставит свою "Таню". Ленский играет Адашева изумительно. Я уверен, что все московские барыни, поглядев Адашева-Ленского, заведут себе любовников-журналистов. Ленский страстен, горяч, эффектен и необычайно симпатичен. Это хорошо. Публика должна видеть журналистов не в карикатуре и не в томительно-умной давыдовской оболочке, а в розовом, приятном для глаза свете. Ермолова хороша в Татьяне.

Пишу понемножку свой роман. Выйдет ли из него что-нибудь, я не знаю, но, когда я пишу его, мне кажется, что я после хорошего обеда лежу в саду на сене, которое только что скосили. Прекрасный отдых. Ах, застрелите меня, если я сойду с ума и стану заниматься не своим делом!

Где Жоржинька? Скажите ему, что я был бы рад увидеть его в театре 26 янв«аря». Пусть поучится, как не следует писать пьесы. Кстати бы запасся он материалом для летних разговоров. Билет я ему предоставлю.

Рассохин получил сборник Гаршина. Три рубля мною получены. Я честный человек: отдам. Душевный привет всей Вашей семье. Если Николай Алексеевич все еще продолжает сидеть в темнице, то привет мой узнику! Все мои Вам кланяются.

Ваш А. Чехов.

584. В. А. ТИХОНОВУ

19 января. 1889 г. Петербург.

Сим извещаю российского Сарду, что я прибыл в Питер и остановился там же, где жил раньше. Был бы рад повидаться и узнать точный адрес.

А. Чехов.

Настроение вялое. На обороте:

Петербург,

Пушкинская, 19, кв. 26

Владимиру Алексеевичу Тихонову.

585. В. Н. ДАВЫДОВУ

22 или 23 января 1889 г. Петербург.

Милый Владимир Николаевич, сегодня я побываю у Вас и дам ответ на письмо, а пока прочтите пьесу в ее массе - тогда, думаю, мой Иванов будет яснее для Вас.

Ваш А. Чехов.

586. А. Н. ПЛЕЩЕЕВУ

23 или 24 января 1889 г. Петербург.

Дорогой Алексей Николаевич!

Спасибо, что предупредили насчет Я«кова» П«етровича». Если мне посчастливится

увидаться с ним, то я постараюсь как-нибудь выскользнуть из немножко щекотливого положения. По священному писанию, ложь бывает иногда во спасение: я солгу ему, но не скажу, что забыл о его приглашении, а свалю всю вину на Щеглова. Скажу, что-де малый был так расстроен нервно, что весь вечер пришлось не отпускать его от себя, и т. п.

Вы зовете меня сегодня к себе… Увы! Я еще не кончил канальского рассказа! Завтра я и Щеглов будем у Вас, а пока позвольте Вашему почитателю пожать Вам руку, поблагодарить и пребывать уважающим

А. Чехов.

587. М. П. ЧЕХОВУ

Последние числа января 1889 г. Петербург.

Посылаю 100 рублей. Я останусь в Петербурге до вторника и приеду непременно в четверг, 2-го февраля. Актеры играют плохо, из пьесы ничего путного не выйдет; с нудным Давыдовым ссорюсь и мирюсь по 10 раз на день. Скучно. Делать положительно нечего. Пьеса пойдет не больше четырех раз: не стоит овчинка выделки. Маше приезжать нечего.

А. Чехов.

Завтра пришлю письмо.

588. К. С. БАРАНЦЕВИЧУ

3 февраля 1889 г. Москва.

3 февраль.

Милый Казимир Станиславович, я бежал в Москву, сижу уже за своим столом и первым делом отвечаю на Ваше милое письмо, полученное мною накануне "Иванова". Я говорил о Вашем однокашнике с Коломниным, заведующим в "Новом времени" хозяйственной частью. Коломнин заявил мне то, что я раньше знал: все места в конторе и в магазине заняты, и на каждое место уже имеется в запасе по два кандидата. И он сказал правду. Положение нововременских дел мне известно. В газете вакантные места всегда найдутся, в конторе же и в магазине все занято еще со времен Очакова. Простите, голубчик, что на Ваше письмо я отвечаю не так, как бы Вам хотелось. К моему несчастью и стыду, в последнее время мне слишком часто приходится отвечать на человеческие письма не по человечески. Рад бы в рай, да грехи не пускают.

Я бежал из Питера, Одолел угар. Изнемог я, да и стыдно все время было. Когда мне не везет, я храбрее, чем тогда, когда везет. Во время удачи я трушу и чувствую сильное желание спрятаться под стол.

Прошу прощения у Ваших за то, что не пришел проститься. Я был зайцем, которого трепали гончие. Кланяюсь всем, а Вам, милый друг, желаю всего хорошего и в литературе и на конно-железке. Да хранят Вас ангелы небесные.

Ваш А. Чехов.

Черкните мне парочку строчек.

Все мои кланяются Вам, а мать велела поблагодарить за то, что Вы покормили меня обедом. По ее мнению, я, бедный мальчик, ходил по Питеру голодный, высунув язык. Она никогда не обедала в ресторанах и не может поверить, чтобы официанты, люди совершенно чужие, могли накормить сытно. А у богачей, по ее мнению, обедать невозможно, так как в богатых домах дают очень немного супу и считают неприличным, если кто много ест. Вы же человек женатый, дети у Вас есть, стало быть, по ее мнению, и обеды у Вас настоящие, как быть должно.

589. Д. Т. САВЕЛЬЕВУ

4 февраля 1889 г. Москва.,

4 февр.

Милый друг, вчера я вернулся из Петербурга, где ставил свою пьесу, и нашел у себя на столе твое письмо. Сегодня же был я в магазине Суворина и распорядился, чтобы тебе были высланы книги и календари. Магазин обещал выслать 6-го февраля. Опоздал я, как видишь, не по своей вине: не было меня в Москве.

Пьеса моя имела громадный успех, и я вернулся увенчанный лаврами. Подробности можешь узнать в "Новом времени".

Спасибо за поздравления и пожелания. И тебе того же желаю, но только в квадрате (a + b).

Анне Ивановне передай, что всех моих произведении нельзя выслать теперь, так как две книжки совершенно распроданы и печатаются новым изданием. Когда будут отпечатаны, я поспешу исполнить ее желание. В эту весну я буду на юге и постараюсь воспользоваться ее приглашением, которое я давно уже намотал себе на ус и держу в запасе. Летом я был на Кавказе, но шатанье по Батумам, Тифлисам и Баку так утомило меня, что я еле добрался до Ростова.

Если соберусь ехать к тебе, то дам знать телеграммой из Таганрога. На даче я буду жить около Сум или в Полтавской губ«ернии», куда приглашу тебя, буде пожелаешь.

Ну, будь здоров, богат и счастлив. Дружески пожимаю тебе руку и остаюсь сердечно преданным

А. Чехов.

Серьезно: не захочешь ли пожить у меня недельку на даче? Я был бы рад, а семья и подавно. Старину бы вспомнили.

590. А. С. СУВОРИНУ

4 февраля 1889 г. Москва.

4 февр.

Милый Алексей Сергеевич, посылаю Вам документ, имеющий ценность только как автограф великого Шпажинского.

Мне скучно, и грустно, и некому руку подать. Из сферы бенгальского огня попал в полутемную кладовую и жмурюсь. Чувствую сильный позыв к своей скромной и кроткой беллетристике, но во всем теле разлита такая лень, что просто беда. Переживаю похмелье.

Ну-с, мой и Ваш сезон уже кончились. Мы можем теперь почить на лаврах до самой зимы, когда опять бес начнет толкать нас под руку и шептать всякий соблазнительный вздор.

Я еще не читал Вашей рецензии, но предвкушаю ее. Я человек честолюбивый по самые уши, а потому можете понять, какую ценность имеет для меня рецензия, написанная таким страшным литературным генералом, как Вы. На хуторе я вывешу ее на стену в рамочке - говорю это серьезно, а когда у меня будут дети и внуки, то буду хвастать им: "Про меня писал Суворин". Вы к себе привыкли, не чувствуете своего высокого роста и потому, вероятно, не понимаете, почему актеры Вас боятся и грызут по ночам подушку, когда Вы браните их или не замечаете.

Скажите Анне Ивановне, что я только прикидывался равнодушным человеком, но волновался ужасно.

Ее внимание, с каким она слушала пьесу, действовало на меня, как kalium bromatum. Во время спектакля я видел только двух: ее и Репина. Почему? Не знаю.

Повторяю свои просьбы, к«ото»рыми я, надеюсь, уже достаточно надоел Вам. 1) Пришлите для корректуры "Детвору". 2) Пришлите карточки, к«ото»рые получите от Юрковского, и карточки шапировские; последних побольше, ибо актеры просили. Не забудьте прислать и группу. 3) Французский словарь - взятка с Вас за мое к Вам благорасположение.

Маслов называет актеров гаерами и низкими людьми. Это оттого, что они не играли еще в его пьесах. После того, как актеры сыграли моего "Иванова", все они представляются мне родственниками. Они так же близки мне, как те больные, к«ото»рых я вылечил, или те дети, к«ото»рых я когда-то учил. Я не могу забыть, что Стрепетова плакала после III акта и что все актеры от радости блуждали, как тени; многого не могу забыть, хотя раньше и имел жестокость соглашаться, что литератору неприлично выходить на сцену рука об руку с актером и кланяться хлопающим. К черту аристократизм, если он лжет.

Еще раз благодарю за гостеприимство и радушие. Кланяюсь Настюше и мальчикам. Извиняюсь перед Алексеем Алексеевичем, что не успел проститься с ним и с его женой. Будьте здоровы.

Ваш А. Чехов.

591. А. С. СУВОРИНУ

6 февраля 1889 г. Москва.

6 февраль.

Ваша мысль о перенесении слов о клевете из одного места в другое пришла к Вам поздно; я ее одобряю, но воспользоваться ею не могу. Единственное, что я могу сделать в настоящее время для театра, - это получить за свою пьесу гонорар, ко всему же остальному я чувствую пресыщение. Переделывать, вставлять, писать новую пьесу для меня теперь так же невкусно, как есть суп после хорошего ужина. Будущее, когда я примусь за "Лешего" и водевили, представляется мне отдаленнейшим.

Иглу, которую Вы вонзили в мое авторское самолюбие, принимаю равнодушно. Вы правы. В письме моем Иванов, вероятно, ясней, чем на сцене. Это потому, что четверть ивановской роли вычеркнута. Я охотно отдал бы половину своего успеха за то, чтобы мне позволили сделать свою пьесу вдвое скучней. Публика величает театр школой. Коли она не фарисей, то пусть мирится со скукой. В школе ведь невесело.

В моем доме, похожем на комод, много новостей. Горничная Ольга выходит замуж; сбежал белый котенок, которого Вы знаете; у студента распух глаз; Сережа Киселев получает сплошные единицы по латинскому языку; к хозяину Корнееву вернулась из Новочеркасска его племянница, казачка Зиночка, которая по ночам молится богу, чтобы я не влюбился в кого-нибудь. И т. д. и т. д.

Душа моя полна лени и чувства свободы. Это кровь кипит перед весной. Занимаюсь все-таки делом. Приготовляю материал для третьей книжки. Черкаю безжалостно. Странное дело, у меня теперь мания на все короткое. Что я ни читаю - свое и чужое, все представляется мне недостаточно коротким.

Сегодня я послал Алексею Алексеевичу рассказ для "Стоглава". Пусть чувствует. Если будет обходиться со мной почтительно, то и в будущем году пришлю. У меня рассказов, как собак нерезаных.

Еще одно поручение, которое можете не исполнить. Если пойдете на толкучку покупать мебель, то возьмите для меня ту балалайку (мандолину), которую мы видели висящею на двери одной мебельной лавки. Я отдам Вам десять целковых. Пришлите ее при оказии через контрагентство. На даче и на хуторе она очень пригодится.

Как, однако, мелкая пресса треплет моего "Иванова"! На всякие лады, точно он не Иванов, а Буланже.

Низко кланяюсь Анне Ивановне, Настюше и Боре. А m-lles Эмили и Адель пусть извинят меня, что я не простился с ними. Скажите им, что я не пошел прощаться с

ними из боязни, чтобы они не стали плакать.

Пишу это письмо в то время, когда в Питере идет второе действие моего "Иванова". Ну, будьте здоровы и веселы.

Ваш А. Чехов.

592. А. М. ЕВРЕИНОВОЙ 8 февраля 1889 г. Москва.

8 февр.

Уважаемая Анна Михайловна, обращаюсь к Вам с просьбой. Будьте добры, распорядитесь, чтобы корректура моего "Иванова" была выслана возможно скорее и не менее как в трех экземплярах. Два экземпляра нужны для переписки: большие требования из провинции. Театральная библиотека будет рассылать рукописные экземпляры.

В великом посту великий драматург обратится в скромного беллетриста и примется за рассказ для "Сев«ерного» вестника". Драматургия с ее шумом выбила меня из колеи, но теперь, слава создателю, я начинаю приходить в норму и жить по-человечески.

Насчет "Иванова" я буду писать Вам еще раз. Постараюсь, чтобы эта пьеса надоела не одному только мне.

Поклонитесь Марии Дмитриевне и Алексею Николаевичу, которые мне неизменно симпатичны, как очень добрые люди. Вам я тоже кланяюсь и шлю привет от чистого сердца. Будьте здоровы и небом хранимы.

Ваш А. Чехов.

Каждую ночь мне снятся миллионы, которые я так легкомысленно прозевал. Нельзя ли посвататься по телеграфу? Меня невеста может видеть в фотографии Шапиро.

Простите, бога ради. Когда кончил письмо, заметил, что этот лист уже испачкан. Неприлично посылать такое письмо. Вся надежда на Ваше снисхождение. Переписал бы, да некогда и, откровенно говоря, бумага вся вышла.

593. А. С. СУВОРИНУ

8 февраля 1880 г. Москва.

8 февраль.

Рецензия прекрасная; ценю ее на вес не золота, не алмазов, а своей души. Мое глубокое и искреннее убеждение: получил я гораздо больше, чем заслужил.

Сегодня пришло Ваше письмо, где Вы пишете о своем разговоре с Жителем. Вы думаете, что я не должен был брать Иванова "готовым". Я прошу Вас вообразить себя автором моей пьесы, чтобы чутье подсказало Вам, как Вы не правы. Зачем Вы Репину взяли "готовой"? Что было бы, если бы Хлестаков и Чацкий тоже не были взяты "готовыми"? Если мой Иванов не для всех ясен, то это потому, что все четыре акта сделаны неумелой рукой, а вовсе не потому, что я своего героя взял "готовым". Герои Толстого взяты "готовыми"; прошлое и физиономии их неизвестны, угадываются по намекам, но ведь Вы не скажете, чтобы эти герои Вас не удовлетворяли. Вся суть в размерах авторского таланта - da ist Hund begraben*. Контуры моего Иванова взяты правильно, начат он так, как нужно, - мое чутье не чует фальши; сплоховала же растушевка, а оттого, что тушевка плоха, Вы заподозрили контуры.

Женщины в моей пьесе не нужны. Главная моя была забота не давать бабам заволакивать собой центр тяжести, сидящий вне их. Если бы мне удалось сделать их красивыми, то я считал бы свою задачу по отношению к ним совершенно исполненною. Женщины участвовали в погибели Иванова… Ну так что же? Неужели нужно длинно пояснять это участие, которое попятно и тысячу раз уже трактовалось раньше меня?

Получаю но поводу "Иванова" анонимные и не анонимные письма. Какой-то социалист (по-видимому) негодует в своем анонимном письме и шлет мне горький упрек; пишет, что после моей пьесы погиб кто-то из молодежи, что моя пьеса вредна и проч. Все письма толкуют Иванова одинаково. Очевидно, поняли, чему я очень рад.

Казанец врал Вам. "Таню Репину" отложили только потому, что Ермолова устала. Успех громадный. На каждую ложу уже записана сотня кандидатов - это говорил Ленский, у которого я был сегодня.

Какая-то психопатка-провинциалка со слезами на глазах бегала по Третьяковской галерее и с дрожью в голосе умоляла показать ей Татьяну Репина,** про которую она много слышала и от которой ей хотелось бы разразиться истерикой.

Вас обвиняет вся мыслящая Москва в заранее обдуманном намерении - поиграть на плохих, уважения недостойных нервах. Воображают, что Вы очень хитрый человек, и не понимают, что хитрит Ермолова, а не Вы. Много ходит сплетен. Я заранее объявил, что не дам для Москвы своего "Иванова" (хотя у меня его и не просят), и это мое решение бесповоротно. Ненавижу, когда Москва берется рассуждать, понимать по-своему, судить… Буду воевать с ней. Конечно, смешно колоть слона булавкой, но все-таки, когда умру, Вы напишете в некрологе, что был один человек, который не признавал этой кухарки. Не спорьте со мной. Если мое упрямство глупо, то позвольте мне быть глупым - вреда от этого никому не будет.

Очень возможно, что сестра приедет в Питер на масленой неделе.

Потехин ставит моего "Иванова" только два раза, да и то утром! Зачем же он целовался со мной? Однако какое разочарование! Ожидал я тысячу, а получу 600-700… Это и на понюшку не хватит. Очевидно, небу не угодно, чтобы я купил хутор.

У меня лютый геморрой, который я поддерживаю сиденьем и излияниями. Надо бросить манеру веселить свое сердце вином, да жалко.

Кланяюсь Анне Ивановне, Насте и Боре. Будьте здоровы в не забывайте преданного Вам

Доктора Тото. * вот где собака зарыта (нем.). ** родительный падеж.

594. В. А. ТИХОНОВУ

10 февраля 1889 г. Москва.

Милый драматург, при всем моем желании достойно приветствовать дебют критика Тихонова я не могу сказать Вам ни единого теплого слова, так как "Неделя" в Москве составляет такую же редкость, как белые слоны. Я нигде не мог найти ее. Не потрудитесь ли Вы прислать мне тот №, где помещена Ваша рецензия? Я прочту и присовокуплю ее к куче рецензий, составляющих в моем архиве объемистое "Дело об Иванове".

Насколько могу судить по тем Вашим пьесам, которые я видел на сцене, из Вас едва ли может выработаться театральный критик. Вы человек рыхлый, чувствительный, уступчивый, наклонный к припадкам лени, впечатлительный, а все сии качества не годятся для строгого, беспристрастного судьи. Чтобы уметь писать критику, нужно быть в душе немножко тою рябой бабой, которая без милосердия будет бить Вас. Когда Суворин видит плохую пьесу, то он ненавидит автора, а мы с Вами только раздражаемся и ноем; из сего я заключаю, что Суворин годится в судьи и в гончие, а нас (меня, Вас, Щеглова и проч.) природа сработала так, что мы годимся быть только подсудимыми и зайцами. Едина честь луне, едина солнцу…

Напишите-ка лучше реферат и прочтите его на Гороховой. Сюжетов много.

Оттого, что я в Питере пил не щадя живота, у меня разыгрался генеральный геморрой, от которого я теряю немало крови. Увы, лавры и опьянение не даются даром!

Ну, будьте здравы и веселы. Поклон Вашему брату и общим знакомым.

Ваш А. Чехов.

10 февр.

Нет почтовой бумаги!

595. Н. М. ЛИНТВАРЕВОЙ

11 февраля 1889 г. Москва.

11 февр.

Уважаемая Наталья Михайловна, если Егор Михайлович уже на Луке, то будьте добры передать ему мое извинение. Я обещал ему выехать из Петербурга вместе, но надул его и выехал, не дождавшись условленного дня. Скажите ему, что я не мог ждать. Мне нужно было уехать во что бы то ни стало. Я бежал от сильных ощущений, как трус бежит с поля битвы. Все хорошо в меру, а сильные ощущения меры не знают.

Пишу Вам, а не ему, потому что наверное не знаю, где он: дома или же в Петербурге. Если в Петерб«урге», то передайте ему мое извинение, когда он приедет.

Я слышал, что Елена Михайловна уехала в Киев. Когда вернется, поклонитесь.

Мы начали уже решать дачный вопрос. Большинство склоняется на сторону Луки, чему я, конечно, очень рад. Если Вы ничего не имеете против нашего переселения на Луку, то черкните две строчки. Никакой террасы, никаких колонн в стиле рококо, никаких балюстрад и статуй не нужно. Пожалуйста, не верьте добрейшей Лидии Федоровне. Если сделаете дверь из флигеля в сад, то и это уж будет великодушно и вполне достаточно.

Сердечный привет всем Вашим. Весной (в апреле) я выеду из Москвы к югу. Быть может, заеду к Вам денька на два.

Желаю всего хорошего и, если позволите, дружески жму Вам руку.

А. Чехов.

А какой ангел Лидия Федоровна! Не хватает только крылышек.

596. А. Н. ПЛЕЩЕЕВУ

11 февраля 1889 г. Москва.

11 февраль.

Милый и дорогой Алексей Николаевич, пишу Вам сии строки накануне Ваших именин и жалею, что судьба лютая лишила меня возможности быть у Вас завтра. В Москве я утопаю в скуке. Чувствую себя так, точно меня женили на постылой женщине или сослали в страну, где вечная зима. Это похмелье после Питера, где я, как Вам известно, далеко не скучал; не только не скучал, но даже был вынужден бежать от изобилия сильных ощущений.

Конечно, за пьесу возьму я гораздо дешевле, чем за прозу. Цену назначу, когда узнаю размер пьесы. Чем она больше, тем дешевле возьму за лист. Я пьес никогда не печатал и цеп не знаю. Если бы Вы дали мне совет - какую цену назначить, чтоб никому обидно не было, - то я был бы Вам очень благодарен. Назначьте цифру.

Островский был у меня вчера. Говорили о Вас; я его порадовал, сказав, что Вы здоровы и бодры. Толковали о литературе и политике. Интересный человек. Спорили между прочим о социализме. Он хвалит брошюру Тихомирова "Отчего я перестал быть социалистом", но не прощает автору его неискренности. Ему не нравится, что Тихомиров свое прошлое называет "логической ошибкой", а не грехом, не преступлением. Я же доказывал, что нет там греха и преступления, где нет злой воли, где деятельность, добрая или злая-это все равно, является результатом глубокого убеждения и веры. Оба мы друг друга не убедили и остались каждый при своем, но это все-таки не мешало мне слушать Островского с большим интересом. Ум

у него рыхлый, стоячий, как прудовая вода, покойный, но зато большой.

Что касается Жоржика, то в Москве его не было. Должно быть, поехал прямо на Луку, не заезжая домой.

Если можно достать где-нибудь судебные речи Кони, то прочтите там дело "об акушере Колосове и дворянине Ярошевиче" на стр. 248. Какой чудный и богатый материал для романа из жизни патентованных сукиных сынов!

Довожу до Вашего сведения, что у меня уже есть выигрышный билет 2-го займа. Первого марта выиграю.

Все мои Вам кланяются. Вашим мой сердечный привет. Будьте здоровы, дорогой именинник, и не забывайте душевно Вам преданного

D-r Antonio.

597. Н. Н. ОБОЛОНСКОМУ

12 или 13 февраля 1889 г. Москва.

Милый Николай Николаевич, приехал Алексей Николаевич Плещеев и заболел после именинного пирога: его рвет и несет. Голубчик, не откажите возможно скорее приехать к нему: Лоскутная, № 17. Кстати, познакомитесь с ним. Он приехал в Москву есть блины.

Он Вас ждет.
Ваш от головы до пяток
А. Чехов
Поклонитесь Софье Виталиевне.

598. А. С. СУВОРИНУ

Около 13 февраля 1889 г. Москва.

При сем имею честь препроводить корреспонденцию о тех безобразиях, кои творит в Москве Ваша Татьяна Репина. Насколько монотонно-кроток мой Иванов, настолько буйна Ваша Таня. Корреспонденция не врет. Я думаю, что Лялин может узурпировать ее для своего маленького фельетона.

Ах, как я благодарен Вам за балалайку! Сегодня приведем ее в порядок, а завтра уж будем играть. Я у Вас в долгу, как в шелку.

"Иванов" идет в понедельник утром - время, когда сбор не превышает 14 р. 43 коп.!

Помните, что Вы обещали приехать постом. Я буду ждать. Если хотите, съездим к Троице, где в то время будет уже весной пахнуть. Кланяюсь всем. Скучаю.

Ваш А. Чехов.

599. А. С. СУВОРИНУ

14 февраля 1889 г. Москва.

14 февр.

Милый Алексей Сергеевич, Вы можете гордиться своей покупкой. Миша носил балалайку в музыкальный магазин струн ради, и там давали ему за нее 16 рублей. Подозреваю, что балалайка стоит около 50. - Свободин писал мне, что у Шапиро уже готовы фотографии. Получили ли Вы свою и мою долю? Если получили, то вышлите мне побольше карточек и, между прочим, одну свою большую. Я ее в гостиной повешу. Теперь ведь мы с Вами некоторым образом родня: Ваша и моя пьесы шли в один сезон, в одном и том же театре. Оба одинакие муки терпели, и оба почиваем теперь на лаврах. Оба ненавидимы Крыловым, хотя и не в одинаковой степени. Вы тоже должны мою фотографию в почете держать.

Получил я от Свободина письмо, полное жалоб на судьбу и людей. Письмо длинное и искреннее. Ответил ему длинно, что недовольство составляет одно из коренных свойств всякого настоящего таланта, и ехидно, со свойственным мне лицемерием, пожелал ему, чтобы он всегда был недоволен. Я очень жалею, что в настоящее время русским писателям некогда писать, а русским читателям некогда читать про актеров, а то бы следовало тронуть их. До сих пор наша беллетристика интересовалась только актерской богемой, но знать не хотела тех актеров, которые имеют законные семьи, живут в очень приличных гостиных, читают, судят, а главное - получают больше, чем губернаторское жалованье. Давыдов и Свободин очень и очень интересны. Оба талантливы, умны, нервны, и оба, несомненно, новы. Домашняя жизнь их крайне симпатична.

Поздравляю Алексея Алексеевича с ашиновским скандалом. Хороший урок для начинающих публицистов. "Новое время" удивительная газета. Маклая иронизировала, а Ашинова поднимала до небес.

То, что я знаю про о. Паисия, слишком интимно и может быть опубликовано только с разрешения моего дяди и самого Паисия… В истории Паисия играют видную роль его жена, гулящие бабы, изуверство, милостыня, какую Паисий получил от дяди. Нельзя всего этого трогать самовольно.

Боюсь, чтобы Паисий опять не сбился с панталыку и не стал говорить, что его новый сан (архимандрит), Абиссиния и затеи - все от беса. Как бы он опять не бежал без паспорта куда-нибудь. Это такой человек, что и к раскольникам в Австрию бежать может. У него болезненная совесть, а ум прост и ясен. Если бы я был Победоносцевым, то послал бы Паисия в наш Новый Афон на подмогу к сухумскому архиерею, крестящему абхазцев. Кстати же, у этого архиерея совсем нет штата. Есть один письмоводитель, изображающий своею особой консисторию, да и тот по России тоскует.

Целая компания собиралась ехать на масленой в Питер глядеть моего "Иванова", но масленичный репертуар всю музыку испортил. Когда ехать, если "Иванов" идет в последний раз в среду утром? По той же причине не едет и сестра; ее пансион отпустит только в среду.

В мае я из Вашего "Мужского горя" сделаю смешную трагедию. Мужскую роль (она сделана отлично) я оставлю в неприкосновенности, а супругу дам совсем новую. Оба они у меня будут всерьез валять.

Что ж? Приедете в великом посту? Приезжайте. Я обещаю ни слова не говорить о театре, хотя удержаться трудно. Театр, повторяю, спорт и больше ничего. Единственный способ излечить Щеглова от театромании - это выучить его играть в винт или воспитать в нем любовь к скачкам. А в театр, как в школу, без которой нельзя обойтись, я не верю.

Я завидую Вам: у Вас отличная почтовая бумага. Как здоровье Анны Ивановны? Желаю от всей души, чтобы оно было отличное. К сожалению, кроме этого пожелания, у меня нет ничего такого, что бы я мог преподнести Анне Ивановне.

Наше Общество искусств и литературы закатывает в субботу костюмированный бал. Рассчитывает выручить чистых тысяч десять.

Будьте здоровы. Богатейте материально, потому что душевно Вы уже и так богаты. Материально же надо спешить богатеть. Надо Вам завести еще магазины в Саратове, Казани, в Ростове-на-Дону и в Париже. Дело такое хорошее, из-за которого можно забыть даже о существовании Леона Толстого, который богаче Вас. Да хранит Вас аллах!

А. Чехов.

600. Л. Н. ЛЕНСКОЙ

15 или 16 февраля 1889 г. Москва.

Многоуважаемая Лидия Николаевна, Ваша легенда мне очень нужна; я втиснул ее в повестушку, к«ото»рая будет печататься летом. Очень охотно возвращаю Вам право собственности, так как это возвращение не причинит мне ни малейшего ущерба:

легендой я все-таки воспользуюсь. На один и тот же сюжет могут писать 20 человек, не рискуя стеснить друг друга.

Не был я у Вас на блинах по милости "Северного вестника", который прислал мне корректуру моей пьесы. Нужно было торопиться, чтобы отослать корректуру с кондуктором курьерского поезда. Тяжела шапка Мономаха!

На второй день поста, т. е. во вторник, я, буде Вы и Александр Павлович пожелаете, устрою у себя вечером "кислую капусту". Будут капуста, редька, маслины, постный винегрет, бобы и проч. Только с условием, чтобы А«лександр» П«авлович» выпил не меньше трех рюмок.

Рассказ про мальчика, убегающего ночью из больницы, я пришлю Вам вместе с другими рассказами про детей, собранными в отдельный томик "Дешевой библиотеки" под заглавием "Детвора".

Суворин в письме кланяется. Я тоже Вам кланяюсь и прошу передать мой сердечный привет Александру Павловичу.

Душевно преданный

А. Чехов.

Сестра шлет поклон.

Ради создателя, не церемоньтесь с легендой. Даю Вам обещание написать эту легенду так, что даже А«лександр» П«авлович» ее не узнает, - стало быть, но стесняйтесь и отдавайте сюжет кому угодно.

Вами легенда прекрасно изложена. Если нужно, то я пришлю копию или даже самое письмо.

601. А. М. ЕВРЕИНОВОЙ

17 февраля 1889 г. Москва.

17 февр.

Многоуважаемая Анна Михайловна!

Я зол на Вашу типографию, как аспид. У меня было в проекте провести масленицу в деревне, и я рассчитывал, что корректуру "Иванова" я получу в воскресенье или понедельник и затем буду свободен, но вышло иначе: типография высылала мне корректуру по маленьким дозам, через час по столовой ложке; сегодня пятница (вечер), а четвертого акта и конца третьего я еще не получал и не читал - и таким образом всю неделю я прожил в Москве в ожидании корректуры. Добро бы я был неисправен и задерживал корректуру, а то ведь я спешил на всех парах, не щадя живота и высылая листы обратно в день получения их… Право, поневоле социалистом сделаешься и возропщешь на порядки.

Излив свой справедливый гнев, я прошу Вас извинить меня за то, что я так часто надоедаю Вам своим "Ивановым".

Я мало-помалу прихожу к убеждению, что авторам читать корректуру положительно необходимо.

Мои шлют Вам поклон. Желаю Вам всего хорошего и пребываю, как всегда, искренно преданным

А. Чехов.

В воскресенье я послал Вам с кондуктором корректуру I и S II акта и письмо на имя Крюковского. Получили ли?

602. М. В. КИСЕЛЕВОЙ

17 февраля. 1889 г. Москва.

17 февр.

Я зол, как аспид, которому наступил на хвост нечистый дух. Я не имею права двинуться с места. Милые дамы "Северного вестника", вместо того чтоб прислать мне корректуру "Иванова" в прошлое воскресенье, высылают мне ее по кусочку в продолжение всей масленой недели. Так как мартовская книжка должна печататься не позже 20-го февр«аля», то меня "умоляют не задерживать корректуру". Послал ругательное письмо, но от этого мне не легче. Итак во всю зиму благодаря милейшим пьесам я ни разу не побывал в Бабкине. Покорно благодарю.

Лучшая детская писательница! Не увлекайтесь лестью косого Войнаховского и похвалами орловских поваров, бросьте литературу! Быть литератором - значит не знать покоя, не есть блинов, вечно ждать гонорара и никогда не иметь гроша в кармане. Воистину тернистый путь!

Мой "Иванов" продолжает иметь колоссальный, феноменальный успех. В Питере теперь два героя дня: нагая Фрина Семирадского и одетый я. Оба шумим. Но при всем том как мне скучно и с каким удовольствием я полетел бы в милое Бабкино!

Блиноеду-барину, прекрасной Василисе и любезнейшему Котафею Котафеичу мой нижайший поклон и пожелание отличного аппетита.

Елизавете Александровне, если она еще не забыла обо мне, тоже поклон.

Будьте здоровы, веселы и богаты.

Скажите Тышечке в шапочке и с аришечкой, что в Бабкино я теперь буду ездить всегда не через Воскресенск, а через Духонино. Не желаю подвергать свою жизнь опасности. Погибать под выстрелом аршинного револьвера - не совсем приятно, особливо во цвете лет.

Ваш душевно

А. Чехов.

603. И. Л. ЛЕОНТЬЕВУ (ЩЕГЛОВУ)

18 февраля 1889 г. Москва.

18 февраль.

Милый Жан, спасибо Вам за "Господ театралов", к«ото»рых я получил. Один экз«емпляр» отдал брату-педагогу, другой присовокупил к своей публичной библиотеке (называю ее публичной, потому что она обкрадывается публикой очень усердно).

Вы в письме утешаете меня насчет "Иванова". Спасибо Вам, но уверяю Вас честным словом, я покоен и совершенно удовлетворен тем, что сделал и что получил. Я сделал то, что мог и умел, - стало быть, прав: глаза выше лба не растут; получил же я не по заслугам, больше, чем нужно. И Шекспиру не приходилось слышать тех речей, какие прослышал я. Какого же лешего мне еще нужно? А если в Питере найдется сотня человек, к«ото»рая пожимает плечами, презрительно ухмыляется, кивает, брызжет пеной или лицемерно врет, то ведь я всего этого не вижу и беспокоить меня все это не может. В Москве даже не пахнет Петербургом. Видаю я ежедневно сотню человек, но не слышу ни одного слова об "Иванове", точно я и не писал этой пьесы, а питерские овации и успехи представляются мне беспокойным сном, от которого я отлично очнулся.

Кстати, об успехе и овациях. Все это так шумно и так мало удовлетворяет, что в результате не получается ничего, кроме утомления и желания бежать, бежать…

Голова моя занята мыслями о лете и даче. Денно и нощно мечтаю о хуторе. Я не Потемкин, а Цинцинат. Лежанье на сене и пойманный на удочку окунь удовлетворяют мое чувство гораздо осязательнее, чем рецензии и аплодирующая галерея. Я, очевидно, урод и плебей.

Пишу докторскую диссертацию на тему: "О способах прививки Ивану Щеглову ненависти к театру". вы пишете, что Буренин действует на Вас угнетающе. Пусть так, но, ради создателя, не поддавайтесь этому чувству и не пасуйте перед великим критиком. Что бы он ни молол авторитетно о бесполезности нашего брата, о пишущих ради куска хлеба, он никогда не будет прав. На этом свете не тесно, для всех найдется место; мы не мешаем Буренину жить, и он нам не мешает. Вопрос же о том, кто на земле полезен и бесполезен, не Буренину решать и не нам. Не расходуйте Ваших нервов и душевной энергии на черт знает что.

Занимайтесь беллетристикой. Она ваша законная жена, а театр - это напудренная любовница. Или становитесь Островским, или же бросайте театр. Середины нет для Вас. Середина занята драматургами, а беллетристам таким как я, Вы, Маслов, Короленко, Баранцевич и Альбов, т. е. литературным штаб-офицерам, не к лицу вести борьбу за существование с обер-офицерами драматическими. Беллетрист должен идти в толпу драматургов-специалистов или генералом, или же никак.

Захотите пошалить - другое дело. Отчего не пошалить? Но, шаля, не следует делать очень серьезного лица и угнетать себя очень серьезными мыслями.

Видите, каким я моралистом становлюсь! Мне даже капитаны нипочем, и их отчитываю. А ведь я - не имеющий чина!

Собираюсь на бал. Будьте здоровы. Да благословит Вас бог.

Ваш А. Чехов.

За "Господ театралов" - рубль дорого. Нужно было назначить 25-30 к.

Вашей жене привет. Мои кланяются и благодарят за поклон.

604. А. П. ЛЕНСКОМУ

Около 20 февраля 1889 г. Москва.

Уважаемый Александр Павлович, податель сего - художник Сахаров, о котором я говорил уже с Вами перед отъездом в Петербург. Он привез свою картину "Крушение поезда" и ищет для нее помещение. Я рекомендовал ему одну из зал Общества искусств - об этом я говорил уже Вам.

Будьте добры, скажите ему, куда и к кому он должен обратиться.

Почтение Лидии Николаевне.

Ваш душевно

А. Чехов.

Простите за беспокойство.

605. А. С. СУВОРИНУ

20 февраля 1889 г. Москва.

20 февраль.

Милый Алексей Сергеевич, поздравляю Вас с постом, с днями молитвы, покаяния и лицемерия. Пост начался для меня отвратительно: после гульной ночи вернулся домой в 10 1/2 часов утра и спал до 5 часов вечера. Ужинал вчера в фойе коршевского театра с актерами, актрисами и генералами. Ужин прощальный, по случаю закрытия сезона. Актрисы милый народ, я их вчера любил и так расчувствовался, что даже на прощанье поцеловался с некоторыми. У них есть благородство, какого нет у актеров. У мужчин, служащих святому искусству, нет чистоты душевной. В их словах, взглядах и поступках много лакейского. Впрочем, не у всех. Я пил немного, но беспорядочно, мешал ликеры с коньяком. Теперь чувствую в своем нутре гнетущую пустоту; такое состояние, точно внутри у меня

пропасть с холодными стенами. Хочется всыпать в очень холодную воду побольше иголок, сильно взболтать и выпить, да чтоб к тому же иголки были кислые.

Купите под Харьковом именье, не теряйте случая. Если у Вас нет 35 тысяч, то позвольте мне украсть их для Вас из Вашей конторы, где, как Вам известно, денег ужасно много. Если хотите, я съезжу посмотреть именье, которое Вам предлагают. Мне хочется проехаться. Так как именье Ваше, то дорожные расходы (билеты) пополам. Кстати, и для себя я посмотрел бы какой-нибудь хуторок. Если Вы купите именье, то я куплю хутор по соседству с Вами и буду Вас удивлять своей агрономией, распущенностью домочадцев, гостеприимством и музыкой. Даже у Вас купил бы небольшой участок. У меня деньги будут. "Иванов" давал полные сборы; я получу около тысячи. К лету в общем наскребу из разных углов тысячи две да 1-го марта по своему билету выиграю 75 тысяч - это наверное, так как я Потемкин. К будущему сезону напишу "Лешего", за которого возьму тысяч шесть-семь. Не хотите ли взаймы?

В председатели О«бщест»ва драмат«ических» писателей будут выбирать Боборыкина. Почему-то гг. члены интересуются знать мое мнение; я отвечаю им, что против избрания Боборыкина ровно ничего не имею.

Пойдет ли после Пасхи "Севильский обольститель"?

Пришлите мне свою большую фотографию и группу.

Я читаю корректуру своей пьесы. Читаю и думаю, что не святые горшки лепят, писать драмы можно. Когда я напишу своего "Лешего", то читать Вам не дам и на репетицию Вас с собой не возьму. Мне хочется произвести на Вас впечатление не смешанное и не такое скомканное, какое Вы поневоле должны были получить от "Иванова", а для этого нужно, чтоб Вы знакомились с пьесой не раньше первого представления.

Видел я вчера "Женитьбу" Гоголя. Превосходная пьеса. Действия длинны до безобразия, но это едва чувствуется благодаря удивительным достоинствам пьесы.

Если приедете в Москву, то доставите этим мне большое удовольствие. Я Вам надоем - единственное неудобство, которое ожидает Вас в Москве, в остальном же все будет благополучно: отдохнете, посмотрите на Москву и поедите гурьевской каши, которая мне начинает нравиться.

Комитет Драм«атнческого» общества, вероятно, обратится к Вам с просьбой - взять на себя печатание пьес, принадлежащих Обществу. Предложение это в коммерческом отношении для Вас выгодно, но дурно оно в том отношении, что Вам придется печатать все пьесы, хорошие и нехорошие, т. е. делать одновременно добро и зло. Надо печатать только оригинальные пьесы, одобренные Театр«ально»-литературным комитетом и шедшие на казенной сцене, а прочие пьесы можно предоставить Рассохину и его пикантной жене.

"Медведь" мой идет уж вторым изданием, которое на исходе.

Будьте здоровы и счастливы. Анне Ивановне целую руку, а Насте и Фараону-Боре кланяюсь.

Ваш А. Чехов.

Поклонитесь Виноградовым. Я их, бедных, люблю.

606. Н. А. ЛЕЙКИНУ

21 февраля 1889 г. Москва.

21 февр.

Добрейший Николай Александрович, я бежал из Питера, не простившись с Вами. Это, конечно, не совсем вежливо с моей стороны, но если Вы постараетесь вообразить себя бегущим, то поймете, почему я у Вас не побывал.

Ну-с, поздравляю Вас с великим постом, с капустой и со скукой. Скоро весна и на

дачу ехать. Вы счастливец, у Вас есть свой угол, а мне нужно еще искать и портить много крови. По всем видимостям, весна будет ранняя, а лето теплое.

"Иванов" купно с "Медведем" дал мне тысячу или тысячу без нескольких рублей. Да из Общества драматических писателей придется получить сотни две или три. Писать пьесы выгодно, но быть драматургом беспокойно и мне не по характеру. Для оваций, закулисных тревог, успехов и неуспехов я не гожусь, ибо душа моя ленива и не выносит резких повышений и понижений температуры. Гладкое и не шероховатое поприще беллетриста представляется моим душевным очам гораздо симпатичнее и теплее. Вот почему из меня едва ли когда-нибудь выйдет порядочный драматург.

У меня нет Вашего "Пожарного кума", а для коллекции не мешало бы иметь его. Нет и новой Вашей книги. Экземпляр "Пожарного кума", присланный Вами мне, отдан Коршу и принадлежит теперь не мне.

Приедете ли Вы в град Москву? На какой неделе?

Насчет "Пестрых рассказов". Я просил у Голике рассчитаться со мной не раньше 1-го апреля.

Как живут Ваши таксы? Как я жалею, что не побывал у Худекова раньше Вас и не взял у него такса! Правда, я поступил бы не по-приятельски, но ведь собаки такие милые, что можно даже грех на душу взять. Воображаю, как недовольны присутствием таксов Рогулька и ее супруг! Грызутся небось?

Поклонитесь Прасковье Никифоровне, Феде и Худековым. Жена Худекова очень симпатичная женщина. Будьте здравы и небесами хранимы. Сегодня вечером у меня кислая капуста.

Ваш А. Чехов.

607. Ал. П. ЧЕХОВУ 21 февраля 1889 г. Москва.

21 февр.

Беззаконно живущий и беззаконно погибающий брат мой! Суворин обещал мне извиниться перед тобой за то, что я бежал из Питера, не простившись с тобой. Если он не сдержал обещания, то извиняюсь сам. В день отъезда я бегал по Питеру, высунув язык. Не было ни одной свободной секунды. Извиняюсь перед милейшей Н«атальей» А«лександровной» и детишками, которых отечески благословляю и мысленно порю.

Сезон кончился. Ступай к Суворину, спроси у него, как получаются деньги из дирекции театров. Он объяснит тебе. Получив объяснения, ступай в дирекцию и потребуй деньги за "Иванова" и "Медведя". Если не будут давать или обсчитают, то скажи, что ты пожалуешься мещанскому старосте Вукову. Деньги вышли переводом по телеграфу, а счет вышли почтой. Денег ты получишь около тысячи. Желаю, чтобы ты задохнулся от черной зависти или же от зависти сел бы за стол и написал пьесу, которую написать не трудно. Тебе нужно написать две-три пьесы. Это пригодится для детей. Пьеса - это пенсия.

Весною изо всех мест буду собирать деньги, чтобы летом купить хутор - место, где чеховская фамилия будет упражняться в родственном сближении.

Вся семья здравствует. Николай в безвестном отсутствии. Иван по-прежнему настоящий Иван.

Будь здоров. Кланяюсь всем.

Твой А. Чехов.

608. Н. А. ЛЕЙКИНУ

24 февраля 1889 г. Москва.

24 февр.

Отвечаю, добрейший Николай Александрович, на Ваше письмо по пунктам:

1) Ваше сетование на то, что я не подаю о себе весточки, подлежит кассации: дней 5-6 тому назад я послал Вам письмо.

2) В Питере я пробыл около половины месяца; вернувшись, живу уже в Москве почти месяц и за все это время ни разу не виделся с Пальминым. Откуда же ему известно, что я истекаю кровью, хандрю и боюсь сойти с ума? Все это плод фантазии поэта, сильно приправленной винными парами. Кровохарканья, бог миловал, у меня не было с самого Питера*. О хандре не может быть и речи, так как я весел больше, чем нужно. Денег у меня достаточно, весна скоро, состояние духа отменное. Работаю много, ибо спешу покончить с работой непременно к апрелю, так как в этом месяце рассчитываю выехать на юг. Причин, к«ото»рые заставили бы меня бояться скорого умопомешательства, нет, ибо водки по целым дням я не трескаю, спиритизмом и рукоблудием не занимаюсь, поэта Пальмина не читаю и безделью не предаюсь.

3) Посылаю фотографию, где я чернее и серьезнее, чем есмь на самом деле. Лучшей фотографии у меня не имеется. Чем богат, тем и рад, а за желание иметь у себя мою рожу - большое mercі. Польщен.

4) В посланном мною письме я просил, кроме книги, еще "Кума пожарного".

Кланяюсь Прасковье Никифоровне и Феде.

Ваш А. Чехов.

Я купил себе выигрышный билет. 1-го марта выиграю 75000. * было, но чуть-чуть.

609. Ал. П. ЧЕХОВУ 25 февраля 1889 г. Москва.

25 февр.

Г. губернский секретарь!

Ваше гнусное письмо, подписанное Вашим не менее гнусным именем, мною получено и брошено в сортир. Отвечаю на него по пунктам:

1) Если строки насчет хутора написаны серьезно, а не между прочим, то напиши, что именно тебе нужно, сколько у тебя денег и сколько десятин купить желаешь, дабы при покупке своего хутора я знал все, что знать надлежит.

2) Переплеты для "Сумерек" с "А. Н. Чехов" я не могу принять ни в каком случае. Не принимай и ты. Скажи, чтобы в таких переплетах книга не могла быть продаваема, и прочти хорошую нотацию. Свиньи, не блюдут суворинского добра! Книги мне не высылай. На кой леший она мне?

Пожалуйста, в магазине не церемонься. Блюдя авторские интересы, ты этим самым блюдешь и общее дело. Да надо и Суворины пожалеть.

3) Копия для доверенности не нужна. Если дирекция захочет оставить у себя доверенность, то пусть берет. Надобность в доверенности не скоро уж представится, ибо после Пасхи моих пьес играть не будут.

Что чада твои здоровы и обещают быть таковыми и впредь, я убедился в последние свои два приезда. Н«аталия» А«лексадровна» нездорова - и в этом я убедился. Ей нужно беречь свой желудок.

Все наши здравствуют и по-прежнему держатся о тебе такого мнения, что ты штаны. Николай испарившись. Ольга выходит замуж. Клавдия Михайловна вышла замуж. Одним словом, такой счастливый в Москве год, что даже залежалый товар пошел в ход. Adieu!

Твой Antoine.

610. И. М. КОНДРАТЬЕВУ

28 февраля 1889 г. Москва.

28 февраль.

Многоуважаемый

Иван Максимович!

Будьте добры приготовить мне счет и, если возможно, пришлите мне его по почте, чем премного меня обяжете. Мой адрес: Кудринская Садовая, д. Корнеева.

Искренно Вас уважающий

А. Чехов.

611. Ал. П. ЧЕХОВУ 2 марта 1889 г. Москва.

2 март.

Человек!

Деньги - 994 рубля - я получил и благодарю тебя за то, что ты их не растратил. Когда в будущий сезон я заработаю новой пьесой 3444 рубля, то пошлю тебя в дирекцию за получением сей суммы не иначе, как с конвойным, - этак покойнее, а то я все время беспокоился.

Насчет хутора. Твое обещание высылать ежемесячно по 50 рублей великодушно и смело, но никуда не годится. Куда ты будешь высылать, кому и за что? Чтобы выплачивать за землю, нужно сначала купить ее, а для сей надобности потребно не менее тысячи. За тысячу, внесенную единовременно, можно приобрести пятитысячное имение, заложенное в банке, т. е. тысячу ты вносишь, а остальное обязуешься выплачивать кусочками. Без тысячи никак нельзя. Если у тебя есть возможность и охота уделять ежемесячно из сиротских денег 50 рубл., то отчего же нет охоты скопить их? 50 - цифра большая, можно и поменьше. В три года скопишь больше тысячи - конечно, если не будет непредвиденных расходов.

Если же тебе нужен не хутор с постройкой, садом и рекой, а десятина-другая земли, то на это и 500 достаточно. Но землю покупать без надежды скоро построиться - не стоит и бесполезно. Ты об этом подумай.

У меня летом будет 1500 или около этого. Может быть, и удастся сделать что-нибудь. Если удастся, тогда тебе легче будет решить земельный вопрос. Легче, ибо у нас будет опыт. Я могу покупать именье, стоящее даже 10 тысяч, без риска вылететь в трубу: на проценты мне уже достаточно дают мои видмеди, т. е. Общество драмат«ических» писателей, собирающее со всей Руси рубли и полтинники за пьесы, идущие в провинции. Так я и решил, что этот доход пойдет на уплату процентов.

Повторяю, подумай. Иметь клочок земли с соответствующей постройкой значит не бояться бедности и превратностей судьбы. А превратностей нам с тобой не миновать. Понатужься и копи помаленьку, но не спеша и терпеливо.

Пишу рассказы. Скоро один пришлю в "Новое время". Летом напишу пьесу, коли буду жив и здрав.

Муж Клавдии Мих«айловны» тебе кланяется н просит тебя полюбить его.

Твой А. Чехов.

612. И. М. КОНДРАТЬЕВУ

5 марта 1889 г. Москва.

5 марта.

Многоуважаемый

Иван Максимович!

В счет, который я вчера получил, вкралась маленькая ошибка. Мой "Медведь" шел у Корша 18 раз, а между тем в счете обозначен он 17 раз. Эта ошибка произошла, вероятно, оттого, что "Медведь" шел однажды у Корша вместо тургеневского "Вечера в Сорренто" и не был показан на афише.

Кстати, примечание для каталога, тоже весьма неважное: моя пьеса "Предложение" будет напечатана под псевдонимом "А. П.".

Простите, что я надоедаю Вам такими пустяками.

Искренно Вас уважающий

А. Чехов.

613. А. С. СУВОРИНУ

5 марта 1889 г. Москва.

5 март.

Посылаю Вам, милый Алексей Сергеевич, "Княгиню". Черт с ней, она мне надоела: все время валялась на столе и напрашивалась на то, чтоб я ее кончал. Ну и кончил, но не совсем складно. Если Вы не рассчитываете напечатать ее в скором времени, то пришлите корректуру. Я пошлифую.

Пишу еще один рассказ. Меня захватило, и я почти не отхожу от стола. Между прочим, я купил себе новый стол.

Спасибо за обещание выслать словари. Казав пан - кожух дам, слово его тепло… За словари я пришлю Вам подарок очень дешевый и бесполезный, но такой, какой только я один могу подарить Вам. Ждите. Позволяю себе напомнить о Вашей большой фотографии и о моих шапировских карточках. Если Шапиро прислал Вам их, то пришлите…

Был у меня Свободин и говорил, между прочим, что Вы получили якобы письмо от какого-то родителя, у которого сын застрелился после моего "Иванова". Если это письмо не миф, то пришлите мне его, пожалуйста. Я его приобщу к тем письмам, какие у меня уже имеются относительно моего "Иванова". "Гражданина" я не читал, ибо 1) этой газеты я не получаю и 2) "Иванов" надоел мне ужасно; я не могу о нем читать, и мне бывает очень не по себе, когда о нем начинают умно и толково рассуждать.

Вчера ночью ездил за город и слушал цыганок. Хорошо поют эти дикие бестии. Их пение похоже на крушение поезда с высокой насыпи во время сильной метели: много вихря, визга и стука…

Не верьте Лейкину. Кровью я не плюю, не хандрю и с ума не схожу. Если верить всему тому, что теперь говорят обо мне в Петербурге, то я истекаю кровью, сошел с ума, женился на Сибиряковой и взял 20 миллионов приданого.

Купил я в Вашем магазине Достоевского и теперь читаю. Хорошо, но очень уж длинно и нескромно. Много претензий.

Скажите, зачем это отдали французам на посмеяние "Грозу" Островского? Кто это догадался? Поставили пьесу только для того, чтоб французы лишний раз поломались и авторитетно посудачили о том, что для них нестерпимо скучно и непонятно. Я бы всех этих господ переводчиков сослал в Сибирь за непатриотизм и легкомыслие.

"Лешего" я буду писать в мае или в августе. Шагая во время обеда из угла в угол, я скомпоновал первые три акта весьма удовлетворительно, а четвертый едва наметил. III акт до того скандален, что Вы, глядя на него, скажете; "Это писал хитрый и безжалостный человек".

Кланяюсь низко Анне Ивановне и детям. Желаю им здоровья.

Ваш А. Чехов.

А Потемкин-то 1-го марта не выиграл!

614. П. А. ГАЙДЕБУРОВУ

6 марта 1889 г. Москва.

6 март.

Милостивый государь

Павел Александрович!

Ваше любезное приглашение слишком лестно для меня, но, к сожалению, мни невозможно воспользоваться им. Я не умею читать и никогда не читал публично. На это у меня не хватает ни таланта, ни голосовых средств. Мои домашние согласны со мной: они находят, что я читаю вслух отвратительно.

Прошу у Вас извинения и пребываю искренно Вас уважающим

А. Чехов.

615. П. А. СЕРГЕЕНКО

6 марта 1889 г. Москва.

6 марта.

Все врут календари. Живу я не на Невском, как показано в календаре для писателей, откуда ты, по-видимому, почерпнул мой адрес, а в Москве, на Кудринской Садовой ул., в доме Корнеева, и живу тут уже давно.

Очень рад служить и сегодня же пошлю стихи старику Плещееву, редактирующему "Северн«ый» вестник", но заранее предрекаю полное фиаско. Если и поместят стихи, то не раньше, как через 3-4 года, так как все редакционные столы, ящики и портфейли давно уже завалены стихами. Девать некуда. Да и трудно тебе и вообще всем случайным сотрудникам конкурировать с туземными поэтами, пишущими, как тебе известно, очень много. Всякая редакция скорее даст заработок своему человеку, чем чужому. Это я говорю о толстых журналах. Новое же время не печатает никого, кроме Фофанова, да и то только по воскресеньям.

Если бы ты прислал прозу, тогда была бы другая песня. В прозе нуждаются и за прозу платят дороже, чем за стихи. Я получаю 20 к. со строки, чего мне не платили бы за стихи. Намотай это себе на ус.

Мой "Иванов" написан 2 года тому назад, шел в прошлом году в Москве, шел 31 января в Петербурге с громадным успехом и напечатан в мартовской книжке (сего года) в "Северн«ом» вестнике", куда и направь свои стопы, буде тебе любопытно.

Откуда ты взял, что я много пишу? За весь последний год, т. е. за лето и зиму, я и пяти рассказов не сделал. Живу книжками да пьесами. Напротив, надо бы больше писать, да толкастики не хватает. Лермонтов умер 28 лет, а написал больше, чем оба мы с тобой вместе. Талант познается не только по качеству, но и по количеству им содеянного.

Будь здоров и богом храним.

Твой А. Чехов.

Воображаю я эту Ивановку… Шмули, шмули, шмули без конца… Площадь, бурая от навоза, садов нет, реки нет, синагога, церковь с ржавой крышей, лавка Итина, серый, пасмурный барский дом, почтовое отделение, где пахнет постными щами… А главное - глубокий, глинистый, невылазный овраг, отделяющий Ивановку от мира и

от Крестной… Воображаю и эту Крестную, засыпанную снегом или черную от плохого угля… А кругом степь, степь, степь…

Впрочем, скоро весна, а ради сей особы все простить можно…

Где теперь Яковенко?

616. А. С. СУВОРИНУ

6 марта 1889 г. Москва.

6 март.

Посылаю Вам, дорогой Алексей Сергеевич, тот очень дешевый и бесполезный подарок, который я обещал Вам. За словарями я буду скучать, поскучайте и Вы за моим подарком. Сочинил я его в один присест, спешил, а потому вышел он у меня дешевле дешевого. За то, что я воспользовался Вашим заглавием, подавайте в суд. Не показывайте его никому, а, прочитавши, бросьте в камин. Можете бросить и не читая. Вам я все позволяю. Можете даже по прочтении сказать: черт знает что!

Из дирекции я получил 997 рублев за "Иванова" и "Медведя". Запер их в стол. Цыган не заработает того живым медведем, что я заработал дохлым. 500 рублей дал мне зверь.

Мой Михайло кончил курс в университете; кончилось и мое юридическое образование, так как лекции уже не будут валяться по столам и мне не за что будет хвататься в часы скуки и досуга.

А весны все еще нет. Ужасно надоел холод.

Большие надежды возлагаю я на лето.

А Стива Облонский забыл про лодки. Всем кланяюсь. Будьте счастливы.

Ваш А. Чехов.

617. А. Н. ПЛЕЩЕЕВУ

7 марта 1889 г. Москва.

7 марта.

Давно уж я не писал Вам, милый Алексей Николаевич, и давно уж не получал от Вас писем. Соскучился. Как Вы живете, как Ваше здоровье, что у Вас нового?

Я живу серо, по обыкновению. Нового ничего нет, ожидаю нетерпеливо весну и во всю ивановскую трачу те деньги, которые получил за своего "Иванова".

Кстати, об "Иванове". В библиотеку Рассохина поступают требования из провинции и от частных лиц, а между тем Демаков почему-то не шлет мне оттисков. Рассохин засыпал меня письмами. Если увидите, голубчик, Демакова, то скажите ему, чтоб поторопился.

Пишу рассказы. Один уже послал на днях Суворину, другой пишу помаленьку и шлифую. Летом буду коптеть над романом. Свой роман посвящу я Вам - это завещала мне моя душа. Я Вам еще ничего не посвящал в печати, но в мечтах и в планах моих Вам посвящена моя самая лучшая вещь.

Пьес не стану писать. Если будет досуг, то сделаю что-нибудь пур манже,* но осень и зиму буду отдавать только беллетристике. Не улыбается мне слава драматурга.

Все мои Вам кланяются. Сестра шлет свой привет Елене Алексеевне и приглашает ее к нам на лето. На Луку мы берем с собой музыкантов, не будет скучно.

Будьте здоровы и да хранит Вас бог.

Ваш А. Чехов.

Со мной учился в гимназии некий П. А. Сергеенко. Он пишет стихи и печатается. Прислал мне вчера пару стихов с просьбой послать их в "Сев«ерный» вестник", что я и исполняю, написав автору, что я заранее предрекаю ему полнейшее фиаско. * хлеба ради (франц. pour manger)

618. В. А. ТИХОНОВУ

7 марта 1889 г. Москва.

7 марта 89 г.

Милейший благоприятель

Владимир Алексеевич!

Ваша рецензия меня немножко удивила: я и не подозревал, что Вы так хорошо владеете газетным языком. Чрезвычайно складно, гладко, протокольно и резонно. Я даже позавидовал, ибо этот газетный язык мне никогда не давался.

Спасибо за ласковое слово и теплое участие. Меня маленького так мало ласкали, что я теперь, будучи взрослым, принимаю ласки как нечто непривычное, еще мало пережитое. Потому и сам хотел бы быть ласков с другими, да не умею: огрубел и ленив, хотя и знаю, что нашему брату без ласки никак быть невозможно.

Коршевских новостей не ведаю. Знаю только, что Соловцов ушел, уходит, кажется, и старик Полтавцев. Режиссер Аграмов.

Дай бог, чтоб комедия, которую Вы носите под сердцем, удалась Вам и дала Вам то, чего Вы хотите. Чем больше успеха, тем лучше для всего нашего поколения писателей. Я, вопреки Вагнеру, верую в то, что каждый из нас в отдельности не будет ни "слоном среди нас" и ни каким-либо другим зверем и что мы можем взять усилиями целого поколения, не иначе. Всех нас будут звать не Чехов, не Тихонов, не Короленко, не Щеглов, не Баранцевич, не Бежецкий, а "восьмидесятые годы" или "конец XIX столетия". Некоторым образом, артель.

Нового у меня нет ничего. Собираюсь писать что-то вроде романа и уже начал. Пьесы не пишу и буду писать не скоро, ибо нет сюжетов и охоты. Чтобы писать для театра, надо любить это дело, а без любви ничего путного не выйдет. Когда нет любви, то и успех не льстит. Начну с будущего сезона аккуратно посещать театр и воспитывать себя сценически.

Поклонитесь Вашему брату. Все мои шлют Вам поклон, а я дружески жму руки и шлю Вам самые сердечные пожелания. Пишите.

Ваш А. Чехов.

619. А. М. ЕВРЕИНОВОЙ

10 марта 1889 г. Москва.

10 марта.

Уважаемая Анна Михайловна!

Гонорар получил, спасибо. Получил я больше, чем ожидал, и боюсь, что Вы не вычли моего долга. Ведь я немножко должен конторе.

Вчера я кончил и переписал начисто рассказ, но для своего романа, который в настоящее время занимает меня. Ах, какой роман! Если бы не треклятые цензурные условия, то я пообещал бы его Вам к ноябрю. В романе нет ничего, побуждающего к революции, но цензор все-таки испортит его. Половина действующих лиц говорит: "Я не верую в бога", есть один отец, сын которого пошел в каторжные работы без срока за вооруженное сопротивление, есть исправник, стыдящийся своего

полицейского мундира, есть предводитель, которого ненавидят, и т. д. Материал для красного карандаша богатый.

Денег у меня теперь много, хватит прожить до сентября; обещаниями никакими я не связан… Наступило самое подходящее время для романа (литературного, конечно, а не жениховского). Если теперь не буду писать, то когда же писать? Так я рассуждаю, хотя почти уверен, что роман через 2-3 недели надоест мне и я опять отложу его.

У меня есть сюжет для небольшого рассказа. Постараюсь сделать сей рассказ к майской или июньской книжке. Но если можно подождать до июля или августа, то мой роман сказал бы Вам большое спасибо.

Сбросьте Вы с себя цензуру, ради создателя! Хоть она у меня до сих пор почти ничего не зачеркнула, но все-таки я боюсь ее и не люблю. Для толстых журналов и газет цензура и не должна существовать даже в Турции. Для театра другое дело…

Погодите: куплю все толстые журналы и прикрою их, оставлю один только "Сев«ерный» вестник". Заведем тогда электрическое освещение, величественного швейцара, собственную типографию, редакционные экипажи на резинке, пригласим в сотрудники Милана (для иностранного отдела), возьмем в швейцары Ашинова… и будет у нас 40 тысяч подписчиков. Хотя, впрочем, я еще ни разу не видел своей богатой невесты. И она меня не видела. Я ей напишу так: "Полюби не меня, а идею"… и трону ее этим.

С нетерпением жду оттисков "Иванова". Не послать ли мне к г. Демакову секундантов?

Буду сидеть в Москве до мая и писать. На меня теперь стих писательский нашел. Не выхожу из дому и все пишу, пишу.

Почтение Марии Дмитриевне и Алексею Николаевичу.

Мои Вам кланяются, а я желаю здоровья и всего хорошего.

Искренно преданный

А. Чехов.

У Вас имеется рассказ Гиляровского о том, как плоты идут. Теперь самое время пускать его.

620. И. Л. ЛЕОНТЬЕВУ (ЩЕГЛОВУ)

11 марта 1889 г. Москва.

11 март.

Милый Жан, я не болен, не уехал и не думаю жениться на миллионах; если же когда-нибудь женюсь, то не на деньгах - успокойте идеалиста Лемана. Не писал же Вам так долго по весьма тонким и политичным причинам: лень одолела. Простите, Жан.

Пастухов сапожник, а не редактор; он не смел, каналья он этакая, писать Вам, литератору, канцелярским способом, т. е. подписываться под письмом, написанным писарской рукой. Если увижу его, то нещадно выругаю. Знаком я с ним мало, отношений к нему никаких не имею, кроме разве того, что его орган "Моск«овский» листок" и его отец считаются моими литературными врагами, т. е. ругают меня при всяком удобном и неудобном случае. Платит он отлично.

Что Вам, родныша, сказать насчет "Предложения"? Дело в том, что В. Н. Давыдов хотел сыграть его на Александринке, по крайней мере, говорил об этом. Вы спросите у него. Если он не рассчитывает играть в "Предложении", то даю Вам карт-бланш, делайте с моей пресловуто-глупой пьесой что угодно, хоть цигарки из нее лепите.

Копаюсь в своем романе. Пока еще ничего не выкопал, но в занятии сем испытываю

некоторое сладострастие.

Ваши книги я запаковал, связал веревкой и спрятал. Пусть лучше изображают из себя лежачий и мертвый капитал, чем рисковать ежеминутно быть украденными любознательными читателями, наполовину уже разворовавшими мою вифлиотеку. Если куплю себе хутор, то устрою там себе настоящую библиотеку, со всеми онерами.

Слушайте, зачем это про меня сплетничают в Петербурге? Кому это нужно? В том, что каждый сплетник теряет мое уважение, беды особенной нет; в том, что я презираю сплетню и идеалистов-шептунов, тоже нет беды особенной; но ведь я же в конце концов могу и рассердиться, а это может повлечь за собой беду даже очень особенную.

Как вы думаете провести лето? На месте Вашей жены я купил бы длинный хлыст и выгнал бы Вас им из Петерб«урга». Ведь через 5 - 10 лет, живя безвыездно в доме № 19, кв. 5, Вы обратитесь в настоящего, заправского капитана, такого капитана, что хоть нос сандаль.

Больше писать не о чем. Новостей нет никаких, на улице метель, сугробы навалило, холодно. Геморрой мой в разгаре. Да хранит Вас небо, сыплющее снег!

Ваш Antoine.

621. А. С. СУВОРИНУ

11 марта 1889 г. Москва.

11 марта.

Перечисляя прелести харьковского имения, Вы не упомянули реки. Без реки нельзя. Если Донец, то покупайте. Если же Лопань или пруды, то не покупайте. У нас есть один профессор-хирург, маленький, стриженый человечек с оттопыренными ушами и с глазами, как у Юзефовича; у него есть именье. Тех, кто ему симпатичен, он приглашает купить именье по соседству с ним. Обыкновенно берет симпатичного человека за бока, сантиментально глядит ему в лицо и говорит со вздохом: "А как бы мы с вами пожили!" Я тоже сантиментально смотрю на Вас и говорю: а как бы мы с Вами пожили! Вообще Вы приносите мне большой вред, что не покупаете именья.

Мне нужна только Ваша карточка; мои же карточки нужны не мне, а тем лицам, которые делают вид, что моя карточка им очень и очень нужна. Ведь и у меня тоже есть почитатели! Нет того Сеньки, для которого нельзя было бы подобрать шапку.

А что Вы думаете? Я пишу роман!! Пишу, пишу, и конца не видать моему писанью. Начал его, т. е. роман, сначала, сильно исправив и сократив то, что уже было написано. Очертил уже ясно девять физиономий. Какая интрига! Назвал я его так: "Рассказы из жизни моих друзей", и пишу его в форме отдельных законченных рассказов, тесно связанных между собою общностью интриги, идеи и действующих лиц. У каждого рассказа особое заглавие. Не думайте, что роман будет состоять из клочьев. Нет, он будет настоящий роман, целое тело, где каждое лицо будет органически необходимо. Григорович; которому Вы передали содержание первой главы, испугался, что у меня взят студент, который умрет и, таким образом, не пройдет сквозь весь роман, т. е. будет лишним. Но у меня этот студент - гвоздь из большого сапога. Он деталь.

Еле справляюсь с техникой. Слаб еще по этой части и чувствую, что делаю массу грубых ошибок. Будут длинноты, будут глупости. Неверных жен, самоубийц, кулаков, добродетельных мужиков, преданных рабов, резонирующих старушек, добрых нянюшек, уездных остряков, красноносых капитанов и "новых" людей постараюсь избежать, хотя местами сильно сбиваюсь на шаблон.

Корректуру "Княгини" сейчас получил и завтра пошлю ее прямо в типографию.

На закуску объявление из "Русских ведомостей".

Нужна особа средних лет в семейство, живущее близ Москвы в имении, для помощи в хозяйственных и воспитательных делах. Особа эта должна быть знакома с воззрениями на жизнь и воспитание наших писателей: доктора Покровского,

Гольцева, Сикорского и Льва Толстого. Проникнутая взглядами этих писателей и понимая важность физического труда и вред умственного переутомления, она должна направить свою воспитательную деятельность к развитию в детях строгой правды, добра и любви к ближним.

Просят адресоваться письменно на № 2183, в комиссионерскую и справочную контору "В. Миллер", Москва, Петровка, д. Кабанова.

3150-1-1

Это называется свободою совести. За стол и квартиру барышня обязана быть проникнута воззрениями Гольцева и К°, а дети, должно быть, в благодарность за то, что они имеют очень умных и либеральных родителей, обязаны от утра до вечера следить за собой, чтоб не переутомляться умственно и любить ближних.

Странно, что люди боятся свободы.

Между прочим, недавно в "Новом времени" среди газет и журналов была сделана цитата из какой-то газеты, восхваляющей немецких горничных за то, что они работают целый день, как каторжные, и получают за это только 2-3 рубля в месяц. "Новое время" расписывается под этой похвалой и добавляет от себя, что беда-де наша в том, что мы держим много лишней прислуги. По-моему, немцы подлецы и плохие политико-экономы. Во-первых, нельзя говорить о прислуге таким тоном, как об арестантах; во-вторых, прислуга правоспособна и сделана из такого же мяса, как и Бисмарк; она - не рабы, а свободные работники; в-третьих, чем дороже оплачивается труд, тем счастливее государство, и каждый из нас должен стремиться к тому, чтобы за труд платить подороже. Не говорю уж о христианской точке зрения. Что же касается лишней прислуги, то держится она только там, где денег много, и получает больше, чем начальники отделений. Ее в расчет брать не следует, ибо она явление случайное и не необходимое.

Отчего Вы не едете в Москву? А как бы мы пожили!

Ваш А. Чехов.

622. И. Л. ЛЕОНТЬЕВУ (ЩЕГЛОВУ)

16 марта 1889 г. Москва.

16 март.

Милый господин театрал, никаких заявлений от Базарова я не получал, и о желании его иметь моего "Болванова" я ничего не знаю. Ста экземпляров у меня нет, но если ему угодно, то я могу выслать ему 25 экз., каковые валяются у меня на окне. Я вышлю, а Вы сдерите с него по рублю за экземпляр, а деньги отдайте Свободину для Общества вспомоществования сценическим деятелям.

В Москве есть "Театр Корша". Откройте в Петер«бург»е "Театр И. Щеглова". Я говорю серьезно.

Спешу, писать больше некогда, а потому прощайте, мон анж.*

Меня злят сплетни не потому, что Вы о них мне пишете, а потому, что все о них пишут, а студенты повторяют их. Все студенты толкуют о том, что я женюсь на миллионерше. Разврат.

Впрочем, все вздор на этом свете.

Ваш Antoine Tshekof.

А вчера я вернулся из Харькова! * мой ангел (франц. mon ange).

623. И. Л. ЛЕОНТЬЕВУ (ЩЕГЛОВУ)

21 или 22 марта 1889 г. Москва.

Я восхищаюсь Вашей шипучестью, милый Жан. Вы неутомимы. То Вы в военном магазине торгуете, то повести пишете, то театр затеваете. Это лучше, чем киснуть без дела и ныть.

На повестке Костромитинова я прочел: "Ответьте поскорее, не томите"… О чем отвечать? Насчет "Предложения" я уже писал Вам. Если Давыдов не намерен играть в этой пьесе (о чем он заявлял мне), то делайте с нею, что хотите. Вы просите позволения (?!) поставить мое "Предложение" хотя бы 1 раз. Я позволяю и благословляю в полной надежде, что Вы не злодей и поставите мой водевиль не менее пяти раз, иначе овчинка не будет стоить выделки. Во всяком разе судьба моего водевиля в руках Давыдова. Он хозяин. Коли он откажется от него, то становитесь Вы хозяином. Вот и все.

Литераторам необходимо иметь свой собственный театр. Это так. Но к Суворину я Вам не советую обращаться. Он всей душой, по-видимому, любит театр и 22 часа в сутки думает о нем, но 5 тысяч он не даст. Я не претендую на непогрешимое знание его денежных дел и кармана, но, насколько я могу судить по его письмам и разговорам со мной, в настоящее время у него лично нет ни одной тысячи свободных денег, если не считать тех 2-3 тысяч, которые он получит за свою "Татьяну Репину". Он мне говорил, что замок, воздвигаемый в Эртелевом переулке, феодосийская дача и имение, которое он покупает под Харьковом, поглотили все его свободные ресурсы и сильно подрезали ему крылья. Мне он говорил это, стало быть, не мне писать ему о пяти тысячах.

Допустим даже, что я напишу, что мое и Ваше красноречие воспламенит его, но… должен я Вам сказать, что каждое денежное требование неминуемо проходит через руки вечно бодрствующего А. П. Коломнина, который не замедлит наложить на Ваши прошение свое железное veto.

Погодите, через 3-4 года я дам Вам пять тысяч. У меня уж есть 1 1/2 тысячи, а через 3-4 года я постараюсь иметь в 10 раз больше, если не подохну от тифа или чахотки. Если хотите основать театр на акциях (по 100 руб. акция), то Вы соберете больше 5 тысяч. Познакомьтесь с порядками "Харьковского товарищества" - это кстати.

Базарову я пошлю "Иванова".

Поклонитесь Вашей жене и пожелайте ей, чтобы ее муж поскорее стал Федором Адамовичем Коршем.

Ваш А. Чехов.

624. Н. Л. ЛЕЙКИНУ

27 марта 1889 г. Москва.

27 марта.

Добрейший Николай Александрович, Ваше поручение я исполнил весьма охотно, на другой же день по получении от Вас письма, но - сто чертей и одна ведьма!- ничего не вышло из этого исполнения. У Печковской барышни распаковали при мне книги, сосчитали их весьма лениво и заявили мне, что ни одна книга не продана. Я удивился, зачем это Вы даете бабам на комиссию Ваши издания, и пошел к Салаеву. Тут мне сказали, что квитанция послана в петербургский склад, откуда Вы и можете получить ее; так как расчет был уже сделан в феврале, то в марте делать его опять нашли бесполезным, подкрепив свой отказ многозначительным уверением, что кроме 2 экз. "Пестрых рассказов" ни одна еще книга после расчета продана не была. Я поблагодарил и ушел.

У Печковской надо бы отобрать книги, а то, прежде чем она успеет продать хоть один экземпляр, Ваши книги полиняют в ее складе, поблекнут и на обложках их появятся пятна, словно от поллюции.

Недавно я был в Харькове. Был там в книжном магазине Суворина, справлялся, как идут Ваши книги. Мне сказали: хорошо. Мои тоже идут недурно. Харькову я полюбился. Книги мои там нарасхват, а пьесы даются даже в посту.

На север в этом году я не поеду по весьма уважительной причини: меня, как волка в лес, тянет на юг, где я уже нашел себе дачу. Буду жить там же, где жил в прошлое лето, т. с. близ Сум. Опять поеду на Кавказ и в Крым, а может быть, и дальше, коли денег хватит.

В типографии мне обещали сделать расчет к апрелю или в апреле. Я говорю о "Пестрых рассказах". Желательно получить пнензы не позже 15 апреля, так как после сего числа я улетучиваюсь dahin, wo Citronen blьhen.* Не забудьте вычесть мой долг "Осколкам"; пусть буду чист. Когда пришлю рассказ в "Осколки", то начнем счет сначала. Псевдоним "А. Чехонте" мною упразднен. Буду подписываться иначе.

Избран в действительные члены Общества любителей словесности. Сегодня читал, что питерцы почему-то выбрали меня в комитет Общества драматических писателей. Какой я член Комитета, если я 8 месяцев не живу в Москве?

Кланяйтесь Прасковье Никифоровне и Федору Молчальнику. Желаю Вам всего хорошего и пребываю неизменно преданным

А. Чехов.

Маленькая просьба, за исполнение которой буду ужасно благодарен: когда будете на Невском, купите мне в книжном магазине Цинзерлинга мартовскую книжку "Русского богатства" и вышлите мне ее заказною бандеролью. Или пошлите Павла. * туда, где лимоны цветут (нем.).

625. Н. Н. ОБОЛОНСКОМУ

29 марта 1889 г. Москва.

29 март.

Уважаемый Николай Николаевич!

Будьте добры поехать к моему больному братухудожнику, Николаю Павловичу Чехову, живущему близ Красных ворот на Каланчевской улице, в доме Богомолова, квартира (№ 42) Ипатьевой. У него pn. cruposa. Если желаете поехать вместе со мной, то дайте знать, когда я могу застать Вас дома, или же заезжайте завтра ко мне. Дерзаю просить о последнем, памятуя Ваше обещание побывать у меня (вспомните наш разговор за ужином у Корша). Было бы отлично, если бы Вы уведомили меня телеграммой. Живу я в Кудринской Садовой в доме Я. А. Корнеева.

Если поедете к брату solo, то вот Вам необходимое примечание. Брат жизнь вел совершенно художническую, но месяца два тому назад совсем бросил пить Пульс у него всегда был плохой. Я распорядился поставить ему 8 сухих банок, прописал согрев«ающий» компресс Простите ради создателя, что я так бесцеремонен и покушаюсь на Ваше время и труд.

Желаю Вам всего хорошего.

Уважающий

А. Чехов.

626. Н. Н. ОБОЛОНСКОМУ

Начало апреля 1889 г. Москва.

Состояние здоровья известного художника Н. П. Чехова.

Вчера вечером 39,4.

Сегодня утром 38,3.

Ничего не болит. Кашель незначительный. Сегодня утром, окутавшись в одеяло с

головой, изволил пропотеть. Бодр. Аппетит есть.

Лейб-медик Гирш.

P. S. Завтра заеду в 10 часов.

627. А. С. СУВОРИНУ

8 апреля 1889 г. Москва.

8 апреля.

Поздравляю Вас, Анну Ивановну, Настюшу и Борю с праздником и желаю Вам богатства, славы, почета, покоя и веселья на всю жизнь.

Погода в Москве подлая: грязь, холод, дождь. Художник все еще упрямствует и стоит на 39°. Езжу к нему 2 раза в день. Настроение мое похоже на погоду. Не работаю, а читаю или шагаю из угла в угол. Впрочем, я не жалею, что у меня есть время читать. Читать веселее, чем писать. Я думаю, что если бы мне прожить еще 40 лет и во все эти сорок лет читать, читать и читать и учиться писать талантливо, т. е. коротко, то через 40 лет я выпалил бы во всех вас из такой большой пушки, что задрожали бы небеса. Теперь же я такой лилипут, как и все.

Наши убирают, чистят, пекут, варят, трут, выбивают пыль, бегают по лестнице. Гвалт. Еду к художнику. Будьте здоровы. Приезжайте, поедем на Волгу или в Полтаву.

Ваш А. Чехов.

628. П. Н. ИСАКОВУ

9 апреля 1889 г. Москва.

9 апрель.

Многоуважаемый

Петр Николаевич!

Очень рад служить и быть полезным Обществу, но, к сожалению, в настоящее время я не имею возможности поехать в Петербург, так как у меня есть больные, которых мне нельзя оставить (я ведь эскулап!). Думаю, что раньше первого мая меня не выпустят из Москвы. Что же касается рассказа для "Северных цветов", то спешу поблагодарить Вас за лестное приглашение и пообещать исполнить Ваше желание при первой возможности. В заключение позвольте мне поздравить Вас с праздником и пребыть искренно уважающим, всегда готовым к услугам

А. Чехов.

Общество мне чрезвычайно симпатично.

629. А. П. ЛЕНСКОМУ

9 апреля 1889 г. Москва.

9 апреля.

Христос воскрес, Александр Павлович! Посылаю Вам Марка Аврелия, которого Вы хотели прочесть. На полях Вы увидите заметки карандашом - они не имеют никакого значения для читателя; читайте все подряд, ибо все одинаково хорошо.

Если можно, приходите к нам сегодня вечером. Я бы сам пришел к Вам, но у меня - больной, которого мне не хотелось бы оставлять без наблюдающего ока. Сестра убедительно просит Лидию Николаевну пожаловать сегодня; я подчеркиваю это приглашение и тоже прошу убедительно. У нас будет музыка.

Душевно преданный

А. Чехов.

630. А. Н. ПЛЕЩЕЕВУ

9 апреля 1889 г. Москва.

9 апрель.

Христос воскрес, милый и дорогой Алексей Николаевич! Поздравляю Вас и всех Ваших и желаю всего, всего хорошего, а главное - чтобы исполнялись желания хороших людей. Давно уж я Вам не писал! Все ждал, что Вы приедете в Москву, - об этом писал мне Свободин, но Вы не приехали и обманули мои ожидания. Я с удовольствием побеседовал бы с Вами. А поговорить есть о чем. У меня в последнее время скопилось в голове столько хабур-чабуру и такая в моем нутре идет пертурбация, что хватило бы материала на сто бесед. Надоел бы я Вам, утомил бы - Вы это предчувствовали и не приехали.

У меня медицинская практика. Центром этой злополучной, весьма неприятной и утомительной практики служит одр моего брата-художника, страждущего брюшным тифом.

Человек я малодушный, не умею смотреть прямо в глаза обстоятельствам, и поэтому Вы мне поверите, если я скажу Вам, что я буквально не в состоянии работать. Вот уж три недели, как я не написал ни одной строки, перезабыл все свои сюжеты и не думаю ни о чем таком, что было бы для Вас интересно. Скучен я до безобразия.

Роман значительно подвинулся вперед и сел на мель в ожидании прилива. Посвящаю его Вам - об этом я уже писал. В основу сего романа кладу я жизнь хороших людей, их лица, дела, слова, мысли и надежды; цель моя - убить сразу двух зайцев: правдиво нарисовать жизнь и кстати показать, насколько эта жизнь уклоняется от нормы. Норма мне неизвестна, как неизвестна никому из нас. Все мы знаем, что такое бесчестный поступок, но что такое честь - мы не знаем. Буду держаться той рамки, которая ближе сердцу и уже испытана людями посильнее и умнее меня. Рамка эта - абсолютная свобода человека, свобода от насилия, от предрассудков, невежества, черта, свобода от страстей и проч.

Впрочем, это скучно. Куда Вы поедете летом? Жоржинька Линтварев премного одолжил бы меня, если бы зарядился красноречием и убедил Вас приехать в Сумы хоть на неделю. Теперь удобнее будет жизнь, чем в прошлое лето. Все починено во флигеле, а лето обещает быть теплым.

В понедельник общее собрание драматических писателей. Хотят меня избрать в Комитет. Ничего я в их Комитете не понимаю, и ничего я им путного не сделаю. Приняли бы они хоть то во внимание, что я 9 месяцев не живу в Москве. По-видимому, заседание будет беспокойное. Буду отстаивать 500-600 р. вдове Юрьева, вместо тех 300, которые выбаллотировал Петербург. Обществу, тратящему на свою канцелярию более 15 тысяч, стыдно платить вдове своего председателя 300 рублей. Вообще у меня язык чешется и хочется мне поболтать.

Привет Вашей семье от моей. Сестра приказала кланяться Вам, поздравить и пригласить на Луку.

Погода в Москве поганая: холодно, грязно и облачно. Солнца не видим.

Будьте здоровы, счастливы и покойны духом.

Душевно преданный

А. Чехов.

Поклонитесь Анне Михайловне. Фельетон Буренина местами смешон, но в общем мелочен. Надоела мне критика. Когда я читаю критику, то прихожу в некоторый ужас: неужели на земном шаре так мало умных людей, что даже критики писать некому? Удивительно все глупо, мелко и лично до пошлости. А на критику

"Северного вестника" просто не глядел бы. Мне даже начинает временами казаться, что критики у нас оттого нот, что она не нужна, как не нужна беллетристика (современная, конечно).

631. Н. А. ЛЕЙКИНУ

10 апреля 1889 г. Москва.

10 апреля.

Добрейший Николай Александрович, поздравляю Вас с праздником и в ответ на Ваше поздравление восклицаю: воистину воскрес. Желаю всего, всего хорошего.

250 рублев я получил и благодарю. Кстати о "Пестрых рассказах". Будьте добры распорядиться, чтобы Анна Ивановна отправила наложным платежом 5 экземпляров "Пестрых рассказов" по адресу: "г. Ростов-на-Дону, книжный магазин Федора Степановича Романовича, Московская улица". Скидка 30%.

Весну и праздники встретил я невесело. Мой художник около 25 марта заболел брюшным тифом, формою сравнительно легкой, но осложнившеюся верхушечным процессом. Тифозная температура зашалила и в последние 5-6 дней перешла в ту зловещую, которой я всегда так боялся, когда лечил тификов с конституцией моего художника. Притупление в правой верхушке, выше и ниже ключицы, хрипы слышатся в двух местах соответственно двум гнездам. Похудание.

Вот Вам сюрприз! Перевез больного к себе и начиняю теперь его всякою дрянью. Надо бы в Крым, но нет денег.

Билибин писал мне, что он читал где-то, будто я еду в Киев ставить своего "Иванова". Да, недоставало, чтобы я скакал по городам ставить свои пьесы. Они мне и в столицах опротивели. Вернее всего, что летом я поеду на воды на Кавказ, где открою лавочку и буду лечить минеральную публику.

Ну, будьте здоровы, поезжайте к себе на дачу, веселитесь и не унывайте. Поклон Прасковье Никифоровне и Феде. Написал бы Вам еще, да мне еще пять писем писать, в том числе Суворину, которому я давно уже не писал.

Настроение у меня гнусное.

Ваш А. Чехов.

632. Ал. П. ЧЕХОВУ 11 апреля 1889 г. Москва.

11 апр.

Новый Виктор Крылов!

Не писал я тебе так долго просто из нерешительности. Мне не хотелось сообщать тебе одну неприятную новость. На горизонте появились тучки; будет гроза или нет - ведомо богу. Дело в том, что наш Косой около 25 марта заболел брюшным тифом, формою легкою, но осложнившеюся легочным процессом. На правой стороне зловещее притупление и слышны хрипы. Перевез Косого к себе и лечу. Сегодня был консилиум, решивший так: болезнь серьезная, но определенного предсказания ставить нельзя. Все от бога. Надо бы в Крым, да нет паспорта и денег. Ты написал пьесу? Если хочешь знать о ней мнение, имеющее ценность, то дай ее прочесть Суворину. Сегодня я напишу ему о твоей пьесе, а ты не ломайся и снеси. Не отдавай в цензуру, прежде чем не сделаешь поправок, какие сделаешь непременно, если поговоришь с опытными людьми. Одного Суворина совершенно достаточно. Мой совет: в пьесе старайся быть оригинальным и по возможности умным, но не бойся показаться глупым; нужно вольнодумство, а только тот вольнодумец, кто не боится писать глупостей. Не зализывай, не шлифуй, а будь неуклюж и дерзок. Краткость - сестра таланта. Памятуй кстати, что любовные объяснения, измены жен и мужей, вдовьи, сиротские и всякие другие слезы давно уже описаны. Сюжет должен быть нов, а фабула может отсутствовать.

А главное - папаше и мамаше кушать нада. Пиши. Мухи воздух очищают, а пьесы

очищают нравы.

Твоим капитанам Кукам и Наталье Александровне мой сердечный привет. Очень жалею, что я не могу и не мог к праздникам сделать для них что-нибудь приятное. У меня странная судьба. Проживаю я 300 в месяц, незлой человек, но ничего не делаю приятного ни для себя, ни для других.

Будь здрав.

Tuus magisler bonus

Antonius XIII.* * Твой добрый наставник Антоний XIII (лат.).

633. А. С. СУВОРИНУ

11 апреля 1889 г. Москва.

11 апреля.

Ваше Превосходительство! Князю Потемкину живется не так весело, как кажется это Щеглову, Вам и прочим его завистникам. Судите сами. Художника я перевез к себе. Сегодня позвал к себе на подмогу двух опытных и понимающих коллег и составил с ними консилиум, который остановился на конечном заключении, что у художника брюшной тиф, осложнившийся легочным процессом, сиречь чахоткою, с чем и поздравьте меня.

Что делать? Ехать с больным в теплые края? Хорошо, поеду. Но где те теплые края, где не спрашивают паспорта и где можно прожить с больным без риска залезть в невылазные долги? О Марк Аврелий Антонин! О Епиктет! Я знаю, что это не несчастье, а только мое мнение; я знаю, что потерять художника значит возвратить художника, но ведь я больше Потемкин, чем философ, и решительно неспособен дерзко глядеть в глаза рока, когда в душе нет этой самой дерзости.

Вчера было заседание. Выбирали Боборыкина, но благодаря петербургским 36 голосам пересилил Майков. Описать заседание нельзя, можно его только сыграть на сцене. Майков большой осел, которого били и который не стал от этого умнее. Было что-то странное, несуразное и донельзя не европейское, когда Майков, гофмейстер, тайный советник и старик, в ответ на крики: "Долой! Не нужно! Тшш! Пшш! Не желаем!", вместо того чтоб плюнуть и уйти домой спать, униженно моргал глазками и говорил: "Я отказался от председательства, но я, господа, беру свои слова назад… я хочу быть председателем"… Дело в том, что, когда его выбрали, он вдруг заявил, что не желает быть председателем; когда все обрадовались, он, видя, что его не просят взять свой отказ назад, сам отказался от своих слов… Такая чепуха! Язвительных слов был сказан миллион.

Почему приятно быть председателем? Почему приятно уязвить своего соседа? Почему так интересно уличать другого и ошибках? Все эти сладости я охотно бы променял на возможность уехать в степь, которая мне вчера снилась.

У Вас есть сын Михаил Алексеевич. Поклонитесь ему и скажите, что у меня есть одна знакомая барыня, умная, очень грамотная, бойкая, деловая, годная и в юрисконсульты, и в гофмаклеры, прошедшая огонь, воду и медные трубы. Если у Михаила Алексеевича будет вакансия на одной из южных дорог, то не даст ли он мне знать? Этой барыне я кое-чем обязан (не воспоминаниями и не сладкими минутами), и хотелось бы мне найти ей место, о котором она просила. За деловитость я ручаюсь, за денежную порядочность тоже. Адрес барыни у меня.

У меня есть брат Александр. Сей человек на днях признался мне в письме, что Ваши и мои лавры не дают ому спать. Он написал пьесу. Если у Вас с ним будет разговор насчет этой пьесы, то, в случае, если она Вам не понравится, не разочаровывайте сразу, а постепенно. Упадет духом и, чего доброго, опять начнет галлюцинировать. Писать пьесы для него не вредно.

Немирович-Данченко говорил, что пошлет Вам отчет о заседании.

В "Новостях дня" о "Журавле в небе", новой пьесе Щеглова, было напечатано. Третьего дня я опять читал в "Новом времени" о своем "Предложении".

Издайте "Поучение Владимира Мономаха". Томик "Дешевой библиотеки" с двумя текстами - славянским и русским, а в конце примечания. Издайте и "Слово о полку Игореве" - это как учебное пособие. Издайте "Домострой".

Анне Ивановне, Настюше и Боре, а также другу Ашинова и о. Паисия А. А. Суворину мой сердечный привет и пожелание всего хорошего. Имею честь пребыть во всей своей светлости

Потемкин.

А венелевые "Рассказы"? Велите мне кстати прислать и штук десять "Сумерек", купно с "Медеей".

На днях я лечил Верочку Мамышеву. За лечение возьму у Вульфа, года через 2-3.

634. И. Л. ЛЕОНТЬЕВУ (ЩЕГЛОВУ)

12 апреля 1889 г. Москва.

12 апрель.

Здравствуйте, капитан! Моя мать сказала, что и "Дачный муж" и "Предложение" провалятся непременно, так как Вы ставите их под 13 число. Но я убежден, что Ваш режиссерский гений победил примету и что Вы вышли победителем. Только, душа моя, какой Вы дятел! Вы чуть ли не с самого октября долбите во всех газетах ежедневно про мое "Предложение"! Зачем это? Про маленькое нельзя писать много, надо быть скромным и не давать своему имени мелькать, как пузыри в луже.

Значит, мое "Предложение" на казенной сцене уж не пойдет. Делайте с ним, что хотите. Чем чаще будете ставить, тем, конечно, лучше, ибо прибыльнее. Для казны придется написать что-нибудь другое. Если новый водевиль (для казны) удастся, то посвящу его Вам.

Что Вы теперь пишете? Пишите, голубчик, не ленитесь и не унывайте.

Билибин писал мне, что Вы часто видаетесь с ним. Он милый человек, но немножко сухарь и немножко чиновник. Он очень порядочен и, в чем я убежден уже давно, талантлив. Талант у него большой, но знания жизни ни на грош, а где нет знания, там нет и смелости. Держу пари на бутылку шампанского, что Вы уже пророчили ему, что из него выйдет первый русский водевилист. Вы очень добрый и щедрый человек, но не желайте ему этого и своим театрально-писательским авторитетом не укрепляйте в нем его водевильных надежд. Он хороший фельетонист; его слабость - французисто-водевильный, иногда даже б«…» тон. Если же он примется родить цитварных ребят, то уж ему во веки веков не отделаться от этого тона, и фельетонисту придется петь вечную память. Внушайте ему стиль строгий и чувства возвышенные, а водевиль не уйдет.

Мой брат-художник болен серьезно. Мой горизонт заволочен очень нехорошими тучами.

Суворин писал мне, что Вы были у него и вели речь о театре и об облаве на педерастию. Молодец Питер, старается! Где нет чистоты душ, там не ищите ее у тел.

Напишите мне. Будьте здоровы и веселы. За поздравление семья благодарит Вас и платит тем же.

Ваш А. Чехов.

Отчего бы Вам не написать драму? Повесть лучше драмы, но уж коли театральный зуд в руках, то лучше написать одну драму, чем три трехактные комедийки. Работа веселей и выгоднее.

Не забывайте передавать Вашей жене от меня поклоны.

635. Е. М. ЛИНТВАРЕВОЙ

17 апреля 1889 г. Москва.

17 апрель.

Уважаемая Елена Михайловна, начну с неприятностей. У меня болен художник. У него был брюшной тиф, осложнившийся хроническим легочным процессом. Притупление и хрипы выше правой ключицы и ниже ее на три пальца. Тиф уже кончился (селезенка нормальна), но температура не бывает во весь день, даже утром, ниже 39. Надо скорее везти его на юг. Ехать в Крым нет денег, стало быть, придется ограничиться одною Лукой и жить в ней, пока в историю болезни не вмешается intermittens.* Я рассчитываю выехать с художником в субботу на Фоминой. Какая у Вас теперь погода? Боюсь, как бы не приехать в дождь и холод. Если погода хороша, то я приеду к Вам в воскресенье с курьерским; если она плоха у Вас, то в пятницу будьте добры уведомить меня телеграммой: погода плоха. И тогда, конечно, я отложу свой приезд впредь до тех пор, пока другая Ваша телеграмма не известит меня о ясных днях. Мой адрес для телеграмм такой: "Москва, Кудрино, Чехову".

Я здоров, но настроение у меня скверное. С ним, т. е. с таким настроением, Вы достаточно знакомы, а потому рисовать его не стану. Иметь больного брата - горе; быть врачом около больного брата - два горя.

В Москве гостит А. Н. Плещеев. Сейчас обедал с ним у Островского (брата драматурга). Хороший старик. Жаль только, что этим летом он не приедет на Луку. Кстати, где-то около Луки проф. Манассеин нанял себе дачу. Будем приглашать его на консилиум и конфузиться перед бездною его премудрости. Прежде на консилиумах я сильно конфузился, но теперь держу себя храбро, но Манассеина, должно быть, испугаюсь. Ведь редактор! Подумать страшно.

Если Николаю станет легче, что очень возможно, то в июне или в июле я поеду в Кисловодск, где открою лавочку и буду лечить дам и девиц. Чувствую медицинский зуд. Опротивела литература.

Надеюсь, что все Ваши здоровы и веселы. Будьте добры поклониться им и пожелать всего хорошего. Душевно преданный

А. Чехов.

Недавно я был в Харькове и виделся с Тимофеевым. * перерыв (лат.).

636. А. С. СУВОРИНУ

17 апреля 1889 г. Москва.

17 апрель.

Вы завидуете моей молодости, а я завидую Вам, что Вы едете в Тироль. Давайте поменяемся.

Итак, значит, летом мы не увидимся. До самого ноября я не увижу ни Вас, ни Анны Ивановны и не буду купаться в Феодосии. Обидно, ибо скучища летом будет ужасающая. Мне снилось, что я получил Станислава 3 степени. Мать говорит, что мне предстоит нести крест. Сон, вероятно, сбудется, ибо дела художника совсем плохи.

Я избран в комитет Общества драматических писателей. Новых порядков не ждите. До тех пор не ждите этих порядков, пока в Обществе будут больше всех говорить и протестовать те, кто меньше всего заинтересован в делах Общества. Посылаю Вам маленькую глупость, направленную против бунтарей, которые, если им дать волю, ухлопают Общество. Коли годится, напечатайте ее вместо субботника или как хотите, а коли не годится, то я пошлю ее в "Пет«ербургскую» газ«ету»".

Получил я вчера от Алексея Алексеевича из Курска "бюллетень весны" с такой, между прочим, фразой: "теплота, свежесть и ласковость в воздухе…"

Не имея возможности писать роман, начал от скуки "Лешего". Выходит скучища вроде

"Натана Мудрого". Все-таки уверяю Вас, что рано или поздно я сдеру с дирекции 5-6 тысяч в один сезон. Ах, как надменно я тогда буду смотреть на Вас!

Вашу "Татьяну" дают в Москве с изменениями. Так, Медведева не появляется в III акте.

Не жениться ли мне? Или не уехать ли врачом на пароходе Добровольного флота?

Поговорите с Щегловым насчет убийства Бунаковым девицы Шаршавиной. Интересное дело, и фельетоны будут интересные. Щеглов мне не пишет. Очевидно, сердится за "Журавля в небе".

Будьте здоровы.

Непременный член по драматическим делам присутствия

Ваш начальник

Чехов.

637. Ф. О. ШЕХТЕЛЮ

19 апреля 1889 г. Москва.

Милый Франц Осипович! Буде Вы не переменили своего намерения повидаться с Николкой, то ведайте, что в субботу на этой неделе он и я уезжаем на юг.

Теперь он ходит по комнатам. Тиф давно уже прошел, но легкие шалят по-прежнему.

Будьте здоровехоньки. Не встретимся ли мы с Вами на Кавказе? Я буду там в июне-июле.

Ваш А. Чехов. На обороте:

Здесь.
Тверская, д. Пороховщикова
Его высокоблагородию
Францу Осиповичу Шехтель.

638. Н. Н. ОБОЛОНСКОМУ

20 апреля 1889 г. Москва.

Четверг.

Милый Николай Николаевич, Суворина легче всего застать в 2-3 часа пополудни и после 6 вечера. Желаю Вам всего хорошего.

Ваш А. Чехов.

639. К. С. БАРАНЦЕВИЧУ

23 апреля 1889 г. Москва.

22 апр.

Милый коллега! завтра я еду на дачу. Адрес прошлогодний, т. е. Сумы, усадьба Линтваревой. По получении сего письма немедленно поезжайте в правление Вашей конно-лошадиной дороги и берите там отпуск. Вас ждут раки. Политико-эконом Воронцов уже живет на Луке и потирает руки в ожидании, когда он разобьет Вас в пух и в прах в литературном споре. Я тоже жду в надежде, что Вы проживете у меня недельки 3-4, попьянствуете со мной и опять дадите мне случай проводить Вас на вокзал и пережить прекраснейшее и оригинальнейшее утро, что Вы забудете у меня брюки и дадите мне возможность… впрочем, я надоел Вам. Ждут все, короче говоря. Если не приедете, то поступите так гнусно, что никаких мук ада не хватит, чтобы наказать Вас.

Быть может, Вам не хочется ехать ко мне? В таком случае я прошу жертвы. Будьте жертвою великой идеи. А моя идея - создать климатическую станцию для пишущей братии.

Я нанял у Линтваревых два флигеля. Тесно не будет. Насчет того, что Вы стесните нас, не может быть и речи. Из всех наших гостей Вы и Плещеев были самыми покойными и удобными гостями.

Прощайте, голубчик, и не забывайте нас грешных. Привет мои Вашей жене, гусикам и утикам.

Был ли у Вас Е. М. Линтварев и передал ли он Вам "В сумерках"?

Жму руку и пребываю душевно преданным, желающим всего хорошего, уважающим

А. Чехов.

640. А. С. СУВОРИНУ

22 апреля 1889 г. Москва.

22 апрель.

Дорогой Алексей Сергеевич, завтра, в воскресенье, я еду с художником к югу. Мой адрес прошлогодний: г. Сумы, Харьк. губ., усадьба Линтваревой. Тут я буду жить до той поры, пока температура художника не станет нормальною, а затем поеду на Кавказ, где буду шарлатанить.

Посылаю Вам водевиль, который, если он годен, не печатайте раньше мая.

Так как меня ожидает скучища, то будьте добрым человеком, сжальтесь и пишите мне из Тироля о всякой веселой всячине, а я обещаю Вам во все лето ничего не писать о скуке. Буду писать только о том, что может показаться интересным в каком-либо отношении.

Деньги у меня плывут со скоростью окуня, которого укусила за хвост щука. Трачу без конца и не знаю, когда кончу тратить. Отсюда мораль: надо работать для денег.

Сегодня отправляю мать с Мишей авангардом. Но скот Мишка не хочет ехать, ссылаясь на то, что университет не дал ему отпуска. Врет. По тону вижу, что малому хочется остаться в Москве. Он влюблен, и, кажется, в Верочку Мамышеву. Что за комиссия, создатель, быть опекуном! Один болен, другой влюблен, третий любит много говорить и т. д. Изволь возиться со всеми.

Надо укладываться. Будьте здоровы, счастливы и уезжайте поскорее из серого Петербурга.

Душевно Ваш

А. Чехов.

Ленский на днях едет в Тулу изображать Адашева. Кстати: где же печатный экземпляр "Татьяны Репиной" в I акте? Пришлите его в Сумы.

Сегодня у меня был бывший букинист Свешников. Оборван и в лаптях. Глаза ясные, лицо умное. Идет пешком в Петербург, где хочет заняться прежним делом. Пить он бросил… У меня были его воспоминания, которые Вы видели. Помните?

Какая чудная погода!

641. Н. Н. ОБОЛОНСКОМУ

23 апреля 1889 г. Москва.

23 апр., воскресенье.

Sire! Когда Вы вернетесь из Петрограда, я и мощи Лины Саломонской будем уже сидеть на крылечке и слушать, как кричат соловьи и лягушки. Можете нам позавидовать. О здоровье художника буду сообщать Вам бюллетенями.

Мое благополучное семейство измышляет теперь, каким бы Станиславом наградить Вас за лечение нашего министра художеств. Если бы моя власть, то я нацепил бы на Вас Белого Орла; я Вам очень, очень обязан; но так как власти у меня нет, то Белого Орла я не нацеплю, а буду только просить Вас и умолять - не отказать моей семье в удовольствии поднести Вам Станислава, буде она его измыслит.

Написал бы Вам послаже и поласковей, да голова трещит, как у сукиного сына. Не пишется. Вчера до часа ночи был комитет. После комитета я прошелся пешком от Сухаревой до Кудрина с Вл. Александровым и говорил с ним о пьесах и винокуренных заводах. Потом, простившись с ним, долго стоял у ворот и смотрел на рассвет, потом пошел гулять, потом был в поганом трактире, где видел, как в битком набитой бильярдной два жулика отлично играли в бильярд, потом пошел я в пакостные места, где беседовал со студентом математиком и с музыкантами, потом вернулся домой, выпил водки, закусил, потом (в 6 часов утра) лег, был рано разбужен и теперь страдаю, ибо чувствую во всем теле сильное утомление и нежелание укладываться.

Да хранит Вас бог. Дружески жму Вам руку и благодарю 1000 раз. Сегодня из газет узнал, что Толстой болен - теперь понимаю, зачем Вы в Питере.

Николай и сестра кланяются.

Ваш А. Чехов.

Это письмо разрешаю Вам напечатать через 50 лет в "Русской старине" и получить за него 500 рублей.

642. В. Н. ДАВЫДОВУ

26 апреля 1889 г. Сумы.

26 апрель. Сумы, Харьк. губ., усадьба Линтваревой.

Милый Владимир Николаевич, будьте добры, уведомьте меня, в какой день и час Вы выедете из Киева в Харьков. В Сумах я выйду на вокзал повидаться с Вами. Поезд простоит только 15 минут, но, думаю, времени хватит, чтоб порассказать Вам кое-что. Живу я теперь на лоне природы, сплю, ловлю раков и страдаю желудком.

Поклонитесь Н. Н. Соловцову, Н. Д. Рыбчинской и всем знаемым моим. Приехал бы я к Вам в Киев, да нельзя: брат болен, бросить его никак невозможно.

Да хранит Вас господь бог.

Ваш А. Чехов.

643. М. П. ЧЕХОВОЙ

26 апреля 1889 г. Сумы.

Привези мне полстяные туфли, к«ото»рые купи за рубль. Мерка - Иванова нога.

Погода хорошая, но зелени так же мало, как и в Москве. Воздух великолепный, Псел величественно ласков.

Вершу довезли благополучно.

Поклон папаше, ИванАм, тете со чадом, Корнеевым, Ленским, Вермишелевой, Макароновой и всем прочим.

Ждем тебя с нетерпением.

Николай бодр.

Послал ли Иван водевиль?

Дорогою не стесняй себя в расходах.

Вишни и сирень еще не цвели. Артеменко ужасно обрадовался моему приезду.

Твой Antonio.

Бугай кричит. Соловьи и лягушки мешают спать. Купи для мандолины струну la. На обороте:

Москва,

Кудринская Садовая, д. Корнеева Марии Павловне Чеховой для передачи Акакию Петровичу Накакиеву.

644. М. П. ЧЕХОВОЙ

28 апреля 1889 г. Сумы.

Повесь мое шелковое платье в гардероб (чтоб мыши не съели) и привези кухонные полотенца, которые забыла Красовская. Горничная найдена. Привези Николаеву плетеную сумочку с карандашами (рукой Н. П. Чехова: в материн«ой» комн«ате») И фотографию "Шуты при Анне Ивановне" у Антона на окне в спальне. Мою занавеску с окна. Непременно фабричные чулки и 1/2 ф. бумаги и иголок № 6 и 7. Рукой Н. П. Чехова:

Отыщи какой-либо подрамничек в сарае или у тети и привези. Для образца. Н. Ч.

Любящая тебя Мать твоя Евгения Чехова, а за ее безграмотностью сын ее Литератор.

Взять у тети подрамничек для образца, чтоб заказать плотникам. На обороте:

Москва,

Кудринская Садовая, д. Корнеева Марии Павловне Чеховой.

645. И. П. ЧЕХОВУ

Конец апреля или начало мая 1889 г. Сумы.

Господ М. Р. Семашко и И. П. Чехова убедительно просим привезти следующие вещи: оставшуюся вершу, "Северный вестник" (май), крючков на волосках, колбасы, вина, стальных перьев и всего того, чего они по благости своей пожелают привезти.

Погода прекрасная. Раки ловятся хорошо. В Сумах плохой театр, скучная публика и отвратительное сантуринское. Миша уехал в Таганрог показывать барышням свои синие штиблеты и фуражку, которую он уж не имеет права носить. Николай в прежнем положении, хотя и выглядит бодрее и не так тощ, как был во время голодания. Дела его во всяком случае не блестящи. Характер генеральский.

Все Линтваревы пополнели и стали еще добрей, чем были. Я пишу каждый день.

В. П. Воронцов бывает у нас каждый день. Он очень милый человек.

Дурак тот, кто имеет возможность ехать на юг и не едет. И дураки все мы, что не едем в Париж на выставку, которая бывает не каждый год. Этак помрешь и ничего не увидишь.

Погода хорошая, Псел великолепен, но мне скучно и разбирает злость.

Кланяюсь всем, папаше в особенности.

Будь здоров.

Твой А. Чехов.

646. Ал. П. ЧЕХОВУ 2 мая 1889 г. Сумы. г. Сумы, усадьба Линтваревой.

Беззаконно живущий и беззаконно погибающий брат наш Александр!

Я живу уже на даче и тщетно ожидаю от тебя писем. Погода великолепная, птицы поют, черемуха и всякие крины райского и земного прозябения приятным запахом вертятся около носа, но настроение духа вялое, безразличное, чем я обязан отчасти своей старости, отчасти же косому Николаю, живущему у меня и неугомонно кашляющему день и ночь.

Обращаюсь к тебе с просьбой. Будь добр, возможно скорее попроси редакционного Андрея собрать мне "Новороссийский телеграф" с 15 апреля по 1 мая; если каких №№ нет, то пусть даст соответствующие №№ "Одесского вестника". Возьми и скорее вышли мне заказною бандеролью, чем премного меня обяжешь. Не забудь о сей просьбе и не поленись исполнить ее, иначе я тебя высеку.

Сумской театр со своими профессорами магии ждет тебя, чтобы совместно с тобою дать представление.

Пиши, пожалуйста, не будь штанами.

Капитанам Кукам и Наталье Александровне мой сердечный привет.

Пришли-ка мне на прочтение свою пьесу. Я все-таки, Саша, опытный человек и могу тебя наставить. Если же будешь вести себя хорошо, то могу и протежировать.

Остаюсь упрекающий в нерадении Чехов 1-й.

647. А. С. СУВОРИНУ

Начало мая 1889 г. Сумы.

Сумы, усадьба Линтваревой.

Я глазам не верю. Недавно были снег и холод, а теперь я сижу у открытого окна и слушаю, как в зеленом саду, но смолкая, кричат соловьи, удоды, иволги и прочие твари. Псел величественно ласков, тоны неба и дали теплы. Цветут яблони и вишни. Ходят гуси с гусенятами. Одним словом, весна со всеми онерами.

Стива не прислал лодок, не на чем кататься. Хозяйские лодки где-то в лесу у лесника. Ограничиваюсь поэтому только хождением по берегу и острою завистью к рыбалкам, которые снуют по Пслу на своих челноках. Встаю я рано, ложусь рано, ем много, пишу и читаю. Живописец кашляет и злится. Дела его швах. - За неимением новых книг повторяю зады, прочитываю то, что читал уже. Между прочим, читаю Гончарова и удивляюсь. Удивляюсь себе: за что я до сих нор считал Гончарова первоклассным писателем? Его "Обломов" совсем неважная штука. Сам Илья Ильич, утрированная фигура, не так уж крупен, чтобы из-за него стоило писать целую книгу. Обрюзглый лентяй, каких много, натура не сложная, дюжинная, мелкая; возводить сию персону в общественный тип - это дань не по чину. Я спрашиваю себя: если бы Обломов не был лентяем, то чем бы он был? И отвечаю: ничем. А коли так, то и пусть себе дрыхнет. Остальные лица мелкие, пахнут лейковщиной, взяты небрежно и наполовину сочинены. Эпохи они не характеризуют и нового ничего не дают. Штольц не внушает мне никакого доверия. Автор говорит, что это великолепный малый, а я не верю. Это продувная бестия, думающая о себе очень хорошо и собою довольная. Наполовину он сочинен, на три четверти ходулен. Ольга сочинена и притянута за хвост. А главная беда - во всем романе холод, холод, холод… Вычеркиваю Гончарова из списка моих полубогов.

Зато как непосредственен, как силен Гоголь и какой он художник! Одна его "Коляска" стоит двести тысяч рублей. Сплошной восторг и больше ничего. Это величайший русский писатель. В "Ревизоре" лучше всего сделан первый акт, в "Женитьбе" хуже всех III акт. Буду читать нашим вслух.

Когда Вы едете? С каким удовольствием я поехал бы теперь куда-нибудь в Биарриц, где играет музыка и где много женщин. Если бы не художник, то, право, я поехал бы Вам вдогонку. Деньги нашлись бы. Даю слово, что в будущем году, коли останусь жив и здрав, непременно побываю в Европе. Содрать бы мне только с дирекции тысячи три да кончить роман.

В Вашем книжном шкафу на Сумском вокзале нет ни "Сумерек", ни "Рассказов", и давно уже не было. А в Сумах, между тем, я модный литератор - живу близко. Если б Михаил Алексеевич прислал полсотни, то все бы продано было.

По ночам ужасно воют собаки и не дают спать.

Мой "Леший" вытанцовывается.

Анне Ивановне, Насте и Боре мой сердечный привет. В эту ночь мне снилась m-lle Эмили. Почему? Не знаю.

Будьте счастливы и не забывайте меня в своих святых молитвах.

Ваш Акакий Тарантулов.

648. А. С. СУВОРИНУ

4 мая 1889 г. Сумы.

4 май.

Пишу Вам, дорогой Алексей Сергеевич, вернувшись с охоты: ловил раков. Погода чудесная. Все поет, цветет, блещет красотой. Сад уж совсем зеленый, даже дубы распустились. Стволы яблонь, груш, вишен и слив выкрашены от червей в белую краску, цветут все эти древеса бело, отчего поразительно похожи на невест во время венчания: белые платья, белые цветы и такой невинный вид, точно им стыдно, что на них смотрят. Каждый день родятся миллиарды существ. Соловьи, бугаи, кукушки и прочие пернатые твари кричат без умолку день и ночь, им аккомпанируют лягушки. Каждый час дня и ночи имеет какую-либо свою особенность. Так, в девятом часу вечера стоит в саду буквально рев от майских жуков… Ночи лунные, дни яркие… Сего ради, настроение у меня хорошее, и если б не кашляющий художник и не комары, от которых не помогает даже рецептура Эльпе, то я был бы совершенным Потемкиным. Природа очень хорошее успокоительное средство. Она мирит, т. е. делает человека равнодушным. А на этом свете необходимо быть равнодушным. Только равнодушные люди способны ясно смотреть на вещи, быть справедливыми и работать - конечно, это относится только к умным и благородным людям; эгоисты же и пустые люди и без того достаточно равнодушны.

Вы пишете, что я обленился. Это не значит, что я стал ленивее, чем был. Работаю я теперь столько же, сколько работал 3-5 лет назад. Работать и иметь вид работающего человека в промежутки от 9 часов утра до обеда и от вечернего чая до сна вошло у меня в привычку, и в этом отношении я чиновник. Если же из моей работы не выходит по две повести в месяц или 10 тысяч годового дохода, то виновата не лень, а мои психико-органические свойства: для медицины я недостаточно люблю деньги, а для литературы во мне не хватает страсти и, стало быть, таланта. Во мне огонь горит ровно и вяло, без вспышек и треска, оттого-то не случается, чтобы я за одну ночь написал бы сразу листа три-четыре или, увлекшись работою, помешал бы себе лечь в постель, когда хочется спать; не совершаю я поэтому ни выдающихся глупостей, ни заметных умностей. Я боюсь, что в этом отношении я очень похож на Гончарова, которого я не люблю и который выше меня талантом на 10 голов. Страсти мало; прибавьте к этому и такого рода психопатию: ни с того ни с сего, вот уже два года, я разлюбил видеть свои произведения в печати, оравнодушел к рецензиям, к разговорам о литературе, к сплетням, успехам, неуспехам, к большому гонорару - одним словом, стал дурак дураком. В душе какой-то застой. Объясняю это застоем в своей личной жизни. Я не разочарован, не утомился, не хандрю, а просто стало вдруг все как-то менее интересно. Надо подсыпать под себя пороху.

У меня, можете себе представить, готов первый акт "Лешего". Вышло ничего себе, хотя и длинно. Чувствую себя гораздо сильнее, чем в то время, когда писал

"Иванова". К началу июня пьеса будет готова. Берегись, дирекция! Пять тысяч мои. Пьеса ужасно странная, и мне удивительно, что из-под моего пера выходят такие странные вещи. Только боюсь, что цензура не пропустит. Пишу и роман, который мне больше симпатичен и ближе к сердцу, чем "Леший", где мне приходится хитрить и ломать дурака. Вчера вечером вспомнил, что я обещал Варламову написать для него водевиль. Сегодня написал и уж послал. Видите, какая у меня молотьба идет! А Вы пишете: обленился.

Наконец-то Вы обратили внимание на Соломона. Когда я говорил Вам о нем, Вы всякий раз как-то равнодушно поддакивали. По моему мнению, "Экклезиаст" подал мысль Гете написать "Фауста".

Мне чрезвычайно понравился тон Вашего письма о Лихачеве. По-моему, это письмо может служить образцом для всякого рода полемики.

Был я в Сумах в театре и смотрел "Вторую молодость". Актеры были в таких штанах и играли в таких гостиных, что вместо "Второй молодости" получилась "Лакейская". В последнем акте за сценою били в барабан. Будут ставить "Татьяну Репину" и "Иванова". Схожу. Воображаю, каков будет Адашев!

Пришлите мне мою "Татьяну Репину", если она уж вышла из печати.

Брат пишет, что он замучился со своей пьесой. Я очень рад. Пусть помучится. Он ужасно снисходительно смотрел в театре "Т«атьяну» Репину" и моего "Иванова", а в антрактах пил коньяк и милостиво критиковал. Все судят о пьесах таким тоном, как будто их очень легко писать. Того не знают, что хорошую пьесу написать трудно, писать же плохую пьесу вдвое трудней и жутко. Я хотел бы, чтобы вся публика слилась в одного человека и написала пьесу и чтобы я и Вы, сидя в ложе "Лит«ера» И", эту пьесу ошикали.

Александр страдает от изобилия переделок. Он очень неопытен. Боюсь, что у него много фальшивых эффектов, что он воюет с ними и изнывает в бесплодной борьбе.

Привезите мне из-за границы запрещенных книжек и газет. Если б не живописец, то я поехал бы с Вами.

Бог делает умно: взял на тот свет Толстого и Салтыкова и таким образом помирил то, что нам казалось непримиримым. Теперь оба гниют, и оба одинаково равнодушны. Я слышу, как радуются смерти Толстого, и мне эта радость представляется большим зверством. Не верю я в будущее тех христиан, которые, ненавидя жандармов, в то же время приветствуют чужую смерть и в смерти видят ангела-избавителя. Вы не можете себе представить, до чего выходит противно, когда этой смерти радуются женщины.

Когда Вы вернетесь из-за границы? Куда потом поедете?

Неужели я до самой осени буду сидеть на берегу Псла? О, это ужасно! Ведь весна недолго будет продолжаться.

Ленский зовет меня ехать с ним на гастроли в Тифлис. Поехал бы, коли б не живописец, дела которого не блестящи.

Скажите Анне Ивановне, что я ей от всего сердца желаю самого веселого путешествия.

Если будете играть в рулетку, то поставьте за меня на мое счастье 25 франков.

Ну, дай бог Вам здоровья и всего хорошего.

Ваш А. Чехов.

649. И. Л. ЛЕОНТЬЕВУ (ЩЕГЛОВУ)

6 мая 1889 г. Сумы.

6 май. Г. Сумы, усадьба Линтваревой.

Милый Жан, пишу Вам из лона природы под аккомпанемент птичек певчих, кричащих у меня под окном. Давно уж собирался перекинуться с Вами словечком, да все подходящего времени не было. Живу я по-прошлогоднему, ни лучше, ни хуже. Впрочем, прошлогоднее житье было много привлекательнее, ибо Псел имел для меня прелесть новизны, чего не имеет теперь; к тому же еще со мною живет мой больной художник, без умолку кашляющий и наводящий на меня уныние неопределенностью своего будущего. Он болен серьезно, и бывают минуты, когда я искренно горюю, что я медик, а не невежда.

Ну, как Вы, приятель, живете? Что нового? Как идут Ваши театральные затеи? Написали ли что-нибудь новое? Если да, то что именно? Не ленитесь, голубчик, и не поддавайтесь унынию, а валяйте во все лопатки и повести, и рассказы, и драмы, невзирая ни на что и ни на кого.

Если Вы летом напишете драму, то не пожелаете ли поставить ее на сцене Малого театра в Москве? Если да, то прошу распоряжаться мною, буде понадобится Вам уполномоченный. Я знаком с некоторыми артистами, с Ленским например. Мы с ним приятели и знакомы семейно. Если понадобится, чтоб он прочел Вашу пьесу, то мы прочтем вместе в самый короткий срок.

Ах, Жан, отчего мы не в Париже, волк нас заешь? Какого лешего мы сиднем сидим на одном месте? Ах, Жан, Жан!

Я пишу помалости. Кое-что нацарапал и довольно-таки ценное (с материальной стороны). Осенью привезу в Питер продавать. Подумываю грешным делом соорудить на лоне природы и драмищу. Кстати, капитан. На днях я вспомнил, что зимою мною было дано обещание Варламову переделать один из моих рассказов в пьесу. Вспомнил, сел и переделал довольно-таки плохо. Из рассказа на старую, заезженную тему получилась старая и плоская шутка. Называется она "Трагик поневоле". Послал я ее в цензуру с просьбой выдать цензурованный экземпляр Базарову для литографии. Коли увидите Базарова, то скажите ему об этом или даже сообщите ему о сем письменно. Я бы и сам написал, да незнаком с ним. (Отдал ли он за "Иванова" в Общество вспомощ«ествования» сцен «ическим» деятелям?)

Отчего бы Вам не приехать к нам?

В Сумах есть театр. Актеры собираются поставить 16 пьес из новейшего репертуара, не говоря уж о старом. Видел я "Вторую молодость". Сапожники.

Идут ли в провинции Ваши "Гг. театралы"? Должны идти, ибо провинция, особливо любительская, любит вещи одноактные и притом длинные.

Я выбран в члены комитета Общ«ества» драматических писателей. Был уже на двух заседаниях, охранял авторские права и подписывал бумаги. Занятно. Даже очень занятно. Про дела Общества я одно только могу сказать: слава богу,

Мои Вам кланяются, а я жду от Вас письма. Читал, что в Арт«истическом» кружке артисты играли "На горах Кавк«аза»", как сапожники; вспомнил Вас и подосадовал, что Вам приходится иметь дело с сапожниками. Сапожники хорошие и полезные люди, но если они лезут в литературу и на сцену, то дело плохо.

Будьте здравы и небесами хранимы. Желаю всего, всего хорошего.

Потемкин.

Почтение Вашей жене.

650. А. С. СУВОРИНУ

7 мая 1889 г. Сумы.

7 май.

Я прочел "Ученика" Бурже в Вашем изложении и в русском переводе ("Сев«ерный» вестник"). Дело мне представляется в таком виде. Бурже талантливый, очень умный и образованный человек. Он так полно знаком с методом естественных наук и так его прочувствовал, как будто хорошо учился на естественном или медицинском

факультете. Он не чужой в той области, где берется хозяйничать, - заслуга, которой не знают русские писатели, ни новые, ни старые. Что же касается книжной, ученой психологии, то он ее так же плохо знает, как лучшие из психологов. Знать ее все равно, что не знать, так как она не наука, а фикция, нечто вроде алхимии, которую пора уже сдать в архив. Поэтому говорить о Бурже как о хорошем или плохом психологе я не стану. Роман интересен. Прочел я его и понял, почему он так занял Вас. Умно, интересно, местами остроумно, отчасти фантастично… Если говорить о его недостатках, то главный из них - это претенциозный поход против материалистического направления. Подобных походов я, простите, не понимаю. Они никогда ничем не оканчиваются и вносят в область мысли только ненужную путаницу. Против кого поход и зачем? Где враг и в чем его опасная сторона? Прежде всего, материалистическое направление - не школа и не направление в узком газетном смысле; оно не есть нечто случайное, преходящее; оно необходимо и неизбежно и не во власти человека. Все, что живет на земле, материалистично по необходимости. В животных, в дикарях, в московских купцах все высшее, неживотное обусловлено бессознательным инстинктом, все же остальное материалистично в них, и, конечно, не по их воле. Существа высшего порядка, мыслящие люди - материалисты тоже по необходимости. Они ищут истину в материи, ибо искать ее больше им негде, так как видят, слышат и ощущают они одну только материю. По необходимости они могут искать истину только там, где пригодны их микроскопы, зонды, ножи… Воспретить человеку материалистическое направление равносильно запрещению искать истину. Вне материи нет ни опыта, ни знаний, значит, нет и истины. Быть может, дурно, что г. Сикст, как может показаться, сует свой нос в чужую область, имеет дерзость изучать внутреннего человека, исходя из учения о клеточке? Но чем он виноват, что психические явления поразительно похожи на физические, что не разберешь, где начинаются первые и кончаются вторые? Я думаю, что, когда вскрываешь труп, даже у самого заядлого спиритуалиста необходимо явится вопрос: где тут душа? А если знаешь, как велико сходство между телесными и душевными болезнями, и когда знаешь, что те и другие болезни лечатся одними и теми же лекарствами, поневоле захочешь не отделять душу от тела.

Что касается "психологических опытов", прививок детям пороков и самой фигуры Сикста, то все это донельзя утрировано.

Спиритуалисты - это не ученое, а почетное звание. Они не нужны как ученые. Во всем же, что они делают и чего добиваются, они такие же материалисты по необходимости, как и сам Сикст. Если, что невозможно, они победят материалистов и сотрут их с лица земли, то этой одной победой они явят себя величайшими материалистами, так как разрушат целый культ, почти религию.

Говорить о вреде и опасности матер«иалистического» направления, а тем паче воевать против него, по меньшей мере преждевременно. У нас нет достаточно данных для состава обвинения. Теорий и предположений много, но фактов нет, и вся наша антипатия не идет дальше фантастического жупела. Жупел противен купчихам, а почему? неизвестно. Попы ссылаются на неверие, разврат и проч. Неверия нет. Во что-нибудь да верят, хотя бы и тот же Сикст. Что же касается разврата, то за утонченных развратников, блудников и пьяниц слывут не Сиксты и не Менделеевы, а поэты, аббаты и особы, исправно посещающие посольские церкви.

Одним словом, поход Бурже мне непонятен. Если бы Бурже, идучи в поход, одновременно потрудился указать материалистам на бесплотного бога в небе, и указать так, чтобы его увидели, тогда бы другое дело, я понял бы его экскурсию.

Простите за философию. Еду на почту. Поклон всем Вашим, а Вы будьте здоровы.

Ваш А. Чехов.

651. Ал. П. ЧЕХОВУ 8 мая 1889 г. Сумы.

8 май. Сумы, усадьба Линтваревой.

Лжедраматург, которому мешают спать мои лавры!

Начну с Николая. У него хронический легочный процесс - болезнь, не поддающаяся излечению. Бывают при этой болезни временные улучшения, ухудшения и in statu,* и вопрос должен ставиться так: как долго будет продолжаться процесс? Но не так: когда выздоровеет? Николай бодрее, чем был. Он ходит по двору, ест и исправно

скрипит на мать. Капризник и привередник ужасный.

Привезли мы его в первом классе и пока ни в чем ему не отказываем. Получает все, что хочет и что нужно. Зовут его все генералом, и, кажется, он сам верит в то, что он генерал. Мощи.

Ты спрашиваешь, чем ты можешь помочь Николаю. Помогай, чем хочешь. Самая лучшая помощь - это денежная. Не будь денег, Николай валялся бы теперь где-нибудь в больнице для чернорабочих. Стало быть, главное деньги. Если же денег у тебя нет, то на нет и суда нет. К тому же деньги нужны большие, и 5-10 рублями не отделаешься.

Я уже писал тебе раз из Сум. Между прочим, я просил тебя выслать мне "Новороссийск«ий» телеграф". Теперь, не в службу, а в дружбу, я просил бы тебя выслать мне киевских газет с 1-го мая по 15. Сначала вышли с 1-го но 7-е, потом с 7-го по 15. Заказною бандеролью. Больше я беспокоить тебя не буду.

Теперь о твоей пьесе. Ты задался целью изобразить ненующего человека и испужался. Задача представляется мне ясной. Не ноет только тот, кто равнодушен. Равнодушны же или философы, или мелкие, эгоистические натуры. К последним должно отнестись отрицательно, а к первым положительно. Конечно, о тех равнодушных тупицах, которым не причиняет боли даже прижигание раскаленным железом, не может быть и речи. Если же под неноющим ты разумеешь человека неравнодушного к окружающей жизни и бодро и терпеливо сносящего удары судьбы и с надеждою взирающего на будущее, то и тут задача ясна. Множество переделок не должно смущать тебя, ибо чем мозаичнее работа, тем лучше. От этого характеры в пьесе только выиграют. Главное, берегись личного элемента. Пьеса никуда не будет годиться, если все действующие лица будут похожи на тебя. В этом отношении твоя "Копилка" безобразна и возбуждает чувство досады. К чему Наташа, Коля, Тося? Точно вне тебя нет жизни?! И кому интересно знать мою и твою жизнь, мои и твои мысли? Людям давай людей, а не самого себя.

Берегись изысканного языка. Язык должен быть прост и изящен. Лакеи должны говорить просто, без пущай и без теперича. Отставные капитаны с красными носами, пьющие репортеры, голодающие писатели, чахоточные жены-труженицы, честные молодые люди без единого пятнышка, возвышенные девицы, добродушные няни - все это было уж описано и должно быть объезжаемо, как яма. Еще один совет: сходи раза три в театр и присмотрись к сцене. Сравнишь, а это важно. Первый акт может тянуться хоть целый час, но остальные не дольше 30 минут. Гвоздь пьесы - III акт, но не настолько гвоздь, чтоб убить последний акт. В конце концов памятуй о цензуре. Строга и осторожна.

Для пьес я рекомендовал бы тебе избрать псевдоним: Хрущев, Серебряков, что-нибудь вроде. Удобнее для тебя, и в провинции со мной путать не будут, да и кстати избежишь сравнения со мною, которое мне донельзя противно. Ты сам по себе, а я сам по себе, но людям до этого нет дела, им не терпится. Если пьеса твоя будет хороша, мне достанется; если плоха, тебе достанется.

Не торопись ни с цензурой, ни с постановкой. Если не удастся поставить на казенной сцене, то поставим у Корша. Ставить нужно не раньше ноября.

Если я успею написать что-нибудь для сцены, то это будет кстати: понесешь свою пьесу вместе с моей. Меня в цензуре знают и поэтому не задержат. Мои пьесы обыкновенно не держат долее 3-5 дней, а пьесы случайные застревают на целые месяцы.

Капитанам Кукам и Н«аталье» А«лександровне» мой привет из глубины сердца. Тебе желаю здравия и души спасения.

Твой А. Чехов. * без перемен (лат.).

652. А. Н. ПЛЕЩЕЕВУ

14 мая 1889 г. Сумы.

14 май. Лука.

Наше Вам почтение, милый Алексей Николаевич! Как живете-можете? Что нового? Как Ваше здоровье? Каждый день все собираюсь задать Вам сии вопросы, да все некогда: то лень, то раков ловлю, то задумываюсь над своим больным художником, то чернила высыхают от жары, которая здесь давно уже наступила и обещает стоять долго, долго… Комаров видимо-невидимо, кусаются, подлецы, больно и мешают жить. Лука вся давно уже позеленела, сирень и черемуха цветут и распространяют благоухание, берега Псла трогательны и ласковы до сантиментальности, ночи теплые, чудные, соловьев пропасть, Линтваревы все пополнели и стали еще добрей, чем были в прошлом году. Жить можно, и если бы не кашляющий художник, то я был бы совсем доволен. Пожил бы до июня на Луке, а потом в Париж к француженкам, а из Парижа в Тифлис к грузинкам и этак бы канителил до самой осени, пока бы не обнищал совершенно. Деньги, заработанные "Ивановым" и книжками, у меня уже на исходе. Не обойтись без аванса. Заберу во всех редакциях аванс, прожгу его и потом, воздев очи к небу, стану взывать: "Боже Авраама, Исаака и Иакова, поразивый Голиафа, пятью хлебами насытивый пять тысящ, вонми гласу моления моего, разверзи землю и поглоти кредиторов моих; тебе же есть слава, честь и поклонение, отцу и сыну и святому духу, аминь".

Скучновато без Вас; не с кем мне поговорить и некого послушать. Молодежь склонна больше к спорам и дебатам, а я ленив для разговорных турниров; мне больше по сердцу речи покойные. Вообще говоря, скучно жить в деревне без людей, к которым привыкло сердце. Если б я женился на Сибиряковой, то купил бы громадное имение, которое отдал бы в распоряжение тех десяти человек, которых люблю. Но так как на Сибиряковой я не женюсь и 200 тысяч никогда не выиграю, то и приходится мириться со своей судьбой и жить мечтами.

Неужели Вы не поедете на юг? А как бы мы проехались в Полтавскую губ«ернию» к Смагиным! Коляска покойная, лошади очень сносные, дорога дивная, люди прекрасные во всех отношениях. Я готов отказаться от многого, чтобы только вместе с Вами прокатиться в Украину и чтобы Вы воочию убедились, что Хохландия в самом деле заслуживает внимания хороших поэтов. У Вас на севере, небось, холод, дожди, серое небо… бррр!

Обещал ко мне приехать Свободин. Хорошо, если не обманет. У меня теперь большое помещение. Я нанял два флигеля.

Жоржик вернулся и уже услаждает нас музыкой. Скоро к нам приедет виолончелист, очень хороший. Дуэты будут славные.

Мне жаль Салтыкова. Это была крепкая, сильная голова. Тот сволочный дух, который живет в мелком, измошенничавшемся душевно русском интеллигенте среднего пошиба, потерял в нем своего самого упрямого и назойливого врага. Обличать умеет каждый газетчик, издеваться умеет и Буренин, но открыто презирать умел один только Салтыков. Две трети читателей не любили его, но верили ему все. Никто не сомневался в искренности его презрения.

Напишите мне, дорогой мой, письмо. Я люблю Ваш почерк: когда я вижу его на бумаге, мне становится весело. К тому же, не скрою от Вас, мне льстит, что я переписываюсь с Вами. Ваши и суворинские письма я берегу и завещаю их внукам: пусть сукины сыны читают и ведают дела давно минувшие… Я запечатаю все письма и завещаю распечатать их через 50 лет, а la Гаевский, так что гончаровская заповедь, напечатанная в "Вестнике Европы", нарушена не будет, хотя я и не понимаю, почему ее нарушать нельзя. Напишите мне о Вашем здоровье.

Жан Щеглов написал драму. А я гуляючи отмахал комедию. Зададим мы работу Литературному комитету!

В ноябре привезу в Питер продавать свой роман. Дешевле как но 250 за лист не уступлю. Продам и уеду за границу, где, а la Худеков, задам банкет Лиге патриотов и угощу завтраком дон Карлоса, о чем, конечно, будет в газетах специальная телеграмма.

Сердечный привет Вашим и Анне Михайловне. Последнее заседание Комитета прошло у нас очень мирно и благополучно. Дела Общества, по-моему, идут превосходно. На конверте я не буду писать "его высокоблагородию"; разрешите мне это удовольствие. Вы для меня не высокоблагородие, а светлость. Мои все Вам кланяются и шлют пожелания. Пишите.

Ваш А. Чехов.

653. А. С. СУВОРИНУ

14 мая 1889 г. Сумы.

14 май.

Спасибо, получил свою "Татьяну Репину". Бумага очень хорошая. Фамилию свою я в корректуре зачеркнул, и мне непонятно, как это она уцелела. Зачеркнул, т. е. исправил, я и многие опечатки, к«ото»рые тоже уцелели. Впрочем, все это вздор. Для большей иллюзии следовало бы напечатать на обложке не Петербург, а Leipzig.

Мой живописец никогда не выздоровеет. У него чахотка. Вопрос поставлен так: как долго будет продолжаться болезнь? А при такой постановке, согласитесь, оставлять его нельзя. К тому же, если бы я уехал, то семья осталась бы в тяжелом положении, которое Вы можете себе представить, если вообразите себе группу: мать, сестра и ежеминутно кашляющий, брюзжащий и неугомонно командующий художник. Без меня им оставаться нельзя «…»*

Щеглов мне не конкурент. Я не знаю его драмы, но предчувствую, что в своих двух первых актах я сделал в 10 раз больше, чем он во всех своих пяти. Его пьеса может иметь больший успех, чем моя, но такой конкуренции я не боюсь. Говорю Вам сие, чтобы показать, как я доволен своей работой. Пьеса вышла скучная, мозаичная, но все-таки она дает мне впечатление труда. Вылились у меня лица положительно новые; нет во всей пьесе ни одного лакея, ни одного вводного комического лица, ни одной вдовушки. Всех действ«ующих» лиц восемь, и из них только три эпизодические. Вообще я старался избегать лишнего, и это мне, кажется, удалось. Одним словом, умный мальчик, что и говорить. Если цензура не хлопнет по шапке, то Вам предстоит вкусить осенью такое наслаждение, какого Вы не испытаете, даже стоя на вершине Эйфелевой башни и глядя вниз на Париж. Скажите Буренину, что билета я ему опять не дам, а Бежецкому скажите, что опять он может не быть на моей пьесе, сколько ему угодно. Если же цензура хлопнет по шапке, то так тому и быть, подождем будущего лета и напишем новую пьесу, а Буренину все-таки билета не дам.

Ваш ученый Эльпе рекомендует пить стакан молока в продолжение пяти минут. Как это удобно для работающего человека. «…»* Мудрят наши ученые гуси! В ноябре приеду в Питер продавать с аукциона свой роман. Продам и уеду в Пиренеи.

Свободин обещал ко мне приехать. Опять ужаснется, что я не читал Лессинга.

Конец в новом романе Бурже мне не нравится. Можно было бы лучше сделать. Это не конец умного романа, а шлейф, оторванный от Габорио и приколотый к умному роману булавками. Правосудие, "официальное бесстрастие" судей и прочее - все это перестало уже трогать. Сикст, читающий "Отче наш", умилит Евгения Кочетова, но мне досадно. Коли нужно смело говорить правду от начала до конца, то такой фанатик ученый, как Сикст, прочитав "Отче наш", должен затем вскочить и, подобно Галилею, воскликнуть: "А все-таки земля вертится!" Та глава, где Шарлотта приходит отдаться, великолепно сделана и трогает.

Вы интересуетесь знать, продолжает ли Вас ненавидеть докторша. Увы! Она пополнела и сильно смирилась, что мне чрезвычайно не нравится. Женщин-врачей осталось на земле немного. Они переводятся и вымирают, как зубры в Беловежской пустыни. Одни гибнут от чахотки, другие впадают в мистицизм, третьи выходят замуж за вдовых эскадронных командиров, четвертые крепятся, но уж заметно падают духом. Вероятно, на земле быстро вымирали первые портные, первые астрологи… Вообще тяжело живется тем, кто имеет дерзость первый вступить на незнакомую дорогу. Авангарду всегда плохо.

Как Евгения Константиновна? Небось, Алексей Алексеевич трусит? Помогай им бог, дело хорошее. Кланяйтесь.

В деревне дифтерит. Ловлю раков. Со мной вместе ловит сапожник Мишка, лет 12-13, ужасный брехун.

Будьте здоровы и счастливы 1000 раз.

Ваш Потемкин. * Пропуск в источнике.

654. А. С. СУВОРИНУ

15 мая 1889 г. Сумы.

15 май.

Если Вы еще не уехали за границу, отвечаю на Ваше письмо о Бурже. Буду краток. Вы пишете между прочим: "Пускай наука о материи идет своим чередом, но пусть также остается что-нибудь такое, где можно укрыться от этой сплошной материи". Наука о материи идет своим чередом, и те места, где можно укрыться от сплошной материи, тоже существуют своим чередом, и, кажется, никто не посягает на них. Если кому и достается, то только естественным наукам, по не святым местам, куда прячутся от этих наук. В моем письме вопрос поставлен правильнее и безобиднее, чем в Вашем, и я ближе к "жизни духа", чем Вы. Вы говорите о праве тех или других знаний на существование, я же говорю не о праве, а о мире. Я хочу, чтобы люди не видели войны там, где ее нет. Знания всегда пребывали в мире. И анатомия, и изящная словесность имеют одинаково знатное происхождение, одни и те же цели, одного и того же врага - черта, и воевать им положительно не из-за чего. Борьбы за существование у них нет. Если человек знает учение о кровообращении, то он богат; если к тому же выучивает еще историю религии и романс "Я помню чудное мгновение", то становится не беднее, а богаче, - стало быть, мы имеем дело только с плюсами. Потому-то гении никогда не воевали, и в Гете рядом с поэтом прекрасно уживался естественник.

Воюют же не знания, не поэзия с анатомией, а заблуждения, т. е. люди. Когда человек не понимает, то чувствует в себе разлад; причин этого разлада он ищет не в себе самом, как бы нужно было, а вне себя, отсюда и война с тем, чего он не понимает. Во все средние века алхимия постепенно, естественным мирным порядком культивировалась в химию, астрология - в астрономию; монахи не понимали, видели войну и воевали сами. Таким же воюющим испанским монахом был в шестидес«ятых» годах наш Писарев.

Воюет и Бурже. Вы говорите, что он не воюет, а я говорю, что воюет. Представьте, что его роман попадает в руки человека, имеющего детей на естественном факультете, или в руки архиерея, ищущего сюжета для воскресной проповеди. Будет ли что-нибудь похожее на мир в полученном эффекте? Нет. Представьте, что роман попал на глаза анатому или физиологу и т. д. Ни в чью душу не повеет от него миром, знающих он раздражит, а не знающих наградит ложными представлениями - и только.

Вы, быть может, скажете, что он воюет не с сущностью, а с уклонениями от нормы. Согласен, с уклонениями от нормы должен воевать всякий писатель, но зачем компрометировать самую сущность? Сикст орел, но Бурже сделал из него карикатуру. "Психологические опыты" - клевета на человека и на науку. Неужели, если бы я написал роман, где у меня анатом ради науки вскрывает свою живую жену и грудных детей или ученая докторша едет на Нил и с научною целью совокупляется с крокодилом и с гремучей змеей, - то неужели бы этот роман не был клеветой? А ведь я бы мог интересно написать и умно.

Бурже увлекателен для русского читателя, как гроза после засухи, и это понятно. Читатель увидел в романе героев и автора, которые умнее его, и жизнь, которая богаче его жизни; русские же беллетристы глупее читателя, герои их бледны и ничтожны, третируемая ими жизнь скудна и неинтересна. Русский писатель живет в водосточной трубе, ест мокриц, любит халд и прачек, не знает он ни истории, ни географии, ни естественных наук, ни религии родной страны, ни администрации, ни судопроизводства… одним словом, черта лысого не знает. В сравнении с Бурже он гусь лапчатый и больше ничего. Понятно, почему Бурже должен нравиться, но из этого все-таки не следует, что Сикст прав, когда читает "Отче наш", или что он правдив в это время.

Ну, больше не стану надоедать Вам с Бурже. Что касается Вашего таланта передавать в компактной форме такие романы, как "Disciple", то я читал и радовался за Вас. Очень хорошо. Вы отлично справились с философскою и ученою частью романа, и я не знал, что Вы это умеете. У меня бы все перепуталось и

получилось бы еще длиннее, чем у Бурже.

Мне скучно. Плещеев у меня не будет, а хорошо, если бы приехал. Он очень хороший старик.

Скоро я пришлю Вам письмо, написанное по-французски и по-немецки. Поклон Анне Ивановне, Насте и Боре.

Счастливого Вам путешествия.

Ваш А. Чехов.

655. И. М. КОНДРАТЬЕВУ

18 мая 1889 г. Сумы.

18 май, г. Сумы.

Многоуважаемый

Иван Максимович!

Недели две тому назад мною послана в цензуру и, вероятно, уже разрешена новая одноактная пьеска "Трагик поневоле (Из дачной жизни)", шутка. Если можно вносить в каталог пьесы, еще не побывавшие и цензуре, то, чтобы мне еще раз не беспокоить Вас этим летом, кстати уж заодно внесите и мою пьесу "Леший, комедия в 4-х действиях", которая осенью пойдет на казенной сцене. Затем, пожелав Вам всего хорошего, имею честь пребыть с искренним к Вам уважением

А. Чехов.

656. Н. А. ЛЕЙКИНУ

22 мая 1889 г. Сумы.

22 май, г. Сумы (Харьк. губ.).

Здравствуйте, Николай Александрович, сколько зим, сколько лет! Давно уж я не писал Вам и не получал от Вас писем. Причины моего молчания кроются в постоянстве моего характера: я всегда одинаково и неизменно ленив, и всегда моя голова занята каким-нибудь обстоятельством; Вы же молчите, потому что Вы считаетесь визитами и ждете, когда я Вам напишу.

Живу я там же, где жил в прошлом году. Адрес мой краток: г. Сумы. Не ездил я никуда и, вероятно, до осени никуда не поеду, так как на руках у меня Николай, больной чахоткою и тающий от этой болезни. Дела его плохи, значит, плохи и мои дела, и Вы можете себе представить мое положение. Распространяться не стану.

В феврале у меня было около 1500 рублей. Я мечтал, что проживу все лето до октября вольно и безбедно, объезжу весь свет вдоль и поперек и не буду работать. Вольно я еще не жил, и никуда я еще не ездил, а осталось у меня из полторы тысячи только 340 руб.

Я помаленьку работаю. Нишу маленькие рассказы, которые соединю воедино нумерацией, дам им общее заглавие и напечатаю в "Вестнике Европы". Хочу сразу получить денег побольше. Думал написать комедию, но пока сделал только два акта, надоело, и я бросил. Да не тем голова занята. Обстановка у меня теперь совсем но писательская, а лазаретная.

Что поделывает Билибин? Я слышал, что он работает много для сцены. Это хорошо, хотя быть хорошим фельетонистом гораздо выгоднее, чем быть отличным водевилистом. Выгоднее, покойное и солиднее.

Я читал, что в Питере жарко. У нас тоже вся весна была жаркая. В тени больше 30°. Купаемся поневоле два раза в день и спим ночью под простынями при открытых окнах. Дождей нет, земля высохла, листья на деревьях вялы, редиска червивая;

вообще червей, моли и тли много, появилась вся эта гадость рано, и надо думать, судя по всему этому, что урожая не будет. Комары замучили.

Ездили Вы на Валаам? Если б художник был здоров, я поехал бы на Кавказ или в Париж; из Парижа писал бы юмористические фельетоны. Мне кажется, что когда я заживу по-человечески, т. е. когда буду иметь свой угол, свою, а не чужую жену, когда, одним словом, буду свободен от суеты и дрязг, то опять примусь за юмористику, которая мне даже снится. Мне все снится, что я юмористические рассказы пишу. В голове кишат темы, как рыба в плесе.

Вы живете теперь в Ивановском? Сюда я и адресуюсь.

Поклон мой Прасковье Никифоровне и Феде. Будьте здоровы и не забывайте Вашего А. Чехова.

657. В. А. ТИХОНОВУ

31 мая 1889 г. Сумы.

31 май.

Живу я, милый российский Сарду, не в Париже и не в Константинополе, а, как Вы верно изволили заметить на конверте Вашего письма, в г. Сумах, в усадьбе г-жи Линтваревой. Рад бы удрать в Париж и взглянуть с высоты Эйфеловой башни на вселенную, но - увы! - я скован по рукам и ногам и не имею права двинуться с места ни на один шаг. У меня болен чахоткою мой брат-художник, который живет теперь со мной.

Погода великолепная. Тепло, птицы поют, крокодилы квакают. Псел широк и величественен, как генеральский кучер. Но благодаря вышеписанному обстоятельству живется скучно и серо. Спасибо добрым людям - навещают меня и делят со мною скуку, иначе пришлось бы плохо. Гостил у меня дней шесть Суворин, сегодня приедет Свободин, бывают соседи - день идет за днем, разговор за разговором, ан глядь - уж и весны нет, июнь на носу.

Работаю, хотя и не усердно. Потягивает меня к работе, но только не к литературной, которая приелась мне. Пишу роман. Кое-что как будто выходит; быстро писать не умею, тяну через час по столовой ложке и оттого не знаю, когда Вы будете иметь удовольствие в сотый раз убедиться, что я но такой великий человек, как вещал за обедом Соковнин. Кончу я роман через 2-3 года.

Начал было я комедию, но написал два акта и бросил. Скучно выходит. Нет ничего скучнее скучных пьес, а я теперь, кажется, способен писать только скучно, так уж лучше бросить.

Ваше томление я понимаю. Оно пройдет, и пьеса будет написана Вами во благовремении. Ваше "Без коромысла и утюга" шло недавно в Одессе. Стало быть, напрасно Вы отзываетесь презрительно о сией пьесе. Все хорошо. Поймите раз навсегда, что драматургия - Ваша профессия, что Вам приходится писать ежегодно но одной, по две пьесы, что поэтому поневоле Вы не можете писать одни только шедевры. На десяток пьес должно приходиться семь неважных - таков удел всякой профессии. Поймите сие, и Вам станет понятно, что все хорошо и все слава богу.

Вы хотите, чтобы я повлиял на Жана Щеглова и вернул его на путь беллетристики. В своих письмах я всякий раз усердно жую его, но все мои жидкие сентенции, как волны об утес, разбиваются в брызги, наталкиваясь на страсть. Страсть выбивается только страстью, а сентенциями да логикой ничего не поделаешь. Самое лучшее - оставить Жана в покое и ждать, когда в нем перекипит театральная бурда и сам он естественным порядком придет к норме.

Перед выездом из Москвы заседал я как новоиспеченный член в комитете Общества драмат«ических» писателей. Вынес такое впечатление: дела Общества идут превосходно.

Если верить газетам, то у Вас на севере теперь холодно. А у нас жарко.

Если не лень и если Вы еще не женились на рябой бабе, бьющей Вас и мешающей Вам

писать, то пишите мне.

Как Вы насчет спиритуозов? Придерживаетесь или отрицаете?

Ну, будьте здоровы и счастливы. Моя фамилия благодарит Вас за поклон и тоже кланяется.

Ваш А. Чехов.

Если брату станет полегче, то уеду на Кавказ.

658. Н. Н. ОБОЛОНСКОМУ

4 июня 1889 г. Сумы.

4 июнь 89 г.

Привет Вам, милый доктор! Не велите казнить за молчание, а велите слово вымолвить. Не писал я Вам так долго по весьма уважительным причинам: во-1-х) не знал точно, где вы, в Москве или на Кавказе; во-2-х) сам собирался с сестрою поехать на Кавказ; в-3-х) каждый день ждал, когда Николай соберется, наконец, написать Вам обещанное curriculum vitae.* Да и к тому же ужасно скучно и лень писать, когда знаешь, что не напишешь ничего хорошего и веселого. Дела художника плохи. Дни стоят жаркие, молока пьет он много, но t° прежняя, вес тела с каждым днем уменьшается. Кашель не дает покою. В первый месяц дачного жития он (не кашель, а художник) половину дня проводил на воздухе, теперь же упрямо лежит в комнате, выходит на полчаса, да и то неохотно, лениво; часто спит и во сне бродит; предпочитает дремать в сидячем положении, а не в лежачем, так как последнее со второй половины мая стало обусловливать кашель… Аппетит сносный. Даю ipec., хинин, atrop. и проч.

Одним словом, позвольте мне не продолжать. Кроме уныния, ничего я не могу нагнать на Вас. Как Вы живете? Что поделываете? Существует ли "клуб благополучных идиотов"? Много ли в Кисловодске хорошеньких женщин? Есть ли театр? Вообще, как проводите лето? Напишите мне. Когда нет курицы, то довольствуются одним только бульоном; когда нельзя ехать на Кавказ, можно утолять слегка жажду письмами с Кавказа. Вы обещаете прислать мне целую поэму. Ладно. Я отвечу Вам повестью.

Быть может, я приеду в Кисловодск, но не раньше августа. Понятно, почему. А если приеду, то непременно напишу 3-хактную пьесу для Корша. Начал было я писать большую пьесу для казны, написал два акта и бросил. Не пишется. А надо бы кончить, ибо пьеса уже обещана в бенефис Свободину и Ленскому и о ней протрещали во всех газетах.

У меня наступил "сезон гостей". Неделю гостил Суворин; сейчас гостит Свободин; завтра приедут из Москвы виолончелист и еще кто-нибудь. Вообще, если бы не кашель в соседней комнате, то, пожалуй, жилось бы не скучно. Когда я вырасту большой и буду иметь собственную дачу, то построю три флигеля специально для гостей обоего пола. Я люблю шум больше, чем гонорар.

Опять о художнике. Когда я вез его из Москвы, на полдороге поднялась у него рвота. Рвота бывает и теперь. Еще одна подробность, более значительная: появились симптомы, указующие на заболевание гортани. Это уж совсем плохо, так как в горловых болезнях я швах и, кажется, во всем уезде нет ни единого ларингоскопа. Не порекомендуете ли Вы каких-нибудь вдыханий? Один туземный лекарь настойчиво рекомендует мне креозот.

У нас засуха. Дождей нет, хлеб плохой, фрукты съедены червями. Будет сплошной неурожай. Рыба ловится плохо.

Художник каждый день говорит о Вас и каждый день берет у меня почтовую бумагу, чтобы написать Вам.

Скуки ради завел он себе котенка и забавляется им, как маленький. Грунтует циферблат на стенных часах, хочет писать на них женскую головку.

Моя фамилия кланяется и еще раз шлет Вам свое спасибо. Иду сейчас к Николаю и засажу его писать. Его письмо пошлю отдельно.

Жду поэмы, а пока крепко жму Вам руку, желаю побольше практики, побольше романов с красивейшими из кисловодских гурий и пребываю сердечно преданный

Л. Чехов.

Мой адрес: г. Сумы. * жизнеописание (лат.).

659. А. С. СУВОРИНУ

9 июня 1889 г. Сумы.

9 июнь.

Нашли же Вы, наконец, дачу? Где? А пора бы уж найти, ибо через три дня солнце начнет уже клониться к зиме. Если дача в Тульской губ., то ко мне на Псел рукой подать. Приезжайте ради создателя. Мы поедем, куда Вам угодно и на чем угодно. В Полтавской губ«ернии» уже знают, что Вы туда приедете со мной.

Я положительно не могу жить без гостей. Когда я один, мне почему-то становится страшно, точно я среди великого океана солистом плыву на утлой ладье. Неделю тому назад приехал ко мне Свободин с своим девятилетним сынишкой, очень милым и симпатичным, неугомонно философствующим мальчиком. О Лессинге и гамбургской драматургии - ни полслова. Зоненштейн, к великому моему удивлению и удовольствию, сбросил с себя маску "образованного" актера и дурачился, как мальчик. Он пел, кривлялся, ловил раков во фраке, пил и вообще вел себя так, как будто не читал Лессинга. Вчера он уехал в Петербург, но с Ворожбы вернулся назад и теперь гуляет по саду.

Прочел я письмо Александра, которое Вы прислали мне. Чувствую сильное искушение раскритиковать это удивительное письмо, но кладу печать на уста свои, чтобы не сказать чего-нибудь такого, что для Вас совсем неинтересно. Я сердит, как глупец, и не верю даже тому, чему по человеколюбию следовало бы верить.

Николай проговорился мне, что он просил у Вас денег. Если это правда, то спешу Вас уверить, что деньги ему решительно ни на что не нужны. Все необходимое у него есть, и ни в чем отказа ему не бывает. Он говорил мне, что Вы пообещали ему, и я премного буду обязан Вам, если Вы забудете об этом обещании. Простите, что я надоедаю Вам таким вздором. Мне самому скучно говорить о деньгах, но что делать? Судьба соделала меня нянькою, и я volens-nolens* должен не забывать о педагогических мерах.

Насчет того, где будет напечатан мой великолепный роман, я полагаю, рассуждать еще рано. То есть рано еще обещать. Когда кончу, пришлю Вам на прочтение, и оба мы решим, как лучше. Если найдете, что его удобно печатать в газете, то сделайте милость, валяйте в газете. Сегодня я напишу одну главу. Чувствую сильное желание писать.

Дождей все нет и нет. Неурожай - решенное дело. Жарища ужасная. На деревьях червей видимо-невидимо, но в земле их нот, ибо земля суха, как московские фельетоны.

Поздравляю "Новое время" с семейною радостью: говорят, что Курепин женился.

Мне Стасов симпатичен, хоть он и Мамай Экстазов. Что-то в нем есть такое, без чего в самом дело жить грустно и скучно. Читал я письма Бородина. Хорошо.

Художник в прежнем положении: ни лучше, ни хуже.

Раки превосходно ловятся. Миша не успевает подсачивать.

Всем Вашим мой сердечный привет. Пребываю ожидающий Вас

А. Чехов.

Вчера я заставил одного юнца купить на вокзале "Военные на войне". Прочел и сказал: "Очень хорошо". С Маслова магарыч. * волей-неволей (лат.).

660. Н. Н. ОБОЛОНСКОМУ

17 июня 1889 г. Сумы.

17 июня 89.

Художник скончался. Подробности письмом или при свидании, а пока простите карандаш.

Жму горячо Вам руку.

Ваш душевно

А. Чехов. На обороте:

Кисловодск,

Дача Жердевой

Доктору Николаю Николаевичу Оболонскому.

661. Ф. О. ШЕХТЕЛЮ

18 июня 1889 г. Сумы.

18 июня. г. Сумы.

Вчера, 17-го июня, умер от чахотки Николай. Лежит теперь в гробу с прекраснейшим выражением лица. Царство ему небесное, а Вам, его другу, здоровья и счастья…

Ваш А. Чехов. На обороте:

Москва,

Тверская, д. Пороховишкова

Францу Осиповичу Шехтель.

662. М. М. ДЮКОВСКОМУ

24 июня 1889 г. Сумы.

24 июня.

Отвечаю, милый Михаил Михайлович, на Ваше письмо. Николай выехал из Москвы уже с чахоткою. Развязка представлялась ясною, хотя и не столь близкой. С каждым днем здоровье становилось все хуже и хуже, и в последние недели Николай не жил, а страдал: спал сидя, не переставая кашлял, задыхался и проч. Если в прошлом были какие вины, то все они сторицей искупились этими страданиями. Сначала он много сердился, болезненно раздражался, но за месяц до смерти стал кроток, ласков и необыкновенно степенен. Все время мечтал о том, как выздоровеет и начнет писать красками. Часто говорил о Вас и о своих отношениях к Вам. Воспоминания были его чуть ли не единственным удовольствием. За неделю до смерти он приобщился. Умер в полном сознании. Смерти он не ждал; по крайней мере ни разу но заикнулся о ней.

В гробу лежал он с прекраснейшим выражением лица. Мы сняли фотографию. Не знаю, передаст ли фотография это выражение.

Похороны были великолепные. По южному обычаю, несли его в церковь и из церкви на кладбище на руках, без факельщиков и без мрачной колесницы, с хоругвями, в открытом гробе. Крышку несли девушки, а гроб мы. В церкви, пока несли, звонили. Погребли на деревенском кладбище, очень уютном и тихом, где постоянно поют птицы

и пахнет медовой травой. Тотчас же после похорон поставили крест, который виден далеко с поля. Завтра девятый день. Будем служить панихиду.

Вся семья благодарит Вас за письмо, а мать, читая его, плакала. Вообще грустно, голубчик.

Очень рад, что Вы женитесь. Поздравляю и желаю всего того, что принято желать при женитьбе.

Я написал Вам коротко, потому что сюжет слишком длинный, не поддающийся описанию на 2-3 листках. Подробности расскажу при свидании, а пока будьте здоровы и счастливы.

Вся моя фамилия Вам кланяется.

Ваш А. Чехов. На конверте:

Москва.

Михаилу Михайловичу Дюковскому.

У Калужских ворот. Мещанское училище.

663. П. А. СЕРГЕЕНКО

25 июня 1889 г. Сумы.

Если Ленского зовут Александром Павловичем, то выеду вторник. Телеграфируй, какой остановиться гостинице.

Чехов. На бланке:

Севастополь Театр Сергеенко

664. А. Н. ПЛЕЩЕЕВУ

26 июня 1889 г. Сумы.

20 июнь.

Здравствуйте, мой дорогой и милый Алексей Николаевич! Ваше письмо пришло на девятый день после смерти Николая, т. е. когда мы все уже начали входить в норму жизни; теперь отвечаю Вам и чувствую, что норма в самом деле настала и что теперь ничто не мешает мне аккуратно переписываться с Вами.

Бедняга художник умер. На Луке он таял, как воск, и для меня не было ни одной минуты, когда бы я мог отделаться от сознания близости катастрофы… Нельзя было сказать, когда умрет Николай, но что он умрет скоро, для меня было ясно. Развязка произошла при следующих обстоятельствах. Гостил у меня Свободин. Воспользовавшись приездом старшего брата, который мог сменить меня, я захотел отдохнуть, дней пять подышать другим воздухом; уговорил Свободина и Линтваревых и поехал с ними в Полтавскую губ«ернию» к Смагиным. В наказание за то, что я уехал, всю дорогу дул такой холодный ветер и небо было такое хмурое, что хоть тундрам впору. На половине дороги полил дождь. Приехали к Смагиным ночью, мокрые, холодные, легли спать в холодные постели, уснули под шум холодного дождя. Утром была все та же возмутительная вологодская погода; во всю жизнь не забыть мне ни грязной дороги, ни серого неба, ни слез на деревьях; говорю - не забыть, потому что утром приехал из Миргорода мужичонко и привез мокрую телеграмму: "Коля скончался". Можете представить мое настроение. Пришлось скакать обратно на лошадях до станции, потом по железной дороге и ждать на станциях по 8 часов… В Ромнах ждал я с 7 часов вечера до 2 ч«асов» ночи. От скуки пошел шататься по городу. Помню, сижу в саду; темно, холодище страшный, скука аспидская, а за бурой стеною, около которой я сижу, актеры репетируют какую-то мелодраму.

Дома я застал горе. Наша семья еще не знала смерти, и гроб пришлось видеть у

себя впервые.

Похороны устроили мы художнику отличные. Несли его на руках, с хоругвями и проч. Похоронили на деревенском кладбище под медовой травой; крест виден далеко с поля. Кажется, что лежать ему очень уютно.

Вероятно, я уеду куда-нибудь. Куда? Не вем.

Суворин зовет за границу. Очень возможно, что поеду и за границу, хотя меня туда вовсе не тянет. Я не расположен теперь к физическому труду, хочу отдыха, а ведь шатанье по музеям и Эйфелевым башням, прыганье с поезда на поезд, ежедневные встречи с велеречивым Дмитрием Васильевичем, обеды впроголодь, винопийство и погоня за сильными ощущениями - все это тяжелый физический труд. Я бы охотнее пожил где-нибудь в Крыму, на одном месте, чтоб можно было работать.

Пьеса моя замерзла. Кончать некогда, да и не вижу особенной надобности кончать ее. Пишу понемножку роман, причем больше мараю, чем пишу.

Вы пьесу пишете? Вам бы не мешало изобразить оригинальную комедийку. Напишите и уполномочьте меня поставить ее в Москве. Я и на репетициях побываю, и гонорар получу, и всякие штуки.

Если я уеду куда-нибудь, то с каждой большой станции буду посылать Вам открытые письма, а из центров закрытые письма.

Линтваревы здравствуют. Они великолепны. С каждым днем становятся все лучше и лучше, и неизвестно, до чего они дойдут в этом направлении. В великодушии и доброте нет им равных во всей Харьк«овской» губернии. Смагины здравствуют и тоже совершенствуются.

Поздравляю "Северный вестник" с возвращением Протопопова и Короленко. От критики Протопопова никому не будет ни тепло, ни холодно, потому что все нынешние гг. критики не стоят и гроша медного - в высшей степени бесполезный народ, возвращение же Короленко факт отрадный, ибо сей человек сделает еще много хорошего. Короленко немножко консервативен; он придерживается отживших форм (в исполнении) и мыслит, как 45-летний журналист; в нем не хватает молодости и свежести; но все эти недостатки не так важны и кажутся мне наносными извне; под влиянием времени он может отрешиться от них. Сестра благодарит за поклоны и велит кланяться. Мать тоже. А я целую Вас, обнимаю и желаю всяческих благ. Будьте счастливы и здоровы.

Ваш А. Чехов.

665. А. С. СУВОРИНУ

2 июля 1889 г. Сумы.

2 июль. Сумы.

Простите, что пишу на клочке.

Сейчас я получил от Вас письмо. Вы пишете, что пробудете в Тироле целый месяц. Времени достаточно, чтобы я мог съездить до заграницы в Одессу, куда влечет меня неведомая сила. Значит, я выеду из Киева не во вторник, как телеграфировал, а позже. Из Волочиска буду телеграфировать.

Из Одессы тоже буду телеграфировать.

Бедняга Николай умер. Я поглупел и потускнел. Скука адская, поэзии в жизни ни на грош, желания отсутствуют и проч. и проч. Одним словом, черт с ним.

Всех Ваших от души приветствую, а Анне Ивановне целую руку.

Если хотите, телеграфируйте мне в Одессу (Одесса, Северная гостиница).

Пьяница Вам кланяется. Он живет теперь у меня и ведет трезвую жизнь. Тифа у него не было.

Не горюйте, что Вам приходится много тратить на телеграммы. Деньги, потраченные Вами на телеграммы ко мне, я пожертвую в кадетский корпус, который будет построен Харитоненком, на учреждение стипендии имени А. А. Суворина.

Будьте счастливы и не старайтесь утомляться.

Ваш до конца дней моих

А. Чехов.

666. И. П. ЧЕХОВУ

16 июля 1889 г. Пароход "Ольга" (по пути из Одесса в Ялту).

Пароход "Ольга". Воскресенье 16 июля.

Я еду в Ялту и положительно не знаю, зачем я туда еду. Надо ехать и в Тироль, и в Константинополь, и в Сумы: все страны света перепутались у меня в голове, фантазия кишмя кишит городами, и я не знаю, на чем остановить свой выбор. А тут еще лень, нежелание ехать куда бы то ни было, равнодушие и банкротство… Живу машинально, не рассуждая.

Из Одессы выехал я не в понедельник, как обещал, а в субботу. Совсем было уж уложился, заплатил по счету, но пошел на репетицию проститься - и там меня удержали. Один взял шляпу, другая палку, а все вместе упрашивали меня так единодушно и искренно, что не устояла бы даже скала; пришлось остаться. Без тебя жил я почти так же, как и при тебе. Вставал в 8-9 часов и шел с Правдиным купаться. В купальне мне чистили башмаки, к«ото»рые у меня, кстати сказать, новые. Душ, струя… Потом кофе в буфете, что на берегу около каменной лестницы. В 12 ч. брал я Панову и вместе с ней шел к Замбрини есть мороженое (60коп.), шлялся за нею к модисткам, в магазины за кружевами и проч. Жара, конечно, несосветимая. В 2 ехал к Сергеенко, потом к Ольге Ивановне борща и соуса ради. В 5 у Каратыгиной чай, к«ото»рый всегда проходил особенно шумно и весело; в 8, кончив пить чай, шли в театр. Кулисы. Лечение кашляющих актрис и составление планов на завтрашний день. Встревоженная Лика, боящаяся расходов; Панова, ищущая своими черными глазами тех, кто ей нужен; Гамлет-Сашечка, тоскующий и изрыгающий громы; толстый Греков, всегда спящий и вечно жалующийся на утомление; его жена - дохленькая барыня, умоляющая, чтоб я не ехал из Одессы; хорошенькая горничная Анюта в красной кофточке, отворяющая нам дверь, и т. д. и т. д. После спектакля рюмка водки внизу в буфете и потом вино в погребке - это в ожидании, когда актрисы сойдутся у Каратыгиной пить чай. Пьем опять чай, пьем долго, часов до двух, и мелем языками всякую чертовщину. В 2 провожаю Панову до ее номера и иду к себе, где застаю Грекова. С ним пью вино и толкую о Донской области (он казак) и о сцене. Этак до рассвета. Затем шарманка снова заводилась и начиналась вчерашняя музыка. Все время я, подобно Петровскому, тяготел к женскому обществу, обабился окончательно, чуть юбок не носил, и не проходило дня, чтоб добродетельная Лика с значительной миной не рассказывала мне, как Медведева боялась отпустить Панову на гастроли и как m-me Правдина (тоже добродетельная, но очень скверная особа) сплетничает на весь свет и на нее, Лику, якобы потворствующую греху.

Прощание вчера вышло трогательное. Насилу отпустили. Поднесли мне два галстуха на память и проводили на пароход. Я привык и ко мне так привыкли, что в самом деле грустно было расставаться.

Слышно, как на военном фрегате играет музыка. Жарко писать. Сейчас завтрак.

Нашим буду писать из Алупки, а пока кланяйся всем. Пилит ли Семашечка на своей поломанной жене?

В Ялте Стрепетова и, вероятно, кто-нибудь из литераторов. Придется много разговаривать.

Актрисы тебе кланялись.

"Горе от ума" сошло скверно, "Дон-Жуан" и "Гамлет" хорошо. Сборы плохие.

Получил письмо от Боборыкина. Если есть письма на мое имя, то пришли их (заказным) по адресу: Ялта, Даниилу Михайловичу Городецкому, для передачи мне. Пришли и почтовые повестки, я напишу доверенность.

У меня нет ни желаний, ни намерений, а потому нет и определенных планов. Могу хоть в Ахтырку ехать, мне все равно. Маше буду писать, вероятно, завтра. Ну, оставайтесь все здоровы и не поминайте лихом. А. Ч.

667. И. М. КОНДРАТЬЕВУ

18 июля 1889 г. Ялта.

18 июль, Ялта.

Многоуважаемый

Иван Максимович!

Будьте добры выслать причитающийся мне гонорар по следующему адресу: г. Сумы, Харьк«овской» губ., Марии Павловне Чеховой, для передачи мне.

Приеду я в Москву в первых числах сентября. Желаю Вам всего хорошего и пребываю искренно уважающим

А. Чехов.

668. М. П. ЧЕХОВОЙ

18 июля 1889 г. Ялта.

18 июль.

Я живу в Ялте (дача Фарбштейн). Попросить тебя и Наталию Михайловну приехать сюда я не решаюсь, так как положительно не имею понятия о том, как долго я проживу здесь и куда поеду отсюда. Скука адская, и возможно, что я уеду отсюда завтра или послезавтра. Уеду в Сумы, а из Сум в Москву, не дожидаясь сентября. Лето мне опротивело, как редиска.

Живу я на очень приличной даче, плачу за 1 S комнаты 1 рубль в сутки. Море в двух шагах. Растительность в Ялте жалкая. Хваленые кипарисы не растут выше того тополя, который стоит в маленьком линтваревском саду налево от крыльца; они темны, жестки и пыльны. В публике преобладают шмули и бритые рожи опереточных актеров. Женщины пахнут сливочным мороженым.

К сожалению, у меня много знакомых. Редко остаюсь один. Приходится слушать всякий умный вздор и отвечать длинно. Шляются ко мне студенты и приносят для прочтения свои увесистые рукописи. Одолели стихи. Все претенциозно, умно, благородно и бездарно.

Сергеенко со мной нет, он в Одессе, чему я очень рад. Купанье великолепное.

Когда я ехал из Севастополя в Ялту, была качка. Дамы и мужчины рвали. Меня мутило, но только слегка; я имел дерзость даже обедать, хотя во все время обеда боялся, что вырву в тарелку своей соседки, дочери одесского градоначальника.

Обеды дрянные. Ленивые щи, антрекот из подошвы, компот - цена 1 рубль. Вчера вечером в саду я громко жаловался на плохие ялтинские обеды; местный акцизный, очень симпатичный и добродушный человек, внял моему гласу и робко пригласил меня к себе обедать. Пойду сегодня.

Уехал бы за границу, но потерял из виду Суворина. Через неделю по получении этого письма на твое имя придут от Кондратьева деньги. Получи и распечатай. Если захочешь ехать куда-нибудь, то поезжай. Вернусь я не позже 10 августа - это наверное.

Одинокий человек отлично может прожить в Ялте за 60-75 руб. в месяц. Дороговизну преувеличили.

Я скучаю по Луке. Во время бури у берега камни и камешки с треском, толкая друг дружку, катаются то сюда, то туда - их раскатистый шум напоминает мне смех Натальи Михайловны; гуденье волн похоже на пение симпатичного доктора. По целым часам я просиживаю на берегу, жадно прислушиваюсь к звукам и воображаю себя на Луке.

Отдай в чистку мой черный пиджак. Пусть Миша свезет в красильное заведение. Если на осеннем пальто есть пятна, то и его туда же. Не мешало бы выгладить.

Где Александр?

В Ялте можно работать. Если б не добрые люди, заботящиеся о том, чтобы мне не было скучно, то я написал бы много.

Александре Васильевне, доктору, Наталье Михайловне, композитору, Семашечке и всем нашим передай мой сердечный привет. Если можно, не скучай. Денег не жалейте, черт с ними.

Я здоров.

Твой А. Чехов.

Графине Лиде и ее безнравственному полковнику поклон

669. А. Н. ПЛЕЩЕЕВУ

3 августа 1889 г. Ялта.

3 августа.

Милый и дорогой Алексей Николаевич, можете себе представить, я не за границей и не на Кавказе, а вот уж две недели одиноко сижу в полуторарублевом номере, в татарско-парикмахерском городе Ялте. Ехал я за границу, но попал случайно в Одессу, прожил там дней десять, а оттуда, проев половину своего состояния на мороженом (было очень жарко), поехал в Ялту. Поехал зря и живу в ней зря. Утром купаюсь, днем умираю от жары, вечером пью вино, а ночью сплю. Море великолепно, растительность жалкая, публика всплошную шмули или больные. Каждый день собираюсь уехать и все никак не уеду. А уехать надо. Совесть загрызла. Немножко стыдно сибаритствовать в то время, когда дома неладно. Уезжая, я оставил дома унылую скуку и страх.

Сие письмо имеет цель двоякую: 1) приветствовать Вас и напомнить о своем многогрешном существовании и 2) просить Вас уведомить Анну Михайловну, что рассказ она получит от меня не позже 1 сентября. Это уж решенное дело, ибо рассказ почти готов. Несмотря на жару и на ялтинские искушения, я пишу. Написал уж на 200 целковых, т. е. целый печатный лист.

Пьесу начал было дома, но забросил. Надоели мне актеры. Ну их!

У меня сегодня радость. В купальне чуть было не убил меня мужик длинным тяжелым шестом. Спасся только благодаря тому, что голова моя отстояла от шеста на один сантиметр. Чудесное избавление от гибели наводит меня на разные, приличные случаю мысли.

В Ялте много барышень и ни одной хорошенькой. Много пишущих, но ни одного талантливого человека. Много вина, но ни одной капли порядочного. Хороши здесь только море да лошади-иноходцы. Едешь верхом на лошади и качаешься, как в люльке. Жизнь дешевая. Одинокий человек отлично может прожить здесь за 100 рублей в месяц.

Кланяется Вам Петров, местный старожил, типограф, донжуан и любитель поэзии, сидящий сейчас возле меня и собирающийся угостить меня обедом. Он глухонемой и говорит поэтому ужасно громко. Вообще чудаков здесь много.

Если захотите подарить меня письмом, то адресуйте в Сумы, куда я вернусь не позже 10 августа.

Рассказ по случаю жары и скверного, меланхолического настроения выходит у меня скучноватый. Но мотив новый. Очень возможно, что прочтут с интересом.

Мне один местный поэт говорил, что в Ялту приедет Елена Алексеевна. Посоветуйте ей не приезжать до винограда, т. е. раньше 15-20 августа.

Поклонитесь всем Вашим. Крепко обнимаю Вас и пребываю, как всегда, искренно любящим Антуаном Потемкиным (прозвище, данное мне Жаном Щегловым).

Кстати: что поделывает Жан? Все еще насилует Мельпомену? Если увидите его, то поклонитесь.

670. В. К. МИТКЕВНЧУ

12 августа 1889 г. Сумы.

12 авг. Сумы.

Простите, что так долго не отвечал на Ваше письмо. Я был в Ялте и только вчера вернулся домой.

Против Вашего желания перевести моего "Медведя" я ничего не имею. Напротив, это желание льстит мне, хотя я заранее уверен, что на французской сцене, где превосходные водевили считаются сотнями, русский водевиль, как бы удачно он написан ни был, успеха иметь не будет.

Поблагодарив Вас за внимание и пожелав успеха, пребываю готовый к услугам

А. Чехов.

671. Н. А. ЛЕЙКИНУ

13 августа 1889 г. Сумы.

13 авг. Сумы.

Из дальних странствий возвратясь, добрейший Николай Александрович, я нашел у себя Ваше письмо. Спасибо за память. Вот Вам мое curriculum vitae.* Последние дни Николая, его страдания и похороны произвели на меня и на всю семью удручающее впечатление. На душе было так скверно, что опротивели и лето, и дача, и Псел. Единственным развлечением были только письма добрых людей, которые, узнав из газет о смерти Николая, поспешили посочувствовать моей особе. Конечно, письма пустое дело, но когда читаешь их, то не чувствуешь себя одиноким, а чувство одиночества самое паршивое и нудное чувство.

После похорон возил я всю семью в Ахтырку, потом неделю пожил с нею дома, дал ей время попривыкнуть и уехал за границу. На пути к Вене со станции Жмеринка я взял несколько в сторону и поехал в Одессу; здесь прожил я 10-12 дней, купаясь в море и варясь в собственном соку, сиречь в поте. В Одессе, благодаря кое-каким обстоятельствам, было прожито денег немало; пришлось насчет заграницы отложить всякое попечение и ограничиться одной только поездкой в Ялту. В сем татарско-дамском граде прожил я недели три, предаваясь кейфу и сладостной лени. Все пущено в трубу, осталось только на обратный путь. В стране, где много хорошего вина и отличных коней, где на 20 женщин приходится один мужчина, трудно быть экономным. Наконец я дома, с 40 рублями.

Разъезжая по провинции, я приглядывался к книжному делу. Нахожу, что поставлено оно отвратительно. Торговля нищенская. Половина книгопродавцев кулаки или прямо-таки жулики, покупатель невоспитанный, легко поддающийся обману, откровенно предпочитающий в книгах количество качеству. Пока столичные книгопродавцы не пооткрывают в городах своих отделений, до тех пор дело не подвинется ни на один шаг вперед, на туземцев рассчитывать нельзя.

Из туземцев я встретил только одного благонадежного и вполне порядочного издателя-книгопродавца, которого рекомендую Вашему вниманию. Его адрес: "Ялта, Даниил Михайлович Городецкий". Он содержит типографию, издает всякую крымскую дрянь, редактирует ялтинский листок, продает книги и этим летом открывает отделения по всему Крымско-Кавказскому побережью, начиная с Одессы и кончая Батумом. Он, повторяю, порядочный человек, образованный и неглупый. Немного неопытен, но это недостаток поправимый. Издания берет он только на комиссию, расчет ежемесячный или по желанию. Он просил Вас выслать ему по 25 экз. всех Ваших изданий. Если вышлете, то ничего не проиграете. Я за него вполне ручаюсь, и в случае, если его дело не пойдет, я в будущем июле, проездом через Ялту, заберу у него все книги. Его условия: 40%, а для рублевых книг 30%. Пошлите ему 25 экз. "Пестрых рассказов" и столько же Пальмина. Баранцевичу я буду писать особо. Если хотите, я сам буду считаться с ним. Во всяком случае, напишите мне, я уведомлю его.

Кстати о "Пестрых рассказах"… Я должен Вам или Вы мне? Если второе, то не пришлете ли мне за спасение души малую толику? Я нищ и убог. Если первое, то Ваше счастье, так тому и быть.

Всем Вашим поклон. Будьте здоровы и благополучны. В Москву еду 2-3 сент«ября».

Ваш А. Чехов.

Пишите. * жизнеописание (лат.).

672. Ал. П. ЧЕХОВУ 13 августа 1889 г. Сумы.

Журнальный лилипут!

В благодарность за то, что я не запретил тебе жениться, ты обязан немедленно надеть новые штаны и шапку и, не воняя дорогою, пойти в магазин "Нового времени". Здесь ты: во-1-х) возьмешь 25 экз. "В сумерках" и 25 экз. "Рассказов" и с помощью кого-нибудь из редакционных доместиков отправишь сии книжицы через транспортную контору по нижеследующему адресу: "г. Ялта, Даниилу Михайловичу Городецкому"; во-2-х) возьмешь гроши, причитающиеся мне за книги, и немедленно вышлешь мне, чем премного обяжешь, ибо я сижу без гроша в кармане и выехать мне буквально не с чем.

Исполнение первого пункта ты можешь варьировать так: взявши книги, поехать в контору "Осколков" и завести там с Анной Ивановной такой разговор:

Ты. Здравствуйте. Не сделал ли Лейкин распоряжение об отсылке в Ялту Городецкому своих книг?

А. И. Да, сделал.

Ты. Так не будете ли вы любезны к Вашей посылке присоединить и сии книжицы? Я уплачу часть расходов… и т. д.

Если ты не исполнишь моих приказаний, то да обратится твой медовый месяц в нашатырно-квасцово-купоросный!

Писал и упрекал в нерадении

Твой брат и благодетель.

673. И. Л. ЛЕОНТЬЕВУ (ЩЕГЛОВУ)

29 августа 1889 г. Сумы.

29 авг.

Милый Жанчик, в субботу я еду в Москву и прошу Вас адресоваться по-зимнему, т. е. Кудринская Садовая, д. Корнеева. Если в сентябре будете в Москве, то уж застанете меня вполне и всесторонне водворившимся.

Очень рад, что Вы охладели к Мельпомене и вернулись в родное лоно беллетристики. Теперь Вы будете писать по одной пьесе в 1-2 года, иметь успех и считаться все-таки не драматургом, а беллетристом. Так и нужно. Я бы лично бросил театр просто из расчета: драматургов 300, а беллетристов почти совсем нет. Да и, между нами говоря, театр не дает столько денег, сколько наша проза. Ваши "Фамочка" и "Петух" дали, небось, вдвое больше, чем "Театралы" и "Дачный муж".

В этот сезон я ничего не дам для театра, ибо ровно ничего не сделал. Начал было "Лешего" (и мае и июне), но потом бросил.

Пишу теперь повестушку, которую публика узрит в печати не раньше ноября. В сей повести, изображая одну юную девицу, я воспользовался отчасти чертами милейшего Жана.

Где Баранцевич? Если встретитесь, то попросите его, чтобы он прислал мне свой адрес.

Все мое семейство здравствует и шлет Вам поклон. Когда будете в Москве, приходите чай пить, обедать и ужинать. Поговорим про Вашу роковую бабушку, трагический смех и адски мелодраматический почерк.

Мне пишут, что в "Предложении", которое ставилось в Красном Село, Свободин был бесподобен; он и Варламов из плохой пьесенки сделали нечто такое, что побудило даже царя сказать комплимент по моему адресу. Жду Станислава и производства в члены Государственного совета.

Видаетесь ли с Билибиным? Очень милый и талантливый парень, но под давлением роковых обстоятельств и петербургских туманов превращается, кажется, в сухаря чиношу.

Погода великолепная. Нужно бы работать, а солнце и рыбная ловля за шиворот тащат прочь от стола.

Поклонитесь Вашей жене и будьте счастливы, как Соломон в юности.

Ваш А. Чехов.

674. А. Н. ПЛЕЩЕЕВУ

3 сентября 1889 г. Сумы.

3 сентября 89, Лука.

Сим извещаю Вас, милый Алексей Николаевич, что сегодня в 4 часа ночи при 2 градусах тепла, при небе, густо покрытом облаками, я выезжаю на товарно-каторжном поезде в Москву. Предвкушая эту интересную поездку, заранее щелкаю зубами и дрожу всем телом. Адрес у меня остается прошлогодний, т. е. Кудринская Садовая, д. Корнеева.

Сегодня я написал Анне Михайловне, что рассказ для "Сев«ерного» вестника" уже готов, и просил у нее позволения подержать его у себя дома и не высылать ей до следующей книжки. Я хочу кое-что пошлифовать и полакировать, а главное, подумать над ним. Ничего подобного отродясь я не писал, мотивы совершенно для меня новые, и я боюсь, как бы не подкузьмила меня моя неопытность. Вернее, боюсь написать глупость.

Линтваревы все кланяются Вам. Жоржик не имеет определенных планов и, по всей вероятности, останется на зиму дома. В этом юноше я могу понять только то, что он, несомненно, любит музыку, несомненно, талантлив и хороший, добрый человек. В остальном же прочем я его не понимаю. На что он употребит свою энергию и любовь, неизвестно. Быть может, истратит все на порывы, на отдельные вспышки и этим ограничится.

Смагины в этом году не были на Луке.

Вчера приехала Вата с мамашей. Замуж она еще не вышла, но рассчитывает скоро

выйти и уже выставляет свой живот далеко вперед, точно репетирует беременность.

Что Вы сделали для сцены? Хотел я почитать про Галеви, но не собрал "Русских ведомостей".

В Москве ожидают меня заседания Комитета. Горева и Абрамова долго не продержатся, но тем не менее, однако, успеют дать Обществу заработать тысячи две-три.

Мне симпатичен Боборыкин, и будет жаль, если он очутится в положении курицы, попавшей во щи. Труппа у него жиденькая, набранная, если можно так выразиться, из элементов случайных. Мечтает он о классическом репертуаре - это хорошо, но что труппа его из классических вещей будет делать черт знает что - это очень скверно.

Кланяюсь всем Вашим, а Вас крепко обнимаю и целую. Будьте счастливы.

Ваш А. Чехов.

Жоржик скоро будет писать Вам.

675. Ф. А. КУМАНИНУ

5 сентября 1889 г. Москва.

5 сентябрь.

Многоуважаемый Федор Александрович, простите, что запаздываю ответом на Ваше письмо. Приехал я в Москву только сегодня.

Мое "Предложение" было уже напечатано в "Новом времени" № 4732, куда я обещал его еще в прошлом году. Что касается напечатания этой пьесы в "Артисте", то оно едва ли возможно. Не в моей власти разрешать печатать то, что уже было однажды напечатано в газете и за что мною уже получены деньги. Неловко. Если, конечно, Суворин разрешит перепечатать с соответственным примечанием, что эта-де пьеса была раньше помещена в "Новом времени", то я ничего не буду иметь против.

Из всех немногочисленных пьес моих можно напечатать только одну, а именно "Лебединую песню (Калхас)", драматическ«ий» этюд в одном действии, который шел когда-то у Корша и, кажется, пойдет в Малом театре. Пьеса эта была раньше напечатана в "Сезоне" Кичеева, но не целиком, а в сильно сокращенном виде; в "Сезон" я дал только часть первого монолога. Эту "Лебединую песню" можно достать у Рассохина. Есть она и у меня, буде пожелаете.

Сегодня я получил письмо от В. С. Лихачева, автора "В родственных объятиях" и переводчика "Тартюфа". Он мне пишет: "Сегодня я вычитал в газете объявление об издаваемом в Москве журнале "Артист", а у меня как раз готова оригинальная пятиактная драма". Далее он, Лихачев, поручает мне узнать у Вас об условиях и проч. Если Вы не прочь напечатать у себя его пьесу, то благоволите меня уведомить возможно подробнее: я напишу ему.

А за сим позвольте пожелать Вам всего хорошего и пребыть уважающим

А. Чехов.

676. В. С. ЛИХАЧЕВУ

5 сентября 1889 г. Москва.

5 сентябрь.

Добрейший коллега Владимир Сергеевич!

Сегодня я вернулся в Москву и через 1/2 часа по прибытии получил Ваше письмо. О существовании "Артиста", подобно Вам, я узнал тоже из газет. Как-то зимою виделся я с его издателем Куманиным, был у нас разговор о журнале, просил он,

Куманин, у меня пьесу, но что это за журнал, и зачем он издается, и как его будут звать, я не знал. И теперь почти ничего не знаю.

Кстати, я нашел у себя на столе письмо этого Куманина. Отвечая ему, я писал, между прочим, о Вас и о Вашей пьесе и попросил его, чтобы он ответил мне возможно скорее и возможно подробнее. Его ответ я сообщу Вам своевременно. Если Вы не прочь верить в предчувствия, то могу Вам сказать еще больше: я предчувствую, что этот Куманин на днях будет у меня. Если предчувствие не обманет, то разговор мой с ним я сообщу Вам письменно тотчас же.

А за сим позвольте пожелать Вам всего хорошего. Душевно Вас уважающий

Ваш сват (по Академии)

А. Чехов.

"Иванова" я отдельно не издавал. Получил из "Сев«ерного» вестн«ика»" сто экземпляров, но они разлетелись у меня быстро, как дым.

677. А. А. МАЙКОВУ

5 сентября 1889 г. Москва.

5 сентябрь 89 г.

Многоуважаемый

Аполлон Александрович!

Сегодня я вернулся в Москву, о чем имею честь известить Вас на случай, если Вам угодно будет созвать Комитет. Адрес прежний, т. е. Кудринская Садовая, д. Корнеева.

С истинным почтением имею честь быть уважающий

А. Чехов.

678. Е. М. ЛИНТВАРЕВОЙ

6 сентября 1889 г. Москва.

6 сентябрь.

Здравствуйте, уважаемый и добрейший доктор!

Наконец мы доехали до Москвы. Доехали благополучно и без всяких приключений. Закусывать начали в Ворожбе и кончили под Москвой. Цыплята распространяли зловоние. Маша во всю дорогу делала вид, что незнакома со мной и с Семашко, так как с нами в одном вагоне ехал проф«ессор» Стороженко, ее бывший лектор и экзаменатор. Чтобы наказать такую мелочность, я громко рассказывал о том, как я служил поваром у графини Келлер и какие у меня были добрые господа; прежде чем выпить, я всякий раз кланялся матери и желал ей поскорее найти в Москве хорошее место. Семашко изображал камердинера.

В Москве холодно, в комнатах не прибрано, мебель тусклая. Вся душа моя на Луке. Хочется сказать Вам тысячи теплых слов. Если бы было принято молитвословить святых жен и дев раньше, чем ангелы небесные уносят их души в рай, то я давно бы написал Вам и Вашим сестрам акафист и читал бы его ежедневно с коленопреклонением, но так как это не принято, то я ограничиваюсь только тем, что зажигаю в своем сердце в честь Вашу неугасимую лампаду и прошу верить в искренность и постоянство моих чувств. Само собою разумеется, что среди этих чувств самое видное место занимает благодарность.

Кланяйтесь, пожалуйста, всем Вашим, не минуя никого, ни Григория Алекс«андровича», ни Домнушки, ни Ульяши. Надеюсь, что Егор Михайлович уже перестал заниматься свинством, т. е., иначе говоря, уже не возится со своей

свинкой. Александре Васильевне передайте, что она поступила несправедливо, не взяв с меня ничего за маленький флигель. Брали с Деконора, берете с Артеменко, а ведь я, надеюсь, ничем не хуже их.

Вчера в день приезда у меня уже были гости. Семейство мое шлет всем Вам сердечный привет. Семашко тоже.

Когда я рассказывал Ивану о том, как Валентина Николаевна увязывала мой багаж, то он минуту подумал, почесал у себя за ухом и глубоко вздохнул. А багаж в самом деле был увязан так художественно, что мне не хотелось развязывать.

Хладнокровна ли Наталия Михайловна?

Ну, да хранит Вас создатель.

Душевно преданный

А. Чехов.

Посылаю Вам свою erysipelas.

679. А. М. ЕВРЕИНОВОЙ

7 сентября 1889 г. Москва.

7 сентябрь.

Ваша телеграмма застала меня врасплох, уважаемая Анна Михайловна. Послав Вам письмо, я успокоился и, занявшись обработкой своей вещи, исковеркал ее вдоль и поперек и выбросил кусок середины и весь конец, решив заменить их новыми. Что же мне теперь делать? Не могу я послать Вам того, что кажется мне недоделанным и не нравится. Вещь сама по себе, по своей натуре, скучновата, а если не заняться ею внимательно, то может получиться, как выражаются французы, черт знает что.

Возможна только одна комбинация, очень неудобная для меня и для редакции и которою можно воспользоваться только в случае крайней нужды. Я разделю свой рассказ на две равных доли: одну половину поспешу приготовить к 12-15 сентября для октябрьской книжки, а другую вышлю для ноябрьской. В рассказе 3- 4 листа, и делить его можно.

Если согласны на такую комбинацию, то дайте мне знать.

Сюжет рассказа новый: житие одного старого профессора, тайного советника. Очень трудно писать. То и дело приходится переделывать целые страницы, так как весь рассказ испорчен тем отвратительным настроением, от которого я не мог отделаться во все лето. Вероятно, он не понравится, но что шуму наделает и что "Русская мысль" его обругает, я в этом убежден.

Что Короленко?

Простите бога ради, что я причинил Вам столько хлопот. В другой раз буду исправнее. Поклонитесь Марии Дмитриевне и Алексею Николаевичу. Моя фамилия благодарит Вас за поклон (в телеграмме) и шлет Вам самый сердечный привет.

Душевно преданный

А. Чехов.

680. А. А. СУВОРИНУ

7 сентября 1889 г. Москва.

7 сент. Москва, Кудринская Садовая, д. Корнеева.

Здравствуйте, почтенный друг. У меня к Вам ость дело такого рода.

В январе этого года, когда я был в Петербурге и ставил своего "Иванова", в один из вечеров мною было получено из Москвы письмо от М. Н. Островской, сестры покойного драматурга и ныне благополучно генеральствующего министра. Она поручала мне в этом письме спросить у Алексея Сергеевича, не возьмется ли он издать ее детские рассказы? (Она детская писательница; о чем и как пишет, я не знаю.) Я показал письмо Алексею Сергеевичу и получил приблизительно такой ответ: "Хорошо, я издам. Только теперь рано, надо издавать детские рассказы к Рождеству. Пусть пришлет осенью". Я тоже сказал "хорошо" и послал его ответ г-же Островской.

Вчера у меня был брат ее Петр Николаевич Островский и спросил меня, что ему и сестре его надлежит теперь делать. Я почел за благо сказать ему, что Алексей Сергеевич теперь за границею и что за разрешением вопроса я обращусь к Вам, ибо Вы, как выражается Богданов, наследник-цесаревич. Теперь напишите мне, что делать: ждать ли Островской возвращения Алекс«ея» Сер«геевича» или высылать материал для набора (20 листов!!)?

Мне, конечно, очень лестно, что у меня бывают родные братья министров и великих писателей, но еще более лестно сознание, что я оказываю им протекцию. Но если бы они не впутывали меня в свои дела, мне было бы еще более и более лестно.

Был я в Одессе и хаживал в Ваш магазин. Тамошний Ваш главный книжный метрдотель - джентльмен и сравнении с Богдановым. Очень приличный человек.

Как идет Ваш "Стоглав"?

Будьте здоровы и веселы. Накатал я повесть (600- 700 руб.) и на днях посылаю ее в клинику женских болезней, т. с. в "Северный вестник", где я состою главным генерал-штаб-доктором.

Ваш А. Чехов.

681. В. С. ЛИХАЧЕВУ

8 сентября 1889 г. Москва.

8 сент.

Вот Вам, добрейший Владимир Сергеевич, выдержка из куманинского письма, полученного мною сегодня утром: "Иметь нашим сотрудником г. Лихачева очень рады. Гонорар, который мы платим за пьесы, вообще небольшой и притом находится в прямой зависимости от того, шла ли пьеса и где, так как от этого зависит розничная продажа. За 4 и 5-актн«ые» пьесы, шедшие на импер«аторских» театрах, мы платим 100-150 р. за пьесу, а за пьесы, шедшие на частных сценах, не свыше 75 р., за пьесы же, нигде не поставленные, мы никакого гонорара не платим, разве несколько экземпляров".

Вот Вам то, что Вы хотели знать об "Артисте". Что же касается моей готовности быть Вам полезным, то она, надеюсь, не подлежала у Вас никакому сомнению. Рад служить и, буде Вы пожелаете обратиться ко мне с каким-либо поручением, то делайте это во всяк день и во всяк час, не утруждая себя ни извинениями, ни ссылками на беспокойство, которое, кстати говоря, редко бывает знакомо моей душе, когда мне приходится исполнять поручения хороших людей.

Будьте здоровы и поклонитесь нашим общим знакомым.

Душевно преданный

А. Чехов.

682. Ф. А. КУМАНИНУ

9 сентября 1889 г. Москва.

9 сент.

Уважаемый Федор Александрович!

Суворин теперь за границею и вернется, вероятно, в конце октября. Лихачеву я написал, а "Лебединую песню" посылаю.

Уважающий А. Чехов.

683. Ал. П. ЧЕХОВУ 9 сентября 1889 г. Москва.

9 сент.

Алкоголизмус!

Во-первых, напрасно ты извиняешься за долг; должен ты не столько мне, сколько Маше, да и не в долгах дело, а в хорошем поведении и в послушании, во-вторых, напрасно ты обвиняешь Суворина в какой-то ошибке, заставляющей тебя ныне бедствовать; напрасно, ибо мне из самых достоверных источников известно, что ты сам просил у него жалованье за 2 месяца вперед; в-третьих, ты должен что-то тетке Ф«едосье» Я«ковлевне», и мать насчет этого поет иеремиады, и, в-четвертых, сим извещаю тебя, что я уже вернулся в Москву. Адрес прежний.

Был Глебыч. Долг Николая поделен на 4 части. Супружнице своей вместе с поклоном передай прилагаемое письмо, детей высеки, а сам иди на пожар. Известный тебе N. N.

Сообщи свой домашний адрес.

684. В. А. ТИХОНОВУ

13 сентября 1889 г. Москва.

13 сент.

Здравствуйте, российский Сарду! Откликаюсь: я здесь!! Очень рад, что Вы живы, здравы и что скоро я буду иметь удовольствие лицезреть Вас и "Лучи и тучи", о которых слышал от Корша. Нового нет ни бельмеса. Все старо, и все по-прежнему превосходно, благополучно и гадко (густая помесь оптимизма с пессимизмом).

Корш говорил, что Ваше "Без коромысла и утюга" будет еще идти у него; пойду поглядеть, так как еще не видел. Что еще написать Вам? Про погоду? Ничего, хороша.

Кончил длинную повесть. Вещь тяжеловесная, так что человека убить можно. Тяжеловесна не количеством листов, а качеством. Нечто неуклюжее и громоздкое. Мотив затрагиваю новый.

Жду. Будьте здоровеньки.

Ваш А. Чехов.

685. А. Н. ПЛЕЩЕЕВУ

14 сентября 1889 г. Москва.

14 сентябрь.

Громы небесные и зубы крокодилов да падут на головы Ваших врагов и кредиторов, дорогой и милый Алексей Николаевич! Предпослав Вам такое восточное и грациозное приветствие, отвечаю на Ваше письмо нижеследующее. На телеграмму Анны Михайловны я ответил письмом, где умолял подождать до ноябрьск«ой» книжки; ответ я получил такой: "Да будет по Вашему желанию. Отложим". Вы поймете всю цену и прелесть этого ответа, если вообразите себе г. Чехова, пишущего, потеющего, исправляющего и видящего, что от тех революционных переворотов и ужасов, какие терпит под его пером повесть, она не становится лучше ни на единый су. Я не пишу, а занимаюсь пертурбациями. В таком настроении, согласитесь, не совсем удобно спешить

печататься.

В моей повести не два настроения, а целых пятнадцать; весьма возможно, что и ее Вы назовете дерьмом. Она в самом деле дерьмо. Но льщу себя надеждою, что Вы увидите в ней два-три новых лица, интересных для всякого интеллигентного читателя; увидите одно-два новых положения. Льщу себя также надеждою, что мое дерьмо произведет некоторый гул и вызовет ругань во вражеском стане. А без этой ругани нельзя, ибо в наш век, век телеграфа, театра Горевой и телефонов, ругань - родная сестра рекламы.

Что касается Короленко, то делать какие-либо заключения о его будущем - преждевременно. Я и он находимся теперь именно в том фазисе, когда фортуна решает, куда пускать нас: вверх или вниз по наклону. Колебания вполне естественны. В порядке вещей был бы даже временный застой.

Мне хочется верить, что Короленко выйдет победителем и найдет точку опоры. На его стороне крепкое здоровье, трезвость, устойчивость взглядов и ясный, хороший ум, хотя и не чуждый предубеждений, но зато свободный от предрассудков. Я тоже не дамся фортуне живой в руки. Хотя у меня и нет того, что есть у Короленко, зато у меня есть кое-что другое. У меня в прошлом масса ошибок, каких не знал Короленко, а где ошибки, там и опыт. У меня, кроме того, шире поле брани и богаче выбор; кроме романа, стихов и доносов, - я все перепробовал. Писал и повести, и рассказы, и водевили, и передовые, и юмористику, и всякую ерунду, включая сюда комаров и мух для "Стрекозы". Оборвавшись на повести, я могу приняться за рассказы; если последние плохи, могу ухватиться за водевиль, и этак без конца, до самой дохлой смерти. Так что при всем моем желании взглянуть на себя и на Короленко оком пессимиста и повесить нос на квинту я все-таки не унываю ни одной минуты, ибо еще не вижу данных, говорящих за или против. Погодим еще лет пять, тогда видно будет.

Вчера у меня был П. Н. Островский, заставший у меня петербургского помещика Соковнина. Петр Н«иколаевич» умный и добрый человек; беседовать с ним приятно, но спорить так же трудно, как со спиритом. Его взгляды на нравственность, на политику и проч. - это какая-то перепутанная проволока; ничего не разберешь. Поглядишь на него справа - материалист, зайдешь слева - франкмасон. Такую путаницу приходится чаще всего наблюдать у людей, много думающих, но мало образованных, не привыкших к точным определениям и к тем приемам, которые учат людей уяснять себе то, о чем думаешь и говоришь.

Театр Горевой такая чепуха! Сплошной нуль. Таланты, которые в нем подвизаются, такие же облезлые, как голова Боборыкина, который неделю тому назад составлял для меня почтенную величину, теперь же представляется мне просто чудаком, которого в детстве мамка ушибла. Побеседовав с ним и поглядев на дела рук его, я разочаровался, как жених, невеста которого позволила себе нечаянно издать в обществе неприличный звук.

Говорят, у Абрамовой дела идут хорошо. Уже встречал я гениальных людей, успевших нагреть руки около ее бумажника. Дает авансы.

Что делает Жан? Жив ли он? Не задавили ли его где-нибудь за кулисами? Не умер ли он от испуга, узнав, что в его "Дачном муже" вместо госпожи Пыжиковой будет играть г-жа Дымская-Стульская 2-я? Если Вам приходится видеть его и слушать его трагический смех, то напомните ому о моем существовании и кстати поклонитесь ему.

Всем Вашим мой сердечный привет.

Будьте здоровы. Дай бог Вам счастья и всего самого лучшего.

Ваш Antoine, он же Потемкин.

Адрес: Таврида, спальная Екатерины II.

686. И. Л. ЛЕОНТЬЕВУ (ЩЕГЛОВУ)

18 сентября 1889 г. Москва.

18 сент. г. Театрал!

Ответствую на Ваше почтенное письмо. Переделке "Гордиева узла" аплодирую, но неохотно, так как я люблю этот роман и не могу допустить, чтобы он выиграл от переделки. Ваше распределение ролей является преждевременным. Труппа Корша несколько обновилась, и Вам, прежде чем распределять роли, необходимо познакомиться с ее новыми элементами. Я видел только Медведева (добродушный старик) и Потоцкую, милую барышню с огоньком и с благими намерениями, претендующую на сильные драматические роли. Есть еще Людвигов, Кривская, по этих я не видел.

Каков был Солонин в моем "Иванове", я не знаю, так как не успел еще побывать. В среду, если пойдет "Иванов", схожу и посмотрю и возьму для Вас афишу. Думаю, что в Гориче он будет не особенно дурен.

Я вожусь с повестью, и возня эта уже на исходе. Дней через пять тяжелая, увесистая белиберда пойдет в Питер в типографию Демакова. Это не повесть, а диссертация. Придется она по вкусу только любителям скучного, тяжелого чтения, и я дурно делаю, что не посылаю ее в "Артиллерийский журнал".

С моими водевилями целая революция. "Предложение" шло у Горевой - я снял с репертуара; из-за "Медведя" Корш ругается с Абрамовой: первый тщетно доказывает свое исключительное право на сию пьесу, а абрамовский Соловцов говорит, что "Медведь" принадлежит ему, так как он сыграл его уже 1817 раз. Сам черт не разберет! Малый театр в обиде, что "Иванов" идет у Корша, и Ленский до сих пор еще не был у меня - должно, сердится. Беда с вами, гг. театральные деятели!

Ну-с, будьте здравы. Жду Вас в Москве. Условие: говорить о театре будем, но не больше часа в сутки. Или так: я буду говорить о нем, а не Вы. Идет?

Ваш А. Чехов.

687. А. ДМИТРИЕВУ

21 сентября 1889 г. Москва.

21 сентября 1889 г. г. А. Дмитриеву

Милостивый государь!

Сим разрешаю Вам и кому угодно ставить на частных сценах Петербурга мою пьесу "Трагик поневоле".

Так как эта пьеса новая и нигде еще не была играна, то считаю справедливым просить Вас - внести после первого представления в Общество вспомоществования сценическим деятелям пятнадцать рублей, чего, впрочем, не ставлю непременным условием.

Если г. Бабиков не откажется от роли Толкачова, то передайте ему, что, буде он пожелает, я не откажусь сократить длинный монолог, который, мне кажется, утомителен для исполнителя.

Готовый к услугам

А. Чехов.

688. А. М. ЕВРЕИНОВОЙ

24 сентября 1889 г. Москва.

24 сентябрь.

Многоуважаемая Анна Михайловна! Посылаю Вам рассказ - "Скучная история (Из записок старого человека)". История в самом деле скучная, и рассказана она неискусно. Чтобы писать записки старого человека, надо быть старым, но виноват ли я, что я еще молод?

К повести своей (или к рассказу - это все равно) прилагаю прошение:

1) 25 оттисков.

2) Пришлите корректуру - это непременно. Кое-какие места я почищу в корректуре; многое ускользает в рукописи и всплывает наружу, только когда бывает отпечатано. Корректуру я не продержу долее одного дня.

3) Было бы весьма желательно, чтобы рассказ вошел в одну книжку. Делить его на две части - значит сделать его вдвое хуже.

Цензуру он, вероятно, пройдет благополучно. Если цензор зачеркнет на первой странице слово "иконостасом", то его можно будет заменить "созвездием" или чем-нибудь вроде.

Теперь о гонораре. Денег у меня пока много. Если для Вашей конторы удобнее высылать мне гонорар по частям, а не сразу, то предложите ей разделить его на 4-5 частей и высылать его мне ежемесячно. Если я должен что-нибудь, то велите погасить долг.

Ну, что Сибирякова?

Все мои Вам кланяются, я тоже и желаю всего хорошего. Поклонитесь Марии Дмитриевне, а Алексею Николаевичу я буду писать сейчас.

Душевно преданный

А. Чехов.

Те медицинские издания, которые присылаются в редакцию для отзыва, не бросайте, а, если можно, берегите для Вашего покорнейшего слуги. Я всегда с завистью гляжу на Ваш стол, где лежат эти издания, перемешанные со всякой всячиной.

689. А. Н. ПЛЕЩЕЕВУ

24 сентября 1889 г. Москва.

24 сентября.

Это письмо, дорогой Алексей Николаевич, посылается на почту вместе с рассказом, на который я наконец махнул рукой и сказал ему: изыди от меня, окаянный, в огнь скучной критики и читательского равнодушия! Надоело с ним возиться. Называется он так: "Скучная история (Из записок старого человека)". Самое скучное в нем, как увидите, это длинные рассуждения, которых, к сожалению, нельзя выбросить, так как без них не может обойтись мой герой, пишущий записки. Эти рассуждения фатальны и необходимы, как тяжелый лафет для пушки. Они характеризуют и героя, и его настроение, и его вилянье перед самим собой. Прочтите, голубчик, и напишите мне. Прорехи и пробелы Вам виднее, так как рассказ не надоел еще Вам и не намозолил глаз, как мне.

Боборыкин ушел от Горевой и умно сделал. Человеку с такой литературной репутацией, как у него, не место в этом театре, да и не к лицу быть мишенью для насмешек и сплетен разных прохвостов и ничтожеств. Он не перестал быть для меня симпатичным; я писал Вам, что он показался мне чудаком в высшей степени, и он в самом деле чудак. Его пребывание у Горевой, его "Дон Карлосы" и "Мизантропы", разыгрываемые сапожниками, это если не шалость, то чудачество.

Островский вовсе не консерватор. Он просто обыватель, ведущий замкнутую жизнь, сердитый на себя в настоящем, любящий свое прошлое и не знающий, на чем бы сорвать свое сердце. Человек он добрый и в высшей степени добропорядочный; но спорить с ним трудно. Трудно не потому, что высказывает он противоположные взгляды, а потому, что приемы для спора у него времен очаковских и покоренья Крыма.

Сейчас иду на заседание Комитета - это первое заседание в этом сезоне.

Все говорят и пишут мне, что«бы» я написал большую пьесу. Актеры Малого театра берут с меня слово, что я непременно напишу. Эх, кабы было время! Хорошей пьесы не написал бы, но деньжищ заграбастал бы достаточно.

Смешно сказать, "Иванов" и книжки сделали меня рантьером. Будь я один, мог бы прожить безбедно года два-три, лежа на диване и пуская плевки в потолок.

Напишите мне. Видели ли Григоровича?

Будьте живы, здравы, покойны и богаты. Обнимаю Вас крепко и целую. Вашим мой нижайший поклон.

Ваш А. Чехов.

690. А. П. ЛЕНСКОМУ

27 сентября 1889 г. Москва.

Ленский А. П.

Московской сцены Гамлет и Отелло, В гостиных - Лир, с друзьями - Мазаньелло. Что значит Мазаньелло?

Очень жалеем, что в воскресенье вечером нас не было дома: ходили слушать "Русалку".

Повесть свою уже послал. Пьесу начал и уже написал половину первого акта. Если ничто не помешает и если мои вычисления верны, то кончу ее не позже 20 октября. Семь мужских ролей и четыре женские, не считая прислуги и гостей.

Завтра пойду смотреть "Село Знаменское" и мечтаю увидеться с Вами.

Поклон Лидии Николаевне и благочестивейшему, самодержавнейшему Александру Александровичу, именуемому Сасиком.

Ваш А. Чехов.

691. А. Н. ПЛЕЩЕЕВУ

30 сентября 1889 г. Москва.

30 сент.

Здравствуйте, милый Алексей Николаевич! Большущее Вам спасибо за письмо и за указания, которыми я непременно воспользуюсь, когда буду читать корректуру. Не согласен я с Вами только в очень немногом. Так, наприм«ер», заглавия повести переменять не следует - те прохвосты, к«ото»рые будут, по Вашему предсказанию, острить над "Скучной историей", так неостроумны, что бояться их нечего; если же кто сострит удачно, то я буду рад, что дал к тому повод. Профессор не мог писать о муже Кати, так как он его не знает, а Катя молчит о нем; к тому же мой герой - и это одна из его главных черт - слишком беспечно относится к внутренней жизни окружающих и в то время, когда около него плачут, ошибаются, лгут, он преспокойно трактует о театре, литературе; будь он иного склада, Лиза и Катя, пожалуй бы, не погибли.

Да, о прошлом Кати вышло и длинно и скучно. Но иначе ведь ничего не поделаешь. Если б я постарался сделать это место более интересным, то, согласитесь, моя повесть стала бы от этого вдвое длиннее.

Что касается письма Михаила Фед«оровича» с кусочком слова "страсти…", то натяжки тут нет. Повесть, как и сцена, имеет свои условия. Так, мне мое чутье говорит, что в финале повести или рассказа я должен искусственно сконцентрировать в читателе впечатление от всей повести и для этого хотя мельком, чуть-чуть, упомянуть о тех, о ком раньше говорил. Быть может, я и ошибаюсь.

Вас огорчает, что критики будут ругать меня. Что ж? Долг платежом красен. Ведь

мой профессор бранит же их!

Я теперь отдыхаю… Для прогулок избрал я шумную область Мельпомены, куда и совершаю ныне экскурсию. Пишу, можете себе представить, большую комедию-роман и уж накатал залпом 2 1/2 акта. После повести комедия пишется очень легко. Вывожу в комедии хороших, здоровых людей, наполовину симпатичных; конец благополучный. Общий тон - сплошная лирика. Называется "Леший".

Я просил высылать гонорар по частям не столько из деликатности, которую Вы слишком преувеличиваете, сколько из расчета. Если бы мне выслали все сразу, то я сразу бы и прожил. Я чувствую какой-то зуд и ноздревский задор, когда знаю, что у меня в столе лежат деньги. Когда будете в конторе, то скажите, что первую часть гонорара я жду первого октября, а вторую - первого ноября и т. д. Первого числа я рассчитываюсь с лавочником и с мясником.

Все мои здравствуют и шлют Вам поклон. "Лешего" кончу к 20 октября и пришлю в Питер, а затем отдыхаю неделю и сажусь за продолжение своего романа.

В заседании Комитета, о котором я писал, разбиралось много дел, но все мелких, мало интересных, хотя и курьезных. Хозяйство ведется превосходно, и Кондратьев человек незаменимый. Александров держится хорошо. Он юрист, и это много помогает нам при разрешении разных дел кляузного свойства.

Поклон Вашим. Будьте здоровы, и еще раз большое спасибо.

Ваш А. Чехов.

692. А. Н. ПЛЕЩЕЕВУ

6 октября 1889 г. Москва.

6 окт.

Дорогой Алексей Николаевич! Податель сего П. М. Свободин, мой хороший знакомый, которого рекомендую Вам за весьма трезвого и надежного человека, имеет Вам вручить корректуру моей прокламации, которую благоволите при оказии отослать к Анне Михайловне для ноябрьской книжки.

Насчет гонорара и моей просьбы, которая Вам не понравилась, я того же мнения, что и Вы; мне самому не по нутру подобные просьбы, и если я обратился к Вам, то только благодаря своей неуклюжей недогадливости. Даю слово впредь не одолевать Вас денежными, гонорарными и иными, более или менее щекотливыми поручениями.

При сем прилагаю стихотворение, которое просил меня послать в "Северный вестник" автор студент Гурлянд (русский). Как я ни уверял его, что два раза слово "навоз" в первых строках - слишком жирное удобрение для стихов, он не поверил мне.

А я написал комедию! Хоть плохую, а написал! В сентябре и в начале октября работал так, что в голове даже мутно и глаза болят. Теперь 2 недели буду отдыхать.

Прислал ли что-нибудь Короленко? Жаль, если нет. Ноябрьская и декабрьская книжки должны быть обмундированы вовсю.

Если не поленитесь заглянуть в корректуру, то увидите, что Ваши указания имели подобающую силу. Не забывайте нас грешных и впредь. Советы, указания и мелкие замечания - все это я мотаю на ус и приобщаю к делу. У меня ведь только два указчика: Вы и Суворин. Был когда-то еще Григорович, да сплыл.

Пусть Свободин расскажет Вам о московской погоде.

Всем Вашим мой поклон и привет.

Будьте счастливы.

Ваш А. Чехов.

Вы жалуетесь, что у Вас денег нет. Ах, зачем Вы не служите в цензуре?

693. А. П. ЛЕНСКОМУ

7 или 8 октября 1889 г. Москва.

Пьеса готова и уже переписывается начисто. Если она сгодится, то очень рад служить и буду весьма польщен, если мое детище увидит кулисы Малого театра. Роль Ваша вышла большая и, надеюсь, не легкая. Хороши также роли, которые я имею в виду предложить Гореву, Садовскому, Южину, Рыбакову и Музилю.

Пьеса пойдет 31 октября в Питере в бенефис. Стало быть, 25-28 придется ехать в Питер. Не хочется.

Поклон Лидии Николаевне и Сасику.

Экземпляр пьесы притащу через 2-3 дня, когда кончу переписывать.

Ваш А. Чехов.

694. Е. М. ЛИНТВАРЕВОЙ

8 октября 1889 г. Москва.

8 окт.

Доктор! Если Ваш брат дома, то передайте ему, что книга "Дидро и энциклопедисты", изд. Солдатенкова, имеется в продаже и может быть выписана через вокзальную барышню. Кстати, передайте дамам и барышням всего мира, что после отказа госпож Оффенберг и Луцкевич я потерял всякую охоту быть дамским покровителем. Нет больше мест! Ну их к лешему!

Весь сентябрь работал, как барановский Моисей. Совершил два великих дела: кончил повесть для ноябр«ьской» книжки "Сев«ерного» вест«ника»" и написал пьесу, которая пойдет в Питере 31 окт«ября». Некуда девать денег.

Ваш А. Панов.

695. Ф. А. КУМАНИНУ

10 октября 1889 г. Москва.

10 октябрь.

Моя пьеса называется так: "Леший", комедия в 4 действ«иях». Выспрашиваете, уверен ли я, что она пойдет на сцене Малого театра? Пока она не пройдет сквозь цензуру и Литерат«урно»-театр«альный» комитет и пока не будет прочитана актерами Малого театра, я ничего не могу сказать Вам с уверенностью. Что же касается "Калхаса", то в прошлый сезон о нем был у меня с Ленским разговор; собирались ставить и все откладывали. Теперь же я до поры до времени не хотел бы напоминать об этом ни печатно, ни устно. Рисунок Пастернака очень хорош. Простите, что задержал.

Ваш А. Чехов. На обороте:

Его высокоблагородию

Федору Александровичу Куманину.

696. П. И. ЧАЙКОВСКОМУ

12 октября 1889 г. Москва.

Многоуважаемый

Петр Ильич!

В этом месяце я собираюсь начать печатать новую книжку своих рассказов; рассказы эти скучны и нудны, как осень, однообразны по тону, и художественные элементы в них густо перемешаны с медицинскими, но это все-таки не отнимает у меня смелости обратиться к Вам с покорнейшей просьбой: разрешите мне посвятить эту книжку Вам. Мне очень хочется получить от Вас положительный ответ, так как это посвящение, во-первых, доставит мне большое удовольствие, и, во-вторых, оно хотя немного удовлетворит тому глубокому чувству уважения, которое заставляет меня вспоминать о Вас ежедневно. Мысль посвятить Вам книжку крепко засела мне в голову еще в тот день, когда я, завтракая с Вами у Модеста Ильича, узнал от Вас, что Вы читали мои рассказы.

Если Вы вместе с разрешением пришлете мне еще свою фотографию, то я получу больше, чем стою, и буду доволен во веки веков. Простите, что я беспокою Вас, и позвольте пожелать Вам всего хорошего.

Душевно преданный

А. Чехов.

12 окт. 89.

697. Ал. П. ЧЕХОВУ 12 или 13 октября 1889 г. Москва.

Великолепный и женатый брат мой Саша!

У меня к тебе есть просьба, которая очень затруднит тебя, но тем не менее подлежит скорейшему исполнению. Я спешно приготовляю материал для повой книжки. В сию книжицу между прочим войдет рассказ "Житейская мелочь". Первая часть этого рассказа помещена в 4404 № "Нового времени" (июнь 1888 г.) и имеется у меня, вторая же часть помещена в одном из ближайших по 4404 номеров и у меня не имеется. Я убедительно прошу тебя поспешить отыскать эту вторую часть. Если можно достать номер газеты, то вышли номер; если нельзя достать, то поручи кому-нибудь скопировать. Копировать можно хоть куриным почерком, лишь бы только скорее. Не откажи.

Когда приедет Суворин?

Твой посаженый папаша держит экзамены. Зубрит. Все здоровы. Батька стареет.

Твоей половине и двум шестнадцатым мой поклон и благословение навеки нерушимое.

Твой А. Чехов.

Хотел было приехать в Питер к 25 октября, но ваша дирекция набраковала мою новую пьесу. Подробности узнаешь у Свободина.

698. А. С. СУВОРИНУ

13 октября 1889 г. Москва.

13 октябрь (нехорошее число для начала).

С приездом!!

Приглашением остановиться у Вас я, конечно, воспользуюсь очень охотно. Тысячу раз благодарю. Приеду же я гораздо позже, чем в октябре или в ноябре.

У меня все обстоит благополучно. Я почти здоров, семья тоже, настроение хорошее, деньги есть, и хватит их мне до Нового года, лени пока нет. Летом я бездельничал, в последние же месяцы сделал больше, чем можно было ожидать от такого литературного тюленя, как я.

Во-первых, написал я повесть в 4 1/2 листа; закатил я себе нарочно непосильную задачу, возился с нею дни и ночи, пролил много пота, чуть не поглупел от напряжения - получилось вместе и удовольствие, и дисциплинарное взыскание за летнее безделье. Напечатана будет повесть в ноябр«ьской» книжке "Сев«ерного» вестника".

Во-вторых, едва успев кончить повесть и измучившись, я разбежался и по инерции написал четырехактного "Лешего", написал снова, уничтожив все, написанное весной. Работал я с большим удовольствием, даже с наслаждением, хотя от писанья болел локоть и мерещилось в глазах черт знает что. За пьесой приехал ко мне Свободин и взял ее для своего бенефиса (31 октября). Пьеса читалась Всеволожским, Григоровичем и К°. О дальнейшей судьбе ее, коли охота, можете узнать от Свободина, лица заинтересованного, и от Григоровича, бывшего председателем того военно-полевого суда, который судил меня и моего "Лешего". Пьеса забракована. Забракована ли она только для бенефиса Свободина (великие князья будут на бенефисе) или же вообще для казенной сцены, мне неизвестно, а уведомить меня об этом не сочли нужным.

В-третьих, я тщательно приготовляю материал для третьей книжки рассказов. Конечно, с книжкой обращусь опять к Вам - это 1 или 2-го ноября, не раньше. Теперь я, отдыхаючи, переделываю рассказы, кое-что пишу снова.

Вот и все. Интересного ничего нет.

Говорить ли, отчего я не поехал за границу? Если не скучно, извольте, 1-го июля я выехал за границу в подлейшем настроении, оставив в таком же настроении всю семью. Настроение было безразличное: в Тироль ли ехать, в Бердичев, в Сибирь ли - все равно. Зная, что в Тироле Вы проживете целый месяц, я решил заехать по пути в Одессу, куда телеграммами приглашал меня Ленский. В Одессе я застал труппу Малого театра. Тут я, лениво философствуя и не зная, куда деваться от жары, размыслил, что на дорогу у меня не хватит денег, но все-таки решил ехать в Тироль. Но вот что ударило меня по ногам и сбило с толку: Ваши телеграммы я получал, а мои телеграммы не доходили до Вас, и я получал такой ответ (документы целы):

"Souvorin inconnu Dйpкche en dйpфt-direction".* А тут пошли всякие соблазны, финансовые соображения и проч., что все вместе взятое окончательно сбило меня, спутало, и я из Одессы, имея в кармане менее 400 руб., поехал в Ялту. Здесь застрял. Описывать свои крымские похождения не стану, ибо для этого у меня не хватает таланта английского юмориста Бернарда.

Я жалею, что не был за границей, мне стыдно перед самим собой и Вами, которому я доставил столько хлопот, но в то же время я немножко рад этому. Ведь если бы я поехал, то я завяз бы по уши в долги, вернулся бы только теперь, ничего бы не сделал, а все это для такого труса, как я, пуще Игоревой смерти.

Я часто вспоминаю о Вас. Как Ваше здоровье? Что написали нового или что задумали? Что привезли?

У меня забытый Вами Бальзак, взятый Елизаветой Захаровной из библиотеки. Что с ним делать? С лодками Оболенского целая история. О ней после.

Анне Ивановне передайте мой сердечный привет. Насте и Боре тоже.

Будьте здоровы и не сердитесь на Вашего А. Чехова.

Пью рыбий жир и Obersalzbrunnen. Противно! * Суворин неизвестен. Телеграмма на хранении. Дирекция. (франц.).

699. П. И. ЧАЙКОВСКОМУ

14 октября 1889 г. Москва.

89-14-X

Очень, очень тронут, дорогой Петр Ильич, и бесконечно благодарю Вас. Посылаю Вам

и фотографию, и книги, и послал бы даже солнце, если бы оно принадлежало мне.

Вы забыли у меня портсигар. Посылаю Вам его. Трех папирос в нем не хватает: их выкурили виолончелист, флейтист и педагог.

Благодарю Вас еще раз и позвольте пребыть сердечно преданным.

А. Чехов.

700. А. С. СУВОРИНУ

15 октября 1889 г. Москва.

15 окт.

Теперь, дорогой Алексей Сергеевич, позвольте о скучных делах:

1) Мне прислал Павленков корректуру медиц«инского» отдела в "Русском календаре", прося подробных поправок. Если Павленков будет бранить меня за медленность, то скажите ему, что исполнить его желание я могу только в будущем году. Собирать теперь необходимые справки поздно. Количество кроватей, плата за больных и проч. - все это неизвестно ни одному календарю и может быть приведено в известность только двумя путями: или официальным порядком, который не в моей власти, или же исподволь, через расспросы врачей и проч., что я помалости и делаю теперь.

2) В январе, живучи у Вас, я получил из Москвы письмо, подписанное братом покойного А. Н. Островского. Сей человек поручал мне спросить у Вас: не возьметесь ли Вы издать детские рассказы его сестры Н. Н. Островской, сотрудницы детских журналов? Я это письмо показал Вам, и Вы ответили мне так: - Хорошо, я издам. Только теперь не время издавать детские рассказы. Пусть присылает осенью.

Сегодня был у меня Островский и спрашивал у меня, как ому быть и что делать. Приходил он ко мне и раньше, но я отговаривался тем, что Вы за границей. Теперь Вы приехали. Что сказать ему? Если Ваш ответ, данный мне зимою, остается в прежней силе, то куда посылать рукописи: Вам или Неупокоеву?

Кстати, еще об одном моем протеже. Как-то раз вечером Вы, Анна Ивановна и я разговорились о романах, которые нам приходилось читать в давно минувшее время. Вспомнили, между прочим, роман некоего Райского "Семейство Снежиных" - роман, если верить моей памяти, очень недурной. Когда я и Анна Ивановна припоминали содержание этого романа, Вы сказали, что недурно бы его издать, а я пообещал отыскать автора. Поиски мои ни к чему не повели, так как Райский оказался беспаспортным, не прописанным, живущим в пространстве. Я забыл и о нем и об его романе, но на днях он явился ко мне. Оборванный, истерзанный недугами, развинченный… Оказывается, что летом у него был пожар, который уничтожил единственный бывший у него экземпляр романа, все имущество, рукописи и любимую, дорогостоящую собаку. После пожара была нервная горячка. Он обещал сходить к букинистам и поискать свой роман, но, по-видимому, о своем обещании забыл, так как ко мне не показывается и о нем ни слуху ни духу.

3) Больше никаких дел нет.

Вчера был у меня П. Чайковский, что мне очень польстило: во-первых, большой человек, во-вторых, я ужасно люблю его музыку, особенно "Онегина". Хотим писать либретто.

Что с Боткиным? Известие о его болезни мне очень не понравилось. В русской медицине он то же самое, что Тургенев в литературе… (Захарьина я уподобляю Толстому) - по таланту.

Поклонитесь Вашим и пребывайте здоровым и счастливым.

Ваш А. Чехов.

701. Я. А. КОРНЕЕВУ

Середина октября 1889 г. Москва.

Добрейший Яков Алексеевич, посылаю Вам для прочтения прилагаемое письмо. Начинайте читать с адреса.

Так как оно писано Мудрым, писателем, да еще переводчиком с русского, то не поместить ли его в хрестоматию, как образчик чистейшего русского языка?

Ваш А. Чехов.

По прочтении смотрите на обороте.

Я ответил ему так:

"Извиняйте, что я опаздывал отвечать на Ваши ласковые письмена, которые прочитал с большою любезностью", и т. д.

702. А. С. СУВОРИНУ

17 октября 1889 г. Москва.

17 окт.

Насчет медиц«инского» отдела для календаря я вчера написал Вам. Сегодня Островский, о котором я тоже уже писал, притащил целый тюк рассказов своей сестры.

Гореву бьют и бранят, и, конечно, несправедливо, так как бить и бранить публично следует только за зло, да и то с разбором. Но Горева ужасно плоха. Я был раз в ее театре и чуть не околел с тоски. Труппа серая, претензии подавляющие.

Не радуйтесь, что Вы попали в мою пьесу. Рано пташечка запела. Ваша очередь еще впереди. Коли буду жив, опишу феодосийские ночи, которые мы вместе проводили в разговорах, и ту рыбную ловлю, когда Вы шагали по палям линтваревской мельницы, - больше мне от Вас пока ничего не нужно. В пьесе же Вас нет да и не может быть, хотя Григорович со свойственною ему проницательностью и видит противное. В пьесе идет речь о человеке нудном, себялюбивом, деревянном, читавшем об искусстве 25 лет и ничего не понимавшем в нем; о человеке, наводящем на всех уныние и скуку, не допускающем смеха и музыки и проч. и проч. и при всем том необыкновенно счастливом. Не верьте Вы, бога ради, всем этим господам, ищущим во всем прежде всего худа, меряющим всех на свой аршин и приписывающим другим свои личные лисьи и барсучьи черты. Ах, как рад этот Григорович! И как бы все они обрадовались, если бы я подсыпал Вам в чай мышьяку или оказался шпионом, служащим в III отделении. Вы скажете, конечно, что все это пустяки. Нет, не пустяки. Если бы моя пьеса шла, то вся публика с легкой руки изолгавшихся шалопаев говорила бы, глядя на сцену: "Так вот какой Суворин! Вот какая его жена! Гм… Скажите, а мы и не знали".

Мелочь, согласен, по от таких мелочей погибает мир. На днях я встретился в театре с одним петербургским литератором. Разговорились. Узнав от меня, что летом в разное время перебывали у меня Плещеев, Баранцевич, Вы, Свободин и другие, он сочувственно вздохнул и сказал:

- Напрасно вы думаете, что это хорошая реклама. Вы слишком ошибаетесь, если рассчитываете на них.

То есть Вас я пригласил к себе, чтобы было кому писать обо мне, а Свободина приглашал, чтобы было кому всучить свою пьесу. И после разговора с литератором у меня теперь во рту такое чувство, как будто вместо водки я выпил рюмку чернил с мухами. Все это мелочи, пустяки, но, не будь этих мелочей, вся человеческая жизнь всплошную состояла «бы» из радостей, а теперь она наполовину противна.

Если Вам подают кофе, то не старайтесь искать в нем пива. Если я преподношу Вам профессорские мысли, то верьте мне и не ищите в них чеховских мыслей. Покорно Вас благодарю. Во всей повести есть только одна мысль, которую я разделяю и которая сидит в голове профессорского зятя, мошенника Гнеккера, это - "спятил старик!" Все же остальное придумано и сделано… Где Вы нашли публицистику?

Неужели Вы так цените вообще какие бы то ни было мнения, что только в них видите центр тяжести, а не в манере высказывания их, не в их происхождении и проч.? Значит, и "Disciple" Бурже публицистика? Для меня, как автора, все эти мнения по своей сущности не имеют никакой цены. Дело не в сущности их; она переменчива и не нова. Вся суть в природе этих мнений, в их зависимости от внешних влияний и проч. Их нужно рассматривать как вещи, как симптомы, совершенно объективно, не стараясь ни соглашаться с ними, ни оспаривать их. Если я опишу пляску св. Витта, то ведь Вы не взглянете на нее с точки зрения хореографа? Нет? То же нужно и с мнениями. Я вовсе не имел претензии ошеломить Вас своими удивительными взглядами на театр, литературу в проч.; мне только хотелось воспользоваться своими знаниями и изобразить тот заколдованный круг, попав в который добрый и умный человек, при всем своем желании принимать от бога жизнь такою, какая она есть, и мыслить о всех по-христиански, волей-неволей ропщет, брюзжит, как раб, и бранит людей даже в те минуты, когда принуждает себя отзываться о них хорошо. Хочет вступиться за студентов, но, кроме лицемерия и жителевской ругани, ничего не выходит… Впрочем, все это длинная история.

Ваши сынки подают большие надежды. Цену за "Стоглав" повысили, а объем его убавили. Обещали мне за рассказы бочонок вина и надули, а чтоб я не сердился, поместили мой портрет vis-a-vis с шахом персидским. Кстати о шахе. Читал я недавно стихи "Политический концерт", где про шаха говорится приблизительно так: и шах персидский, чудак всегдашний, поехал в Париж, чтобы сравнить «…» с Эйфелевой башней. Приезжайте в Москву. Пойдем вместе в театр.

Ваш Чехов.

703. И. Л. ЛЕОНТЬЕВУ (ЩЕГЛОВУ)

21 октября 1889 г. Москва.

21 ок.

Милая, трагическая Жанушка! За браконьерство, за охоту по дачным мужьям в Вашем лесу я уже достаточно наказан роком: мой "Леший" хлопнулся и лопнул. Успокойте Ваши щеглиные нервы, и да хранит Вас небо!

Нового ничего нет. Читал я Вашего "Кожаного актера" и очень рад, что могу салютовать Вам. Рассказ превосходный. Особенно пластично то место, где мелькает малый в дубленом полушубке. Молодец Вы, Жанушка. Только на кой черт в этом теплом, ласковом рассказе сдались Вам такие жителевские перлы, как "облыжный", "бутербродный" и т. п.? К такой нежной и нервной натуре, каковою я привык считать Вас, совсем не идут эти ернические слова. Бросьте Вы их к анафеме, будь они трижды прокляты, «…»!!

Очень хорошо "нажми педаль", хороша рожа у гастролера. Заглавие тоже хорошее.

Напишите с десяток таких рассказов из театральной жизни, соберите в один томик… Успех будет полный.

Очень, очень рад, что цензура запретила переделку "Гордиева узла". Так Вам и нужно! Это урок: в другой раз не будете покушаться на свои романы и повести.

В Москве был Тихонов.

Щеглова в Москве еще не было. Но его нетерпеливо ждут. Когда он приедет?

Ну, будьте счастливы. Родите поскорее еще кожаного актера.

Кланяйтесь Вашей жене и позвольте дружески пожать Вам щеглиную лапку.

Ваш А. Чехов.

Серьезно, когда приедете? Мои благодарят за память и кланяются.

704 А. Н. ПЛЕЩЕЕВУ

21 октября 1889 г. Москва.

21 октябрь.

Привит Вам, дорогой Алексей Николаевич! Большое спасибо за письмо. Что же касается моего здоровья и настроения, о которых Вы спрашиваете, то нельзя сказать, чтобы они были плохи. Живется сносно, изредка выпадают хорошие минуты, а в общем, выражаясь языком биржевиков, настроение вялое.

Один доктор, очень милый человек (иль завистью его лукавый мучил, или медицинский стол ему наскучил), поручил мне во что бы то ни стало послать в "Сев«ерный» вестн«ик»" два стихотворения, которые и прилагаю. Хочет он, чтобы стихи эти были напечатаны непременно и не позже декабря. Но так как Вы из свойственного всем поэтам духа конкуренции не пожелаете их напечатать, то потрудитесь написать мне, что стихи хороши, но что по случаю накопления срочного и очередного материала они могут быть напечатаны не раньше августа, а я прочту ему.

Свободин нисколько не виноват. Если пьеса в самом деле не годится и если не велит начальство, то что поделаешь? Виноват он только в нерасчетливости: дорога ко мне обошлась ему не меньше ста рублей.

О моей пьесе ни слуху ни духу. Съели ли ее мыши, пожертвовала ли ее дирекция в Публичную библиотеку, сгорела ли она со стыда за ложь Григоровича, который любит меня, как родного сына, - все может быть, но мне ничего не известно. Никаких извещений и мотивировок ни от кого я не получал, ничего не знаю, а запросов никаких не делаю из осторожности, чтобы запрос мой не был истолкован как просьба или непременное желание венчать себя александрийскими лаврами. Я самолюбив ведь, как свинья.

Упорное молчание гг. членов того военно-полевого суда, который судил моего "Лешего", я могу объяснить не чем иным, как только горячим сочувствием к моему таланту и желанием продлить то райски-сладострастное наслаждение, какое доставляет мне приятное неведение. Кто знает? Быть может, моя пьеса признана гениальной… Разве не сладко гадать?

"Пстерб«ургская» газета" извещает, что моя пьеса признана "прекрасной драматизированной повестью". Очень приятно. Значит, что-нибудь из двух: или я плохой драматург, в чем охотно расписываюсь, или же лицемеры все те господа, которые любят меня, как родного сына, и умоляют меня бога ради быть в пьесах самим собою, избегать шаблона и давать сложную концепцию.

Южаков ушел? Ничего, вернется. Если Михайловский, Южаков и К° в конце концов не поступят в болгарские министры, то рано или поздно они все вернутся в "Северный вестник". Держу пари. Уход Южакова - это громадная, незаменимая потеря для тех читателей, которых летом одолевают мухи. Статьи Южакова, как сонно-одуряющее средство, действительнее мухомора.

Не выпускайте Стасова. Он хорошо читается и возбуждает разговоры. А статья его о парижской выставке совсем-таки хорошая статья.

При той наклонности, какая существует даже у очень хороших людей, к сплетне, ничто не гарантировано от нечистых подозрений. Таков мой ответ на Ваш вопрос относительно неверно понимаемых отношений Кати к профессору. Уж коли отвыкли от веры в дружбу, в уважение, в безграничную любовь, какая существует у людей вне половой сферы, то хоть бы мне не приписывали дурных вкусов. Ведь если б Катя была влюблена в полуживого старика, то, согласитесь, это было бы половым извращением, курьезом, который мог бы интересовать только психиатра, да и то только как неважный и доверия не заслуживающий анекдот.

Будь только одно это половое извращение, стоило бы тогда писать повесть?

Погода в Москве скверная, хуже полового извращения. Буду скоро печатать новую книжку. Собираю рассказы и погубил несколько дней на переделку заново некоторых вещей.

Поклон всем Вашим. Будьте счастливы и небом хранимы.

Ваш душой

А. Чехов.

705. А. С. СУВОРИНУ

23 октября 1889 г. Москва.

23 окт.

Я опять о делах.

Был Островский, брат министра. Он послал Вам тюк рассказов и пачку рисунков. Рисунки плохи, но сносны. Несколько, по моему совету, забраковано; забракуйте и Вы несколько - дешевле обойдется книга. Когда я спросил его об условиях, он сказал: "Условия обыкновенные, вот как у Вас… Как все, так и мы, т. е. 30%". Выкурил затем плохую сигару, продушил ею всю мебель, испортил воздух и ушел… Человек он очень хороший.

У нас в Москве издается новый журнал "Артист", печатающий пьесы текущего репертуара, весьма приличный снаружи и скучный внутри. Он уж 20 раз просил у меня водевили, напечатанные в "Новом времени". Я всякий раз рекомендовал обратиться с этой просьбой к Вам. "Артист" к Вам обращаться не хочет, поручая сделать это мне самому. Что Вы скажете? Если Вы не согласитесь, то я не пострадаю от этого ни на один сантим, так как водевили пойдут бесплатно; если же согласитесь, то соглашайтесь не иначе, чтобы водевили были напечатаны с примечанием: "Сей водевиль перепечатывается из такого-то № Нового времени". Иначе выйдет нехорошо - таково мое мнение. Ответьте мне, а Ваш ответ я пошлю "Артисту". "Артист" не согласен печатать с примечанием. Это его дело. Пусть не хочет, но только пусть прекратит свои запросы, которыми я завален вообще.

Очень рад за Ежова, что он печатается в "Новом времени". Кстати: посылает он Вам рассказы без моего ведома; я не читаю их ни в рукописях, ни в печати. Если б я жил в Петербурге, то напросился бы к вам в редакторы беллетристического отдела. Я бы чистил и шлифовал все одобренные Вами и Бурениным рассказы и протежировал бы тем, по-видимому, никуда не годным вещам, из которых путем сокращения наполовину и путем корректуры можно сделать сносные рассказы. А я наловчился корректировать и марать рукописи. Знаете что? Если Вас не пугает расстояние и скука, то пришлите мне заказною бандеролью все то беллетристическое, что имеется у Вас под руками и Вами забраковано. Пришлите сами, никому не поручая, иначе ничего нс выйдет. Я читаю быстро. Помнится, зимою, ночью, сидя у Вас, я из плохою брошенного рассказа Кони сделал субботник, который на другой день многим понравился.

Ваша статья насчет "Власти сердца" очень хороша, мне понравилась, только не следовало упоминать о "Татьяне Репиной" и о тех упреках, которые делал Вам кто-то в пространстве. Жена Цезаря не должна быть подозреваема; так и писатель таких размеров, как Вы, должен быть выше упреков. Да и неосторожно. Раз Вы упомянули вначале о "Т«атьяне» Репиной", Вы тем самым напрашиваетесь на сравнение с "Властью сердца", которую браните.

Я написал Щеглову, что очень рад его горю. Так ему и нужно! Ведь пьеса, о которой он плачется, переделка из его романа "Гордиев узел". Значит, это не пьеса, а свинство. Роман хорош, зачем его портить? И что за бедность такая? Точно сюжетов нет.

Из-за женщин, конечно, не следует стреляться; не должно, но можно. Любовь не шутка. Если из-за нее стреляются, то, значит, относятся к ней серьезно, а это важно.

Я писал Вам не о том, что моя повесть хороша или плоха, а о том, что мнения, которые высказываются действующими лицами, нельзя делать status'ом* произведения, ибо не в мнениях вся суть, а в их природе.

Черт с ней, с повестью! Она может не стоить ни гроша, не в ней дело.

24 декабря я праздную 10-летний юбилей своей литературной деятельности. Нельзя

ли получить камергера?

Миша может написать историч «еский» роман для детей.

Он хочет жениться.

Видел я Верочку Мамышеву. Очень счастлива.

Поклонитесь Анне Ивановне.

Ваш А. Чехов.

Скажите Гею, чтобы он поскорее выздоравливал и приезжайте в Москву. * основой (лат.).

706. А. С. СУВОРИНУ

28 октября 1889 г. Москва.

28 окт.

Опять о делах.

Кн. Сумбатов Южин убедительно просит Вас ответить ему на его письмо. Он ставит в свой бенефис "Макбета" и что-то писал Вам насчет постановки, прося указаний и проч.

Островский опять был. Он просит Вас поступать с книгой его сестры так, как Вы найдете нужным и лучшим. Он и она на все согласны, лишь бы имя Островской прогремело но всей Европе.

Был у меня В. С. Мамышев, звенигородский Лекок. Он сильно похудел, постарел и как-то согнулся. У него болят и слегка парализованы ноги; по-видимому, что-то скверное творится в спинном мозгу.

Вы пишете, что презреннее нашей либеральной оппозиции ничего выдумать нельзя… Ну, а те, которые не составляют оппозиции? Едва ли эти лучше. Мать всех российских зол - это грубое невежество, а оно присуще в одинаковой степени всем партиям и направлениям. А за то, что Вы хвалите немецкую культуру и подчеркиваете всеобщую грамотность, Вы будете в раю, а я Вас за это глубоко уважаю.

"Лешего" я Вам не дам читать из страха, что Вы о нем будете говорить с Григоровичем. Месяц тому назад (или 20 дней - не помню) мне многих усилий стоило, чтобы не писать Вам о своей пьесе, теперь же я совершенно успокоился и со спокойным духом могу не писать о пей. Теперь развелось очень много ноющих, пострадавших за правду драматургов. Они мне так надоели и кажутся такими бабами, что мне даже жаль, что я впутался в их кашу и написал пьесу, которой мог бы совсем не писать.

Вы как-то летом писали мне о всеобщей вежливости, которую Вы наблюдали в Тироле. Напишите о ней в газете. Мало Вы писали и о Франции. Шест, который Вы рекомендовали при плавании, вспоминаю я с содроганием. В Ялте меня им чуть не убили.

Кланяюсь Вашим.

Попросите Жителя не употреблять в фельетонах слово "аппетит".

Ваш А. Чехов.

707. Л. С. ЛАЗАРЕВУ (ГРУЗИНСКОМУ)

1 ноября 1889 г. Москва.

1 ноябрь.

Добрейший Александр Семенович! Водевиль Ваш получил и моментально прочел. Написан он прекрасно, но архитектура его несносна. Совсем не сценично. Судите сами. Первый монолог Даши совершенно не нужен, ибо он торчит наростом. Он был бы у места, если бы Вы пожелали сделать из Даши не просто выходную роль и если бы он, монолог, много обещающий для зрителя, имел бы какое-нибудь отношение к содержанию или эффектам пьесы. Нельзя ставить на сцене заряженное ружье, если никто не имеет в виду выстрелить из него. Нельзя обещать. Пусть Даша молчит совсем - этак лучше.

Горшков говорит много, так много, что Кашалотов 1000 раз успел бы отозвать его в сторону и шепнуть: "Замолчи, старая скотина! Жена здесь!" Но он этого не делает… Откуда такая неосторожность? Черта характера? Если да, то надо бы пояснить… Засим жена, если глядеть на нее как на женскую роль, совсем скудна. Она говорит мало, так мало, что Дашу и ее может исполнять немая актриса. Горшков хорош, только в приеме его воспоминаний чувствуется некоторое однообразие… Нужно побольше увлечения и побольше разнообразия. Так, наприм«ер», об актрисах, за которыми ухаживал Кашалотов, он говорит таким же тоном, как о картах и кутузке, те же переходы, точно арифметическая прогрессия… А мог бы он так говорить: "А какие прежде актрисы были! Взять, к примеру, хоть Лопорелову! Талант, осанка, красота, огонь! Прихожу раз, дай бог память, к тебе в номер - ты тогда с ней жил, - а она роль учит…" И т. д. Тут уж другой прием.

Расчетливый человек, давая в пьесе четырех лиц, поступил бы на Вашем месте так: он дал бы одну сильную мужскую роль и одну сильную женскую, а две остальные ввел бы аксессуарно. Сильная мужская у Вас готова - это Горшков. Женскую легко сделать из жены, а мужа и Дашу надо побоку. Я бы так сделал: входит муж и рекомендует жене старого друга, которого встретил в "Ливорно". "Напой его, матушка, кофейком, а я на минутку сбегаю в банк и сейчас вернусь"; остаются на сцене жена и Горшков; последний начинает вспоминать и выбалтывает все, что нужно; вернувшийся муж застает разбитую посуду и старого друга, спрятавшегося от страха под стол; кончается том, что Горшков с умилением, с восторгом глядит на разъяренную супругу и говорит: "Из Вас, сударыня, вышла бы сильная трагическая актриса! Вот бы кому Медею играть!" Супруги бранятся, а он говорит страшный монолог из "Лира", якобы под бурю… или что-нибудь вроде… дальше уж не мое дело.

Таково мое мнение. Буду ждать Вашего письма. Выбирайте любое: или я отдам пьесу в ее настоящем виде - она и так может пойти, ибо она лучше сотни водевилей, или же я вышлю ее Вам обратно для переделки. Спешить незачем, успеете еще с Вашей женой наслушаться аплодисментов.

Серьезно у Зингера пропали Ваши деньги? Вы этим не шутите.

Рад, что Вы собираетесь писать субботник. Я не доживу до этого, доживут мои внуки - и на том спасибо.

Будьте здоровы.

Если бы Вы не прислали мне марок, то от этого не пострадали бы ни я, ни литература. Что за рыцарство? Точно я Плюшкин или беден, как Диоген. Не пришлете ли уж кстати почтовой бумаги и конвертов?

Читаю Ваши рассказы. Прогресс замечаю огромный. Только бросьте Кузю, имя Семен и обывательски-мещански-титулярный тон Ваших героев. Побольше кружев, опопанакса, сирени, побольше оркестровой музыки, звонких речей… Сиречь, пишите колоритней. Физиономия Ваша уже выработалась, с чем я Вас и поздравляю. Это хорошо, и я рад Вашим успехам.

Будьте здоровы. Поклонитесь Вашей жене.

Ваш А. Чехов.

Когда приедете?

Пишите.

Город Балаганск есть в Сибири.

708. Л. С. СУВОРИНУ

1 ноября 1889 г. Москва.

1-го ноября.

При сем посылаю Вам обратно 2 рассказа г-жи Орловой. Посылаю заказною бандеролью - этак дешевле. Из "Таперши" не мог выжать ничего; что-то вышло, но как бы авторша не обиделась. Из корабля я сделал гвоздь. Из "Наташи" же получилось нечто во вкусе Достоевского, что, как мне думается, можно напечатать, только Вы еще раз прочтите в корректуре. Г-жа Орлова не без наблюдательности, но уж больно груба и издергалась. Ругается, как извозчик, и на жизнь богачей-аристократов смотрит оком прачки.

Очень рад служить и впредь.

Поздравляю Вас с семейною радостью: a) Курепин женился и b) Ваш сотрудник Ан. Чехов начал родить субботник. Теперь я занят всякой чепухой, так что пришлю его не раньше будущей недели. Начало вышло ничего себе.

У меня есть только один экз«емпляр» "Лешего", да и тот валяется у Ленского. Если хотите прочесть, то пошлите Андрея или Василия к своему соседу Лессингу, живущему на М. Итальянской, 37. У него имеется экземпляр, даже два. Сей Лессинг (сиречь Свободин), мудрствуя по обыкновению и роясь глубокомысленно в классиках, нашел пьесу для своего бенефиса: "Студент" Грибоедова. Прочтите моего "Лешего", коли угодно, но не говорите о нем никому ни единого слова, ибо каждое мое слово в Петербурге понимается как просьба, а каждое Ваше как протекция. Ну их к ироду!

Выходит какая-то глупая игра в бирюльки: людям хочется сделать мне одолжение, и ждут они, чтоб я попросил, а мне хочется показать, что я ни в грош ставлю свои пьесы, и я упрямо, как скотина, пишу в своих письмах только о погоде, не заикаясь о пьесе. То же и в Москве.

Пьеса "Леший", должно быть, несносна но конструкции. Конца я еще не успел сделать; сделаю когда-нибудь на досуге. Но она лучше "Лучей и туч", которые я видел и которые Вы будете видеть в пятницу. Не будем торопиться.

Миша кончил курс. Если б я был министром, то сделал бы его податным инспектором или акцизным. Его тянет к серенькой обывательской жизни, и хочется ему жениться во что бы то ни стало хотя бы на разбитой сковороде, да только бы поскорей.

Ах, как много пьес приходится читать мне! Носят, носят, без конца носят, и кончится тем, что я начну стрелять в людей.

Завтра вышлю материал для новой книжки. Или подождать? Хорошо, погожу… Если в типографии теперь много работы, то месяц или два подождать можно…

Свободин гостил у меня летом. Он, уверяю Вас, очень добрый, не хитрый и нескучный человек. Главное - не давайте ему рассуждать. Актерам нельзя позволять рассуждать. Уж очень скучно слушать. А в остальном народ весьма и весьма сносный. Будьте здоровы. Когда же в Москву? Хочу открыть в Ялте книжный магазин. Возьму место в городском саду и украшу город мавританским павильоном. Торговать буду шибко.

Ваш А. Чехов.

709. А. П. ЛЕНСКЮМУ

2 ноября 1889 г. Москва.

2 ноябрь.

Большое Вам спасибо, дорогой Александр Павлович, за то, что прочли мою поганую пьесищу. Спасибо и за комментарии: в другой раз уж не буду писать больших пьес. Нет на сие ни времени, ни таланта и, вероятно, нет достаточной любви к делу.

И я занят по самое горло. "Лешего" переделывать не стану, а продам его в единое из частных театральных капищ. Дам другое название, возьму 500 целковых и черт с ним.

Когда выпадет снег, не поехать ли нам вместе к Левитану? Я был бы очень рад.

Сегодня напишу в Питер, чтобы там не ставили "Лешего". И в Питере пущу в частный театр. Пусть слоняется, аки тень нераскаянного грешника, из вертепа в вертеп, из потемок во мглу…

Пишу рассказик. После 20, кажется, поеду в Питер.

Почтение Лидии Николаевне.

Ваш А. Чехов.

Еще раз спасибо от души.

710. А. С. СУВОРИНУ

5 ноября 1889 г. Москва.

5 ноябрь.

Податель сего, мой братец, желающий поступить на государственную службу и жениться, передаст Вам сверток рукописей для будущей моей книги и письмо для г. Неупокоева.

Посылается Миша в департамент окладных сборов хлопотать о месте вице-директора. Говорят, что университетские люди нужны, а коли нужны, то и пусть едет. Все равно, что дома болтаться, что в департаменте ненужные бумаги писать.

Моя фамилия редеет: один умер, другой уходит… Это мне не нравится.

Если Миша своим приходом помешает Вам работать, то не сердитесь. Покажите ему Настю и Бориса. Будьте здоровы и счастливы 1000 раз.

Ваш А. Чехов.

711. А. М. ЕВРЕИНОВОЙ

7 ноября 1889 г. Москва.

7 ноябрь.

Многоуважаемая Анна Михайловна!

Благодарю Вас за деньги и за обещание познакомить меня с миллионершей. Кстати: настоящие ли у нее миллионы? Если настоящие, а не дутые, то почему она до сих пор не вышла замуж? Я человек подозрительный…

Пьеса у меня есть, но говорить о ней я могу только нерешительно… По моему мнению, пьесы можно печатать только в исключительных случаях. Если пьеса имела успех на сцене, если о ней говорят, то печатать ее следует, если же она, подобно моей, еще не шла на сцене и смирнехонько лежит в столе автора, то для журнала она не имеет никакой цены.

В Петербург я приеду, должно быть, в декабре.

Ко мне один за другим ходят посетители и мешают мне кончить это письмо. Вообще мне очень мешают, и я охотно бы переселился на Северный полюс, где, как известно, с визитами не ходят.

Был ли у Вас мой брат, новоиспеченный юрист? Если хотите, он расскажет Вам про государственную комиссию, которая его экзаменовала. Нам труднее было экзаменоваться.

Моя фамилия благодарит за поклон и кланяется. Часто вспоминают, как вместе с Вами ехали до Иванина.

В Москве читает гигиену ученик Петенкоффера, проф. Федор Федорович Эрисман, много знающий, очень талантливый и литературный человек. Пригласите его работать в "Сев«ерном» вестн«ике»". Чтобы облегчить ему задачу (приглашения от редакций ставят обыкновенно в тупик, и приглашенный больше года тратит на выбор подходящего сюжета), Вы прямо закажите ему "Санитарное значение кладбищ" или "Водопроводы", или "Вентиляция", или что-нибудь вроде. Пригласите также проф. Кайгородова, пригласите проф. нашей Петровской академии Стебута, написавшего прекрасную "Полевую культуру". Приглашайте настоящих ученых и настоящих практиков, а об уходе ненастоящих философов и настоящих социолого-наркотистов не сожалейте.

Поклонитесь Марии Дмитриевне и Алексею Николаевичу. Будьте здоровы! Есть ли у Вашей миллионерши именье в Крыму? Ах, как это было бы кстати! Я бы ее выкурил из этого имения и сам жил бы в нем с какою-нибудь актрисочкой.

Прощайте.

Ваш А. Чехов.

712. Н. А. ЛЕЙКИНУ

7 ноября 1889 г. Москва.

7 ноябрь.

Первую страницу в последнем номере "Осколков", добрейший Николай Александрович, принимаю не иначе, как выражение ко мне особого внимания редакции. Покорнейше благодарим. Когда будем издавать свой юмористический журнал, то нарисуем Вас на вершине Эйфелевой башни, построенной из Ваших книг.

Упрек в пристрастии к сцене и в измене беллетристической форме я принимаю, хотя он относится ко мне в гораздо меньшей степени, чем, например, к Билибину или Гнедичу. Я за всю свою жизнь работал для сцены в общей сложности не больше месяца, а теперь мечтаю о сценической деятельности так же охотно, как о вчерашней каше. Не льстит мне конкуренция с 536 драматургами, пишущими ныне для сцены, и нисколько не улыбается успех, который имеют теперь все драматурги, хорошие и плохие.

Кто-то, кажется, Билибин, писал мне, что будто Вы сердитесь на меня за то, что я не уведомил Вас о получении ста рублей. Я не понимаю, что дурного в этом неуведомлении… Во-первых, почта российская исправна, во-вторых, деньги, если бы я не получил их, пришли бы к Вам обратно, в-третьих, я не находил нужным уведомлять Вас, так как Анна Ивановна, посылая мне деньги, писала мне, что высылаются они по поручению Голике, в-четвертых, у меня в голове все так перепуталось и я так занят, что заслуживаю снисхождения.

Городецкому я не писал. Дело у него новое, он просил поддержки, а написать ему то, что Вы хотели, значило бы совершенно отказать ему. Я не думаю, чтобы 40% было невыгодно для издателей и авторов. Книжная торговля теперь так плоха, что, будь я хозяином своих книг и не будь я ленив, я отпускал бы со скидкою 50% всякую свою книгу, которая уже окупилась. Окупившуюся книгу можно уподобить вольной птице; чем раньше она уйдет из склада, тем раньше ее место может занять новое издание. Если бы, повторяю, я был хозяином своих книг, то мои бы "В сумерках" и "Рассказы" теперь продавались бы не третьим изданием, а восемнадцатым.

Как Вам путешествовалось и отчего Вы так недолго были за границей? Я и чихнуть не успел, как Вы уже вернулись.

Говорят, что Билибин болен. В чем дело? Он писал мне, что болит сердце. Вероятно, развинтились нервы, ибо сердце в его годы не болит. Ведь не грудная же жаба, не перерождение сердечных сосудов, не аневризма же. Ему бы на юг поехать, в море купаться. За 200 рублей можно целый месяц прожить на южном берегу Крыма;

хватит не только на жилье и харчи, но даже и на девиц, буде он на старости лет пожелает иметь их.

Грузинский совсем уже выписался и определился; он крепко стал на ноги и обещает много. Ежов тоже выписывается; таланта у него, пожалуй, больше, чем у Грузинского, но не хватает его ума. Про семгу уже оба не пишут. Журю их обоих за мещанистый тон их разговорного языка и за однообразно-бурый колорит описаний. Их даже самые лучшие рассказы своим колоритом напоминают мне деревянные лестницы в квартире Пальмина. Кстати, где теперь сей любимец богов? Где живет, или, вернее, куда переехал? Не сообщите ли Вы мне его семиэтажного адреса? Я у него давно уже не был, и, вероятно, он теперь бранит меня:

- Мальчишка! Чегт!

В Москве выпал снег.

Прасковье Никифоровне и Федору Лейкину мой нижайший поклон.

Будьте здоровы.

Ваш А. Чехов.

713. А. С. СУВОРИНУ

7 ноября 1889 г. Москва.

7 ноябрь.

Рассказ Ежова переделан автором и посылается Вам в другой редакции.

Миша уж уехал в Петерб«ург», так что Ваню письмо, где Вы писали о нем, не застало его в Москве.

Получил от Евреиновой письмо. Не заметил ничего особенного, а уж я ли не психиатр? А сойти с ума есть из-за чего. Господа философы, социологи и политико-экономы забирают авансы и уходят из журнала, оставляя пустую кассу. Ах, как мало на этом свете денежно-порядочных людей! Сегодня был у меня мой портной и жаловался. Платье носят, а платить за него не хотят.

Жаль, что Вы не приедете в Москву, очень жаль. В Москве выпал снег, и у меня теперь на душе такое чувство, какое описано Пушкиным - "Снег выпал в ноябре, на третье в ночь… В окно увидела Татьяна…" и т. д. Приезжайте, а вернемся в Питер вместе.

Анне Ивановне мой сердечный привет.

Ваш А. Чехов.

714. В. А. ТИХОНОВУ

7 ноября 1889 г. Москва.

7 ноябрь.

Отвечаю Вам тотчас же по получении Вашего письма. В редакции "Артиста" я еще не был и потому сообщаю Вам пока то, что мне известно. "Артисту" нужны пьесы, разрешенные только драматической цензурой; в общей цензуре он не нуждается и обходится без нее. Засим, я уже видел корректуру ноябрьской книжки, стало быть, "Ручи-Пучи" могут быть напечатаны только в декабр«ьской» или в январск«ой». Значит, я пойду в "Артист" по получении от Вас экземпляра и пришлю Вам подробный ответ только после того, как Куманин прочтет Вашу пьесу.

Поздравляю Вас с успехом, которому я, впрочем, очень не рад. Профессиональным драматургам, пока они молоды, надо нещадно шикать, особенно за те пьесы, которые пишутся сплеча. А то, господа, балуетесь очень и об себе много понимаете. Если б я составлял собою публику, то поощрял бы молодежь только денежно, а лавры

приберегал бы к старости.

Говорят, что "Перекати-поле" Гнедича милая вещь. Надо бы пойти посмотреть. Я сему писателю очень сочувствую.

Будьте здоровы, счастливец, и да приснится Вам, мирно почивающему на лаврах, черт с рогами!

Ваш А. Чехов.

715. В. А, ГОЛЬЦЕВУ

8 ноября 1889 г. Москва.

8 ноябрь.

Многоуважаемый

Виктор Александрович!

Мой петербургский знакомый Н. М. Соковнин проездом через Москву поручил мне послать в редакцию "Русской мысли" прилагаемое стихотворение.

Исполняя его желание, пользуюсь случаем, чтобы засвидетельствовать Вам свое глубокое уважение и пожелать всего хорошего.

А. Чехов.

716. Н. Н. ОБОЛОНСКОМУ

8 ноября 1889 г. Москва.

Несчастный доктор, не находящий себе места от любви к неизвестной мне девице!!

Вы как-то обещали приехать ко мне на целый день. Обещания этого Вы до сих пор не исполнили. Делаю Вам на первый раз замечание. Если же Вы не приедете ко мне в продолжение трех дней, то я вынужден буду лишить Вас некоторых прав и преимуществ.

А. Чехов. На обороте:

Здесь,
Петровка, д. Кабанова
Доктору
Николаю Николаевичу Оболонскому.
717. А. Н. ПЛЕЩЕЕВУ

8 ноября 1889 г. Москва.

8 ноябрь.

Дорогой Алексей Николаевич, на днях буду писать Вам подробно и длинно, теперь же буду краток, ибо у меня гости и писать неудобно. Дело вот в чем. Недавно я послал Вам два стихотворения, принадлежащие перу нашего талантливого поэта Н. О., очень милого человека. Автор в настоящее время сидит у меня за столом и просит меня убедительно узнать о судьбе его стихотворений.

Привет всем Вашим. Мой братишка Миша теперь в Питере. Был ли он у Вас?

Ваш до гробовой доски

А. Чехов.

718. А. Я. ГЛАМЕ-МЕЩЕРСКОЙ

9 ноября 1889 г. Москва.

9 ноябрь.

Многоуважаемая

Александра Яковлевна!

Простите, что я до сих пор не поблагодарил Вас за любезное письмо и за прекрасную фотографию. Виновен, но заслуживаю снисхождения. Во-первых, мне долго не высылали моих карточек из Петербурга, и, во-вторых, я собирался нанести Вам визит и вручить свою фотографию собственноручно. Погода безнравственна и обещает быть таковою еще долгое время, а медицина не пускает меня из дому в дурную погоду. Посему визит отлагаю до ясных дней, а карточку посылаю теперь и прошу Вас бросить ее под стол, так как она в миллион раз хуже Вашей.

А какой у Вас чудесный почерк! Если по почерку судить о характере, то Вы должны быть мужественны, смелы и великодушны; последнее дает мне право рассчитывать, что Вы уже не сердитесь и простили искренно Вас уважающего и душевно преданного моветона

А. Чехова.

719. В. А. ТИХОНОВУ

11 ноября 1889 г. Москва.

Ваше благородие, г. Сарду!

На обороте сего Вы узрите подробный ответ. Не высылаю Вам Вашей пьесы в чаянии получить от Вас письмо или телеграмму с распоряжением снести пьесу к Рассохину. Напишите скорее, и я сделаю все так, как Вам угодно, не медля ни одной минуты.

Будьте здоровы. Поклонитесь Червинскому. Он хороший малый и с настоящим талантом.

Вы пишете роман? Ах Вы, разбойник! Созреть-то вы созрели, да вот в чем запятая; лень раньше Вас созрела. Начнете роман, допишете до середины, а потом ляжете на диван и будете лежать полгода.

Будьте здоровехоньки.

Ваш А. Чехов.

720. А. С. СУВОРИНУ

12 ноября 1889 г. Москва.

12 ноябрь.

Посылаю рассказ для фельетона. Несерьезный пустячок из жизни провинциальных морских свинок. Простите мне баловство… Между прочим, сей рассказ имеет свою смешную историю. Я имел в виду кончить его так, чтобы от моих героев мокрого места не осталось, но нелегкая дернула меня прочесть вслух нашим; все взмолились: пощади! пощади! Я пощадил своих героев, и потому рассказ вышел так кисел. В фельетон он влезет, а если не влезет, то придется мне сократить его…

Спасибо за прочтение пьесы. Я и сам знал, что IV акт никуда не годится, но ведь я же давал пьесу с оговоркой, что сделаю новый акт. Больше половины Ваших замечаний таковы, что я ими непременно воспользуюсь. Абрамова покупает у меня пьесу весьма выгодно. Пожалуй, продам. Если буду ставить, то многое изменю так, что Вы не узнаете.

Я бы с удовольствием приехал к Вам повидаться, да меня пугает мысль о 343 визитах, которые мне придется делать в Петербурге.

У меня в квартире сплошной хохот.

Спешу послать сей пакет на почту.

Будьте здоровы. Отчего у Вас голова болит? Должно быть, погода виновата.

Influenza - болезнь, давно уже известная врачам, а потому врачи и не находят нужным кричать о ней. Это грипп; болеют им и люди, и лошади.

Ваш А. Чехов.

Если не затруднит, пришлите мне корректуру.

721. А. С. СУВОРИНУ

Около 13 ноября 1889 г. Москва.

На обороте сего Вы найдете письмо, которое я получил от В. С. Мамышева. Его машины я не видел, и помочь я не могу. Может помочь только магазин, где она куплена, или же доктор, который рекомендовал ее. Обратитесь к любезности того, кто покупал машину, и попросите его исполнить просимое Мамышевым. Больные нетерпеливы. Чем раньше будет исполнено его желание, тем лучше и душеспасительнее.

Пишу Вам и жалею, что с Вами говорит перо, а не мой язык. Ужасно хочется повидаться.

Будьте здоровы и не забывайте меня в своих святых молитвах.

Ваш А. Чехов.

722. Л. Н. ЛЕНСКОЙ

15 ноября 1889 г. Москва.

15 ноябрь.

Уважаемая Лидия Николаевна!

Будьте моей благодетельницей, переведите мне прилагаемую при сем рецензию. Наши барышни бились два часа и, насколько я понял их, сумели перевести только одно слово - "Antoine". Полный перевод был бы незаслуженною роскошью; для меня было бы совершенно достаточно, если бы Вы взяли на себя труд перевести только по кусочку из начала, середины и конца; поймаете общий тон статьи - и на том спасибо, а подробности пусть читают французы. Так как Александр Павлович уже сбросил с себя ложноклассические кандалы, о которых писал, т. е. уж не штудирует больше "Эрнани", то, стало быть, я могу приехать, не рискуя помешать ему. Приеду за переводом в пятницу или в субботу. Если перевод будет не готов, то не беда, спешить с ним нет надобности.

Мне вдвойне совестно: беспокою Вас и не знаю языков. Ах, с каким бы удовольствием я себя выпорол! Без знания языков чувствуешь себя, как без паспорта. Учите Сасика трем языкам - не меньше.

Хочется поговорить с Александром Павловичем. Поклонитесь ему и пожелайте всего хорошего.

Простите за беспокойство уважающего Вас и преданного

А. Чехова.

723. А. С. СУВОРИНУ

15 ноября 1889 г. Москва.

15 ноябрь.

Простите, с рассказом Бибикова я ничего не могу сделать: ни сократить, ни исправить, ни рекомендовать Вам напечатать его в том виде, в каком он есть. В рассказе я не вижу ни Ветерона, ни Желтого дома. Ветерона нет, потому что нет живого лица, а Желтого дома автор, слава богу, и не нюхал, хотя и говорит, что наблюдал его в течение целого года. Если хотите, прочтите. Прочтите 3-4 последние странички, и Вы увидите, в чем дело.

Присылайте еще рассказов. Я готов служить. Сия работа меня развлекает, да и приятно сознавать, что некоторым образом, так сказать, имеешь власть над чужими музами: хочу - лучину щиплю, хочу - с кашей ем.

Сегодня я купил у Вас в магазине книг на 6 р. 90 коп. и позавидовал Вам, что у Вас такие хорошие покупатели. Ваш благообразный Богданов, считающий меня Вашим шпионом, сделал мне 10% скидки.

У меня болят зубы. Сегодня ездил лечить одну дохлую старушку, ездил далеко, и, должно быть, меня продуло.

Будьте здоровы 10000 раз.

Анне Ивановне, Настюше и Борису мой поклон.

Ваш А. Чехов.

724. Ф. А. ЧЕРВИНСКОМУ

16 ноября 1889 г. Москва.

16 ноябрь.

Уважаемый Федор Алексеевич

Ужиная с Вами, я показал Вам стихотворение одного моего приятеля, желающего во что бы то ни стало попасть на Парнас. Вы, прочитав стихи, любезно предложили мне протекцию, обещав сосватать их с "Живописным обозрением". Если Вам не скучно, то попытайтесь осчастливить человека. Авось, и в самом деле напечатают.

Как Ваша пьеса? Я многого жду от нее.

Будьте здоровы.

Ваш А. Чехов.

725. А. П. ЛЕНСКОМУ

19 ноября 1889 г. Москва.

Александров ждет Каратыгину в понедельник не позже девяти часов утра.

Чехов. На бланке:

Большой Афанасьевский пер., дом Терновской Александру Павловичу Ленскому.

726. А. С. СУВОРИНУ

20 ноября 1889 г. Москва.

20 ноябрь.

Возвращаю Вам рассказы. Из "Певички" можно было сделать "Птички певчие", а другой рассказ никуда не годится. В "Певичке" я середину сделал началом, начало серединою и конец приделал совсем новый. Девица, когда прочтет, ужаснется. А маменька задаст ей порку за безнравственный конец… Маменька аристократическая,

жантильная…

Девица тщится изобразить опереточную труппу, певшую этим летом в Ялте. Тюлева - это Бельская, а Борисов - баритон Владимиров. С хористками я был знаком. Помнится мне одна 19-тилетняя, которая лечилась у меня и великолепно кокетничала ногами. Я впервые наблюдал такое уменье, не раздеваясь и не задирая ног, внушить вам ясное представление о красоте бедр. Впрочем, Вы этого не понимаете. Чтоб понимать, нужно иметь особый дар свыше. Хористки были со мной откровенны «…» Чувствовали они себя прескверно: голодали, из нужды б «…», было жарко, душно, от людей пахло потом, как от лошадей… Если даже невинная девица заметила это и описала, то можете судить об их положении…

Теперь о делах, черт бы их побрал. На днях встретился мне пресный Левинский и просил узнать у Вас о судьбе его статьи, где он со свойственною ему глубиною трактует о сожигании трупов, которое он наблюдал где-то, кажется в Италии… Сожигание трупов - сюжет интересный. Велите поискать.

Вы обещали князю Сумбатову прислать несколько книг или статей, касающихся "Макбета". Он просит не затруднять Вас присылкою; для него было бы совершенно достаточно, если бы Вы указали, какие это книги и статьи…

Я охотно верю Здекауэру, который пророчит холеру. Это опытный старик. Трепещу заранее… Ведь во время холеры никому так не достанется, как нашему брату эскулапу. Объявят Русь на военном положении, нарядят нас в военные мундиры и разошлют по карантинам… Прощай тогда субботники, девицы и слава!

Приезжайте в Москву. Мой "Леший" пойдет 10 декабря в театре Абрамовой. Кстати, Вы посмотрите "Эрнани", который идет в Малом театре. Играют в общем недурно, не хуже французов, хотя, впрочем, Эрнани-Горев плох, как сапожник.

Прикажите бить в набат: Лейкину не понравилась парижская выставка.

Щеглов Жан собирается в Москву показывать публике горничную и влюбленного в нее молодого человека. Очень приятно.

Миша пошел в Казенную палату.

В Обществе драматических писателей я, в качестве Вашего прямого начальника, заглянул в Ваш счет. Я и другой Ваш начальник, секретарь Кондратьев, стали считать и почувствовали трепет: мы должны выдать Вам за "Татьяну Репину" более пятисот рублей!

Вчера было у нас заседание Комитета. Хлопочем о новом уставе.

Вы пишете, что Настя переросла Анну Ивановну. Нужно расти не вверх, а в ширину. Высокий рост, когда плечи не широки, не в ладу со здоровьем. Надо гимнастику делать, а то я замуж не возьму. В гимнастику я верю сильно.

Поклон всем Вашим. Будьте здоровы и счастливы.

Ваш А. Чехов.

727. А. С. ЛАЗАРЕВУ (ГРУЗИНСКОМУ)

23 ноября 1889 г. Москва.

23 ноябрь.

Добрейший Александр Семенович!

Ваш Горшков, как я решил на consilium'е с Ежовым, пойдет в театр Абрамовой. Сегодня или завтра отдам его Соловцову.

"Кто победил" возвращаю обратно. "Артист" печатает только те пьесы, которые уже разрешены драмятическою цензурою и имеют быть репертуарными. Скорее перепишите Вашу пьесу в двух экземплярах и пошлите ее в цензуру. Две марки в 80 к. Прошение: "В Главное управление по делам печати. Надворного советника А. С. Л.,

живущего там-то, прошение. Прилагая при сем два экземпляра пьесы моего сочинения "Кто пообедал", имею честь просить Главное управление разрешить ее к представлению на сцене. Такой-то".

Цензурованный экземпляр Вы пришлете мне, а я отдам его Рассохину для литографии. А "Артист" совсем не нужен. Для чего печатать в нем пьесу, если по воле автора она не идет на сцене? Какой смысл?

Во всех театрах ворохи новых пьес. Если б я захотел пророчествовать, то не сказал бы Вам ничего хорошего. Я держусь такого правила: пишу пьесы зимою, но не для зимы, а для осени. "Медведя" и "Предложение" я написал за полгода до начала сезона. Иначе трудно конкурировать. И Вам я советую не роптать на судьбу, если Ваши пьесы не пойдут в этом сезоне. Поговорим об этом, когда приедете в Москву.

Будьте здоровы. "Кто победил" - немножко изысканно и претенциозно. Назовите иначе, одним словом.

Бейте в набат: Лейкину парижская выставка не понравилась. Бедные французы.

Ваш А. Чехов.

728. Н. С. ТИХОНРАВОВУ

23 ноября 1889 г. Москва.

23 ноября 89 г.

От действ«ительного» члена А. П. Чехова.

Милостивый государь

Николай Саввич!

В ответ на письмо Ваше о предполагаемых изменениях в уставе Общества имею честь заявить о своем согласии.

Примите уверение в глубоком уважении и преданности Вашего покорнейшего слуги

А. Чехова.

729. А. С. СУВОРИНУ

25 ноября 1889 г. Москва.

25 н.

Едучи в Москву, берите с собой шубу и вообще одевайтесь потеплей, так как в Москве морозище и на улице и в домах. Снегу нет.

Вы пишете, что больше уж не будете присылать мне рассказов. Сие я понимаю так: мои поправки и сокращения Вам не нравятся. Если я ошибаюсь, то продолжайте высылать. Чтение рассказов и поправки отнимают у меня каждый раз не более 1/2 - 1 часа и развлекают меня. Гимнастика для ума некоторым образом.

Напрасно Вы бросили Марину Мнишек; из всех исторических б «…» она едва ли не самая колоритная. А что касается ее отношения ко всему русскому, то ведь на это начихать можно. Русские сами по себе, а она сама по себе, да и слишком она баба и мелка, чтобы придавать значение ее воззрениям.

К рождеств«енскому» номеру рассказ будет. Даже раньше будет. А мои "Обыватели"? Годятся?

Пьеса Додэ "Борьба за существ«ование»" идет у нас сразу в трех театрах.

Сазонов скверно играет в "Медведе". Это очень понятно. Актеры никогда не наблюдают обыкновенных людей. Они не знают ни помещиков, ни купцов, ни попов, ни

чиновников. Зато они могут отлично изображать маркеров, содержанок, испитых шулеров, вообще всех тех индивидуев, которых они случайно наблюдают, шатаясь по трактирам и холостым компаниям. Невежество ужасное.

Сегодня напишу Сумбатову Ваш ответ.

Будьте здоровы.

Ваш А. Чехов.

730. А. И. СУМБАТОВУ (ЮЖИНУ)

25 ноября 1889 г. Москва.

Посылаю Вам кусочек "The Graphic",* к«ото»рый я получил из суворинского контрагентства для передачи Вам. Мне сдается, что Суворин Вас не понял. Что, собственно, Вам нужно? Если нужна какая-нибудь книга из его библиотеки, то я попрошу поискать.

Будьте 10 000 раз здоровы. Полнеть я Вам теперь разрешаю.

Ваш А. Чехов. На обороте:

Леонтьевский пер., д. Сорокоумовского Его сиятельству Александру Ивановичу Сумбатову. * "Иллюстрации" (англ.).

731. А. Н. ПЛЕЩЕЕВУ

27 ноября 1889 г. Москва.

27 ноябрь.

Здравствуйте, дорогой и милый Алексей Николаевич! Простите, что так долго не писал Вам. В лености житие мое иждих, опихся, без ума смеяхся, объедохся, или, выражаясь более выспренно, был малодушно погружен в заботы суетного света, ничего не делал и никому не писал.

С чего начать? Начну с "Лешего"… Попасть в толстый журнал для пьесы - честь превеликая; я благодарю, но прошу позволения уклониться от этой чести, ибо пьеса моя, пока ее не дадут на сцене и не изругают в рецензиях, для журнала не представляет ценного материала, и в напечатании ее многие справедливо узрят пристрастие "Сев«ерного» вестн«ика»" к Чехову. Скажут: пьеса Чехова нигде не шла и напечатана, почему же не печатают тех пьес, которые шли на сцене и имели успех? Это раз. Во-вторых, я не считаю ту пьесу готовою для печати, которая еще не была исправлена на репетициях. Погодите, голубчик, время еще не ушло. Когда пьеса будет исправлена на репетициях, я обращусь к Вашей любезности, не дожидаясь приглашения.

Что "Сев«ерный» вестник"? В Москве упорно держится слух, что он переходит к Чуйко. Я, конечно, не верю этому. Толстых журналов в России меньше, чем театров и университетов; судьбою их заинтересована вся читающая и мыслящая масса; за ними следят, от них ждут и проч. и проч. Их поэтому надо всячески оберегать от разрушения - в этом наша прямая обязанность. Вы писали мне: будем держаться. Отвечаю: будем.

Мне ужасно хочется поехать в Питер; хочется повидаться с Вами, с Суворинym, с Жаном, но меня пугает тот миллион визитов, который я должен буду сделать. Хорошо бы приехать incognito. Суворин писал мне, что он скоро будет в Москве. Если это верно, то вернется он в Петербург вместе со мной.

У нас три недели гостила Наташа Линтварева. Стены нашего комодообразного дома дрожали от ее раскатистого смеха. Завидное здоровье и завидное настроение. Пока она у нас жила, в нашей квартире даже в воздухе чувствовалось присутствие чего-то здорового и жизнерадостного.

Вы перевели пьесу Додэ и ставите ее у Абрамовой? Говорят, что Абрамова уже не

заведует театром и что актеры составили из себя товарищество. Насколько это верно, не знаю. Пьеса Додэ идет также у Горевой и у Корша.

Немирович Владимир говорил, что виделся с Вами. Мне кажется, что сей Немирович очень милый человек и что со временем из него выработается настоящий драматург. По крайней мере, с каждым годом он пишет все лучше и лучше. Нравится он мне и с внешней стороны: прилично держится и старается быть тактичным. По-видимому, работает над собой.

У меня в голове скопление сюжетов. Столько накопилось всякой чепухи, что можно ожидать в скором времени обвала.

Как Ваше здоровье? Миновала ли Вас всеобщая influenza?

Все мои любят Вас по-прежнему и каждый день вспоминают, как Вы гостили у нас на Луке. Они кланяются. Сестра велит кланяться и Елене Алексеевне.

Я тоже кланяюсь, крепко обнимаю Вас и, в ожидании от Вас письмеца, пребываю душевно преданным.

А. Чехов.

732. А. С. СУВОРИНУ

27 ноября 1889 г. Москва.

27 ноябрь.

Ваше превосходительство! Сегодня был у меня редактор "Артиста" и просил меня обратиться к Вам с следующими предложениями:

1) Редакция оного журнала хотела бы иметь свои отделения в Ваших петербургском, одесском и харьковском магазинах - «как» для приемки подписки, так и для продажи отдельными номерами частным лицам и книжным магазинам. За это "Артист" предлагает повысить размер скидки. Он хочет быть у Вас на положении "Сельского хозяина" и, подобно ему, украшать по понедельникам объявления о вновь вышедших книгах.

2) Редакция желала бы получать из московского магазина продающиеся у Вас пьесы и книги со скидкою, какую Вы делаете для книжников и фарисеев; скидка эта необходима, ибо сам "Артист" занимается продажею пьес, которые выписывают у него театры и салоны. За это он обещает печатать у себя объявления о всех пьесах и книгах по искусству, продающихся у Вас, печатать заодно с теми пьесами, к«ото»рые продаются в редакции.

Просят скорейшего ответа, конечно, утвердительного. Когда приедете в Москву, познакомьтесь с Куманиным, редактором "Артиста". Дело стоит солидно, хотя и не широко. Хотят печатать уж второе издание первых книжек.

У нас мороз, но снегу нет. Жду с нетерпением Вас и нарочно величаю вашим превосходительством, чтобы это напомнило Вам "Славянский базар". Извозчики в Кудрине уж и меня величают превосходительством.

"Артист" издается бестолково. Нет редактора. Денег тратят много, а не догадаются пригласить меня в редакторы (по 1000 руб. в м«еся»ц). Первым делом я наложил бы лапу на Гольцева и Стороженко. У меня зуб на профессоров, хотя я и знаю, что они прекрасные люди. Как у авторов, у них нет смелости и много важности.

Помните, что я жду Вас. В день выезда телеграфируйте мне, я приеду в "Слав«янский» базар".

Насчет головной боли. Не пожелаете ли Вы посоветоваться в Москве с Захарьиным? Он возьмет с Вас сто рублей, но принесет Вам пользы minimum на тысячу. Советы его драгоценны. Если головы не вылечит, то побочно даст столько хороших советов и указаний, что Вы проживете лишних 20-30 лет. Да и познакомиться с ним интересно. Тип.

Вышли лекции Захарьина. Я купил и прочел. Увы! Есть либретто, но нет оперы. Нет той музыки, какую я слышал, когда был студентом. Из сего я заключаю, что талантливые педагоги и ораторы не всегда могут быть сносными писателями. Если я напишу рецензию об его лекциях и напечатаю ее в "Новом времени", то он ничего не возьмет с Вас за визит. Но я этого не сделаю. Зачем Вас баловать?

Будьте здоровы и бодры, и да хранят Вас ангелы небесные.

Анне Ивановне мой сердечный привет. Мне ужасно хочется поговорить с нею.

Ваш А. Чехов.

733. Н. Н. ОБОЛОНСКОМУ

29 или 30 ноября 1889 г. Москва.

Influenza, овладевшая всем моим существом, лишает меня возможности посетить Вас и рекомендовать Вам возможно скорее приобрести 4940 № "Нового времени" (вторник), где напечатан рассказ, украшенный инициалами Вашего имени.

Да погибнет influenza и да здравствуют великие люди, в том числе и мы с Вами! А в каком положении Ваша любовь?

А. Чехов. На конверте:

Здесь,

Петровка, д. Кабанова

Доктору Николаю Николаевичу Оболонскому от признательной пациентки.

734. Н. Н. ОБОЛОНСКОМУ

Конец ноября или начало декабря 1889 г. Москва.

Страдающий инфлуэнцею, осложненною месопотамской чумой, сапом, гидрофобией, импотенцией и тифами всех видов, сим имеет честь уведомить нашего маститого поэта Н. О., что стихотворения его, в которых я и все мои ближние обозваны пошлыми и жалкими людьми, будут напечатаны в "Живописном обозрении" ц начале января 1890 г.

С почтением

Блок и К°.

735. И. М. КОНДРАТЬЕВУ

2 декабря 1889 г. Москва.

2 декабрь 89.

Уважаемый Иван Максимович!

Будьте добры записать в члены Общества Николая Михайловича Ежова, автора следующих классических пьес:

"Енотовый мопс", шутка в 1 действ«ии».

"Спортсмен и сваха", ком«едия» в 1 действ«ии».

Его адрес: Москва, Плющиха, д. Коптева.

Прилагаю 15 рублей и афишу.

Уважающий

А. Чехов.

736. М. В. КИСЕЛЕВОЙ

3 декабря 1889 г. Москва.

3 декабрь.

Многоуважаемая Мария Владимировна!

Сегодня утром явился ко мне некий гусь от кн. Урусова и просил у меня небольшой рассказ для охотничьего журнала, издаваемого оным князем. Конечно, я отказал, как отказываю всем, прибегающим с мольбами к подножию моего пьедестала. В России есть теперь две недосягаемые высоты; вершина Эльборуса и я.

Получив отказ, княжеский посол сильно опечалился, едва не умер с горя и в конце концов стал умолять меня рекомендовать ему писателей-беллетристов, знакомых с охотою. Я подумал и очень кстати вспомнил об одной писательнице, которая мечтает о монументе и вот уж год как больна от зависти к моей литературной славе. Короче говоря, я дал Ваш адрес, и на днях Вы получите приглашение прислать к январю охотничий рассказ, конечно, небольшой, полный поэзии и всяких красот. Вы не раз наблюдали охоту с гончими, псковичей и проч., и Вам не трудно будет создать что-нибудь подходящее. Например, Вы могли бы написать очерк "Иван Гаврилов" или "Раненая лось" - в последнем рассказе, если не забыли, охотники ранят лось, она глядит по-человечьи, и никто не решается зарезать ее. Это недурной сюжет, но опасный в том отношении, что трудно уберечься от сантиментальности: надо писать его протокольно, без жалких слов, и начать так: "Такого-то числа охотники ранили в Дарагановском лесу молодую лось"… А если пустите немножко слезы, то отнимете у сюжета его суровость и все то, что в нем достойно внимания…

Я учу Вас, как писать. Вы скажете: это дерзость! Пусть так. Вы не можете себе представить, какое наслаждение сознавать себя великим и злорадствовать над завистниками!

В случае, если Урусов пришлет Вам приглашение и Вы согласитесь, то в ответном письме не забудьте сделать следующий P. S.: "Что касается моих условий, то для Вашего журнала я не буду делать исключений и возьму с Вас 80-100 руб. за лист - обычный журнальный гонорар".

Не пора ли Вам выздоравливать?

У меня форменная инфлуэнца.

Передайте мой сердечный привет Алексею Сергеевичу, Василисе и Елизавете Александровне. Душевно преданный

А. Чехов.

Вся моя фамилия кланяется.

737. А. С. СУВОРИНУ

5 декабря 1889 г. Москва.

5 дек.

Выпал снег.

Будьте добры, скажите в телефон, чтобы контора выслала мне гонорар за "Обывателей". Черт подери, нет денег. "Северн«ый» вестн«ик»", очевидно, бедствует, так как не выслал мне еще половины гонорара за мой рассказ - это между нами. Жаль.

Не знаю, куда ехать: в Питер или в деревню.

Будьте здоровы.

Ваш А. Чехов.

Вы обругали "Старые годы". Но ведь раньше они у Вас были похвалены. Знаете, как актрисы называют Шпажинского? Обгорелая каланча и траурный сургуч. И то и другое к нему одинаково подходит.

738. А. С. СУВОРИНУ

7 декабря 1889 г. Москва.

7 дек.

Сегодня утром я послал Вам рукопись Овсянникова; я выкинул немножко меньше половины. Мне было очень неловко вычеркивать буренинские поправки, но я не мог оставить их, так как они касаются расстрелянного писаря, которого я в корректуре упразднил до minimum'а, ибо считаю, что он Овсянниковым сделан препогано и прелицемерно. Буренин согласится со мною, если прочтет корректуру. Овсянников просто глуп и нерасчетлив. Он старается, чтобы его писарь мыслил, рассуждал и чувствовал возможно умнее, заставляет его полюбить евангелие и выпаливать чуть ли не афоризмами - и в то же время, устами своего героя-графа Толстого, старается убедить суд и читателя, что этот умный писарь не что иное, как идиот, и что его нужно помиловать только ради этого идиотизма. Вообще странно.

В Петербург я поехал бы с удовольствием, но… у меня прежестокий кашель, мало денег и нужно писать к празднику рассказы. На деньги можно наплевать, но с кашлем нужно быть осторожнее, а езда в вагоне у меня всегда делает кашель. Боюсь кровохарканья, которое всегда меня пугало.

У Боткина камни в печени. Так, по-видимому, думает сам Боткин, основываясь, опять-таки, по-видимому, на болях, которые чувствует. Печень - это слабая сторона, это пятка Боткина. Он всегда ошибался, ошибается и теперь. Если правда, что в его скорой кончине прежде всего заинтересована печень, то виноваты не камни, а рак.

Доброславина жалко. Зря умер. Брюшной тиф зарезал одного из злейших врагов своих.

Князь Сумбатов убедительно просит выслать те книги, в которых есть хотя что-нибудь про "Макбета". Обещает возвратить в исправности и клянется тенями своих армянских предков. Высылайте мне, а я пошлю ему. Я буду, таким образом, благородным свидетелем.

В понедельник или во вторник, в 3 1/2 часа пополудни, пожалует к Вам московский журналист С. Н. Филиппов, тот самый, который когда-то писал Вам насчет "Татьяны Репиной" и которому Вы послали экземпляр Вашей пьесы и письмо. Он едет в Петербург искать работы и убедительно просил меня рекомендовать его Вам. Я знаю его только как театрального рецензента, по преимуществу ругателя, и как автора книги "По Крыму". Работал он в "Русском курьере", работает в "Русских ведомостях". Насчет его идей и прочего я ничего но знаю, что же касается слога, бойкости, уменья обыкновенное слово поставить в кавычки и показать кукиш в кармане сильному человеку в то время, когда тот посажен уж в тюрьму, то в этом отношении он может дать Курепину 20 очков вперед. Он хороший работник, по крайней мере, может быть таковым, но, к сожалению, он явится к Вам не с готовою работою, а с просьбою о работе. Т. е. Вы должны будете сочинить для него работу. Он годен для командировок. Для фельетона московской жизни и вообще для фельетона он неудобен, ибо, во-1-х, у Вас есть уже Курепин, и, во-2-х, он слишком еще молод, чтобы садиться на такие легкие хлеба, как фельетон о том, о сем, с обыкновенными словами в кавычках. Найдите ему какую-нибудь "каторжную работу", чтоб он раз пять вспотел - это для него будет самое лучшее. Брат его - профессор Москов«ского» универ«ситета». По-видимому, и из журналиста вышел бы большой толк, если бы ему удалось побывать в хорошей школе. На "Новое время" он возлагает большие надежды и, кажется, едет в Петербург только ради "Нового времени".

Что поделывает Алексей Алексеевич? Как идет его "Стоглав"? Передайте ему мою

глубокую, искреннюю благодарность за бочонок вина. Вино великолепно. Я этого вина не получал и не пил, но о достоинствах его могу судить по письму, полученному мною еще летом от А«лексея» Алексеевича». Вообще Вам можно позавидовать: Ваши сыновья подают большие надежды. Тонкие люди! Если бы я не был с Вами в хороших отношениях, то давно бы уж упрятал их в тюрьму.

Инфлуэнца делает у меня черт знает что. Заболели мать, сестра, кухарка и горничная. Я болен, но это не помешало мне быть вчера на мальчишнике у одного доктора, который женится на балерине. У балерины я шафером. Мне скучно на нее смотреть, так как я в балете ничего не понимаю и знаю только, что в антрактах от балерин пахнет, как от лошадей. Когда я был во 2-м курсе, то влюбился в балерину и посещал балет. Потом я знавал драматических актрис, перешедших из балета в драму. Вчера перед мальчишником я был с визитом у одной такой актрисы. Балет она теперь презирает и смотрит на него свысока, но все-таки не может отделаться от балетных телодвижений.

Ступни ее ног, когда она стоит, находятся всегда в таком отношении (a и b - это носки), что не кажется безобразным.

В январе мне стукнет 30 лет… Здравствуй, одинокая старость, догорай, бесполезная жизнь!

Анне Ивановне, Настюше и Берке сердечный привет. Алексею Алексеевичу тоже… Зачем он ежегодно катается в Палестину? Не хочет ли он стать иерусалимским патриархом?

Ваш А. Чехов.

739. В. А. ТИХОНОВУ

7 декабря 1889 г. Москва.

7 дек.

Милый Сарду, у меня кашель, насморк, сап, импотенция, гидрофобия и проч. и проч. Кроме того, я зол, как ящерица, которой наступила собака на хвост, и занят по самое горло. В-третьих, квартира моя изображает себя госпиталь. Больны и моя фамилия, и прислуга.

Ваши "Качучи-чучи" давно уже сданы через Комитет Рассохину и, вероятно, уж вышли в свет. Отдал я пьесу в тот самый час, когда получил от Вас надлежащее распоряжение.

Поздравляю Вас с дочкой. Желаю, чтобы она вышла замуж за графа Шереметьева и чтобы в будущем открыла "Театр Тихоновой", в котором платила бы Вам и мне по 40% с валового сбора.

Приеду я в Питер не раньше января.

Ваш А. Чехов.

740. А. П. ЛЕНСКОМУ

8 декабря 1889 г. Москва.

Дорогой Александр Павлович, сегодня я получил от Каратыгиной письмо. Злополучная Пенелопа пишет между прочим следующее: "Попросите Ленского осторожно узнать у Черневского о моем деле. Черневский обещал мне помочь, поддержать перед Пчельниковым… Я напустила Варламова на Кривенко, и тот будто бы сказал, что Пчельников самостоятельно может распорядиться". Подчеркнуто в подлиннике.

Моя инфлуэнца продолжается, так что я начинаю подозревать, что у меня не инфлуэнца, а другое какое-нибудь свинство.

Сердечный привет Лидии Николаевне и Сасику. Ваш А. Чехов.

Оболонский женится. Я у него шафером.

741. А. Н. ПЛЕЩЕЕВУ

12 декабря 1889 г. Москва.

XII, 12.

Милый Алексой Николаевич, пишу Вам сии строки, сидя в редакции "Артиста". Оная редакция просит меня написать Вам, что во-1-х) Ваш перевод опоздал; уже набирается и печатается перевод Маттерна (матерный перевод), во-2-х) редакция, прежде чем послать Ваш перевод Абрамовой, хотела бы поскорее узнать от Вас: кому, собственно, она должна послать перевод? Абрамова театром уже не заведует; хозяйничает товарищество с Соловцовым, Чарским и Киселевским во главе… Прикажете послать товариществу?

Я хвораю. Инфлуэнца, кашель, болят зубы. Сестра тоже больна. Хочу поехать к Вам и не могу выбрать дня. Если не вырвусь из Москвы раньше 18-го дек«абря», то приеду после Нового года. Ужасно я соскучился, и ужасно мне хочется повидаться. Буду у Вас непременно в день своего приезда; если не застану Вас дома, то поеду искать Вас по Петербургу.

Поклон Вашим. Будьте здоровы.

Если не приеду скоро, то напишу Вам большое письмо.

Ваш А. Чехов.

742. А. И. СУМБАТОВУ (ЮЖИНУ)

14 декабря 1889 г. Москва.

14 декабрь.

Милый Александр Иванович, посылаю Вам пьесу, о которой у нас была речь. Я вчера получил ее из цензуры, прочел и теперь нахожу, что после "Макбета", когда публика настроена на шекспировский лад, эта пьеса рискует показаться безобразной. Право, видеть после красивых шекспировских злодеев эту мелкую грошовую сволочь, которую я изображаю, - совсем не вкусно.

Прочтите. Не думаю, чтобы она пришлась по вкусу Федотовой.

Будьте здоровы.

Ваш А. Чехов.

743. Н. Н. ОБОЛОНСКОМУ

Середина декабря 1889 г. Москва.

Счастливейший избранник Гименея, добрейший доктор и восхитительный мужчина!

На обороте сего Вы найдете письмо, полученное мною от дочери врача Ольги Шварц. Я у нее уже был осенью и ничего хорошего не сделал, ибо у нее базедова болезнь. Если у Вас будет свободная четверть часа, если Вы приедете ко мне и если пожелаете проехаться по Большой Грузинской улице, то не найдете ли Вы возможным посмотреть больную? Быть может, Вы придумаете что-нибудь такое этакое… Больная живет в 8 минутах езды от меня. Если же не желаете, то так тому и быть.

Сестра лежит. Утром и вечером t° повышена. Что-то тифоидное. Вся моя квартира превратилась в госпиталь.

Будьте здравы.

Ваш А. Чехов.

744. РЕДАКТОРУ "СМОЛЕНСКОГО ВЕСТНИКА"

Середина декабря 1889 г. Москва.

Милостивый государь г. редактор! Позвольте мне обратиться к Вам с покорнейшей просьбою.

В Москве проживает смоленский дворянин Николай Аполлонович Путята, сын одного из крупнейших землевладельцев Смоленской губ«ернии». Занимался он до последнего времени исключительно литературою, был известен как отличный переводчик и одно время негласно редактировал московские уже прекратившиеся издания "Мирской толк", "Свет и тени" и "Европейскую библиотеку". Года 2-3 тому назад он заболел хроническим воспалением легких настолько серьезно, что потерял способность к труду. Болен он и по сие время. Надежды на выздоровление нет никакой. Поправиться настолько, чтобы самому зарабатывать себе хотя бы на лекарства, он не может, так как живет при самой нездоровой обстановке, в грязи, в чаду. Средств у него нет; ни одежды, ни обуви, ни лекарств! За все время, пока он болен, мы обращались в Литературный фонд, откуда получали помощь, обращались в московские газеты, к товарищам-литераторам и, наконец, исчерпали до дна все те немногие источники, на которые может рассчитывать литератор, находящийся в положении Путяты. Теперь у нас осталась одна только надежда на родственников и друзей Путяты, проживающих в Смоленской губерн«ии».

Не найдете ли «возможным?» через посредство Вашей почтенной газеты известить о тягостном и совершенно безвыходном положении Путяты всех знающих или знавших его? Этим извещением Вы окажете громадную услугу как больному и нам, так равно и родственникам и друзьям его, которые, быть может, до сих пор были лишены возможности помочь ему только потому, что не знали его адреса или не были извещены о его болезни. Форма извещения вполне зависит от Вашего усмотрения; больной выражает только желание, чтобы Вы в заметке о нем назвали его полные имя, отчество и фамилию, на что у меня имеется его письменное разрешение.

Адрес Путяты: г. Москва, 1-я Мещанская, д. Шелапутина, кв. Фроловой.

Имею честь пребыть с почтением А. Чехов.

745. А. С. СУВОРИНУ

Около 20 декабря 1889 г. Москва.

«…»* очерков, фельетонов, глупостей, водевилей, скучных историй, многое множество ошибок и несообразностей, пуды исписанной бумаги, академическая премия, житие Потемкина - и при всем том нет ни одной строчки, которая в моих глазах имела бы серьезное литературное значение. Была масса форсированной работы, но не было ни одной минуты серьезного труда. Когда я на днях прочел "Семейную трагедию" Бежецкого, то этот рассказ вызвал во мне что-то вроде чувства сострадания к автору; точно такое же чувство испытываю я, когда вижу свои книжки. В этом чувстве есть правда величиною с муху, но мнительность моя и зависть к чужим трудам раздувают ее до размеров слона. Мне страстно хочется спрятаться куда-нибудь лет на пять и занять себя кропотливым, серьезным трудом. Мне надо учиться, учить все с самого начала, ибо я, как литератор, круглый невежда; мне надо писать добросовестно, с чувством, с толком, писать не по пяти листов в месяц, и один лист в пять месяцев. Надо уйти из дому, надо начать жить за 700-900 р. в год, а не за 3-4 тысячи, как теперь, надо на многое наплевать, но хохлацкой лени во мне больше, чем смелости.

Продал "Лешего" Абрамовой - это зря. Значит, рассуждает моя вялая душа, на 3-4 месяца хватит денег. Вот моя хохлацкая логика. Ах, какие нынче поганые молодые люди стали!

Здоровье у всех домочадцев поправилось. Я тоже уже не кашляю. Ужасно хочется повидаться с Вами. Приеду, должно быть, в начале января.

Дни становятся больше. К весне повернуло, а зимы еще не было.

В январе мне стукнет 30 лет. Подлость. А настроение у меня такое, будто мне 22 года.

Не болейте, пожалуйста, и скажите Анне Ивановне, чтобы она подарила свои болезни кому-нибудь.

Не приехать ли мне в Питер встречать Новый год?

Ваш А. Чехов. * Начало письма не сохранилось.

746. Н. А. ЛЕЙКИНУ

25 декабря 1889 г. Москва.

25 дек.

С праздником Вас поздравляю, добрейший Николай Александрович! Спасибо за внимание ко мне, за память и за долготерпение. Внимание и память выражены Вами в присылке мне двух книг (без факсимиле, впрочем), что весьма пользительно для моей библиотеки и для меня, охотника посмеяться; долготерпение же Ваше я легко усматриваю в Вашем отношении к моему безнравственному, инквизиции достойному поведению: я не ответил на Ваше последнее письмо и не поблагодарил своевременно за книги…

Не писал я, потому что каждый день собираюсь в Питер и каждый день уверен бываю, что завтра увижу Вас. Когда я приеду? Скоро, но дня назначить не могу. Остановлюсь у Суворина, а к Вам приеду в день своего приезда, многое - на другой день. Визитов никому делать не буду, ибо приеду incognito, на манер бразильского дон Педро. Побываю только у старых знакомых, по которым соскучился, и у кое-кого из молодежи. Есть и дела.

В каком положении у Вас подписка? Лучше прошлогодней? Да? Должна быть хуже - это я сужу по той неохоте, с какою вся Русь в этот сезон посещает театр и читает. Сезон пропащий, нужно на нем крест поставить.

До скорого свидания. Прасковье Никифоровне и Феде мой сердечный привет и поздравление. Будьте здоровы.

Ваш А. Чехов.

747. А. Н. ПЛЕЩЕЕВУ

25 декабря 1889 г. Москва.

25 дек.

Здравствуйте, милый Алексей Николаевич, поздравляю Вас с Рождеством и с наступающим Новым годом!

Впрочем, начну с самого начала. Был я как-то в редакции "Артиста" и застал там редактора, перелистывающего Ваш перевод "Борьбы за существование". Около редактора сидел еще кто-то, какой-то икс на манер редакционного секретаря или Гольцева. Оба сидели и рассуждали о том, что перевод не будет напечатан. Боясь, чтобы они не наврали Вам чего-нибудь, я попросил позволения сесть и написать Вам о судьбе Вашего перевода; будет напечатан перевод Маттерна, которому давно уже было обещано, и меня удивляет эта бесшабашная редакция, утруждавшая Вас и знавшая Наверное, что Ваш перевод не может пойти. Я их обругал. Теперь о театре Абрамовой. Насколько я могу понять Соловцова с братией, "Борьбу" они вовсе не будут ставить, хотя и врут, что поставят после праздников. Короче говоря, лучший перевод "Борьбы" останется при пиковом интересе, что страшно возмущает меня. Кроме Вашего, мне известны еще три перевода, которые уже делают свое дело в провинции; переводы плохие, язык драповый… Говорят, что перевод, идущий у Корша, плох до смешного. Порядки, черт бы их взял!

Получил я "Струэнзе". Сердечно благодарю. Я прочел. Пьеса хорошая, но много в ней красок, напоминающих немецкую подносную живопись. Например, сцены с

пастором… Конец меня не удовлетворил. Но в общем пьеса мне понравилась. России тоже нужен свой Струэнзе, как был когда-то нужен Сперанский… Господа вроде Ранцау попадаются у нас изредка среди предводителей дворянства, в земстве, в армии, но в Петербурге их нет. Зато много Келлеров и придворных дам, которые одинаково вредны и бесцветны во всех дворах и во всех пьесах.

Я рвусь к вам в Петербург, но не могу выехать раньше собрания членов О-ва драм«атических» писателей, на котором я обязан присутствовать, как член Комитета. Когда будет это собрание, пока еще неизвестно. Должно быть, в начале января. Ваше петербургское собрание многого не поняло и много напутало, так что и распутать трудно. Я жалею, что не поехал тогда в Петербург; следовало бы кому-нибудь из членов Комитета присутствовать у вас на собрании и дать разъяснения. При свидании я расскажу Вам, в чем дело.

Мой "Леший" идет в театре Абрамовой 27 декабря.

Был я на репетиции. Мужчины мне понравились в общем, а дам я еще не разглядел. Идет, по-видимому, бойко. Актерам пьеса правится. О печатании ее поговорим тоже при свидании. Насколько можно судить по репетиции, пьеса шибко пойдет в провинции, ибо комического элемента достаточно и люди все живые, знакомые провинции.

Зима в Москве плохая, хоть плюнь. Снегу нет.

Все мои здоровы, я тоже. Инфлуэнца прошла у всех. А Вы как поживаете? Что Ваши? Видаете ли Жана Щеглова?

Голова у меня болит. Поеду погулять, подышать свежим воздухом.

Все мои кланяются. Сестра шлет свой привет и поздравление. Я кланяюсь всем Вашим и молю небо, чтобы оно охранило Вашу квартиру от всякого врага и супостата. Дай бог Вам всего хорошего!

Ваш А. Чехов.

748. А. С. СУВОРИНУ

27 декабря 1889 г. Москва.

Юные девы и агнцы непорочные носят ко мне свои произведения: из кучи хлама я выбрал один рассказик, помарал его и посылаю Вам. Прочтите. Маленький и без претензий. Вероятно, сгодится для субботника. Называется он "Утро нотариуса Горшкова".

Тоном Жана Щеглова, просящего Вас поговорить с ним о театре, я прошу: "Позвольте мне поговорить с Вами о литературе!" Когда я в одном из своих последних писем писал Вам о Бурже и Толстом, то меньше всего думал о прекрасных одалисках и о том, что писатель должен изображать одни только тихие радости. Я хотел только сказать, что современные лучшие писатели, которых я люблю, служат злу, так как разрушают. Одни из них, как Толстой, говорят: "не употребляй женщин, потому что у них бели; жена противна, потому что у нее пахнет изо рта; жизнь - это сплошное лицемерие и обман, так как человек по утрам ставит себе клистир, а перед смертью с трудом сидит на судне, причем видит свои исхудалые ляжки". Другие же, еще не импотенты, не пресыщенные телом, но уж пресыщенные духом, изощряют свою фантазию до зеленых чертиков и изобретают несуществующего полубога Сикста и "психологические" опыты. Правда, Бурже приделал благополучный конец, но этот банальный конец скоро забывается, и в памяти остаются только Сикст и "опыты", которые убивают сразу сто зайцев: компрометируют в глазах толпы науку, которая, подобно жене Цезаря, не должна быть подозреваема, и третируют с высоты писательского величия совесть, свободу, любовь, честь, нравственность, вселяя в толпу уверенность, что все это, что сдерживает в ней зверя и отличает ее от собаки и что добыто путем вековой борьбы с природою, легко может быть дискредитировано "опытами", если не теперь, то в будущем. Неужели подобные авторы "заставляют искать лучшего, заставляют думать и признавать, что скверное действительно скверно"? Неужели они заставляют "обновляться"? Нет, они заставляют Францию вырождаться, а в России они помогают дьяволу размножать слизняков и мокриц, которых мы называем интеллигентами. Вялая, апатичная, лениво

философствующая, холодная интеллигенция, которая никак не может придумать для себя приличного образца для кредитных бумажек, которая не патриотична, уныла, бесцветна, которая пьянеет от одной рюмки и посещает пятидесятикопеечный бордель, которая брюзжит и охотно отрицает все, так как для ленивого мозга легче отрицать, чем утверждать; которая не женится и отказывается воспитывать детей и т. д. Вялая душа, вялые мышцы, отсутствие движений, неустойчивость в мыслях - и все это в силу того, что жизнь не имеет смысла, что у женщин бели и что деньги - зло.

Где вырождение и апатия, там половое извращение, холодный разврат, выкидыши, ранняя старость, брюзжащая молодость, там падение искусств, равнодушие к науке, там несправедливость во всей своей форме. Общество, которое не верует в бога, но боится примет и черта, которое отрицает всех врачей и в то же время лицемерно оплакивает Боткина и поклоняется Захарьину, не смеет и заикаться о том, что оно знакомо с справедливостью.

Германия не знает авторов вроде Бурже и Толстого, и в этом ее счастье. В ней и наука, и патриотизм, и хорошие дипломаты, и все, что хотите. Она побьет Францию, и союзниками ее будут французские авторы.

Мне помешали писать, а то бы я накатал Вам сегодня пять листов. Когда-нибудь после.

Сегодня идет "Леший". IV акт совсем новый. Своим существованием он обязан Вам и Влад«имиру» Немировичу-Данченко, который, прочитан пьесу, сделал мне несколько указаний, весьма практических. Мужчины не знают ролей и играют недурно; дамы знают роли и играют скверно. О том, как сойдет моя пьеса, напишет Вам нудный Филиппов, который просил у меня на днях сюжета для письма к Вам. Скучные люди.

Поздравляю Вас с праздником.

Ваш А. Чехов.

Всем Вашим привет из глубины души.

749. А. И. СУМБАТОВУ (ЮЖИНУ)

27 или 28 декабря 1889 г. Москва

Милый Александр Иванович, поздравляю Вас и княгиню с праздником и посылаю Вам три макбетистых книжицы, полученные мною сегодня от Суворина. Ваш А. Чехов. На обороте:

Князю Александру Ивановичу Сумбатову.

750. И. М. КОНДРАТЬЕВУ

28 декабря 1889 г. Москва.

28 декабрь.

Уважаемый

Иван Максимович!

Пьесу "Леший" я отдал театру Абрамовой по 15 февраля 1890 г. С Александрийским театром в Петербурге заключены мною условия относительно следующих моих пьес:

"Иванов" по 25 января 1891 г.

"Медведь" по 25 января 1891 г.

"Предложение" - по сентябрь 1891 г.

"Лебединая песня" - по 28 декабря «18»91 г.

Сегодня я еду в деревню, а из деревни в Петербург, где остановлюсь в редакции "Нового времени". Буду жить в Петербурге впредь до получения от Вас повестки.

Поздравляю Вас с праздниками и желаю всего хорошего.

Искренне Вас уважающий

А. Чехов.

1890

751. А. А. КИСЕЛЕВОЙ

8 января 1890 г. Петербург.

8 января.

Милостивая Государыня

Василиса Пантелевна!

Честь имею поздравить Вас с днем Ангела и пожелать Вам Многих предбудущих в Добром здоровьи и благополучии, а также Родителям Вашим.

Посылаю Вам из глубины Души следующие подарки:

1) Ножницы для отрезывания мышам и воробьям хвостиков.

2) Два пера для писания стихов: одно перо для плохих стихов, А другое для хороших.

3) Рамку для портрета какой-нибудь хари.

4) Висюльку из Чистого серебра, полученную мною В подарок от знаменитой Детской писательницы.

5) Большой Ящик почтовой бумаги с фиалками для писания писем к Тышечке в шапочке, тышечке без шапочки и прочим млекопитающимся обоего пола.

6) Sachet, которое прошу Вас убедительно положить в Почтовую бумагу, чтобы она пахла.

7) Номер Славянской Газеты для чтения натощак.

8) Древнюю Историю с Рисунками; из этой Истории видно, что и в древности жили дураки, Ослы и Мерзавцы.

9) Больше Подарков нет.

Потратившись на подарки и находясь поэтому без Всяких средств к существованию, Прошу Вас выслать Мне денег. А если у Вас денег нет, то украдьте у Папаши и пришлите мне.

С истинным Почтением имею честь быть Ваш покорнейший Слуга Василий Макарыч.

Простите, что письмо написано так небрежно. Это от Волнения.

752. Ф. А. КУМАНИНУ

5 января 1890 г. Петербург.

8 янв.

Добрейший Федор Александрович, получил Ваше письмо и отвечаю Вам прежде всего поздравлением с Новым годом, с новым счастьем и с новыми пятью тысячами подписчиков.

Уезжая, я просил брата взять у Соловцова всего цензурованного "Лешего". Теперь, конечно, мы не успеем попасть в январскую книжку. Если Вы не выслали еще корректуры, то погодите моего приезда: я приеду 12-13 янв«аря». Прочту корректуру, исправлю и пошлю в цензуру из Москвы.

Теперь просьба: не печатайте "Лешего"!! "Леший" для "Артиста" положительно не имеет никакой цены: публике московской он не понравился, актеры словно сконфузились, газетчики обругали… Отдайте мне его; в "Артисте" он пройдет незамеченным, пользы никому не принесет, и Ваши 200 рублей будут словно в воду брошены. Мой "Леший", повторяю, для "Артиста" цены не имеет.

Если внемлете моей просьбе, то я буду Вам благодарен во веки веков и напишу Вам столько рассказов, сколько Вы пожелаете, хоть миллион двести тысяч.

Прошу я серьезно. В случае Вашего согласия поскорее отвечайте мне. Несогласие же Ваше уязвит меня в самое сердце и причинит мне немало горя, ибо лишит меня возможности поработать еще над "Лешим". Если уже начали набирать, то за набор я заплачу, брошусь в воду, повешусь… что хотите…

Когда же к девочкам?

В Питере погода аспидская. Ездят на санях, но снега нет. Не погода, а какой-то онанизм.

Будьте здоровы.

Ваш А. Чехов.

753. М. П. ЧЕХОВОЙ

14 января 1890 г. Петербург.

14 янв.

Непредвиденные обстоятельства задержали меня еще на несколько дней. Я жив и здоров. Новостей нет никаких. Впрочем, на днях я видел на сцене "Власть тьмы" Толстого. Был у Репина в мастерской. Еще что? Больше ничего. В общем скучно.

Ходил сегодня на собачью выставку; ходил я туда вместе с Сувориным, который в то время, когда я пишу сии строки, стоит около стола и просит:

- Напишите, что вы ходили на собачью выставку вместе с известной собакой Сувориным.

Александр и его дети здоровы.

Поклон знакомым. Больше писать не о чем.

Твой А. Чехов.

В Петербурге бездельничает Жорж Линтварев.

Жду от Миши письма об "Артисте" и "Лешем".

754. Н. М. КОЖИНУ

17 января 1890 г. Петербург.

17 янв.

Милостивый государь Николай Матвеевич!

В ответ на Ваше почтенное письмо от 14 января имею честь известить Вас, что пьеса моя "Предложение" не может идти в Москве, так как она отдана г-же Горевой на весь текущий сезон.

Прошу Вас принять уверение в совершенном почтении.

А. Чехов.

755. М. И. ЧАЙКОВСКОМУ

17 января 1890 г. Петербург.

17 янв.

Дорогой Модест Ильич, посылаю Вам "Крейц«ерову» сонату". Прочитав, благоволите послать ее Н. М. Соковнину, который живет на Васильевск«ом» острове, 1-я линия, д. № 38. Он пришлет мне.

Будьте здоровы.

Ваш А. Чехов.

756. М. Н. ГАЛКИНУ-ВРАСКОМУ

20 января 1890 г. Петербург.

Ваше превосходительство милостивый государь

Михаил Николаевич!

Предполагая весною этого года отправиться с научною и литературною целями в Восточную Сибирь и желая, между прочим, посетить остров Сахалин, как среднюю часть его, так и южную, беру на себя смелость покорнейше просить Ваше превосходительство оказать мне возможное содействие к достижению мною названных целей.

С искренним уважением и преданностью имею честь быть Вашего превосходительства покорнейшим слугою.

Антон Чехов.

Января 20-го дня 1890 г.

Малая Итальянская, 18, кв. А. С. Суворина.

757. М. В. КИСЕЛЕВОЙ

26 января 1890 г. Петербург.

Уважаемая Мария Владимировна, я не уехал, но быть у Вас сегодня не могу. Мне принесли "Указатель" статей "Морского сборника" от 62 года по 82-й и просили вернуть его завтра утром. В настоящую минуту я выписываю статьи, касающиеся Сахалина и К°, бранюсь, как мерзавец, и чувствую себя ужасно не в духе.

Завтра около 2-3 часов дня я буду у Вас. Поклон всем Вашим и Василисе Пантелевне.

Ваш Лицемер.

90-1-26

Мне нужно поговорить с Вами об одном очень важном деле.

758. К. С. БАРАНЦЕВИЧУ

28 января 1890 г. Петербург.

Приходил прощаться. Прощайте, голубчик, увидимся, вероятно, в декабре. Пишите. Всем Вашим мой душевный привет.

Ваш А. Чехов.

759. Н. М. ЕЖОВУ

28 января 1890 г. Петербург.

28 янв.

Добрейший Николай Михайлович, простите, что так долго не отвечал на Ваши письма. Все собирался уехать в Москву и поэтому рассчитывал повидаться и дать ответ устный.

1) "Русалка" будет напечатана в "Новом времени".

2) Вам прибавлена копейка. Теперь Вы будете получать 8 коп. за строчку.

3) О высылке газеты сделано распоряжение. "Русалка" мне очень понравилась, хотя в рассказе русалочьего отца Вы несколько впадаете в тон Короленко ("Лес шумит"). Вообще Вы заметно прогрессируете, чему я, искренно говоря, очень рад. Читайте побольше; Вам нужно поработать над своим языком, который грешит у Вас грубоватостью и вычурностью - другими словами, Вам надо воспитать в себе вкус к хорошему языку, как воспитывают в себе вкус к гравюрам, хорошей музыке и т. п. Читайте побольше серьезных книг, где язык строже и дисциплинированнее, чем в беллетристике. Кстати же запасетесь и знаниями, которые не лишни для писателя.

Вот Вам и наставление на закуску!

Суворин извиняется, что до сих пор не распорядился насчет газеты.

Почтение Вашей жене.

Искренно преданный

А. Чехов.

Бываете ли у наших?

760. М. В. КИСЕЛЕВОЙ

28 января 1890 г. Петербург.

28 янв.

Наконец я уехал, Мария Владимировна! Хотел было сегодня повидаться с Вами и прогулять по Петербургу Василису Пантелевну, да не хватило времени - ездил прощаться. Передайте Валентину Яковлевичу, что благодарить я его буду в том самом письме, в котором опишу ему свой визит к Зензинову.

Барина и Идиотика я увижу, вероятно, раньше Вас и посему передам им от Вас поклон и скажу, что Вы живы, здравы и что Вы, как выразилась графиня, нравственный гигант.

Осталась ли довольна моим индейским подарком моя будущая супруга, от которой я бегу на Сахалин? Если недовольна, то я пришлю ей еще что-нибудь. Японского болванчика, или вроде этого…

В надежде, что Вы и Ваша дочь перестанете меня преследовать (в противном случае я должен буду обратиться к Грессеру), пребываю струсившим и убегающим.

А. Чехов.

Душевный привет Голубевым и Владимиру Петровичу. Владиславлеву передайте, что в

Томске я буду весною или в начале лета.

Если напишете мне в Москву хоть одну строчку о Вашем здоровье, то я буду Вам благодарен по гроб. Не подумайте, что я лицемерю.

Забыл спросить у Вас, как поживает* * Конец письма не сохранился.

761. И. М. КОНДРАТЬЕВУ

28 января 1890 г. Петербург.

Петербург. 90-28-1

Многоуважаемый Иван Максимович!

Общество искусств и литературы просило у меня разрешение поставить у себя мое "Предложение". Я ответил отказом, ссылаясь на обещание, которое я дал Горевой. Общество вчера повторило свою просьбу, прислав мне телеграмму, которую при сем посылаю.

Телеграмма эта мне не понравилась, так как я не желаю одолжаться у г-жи Горевой и не хочу ее милостей, но делать нечего, пришлось ответить Обществу согласием, о каковом и уведомляю Вас.

Желаю Вам всего хорошего.

Искренно Вас уважающий

А. Чехов.

762. А. И. СУМБАТОВУ (ЮЖИНУ)

28 января 1890 г. Петербург.

28 янв.

Милый Александр Иванович, будьте добры, напишите мне, в какой день (утром или вечером) на масленой неделе пойдет "Гернани". Это нужно для Татищева, переводчика "Гернани".

Этот Татищев между прочим сообщил мне, что Ермолова и Вы получили академические пальмы от президента Французской республики. Если это не продукт воображения, подогретого шампанским, которое сейчас пили, то от души Вас поздравляю. Суворин говорил мне, что пальмы сии даны Вам за "Гернани".

Почтение княгине и Владимиру Ивановичу. Если увидите вскорости Ленских, то поклон и им. Живу я в Питере; когда вернусь в Москву, неизвестно; должно быть, в начале февраля.

Будьте здоровы и небом хранимы.

Ваш А. Чехов.

Мой адрес: "Новое время".

Театры здесь необычайно скучны. Видел я "Бедную невесту" и "Холостяка". Игра чиновницкая, бездушная, деревянная.

Видел я "Власть тьмы" у Приселковых. Хорошо.

763. М. П. ЧЕХОВУ

28 января 1890 г. Петербург.

28 янв.

Миша, какого числа заложен мой билет? Серия 9145 № 17?

Если срок 2 или 3 февраля, то возьми у мамаши деньги и внеси еще за полгода. Так как квитанция заперта у меня в столе, то попроси Волкова принять деньги без квитанции, а просто так, на основании справки, какую пусть он сделает у себя по книгам. Квитанцию я пришлю ему, когда приеду.

Приеду я, должно быть, не раньше 4 или 5 февраля. Ужасно соскучился.

С Галкиным-Враским почти все уже улажено. Маршрут: река Кама, Пермь, Тюмень, Томск, Иркутск, Амур, Сахалин, Япония, Китай, Коломбо, Порт-Саид, Константинополь и Одесса. Буду и в Маниле. Выеду из Москвы в начале апреля.

Поклон всем нашим и уверение, что я соскучился. Если тебе некогда сходить к Волкову, то попроси Машу.

Видаюсь с Марией Владимировной и Василисой.

Александр и его семья здравствуют.

Твой А. Чехов.

764. А. И. СУМБАТОВУ (ЮЖИНУ)

Январь, после 28, 1890 г. Петербург.

Милый Александр Иванович, забыл я сказать Вам, что Татищев просил оставить для него одну ложу (конечно, на "Гернани"). Будьте добры, составьте протекцию. В случае ежели лож нет, то оставьте два кресла.

Простите, что я беспокою Вас. Не моя в том вина… и т. д.

Ваш душой

А. Чехов.

765. С. Н. ФИЛИППОВУ

2 февраля 1890 г. Петербург.

2 февр.

Ответствую Вам по пунктам:

1) На вопрос мой о Вашем днепровском очерке Суворин мне ответил, что он зимою не хочет печатать про летнее.

2) С М. А. Суворинym я еще не виделся. У него дети больны скарлатиной, и он сидит у себя дома, как в карантине.

3) В конце Вашего письма к Суворину Вы спрашиваете, можно ли Вам написать ответ "Новостям"; Суворин сказал: "взял бы да и написал… что тут спрашиваться?" Впредь, стало быть, не спрашивайтесь, а валяйте прямо.

4) Я в самом деле еду на о. Сахалин, но не ради одних только арестантов, а так вообще… Хочется вычеркнуть из жизни год или полтора.

5) Приеду в Москву скоро, но неизвестно когда. Лень трогаться с места.

Новостей нет никаких.

Еще о чем написать Вам? Написал бы, да не о чем. В голове пусто.

Будьте здоровы. Что поделывает Ваша соседка Пупопупырушкина, издательница стихов? Смотрите, не увлекитесь.

Ваш А. Чехов.

766. С. Н. ФИЛИППОВУ

7 февраля 1890 г. Москва.

8 ф. 90.

Добрейший Сергей Никитович!

Я приехал. Приехал и Суворин. Остановился он в "Славянском базаре", № 25. Завтра утром я смотрю с ним "Федру", а в пятницу вечером зеваю на балу у Общества искусств и литературы - вот все, что мне пока известно о тех часах, в какие Суворина нельзя будет застать дома. Нового ничего нет. Будьте здоровы.

Ваш А. Чехов.

767. К. С. БАРАНЦЕВИЧУ

9 февраля 1890 г. Москва.

8 февр.

Милый и дорогой коллега Казимир Станиславович, простите меня, что я так долго не отвечал на Ваше письмо. Это бедное письмо пролежало у меня на столе в ожидании, пока его распечатают, чуть ли не неделю.

Вот Вам ответы на Ваши вопросы:

1) Куманин сказал, что пьеса Ваша напечатана будет.

2) С Соболевским я незнаком. Конечно, это не может мне помешать исполнить Ваше поручение; я съездил бы к нему и познакомился, но нахожу более резонным действовать через единого из пайщиков Саблина, доброго моего знакомого; сей человек устроит все и даст мне именно такой ответ, какого я не получил бы от не знакомого мне Соболевского. Саблина я увижу сегодня на балу в Благородном собрании; если не увижу, то завтра напишу ему письмо.

Душа моя, зачем Вы позволяете серым туманам садиться на Вашу душу? Конечно, нелегко Вам живется, по ведь на то мы и рождены, чтоб вкушать "юдоль". Мы ведь не кавалергарды и не актрисы французского театра, чтобы чувствовать себя хорошо. Мы мещане на сей земле, мещанами будем и по-мещански умрем - такова воля рока, ничего не поделаешь. А с роком приходится также мириться, как с погодою. Я фаталист, что, впрочем, глупо.

На Сахалин еду в начале апреля. Значит, успеем еще списаться. Кланяйтесь Вашей жене, гусикам, утикам и тому толстопузому воробчику, у которого, когда я был у Вас, болела губа под носом.

Будьте здоровы.

Ваш А. Чехов.

768. А. Н. ПЛЕЩЕЕВУ

10 февраля 1890 г. Москва.

10 февраль.

Милый Алексей Николаевич, наконец я, пройдя огонь, воду и медные трубы, водворился в Москве и сижу тихо и смирно за своим столом. Помышляю о грехах, мною содеянных, о тысяче бочек вина, мною выпитых, о визитах своих к Галкину и проч., и проч. В один месяц, прожитый мною в Питере, я совершил столько великих и малых дел, что меня в одно и то же время нужно произвести в генералы и

повесить.

Готовлюсь к Сахалину и читаю всякую чепуху, к нему относящуюся. Я еду - это решено бесповоротно. Уеду в апреле, когда вскроется Кама; стало быть, до отъезда я еще успею надоесть Вам своими письмами.

Прочел я своего "Лешего"… Вот что решил я. "Леший" будет еще раз прочитан, исправлен и послан в "Северный вестник". Да будет исполнено желание Ваше! Пришлю я пьесу около 20-го февраля с убедительной просьбой - если она не понравится, возвратить мне ее назад для уничтожения.

В Москве гостят Суворин и Григорович. Первый приехал сюда отдохнуть, а второй получил какую-то командировку.

Видел я "Федру". Хорошо, но скучно. Вообще в Москве скучно…

Мои все шлют Вам сердечный привет. Я крепко обнимаю Вас и благодарю за радушие и гостеприимство. Благодарность сию разделите со всею вашей семьей, которой я низко кланяюсь. Будьте счастливы и здоровы…

Ваш А. Чехов.

769. А. Н. ПЛЕЩЕЕВУ

15 февраля 1890 г. Москва.

15 февр.

Отвечаю Вам, дорогой Алексей Николаевич, тотчас же по получении от Вас письма. Вы были именинником? Да, а я забыл!! Простите, голубчик, и примите от меня запоздалое поздравление.

Неужели Вам не понравилась "Крейцерова соната"? Я не скажу, чтобы это была вещь гениальная, вечная - тут я не судья, но, по моему мнению, в массе всего того, что теперь пишется у нас и за границей, едва ли можно найти что-нибудь равносильное по важности замысла и красоте исполнения. Не говоря уж о художественных достоинствах, которые местами поразительны, спасибо повести за одно то, что она до крайности возбуждает мысль. Читая ее, едва удерживаешься, чтобы не крикнуть: "Это правда!" или "Это нелепо!" Правда, у нее есть очень досадные недостатки. Кроме всего того, что Вы перечислили, в ней есть еще одно, чего не хочется простить ее автору, а именно - смелость, с какою Толстой трактует о том, чего он не знает и чего из упрямства не хочет понять. Так, его суждения о сифилисе, воспитательных домах, об отвращении женщин к совокуплению и проч. не только могут быть оспариваемы, но и прямо изобличают человека невежественного, не потрудившегося в продолжение своей долгой жизни прочесть две-три книжки, написанные специалистами. Но все-таки эти недостатки разлетаются, как перья от ветра; ввиду достоинства повести их просто не замечаешь, а если заметишь, то только подосадуешь, что повесть не избегла участи всех человеческих дел, которые все несовершенны и не свободны от пятен.

На меня сердятся мои петерб«ургские» друзья и знакомые? За что? За то, что я мало надоедал им своим присутствием, которое мне самому давно уже надоело? Успокойте их умы, скажите им, что в Петербурге я много обедал, много ужинал, но не пленил ни одной дамы, что я каждый день был уверен, что уеду вечером с курьерским, что меня удерживали друзья и "Морской сборник", который мне нужно было перелистать весь, начиная с 1852. Живя в Питере, я в один месяц сделал столько, сколько не сделать моим молодым друзьям в целый год. Впрочем, пусть сердятся!

О том, что я уехал со Щегловым в Москву на лошадях, телеграфировал нашим молодой Суворин шутки ради, а наши поверили; что же касается 35000 курьеров, которые скакали ко мне из министерств, чтобы пригласить меня в генерал-губернаторы о. Сахалина, то это просто чепуха. Брат Миша писал Линтваревым о том, что я хлопочу попасть на Сахалин, а они, очевидно, не так его поняли. Если увидите Галкина-Враского, то скажите ему, чтобы он не очень заботился о рецензии для своих отчетов. Об его отчетах я буду пространно говорить в своей книге и увековечу имя его; отчеты неважны: материал прекрасный и богатый, но

чиновники-авторы не сумели воспользоваться им.

Целый день сижу, читаю и делаю выписки. В голове и на бумаге нет ничего, кроме Сахалина. Умопомешательство. Mania Sachalinosa.

Недавно я обедал у Ермоловой. Цветочек дикий, попав в один букет с гвоздикой, стал душистее от хорошего соседства. Так и я, пообедав у звезды, два дня потом чувствовал вокруг головы своей сияние.

Читал я "Симфонию" М. Чайковского. Мне понравилась. Получается по прочтении впечатление очень определенное. Пьеса должна иметь успех.

Прощайте, голубчик мой, приезжайте. Привет Вашим. Сестра и мать кланяются.

Ваш А. Чехов.

770. М. И. ЧАЙКОВСКОМУ

16 февраля 1890 г. Москва.

16 февраль.

Дорогой Модест Ильич, Ваша "Симфония" мне очень понравилась. О сценических красотах пьесы я умею судить, только вернувшись из театра, а потому позвольте мне не говорить о них. Литературные же достоинства не подлежат ни малейшему сомнению. Это умная, интеллигентная пьеса, написанная отличным языком и дающая очень определенное впечатление. Несмотря на то, что половина действующих лиц не кажется типично, что фигуры вроде Милочки затронуты только чуть-чуть, быт рисуется ясно, и я благодаря Вашей пьесе имею теперь представление о среде, которой раньше не знал. Это полезная пьеса. Жалею, что я не критик, иначе бы я написал Вам длинное письмо и доказал бы, что Ваша пьеса хороша.

Вы, кажется, говорили, что Вашей пьесы не поймет публика, ибо пьеса рисует среду специальную. Читая пьесу, я, признаться, ожидал пересола, но, кроме "симфония", "опера" и "мотивчик", ничего специального не обрел и посему позволю себе не разделять Ваших опасений.

Елена сделана хорошо, хоть и говорит местами мужским языком. Место, где она вспоминает о певице в Мангейме, вышло недостаточно тепло именно благодаря этой манере выражаться по-мужски. Знаки препинания в этом воспоминании я расставил бы иначе; например, после слов "с ридикюльчиком в руках" я поставил бы многоточие, потом слово "она" зачеркнул бы. Если же, впрочем, певицы вроде Елены обмущиниваются, то я неправ. Все это мелочи…

Ядринцев похож на суворинского Адашева. Ходыков сделан великолепно, дядюшка очень милая скотина… Больше всего мне понравились I, II и V акты, меньше всего III, где у Милочки нет ни одной сочной, длинной фразы, а все какие-то всхлипывания… Конец остроумен, лучше и придумать нельзя.

Ходыкова надо Свободину играть.

Воображаю, как хорошо сошла бы Ваша "Симфония" у нас в Малом театре. У нас умеют разговаривать на сцене - это важно. Второй акт поставили бы чудно.

Простите, что пишу черт знает как, пятое через десятое. Не умею выражать свои мнения, хоть и называюсь литератором.

На Сахалин я еду в апреле. Если до этого времени будете в Москве, то убедительно прошу Вас пожаловать ко мне. Будьте здоровы и не забывайте Вашего почитателя и немножко собутыльника

А. Чехова. На конверте:

Петербург,

Фонтанка, 24

Модесту Ильичу Чайковскому.

771. А. С. СУВОРИНУ

17 февраля 1890 г. Москва.

17 февр.

Будучи деловым человеком, начну с дел:

1) Курепин получил тюремную книгу в синей обложке и сказал, что он займется ею не без удовольствия.

2) Был орел Филиппов и просил написать Вам, чтобы Вы прислали ему назад его днепровскую повесть; он почистит ее, исправит, понюхает и пришлет Вам весною. Вы сказали ему, что весною напечатать можно.

3) Будучи честным человеком, возвращаю Вам: a) книги, полученные от Южина, b) "Африканку", c) "Исторический вестник" 82 г. и d) "Отечественные записки" 63 г. V, VI и VII. Сегодня отвезу эти книги Богданову.

4) Воротник Мамышеву послан с ручательством на 35 лет. Осталось 4 рубля сдачи. Куда их девать?

5) Прилагаю списочек книг и прошу Вашего содействия для отыскания их и препровождения ко мне. Это первая серия. Это только цветки, скоро будут и ягодки.

Вот и все. После Вашего отъезда мне стало совсем скучно. Солнце светит адски, пахнет весной, и мне досадно, что я еще не еду на Сахалин. Теперь бы хорошо сидеть на палубе речного парохода или скакать через степь в тарантасе.

Плещеев писал мне, что все мои петербургские друзья и знакомые сердятся на меня за то, что я якобы скрывался от них. По-видимому, и Плещеев сердится. Я ответил ему так: "Пусть себе сердятся!" Свободин в Москве; был он у меня уже раз шесть и раза три не заставал меня. Он очень доволен результатами германских выборов и по-прежнему горячо любит литературу. О Лессинге ни полслова.

Вся Москва уже знает, что я имел честь обедать у Ермоловой. Курс мой поднялся на целую марку.

Анне Ивановне буду писать особо. Кланяйтесь всем и будьте здоровы.

Ваш А. Чехов.

772. А. С. СУВОРИНУ

Около 20 февраля 1890 г. Москва.

Спасибо за хлопоты. Атлас Крузенштерна мне нужен теперь или по возвращении из Сахалина. Лучше теперь. Вы пишете, что карта его плоха. Потому-то она мне и нужна, что она плоха, а хорошую я уже купил у Ильина за 65 к.

День-деньской я читаю и пишу, читаю и пишу… Чем больше читаю, тем сильнее убеждение, что в два месяца я не успею сделать и четверти того, что задумал, а ведь больше двух месяцев мне нельзя сидеть на Сахалине: подлецы пароходы не ждут! Работа разнообразная, но нудная… Приходится быть и геологом, и метеорологом, и этнографом, а к этому я не привык, и мне скучно. Читать буду о Сахалине до марта, пока есть деньги, а потом сяду за рассказы.

Не помню, за что я повесил себя в письме к Плещееву. Вероятно, за пьянство. Писал я ему, конечно, в шуточной форме и, кажется, так: "…за что меня следовало бы в одно и то же время повесить и произвести в генералы". Последнее мною вполне заслужено, ибо в Питере я выпил столько, что мною должна гордиться Россия! Помню также, писал я Плещееву, что, живя в Питере, в один месяц я сделал столько, сколько моим молодым друзьям, которые за что-то на меня сердятся, не сделать в

целый год; и я не соврал, ибо каждый из моих друзей в 12 раз больше бездельник, чем я. У Вас живя, я многое прочел, многое видел и слышал и сварил кашу не с одним только Галкиным - и это все, невзирая на винопийство и шаганье из угла в угол.

М-me Ленская вымазала себе лицо салом. Был Мамышев и сердился, что воротник с ручательством на 30 лет послали ему в Звенигород, а не в Волоколамск, где он живет. Я сказал, что Вы виноваты.

Если у Вас в библиотеке есть "Очерки пером и карандашом" Вышеславцева, то пришлите. Будет от меня благодарность.

Был у меня Островский и спрашивал о судьбе книги своей сестры. Я сказал, что Вы и Неупокоев недовольны рисунками и форматом. Он ответил так: если рисунки не нравятся, то их можно бросить, заказав новые, формат же наравне со всем прочим вполне зависит от усмотрения типографии. Можно написать ему, что его книга будет печататься летом? Ах, какие у него вонючие сигары! Каждый его визит, благодаря его этим анафемским сигарам, наводит на меня ужас. Говорил он, что его брат-министр захворал сахарной болезнью.

"Крейцерова соната" в Москве имеет успех.

Отчего не шлете рассказов? Я сегодня или завтра пошлю Вам рассказ Лазарева (Грузинского). Прибавкой гонорара и высылкой газеты мой протеже Ежов тронут и благодарит Вас со слезами на глазах и с дрожью в голосе, простирая руки к небесам с мольбою о ниспослании Вам и всему Вашему семейству всякого благополучия во веки веков аминь.

В своей сахалинской работе я явлю себя таким ученым сукиным сыном, что Вы только руками разведете. Я уж много украл из чужих книг мыслей и знаний, которые выдам за свои. В наш практический век иначе нельзя. Скажите Алексею Алексеевичу, чтобы он ехал на Мургабский берег.

Читал я, что румынская королева написала пьесу из народного (?) быта и будет ставить ее в бухарестском театре. Автор, которому нельзя шикать. А я бы с удовольствием пошикал.

Ленский говорил, что, "кажется, хотят ставить" пьесу Маслова. Больше же об его пьесе ничего не слышал.

Будьте здоровы. Дай бог всего хорошего.

С почтением

Генрих Блокк и К°.

Как поживают Ваши многоуважаемые лошади? Хорошо бы проехаться куда-нибудь.

773. А. С. СУВОРИНУ

23 февраля 1890 г. Москва.

23 февр.

Голубчик, "Свадьбу" верните назад с книгами, она попала к Вам нечаянно. Печатать ее нет надобности. Что касается книг, которые желательно мне получить от Скальковского, то прилагаю новый список. Сегодня отослал я Вам "Вестник Европы" 79 г., V и VI, и книгу Зандрока (на его имя). Простите ради создателя, что я беспокою Вас поручениями; право, больше обратиться не к кому. Беспокоить Вас буду еще много, а чем Вам заплачу - неизвестно; должно быть, на том свете угольками.

Мой брат Александр несообразительный человек. Он в восторге от миссионерской речи прот«оиерея» Орнатского, который говорит, что инородцы не крестятся-де потому, что ждут на сей предмет особого царского указа (т. е. приказания) и ждут, пока окрестят их начальников… (понимай - насильно). Говорит также сей велеречивый понтифекс, что инородческих священников, ввиду их аскетического

образа жизни, следовало бы убрать от инородцев и посадить в особые помещения, вроде как бы монастыри. Хороши, нечего сказать! Потратили 2 миллиона рублей, выпускают из академии ежегодно десятки миссионеров, стоящих дорого казне и народу, крестить не умеют, да еще хотят, чтоб им помогали полиция и милиция огнем и мечом! Говорит поп, что окрестили 80000 - стереотипное число, которое я слышу уже несколько лет. Сообщение свое об этой речи Александр кончил во вкусе преподобных отцов, обнаружив самую что ни на есть младенческую доверчивость. Скажите ему, что он гусь лапчатый.

Спасибо за Крузенштерна. Хорошо пишет.

В Вашей филиппике по адресу старости я усмотрел одно только желание Ваше идти на войну. Что ж? Валяйте. Но с кем воевать? Поедемте в Абиссинию.

Если найдется у Вас статья Цебриковой, то не присылайте. Такие статьи знаний не дают и отнимают только время; нужны факты. Вообще говоря, на Руси страшная бедность по части фактов и страшное богатство всякого рода рассуждений - в чем я теперь сильно убеждаюсь, усердно прочитывая свою сахалинскую литературу.

Запретите Лялину бранить адвокатов. Что прилично Жителю или кому-нибудь другому, то совсем не к лицу бывшему адвокату. Противно, когда крещеный жид или вообще жид ругает жидов. То же самое и тут.

Кстати: в случае если у Вас пожелают пройтись насчет оправдательного приговора в процессе мужеотравительницы Максименко (в Ростове-на-Дону), то поосторожней. До процесса я разговаривал с защитником Холевой и мог убедиться, что Максименко совсем не виновата. Того же мнения и все ростовцы, аплодировавшие приговору.

Будьте хранимы святым Бонифатием.

Ваш А. Чехов.

774. Ал. П. ЧЕХОВУ 25 февраля 1890 г. Москва.

25 февр.

Инфузория!

Мне необходимо возможно подробное знакомство с газетной литературой о Сахалине, ибо она интересует меня не со стороны одних только даваемых ею сведений. Сведения, конечно, сами по себе, но, Гусев, нужно и историческое освещение фактов, составляющих суть этих сведений. Статьи писались или людьми, никогда не бывавшими на Сахалине и ничего не смыслящими в деле, или же людьми заинтересованными, которые на сахалинском вопросе и капитал нажили, и невинность соблюли. Храбрость первых и уловки вторых, как элементы затемняющие и тормозящие, должны быть для исследователя ценнее всяких сведений, кои по большинству случайны и неверны; элементы сии отлично характеризуют отношение нашего общества вообще к делу, а к тюремному в частности. Автора же и его побуждения поймешь только тогда, когда прочтешь его статью полностью.

Во всяком случае избавь Публичную библиотеку от своих посещений. Достаточно и того, что ты сделал. Остальное будет переписано сестрою, которую я нанял и которая начнет свои хождения в Румянцевскую библиотеку с 3 недели поста. Тебе же, дураку, я найду другую работу. Кланяйся в ноги и проси прощения. Все, что тебе нужно будет сделать, найдешь в письме, которое получишь на 4 или 5 неделе поста. А насчет вшей могу сказать только одно: смерть моя нечистоплотность! Обломовский Захар и Александр Чехов говорят, что без вшей и клопов нельзя обойтись - это очень научно; а я, представь, видел не раз семьи, которые понятия не имеют о сих тварях. От вшей помогает очень многое. Спроси в аптеке про отвар из сабадиллы.

Все наши здравствуют. Поклон Наталье Александровне, Куке и крестнику.

Твой благодетель А. Чехов.

775. А. С. СУВОРИНУ

28 февраля 1890 г. Москва.

28 февр.

Получил и книги, и атлас Крузенштерна. Посылаю Вам поклонение и благодарение, а Вашей библиотеке скажите, что я ей обязан по гроб жизни. Завтра пошлю Вам через магазин: 1) Указатель "Русской старины", 2) Вышеславцева, 3) "Вестник Европы" 1872, VIII и 4) 3 тома "Морского сборника" (1858, XII, 1859, II и 1859, X), которые будьте добры отдать уважаемому Василию для передачи бедному Константину Федоровичу.

2-й том Крузенштерна я уже послал Вам, а атлас вышлю тотчас же по снятии копии.

С книгами я буду приставать к Вам до самого своего отъезда. И теперь я прилагаю список журналов, мне нужных. Верьте, Ваше Превосходительство, что я уже достаточно наказан за беспокойство: от чтения присылаемых Вами книг у меня в мозгу завелись тараканы. Такая кропотливая анафемская работа, что я, кажется, околею с тоски, прежде чем попаду на Сахалин.

Завтра весна, а через 10-15 дней прилетают жаворонки. Но увы! - наступающая весна кажется мне чужою, ибо я от нее уеду.

На Сахалине очень вкусная рыба, но горячих напитков нет.

Теперь несомненно, что пьеса Маслова пойдет. Значит, Вы приедете в начале апреля на репетиции? Вы обещали.

Да хранят Вас все святые!

Ваш А. Чехов.

Наши гг. геологи, ихтиологи, зоологи и проч. ужасно необразованные люди. Пишут таким суконным языком, что не только скучно читать, но даже временами приходится фразы переделывать, чтобы понять. Но зато важности и серьезности хоть отбавляй. В сущности, это свинство.

776. В. А. ТИХОНОВУ

3 марта 1890 г. Москва.

3 марта.

Милый Владимир Алексеевич, Вы непременно должны на Страстной неделе приехать в Москву, так как, во-1-х, Вы должны быть в Комиссии, в которой оба мы участвуем, а во-2-х, мне нужно извиниться перед Вами за то, что я не успел побывать у Вас в Петербурге. Виноват во всем не я, а Сахалин, который совершенно сбил меня с толку и отнял у меня все время, которым я мог раньше распоряжаться по своей воле. Увидимся - поговорим, а пока позвольте пожелать Вам всего очень хорошего. Не сердитесь, российский Сарду, и не забывайте, что иногда обстоятельства командуют и владеют человеком, а не он ими.

В начале апреля я уезжаю из России и буду ездить до декабря.

Будьте здоровы.

Ваш А. Чехов.

Как ваш живот? Нервы? Пьесы?

777. А. С. СУВОРИНУ

4 марта 1890 г. Москва.

4 марта 90 г.

Сегодня послал я Вам два рассказа: Филиппова, который вчера был у меня, и Ежова. Ежовский рассказ я не успел прочесть, а об остальном прочем считаю нужным заявить раз навсегда, что за посылаемое мною Вам я не отвечаю. Мой почерк на адресе не значит, что рассказ мне понравился.

Бедняга Ежов был у меня, сидел около стола и плакал: у него молодая жена заболела чахоткою. Надо скорее везти на юг. На вопрос мой, есть ли у него деньги, он ответил, что есть.

Когда будете присылать мне книги, не забудьте приложить к пакету мой водевиль "Свадьбу", попавший к Вам по вине Сумбатова, который вложил его в Шекспира.

Погода подлая, насморочная; само небо чихает. Просто не глядел бы.

Я послал Вам Вашу "Asie". Скоро пришлю Голицинского, который мне нравится только местами; кроме этих немногих местечек, все остальное вода, вода и вода. Недаром книги такие толстые.

Я начал уже писать про Сахалин. Написал страниц пять "истории исследования". Вышло ничего себе, как будто по-умному и авторитетно. Начал и географию с градусами и с мысами… Тоже ничего себе. Цитирую я иностранных авторов с чужого голоса, но выходит у меня это так подробно и в таком тоне, как будто я сам отлично говорю на всех языках. Сплошное мошенничество.

Я сказал секретарю Общества драм«атических» писателей, чтобы Вам выслали гонорар. Поздравляю Вас с получкой. Получив счет, напишите карандашом на полях: "Весьма утешительно. Желаю, чтоб и вперед". Пришлите потом нам, мы покроем гуммиарабиком и спрячем в архив общества.

Ежов своими слезами испортил мне настроение. Напомнил мне кое-что, да и его жаль.

Не забывайте нас грешных.

Ваш А. Чехов.

778. Н. М. ЛИНТВАРЕВОЙ

5 марта 1890 г. Москва.

5 марта.

Троша, сим извещаю Вас, что я жестоко надул фамилию Линтваревых. Дело вот в чем. Как-то летом Александра Васильевна поручила мне напечатать в "Новом времени" объявление о мельнице. Считая по 60 коп. за строчку, я взял с А«лександры» В«асильевны» за десять строк шесть рублей. На днях же я получил из конторы "Нового времени" счет, в котором значится, что за объявление с меня взяли только 1 р. 80 к. Не знаю, чем объяснить такую дешевизну. Должно быть, уступка мне как сотруднику. Итак, значит, уважаемая Троша, я обманул Ваше семейство ровно на 4 р. 20 к., каковые и прошу считать в долгу за мною.

Как Вы поживаете? Графиня Лида говорила мне, что Вы все кашляете. Это нехорошо. Должно быть, Вы и доктор до сих пор еще купаетесь в Псле?

Что касается меня, то я тоже кашляю, но жив и, кажется, здоров. Этим летом у Вас не буду, так как в апреле по своим надобностям уезжаю на остров Сахалин, откуда вернусь в декабре. Туда еду через Сибирь (11 тысяч верст), а оттуда морем. Миша, кажется, писал Вам, что меня будто кто-то командирует туда, но это вздор. Я сам себя командирую, на собственный счет. На Сахалине много медведей и беглых, так что в случае, если мною пообедают господа звери или зарежет какой-нибудь бродяга, то прошу не поминать лихом.

Конечно, если успею и сумею написать о Сахалине то, что хочу, то пришлю Вам книгу тотчас же по выходе ее в свет; она будет скучна, специальна, состоять будет из одних только цифр, но позвольте рассчитывать на Вашу снисходительность: читая ее, Вы будете удерживать зеваоту…

Уважаемым докторам - Елене Михайловне и Зинаиде Михайловне самый сердечный привет. Александре Васильевне кланяюсь до земли.

Будьте здоровы и благополучны.

Душевно преданный А. Чехов.

779. И. М. КОНДРАТЬЕВУ

7 марта 1890 г. Москва.

7 марта.

Многоуважаемый Иван Максимович!

Будьте добры приготовить мне счет к заседанию Комитета; если же Комитет еще не скоро, то благоволите прислать мне счет по почте.

Я видел списки Рассохина. Есть много пропусков. Так, пропущена Вязьма. По счету, который у меня сохранился после лета, видно также, что есть пропуски во Владимире, Костроме, совсем пропущен Кронштадт, не показан в Новочеркасске домашний спектакль от 2-го января, нет Серпухова 15 января и Тифлиса 30 янв«аря» (драмат«ические» спектакли) и, кажется, кое-что пропущено в Симферополе. В своей долговременной жизни я издавал много литографированного и печатного и пришел к убеждению, что в литографированных изданиях опечатки и пропуски неизбежны, обязательны, в печатных же, которые проходят тройную корректуру, не трудно избежать ошибок.

Немирович-Данченко и Сумбатов приехали.

Желаю Вам всего хорошего.

Искренно Вас уважающий

А. Чехов.

780. А. И. СУМБАТОВУ (ЮЖИНУ)

8 марта. 1890 г. Москва.

8 март.

Милый Александр Иванович, простите, я Вас надую сегодня - не приду обедать. Увидимся в Комитете, там объясню причины, весьма уважительные.

Почтение княгине и Гнедичу.

Ваш А. Чехов. На обороте:

Князю Александру Ивановичу

Сумбатову.

781. Н. Н. ОБОЛОНСКОМУ

9 марта 1890 г. Москва.

9 марта.

Милый доктуре, моя сестрица отказывается идти обедать в "Эрмитаж", ссылаясь на недосуг: уроки ее кончатся к 4 часам, не раньше, а после уроков, по ее словам, она бывает очень утомлена. Она предлагает учинить обед где-нибудь не в ресторане, а приватно, у нас, у Вас; или же, буде угодно Вам непременно в ресторане, то не обедать, а ужинать.

Почтение Софье Виталиевне.

Да хранят Вас все святые!

Ваш А. Чехов.

782. А. С. СУВОРИНУ

9 марта 1890 г. Москва.

9 марта. Сорок мучеников и 10000 жаворонков.

Насчет Сахалина ошибаемся мы оба, но Вы, вероятно, больше, чем я. Еду я совершенно уверенный, что моя поездка не даст ценного вклада ни в литературу, ни в науку: но хватит на это ни знаний, ни времени, ни претензий. Нет у меня планов ни гумбольдтских, ни даже кеннановских. Я хочу написать хоть 100-200 страниц и этим немножко заплатить своей медицине, перед которой я, как Вам известно, свинья. Быть может, я не сумею ничего написать, но все-таки поездка не теряет для меня своего аромата: читая, глядя по сторонам и слушая, я многое узнаю и выучу. Я еще не ездил, но благодаря тем книжкам, которые прочел теперь по необходимости, я узнал многое такое, что следует знать всякому под страхом 40 плетей и чего я имел невежество не знать раньше. К тому же, полагаю, поездка - это непрерывный полугодовой труд, физический и умственный, а для меня это необходимо, так как я хохол и стал уже лениться. Надо себя дрессировать. Пусть поездка моя пустяк, упрямство, блажь, по подумайте и скажите, что я потеряю, если поеду? Время? Деньги? Буду испытывать лишения? Время мое ничего не стоит, денег у меня все равно никогда не бывает, что же касается лишений, то на лошадях я буду ехать 25-30 дней, не больше, все же остальное время просижу на палубе парохода или в комнате и буду непрерывно бомбардировать Вас письмами. Пусть поездка не даст мне ровно ничего, но неужели все-таки за всю поездку не случится таких 2-3 дней, о которых я всю жизнь буду вспоминать с восторгом или с горечью? И т. д. и т. д. Так-то, государь мой. Все это неубедительно, но ведь и Вы пишете столь же неубедительно. Например, Вы пишете, что Сахалин никому не нужен и ни для кого не интересен. Будто бы это верно? Сахалин может быть ненужным и неинтересным только для того общества, которое не ссылает на него тысячи людей и не тратит на пего миллионов. После Австралии в прошлом и Кайены Сахалин - это единственное место, где можно изучать колонизацию из преступников; им заинтересована вся Европа, а нам он не нужен? Не дальше как 25-30 лет назад наши же русские люди, исследуя Сахалин, совершали изумительные подвиги, за которые можно боготворить человека, а нам это не нужно, мы не знаем, что это за люди, и только сидим в четырех стенах и жалуемся, что бог дурно создал человека. Сахалин - это место невыносимых страданий, на какие только бывает способен человек вольный и подневольный, Работавшие около него и на нем решали страшные, ответственные задачи и теперь решают. Жалею, что я не сентиментален, а то я сказал бы, что в места, подобные Сахалину, мы должны ездить на поклонение, как турки ездят в Мекку, а моряки и тюрьмоведы должны глядеть, в частности, на Сахалин, как военные на Севастополь. Из книг, которые я прочел и читаю, видно, что мы сгноили в тюрьмах миллионы людей, сгноили зря, без рассуждения, варварски; мы гоняли людей по холоду в кандалах десятки тысяч верст, заражали сифилисом, развращали, размножали преступников и все это сваливали на тюремных красноносых смотрителей. Теперь вся образованная Европа знает, что виноваты не смотрители, а все мы, но нам до этого дела нет, это неинтересно. Прославленные шестидесятые годы не сделали ничего для больных и заключенных, нарушив таким образом самую главную заповедь христианской цивилизации.

В наше время для больных делается кое-что, для заключенных же ничего; тюрьмоведение совершенно не интересует наших юристов. Нет, уверяю Вас, Сахалин нужен и интересен, и нужно пожалеть только, что туда еду я, а не кто-нибудь другой, более смыслящий в деле и более способный возбудить интерес в обществе. Я же лично еду за пустяками.

Что касается моего письма насчет Плещеева, то я писал Вам, что я возбудил в своих молодых друзьях неудовольствие своим бездельем, и в свое оправдание написал Вам, что, невзирая на свое безделье, я. сделал все-таки больше моих друзей, которые ровно ничего не делают. Я хоть "Морской сборник" прочел и у Галкина был, а они ничего. Вот и все, кажется.

У нас грандиозные студенческие беспорядки. Началось с Петровской академии, где начальство запретило водить на казенные квартиры девиц, подозревая в сих последних не одну только проституцию, но и политику. Из Академии перешло в университет, где теперь студиозы, окруженные тяжеловооруженными Гекторами и Ахиллами на конях и с пиками, требуют следующее:

1) Полная автономия университетов.

2) Полная свобода преподавания.

3) Свободный доступ в университеты без различия вероисповедания, национальности, пола и общ«ественного» положения.

4) Прием евреев в универс«итеты» без всяких ограничений и уравнение их в правах с прочими студентами.

5) Свобода сходок и признание студ«енческих» корпораций.

6) Учреждение универс«итетского» и студ«енческого» суда.

7) Уничтожение полицейской функции инспекции.

8) Понижение платы за учение.

Это скопировано мною с прокламации с кое-какими сокращениями. Думаю, что сыр-бор сильнее всего горит в толпе еврейчиков и того пола, который жаждет попасть в университет, будучи подготовлен к нему в 5 раз хуже, чем мужчина, а мужчина подготовлен скверно и учится в университете, за редкими исключениями, гнусно.

Я послал Вам: Крашенинникова, Хвостова и Давыдова, "Русский архив" (79 г. III) и "Чтение в Обществе археологии" (75 г. 1 и 2).

Хвостова и Давыдова благоволите прислать следующую часть, буде есть, а "Русский архив" мне нужен не III том, а V 1879 г. Остальные книги пришлю завтра или послезавтра.

Гею сочувствую всей душой, но напрасно он так убивается. Сиф«илис» лечится теперь превосходно и излечим - сие несомненно.

С книгами пришлите мой водевиль "Свадьбу". Больше ничего. Приезжайте смотреть пьесу Маслова.

Будьте здоровы и благополучны. В Вашу старость я верю так же охотно, как в четвертое измерение. Во-первых, Вы еще не старик; думаете и работаете Вы за десятерых и способ мышления у Вас далеко не старческий; во-вторых, болезней, кроме мигрени, у Вас никаких нет, и в этом я готов поклясться, а в-третьих, старость плоха только у плохих стариков и тяжела для тяжелых, а Вы хороший и не тяжелый человек. В-четвертых же, разность между молодостью и старостью весьма относительна и условна. А засим позвольте из уважения к Вам броситься в глубокую пропасть и размозжить себе голову.

Ваш А. Чехов.

Как-то я писал Вам об Островском. Он опять был у меня. Что сказать ему?

Поезжайте в Феодосию! Погода чудная.

783. А. И. СУМБАТОВУ (ЮЖИНУ)

10 или 11 марта 1890 г. Москва.

Выбрал для Вас бумагу с ласточками. Кстати же и весна на дворе.

Вчера я получил письмо от Тихонова. Пишет, что не может приехать на Страстной: нет денег на дорогу. А по тону судя, нет и охоты ехать.

Если так, то комиссия должна собраться раньше Страстной, не дожидаясь

петербургских членов, ибо ввиду отказа Тихонова письмо их утеряло всякое значение.

Не сердитесь на меня, милый князюшка, за то, что я не приехал к Вам обедать. Войдите Вы в мое положение. Еду я через месяц, а работы у меня навалено больше чем на год - этого достаточно, чтобы на мою неделикатность взглянуть снисходительным оком. Надул я Вас только потому, что не знал, что вечером будет комитет, иначе бы я не давал Вам слова. Не сердитесь же, а я Вам за это привезу из Японии будду и голую японку из слоновой кости.

Будьте здоровы и небом хранимы. Погода изумительная. Если бы не Сахалин, то я сегодня поехал бы искать дачу.

Ваш А. Чехов. На конверте:

Леонтьевский пер., д. Сорокоумовского Его сиятельству Александру Ивановичу Сумбатову.

784. А. С. ЛАЗАРЕВУ (ГРУЗИНСКОМУ)

13 марта 1890 г. Москва.

13 марта.

Добрейший Александр Семенович, возвращаю Вам Вашу марку, впрочем не в девственном ее состоянии, а уже приклеенною к конверту сего письма. Письмо Ваше к Суворину отправил я в корзину, предварительно оторвав чистую половинку почтового листа. Причины таковой варварской расправы кроются в следующих положениях: 1) за гонораром следует адресоваться не к Суворину, а в контору (Невский, 38), у Суворина же Ваше письмо рискует заваляться; 2) все сотрудники (за исключением Шекспира, меня) за первые свои рассказы в "Новом времени" получали сплошной пятачок - это правило, нарушаемое очень и очень редко; чтобы Вам за свой рассказ "Побег" получить 7-8 коп. и чтобы ходатайство мое в этом направлении имело силу, Вам следует написать еще 2-3 рассказа и потом уж подать общий счет. Послушайтесь меня!

Ваш "Побег" неплох, но сделан больше чем небрежно. Аникой и Прохором называется у Вас одно лицо. Я исправлял, исправлял и все-таки прозевал одного Прохора, и он удержался-таки и, вероятно, породил недоумение не у одного внимательного читателя. Засим стройте фразу, делайте ее сочней, жирней, а то она у Вас похожа на ту палку, которая просунута сквозь закопченного сига. Надо рассказ писать 5-6 дней и думать о нем все время, пока пишешь, иначе фразы никогда себе не выработаете. Надо, чтоб каждая фраза, прежде чем лечь на бумагу, пролежала в мозгу дня два и обмаслилась. Само собой разумеется, что сам я по лености не придерживаюсь сего правила, но Вам, молодым, рекомендую его тем более охотно, что испытал не раз на себе самом его целебные свойства и знаю, что рукописи всех настоящих мастеров испачканы, перечеркнуты вдоль и поперек, потерты и покрыты латками, в свою очередь перечеркнутыми и изгаженными…

Бывает у меня Ежов. У него беда: жена больна. Дела, по-видимому, не блестящи, но он не унывает.

Пишите же поскорей субботник, не ленитесь и не будьте похожи на того обывателя, который каждое утро, прежде чем решиться надеть сапоги, долго крякает, охает и почесывает поясницу.

Будьте здоровы и небесами хранимы.

Ваш А. Чехов.

Худекову напишу, будьте покойны.

785. А. С. СУВОРИНУ

15 марта 1890 г. Москва.

15 марта.

Побуждаемый корыстью, а частью вдохновением, написал я рассказ, который и посылаю одновременно с сим письмом. Только, голубчик, пришлите мне корректуру, ибо рассказ написан сапожной щеткой и нуждается в ретуши. Надо многое сократить и кое-что исправить; исправил бы я и теперь, но голова настроена на сахалинский лад, и во всем, что касается изящной словесности, я теперь не в состоянии отличить кулька от рогожи. Надо подождать и прочесть в корректуре.

Вместе со своим рассказом посылаю рассказ Филиппова, который убедительно просит Вас возвратить ему рассказ, буде он не понравится. Быть может, будет приложен рассказ и Ежова. Поздравляю Вас и желаю, чтоб и впредь Вы получали такие большие тюки.

Отчего Вы не присылаете мне рассказов?

Присланные книги я уже все прочел, кроме Фишера, и на днях вышлю Вам.

Вчера или третьего дня Миша уехал зачем-то в Петербург в департамент. Совершенно незачем спешить, тем более что летом на даче у нас не будет ни одного мужчины. Надо бы лето пожить ему с семьей.

Прощайте, дорогой мой, дай бог Вам всего хорошего. Анне Ивановне привет, целую обе руки.

Ваш А. Чехов.

Ежов спрашивает: пригодился ли его рассказ "Фокусы графа Коржинского"?

786. А. П. ЛЕНСКОМУ

16 марта 1890 г. Москва.

16 марта.

Посылаю Вам, добрейший Александр Павлович, фельетон Ив. Ф. Горбунова. Интересно. Мне кажется, что артисты должны почаще писать в этом роде - для будущих историков русского театра. Только жаль, что местами Ив. Ф. врет и ударяется в тенденцию.

Каждый день собираюсь повидаться с Вами - есть дело, но завален по горло сахалинской, литературной и всякой другой работой, так что даже высморкаться некогда.

Уезжаю в начале апреля.

Почтение Лидии Николаевне.

Ваш А. Чехов.

Получил я письмо от Левитана из Парижа. Пишет все больше о женщинах. Не нравятся.

787. И. Л. ЛЕОНТЬЕВУ (ЩЕГЛОВУ)

16 марта 1890 г. Москва.

16 марта.

Здравствуйте, милый Жан, сколько зим, сколько лет! Моя бедная муза, по воле капризных судеб, надела синие очки и, забросив лиру, занимается этнографией и геологией… Забыты звуки сладкие, слава… все, все забыто! Вот почему я так долго не писал Вам, друже и мой бывший коллега (говорю - бывший, потому что я теперь не литератор, а сахалинец).

Как Вы живете, как чувствуете? В каком положении Ваши нервы, пьесы, бабушка?

Напишите мне хоть одну строчку Вашим трагическим почерком и не покидайте меня… В апреле ведь я уезжаю, и увидимся мы едва ли ранее января!

Мой маршрут таков: Нижний, Пермь, Тюмень, Томск, Иркутск, Сретенск, вниз по Амуру до Николаевска, два месяца на Сахалине, Нагасаки, Шанхай, Ханькоу, Манила, Сингапур, Мадрас, Коломбо (на Цейлоне), Аден, Порт-Саид, Константинополь, Одесса, Москва, Питер, Церковная ул«ица».

Если на Сахалине не съедят медведи и каторжные, если не погибну от тифонов у Японии, а от жары в Адене, то возвращусь в декабре и почию на лаврах, ожидая старость и ровно ничего не делая. Не хотите ли поехать вместе? Будем на Амуре пожирать стерлядей, а в де Кастри глотать устриц, жирных, громадных, каких не знают в Европе; купим на Сахалине медвежьих шкур по 4 р. за штуку для шуб, в Японии схватим японский «…», а в Индии напишем по экзотическому рассказу или по водевилю "Ай да тропики!", или "Турист поневоле", или "Капитан по натуре", или "Театральный альбатрос" и т. п. Поедем!

Черкните мне ein wenig*. Будьте здоровы, кланяйтесь Вашей гостеприимной и радушной жене и примите сердечный привет от всей моей семьи.

Ваш А. Чехов. * немного (нем.).

788. М. И. ЧАЙКОВСКОМУ

16 марта 1890 г. Москва.

16 марта.

Позвольте зачеркнуть тринадцатую ласточку, дорогой Модест Ильич: несчастливое число. Был у меня на днях редактор журнала "Артист" и просил меня употребить все мое красноречие на то, чтобы в его журнал в начале будущего сезона попала Ваша "Симфония". Я спросил: "Сколько Вы заплатите?" Он ответил: "Немного, потому что денег нет". Во всяком случае, если Вы дадите Ваше согласие, то имейте в виду, что за оригинальную пьесу, идущую на казенной сцене, "Артист" платит от 150 до 250 рублей (не за лист, а за всю: этакие скоты!). Так как "Симфония" побывала уже в литографии Рассохина и потеряла там девственность, то 250 не дадут. Насчет согласия или несогласия ответьте мне, но слова не давайте, ибо к осени Ваши планы могут измениться; я рекомендую ответить уклончиво. Буду, мол, иметь Вас в виду. Достаточно с них.

Я сижу безвыходно дома и читаю о том, сколько стоил сахалинский уголь за тонну в 1883 году и сколько стоил шанхайский; читаю об амплитудах и NO, NW, SO и прочих ветрах, которые будут дуть на меня, когда я буду наблюдать свою собственную морскую болезнь у берегов Сахалина. Читаю о почве, подпочве, о супесчанистой глине и глинистом супесчанике. Впрочем, с ума еще не сошел и даже послал вчера в "Новое время" рассказ, скоро пошлю "Лешего" в "Северный вестник" - последнее очень неохотно, так как не люблю видеть свои пьесы в печати.

Через 1 1/2 - 2 недели выйдет в свет моя книжка, посвященная Петру Ильичу. Я готов день и ночь стоять почетным караулом у крыльца того дома, где живет Петр Ильич, - до такой степени я уважаю его. Если говорить о рангах, то в русском искусстве он занижает теперь второе место после Льва Толстого, который давно уже сидит на первом. (Третье я отдаю Репину, а себе беру девяносто восьмое.) Я давно уже таил в себе дерзкую мечту - посвятить ему что-нибудь. Это посвящение, думал я, было бы частичным, минимальным выражением той громадной критики, какую я, писака, составил о его великолепном таланте и какой, по своей музыкальной бездарности, не умею изложить на бумаге. К сожалению, мечту свою пришлось осуществить на книжке, которую я не считаю лучшею. Она состоит из специально хмурых, психопатологических очерков и носит хмурое название, так что почитателям Петра Ильича и ему самому мое посвящение придется далеко не по вкусу.

Вы чехист? Покорно благодарим. Нет, Вы не чехист, а просто снисходительный человек. Будьте здоровы, желаю всего хорошего.

Ваш А. Чехов.

Москва, Кудрино - это адрес.

789. А. Н. ПЛЕЩЕЕВУ

17 марта 1890 г. Москва.

17 марта.

Дорогой Алексей Николаевич, одновременно с сим посылаю Вам своего "Лешего". Простите, что адресуюсь с ним не прямо в редакцию, а беспокою Вас. У меня все-таки надежда, что Вы, прочитав пьесу, быть может, разделите со мною те сомнения, которые заставляют меня посылать в журнал пьесу так нерешительно. Быть может, Вы не будете так снисходительны, как Мережковский и кн. Урусов, и поставите на моей пьесе красный крест.

Перед отъездом постараюсь прислать рассказ. Во всяком случае рассказ в редакции будет гораздо раньше, чем я вернусь из Сахалина. Если не кончу теперь, то кончу в дороге. Тема есть.

Что нового и хорошего? Передайте Елене Алексеевне, что нехорошо так жестоко разочаровывать благородных людей. Дала она нам слово, что будет у нас вечером, и не пришла. А я разорился, купил 2 бутыли вина, закусок, позвал барышень, музыкантов… Каково положение? Поют, пляшут, пьют, музыка играет, штандарт скачет, а бенефициантки нет. Сделайте Вашей дочери внушение… Правда, у нас скучно, но ведь где теперь весело? Даже в цензурном комитете скучно, а уж на что, кажется, весельчаки!

У меня на диване лежит повесть, присланная мне артистом Грековым для отправки ее в "Северн«ый» вестник". Начал я читать и никак не кончу. На днях пришлю Вам.

Читал я, что Театрально-литературный комитет возрождается. Ничего я не понимаю, и как взглянешь на всю эту путаницу, то даже и понимать нет охоты.

Моего домохозяина Корнеева производят в инспектора Моск«овского» университета вместо Доброва, который удаляется благодаря студенческим беспорядкам. Должность генеральская, и посему мой хозяин торжествует. Должно быть, он не читал Пушкина, который пишет: "Тяжела ты, шапка Мономаха!" Беспорядки у нас были грандиозные; я читал прокламации: в них ничего нет возмутительного, но редактированы они скверно и тем особенно плохи, что в них чувствуется не студент, а жидки и… акушерки. Должно быть, не студенты сочиняли. Начальство университетское вывешивает на стены и дает для подписи студентам бумаги, редактированные еще хуже. Так и шибает в нос департаментским сторожем Михеичем! Если и мой домохозяин будет сочинять такие же бумаги, то я начну искать для себя другую квартиру.

О дне выезда из Москвы и о своих сибирских адресах извещу своевременно. Обещание: если пароход, как сказано в расписании, зайдет в Манилу, то я привезу Вам 99 отличнейших сигар (за 100 нужно платить пошлину).

Будьте, дорогой мой, здоровы и благополучны. Кланяйтесь всем Вашим. Мои шлют привет.

Что Жано Щеглов?

Ваш А. Чехов.

790. А. С. СУВОРИНУ

17 марта 1890 г. Москва.

17 марта. Алексия человека божия.

Не именинник ли Вы? Если да, то поздравляю. Насчет падучей можно прочесть в любом учебнике по нервным болезням, а также и (для исследователя это нужно) в соответствующем отделе судебной медицины, но Вы, не специалист, не разберетесь в медицинском хаосе. Я возьму клочок бумаги и вкратце набросаю Вам все, что нужно, и объясню, буде сумею. Зарезать себя мальчик мог. Известно ли, какой нож был у

него в руках? Но главное - падучая у него была наследственная, которая была бы у него и в старости, если бы он остался жив. Стало быть, самозванец был в самом деле самозванцем, так как падучей у него не было. Когда случится писать об этом, то скажите, что сию Америку открыл врач Чехов, - больше мне от Вас ничего не нужно.

Ваш фельетон о беллетристах мне в самом деле понравился, и, чтобы он вышел очень хорошим, я говорил Вам, следовало только захватить вопрос пошире, т. е. поговорить не об одних только беллетристах, а о необразованности всего русского общества. Я нисколько не фальшивил, льстить Вам или утешать Вас вовсе не хотел, а посему впредь о Ваших произведениях говорить Вам никогда больше не буду. Мнительность - это эгоизм 84 пробы.

Теперь просьба:

1) Я писал Вам об одной диссертации. "Д-р Грязнов, Топография Череповецкого уезда". Склад этого издания был у Вас в магазине. Узнайте по телефону, нельзя ли получить его?

2) Пришлите с книгами водевиль мой.

3) Ответьте насчет Островского.

4) Ответьте насчет Филиппова.

5) Я поручил Свободину получить мои деньги из театральной дирекции и вручить их Вам. Пусть они побудут у Вас до востребования, а то у меня беречь их негде, да и боюсь растранжирить их. Простите, что я одолеваю Вас пустяками, но, погодите - скоро пробьет час, в онь же все праведные уедут за границу или в Феодосию, а грешные к генералу Кононовичу и аггелам его, и поручениям моим будет положен конец.

Неужели Вы в самом деле уедете за границу? По какому же адресу я буду писать Вам? Это нехорошо.

Из Общества драмат«ических» писателей я получил более 600 р., за "Пестрые рассказы" еще не получил и едва ли получу, хотя и дал им рассрочку. Получу из "Сев«ерного» вест«ника»".200-300 р., да вероятно уж за книжки у Ваших магазинных девиц скопилось столько же, если не больше. Короче говоря, если б не поездка на Сахалин, то я летом пожил бы так отчетливо, что чертям тошно было бы. А тут, как нарочно, каждый день все новые и новые знакомства, все больше девицы, да такие, что если б согнать их к себе на дачу, то получился бы превеселый и чреватый последствиями кавардак.

Медведев, о назначении которого к Вам в театр пишут в газетах, хороший и умный человек, талантливый актер, но для порядочного театра он недостаточно интеллигентен и достаточно покрыт провинциальной плесенью.

Не знаю, что делать с Александром. Мало того, что он пьет. Это бы ничего, но он еще невылазно погряз в ту обстановку, в которой не пить буквально невозможно. Между нами: супруга его тоже пьет. Серо, скверно, ненастно… И этого человека чуть ли не с 14 лет тянуло жениться! И всю жизнь занимался только тем, что женился и клялся, что больше никогда не женится.

На Сахалине есть деревня, которая называется так: Хуй-э.

У Маслова в пьесе, как я слышал, не играет Ермолова. Надо бы сходить на репетиции, да некогда.

Читал сегодня в телеграмме "Русских ведомостей", что Джек Виноградов стал обер-Джеком. Воображаю, как довольна его Елизавета Захаровна, позволяющая спать ему на коротком диване, и сколько вводных предложений сказал он по поводу своего нового назначения! Он добрейший человек, и я желаю ему от души всего хорошего.

Будьте счастливы.

Ваш А. Чехов.

Получили мой рассказ?

Сестра и ее барышни переписывают для меня в публичной библиотеке.

791. И. Л. ЛЕОНТЬЕВУ (ЩЕГЛОВУ)

22 марта 1890 г. Москва.

22 марта.

Здравствуйте, милый Жанчик, спасибо Вам за большое письмо и за доброжелательство, которым оно наполнено сверху донизу. Рад буду прочесть Ваш военный рассказ. Он пойдет в пасхальном номере? Я уже давно не читал ничего ни Вашего, ни своего.

Вы пишете, что Вам хочется жестоко поругаться со мной "в особенности по вопросам нравственности и художественности", говорите неясно о каких-то моих преступлениях, заслуживающих дружеского упрека, и грозите даже "влиятельной газетной критикой". Если зачеркнуть слово "художественности", то вся фраза, поставленная в кавычки, становится яснее, но приобретает значение, которое, по правде говоря, меня немало смущает. Жан, что такое? Как понимать? Неужели в понятиях о нравственности я расхожусь с такими хорошими людьми, как Вы, и даже настолько, что заслуживаю упрека и особого ко мне внимания влиятельной критики? Понять, что Вы имеете в виду какую-либо мудреную, высшую нравственность, я не могу, так как нет ни низших, ни высших, ни средних нравственностей, а есть только одна, а именно та, которая дала нам во время оно Иисуса Христа и которая теперь мне, Вам и Баранцевичу мешает красть, оскорблять, лгать и проч. Я же во всю мою жизнь, если верить покою своей совести, ни словом, ни делом, ни помышлением, ни в рассказах, ни в водевилях не пожелал жены ближнего моего, ни раба его, ни вола его, ни всякого скота его, не крал, не лицемерил, не льстил сильным и не искал у них, не шантажировал и не жил на содержании. Правда, в лености житие мое иждих, без ума смеяхся, объедохся, опихся, блудил, но ведь все это личное и все это не лишает меня права думать, что по части нравственности я ни плюсами, ни минусами не выделяюсь из ряда обыкновенного. Ни подвигов, ни подлостей - такой же я, как большинство; грехов много, но с нравственностью мы квиты, так как за эти грехи я с лихвой плачу теми неудобствами, какие они влекут за собой. Если же Вы хотите жестоко поругаться со мной за то, что я не герой, то бросьте Вашу жестокость за окно, а ругань смените на Ваш милый трагический смех - это лучше.

А слова "художественности" я боюсь, как купчихи боятся жупела. Когда мне говорят о художественном и антихудожественном, о том, что сценично или не сценично, о тенденции, реализме и т. п., я теряюсь, нерешительно поддакиваю и отвечаю банальными полуистинами, которые не стоят и гроша медного. Все произведения я делю на два сорта: те, которые мне нравятся, и те, которые мне не нравятся. Другого критериума у меня нет, а если Вы спросите, почему мне нравится Шекспир и не нравится Златовратский, то я не сумею ответить. Быть может, со временем, когда поумнею, я приобрету критерий, но пока все разговоры о "художественности" меня только утомляют и кажутся мне продолжением все тех же схоластических бесед, которыми люди утомляли себя в средние века.

Если критика, на авторитет которой Вы ссылаетесь, знает то, чего мы с вами не знаем, то почему она до сих пор молчит, отчего не открывает нам истины и непреложные законы? Если бы она знала, то, поверьте, давно бы уж указала нам путь, и мы знали бы, что нам делать, и Фофанов не сидел бы в сумасшедшем доме, Гаршин был бы жив до сих пор, Баранцевич не хандрил бы, и нам бы не было так скучно и нудно, как теперь, и Вас не тянуло бы в театр, а меня на Сахалин… Но критика солидно молчит или же отделывается праздной дрянной болтовней. Если она представляется Вам влиятельной, то это только потому, что она глупа, нескромна, дерзка и криклива, потому что она пустая бочка, которую поневоле слышишь…

Впрочем, плюнем на все это и будем петь из другой оперы. Пожалуйста, не возлагайте литературных надежд на мою сахалинскую поездку. Я еду не для наблюдений и не для впечатлений, а просто для того только, чтобы пожить полгода не так, как я жил до сих пор. Не надейтесь на меня, дядя; если успею и сумею сделать что-нибудь, то - слава богу, если нет - то не взыщите.

Выеду я после Святой. Своевременно пришлю Вам свой сахалинский адрес и подробную инструкцию.

Моя семья кланяется Вам, а я кланяюсь Вашей жене.

Будьте, миленький штабс-капитан с усами, здоровы и благополучны.

Ваш А. Чехов.

792. А. С. СУВОРИНУ

22 марта 1890 г. Москва.

22 мартабря.

Вчера я послал Вам Фишера, один "Вестник Европы" и 2 тома Голицинского. Прилагаемый листочек благоволите послать в книжный магазин; если же Вам уже надоело возиться со мной и с книгами, то бросьте этот листок под стол, хотя не советую Вам делать этого, так как магазин оттого, что приобретает для меня книги, имеет весьма большую пользу, а мальчик, носящий мне из контрагентства книги и износивший пары три сапог, уже получил от меня два рубля. Дал бы больше, но боюсь, что привыкнет к роскоши.

Нет ли у Вас в библиотеке "Климаты разных стран" Воейкова? Очень хорошая книга. Если есть, то пришлите, если нет, то не нужно, так как она стоит 5 руб. - для меня это дорого. Пришлите Максимова "Сибирь и каторгу".

Получил от Плещеева траурное письмо: "Северный вестник" приказал долго жить. Старик лишился заработка и ругает Евреинову с пылом молодого поэта. Но я-то влопался! Во-первых, за каким же чертом я обкрадывал себя, за каким дьяволом я "поддерживал" издание, которое околело? Если б я мог знать, что это случится, то работал бы в "Вестнике Европы", где мне платили бы не 150 руб. за лист и не в рассрочку. Во-вторых, я рассчитывал, что покойный журнал даст мне на дорогу 200-300 рублей и потом все лето будет высылать моему бедному благородному семейству по 50 р. в месяц, - и вдруг трах! Никакие акции никогда так низко не падали, как мои сахалинские. Впрочем, черт с ними… Вчера одна девица говорила мне, что будто проф. Стороженко рассказывал ей такой анекдот. Государю понравилась "Крейцерова соната"; Победоносцев, Любимов и прочие херувимы и серафимы, чтобы оправдать свое отношение к Толстому, поспешили показать государю "Николая Палкина". Прочитав, г«осударь» будто бы так рассердился, что приказал принять меры. Дано было знать кн. Долгорукову. И вот в один прекрасный день приходит к Толстому адъютант от Долгорукова и приглашает его немедленно пожаловать к князю. Тот отвечает:

- Передайте князю, что я езжу и хожу только в знакомые дома.

Сконфуженный адъютант уезжает и на другой день привозит графу официальную бумагу, в к«ото»рой будто испрашивалось у графа объяснение по поводу его "Н«иколая» Палкина". Толстой прочитал бумагу и сказал:

- Передайте его сиятельству, что я давно уже ничего не пишу для печати; пишу я только для своих друзей, а если друзья распространяют мои произведения, то виноваты в этом они, а не я. Так и передайте.

- Но я этого не могу передать!- ужаснулся адъютант. - Князь мне не поверит!

- Князь не верит своим подчиненным? Это нехорошо.

На третий день опять приезжает адъютант, с новой бумагой и узнает, что Толстой уехал в Ясную Поляну. Так кончается анекдот.

Теперь о новых веяниях. У нас в участках дерут; установлена такса: с крестьянина за дранье берут 10 коп., а с мещанина 20 коп. - это за розги и труды. Дерут и баб. Недавно, увлекшись поркой, в участке выпороли и двух адвокатиков, помощников присяжных поверенных, о чем сегодня смутно докладывают "Русские ведомости". Начато следствие.

Еще веяние. Извозчики одобряют студенческие беспорядки. "Это они затем бунтуют, объясняют они, чтобы и бедных принимали в ученье. Не одним же богачам учиться". Говорят, что когда толпу студентов вели ночью в тюрьму, то около Страстного монастыря плебс напал на жандармов, чтобы отбить у них студентов. Плебс будто бы вопил при этом: "Вы для нас порку выдумали, а они за нас заступаются".

Конечно, я не Шопенгауэр и не Паскаль, Вы правы; но и Вы тоже, извините, не того… Ну, можно ли так понимать письма? Конечно, всякий мастер мнителен и подозрителен к своим произведениям; это так и нужно. В этом отношении я даже пессимизм одобряю. Писал же я Вам совсем о другой мнительности, которая в самом-таки деле есть эгоизм 84 пробы. Я писал Вам о той мнительности, которая заставляет Вас в каждом, хвалящем Ваши произведения, подозревать нехорошие побуждения вроде лести или желания утешить…

Мой дядя ужасно божественный человек.

Кланяйтесь уважаемой утке. Она мне снилась.

Нового ничего нет.

Votre А. Чехов.

793. А. Н. ПЛЕЩЕЕВУ

27 марта 1890 г. Москва.

27 марта.

Милый Алексей Николаевич, известие о кончине "Северного вестника" произвело на меня впечатление удручающее. Нехорошо все это. Странно, что всюду говорят у нас о том, что в России мало журналов, и в то же время среди бела дня, в столице, при изобилии пишущих беспомощно и зря погибает журнал.

"Лешего" будьте добры привезти с собой, так как продолжать работать в том журнале, который уже лопнул или через месяц лопнет, нельзя.

Теперь об Обществе драматических писателей. Вопрос об авансе был поднят мною в Комитете. Комитет единогласно напал на Майкова, который состроил недоумевающую рожу и стал уверять нас, что письма от Вас он не получал. Комитет постановил, чтобы я Майкову написал от себя письмо и чтобы Майков дал на него ответ Вам. Получили ли Вы сей ответ? Во всяком случае, не родился еще тот казначей, который решился бы отказать Вам в такой пустяшной услуге, как сторублевый аванс.

Скоро будут выборы. Если будете на заседании, то заявите, голубчик, что я уезжаю из России до декабря и что таким образом временно теряю свою правоспособность. Пусть меня не выбирают в члены Комитета. Если же меня почтут избранием, то я поблагодарю и откажусь. Стало быть, пусть не трудятся. Что касается состава будущего Комитета, то вот Вам мое мнение. Немирович и Сумбатов, даже Александров должны быть избраны вновь, по возможности единогласно, так как частая перемена в администрации Общества ничего не может принести Обществу, кроме вреда. Нехорошо, если члены Комитета будут меняться ежегодно; при таком порядке вещей Комитет никогда не будет состоять из людей опытных, достаточно знакомых с делом.

Вчера было заседание комиссии. Мне поручено написать протокол заседания. Сейчас сажусь писать его. Будьте здоровы. До скорейшего свидания.

Ваш А. Чехов.

794. А. С. СУВОРИНУ

29 марта 1890 г. Москва.

29 марта.

Вчера послал Вам три тома "Русской старины": 78, XXII, 79, XXIV и 81, XXXII. Ваших книг осталось у меня немного. Теперь сижу и повторяю гигиену (одежда,

постройки, вентиляции и проч.), которую я наполовину забыл. Написал я немного, а все больше переписываю чужое.

Переутомление штука условная. Вы пишете, что работали по 20 часов в сутки и не утомлялись. Но ведь можно утомиться и лежа целый день на диване. Вы писали 20 часов, но ведь у Вас в это время было отличное самочувствие, Вас возбуждал успех, задор, чувство таланта, Вы любили дело, иначе бы не писали. А Ваш инфант не спит по ночам не потому, что у него есть публицистический талант или любовь к делу, а только потому, что его отец издает газету. Разница большая. Ему бы следовало быть лекарем, адвокатом, жить на 2 тысячи в год и печатать свои статьи не в "Новом времени" и не в духе "Нового времени". Только ту молодость можно признать здоровою, которая по мирится со старыми порядками и глупо или умно борется с ними - так хочет природа и на этом зиждется прогресс, а Алексей Алексеевич начал с того, что всосался в старые порядки. Когда мы интимничали, он ни разу не выругал Татищева или Буренина, а это дурной знак. Вы в сто раз либеральнее его, а следовало бы наоборот. Он вяло и лениво протестует, скоро понижает голос, скоро соглашается, и в общем получается такое впечатление, как будто он совсем не заинтересован в борьбе, т. е. участвует в петушином бою как зритель, не имея собственного петуха. А своего петуха иметь надо, иначе неинтересно жить. На беду еще он умный человек, а большой ум при малом интересе к жизни подобен большой машине, которая, ничего не производя, требует много топлива и истощает хозяйство.

Болезнь, о которой Вы писали в последнем письме, дурна сама по себе, но ad vitam* дает предсказание хорошее, а главное - она радикально излечима. Что же касается наследственности, то с нею надо мириться, ибо она неизбежна и нужна. А нужна потому, что человек, кроме дурного, наследует еще от предков много и хорошего. Пока у А«лексея» А«лексеевича» самое серьезное - это его насморк. Насморк истощает организм подобно трипперу. Чтобы выработать то, что ежедневно выделяет больной нос, организму приходится затрачивать много материала. К тому же еще нос находится в прямой связи со всеми дыхательными органами, и нередки примеры, когда от носа кашляют, а закупорка носа, например, полипом, ведет даже к чахотке. Известно также, что нос имеет отдаленную и до сих пор еще непонятую связь с половой сферой.

Когда А«лексей» А«лексеевич» приедет, то прежде всего я покажу его нос Беляеву, считающемуся у нас лучшим специалистом. А дальше его носа я уж ничего не вижу. Захарьин лечит хорошо только катары, ревматизмы, вообще болезни, поддающиеся объективному исследованию, а у А«лексея» А«лексеевича» болезнь умственная, социально-экономо-психологическая, которая, быть может, не существует вовсе, а если и существует, то, быть может, не должна считаться болезнью.

Скажите Алексею Алексеевичу, что его письмо от 7 марта и два рассказа я получил только сегодня. А на его вино я давно уже рукой махнул. Ничего кроме надувательства не вижу.

Сейчас я послал Вам с мальчиком из контрагентства "Вестник Европы" 1875, 6 и "Русскую старину" 1883, т. XXXVII.

Прощайте однако. Пора удирать из дому. Погода хорошая.

Ваш А. Чехов. * для жизни (лат.).

795. Р. Р. ГОЛИКЕ

31 марта 1890 г. Москва.

31 март.

Христос воскрес, милый Роман Романович!

Поздравляю тебя и всех твоих с праздником и от души желаю счастья. Будь всегда весел и здоров; богатей и имей побольше хороших друзей, и да минуют твою квартиру крупы, скарлатины, которые уже немало испортили тебе крови.

На Фоминой неделе я удаляюсь из прекрасных здешних мест. Прощай и не поминай лихом. Увидимся в декабре. А может быть, и никогда уж больше не увидимся.

В марте я послал тебе письмо и ответа не получил. Я просил тебя поторопить Юлия Богдановича прислать мне то, что он обещал, т. е. счет по "Пестрым рассказам". Это необходимо.

Будь здоров. Низко тебе кланяюсь и прошу не забывать твоего

А. Чехова.

796. Н. А. ЛЕЙКИНУ

31 марта 1890 г. Москва.

31 март.

Христос воскрес, добрейший Николай Александрович! Поздравляю Вас с праздником и разговевши. Желаю Вам здравия, спасения, во всем благого поспешения, а главное - чтобы изобилие благ земных на Вашей праздничной трапезе не повлекло бы за собой последствий, предусмотренных медициною в отделе желудочно-кишечных заболеваний. Да хранит небо гостей Ваших!

Скоро я отправляюсь в путь. Жду вскрытия Камы. Увидимся мы с Вами в декабре, а пока прошу не поминать лихом меня грешного. Буду Вам писать изредка в надежде, что Вы не оставите меня без Ваших писем. В изгнании я буду подобен богатому Лазарю, для которого перст, просунутый из другого света, служит отрадою, о письмах же и говорить нечего. На Сахалине я проживу не меньше двух месяцев. Можете вообразить ту скуку, какую я буду испытывать по вечерам. Свои сахалинские, японские, китайские и индийские адреса сообщу и буду сообщать своевременно.

Какая, однако, весна! Вчера я соблазнился и поехал в Нескучный сад. Так как весь февраль и март я просидел дома безвыходно и не заметил перехода от зимы к весне, то в Нескучном мне показалось, как будто я из сугроба попал прямо на острова Таити. Погода отличная и, к сожалению, нет дождей. Боюсь, как бы это весеннее бездождие не разразилось чем-нибудь вроде брюшного тифа.

Когда в почве происходят всякие процессы гниения и проч., то важно в санитарном отношении, чтобы поры загрязненной почвы, содержащей в себе зародыши болезней, были наполнены водою и чтобы таким образом механически было заграждено сообщение этих зародышей с атмосферным воздухом.

Обещано мне было, что я к апрелю покончу счеты за "Пестрые рассказы". Но до сих пор я не получал ни счетов, ни ответов на свои письма. А на "Пестрые рассказы" в рассуждении своего путешествия я сильно рассчитывал. По крайней мере мне трудно будет выехать, прежде чем я не урегулирую свои денежные отношения.

Говорят, что Билибин получил командировку на Кавказ. Правда ли? Очень рад.

Пока в Москве все обстоит благополучно. Слухи о повсеместной в Москве порке сильно преувеличены.

Низко кланяюсь Прасковье Никифоровне, Феде и Спиридону Матвеевичу.

Будьте здоровы и благополучны и не забывайте нас грешных.

Ваш А. Чехов.

797. А. С. СУВОРИНУ

1 апреля 1890 г. Москва.

1 апрель.

Христос воскрес! Поздравляю Вас, голубчик, и всех Ваших и желаю счастья.

Уезжаю я на Фоминой неделе или несколько позже, смотря по тому, когда вскроется

Кама. Скоро начну делать прощальные визиты. Перед отъездом я буду просить у Вас корреспондентского бланка и денег. Первый пришлите, пожалуйста, а насчет вторых надо погодить, так как я не знаю, сколько мне понадобится. Я теперь собираю с лица земли принадлежащие мне капиталы, еще не собрал, а когда соберу, видно будет, чего мне недостает.

Семья обеспечена до октября - в этом отношении я уже покоен.

Да, Ежов грубоват. Это плебей, весьма мало образованный, но неглупый и порядочный. С каждым годом он пишет все лучше и лучше - это я констатирую. Вы пишете, что его фельетон имел успех. Если это тот, в котором идет речь о попе, то спешу заявить, что я не исправлял его. По-моему, теперь Ежову как работнику пятак цена, но через 5-10 лет, когда он станет постарше, он будет нужным человеком. Главное, он порядочен и не пьяница. Есть другой, Лазарев, - это тоже хороший человек.

Вчера я прочел Ежову письмо Алексея Алексеевича, который пишет, что Вы предлагаете ему, Ежову, аванс в 100 рублей. У Ежова жена больна чахоткой, нужно везти ее на юг, и от аванса он не отказывается, находя его своевременным. Он просит Вас прислать ему 100 рублей и просит также, чтобы контора удерживала в счет аванса не весь гонорар, а только половину. Все это прекрасно, но я прошу позволения вмешаться и выдать ему сей аванс не теперь, а накануне его отъезда. Если позволите, я выдам ему сто рублей, когда он придет ко мне прощаться. Раньше выдавать нельзя, так как он потратит на чепуху и чахоточной жене его придется ехать в III классе.

Теперь об Островском. Ответьте мне что-нибудь. Вы обещали издать рассказы его сестры. Напишите же, когда книга начнет печататься. Вся фамилия Островских томится.

Если у Алексея Алексеевича в самом деле полип, то излечить его насморк так же легко, как выкурить папиросу. Но едва ли у него полип.

Пришлите мне мой водевиль "Свадьбу". Если потеряли, то так тому и быть, отслужим сему водевилю панихиду.

Вчера был у меня один актер, участвующий в пьесе Маслова. Не бранится. Значит, пьеса идет хорошо. Он уверял меня, что "Севильский обольститель" не оригинальная пьеса, а перевод.

Вы браните меня за объективность, называя ее равнодушием к добру и злу, отсутствием идеалов и идей и проч. Вы хотите, чтобы я, изображая конокрадов, говорил бы: кража лошадей есть зло. Но ведь это и без меня давно уже известно. Пусть судят их присяжные заседатели, а мое дело показать только, какие они есть. Я пишу: вы имеете дело с конокрадами, так знайте же, что это не нищие, а сытые люди, что это люди культа и что конокрадство есть не просто кража, а страсть. Конечно, было бы приятно сочетать художество с проповедью, но для меня лично это чрезвычайно трудно и почти невозможно по условиям техники. Ведь чтобы изобразить конокрадов в 700 строках, я все время должен говорить и думать в их тоне и чувствовать в их духе, иначе, если я подбавлю субъективности, образы расплывутся и рассказ не будет так компактен, как надлежит быть всем коротеньким рассказам. Когда я пишу, я вполне рассчитываю на читателя, полагая, что недостающие в рассказе субъективные элементы он подбавит сам. Будьте благополучны.

Ваш А. Чехов.

798. В. М. ЛАВРОВУ

10 апреля 1890 г. Москва.

10 апр.

Вукол Михайлович! В мартовской книжке "Русской мысля" на 147 странице библиогр«афического» отдела я случайно прочел такую фразу: "Еще вчера, даже жрецы беспринципного писания, как гг. Ясинский и Чехов, имена которых" и т. д… На критики обыкновенно не отвечают, но в данном случае речь может быть не о критике, а просто о клевете. Я, пожалуй, не ответил бы и на клевету, но на днях

я надолго уезжаю из России, быть может, никогда уж не вернусь, и у меня нет сил удержаться от ответа.

Беспринципным писателем или, что одно и то же, прохвостом я никогда не был.

Правда, вся моя литературная деятельность состояла из непрерывного ряда ошибок, иногда грубых, но это находит себе объяснение в размерах моего дарования, а вовсе не в том, хороший я или дурной человек. Я не шантажировал, не писал ни пасквилей, ни доносов, не льстил, не лгал, не оскорблял, короче говоря, у меня есть много рассказов и передовых статей, которые я охотно бы выбросил за их негодностью, но нет ни одной такой строки, за которую мне теперь было бы стыдно. Если допустить предположение, что под беспринципностью Вы разумеете то печальное обстоятельство, что я, образованный, часто печатавшийся человек, ничего не сделал для тех, кого люблю, что моя деятельность бесследно прошла, например, для земства, нового суда, свободы печати, вообще свободы и проч., то в этом отношении "Русская мысль" должна по справедливости считать меня своим товарищем, но не обвинять, так как она до сих пор сделала в сказанном направлении не больше меня - и в этом виноваты не мы с Вами.

Если судить обо мне как о писателе с внешней стороны, то и тут едва ли я заслуживаю публичного обвинения в беспринципности. До сих пор я вел замкнутую жизнь, жил в четырех стенах; встречаемся мы с Вами раз в два года, а, например, г. Мачтета я не видел ни разу в жизни - можете поэтому судить, как часто я выхожу из дому; я всегда настойчиво уклонялся от участия в литературных вечерах, вечеринках, заседаниях и т. п., без приглашения не показывался ни в одну редакцию, старался всегда, чтобы мои знакомые видели во мне больше врача, чем писателя, короче, я был скромным писателем, и это письмо, которое я теперь пишу, - первая нескромность за все время моей десятилетней деятельности. С товарищами я нахожусь в отличных отношениях; никогда я не брал на себя роли судьи их и тех журналов и газет, в которых они работают, считая себя некомпетентным и находя, что при современном зависимом положении печати всякое слово против журнала или писателя является не только безжалостным и нетактичным, но и прямо-таки преступным. До сих пор я решался отказывать только тем журналам и газетам, недоброкачественность которых являлась очевидною и доказанною, а когда мне приходилось выбирать между ними, то я отдавал преимущество тем из них, которые по материальным или другим каким-либо обстоятельствам наиболее нуждались в моих услугах, и потому-то я работал не у Вас и не в "Вестнике Европы", а в "Северном вестнике", и потому-то я получал вдвое меньше того, что мог бы получать при ином взгляде на свои обязанности.

Обвинение Ваше - клевета. Просить его взять назад я не могу, так как оно вошло уже в свою силу и его не вырубишь топором; объяснить его неосторожностью, легкомыслием или чем-нибудь вроде я тоже не могу, так как у Вас в редакции, как мне известно, сидят безусловно порядочные и воспитанные люди, которые пишут и читают статьи, надеюсь, не зря, а с сознанием ответственности за каждое свое слово. Мне остается только указать Вам на Вашу ошибку и просить Вас верить в искренность того тяжелого чувства, которое побудило меня написать Вам это письмо. Что после Вашего обвинения между нами невозможны не только деловые отношения, но даже обыкновенное шапочное знакомство, это само собою понятно.

А. Чехов.

799. А. С. СУВОРИНУ

11 апреля 1890 г. Москва.

11 апр.

А«лексей» А«лексеевич» уехал на юг. Виделся я с ним ежедневно, вместе обедал, ужинал, и всякий раз его здоровье производило на меня самое хорошее впечатление. Показывать его Захарьину или другому какомунибудь светилу я положительно не нашел нужным, ибо нет ничего хуже, как явиться к врачу и не знать, на что жаловаться. Это баловство; приучать себя смолоду к беседам с врачами значит создать себе к старости самое плохое мнение о своем здоровье, что вредно, вреднее насморка. Я хотел показать его лучшему захарьинскому ассистенту, своему Корнееву, прекраснейшему врачу, который взял бы на себя решение вопроса о визите к Захарьину, но Алексей Алексеевич зафордыбачился, а я не нашел нужным

протестовать и настаивать. Насчет носа нам не повезло. Беляев принимает только до девяти часов утра, после чего он исчезает из Москвы, а Ваш инфант не пожелал вставать рано. Я взял с него слово, что на обратном пути через Москву он зайдет к Корнееву; Корнеев приятель Беляева и устроит все, что нужно; сей Корнеев приятель и Захарьина. Не забудьте сего и, если понадобится, обращайтесь к нему. Человек он хороший.

Легкие, печень и мозги у Алексея Алексеевича находятся в вожделенном здравии. Сердце тоже. Катара нет ни в желудке, ни в кишках. Если, как я слышал от него, он будет жить летом в Феодосии, то в июне или в июле, главным же образом перед тем, как он начнет купаться, не забудьте устроить так, чтобы какой-нибудь местный врач посмотрел его мочу. Не забудьте. Если в названное время моча его окажется по составу и удельному весу нормальною, то дайте ему паспорт на все четыре стороны и скажите, что заезжать в Москве к Корнееву нет надобности; пусть ест, пьет, купается и работает сколько ему угодно. Если в Феодосии будет врач Хаджи, то обратитесь к нему, он знает, что делать с мочой. Даю я Вам это мочевое поручение не без основания: оно успокоит Вас насчет сахарной болезни, о которой Вы писали мне в двух письмах, и убедит Алексея Алексеевича, что у него здоровы не только легкие, печень и мозги, но и почки, т. е. что он здоров совершенно.

Еду я 18-го апреля. Ежову я отдам сто рублей из своих, не беря в московском магазине, - так мы решили с Алексеем Алексеевичем. Свои адресы сообщу Вам своевременно. Ехать не хочется, и я охотно бы остался, но лучше отделаться от поездки в этом году, чем откладывать ее до будущего года. Денег у меня набралось достаточно, но тем не менее все-таки я попрошу у Вас на всякий случай тысячу рублей плюс те сто, которые я отдал Ежову. Этого мне больше чем достаточно, и я привезу Вам еще сдачи. Пятьсот я отработаю до августа, а остальные замошенничаю. На святой неделе я получил из Вашего магазина 782 рубля. Скоро нужно будет печатать 4-е издание "В сумерках".

Вчера я послал Вам "Морской сборник" для Виноградова и "Горный журнал" для Скальковского. Скажите последнему, что я удержал у себя те три номера, в которых напечатана статья его сослуживца Кеппена. Возвращу своевременно.

Ради всех святых ответьте мне что-нибудь насчет Островского. Умоляю!!! Опять приходил.

Я еще не уехал, а сестра уже начала скучать. Без меня ей придется плохо. Посылаю ее недели на две в Крым.

Поклонитесь Афанасьеву. Вчера был у меня Алексей Петрович с кн. Урусовым. После "Севильского обольстителя" ужинала целая компания: автор, Мишя Иванов, Плющик-Плющевский, брат Иванова, Алексей Алексеевич, Алексей Петрович и я. Если не говорить обо мне и А«лексее» А«лексеевиче», то из всей компании, мертвецки скучной, самым интересным был Алексей Петрович, хотя он все время молчал. Ужинали скупо: по 4 рубля с носа. Не обедняли бы, если бы и по 8 истратили. Поели и вдруг все утомились; недоставало китайцев с носилками. Мишя был во фраке и в белом галстухе и сделал мне выговор, что у нас в Москве не умеют поддерживать товарищей. Я ему ничего не ответил на это. Я был на "Севильском обольстителе", а Маслов постарался не быть на "Иванове" и все время делал вид, что он не был, но из этого я не заключаю, что в Петербурге не умеют поддерживать товарищей. Поддерживать товарища значит аплодировать; начать же аплодировать - значит вызвать протестующее шиканье со стороны не товарищей.

Будьте хранимы господом богом в всеми его силами небесными. Во сне за мною гонялся волк.

Низко кланяюсь Вашим.

Ваш А. Чехов.

Сейчас сидит у меня Е. К. Маркова, которая когда-то жила у Вас. Она вышла замуж за художника Сахарова, очень милого, но нудного человека, который во что бы то ни стало хочет ехать со мной на Сахалин рисовать. Отказать ему в своем обществе у меня не хватает духа, а ехать с ним - это сплошная тоска. На днях он едет в Петерб«ург» продавать свою картину и по просьбе своей супруги зайдет к Вам просить совета. Жена по сему случаю пришла просить у меня рекомендательного письма к Вам. Будьте благодетелем, скажите Сахарову, что я пьяница, мошенник,

нигилист, буян, и что со мной ехать нельзя, и что поездка его в моем обществе испортит ему кровь и больше ничего. Скажите, что время его пропадет зря. Мне, конечно, было бы приятно иллюстрировать свою книгу, но когда я узнал, что Сахаров за это надеется получить не менее тысячи рублей, то у меня пропал всякий аппетит к иллюстрации. Голубчик, отсоветуйте!!! Почему ему понадобился именно Ваш совет, черт его знает. Это тот самый, который написал крушение царского поезда.

800. Ф. А. ЧЕРВИНСКОМУ

12 апреля 1890 г. Москва.

12 апр.

Уважаемый Федор Алексеевич, я уезжаю 17 или 18-го, т. е. в среду или в четверг на будущей неделе. Если успею, то рад служить. Если же не успею теперь, то погодите декабря, когда я буду в Петербурге.

Буде угодно Вам знать мнение актеров, то обратитесь к Ленскому или Южину, с которыми, если Вам угодно, я поговорю перед отъездом. Только поспешите написать мне.

Желаю Вам всего хорошего.

Ваш А. Чехов.

801. Н. А. ЛЕЙКИНУ

13 апреля 1890 г. Москва.

Искренно уважаю вашу плодотворную деятельность. Горячо приветствую. Желаю счастья. Чехов. На бланке:

Петербург, Лейкину.

802. К. С. БАРАНЦЕВИЧУ

15 апреля 1890 г. Москва.

15 апр.

Прощайте, милый друг, желаю Вам всего хорошего. Я исчезаю и покажусь на российском горизонте не раньше декабря. Привет Вашей жене и гусикам. Если Вам вздумается черкнуть 2-3 строчки, то мой адрес таков: Александровский пост на о. Сахалине. Все, написанное до 25 июля, застанет меня на Сахалине. О том, какую цену будут иметь для меня письма, говорить нечего; при той скуке, какая ожидает меня на кандальном острове, Ваша хандра покажется мне солнцем. В письмах Вы можете хандрить, сколько Вам угодно, но хандрить дома и на улице - упаси Вас боже! Все равно, рано или поздно, умрем, стало быть, хандрить по меньшей мере нерасчетливо. Ах, если бы Вы, милый Кузьма Протапыч, побывали летом у наших! Это было бы для всей моей фамилии таким подарком, какого даже на Сорочинской ярмарке не купишь.

Поклонитесь Альбову и передайте ему мое глубокое сожаление, что обстоятельства не позволили мне покороче познакомиться с ним и таким образом иметь право выразить ему, свое дружеское сочувствие по поводу потери, какую он понес.

Ну-с, оставайтесь тем отличным человеком, каким я знал Вас до сих пор, и не поминайте лихом Вашего почитателя.

А. Чехов.

803. А. С. СУВОРИНУ

15 апреля 1890 г. Москва.

15 апрель.

Итак, значит, дорогой мой, я уезжаю в среду или, самое большое, в четверг. До свиданья до декабря. Счастливо оставаться. Деньги я получил, большое Вам спасибо, хотя полторы тысячи много, не во что их положить, а на покупки в Японии у меня хватило бы денег, ибо я собрал достаточно.

У меня такое чувство, как будто я собираюсь на войну, хотя впереди не вижу никаких опасностей, кроме зубной боли, которая у меня непременно будет в дороге. Так как, если говорить о документах, я вооружен одним только паспортом и ничем другим, то возможны неприятные столкновения с предержащими властями, но это беда проходящая. Если мне чего-нибудь не покажут, то я просто напишу в своей книге, что мне не показали - и баста, а волноваться не буду. В случае утонутия или чего-нибудь вроде, имейте в виду, что все, что я имею и могу иметь в будущем, принадлежит сестре; она заплатит мои долги.

Телеграфировать Вам буду непременно; чаще же буду писать. Адрес для телеграмм: Томск, редакция "Сибирского вестника", Чехову. Письма, написанные до 25 июля, я непременно получу; написанные позже на Сахалине меня не застанут. Кроме писем и телеграмм, Вы, сударь, имеете посылать мне заказными бандеролями всякую печатную чепуху, начиная с брошюрок и кончая газетными вырезками - это будет лекарством от сахалинской скуки; только присылайте такие вещи, которые, прочитавши, не жалко бросить. Мой адрес для писем и бандеролей: Пост Александровский на о. Сахалине или Пост Корсаковский. Посылайте по обоим адресам. За все сие я привезу Вам не в счет абонемента голую японку из слоновой кости или что-нибудь вроде уважаемой утки, которая стоит у Вас на этажерке перед столом. Напишу Вам в Индии экзотический рассказ.

С дороги в "Новое время" я не буду писать ничего, кроме субботников. Я буду писать Вам лично; если что дорожное будет, по Вашему мнению, годиться для печати, то отсылайте в редакцию. Впрочем, там видно будет. Кусочки в 40-75 строк писать недурно бы.

Мать я беру с собой и высаживаю в Троицкой лавре, сестру тоже беру и высаживаю в Костроме. Вру им, что приеду в сентябре.

В Томске осмотрю университет. Так как там только один факультет - медицинский, то при осмотре я не явлю себя профаном.

Купил себе полушубок, офицерское непромокаемое пальто из кожи, большие сапоги и большой ножик для резания колбасы и охоты на тигров. Вооружен с головы до ног.

Итак, до свиданья. Буду писать Вам с Волги и с Камы. Анне Ивановне, Настюше и Борису самый сердечный привет.

Ваш А. Чехов.

804. М. И. ЧАЙКОВСКОМУ

16 апреля 1890 г. Москва.

16 апрель.

До свиданья, милый Модест Ильич, я исчезаю. Желаю Вам всего хорошего. Поклон и привет Петру Ильичу. Если напишете мне две-три строчки, то я буду больше чем благодарен, так как остров Сахалин знаменит своими туманами и гнетущей скукой. Мой адрес:

Пост Александровский на о. Сахалине. Все, что Вы напишете до 25 июля, я получу; написанное же позже уже не застанет меня на оном острове. Тот пароход, на котором я вернусь в отечество, выйдет из Одессы 1-го августа; он привезет мне почту. Письма, посланные до июня, пойдут сухим путем через Сибирь.

Когда в октябре или в ноябре Вас будут вызывать за "Симфонию", то вообразите, что я сижу на галерке и хлопаю Вам вместе с другими, а когда после спектакля

будете ужинать, то помяните меня в своих святых молитвах.

Крепко жму Вам руку.

Ваш А. Чехов. На конверте:

Петербург,

Фонтанка

Модесту Ильичу Чайковскому.

805. А. С. СУВОРИНУ

18 апреля 1890 г. Москва.

18 апр. Среда.

Я застрял в Москве еще на один день. Спасибо за телеграмму. Да, писать мне можно только в Сахалин, ибо письма меня не догонят в Сибири. Впрочем, если напишете в скором времени письмо в Иркутск (редакция "Восточного обозрения"), то я получу его.

В телеграммах не употребляйте слово Сахалин. Для администраторского уха это звучит так же неприятно, как Петропавловская крепость.

Обь еще покрыта льдом, и посему от Тюмени до Томска мне придется скакать на лошадях. Местность адски скучная, хмурая. А ждать, когда вскроется, нельзя, так как навигация начнется только 10-го мая.

Спасибо за корреспондентский бланок.

Следующее письмо получите с Волги, которая, говорят, очень хороша. Я нарочно еду в Ярославль, а не в Нижний, чтобы побольше захватить Волги.

Писания мои для газеты могут начаться не раньше Томска, ибо до Томска все уже заезжено, исписано и неинтересно.

Обнимаю Вас крепко. Посылаю два рассказа, полученных мною от Алексея Алексеевича.

Ваш А. Чехов.

Был у меня сегодня известный Вам Гиляровский. Он едет встречать сотника Пешкова и хочет Вам писать об его лошади.

806. С. Н. ФИЛИППОВУ

18 апреля 1890 г. Москва.

Ну, милый Сергей Никитович, до свиданья, я исчезаю. Будьте здоровы, благополучны и пишите поразгонистее, чтобы редакторы прочитывали Ваши рукописи.

Не забывайте меня грешного. Всякое даяние благо, и всякая строчка, прочитанная на Сахалине, - это пение ангелов в пустыне.

Крепко жму руку,

Ваш А. Чехов.

807. А. П. ЛЕНСКОМУ

21 апреля 1890 г. Москва.

Прощайте, голубчик. Уезжаю сегодня. Ярославский вокзал, 8 ч. веч. Чеховы,

Кувшин«никовы» и Левитан провожают меня до Троицы. Приглашают Вас. Желаю всего хорошего.

Ваш Чехов.

808. ЧЕХОВЫМ

23 апреля 1890 г. Волга, пароход "Александр Невский".

Пароход "Алекс. Невский". 23, рано утром.

Друзья мои тунгусы! Был ли у Вас дождь, когда Иван вернулся из Лавры? В Ярославле лупил такой дождь, что пришлось облечься в кожаный хитон. Первое впечатление Волги было отравлено дождем, заплаканными окнами каюты и мокрым носом Гурлянда, который вышел на вокзал встретить меня. Во время дождя Ярославль кажется похожим на Звенигород, а его церкви напоминают о Перервинском монастыре; много безграмотных вывесок, грязно, по мостовой ходят галки с большими головами.

На пароходе я первым долгом дал волю своему таланту, т. е. лег спать. Проснувшись, узрел солнце. Волга недурна; заливные луга, залитые солнцем монастыри, белые церкви; раздолье удивительное; куда ни взглянешь, всюду удобно сесть и начать удить. На берегу бродят классные дамы и щиплют зеленую травку, слышится изредка пастушеский рожок. Над водой носятся белые чайки, похожие на младшую Дришку.

Пароход неважный. Самое лучшее в нем - это ватерклозет. Стоит он высоко, имея под собою четыре ступени, так что неопытный человек вроде Иваненко легко может принять его за королевский трон. Самое худшее на пароходе - это обед. Сообщаю меню с сохранением орфографии: щи зеле, сосиськи с капу, севрюшка фры, кошка запеканка; кошка оказалась кашкой. Так как деньги у меня нажиты потом и кровью, то я желал бы, чтобы было наоборот, т. е. чтобы обед был лучше ватерклозета, тем более что после корнеевского сантуринского у меня завалило все нутро, и я до самого Томска обойдусь без ватера.

Со мной едет Кундасова. Куда она едет и зачем, мне неизвестно. Когда я начинаю расспрашивать ее об этом, она пускается в какие-то весьма туманные предположения о ком-то, который назначил ей свидание в овраге около Кинешмы, потом закатывается неистовым смехом и начинает топать ногами или долбить своим локтем о что попало, не щадя «…» жилки. Проехали и Кинешму, и овраги, а она все-таки продолжает ехать, чему я, конечно, очень рад. Кстати: вчера первый раз в жизни видел я, как она ест. Ест она не меньше других, но машинально, точно овес жует.

Кострома хороший город. Видел я Плес, в котором жил томный Левитан; видел Кинешму, где гулял по бульвару и наблюдал местных шпаков; заходил здесь в аптеку купить бертолетовой соли от языка, который стал у меня сафьяновым от сантуринского. Аптекарь, увидев Ольгу Петровну, обрадовался и сконфузился, она - тоже; оба, по-видимому, давно уже знакомы и, судя по бывшему между ними разговору, не раз гуляли по оврагам близ Кинешмы. Так вот они где шпаки! Фамилия аптекаря Копфер.

Холодновато и скучновато, но в общем занятно.

Свистит пароход ежеминутно; его свист - что-то среднее между ослиным ревом и эоловой арфой. Через 5-6 часов буду в Нижнем. Восходит солнце. Ночь спал художественно. Деньги целы - это оттого, что я часто хватаюсь за живот.

Очень красивы буксирные пароходы, тащущие за собой по 4-5 барж; похоже на то, как будто молодой, изящный интеллигент хочет бежать, а его за фалды держат жена-кувалда, теща, свояченица и бабушка жены.

Папаше и мамаше поклон до земли; всем прочим по пояс. Надеюсь, что Семашко, Лидия Стахиевна и Иваненко ведут себя хорошо. Интересно знать, кто теперь будет кутить с Лидией Стах«иевной» до 5 часов утра? Ах, как я рад, что у Иваненки нет денег!

Чемодан, купленный Мишей, рвется. Благодару вам. Здоровье у меня абсолютное. Шея не болит. Вчера не выпил ни капли.

Возьмите у Дришки Фофанова. Кундасовой отдашьте французский атлас и путешествие Дарвина, стоящее на полке. Это по части Ивана.

Солнце спряталось за облако, стало пасмурно, и широкая Волга представляется мрачною. Левитану нельзя жить на Волге. Она кладет на душу мрачность. Хотя иметь на берегу свое именьице весьма недурно.

Желаю всем всего хорошего. Сердечный привет и 1000 поклонов.

Миша, научи Лидию Стах«иевну» отправлять заказную бандероль и отдай ей билет на Гоголя. Помните, что Суворину возвращен один том Гоголя для переплетного образца. Значит, получить надо 3 тома.

Если бы лакей проснулся, то я потребовал бы кофе, а теперь приходится пить воду без удовольствия. Поклон Марьюшке и Ольге.

Ну, оставайтесь здоровы и благополучны. Буду писать исправно.

Скучающий вологжанин

Homo Sachaliensis*

Поклон бабушке.

А. Чехов. * сахалинец (лат.).

809. С. П. КУВШИННИКОВОЙ

23 апреля 1890 г. Волга, пароход "Александр Невский".

23 апр., рано утром.

Видел Плес. Узнал я кладбищенскую церковь, видел дом с красной крышей… Слышал унылую гармошку. Немножко холодно ехать. Кое-где на берегу попадается снег.

Самочувствие хорошее. Если бы не холод, то можно было бы стоять на палубе, а в каюте скучновато.

Икра удивительная; за неимением компании я ем ее без водки, и все-таки она великолепна. Бутылка с коньяком будет раскупорена на берегу Великого океана. Кланяюсь всем.

Ваш А. Чехов. На обороте:

Москва,

Мясницкий полицейский дом, кв. д-ра Д. П. Кувшинникова

Ее высокородию Софии Петровне Кувшинниковой.

810. М. П. ЧЕХОВУ

23 апреля 1890 г. Волга, пароход "Пермь-Нижний".

Перед вечером.

Я читал "Скрипку". Передай авторше, что псевдоним Евг. - ов не годится, ибо ее рассказы будут приписывать Евгению Львову, к«ото»рый тоже пишет рассказы.

Когда выедете в Сумы, уведомьте об этом Суворина. Плыву на братьях Каменских. Только что поел от нечего делать икры и сижу у себя в маленькой каютке. Solo. Волга до Нижнего хороша, после Нижнего отдает холодом. Впрочем, недурно. Здоровье великолепно, настроение биржи крепкое. Кланяюсь всем. Домой не хочется, но хотелось бы, чтобы вся наша шпаковая компания плыла со мной. Аревуар.

Экс-Шпак. На обороте:

Москва,

Кудринская Садовая, д. Корнеева Михаилу Павловичу Чехову.

811. ЧЕХОВЫМ

24 апреля 1890 г. Кама, пароход "Пермь - Нижний".

24, вечером.

Друзья мои тунгусы! Плыву по Каме, но местности определить не могу; кажется, около Чистополя. Не могу также воспеть красоту берегов, так как адски холодно; береза еще не распустилась, тянутся кое-где полосы снега, плавают льдинки - одним словом, вся эстетика пошла к черту. Сижу в рубке, где за столом сидят всякого звания люди, и слушаю разговоры, спрашивая себя: "Не пора ли вам чай пить?" Если б моя воля, то от утра до ночи только бы и делал, что ел; так как денег на целодневную еду нет, то сплю и паки сплю. На палубу не выхожу - холодно. По ночам идет дождь, а днем дует неприятный ветер.

Ах, икра! Ем, ем и никак не съем. В этом отношении она похожа на шар сыра. Благо, несоленая.

Нехорошо, что я не догадался сшить себе мешочек для чая и сахара. Приходится требовать стаканами, что и невыгодно и скучно. Хотел сегодня утром купить в Казани чаю и сахару, да проспал.

Возрадуйтесь, о матерь! Я, кажется, проживу в Екатеринбурге сутки и повидаюсь с родственничками. Быть может, сердце их смягчится и они дадут мне три рубля денег и осьмушку чаю.

Из разговоров, которые сейчас слышу, заключаю, что со мною едет судебная палата. Люди не даровитые. Зато купцы, которые изредка вставляют свое словцо, кажутся умницами. Богачи попадаются страшенные.

Стерляди дешевле грибов, но скоро надоедают. О чем еще написать? Больше не о чем… Впрочем, есть генерал и тощий блондин. Первый мечется из каюты на палубу и обратно и все куда-то направляет свою фотографию, второй загримирован Надсоном и старается дать понять, что он писатель; сегодня за обедом соврал какой-то даме, что он печатал книжку у Суворина; я, конечно, изобразил на лице трепет.

Деньги целы все за исключением тех, которые я проел. Не хотят, подлецы, кормить даром!

Мне не весело и не скучно, а так какой-то студень на душе. Я рад сидеть неподвижно и молчать. Сегодня, например, я едва ли сказал пять слов. Впрочем, вру: разговаривал с попом на палубе.

Стали попадаться инородцы. Татар очень много: народ почтенный и скромный.

Большое удобство: уходя из каюты, запираешь ее на ключ; ложась спать, тоже. Так что до Перми у меня ничего не украдут.

Низко кланяюсь всем. Папу и маму усердно прошу не беспокоиться и не воображать опасностей, которых нет. Кланяюсь Семашечке с виолончелью, Иваненке с флейтой и Тер-Мизиновой с бабушкой. Передайте Дюковскому мое сожаление по поводу того, что нам не удалось видеться перед моим отъездом. Он хороший человек. Поклон Кувшинниковым. Если Кундасова уже приехала, то и ей.

Будьте все здоровы и благополучны.

Ваш А. Чехов.

Извините, что пишу Вам только о еде. Если бы не еда, пришлось бы писать о холоде, ибо сюжетов нет.

Палата постановила: потребовать чаю. Пригласили откуда-то двух кандидатов на судебные должности, едущих в качестве канцелярии. Один похож на портняжного поэта Белоусова, другой на Ежова. Оба почтительно слушают гг. начальников; не смеют свое суждение иметь и делают вид, что, слушая умные речи, набираются ума. Люблю примерных молодых людей.

812. Н. Н. ОБОЛОНСКОМУ

39 апреля 1890 г. Екатеринбург.

29 апрель.

Урааа!!

Посылать телеграмму на Ворожбу я, по зрелом размышлении, нашел рискованным; Ворожба - понятие растяжимое, т. е. венчаетесь Вы в 37 верстах от нее, и кто поручится мне, что телеграмма моя будет Вам доставлена? Сами же Вы на станции спросить не догадаетесь, ибо Вам, небожителям, до нас, земноводных, теперь нет никакого дела… Предпочитаю написать трогательное письмо. Итак, милейший, добрейший и золотой Николай Николаевич, поздравляю Вас и Софью Виталиевну с законным браком и желаю Вам обоим счастья, богатства, мира, согласия, успеха в делах и 18 душ детей обоего пола. Кричу Вам ура и пью Ваше здоровье (конечно, мысленно).

Сижу я теперь в Екатеринбурге; правая нога моя в Европе, а левая в Азии. Погода, выражаясь мягко, отвратительна… Увы, как изменилась жизнь моя! Белизну восемнадцатирублевых сорочек заменяет мне здесь снег, покрывающий мостовые; тепло заменяется жестоким холодом; вместо таких милых человеков, как Вы, я вижу вокруг себя лобастых и скуластых азиятов, происшедших от совокупления уральского чугуна с белугой… Вздохните по моему адресу из жалости, как я вздыхаю теперь из зависти к Вам.

Свидетельствую Софье Виталиевне мое искреннее уважение и повторяю свои пожелания.

Будьте здоровы, счастливы и не забывайте Вашего А. Чехова.

813. ЧЕХОВЫМ

29 апреля 1890 г. Екатеринбург.

29 апрель.

Друзья мои тунгусы! Кама прескучнейшая река. Чтобы постигать ее красоты, надо быть печенегом, сидеть неподвижно на барже около бочки с нефтью или куля с воблой и не переставая тянуть сиволдай. Берега голые, деревья голые, земля бурая, тянутся полосы снега, а ветер такой, что сам черт не сумеет дуть так резко и противно. Когда дует холодный ветер и рябит воду, имеющую теперь после половодья цвет кофейных помоев, то становится и холодно, и скучно, и жутко; звуки береговых гармоник кажутся унылыми, фигуры в рваных тулупах, стоящие неподвижно на встречных баржах, представляются застывшими от горя, которому нет конца. Камские города серы; кажется, в них жители занимаются приготовлением облаков, скуки, мокрых заборов и уличной грязи - единственное занятие. На пристанях толпится интеллигенция, для которой приход парохода - событие. Все больше Щербаненки и Чугуевцы, в таких же шляпах, с такими же голосами и с таким же выражением "второй скрипки" во всей фигуре; по-видимому, ни один из них не получает больше 35 рублей, и, вероятно, все лечатся от чего-нибудь.

Я уже писал, что со мною ехала судебная палата: председатель, член и прокурор. Председатель, здоровый, крепкий старик немец, принявший православие, набожный, гомеопат и, по-видимому, большой бабник; член - старец вроде тех, которых изображал покойный Николай: ходит сгорбившись, кашляет и любит игривые сюжеты; прокурор - человек 43 лет, недовольный жизнью, либерал, скептик и большой добряк. Всю дорогу палата занималась тем, что ела, решала важные вопросы, ела, читала и ела. На пароходе библиотека, и я видел, как прокурор читал мои "В сумерках". Шла речь обо мне. Больше всех нравится в здешних краях Сибиряк-Мамин,

описывающий Урал. О нем говорят больше, чем о Толстом.

Плыл я до Перми 2 1/2 года - так казалось. Приплыл туда в 2 часа ночи. Поезд отходил в 6 часов вечера. Пришлось ждать. Шел дождь. Вообще дождь, грязь, холод… бррр! Уральская дорога везет хорошо. Боромлей и Мерчиков нет, хотя и приходится переваливать через Уральские горы. Это объясняется изобилием здесь деловых людей, заводов, приисков и проч., для которых время дорого.

Проснувшись вчера утром и поглядев в вагонное окно, я почувствовал к природе отвращение: земля белая, деревья покрыты инеем и за поездом гонится настоящая метелица. Ну, не возмутительно ли? Не сукивы ли сыны?.. Калош у меня нет, натянул я большие сапоги и, пока дошел до буфета с кофе, продушил дегтем всю Уральскую область. А приехал в Екатеринбург-тут дождь, снег и крупа. Натягиваю кожаное пальто. Извозчики - это нечто невообразимое по своей убогости. Грязные, мокрые, без рессор; передние ноги у лошади расставлены так / \, копыта громадные, спина тощая… Здешние дрожки - это аляповатая пародия на наши брички. К бричке приделан оборванный верх, вот и все. И чем правильнее я нарисовал бы здешнего извозчика с его пролеткой, тем больше бы он походил на карикатуру. Ездят не по мостовой, на которой тряско, а около канав, где грязно и, стало быть, мягко. Все извозчики похожи на Добролюбова.

В России все города одинаковы. Екатеринбург такой же точно, как Пермь или Тула. Похож и на Сумы, и на Гадяч. Колокола звонят великолепно, бархатно. Остановился я в Американской гостинице (очень недурной) и тотчас же уведомил о своем приезде А. М. Симонова, написав ему, что два дня я-де намерен безвыходно сидеть у себя в номере и принимать Гуниади, которое принимаю и, скажу не без гордости, с большим успехом.

Здешние люди внушают приезжему нечто вроде ужаса. Скуластые, лобастые, широкоплечие, с маленькими глазами, с громадными кулачищами. Родятся они на местных чугунолитейных заводах, и при рождении их присутствует не акушер, а механик. Входит в номер с самоваром или с графином и, того гляди, убьет. Я сторонюсь. Сегодня утром входит один такой - скуластый, лобастый, угрюмый, ростом под потолок, в плечах сажень, да еще к тому же в шубе.

Ну, думаю, этот непременно убьет. - Оказалось, что это А. М. Симонов. Разговорились. Он служит членом в земской управе, директорствует на мельнице своего кузена, освещаемой электричеством, редактирует "Екатеринб«ургскую» неделю", цензуруемую полициймейстером бароном Таубе, женат, имеет двух детей, богатеет, толстеет, стареет и живет "основательно". Говорит, что скучать некогда. Советовал мне побывать в музее, на заводах, на приисках; я поблагодарил за совет.

Пригласил он меня на завтра к вечеру чай пить; я пригласил его к себе обедать. Меня обедать он не пригласил и вообще не настаивал, чтобы я у него побывал. Из этого мамаша может заключить, что сердце родственников не смягчилось и что оба мы - и Симонов и я друг другу не нужны. Прасковью Параменовну, Настасью Тихоновну, Собакия Семеныча и Матвея Сортирыча видеть я не буду, хотя тетка и просила передать им, что она уж раз десять им писала и ответа не получала. Родственнички - это племя, к которому я равнодушен так же, как к Фросе Артеменко.

На улице снег, и я нарочно опустил занавеску на окне, чтобы не видеть этой азиатчины. Сижу и жду ответа из Тюмени на свою телеграмму. Телеграфировал я так: "Тюмень. Пароходство Курбатова. Ответ уплачен. Уведомьте, когда идет пассажирский пароход Томск" и т. д. От ответа зависит, поеду ли я на пароходе или же поскачу 1 1/2 тысячи верст на лошадях, по распутице.

Всю ночь здесь бьют в чугунные доски. На всех углах. Надо иметь чугунные головы, чтобы не сойти с ума от этих неумолкающих курантов. Сегодня попробовал сварить себе кофе: получилось матрасинское вино. Пил и только плечами пожимал.

Я вертел в руках пять простынь и не взял ни одной. Еду сегодня покупать резиновые калоши.

Ну, будьте все здоровы и благополучны, да хранит вас бог. Привет мой всем Линтваревым, наипаче же Троше. Поклон Иваненке, Кундасовой, Мизиновой и проч. Желаю Луке побольше шпаков. Деньги целы.

Если мамаша сделает Николаю решетку, то я, повторяю, ничего не буду иметь против. Это мое желание.

Найду ли в Иркутске письмо от Вас?

Ваш Ношо Sachaliensis*

А. Чехов.

Посылаю заказным - боюсь, что не дойдет. Попроси Лику, чтобы она не оставляла больших полей в своих письмах. * сахалинец (лат.).

814. К. Г. ФОТИ

3 мая 1890 г. Тюмень.

Тюмень, 3 мая 1890 г.

Милостивый государь

Константин Георгиевич!

Мой дядя Митрофан Георгиевич писал мне, что в разговоре с ним Вам угодно было выразить желание, чтобы я прислал свои книги в Таганрогскую городскую библиотеку. Такое Ваше внимание ко мне, мною не заслуженное, слишком лестно для моего авторского самолюбия, и я не нахожу слов, чтобы благодарить Вас. Я счастлив, что могу хотя чем-нибудь быть полезен родному городу, которому я многим обязан и к которому продолжаю питать теплое чувство.

Уезжая из Москвы, я поручил выслать на Ваше имя три своих книги. Четвертая моя книга - "Пестрые рассказы" - вся распродана и будет напечатана следующим изданием по моем возвращении, т. е. не раньше начала будущего года. Между прочим, я поручил послать Вам экземпляр "Власти тьмы" Л. Толстого с собственноручною авторскою подписью; я прошу городскую библиотеку принять от меня этот небольшой подарок, как со временем буду просить принять от меня все те книги с авторскими факсимиле, какие у меня теперь имеются и какие я собираю и сохраняю специально для библиотеки моего родного города.

Позвольте мне пожелать Вам всего хорошего, и прошу Вас принять уверение в моем искреннем уважении.

А. Чехов.

815. Е. Я. ЧЕХОВОЙ

4 мая 1890 г. Ишим.

4 май.

Я жив, здоров и благополучен. Кофе варить научился, но только у меня на стакан идут две ложки, а не одна.

Кланяюсь всем нашим и Линтварям. Зелени нет, морозно. Зябнут ноги.

Будьте здоровы. Не скучайте.

Ваш уважительный сын А. Чехов.

Зелени буквально еще нет ни капли. На обороте: г. Сумы (Харьковск«ой»губ.)

Евгении Яковлевне Чеховой на Луке.

816. М. В. КИСЕЛЕВОЙ

7 мая 1890 г. У Иртыша.

7 май. Берег Иртыша.

Здравствуйте, воистину уважаемая Мария Владимировна! Хотел я написать Вам прощальное письмо из Москвы, да не успел; пришлось отложить на неопределенное время. Пишу Вам теперь, сидя в избе на берегу Иртыша. Ночь. Попал я сюда таким образом. Еду я по сибирскому тракту на вольных. Проехал уже 715 верст. Обратился в великомученика с головы до пяток. С сегодняшнего утра стал дуть резкий холодный ветер и заморосил противнейший дождишко. Надо заметить, что в Сибири весны еще нет: земля бурая, деревья голые, и, куда ни взглянешь, всюду белеют полосы снега; день и ночь еду я в полушубке в валенках… Ну-с, подул с утра ветер… Тяжелые свинцовые облака, бурая земля, грязь, дождь, ветер… бррр! Еду, еду… без конца еду, а погода не унимается. Перед вечером на станции мне говорят, что ехать дальше нельзя, так как все залило, мосты разнесло и проч. Зная, как любят вольные ямщики пугать стихиями, чтобы оставить проезжего у себя ночевать (это выгодно), я не поверил и приказал запрячь тройку. Что ж? Увы мне! Проехал я не больше пяти верст, как увидел луговой берег Иртыша, весь покрытый большими озерами; дорога спряталась под водой, и мостки по дороге в самом деле или снесены, или раскисли. Возвращаться назад мешает отчасти упрямство, отчасти желание скорее выбраться из этих скучных мест… Начинаем ехать по озерам… Боже мой, никогда в жизни не испытывал ничего подобного! Резкий ветер, холод, отвратительный дождь, а ты изволь вылезать из тарантаса (не крытого) и держать лошадей: на каждом мостике можно проводить лошадей только поодиночке… Куда я попал? Где я? Кругом пустыня, тоска; виден голый, угрюмый берег Иртыша… Въезжаем в самое большое озеро; теперь уж охотно бы вернулся, да трудно… Едем по длинной, узкой полоске земли… Полоска кончается, и мы бултых! Потом опять полоска, опять бултых… Руки закоченели… А дикие утки точно смеются и огромными стаями носятся над головой… Темнеет… Ямщик молчит - растерялся… Но вот, наконец, выезжаем к последней полоске, отделяющей озера от Иртыша… Отлогий берег Иртыша на аршин выше уровня; он глинист, гол, изгрызен, склизок на вид… Мутная вода… Белые волны хлещут по глине, а сам Иртыш не ревет и не шумит, а издает какой-то странный звук, похожий на то, как будто под водой стучат по гробам… Тот берег - сплошная, безотрадная пустыня… Вам снился часто Божаровский омут; так мне теперь будет сниться Иртыш…

Но вот и паром. Надо переправляться на ту сторону. Выходит из избы мужик и, пожимаясь от дождя, говорит, что паромом плыть нельзя теперь, так как слишком ветрено… (Паромы здесь весельные.) Советует обождать тихой погоды…

И вот я сижу ночью в избе, стоящей в озере на самом берегу Иртыша, чувствую во всем теле промозглую сырость, а на душе одиночество, слушаю, как стучит по гробам мой Иртыш, как ревет ветер, и спрашиваю себя: где я? зачем я здесь?

В соседней комнате спят мужики-перевозчики и мой ямщик. Люди добрые. А будь они злые, меня можно было бы отлично ограбить и утопить в Иртыше. Изба - солистка на берегу, свидетелей нет…

Дорога до Томска в разбойничьем отношении совершенно безопасна. О грабежах не принято даже говорить. Даже краж у проезжающих не бывает; уходя в избу, можете оставлять вещи на дворе, и они все будут целы.

Но меня все-таки чуть было не убили. Представьте себе ночь перед рассветом… Я еду на тарантасике и думаю, думаю… Вдруг вижу, навстречу во весь дух несется почтовая тройка; мой возница едва успевает свернуть вправо, тройка мчится мимо, и я усмотриваю в ней обратного ямщика… Вслед за ней несется другая тройка, тоже во весь дух; свернули мы вправо, она сворачивает влево; "сталкиваемся!" - мелькает у меня в голове… Одно мгновение и - раздается треск, лошади мешаются в черную массу, мой тарантас становится на дыбы, и я валюсь на землю, а на меня все мои чемоданы и узлы… Вскакиваю и вижу - несется третья тройка… Должно быть, накануне за меня молилась мать. Если бы я спал или если бы третья тройка ехала тотчас же за второй, то я был бы изломан насмерть или изувечен. Оказалось, что передний ямщик погнал лошадей, а ямщики на второй и на третьей спали и нас не видели. После крушения глупейшее недоумение с обеих сторон, потом жестокая ругань… Сбруи разорваны, оглобли сломаны, дуги валяются на дороге… Ах, как ругаются ямщики! Ночью, в этой ругающейся, буйной орде я чувствую такое круглое одиночество, какого раньше никогда не знал…

Однако бумага на исходе. Привет мой барину, Василисе, Идиотику и Елизавете Александровне. Стучит в окна дождь. Да благословят вас все святые! Буду еще писать. Мой адрес: Александровский пост на о. Сахалине.

Ваш А. Чехов.

817. А. С. КИСЕЛЕВУ

Между 7 и 15 мая 1890 г. По пути в Томск.

Г. Земский Начальник! Кожаное пальто в дороге ничем не заменимо. Оно превосходно спасает не только от дождя, но и от ветра.

Давно уже я не обедал. Честь имеем кланяться. Из Томска напишу.

Ваш А. Чехов.

818. ЧЕХОВЫМ

14-17 мая 1890 г. Красный Яр - Томск.

14 май 90 г. Село Яр, в 45 вер«стах» от Томска.

Великолепная моя мамаша, превосходная Маша, сладкий Миша и все присные мои! В Екатеринбурге я получил ответную телеграмму из Тюмени: "Первый пароход в Томск пойдет 18 мая". Это значило, что мне нужно было, хочешь не хочешь, скакать на лошадях. Так и сделал. Из Тюмени выехал я 3 мая, прожив в Екатеринбурге 2-3 дня, к«ото»рые употребил на починку своей кашляющей и геморройствующей особы. Возят через Сибирь почтовые и вольные. Я взял последних: все равно. Посадили меня раба божьего в корзинку-плетушку и повезли на паре. Сидишь в корзине, глядишь на свет божий, как чижик, и ни о чем не думаешь… Сибирская равнина начинается, кажется, от самого Екатеринбурга и кончается черт знает где; я сказал бы, что она очень похожа на нашу южнорусскую степь, если бы не мелкий березняк, попадающийся то там, то сям, и если бы не холодный ветер, покалывающий щеки. Весна еще не начиналась. Зелени совсем нет, леса голы, снег не весь растаял; на озерах стоит матовый лед. 9 мая в день св. Николая был мороз, а сегодня 14-го выпал снег в 1 1/2 вершка. О весне говорят одни только утки. Ах, как много уток! Никогда в жизни я не видел такого утиного изобилия. Летают над головой, вспархивают около тарантаса, плавают в озерах и в лужах, короче, в один день из плохого ружья я настрелял бы тысячу штук. Слышно, как кричат дикие гуси… Их здесь тоже много. Часто попадаются вереницы журавлей и лебедей… В березняке порхают тетерева и рябчики. Зайцы, которых здесь не едят и не стреляют, ничтоже сумняся стоят на задних лапках и, вздернув уши, любопытным взором провожают едущих. Они так часто перебегают дорогу, что это здесь не считается дурною приметой.

Холодно ехать… На мне полушубок. Телу ничего, хорошо, но ногам зябко. Кутаю их в кожаное пальто - не помогает… На мне двое брюк. Ну-с, едешь, едешь… Мелькают верстовые столбы, лужи, березнячки… Вот перегнали переселенцев, потом этап… Встретили бродяг с котелками на спинах; эти господа беспрепятственно прогуливаются по всему сибирскому тракту. То старушонку зарежут, чтобы взять ее юбку себе на портянки, то сорвут с верстового столба жестянку с цифрами- сгодится, то проломят голову встречному нищему или выбьют глаза своему же брату ссыльному, но проезжающих они не трогают. Вообще в разбойничьем отношении езда здесь совершенно безопасна. От Тюмени до Томска ни почтовые, ни вольные ямщики не помнят, чтобы у проезжающего украли что-нибудь; когда идешь на станцию, вещи оставляешь на дворе; на вопрос, не украдут ли, отвечают улыбкой. О грабежах и убийствах по дороге не принято даже говорить. Мне кажется, потеряй я свои деньги на станции или в возке, нашедший ямщик непременно возвратил бы мне их и не хвастался бы этим. Вообще народ здесь хороший, добрый и с прекрасными традициями. Комнаты у них убраны просто, но чисто, с претензией на роскошь; постели мягкие, все пуховики и большие подушки, полы выкрашены или устланы самоделковыми холщовыми коврами. Это объясняется, конечно, зажиточностью, тем, что семья имеет надел из 16 десятин чернозема и что на этом черноземе растет хорошая пшеница (пшеничная мука стоит здесь 30 коп. за пуд). Но не все можно объяснить зажиточностью и сытостью, нужно уделить кое-что и манере жить. Когда ночью входишь в комнату, в которой спят, то нос не чувствует ни спирали, ни

русского духа. Правда, одна старуха, подавая мне чайную ложку, вытерла ее о задницу, но зато вас не посадят пить чай без скатерти, при вас не отрыгивают, не ищут в голове; когда подают воду или молоко, не держат пальцы в стакане, посуда чистая, квас прозрачен, как пиво, - вообще чистоплотность, о которой наши хохлы могут только мечтать, а ведь хохлы куда чистоплотнее кацапов! Хлеб пекут здесь превкуснейший; я в первые дни объедался им. Вкусны и пироги, и блины, и оладьи, и калачи, напоминающие хохлацкие ноздреватые бублики. Блины тонки… Зато все остальное не по европейскому желудку. Например, всюду меня потчевали "утячьей похлебкой" Это совсем гадость: мутная жидкость, в которой плавают кусочки дикой утки и невареный лук; утиные желудки не совсем очищены от содержимого и потому, попадая в рот, заставляют думать, что рот и rectum* поменялись местами. Я раз попросил сварить суп из мяса и изжарить окуней. Суп мне подали пресоленый, грязный, с закорузлыми кусочками кожи вместо мяса, а окуни с чешуей. Варят здесь щи из солонины; ее же и жарят. Сейчас мне подавали жареную солонину: преотвратительно; пожевал и бросил. Чай здесь пьют кирпичный. Это настой из шалфея и тараканов - так по вкусу, а по цвету - не чай, а матрасинское вино. Кстати сказать, я взял с собою из Екатеринбурга 1/4 ф«унта» чаю, 5 ф«унтов» сахару и 3 лимона. Чаю не хватило, а купить негде. В паршивых городках даже чиновники пьют кирпичный чай и самые лучшие магазины не держат чая дороже 1 р. 50 к. за фунт. Пришлось пить шалфей.

Расстояние между станциями определяется расстоянием между каждыми двумя соседними деревнями: 20-40 верст. Деревни здесь большие, поселков и хуторов нет. Везде церкви и школы; избы деревянные, есть и двухэтажные.

К вечеру лужи и дорога начинают мерзнуть, а ночью совсем мороз, хоть доху надевай… Бррр! Тряско, потому что грязь обращается в кочки. Выворачивает душу… К рассвету страшно утомляешься от холода, тряски и колокольчиков; страстно хочется тепла и постели… Пока меняют лошадей, прикурнешь где-нибудь в уголке и тотчас же заснешь, а через минуту возница уже дергает за рукав и говорит: "Вставай, приятель, пора!" Во вторую ночь я стал чувствовать острую зубную боль в пятках. Невыносимо больно. Спрашиваю себя: не отморозил ли?

Однако писать нельзя. Приехал заседатель (т. е. становой). Познакомились и разговариваем. До завтра.

Томск 16 мая.

Виноваты оказались ботфорты, узкие в задниках. Сладкий Миша, если у тебя будут дети, в чем я не сомневаюсь, то завещай им не гнаться за дешевизною. Дешевизна русского товара - это диплом на его негодность. По-моему, лучше босиком ходить, чем в дешевых сапогах. Представьте мое мучение! То и дело вылезаю из возка, сажусь на сырую землю и снимаю сапоги, чтобы дать отдохнуть пяткам. Как это удобно в мороз! Пришлось купить в Ишиме валенки… Так и ехал в валенках, пока они у меня не раскисли от сырости и грязи.

Утром часов в 5-6 чаепитие в избе. Чай в дороге - это истинное благодеяние. Теперь я знаю ему цену и пью его с остервенением Янова. Он согревает, разгоняет сон, при нем съедаешь много хлеба, а хлеб за отсутствием другой еды должен съедаться в большом количестве; оттого-то крестьяне едят так много хлеба и хлебного. Пьешь чай и разговариваешь с бабами, которые здесь толковы, чадолюбивы, сердобольны, трудолюбивы и свободнее, чем в Европе; мужья не бранят и не бьют их, потому что они так же высоки, и сильны, и умны, как их повелители; они, когда мужей нет дома, ямщикуют; любят каламбурить. Детей не держат в строгости; их балуют. Дети спят на мягком, сколько угодно, пьют чай и едят вместе с мужиками и бранятся, когда те любовно подсмеиваются над ними. Дифтерита нет. Царит здесь черная оспа, но странно, она здесь не так заразительна, как в других местах: двое-трое заболеют, умрут - и конец эпидемии. Больниц и врачей нет. Лечат фельдшера. Кровопускание и кровососные банки в грандиозных, зверских размерах. Я по дороге осматривал одного еврея, больного раком печени. Еврей истощен, еле дышит, но это не помешало фельдшеру поставить ему 12 кровососных банок. Кстати об евреях. Здесь они пашут, ямщикуют, держат перевозы, торгуют и называются крестьянами, потому что они в самом деле и de jure и de facto крестьяне. Пользуются они всеобщим уважением, и, по словам заседателя, нередко их выбирают в старосты. Я видел жида, высокого и тонкого, который брезгливо морщился и плевал, когда заседатель рассказывал скабрезные анекдоты; чистоплотная душа; его жена сварила прекрасную уху. Жена того жида, что болен раком, угощала меня щучьей икрой и вкуснейшим белым хлебом. О жидовской

эксплоатации не слышно.

Кстати уж и о поляках. Попадаются ссыльные, присланные сюда из Польши в 1864 г. Хорошие, гостеприимные и деликатнейшие люди. Одни живут очень богато, другие очень бедно и служат писарями на станциях. Первые после амнистии уезжали к себе на родину, но скоро вернулись назад в Сибирь - здесь богаче, вторые мечтают о родине, хотя уже стары и больны. В Ишиме один богатый пан Залесский, у которого дочь похожа на Сашу Киселеву, угостил меня за 1 рубль отличным обедом и дал мне комнату выспаться; он держит кабак, окулачился до мозга костей, дерет со всех, но все-таки пан чувствуется и в манерах, и в столе, во всем. Он не едет на родину из жадности, из жадности терпит снег в Николин день; когда он умрет, дочка его, родившаяся в Ишиме, останется здесь навсегда - и пойдут таким образом множиться по Сибири черные глаза и нежные черты! Эти случайные примеси крови нужны, ибо в Сибири народ некрасив. Брюнетов совсем нет. Быть может, и про татар написать вам? Извольте. Их здесь немного. Люди хорошие. В Казанской губ«ернии» о них хорошо говорят даже священники, а в Сибири они "лучше русских" - так сказал мне заседатель при русских, которые подтвердили это молчанием. Боже мой, как богата Россия хорошими людьми! Если бы не холод, отнимающий у Сибири лето, и если бы не чиновники, развращающие крестьян и ссыльных, то Сибирь была бы богатейшей и счастливейшей землей.

Обедать нечего. Умные люди, когда едут в Томск, берут с собою обыкновенно полпуда закусок. Я же оказался дураком, и потому 2 недели питался одним только молоком и яйцами, которые здесь варят так: желток крутой, а белок восмятку. Надоедает такая еда в 2 дня. За всю дорогу я только два раза обедал, если не считать жидовской ухи, которую я ел, будучи сытым после чая. Водку не пил; сибирская водка противна, да и отвык я от нее, пока доехал до Екатеринбурга. Водку же пить следует. Она возбуждает мозг, который от дороги делается вялым и тупым, отчего глупеешь и слабеешь.

Стоп! Нельзя писать: пришел знакомиться редактор "Сибирского вестника" Картамышев, местный Ноздрев, пьяница и забулдыга.

Картамышев выпил пива и ушел. Продолжаю.

В первые три дня вояжа у меня от тряски и толчков разболелись ключицы, плечи, позвонки, кобчик… Ни сидеть, ни ходить, ни лежать… Но зато прошли все грудные и головные боли, разыгрался донельзя аппетит, а геморрой, точно воды в рот набрал - молчок. От напряжения, от частой возни с чемоданами и проч., а быть может, и от прощальных попоек в Москве у меня по утрам бывало кровохарканье, которое наводило на меня нечто вроде уныния, возбуждая мрачные мысли, и которое к концу пути прекратилось; теперь даже кашля нет; давно я так мало кашлял, как теперь, после двухнедельного пребывания на чистом воздухе. После же первых трех дней вояжа тело мое привыкло к тряске и для меня наступило время, когда я стал не замечать, как после утра наступал полдень, а потом вечер и ночь. Дни мелькали быстро, как в затяжной болезни. Думаешь, что еще нет полудня, а мужики говорят, что ты бы, барин, остался ночевать, а то как бы не заблудился ночью; в в самом деле, поглядишь на часы - 8-й час вечера.

Везут быстро, но поразительного в этой быстроте ничего нет. Вероятно, я застал дурную дорогу, зимой возят быстрее. На гору несутся вскачь, а прежде чем выехать со двора и прежде чем ямщик сядет на козлы, лошадей держат двое-трое. Лошади напоминают московских пожарных лошадей; однажды я едва не передавил старух, а в другой раз едва не налетел на этап. Теперь извольте вам приключение, которым я обязан сибирской езде. Только прошу мамашу не охать и не причитывать, ибо все обошлось благополучно. В ночь под 6-е мая на рассвете вез меня один очень милый старик на паре. Тарантасик. Я дремал и от нечего делать поглядывал, как в поле и в березняке искрились змееобразные огни: это горела прошлогодняя трава, которую здесь жгут. Вдруг слышу дробный стук колес. Навстречу во весь дух, как птица, несется почтовая тройка. Мой старик спешит свернуть вправо, тройка пролетает мимо, и я усматриваю в потемках громадную, тяжелую почтовую телегу, в которой сидит обратный ямщик. За этой тройкой несется вторая тройка тоже во весь дух. Мы спешим свернуть вправо… К великому моему недоумению и страху, тройка сворачивает не вправо, а влево… Едва я успел подумать: "Боже мой, сталкиваемся!", как раздался отчаянный треск, лошади мешаются в одну темную массу, дуги падают, мой тарантас становится на дыбы, и я лечу на землю, а на меня мои чемоданы. Но это не все… Летит третья тройка… По-настоящему, эта должна была искрошить меня и мои чемоданы, но, слава богу, я не спал, ничего не сломал себе от падения и сумел

вскочить так быстро, что мог отбежать в сторону. "Стой!- заорал я третьей тройке. - Стой!" Тройка налетела на вторую и остановилась… Конечно, если бы я умел спать в тарантасе или если бы третья тройка неслась тотчас же за второй, то я вернулся бы домой инвалидом или всадником без головы. Результаты крушения: сломанные оглобли, изорванные сбруи, дуги и багаж на земле, оторопевшие, замученные лошади и страх от мысли, что сейчас была пережита опасность. Оказалось, что первый ямщик погнал лошадей, а во вторых двух тройках ямщики спали, и лошади сами понеслись за первой тройкой, некому было править ими. Очнувшись от переполоха, мой старик и ямщики всех трех троек стали неистово ругаться. Ах, как ругались! Я думал, что кончится дракой. Вы не можете себе представить, какое одиночество чувствуешь среди этой дикой, ругающейся орды, среди поля, перед рассветом, в виду близких и далеких огней, пожирающих траву, но ни на каплю не согревающих холодный ночной воздух! Ах, как тяжко на душе! Слушаешь ругань, глядишь на изломанные оглобли и на свой истерзанный багаж, и кажется тебе, что ты брошен в другой мир, что тебя сейчас затопчут… После часовой ругани мой старик стал связывать веревочками оглобли и сбрую; пошли в ход и мои ремни. До станции дотащились кое-как, еле-еле, и то и дело останавливались…

После 5-6 дня начались дожди при сильном ветре. Шел дождь днем и ночью. Пошло в дело кожаное пальто, спасавшее меня и от дождя и от ветра. Чудное пальто. Грязь пошла невылазная, ямщики стали неохотно возить по ночам. Но, что ужаснее всего и чего я не забуду во всю мою жизнь, это перевозы через реки. Подъедешь ночью к реке… Начинаешь с ямщиком кричать… Дождь, ветер, по реке ползут льдины, слышен плеск… И кстати радость: кричит бугай. На сибирских реках живут бугаи. Значит, они признают не климат, а географическое положение… Ну-с, через час в потемках показывается громадный паром, имеющий форму баржи; громадные весла, похожие на рачьи клешни. Перевозчики - народ озорной, все больше ссыльные, присланные сюда по приговорам общества за порочную жизнь. Сквернословят нестерпимо, кричат, просят денег на водку… Везут через реку долго, долго мучительно долго! Паром ползет… Опять чувство одиночества, и кажется, бугай нарочно кричит, как будто хочет сказать: "Не бойся, дядя, я здесь, Линтваревы с Псла меня сюда прислали!"

7 мая вольный ямщик, когда я попросил лошадей, сказал, что Иртыш разлился и затопил луга, что вчера ездил Кузьма и еле вернулся и что ехать нельзя, нужно обождать… Спрашиваю: до каких пор ждать? Ответ: а господь его знает! Это неопределенно, да и к тому же я дал себе слово отделаться в дороге от двух своих пороков, причинявших мне немало расходов, хлопот и неудобств; это - уступчивость и сговорчивость. Я быстро соглашаюсь, и потому мне приходилось ездить на черт знает чем, платить иногда вдвое, ждать по целым часам… Стал я не соглашаться и не верить - и бокам моим стало легче. Например, запрягут не возок, а простую, тряскую телегу. Откажешься ехать на телеге, упрешься, и непременно явится возок, хотя раньше уверяли, что во всей деревне нет возка и т. д. Ну-с, подозревая, что разлив Иртыша придуман только для того, чтобы не везти меня к ночи по грязи, я запротестовал и приказал ехать. Мужик, слыхавший о разливе от Кузьмы и сам его не видавший, почесался и согласился, старики подбодрили его и сказали, что когда в молодости они ямщиковали, то ничего не боялись. Поехали… Грязь, дождь, злющий ветер, холод… и валенки на ногах. Знаете, что значит мокрые валенки? Это сапоги из студня. Едем, едем, и вот перед очами моими расстилается громадное озеро, на котором кое-где пятнами проглядывает земля и торчат кустики - это залитые луга. Вдали тянется крутой берег Иртыша; на нем белеет снег… Начинаем ехать по озеру. Вернуться бы назад, да мешает упрямство и берет какой-то непонятный задор, тот самый задор, который заставил меня купаться среди Черного моря, с яхты, и который побуждал меня делать немало глупостей… Должно быть, психоз. Едем и выбираем островки, полоски. Направление указывают мосты и мостики; они снесены. Чтобы проехать по ним, нужно распрягать лошадей и водить лошадей поодиночке… Ямщик распрягает, я спрыгиваю в валенках в воду и держу лошадей… Занимательно! А тут дождь, ветер… спаси, царица небесная! Наконец добираемся до островка, где стоит избушка без крыши… По мокрому навозу бродят мокрые лошади. Выходит из избушки мужик с длинной палкой и берется провожать… Палкой он измеряет глубину воды и пробует грунт… Дай бог ему здоровья, вывел на длинную полосу, которую называл он "хребтом". Научил, чтоб с этого хребта мы норовили взять куда-то вправо или, не помню, влево, и попасть на другой хребет. Так мы и сделали…

Едем… В валенках сыро, как в отхожем месте. Хлюпает, чулки сморкаются. Ямщик молчит и уныло почмокивает. Он рад бы вернуться, но уже поздно, темнеет… Наконец - о радость! - подъезжаем к Иртышу… Тот берег крутой, а сей - отлогий. Сей изгрызен, скользок на вид, противен, растительности ни следа… Мутная вода с

белыми гребнями хлещет по нем и со злобой отскакивает назад, точно ей гадко прикасаться к неуклюжему, осклизлому берегу, на котором, как кажется, могут жить одни только жабы да души убийц… Иртыш не шумит, не ревет, а сдается, как будто он у себя на дне стучит по гробам… Проклятое впечатление! Тот берег высок, бур, пустынен…

Изба; тут живут перевозчики. Выходит один и заявляет, что паром пускать нельзя, так как поднялась непогода. Река, мол, широкая, а ветер сильный… И что же? Пришлось ночевать в избе… Помню ночь, храп перевозчиков и моего ямщика, шум ветра, стук дождя, ворчанье Иртыша… Перед тем как спать, написал Марии Владимировне письмо: Божаровский омут припомнился.

Утром не захотели везти на пароме: ветер. Пришлось плыть на лодке. Плыву через реку, а дождь хлещет, ветер дует, багаж мокнет, валенки, которые ночью сушились в печке, опять обращаются в студень. О, милое кожаное пальто! Если я не простудился, то обязан только ему одному. Когда вернусь, помажьте его за это салом или касторкой. На берегу целый час сидел на чемодане и ждал, когда из деревни приедут лошади. Помню, взбираться на берег было очень скользко. В деревне грелся и пил чай. Приходили за милостыней ссыльные. Для них каждая семья ежедневно заквашивает пуд пшеничной муки. Это вроде повинности. Ссыльные берут хлеб и пропивают его в кабаке. Один ссыльный, оборванный, бритый старик, которому в кабаке выбили глаза свои же ссыльные, услышав, что в комнате проезжий, и приняв меня за купца, стал петь и читать молитвы. Он и о здравии, и за упокой, пел и пасхальное "Да воскреснет бог", и "Со святыми упокой" - чего только не пел! Потом стал врать, что он из московских купцов. Я заметил, как этот пьяница презирал мужиков, на шее которых жил!

11-го поехал на почтовых. От скуки читал на станциях жалобные книги. Сделал открытие, которое меня поразило и которое в дождь и сырость не имеет себе цены: на почтовых станциях в сенях имеются отхожие места. О, вы не можете оценить этого!

12 мая мне не дали лошадей, сказавши, что ехать нельзя, так как Обь разлилась и залила все луга. Мне посоветовали: "Вы поезжайте в сторону от тракта до Красного Яра; там на лодке проедете верст 12 до Дубровина, а в Дубровине вам дадут почтовых лошадей…" Поехал я на вольных в Кр«асный» Яр. Приезжаю утром. Говорят, что лодка есть, но нужно немного подождать, так как дедушка послал на ней в Дубровино работника, который повез заседателева писаря. Ладно, подождем… Проходит час, другой, третий… Наступает полдень, потом вечер… Аллах керим, сколько чаю я выпил, сколько хлеба съел, сколько мыслей передумал! А как много я спал! Наступает ночь, а лодки все нет… Наступает раннее утро… Наконец в 9 часов возвращается работник. Слава небесам, плывем! И как хорошо плывем! Тихо в воздухе, гребцы хорошие, острова красивые… Вода захватила людей и скот врасплох, и я вижу, как бабы плывут в лодках на острова доить коров. А коровы тощие, унылые… По случаю холодов совсем нет корму. Плыл я 12 верст. В Дубровине на станции чай, а к чаю мне подали, можете себе представить, вафли… Хозяйка, должно быть, ссыльная или жена ссыльного… На следующей станции старик-писарь, поляк, которому я дал антипирину от головной боли, жаловался на бедность и говорил, что недавно через Сибирь проезжал австрийского двора камергер граф Сапега, поляк, помогающий полякам. "Он останавливался около станции, - рассказывает писарь, - а я не знал этого!

Мать пресвятая! Он бы мне помог! Я писал ему в Вену, но ответа не получил"… и т. д. Зачем я не Сапега? Я отправил бы этого беднягу на родину.

14 мая мне опять не дали лошадей. Разлив Томи. Какая досада! Не досада, а отчаянье! В 50 верстах от Томска, и так неожиданно! Женщина зарыдала бы на моем месте… Для меня люди добрые нашли выход: "Поезжайте, ваше благородие, до Томи - только 6 верст отсюда; там вас перевезут на лодке до Яра, а оттуда в Томск вас свезет Илья Маркович". Нанимаю вольного и еду к Томи, к тому месту, где должна быть лодка. Подъезжаю - лодки нет. Говорят, только что уплыла с почтой и едва ли вернется, так как дует сильный ветер. Начинаю ждать… Земля покрыта снегом, идут дождь и крупа, ветер… Проходит час, другой, а лодки нет… Насмехается надо мной судьба! Возвращаюсь назад на станцию. Тут три почтовые тройки и почтальон собираются ехать к Томи. Говорю, что лодки нет. Остаются. Получаю от судьбы награду: писарь на мой нерешительный вопрос, нет ли чего закусить, говорит, что у хозяйки есть щи… О, восторг! О, пресветлого дне! И в самом деле, хозяйкина дочка подает мне отличных щей с прекрасным мясом и жареной картошки с огурцом.

После пана Залесского я ни разу так не обедал. После картошки разошелся я и сварил себе кофе. Кутеж!

Перед вечером почтальон, пожилой, очевидно натерпевшийся человек, не смевший сидеть в моем присутствии, стал собираться ехать к Томи. И я тоже. Поехали. Как только подъехали к реке, показалась лодка, такая длинная, что мне раньше и во сне никогда не снилось. Когда почту нагружали в лодку, я был свидетелем одного странного явления: гремел гром - это при снеге и холодном ветре. Нагрузились и поплыли. Сладкий Миша, прости, как я радовался, что не взял тебя с собой! Как я умно сделал, что никого не взял! Сначала наша лодка плыла по лугу около кустов тальника… Как бывает перед грозой или во время грозы, вдруг по воде пронесся сильный ветер, поднявший валы. Гребец, сидевший у руля, посоветовал переждать непогоду в кустах тальника; на это ему ответили, что если непогода станет сильнее, то в тальнике просидишь до ночи и все равно утонешь. Стали решать большинством голосов и решили плыть дальше. Нехорошее, насмешливое мое счастье! Ну, к чему эти шутки? Плыли мы молча, сосредоточенно… Помню фигуру почтальона, видавшего виды… Помню солдатика, который вдруг стал багров, как вишневый сок… Я думал: если лодка опрокинется, то сброшу полушубок и кожаное пальто… потом валенки… потом и т. д… Но вот берег все ближе, ближе… На душе все легче, легче, сердце сжимается от радости, глубоко вздыхаешь почему-то, точно отдохнул вдруг, и прыгаешь на мокрый скользкий берег… Слава богу!

У Ильи Марковича, выкреста, говорят, что к ночи ехать нельзя - дорога плоха, что нужно остаться ночевать. Ладно, остаюсь. После чая сажусь писать вам это письмо, прерванное приездом заседателя. Заседатель - это густая смесь Ноздрева, Хлестакова и собаки. Пьяница, развратник, лгун, певец, анекдотист и при всем том добрый человек. Привез с собою большой сундук, набитый делами, кровать с матрасом, ружье и писаря. Писарь прекрасный, интеллигентный человек, протестующий либерал, учившийся в Петербурге, свободный, неизвестно как попавший в Сибирь, зараженный до мозга костей всеми болезнями и спивающийся по милости своего принципала, называющего его Колей. Посылает власть за наливкой. "Доктор! - вопит она. - Выпейте еще рюмку, в ноги поклонюсь!" Конечно, выпиваю. Трескает власть здорово, врет напропалую, сквернословит бесстыдно. Ложимся спать. Утром опять посылают за наливкой. Трескают наливку до 10 часов и наконец едут. Выкрест Илья Маркович, которого мужики боготворят здесь - так мне говорили, - дал мне лошадей до Томска.

Я, заседатель и писарь сели в одном возке. Заседатель всю дорогу врал, пил из горлышка, хвастал, что не берет взяток, восхищался природой и грозил кулаком встречным бродягам. Проехал 15 верст - стоп! Деревня Бровкино… Останавливаемся около жидовской лавочки и идем "отдыхать". Жид бежит за наливкой, а жидовка варит уху, о которой я уже писал. Заседатель распорядился, чтоб пришли сотский, десятский и дорожный подрядчик, и пьяный стал распекать их, нисколько не стесняясь моим присутствием. Он ругался, как татарин.

Скоро я разъехался с заседателем и по отвратительной дороге вечером 15-го мая доехал до Томска. В последние 2 дня я сделал только 70 верст - можете судить, какова дорога!

В Томске невылазная грязь. О городе и о здешнем житье буду писать на днях, а теперь до свиданья. Утомился писать. Поклон Папаше, Ивану, тетке, Алеше, Александре Васильевне, Зинаиде Михайловне, Доктору, Троше, великому пианисту, Марьюшке. Если знаете адрес милейшей Гундасихи, то напишите этой необыкновенной, удивительной девице, что я ей кланяюсь. Славной Жамэ привет от души. Если летом она будет гостить у Вас, то я буду очень рад. Она очень хорошая. Скажите Троше, что я сейчас пил из ее стаканчика. Чокался, впрочем, с Картамышевым.

Тополей нет. Кувшинниковский генерал соврал. Соловьев нет. Сороки и кукушки есть.

Сегодня получил телеграмму от Суворина в 80 слов.

Всех обнимаю, целую и благословляю.

Ваш А. Чехов.

Мишино письмо получено. Спасибо.

Простите, что письмо похоже на винегрет. Нескладно. Ну, да что делать? Сидя в номере, лучше не напишешь. Извините, что длинно. Я не виноват. Рука разбежалась, да и к тому же хочется подольше поговорить с вами. 3-й час ночи. Рука утомилась. На свечке нагорел фитиль, плохо видно. Пишите мне на Сахалин в каждые 4-5 дней. Оказывается, что почта туда идет не только морем, но и через Сибирь. Значит, буду получать своевременно и часто.

Завтра пойду к Владиславлеву и Флоринскому. Деньги целы. Швов еще не распарывал. Что Артеменко? Харитоненко получил звезду. Поздравляю Сумы.

В Томске на всех заборах красуется "Предложение".

Томичи говорят, что такая холодная и дождливая весна, как в этом году, была в 1842 г. Половину Томска затопило. Мое счастье!

Ем конфекты.

Если у Маши будет болеть горло и летом, то по приезде в Москву в сентябре пусть проф. Кузьмин отрежет ей по кусочку от каждой миндалевидной железы. Это невинная безболезненная операция. Без этой операции Маша до старости не избавится от фолликулярных и прочих жаб. Если Елена Михайловна согласится сделать операцию сию, то еще лучше. Пока железы еще не очень велики, достаточно отрезать по очень маленькому кусочку.

В Томске нужно будет дождаться того времени, когда прекратятся дожди. Говорят, что дорога до Иркутска возмутительна. Здесь есть "Славянский базар". Обеды хорошие, но добраться до этого "Базара" нелегко - грязь невылазная.

Сегодня (17 мая) пойду в баню. Говорят, что на весь Томск имеется один только банщик - Архип. * задний проход (лат.).

819. А. С. СУВОРИНУ

20 мая 1890 г. Томск.

Томск, 20 май.

Наконец, здравствуйте! Привет Вам от сибирского человека, милый Алексей Сергеевич! Соскучился я по Вас и по переписке ужасно.

Однако начну сначала. В Тюмени мне сказали, что первый пароход в Томск идет 18-го мая. Пришлось скакать на лошадях. В первые три дня болели все жилы и суставы, потом же привык и никаких болей не чувствовал. Только от неспанья и постоянной возни с багажом, от прыганья и голодовки было кровохарканье, которое портило мне настроение, и без того неважное. В первые дни было сносно, но потом задул холодный ветер, разверзлись хляби небесные, реки затопили луга и дороги. То и дело приходилось менять повозку на лодку. О войне моей с разливом и с грязью Вы прочтете в прилагаемых листках; я там умолчал, что мои большие сапоги оказались узкими и что я по грязи и по воде ходил в валенках и что валенки мои обратились в студень. Дорога так гнусна, что в последние два дня своего вояжа я сделал только 70 верст.

Уезжая, я обещал присылать Вам путевые заметки, начиная с Томска, ибо путь между Тюменью и Томском давно уже описан и эксплоатировался тысячу раз. Но Вы в Вашей телеграмме изъявили желание иметь от меня сибирские впечатления возможно скорее и даже, сударь, имели жестокость попрекнуть меня в слабой памяти, т. е. в том, как будто я забыл о Вас. Дорогою писать было положительно невозможно; я вел короткий дневник карандашом и могу предложить Вам теперь только то, что в этом дневнике записано. Чтобы не писать очень длинно и не запутаться, я все свои записанные впечатления разделил на главы. Посылаю Вам шесть глав. Написаны они лично для Вас. Писал я только для Вас и потому не боялся быть в своих заметках слишком субъективным и не боялся, что в них больше чеховских чувств и мыслей, чем Сибири. Если какие строки найдете интересными и достойными печати, то передайте их благодетельной гласности, подписав мою фамилию и печатая их тоже отдельными главками, через час по столовой ложке. Общее название можно дать "Из Сибири", потом "Из Забайкалья", потом "С Амура" и т. д.

Новую порцию Вы получите из Иркутска, куда я еду завтра и куда буду ехать не меньше 10 дней - дорога плоха. Вышлю опять несколько глав и буду высылать, независимо от того, будете Вы печатать или нет. Читайте, а когда надоест, то телеграфируйте мне: "Уймись!"

Всю дорогу я голодал, как собака. Набивал себе брюхо хлебом, чтобы не мечтать о тюрбо, спарже и проч. Даже о гречневой каше мечтал. По целым часам мечтал.

В Тюмени я купил себе на дорогу колбасы, но что за колбаса! Когда берешь кусок в рот; то во рту такой запах, как будто вошел в конюшню в тот самый момент, когда кучера снимают портянки; когда же начинаешь жевать, то такое чувство, как будто вцепился зубами в собачий хвост, опачканный в деготь. Тьфу! Поел раза два и бросил.

Получил от Вас одну телеграмму и письмо, в котором Вы пишете, что хотите издавать энциклопедический словарь. Не знаю почему, но весть об этом словаре меня очень порадовала. Издавайте, голубчик! Если я гожусь в работники, то отдаю Вам ноябрь и декабрь; буду жить эти месяцы в Питере. От утра до ночи буду сидеть.

Свои путевые заметки писал я начисто в Томске при сквернейшей номерной обстановке, но со старанием и не без желания угодить Вам. Думаю, ему скучновато в Феодосии и жарко, пусть почитает о холоде. Заметки эти идут к Вам вместо письма, которое складывалось у меня в голове в продолжение всего пути. За это Вы высылайте мне на Сахалин все Ваши критические фельетоны, кроме первых двух, которые я читал; распорядитесь также, чтобы мне высылали туда же "Народоведение" Пешеля, кроме первых двух выпусков, которые я уже имею.

Почта на Сахалин идет и морем, и через Сибирь; значит, если мне будут писать, я буду часто получать корреспонденцию. Не потеряйте мой адрес: о. Сахалин, Александровский пост.

Ах, какие расходы! Гевалт! Благодаря разливу я везде платил возницам почти вдвое, а иногда втрое, ибо работа каторжная, адская. Чемодан мой, милейший сундучок, оказался неудобным в дороге: занимает много места, толкает в бок, гремит, а главное - грозит разбиться. "Не берите с собой в дальнюю дорогу сундуки! " - говорили мне добрые люди, но этот совет припомнился мне только на полдороге. Что ж? Оставляю свой чемодан в Томске на поселении, а вместо него купил себе какую-то кожаную стерву, которая имеет то удобство, что распластывается на дне тарантаса, как угодно. Заплатил 16 рублей. Далее… На перекладных скакать до Амура - это пытка. Разобьешь и себя и весь свой багаж. Посоветовали купить повозку. Купил сегодня за 130 рублей. Если не удастся продать ее в Сретенске, где кончается мой лошадиный путь, то я останусь на бобах и взвою. Сегодня обедал с редактором "Сибирского вестника" Картамышевым. Местный Ноздрев, широкая натура… Пропил 6 рублев.

Стоп! Докладывают, что меня желает видеть помощник полициймейстера. Что такое?!?

Тревога напрасная. Полицейский оказывается любителем литературы и даже писателем; пришел ко мне на поклонение. Поехал домой за своей драмой и, кажется, хочет угостить меня ею… Сейчас приедет и опять помешает писать к Вам…

Пишите мне о Феодосии, о Толстом, о море, о бычках, об общих знакомых.

Анна Ивановна, здравствуйте! Господь Вас благословит. Я о Вас часто думаю.

Поклон Настюше и Боре. Всей душой рад для их удовольствия броситься в пасть тигра и позвать их к себе на помощь, но - увы! до тигров я еще не доехал. До сих пор из пушных зверей в Сибири я видел только очень много зайцев и одну мышь.

Стоп! Вернулся полицейский. Он драмы не читал, хотя и привез ее, но угостил рассказом. Недурно, но только слишком местно. Показывал мне слиток золота. Попросил водки. Не помню ни одного сибирского интеллигента, который, придя ко мне, не попросил бы водки. Говорил, что у него завелась "любвишка" - замужняя женщина; дал прочесть мне прошение на высочайшее имя насчет развода. Затем предложил мне съездить посмотреть томские дома терпимости.

Вернувшись из домов терпимости. Противно. Два часа ночи.

Зачем Алексей Алексеевич в Риге? Вы об этом писали. Как его здоровье? Теперь уж я буду писать Вам аккуратно из каждого города и из каждой той станции, где мне не будут давать лошадей, т. е. заставят меня ночевать. А как я рад, когда по необходимости остаюсь где-нибудь ночевать! Не успеешь бултыхнуть в постель, как уж спишь. Здесь, когда едешь и не спишь ночью, сон ценишь превыше всего; на земле нет выше наслаждения, как сон, когда хочется спать. В Москве, вообще в России, как теперь я понимаю, мне никогда не хотелось спать. Ложился только потому, что надо. Зато теперь! Еще одно замечание: в дороге совсем не хочется спиртного. Я не мог пить. Курил очень много. Думается плохо. Мысли как-то не вяжутся. Время бежит быстро, так что совсем не замечаешь времени от 10 часов утра до 7 часов вечера. После утра вскоре наступает вечер. Так бывает во время затяжной болезни. От ветра и дождей у меня лицо покрылось рыбьей чешуей, и я, глядя на себя в зеркало, не узнаю прежних благородных черт.

Томска описывать не буду. В России все города одинаковы. Томск город скучный, нетрезвый; красивых женщин совсем нет, бесправие азиатское. Замечателен сей город тем, что в нем мрут губернаторы.

Обнимаю Вас крепко. Анне Ивановне целую обе руки и кланяюсь до земли. Идет дождь. До свиданья, будьте здоровы и счастливы. Если письма мои будут кратки, небрежны или сухи, то не посетуйте, ибо в дороге не всегда можно быть самим собою и писать так, как хочется. Чернила скверные, а на перо вечно садятся какие-то волоски и кусочки.

Ваш А. Чехов.

Опишите Ваш феодосийский дом. Нравится ли Вам?

820. ЧЕХОВЫМ

20 мая 1890 г. Томск.

Томск. 20 май, Троица.

Друзья мои Тунгусы! У вас Троица, а у нас еще даже верба не начала распускаться и на берегу Томи снег. Завтра я еду в Иркутск. Отдохнул. Спешить незачем, так как пароходство через Байкал начнется только 10 июня, но все-таки еду.

Я жив, здоров, деньги целы; немножко болит правый глаз. Ломит.

Все советуют ехать обратно через Америку, так как, говорят, на Добровольном флоте умрешь с тоски: военщина, казенщина и редко пристают к берегу.

Два месяца тому назад умер здесь таганрогский таможенный Кузовлев, в нищете.

От нечего делать принялся за дорожные впечатления и посылаю их в "Новое время"; будете читать их приблизительно после 10 июня. Пишу обо всем понемножку: трень-брень. Пишу не для славы, а в отношении денег и в рассуждении взятого аванса.

Томск скучнейший город. Если судить по тем пьяницам, с которыми я познакомился, и по тем вумным людям, которые приходили ко мне в номер на поклонение, то и люди здесь прескучнейшие. По крайней мере мне с ними так невесело, что я приказал человеку никого не принимать.

Был в бане. Отдавал в стирку белье (по 5 коп. за платок!). Покупал от скуки шоколат.

Благодарю Ивана за книги. Я теперь покоен. Если он не с вами, то напишите ему, что я кланяюсь. Отцу послано письмо. Послал бы таковое и Ивану, но не знаю наверное, где он живет и куда поехал.

Через 2 1/2 дня буду в Красноярске, а через 7 1/2 - 8 в Иркутске. До Иркутска 1500 верст.

Заварил себе кофе и сейчас буду пить. Утро. Скоро зазвонят к поздней обедне.

После Томска начнется тайга. Посмотрим.

Поклон всем Линтваревым и нашей старой Марьюшке. Мамашу прошу не беспокоиться и не давать веры дурным снам. Поспела редиска? А тут ее совсем нет.

Ну, оставайтесь живы, здоровы; насчет денег не беспокойтесь - будут; не старайтесь тратить меньше и не портите себе этим лета.

Ваш А. Чехов.

Душа моя кричит караул. Помилуйте, мой бедный чемодан-сундук остается в Томске, а покупаю я себе новый чемодан, мягкий и плоский, на к«ото» ром можно сидеть и к«ото»рый не разобьется от тряски. Бедный сундучок таким образом попал в Сибирь на поселение.

821. ЧЕХОВЫМ

25 мая 1890 г. Мариинск. г. Мариинск (по пути от Томска к Иркутску).

Весна начинается; поле зеленеет, деревья распускаются, поют кукушки и даже соловьи. Было сегодня прекрасное утро, но в 10 часов подул холодный ветер и пошел дождь. До Томска была равнина, после Томска пошли леса, овраги и проч.

Чемодан свой бедный оставил в Томске на поселении за его громоздкость, а вместо него купил за 16 р. (!) какую-то чепуху, которая рабски распластывается на дне повозки. Вы можете везде теперь хвастать, что у нас есть экипаж. В Томске купил за 130 р. коляску с откидным верхом и проч., но, конечно, без рессор, ибо Сибирь рессор не признает. Сиденья нет, дно ровное, большое, можно вытянуться во весь рост. Теперь ехать очень удобно: не боюсь ни ветра, ни дождя. Только жду, что ось сломается, ибо дорога отвратительная. Плаваниям моим нет конца: утром плавал два раза да ночью придется плыть 4 версты. Я жив и совершенно здоров.

Будьте здоровы.

Ваш Antoine. На обороте: г. Сумы (Харьковской губ.)

Марии Павловне Чеховой.

822. ЧЕХОВЫМ

27 мая 1890 г. Ачинск.

Я жив и здоров. Привет Вам из Ачинска. Всем кланяюсь.

А. Чехов.

Поклон отцу и Ивану. Где Иван? Завтра буду в Красноярске. На обороте: г. Сумы (Харьковск«ой» губ.) Марии Павловне Чеховой.

823. В. А. ДОЛГОРУКОВУ (Отрывок) 28 мая 1890 г. Красноярск (?).

Еду, путь ужасный. Да, непростительно безобразна Ваша дорога, и как Вы грешите, что не ругаете ее вдоль и поперек. Иркутск - хороший город. Почитываю Ваши стихи. У Вас хорошая душа и стихом владеете, но язык недостаточно прост; надо воли себе давать больше. Надеюсь с Вами увидеться в России.

824. А. С. СУВОРИНУ

28 мая 1890 г. Красноярск.

Красноярск, 28 мая.

Здравствуйте! Из Томска Вам послано большое заказное письмо. Если Вам

понадобится телеграфировать что-нибудь по поводу его, то телеграфируйте "Благовещенск до востребования", если только, конечно, из моих телеграмм не будет видно, что я уже проехал названный город. До сих пор я не ехал, а полз. Дорога и ужасная и страшная благодаря невылазной, оси ломающей грязи. Но, слава богу, около Красноярска стало лучше. Мой экипаж два раза ломался от напряжения, и два раза починка его задерживала меня на станциях. Низко кланяюсь всем.

Ваш А. Чехов.

Буду писать из Иркутска. На обороте: г. Феодосия (Таврической губ.)

Алексею Сергеевичу Суворину.

825. ЧЕХОВЫМ

28 мая 1890 г. Красноярск.

Красноярск, 28 май.

Что за убийственная дорога! Еле-еле дополз до Красноярска и два раза починял свою повозку; лопнул сначала курок - железная, вертикально стоящая штука, соединяющая передок повозки с осью; потом сломался под передком так называемый круг. Никогда в жизни не видывал такой дороги, такого колоссального распутья и такой ужасной, запущенной дороги. Буду писать о ее безобразиях в "Нов«ом» вр«емени»", а посему умолчу пока.

Последние три станции великолепны; когда подъезжаешь к Красноярску, то кажется, что спускаешься в иной мир. Из леса выезжаешь на равнину, которая очень похожа на нашу донецкую степь, только здесь горные кряжи грандиознее. Солнце блестит во всю ивановскую и березы распустились, хотя за три станции назад на березах не потрескались даже еще почки. Слава богу, въехал-таки я наконец в лето, где нет ни ветра, ни холодного дождя. Красноярск красивый интеллигентный город; в сравнении перед ним Томск свинья в ермолке и моветон. Улицы чистые, мощеные, дома каменные, большие, церкви изящные.

Я жив и совершенно здоров. Деньги целы, вещи тоже целы; потерял было шерстяные чулки и скоро нашел.

Пока, если молчать о повозке, все обстоит благополучно и жаловаться не на что. Только расходы страшенные. Нигде так сильно не сказывается житейская непрактичность, как в дороге. Плачу лишнее, делаю ненужное, говорю не то, что нужно, и жду всякий раз того, что не случается.

Миша, погоди собираться в Японию; кажется, я вернусь через Америку.

В Иркутске я буду через 5-6 дней, проживу там столько же дней, затем скакать до Сретенска и - конец моему лошадиному пути. Вот уж больше двух недель прошло, как я скачу не переставая, думаю только в одном этом направлении, живу этим; ежедневно вижу восход солнца от начала до конца. Так привык, что мне кажется, что я всю жизнь скачу и воюю с грязной дорогой. Когда нет дождя и грязных ям на дороге, то становится как-то странно и даже скучновато. А какой я грязный, какое у меня ерническое рыло! Как потерлась моя несчастная одежа!

Поклон отцу, Ивану (где сей?), Александре Васильевне, братьям и сестрам Линтваревым, Семашке, Иваненке, Жамэ, Марьюшке и прочим.

К департаменту матери: кофе у меня еще 1 1/2 банки; питаюсь медом и акридами; буду обедать сегодня и в Иркутске. Чем ближе к востоку, тем дороже все становится. Хлеб ржаной, т. е. мука ржаная, уж 70 коп. за пуд, тогда как по ту сторону Томска она 25-27 к., а пшеничная 30 к. Табак, продающийся в Сибири, подл и гнусен; дрожу, так как мой уж на исходе.

Напишите тетке и Алексею, что я им кланяюсь. Где теперь Жамэ? Хотел было заказать ей работишку в музее, да не знаю, где проживает теперь эта златокудрая обольстительная дива. А где Гундасова? И ей поклон.

Еду с двумя поручиками и с одним военным доктором, которые все держат путь на

Амур. Таким образом револьвер является совершенно лишним. С такой компанией и в ад не страшно. Сейчас пьем на станции чай, а после чаю пойдем смотреть город.

Я согласился бы жить в Красноярске. Не понимаю, почему здесь излюбленное место для ссылки. Тут недавно прощенный Юханцев, тут и Рыков.

Однако спешим; будьте здоровы. Целую всех, откидываю к печке, потом опять принимаю в свои объятия, благословляю по-архиерейски и желаю всего хорошего.

Ради бога, без болезней и без инцидентов! Будьте благополучны до мозга костей.

Ваш Homo Sachaliensis*

А. Чехов.

Письма, адресуемые на имя Маши, могут быть читаемы всею семьей; если случится писать секрет, то на адресе будет написано "ее высокоблагородию". Это помните. Всякое письмо с ее высокоблагородием может быть распечатано только одною Машею, которой, кстати сказать, я желаю от души всего самого лучшего и великолепного.

Ах, Троша, Троша! Не слышу я Вашего чудесного смеха! * сахалинец (лат.).

826. ЧЕХОВЫМ

31 мая 1890 г. Канск.

Пишу сие из Канска. Есть еще Каинск, но тот до Томска, а этот просто Канск, без и. Оба, вместе взятые, составят один Звенигород. Серое утро. Сейчас будем есть борщ. У одного из спутников офицеров болят зубы. Дорога становится лучше, но все-таки подвигаемся медленно. Буду вам писать из Иркутска, до которого осталось еще 800 верст. Ах! как опостылело ехать! Как противно становится глядеть на пиджак в пуху, на сапоги в грязи, на пальто в сене; в карманах пыль от табаку, крошек и сена, в чемодане пыль, во рту, кажется, тоже пыль. Принесли борщ…

Я жив, здоров, все цело. Даже кувшинниковская бутылка с коньяком еще не разбилась. Ну, будьте здоровехоньки.

Ваш Antoine. На обороте: г. Сумы (Харьковской губ.)

Марии Павловне Чеховой.

827. ЧЕХОВЫМ

4 июня 1890 г. Под Иркутском.

Подъезжаю к Иркутску. До такой степени жарко, что снимаем в дороге сюртуки и сапоги. Из Иркутска буду писать длинно. Жив и здоров, а благодаря хорошей, жаркой погоде и изобилию зелени самочувствие великолепное. Поклон всем, всем! Я уже соскучился. Где Семашко? Иваненко?

Ваш А. Чехов.

Послал за квасом, который здесь очень хорош. На обороте: г. Сумы (Харьковской губ.)

Марии Павловне Чеховой.

828. Н. А. ЛЕЙКИНУ

5 июня 1890 г. Иркутск.

5 июнь 90, Иркутск.

Здравствуйте, добрейший Николай Александрович! Шлю Вам душевный привет из Иркутска, из недр сибирских. Приехал я в Иркутск вчера ночью и очень рад, что приехал, так как замучился в дороге и соскучился по родным и знакомым, которым давно уже не писал. Ну-с, о чем же интересном написать Вам? Начну с того, что дорога необыкновенно длинна. От Тюмени до Иркутска я сделал на лошадях более трех тысяч верст. От Тюмени до Томска воевал с холодом и с разливами рек; холода были ужасные, на Вознесенье стоял мороз и шел снег, так что полушубок и валенки пришлось снять только в Томске в гостинице. Что же касается разливов, то это казнь египетская. Реки выступали из берегов и на десятки верст заливали луга, а с ними и дороги; то и дело приходилось менять экипаж на лодку, лодки же не давались даром - каждая обходилась пуда крови, так как нужно было по целым суткам сидеть на берегу под дождем и холодным ветром и ждать, ждать… От Томска до Красноярска отчаянная война с невылазною грязью. Боже мой, даже вспоминать жутко! Сколько раз приходилось починять свою повозку, шагать пешком, ругаться, вылезать из повозки, опять влезать и т. д.; случалось, что от станции до станции ехал я 6-10 часов, а на починку повозки требовалось 10-15 часов каждый раз. От Красноярска до Иркутска страшнейшая жара и пыль. Ко всему этому прибавьте голодуху, пыль в носу, слипающиеся от бессонницы глаза, вечный страх, что у повозки (она у меня собственная) сломается что-нибудь, и скуку… Но тем не менее все-таки я доволен и благодарю бога, что он дал мне_силу и возможность пуститься в это путешествие… Многое я видел и многое пережил, и все чрезвычайно интересно и ново для меня не как для литератора, а просто как для человека. Енисей, тайга, станции, ямщики, дикая природа, дичь, физические мучительства, причиняемые дорожными неудобствами, наслаждения, получаемые от отдыха, - все, вместе взятое, так хорошо, что и описать не могу. Уж одно то, что я больше месяца день и ночь был на чистом воздухе - любопытно и здорово; целый месяц ежедневно я видел восход солнца от начала до конца.

Отсюда еду на Байкал, потом в Читу, Сретенское, где меняю лошадей на пароход, и плыву по Амуру до своей цели. Не спешу, ибо желаю быть на Сахалине не раньше 1-го июля.

Если бы вздумали написать мне, то вот Вам мой адрес: Александровский пост на о. Сахалине. Почта на Сахалин идет через Сибирь ежедневно.

Вы спрашивали меня в последнем письме, почему за деньгами ("Пестрые рассказы") я обратился к Голике, а не к Вам. Помилуйте, сударь мой, ведь Вы раньше писали и говорили мне, чтобы я обращался за деньгами именно к Голике, а не к Вам. Впрочем, это все равно. Будьте здоровы, счастливы, покойны… Какова-то у Вас погода?

Почтение Прасковье Никифоровне и Феде. До свиданья.

Ваш Homo Sachaliensis

А. Чехов.

Дорога через Сибирь вполне безопасна. Грабежей не бывает.

829. И. Л. ЛЕОНТЬЕВУ (ЩЕГЛОВУ)

5 июня 1890 г. Иркутск.

Иркутск, 5 июня.

Здравствуйте, милый мой Жан! Шлю Вам дружеский привет из недр сибирских, из града Иркутска, куда я приехал вчера вечером.

Давно, давно уже собирался я написать Вам, милейший из всех капитанов. Хотел написать длинно перед выездом из Москвы, но грусть и тяжелое чувство при расставании с родными парализовали мою пишущую длань; в дороге нельзя было писать, да и останавливала мысль, что мне неизвестен Ваш адрес. Теперь же, отдыхаючи, не утерпел и пишу.

Путешествие мое длинно; все до такой степени длинно и широко, что писать положительно не о чем. Скажу только, что ехать было тяжко, временами несносно и даже мучительно; разливы рек, холод, питание исключительно чаем, грязная одежа,

тяжелые сапоги, невылазная грязь - все это имело для меня подавляющее значение и отодвигало природу и сибирского человека на второй и третий планы. Да и кстати сказать, здешние природа и человек мало чем отличаются от российских. Оригинальны только река Енисей и тайга, но о них можно только рассказать, а не писать, ибо письмо слишком не просторно для этого. В декабре при свидании я выложу перед Вами все мое сибирское богатство.

Отсюда еду на Байкал, затем подамся к Амуру, на котором поплыву до Сахалина. Обо всем расскажу Вам, друже, если останусь жив и если у Вас будет охота слушать такого неумелого рассказчика, как я.

Где Вы? Что? Как? Каково у Вас лето? Холодно или жарко? Пишете ли? Ах, голубчик, не скучайте бога ради и не хандрите. Вы хороший человек.

Поклонитесь Вашей жене непременно.

Господь Вас благословит. Будьте здоровы и счастливы и не забывайте меня. Мне скучно без людей.

Ваш. А. Чехов.

Какой Ваш адрес? Вот задача-то!

830. А. Н. ПЛЕЩЕЕВУ

5 июня 1890 г. Иркутск.

5 июнь. Иркутск.

Тысячу раз здравствуйте, дорогой Алексей Николаевич! Наконец поборол самые трудные 3000 верст, сижу в приличном номере и могу писать. Оделся я нарочно во все новое и возможно щеголеватее, ибо Вы не можете себе представить, до какой степени мне надоели грязные большие сапоги, полушубок, пахнущий дегтем, или пальто в сене, пыль и крошки в карманах и необычайно грязное белье. В дороге одет я был таким сукиным сыном, что даже бродяги косо на меня посматривали, а тут еще, точно нарочно, от холодных ветров и дождей рожа моя потрескалась и покрылась рыбьей чешуей. Теперь наконец я опять европеец, что и чувствую всем моим существом.

Ну-с, о чем же Вам написать? Все так длинно и широко, что не знаешь, с чего начать и что выбрать. Все сибирское, мною пережитое, я делю на три эпохи: 1) от Тюмени до Томска, 1500 верст, страшенный холодище днем и ночью, полушубок, валенки, холодные дожди, ветры и отчаянная (не на жизнь, а на смерть) война с разливами рек; реки заливали луга и дороги, а я то и дело менял экипаж на ладью и плавал, как венецианец на гондоле; лодки, их ожидание у берега, плавание и проч. - все это отнимало так много времени, что в последние два дня до Томска я при всех моих усилиях сумел сделать только 70 верст вместо 400-500; бывали к тому же еще весьма жуткие, неприятные минуты, особенно в ту пору, когда вдруг поднимался ветер и начинал бить по лодке. 2) От Томска до Красноярска 500 верст, невылазная грязь; моя повозка и я грузли в грязи, как мухи в густом варенье; сколько раз я ломал повозку (она у меня собственная), сколько верст прошел пешком, сколько клякс было на моей физиономии и на платье!.. Я не ехал, а полоскался в грязи. Зато и ругался же я! Мозг мой не мыслил, а только ругался. Замучился я до изнеможения и был очень рад, попав на Красноярскую почтовую станцию. 3) От Красноярска до Иркутска 1566 верст, жара, дым от лесных пожаров и пыль; пыль во рту, в носу, в карманах; поглядишь на себя в зеркало, и кажется, что загримировался. Когда по приезде в Иркутск я мылся в бане, то с головы моей текла мыльная пена не белого, а пепельно-гнедого цвета, точно я лошадь мыл.

Когда приеду, расскажу Вам про Енисей и тайгу - весьма интересно и любопытно, ибо представляет новизну для европейца, все же остальное обыкновенно и однообразно. Вообще говоря, сибирская природа мало отличается (наружно) от российской; есть различие, но оно мало заметно для глаза. Дорога вполне безопасна. Грабежи, нападения, злодеи - все это вздор и сказки. Револьвер совершенно не нужен, и ночью в лесу так же безопасно, как днем на Невском. Для пешего - другое дело.

Целую Вас и обнимаю, а Вашим шлю привет и пожелания всего хорошего. Не хворайте, голубчик, и не скучайте. Дай Вам бог и здоровья и денег. Не забывайте Вашего почитателя и искреннего доброжелателя.

А. Чехов.

831. Ал. П. ЧЕХОВУ 5 июня 1890 г. Иркутск.

5 июнь. Иркутск.

Европейский брат!

Конечно, неприятно жить в Сибири; но лучше быть в Сибири и чувствовать себя благородным человеком, чем жить в Петербурге и слыть за пьяницу и негодяя. Я не говорю о присутствующих.

Уезжая из России, о брат, я писал тебе, что ты получишь от меня много поручений. Перед отъездом я не собрался написать тебе, в дороге было не до писем, теперь же, поразмыслив, я вижу, что у меня есть к тебе не много поручений, а только одно, которое и прошу исполнить под страхом лишения наследства. Поручение состоит вот в чем: когда получишь письмо от сестры насчет денег, то надень штаны и сходи в книжный магазин "Нового времени": тут получи деньги за мои книги и вышли их сестре полностью. Вот и все.

Сибирь есть страна холодная и длинная. Еду, еду и конца не видать. Интересного и нового вижу мало, зато чувствую и переживаю много. Воевал с разливами рек, с холодом, с невылазною грязью, с голодухой, с желанием спать… Такие ощущения, которые в Москве и за миллион не испытаешь. Тебе бы надо в Сибирь! Попроси прокуроров, чтобы тебя сюда выслали.

Из всех сибирских городов самый лучший Иркутск. Томск гроша медного не стоит, а все уездные не лучше той Крепкой, в которой ты имел неосторожность родиться. Обиднее всего, что в уездных городишках есть нечего, а это в дороге ух как чувствуется! Подъезжаешь к городу и надеешься съесть целую гору, а въехал - трах! ни колбасы, ни сыру, ни мяса, ниже селедки, а те же пресные яйца и молоко, что и в деревнях.

В общем я своею поездкой доволен и не жалею, что поехал. Тяжко ехать, но зато отдых чуден. Отдыхаю с наслаждением.

Из Иркутска двинусь к Байкалу, который переплыву на пароходе; от Байкала тысяча верст до Амура, а там на пароходе до Великого океана, где первым делом выкупаюсь и поем устриц.

Сюда приехал я вчера и первым делом отправился в баню, потом лег спать. Ах, как спал! Только теперь я понимаю, что значит сон.

Ну, будь здоров. Наталье Александровне, немотствующему Куке и тезке моему нижайший поклон и пожелание всех благ. Мой адрес: Александровский пост на Сахалине. Опиши, как идут твои дела и нет ли чего новенького. Пиши нашим почаще, ибо им скучно.

Благословляю тебя обеими руками.

Твой азиатский брат А. Чехов.

832. ЧЕХОВЫМ

6 июня 1890 г. Иркутск.

Иркутск, 6 июня.

Здравствуйте, милая мама, Иван, Маша и Миша и все, я же с вами…

В последнем большом письме я писал вам, что горы около Красноярска похожи на Донецкий кряж, но это неправда; когда я взглянул на них с улицы, то увидел, что

они, как высокие стены, окружают город, и мне живо вспомнился Кавказ. А когда перед вечером, уезжая из города, я переплывал Енисей, то видел на другом берегу совсем уж Кавказские горы, такие же дымчатые, мечтательные… Енисей широкая, быстрая, гибкая река; красавец, лучше Волги. И паром через него замечательный, хитро устроенный, плывущий против течения; об устройстве сей штуки расскажу дома. Итак, горы и Енисей - это первое оригинальное и новое, встреченное мною в Сибири. И горы и Енисей подарили меня такими ощущениями, которые сторицею вознаградили меня за все пережитые кувырколлегии и которые заставили меня обругать Левитана болваном за то, что он имел глупость не поехать со мной.

От Красноярска до Иркутска всплошную тянется тайга. Лес не крупнее Сокольничьего, но зато ни один ямщик не знает, где он кончается. Конца краю не видать. Тянется на сотни верст. Что и кто в тайге, неизвестно никому, и только зимою случается, что приезжают через тайгу из далекого севера за хлебом какие-то люди на оленях. Когда въедешь на гору и глянешь вперед и вниз, то видишь впереди гору, за ней еще гору, потом еще гору, с боков тоже горы - и все это густо покрыто лесом. Даже жутко делается. Это второе оригинальное и новое…

От Красноярска начались жарища и пыль. Жара страшная. Полушубок и шапка лежат под спудом. Пыль во рту, в носу, за шеей - тьфу! Подъезжаем к Иркутску - надо переплывать через Ангару на плашкоте (т. е. пароме). Как нарочно, точно на смех, поднимается сильнейший ветер… Я и мои военные спутники, 10 дней мечтавшие о бане, обеде и сне, стоим на берегу и бледнеем от мысли, что нам придется переночевать не в Иркутске, а в деревне. Плашкот никак не может подойти… Стоим час-другой, и-о небо!- плашкот делает усилие и подходит к берегу. Браво, мы в бане, мы ужинаем и спим! Ах, как сладко париться, есть и спать!

Иркутск превосходный город. Совсем интеллигентный. Театр, музей, городской сад с музыкой, хорошие гостиницы… Нет уродливых заборов, нелепых вывесок и пустырей с надписями о том, что нельзя останавливаться. Есть трактир "Таганрог". Сахар 24 коп., кедровые орехи 6 коп. за фунт.

К великому моему огорчению, я не нашел письма от вас. Все написанное вами до 6 мая я получил бы в Иркутске, если бы вы написали. Послал Суворину телеграмму - ответа нет.

Теперь об источниках для добычи презренного металла. Когда понадобятся деньги, то напишите Александру (или телеграфируйте), чтобы он сходил в книжный магазин "Нового времени" и взял бы мой книжный гонорар. Это во-первых. Во-вторых, пошлите прилагаемое письмо, предварительно прочитав его; письмо пошлите в августе и счет сохраните.

Александру я писал.

Не прозевайте моего выигрышного билета. Писал ли я Мише, что я, кажется, вернусь домой через Америку? Пусть не спешит в Японию.

Я жив и здоров. Деньги целы. Кофе припрятал для Сахалина. Пью великолепный чай, после которого чувствую приятное возбуждение. Видаю китайцев. Добродушный и неглупый народ. В Сибирском банке мне выдали деньги тотчас же, приняли любезно, угощали папиросами и пригласили на дачу. Есть великолепная кондитерская, но все адски дорого. Тротуары деревянные.

Вчера ночью совершал с офицерами экскурсию по городу. Слышал, как кто-то шесть раз протяжно крикнул "караул". Должно быть, душили кого-нибудь. Поехали искать, но никого не нашли.

17-го июня отслужите обедню, а 29-ое отпразднуйте возможно торжественнее; буду мысленно присутствовать с вами, а вы выпейте за мое здоровье. Поклон папаше, Линтваревым, Жамэ, Семашечке, Иваненке и Марьюшке. Ну, оставайтесь здоровы, да хранит вас бог. Постарайтесь не забыть вашего скучающего домочадца

А. Чехова.

Все у меня мнется, грязно, рвется! Похож на жулика.

Мехов, вероятно, не привезу. Не знаю, где их продают, а спросить лень.

В Иркутске рессорные пролетки. Он лучше Екатеринбурга и Томска. Совсем Европа.

В дорогу надо брать не меньше двух больших подушек и непременно в темных наволочках.

Что делает Иван? Куда он ездил? Был ли на юге?

Из Иркутска я еду к Байкалу. Спутники мои готовятся рвать.

Большие сапоги обносились и стали просторнее. Пятки уже не болят.

Заказал на завтра гречневую кашу. В дороге вспомнил о твороге и стал есть его на станциях с молоком.

Получали ли из мелких городов мои открытые письма? Берегите их: по ним буду судить о скорости почты. А почта здешняя не спешит.

833. ЧЕХОВЫМ

7 июня 1890 г. Иркутск.

Сделайте складчину. Телеграфируйте подробнее Иркутск Амурское подворие. Скучаю. Здоров. На бланке:

Сумы. Чеховой.

834. ЧЕХОВЫМ

7 июня 1890 г. Иркутск.

Иркутск, 7 июнь.

Получил сейчас от Суворина такую телеграмму: "Не хвались до стенли далеко приветствует золотая и медные бедные дом прекрасный жалеем что Вас нет хмурые люди второе издание всем на зависть вы бедный хороший мы вас любим студента Казанцева ныне скучно когда вас принесет обратно. Суворин".

Мудрый Эдип, разреши! Во всяком разе, если "Хмурые люди" выходят вторым изданием, то вам придется получить рублей 600-700, которые тратьте по надобности; если что сбережете, то пригодится; быть может, я попрошу перевести из Москвы во Владивосток. Сибирский банк обещает мне устроить такой перевод. За "Сумерки" и "Рассказы" тоже получите малую толику. Поехала ли Маша в Крым? Хорошо бы и на Кавказ по Военно-Грузинской дороге; в дилижансе эта дорога только 12 руб. стоит. Пусть бы с Иваном ехала! Владикавказ, Тифлис, Батум, Феодосия, Севастополь, Сумы - таков маршрут.

Жарко. Сегодня в "Интендантском саду" музыка и гулянье.

Пароход из Сретенска идет 20 июня. Православные, что я буду делать до 20? Куда деваться? Езда до Сретенска требует только 5-6 дней.

Я сильно изменил свой маршрут. Из Хабаровки (зри карту) я поеду не в Николаевск, а по Уссури во Владивосток, а оттуда уже на Сахалин. Нельзя не посмотреть Уссурийского края. Во Владивостоке буду купаться в море и есть устриц.

До Канска было холодно; начиная от Канска (зри карту) стали спускаться к югу. Зелень такая же густая, как и у вас, даже дубы распустились. Береза здесь темнее, чем в России, зелень ее не так сентиментальна. Масса черемухи, которая заменяет здесь и сирень и вишню. Говорят, что из черемухи отличное варенье. Ел ее маринованную: ничего себе.

Едут со мною два поручика и военный доктор. Они получили тройные прогоны, но все прожили, хотя и едут в одном экипаже. Сидят без гроша, ожидая, когда интендантство даст им денег. Милые люди. Получили прогонов по 1500-2000 р., а дорога каждому из них (исключая, конечно, остановки) обойдется дешевле грибов. Занимаются тем, что распекают всех в гостиницах и на станциях, так что с них

страшно деньги брать. Около них и я плачу меньше, чем обыкновенно.

Счет из книжного магазина лучше всего потребовать в августе, этак числа 10-20; тогда же и письмо Кондратьеву послать.

Ездили Линтваревы в Крым? Нет? Так и знал. Если приедут на Луку Смагины, то поклонитесь им. Особенно низкий поклон Елене Ивановне.

Сегодня первый раз в жизни видел сибирского кота. Шерсть длинная, мягкая, нрав кроткий.

Я соскучился и послал вам сегодня телеграмму, причем просил вас сделать складчину и ответить мне подлиннее. Ничего бы вам всем, обитающим на Луке, не стоило разориться рублей на пять.

Как дела насчет шпаков и психического воздействия? В кого Мишка влюблен, какой счастливице Иваненко рассказывает про дядюшку? А Вата? Я, должно быть, влюблен в Жамэ, так как она мне вчера снилась. В сравнении с Парашами-сибирячками, со всеми этими «…» рылами, не умеющими одеваться, петь и смеяться, наши Жамэ, Дришки и Гундасихи просто королевы. Сибирские барышни и женщины - это замороженная рыба. Надо быть моржом или тюленем, чтобы разводить с ними шпаков.

Мои спутники мне надоели. Одному ехать гораздо лучше. В дороге я больше всего люблю молчание, а мои спутники говорят и поют без умолку, и говорят только о женщинах. Взяли у меня до завтра 136 рублей и уж истратили. Бездонные бочки.

Мама, как Ваши ноги? Исполняете ли Вы советы Кузьмина, который взял с Вас пять рублей? А как поживает тетя с Алешей? Напишите им поклон.

Было бы желательно повидаться с проф. Тимофеевым и выпить с ним за здоровье Натальи Михайловны, но увы! Я в Сибири, он у колбасников… Жив ли Шаповалов? А мой друг Коптев, сей сумской сукин сын? Не пошатнулись ли дела в шоколатной фабрике Артеменко? Если графиня Лида на Луке, то ей поклон.

По Сибирскому тракту есть свои Боромли. Попадаются станции в 30-35 верст. Едешь ночью, едешь, едешь… балдеешь, чумеешь и все едешь, а рискнешь спросить ямщика, сколько верст осталось до станции, он непременно скажет не меньше 17. Это особенно мучительно, когда приходится ехать шагом по грязной ухабистой дороге и когда хочется пить. Я научился не спать; совершенно бываю равнодушен, когда меня будят. Обыкновенно не спишь день, ночь, потом к обеду другого дня начинаешь чувствовать напряжение в веках, вечером и ночью, особенно перед рассветом и утром третьего дня, дремлешь в повозке и, случается, уснешь, сидя, на минутку; в обед и после обеда на каждой станции, пока запрягают лошадей, валяешься на диванах, и только вечером начинается инквизиция. Вечером, после того как выпьешь стаканов пять чаю, начинает гореть лицо и все тело вдруг изнемогает и хочет гнуться назад; глаза слипаются, ноги в больших сапогах зудят, в мозгу путаница… Если позволишь себе остаться ночевать, то тотчас же засыпаешь, как убитый; если же хватает воли ехать дальше, то засыпаешь в повозке, как бы сильна ни была тряска; на станциях ямщики будят, так как нужно вылезать из повозки и платить прогоны; будят они не столько голосом и дерганьем за рукава, сколько чесночною вонью, исходящею из их уст; воняет от них луком и чесноком до тошноты. Я научился спать в повозке только после Красноярска. До Иркутска я однажды проспал 58 верст, причем был только раз разбужен. Но спанье в повозке не укрепляет. Это не сон, а какое-то бессознательное состояние, после которого и в голове мутно и во рту скверно.

Китайцы похожи на тех дохлых старцев, которых любил изображать покойный Николай. Попадаются с великолепными косами.

В Томске у меня была полиция. В 11-м часу вечера лакей вдруг докладывает мне, что меня желает видеть помощник полициймейстера. Что такое?! Уж не политика ли? Не заподозрили ли во мне волтерианца? Говорю лакею: проси. Входит мужчина с длинными усами и рекомендуется. Оказывается, что это любитель литературы, сам пишет и пришел ко мне в номер, как в Мекку к Магомету, дабы поклониться. Вспомнил я о нем вот почему. Позднею осенью он едет в Петербург, и я навязал ему свой чемодан, который просил доставить в редакцию "Нов«ого» времени". Имейте сие в виду на случай, если кто-нибудь из наших или знакомых поедет в Питер. Фамилия полиции - Аршаулов.

Вы бы, между прочим, поискали хутор. По возвращении в Россию я пять лет буду отдыхать, т. е. сидеть на одном месте и переливать из пустого в порожнее. Хутор был бы очень кстати. Деньги же, думаю, найдутся, ибо дела мои неплохи. Если я отработаю аванс (половину уже отработал), то весною непременно возьму 2-3 тысячи аванса с рассрочкою на пять лет. Это не будет против совести, так как книжному магазину "Нов«ого» времени" я дал уже заработать своими книжками больше, чем 2-3 тысячи, и дам еще больше. Думаю до 35 лет не приниматься ни за что серьезное, хочется попробовать личной жизни, которая у меня была, но которой я не замечал по разным обстоятельствам.

Сегодня смазал кожаное пальто салом. Дивное пальто. Оно спасло меня от простуды. Полушубок тоже молодчина: служит и шубой и матрацем. В нем тепло, как на печке. Без подушек совсем плохо. Сено не заменяет их; оно через 5-6 станций от трения дает много пыли, которая щекочет лицо и мешает дремать. Простыни ни одной. Тоже скверно. Надо было бы также взять побольше брюк. Чем больше багажа, тем лучше - меньше тряски и больше удобств.

Однако будьте здоровы. Писать уж больше не о чем. Кланяюсь всем.

Ваш А. Чехов.

835. ЧЕХОВЫМ

13 июня 1890 г. Лиственичная.

13 июнь, ст. Лиственичная, на берегу Байкала.

Я переживаю дурацкие дни. 11-го июня, т. е. позавчера, вечером мы выехали из Иркутска в чаянии попасть к байкальскому пароходу, который отходил в 4 часа утра. От Иркутска до Байкала только три станции. На первой станции нам заявили, что все лошади в разгоне, что ехать поэтому никак невозможно. Пришлось остаться ночевать. Вчера утром выехали из этой станции и к полудню прибыли к Байкалу. Пошли на пристань и на наш вопрос получили ответ, что пароход пойдет не раньше пятницы 15-го июня. Значит, до пятницы нужно сидеть на берегу, глядеть на воду и ждать. Так как не бывает ничего такого, что бы не кончалось, то я ничего не имею против ожиданий и ожидаю всегда терпеливо, но дело в том, что 20-го из Сретенска идет пароход вниз по Амуру; если мы не попадем на него, то придется ждать следующего парохода, который пойдет 30-го. Господа милосердные, когда же я, попаду на Сахалин?

Ехали мы к Байкалу по берегу Ангары, которая берет начало из Байкала и впадает в Енисей. Зрите карту. Берега живописные. Горы и горы, на горах всплошную леса. Погода была чудная, тихая, солнечная, теплая; я ехал и чувствовал почему-то, что я необыкновенно здоров; мне было так хорошо, что и описать нельзя. Это, вероятно, после сиденья в Иркутске и оттого, что берег Ангары на Швейцарию похож. Что-то новое и оригинальное. Ехали по берегу, доехали до устья и повернули влево; тут уже берег Байкала, который в Сибири называется морем. Зеркало. Другого берега, конечно, не видно: 90 верст. Берега высокие, крутые, каменистые, лесистые; направо и налево видны мысы, которые вдаются в море вроде Аю-Дага или феодосийского Тохтабеля. Похоже на Крым. Станция Лиственичная расположена у самой воды и поразительно похожа на Ялту; будь дома белые, совсем была бы Ялта. Только на горах нет построек, так как горы слишком отвесны и строиться на них нельзя.

Заняли мы квартиру-сарайчик, напоминающий любую из Красковских дач. У окон, аршина на 2-3 от фундамента, начинается Байкал. Платим рубль в сутки. Горы, леса, зеркальность Байкала - все отравляется мыслью, что нам придется сидеть здесь до пятницы. Что мы будем здесь делать? Вдобавок еще не знаем, что нам есть. Население питается одной только черемшой. Нет ни мяса, ни рыбы; молока нам не дали, а только обещали. За маленький белый хлебец содрали 16 коп. Купил я гречневой крупы и кусочек копченой свинины, велел сварить размазню; невкусно, но делать нечего, надо есть. Весь вечер искали по деревне, не продаст ли кто курицу, и не нашли… Зато водка есть! Русский человек большая свинья. Если спросить, почему он не ест мяса и рыбы, то он оправдывается отсутствием привоза, путей сообщения и т. п., а водка между тем есть даже в самых глухих деревнях и в количестве, каком угодно. А между тем, казалось бы, достать мясо и рыбу гораздо

легче, чем водку, которая и дороже и везти ее труднее… Нет, должно быть, пить водку гораздо интереснее, чем трудиться ловить рыбу в Байкале или разводить скот.

В полночь пришел пароходишко; ходили смотреть его и кстати спросить, нет ли чего поесть. Нам сказали, что завтра можно будет получить обед, но теперь ночь, кухня не топится и проч. Мы поблагодарили за "завтра"- все-таки надежда! Но увы! вошел капитан в сказал, что в 4 часа утра пароходишко уходит в Култук. Благодарим! В буфете, где повернуться нельзя - так он мал, выпили мы бутылку кислого пива (35 коп.) и видели на тарелке янтарный бисер - это омулевая икра. Вернулись домой - и спать. Опротивело мне спать. Каждый день постилаешь себе на полу полушубок шерстью вверх, в головы кладешь скомканное пальто и подушечку, спишь на этих буграх в брюках и в жилетке… Цивилизация, где ты?

Сегодня идет дождь и Байкал утонул в тумане. "Занимательно!" - сказал бы Семашко. Скучно. Надо бы сесть писать, да в дурную погоду не работается. Скука предвидится немилосердная; будь я один, это бы еще ничего, но со мною поручики и военный доктор, любящие поговорить и поспорить. Понимают мало, во говорят обо всем. Один из поручиков к тому же еще немножко Хлестаков и хвастун. В дороге надо быть непременно одному. Сидеть в повозке или в комнате со своими мыслями гораздо интереснее, чем с людьми. Кроме военных, с нами едет еще ученик Иркутского технического училища Иннокентий Алексеевич, мальчик, похожий на того Неаполитанского, который говорил дйцэм, но умнее и добрее. Взяли мы его, чтобы довезти до Читы.

Поздравьте: свой собственный экипаж я продал в Иркутске. Сколько я взял пользы, не скажу, иначе мамаша в обморок упадет и пять ночей не будет спать.

Это письмо вы получите, должно быть, 20-25 июля, а то и позже. Одно-два письма буду еще адресовать в Сумы, а потом начну посылать в Москву. Но по какому адресу? Надо будет придумать что-нибудь. Свой московский адрес вы непременно пришлете мне по телеграфу. Куда? Вам будет известно.

Я очень рад, Маша, что ты побывала в Крыму. Я послал тебе в Ялту телеграмму на имя магазина Асмолова и сидящего в нем караима Синани. Получила ли? Там был ответ Городецкому, который угостил меня длиннейшей телеграммой. Едва ли Городецкий сварит кашу. Во-первых, он писать не умеет и вообще бездарен, как все крещеные шмули, а во-вторых, путешествие Вышнеградского в Азию не так уж интересно, чтобы стоило "командировать" (т. е. давать прогонные, суточные и проч.) корреспондента.

Будьте здоровехоньки и не скучайте. Где Иван? Ему поклон. Иваненко и Семашке тоже, Жамэ тоже. Линтваревым кланяюсь в ножки за телеграмму.

Туман рассеялся. Вижу облака на горах. Ах, волк те заешь! Кавказ, подумаешь…

До свиданья.

Ваш Homo Sachaliensis*

А. Чехов. * сахалинец (лат.).

836. Ф. О. ШЕХТЕЛЮ

13 июня 1890 г. Лиственичная.

13 июнь.

Вы никогда не получали писем с берегов Байкала. Так вот Вам. Пишу сие, сидя на берегу Байкала и ожидая, когда пароход смилостивится и повезет мою особу дальше. Приехал я сюда во вторник, а пароход пойдет в пятницу; идет дождь, на озере туман, есть ничего не дают; тараканов и клопов сколько угодно. Вообще не жизнь, а оперетка. И скучно и смешно. До свиданья, дядя!

Ваш А. Чехов.

Почтение Наталии Тимофеевне.

Надоело ехать. На обороте:

Москва,

Петровское шоссе, собственный дом Францу Осиповичу Шехтель.

837. ЧЕХОВЫМ

20 июня 1890 г. Шилка, пароход "Ермак".

20 июнь.

Здравствуйте, милые домочадцы! Наконец-таки я могу снять тяжелые, грязные сапоги, потертые штаны и лоснящуюся от пыли и пота синюю рубаху, могу умыться и одеться по-человечески. Я уж не в тарантасе сижу, а в каюте I класса амурского парохода "Ермак". Перемена такая произошла десятью днями раньше и вот по какой причине. Я писал Вам из Лиственичной, что к байкальскому пароходу я опоздал, что придется ехать через Байкал не во вторник, а в пятницу и что успею я поэтому к амурскому пароходу только 30 июня. Но судьба капризна и часто устраивает фокусы, каких не ждешь. В четверг утром я пошел прогуляться по берегу Байкала; вижу - у одного из двух пароходишек дымится труба. Спрашиваю, куда идет пароход? Говорят, "за море", в Клюево; какой-то купец нанял, чтобы перевезти на тот берег свой обоз. Нам нужно тоже "за море" и на станцию Боярскую. Спрашиваю: сколько верст от Клюева до Боярской? Отвечают: 27. Бегу к спутникам и прошу их рискнуть поехать в Клюево. Говорю "рискнуть", потому что поехав в Клюево, где нет ничего, кроме пристани и избушки сторожа, мы рисковали не найти лошадей, засидеться в Клюеве и опоздать к пятницкому пароходу, что для нас было бы пуще Игоревой смерти, так как пришлось бы ждать до вторника. Спутники согласились. Забрали мы свои пожитки, веселыми ногами зашагали к пароходу и тотчас же в буфет: ради создателя супу! Полцарства за тарелку супу! Буфетик препоганенький, выстроенный по системе тесных ватерклозетов, но повар Григорий Иваныч, бывший воронежский дворовый, оказался на высоте своего призвания. Он накормил нас превосходно. Погода была тихая, солнечная. Вода на Байкале бирюзовая, прозрачнее, чем в Черном море. Говорят, что на глубоких местах дно за версту видно; да и сам я видел такие глубины со скалами и горами, утонувшими в бирюзе, что мороз драл по коже. Прогулка по Байкалу вышла чудная, во веки веков не забуду. Только вот что было нехорошо: ехали мы в III классе, а вся палуба была занята обозными лошадями, которые неистовствовали как бешеные. Эти лошади придавали поездке моей особый колорит: казалось, что я еду на разбойничьем пароходе. В Клюеве сторож взялся довезти наш багаж до станции; он ехал, а мы шли позади телеги пешком по живописнейшему берегу. Скотина Левитан, что не поехал со мной. Дорога лесная: направо лес, идущий на гору, налево лес, спускающийся вниз к Байкалу. Какие овраги, какие скалы! Тон у Байкала нежный, теплый. Было, кстати сказать, очень тепло. Пройдя 8 верст, дошли мы до Мысканской станции, где кяхтинский чиновник, проезжий, угостил нас превосходным чаем и где нам дали лошадей до Боярской. Итак, вместо пятницы мы уехали в четверг; мало того, мы на целые сутки вперед ушли от почты, которая забирает обыкновенно на станциях всех лошадей. Стали мы гнать в хвост и гриву, питая слабую надежду, что к 20 попадем в Сретенск. О том, как я ехал по берегу Селенги и потом через Забайкалье, расскажу при свидании, а теперь скажу только, что Селенга - сплошная красота, а в Забайкалье я находил все что хотел: и Кавказ, и долину Псла, и Звенигородский уезд, и Дон. Днем скачешь по Кавказу, ночью по Донской степи, а утром очнешься от дремоты, глядь, уж Полтавская губерния - и так всю тысячу верст. Верхнеудинск миленький городок, Чита плохой, вроде Сум. О сне и об обедах, конечно, некогда было и думать. Скачешь, меняешь на станциях лошадей и думаешь только о том, что на следующей станции могут не дать лошадей и задержат на 5-6 часов. Делали в сутки 200 верст - больше летом нельзя сделать. Обалдели. Жарища к тому же страшенная, а ночью холод, так что нужно было мне сверх суконного пальто надевать кожаное; одну ночь ехал даже в полушубке. Ну-с, ехали, ехали и сегодня утром прибыли в Сретенск, ровно за час до отхода парохода, заплативши ямщикам на двух последних станциях по рублю на чай.

Итак, конно-лошадиное странствие мое кончилось. Продолжалось оно 2 месяца (выехал я 21 апреля). Если исключить время, потраченное на жел«езные» дороги и пароходы, 3 дня, проведенные в Екатеринбурге, неделю в Томске, день в Красноярске, неделю в Иркутске, два дня у Байкала и дни, потраченные на ожидание

лодок во время разлива, то можно судить о быстроте моей езды. Проехал я благополучно, как дай бог всякому. Я ни разу не был болен и из массы вещей, которые при мне, потерял только перочинный нож, ремень от чемодана и баночку с карболовой мазью. Деньги целы. Проехать так тысячи верст редко кому удается.

Я до такой степени свыкся с ездой по тракту, что мне теперь как-то не по себе и не верится, что я не в тарантасе и что не слышно дар-валдая. Странно, что, ложась спать, я могу протянуть ноги вовсю и что лицо мое не в пыли. Но всего страннее, что бутылка коньяку, которую дал мне Кувшинников, еще не разбилась и что коньяк цел до капли. Обещал раскупорить его только на берегу Великого океана.

Плыву по Шилке, которая у Покровской станицы, слившись с Аргунью, переходит в Амур. Река - не шире Псла, даже уже. Берега каменистые: утесы да леса. Совсем дичь. Лавируем, чтобы не сесть на мель или не хлопнуться задом о берег. У порогов пароходы и баржи часто хлопаются. Душно. Сейчас останавливались у Усть-Кары, где высадили человек 5-6 каторжных. Тут прииски и каторжная тюрьма.

Вчера был в Нерчинске. Городок не ахти, но жить можно.

Вы-то, судари мои и сударыни, как живете? Положительно ничего не знаю о вас. Сложились бы по гривеннику и прислали подробную телеграмму.

Пароход будет ночевать в Горбице. Ночи здесь туманные, опасно плыть. В Горбице опущу это письмо.

Еду я в I классе, потому что спутники мои едут во II. Ушел от них. Вместе ехали (трое в одном тарантасе), вместе спали и надоели друг другу, особенно они мне.

Поклон и привет всем знаемым моим. Мамаше целую руку. Так как Маша в Крыму, то посылаю сие письмо на имя мамаши. Где Иван? Был ли папаша на Луке 29-го июня?

Почерк у меня преподлый, потрясучий. Это оттого, что пароход трясет. Писать трудно.

Перерыв. Ходил к своим поручикам пить чай. Оба они выспались и в благодушном настроении… Один из них, поручик Шмидт (фамилия, противная для моего уха), пехота, высокий, сытый, горластый курляндец, большой хвастун и Хлестаков, поющий из всех опер, но имеющий слуха меньше, чем копченая селедка, человек несчастный, промотавший прогонные деньги, знающий Мицкевича наизусть, невоспитанный, откровенный не в меру и болтливый до тошноты. Подобно Иваненке, любит рассказывать про своих дядей и теток. Другой поручик, Меллер, топограф, тихий, скромный и вполне интеллигентный малый. Если бы не Шмидт, то с ним можно было бы проехать без скуки миллион верст, но при Шмидте, вмешивающемся во всякий разговор, и он надоел. Однако к чему вам поручики? Неинтересно.

Будьте здоровехоньки. Подходим, кажется, к Горбице.

Линтваревым сердечный привет. Папаше буду писать особо. Алеше из Иркутска послал открытое письмо. До свиданция! Интересно знать, когда дойдет до вас это письмо? Вероятно, через 40 дней, не раньше.

Всех обнимаю и благословляю. Соскучился.

Ваш А. Чехов.

Завтра составляю форму телеграммы, которую вы пришлете мне на Сахалин. Постараюсь в 30 слов вложить все, что мне нужно, а вы постарайтесь строго держаться формы.

Кусаются оводы.

838. Н. А. ЛЕЙКИНУ

20 июня 1890 г. Шилка под Горбицей.

Горбица, 20 июня.

Здравствуйте, добрейший Николай Александрович! Пишу Вам сие, приближаясь к Горбице, одной из казацких станиц на берегу Шилки, притока Амура. Вот куда меня занесло! Плыву по Амуру.

Из Иркутска я послал Вам письмо. Получили ли? С того времени прошло больше недели, в продолжение которой я переплыл Байкал и проехал Забайкалье. Байкал удивителен, и недаром сибиряки величают его не озером, а морем. Вода прозрачна необыкновенно, так что видно сквозь нее, как сквозь воздух; цвет у нее нежно-бирюзовый, приятный для глаза. Берега гористые, покрытые лесами; кругом дичь непроглядная, беспросветная. Изобилие медведей, соболей, диких коз и всякой дикой всячины, которая занимается тем, что живет в тайге и закусывает друг другом. Прожил я на берегу Байкала двое суток.

Когда плыл, было тихо и жарко.

Забайкалье великолепно. Это смесь Швейцарии, Дона и Финляндии.

Проехал я на лошадях более 4000 верст. Путешествие было вполне благополучное. Все время был здоров и из всего багажа потерял только перочинный нож. Дай бог всякому так ездить. Путь вполне безопасный, и все эти рассказы про беглых, про ночные нападения и проч. не что иное, как сказки, предания о давно минувшем. Револьвер совершенно лишняя вещь. Теперь я сижу в каюте первого класса и чувствую себя в Европе. Такое у меня настроение, как будто я экзамен выдержал.

Свисток. Это Горбица. Ну, до свиданья, будьте здоровы, благополучны. Если успею, то опущу это письмо в ящик, если же нет, то погожу до Покровской станицы, где буду завтра. Почта с Амура идет редко, чуть ли не 3 раза в месяц.

Привет Прасковье Никифоровне и Феде.

Ваш А. Чехов.

Берега у Шилки красивые, точно декорация, но увы! чувствуется что-то гнетущее от этого сплошного безлюдья. Точно клетка без птицы.

839. А. Н. ПЛЕЩЕЕВУ

20 июня 1890 г. Амур, пароход "Ермак".

Здравствуйте! Посылаю Вам, дорогой мой, привет из каюты I класса парохода "Ермак". Плыву по Амуру. Путешествие мое на лошадях кончилось; большие сапоги заключены под спуд, рожа вымыта, белье переменено, и московский жулик преобразился в барина. Пароход дрожит, трудно писать… Берега Амура красивы, но слишком дики, мне же безлюдье надоело.

Нахожусь под впечатлением Забайкалья, которое я проехал: превосходный край. Вообще говоря, от Байкала начинается сибирская поэзия, до Байкала же была проза. Обнимаю Вас. Кланяюсь низко Вашим.

Ваш А. Чехов.

20 июнь. На обороте:

Станция Преображенская по Варшавской железной дороге

Алексею Николаевичу Плещееву.

840. М. В. КИСЕЛЕВОЙ

21 июня 1890 г. Амур под Покровской, пароход "Ермак".

Член Общества русских драматических писателей и оперных композиторов А. П. Чехов, благополучно завершив свое конно-лошадиное странствие (4500 верст), плывет теперь по Амуру и шлет Вам и всему Вашему семейству сердечный привет. Все обстоит благополучно. Письмо это могло бы быть длиннее, если бы пароход не

дрожал как в лихорадке: невозможно писать.

Действительный член Общества любителей российской словесности

А. Чехов.

21 июнь. На обороте: г. Воскресенск (Московской губ.)

Ее высокородию

Марии Владимировне Киселевой.

841. А. С. СУВОРИНУ

21 июня 1890 г. Амур под Покровской, пароход "Ермак".

Сим извещаю Вас, что пароход "Ермак" дрожит как в лихорадке и что поэтому нет никакой возможности писать. Благодаря такой чепухе все мои надежды, которые я возлагал на пароходное путешествие, рухнули. Остается теперь только спать да есть.

Вчера из Горбицы послал Вам телеграмму. Приветствую.

Ваш А. Чехов.

21 июнь. На обороте: г. Феодосия (Таврической губ.)

Алексею Сергеевичу Суворину.

842. ЧЕХОВЫМ

31 июня 1890 г. Амур под Покровской.

21-го, 6 часов вечера, недалеко от станицы Покровской.

Налетели на камень, сделали пробоину и теперь починяемся. Сидим на мели в качаем воду. Налево русский берег, направо китайский. Если бы я теперь вернулся домой, то имел бы право хвастать: "В Китае я не был, но видел его в 3-х саженях от себя". В Покровской будем ночевать. Учиним экскурсию.

Если бы я был миллионером, то непременно имел бы на Амуре свой пароход. Хороший, любопытный край. Советую Егору Михайловичу ехать не в Туапсе, а сюда; кстати же здесь нет ни тарантулов, ни фаланг. На китайском берегу сторожевой пост: избушка, на берегу навалены мешки с мукой, оборванные китайцы таскают их на носилках в избушку. А за постом густой, бесконечный лес. Будьте здоровы.

С нами едут из Иркутска институтки - лица русские, но некрасивые. На обороте: г. Сумы (Харьковской губ.)

Марии Павловне Чеховой.

843. ЧЕХОВЫМ

23-26 июня 1890 г. От Покровской до Благовещенска.

23 июнь.

Я писал уже вам, что мы сидим на мели. У Усть-Стрелки, где Шилка сливается с Аргунью (зри карту), пароход, сидящий в воде 2 1/2 фута, налетел на камень, сделал несколько пробоин и, набрав в трюм воды, сел на дно. Стали выкачивать воду и класть латки; голый матрос лезет в трюм, стоит по шею в воде и нащупывает пятками дыры; всякую дыру покрывают извнутри сукном, вымазанным в сале, кладут сверху доску и ставят на последней подпорку, которая, подобно колонне, упирается в потолок, - вот и починка. Выкачивали с 5 часов вечера до ночи, но вода все не убывала; пришлось отложить работу до утра. Утром нашли еще несколько новых

пробоин и опять стали латать и качать. Матросы качают, а мы, публика, гуляем по палубам, судачим, едим, пьем, спим; капитан и его помощник делают то же, что и публика, и не спешат. Направо китайский берег, налево станица Покровская с амурскими казаками; хочешь - сиди в России, хочешь - поезжай в Китай, запрету нет. Днем жара невыносимая, так что приходится надевать шелковую рубаху.

Обедать дают в 12 часов, ужинать в 7 ч. вечера. На беду к станице подходит встречный пароход "Вестник" с массою публики. "Вестнику" тоже нельзя идти дальше, и оба парохода сидят сиднем. На "Вестнике" военный оркестр. В результате целое торжество. Вчера весь день у нас на палубе играла музыка, развлекавшая капитана и матросов и, стало быть, мешавшая починять пароход. Женская половина пассажирства совсем повеселела: музыка, офицеры, моряки… ах! Особенно рады институтки. Вечером вчера гуляли по станице, где играла по найму казаков все та же музыка. Сегодня продолжаем починяться. Обещает капитан, что пойдем после обеда, но обещает лениво, глядя куда-то в сторону, - очевидно, врет. Не спешим. Когда я спросил одного пассажира, когда же мы, наконец, пойдем дальше, то он спросил:

- А разве вам здесь плохо?

И то правда. Почему не стоять, коли не скучно? Капитан, его помощник и агент - верх любезности. Китайцы, сидящие в III классе, добродушны и смешны. Вчера один китаец сидел на палубе и пел дискантом что-то очень грустное; в это время профиль у него был смешнее всяких карикатур. Все глядели на него и смеялись, а он - ноль внимания. Попел дискантом и стал петь тенором: боже, что за голос! Это овечье или телячье блеянье. Китайцы напоминают мне добрых, ручных животных. Косы у них черные, длинные, как у Натальи Михайловны. Кстати о ручных животных; в уборной живет ручная лисица-щенок. Умываешься, а она сидит и смотрит. Если долго не видит людей, то начинает скулить.

Какие странные разговоры! Только и говорят о золоте, о приисках, о Добровольном флоте, об Японии. В Покровской всякий мужик и даже поп добывают золото. Этим же занимаются и поселенцы, которые богатеют здесь так же быстро, как и беднеют. Есть чуйки, которые не пьют ничего, кроме шампанского, и в кабак ходят не иначе, как только по кумачу, который расстилается от избы вплоть до кабака.

Осенью вы потрудитесь послать в Одессу в книжный магазин "Нового времени" мою шубу, испросив предварительно разрешения у Суворина - это из приличия нужно. Калош не нужно. Туда же посылайте письма и свой адрес. Если случатся у вас лишние деньги, то пришлите мне сто рублей на всякий случай в Одессу, в книжный магазин "Н«ового» в«ремени»" для передачи мне. Непременно "для передачи", иначе мне придется шляться на почту. Если же денег лишних не будет, то не нужно. Приехав в Москву, рекомендуйте отцу принимать бромистый калий, так как осенью у него бывают головокружения; если будут таковые, то нужно будет поставить за ухом пьявку. Еще что? Попросите Ивана, чтобы он купил у Ильина (Петровские линии) карту Забайкальской области, если можно, на холсте и послал бы заказною бандеролью по сл«едующему» адресу: Иркутск, ученику Технического училища Иннокентию Алексеевичу Никитину. Газеты и письма берегите.

Амур чрезвычайно интересный край. До чертиков оригинален. Жизнь тут кипит такая, о какой в Европе и понятия не имеют. Она, т. е. эта жизнь, напоминает мне рассказы из американской жизни. Берега до такой степени дики, оригинальны и роскошны, что хочется навеки остаться тут жить. Последние строчки пишу уж 25 июня. Пароход дрожит и мешает писать. Опять плывем. Проплыл я уже по Амуру 1000 верст и видел миллион роскошнейших пейзажей; голова кружится от восторга. Видел я такой утес, что если бы у подножия его Гундасова вздумала окисляться, то она бы умерла от удовольствия, и если бы мы с Софьей Петровной Кувш«инниковой» во главе устроили здесь пикник, то могли бы сказать друг другу: умри, Денис, лучше не напишешь. Удивительная природа. А как жарко! Какие теплые ночи! Утром бывает туман, но теплый.

Я осматриваю берега в бинокль и вижу чертову пропасть уток, гусей, гагар, цапель и всяких бестий с длинными носами. Вот бы где дачу нанять!

Вчера в местечке Рейнове пригласил меня к больной жене некий золотопромышленник. Когда я уходил от него, он сунул мне в руку пачку ассигнаций. Мне стало стыдно, я начал отказываться и сунул деньги назад, говоря, что я сам очень богат; разговаривали долго, убеждая друг друга, и все-таки в конце концов у меня в руке

осталось 15 рублей. Вчера же в моей каюте обедал золотопромышленник с лицом Пети Полеваева; за обедом он вместо воды пил шампанское и угощал им нас.

Деревни здесь такие же, как на Дону; разница есть в постройках, но неважная. Жители не исполняют постов и едят мясо даже в Страстную неделю; девки курят папиросы, а старухи трубки - это так принято. Странно бывает видеть мужичек с папиросами. А какой либерализм! Ах, какой либерализм!

На пароходе воздух накаляется докрасна от разговоров. Здесь не боятся говорить громко. Арестовывать здесь некому и ссылать некуда, либеральничай сколько влезет. Народ все больше независимый, самостоятельный и с логикой. Если случается какое-нибудь недоразумение в Усть-Каре, где работают каторжные (между ними много политических, которые не работают), то возмущается весь Амур. Доносы не приняты. Бежавший политический свободно может проехать на пароходе до океана, не боясь, что его выдаст капитан.

Это объясняется отчасти и полным равнодушием ко всему, что творится в России. Каждый говорит: какое мне дело?

Я забыл вам написать, что в Забайкалье ямщикуют не русские, а буряты. Смешной народ. Лошади у них аспиды. Ни одна запряжка не обходилась без недоразумений. Бешенее пожарных лошадей. Пока пристяжную запрягают, у нее спутаны ноги; едва распутали, как тройка уж летит к черту, так что дух захватывает. Если лошадь не спутаешь, то во время упряжки она брыкается, долбит копытами по оглоблям, рвет сбрую и дает впечатление молодого черта, которого поймали за рога.

26 июня.

Подъезжаем к Благовещенску. Будьте здоровы и веселы и не отвыкайте от меня. Небось, уж отвыкли? Кланяюсь всем низко и всех дружески лобызаю.

Antoine.

Я совершенно здоров.

844. А. С. СУВОРИНУ

27 июня 1890 г. Благовещенск.

27 июнь. Благовещенск.

Здравствуйте, драгоценный мой! Амур очень хорошая река; я получил от него больше, чем мог ожидать, и давно уже хотел поделиться с Вами своими восторгами, но канальский пароход дрожал все семь дней и мешал писать. К тому же еще описывать такие красоты, как амурские берега, я совсем не умею; пасую перед ними и признаю себя нищим. Ну как их опишешь? Представьте себе Сурамский перевал, который заставили быть берегом реки, - вот Вам и Амур. Скалы, утесы, леса, тысячи уток, цапель и всяких носатых каналий, и сплошная пустыня. Налево русский берег, направо китайский. Хочу - на Россию гляжу, хочу - на Китай. Китай так же пустынен и дик, как и Россия: села и сторожевые избушки попадаются редко. В голове у меня все перепуталось и обратилось в порошок; и немудрено, Ваше превосходительство! Проплыл я по Амуру больше тысячи верст и видел миллионы пейзажей, а ведь до Амура были Байкал, Забайкалье… Право, столько видел богатства и столько получил наслаждений, что и помереть теперь не страшно. Люди на Амуре оригинальные, жизнь интересная, не похожая на нашу. Только и разговора, что о золоте. Золото, золото и больше ничего. У меня глупое настроение, писать не хочется, и пишу я коротко, по-свински; сегодня послал Вам четыре листка об Енисее и тайге, потом пришлю о Байкале, Забайкалье и Амуре. Вы не бросайте эти листки, я соберу их и по ним, как по нотам, буду рассказывать то, что не умею передать на бумаге. Теперь я пересел на пароход "Муравьев", который, говорят, не дрожит; авось, буду писать.

Я в Амур влюблен; охотно бы пожил на нем года два. И красиво, и просторно, и свободно, и тепло. Швейцария и Франция никогда не знали такой свободы. Последний ссыльный дышит на Амуре легче, чем самый первый генерал в России. Если бы Вы тут пожили, то написали бы очень много хорошего и увлекли бы публику, а я не умею.

Китайцы начинают встречаться с Иркутска, а здесь их больше, чем мух. Это добродушнейший народ. «…»

С Благовещенска начинаются японцы, или, вернее, японки. Это маленькие брюнетки с большой мудреной прической, с красивым туловищем и, как мне показалось, с короткими бедрами. Одеваются красиво. В языке их преобладает звук "тц". «…»

Когда я одного китайца позвал в буфет, чтобы угостить его водкой, то он, прежде чем выпить, протягивал рюмку мне, буфетчику, лакеям и говорил: кусай! Это китайские церемонии. Пил он не сразу, как мы, а глоточками, закусывая после каждого глотка, и потом, чтобы поблагодарить меня, дал мне несколько китайских монет. Ужасно вежливый народ. Одеваются бедно, но красиво, едят вкусно, с церемониями.

Китайцы возьмут у нас Амур - это несомненно. Сами они не возьмут, но им отдадут его другие, например, англичане, которые в Китае губернаторствуют и крепости строят. По Амуру живет очень насмешливый народ; все смеются, что Россия хлопочет о Болгарии, которая гроша медного не стоит, и совсем забыла об Амуре. Нерасчетливо и неумно. Впрочем, о политике после, при свидании.

Вы телеграфируете, чтобы я возвращался через Америку. Я и сам об этом думал. Но пугают, что это дорого обойдется. Перевод денег можно устраивать не только в Нью-Йорк, но и во Владивосток, через Иркутск, Сибирский банк, где меня принимали ужасно любезно. Деньги у меня еще не вышли, хотя я трачу безбожно. На коляске я потерпел больше 160 рублей убытку, и спутники мои, поручики, взяли у меня больше ста рублей. Но едва ли все-таки понадобится перевод. Если будет нужда, то обращусь к Вам своевременно.

Я совершенно здоров. Судите сами, ведь уж больше двух месяцев я пребываю день и ночь под открытым небом. А сколько гимнастики!

Спешу писать сие, ибо через час уходит "Ермак" обратно с почтой. Это письмо придет к Вам в августе.

Анне Ивановне целую руку и молю небеса об ее здравии и благополучии. Был ли у Вас Иван Павлович Казанский, молодой студент, наводящий тоску своими выглаженными панталонами?

По пути я практикую. В местечке Рейнове на Амуре, где живут одни только золотопромышленники, некий муж пригласил меня к своей беременной жене. Когда я уходил от него, он сунул мне в руку пачечку ассигнаций; мне стало стыдно, и я начал отказываться, уверяя, что я очень богатый человек и не нуждаюсь. Супруг пациентки стал уверять, что он тоже очень богатый человек. Кончилось тем, что я сунул ему обратно пачечку и у меня все-таки осталось в руке 15 рублей. Вчера лечил мальчика и отказался от 6 рублей, которые маменька совала мне в руку. Жалею, что отказался.

Будьте здоровы и счастливы. Извините, что пишу так скверно и не подробно. Писали ли Вы мне на Сахалин?

Купаюсь в Амуре. Выкупаться в Амуре, беседовать и обедать с золотыми контрабандистами - это ли не интересно?

Бегу на "Ермак". До свиданья!

Спасибо за известие о семье.

Ваш А. Чехов.

845. П. Е. ЧЕХОВУ

28 июня 1890 г. Радде.

Поздравляю. Телеграфируйте Николаевск подробно. Скучаю. На бланке:

Сумы. Чехову.

846. ЧЕХОВЫМ

29 июня 1890 г. Под Хабаровкой, пароход "Муравьев".

29 июнь. Пароход "Муравьев".

В каюте летают метеоры - это светящиеся жучки, похожие на электрические искры. Днем через Амур переплывают дикие козы. Мухи тут громадные. Со мною в одной каюте едет китаец Сон-Люли, который непрерывно рассказывает мне о том, как у них в Китае за всякий пустяк "голова долой". Вчера натрескался опиума и всю ночь бредил и мешал мне спать. 27-го я гулял по китайскому городу Айгуну. Мало-помалу вступаю я в фантастический мир. Пароход дрожит, трудно писать. Вчера вечером послал я папаше в Сумы поздравительную телеграмму. Получили?

Завтра буду в Хабаровке.

Китаец запел по нотам, которые написаны у него на веере. Будьте здоровы.

Ваш Antoine.

Привет Линтваревым. На обороте: г. Сумы (Харьковской губ.)

Марии Павловне Чеховой.

847. ЧЕХОВЫМ

1 июля 1890 г. Николаевск.

Сии гиероглифы начертаны моим спутником китайцем Сун-Ло-Ли (или, как я его прежде звал, Сон-Люли) и означают: "Я еду в Николаевск. Здравствуйте".

Если судить по "последним" газетам, которые я вчера читал в Хабаровке в Военном собрании, то это письмо вы получите в октябре. Газеты мартовские и апрельские, значит, шли они сюда 2-2 1/2 месяца, отсюда же, против течения почта идет дольше. Сегодня 1-й июль. Значит, плыву я уж 10 дней. Надоело. Пора бы к пристани. Днем жарко, ночью душно; обливаюсь потом. После Хабаровки Амур становится шире Волги. Качает. Гостил ли на Луке Семашко? Была ли Жамэ? Часто ли бывал Иваненко? В Москве опять возьмите пианино. Поклон всем.

Votre a tous Antoine.

Иван хорошо бы сделал, если бы сообщил мне свой московский адрес. На обороте: г. Сумы (Харьковской губ.)

Марии Павловне Чеховой.

848. В. А. ГИЛЯРОВСКОМУ

7 июля 1890 г. Николаевск.

Сохрани это письмо. Мне хочется узнать по штемпелям, по каким путям оно шло до тебя. Опускаю я его в почтовый ящик на пароходе "Байкал", который завтра везет меня в Татарский пролив. Теперь 7-й июль.

Будь здоров. Поклон Марии Ивановне и дочке.

Твой А. Чехов.

849. ЧЕХОВЫМ

11 июля 1890 г. Сахалин.

Приехал. Здоров. Телеграфируйте Сахалин. Чехов. На бланке:

Сумы. Чеховой.

850. Н. М. ЛИНТВАРЕВОЙ

16 июля 1890 г. Сахалин.

Наши упорно молчат. Беспокоюсь. Попросите телеграфировать еженедельно. Кланяюсь. Чехов. На бланке:

Сумы. Линтваревой.

851. М. П. ЧЕХОВОЙ

17 июля 1890 г. Сахалин.

Телеграмму получил. Здоров. Квартира хорошая. Люди добрые. Условия благоприятные. Возвращусь осенью. Привезу много интересного. Поклон Троше, уважаемому товарищу, Иваненко, Жамэ, всем. Соскучился. Жарко. На бланке:

Сумы. Чеховой.

852. М. П. ЧЕХОВОЙ

14 августа 1890 г. Сахалин.

Поздравляю. Здоров. На бланке:

Сумы. Чеховой.

853. И. П. ЧЕХОВУ

30 августа 1890 г. Сахалин.

Попроси Малышева прислать начальнику острова Сахалина генералу Кононовичу программу земских училищ список методику учебников. Изложи подробнее систему управления состав училищных советов. Закажи Суворину выслать наложенным платежом употребительных учебников старшего отделения 150 учеников младшего 300. Выеду сентябре. Здоров. Чехов. На бланке:

Сумы. Чехову.

854. ЧЕХОВЫМ

7 сентября 1890 г. Сахалин.

Здоров. Приеду скоро. На бланке:

Сумы. Чеховой.

855. А. С. СУВОРИНУ

11 сентября 1890 г. Татарский пролив, пароход "Байкал".

11 сентября. Пароход "Байкал".

Здравствуйте! Плыву по Татарскому проливу из Северного Сахалина в Южный. Пишу и не знаю, когда это письмо дойдет до Вас. Я здоров, хотя со всех сторон глядит на меня зелеными глазами холера, которая устроила мне ловушку. Во Владивостоке, Японии, Шанхае, Чифу, Суэце и, кажется, даже на Луне - всюду холера, везде карантины и страх. На Сахалине ждут холеру и держат суда в карантине. Одним словом, дело табак. Во Владивостоке мрут европейцы, умерла, между прочим, одна

генеральша.

Прожил я на Сев«ерном» Сахалине ровно два месяца. Принят я был местной администрацией чрезвычайно любезно, хотя Галкин не писал обо мне ни слова. Ни Галкин, ни баронесса Выхухоль, ни другие гении, к которым я имел глупость обращаться за помощью, никакой помощи мне не оказали; пришлось действовать на собственный страх.

Сахалинский генерал Кононович интеллигентный и порядочный человек. Мы скоро спелись, и все обошлось благополучно. Я привезу с собою кое-какие бумаги, из которых Вы увидите, что условия, в которые я был поставлен с самого начала, были благоприятнейшими. Я видел все; стало быть, вопрос теперь не в том, что я видел, а как видел.

Не знаю, что у меня выйдет, но сделано мною немало. Хватило бы на три диссертации. Я вставал каждый день в 5 часов утра, ложился поздно и все дни был в сильном напряжении от мысли, что мною многое еще не сделано, а теперь, когда уже я покончил с каторгою, у меня такое чувство, как будто я видел все, но слона-то и не приметил.

Кстати сказать, я имел терпение сделать перепись всего сахалинского населения. Я объездил все поселения, заходил во все избы и говорил с каждым; употреблял я при переписи карточную систему, и мною уже записано около десяти тысяч человек каторжных и поселенцев. Другими словами, на Сахалине нет ни одного каторжного или поселенца, который не разговаривал бы со мной. Особенно удалась мне перепись детей, на которую я возлагаю немало надежд.

У Ландсберга я обедал, у бывшей баронессы Гембрук сидел в кухне… Был у всех знаменитостей. Присутствовал при наказании плетьми, после чего ночи три-четыре мне снились палач и отвратительная кобыла. Беседовал с прикованными к тачкам. Когда однажды в руднике я пил чай, бывший петербургский купец Бородавкин, присланный сюда за поджог, вынул из кармана чайную ложку и подал ее мне, а в итоге я расстроил себе нервы и дал себе слово больше на Сахалин не ездить.

Написал бы Вам больше, но в каюте сидит барыня, неугомонно хохочущая и болтающая. Нет сил писать. Хохочет и трещит она со вчерашнего вечера.

Это письмо пойдет через Америку, а я поеду, должно быть, не через Америку. Все говорят, что американский путь дороже и скучнее.

Завтра я буду видеть издали Японию, остров Матсмай. Теперь 12-й час ночи. На море темно, дует ветер. Не пойму, как это пароход может ходить и ориентироваться, когда зги не видно, да еще в таких диких, мало известных водах, как Татарский пролив.

Когда вспоминаю, что меня отделяет от мира 10 тысяч верст, мною овладевает апатия. Кажется, что приеду домой через сто лет.

Нижайший поклон и сердечный привет Анне Ивановне и всем Вашим. Дай бог счастья и всего хорошего.

Ваш А. Чехов.

Скучно.

856. Е. Я. ЧЕХОВОЙ

6 октября 1890 г. Пост Корсаковский.

Ю. Сахалин. 6 октябрь.

Здравствуйте, дорогая Мама! Пишу Вам это письмо почти накануне отъезда своего в Россию. Со дня на день ждем пароход Добровольного флота и уповаем, что придет он не позже 10 октября. Это письмо я посылаю в Японию, откуда оно пойдет к вам через Шанхай или Америку. Живу я в Корсаковском посту, где нет ни телеграфа, ни почты и куда заходят корабли не чаще одного раза в две недели. Вчера пришел пароход и привез мне с севера кучу писем и телеграмм. Из писем узнал я, что Маше

понравился Крым; думаю, что Кавказ ей больше понравится; узнал, что Иван никак не может сварить своей учительской каши, колеблясь семо и овамо. Где он теперь? Во Владимире? Узнал, что Михайло, слава богу, все лето не имел места и жил поэтому дома, что Вы были во Святых горах, что на Луке было скучно и дождливо. Странное дело! У Вас дождливо и холодно, на Сахалине же с самого моего приезда до сегодня стоит ясная, теплая погода; легкие холода с инеем случаются по утрам, снег белеет на одной из гор, но земля еще зеленая, листья не осыпались и все в природе обстоит благополучно, точно в мае на даче. Вот Вам и Сахалин! Узнал я также из писем, что в Бабкине было превосходное лето, что Суворин очень доволен своим домом, что Немировичу-Данченко скучно, что у Ежова, бедняги, умерла жена, что, наконец, Иваненко переписывается с Жамэ и что Кундасова исчезла неизвестно куда. Иваненко будет убит мною, а Кундасова, вероятно, опять уж шагает по улицам, размахивает руками и величает всех мразью, а потому я не тороплюсь оплакивать ее.

Вчера в полночь я услышал рев парохода. Все повскакивали с постелей: ура, пароход пришел! Оделись, пошли с фонарем к пристани; смотрим вдаль - в самом деле огни парохода. Большинством голосов решили, что это "Петербург", на котором я поеду в Россию. Я обрадовался. Сели мы на лодку и поплыли к пароходу… Плыли, плыли, наконец видим в тумане темный корпус парохода; один из нас кричит хриплым голосом: "Что за судно?" И получаем ответ: "Байкал!"

Тьфу, ты, анафема, какое разочарование! Я соскучился, и Сахалин мне надоел. Ведь вот уж три месяца, как я не вижу никого, кроме каторжных или тех, которые умеют говорить только о каторге, плетях и каторжных. Унылая жизнь. Хочется поскорее в Японию, а оттуда в Индию.

Я здоров, если не считать мерцанья в глазу, которое бывает теперь у меня часто и после которого у меня каждый раз сильно болит голова. Мерцание в глазу было и вчера, и сегодня, и потому пишу я это письмо с головною болью и с тяжестью во всем теле. Геморрой тоже дает себя чувствовать.

В Корсаковском посту живет японский консул Кузе-Сан со своими двоими секретарями - мои хорошие знакомые. Живут по-европейски. Сегодня местная администрация ездила к ним во всем параде вручать пожалованные им ордена; и я тоже ездил со своею головною болью и должен был пить шампанское.

Живя на юге, раза три ездил из Корсаковского поста в Найбучи, где хлещет настоящая океанская волна. Зрите карту и восточный берег южной части - тут найдете это унылое, бедное Найбучи. Волны выбросили лодку с шестью американцами-китобоями, потерпевшими крушение у сахалинских берегов; живут они теперь в посту и солидно разгуливают по улицам; ждут "Петербурга" и уплывут вместе со мной.

В начале сентября я послал Вам письмо через С.-Франциско. Получили?

Поклон папаше, братьям, Маше, тете с Алехой, Марьюшке, Иваненке и всем знакомым. Мехов не привезу; нет их на Сахалине. Будьте здоровы, да хранит вас всех небо.

Ваш Anton.

Всем привезу подарки. Холера во Владивостоке и в Японии прекратилась. На конверте:

Russia. Moscow.

Москва,

Каретная Садовая, д. Дукмасова Евгении Яковлевне Чеховой.

Via St Francisco.

857. М. П. ЧЕХОВУ

16 октября 1890 г. Владивосток.

Будь Москве десятого декабря. Плыву Сингапур. На бланке:

Ефремов. Податному инспектору Чехову.

858. М. П. ЧЕХОВУ

5 декабря 1890 г. Ст. Раздельная.

Приеду Москву субботу курьерским. Чехов. На бланке:

Алексин. Податному инспектору Чехову.

861. А. С. СУВОРИНУ

9 декабря 1890 г. Москва.

9 декабрь, Москва, Малая Дмитровка, дом Фирганг.

Здравствуйте, мой драгоценный! Ура! Ну вот, наконец, я опять сижу у себя за столом, молюсь своим линяющим пенатам и пишу к Вам. У меня теперь такое хорошее чувство, как будто я совсем не уезжал из дому. Здоров и благополучен до мозга костей. Вот Вам кратчайший отчет. Пробыл я на Сахалине не 2 месяца, как напечатано у Вас, а 3 плюс 2 дня. Работа у меня была напряженная; я сделал полную и подробную перепись всего сахалинского населения и видел все, кроме смертной казни. Когда мы увидимся, я покажу Вам целый сундук всякой каторжной всячины, которая, как сырой материал, стоит чрезвычайно дорого. Знаю я теперь очень многое, чувство же привез я с собою нехорошее. Пока я жил на Сахалине, моя утроба испытывала только некоторую горечь, как от прогорклого масла, теперь же, по воспоминаниям, Сахалин представляется мне целым адом. Два месяца я работал напряженно, не щадя живота, в третьем же месяце стал изнемогать от помянутой горечи, скуки и от мысли, что из Владивостока на Сахалин идет холера и что я таким образом рискую прозимовать на каторге. Но, слава небесам, холера прекратилась, и 13 октября пароход увез меня из Сахалина. Был я во Владивостоке. О Приморской области и вообще о нашем восточном побережье с его флотами, задачами и тихоокеанскими мечтаниями скажу только одно: вопиющая бедность! Бедность, невежество и ничтожество, могущие довести до отчаяния. Один честный человек на 99 воров, оскверняющих русское имя… Японию мы миновали, ибо в ней холера; посему я не купил Вам ничего японского, и 500 рублей, выданные мне на покупки, истратил на собственные нужды, за что Вы по закону имеете право сослать меня в Сибирь на поселение. Первым заграничным портом на пути моем был Гонг-Конг. Бухта чудная, движение на море такое, какого я никогда не видел даже на картинках; прекрасные дороги, конки, железная дорога на гору, музеи, ботанические сады; куда ни взглянешь, всюду видишь самую нежную заботливость англичан о своих служащих, есть даже клуб для матросов. Ездил я на дженерихче, т. е. на людях, покупал у китайцев всякую дребедень и возмущался, слушая, как мои спутники россияне бранят англичан за эксплоатацию инородцев. Я думал: да, англичанин эксплоатирует китайцев, сипаев, индусов, но зато дает им дороги, водопроводы, музеи, христианство, вы тоже эксплоатируете, но что вы даете?

Когда вышли из Гонг-Конга, нас начало качать. Пароход был пустой и делал размахи в 38 градусов, так что мы боялись, что он опрокинется. Морской болезни я не подвержен - это открытие меня приятно поразило. По пути к Сингапуру бросили в море двух покойников. Когда глядишь, как мертвый человек, завороченный в парусину, летит, кувыркаясь, в воду, и когда вспоминаешь, что до дна несколько верст, то становится страшно и почему-то начинает казаться, что сам умрешь и будешь брошен в море. Заболел у нас рогатый скот. По приговору доктора Щербака и Вашего покорнейшего слуги, скот убили и бросили в море.

Сингапур я плохо помню, так как, когда я объезжал его, мне почему-то было грустно; я чуть не плакал. Затем следует Цейлон - место, где был рай. Здесь в раю я сделал больше 100 верст по железной дороге и по самое горло насытился пальмовыми лесами и бронзовыми женщинами. «…» От Цейлона безостановочно плыли 13 суток и обалдели от скуки. Жару выношу я хорошо. Красное море уныло; глядя на Синай, я умилялся.

Хорош божий свет. Одно только не хорошо: мы. Как мало в нас справедливости и смирения, как дурно понимаем мы патриотизм! Пьяный, истасканный забулдыга муж

любит свою жену и детей, но что толку от этой любви? Мы, говорят в газетах, любим нашу великую родину, но в чем выражается эта любовь? Вместо званий - нахальство и самомнение паче меры, вместо труда - лень и свинство, справедливости нет, понятие о чести не идет дальше "чести мундира", мундира, который служит обыденным украшением наших скамей для подсудимых. Работать надо, а все остальное к черту. Главное - надо быть справедливым, а остальное все приложится.

Мне страстно хочется поговорить с Вами. Душа у меня кипит. Никого не хочу, кроме Вас, ибо с Вами только и можно говорить. Плещеева к черту. Актеров тоже к черту.

Ваши телеграммы получал я в невозможном виде. Все перевраны.

Я ехал из Владивостока до Москвы с сыном баронессы Икскуль (она же Выхухоль), морским офицером. Маменька остановилась в "Слав«янском» базаре". Сейчас поеду к ней, зовет зачем-то. Она хорошая женщина; по крайней мере сын от нее в восторге, а сын чистый и честный мальчик.

Как я рад, что все обошлось без Галкина-Враского! Он не написал обо мне ни одной строчки, и я явился на Сахалин совершенным незнакомцем.

Когда я увижу Вас и Анну Ивановну? Что Анна Ивановна? Напишите подробнее обо всем, ибо я едва ли попаду к вам раньше праздников. Насте и Боре поклон; в доказательство, что я был на каторге, я, когда приеду к вам, брошусь на них с ножом и закричу диким голосом. Анне Ивановне я подожгу ее комнату, а бедному прокурору Косте буду проповедовать возмутительные идеи.

Крепко обнимаю Вас и весь Ваш дом, за исключением Жителя и Буренина, которым прошу только кланяться и которых давно бы уж пора сослать на Сахалин.

О Маслове часто приходилось говорить со Щербаком. Мне Маслов очень симпатичен.

Будьте хранимы небом.

Ваш А. Чехов.

862. Н. А. ЛЕЙКИНУ

10 декабря 1890 г. Москва.

10 декабрь. Москва, Малая Дмитровка, д. Фирганг.

В доказательство того, что я был на каторжном Сахалине, посылаю Вам, добрейший Николай Александрович, прилагаемый при сем документ красного цвета. Это Вам маленький, грошовый подарок за то большое удовольствие, какое мне доставляли Ваши письма. Получил я от Вас на Сахалине 3 письма: одно от 8 июля, другое от 5-го и третье от 6-го августа. Не отвечал на них по той причине, что ответ мой был бы получен Вами гораздо позже, чем это письмо. Почта в Сибири аспидская.

Привез я с собою материала для разговоров видимо-невидимо, так что льщу себя надеждою, могу быть интересным собеседником в продолжение целого месяца. Я проехал на лошадях всю Сибирь, плыл 11 дней по Амуру, плавал по Татарскому проливу, видел китов, прожил на Сахалине 3 месяца и 3 дня, сделал перепись всему сахалинскому населению, чего ради исходил все тюрьмы, дома и избы, обедал у Ландсберга, пил чай с Бородавкиным, и проч. и проч.; затем на обратном пути, минуя холерную Японию, я заезжал в Гонг-Конг, Сингапур, Коломбо на Цейлоне, Порт-Саид, и проч. и проч. Морской болезни я не подвержен, а потому плавание было для меня вполне благополучным. Из Цейлона я привез с собою в Москву зверей, самку и самца, перед которыми пасуют даже Ваши таксы и превосходительный Апель Апелич. Имя сим зверям - мангус. Это помесь крысы с крокодилом, тигром и обезьяной. Сейчас они сидят в клетке, куда посажены за дурное поведение: они переворачивают чернилицы, стаканы, выгребают из цветочных горшков землю, тормошат дамские прически, вообще ведут себя, как два маленьких черта, очень любопытных, отважных и нежно любящих человека. Мангусов нет нигде в зоологических садах; они редкость. Брем никогда не видел их и описал со слов других под именем "мунго". Приезжайте посмотреть на них.

Во все время путешествия я был здоров, в Архипелаге, где подул вдруг холод, я простудился и теперь кашляю, лихоражу и изображаю собою сплошной насморк.

Ну, как Вы живете, как Ваши дела? Напишите все подробно. Напишите кстати, что это за история с рецензентами, о которой вы сообщали в одном из своих писем? Что поделывает Билибин? Поклонитесь ему, пожалуйста.

Живу я теперь на Малой Дмитровке; улица хорошая, дом особнячок, два этажа. Пока не скучно, но скука уж заглядывает ко мне в окно и грозит пальцем. Буду усиленно работать, но ведь единою работою не может быть сыт человек.

Сейчас принял касторки. - Бррр!

Мороз после тропиков кажется мне стоградусным. Зябну. Поклонитесь Прасковье Никифоровне и Феде и пожелайте им всего хорошего. Если вышла у Вас в мое отсутствие новая книга, то пришлите.

Ну, будьте здоровы и благополучны, да хранят Вас небеса, не те серые, которые нависли теперь над Петербургской стороной, а настоящие, где живут святые угодники.

Ваш А. Чехов.

863. И. Л. ЛЕОНТЬЕВУ (ЩЕГЛОВУ)

10 декабря 1890 г. Москва.

10 декабрь. Москва, Малая Дмитровка, д. Фирганг.

Здравствуйте, милый Жан! Волею судеб скатившаяся звезда опять вернулась в Ваше созвездие. Опять я в Москве и пишу к Вам! Еще раз здравствуйте.

Описывать свое путешествие и пребывание на Сахалине не стану, ибо описание, даже кратчайшее, вышло бы в письме бесконечно длинным. Скажу только, что я доволен по самое горло, сыт и очарован до такой степени, что ничего больше не хочу и не обиделся бы, если бы трахнул меня паралич или унесла на тот свет дизентерия. Могу сказать: пожил! Будет с меня. Я был и в аду, каким представляется Сахалин, и в раю, т. е. на острове Цейлоне. Какие бабочки, букашки, какие мушки, таракашки!

Путешествие, особенно через Сибирь, похоже на тяжелую, затяжную болезнь; тяжко ехать, ехать и ехать, но зато как легки и воздушны воспоминания обо всем пережитом!

На Сахалине я прожил 3 месяца и 3 дня. О результатах своих сахалинских работ сообщу при свидании, а теперь давайте поговорим о текущих событиях. Правда ли, что Плещеев получил наследство в два миллиона? Как Ваше здоровье и что Вы пописываете и каковы Ваши литературные планы? Вы развелись с бабушкой и с Петербургской стороной… Поздравляю с новой эрой… Дай боже Вам на новосельи всякого благополучия.

Все время я был здоров, в Архипелаге же, где нас штормовало и дул холодный норд-ост, я простудился; теперь кашляю, бесконечно сморкаюсь и по вечерам чувствую жар. Надо полечиться.

Мои сияют от радости.

Ах, ангел мой, если б Вы знали, каких милых зверей привез я с собою из Индии! Это - мангусы, величиною с средних лет котенка, очень веселые и шустрые звери. Качества их: отвага, любопытство и привязанность к человеку. Они выходят на бой с гремучей змеей и всегда побеждают, никого и ничего не боятся; что же касается любопытства, то в комнате нет ни одного узелка и свертка, которого бы они не развернули; встречаясь с кем-нибудь, они прежде всего лезут посмотреть в карманы: что там? Когда остаются одни в комнате, начинают плакать. Право, стоит приехать из Петербурга, чтобы посмотреть их.

Иду к тетке повидаться. Будьте здоровы. В Петербурге буду, должно быть, не

раньше Нового года. Вашей жене мой душевный привет.

Ваш А. Чехов.

Семья кланяется.

864. И. П. ЧЕХОВУ

10 декабря 1890 г. Москва. Рукой М. П. Чехова:

10-го дек. 1890 г.

Я, Жан, опять в Москве. В Москве я вот по какому поводу, приехал Антуан. Еще 6-го он телеграфировал мне в Алексин, что завтра, т. е. 7-го, он будет проезжать через Тулу. В это время у меня гостила мать. Радость, конечно, была безмерная. Курьерский поезд, на котором он ехал, прибыл на станцию в Тулу на 5 минут раньше, чем поезд из Алексина. Приехали мы с матерью, ходили по платформе туда-сюда, нет Антона. Вошел я в вокзал: гляжу - сидит он у книжного ящика с каким-то морским офицером. Ах ты комиссия! Бросил он обедать, познакомил нас с офицером, и повели они нас к себе в вагон показывать разные разности. Вещей - гибель. Тут же по диванчикам бегают два прелестные зверка с остренькими мордочками. При нашем появлении один из них встал на задние лапки. Хвосты длинные и пушистые. Тут же сидел третий зверь - широкомордый бурят из Сахалина, - оказывается, это миссионер. Начали пить вино. Всю дорогу до Москвы пили и со зверками игрались. Разговоров, конечно, была гибель. Подъезжаем к Москве, а на вокзале - отец с Машей. Наняли трое парных саней, нагрузили 21 место багажа, уселись и поехали на Малую Дмитровку. По приезде начался ужин, потом чай, потом рассказы… Ай вай мир! Привез и тебе Антон подарков. Мне привез чесунчевый пиджак и японский серебряный рубль, Маше - чесунчи и японские платки, вообще, всем досталось. Материалу сахалинского привез гибель. Сейчас он сидит у себя в кабинете за столом и пишет письма. Бурят отец Ираклий поселился у нас; личность преинтереснейшая. Он родился где-то в Забайкалье и всю жизнь прожил в Сахалине, обращал язычников в христианство, сам тоже перешел в христианство из язычников! Ужасно странно видеть бывшего язычника! В России он не бывал сроду.

Завтра я уезжаю к себе в Алексин, постараюсь поскорее покончить с делами и к 20-му числу примахну опять в Москву. Между мною и Москвою всего 7 часов езды по железной дороге, а если ехать через Пахомово, то есть на лошадях, то еще того меньше. Устроился я совершенно. Накупил мебели, обставился; вот мать у меня гостила. Обещается Антуан приехать. Не собраться ли всем на праздниках? Как ты думаешь?

Во всяком случае, будь здоров, знай, что все мы за тобою соскучились и что мне приятно было бы видеть у себя тебя и как гостя, и как постоянного сожителя. В Алексине очаровательные места. Ока.

Твой Мих. Чехов.

[Приезжай скорей.

А. Чехов.]

865. Ф. А. КУМАНИНУ

Около 10 декабря 1890 г. Москва.

Здравствуйте, милый Федор Александрович! Я приехал. Никуда не выхожу из дому, ибо кашляю и ежеминутно сморкаюсь - простудился в Архипелаге. Я привез с собой штук 50 фотографий. Скажите, каким клеем приклеивают их к картону: гуммиарабиком или другою какою-нибудь дрянью? Какой картон наиболее подходящ?

Весною еду в Ледовитый океан. Ваш А. Чехов. На обороте:

Здесь,

Кудринская Садовая, д. Бартельс, в редакции "Артиста" Федору Александровичу

Куманину.

866. Ф. А. КУМАНИНУ

Середина декабря 1890 г. Москва.

Мл. Дмитровка, д. Фирганг.

Здравствуйте, добрейший Федор Александрович!

Книжку журнала получил и благодарю. Хочется побывать у Вас, чтобы поговорить о делах минувших, но беда - геморрой одолел и держит дома. Если будете ехать мимо, то не дадите ли извозчику лишнего пятачка, чтобы он заехал ко мне во двор?

Будьте здоровы.

Ваш. А. Чехов.

867. А. С. СУВОРИНУ

17 декабря 1890 г. Москва.

17 декабрь.

Милый мой, сейчас я телеграфировал, что рассказ будет, У меня есть подходящий рассказ, но он длинен и узок, как сколопендра; его нужно маленько почистить и переписать. Пришлю непременно, ибо я теперь человек, который не ленивый и трудящийся.

Фигура Плещеева с его двухмиллионным наследством представляется мне комичной. Посмотрим, как он потащит на буксире свои миллионы! На какой дьявол они ему? Чтобы курить сигары, съедать по 50 сладких пирожков в день и пить зельтерскую воду, достаточно и трех рублей суточных.

Привез я с собой около 10 тысяч статистических карточек и много всяких бумаг. Я хотел бы быть женат теперь на какой-нибудь толковой девице, чтобы она помогала мне разбираться в этом хламе, на сестру же взваливать сию работу совестно, ибо у нее и так работы много.

У меня растет брюшко и начинается импотенция. После тропиков простудился: кашель, жар по вечерам и голова болит.

Григорович никогда не был дворником на Песках, потому так дешево и ценит царство небесное. Врет он.

Мне кажется, что жить вечно было бы так же трудно, как всю жизнь не спать.

Если в царстве небесном солнце заходит так же хорошо, как в Бенгальском заливе, то, смею Вас уверить, царство небесное очень хорошая штука.

Содержание рассказа Беллами мне рассказывал на Сахалине генерал Кононович; частицу этого рассказа я прочел, ночуя где-то в Южном Сахалине. Теперь, когда приеду в Питер, прочту его целиком.

Скажите, когда Лейкина произведут в действительные статские советники? Эта литературная белужина пишет мне: "Летом я сбавил себе 16 фунтов веса", пишет про индеек, про литературу и капусту. Тон писем удивительно ровный, покойный.

Когда приеду, буду рассказывать Вам все с самого начала. Как Вы были неправы, когда советовали мне не ехать на Сахалин! У меня и брюшко теперь, и импотенция милая, и мириады мошек в голове, и чертова пропасть планов, и всякие штуки, а какой кислятиной я был бы теперь, если бы сидел дома. До поездки "Крейцерова соната" была для меня событием, а теперь она мне смешна и кажется бестолковой. Не то я возмужал от поездки, не то с ума сошел - черт меня знает.

Познакомился с д-ром Щербаком. По-моему, это замечательный человек. Там, где он

служит, все его любят, а я с ним почти подружился. В прошлом у него такая каша, что сам черт увязнет в ней.

Ну, будьте здоровы и не придавайте значения Вашим недугам: серьезного, если судить по письму, ничего. Если хватит тиф или воспаление легкого, тогда другое дело.

Ваш А. Чехов.

868. А. С. СУВОРИНУ

19 декабря 1890 г. Москва.

19 декабря.

Милый Алексей Сергеевич, будьте добры, пошлите по адресу "Аларчин мост, 156, Варваре Ивановне Икскуль" две книги из Вашей библиотеки:

1) Сочинения Гребенки и

2) Сочинения Голицинского, которые будут Вам возвращены с большою благодарностью. Я обещал протежировать. Книги нужны для литературно-книжных целей.

Ваш А. Чехов.

869. А. С. СУВОРИНУ

23 декабря 1890 г. Москва.

23 декабря.

Посылаю Вам рассказ. Получите Вы его в понедельник. Прислал бы раньше, но… Так как рассказ зачат был на острове Цейлоне, то, буде пожелаете, можете для шика написать внизу: "Коломбо, 12 ноября". Велите потщательнее прочесть корректуру, а то святочные рассказы выходят у Вас обыкновенно с миллиардами опечаток.

Я кашляю. Перебои сердца. Не понимаю, в чем дело. Состояние духа отменное. Импотенция in statu quo*. Жениться не желаю и на свадьбу прошу покорнейше не приезжать.

Поздравительное письмо будет особо.

Ваш А. Чехов. * В прежнем состоянии (лат.).

870. А. С. СУВОРИНУ

24 декабря 1890 г. Москва.

24 декабрь.

Поздравляем Вас и все Ваше почтенное семейство с праздничком и желаем Вам дождаться многих предбудущих в добром здоровье и благополучии.

Я верю и в Коха и в спермин и славлю бога. Все это, т. е. кохины, спермины и проч., кажется публике каким-то чудом, выскочившим неожиданно из чьей-то головы на манер Афины Паллады, но люди, близко стоящие к делу, видят во всем этом только естественный результат всего, что было сделано за последние 20 лет. Много сделано, голубчик! Одна хирургия сделала столько, что оторопь берет. Изучающему теперь медицину время, бывшее 20 лет тому назад, представляется просто жалким. Милый мой, если бы мне предложили на выбор что-нибудь из двух: "идеалы" ли знаменитых шестидесятых годов или самую плохую земскую больницу настоящего, то я, не задумываясь, взял бы вторую.

Кохин излечивает сифилис? Это возможно. Что же касается рака, то позвольте

усумниться. Рак не есть микроба; это ткань, растущая не на своем месте и, как плевел, заглушающая все соседние ткани. Если дяде Гея стало легче, то это значит только, что в кохин, как составная часть, входит рожистый грибок, т. е. элементы, производящие болезнь рожу. Давно уже замечено, что при роже почему-то временно приостанавливается рост злокачественных опухолей.

Ненавижу Вашего Трезора. Я привез с собой из Индии интереснейших зверей. Это мангусы, воюющие с гремучими змеями; они. очень любопытны, любят человека и бьют посуду. Если бы не Трезор, то я привез бы одного в Питер пожить; он бы обнюхал все Ваши книги и пересмотрел бы карманы всех, приходящих к Вам. Днем он бродит по комнатам и пристает к людям, а ночью спит на чьей-нибудь постели и мурлычет, как кошка. Он может перегрызть Трезору горло, или наоборот… Животных он терпеть не может.

По примеру прошлых лет, присылайте мне рассказы для шлифовки. Мне это занятие нравится.

Странная история. Пока ехал на Сахалин и обратно, чувствовал себя здоровым вполне, теперь же дома происходит во мне черт знает что. Голова побаливает, лень во всем теле, скорая утомляемость, равнодушие, а главное - перебои сердца. Каждую минуту сердце останавливается на несколько секунд и не стучит.

Миша сшил себе мундир VI класса и завтра пойдет делать в нем визиты. Отец и мать смотрят на него с умилением, и у обоих на лицах, как у Симеона Богоприимца, написано: ныне отпущаеши раба твоего, владыко…

Баронесса Икскуль (Выхухоль) издает для народа книжки. Каждая книжка украшена девизом "Правда"; цена правде 3-5 коп. за экземпляр. Тут и Успенский, и Короленко, и Потапенко, и прочие великие люди. Она спрашивала у меня, что ей издавать. На сей вопрос ответить я не сумел, но мельком рекомендовал порыться в старых журналах, в альманахах и проч. Советовал ей прочесть Гребенку. Когда она стала жаловаться, что ей трудно доставать книги, то я пообещал ей протекцию у Вас. Если будет просьба, то не откажите. Баронесса дама честная и книг не зажилит. Возвратит и при этом еще наградит Вас обворожительной улыбкой.

Алексей Алексеевич прислал мне великолепного вина. Вино, по отзывам всех пьющих, так хорошо, что Вы смело можете гордиться Вашим сыном. Прислал он мне также письмо на латинском языке. Великолепно.

Вчера я послал Вам рассказ. Боюсь, что опоздал. Рассказ куцый, но черт с ним.

В Москве в наших медицинских центрах к Коху относятся осторожно и 9/10 врачей не верят в него.

Ну дай бог Вам всего хорошего, а главное здоровья.

Ваш А. Чехов.

871. В. А. ТИХОНОВУ

25 декабря 1890 г. Москва.

25 декабрь.

Поздравляю Вас, любимец муз, с праздником и желаю Вам поскорее быть избранным в члены Французской Академии, а Вашей дочке выйти замуж за князя Сан Донато. Наипаче же всего желаю здравия.

Когда приеду в Питер, непременно зайду к Вам. Приеду же я не раньше 7-8 января.

Мой адрес: Малая Дмитровка, д. Фирганг.

Что Вы думаете о комиссии? Участвуете в ней или нет? Напишите.

Что создали? Скоро ли Москва будет иметь счастье рукоплескать Вам?

Будьте счастливы.

Ваш А. Чехов.

О своем путешествии расскажу, а описывать его не стану, ибо нет бумаги. Для описания потребовалось бы 147 стоп.

872. И. Л. ЛЕОНТЬЕВУ (ЩЕГЛОВУ)

26 декабря 1890 г. Москва.

26 декабрь.

Поздравляю Вас, капитан, с праздником и желаю Вам всего того, что чину Вашему и таланту приличествует.

Спешу извиниться. В одном из своих писем Вы выразили желание, чтобы который-либо из моих мангусов был назван Жаном Щегловым. Такое желание слишком лестно и для мангуса, и для Индии, но, к сожалению, оно запоздало: мангусы уже имеют имена. Один мангус зовется сволочью - так, любя, прозвали его матросы; другой, имеющий очень хитрые, жульнические глаза, именуется Виктором Крыловым; третья, самочка, робкая, недовольная и вечно сидящая под рукомойником, зовется Омутовой.

Московский воздух трещит: 24 градуса. Рассчитывал поехать завтра в деревню к Коклену-младшему, но помешает мороз. А уехать мне надо: чувствую себя не совсем здоровым.

Однако сколько Вы за одно лето надрызгали пьес! Это не творчество, а пьянство! Если б моя власть, то я за такое пристрастие к кулисам в ущерб художеству предал бы Вас военно-полевому суду или же по меньшей мере сослал бы Вас административным порядком в Вилюйск. Театр полезное учреждение, но не настолько, чтобы хорошие беллетристы отдавали ему 9/10 своей потенции.

Хотелось бы побывать у Вас на именинах и выпить с Вами.

Сообщите мне адрес Баранцевича. Если увидите сего человека, то поклонитесь ему.

Будьте здоровехоньки, милый Жан. Мангусы и мое семейство поздравляют Вас и кланяются. Я приветствую Вашу жену и прошу передать ей тысячу самых лучших пожеланий.

Ваш А. Чехов.

873. Н. А. ЛЕЙКИНУ

27 декабря 1890 г. Москва.

27 дек.

И Вас тем же концом по боку, добрейший Николай Александрович: поздравляю и желаю еще 53 раза отпраздновать Рождество.

Отъезд мой в Петербург отложен на неопределенное время. Причина тому - скандал, происходящий в моем нутре. Со дня моего приезда домой у меня началась так называемая перемежающаяся деятельность сердца, или, как я привык называть сию болезнь, перебои сердца: каждую минуту сердце останавливается на несколько секунд, причем ощущается в груди присутствие резинового мячика; это бывает каждый вечер, по утрам легче. Стоять и лежать могу, сидеть неприятно. Обдумав зрело, решил: ехать на 5-7 дней в деревню, и как только мороз ослабеет, поеду. Мороз 22 градуса.

Из деревни приеду на день в Москву, а отсюда махну в Питер.

Если сегодня или завтра увижу Лазарева, то буду уговаривать его ехать в Петербург. Отчего ему не ехать? Есть и время, и деньги, и здоров как бык. Следовало бы и Пальмина вытащить из его уксусного гнезда.

Будьте здоровы. Почтение Апелю Апеличу и прочим сукиным сынам: Рогульке, таксам и тому дворняжке, что по двору бегает и покушается на Рогульку.

Ваш А. Чехов.

874. Ал. П. ЧЕХОВУ 27 декабря 1890 г. Москва.

27 декабрь.

Ну, здравствуй, Сашичка. Не отвечал я так долго на твое письмо по след«ующей» причине: до меня дошли неприятные слухи, что ты якобы собираешься приехать к нам на первый день праздника, я ждал тебя и потому не писал. А так как ты (слава аллаху!) не приехал, то я и пишу тебе теперь.

Да, я возвратился. Да, Сашичка. Объездил я весь свет, и если хочешь знать, что я видел, то прочти басню Крылова "Любопытный". Какие бабочки, букашки, мушки, таракашки! Возьми в рот штаны и подавись ими от зависти.

Проехал я через всю Сибирь, 12 дней плыл по Амуру, 3 месяца и 3 дня прожил на Сахалине, был во Владивостоке, в Гонг-Конге, в Сингапуре, ездил по железной дороге на Цейлоне, переплыл океан, видел Синай, обедал с Дарданеллами, любовался Константинополем и привез с собою миллион сто тысяч воспоминаний и трех замечательных зверей, именуемых мангусами. Оные мангусы бьют посуду, прыгают на столы и уж причинили нам убытку на сто тысяч, но тем не менее все-таки пользуются общею любовью.

Когда я плыл Архипелагом и глядел на сантуринские острова, которых здесь чертова пропасть, то вспоминал тебя и твое: "патер Архимандритис, ти ине авто Синопсис?"*.

Теперь я живу дома с родителями, которых почитаю. Скоро приеду в Петербург и ошпарю твоих незаконных детей кипятком.

Очень хочется повидаться с тобой; хотя ты и необразованный человек и притом пьяница, но все-таки я иногда вспоминаю о тебе.

Кланяйся Наталии Александровне и незаконным детям. Бедные дети! (вздох).

У нас Миша и Иван. Мать благодарит тебя за поздравительное письмо и желает, чтобы ты написал ей такое же и к Новому году.

Если Гершка еще не сдох, то поклон ему и пожелание всяких собачьих благ.

Не будь Фаистом, пиши.

Если в самом деле думаешь приехать к нам, то это идея восхитительная. Только теперь не приезжай, ибо я сам еду в Питер. Если хочешь, вернемся вместе в Москву, родню и зверей посмотришь.

В Индии водки нет. Пьют виски.

Твой снисходительный Брат

А. Чеховской. * "отец Архимандрит, что такое Синопсис?" (греч.).

875. Г. М. ЧЕХОВУ

29 декабря 1890 г. Москва.

29 декабрь.

Спасибо, дорогой мой, тебе и всем твоим за память обо мне. В Одессе я получил письмо от твоего папы, а по приезде в Москву от тебя. Не отвечал до сих пор Вам обоим, потому что мешают мне ужасно. Ходят, ходят, без конца ходят ко мне всякого звания люди я без конца разговаривают. Я теперь уподобился твоему папе, которому стоит только взяться за перо или за книгу, чтобы в лавку вошел

какой-нибудь словоохотливый монах или великий человек, которому хочется почесать язык.

Ну-с, я жив и здоров; вернувшись, застал всех дома здоровыми. Думал, что поездка заставит нас влезть в долги, но и от этого бог избавил. Все обошлось так благополучно, как будто я и не ездил. Замечательно, что во все время моего восьмимесячного путешествия, сопряженного с неизбежными лишениями, я ни разу не был болен и из вещей потерял один только ножичек.

Рассказать тебе о своем путешествии так же трудно, как сосчитать листья на дереве. Для этого нужно несколько вечеров. Проехал я через всю Сибирь, отмахав на лошадях 4500 верст, прожил на Сахалине 3 месяца и 3 дня, потом возвращался на пароходе Добровольного флота. Был я в Гонг-Конге, в Сингапуре, на острове Цейлоне, видел гору Синай, был в Порт-Саиде, видел острова Архипелага, откуда доставляют нам маслины, сантуринское вино и длинноносых греков, которых, кстати сказать, во всем свете, кроме Таганрога, считают большими мошенниками и невеждами; видел я Константинополь. Приходилось на пути испытать качку, всякого рода муссоны и норд-осты, но морской болезни я не подвержен и во время сильной качки ел с таким же аппетитом, как и в штиль.

Миша рассказывает о тебе много хорошего. Радуюсь за тебя искренно. Радуюсь и за Володю. Он стал выше тебя ростом? Это нехорошо. Когда он будет митрополитом, то низеньким дьяконам будет трудно надевать на него митру.

Когда увижусь с П. И. Чайковским, то спрошу его о тебе. Что он делал у вас в Таганроге? Был ли он у вас в доме? В Питере и в Москве он составляет теперь знаменитость № 2. Номером первым считается Лев Толстой, а я № 877.

Прислали мне с о. Корфу в подарок бочонок сантуринского вина. Не в обиду будь сказано, какое противное вино! Я отвык от него.

Напиши мне письмо поподробнее, не щадя живота и бумаги. Валяй на трех листах.

Весною или летом буду в Таганроге.

Дяде, тете, семинарии, обеим девочкам и Иринушке нижайший поклон и тысяча сердечных пожеланий. Будь здоров, счастлив и мудр, а главное добр.

Вся семья тебе кланяется.

Твой А. Чехов.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
http://chekhovanton.ru/ Приятного чтения!
http://buckshee.petimer.ru/ Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.
http://petimer.ru/ Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин
http://worksites.ru/ Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.
http://filosoff.org/ Философия, философы мира, философские течения. Биография
http://dostoevskiyfyodor.ru/
сайт http://petimer.com/ Приятного чтения!